

СЕРГЕЙ БИЛЫЦОВ

ГЕРСИА

12+

Сергей Быльцов Гераклея

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67288872

SelfPub; 2023

Аннотация

О рождении, 12 подвигах и смерти величайшего и любимейшего героя Эллады что-то читали или слышали многие. Обычно имя Геракла ассоциируется с огромной физической силой, крепким духом и беззаветным мужеством, направленным исключительно на благо людей. Однако из некоторых античных источников следует, что Геракл далеко не беспорочен и не всегда был высшим образцом эпического героя. Он бывал и слишком жестоким, и не обузданным в гневе и похоти, свирепым и мстительным, несправедливым, и даже слабым телом и духом. Дошедшие до нас сведения о Геракле отрывочны, фрагментарны и поверхностны, и часто противоречат друг другу. Образ Геракла очень сложен и многолик, и в предлагаемой книге впервые сделана попытка объединить все известные античные сюжеты о нем в одном произведении. В книге наиболее полно и систематически описаны жизнь и подвиги Геракла, она будет полезна студентам-гуманитариям и интересна широкой аудитории, желающей расширить и углубить свои знания о богах и героях Древней Эллады.

Содержание

Боги	30
1. Генеалогическая схема (древо) греческих богов	30
2. Хаос. Космос. Ананке	34
3. Мойры: Клото, Лахесис и Атропос	37
4. Тюхе	40
5. Древние боги I поколения: Эрос, Гея, Нюкта, Эреб, Тартар, Уран и Понт	42
6. Боги II поколения	46
7. Титаны и титаниды	52
8. Крон оскопляет Урана и становится первым коронованным правителем богов	55
9. Кронида захватывают власть	58
10. Раздел мира	61
11. Олимп	64
12. Посейдон	67
13. Аид	69
14. Деметра	72
15. Гестия	75
16. Детство и юность Зевса	77
17. Детство и юность Геры	81
18. Титаномахия	86
19. Тифономехия	92

20. Зевс из властителей всех наивысший	95
21. Свадьба Геры и Зевса	99
22. Гера любит спорить с супругом	101
23. Ревнивая Гера бунтует против супруга	104
24. Гефест	108
25. Афина	111
26. Арес	114
27. Артемида	117
28. Аполлон	119
29. Гермес	122
30. Дионис	124
31. Афродита	127
Родословная Геракла	133
32. Золотой век	133
33. Серебряный век	136
34. Медный век	139
35. Бронзовый век	141
36. Железный век	142
37. Зевс решает людей под водой погубить	144
[47]	
38. Полубоги	148
39. Герои первого поколения (богоборцы)	152
40. Другие герои	159
41. Генеалогическое древо Геракла	162
42. Смертные родители Амфитрион и Алкмена	167

Рождение, детство и отрочество Алкида	171
43. Амфитрион безуспешно воюет с телебоями	171
44. Комефо влюбляется в Амфитриона и предаёт родину и отца	175
45. Амфитрион убивает Комефо	178
46. Артемида по просьбе отца задерживает Амфитриона в лесах	181
47. Зевс в облике Амфитриона сочетается с Алкменой	185
48. Вернувшийся Амфитрион подозревает Алкмену в неверности	189
49. Дельфийский храм	193
50. Слепой оракул Тиресий	197
51. Тиресий даёт прорицание Амфитриону	200
52. Гера узнаёт об измене Зевса с Алкменой	203
53. Священная клятва Зевса	208
54. Гера решает задержать роды Алкмены	212
55. Гера приказывает Илифии Никиппы роды ускорить, а Алкмены – задержать	217
56. Тяжелые роды Алкмены	220
57. Благодаря Галантиде Алкмене удаётся родить Алкида	223
58. Галантида становится Гагнодикой	226
59. Зевс узнаёт от Геры, что первым родился Эврисфей	229

60. Мойра запрещает Зевсу наказывать Геру после убийства Загрей	232
61. Зевс предсказывает Гераклу бессмертие и ругает Геру	238
62. Зевс поручает Афине опекать Алкида	243
63. Обманутая Гера кормит Алкида грудью	249
64. Млечный путь	252
65. Гера с помощью Гекаты посылает к Алкиду змей	255
66. Алкид в люльке-щите душит змей	258
67. Доблесть, давшая наречение	262
68. Ссора восьмилетнего Алкида в палестре Спарты	267
69. Алкид в нарушение правил сильно кусает в борьбе противника	270
70. Алкида нещадно порют, и он обещает сжечь Спарту	273
71. Детство Алкида	276
72. Отрочество Алкида	280
Юность Алкида	284
73. Неумение и нежелание Алкида никому подчиняться	284
74. Алкид убивает учителя Лина	286
75. Суд над Алкидом за убийство Лина	289
76. Первое изгнание	293
77. Ианта	297

78. Алкид становится мужчиной	300
79. Алкид у Феспия	304
80. 13-й подвиг	309
81. Убийство Киферонского льва	313
82. Пир и танцы у Феспия	317
83. Песни в честь Алкида	323
84. Алкид на перепутье	328
85. Дорога наслаждения и порока [36]	331
86. Стезя доблести и трудов [36]	335
87. Колебания Алкида при выборе жизненного пути	339
88. «Странный» жизненный выбор: через подвиги и страдания на Олимп	342
Молодость Геракла	346
89. Встреча Алкида с послами Эргина	346
90. Схватка Алкида с послами	349
91. Надругательство над послами	352
92. Алкид готовится к войне с Эргиным	355
93. Дочери Антипена для победы приносят себя в жертву	358
94. Блестящая победа над миниями	361
95. Судьба Эргина и его сыновей	364
96. Креонт предлагает Алкиду в жены Мегару, а он не желает	367
97. Мойра принуждает Алкида жениться	371
98. Креонт готовится к свадьбе дочери, на	376

которую ожидает богов	
99. Гера губит Семелу [43]	379
100. Свадебные подарки богов	383
101. Алкид встречается с Зевсом	393
102. Свадебный обряд	398
103. Пышная, но не желанная свадьба с Мегарой	402
104. Алкид побеждает в бою неистового Пирехма	408
105. Алкид разрывает на части Пирехма	411
106. Первая встреча во сне Геры и Эврисфея	414
107. Гера приказывает Эврисфею погубить Алкида трудной работой	418
108. Алкид отказывается служить Эврисфею	422
109. Зевс посылает Немесиду покарать Алкида	426
110. Рамнунтская Немесида	430
111. Немесида наказывает Алкида за гордыню и спесь	433
112. Пифия приказывает Алкиду служить царю Эврисфею	437
113. Гера посылает к Мегаре богиню обмана Апату	441
114. Ссоры Алкида с Мегарой	445
115. Ирида посылает богиню бешенства Лиссу к Гераклу [27]	448

116. Алкид, охваченный Лиссой, убивает своих детей от Мегары	450
117. Афина бросает Софронистер	453
118. Страдающий Алкид пытается покончить с собой	456
119. Феспий очищает Алкида от скверны тройного убийства	459
120. Пифия нарекает Алкида Гераклом	463
Подвиги Геракла	468
121. Эврисфей назначает первый подвиг	468
122. Лев с каменной шкурой	472
123. Молорх оказывает Гераклу гостеприимство	476
124. Неудачное начало охоты	482
125. Геракл, несмотря на козни Геры, душил Немейского льва	488
126. Геракл обзаводится непробиваемой оружием одеждой	493
127. О первом настоящем подвиге Геракла узнают Клеоны и Немейя	497
128. Геракл посещает Молорха	500
129. Геракл вносит изменения в Немейские игры	503
130. Копрей объявляет Гераклу второй подвиг	508
131. Многоглавое чудище с ядовитой желчью	511
132. Афина напутствует Геракла	514

133. Геракл берет в поход против Гидры племянника Иолая	517
134. Начало сражения с Гидрой	520
135. Гидра удваивает отрубленные головы	523
136. Геракл чуть не погибает в трясине	527
137. Ожесточенный бой с Гидрой	531
138. Гера помогает Гидре и призывает рака Каркина	534
139. Победа над Гидрой	538
140. Геракл узнает, что его укусила не Гидра, а рак Каркин	541
141. Геракл сжигает тушу Гидры и пропитывает стрелы в ее желчи	544
142. Иолай становится первым возлюбленным другом Геракла	547
143. Гера придумывает третий подвиг	552
144. Лань с золотыми рогами	556
145. Геракл пленяет Керинейскую лань	560
146. Гера натравливает на Геракла Артемиду	563
147. Ссора Геракла из-за лани с Артемидой	566
148. Эврисфей придумывает четвертый подвиг	572
149. Геракл у гостеприимного кентавра Фола	577
150. Фол открывает для Геракла пифос Диониса с вином	580
151. Гера натравливает на Геракла кентавров	583

152. Битва Геракла с кентаврами	586
153. Случайные смерти кентавров Фола и Хирона	590
154. Пленение Эриманфского вепря	593
155. Геракл доставляет вепря в Микены и направляется в Иолк	598
156. Геракл отбирает у Феодаманта быка и съедает	600
157. Геракл убивает Феодаманта и уводит его сына Гиласа	603
158. Геракл отплывает с аргонавтами, но отказывается стать их вождем	607
159. Аргонавты на острове Лемнос [4]	611
160. Геракл призывает пловцов покинуть Лемнос [4]	614
161. Шестирукие. Долионы	616
162. Аргонавты у Финея	620
163. Геракл ухаживает за веслом, и нимфы похищают Гиласа	625
164. Геракл и Полифем отстают от аргонавтов	630
165. Прорицание Главка о доле Геракла [4]	634
166. Разные мнения об участии Геракла в плавании аргонавтов	639
167. Гера придумывает 5-й подвиг: убийство Стимфалид	644
168. Эврисфей приказывает Гераклу изгнать	647

птиц из Стимфала	
169. Смертоносные птицы Арея	650
170. Афина советует Гераклу воспользоваться трещотками	653
171. Геракл изгоняет Стимфалид	658
172. Гера за Стимфалид натравливает на Геракла Ареса	662
173. Афина не позволяет Аресу сразиться с Гераклом	666
174. Гера придумывает шестой подвиг трудный и позорный	670
175. Эврисфей приказывает очистить от навоза конюшни Авгия	673
176. Авгий и его стада	676
177. Совет Афины по очистке конюшен Авгия	680
178. Во время ссоры Афина угрожает Гераклу	683
179. Заключив договор с Авгием, Геракл очищает конюшни	687
180. Авгий отказывается выполнять договор	692
181. Авгий после суда изгоняет Геракла и своего сына Филея	696
182. Геракл, помогая Дексамону, убивает кентавра Эвритиона	700
183. Эврисфей пожелал для своего стада дивного Критского быка	705
184. Дивный бык, в которого Пасифая	709

влюбилась	
185. Геракл пленяет Критского быка	714
186. Гера ругает Эврисфея и приказывает отпустить Критского быка	719
187. Критский бык становится Марафонским	723
188. Гера придумывает Гераклу восьмой подвиг: Похищение коней Диомеда	725
189. Аполлон добывает у Мойры льготу Адмету	729
190. Геракл у Адмета [26]	733
191. Геракл требует у Смерти жену Алмета Алкесту	738
192. Геракл сражается с Танатосом за Алкесту	742
193. Гера предлагает наказать Геракла, но Зевс возражает	746
194. Аид и Персефона, вспоминая Орфея и Эвридику, обсуждают схватку Геракла с Танатом	750
195. Геракл возвращает Алкесту Адмету [26]	756
196. Геракл захватывает коней Диомеда	761
197. Разгром бистонов и пленение Диомеда	767
198. Смерть Абдера	771
199. Наказание Диомеда и судьба его кобылиц	775
200. Эврисфей приказывает похитить пояс Ипполиты	780
201. Пояс, дарующий военную удачу	785

202. Геракл требует от амазонок отдать ему Пояс	789
203. Ипполита добровольно соглашается отдать Пояс	793
204. Гера подстрекает амазонок на сражение	798
205. Разгром амазонок	801
206. Геракл отлынивает от службы у Эврисфея	805
207. Геракл покоряет мисийцев, мигдонов и вифинский народ	807
208. Вероломный царь Илиона	811
209. Договор Геракла с Лаомедонтом	814
210. Геракл освобождает от пут Гесиону	818
211. Геракл убивает морское чудовище	821
212. Лаомедонт обманывает Геракла	827
213. Геракл убивает Сарпедона	831
214. Геракл убивает Полигона и Телегона	835
215. Афина снаряжает Геракла в доспехи	839
216. Геракл убивает Кикна	843
217. Геракл ранит Арея	846
218. Гера и Эврисфей замышляют 10 подвиг	850
219. Начало похода за коровами Гериона	854
220. Геракловы столбы	858
221. Геракл угрожает стрелами Гелиосу и Океану	862
222. Геракл убивает Эвритиона и Орфа	867

223. Гера возбуждает в Менете отвагу	870
224. Бесславный поединок Геракла с Менетом	873
225. Доблестный герой Герион [69]	877
226. Сражение с Герионом	880
227. Геракл впервые ранит Геру	884
228. Сражения с Алкионеем и наемниками Хрисаора	889
229. Гигантомахия	894
230. Участие Геракла в Гигантомахии	899
231. Богиня победы парит над Гераклом	902
232. Афина и Геракл после сражения пляшут пирриху	905
233. Гераклова дорога. Цикады	909
234. Геракл убивает морскую Скиллу	912
235. Геракл дает название стране Италии	915
236. Геракл предлагает Эрику «договорный» поединок	918
237. Геракл убивает на поединке Эрика	922
238. Сыновья Промах и Эхеврон от Псофиды	926
239. Кельтинга. Кельт	931
240. В поисках коней Геракл встречает туземную Змеедеву	936
241. Геракл на брачном ложе «выкупает» пропавших коней	940
242. Сын Скиф от туземной девы	944
243. Пир у Бебрикса	948

244. Пирена. Пиренейские горы	952
245. Битва с лигурами	956
246. Геракл в слезах падает на колени	960
247. Конец человеческим жертвам у римлян	964
248. Пафийка изменяет Гефесту	968
249. Страх и позор Авентинского леса	974
250. Какос крадет у Геракла коров [8]	977
251. Зевс и Гера опять ругаются из-за Геракла	980
252. Убийство Какоса [8]	983
253. Поэтическая задача о числе быков Герiona	986
254. Геракл сходится с Какой	989
255. Очищение Геракла от скверны убийства Кака	993
256. Дети Геракла от знатных римлянок [22]	996
257. Десятинные жертвы и десятина	999
258. Геракл случайно убивает Кротона	1004
259. Гера приказывает Эврисфею не засчитывать Гераклу 4 подвига	1009
260. Гера насыляет на коров Герiona слепней	1013
261. Геракл завершает службу, а Эврисфей пытается ее продлить	1017
262. Геракл просит Афину о справедливости	1020
263. Афина жалуется Зевсу на Геру и Эврисфея	1024
264. Эврисфей назначает еще 2 подвига	1028

265. Коварные яблоки Гесперид	1031
266. Антей, убивающий чужестранцев	1036
267. Встреча Геракла с Антеем	1040
268. Геракл душил Антея в поединке	1046
269. Геракл сходится с Ифиной и преобразовывает Ливию	1052
270. Похищение Гесперид, вызвавшее засуху в Египте	1056
271. Геракла спаивают на пиру, чтобы принести в жертву	1060
272. Геракл на алтаре убивает Бусирида	1064
273. Сын Эос Эмафион	1068
274. Геракл убивает Эмафиона	1071
275. Термер, сражающийся головой	1075
276. Геракл справедливо убивает Термера	1078
277. Геракл в Индии [5]	1083
278. Диопатра отправляет Геракла к Нерею	1087
279. Нерей отправляет Геракла к Прометею	1091
280. Титан – богоборец Прометей	1095
281. Геракл освобождает Прометея	1099
282. Геракл убивает орла Эфона	1102
283. Прометей указывает дорогу к саду Гесперид	1105
284. Геракл освобождает от разбойников Гесперид	1109
285. Титан – исполин, держащий на плечах	1114

небо	
286. Встреча Геракла с Атлантом	1118
287. Дочь Атланта Мера	1123
288. Геракл подменяет Атланта и держит небо	1127
289. Атлант приносит Гераклу золотые яблоки	1131
290. Геракл сочетается с Мерой	1135
291. Геракл стреляет в Ладона и пяткой выбивает источник в скале	1139
292. Последнее благодеяние аргонавтам [4]	1142
293. Эврисфей по приказу Геры возвращает золотые яблоки Гераклу	1147
294. Афина избавляет Геракла от яблок Геры	1150
295. Гера решает ввергнуть Геракла, как Вакха, в безумие	1154
296. Гера сообщает Эврисфею о 12 подвиге	1158
297. Посвящение в мистерии	1162
298. Афина и Гермес провожают Геракла до Тенарского входа в Аид	1167
299. Геракл спускается в Аид	1172
300. Первые шаги Геракла в Аиде	1174
301. Царство полное ужаса	1178
302. Перевозчик Аида Харон	1182
303. Харон, чтоб умаститься, как Фаон, требует ветвь Персефоны	1185
304. Схватка Геракла с адским паромщиком	1188
305. Встреча Геры с Аидом и Персефой	1192

306. Гера встречается с Эриниями	1196
307. Обещание Мелеагру жениться на Деянире	1200
308. Аид похищает Кору	1205
309. Садовник доносит, что Кора вкусила зерна граната	1209
310. Геракл освобождает Аскалафа	1212
311. История пленения Тесея и Пирифоя	1216
312. Геракл освобождает из каменного плена Тесея	1222
313. Встреча Геракла с Аидом	1227
314. Чертог подземного царя	1231
315. Встреча Геракла с Персефоной	1237
316. Аид позволяет вывести Кербера, не применяя оружия	1241
317. Персефона задерживает у себя Пирифоя	1244
318. Геракл приручает Кербера	1247
319. Эринии терзают Геракла	1252
320. Боги обсуждают битву Геракла с Эриниями	1256
321. Геракл побеждает Эриний	1260
322. Харон переправляет Геракла с Кербером и Тесея	1265
323. Геракл показывает и отпускает Кербера домой	1269
324. Свободный Геракл на пиру у Эврисфея	1272

325. В отсутствие Эврисфея его сыновья издеваются над Гераклом	1276
326. Геракл убивает сыновей Эврисфея, и тот клянется мстить	1280
Труды Геракла	1283
327. Эврит и его дочь Иола	1283
228. Геракл отдает Иолаю в жены Мегару	1286
329. Состязание в стрельбе из лука за Иолу	1288
330. Эврит нарушает договор и не отдает победившему Гераклу Иолу	1292
331. Сыновья Эврита осуждают Геракла, и только Ифит защищает	1296
332. Геракл признается Иолаю, что использовал стрелу Феба	1301
333. Царь воров Автолик, сын бога воров Гермеса	1305
334. Автолик продает коней Эврита Гераклу	1312
335. Геракл убивает Ифита	1315
336. Разные мнения об убийстве Ифита	1320
337. Заболевший Геракл в сопровождении Иолая идет в Пилос	1324
338. Нелей отказывается очистить Геракла	1327
339. Гиппокоонт тоже отказывает Гераклу в очищении от скверны	1331
340. Пифия отказывает Гераклу в прорицании	1335
341. Геракл уносит из храма знаменитый	1338

треножник	
342. Феб в лавровом венке настигает Геракла	1342
343. Аполлон требует свой треножник и угрожает смертью Гераклу	1346
344. Схватка Геракла с Аполлоном	1349
345. Зевс заканчивает схватку сыновей дружбой	1352
346. Феб приказывает Пифии отправить Геракла в рабство к Омфале	1355
347. Ксеноклея отправляет Геракла в приятное рабство	1359
348. Зевс направляет Гермеса продать Геракла в рабство Омфале	1362
349. Гермес продает Геракла Омфале, как безымянного раба	1366
350. Рабские дни, полные удовольствий	1370
351. Постыдная молва о пребывании Геракла в рабстве у Омфалы	1374
352. Пан	1377
353. Пан влюбляется в Омфалу	1381
354. Геракл и Омфала, поменявшись одеждой, развлекаются новой игрой	1384
355. Почему Пан любит только голый народ	1387
[49]	
356. Керкопы	1390
357. Геракл пленяет керкопов, а потом	1393

отпускает	
358. Нечестивый виноградарь	1397
359. Геракл убивает Силея	1402
360. Геракл сочетается с Ксенодикой	1405
361. Смерть Ксенодики	1409
362. Нечестивый царь-земледелец	1412
363. Геракл убивает Литиерса и узнает о Дафнисе и Талии	1415
364. Геракл обучает любви Дафниса и Талию	1418
365. Дедал и Икар улетают из критского плена	1423
366. Геракл хоронит Икара и разбивает свое изваяние	1427
367. Чудовищный змей на реке Сангарий	1431
368. Геракл душит Сангарийского змея	1434
369. Сыновья Геракла и Омфалы: Лид, Агелай и Тирсен	1439
370. Избавление от рабства у Омфалы	1442
371. Геракл захватывает Троию	1446
372. Теламон, спасая жизнь, строит Гераклу жертвенник	1450
373. Геракл дарит Теламону Гесиону и освобождает Подарка	1453
374. Геракл делает неуязвимым сына Теламона Эанта	1456
375. Гера с помощью Гипноса усыпляет Зевса	1461
376. Гера с помощью ветров насылает бурю на	1466

корабли Геракла	
377. Обессиленный морем и голодом Геракл выбирается на сушу	1471
378. Ссора Геракла с Антагором	1476
379. Антагор напоминает Гераклу про убитого им Феодаманта	1480
380. Победенный Антагором Геракл спасается бегством	1483
381. Геракл просит убежища у красавицы фракиянки	1487
382. Геракл у фракиянки за столом и на ложе восстанавливает силы	1491
383. Геракл убивает Еврипила и сочетается с Халкиопой	1495
384. Проснувшийся Зевс ругает и пугает Геру	1500
385. Геракл убивает сына Астидамии Лепрея	1505
386. Геракл защищается от мести Астидамии	1509
387. Разгром Молионидами войска заболевшего Геракла	1514
388. Геракл клянется страшно отомстить Молионидам	1519
389. Геракл убивает сыновей Авгия	1523
390. Геракл за немалую мзду щадит Авгия	1527
391. Геракл убивает неприкосновенных Молионидов из засады	1532
392. Насилие над Эпикастой	1536

393. Отказ элейцев от участия в Истмиадах	1541
394. Повторное основание Гераклом Олимпиад	1544
395. Геракл на Олимпиаде не может в борьбе одолеть неизвестного соперника	1549
396. Геракл узнает в противнике Зевса	1553
397. Гера призывает сражаться в Пилосе с Гераклом Посейдона, Ареса и Аида	1556
398. Дубина схватилась с трезубцем и победила	1560
399. Две схватки Геракла с Ареем	1564
400. Геракл опять ранит Геру, и ей в образе старушки помогает Ясон	1567
401. Геракл, несмотря на изменчивость вида, убивает Периклемена	1571
402. Геракл сжигает Пилос, а Нестору оказывает милость	1575
403. Аид спешит в Пилос на битву, но опаздывает	1578
404. Геракл ранит Аида	1581
405. Боги осуждают Геракла за нечестивость и дерзость	1585
406. Зевс защищает Геракла от обвинений богов	1588
407. Сыновья Гиппокоонта убивают Ойона	1591
408. Гиппокоонтиды ранят в бедро Геракла	1594

409. Геракл убивает Гиппокоонта и его сыновей и сжигает Спарту	1597
Труды Геракла на поприще Афродиты	1602
410. Геракл на пиру у Стимфала	1602
411. Геракл похищает девичество Парфенопы	1605
412. Геракл сочетается с Авгой	1609
413. Злоключения Авги	1613
414. Авга и сын от Геракла Телеф находят друг друга	1616
415. Женихи Деяниры	1620
416. В схватке за Деяниру Геракл побеждает Ахелоя	1624
417. Начало свадьбы Геракла и Деяниры	1628
418. Эвтерпа пытается всех веселить, но извлекает из флейты невеселые звуки	1631
419. Нюкта не обещает Гераклу и Деянире долгую и счастливую жизнь	1635
420. Геракл в гневе убивает мальчика Эвнома	1639
421. Геракл убивает кентавра Несса	1642
422. Несс почтил Деяниру коварным подарком	1645
423. Гермес рассказывает Зевсу об опасном для Геракла подарке Несса	1649
424. Зевс и Гермес рассуждают об участии героев	1654
425. Геракл на пиру у Алкимедонта	1658

426. Геракл насильно овладевает Фиало	1661
427. Геракл убивает Ормения, чтобы овладеть его дочерью Астидамией	1664
428. Дике безрезультатно жалуется на Геракла Зевсу	1667
429. Геракл захватывает Эфиру и овладевает Астихой. Тлеподем	1669
430. Геракл второй раз встречается с Иолой	1673
431. Поиск людьми своих половинок [58]	1677
432. Геракл влюбляется в Иолу	1682
433. Геракл решает бороться за Иолу с Судьбой	1686
434. Геракл покоряет Эхалию и убивает родных Иолы	1690
435. Геракл пленяет задумавшую его убить Иолу	1694
436. Овладев Иолой, Геракл рыдает	1698
437. Деянира отправляет Гилла на поиски Геракла [67]	1702
438. Деянира узнает, что Геракл жив и здоров [67]	1706
439. Деянира узнает, что Геракл влюбился в Иолу[67]	1711
440. Страдания Деяниры [67]	1715
441. Деянира решает приворожить супруга[67]	1719

442. Геракл приносит жертвы за взятие Эхалии	1723
443. Смертельный удар Могучей Судьбы	1728
444. Гилл обвиняет мать в том, что она коварно погубила супруга [67]	1733
445. Самоубийство Деяниры [67]	1736
Смерть и обожествление Геракла	1739
446. Страдающий Геракл жаждет мести Деянире [67]	1739
447. Исполнение древнего оракула	1742
448. Геракл просит сына жениться на Иоле	1746
449. Геракл молит богов о быстрой смерти, но тщетно [66]	1749
450. Геракл требует слезами не делать его кончину безобразной	1752
451. Геракл дарит лук и стрелы Филоктету за то, что он костер поджег [66]	1754
452. Месть Геры Филоктету [68]	1756
453. Зевс созывает большое собрание богов[47]	1760
454. Апофеоз Геракла	1763
455. Дальнейшее обожествление Геракла	1767
456. Гера усыновляет Геракла	1771
457. Женидьба на Гебе	1774
458. Ласки Гебы	1778
459. Новый привратник Олимпа	1782

460. Олимпийские будни Геракла	1787
461. Жизнь бессмертного бога Геракла, лишенного души	1792
462. Почитание бога Геракла	1795
463. Спор Летоидов с Гераклом за Амбракию [2]	1797
464. Гераклиды	1805
Литература	1810

Гесиод и Гомер впервые для эллинов ведущих свой род от Эллина, сына Девкалиона, воцарившегося во Фтии, установили родословную богов, дали имена и прозвища, разделили между ними почести и круг деятельности и описали их образы.

Чтобы представить генеалогическую взаимосвязь греческих богов и охватить ее единым взглядом основные боги и родственные связи между ними изображены на одном листе. Такая таблица не может быть однозначной, поскольку сами родословные отдельных богов у разных античных авторов не редко сильно отличаются. Например, отцом бога любви Эроса разные авторы считают: Ареса, Гермеса, Гефеста, Зевса, Зефира, Крона, Орфея, Пороса, Урана, Хаоса, Хроноса и Эреба. Матерью Эроса называют чаще всего Афродиту, но также и Артемиду, Гею, Илифию, Ириду, Нюкту и Пеннию.

Генеалогическая схема богов не может быть так же исчерпывающе полной и не только в силу неоднозначности. Невозможно уместить имена всех известных из античных первоисточников богов на одном листе. Например, у Океана и Тефиды было 3000 дочерей – Океанид и столько же сыновей – Потамов. То же самое относится к 150 Уранидам Гигантам и некоторым другим многочисленным группам богов, таким, как сотни нимф и богов IV и более высоких поколений.

Первобытных богов, названных в таблице космическими

божествами, обычно не выделяют в особую группу, однако, для того чтобы понять откуда взялись боги I поколения это пришлось сделать. Среди них наиболее важная роль в книге отведена Мойрам – дочерям всемогущей богини Необходимости Ананке, олицетворяющим непостижимо таинственный Рок и Могучую Судьбу. Древних богов часто называют богами I поколения, титанов – древними титанами или титанами I поколения, или богами II поколения.

Боги II поколения это Эребиды – дети Эреба и Нюкты, Понтиды – дети Понта и Геи, Ураниды – дети Урана и Геи и Тартариды – дети Тартара и Геи.

Самыми многочисленными и могучими богами были 12 древних титанов, однако в результате грандиозной десятилетней войны – Титаномахии, они и примкнувшие к ним другие титаны были побеждены новыми богами, обосновавшимися на Олимпе. 14 олимпийских богов – это главные боги греческого пантеона. 6 олимпийских богов – Уранидов принадлежат к богам III поколения, 7 олимпийских богов – это дети Зевса, они относятся к богам IV поколения и 14-я олимпийка – Афродита – богиня II поколения. Олимпийцы на схеме выделены прямоугольником отдельного цвета, который входит в области богов III и IV поколений.

Олимпийские боги играют в античной мифологии центральную, определяющую роль, которая очень велика и в рассказах о жизни и подвигах Геракла и потому им посвящено множество мифов и не только в этой главе, но во всей

книге.

2. Хаос. Космос. Ананке

Греки считали, что изначально не было ни вещества, ни пространства, ни времени, ни богов – не было абсолютно ничего, и это «Ничто» они называли Хаосом. Хаос всегда существовал вместе с Эоном – космическим, бестелесным божеством, олицетворяющим Вечность.

Хаос – это всеобъемлющее мировое пространство, существовавшее всегда, первоначальный источник всякой жизни в подлунном мире и самой Вселенной.

Плиний говорит, что Космос вечен, безмерен, никогда не был сотворен и никогда не погибнет.

Согласно Гераклиду, все было беспорядочно смешано как в кикеоне (болтанка): удовольствие-неудовольствие, знание-незнание, большое-малое – все это перемещается туда-сюда и чередуется в игре Вечности (Эона). – А что такое Вечность? – Дитя играющее, кости бросающее, то выигрывающее, то проигрывающее...

Уже в Первобытном Хаосе изначально была заключена его Противоположность в виде зародыша Миропорядка, названного греками Космосом (порядок). В пустоте Хаоса изначально было заключено все, и все пребывало, как поет Овидий, в непрерывной борьбе: Холод сражался с теплом, сражалась с влажностью сухость, битву с весомым вело невесомое, твердое с мягким...

Некоторые говорят, что хаос – это раскрытая пустая пасть. Однажды из глубин этой разверстой пасти случайно появилось бесконечное Пространство и Время, и превратился в свою противоположность, которую Пифагор первый назвал Космосом (благодаря Закону и Числу, гармонически упорядоченная Вселенная).

Само слово «космос» впервые употребили милетские философы Анаксимен и Анаксимандр.

Ксенофан говорит, что космос вечен, неуничтожим, ибо мир не возник однажды и, значит, не имеет конца.

Согласно Эпикуру, бесконечная Вселенная – это сталкивающиеся и разъединяющиеся атомы, образующие в пустом пространстве миры. В пространстве между этими мирами, живут блаженные бессмертные боги, не заботясь о мире и людях, смерти подвластных.

Вместе с Космосом возникла бестелесная богиня Необходимости Ананке (неизбежность, необходимость), которая была воплощением незыблемых законов Фисис (Природа). Анаксимандр Милетский первым употребил термин «закон», который стал творцом всего сущего.

Философы считали, что владеющая всем миром Ананке – вершительница судеб богов, космоса и душ человеческих.

Пифагор и Фалес из Милета говорят, что сильнее всех в мире Необходимость, ибо она правит Вселенной и одолевает всех.

Согласно Пармениду и Демокриту, все совершается по

необходимости; она же есть и судьба, и правда, и промысел, и творец мира.

Прокл поет, что великая жутколикая богиня Необходимости Ананке – мать трех вещей Мойр – непреложных богинь Судьбы.

Из совпадающего с осью мира Веретена Ананке ее вещи дочери Мойры ткут седую пряжу столетий. Космическая богиня Необходимости вменила Мойрам – ее заместницам на земле одну обязанность – следить за соблюдением и богами, и людьми установленного ею Миропорядка, ибо его нарушение может привести обратно к Хаосу.

3. Мойры: Клото, Лахесис и Атропос

Первоначально Мойра означала просто «часть», затем – предназначенный человеку срок жизни, который связан со смертью так же естественно, как и рождение, и только потом Мойрой стали называть Участь, Удел, Долю. Поэтому вначале считалось, что Мойра есть у всех людей, и она только одна, впоследствии стали говорить о трех Мойрах, связанных с рождением, жизнью (периодом между рождением и смертью) и смертью человека.

Мойры – это бестелесные космические божества. Однако, чтобы общаться с людьми и богами, когда возникает такая необходимость, каждая из них выбрала для себя определенный облик.

Мойра Клото (Пряха), средняя дочь Ананке, выбравшая для себя облик нимфы – молодой красивой женщины, вытягивает нить жизни из Веретена до самого момента рождения бога или человека и потом прядет ее.

Старшая дочь Ананке Лахесис (Ткачиха, дающая жребий) выбрала облик высокой статной старухи. Она намечает Участь каждого человека и бога. Кроме того, у нее есть сверток с наиболее важными предопределениями Судьбы – особенными колечками, которые она нанизывает на нити судеб богов и людей. Некоторые говорят, что у старухи Лахесис в руках мерка и весы.

Третья Мойра Атропос (Неизбежная), выбрала для себя облик юной девушки в первом цвету. Есть у Атропы золотые весы для взвешивания жребиев, солнечные часы для точного определения момента смерти и алмазные (алмазные) ножницы, с помощью которых она неумолимо перерезает нить жизни всякого существа, причастного смерти. Среди своих непреложных сестер эта юная дева самая непрерываемая и потому ее имя Неизбежная.

Космическая триада Мойр – девственница, нимфа и старуха олицетворяет священность числа «3», при этом Лахесис воспеваает прошлое, Клото – настоящее, Атропос – будущее.

Непреложные Девы Судьбы, всех приводящие в трепет, всемогущи, они настолько же выше богов, насколько боги превосходят людей.

Песнопевец Гомер, осененный мудростью свыше, поет, что Мойра – это Доля, Судьба, это Участь и смерть человека и, что судьбы не избег ни один земнородный муж, ни отважный, ни робкий, как скоро на свет он родится. Пред Мойрой и сами боги трепещут.

Симонид так же говорит, что с Судьбой не воюют и боги. Людям Мойры дали бранные тела и бессмертные души. Душа считается лучшей нетленной частью человека, тело же подчинено ему. Душа, жилища двух миров, заключена в тело лишь на короткое время, подобно страннику, пришедшему в чужую землю, и пользуется телом умеренно, и покидает эту обитель, едва лишь услышит призыв.

Прокл поет, что души тварей всех неразумных лишь отлетят от тела и жизнь их покинет святая, душу никто их отнюдь не уводит в чертоги Аида, но летает на месте без всякого толку, доколе тело иное захватит ее с дуновеньями ветра. Но едва человек покинет свет Гелиоса, души бессмертные вниз Гермес низводит Килленский в недра земли огромные.

Олимпийским богам Мойры не дали душ, но у них есть, как у людей, сердца со всевозможными чувствами, и тела их бессмертны, почти не подвержены тлену.

У самих же Мойр нет ни душ, ни сердец, ни тел, ибо выбранные ими тела – одна видимая оболочка. Поэтому Мойры неумолимы, к ним бессмысленно обращаться с молитвами и приносить жертвы. Они знают и понимают все чувства других, но сами совершенно бесстрастны, бесчувственны, они не подвержены ни ненависти, ни любви, даже к справедливости они равнодушны и подчиняются только неизбежной Необходимости.

4. Тюхе

Одновременно с Ананке родилась Тюхе (Случай) – космическое божество, олицетворяющее случайность мира и делающая его не вполне предсказуемым и определенным. Вселенная подобна огромному раз и навсегда заведенному механизму, действующему по всеобщим незыблемым законам, который лишь иногда может давать сбой из-за Случая, и предвидеть его принципиально невозможно.

Некоторые образно говорят, что Ананка всегда мощно предшествует Тюхе, неся в правой руке балочные гвозди, клинья, скобы, а в левой – расплавленный свинец. Вместе с матерью идут ее вещие дочери со своими веретенами, весами, часами и ножницами. Случай же, щедрый на дары, но ненадежный, порхает им вслед, как мотылек, но изредка и вперед вырывается.

Смертные относились к Тюхе по-разному. Ее боготворили те, кому по жизни везло, и к ней страстно зывали те, чье положение становилось критическим и казалось совершенно безвыходным.

Квинт Гораций Флакк советовал друзьям, урвать хотя бы часок, пока благосклонен к ним случай. Упущенный же случай почти никогда не повторяется.

Орфики пели гимн Тюхе Великой, судьбами смертных безжалостно управляющей. Богиня Случая, словно шарами

играя, одних осыпала милостью, ну, а иным возвещала о лихе... Тюхе многолика, в просторах бывает безмерных, ключ сохраняя от жизни, как тайну сей битвы. Дети земли под ее неустанным надзором битвы ведут, чтобы она улыбнулась победе, была справедлива, казня и даря при ответе, чтобы воитель не пал, заклеянный позором. Радость и богатство приносит везучим и беды другим, жалкую бедность и смерть, коли в гнев души. Тюхе Великая суд вершит свой случайный.

Комедиограф Аполлодор Каристийский вопрошает:

– Может быть, правит жизнью некий Случай-бог, невежда дикий, ни добра не знающий, ни зла, и слепо наугад катящий нас куда придется?

Другие говорят, что Тюхе-Случай лишь иногда дополняла всеобщую Ананку-Необходимость.

5. Древние боги I поколения: Эрос, Гея, Нюкта, Эреб, Тартар, Уран и Понт

По воле всеобщего закона Космоса, который олицетворяла богиня необходимости Ананкэ, возникли первобытные боги, которых было пять: Эрос (Притяжение), Гея (Земля), Нюкта (Ночь), Тартар (Бездна) и Эреб (Мрак).

Эрос был всеобъемлющей силой притяжения между всеми первоначалами. Эрос, возникший на заре мироздания, исключал то, что впоследствии стали понимать под словом «любовь». Эрос стал одним из родителей крылатого крошки-бога Эрота (Любовь). Матерью Эрота стала богиня любви и красоты Афродита. Эрос, занявший место творца, соединял и разъединял, но сам не ощущал ни красоты, ни безобразия, он был безличным божеством, одним из законов природы (закон притяжения), которая всем управляет.

Достопочтенная богиня Гея-Земля родилась из Хаоса вслед за Эросом.

Орфики в гимнах называют Землю матерью блаженных бессмертных и смертного люда всекормящей и всецарящей, всеильной и плодоносной. Она – основа бессмертного мира, всепестрая дева, с грудью высокой, почтенная, вечная, с долей счастливей, многоцветная, а космос, искусник всехит-

рый, светила вертит вокруг ее вечно текущим могучим потоком. Богиня Гея стала прародительницей земной поверхности, гор, лесов, морей и рек, а также богов, людей и зверей. Широкогрудая Гея, по замыслу богини Необходимости Ананке должна была дать всеобщий безопасный приют всем своим многообразным чадам и сыграть важнейшую роль в процессе создания живой природы.

После Геи – земли родились ее младшие братья ужасный Тартар бездонный и всегда угрюмый Эреб. Тартар – это глубочайшая бездна, находящаяся под царством мертвых, глубоко в недрах Земли. По Гесиоду, именно в Тартаре залегают все начала и все концы всего сущего: там вдали от бесплодной пучины морской, и от звездного неба все залегают один за другим и концы, и начала, страшные, мрачные. Даже и боги пред ними трепещут. Бездна великая. Тот, кто вошел бы туда через ворота, dna не достиг бы той бездны в течение целого года: Ярые вихри своим дуновеньем его подхватили б, стали б швырять и туда и сюда. Даже боги боятся этого дива. В Тартаре, говорят, залегают Пуп земли (другие говорят, что Пуп земли находится в Дельфах), через который проходит Мировая ось и корни земли и горько-соленого моря, здесь сосредоточены все концы и начала.

Эреб по понятиям многих древних греков занимал промежуточное место между ужасным Тартаром, находящимся глубоко под землей и Аидом, безмолвным царством бесплотных теней. Аид был мрачным по сравнению с солнеч-

ным миром, но мрак Эреба был более густой и тягучий. Именно из-за густого мрака Эреба и в царстве мертвых всегда темно, и сам Аид – Незримый.

Вместе с Эребом из Хаоса родилась чернокрылая беззвездная и безлунная Ночь – Нюкта (Никта). Иногда таинственную богиню Ночи называют Ахлидой (тьма). Нюкта таинственна, она источник высших, вечных тайн, но эти тайны постепенно раскрываются так же, как на смену ночи приходит сияющий день. Эреб же и Тартар остаются непостижимыми для разума смертного. Ночь – это надземная Тьма, а Эреб и Тартар – Тьма подземная. Гомер признает Ночь настолько великой богиней, что даже Зевс перед ней благоговевает: Он благоговейно боялся, как бы ни вызвать неудовольствие быстрой Ночи. Смертные боятся черной таинственной Ночи, в темноте может скрываться неведомая опасность, и потому полная чернота может вызывать ужасный страх.

Согласно посвященной генеалогии богов «Теогонии» поэта и рапсода Гесиода, Гея, прежде всего, родила широкое Звездное Небо – Урана, чтоб он покрыл ее всюду, и чтобы прочным жилищем служил для вновь рожденных богов. Также еще без влечения любовного родила она Понт – шумное море бесплодное. Уран и Понт, рожденные Геей из себя – без участия отцов, стали ее первыми мужьями.

Небо объемлет землю и море, окружает все, что в водах морей и на суше. Потому и название ему – небосвод (затвердевший воздух), граница природы, простирающаяся над ми-

ром. Орфики в гимне называют всеродителя Урана, не крушимой частью мироздания, старшим в роду, и началом всего и всему завершением. Куполом он над землею простерся, дом всеблаженных богов. Он все обтекает дозором в круговращенье своем, он страж и земли, и эфира, он – бесконечный закон неизбывной природы. Главной чертой первого сына, рожденного без отца и первого супруга Геи, была его огромная плодовитость – более полусотни могучих детей. С нежностью глядя с небесной высоты на спящую мать, Уран пролил на ее промежности оплодотворяющий дождь, и она породила травы и деревья, а также зверей, рыб и птиц.

Понт не был так плодовит, как Уран, и бесплодным Гесиод, который почитается бессмертными музами, называет Море, по сравнению с Небом.

6. Боги II поколения

Могучий Эрос сладкоистомный зажег в угрюмом Эребе тусклый огонь желания, и он взошел на обширное черное ложе Нюкты, родившей ему множество прекрасных, хоть и мрачных детей, таких же как их отец. Первыми были Гемэра (Светлый день) – богиня дневного света и Эфир (Горный чистейший воздух). Дочь Нюкты Ахлида (Тьма) породила также двух близнецов – бога сна Гипноса и бога смерти Танатоса. Гипнос был спокоен, тих и благосклонен не только к могучим богам, но и к бессильному, жалкому роду людей, он им страх перед неминуемой смертью спасительно из спящей души удалял и всякому горю по ночам приносил свое утешение. Все эти мрачные божества скрывают от взора людского первозданные тайны жизни и смерти, подавляют рассудок и делают мир для людей противоречивым и дисгармоничным, хотя в действительности этот мир – никакой.

Однажды, когда Нюкта прятала от Зевса своего любимчика Гипноса под своими огромными черными крыльями, шаловливый Эрот по просьбе брата бога плотской любви Гимерота легкой стрелкой своей смирил бога сна, и Гипнос овладел блаженной матерью в звездных лучах и сиянии синем. Отрадны были ей тишина и сон безмятежный. Прогнала богиня заботы и позволила милому сыну в темноте собой насладиться. Конечно, и этот инцест, как и все на свете, про-

изошел по воле Мойр непреложных. – Строгий Ананке закон всегда и для всех неизбежен. После того как 9 кругов на быках сребророгих неспешно совершила в небе Селена чернокрылая Нюкта родила милому сыну тройню прекрасных сыновей Ониров: Морфея (Формирователь снов), Фобетора (Подобный) и Фантаса (Видение).

Гесиод поет, что у Танатоса из железа душа и в груди беспощадной – истинно медное сердце. Кого из людей Смерть схватит, тех уж никогда не отпустит назад, и богам она всем ненавистна, и сон, который приносил Танатос, вечным был, беспробудным.

Ночь, сохранившая таинственность Мглы, родила так же бога Гераса – горькую, дряхлую Старость, несущую смертным одни беды. Нюкта, тайн вечных источник, породила суровую Немесиду – крылатую богиню справедливого возмездия за злобу, греховность и спесь, и Гибрис – могущественную богиню высокомерия, воплощение непомерной гордыни и чрезмерного самолюбия. Грозную Эриду (Ссора, Раздор) породила так же Ночь. С богиней Вражды дружат бог зависти Зелос, богиня рвения Горма, богини тихого помрачения ума Ата и бешеного безумия Лисса, и богиня обмана Апата.

Гея и Понт породили Старца морского Нерея, ненавистника всякой лжи, правдолюбца. Дочерей беззлобного Нерея звали Нереидами, самыми известными среди них были мать величайшего героя-воина Ахиллеса Фетида и супруга Посейдона Амфитрита (Оглашающая шумом волн). По-

сле Нерея у чадолюбивой Геи с Понтом родился Тавмант – божество морских чудес, настоящий подводный великан. Он с Океанидой Электрой (янтарь), ставшей ему женой и подругой, родили богиню радуги, богов быстроногую вестницу Ириду и богинь морских вихрей Гарпий (Похитительницы), имевших вид крылатых дев с птичьими ногами, хотя, согласно Гесиоду, они родились обычными кудрявыми девочками, только с крыльшками. Как дуновение ветра, как птицы, на крыльях проворных носились Гарпии эти, паря высоко над землею или над морем.

Гесиод поет, что вслед за этим Тавмантом Форкиса (Бурное море) храброго Понту Земля родила и прекрасноланитную Кето (Морское чудовище). У могучей Кето – Пучины и Морского Старика Форкиса появились три дивных дочери Грайи – Дейно (Дрожь), Пемфредо (Тревога) и Энио (Злоба). Вскоре после рождения Грай, у Форкиса и Кето родилась еще одна тройня дочерей. Эти девочки были похожи на чудесных резвящихся ангелочков, когда на своих золотистых, ослепительно сверкавших на солнце крыльях, носились они над пенными волнами наперегонки с порывистыми ветрами. И прозвали одну из них Сфенно (Могучая), другую Эвриалой (Далеко прыгающая), третью же, что всех краше была и отважнее – Медусой (Повелительница). Прекрасноволосой деве Медусе, изнасилованной в храме Афины Посейдоном, суждено было Роком превратиться в одно из самых страшных чудовищ – Медусу-Горгону.

Гея, отдавшись объятиям страстным, сопряглась с ужасным бездонным Тартаром, который ее давно домогался, и родила в Киликии от него еще более ужасного, чем отец, беззаконного великана Тифона, которого вскормил и воспитал змей Пифон (гной). Тифона часто называли беззаконным потому, что столь сильным он родился, благодаря Тюхе и, вопреки закону Ананке. Кроме Тифона Гея родила прекраснolanитную змееву Ехидну.

Вскоре Афродита с Эротом на коленях с изумлением наблюдала как два исполина, словно два урагана, сшиблись в жарких объятиях и закружились так, что земля затрещала и застонала. Там, где гордый и страшный Тифон беззаконный и быстроглазая змеевидная дева, наконец, возлегли образовалась в земле гигантская впадина, ставшая им брачным ложем любви.

– Зачем ты зажег пламя любви в этих ужасных чудовищах, сын мой любимый?

Спросила богиня любви и красоты у своего прекрасного крылатого крошки – сына Эрота, как обычно лаская его и целуя, но затуманенный взор ее прекрасных фиалковых глаз с гнутыми черными ресницами омрачился слезами. – Понимала богиня, какие ужасные плоды будут у этой могучей любви.

– Да, все, что в мире родится, подвластно мне и на Небе, и в Море, на Земле.

Как всегда горделиво ответил шаловливый ребенок, однако увидев, как побледнело лицо милой матери, обвинил ей шею

руками, настойчиво поцелуев прося, и неохотно добавил серьезно:

– Этих чудовищ-любовников бросил в объятия друг друга не я. Дух огненосный Вселенной, жар плодородный небес, непрестанное обновление, Притяжение в Природе, переходящее в страсть. Эрос, древний мой предок притянул исполина Тифона к змеедеве Ехидне.

Не принимая ни влаги, ни пищи, с быстроглазою девою той сочетался в жарких объятиях гордый и страшный Тифон силой своей беззаконный. Много месяцев не вставали они с брачного ложа, время от времени оглашая землю сладострастными ревами. И слиянье ужасного Тифона и исполинской змееженщины Ехидны привело к рождению целого сонма чудовищ: двуглавого пса Орфа (рассвет) и трехглавого адского пса Кербера, Лернейскую Гидру, Немейского льва, Колхидского дракона, певичу ужасов Сфинкс и козу с львиной шеей и головой огнедышащую Химеру.

– В этом плодородии, не знающем исключения – самой жизни спасенье!

Так старая Мойра Лахесис, не разжимая губ, возвещала после рождения очередного чада Ехидны и Тифона. Потом Ткачиха озаботилась рождением на свет разных героев и, прежде всего, Геракла, которому наткала истребление Орфа, Гидры, Льва... О, как неясны и непонятны смертным предначертанья непреложной Мойры!

От плодovitого Неба – Урана Гея родила сначала трех од-

ноглазых великанов Киклопов (круглоглазые) – Арга (Сияющий перун), Бронта (Гром) и Стеропа (Сверкающая молния). Такие имена им были даны вещими Мойрами потому, что в далеком будущем им предстояло стать ковачами перунов, громов и жгучих молний для великого Зевса.

Несмотря на страшную внешность, древние Киклопы были не злобными в отличие от своих потомков диких циклопов. Каллимах в гимне поет, как Бронт на своих коленях лелеял девочку Артемиду, позволяя ей даже вырывать клочки седых волос на своей груди.

Также еще родила широкогрудая Гея Урану трех огромных и мощных сынов, несказанно ужасных, – Котт (гневный), Бриарей (могучий) крепкодушный и Гиес (землеродный) были надменные чада. Целою сотней чудовищных рук размахивал каждый около плеч многомошных, меж плеч же у тех великанов по пятьдесят поднималось голов из туловищ крепких и звали их Гекатонхейрами (Сторукими).

Гесиод поет, что к Бриарей, Котту, и Гиесу с первого взгляда в сердце родитель Уран почуял вражду и в оковы их ввергнул, мужеству гордому, виду и росту сынов удивляясь. В недрах полногрудой земли поселил их в оковах насильно жестокосердный родитель. Горестно жизнь проводили они глубоко под землю, возле границы пространной земли, у предельного края, с долгой и тяжкою скорбью в душе, мучаясь в жесточайших страданиях.

7. Титаны и титаниды

После этого Гея рождает тайком от Урана 6 милостивых девочек, светлооких, святых: благосклонную Тефию (мать, бабушка), блаженную Тейю, Фебу, Мнемосину с локонами густыми, Фемиду и Рею и 6 мальчиков-владык густоволосых по имени Океан, Гиперион (Высочайший), Кей, Крий (баран), Иапет и Крон.

Это были младшие Ураниды, которых люди прозвали так же древними титанами или титанами первого поколения.

В орфическом гимне древние титаны зовутся прекрасными чадами Геи с Ураном, наших отцов прародителями, которые под толщей земною в мрачном Тартара доме, в глубях ужасных подземных поневоле теперь поселились. Но они исток и начало всего, что смерти подвластно, – многострадальные существа, наземные, водные и пернатые, ибо от них происходит все то, что рождается в мире подлунном. Именно боги второго поколения древние пелагоны породили богов третьего поколения, без которых жизнь на земле была бы невозможна.

Седой Океан, самый миролюбивый и древний из титанов, олицетворял великую мировую реку, омывающую всю обитаемую землю – Ойкумену. Божественный Орфей (исцеляющий светом) пел, что первым положил начало браку прекраснотекущий Океан, который взял в жены единоутробную

сестру Тефию. Они стали самыми плодовитыми богами, породив 3000 дочерей – Океанид среброногих и столько же Потамов – речных богов.

Солнечный титан Гиперион (Идущий по верху) со своей сестрой Тейей породил всевидящего бога солнца Гелиоса, сверкающий серебром глаз ночи – богиню Луны Селену и розоперстую богиню утренней зари Эос.

Горный титан Кей был воплощением небесной оси, вокруг которой вращаются облака и ходит по небосводу [Гелиос](#). Кей с сестрой Фебой стали родителями матери Аполлона и Артемиды величайшей скромницы Лето и Астерии, матери могучей подземной богини и волшебницы Гекаты, трехликой девы перекрестков.

Другой горный титан Крий стал отцом звездного Астрея, породившего ветры, и Перса, приемного отца Гекаты и Палланта, которому ужасная Океанида Стикс родила богиню победы Нику, а также Кратоса (Сила), Бию (Мощь) и Зелоса (Зависть).

Древний титан Иапет знаменит своим свободолюбием и сыновьями Атлантом, Менетием, Прометеем и Эпиметием, которых ему родила либо одна из Океанид стройноногих Климена или Асия, либо, согласно отцу трагедии Эсхилу – титанида Фемида, еще до замужества с Зевсом. Атлант был одним из вождей титанов в их борьбе с новыми богами, воцарившимися на Олимпе и после поражения в Титаномахии был осужден олимпийцами держать на плечах купол огром-

ного неба, который в то время твердой громадой лежал на земле после свержения Кроном Урана. Дерзкий Менетий вместе со свободолюбивым отцом Иапетом, даже после разгрома титанов, не пожелали принять новую высшую власть, и они были в тяжких оковах низвергнуты в гниlostный Тартар. Легендарный бунтарь – богоборец титан Прометей (Думающий прежде) перешел на сторону Зевса и мудрыми советами помог царю богов победить собратьев в Титаномахии. Однако впоследствии он обманул Зевса сначала в разделе туши быка на первом обряде жертвоприношения, а потом еще и похитил небесный огонь для смертных людей, за что тысячи лет был прикован к нерушимой скале на Кавказе. Эпиметий (Думающий после), несмотря на врожденную глупость, оказался самым счастливым среди братьев, хотя с самого начала сам несчастьем оказался для смертных. Он женился на первой смертной женщине Пандоре, которая была истинным наказанием, посланным людям Зевсом за украденный Прометеем небесный огонь. Многие считают, что женщин губительный род от Пандоры на земле происходит. Эпиметий же прожил с первой на земле женщиной до глубокой старости, родив с ней Пирру, которая с сыном Прометея Девкалионом положили новое основание человеческому роду после Великого потопа, посланного Кроном в наказание людям за нечестивость и прегрешения.

О последней шестой паре древних титанов Кроне и Рее следует рассказать отдельно.

8. Крон оскопляет Урана и становится первым коронованным правителем богов

С детства младший из древних титанов Крон безудержно стремился к власти. Однажды тяжело стонавшая Гея с переполненной старшими Уранидами утробой стала призывать своих детей воздать отцу Небу за злодейство. Со страшным серпом пришла Гея к своим младшим детям титанам и титанидам, и, пытаясь возбудить в них сочувствие и смелость, печально сказала:

– Дети мои и отца нечестивого! Если хотите быть мне любимыми, будьте послушными. Сможем отцу вашему мы вместе воздать за злодейство: ибо он первый против своих же детей ужасные поступки замыслил и совершил.

Так говорила, безмерно страдая, всеобщая мать – Земля, но, страхом объятые, все шесть древних титанов и шесть их сестер титанид молчали. Тут по воле старой обликом Мойры Лахесис, великий Крон хитроумный, ничем не обузданной смелостью вдруг вспыхнул, жарко ответил матери милой:

– Милая мать! С величайшей охотой за дело такое возьмусь я. Мало меня огорчает отца зло, творящего жребий, ибо он первый против братьев старших моих ужасные поступки

задумал и сделал.

Так Крон сказал, и взвеселилась всем сердцем огромным исполинская Гея, ибо начало сбываться ее давнее пророчество и недолго осталось страдать ее милым чадам ни в чем не повинным, но томящимся в Тартаре. В место укромное Крона запрятав, дала мать ему в руки Серп острозубый, который выковали его старшие братья Киклопы, ставшие первыми на земле ковачами. После этого мудрая мать всяким коварствам обучила милого ее сердцу смелого сына.

Когда пылающий любовным желаньем Уран, чернокрылую Ньюкту за собою ведя, возлег похотливо на полногрудую Гею, распространяясь на матери и жене повсюду кругом, неожиданно сын младший выскочил из засады. И острозубым огромным Серпом, крепко зажатым в правой руке, Крон отсек у родителя огромный член детородный и бросил его сильным размахом в море, тем самым лишив отца полноты власти, невозможной без плодовитости.

Некоторые говорят, что после того, как Крон «простер» над родителем руку с серпом, его впервые назвали титаном, ибо слово «титан» означало «простираю».

Из пролитой крови Урана родились Эринии – три ужасных богини мести за кровные преступления Тисифона (мстящая за убийство), Алекто (непрощающая) и Мегера (завистница), а также самые древние нимфы мелии (ясеневые).

Жестокосердный и хитроумный Крон, став первым коро-

нованным царем богов, сделал много хорошего. Люди из дикого состояния перешли к благоразумной жизни. Удостоившись за это великих почестей, Крон утверждал всюду справедливость и кротость нравов. Время правления Крона называют золотым веком человечества, в память о котором веселились на древнейшем празднике – Кронии, хотя первому владыке бессмертных не воздвигали храмов и не курили жертв на алтарях. Лишь в древнее время ему приносили кровавые жертвы потому, что он проглатывал своих детей.

Крон боялся предсказания матери Геи, по которому кто-то из его детей, рожденных ему сестрой и супругой титанидой Реей, свергнет его с престола и поэтому сразу после родов, заставлял жену класть завернутого в пеленку ребенка к нему на колени и проглатывал его. Он проглотил трех девочек и двух мальчиков пока не родился Зевс, который был спасен матерью Реей, которая его спрятала на Крите.

9. Кронидаы захватываают власть

Жестокосердный, хитроумный Крон вместе со своей сестрой и супругой Реей по непрерываемой воле Мойры Лахесис стали родителями шести прекрасных богов третьего поколения Посейдона, Аида, Геры, Деметры, Гестии и Зевса. Этим богам вместе с семьей детьми Зевса Аполлоном, Аресом, Артемидой, Афиной, Гермесом, Гефестом и Дионисом и Афродитой, было предназначено непреложными Мойрами стать могучими олимпийскими богами и повсюду утверждать мировой порядок и вселенскую гармонию.

Первый коронованный правитель богов Крон, опасаясь, что собственный ребенок лишит его царской власти, как он отнял верховное владычество у своего отца Урана, стал проглатывать всех своих детей сразу после рождения. Поскольку убить собственных бессмертных детей Крон не мог, то он хитроумно решил, что его утроба будет для них самой надежной темницей и стал их глотать бессердечно. Однако последнего новорожденного ребенка Рея по совету матери Геи сумела спасти, положив на колени мужу подходящий по размеру и форме камень, завернутый в пеленку, который тот и проглотил. Крон не мог даже подумать, что остался сын его, названный Зевсом, невредимым и, что скоро верх над отцом ему взять предстояло по непреложному предначертанию Мойры, с трона низвергнуть и стать самому над всеми

богами безраздельным владыкой.

Рея же обмыла новорожденного Зевса в реке Неда и передала Гее, и его восприяла Земля-великанша, чтобы на Крите широком владыку вскормить и взлелеять.

С помощью матери возмужавший Зевс под видом виночерпия проник в царский дворец отца и подмешал в медосладкий напиток Крона зелье, приготовленное Метидой из травы, напоминавшей горчицу, и ничего не подозревавший Крон тот напиток испил. Съев коварную пищу и выпив напиток, он крепко заснул, громко храпя так, что небо, лежащее на земле, дрожало.

Говорят, советуя уловку лукавую с медом, говорит Гея Зевсу, бывшему в то время ее любимцем:

– Внук мой любимый! Не страшись то содеять, что самой Судьбою давно решено, ибо необходимо оно и справедливо! Лишь заприметишь, как нечестивый родитель под дубами с высокою кроной от творения громко жужжащих пчел захмелеет, тотчас свяжи ему руки и затем оскопи, чтоб был он оскопленным, подобно Урану – так быстрее он всю власть растеряет...

Некоторые говорят, что вскоре, прямо во сне Крона стало рвать. Сила колдовского настоя была столь велика, что он тотчас изрыгнул огромный камень, заменивший Зевса, а потом и всех пятерых проглоченных детей.

Братьев своих и сестер младших пятерых Уранидов, которых безумно вверг в особое заключение отец, на желанную

свободу Зевс вывел обратно, и они, будучи бессмертными богами, оказались целыми и невредимыми. Появление из отцовской утробы на свет молодых богов стало началом конца царствования Крона.

Благодарные Гестия, Гера, Деметра, Аид и Посейдон, отрыгнутые Кроном, единогласно признали главенство Зевса, благоденствие его не забыв, благодарными своими сердцами. Эти боги во главе с Зевсом начали борьбу за верховную власть с Кроном и, благодаря поддержке никогда не дремлющей вещей Ткачихи Лахесис быстро достигли грандиозной победы.

10. Раздел мира

После того, как Зевс лишил Крона, родителя с сердцем жестоким и хитрым, царской власти, он поделил с двумя братьями весь обитаемый мир.

Некоторые говорят, что братья бросали жребий слепой, хотя раздел мира давно был предопределен непреложными Мойрами, и потому Крон еще до рождения Зевса, бросил новорожденного Посейдона в море, а Орка – в Тартар. Таким образом, предусмотрительные Мойры, вечно ткущие свои замыслы, позаботились о том, чтобы широкое море с бурями и волнами для Посейдона и мрачное, затхлое подземелье для Аида изначально были родными и любимыми стихиями.

Гомер, рожденный на несчастье и счастье, склоняется к всесильному жребию и поет, что негодующий сердцем Посейдон считал себя равным частью с Зевсом, а о разделе мира так говорит:

– Три нас родилось брата от древнего Крона и Реи: он – Громовержец, и я, и Аид, преисподних владыка. Натрое все делено, и досталось каждому царство: жребий бросившим нам, в обладание вечное пало мне волнами шумящее море, Аиду подземные зловещие мраки, Зевсу досталось меж туч и Эфира пространное небо. Общюю всем осталась земля и Олимп многохолмный.

Царь Пеласгий (морской) боялся открытого противостоя-

ния с Громовержцем, и обыкновенно уступал и угождал верховному Владыке, но всегда мечтал о более справедливом разделе власти. При этом властитель глубоких зыбей горделиво любил повторять:

– Нет, не хожу я по уставам Зевеса, как он ни мощен. С миром пусть остается на собственном третьем уделе; Силою рук меня, как ничтожного, пусть не страшает!

Когда же Зевс властно указывал, кто не только на Олимпе хозяин, но и во всех остальных мирах верховный Владыка, сварливый Кианохет (черновласый) брюзжал недовольно:

– Страшное горе, однако, и сердце, и дух мой гордый объемлет, когда равноправного он, наделенного равною долей, раздражать позволяет себе грубым иль оскорбляющим словом.

Однако некоторые говорят, что несмотря на то, что воцарившиеся в мире олимпийские боги главным считали справедливость, раздел мира оказался несправедливым, т. е. не по случайному жребию.

Гесиод, осененный мудростью свыше, поет, что раздел мира был произведен по совету Геи-Земли и по велению Мойр: после того, как окончили труд свой блаженные боги и в состязанье за власть и почет одолели Титанов, громом гремящему Зевсу, совету Земли повинувшись, стать предложили они над богами царем и верховным владыкой. Он же после уделы им роздал, какой для кого полагался согласно непреложному велению Мойр.

Каллимах прямо сомневается в том, что не Мойра, а слепая судьба (Тюхе) уделы братьям Кронидам назначила:

– Можно ль поверить, что жребий уделы Кронидам назначил? Кто ж это стал бы делить Олимп и Аид жеребьевкой, кто, коль не вздорный глупец? О вещах равноценных пристало слепой жребий метать; а здесь велико непомерно различье. Нет, не жребий владыкой богов сделал Зевеса, но длани, мощь и сила его, что держат дозор у престола.

Так впервые справедливость была принесена в жертву моще и силе, и весь обитаемый мир был поделен по закону неизбежной Необходимости.

11. Олимп

Местом обитания III поколения богов братьев Зевса, Посейдона, Аида и их сестер Геры, Деметры и Гестии стал Олимп – высочайшая вершина горы многоглавой (потому их и называли олимпийцами). После раздела мира Аид спустился в подземные недра, где основал свое царство и очень редко поднимался на земную поверхность. Но к олимпийцам пришли жить богиня II поколения Афродита и боги IV поколения дети Зевса Аполлон, Арес, Артемида, Афина, Дионис, Гермес и Гефест.

Олимп называют светлым, высоким и великим, холмистым, многохолмным, обильноложбинным и многоснежным. На блистательных высях Олимпа блаженствуют новые боги, бессмертные их не знает труда и тревоги.

Гомер поет, что нерушима вовеки обитель бессмертных. Ветры ее никогда не колеблют, не мочат водою струи дождя, не бывает там снега. Широкое небо всегда безоблачно, вечно сиянием светится ясным.

Первоначально согласно пеласгическому мифу творения на снежном Олимпе жил змееподобный древний титан Офийон со своей супругой перворожденной Океанидой Эвриномой. Это высокое место с многочисленными холмами и обильными ложбинами приглянулось хитроумному титану Крону с сердцем коварножестоким и его супруге-сестре ти-

таниде Рее. После уверенной победы Крона над Офионом и Реи над Эвриномой в рукопашных схватках они низвергнули Офиона в Тартар бездонный, а Эвриному – в бескрайнюю мировую реку Океан.

После свержения Крона хозяином Олимпа стал самый могучий из богов Зевс, и его одного стали называть Олимпийцем. Вскоре к Зевсу на твердыню высокую перебралась вся царская свита-семья, состоящая из его братьев, сестер и детей.

Когда на Олимпе появились построенные и украшенные олимпийским художником Гефестом роскошные чертоги Зевса, его вершину крепко-накрепко Оры нерушимыми замкнули воротами. Никто из смертных не видел этих чертогов, а если бы увидел, то не смог бы вынести их божественной красоты и описать словами другим. Даже смотреть Зевса чертоги нельзя человеку, причастному смерти, тем более нельзя с ним равняться, ибо жилище у Зевса, как сам он, нетленно.

Затем знаменитый Хромец обоногий возвел каждому из бессмертных богов прекрасное жилище. И закрасовались справа и слева от чертогов Кронида атриии знатных богов, с дивными дверями, без замков и запоров. Дворцы членов олимпийской семьи Зевса, уступали красотой и величием чертогам Зевса, но тоже были прекрасны. Чернь же божественная, необходимая для обслуживания бессмертных богов, на Олимпе, где придется живет.

Олимпийские боги собирались на собрания, которые объединяли всех богов во дворце Зевса, где бы они ни обитали. Задумав обсудить какой-нибудь важный вопрос между самими небожителями, Зевс посылает своего вестника Гермеса и вестницу Геры богиню радуги Ириду созвать на Олимп бессмертных и второстепенных смертных богов – обитателей земли, моря и рек. Советы богов проходят в чертогах Кронида.

Олимпийцы очень любят пиры, причем пиршества устраиваются не обязательно по праздникам или иным особым случаям. Скорее пиры – это обычные утоления желаний питья и еды и, конечно же – развлечений. Боги любили на олимпийских пирах между собой говорить и смеяться, наслаждаясь приятной беседой взаимной. Не было на Олимпе недостатка и в развлечениях. Слух и зрение небожителей изящно услаждали прелестные Хариты – богини веселья и радости, которые, взявшись за руки, начинали заводить обожаемые богами хороводы. Лучший в мире кифаред Феб-Аполлон во главе Муз прекрасного хора поет и на золотой кифаре играет, дивно танцуя.

12. Посейдон

Посейдону Фитальмию – древнему питателю и оплодотворителю влагой растительного царства досталась водная стихия, включая и весь подводный мир.

Посейдон же есть сила, производящая влагу, что в земле и вокруг нее.

Многие называют Посейдона Земледержцем, земных Колебателем и Сотрясателем недр и Вздыхателем суши.

Когда чернокудрый Посейдон – жизнелюбец с развевающимися власами мчится на своей квадриге, запряженной четверкой быстрых как ветер белых коней с золотистыми гривами и хвостами, по пенистым крутым волнам бурного моря, оно становилось сзади смирным, а волны делались гладкими как в безветрие полное.

В Фессалии, во время затопления страны, суши Вздыхатель ударом своего трезубца открыл скалистую Темпейскую долину, чтобы дать выход реке; поэтому его называют сокрушителем скал. Яростен безудержный гнев морского владыки, так же, как и его бурная стихия.

Гомер поет, как во время битвы богов заколебал внизу Посейдон, Земледержец могучий, всю беспредельную землю с вершинами гор высочайших. Все затряслось, и в неопиcуемый ужас пришел под землю Аид, бездн преисподних владыка, с трона он спрыгнул и громко вскричал, чтобы свер-

ху лона земли не разверз Посейдаон, земли Потрясатель, и не открыл пред людьми и богами его обиталищ, – затхлых, ужасных, которых бессмертные сами боятся.

Многие говорят, что по словам склонных к обману критян, именно Пеласгий занялся впервые морскими трудами и создал большие многоскамейные корабли с парусами, получив такую власть от родителя Крона. Поэтому позднейшие поколения считают его владыкой всего, что связано с морем, а купцы-корабельщики приносят ему обильные жертвы.

Вергилий поет, что Посейдон ударом трезубца из первоизданной земли коня, трепетавшего вывел. Однако это был дикий, необъезженный конь, и Посейдон впервые укротил коня.

Некоторые говорят, что Посейдон после своего рождения сначала был скрыт матерью великих богов Реей у источника Арна в [Аркадии](#), среди скопления ягнят, и она симулировала, что родила жеребенка, которого взяла в одном табуне и дала Крону его проглотить. Поэтому Посейдон навсегда сохранил эпитет Гиппий (Конный) и особое пристрастие к лошадям.

У вспыльчивого, но добродушного-сварливого недалекого Посейдона был покладистый характер, он почти со всеми бессмертными мирно судился из-за недвижимости, и лишь однажды попробовал сражаться с Гераклом, однако, увидев, что сын Зевса сильнее, сражение тут же покинул и в море родное умчался.

13. Аид

Гадесу – древнему богу посевов досталось мрачное подземное царство, лишённое яркого солнца, в котором он и живет, никакой жалости в суровом сердце не зная.

Некоторые говорят, что еще ребенком будущий царь преисподней производил очень угрюмое, гнетущее впечатление даже на бессмертных сородичей, на Олимпе владевших домами. Аид не выносил шум, яркий свет и всякую суету, и потому ему были по сердцу подземелья глубины, где царили гробовая тишина и порядок, и свои мягкие светила имелись.

Аид – великий олимпийский бог, но он – домосед. Аиду очень по сердцу его царство, которое он назвал по своему имени, а ведь давно известно, что всякому нравится его имя. Он находится постоянно в своих подземных владениях, поднимаясь на поверхность земли только по очень важным делам. Поэтому его называют Подземным Зевом. Зевс Подземелья незрим потому, что, находясь в своем сумрачном, недоступном светлым солнцем лучам, царстве, он невидим, а землю он посещал очень редко. Незримым Аида называли еще потому, что у него был шлем-невидимка, который для него сделали три древних киклопа-ковача за то, что он беспрепятственно пропустил их из Тартара через свое царство после того, как Зевс предоставил им свободу. Этот чудесный шлем делал незримым его обладателя не только для смерт-

ных людей, но и для бессмертных богов.

Зевс нижнего мира (Аид), называемый часто Ужасным, почти всегда угрюм, холоден и беспощаден, но он не злой, и в нем нет ничего ужасного; он всегда справедлив. Бог этот, как никто другой из бессмертных, не знает ни снисхождения, ни милосердия, и ему более других понятна и мила лишь справедливость. Он, как и его жилище, равнодоступен всем и ни для кого не делает исключений и в этом видит настоящую справедливость.

О Незримом Владыке подземного мира говорят, будто он, одевая свой шлем-невидимку, царствует над бесплотными тенями, навсегда потерявшими голос. Он получил с древних времен не только безграничную власть, но и заботу о своих немых подданных, такую, что проявляет гостеприимный хозяин о своих желанных гостях, которым суждено остаться в его царстве навечно.

Гомер называет Аида «щедрым» и «гостеприимным», так как смертная участь не минует ни одного человека.

Анакреон поет, как страшен хлад подземного свода: Вход в него для всех открыт, из него же нет исхода – всяк навеки там забыт.

Дом Аида называют гостеприимным потому, что там всем бессмертным душам смертных человек был обеспечен вечный приют.

Аида никто не любил. Олимпийцы не желали общаться с ним, чтобы он не запачкал их тленной пылью небытия.

Людей же ужасно пугает больше всего неизбежность и необратимость смерти. Многие боятся даже самого слова «умереть» и предпочитают говорить «уйти в дом Богатого, Гостеприимного Аида, Доброго Советника». Но всегда были люди, которые не боялись не только слов, связанных со смертью, но и самой смерти, и это не только одиночки-герои, но, например, спартанцы, которые с улыбкой смерть презирали, а тяжело раненные воины с той же улыбкой презрения к смерти просили товарищей их добить, и те добивали.

Аид почти всегда угрюм, холоден и беспощаден, но он не злой, в нем нет ничего демонического, как, например, в Эриниях; он всегда бескомпромиссно справедлив. Он, как и его жилище, равнодоступен всем и никогда не знает исключений.

Геракл встречался с Орком, когда спускался в его царство за трехглавым сторожем Кербером, обожаемой собакой Аида. Когда Гадес попытался отомстить Гераклу за свое унижение и причиненные мучения любимому псу, тот его тяжело ранил стрелой в плечо и ему пришлось вознестись на Олимп, чтоб излечиться.

14. Деметра

Благая Деметра стала одной из самых почитаемых богинь олимпийского пантеона. Она – «Великая мать», порождающая все живое и принимающая в себя умерших. Део – покровительница всего зеленого царства, богиня плодородия.

Овидий поет, что общее дело ведут совместно Деметра с Землею: Та зарождает плоды, эта им место дает. Обе сораотницы, они исправили старое время: Желудь отвергли, его лучшею пищей сменив. Они насыщают селян, урожай им давая богатый, чтобы достойно могли вознаграждаться труды...

Согласно Проклу, Деметра первая разделила между богами два рода пищи, изобрела пищу богов амбросию, красного нектара пойло, изобрела и творенье прекрасное пчелок жужжащих (мед).

Деметра – покровительница всего зеленого царства, богиня плодородия. Она благая богиня, хранительница жизни, научившая людей земледелию и главное – изобретательница пшеницы. Она благодная к людям богиня, прекрасного облика с волосами цвета спелой пшеницы, помощница в нелегких крестьянских трудах. Богиня благая в прекрасном венке неизменно наполняет амбары земледельца всевозможным запасами и, особенно пшеницей и другими хлебными злаками.

Богиня Владычица в русых косах заплетенных искусно, в венке из спелых колосьев пшеницы была не только Великой матерью богов и богиней плодородия.

Некоторые говорят, что Деметра, научив людей земледелию, приучила их к оседлости и после этого учредила законы, в соответствии с которыми люди привыкли поступать друг с другом, по справедливости. А справедливость, как известно, необходима и бессмертным, и людям, смерти подвластным, так же, как и пища, и влага. Основанная Деметрой оседлость людей и внушенное ею им стремление к справедливости привело к появлению брака, государства и образования. Она так же изобрела слуг, и прислужников, и провожатых.

Деметра так же считалась покровительницей чародеев, в чем отождествлялась с трехликой богиней преисподней Гекатой, являвшейся помощницей в колдовстве и единственной спасительницей от него.

Деметра была очень добродушна со всеми людьми, если не считать особого периода в ее жизни, когда она, как безумная, металась в поисках любимой дочери Коры. Тогда она, одержимая богиней бешенства Лиссой, переломала пахавшие землю плуги и предала одинаковой смерти и волов, работников поля и самих поселян. Потом Деметра загубила посевы и, остановив плодоношение земли, чуть не уморила людей голодом. Возможно, поэтому бывали периоды, когда благую богиню в некоторых местностях называли Эринией

(Мстительницей) и Хтонией (Подземной).

15. Гестия

Гестия (очаг) стала богиней домашнего очага и жертвенного огня. Доля у самой скромной олимпийской богини оказалась счастливой.

Из олимпийских богинь только одна Гестия осталась девственницей из девичьей скромности и природной стеснительности. Отказав в руке для брака Посейдону и Аполлону, она, прикоснувшись к голове царственного брата, поклялась головой Зевса, что навсегда останется в девах.

В возмещение безбрачия благодарный Зевс дал ей в награду первую жертву, приносимую на всех публичных жертвоприношениях, и ей с благоговеньем во всех поклоняются храмах, и смертными чтится она, как первейшая между богами. Изгнанники и преследуемые искали убежища около очага или алтаря; поэтому Гестия была богиней умоляющих, а т. к. клялись очагом и гостеприимным столом Зевса, то она вместе с Зевсом была покровительницей клятвы.

Как поется в гомеровском гимне, почеть ей досталась большая. Вечно иметь пребыванье внутри обиталищ высоких всех олимпийцев и всех на земле обитающих смертных. Дар превосходный и ценный у Гестии: у людей не бывает пира, в котором бы кто при начале его возлиянья первой ей и последней не сделал вином медосладким.

Поскольку очаг считался средоточием дома и местом со-

единения семьи, то Гестия была покровительницей семейного единодушия, мира и благодати. Гестия была самой доброй, самой справедливой и самой сердобольной из всех олимпийских богинь.

По причине поклонения в пританиях, существовавших практически повсеместно, у богини очага было мало отдельных храмов. Обычно ей приносились в жертву годовые коровы, молодой посев, первые плоды, излияния воды, вина и масла.

16. Детство и юность Зевса

Кронида (обычно так называли только Зевса), как древнему богу дождей, досталось в прозрачном, чистейшем Эфире необъятное Небо с многохолмным нетленным Олимпом. Вначале он был богом солнца и света, ибо на небе, доставшемся Зевсу в удел вместе с лучезарным Эфиром, самым главным был с неба струящийся свет. Поэтому изначально Зевс – это бог не просто неба, а – светлого неба. Древний Зевс был так же оросителем, вдыхающим жизнь и животворящим огнем, наделяющим жизнью небо и воздух. Зевс не только бывал светлым, но иногда и дождил. Этот бог не только освещал небесным светом жизнь на земле, но и посылал дождь и потому он получил эпитет Омбрий (ниспосылающий дождь) и Чернотучий. Став властителем тверди небесной, Зевс получил безраздельную власть над всеми тучами, ветрами и погодой. Он стал Собирателем туч и Тучегонителем задолго до того, как получил от древних Киклопов перуны и молнии и получил прозвище Громовержец и Молниеметатель.

По воле Мойры Лахесис юный Зевс сначала женился на Океаниде Метиде (Премудрость), которую ему пришлось проглотить после того, как она забеременела. Новому царю богов сведущая в прорицаниях бабка Гея предсказала:

– Сначала супруга может родить тебе мудрую и могучую

дочь, а потом сына с сердцем сверхмошным, который, возмужав, лишит тебя царской власти.

Зевс высоко вскинул сросшиеся на переносице кустистые иссини черные брови и недоуменно спросил:

– Что значит «может»? Не понимаю я таких прорицаний, которые может сбудется, может нет. Бабка, зачем надвое говорить?

Гея понимающе улыбнулась и участливо внуку сказала:

– Не скоро ты еще станешь премудрым только после того, как Метиду проглотит. Слушай же и запомни кто тебя многому научил. Ананка для большей жизнеспособности предоставила всем живым существам свободу выбора, разумные же существа знают кроме ее неизбежной Необходимости еще и Тюхе – Случайность. Предсказание, в котором есть слово «может» – это лишь большая Возможность, но не железная Неизбежность. Поэтому правильными выбором своих действий и бог, и человек могут избежать предсказанного оракулом, если в предсказании есть слово «может», если же такого слова в предсказании нет, то предсказанное обязательно случится, однако и случится оно может по-разному, опять же в зависимости от свободной воли и Случая.

Зевс все понял и, чтобы напрасно не рисковать, пошел по проторенному Кроном, его отцом хитроумным с сердцем жестоким, пути. Хитро он первой законной жене, бывшей беременной, ум затуманил однажды во время беспечной любовной игры, попросив ее превратиться в муху, и когда, воз-

бужденная игрой, она это сделала, Зевс тут же ее проглотил.

Этим, многие говорят, Кронид двух зайцев убил. Во-первых, он лишил супругу самой возможности сверхмощного сына родить. Во – вторых Метида, находясь в его чреве, общала ему, что зло и что благо, ведь она была от природы исключительно мудрой. С тех пор и Зевс получил эпитет «Премудрый». Через некоторое время Громовержец сам родил из своей головы мудрую, как не рожавшая мать и мощную, и воинственную, как он сам, дочь – Афины.

После знанием всех превосходившей Метиды Зевс был женат на богине правосудия титаниде Фемиде.

Согласно Пиндару, справедливейшую Фемиду небесную на колеснице золотой к крутому берегу океана Мойры подводят, к самому началу сверкающих ступеней, что ведут на высокий Олимп, пред очи Зевса, как его супругу. И она рождает от Зевса трех Ор – богинь Эвномию (Благозаконие), Дике (Справедливость) и Эйрену (Мир) и так же златоувенчанных и плодоносящих богинь времен года Талло и Карпо, что соответственно означает божества «цветения» и «зрелого плода».

Орфический гимн так Ор прославляет: Вешние и луговые, святые, в цветах бесконечных, благоухают, пестрые, они ароматом цветочным, ходят кругом, прелестные ликом и юные вечно, соткан из множества разных цветов их пеплос росистый.

Впоследствии Оры охраняли небесные ворота Олимпа, о

чем уже знал и Гомер: С громом врата небесные сами разверзлись при Горах, страже которых Олимп и великое вверено небо, чтобы облак густой разверзать иль смыкать перед ними.

Справедливая Фемида не стремилась к власти и когда увидела, что Зевс стал ей слишком часто изменять, предложила своему великому мужу мирно расстаться, и при содействии богини Гармонии (Согласие) брак Зевса с Фемидой сам собою распался.

Зевса никогда недремлющие Мойры выткали очень любвеобильным богом потому, что он был самым могучим и его дети были самыми сильными и, значит, жизнестойкими. Многочисленные дети Зевса пополняли сонм богов четвертого поколения, которые были необходимы потому, что богов третьего поколения было слишком мало и потому в силу необходимости, вершительницы судеб богов, космоса и душ человеческих, им даже дозволялись браки между родными братьями и сестрами. Фемида, оставшаяся навсегда богиней правосудия, после развода с Зевсом созывала советы богов на Олимпе, а впоследствии наблюдала за законностью на судах богов.

17. Детство и юность Геры

Третьей и последней законной супругой владыки Олимпа стала его сестра Гера, необычайно красивая исполненная добродетели женщина, однако чрезвычайно ревнивая, властная, злокозненная и коварная. Гера была изначально богиней такого необходимого всем воздуха, а потом покровительницей законных семейных союзов, охраняющей мать во время родов. В беспечной юности была она живым воплощением девичьего очарования и прелести. Пушистые волосы у нее были очень светлого, почти белого цвета, чуть рыжеватые и завивались в крупные локоны, глаза огромные, как у годовалой телки, за что ее прозвали «волоокой». Как и все богини она была высокая с тонкой талией, упругими полушариями груди, напоминавшими две половинки крупного яблока. Со временем Гера, как богиня бессмертная, почти не изменилась, и ее древний возраст выдавали только умные, все понимающие глаза.

Гера долго не уступала настойчивым домогательствам влюбленного юного Зевса и часто, покрывшись стыдливости невозвратным румянцем, ему говорила, когда он был слишком настойчив:

– Брат милый мой, ты мне нравишься очень, но я не могу до свадьбы тебе позволить делать то, что возможно лишь между супругами. Мне даже говорить об этом не позволяет

девичья стыдливость... ты все еще женат на Метиде, и ужасно меня мучает это: я хочу, чтоб ты принадлежал только мне и требую, чтоб ты как можно скорее с нею развелся!

Однажды после того, как могучий Кронид уже проглотил Метиду, они гуляли на горе Форнакс в Арголиде, и юный Зевс, похотливо сверкая очами, стал настойчиво приставать к Гере, осыпая ее страстными такими словами:

– Милая Гера, как ты прекрасна! Эти твои пушистые белые локоны, бездонные влажно мерцающие глаза, в которые я не могу спокойно смотреть – в них какая-то жгучая тайна, которую даже я не в силах постичь. Я покорен твоей красотой величайшей! Любовь пламенная такая еще никогда грудь мою так не переполняла и сердцем моим безраздельно так не владела! Я весь пылаю тобою, изнываю нестерпимого желания полный.

Зевс несколько раз попытался, крепко обняв, повалить на землю сестру, но дева отчаянно сопротивлялась, даже пыталась с братом на равных бороться и так ему говорила своим волнующим грудным голосом:

– Зачем, Чернотучий, ты только на силу свою уповаешь? Знаешь ты, что малого в поединке с тобой я достигну: меня ты, как мужчина, намного сильнее. Но не забывай, что бог я такой же, как ты, одни у нас мать и отец; и даже более старшей на свет произвел меня Крон. И потому тебе никакой силы не хватит, чтобы девства моего святыми дарами против воли моей и желания насладиться!

Тогда, как рассказывают некоторые, будущий отец бессмертных и смертных прибегнул к хитрой уловке. Он распротился с Герой и сделал вид, что уходит, а сам, зайдя за высокий пригорок, быстро превратился в кукушку.

По воле никому незримой Мойры Лахесис ничего не подозревавшая Гера взяла в руки понравившуюся пеструю птичку и, нежно погладив, прижала к своей совсем недавно удвоившейся упругой полноте девичьей груди. Зевс моментально принял свой истинный облик и крепко так, что та не могла шевельнуться, руками сестру охватил, покрывая страстными поцелуями дивную грудь и два розовых бутона ее покусывая. У Геры закружилась голова от необычных таких поцелуев, и земля ушла из-под ног.

Солнце над ними светло засмеялось, а земля-великанша вокруг них тут же вырастила яркие цветы в зеленеющих травах. Пурпурные розы, мирты, фиалки, нарциссы, лилии были всюду и, конечно же, везде были разбросаны зеленые яблоки, без которых не могут влюбленные. Не было сил телесных к сопротивлению у Геры, и, против ее нестигаемой воли колени сами собой у нее подкосились. Как только они улеглись и покрылись искрящимся в лучах Гелия облаком; капли чистой росы с него пали на землю, сверкая на солнце алмазами.

Так Зевс впервые овладел юной сестрой, лишив ее девственности. Вскоре Гера забеременела Гефестом, однако даже это не привело ее к долгожданному браку с Зевсом. Родив

вне брачных уз хилого и больного ребенка, Гера в безудержном гневе скинула его с высоких кручей Олимпа в море.

Наконец, после долгих томительных ожиданий (по словам некоторых – целых 300 лет, включавших и второй брак с Фемидой) состоялась пышная свадьба, и старшая сестра стала третьей и последней законной супругой Кронида.

Некоторые говорят, что супругой Владыки Олимпа и царицей богов Гера стала во многом, благодаря «Илиаде» божественного Гомера. До свадьбы с Громовержцем Гера была всего лишь местной аргосской богиней, и оттуда ее культ распространился по всей Элладе. В древнем Аргосе, славном гремящими от лошадиного бега, долинами, Гере поклонялись в основном как богине плодородия и как богине ярма, богатой конями и волами.

Говорят, что маленькую Геру воспитывал в Стимфале благопристойный Темен, сын Пеласга.

Перед Титаномахией предусмотрительная мать великих богов титанида Рея спрятала юную дочь в спокойном месте, на краю земли многодарной у брата седого Океана и сестры сереброногой титаниды Тефиды. Там у миролюбивого титана Океана, вдали от опасностей и суеты Олимпа, в тиши и покое, ее вскормила любовно и воспитала добрая тетка Фетида. Гере в большой и дружной семье Океана было безопасно и уютно. Она с детских лет познала ценность настоящей полноценной семьи и, возмужав, стала покровительницей брака, а впоследствии и главной охранительницей родов, дове-

рив лишь послушной дочери Илифии быть богиней родо-
вспоможения. В детских и юношеских играх со столь много-
численными Океанидами и речными богами будущая цари-
ца Олимпа испытывала большое соперничество, и это нало-
жило сильный отпечаток на ее характер богини в виде без-
удержного стремления к власти.

18. Титаномахия

Зевс со своими братьями Посейдоном и Аидом стремились ко всей полноте власти и прежде всего к переделу земельной собственности и потому долго вели непримиримую борьбу со своими братьями и отцами – титанами-Уранидами.

Древние боги-титаны и их потомки в древние времена заселили всю землю – леса и поля, равнины и горы, острова и моря, реки и озера. Шестеро могучих детей Крона и Реи, выбравшие постоянным местом жительства многоснежную гору Олимп, нуждались в обширных собственных территориях на земле. Поэтому многим старым богам-титанам приходилось тесниться, а иногда и совсем оставлять насиженные места. Однако некоторые могучие титаны, привыкшие к вольнице, не желали идти ни на какие уступки новому поколению богов, поселившимся на Олимпе, и их пример был заразительным. Вскоре большинство титанов стали отказываться делиться своими владениями и, конечно, все не желали поступиться своей ничем не ограниченной свободой, которую они гордо называли «титановой правдой».

Зевс многомудрый понимал, что борьба с Титанами первого поколения будет безжалостной и длительной – ведь он сам, как и его братья и сестры, были тоже титанами, хоть и второго поколения. Мощных бестрепетными сердцами Ти-

танов нельзя было убить, так как они были бессмертными богами, притом более древними, чем олимпийцы. Взять их в томительный плен, и держать в неволе, было очень не просто потому, что они были могучи как стихии и непобедимы как сама Природа, неотъемлемой частью которой они и были. Но титаны были просты и бесхитростны, ведь природе чуждо коварство. С другой стороны, с природой нельзя договориться, ведь стихия слепа и безжалостна. Титаны не ведали ни разумности, ни порядка, ни меры; их оружием была только грубая сила. Олимпийцы же надменно считали себя выше любых нравственных правил и потому использовали в борьбе с титанами наравне с силой и хитрость, и обман, и коварство и, тем не менее, Титаномахия длилась очень долго. Помощь всемогущей Мойры Лахесис положила конец страшной войне, и первобытная дикая мощь титанов уступила мудрой гармонии олимпийских богов.

Большую роль в нескончаемой войне с древними титанами сыграл умный и хитрый титан Прометей, проницательно предвидевший события будущего. Вначале он, охваченный Надеждой-Элпидой был верен своему титанову племени и говорил своим дядьям и братьям:

– Братья Титаны, внимлите мне! Поймите, одной грубой силой в нашей справедливой борьбе с олимпийцами победы нам не достичь. Надо и нам, как они, использовать не только нашу огромную природную силу, но и ум, а если потребуются, то и искусную хитрость.

Но титаны не желали прислушаться к Прометею, они надменно презирали лесть, коварство и хитрость и самоуверенно насмехались над ним, чем гордость его оскорбили. И тогда, предвидящий будущее сын Иапета, зная, что титанов ожидает неминуемое поражение и желая поскорее положить конец ожесточенной войне, пришел к Зевсу и, сверкая печальными умными глазами, решительно ему посоветовал:

– Выпусти, Кронид, из душного, затхлого Тартара одноглазых великанов и сторуких исполинов и не бойся, что этим титанов только усилишь. Киклопам и Гекатонхейрам чужда коварность, и, если они примут твою милость, то из благодарности будут честно сражаться на твоей стороне и склонят исход решающей битвы в твою пользу, и ужасной для всех Титаномахии придет долгожданный конец!

Олимпиец и сам об этом думал давно, но все не решался, боясь просчитаться. Он внял совету Прометея и освободил из Тартара великанов, дав им по совету Афины и Гермеса для восстановления сил амбросию, нектар и по золотому яблоку с древа жизни, подаренного Геей Гере на свадьбу.

Гесиод поет, что после того, как те напитались, слово родитель мужей и богов обратил к великанам:

– Слушайте, славные чада, рожденные Геей с Ураном! Слово скажу я, какое сердце мне в груди приказало. Очень уж долгое время, сражаясь друг против друга, бьемся мы все эти годы непрерывно за власть и победу, – боги-Титаны и мы, рожденные на свет от Крона. Встаньте же навстречу Тита-

нам, в жестоком бою покажите страшную силу свою и мощь своих рук необорных. Вспомните, как безмерно в Тартаре вы мучались и страдали, пока я вам тягостных уз не расторг и из подземного мрака сырого не вывел на солнечный свет.

Так он сказал, и ответил тотчас ему Котт безупречный:

– Мало, божественный, нового нам говоришь ты: и сами ведаем мы, что и духом, и мыслью ты всех превосходишь, злое проклятие разве не ты от нас отвратил? Не ты ль владыка, сын Крона, из тьмы преисподней обратно возвратил нас сюда из оков беспощадных и тяжких, вынесших незаслуженных столько мучений! Ныне со всей благодарностью тотчас же выступим мы на защиту владычества вашего в мире и беспощадной, ужасной войною пойдем на сердцем надменных Титанов.

Так сторукий сказал, и одобрили его слово благодарные древние боги, и в войне против Титанов возжелали участвовать.

За века, проведенные в Тартаре, Киклопы научились у природных вулканов ковать громовые молнии и вручили их Зевсу. Теперь Зевс стал Громовержцем и Метателем молний, которыми мог поражать своих могучих противников с большого расстояния.

Последняя решающая битва бессмертных, как и предвидел Прометей, оказалась самой страшной.

Гесиод вдохновенно поет, как ревело ужасно безбрежное море, как глухо стонала земля, высокое небо и то содрога-

лось. Великий Олимп многохолмный весь дрожал от вершин до подножья от ужасающей схватки. Тяжелое почвы дрожанье, ног мощных топот глухой и свист от могучих метаний кусков скал достигли окутанной непроглядной тьмой преисподней. Дым и смрад густой пеленой поднимался всюду над пылавшей Землей и морями, кипевшими до самых облаков, заслоняя солнце. Титанов подземных от испепеляющих молний Зевса жестокий жар охватил, и дошло до Эфира священного жгучее пламя. Как бы кто ни был силен, но глаза ослепляли каждому яркие всполохи перунов и обжигающих молний, летящих из зевсовых рук.

Жребий сраженья по воле Мойр непреложных на их весах золотых решительно склонился в пользу новых богов олимпийских. И сразу, как только чаша весов наклонилась, над полем боя начала реять крылатая богиня победы Ника, дочь самая знаменитая океаниды Стикс и младшего титана Палланта. Ника одна от борьбы отрешает и умеет унять буйный мятежный порыв в нелегком сраженье с сильным противником, и к кому чудным ликом своим повернется – тем счастливым дарует Победа величайшую славу. Она в состязаньях порывам свободу дарует, схватке мучительной она достойное окончанье диктует, она присуждает награды, трофеи и меру.

Ураниды не выдержали, их слепой, стихийной силе пришел неизбежный конец. Тут и там у подножья и на самой горе Офрис валялись искалеченные титаны, все они были жи-

вы, но сил не имели больше сражаться. Еще не укрепились, но уже начиналась новая эра олимпийских богов.

19. Тифономахия

Потом была еще одна грандиозная битва олимпийцев с гигантами – Гигантомахия, она произошла на Флегрейских полях, которые действительно превратились в выжженную землю. В этой битве принял самое активное участие Геракл и о ней будет рассказано позже.

После трудной победы семьи Зевса, призвавшей на помощь Геракла, над Гигантами землеродными была еще одна ужасная битва. Гея, очень рассердившись на царственного внука, побеждавшего всех ее чад, соединилась временным брачным союзом с ужасным Тартаром и родила в Киликии чудовищного Тифона, имевшего смешанную природу – человека и зверя. Тифон имел чрезмерно большую, просто не подчиняющуюся никаким законам силу, благодаря вмешательству Тюхе, непредвиденному Мойрой Лахесис. Этот колоссальный Тартарид незаконный по росту и силе превосходил всех, кого когда-либо породила Гея, включая даже самого Зевса.

Говорят, когда восстал разъяренный Тифон во весь свой исполинский рост, задев головой дрожащие звезды, и простер необорные руки, охватив и восток, и запад, дрогнули могучие олимпийские боги, окружившие Зевса, и бросились, кто как мог спастись. Оказавшийся в одиночестве Зевс проиграл с Тартаридом ужасным первую битву.

Аполлодор о победе Тифона так говорит: Пока Тифон находился далеко, Зевс поражал его молниями, когда же он подошел близко, стал его бить адамантовым (неодолимый) серпом. Тогда он обратился в бегство, и Зевс преследовал его до Касийской горы. Там Зевс увидел, что Тифон тяжело ранен, и завязал с ним рукопашный бой. Тифон же, обвинившись вокруг него своими сверхмощными кольцами, так плотно и крепко обхватил его, что сумел отнять изоострый серп, которым перерезал Зевсу сухожилия рук и ног, и тот оказался полностью бездвижным. Тифон собрал все зевесовы сухожилия и связки и, поместив их в крепкую медвежью шкуру, спрятал ее в Корикийской пещере, которую по его приказу стала охранять огромная драконица Делфина.

В это время оправившийся от небывалого страха вороватый Гермес вместе с милым своим сыном Паном в тайне от незаконного Тартарида тихо пробрались к Корикийской пещере. Войдя в пещеру, Пан, потрясая козлиными своими рожками и стуча копытами звонкими, так завопил, что драконицу Делфину охватила страх непереносимый, с тех пор получивший в честь Пана название «паника». В неимоверном ужасе вскочила драконица с медвежьей шкуры, и Гермес, как самый искусный вор в мире, тут же очень ловко выдернул из-под ее извивающихся колец медвежью шкуру, быстро вытащил из нее сухожилия и мгновенно приставил их к рукам и ногам обездвиженного отца. Восставший Зевс, обретя подвижность и былую великую силу, тут же оторвал

Делфине голову и вместе с Гермесом и Паном вознесся на Олимп, все еще опасаясь незаконного силой Тифона.

Говорят, что чудовищного исполина Зевс смог победить только потому, что его обманула родная мать Гея по непрекаемому велению Мойры Лахесис. Гея, скрепя сердце, дала доверчивому Тифону выпить яд из незрелых плодов под видом чудодейственного настоя, от которого, по ее словам, безмерно вырастет его сила и мощь. Обессиленного ядом Тифона Зевс испепелил перунами, а потом вместе с Киклопами навалил на него огромную гору Этну. И поныне не может освободиться от этой непомерной тяжести Тифон и в бессильной ярости изрыгает камни, горящие из жерла вулкана. Гефест, установив на затылке Тифона свои наковальни, построил себе еще одну кузницу и раскаленное там железо куёт.

Некоторые называют тифонами или тайфунами складывающиеся из клубящихся облаков на черном небе завихрения ветра, которые нависают в небе и пытаются все разрушить, особенно опасны они кораблям.

20. Зевс из властителей всех наивысший

После победы над титанами, гигантами и Тифоном нерушимым стало «Величие» Зевса, и оно окончательно утвердилось с этой поры навсегда. Рядом с Зевса престолом оно восседает и ныне, верным оплотом стало державы его.

Наступило, наконец, время, когда олимпийский Блистатель победил не только всех могучих и многочисленных врагов, но и справедливо покарал большинство нечестивцев, не признававших его в качестве главного бога или сомневавшихся в его могуществе.

В дальнейшем Зевс уже никогда не будет сам воевать, ибо не осталось в мире у него достойных врагов. Он будет теперь лишь созерцателем сражений и судьей в поединках и лишь в редких случаях будет палачом. Например, во время великой Троянской войны Зевс обычно с вершины Олимпа или с горы Иды себя услаждал созерцаньем сражений между троянами и ахейцами или схватками между олимпийскими богами, которых он направлял тем и другим помогать.

Кронид стал верховным богом, всемогущим царем всех богов, и никто из богов или богинь не может даже помыслить слово его ниспровергнуть; покорные все ему безропотно подчиняются. Он и мудрее, и сильнее всех остальных богов вместе взятых.

Зевс Олимпийский, наконец, обрел спокойствие, которое и сейчас называется «олимпийским». Втайне смеясь и радуясь сердцем, он часто стравливал олимпийцев друг с другом, словно смертных, и они порой бились, не понимая происходящего.

По свидетельству Диодора Сицилийского этот бог особо выделялся среди прочих мужеством, умом, справедливостью и всеми другими добродетелями, а поэтому, получив царскую власть Крона, он оказал людям большинство благодеяний и к тому же самых великих. Прежде всего, чтобы соблюдать справедливость, он научил людей судить друг друга за совершенные преступления согласно праву и, отказавшись от применения силы, разбирать споры в суде. Вообще же он водворил благозаконие и мир, на добрых воздействовал убеждением, а злых подчинив страхом сурового наказания. Обошел он и почти весь мир, вводя везде справедливость, как равенство свободных граждан перед законом и народовластие.

Некоторые говорят, что всеобщий Миропорядок в природе, на Олимпе и на земле находятся под покровительством Зевса. Как царь богов, он есть также и учредитель царской власти на земле. Он наблюдает за исполнением законов, за соблюдением клятвы; он – покровитель народных собраний и совета, а богиня правосудия Фемида и богиня неотвратимого возмездия Немесида – его преданные союзницы. Он охраняет не только государство, но и семью и дом, и поэто-

му он имеет в середине каждого двора алтарь. Он оберегает права гостя и беглеца, просящего защиты. В некоторых греческих государствах преступник, дотронувшийся до алтаря в храме, получал полную неприкосновенность не зависимо от содеянного.

Зевс всегда придавал огромное значение Справедливости. Поэтому его дочь от Фемиды богиня Справедливости Дике всегда находится при нем. Кроме Дике охраной справедливости занимается Немесида, карающая в основном за моральные преступления, а также Астрея (звездная) – Справедливость, которая сродни Стыдливости. Немесиде в ее служении вечной справедливости помогала дочь Зевса от Фемиды Адрастея. Зевс был главным охранником Справедливости и эти четыре могучих богини помогали ему.

Многие греки в разные времена считали, что самый высший, совершеннейший бог – Зевс, владыка богов и людей, отец всех бессмертных и смертных подчинялся лишь Мойрам – таинственной, непонятной и безжизненной силе, связанной с Необходимостью и Случаем, царящими в природе и существовавшими еще до рождения богов.

Юный Зевс был женат на Метиде, которую он по необходимости проглотил, чтобы она не родила сына более мощного, чем он. Потом он долго был законным мужем Фемиды. Вторая супруга Кронида титанида Фемида, как только поняла, что муж никогда не будет принадлежать ей одной, так сразу развелась с верховным богом, поскольку никогда не

стремилась делить с ним власть. И, наконец, Олимпиец женился третий раз, сделав супругой свою сестру Геру, и этому браку по предначертанию Мойры Лахесис суждено было стать последним.

21. Свадьба Геры и Зевса

Некоторые говорят, что свадьба Геры и Зевса происходила на горе Ида, и поэтому на изумрудном луге Иды вырос шафран – один из самых красивых видов крокуса – цветка, символизирующего счастье, радость и легкость бытия.

Златовенчанная Афродита, смесившая царственный брак, в начале пышного свадебного пира торжественно объявила:

– Неистойвой страстью томящегося непрестанно к Гере, сестре бессмертной своей, любовной мукой томимого триста лет, забывшего даже игры и смех, с вожденной подругой, Зевса-Кронида я соединяю браком законным...

На роскошную свадьбу все боги прислали свои дары, но лучшим было подаренное бабкой Геей необычное дерево – древо жизни с особенными золотыми похожими на яблоки плодами. Эту необыкновенное дерево, названное яблоней, посадили на самом краю земли в бывшем саду Атланта, который теперь держал на плечах огромное небо, а охраняли его Геспериды и стоглавый дракон Ладон. Похищение золотых яблок с дерева Геры в саду Гесперид стало одним из самых трудных подвигов Геракла.

Каждый год Гера купалась в источнике Канаф у города Навплии и вдыхала чудодейственный аромат золотых яблок со своей яблони, и после этого богиня становилась вновь девственницей, делала это богиня, чтобы быть более желанной

своему царственному супругу, хотя он однажды в споре сказал ей язвительно, что девственность красит только девушек юных.

Сбылась трехсотлетняя мечта новоявленной царицы, и волоокая Гера со сверкающими глазами в пурпурных одеждах и с брильянтовой диадемой в белокурых волосах величественно вошла на золотой трон, воссев рядом с Зевсом.

Роскошная диадема представляла собой ажурную золотую корону в виде усыпанной бриллиантами кукушки надолбом, которая своими расправленными крыльями охватывала голову, а в лапах держала две половинки золотого яблока. Гера стала настоящей царицей Олимпа, и боги, как перед госпожой, склонились пред ней, благоговейно почитая ее наравне со всемогущим Кронидом.

22. Гера любит спорить с супругом

Однако отношения с Зевсом бывали хорошими у Геры только в постели, да и то лишь в самом начале жизни совместной. Она всегда очень спорить любила со своим величественным супругом и братом.

Многие слышали о таком забавном случае: Зевс однажды, нектаром упившись, бремя царских забот отложив, со своею Герой праздной тешился вольно на супружеском ложе и во время отдыха сладостного ей так возвестил:

– Милая моя, ты должна быть мне благодарна за то, что тебе со мной так хорошо! Наслаждение ваше, женское, слаще того, что нам, мужам, достается.

Гера же и, будучи совсем молодой, во всем перечить мужу очень любила. Часто она прелестной белокурой головою влево и вправо оживленно мотала, так выражая свое несогласье с супругом. Зевс же в первые годы законной супружеской жизни с Герой не гневался на возлюбленную жену и сестру за споры и не грозил подвесить ее на цепях с наковальнями на ногах или низвергнуть в гнилостный Тартар, как он стал делать после бунта богов, зачинщицей которого была белорукая Гера.

И в этот раз супруги совместно решили, чтобы некий Тиресий высказал им мнение свое, ибо про него говорили, что он любовь знал и мужскую, и женскую, ибо в резвой юности

на 7 лет был превращен в женщину, а потом опять стал мужчиной. И этот Тиресий, не сомневаясь, твердо ответил:

– Если мужчину и женщину на ложе небесная привела Афродита Урания и исчислять все удовольствие в десять частей, то только одна часть выпадает на долю мужчин, а остальные девять – на долю женщин. Если же их свели Афродита Пандемос и Гимер-Желание плотское, то доли мужчины и женщины почти будут равными, лишь немного часть женщины будет больше.

Гера была уверена, что супруг должен быть ей более, чем она ему, благодарен за наслаждение, которое она ему доставляет. Она считала свою любовь к Зевсу возвышенной и небесной и потому вышло, что Тиресий дал подтверждение словам Громовержца.

Дочь Крона, как говорят, огорчилась много сильнее, чем стоило дело, и в неистовом гневе наказала сурово судью – очей нескончаемой ночью.

Зевс широко открытыми глазами долго смотрел то на ослепленного Тиресия, то на жену, что-то гневно ему говорившую и, наконец, страшно скрипнул зубами и тихо, но грозно так возвестил:

– Слушай слово мое и безмолвно внимай, о супруга! Ты, волоокая, грозная Гера, можешь, коль хочешь, еще истреблять или калечить ни за что человек, смерти подвластных. Но пылающий гнев твой в разговоре со мной в ничто я вменяю! Не смей никогда спорить со мною! Если же, справедли-

вость отринув, ты в мстительной ярости будешь доходить до последних пределов, то я с тобой разведусь и останешься навсегда ты обычной богиней, какой была до свадьбы со мною.

Впервые Зевс так разгневался на молодую супругу. Никогда до этого момента Гера не была так испугана; по – тихому, зловещему голосу Зевса и по мелко трясущейся черной небольшой бородке, которую он недавно отпустил, она поняла, что тот обязательно сделает, что обещает. Гера запомнила этот спор с Зевсом, который рассудил Терисей навсегда, и это спасло жизнь многим людям, например, троянскому царевичу Парису, который признал, что Афродита прекраснее ее. Впоследствии Гера научилась владеть собой, и гнев, внушаемый богиней бешенства Лиссой, скрывался под язвительной улыбкой и превращался в отложенную злокозненную месть.

23. Ревнивая Гера бунтует против супруга

Гера так долго ждала этого брака, но он по воле Мойр не был счастливым. Супруг оказался слишком любвеобильным.

Когда Зевс не изменял, Гера была вполне довольна своей судьбой. Она была не просто самая могущественная среди богинь Олимпа, даже олимпийские боги почитали царицу и старались не перечить ей. Аид и Посейдон всегда оказывали ей царские почести, конечно, если дело не касалось их владений или земных городов, из-за которых бог морей готов был судиться не только с Герой, но и с самим Зевсом.

Когда же царица Олимпа узнавала об очередной любовнице мужа или о новых внебрачных детях она сходила с ума от ревности и в припадке бешеной ярости убила бы Зевса, если могла бы.

Сначала Олимпиец тайно изменял своей третьей законной жене, и она по необходимости это терпела. Однако, когда он стал изменять ей открыто и даже хвастаться этим перед богами и богинями и перед ней самой, к женской обиде добавились тайные издевки богов и богинь, она все чаще стала срывать.

Гомер поет, как Зевс, очарованный Пестроузорным Поясом Афродиты, одолженным у богини любви Герой, сам обыденно говорит об изменах:

– Гера, такая любовь никогда, ни к богине, ни к смертной, в грудь не вливалась мне и душою моею не владела! Так не любил я, пленившись молодой Иксиона супругой, родившей мне Пирифоя, советами равного богу; ни Данаей прельстившись, белоногой Акрисия дочерью, родившей сына Персея, славнейшего в сонме героев; ни владея молодой знаменитого Феникса дочерью, родившей Криту Миноса и славу мужей Радаманта; ни прекраснейшей смертной пленившись, Алкменою в Фивах, сына родившей героя, великого духом Геракла; даже Семелой, родившею радость людей Диониса; так не любил я, пленясь лепокудрой царицей Деметрой, самую Летою славной...

Однажды обезумевшая от ревности Гера стала подбивать олимпийских богов на бунт против царя. Заговор вначале имел успех, и Зевс был связан по рукам и ногам неразрывными путами. Посейдон, Афина и Аполлон напали на спавшего мертвым сном Зевса, и все вместе спеленали его сотней гераклейских узлов так, что он не мог пошевелить даже пальцем, как тогда без сухожилий, отрезанных незаконным Тифоном.

По плану Геры, бывшей душой заговора, бунтовщики хотели приставить к связанному Зевсу надежную охрану и, взяв его на измор, заставить перераспределить власть. В ближайшие же дни они собирались честно разделить часть неограниченной власти Зевса между собой, призвав для этого богиню правосудия Фемиду, однако по воле Мойры Лахе-

сис все пошло не так, как задумали бунтари.

Морская богиня Фетида, узнав о бунте, от уз избавила Зевса, быстро призвав на Олимп многохолмный великана сторукого в помощь. Имя ему Бриарей у богов, у людей же – Эгеон. Силою страшной своею он даже отца превосходит. Возле Кронида он сел в сознании радостном своей силы огромной, и боги Олимпа в ужас пришли и кто куда разбежались.

Зевс не верил, что таким образом его могут лишить власти, и потому наказание заговорщиков было не страшным. Для него все произошедшее было просто семейным скандалом, ведь все олимпийцы были его семьей – родными братьями, сестрами и детьми. Посейдон был сослан в услужение к Лаомедонту воздвигать стены Трои. Зачинщицу бунта ревнивицу Геру Зевс подвесил к небу, привязав к ногам наковальни и потом не раз так напоминал супруге о том, кто на Олимпе настоящий хозяин:

– Или забыла, супруга, как средь эфира и облаков ты в небе висела? Как две навязал я на ноги твои тяжелые наковальни, а на руки набросил златую цепь неразрывную? Скорбели бессмертные все на Олимпе; но, конечно, освободить не решились...

Некоторые говорят, что главной чертой Геры была мстительная ревность – она ревновала Посейдона, Афины, Аполлона, а иногда и самого Зевса к власти, Афродиту она ревновала к красоте, Артемиду ревновала не известно, к чему, на-

верное, к девичьей стройности и жестоко избивала ее в знаменитой битве богов и, конечно же, как супруга безумно ревновала Зевса ко всем женщинам – и к богиням, и к смертным.

Однажды Гера ждала загулявшего мужа целых 3 долгих дня и 3 нескончаемых ночи. Когда царица узнала, что супруг все это время не вылезал из постели Алкмены, она, как волчица, выла от гнева и горя, однако Зевсу при встрече даже вида не подала.

После этого началось знаменитое противостояние Геракла и Геры, длившееся более полувека и вылившееся по воле Мойры Лахесис в совершение лучшим смертным зевсовым сыном 12 знаменитейших подвигов и множества иных великих трудов. Не мало времени займет одно лишь перечисление всех козней изобретательно мстительной Геры, направленных на то, чтобы погубить сына Алкмены от Зевса.

Однако, чтобы ни делала мстительно ревнивая царица бессмертных богов ее злые и хитрые происки по предначертанию Мойры Лахесис, оборачивались великой славой Гераклу, и даже само имя его, по мнению некоторых, означает "прославившийся благодаря Гере"

24. Гефест

Любвеобильный Зевс чуть ли не с первых дней стал изменять Гере, своей последней царственной супруге, что входило в предначертания Мойр, ибо сонм олимпийских богов необходимо было, как можно, быстрее до священного числа «12». Так появились олимпийские боги четвертого поколения – дети Зевса: Афина, Гефест и Арес – от владычицы Геры, Артемида и Аполлон – от образцовой матери титаниды Лето, Гермес – от плеяды Майи и Дионис – от смертной фиванской царевны Семелы.

Сам Гефест рассказывает, что он был дважды низринут с Олимпа и оба раза – на морское дно близ острова Лемнос. Первый раз он говорит об этом Фетиде, пришедшей просить его изготовить ее любимому сыну Ахиллу новый доспех:

– Почтенная вечно богиня! Безмерно я благодарен тебе за то, что ты мне жизнь спасла, когда страдал я безмерно, заброшенный с высокого неба рукою матери Геры: бесстыдная скрыть от всех захотела новорожденного сына хилого и хромого. Много больше претерпел бы я горя, если б ты меня с Эвриномой радушно не приняли в недрах морских и там не вскормила.

В другой раз мощный телом, но обеими слабый ногами Гефест говорит милой матери Гере:

– Тяжело даже нам, олимпийским богам, противиться

Зевсу! Он однажды, за ногу схватив, низвергнул меня с небесного Прага, и несся стремглав я весь день и только с закатом блестящего солнца пал на божественный остров Лемнос, едва сохранив жизнь и дыханье. Там синтийские мужи меня дружелюбно прияли и подлечили.

Очень скоро, оставшийся навсегда колченогим, божественный отрок стал искуснейшим кузнецом – самоучкой, и не было равных всевозможным поковкам Гефеста ни по красоте, ни по прочности, словно живые слетали они из-под искусного его молота.

Чтобы искупить родительскую вину, в результате которой он провел детство и отрочество на океанском дне, Зевс и Ге́ра его женили на самой прекрасной богине Афродите. Богиня красоты и любви сразу поняла, что под некрасивой наружностью кроется честное доброе сердце, полное чистой любви, и постаралась ответить на это нежное чувство преданной такой же любовью. Однако вскоре Киприда поняла, что можно на время даже сильно влюбиться, но невозможно долго любить за одни душевные качества, и стала пропахнувшему дымом мужу изменять с умеющим красиво ухаживать Аресом, неистовым богом кровавой войны. Когда они развелись, Гефест Амфигей (обоюдно-хромой) весь отдался работе и стал настоящим олимпийским Художником.

Говорят, что, оставшись один, колченогий Лемносец на женщин озлобился и, став неразборчивым в связях, породил и строителей, и разбойников, и огнедышащих людоедов. С

одним из них – с огнедышащим Какосом, Гераклу придется сражаться из-за того, что тот украл у него восемь прекрасных коров Гериона.

25. Афина

Согласно [Хронике Евсевия-Иеронима](#), в 237 году от Авраама (1780 г. до н. э.), Обитатель эфира высокоцарящий, беззаботно гуляя по берегу озера Тритонида, что в солнечной Ливии (струистая), вдруг почувствовал страшную головную боль. Он завопил так, что содрогнулись окрестные горы. Сначала прибежал Прометей – один из немногих титанов, добровольно принявших беспредельную власть новых олимпийских богов, потом приковывлял на ногах непослушных Гефест с молотом, топором и клещами в крепких от постоянной работы руках. Чтобы унять нестерпимую боль бог огня и кузнечного дела по настоятельной просьбе отца, искусно ударил его по голове медным топором и расколол ее надвое. После этого Прометей принял роды из головы царя богов.

Из отчего темени с воинственным кличем появилась дева-воительница Афина неодолимая, страшная, в битвы ведущая рати в полных доспехах, золотом ярким сверкавших. Богиня вместе с раскатом грома и ударом молнии выпрыгнула в коринфском шлеме с высоким раздвоенным гребнем, с эгидой (особый щит из козьей шкуры) и остроконечным копьем, а также с атрибутами мудрости и знаний – совой и двумя змеями. Под тяжким прыжком Светлоокой всколебался великий Олимп, застонали окрестные земли, дрогнуло без-

брежное море и закипело волнами, нахлынувшими на берега.

Тритогенея была зачата богиней мудрости Метидой, самой первой законной супругой Зевеса, которую он проглотил.

Поэтому Афина стала мудрой богиней справедливой организованной войны, впоследствии дева-воительница стала еще и богиней знаний, изобретений, искусств и ремесел, покровительницей городов и государств.

Мудрая богиня изобрела государство и войны, флейту и трубу, керамический горшок, плуг и грабли, ярмо для волов и уздечки для лошадей, боевую колесницу и совместно с Посейдоном – корабль с палубой крепкой, с изогнутым верхом и с высокой кормою.

Палладе приписывают одомашнивание маслины и передачу людям умения выращивать ее и пользоваться ее плодами.

Вместе с Зевсом и богиней правосудия древней титанидой Фемидой Афина учреждала законы и высший суд в Афинах (Ареопаг). Она славилась своей добротой: когда в Ареопаге во время суда над обвиняемым судьи расходились во мнении, она всегда отдавала свой голос в виде белого камешка в пользу обвиняемого.

После того, как Зевс породил на свет Афину, разъярилась владычица Гера и на собрании бессмертных богов, посвященном рождению Афины, гневно крикнула, что муж ее опозорил тем, что дочерью совоокой помимо ее разрешился, и

она так же поступит. Но ревнивые причитания молодой Геры уже были хорошо известны богам, и ее обещанию родить детку без участия мужа никто не поверил, а зря.

26. Арес

Говорят, златотронная Гера родила Ареса от прикосновения к цветку, полученному богиней цветов Хлоридой с Оленских полей, которым коль тронешь даже бесплодную телку, то и та обязательно понесет.

Уже в раннем детстве Арес подружился с богиней бешенства Лиссой и стал проявлять буйство и злобу и потому в отличие от Афины стал богом неистовой, кровавой войны. Он любит войну ради грохочущего шума и рева сражений, он получал удовольствие от мук и страданий погибающих людей и радовался, когда рекой лилась кровь людей и рушились, и горели их жилища.

Теряя разум при виде крови, Эниалий (вызывающий свалку в битве) обычно убивал всех без разбора, правых и виноватых, ему было не до справедливости. Поэтому вечно запятнанного кровью Ареса ненавидели не только люди, но и боги, включая даже его родителей Зевса и Геру, хотя некоторые называли его не только Щитодробителем и Градоразрушителем, но и Оплотом и защитой Олимпа.

Войнолюбивый бог обучал смертных убивать друг друга, не как варвары, палкой и камнем, а специально для этого сделанными инструментами – оружием: копьями, мечами, палицами и стрелами. Эллины быстро осваивали военное ремесло. Первые солдаты называли себя жрецами великого бо-

га Ареса и шли воевать бескорыстно, только ради того, чтобы покрыться воинской славой. Когда соплеменники стали прославлять и возвеличивать тех, кто в сражении оказался самым лучшим убийцей, Арес просто вопил от счастья.

Плутарх говорит, что греческое слово «убийца» созвучно с именем «Арес». Поэтому многие полагают, что Арес – это наименование буйного, раздражительного и злобного начала в нашей природе.

Настоящих всеэллинских праздников только в честь Ареса в Греции не существовало, и величественных храмов не было. Лишь в лаконских Геронфрах есть небольшой храм Ареса и рощица. Каждый год тут справляется праздник в честь бога, во время которого женщинам запрещено входить в рощу.

Все войну ненавидели больше всего на свете, но все воевали, якобы для торжества справедливости, которая превыше всего, даже жизнью и здоровьем людей.

Однако некоторые говорили, что войны происходят не из-за неустанного стремления к Справедливости, а по воле жуткоколик Ананке, богини Необходимости, понять же ее мотивы люди не в силах.

Гераклит говорит, что Война – отец всех, царь всех: одних она объявляет богами, других – людьми, одних творит рабами, других – свободными.

Атрибутами бога кровавой и жестокой войны считались злобные собаки, коршун, горящий факел, копье и Стимфа-

лийские птицы, изгнание и уничтожение которых стало одним из подвигов Геракла.

27. Артемида

Когда скромная титанида Лето Зевсу уступила и в ласках любовных с ним сочеталась, то лучезарного [Феба](#) она родила с Артемидою стрелолюбивой. Говорят, что всех эти двое прелестней меж славных потомков Урана.

Артемида изначально была богиней плодородия и Луны; впоследствии она стала стрелолюбивой богиней охоты и дикой природы, богиней женского целомудрия и детопитательницей.

Так же как ее брат-близнец Аполлон олицетворял Солнце, Артемида должна была олицетворять Луну.

Латонида окружила себя спутницами, блистающими влажной прелестью тела – нимфами, такими же девственными, как она сама и целые дни проводила среди глухих лесов, на труднодоступных горных лугах, ночуя в пещерах.

При этом, природу дикую и зверей богиня-девственница больше любила, чем людей и их не родившихся или маленьких детей. Несчастье и горе всем, к кому воспыхает богиня яростным гневом! Сгинет их скот и посевы, старцы волосы остригут, детей хороня; роженицы будут умирать, сраженные нежными стрелами, а ежели смерти избегнут, так родят поколенья, недостойное жизни.

Вечно юной деве долго нравились кровь и мучения жертв, и в древнейшие времена Артемида Эфесская с удовольстви-

ем принимала человеческие жертвоприношения на алтаре своего святилища. Ликург заменил это бичеванием эфебов, и алтарь продолжил орошаться человеческой кровью, но уже без смертей. Жители Эфеса в честь Артемиды более 100 лет строили близ города, на месте, где прежде располагалось ее святилище, огромный храм, превосходивший даже знаменитый Парфенон, ставший одним из чудес света.

Богиня охоты никогда не бывает без лука и колчана со стрелами. Поэтому она Стреловержица и Лучница грозная, как Охотница – Агротера, Зверей Господыня, Медвежья богиня и Улея (Убийца), и она же Дальновержица, как богиня луны, посылающая далеко свои лучи-стрелы.

Еще маленькой девочкой она головой отца поклялась, что безбрачную будет девой в пустынных горах звероловствовать и с той поры она меж людьми и бессмертными слывет ловчею девой, оленеубийцею, и Эрот ее не касается...

28. Аполлон

Аполлон златовласый первоначально олицетворял Солнце, и его золотые стрелы символизировали солнечные лучи.

Впоследствии он стал покровителем изящных искусств, вождем Муз прекрасного хора и сам превосходно пел и аккомпанировал на кифаре или лире.

Мировая известность принадлежит Летоиду, как богу музыки, танца и вообще искусства.

Аполлон – стихотворец и помощник в любви, вместе с подопечными Музами, учит поэта полезным вещам, он вождь поэтов и изобретатель музыки и стихов. Воздействие музыки и стихов целительно для души и может помочь даже в избавлении от смут и усобиц, в установлении справедливого гражданского мира.

Гимерий поет, что, когда родился Аполлон, Зевс, украсив его золотой миртой и лирой, предоставил ему возможность следовать на колеснице, которую влекли лебеди в Дельфы к Кастальскому ключу, чтобы оттуда он прорицал правду всем эллинам. Феб же, взойдя на колесницу, пустил лебедей лететь в Гиперборею. Когда в Дельфах узнали об этом, сочинили пеан и, став вокруг треножника, закружились в хороводе, призывая бога прийти к ним от гиперборейцев. Аполлон, однако, целый год был там, прорицал, и лишь потом решил, что настала пора зазвучать дельфийским треножникам

и приказал лебедям лететь из страны гиперборейцев в Дельфы.

Некоторые говорят, что само имя Аполлона производится от *apolyein* – «отвращать зло от людей», «отгонять болезни». Феб на Олимпе прозывался Пеаном (целитель) и врачевал всех богов в основном, конечно, от ран, ибо бессмертные не болели. Он изобретает лекарства и способы борьбы с болезнями и посылает здоровье.

Аполлон был отцом Асклепия, рожденного Коронидой. Асклепий в искусстве врачевания превзошел не только своего мудрого воспитателя и наставника Кронида Хирона (рука), но всех смертных и даже отца своего – Пеана. Он даже оживлял умерших людей, за что был по требованию Мойры Лахесис убит перуном Зевса, но потом опять же по воле Ткачихи был воскрешен и стал богом.

Аполлон – это вселенская красота и гармония мира, а также музыка, танцы и пение, красивые речи и вообще волшебная сила искусства такая, что здесь отпадают все тяжелые и неразрешимые проблемы жизни, остается только сама красота в чистом виде.

Однако Летоид не только защитник, помощник и врачеватель, прорицатель, блюститель вселенской гармонии, Музагет, бог поэзии, песен, танцев и музыки, бог состязаний, цветущей юности, палестр и эфебов. Он так же Улей – карающий бог и губитель. И тем не менее, ни одного из богов не чтили усердней, и не любили больше, чем Феба.

Аполлон владел Дельфийским храмом, который, благодаря всегда сбывающимся предсказаниям оракула, на многие сотни лет стал средоточием всей Греции.

29. Гермес

Сын Громовержца от плеяды Майи Гермес в древние времена был богом ветров, о чем говорят крылатый жезл вестника – кадуцей, способный мирить врагов, петас (широкополая шляпа с крылышками) и таларии (крылатые сандалии).

Затем он стал богом прибыльной торговли, разумности, ловкости, воровства.

Увлечшись состязаниями, Гермес изобрел искусство кулачного боя и гимнастики и стал общепризнанным покровителем атлетов и богом гимнастики.

Конечно же, Гермес был крылатым вестником и красноречивым глашатаем Зевса благодаря своему умению ясно истолковывать все.

В качестве посланника Зевса Гермес также вождь сновидений и податель сна, закрывающий посредством своего жезла глаза людей и возбуждающий их снова к жизни.

Сладкоречивому богу совершались возлияния, и по завершении трапезы жертвенным животным отсекались языки, которые посвящались Гермесу, как богу красноречия.

Как изобретатель Гермес впервые смастерил из панциря черепахи семи- или трехструнную лиру. Он же изобрел и свирель. Сначала богов, а потом и смертных Гермес научил искусству получения огня с помощью быстрого вращения специальной палочки, вставленной в отверстие, просверлен-

ное в другой палочке.

Некоторые говорят, что Гермес придумал некоторые меры и числа, азбуку и множество других полезных изобретений, и всему обучил людей.

Гермес – единственный из олимпийцев, у которого не было врагов, потому что он был не злой и всегда предпочитал мирно договариваться и потому был покровителем глашатаев и послов, а также путников.

Он был покровителем [магии](#), алхимии и [астрологии](#) и Психопомпом – проводником душ умерших в гостеприимные дома Аида.

Киллений (родившийся в пещере Килленийских гор) был добродушный, приветливый, верный защитник людей, лучший советчик и хитрого замысла друг, к людям часто на помощь спешащий.

30. Дионис

Сын Зевса от смертной фиванской царевны Семелы Дионис сначала, согласно своему происхождению, был героем, потом стал второстепенным богом производительных сил природы и всякой растительности.

Когда Дионис подрос, его воспитанием занялся мудрый Силен, который как говорят, был сын Пана и одной похотливой нимфы. Царь сатиров вскормил и воспитал Диониса, посвятив во все знания природы.

Некоторые рассказывают, что старый Силен, вечно пьяный, научил, между прочим, своего воспитанника виноградарству и пчеловодству. Впоследствии Дионис жил со своим кормильцем и воспитателем в теснейшей дружбе. Из винных ягод Вакх и царь сатиров изобрели вино, дарующее забвенье всех тягот земных человеку и веселье, и радость празднующим богам, владеющих небом широким. Дионис изобрел напиток, изготовляемый из ячменя и называемый «пиво», ненамного уступающий благоуханием вину. Изготавливать этот напиток Дионис впоследствии научил жителей тех стран, где не может произрастать виноград.

Только после этого неистовый Бромий (шумный) вознесся на Олимп, вытеснив оттуда тихую скромницу Гестию.

В свиту Бромия Вакха входили вакханки: менады (безумствующие) и фиады (неистовствующие). Следуя фиасами

(толпами) за Дионисом, вакханки с распущенными спутанными волосами, подпоясанные задушенными змеями, украшенные виноградными листьями, плющом, сокрушают все на своем пути тирсами, увитыми тоже плющом. В состоянии безумного экстаза менады голыми руками разрывают на части в лесах и горах диких животных и пьют их кровь. Тирсами менады выбивают из скал и земли молоко и мед. Они увлекают за собой женщин, приобщая их к неистовому служению Дионису. Соответственно оргические и мистические празднества в честь бога Вакха (Бахуса) стали называть вакханалиями. В этих оргиях, происходивших часто ночью, большую роль играли исступленные женщины – постоянные спутницы Диониса вакханки.

Дионис Лиэй – (освобождающий, утешитель) освобождает людей от повседневных забот и печалей, а также и от общепринятых норм поведения.

Диониса называют Мельпоменом (Ведущим хороводы). Именно Дионис изобрел священные лицедейские состязания и учредил театры. Когда были созданы мусические сообщества умельцев, причастных к искусствам, связанных с Дионисом, Дионис освободил их от налогов. Муза трагедии Мельпомена изображалась в виде женщины с повязкой на голове и в венке из листьев винограда или плюща, являющихся атрибутами Диониса.

Сочетание Диониса с Нимфами делает его милостивым и кротким для тела, а с Музами – поистине отрадным и благо-

датным для души.

Некоторые называют Диониса врачевателем. Для пьющих правильно вино великим благом боги сделали. Для врачеванья нет его полезнее: на нем все снадобья замешаны, и раненым приносит оно спасение, и возбужденье после минувшего боя оно успокаивает. Его разбавив, те, кто пьет умеренно, здоровье в нем обретают и благодущье мирное.

Мусей считает, что самая прекрасная награда за добродетель – это вечное опьянение, а Софокл опьянение называет лекарством от всех печалей.

Некоторые почитают Диониса как пророка и целителя; от болезней он избавляет «посредством сновидений». Сон в святилище Диониса целебный, в процессе его больной получает советы по оздоровлению. Храмы, где давались оракулы во сне и исцелялись больные, спавшие на шкуре принесенного в жертву животного, были широко распространены в Греции, и самым знаменитым было святилище Асклепия близ Эпидавра.

31. Афродита

Все боги, входящие в сонм главных богов, были ближайшими родственниками Зевса, его братьями, сестрами и детьми. Единственным исключением стала четырнадцатая олимпийка – богиня второго поколения Афродита, приходящаяся теткой Крониду.

Богиня красоты и любви олицетворяла всю гармонию мира и творила неиссякаемую любовь, чтоб удивительная жизнь никогда не кончалась, простираясь в вечную бесконечность.

Член Урана – Отца детородный, отсеченный изострым железом, по необъятному морю долгое время носился, и белая пена взбилась вокруг нетленного члена, полного божественного семени, извергающегося наружу. И девушка в пене по воле Мойр зародилась красы необычной даже для бессмертных богов, всегда красотой блиставших. У нее были очень длинные золотистые волосы, которые даже мокрые оставались на удивление пышными. Лицо дышало исключительной красотой, которую могла передать лишь гармония музыки. Большие глаза были то голубовато-фиолетового цвета, то зеленого, то вдруг делались черными, небольшой чуть вздернутый нос говорил о ее негреческом происхождении. Над изящным ртом с чуть припухлыми розовыми губами виднелась небольшая родинка. Даже необузданные ветры

затихли и замерли во вздохе едином, узрев в волнующихся зыбях рождение божественной красоты.

К племени вечных блаженных отправилась после рождения вскоре юная эта богиня. Древний бог притяженья Эрос сопровождал деву, которой с самого начала Мойрой было дано в удел и владенье между земными людьми и богами бессмертными вот что: восхитительный шепот девичий, искры в глазах, светлые улыбки и радостный смех, милые обманы, сладкая нега любви и пьянящее счастье прикосновений и нежных объятий.

Склонились блаженные небожители перед дивной красотой и пред непреодолимой мощью любви Афродиты, и только трое из 13 олимпийских богов и богинь остались безучастны к новой богине. Это мудрая Афина, чье могучее сердце было отдано справедливой брани и различным ремеслам. Любимый сын прекрасной Пафийки бог любви Эрот очень боялся ее грозного взгляда исподлобья и страшного потрясения султана на ее коринфском шлеме, и еще он очень страшился чудовищного лица Горгоны на эгиде Афины-Паллады. Так же Эроту были неподвластны скромная Гестия – чье дело – негаснувший семейный очаг и Артемида, гордая луком, чей удел был – охота на диких зверей.

Хор Сенеки поет, что всю природу покоряет Любовь. По приказу ее утихает вражда, пред ее пламенной страстью даже необузданный гнев отступает. Если род людской расстанется с Афродитой, от угасанья его сберегающей, то весь окружа-

ющий мир быстро выродится в необитаемую пустыню.

Некоторые говорят, что Афродита стала богиней не только любви, но и красоты потому, что, когда люди вожделеют любви, они страстно хотят красоты, которая побеждает даже время и наоборот, вечно неутолимое желание прекрасного порождает всегда жажду любви.

Богиня любви бывает жестокой, и сама говорит, что того, кто власть ее приемлет кротко, того она лелеет, но, если перед ней гордиться кто задумает, тот гибнет.

Геркл никогда не пытался спастись от власти Любви, наоборот, он каждую ночь, когда не сражался с чудовищами и врагами, стремился к Эроту, но находил лишь родного брата его – Гимерота, бога плотской любви.

Когда Гимерот вооружался луком с пламенными стрелами, его можно было легко перепутать с Эротом. Однако между Эротом и Гимеротом большая разница, такая же, как между олимпийцами и титанами. Эрот и Афродита – это болезнь души бессмертной, удар, источник раны ноющего сердца, Гимер же – это лишь желанье тела бренного, своеобразный голод.

Геркл все время влюблялся, но после своей первой женщины Ианты, которую, будучи совсем юным, любил несколько лет, проводил со всеми девами только одну ночь. Самой старой обликом Мойре Лакесис было угодно, чтобы Геркл постоянно влюблялся, чтобы эти влюбленности помогали ему в схватках и битвах.

Клавдий Элиан говорит, что тому, кто не знает любви, трудно в сражении меряться силами с тем, кто влюблен. Он обуян божественным безумием, вдохновлен не только Ареем, но и Эротом. Одержимый одним из этих богов (об этом упоминает Гомер, говоря, что такой человек неистовством подобен Арею) сражается стойко и бесстрашно, пока не проходит опьянение боем. Только служители Эрота, подстрекаемые Ареем и распаляемые Эротом, несут в битве двойную службу и, по справедливому мнению критян, отважны вдвойне. Поэтому не следует корить воина, который не может противостоять тому, кого Арес и его дитя от Афродиты жестокое, отважное в битвах, подвигают на кровопролитие, ибо он подвластен только одному богу.

Афродита бывает двоякая: Урания (небесная) и Пандемос (всенародная).

Афродита Урания была олицетворением небесной, бестелесной, возвышенной любви, которую впоследствии стали называть еще платонической.

Собеседники Платоновского «Пира» считают Афродиту Небесную покровительницей любви не к женщине, а к юноше, в атлетически-прекрасном теле которого воплощена высшая красота мира.

Ксенофонт говорит, что совершенно очевидно, что нет сильнее фаланги, чем та, которая состоит из любящих друг друга воинов.

Платон толковал эпитет Пандемос, как «пошлая», «до-

ступная» и «низменная», а затем и вовсе низвели богиню любви в покровительницы гетер, дав ей эпитет «Гетерия», а в Коринфе и в Эфесе Афродита, как покровительница грубой и разнузданной страсти имела эпитет «Порн». Недаром ее иногда изображали верхом на козле (или осле), который был у греков символом распутства.

Афродита Пандемос помогает любви к женщине, существу низшему, способному рождать лишь детей (что, конечно, необходимо для продолжения рода), но не мудрой мысли и не возвышенной идеи, которыми живет общество и ради которых мужчина идет на подвиг и даже на смерть.

Афродита всенародная насыляет любовь к телу, а к душе, к дружбе, к благородным подвигам – небесная.

Многочисленные влюбленности Геракла очень быстро кончались, не успевая разрастись до настоящей любви. Вначале эти влюбленности к женщинам герою были ниспосланы Афродитой Пандемос, потом Афродита Урания ниспослала ему любовь к Иолаю и другим юношам.

Плутарх приводит слова из утраченной трагедии Софокла: Киприда, дети, – это не только Киприда, она может быть носительницей и многих других имен: она и Аид, она и неистребимая жизнь, она и исступленная Лисса.

Если Эрот очень свиреп, то из сердца он уносит всю сладость и героической славы людям достичь не дает. Дерзкий, не привыкший никому подчиняться Геракл однажды не спасется от безумной Эровой брани. Это случится, когда в 53

года он встретит юную Иолу, первую в своей неустроенной жизни деву, с которой он не захочет даже на короткое время расстаться, но вместо наслаждения он страшно измучает ее, а сам получит от Рока ужасную, мучительную смерть.

Родословная Геракла

32. Золотой век

После появления могучих титанов, первопроходцев, обживавших суровую землю, праматерь всеобщая Гея стала производить на свет самые разные живые создания: деревья и растения, насекомых и птиц, рыб, зверей и других существ. После того, как непререкаемая Ананке решила, что на земле создано необходимое многообразие всевозможных животных, появились люди, разумом подобные бессмертным богам, но смерти подвластные.

По образу и подобию бессмертных богов создан был человек, и был он настоящим творцом во Вселенной, зачинателем лучшего мира. Высокое было чело того человека и прямо в небо открыто глядел он, подымая к вечным созвездиям дерзкие очи. Вскоре земля, что была недавно безликой и дикой, неузнаваемо преобразилась, приняв людей не былые обличья.

Некоторые говорят, что первое поколение людей, имевших привычный нам вид: с одной головой, двумя руками, двумя ногами и мужскими или женскими детородными органами произошло от первоначального поколения самых первых могучих двухтелых людей, имевших по 2 головы, по

4 руки и 4 ноги и по 2 детородных органа. Об этом изначальном небольшом по численности поколении первобытных людей поведает Иолай, рассказывая о том, как Геракл влюбился в Иолу.

Первое поколение обычного вида людей, жившее в незабываемый век первого коронованного правителя богов Крона, было названо золотым поколением.

Люди золотого поколения не только жили совместно с богами, но и жили они, как небожители, со спокойной и ясной душой, горя, не ведая и несчастий. И Герас печальный к ним приближаться даже не смел. В любом возрасте одинаково сильными были их руки и ноги, и разум оставался ясным до последнего дня. В радости и пирах они жизнь проводили, а умирали во сне. Разнообразные урожаи и обильные сами собой давали их сады, хлебодарные земли и нивы. Они же, сколько было в радость трудились, стад обладатели многих они были любезны сердцу бессмертных.

Не знали ненавистных болезней эти беспечальные люди. Как только горькая старость пыталась к ним приближаться, так сразу Аполлон с Артемидой луки свои серебряные брали и нежными стрелами во сне безболезненную смерть им посылали.

Некоторые говорят, что золотое поколение людей после свержения Зевсом родителя Крона постепенно сгнуло в пожарищах грозной Титаномахии – многолетней борьбы древних титанов, порождений природных стихий, с новыми бо-

гами, насельниками сверкающих высей Олимпа, воплощавшими мировой порядок и вселенскую гармонию.

Другие, как Клавдиан, утверждают, что Зевс закончил золотой век, приучивший людей к безделью и к лени. Он решил пробудить их к жизни, тревожной и бодрой, чтобы не было урожаев у них на непаханой ниве, и мед бы не капал с деревьев и не был бы каждый источник молочной струей и в реках вино не плескалось, как в чашах. Так он не по зависти и не по злобе решил, потому что честности роскошь враждебна, и человеческий ум от богатства гниет и тупеет.

Говорят, лучшие представители золотого поколения людей после неожиданной смерти стали добрыми демонами, хранителями будущих поколений людей, наблюдавшими за соблюдением ими справедливости и правды и дарующими богатство. Такая им почеть от Мойры досталась.

33. Серебряный век

Следующее поколение людей отличалось от золотого и обличьем, и жизнью и было немного похуже. Это поколение людей сотворила уже не великий мастер – природа, а бессмертные боги Олимпа.

Титан Прометей еще не похитил небесный огонь, и Зевс ему во всем доверял. По поручению царя богов легендарный сын непокорного титана Иапета, томившегося в сумрачной бездне Тартара, должен был вылепить всевозможных животных, включая людей.

Говорят, для исполнения поручения Зевса Прометей со своим братом Эпитемием отправились на берег вечно шумящего моря, где стали месить особую животворящую глину, смешивая ее с особой водой. Братьям было приказано украсить по-разному созданных тварей и распределить между ними разные способности, подобающие каждому роду животных, включая и людей. Когда Зевс увидел, что неразумных животных получилось гораздо больше, то велел Прометею часть зверей перелепить в людей. Тот повиновался; но получилось так, что люди, переделанные из животных, получили облик человеческий, но душу сохранили звериную.

Вскоре появилась Дева – воительница, рожденная из головы Громовержца, в коринфском шлеме с двумя рядами высоких перьев, в необорной эгиде, с копьем в одной руке и

веткой оливы – в другой, а на могучем плече у нее сидела сова круглоглазая. Как только богиня, унаследовавшая от матери мудрость, дотрагивалась изострым концом нетленного своего копья до неподвижно лежащих тварей, среди которых был и человек, так сразу все начинали двигаться и дышать.

Человек, вылепленный Прометеем, и оживленный божественной сутью Афины вдаль всматривался гордо и дерзко. Это было начало серебряного века людей.

Говорят, что именно Прометей первым помог людям приучить многих диких животных, быков – к ярму, а лошадей – к хомуту. Он же научил людей строить не ветхие шалаши из веток, продуваемые всеми ветрами, а сохраняющие тепло жилища из стволов деревьев, не утлые плоты, а лодки большие из корабельных сосен высоких и стройных кедров душистых. Появились постройки из обработанного дерева и глины, и даже из камня. Безгранично-огромное море стали бороздить большие крепкие суда под надутыми ветром белыми парусами, появлялись и развивались всевозможные ремесла, возникали первые поселки и целые города.

Говорят, что сотню лет возрастал человек этого поколения неразумным ребенком, дома близ матери доброй забавляясь. Возмужав и зрелости полной достигнув, жили эти люди малое время, на беды себя обрекая своей нечестивостью: ибо от гордости непомерной не в силах были они воздержаться, бессмертных почитать не желали, не приносили им жертв на святых алтарях, как по обычаю людям положено было бога-

ми.

Среди серебряного поколения появились первые герои — дети, рожденные смертными женщинами от блаженных богов. Герои первого поколения были одержимы богиней непомерной гордыни и спеси Гибрис, и они посмели с самим Зевсом бороться. И это поколение людей, среди которых были герои-зевсоборцы, царь богов решил заменить. Их под землю Зевс-громовержец сокрыл, негодуя, что почестей должных люди не воздавали блаженным богам, на Олимпе живущим.

34. Медный век

Время неудержимо летело только вперед, и на смену веку серебряному век медный явился.

Люди медного века духом суровой были людей века серебряного и часто склонялись к распрям и даже войнам, — но не были они преступниками еще.

Этих люди стали изготавливать оружие из металла: медные мечи и наконечники копий и стрел. Были из меди и доспехи у них и разная утварь в жилищах. Инструменты для разных ремесел тоже медными были: мало кто знал о бронзе, а о железе никто не ведал еще.

Люди медного поколения полюбили насилие и особенно грозное дело бога кровавой войны Арея, и многие споры военной силой предпочитали решать. Хлеба почти не ели они и овощей, больше всего дичь и мясо животных любили. Крепче медных мечей был дух их могучий.

Появились среди этого медного поколенья люди мощные духом и страшные силой — герои поколенья второго. Сначала они по воле Мойр непреложных истребляли самых страшных чудовищ, нечестивых владык и всяких злодеев и потому второе поколение героев назвали истребителями чудовищ.

Говорят, никто приближаться к ним не решался: великою силой они обладали, и необорные руки росли на их плечах многомогущих. Однако эта их огромная сила и разъедающая

душу непомерная гордыня принесли гибель и второму поколению героев, истреблявших чудовищ и вместе с героями сгинули и люди третьего медного века.

35. Бронзовый век

После того как земля медное поколение покрыла, поколение четвертое – бронзовое, создал Кронид на многострадальной земле, справедливее прежних и лучше, – славных героев-воинов божественный род. Называли их также полубогами, и грозные их погубили войны и бесконечные ужасные битвы.

Гесиод только этот бронзовый век называл героическим. В Кадмовой области славной одни герои-воины свою жизнь положили, из-за Эдиповых стад подвизаясь у Фив семивратных. У крепких стен широкоуличной Трои священной много героев погибло, на тысяче черных судов переплыв ради прекрасноволосой Елены через взволнованные зыби морские.

Души многих героев – воинов громовержец Кронид переселил после их смерти к самым границам земли, дав пропитание им и жилища отдельно от смертных. Без тяжких забот они безмятежно близ океанских пучин небольшие острова населяют блаженных. Трижды в году хлебодарная почва героям счастливым сладостью равные меду плоды в изобилие приносит.

Для людей же продолжавших жить на земле наступал век железный – век грозный, суровый сделанных словно из железа людей.

36. Железный век

Многие честные люди говорят, что не желали бы жить с поколением людей пятого железного века, предпочитая лучше молодыми умереть лишь бы до его наступленья.

Последний век пятый стал худшим из всех предыдущих, в него ворвалось все самое мерзкое, нечестивое, что бывает на свете. Сначала Правда и Верность исчезли, потом за ними Стыд неизвестно куда с земли убежал, их место не пустовало, и появились Обман, Коварство, Козни, Насилье и Войны. Пало, повержено в прах, благочестье, – и дева Астрея с влажной от крови земли взлетела на небо, и вместо нее в сердцах людей железного поколенья поселилась проклятая жажда наживы.

Принадлежавшие всем до сих пор, как солнце и воздух поля, четкой межою землемер разметил усердно, и все стали в земле богатства искать, – ко всякому злу побужденье! Бога богатства Плутоса благая Деметра от Иксиона родила, а Зевс ради справедливости его ослепил, чтобы он не мог отличить честных людей от нечестных и, чтобы делил богатство поровну, не взирая на лица. Так же и люди от богатства теряют разум и становятся сами слепыми.

С вредным железом тогда железа вреднейшее золото стали люди копить, и всем стал править Полемос – Война, что и золотом крушит, и железом, не ведая справедливости, в окро-

вавленной руке сотрясая со звоном оружие из железа крепчайшего.

И не было людям века железного передышки ни ночью, ни днем от труда и от горя, от войн и несчастий. Заботы тяжкие боги дали людям этого века.

Чуждыми стали дети отцу, товарищ товарищу, гостю – хозяин, больше не стало меж братьев любви и уважения между друзьями. Муж жену был всегда рад погубить, она же – супруга. Страшные мачехи, те яд подбавляют смертельный; раньше времени сын о годах читает отцовских. Люди, как разбойники стали жить насилием и грабежом, иногда целые города разграбляя и граждан в рабов обращая. Добрый и справедливый не пользовался никаким уваженьем, над ним смеялись и издевались, как над глупцом, наглецу же и злодею стал воздаваться почет. Справедливость и правда бесследно исчезли, их кулак заменил, где сила, там стало и право. Следом за каждым из смертных несчастных пошла неотвязно зависть злорадная и злоязычная, с ликом ужасным.

Последней из бессмертных с лика земли исчезла Элпида – Надежда на лучшее. Бессмертным же больше всего не нравилось в поколение железном, на убийства злодейские падком то, что люди совсем не чтили богов.

37. Зевс решает людей под водой погубить ^[47]

Зевс, наблюдая несправедливость людей последнего железного века, как всегда, очень долго с воздаянием медлил, но однажды не выдержал и весь праведным преисполнился гневом. Глухо он застонал, крепкими зубами скрипя, и мощно затряс поседевшей, как и голова, бородою.

Успокоившись, Эгиох созвал олимпийских богов на срочный совет. Не замедлили блаженные боги явиться в Громовержца чертог по главной дороге в выси, на ясном зримой небе, которая Млечным зовется Путем. В зале советов, где у каждого было свое кресло, расселись по чину бессмертные небожители. На возвышенье особое стал Громовержец, мощной рукой опершись на скипетр из кости слоновой, увенчанный орлом, свесившим крылья, царственная птица, кажется, дремлет, сладко прикрыв веки во сне, но все замечает и слышит.

Трижды, четырежды потряс Зевс всех приводящими в невыразимый ужас власами, сотрясая и землю, и море, и небо со звездами своею грозной эгидой. Следом за тем разрешил и уста, праведным возмущенные гневом:

– Внемлите боги мне, ведь я ваш мудрый правитель и не стал бы совет созывать без веской причины! Я не более был

Вселенной моей озабочен в те времена, как любой из наших заклятых врагов землеродных готов был несправедливыми своими руками захватить мое небо! Хоть многомогущий и жестокий был у нас враг, – но тогда от единого рода происходила война и единый имела источник. Ныне же всюду мир подлунный до самых последних пределов мерзостью нечестивой наполнен, и потому после долгих раздумий я единственно правильное решение принял: должен смертный я род человеков погубить справедливости ради. Клянусь я реками кромешного Ада, что под землей протекают по мрачной роще стигийской – было прежде мною испытано все: я не давал им огня, посылал к ним Пандору и лишил их Элпиды, погубил много тысяч мужей в огне войн двух Фиванских и в многолетней Троянской войне... Однако язва эта оказалась неизлечимой, и потому ее следует сейчас срезать беспощадным мечом, чтобы хоть малую здравую часть она не задела.

Речь Громовержца шумно одобрили все небожители, но некоторые из богов, среди которых более всех мудрая выделялась Афина все же так возроптали:

– Человеческий род нечестивый, обреченный на гибель, не стоит, конечно, жалеть, но надо все же подумать: каков будет вид земли без людей, и кто приносить жертвы будет нам на алтари? Иль зверью неразумному будет отдана вся земля?

Зевс поднял бородатый высоко подбородок и величаво ответил:

– О, Всевышние! Мне понятна ваша тревога, но беспокойство излишне, вашим мудрым властителем все предусмотрено. Я истреблю род человеков так, что не только ваша безопасность не пострадает, но и почести прервутся со всем ненадолго. Я сначала по всей земле разметать был готов жгучие молнии с перунами, да убоюсь, пылать от стольких огней не начал бы необъятного неба священный горний Эфир и Длинная Ось Мировая не зажглась бы. Вспомнил я вовремя, что время может такое настать, когда море, земля и небесный дворец загорятся, тогда гибель будет грозить дивнослаженной мира громаде. Молнии тогда отложил я и после недолгих раздумий кару иную избрал – человеческий род под водою вздумал я погубить, оставив несколько пар жен и мужей для разведения их жалкого вида.

Сказано – сделано, и Громовержец с небес мощно проливные дожди опрокинул. Брат Олимпийца Владыка морей Посейдон тут же собрал все озера и реки, и богам влажной стихии всем приказал:

– Прибегать к увещаниям долгим незачем мне. Всю свою силу Потамайте излейте! И вы, потоки озер, поводя влажные все отпустите.

Начался всемирный потоп, и вскоре вся суша и широкодорожное море слились, и различья меж ними не стало, все было – море сплошное, и не было у него берегов. Бушевавшие непрерывно в течение 10 дней воды почти всех людей погубили. Выжили во Всемиром Потопе только сын Про-

метея Девкалион и дочь Эпиметия и Пандоры Пирра, причалив в лодке к горе двухвершинной – Парнасу. Там сведущая в прорицаньях Фемида им изрекла:

– Головы ваши покрыв, одежд пояса развяжите и через плечи назад мечите праматери кости.

Тогда Прометид обращается мягко к Эпиметиде:

– Благочестен и нам не внушит беззаконья оракул. Наша праматерь – земля. В телесах ее скрытые кости, это – камни. Кидать их за спину нам повеленье.

И на свои следы через плечо назад стали они камни бросать, и, хоть времени мало прошло, но, по воле Всевышних, камень, что мужчина кидал, внешность мужчин обретали, а из-под женских бросков женщины в мир возвращались. Так от этих камней произошел новый род человеков, во всяком труде закаленный. Время шло, людей становилось все больше и больше, однако они были слишком слабы и по сравнению с богами – краткоживущими.

38. Полубоги

Когда Зевс от Мойры Лахесис узнал, что для уничтожения божественных чудовищ, включая землеродных Гигантов, необходимы новые существа – наполовину боги, наполовину – смертные люди, т. е. полубоги, он долго от бессильного возмущения скрипел зубами, крутил густыми сросшимися бровями и тряс косматой головой. Многие ужасные чудовища были кровными родственниками олимпийских богов, а по древнему закону Ананке близкие родственники не могли убивать друг друга.

Успокоившись, Зевс смирился с необходимостью, хотя и проворчал себе в бороду:

– Не могу даже представить, как мне и моим милым братьям и сыновьям придется сочетаться сладостной любовью и лаской не с богинями, прекрасными ликом и телом, а с хилыми смертными девами, произошедшими от Пандоры. Ведь эта дева лишь с виду красивая и стыдливая была задумана мной, как приманка искусная, как наказание, несущее медленную гибель для смертных, ибо разумом собачьим и двуличной, лживой душой по моему приказу ее наделил сын мой Аргоубийца.

Гермеса стали называть Аргоубийцей после того, как он, усыпив грустной и заунывной мелодией флейты и своим кадуцеем стоглазого Аргуса, убил его мечом своим серповид-

ным из седого железа, чтобы выполнить приказ Зевса и освободить превращенную в белую телку его возлюбленную Ио, которую великан по приказу Геры сторожил в Немейской долине в оливковой роще.

Когда же Олимпийский Блистатель сам спустился на землю, чтобы посмотреть на дев, для смерти рожденных, то был приятно изумлен, о чем потом так сказал Посейдону:

– Радуйся брат мой милый! Я увидел там на земле множество чисто умытых плавноступающих дев в первом цвету и немало стройных низкоподпоясанных жен, лица которых фиалковенчанная подательница любви Афродита овеяла прелестью дивной, чудесно возбуждающей мужскую страсть. Этой же ночью я посещу Аргос, славную конями вотчину ревнивицы Геры, уж там, наверное, она не догадается искать мужа, который по воле Ткачихи озаботился рождением полубогов.

Первая смертная женщина с ликом прекрасным и кожей нежной, с которой познакомился Зевс, была Ниоба, дочь аргосского царя Фороней и нимфы Лаодики. Великий бог впервые пылкой любовью смешался с Ниобой и, восстав с ложа, он возвестил:

– Не напрасно мне показалось будто Ниоба красою всех нежноласковых жен превзошла полногрудых. Безмерно я удивлен, но это было прекрасно! Смертная дева на моем брачном ложе оказалась ничуть не хуже наших блаженных богинь...

Ниоба родила от Зевса Аргоса и Пеласга, которые были по отцу богами, а по матери – смертными, и их называли полубогами. Аргос по просьбе Деметры принес из Ливии семена пшеницы и посеял их в Арголиде. Пеласг, ростом, силой и красотой выдававшийся среди всех, став царем, придумал строить хижины, чтобы люди не мерзли, не мокли под дождем и не страдали от жары; изобрел хитоны из шкур овец. Он же отучил людей от употребления в пищу зеленых листьев деревьев, травы и кореньев, взамен этого в пищу он дал им желуди. Пеласг стал родоначальником пеласгов – древнейших обитателей Греции, сделавшиеся впоследствии эллинами, разделившимися на аркадцев, данайцев, ионийцев, дорийцев, ахейцев и других менее известных народов.

С тех пор не только детей, но и потомков богов и смертных женщин или богинь и смертных мужчин стали называть полубогами. От богов полубоги наследовали огромную силу тела и крепость духа, а от людей – неотвратимую причастность смерти.

Полубоги занимали промежуточное положение между бессмертными и смертными, и поэтому они были своеобразными посредниками между богами и людьми.

Обычно великие полубоги имели двойное отцовство, т. е. имели одновременно смертного (приемного) и божественного (родного) отца. Например, у знаменитого афинского героя Тесея смертным отцом был царь Эгей, а божественным – Посейдон похотливый, возлегший с трезенской царевной

Эфрой в ту же ночь, что и ее супруг законный. Так же и Геракл был рожден смертной Алкменой от Зевса и усыновлен ее мужем Амфитрионом.

39. Герои первого поколения (богоборцы)

Герои первого поколения появились среди серебряного поколения людей. Среди них были Тантал, Иксион, Салмоней, Сисиф и другие менее известные богоборцы-герои, о них стоит рассказать чуть подробнее.

Сын Зевса и фригийской царицы Плуту Тантал долгое время был любимцем богов и имел доступ к их пирам и советам. Он разгласил тайные решения Зевса и рассказал людям о мистериях богов. Он так же похитил со стола богов нектар и амбросию, чтобы дать их отведать престарелым родным и друзьям. Своею рукой тело маленького сына Пелопа он расчленил, и для бессмертных гостей, желая испытать их всеведение, из него пир приготовил. Когда это обнаружилось, Зевс к огромному удивлению, не увидел страха в сверкавших дерзко серых глазах Тантала. Царь богов увидел, что рядом с сыном стояла, вызывая улыбаясь, богиня непомерной гордыни Гибрис, а потом к ней присоединилась, безумно сверкая глазами, богиня бешенства Лисса.

– А почему я должен хранить в тайне то, что вы замышляете против людей, ведь я сам человек!?. Да я испытал вас на всеведение, и вы оказались людоедами – все попробовали, хоть по кусочку. Пелоп же мне не сын. Вот только кто из вас, блаженных осчастливил мою жену Еврианассу я так и не

узнал... он взял ее силой, когда я был на охоте, а уходя так и не представился, сказав только, чтоб она радовалась, ибо ее телом владел бог...

От такой неслыханной наглости Зевс оторопел, лишившись дара речи и, тряся нечесаной бородой, смог сначала лишь удивленно сказать:

– Что за слова у тебя из ограда зубов излетели, наглец?

Когда же он пришел в себя, то от злости на себя за свою первоначальную доброту заскрежетал зубами и прорычал:

– Молчать собака! Ты даже не представляешь, что я сделаю с тобой и со всем твоим родом презренным.

Зевс присудил Танталу кару достойную. Изможденный, он в озере с пересохшей глоткой стоит и умирает от жажды и голода, хотя разные кругом свисали плоды. Издевательское наказание Тантала вечным голодом и жаждой Зевсу показалось недостаточным, и весь его род был проклят отцом всех бессмертных и смертных. Проклятие бога, как известно, обрекает на большие несчастья, и большинство Танталидов было обречено погибнуть под гнетом проклятия Зевса.

Иксион был сыном известного своими дерзкими и нечестивыми поступками орхоменского царя Флегия, а также внуком буйного Ареса. Добиваясь руки дочери фракийца Эионея Дии, Иксион обещал будущему тестю богатые подарки, однако после свадьбы столкнул его в яму с пылающими углями. Это было первым на Земле убийством родича, и грозные Эринии исхлестали Иксиона ядовитыми бича-

ми, доведя его до безумия. Никто не хотел, страшась древних мстительниц, очистить Иксиона от скверны убийства, пока это не сделал, сжалившись, милостивый Зевес. Царь богов наделил Иксиона бессмертием и удостоил приглашения к трапезе богов на Олимпе, где тот влюбился в его супругу Геру и стал ее домогаться. Зевс, прекрасно знавший муки любви, сначала мудро решил и свой брак священный обезопасить, и похоть Иксиона удовлетворить – он вместо Геры предоставил ему ее образ из облака, созданный богиней туч и облаков Нефелой, которая родила от него дикое поколение кентавров. Когда же Иксион, обуреваемый богиней спеси Гибрис, начал при всех похваляться своей победой над Герой, Зевс сказал ему, издевательски улыбаясь:

– Ты наглец не только самоуверенный, но еще и глупый, что мысли подобные высказываешь перед народом. Неужели ты думал, что и в правду сможешь стать любовником моей золототронной супруги?

– Я любил Геру и, несмотря ни на что, до сих пор люблю одну только ее, не то, что ты – меняешь смертных и богинь, так бык-производитель в стаде коров одну за другой покрывает... Слышал, как ты хвалился вчера, что возлег с Иксиона супругой молодой, и Пирифоя она родила от тебя! А я с Тучей спал и потому – наглец?! Как ненавижу я вас, бессмертных и тебя больше всех!

Иксион от сознания того, что Зевс так изощренно надругался над его великой любовью говорил, совсем как безум-

ный. Зевс привязал его к огненному колесу, и буйные ветры понесли его вдоль поднебесья в Аид, где он терпит вечные ужасные муки.

Сын Эола и Энареты внук Посейдона Салмоней превзошел в дерзости всех смертных. Он насмеялся над Зевсом, создавая гром грохотом котлов, а молнии – с помощью факелов. Он разъезжал на грохочущей колеснице, бросал в народ горящие факелы и вопил:

– Чем я не Громовержец?! Нет, я выше, посмотрите – мои деяния превосходят деяния Зевса. Разве не ярче мои факелы зевсовых молний и не громче грохот моей меди и стук копыт моих лошадей, чем его громы?

Зевс поразил его перуном, низверг в Аид и уничтожил весь город с жителями, которые ему внимали.

Некоторые говорят, что Зевс домогался до дочери Салмоней юной Тиро, с нежного тела которой, с одеяний серебрянотканых свет изливался божественный, веяло милой красюю. Якобы именно после того, как Салмоней узнал о том, что бог неотступно преследует его дочь, он стал издеваться над Зевсом, выставя грозного для всех Громовержца со всеми его громами и молниями в комическом свете.

Согласно Диодору, не Зевс, а Посейдон влюбился в Тиро из-за ее красоты, сочетался с ней, и та родила сыновей Пелия и Нелея. Салмоней же, не поверив, что Тиро лишил девственности Посейдон, стал скверно обращаться с дочерью и в конце концов получил возмездие и погиб, поражен-

ный молнией Зевса.

Сын Эола и Энареты, потомок Тантала и Прометея хитроумнейший герой Сисифф рассказал речному богу Асопу, где скрылся Зевс с его малолетней дочерью Эгиной, и за это царь богов приказал Танатосу бросить преступника в оковах в Аид. Однако Сизифф обманом сам заковывает бога смерти в его же колодки и держит его в плену. Лишь после вмешательства Мойры Лахесис, Арес по приказу Зевеса освобождает из колодок незадачливого бога смерти. Разгневанный Танатос исторгает душу Сисиффа и отводит ее в царство теней умерших. Но и тут хитрец сумел обмануть великих подземных богов. Он запретил своей жене Меропе совершать после своей смерти погребальные обряды, а Аиду и Персефоне, смиренно потупив глаза, почтительно молвил:

– Вы властительные боги самых гостеприимных домов достойны величайших почестей меж всех бессмертных. Вечная кара должна постигать того из людей нечестивых, кто с подобающим даром не будет вас чтить, принося, как положено, обильные жертвы. Как я страдаю здесь, что не могу сам исправить на земле все упущения и наказать виновных не совершающих погребальных обрядов.

Вскочили с тронов объятые радостью и царь, и царица, Аид веселился не только глазами, губы его сами кривились в непривычной усмешке. Мудрая Персефона предложила супругу отпустить на несколько дней столь достойного человека, чтобы он восстановил на земле погранный порядок.

Говорят, что такого никогда не было в мрачных пустотах гостеприимного дома – царь с царицей вместе проводили коринфского царя на берег стигийский. С ними был так же Кербер, который всеми тремя головами ласкался о ноги Сисифа, прихватившего для него с царского стола лепешки с медом, которые адский пес любил больше всего на свете.

Божества с рук на руки передали своего посланца на землю начальнику парома Харону, приказав ему быстро перевести его на другой берег. Они так же сказали титану, чтобы тот без задержек сразу перевез Танталида обратно, когда тот вернется. Конечно, обратно вероломный герой вернулся очень нескоро. Когда он вернулся в свой дворец, то устроил себе пышные похороны и погребение, поместив в могилу вместо себя умершего раба, и тем самым ввел в заблуждение даже всегда недоверчивого Аида и вечно суровую Персефону. В те времена человек, которого ошибочно сочли мертвым и по которому был совершен обряд погребения, считался мертвым до тех пор, пока не проходил через обряд нового рождения. Его пропускали под одеждой женщины и, когда он выпадал из ее ног на пол, обмывали, завертывали в пеленки и передавали на целый день на попечение кормилицы. Конечно, Сисиф не стремился пройти обряд нового рождения, и потому даже встречавшие его знакомые считали его мертвым, и он общался с ними, как другой человек.

Некоторые говорят, что Танталид много еще совершил преступлений. Он изнасиловал красавицу Тиро, когда та,

уоставшая после купания, обнаженная выходила из воды. Уличив Автолика, постоянно кравшего у него скот, Сисиф явился к нему и ночью пробрался к спящей дочери Автолика Антиклее и сошелся с нею. Потом Антиклею отдали в жены Лаэрту, и она родила Одиссея, который, возмужав, стал, как родной отец, таким же хитроумным. Скрываясь от богов, Сисиф промышлял разбоем на больших дорогах и, убивая путников, любил придавливать их огромным камнем, и этот камень ему по требованию Дике припомнят в Аиде. Опять потребовалось вмешательство старой обличительницы Ткачихи, чтобы Гермес Долий (Хитрый), отыскал такого же, как он, хитреца. За эти и другие проступки Зевс приговорил Сисифа к наказанию – вечно вкатывать в Аиде на гору тяжелый камень, который скатывался опять вниз, а он должен был его возвращать вверх на прежнее место.

Все эти полубоги богоборцы, герои I поколения были одержимы богиней ненасытной гордыни и спеси Гибрис, но самое главное – они посмели с самим Зевсом бороться, и потому были им истреблены беспощадно.

40. Другие герои

В медный век возникли люди мощные духом и страшные силой – герои II поколения. Сначала эти могучие герои по воле Мойры Лахесис истребляли ужасных чудовищ и страшных разбойников, расплодившихся на всей широкодорожной земле. Поэтому второе поколение героев назвали Истребителями чудовищ. Самыми знаменитыми были победитель Медусы-Горгоны Персей (разрушитель), великий Геракл (прославленный Герой), погубивший всех страшных детей Тифона и Ехидны и Тесей, убийца Минотавра и разбойников многих. Среди героев-истребителей чудовищ были так же непорочный Беллерофонт – огнедышащей победитель Химеры, Мелеагр, убивший Калидонского вепря и другие менее известные герои. Однако сила ужасная собственных рук и небывалая гордыня потом принесли гибель и второму поколению героев. Все под землю Истребители чудовищ, как один, снизошли, как ни могучи они были, Танатос чернокрылый их принял и лишил по зевсовой воле навсегда сияния яркого солнца.

В бронзовый век жили и погибали на войнах герои III поколения – Воины. Самыми знаменитыми героями – воинами были быстроногий грек Ахиллес и троянец шлемоблещущий Гектор, а также Аяксы, Диомед, Одиссей, Эней и другие. О них лучше всех спел великий Гомер и потому здесь нет нуж-

ды подробно о них говорить.

Если дети или потомки богов совершали нечестивые поступки, а иногда и злодеяния, то их обычно не величали героями, а называли просто по именам. Например, сын лучезарного Феба Кикн, в крови которого текло более половины божественного ихора, не только не свершил ничего достойного своего полубожественного происхождения, но делал настолько постыдные поступки, что отец сам превратил его в лебедя. Другой не менее породистый полубог, носящий такое же имя – Кикн – сын всегда запятнанного кровью Ареса вообще был злодеем и разбойником и погиб от карающей руки величайшего истребителя чудовищ и злодеев Геракла.

Таких примеров множество. Поэтому некоторые говорят, что есть герои с хорошими душами, а есть – с дурными. Многие употребляют разнообразные слова, образованные от слова «герой», например «героический», а это значит, что они вкладывают в слово «герой» смысл «доблестный», а не рожденный от бога и смертной. Слово «героический» обычно означает исключительно смелый, благородный. Чаще всего героями называли полубогов за доблестные деяния, совершение которых требовало не только огромной физической силы, но и силы духа, кипящей храбрости, стойкости, граничащей с самопожертвованием, когда герой не щадит себя ради достижения благородной цели. Такими были легендарные герои, очищавшие мир от чудовищ Персей, Геракл, Тесей, Беллерофонт и прославленные Гомером герои – воины, на-

пример, греки Ахилл и Патрокл или троянцы Гектор и Эней.

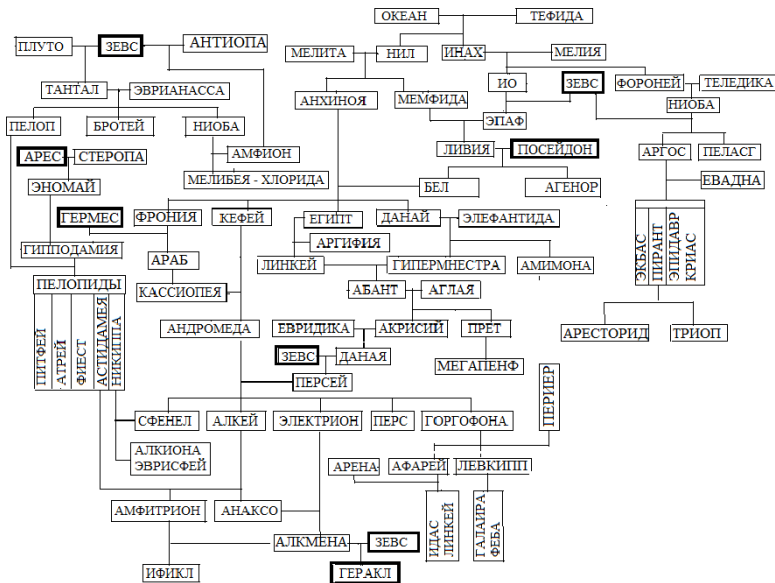
Некоторые мастера своего дела так же именовались героями, если в этом деле они достигали огромных успехов, не совершая иных подвигов, требовавших смелости и самоотдачи. Героями именовались и эпонимы (давший имя) – основатели городов и государств, прожившие жизнь обычного человека, подвиг которых заключался лишь в том, что они или их потомки дали свои имена городам и целым народам (Аргос, Аркад, Дардан, Коринф...). Героями называли так же странников и скитальцев (Одиссей, Эней, Ясон...), прорицателей (Тиресий, Кассандра, Калхант, ...), рокоборцев (Акрисий, Алтемен, Эдип, ...), мастеров (Дедал, Трофоний, Агамед,...), музыкантов (Орфей, Арион, Филаммон,...), обожествленных героев (Асклепий, Полидевк, Меликерт...), великанов (Алоады, Титий, Орион, ...), охотников (Агрей, Актеон, Кефал,...), красавцев (Ганимед, Адонис, Эндимон, ...),

...

Существует мнение, что слово «герой» (1. доблестный муж, предводитель и 2. спаситель, защитник) произошло от имени Геры (1. госпожа и 2. охранительница) точно так же, как и имя Геракла. Как видно, оба значения слов «Гера» и «герой» практически совпадают. Однако считать, что слово «герой» связано исключительно с именем Геры нет достаточных оснований.

41. Генеалогическое древо Геракла

Как видно из генеалогической схемы Геракл имеет в своем роду четырех олимпийских богов Ареса, Гермеса, Посейдона и Зевса, причем, Правитель Олимпа от своей внучки Алкмены был отцом Геракла, и был так же трижды его предком, сочетавшись любовью с Плуто, Ио и Данаей.

Одним из предков Геракла был грозный Арес, овладев-

ший дочерью древнего титана – исполина Атланта Плядой Стеропой (вспышка, молния) после того, как могучему Иапетиду по воле Мойры Лахесис пришлось взгромоздить бескрайнее небо, обильное астрами, себе на плечи. Нечестивый сын Кандаона и Стеропы Эномай получил оракул, что зять будет виновником его смерти. Говорят, так же, что Эномай был влюблен в свою красавицу дочь Гипподамию и потому, не желая выдавать ее замуж, он громогласно объявил:

– Все, кто решит посвататься к моей прекрасной дочери, должны будут соревноваться со мной на конях. Победитель получит в супруги Гипподамию, а проигравший – погибнет, лишившись глупой головы.

Кони Эномая, подаренные ему Ареем, были быстрее самого северного ветра Борея. Долго сын бога кровавой войны всех побеждал и убивал женихов, прибывая их черепа на стенах своего дома для устрашения будущих претендентов на руку и сердце дочери. Однако жаждавшие сладкой милости Каллоны (Красота) элины славились высокой доблестью, и дивная краса Гипподамии, несмотря на риск умереть, продолжала привлекать все новых женихов. Наконец, появился сын героя-зевсоборца Тантала Пелоп, знаменитый тем, что он был оживлен богами после того, как нечестивый отец зарезал его и приготовил на обед бессмертным, дерзко желая испытать их всезнание. Благодаря крылатым коням, полученным от Посейдона, и подкупленному вознице Эномая Миртилу, Пелоп победил Эномая и убил его хотя, неко-

которые говорят, что сын Арея сам впал в давно предреченное безумие и бросился на меч. Гипподамия родила супругу много детей, среди которых была Астидамия, вышедшая замуж за одного из сыновей Персея и прекрасной Андромеды, внука Зевса Алкея. Астидамия родила так же Амфитриона и дочь Анаксо, которая вышла замуж за дядю Электриона и родила дочь Алкмену, ставшую матерью величайшего эллинского героя.

Таким образом, бог войны был прапрапрадедом Геракла, но его божественного ихова было достаточно, чтобы тот оказался не только сверхмощным одиночным борцом с чудовищами, но и доблестным воином. Единственным недостатком сына Алкмены, как воина, было неумение подчиняться начальникам и связанное с ним – неумение командовать большими войсками, что, по вещему мнению, дочери Ананке Мойры Лахесис, ему и не было необходимо.

Потомок Атланта был прадедом прекрасной Андромеды, отданной морскому чудовищу, насланному на подданных эфиопского царя Кефея мстительным Колебателем земли Посейдоном за хвастовство его супруги Кассиопеи, утверждавшей, что ее дочь прекраснее Нереид. Бог прибыльной торговли и красноречия обладал множеством талантов, Геракл же унаследовал от него трудолюбие, любовь к атлетическим состязаниям и умение воровать. Обычно Геракла не считают чрезмерно склонным к воровству, однако, большинство его знаменитых деяний являются именно похищения-

ми. Лишь 4 из 12 канонических подвигов не были связаны с похищениями – это удушение Немейского льва, истребление Лернейской Гидры, изгнание Стимфалийских птиц и очистка Авгиевых конюшен. Остальные 8 подвигов – это по сути похищения: Керинейской лани, Эриманского вепря, Критского быка, коней Диомеда, пояса Ипполиты, адского пса Кербера, коров Гериона и яблок из сада Гесперид.

Брат Зевса, Владыка подводного мира Посейдон известен своим буйным нравом, таким же, как его бурная водная стихия. Возможно, из-за родственной связи с Энносигеем, Геракл так быстро впадал в безумный гнев и был легкой добычей богини безудержного бешенства Лиссы. В припадке безумия, насланного по приказу Геры, Гераклу было предопределено Роком убийство своих детей от первой законной супруги Мегары. Чтобы искупить это страшное кровавое преступление, по изречению знаменитой дельфийской жрицы, он должен будет на службе у микенского царя Эврисфея совершить 10 великих подвигов. После освобождения от службы у Эврисфея, Геракл опять в припадке остервенелого бешенства убьет своего гостя и друга юного Ифита, за что будет продан в рабство к царице Омфале. Алкид совершал и другие безумства, но для них обычно находились смягчающие обстоятельства.

Зевс был предком Геракла, как по линии бабки Анаксо, так и по линии деда Электриона, кроме того, он был прадедом матери героя Алкмены. Но самое главное, Зевс, соче-

тавшись со своей правнучкой, стал родителем Геракла и потому он передал сыну большинство своих качеств, из которых главные – необычайная сила и стремление к справедливости. Геракл по силе превосходил всех бессмертных богов, уступая лишь своему великому родителю. В юные и молодые годы для непорочного сердца Алкида милее всего была справедливость, однако зрелый Геракл, часто обижаясь на неблагодарность людей, правде все чаще противопоставлял свою необорную силу.

Диодор Сицилийский говорит, что необычными были и обстоятельства, связанные с рождением этого бога (Геракла). Первой из женщин, с которыми сочетался Зевс, была Ниоба, дочь Форонея, а последней – Алкмена, родословную которой мифографы возводят к Ниобе: Алкмена была потомком последней в шестнадцатом колене. С первой из них Зевс начал производить на свет людей, со второй – закончил, прекратив тем самым свои связи со смертными женщинами, не надеясь уже в более поздние времена произвести на свет кого-либо достойного [его прежних сыновей], а присоединять к лучшим худших он не желал.

42. Смертные родители Амфитрион и Алкмена

По воле вещей Мойр, непреложных дочерей всемогущей богини Необходимости Ананке Зевс проник в виде золотого дождя в подземную комнату юной царевны Данаи, куда ее заточил жестокий родитель – аргосский царь Акрисий, чтобы не исполнилось предсказание, согласно которому он должен был погибнуть от руки своего потомка мужского пола.

Акрисий был настоящим героем – рокоборцем. Некоторые говорят, что на примере отца Данаи хорошо видно, насколько могуча Судьба и как гибко может проявляться ее неизбежность. Все предначертания Мойры должны неизбежно сбываться, в этом таинство всемогущего Рока, вытекающее из Закона Ананке. Однако Случай и свобода воли людей вносят поправки даже в законы жутколикой богини. Акрисий всю жизнь боролся с предопределением Жребия, но Рок его все же настиг, и он был случайно убит диском, брошенным на соревнованиях его внуком Персеем. Таким образом, оракул в точности сбылся, и Могучая Судьба восторжествовала, как всегда, доказав, свою неизбежность. Однако Акрисий был убит внуком, будучи уже стариком с согнутой годами спиной, т. е. незадолго до своей естественной смерти. Поэтому можно считать, что он, в своей борьбе с Роком, как бы победил свою Долю и погиб в очень преклонных

годах, когда смерти причастные люди все умирают.

Итак, Даная с лоном, согретым дождем золотым и, значит, наполненным животворной божественной влагой через 9 месяцев родила Отцу всех бессмертных и смертных могучего сына Персея, который после убийства Медусы – Горгоны освободил Андромеду от морского чудовища. Первый прославленный герой-истребитель чудовищ полюбил красавицу Андромеду и женился на ней, и она родила ему 6 прекрасных сыновей, среди которых были Алкей, Сфенел и Электрион. От Алкея, ставшего тириинфским царем и Астидами, дочери Пелопса родился Амфитрион и дочь Анаксо. Сфенел женился на Никиппе, а Электрион женился на своей племяннице Анаксо, которая родила прекрасную дочь Алкмену, дивную красу от богов, получившую вечных.

Однажды к Электриону, царствовавшему в златообильных Микенах, пришли дерзкие сыновья царя телебоев Птерелая и стали нагло требовать возвращения удела, а когда Электрион отказался, они стали угонять его коров. Сыновья Электриона выступили против телебоев, и в бою с обеих сторон многие полегли. Уцелевшие телебои отплыли, захватив угнанный скот и передали его царю элейцев Поликсену. Племянник Электриона Амфитрион выкупил скот и пригнал его обратно в Микены. Электрион, желая отомстить за гибель своих сыновей, передал правление, а также свою юную дочь Алкмену Амфитриону, взяв с него клятву, что он оставит ее до его возвращения девушкой. Во время передачи стада, ко-

гда одна из молодых коров стала вдруг резво убежать, громко топая копытами, Амфитрион метнул в нее дубинку. Богиня Случая Тюхе, произволу которой порой все на свете бывает покорно, в этот раз видно решила удивить саму себя и сделала так, что дубина от рогов резвой коровы рикошетом попала в голову Электриону и убила его наповал. Воспользовавшись этим предлогом, Сфенел изгнал племянника Амфитриона из Арголиды и установил единоличную власть над Микенами и Тиринфом.

Амфитрион вместе со своей сестрой и племянницей Алкменой и побочным сыном от фригийки Мидеи Ликимнием прибыл в семивратные Фивы и был очищен от скверны убийства тамошним царем Креонтом. Когда Алкмена (яростная) сказала, что выйдет замуж за того, кто отомстит за безвременную смерть ее несчастных братьев, влюбленный в нее Амфитрион пообещал ей отправиться против телебоев и стал просить Креонта принять участие в походе. Креонт пообещал отправиться в поход, при условии, что Амфитрион освободит Кадмею от чудовищной Тевмесской лисицы, которая опустошала город, заложенный основателем его акрополя знаменитым героем Кадмом. Это была необычайно сильная и быстрая лисица, которую, согласно древнему ораклу, никто не мог настичь. Фиванцы были вынуждены каждый месяц, привязав к дереву одного из фиванских юношей, отдавать его Тевмесской лисице на съедение.

Оставив крепкостенные Фивы, где когда-то прекрасную

дочь Ареса и прекрасновенчанной Афродиты Гармонию взял в жены юный Кадм, Амфитрион прибыл в Афины. Здесь он стал уговаривать прославленного охотника Кефала, сына Деионея, выпустить против Тевмесской лисицы Лайлапа – знаменитого пса, которого жена Кефала Прокрида привезла с Крита от царя Миноса. За это страстный охотник Кефал должен был получить часть добычи, которую хотели захватить у телебоев. Когда Лайлап стал приближаться к лисице, мудрый Зевс, наблюдавший за необычной погоней, превратил обоих чудесных зверей в каменные изваяния, чтобы не возникло противоречие между тем, что от Лайлапа никто не мог убежать, а Тевмесскую лисицу никто не мог догнать. Так необычно, не без помощи бога, Амфитрион выполнил условие Креонта и освободил Кадмею от чудовищной лисицы. После этого, взяв в союзники афинян, фокейцев, аргивян и локров, Амфитрион оставил молодую супругу Алкмену, так и не проведя с ней ни одной брачной ночи, и пошел в поход против телебоев и тафийцев.

Рождение, детство и отрочество Алкида

43. Амфитрион безуспешно воюет с телебоями

Телебои говорили, что у их царя Птерелая посредине облысевшей головы есть единственный локон пурпурный. Они свято верили, что пока эта особенная прядь волос цела и невредима, ни один закоренелый враг их страну не сможет захватить. У царя была юная дочь Комефо, которая в первый день осады Амфитрионом города взошла на высокую башню, чтобы своими глазами сраженье увидеть. Царевна была невысокого роста, пышноволоосая, с красивым лицом и стройной фигурой. Все у нее было красиво, кроме рта с припухлыми губами, он был немного великоват и чуть-чуть криковат, и, хоть этот недостаток был замечен лишь когда она широко улыбалась или волновалась, но ее все равно сильно мучил.

Комефо стала каждый день приходиться на царскую башню. Однажды после очередной неудачной вражеской атаки, она увидела высокого статного воина, изящно сидящего на горячем гнедом скакуне. Он был в длинноперистом шлеме, с яр-

ко сверкавшим на солнце щитом и с красиво изогнутым луком, который он, стреляя, изящно натягивал, отклоняя назад стройный торс. Дочери Птерелая показалось, что, когда этот воин свой лук напрягает, то становится самому Фебу подобным, и она стала все время его высматривать среди других неугомонных врагов, осаждающих ее город.

Этим воином был Амфитрион. Он не очень-то верил в какой-то волос пурпурный на голове царя телебоев, однако, несмотря на подавляющее превосходство в силах, взять город Птерелая не мог.

И вот, однажды в одной из жарких схваток с головы Амфитриона кто-то сбил медный шлем, и Комефо увидела его пышные золотистые кудри и молодое лицо. Когда она смотрела на его длинные волнистые, как у женщины, кудри, орлиный нос и темно-серые глаза, которые он часто щурил на солнце, грудь ее против воли начинала рывками вздыматься.

Многие говорили, что ни единый красавец не мог бы с Амфитрионом сравниться, если бы не его слегка раздвоенный кончик довольно длинного носа, но этот небольшой недостаток даже вблизи не бросался в глаза и не портил красивое мужественное лицо.

На следующий день, когда Амфитрион оказался совсем близко от царской башни и Комефо увидела слегка раздвоенный кончик амфитрионова носа, ее большие чуть-чуть кривоватые пухлые губы совсем искривились в улыбке блаженства. Дочь Птерелая, сама не своя, каждый день стала ча-

сами с башни высокой высматривать Амфитриона. Это как-то заметил отец и, потрогав блаженно пурпурный локон на лысой своей голове, подозвал Комефо к себе, и ей тихонько сказал:

– Милая дочь, подойди-ка поближе и присядь рядом со мною! Сядь же сюда, и скажи мне правдиво, что ты так часто на этого воина смотришь? Знаешь ли ты как зовут этого высокого недруга, который на коне так изящно гарцует? Кто этот воин высокий такой и могучий? Он головой и плечами широкими всех превышает. Никогда не видал я такого красивого мужа, на царя, вскормленного Зевсом, он благородной осанкой походит... Погоди-ка, глаза мои старыми стали... Да, это, конечно, Амфитрион, Астидами сын и Алкея, он предводитель надменный неприятельской рати. Но пусть не волнуется твое милое сердце, он не возьмет никогда нашу дорогую отчизну, ибо локон пурпурный на мне, а это значит, что каждому телебою неистовый Арес в грудь заложил бурную силу, не зная усталости, отважно сражаться с врагами. Многим воинам нашим эта война кажется сладкой.

И отвечала Комефо родителю с кривой улыбкой и с голосом, волнения полным:

– Отец мой, внушаешь ты мне и почтенье, как милый родитель, и трепет, как царь, ведущий войну, уже изъязвленную навечно многих наших юношей из радостной жизни. Мне кажется, что нет ничего ужасней войны, и самое страшное, что люди прославляют как великих героев самых жутких убийц.

Войну все принимают, как неизбежность и Вражда – обычный порядок вещей. Я не воин, но уверена твердо, что сладка война лишь для тех, кто ее по-настоящему не изведаль; а кто с ней знаком хорошо, тот с ужасом ее ожидает...

– Сама ты дочка знаешь, что не я эту войну начал, микенцы сами к нам с войною явились, и мы ее продолжим до победы. Зачем тогда и юношей растить, как не за тем, чтобы врагам отпор достойный давать.

44. Коцефо влюбляется в Амфитриона и предает родину и отца

Однажды, когда не было долго Амфитриона, кусая себе пухлые детские губы, так Коцефо говорила со своим девичьем сердцем:

– Боги, скажите же мне: что, не пойму, случилось с моим бедным рассудком? Веселиться мне или, наоборот, горевать? Кажется мне, что я влюбилась, и милое сердце то замирает, как зайчик трусливый, то радостно бьется при виде прекрасного Амфитриона. Но ведь он враг наш непримиримый и ведет ненасытную с нами войну?! Но, кажется, что я все бы отдала, лишь бы в его оказаться распростертых объятьях! Боги великие, что же мне делать, как дальше жить? Чувствую я с замиранием истомленного сердца, что готова ради Амфитриона отдать всю себя без остатка и любимого даже родителя не пожалеть вместе с его локоном дивным!

Прошла неделя, за ней другая, Афитрион безуспешно сражался, но отступать ни за что не хотел. В один из солнечных дней Коцефо, любуясь Амфитрионом, гарцевавшим на своем гнедом жеребце, сморщив ставшими кривоватыми губы, иступленно шептала своему милому сердцу:

– Как я мечтаю, чтоб отца, безнадежного такого упрянца, как у меня, не иметь! Раньше больше всех его я любила, а теперь... Ведь моему он один близкому счастью помеха! Он

мне своей упорной несговорчивостью всякий доступ к счастливой любви преграждает... А если вдруг на этой войне мой любимый погибнет?! Если прямо у меня на глазах кто-нибудь ударит по шее его острым мечом иль в горячее сердце пернатую пустит стрелу? Что же мне делать? Как любимого защитить и себя сделать счастливой?

В этот миг Амфитрион под царской башней по воле всемогущей Судьбы близко совсем оказался и встретился с Комефо глазами. Он смерил вражескую дочь презрительно сощуренным взглядом, и дева до крови нижнюю губу прокусила себе изнутри и, давясь кровью, с ненавистью на свой неприступный дворец посмотрела.

Когда уж стемнело, и безмолвные звезды на зловещем черном покрывале ночи появились, Комефо, озираясь по сторонам, на дрожащих ногах пробиралась в покои отца и так неотступно себе говорила:

– Боги, какую долю вы мне назначили тягостную, несущую лишь печаль и страданья, чтобы в горестях жизнь проводить. Ну, как это несправедливо, что меня, ни в чем не повинную, взаимной любви и долгожданного счастья враждующие люди лишают! Пусть будут прокляты эти войны! Почему из-за этой ужасной войны мне нельзя с любимым даже встречаться? Чем я хуже других – которые любят и сами любимы? Нет в мире ничего превыше любви, и за нее до последнего дыхания я со всем миром буду бороться. Я должна эту проклятую войну прекратить, а для этого локон пурпур-

ный надо добыть.

Комефо на цыпочках в спальню отцовскую не решительно входит и тихо сама себе опять говорит:

– Все говорят, что ненавидят войну, а сами воюют. Я же не на словах, а на деле должна войну прекратить. И я это сделаю!

И вот дева дрожащей рукой срезает у спящего родителя с лысой головы локон пурпурный. Поколебавшись лишь один миг, она сморщила свои губы так, что красивое лицо стало безобразным и схватила лежавший на столе ключ от ворот городских.

45. Амфитрион убивает Коцефо

Совершив нечестивую кражу, с обжигающей руки добычей Коцефо проникает во вражеский стан и просит ее к царю поскорей отвести и когда оказывается перед Амфитрионом протягивает ему свою ладонь, на которой бились от дрожи ключ от ворот городских и пурпурный локон заветный. Другой же рукой она губы стыдливо прикрыла и срывающимся голосом с трудом выговорила:

– Амфитрион, я – дочь Птерелая царица Коцефо. Сегодня я ради тебя девичью гордость и стыд потеряла. Родитель и Тафос, город мой отчий, простите! Тяжкий грех мне внушила любовь совершить, и тебе вместе с этим локоном предаю я отца, самого близкого и родного мне человека, а, отдавая этот ключ, я милой родине изменяю. Взамен я молю твоей лишь любви.

Дева устремила на Амфитриона взгляд полный любви, но он на него не ответил. Силы Коцефо иссякли, подогнулись колени, и в изнеможении дева опустилась на землю.

Некоторые из окружения Амфитриона говорят, что он, довольно серые сощурив глаза, сначала с благодарностью принял дар бесценный от девы, безумно влюбленной в него, а потом вокруг внимательно огляделся. Так смотрит орел, у которого зренье острее, чем у других тварей пернатых. Как ни высоко он на крыльях огромных парит, от него не скро-

ется заяц, бегущий иль притаившийся под кустом; камнем падает он на него и уносит, чтоб растерзать и пожрать. Так же и Амфитрион, питомец Зевеса своим внимательным взором оглядел свое войско и только потом тихо сказал дочери Птерелая:

– Не надо, о дева, так громко кричать, что ты ради любви совершила. Давай молча пойдем в мою ставку и там все тихонько обсудим.

Он провел с дочерью Птерелая на пышном, не по – походному, ложе всю ночь, а утром одержал в сражении обещанную победу. Однако после долгожданной победы он испугался грозной мести Змеевласых сестер, кара которых могла распространиться не только на Комефо, погубившую отца, но и на него или же он просто вспомнил о давно ждущей супруге Алкмене. Амфитрион, потирая рукой кончик сморщенного носа и пряча прищуренные глаза, приказал своему охраннику:

– Девушку эту надо сейчас же тайно убить. Справедливость требует покарать ее гнусное преступление, и, чтоб об этом никто не знал ничего, иначе о нашей славной победе молва худая пойдет.

Другие же говорят, что благочестивый Амфитрион, увидев пурпурный клочок волос и ключ, отшатнулся от преступных даров и сразу не пожелал иметь дело с девой, хоть и обещавшей ему победу, но осквернившей себя предательством родины и отца. Грозно серые, сузив глаза, он приказал стро-

ГИМ ГОЛОСОМ:

– Посадить нечестивую Комефо под крепкий замок и неустанно ее охранять.

Как в устье реки, питаемой от Зевса водой дождевой, против течения прорывается волна с оглушительным шумом и треском; с криком таким, потрясая копьями и мечами, на оставшийся без спасительного локона Птерелая город телебоев наступали микенцы. Жарким был бой, но не долгим. Одержав долгожданную победу, благородный Амфитрион собственными руками умертвил вероломную Комефо с такими возвышенными словами:

– Если боги медлят и не сгоняют тебя, о преступная дева, с блистающей на солнце тверди земли в сумрачные ее недра, то во имя справедливости высшей, которая в жизни главнее всего, это прямо сейчас сделаю я!

Амфитрион подарил завоеванную страну телебоев участвовавшему в походе охотнику [Кефалу](#), за его дивную собаку Лайлапа и отправился в неблизкий путь к пенатам родным.

46. Артемида по просьбе отца задерживает Амфитриона в лесах

В это время в одну из дивных ночей, когда в звенящем безмолвии чернокрылая Нюкта только подняла свою главу, венчанную таинственных Астр изобильем, старая обликом Мойра Лахесис посетила во сне Владыку Олимпа и возвестила ему о прекрасной правнучке Алкмене. Вещая Ткачиха, одетая в ослепительно белые одежды, с ромбической короной на голове, на которой мелодично позванивали алмазные пирамидки внезапно возникла в покоях Зевеса. Глядя сквозь Олимпийца ничего не выражающими глазами, она чуть приоткрытыми не шевелящимися губами стала говорить однообразным голосом, без всякого выражения:

– Микенская царица Алкмена через 9 месяцев родит от тебя особенного героя. Он своей силой и доблестью будет превосходить не только смертных, но и богов, уступая лишь тебе одному. Он совершит много необходимых людям подвигов, а тебе поможет одолеть земнорожденных Гигантов, ибо по кровному закону и олимпийцы не могут лишать жизни сородичей.

Зевс не однажды встречался с Мойрой Лахесис и хорошо знал необычную ее манеру общаться. Он знал, что бестелесное космическое божество, выбравшее себе облик молодой старухи, не шевелит губами и смотрит невидящим

взглядом при разговоре с богами нарочно, чтобы бессмертные не забывали кто перед ними, а с людьми Мойра общается по-разному, то, как космическое божество, то, как богиня бессмертная, то, как обычная старуха. Не вполне проснувшийся Зевс стал вращать сросшимися на переносице густыми бровями, как будто, собираясь с мыслями, чтобы ответить, но Ткачиха уже исчезла, без единого звука растворившись в прозрачном эфире.

Царь богов очень ответственно отнесся к будущей связи со своей правнучкой Алкменой. Он с самого начала решил сойтись с ней не только для того, чтобы угодить богине наслаждения Волупии, которую всем сердцем он обожал, но главным образом ради будущего ребенка, рождения которого пожелали сами непререкаемые Девы Могучей Судьбы, которых страшились и бессмертные боги. Олимпийский Блистатель послал своего быстролетного вестника и помощника во всех тайных делах милого сына Гермеса, чтобы тот все разузнал об Алкмене. Оказалось, что правнучка Громовержца очень благопристойная совсем еще юная женщина, славившаяся в крепкостенном граде Тантала не только своей божественной красотой, но и целомудрием.

Гесиод поет, что род нежноласковых жен Алкмена затмевала блистаньем лика и стана, нравом же с ней ни одна не равнялась, та, что дитем рождена от смертной, почившей со смертным. Веянье шло у нее от чела, от очей сине-черных сильное столь, сколь идет от любящей улыбки и смех золотой

Афродиты.

Помня вещание Мойры Лахесис о будущем ребенке, изобретательный Зевс в этот раз решил не прибегать ни к насилию, ни к похищению, ни к обману, ни к превращению в животное или птицу. Мастер на всевозможные выдумки, когда дело касалось пьянящих разум любовных утех, на сей раз Зевс, вспомнив доверчивую Паррасийку, решил пойти на такую невинную хитрость: сочетаться любовью с Алкменой самым естественным образом, т. е. в облике ее законного мужа, который в это время направлялся домой после победоносной войны с телебоями.

Чтобы отсрочить возвращение Амфитриона домой, Зевс свою дивную дочь, поклявшуюся еще в детстве в лесах и горах звероловствовать безбрачную девой, попросил:

– Сделай сегодня же милая так, чтобы большая часть дичи из окрестных лесов сбежалась в те места, которые Амфитриону, возвращающемуся к жене с войны с телебоями, предстоит пересечь по пути к дому. Но никому о моей просьбе ни слова, особенно Гере.

И не была вечно юная богиня – Охотница великому непослушна отцу. Артемида обо всем догадалась, и, как ребенок, довольный собой, улыбнулась. Потом безбрачная дева к своей колеснице метнулась, прищурился глаза и надменно опустив нижней губы уголки – не забыла она, как царица преследовала по всему свету Лето, ее любимую мать, не давая нигде родиться ей с братом.

Премудрый Кронид все правильно рассчитал, и страстный охотник Амфитрион так увлекся любимым делом, что забыл о нетерпеливо ждущей юной супруге, которая, согласно его клятве, оставалась все еще девушкой. Алкмена слышала от людей, что Амфитрион уже отомстил за ее братьев, и потому со все возраставшим нетерпением ожидала возвращения возлюбленного мужа.

47. Зевс в облике Амфитриона сочетается с Алкменой

И вот, наконец, юная царица услышала знакомое ржание и цоканье копыт гнедого жеребца Амфитриона и радостно выбежала встречать мужа, который, спрыгнув с взмыленного коня, тут же легко, словно пушинку, поднял ее на руки и заключил в жаркие объятия.

Обомлевшей Электронике почудилось, что Титан, пламенеющий в чистейшем лазурном небе над ними, засмеялся лучисто, и разноцветная Радуга, вдруг появившаяся вдалеке, улыбнулась в полнеба, раскинув на арке семицветные крылья. Алкмене казалось, что сама бессмертная жизнь и промысел вечный, радуются ее долгожданной встрече с супругом.

Зевс в облике Амфитриона с трудом оторвался от сладких губ прекрасной Алкмены и на землю опустил ее осторожно. Взяв под руку, он торжественно повел ее во дворец, построенный знаменитыми строителями Трофонием и Агамедом, которые на нем сделали надпись такую:

– Амфитрион себе брачный воздвигнул чертог, чтобы Алкмену, взяв в жены, ввести ее в этот новый дворец, построенный мастерами Агамедом и Трофонием.

Алкмена, скромно потупив темно – синие очи, сама раздела мужа героя и отвела в прекрасно отесанную ванную с

подогреваемым мраморным полом. Там рабыни горячей водой омыли Зевса в облике Амфитриона и натерли его чистое тело душистым маслом оливы блестящим. Добродетельная Алкмена подала тому, кого считала мужем, новый белоснежный хитон из тонкого льна, перепоясанный в талии пурпурным поясом, с двумя рукавами, и они вместе в столовый зал торопливо пошли, где слуги уж давно роскошный стол им накрыли. Эти слуги потом говорили, что после того, как желанье питья и еды быстро утолили супруги, новым страстным желаньем их запылали глаза, эти чарующие врата, через которые любовь в сердце входит. На пышное пурпурное ложе любви по длинному коридору они, схватившись за руки, бегом побежали.

Некоторые говорят, что Зевс в облике мужа Алкмены сошел со своей правнучкой в неистовых любовных ласках три бесподобных дня и три упоительных ночи подряд и уже самой продолжительностью израсходованного на зачатие времени предрешил чрезмерную мощь будущего ребенка. При этом он остановил движение солнца, и ночь, которую он провел с Алкменой, непрерывно длилась трое суток.

Другие не верят, чтобы премудрый царь богов пошел на такое вопиющее нарушение заведенного всемогущей богиней необходимости Миропорядка, да и своевольный Гелий, державный небесного огня властелин, скорее всего, его не послушался бы. Они говорят, что ни быстроногим коням с огненной гривой отдых неведом был в эти три дня, ни сам

Титан передышки не знал, едва рано встающая розоперстая Эос из океанских пучин на небо утром всходила, чтобы свет возвестить владыке Зевесу и прочим бессмертным, а потом уж и людям, смерти причастным. Каждый вечер светлое солнце главу лучезарную, как обычно, прятало в море, ночь же древняя черную главу высоко воздымала, торопя уходить златотканую богиню зари. Серебристыми лучами Селены – Луны, проникавшими в спальню через большое окно, в редкие минуты отдыха от сладостных ласк любовались на брачном ложе Зевс в облике Амфитриона и схожая видом прелестным с самой Афродитой Алкмена, наконец, подарившая тому, кого почитала мужем законным, дары своего милого детства.

Чтобы никто во дворце не заметил, как долго супруги предавались любви, Зевс-Эгиох приветливому Гипносу, дающему покой людям, позволяя ночью им забывать свои горестные несчастья и беды, повелел наслать на всех трехсуточный сладостный сон беспробудный. Алкмене же в кратер с прекрасным темным хиосским вином Зевс добавил вместо воды божественного нектара, а воздух овеял чудесным ароматом роз, родившихся из пламенной пены вместе с восхитительной богиней красоты и любви, чем придал аромат, утонченный нектару. Этим он не только дал возможность смертной возлюбленной наслаждаться сладостной страстью почти беспрерывно три дня и три ночи, но и еще более придал силы их будущему ребенку, которому предначертано было стать луч-

шим из лучших всех смертных сыновей Кронида, властителя богов наивысшего.

Так, согласно Пиндару, царь богов, уподобляясь Амфитриону обличем, внес в его чертог свое семя, из которого появился неукротимый Геракл.

Ферекид и Геродор Гераклеяский говорят, что за три ночи любви Зевс подарил Алкмене прекраснейший кубок, работы Гефеста, называемый кархесием – это самая древняя из сохранившихся до нашего времени инкрустированных драгоценными камнями чаш.

48. Вернувшийся Амфитрион подозревает Алкмену в неверности

После того как стройное чрево юной Электриониды небывалой наполнилось тяжестью, в лесах, где охотился Амфитрион дичь исчезла так же внезапно, как и появилась, и царь, тут же потеряв интерес к охоте, заспешил к молодой жене.

Прибыв к любимой супруге, быстро в бане от дорожной грязи омывшись и утолив голод и жажду, Амфитрион нетерпеливо повлек в спальню Алкмену со страстными такими словами:

– Ну же, дорогая супруга, девичью стыдливость теперь уж отбрось! Я сделал все, что обещал – отомстил за твоих братьев и блестящую победу над телебоями одержал. Теперь твоя очередь сдержать обещание...

Алкмена удивленно посмотрела на мужа бесхитростными темно-синими глазами и не найдя, что сказать, лишь скромно потупила очи. Царь же, обнявшись с женой на супружеском ложе, не единожды хмурился, раздраженно щуря глаза и теребя раздвоенный кончик орлиного носа, как бы в недоумении или сомнении, но каждый раз находил в себе силы молчать. Удовлетворив свое мужское желание, Амфитрион голосом нарочито спокойным, наконец, настойчиво жену вопрошил:

– О супруга, любезная моему пылающему от любви серд-

цу, тебе я обязан подлинно бесконечным счастьем своим. Но ответь мне совершенно правдиво – почему ты со мной на ложе так была холодна, словно от ласк любовных устала до их начала? Даже сейчас ты такая, словно истомленная, как будто, только прибыв, я уже успел тебе надоесть.

Амфитрион костяшкой пальца опять стал усиленно тереть свой раздвоенный нос и как бы нехотя добавил голосом подчеркнуто равнодушным:

– Да, и вот, что еще – скажи мне вполне откровенно – была ль ты, перед тем как возлечь со мной на этом пурпурном ложе, на котором ничего не заметно, девой невинной?

Добродетельнейшая из жен, подпоясанных низко, потупив дивные темно-синие очи в ореоле густых гнутых ресниц, нежным голосом ответила мужу:

– Что за непонятные вопросы ты задаешь мне, милый, сегодня! Или ты уж забыл, как мощно похитил милого девства дары моего, что я, как ни старалась, но все равно закричала. А ведь только вчера я потеряла невинность, когда ты первый раз разделил со мной пурпур этого ложа. А сейчас я неотзывчива на твои ласки потому, что до сих пор не могу прийти в себя после той бесконечной ночи, когда мы с тобой почти глаз не смыкали. Я тогда счет времени совсем потеряла и до сих пор моя кружится голова, и я хожу вся, как в тумане.

Сильно озадаченному таким странным ответом супругу по велению Мойры Лахесис хватило терпения и благоразумия не впасть ни в дикую ревность, ни в праведный гнев.

Юной и непорочной сияла Алкмена красотой так скромно и чудно, как при восходе светит луна серебристая в тихом сумраке вечера. Чистые, ясные глаза жены и ее нежный воркующий голос, полный неподдельной любви не позволяли даже заподозрить ее в коварной измене.

Амфитрион остервенело чесал свой раздвоенный нос и молчал, но мысли его скакали как бешеные:

– Ничего не понимаю, я, словно глупец, которого лишь беда и несчастье благоразумию учит. Может быть, я все-таки не заметил следа крови девичества на пурпурной простыне? Ведь очень пурпурный цвет на цвет крови похож... Нет, она сама говорит, что невинность вчера потеряла, когда ложе с ней разделил я... в первый раз. Но ведь я вчера еще был в пути, очень далеко от брачного ложа... Если б она солгать мне хотела, то не так бы все говорила. Или я сам, утомленный войной и охотой, что-то не помню, или ее кто-то хитро сумел обмануть, и вместо меня..., но разве это возможно?! Вроде бы я всегда был не глупым, а сейчас ничего понять не могу. Конечно, можно допросить слуг, но..., как бы не сделать самому себе хуже. Чувствую сердцем, что надо отправиться в храм знаменитейший, к оракулу Фебову в Дельфах, где Пуп Мира, где священный Омфал.

Большинство эллинов не принимали никаких важных решений ни в общественной, ни в личной жизни, не посоветовавшись с каким-нибудь оракулом. Оракул – это прорицание, состоявшее в оглашении предсказания провидцем или

специальным жрецом (жрицей), которые тоже именовались оракулами. Оракулом называли и прорицалище – место, где оглашалось предсказание, и сам текст предсказания. Существовало огромное множество разнообразных оракулов, наиболее авторитетные совмещались с храмами. Наиболее знаменитый и заслуживающий доверия оракул Ойкумены находился в Дельфах.

49. Дельфийский храм

Некоторые говорят, что в том месте, где находится камень Омфал (пуп) у новорожденного Зевса отпала пуповина, и потому здесь находится Пуп Земли. Другие утверждают, что Омфал был тем камнем, который проглотил Крон вместо Зевса и потом первым изрыгнул. Так же говорят, что Омфал был могилой священного дельфийского Змея Пифона, то есть это был надгробный камень, служащий точкой соприкосновения между миром живых и царством мертвых и, что Зевс одновременно выпустил с востока и запада двух орлов, которые встретились в Дельфах, и в точку их встречи он метнул камень, ставший центром мироздания, средоточием мира.

По древним преданиям в центре мироздания находился древний оракул, которым Гея владела совместно с прорицательницей горной нимфой Дафной, а затем – Гея с Посейдоном. С течением времени, говорят, та доля, которая принадлежала Гее, была ею отдана сведущей в прорицаниях Фемиде. Когда Фемида стала богиней правосудия, она передала Дельфийский оракул сестре Фебе, которая передала прорицалище своему внуку Аполлону как подарок при его рождении. Посейдону же, говорят, за его часть прорицалища Деллий дал взамен остров Калаврию, против Трезена.

Передача древнего оракула произошла после убийства

Аполлоном сына Геи змея Пифона, охранявшего гору Парнас. После очищения от скверны убийства Пифона Аполлон мог вступить во владение этим оракулом, с целью возвещать волю отца своего Зевса и содействовать наступлению лучших и более просвещенных времен. Аполлон, перед тем как основать свой храм на месте древнего прорицалища, которому по воле Мойр надлежало стать знаменитейшим храмом Греции и всей Ойкумены, так возвестил:

– Здесь, на склоне Парнаса, кровью змея омытом, в самом центре земли, будет на протяжении тысячелетий выситься прекраснейший храм всей земли обитаемой. Чтоб прорицалищем был для людей он, которые станут сюда пригонять безупречные мне гекатомбы и вопрошать мой оракул. И всем непреложно в храме моем благолепном начну подавать я советы устами жрицы – Пифии-девы.

Использование женских уст не было типичным и для Фебовых прорицалищ тоже. Одно из объяснений, почему в Дельфах прорицательницей долгое время была дева, а потом женщина, заключается в истории этого святилища. Самая первая владелица древнего прорицалища Гея и ее спутница горная нимфа Дафна, и титаниды Фемиды и Феба (светлая) – все были богинями, имевшими жриц. Поэтому и Аполлон, приняв прорицалище от бабки Фебы, решил, что по древней традиции будет продолжать вещать женскими устами. Для Пифии в Дельфах, существовало ритуальное предписание девственности. Вкушение бычьей крови, как испытание

девственности, напоминало процедуру вкушения бараньей крови в Аргосе, в храме Аполлона.

Пифии помогали служительницы храма, не девушки, а женщины, по летам уже не способные к браку, которые должны были поддерживать священный огонь. Обычно дельфийская дева произносила неясные отрывистые и бессвязные фразы, похожие на вдохновенное бормотание, которые записывали и толковали особые жрецы – профеты храма, происходившие от пяти священных дельфийских родов. В храме были пять «чистых» – госиев, руководящих верующими при обращении к оракулу, совершении жертвы, внесении платы или дара, омовении и других процедурах. Госии не были жрецами и выбирались из числа достойных дельфийских фамилий на пожизненный срок. Должности госиев были не только почетны, но и важны, поскольку именно они заведовали храмовой казной. Говорят, что именно госии определяли главные направления деятельности оракула, тогда как профеты только толковали и перелагали прорицанья в стихи. В храме были так же поэты, управляющие, охранники, неокоры (прислужники) и перизеты – проводители приезжих, показывающие посетителям священные памятники Дельф.

Законным временем для совещаний с Пифией первоначально считался только один день в году – седьмой день весеннего месяца (7 Бисия – день рождения Аполлона, в самом начале весны, около равноденствия), когда Феб с наступле-

нием теплых погожих дней возвращался из любимой им Гипербореи. Затем прорицания стали проводиться ежемесячно по седьмым числам, за исключением зимы, когда Аполлон гостил у гипербореев, а еще позже – ежедневно, кроме особых нечистых дней.

Из-за срочности дела Амфитрион не поехал в храм Дельфийского бога, опасаясь большой очереди, ведь аполлонова дева в его время изрекала оракулы только в седьмой день месяца, и обратился к местному слепому прорицателю Тирегию, заслуженная слава которого давно перешагнула высокие стены Фив семивратных.

50. Слепой оракул Тиресий

Некоторые говорят, что совсем еще юного Тиресия ревнивая Гера наказала очей нескончаемой ночью за то, что он спор между нею и Зевсом о том, женское или мужское наслаждение слаще, разрешил не так, как ей бы хотелось. А справедливый Кронид не мог отменить произведенного Герой потому, что свершенного богом не уничтожит и правитель богов, но он ему за лишение света в очах ведать грядущее дал, так облегчив несправедливое наказание почетом.

Другие утверждают, что Тиресия ослепила не знаящая брака Афина, когда, увидев ее во время купания обнаженной, он не отвел в сторону стыдливо глаза. В гневе завопила богиня так, что деревья высокие рядом согнулись, и вся страшно земля содрогнулась до самых глубин. Быстро, во всей своей наготе величавой, подошла богиня к замершему юноше, который не пал пред нею ниц, не попросил пощады и даже теперь не прикрыл глаз своих дерзких. Гневные к нему слова обратила богиня с сердцем немягким:

– Если ты, узрев девственное лоно мое и сосцы, сам не хочешь глаз бесстыжих захлопнуть, тогда я их тебе закрою и навсегда.

Грозно объявила богиня и с боевым кличем вырвала глаза юноши из глазниц – и мрак первозданный навсегда ему очи покрыл. Мать Тиресия нимфа Харикло, любимая спут-

ница Афины, горестно завопив, словно птица лесная жалобой звонкой залившись, бросилась, чтобы защитить сына, но было поздно – из кулаков Афины вытекли глазные яблоки, образовав два жидких пятна на желтом песке.

Тогда безумно рыдавшей Харикло Афина без сожаленья о содеянном так сказала:

– О подруга, печаль отложи. Что свершилось, того воротить даже богам уже невозможно: верно, такую уж нить выпряла Мойра, когда этого мальчика произвела ты на свет. Ни хороводы, ни смех, ни ликования нимф не услаждали меня, коль не ты пляски водила. Я все это помню и сына твоего одарю в честь нашей дружбы. Я пророком его сотворю, досточтимым в веках, и других он превысит собой. Дам я и посох ему, шаги направляющий верно, и долголетний ему жизни отмерю предел. Он и после смерти в Аиде будет разумен.

Богиня изощрила и обострила все чувства Терисия так, что ему стал понятен язык зверей и птиц. Кроме дара провидения он обрел и мудрость не говорить все, что ему становится известным.

Молодой прорицатель прославлен был крылатой молвой за то, что безукоризненно отвечал на любые вопросы народа, и начало по всей Элладе греметь слепого оракула имя. Рано подружившись с доброй славой – богиней Эвклеей, Тиресий стяжал себе высочайший венец. Он пользовался всеобщим почтением, говорил от лица бессмертных богов, часто спорил с царями, даже порой порицал их, но всегда давал необ-

ходимые советы.

Прожив три человеческих жизни, дарованных ему Афиной, состарившийся Терисий потерял осторожность и стал рассказывать смертным о тайнах богов, и когда Зевс об этом узнал, он лишил прорицателя его чудесного дара. Однако, когда мудрый Хирон, мучаясь от яда Лернейской Гидры, добровольно решил умереть, то завещал свой дар прорицания Терисию. Старец второй раз обрел зрение грядущего, и на этот раз боги уже не могли его отобрать, поскольку оно было даровано не ими.

51. Тиресий дает прорицание Амфитриону

К Амфитриону знаменитый провидец явился в обычной сетчатой одежде предсказателей, с золотым венком на седой голове. Его сопровождал мальчик-поводырь, так как его обычный живой посох – зрячая дочь Манто, тоже сведущая в прорицаниях, недавно оставила отца, выйдя замуж за критянина Ракия, чтобы родить от него знаменитого прорицателя Мопса.

Царь, с трудом сдерживаясь, все же заставил себя неспешно коснуться белой бороды прорицателя и неторопливо сказать притворно приветливым голосом:

– Хайре! (дословно – "Возрадуйся!" – так греки здоровались), славный Тиресий, чей вдумчивый взор объемлет все, что скрыто и открыто для познания на небе высоком, в море бескрайнем и на широкодорожной земле! Ты видишь лучше всех людей, для смерти рожденных, хоть ты и с лишенными света очами. Скажи же мне всю чистую правду, какой бы горькой она ни была: верна ли мне оставалась жена, когда я с телебоями воевал, а потом охотился на дичь в тенистых лесах Арголиды?

Тихо стоял царь в напряженном ожиданье ответа, левая рука его потянулась к кончику носа, но он с силой прижал ее к дрожащей груди. Прищурившись, он глядел себе под ноги,

скипетром свободно не двигал, как человек давно привычный к царскому сану, но держал его, стиснув изо всех сил правой рукою.

– Возрадуйся царь! Все записи самых важных гаданий, где самые важные судьбы Фиванские начертаны на каменных таблицах бесстрастной рукой непреложной Мойры Лахесис, находятся в святилище моем. Я же, твой предвидя вопрос, уже их прочел, а две самые важные переписал и с собою принес.

Тиресий, поглаживая белую бороду, долго глядел пустыми глазницами перед собой, а потом взял у мальчика-поводыря две таблички и, задумчиво перебрав их в руках, продолжил неспешно вещать:

– Царь Амфитрион, любимец Зевеса! Возвестить повелел ты, была ль тебе верной супруга Алкмена. Прежде всего узнай, что жена твоя юная всегда любила и сейчас любит только Амфитриона. Теперь же, царь, внемли вещаниям Локсия Феба: сам Громовержец, великий Отец всех бессмертных и смертных, приняв твой облик, с Алкменой на пурпурном ложе возлег накануне твоего возвращения. Так неотвратимой Судьбе было угодно, и не может не исполниться то, что предначертано Роком. Семя великого бога не бывает бесплодным, и через 9 месяцев супруга твоя родит мальчиков двойню: один сын будет твой, другой – великого Зевса.

У Амфитриона шумно вырвался вздох облегчения, в гла-

зах его не было удивления, ибо он ожидал чего-то подобного сказанному Тиресием. Ревновать к богу, тем более к самому Зевсу, у эллинов было не принято, наоборот, скорее следовало опасаться ревности самого бога, ведь, что раз богу принадлежало, то ему принадлежит всегда.

Поэтому, некоторые говорят, что, узнав от Тиресия о близости Зевса с Алкменой, Амфитрион после этого в течение года ни разу не разделил ложе с супругой, боясь божественной ревности. Такое поведение соответствовало древнему обычаю, чтобы супруг не прикасался к супруге (совсем или до родов), встречавшейся с богом. Однако этот обычай в описываемое время соблюдался в Греции больше на словах, чем на деле.

Другие говорят, что с радостью точно такой же, с какой относятся дети к выздоровлению отца, который в тяжелой болезни долго лежал и чах все сильнее, после же всемогущие боги, на удовольствие всем, исцеляют больного, – радость такую же испытал Амфитрион от слов знаменитого прорицателя. Теперь он возлежал со стыдливой супругой каждую ночь и уже без всяких вопросов, радуясь щедрым дарам фиалковенчанной Афродиты, а близких друзей горделиво уверял, что с самим Зевсом-Кронидом делит он любовь своей распрекрасной жены.

52. Гера узнает об измене Зевса с Алкменой

В то время, когда Зевс под видом супруга возлег со своей правнучкой Алкменой, златотронная Гера в кресле, дивной работы милого сына, перед дверью сидела и по красивым плечам распускала светлых волос пышные пряди. Гребнем из кости слоновой чесала их и сплетала в длинные локоны. Распустив аккуратно по белым плечам свои светло – золотистые локоны, одиноко сидела она на краю огромного супружеского ложа, похожего на небольшую площадку для хороводов и песен, и хмурила свои большие, как у телки глаза.

Опечаленная очередным ночным отсутствием неверного супруга, она, в сердцах метнув скипетр с навершием в виде золотой кукушки в дальний угол спальни, призвала свою вестницу и подругу богиню радуги Ириду и изменившимся голосом ей приказала:

– Ирида милая! Подруга верная и моей непреклонной быстрая вестница воли! Как можно скорее узнай – где сейчас находится муж мой, Владыка Олимпа и сразу же мне все расскажи.

Вспомнив о том, что Зевс горазд подражать разным необычным обличьям, Гера попросила богиню радуги везде внимательно посмотреть, не случилось ли чего особенного или странного в окружающем мире. Царица богов часто за-

ставляла Ириду подглядывать за богами и особенно за супругом и собирать разные сведения потому, что сверху Радуга не хуже самого Солнца все на необъятной земле обзревала, правда только после дождя, когда в воздухе сияли всеми цветами ее разбросанные на небесной арке одежды. Ириде не очень нравились эти поручения, но царственной подруге она не могла ни в чем отказать.

Простодушная Ирида в радужном платье своем взмыла по арке огромной в высокие омытые дождем лазурные небеса, но, как ни старалась, не смогла нигде найти Властителя всех трех миров, и, вернувшись, доложила госпоже о тщетных поисках Зевса, не забыв упомянуть и о дивном происшествии:

– Нет Громовержца нигде. Я не была только в подземных пустотах Аиде и в темных глубинах Посейдонова царства. Из разных странных явлений самым занятным мне показалось такое: правнук Зевса Амфитрион, сын Алкея, кажется, раздвоился. Он находится одновременно на охоте в ставших вдруг очень богатыми дичью лесах и в своем дворце, куда он прибыл недавно на коне к своей юной супруге Алкмене.

Гера звонко вскрикнула, как подраненная птичка, с силой стукнула кулаком себя по прекрасному лбу так, что на нем вздулся синяк и что-то нераздельное прошипела. Все понявшая Ирида быстро отвела в сторону от подруги и госпожи сочувственный взгляд и тут же исчезла.

Последующие трое нескончаемых суток богиня богинь, сходила с ума в своей спальне нетленной, надежные двери

которой с потайным золотым замком были искусной работы милого сына Гефеста. Здесь владычица блистательных высей Олимпа облачалась в наряды обычно, умащивалась благовонными натираниями, одуряющий аромат которых разносился по всему чертогу, проникая в залы советов и пиров, здесь же хранились ее драгоценности со знаменитой бриллиантовой диадемой и платья, сотканные собственноручно Афиной.

Сейчас Гере было не до украшений и платьев. Она заперлась на крепкий засов в своей спальне, и бросившись на такое одинокое пурпурное ложе то истошно вопила, потрясая и заламывая руки, то беззвучно рыдала, опустив уголки нежно розовых губ, то дико хохотала.

Плиний Старший говорит, что приписывать богу супружеские измены и затем семейные ссоры, и вражду, или верить в божества обмана и преступлений, это вообще верх человеческого бесстыдства.

Тогда бесстыдным следует признать и великого Гомера, впервые установившего для эллинов имена и прозвища большинства олимпийских богов, разделившего между ними почести и виды деятельности и описавшего непростые семейные жизни некоторых из них.

Ксенофан же и вовсе поет, что среди смертных позорным слывет и клеймится хулою, – то на богов возвести Гомер с Гесиодом дерзнули.

Некоторые говорят, что, по словам самой Геры, ночью,

когда она сном беспокойным ненадолго забылась, ее посетила старая обликом Мойра Лахесис. Ткачиха была в своей обычной белой одежде, увенчанная ромбической короной и с алмазным жезлом – символом вечности в правой руке. От невидящего взгляда Старухи Гере стало не по себе, и она зябко несколько раз прекрасными передернула плечами. Та же, не обращая никакого внимания на царицу не шевелящимися губами однозвучно ей говорила:

– Радуйся Гера! Мы, дочери великой Ананке всегда на стороне добродетельных жен, даже тогда, когда те, испытывая небеспричинную ревность, бывают чрезмерно злокозненны. Если тебе будет необходимо, то ты можешь мстить любовницам мужа и их детям, хоть некоторые и говорят, что это злокозненно или не справедливо. Зевсу не суждено мешать тебе делом в стремлении погубить его особенного сына от смертной Алкмены. При этом старание это твое всегда будет тщетным, но ты не должна рук опускать, ведь все твои козни уже мной предначертаны и потому неизбежны.

Те, кто дружат с Гипносом и Морфеем, отвращающими богиню Алгею (скорбь) от людей и расслабляющими им напряженные днем члены, рассказывают, что всякое может присниться, ведь Формирователь снов умеет принимать точный облик знакомых или родных для смотрящего сон человека, людей.

Овидий поет, что Морфей был искусник большой, гораздо был подражать любым человеческим обличьям. Лучше его не

сумел бы никто выразить поступь, все черты человека и звук его речи. Перенимал и наряд, и любую особенность речи, но подражал лишь людям одним и бессмертным. Некоторые говорят, что Морфей, часто сопровождавший Мойру Лахесис во снах, научился подражать ей самой и принимать ее облик.

Царица богов не стала даже ругаться с Зевсом, когда тот, наконец, с видом невиноватым, а, наоборот, очень довольным, вернулся в свой гулкий олимпийский чертог. Она лишь, сузив огромные, как у телки глаза, молча смотрела куда-то в сторону и тонко очерченными розовыми губами что-то беззвучно шептала.

53. Священная клятва Зевса

9 месяцев по очереди безвозвратно канули в реку забвения Лету и настал положенный природой срок родов Алкмены.

В этот день боги в чертоге нетленном у Зевса на мраморном полу с подогревом возлежали и безмятежно меж собой совещаенье держали. Они, как всегда, пировали, ведь не любят бессмертные пищу принимать в одиночестве. Среди них цветущая юностью Геба и юный красавец Ганимед, небожителям равный, нектар разливали в кубки золотые. Олимпа насельники этими кубками обычно друг другу честь воздавали.

Все шло как на обычном ежедневном пиру, и вдруг Зевс косматой замотал головой, словно что-то важное вспомнил.

Согласно божественному Гомеру, Зевс, величаясь, так заранее хвалился пред сонмом бессмертных рождением сына:

– Слушайте слово мое, и блаженные боги небес, и богини. Сегодня я вам поведать желаю, что в груди мне справедливое сердце внушает. Ныне, Илифия всех родящих помощница, в свет выведет мне не чужого ребенка, который, став мужем, над всеми окрестными царствовать будет.

Взаимно бессмертные между собою тут же одобрили речь Эгиоха: кто, прикрыв веки, кто понимающей улыбкой, кто кивком головы, кто легким взмахом руки.

Гера же сильно запрокинула назад прелестную белоку-

рую голову, украшенную белоснежными лилиями – символом телесной чистоты и непорочности женщины и, мстительно сузив свои большие глаза, улыбнулась злорадно. Посмотрев на супруга, тут же она, спохватившись, надела кроткую улыбку на свои горделивые губы и так во всеуслышание с притворным недоверием мужу сказала:

– Зевс, мой любимый супруг и бог величайший! Ну, как забудешь и к такой торжественной речи своей должного не приложишь свершенья! Ну же, дерзни, – при всех небожителях сейчас поклянись, Олимпиец, освященной влагой стигийской великою клятвой. Скажи, что над Инаховым Аргом, и над Персеидами, и над соседями всеми и вправду владыкою будет тот из смертных мужей, от крови твоей происшедших, кто, сегодня первым из женских выпадет бедер.

Так говорила Зевса супруга, вся, мелко дрожа, но с той же с виду покорной улыбкой на очерченных красиво губах, лепесткам нежной розы подобных.

Кронид же всех победоносным окидывал взглядом, он был целиком во власти богини спеси и непомерной гордости Гибрис. Молниелюбец Зевес с символом власти – скипетром в левой руке и царящим в воздухе черным орлом на правой руке так заносчиво гордо дал перед всеми богами священную клятву богов:

– Нашей всеобщей праматерью Геей – землею, что распростерлась грудью высокой под нами и многозвездным небом – Ураном, широко возлегшим над нею, а также грозного

Стикса в недрах земли текущей водою, – меж богов всеблаженных клятвою самой ужасной из всех и великою самой клянусь. Клянусь, что над Аргосом, и над Персеидами, и над соседями всеми верховным владыкою будет тот из смертных мужей, от ихора моего происшедших, кто, сегодня первым выйдет на свет из недр материнских. В завершении этой клятвы великой, я еще и кивну головой, чтобы все в ней были уверены твердо. Это – крепчайший залог меж богов нерушимости слова, данного мной: невозвратно то слово, вовек непреложно и не свершиться не может, когда вот так головой я кивну.

Молвил Кронид и сначала иссиня-черными вверх двинул бровями, сросшимися на переносице, а потом кивнул головой вверх и вниз, и волны нетленных волос с головы Олимпийца бессмертной взметнулись и на мощные плечи пали его. И холмы олимпийские, словно громадные волны морские, в такое колебанье пришли, что богини за поручни своих кресел схватились, а боги – за спинки апоклинтров (сиденья-скамейки в зале пиров для богов), на которых они лежали.

Некоторые, говорят, что не почувствовавший козней Геры Зевс поклялся, не подумав о возможных последствиях нерушимой клятвы, под влиянием богини временного умопомрачения Атэ – Обиды, которую к нему подслала злокозненная сестра и ревнивая супруга, делящая с ним ложе не одну тысячу лет.

Другие же, уверяют, что царь богов поклялся под никому не заметным влиянием непререкаемой Мойры Лахесис, в предначертанье которой входило рождение Геракла – героя – истребителя чудовищ, а совсем не Геракла – правителя, что над всеми окрестными царствовать будет.

54. Гера решает задержать роды Алкмены

Даже еще не родившийся мальчик и его мать Алкмена очень досаждали царице Олимпа, и она, сидя в своей спальне на огромном пурпурном ложе, недовольно морщила свой правильный греческий нос, разные себе задавая вопросы, и сама же на них так отвечала:

– Почему Зевс опять изменил мне вероломно, на этот раз какой-то смертной Алкменой? Да, я заметила, что эта распутница молода и красива и, конечно, она умеет мужчин завлекать. Но ведь и я бесстаростна и тоже очень красива! Ведь не зря на Лесбосе я почитаюсь, как красивейшая женщина в мире, и в моем храме состязаются самые лучшие женщины в красоте. Впрочем, я всегда лесбиянкам и лесбосцам говорю, что красота есть дело природы, и награждать следует тех жен и дев, которые не только красивы, но и наиболее добродетельны, и только такая красота будет прекрасна, в противном же случае она грозит обернуться похотливой распущенностью.

Гера на всякий случай оглянулась по сторонам, хоть и знала, что в спальне никого не может быть и только потом сбросила пурпурный пеплос и белоснежные все подвязки. Обнаженная, она откинула на спину роскошные пряди светлых волос и подошла к огромному полированному щиту из ме-

ди, висевшему на стене в ее красиво обставленной спальне. Прижав ладони к идеальным полушариям упругой груди, она запрокинула голову назад и придирчиво оглядела свое прекрасное тело. Она испытала удовлетворение и улыбнулась, но, вспомнив о том, зачем разделась, она зябко пожала плечами, опять не довольна сморщилась, и тут смутное чувство, похожее на жалость к себе вдруг сердце ее охватило:

– Той, что счастлива в браке была, измены мужа нестерпимы, и я к большому сожаленью себе все чаще это повторяю. В непорочной своей жизни я никого не знала из мужчин, кроме Зевеса, а он прелюбодействует уже со всеми без разбора, и даже грязных девок, причастных смерти, не гнушается. Где же справедливость, которая милее всего нам бессмертным? Мне иногда даже кажется, что он пресытился счастьем семейным и ему моя женская преданность в тягость: в нем угасает любовь, ведь соперника нет, которого он доблестно победит. Может и мне нарушить супружескую верность и предаться с кем-нибудь ласкам порочным, чтобы не пропадала даром моя бесподобная красота? Как юн и красив Эндимон, и как любит меня! – Нет, прочь эти гадкие мысли! Никогда я не опущусь в пучину мерзкого разврата... Но почему же мне не верен Кронид? Я в чем – ни будь виновата, что он обрекает меня на такие мученья жестокие? – Нет! Я – истинный образец добродетели женской!

Гера прикрыла глаза и тяжело задышала, упиваясь своим достоинством женским. Отдышавшись, она криво улыбну-

лась краешком губ и продолжила беседовать со своим добродетельным сердцем:

– Он же грязный развратник. Ему надоело обладать той, кто всегда рядом. Изменяет же он потому лишь, что ему нужно свежее чувство, новизна отношений, все мужчины восторженно сходят с ума от первой близости – «ночи тайн». Меня же он знает прекрасно, и против этого знания даже девственность, обретаемая мной после купания в Канатосе, не всегда помогает, и тогда вся надежда только на пестроузорный Пояс Киприды... Разве ж это справедливо?! И как мне бороться против несправедливости, ведь намного он сильнее меня... да и нельзя принудить насильно к любви. Может мне добиться суда справедливого над своевольным мальчишкой Эротом, чтобы бессмертные небожители изгнали его с блистательных высей Олимпа за то, что без конца их смущает и ссорит между собою, нагл и дерзок с ними, непочтителен? И, крылья срезав, чтобы в небеса взлететь он обратно не смог, прогнать к людям, а крылья кому-нибудь из божественной черни отдать? – Нет, жить совсем без любви бессмертным никак не возможно. Если б я смертной была, то предпочла бы сто раз умереть, чем лишиться супружества Зевса... А ведь не в одиночку любимый супруг мне изменяет, а с кем-то... Да, надо особенно жестоко наказывать всех развратниц, которые сами лезут цепко в объятия к нему, и не быть мягкой, как раньше: На остров Эгины я мор наслала, а саму дочку Асопа не тронула – это ль не мягкость? Ио, юную

жрицу свою я всего лишь превратила в белую телку и слепня на нее натравила – смех, да и только. Притворной скромнице Лето нигде не давала родить, но ведь родила же! Со спутницей Артемиды Каллисто я обошлась уже посерьезней – с помощью Гекаты человечью наружность у нее отняла и добилась, чтоб Стреловержица ее, как медведицу, расстреляла из лука, выпустив в нее семь стрел золотых. Глупую Семелу в образе ее кормилицы Берои надоумила я превосходно, и она сгорела в пламени молний, но Дионис все же родился из бедра Зевса. Здесь я не все додумала и предусмотрела. Кажется это и все... Должно быть я не сделала и сотой доли того, что должна была бы сделать, будь я на самом деле царицей зол. Надо не просто быть неумолимо-жестокой ко всем блудницам, что Зевсу с легкостью отдаются, надо, чтобы все знали мою злокозненность и неотвратимого наказания страшились! Тогда сто раз подумает очередная непотребная девка перед тем, как Зевсу с готовностью податливое тело свое для порочных утех предоставить.

Когда же Гера зоркими своими глазами увидела с кручей Олимпа, как Алкмена в своем дворце пояс расторгла, то уж нигде не могла найти себе места и, размазывая по лицу слезы, трясущимися губами грозила сопернице:

– Только родов твоих, блудница микенская, мне не хватало, чтобы твой плод нечестивый сделал оскорбление моей добродетели явным, всем показав гнусную мерзость Зевеса и мою перед ним слабость. Не над Кронидам – надо мной

богини и боги в тайне будут смеяться и за спиной на меня показывать пальцем... Ну, так просто, Алкмена, это тебе не пройдет. Справедливость требует за такие мучительные обиды строго наказывать. Долго, развратница, будешь корчиться в родах! Посмотрим, как и когда ты родишь, да и родишь ли?!

55. Гера приказывает Илифии Никиппы роды ускорить, а Алкмены – задержать

Чтобы помешать сыну Зевса от Алкмены родиться в объявленный день первым, Гера вызвала свою послушную дочь богиню родовспоможения Илифию и, подойдя к ней вплотную, заглянула в глаза ей и удовлетворенно сказала:

– Милая дочь, ты всегда была мне покорна, будь и сегодня такой. Сделай Илифия сначала так, чтобы у носившей сына во чреве лишь седьмой месяц Никиппы и микенского царя Сфенела ребенок как можно скорее родился. Выведи младенца Сфенелида на свет, хотя и незрелого, но это не все. Необходимо, чтобы первенец супруги Амфитриона Алкмены как можно позже на свет появился или даже совсем не родился... Да, это было бы лучше всего, ведь при родах нередко умирают и сами роженицы, и их дети.

Многим богиням Илифия блеклой своей красотой уступала. У нее был мясистый нос, похожий на небольшой мячик, округлые глаза в обрамлении коротких редких белесых ресниц, рыжие волосы и такие же редкие рыжеватые брови, совсем не похожие на сросшиеся на переносице густые черные брови отца.

От последних слов матери, излучающие смирение и доб-

роту глаза дочери стали совсем круглыми, а брови полумесяцем вверх взметнулись.

– Мать моя и царица! Пусть не волнуется твое милое сердце. Я сделаю так, что Никиппа безболезненно и быстро родит, даже если она ребенка не доносила. Но как мне задержать роды Алкмены? Да и хорошо ли мне делать такое?

Гера не довольна нахмурила свои красиво изогнутые в меру пушистые темные брови и, сузив большие, как у телки глаза, недоверчиво на дочь посмотрела, как бы желая убедиться в ее искренности. Потом, сморщив чуть подкрашенные в нежно розовый цвет губы, она мотнула головой и устало сказала:

– Неужели, милая дочь, и этому тебя должна я учить, ведь ты богиня родовспоможения, а не я. Я же – разрешительница родовых мучений и вот этими медными ножницами роженицам помогаю обычно. Но с Алкменой случай особый – обидела она меня очень и унизила перед всеми богами, а теперь еще хочет всеобщим посмешищем сделать. Поэтому мы с тобой, как бессмертные богини и добродетельные женщины, я – как мать и ты, как послушная дочь, должны примерно ее наказать, чтоб другим не повадно было наше женское достоинство оскорблять!

– Я никогда не мешала рожать и не знаю, как это делать...

Илифия наклонила голову набок и смотрела на мать с такой детской надеждой в простодушных круглых глазах, что Гера чуть не расхохоталась, но быстро взяла себя в руки и

сердитым голосом стала дочери объяснять:

– Некогда я учила тебя как роженицам помогать, и ты хорошо все усвоила. У Алкмены же все, чему я тебя научила надо будет делать наоборот! Придя в дом к роженице, как обычно, сразу на жертвенник сядь, у Алкмены он возле самых дверей. И вот тут начинай делать все наоборот. Не раздвигай как можно шире колени, а, напротив, скрести свои узкие никогда не рожавшие бедра, потом колени и голени переплети и крепко сожми обе руки в кулаки, прижав их к груди. Тебе известные заклинания, чтобы быстро родить тихо шепчи, но только наоборот, тогда они вдобавок к сжатым бедрам и кулакам будут мешать завершиться благополучно даже уже начавшимся родам... А теперь, Илифия, поспеши! Помоги сначала Никиппе, а потом мигом к Алкмене!

Илифия с удовольствием помогла быстро родить Никиппе слабенького семимесячного мальчика, названного Эврисфеем, который стал наследником Сфенела. Затем богиня родовспоможения, скрепя сердце, отправилась во дворец Амфитриона выполнять вторую часть приказа своей властной родительницы, открыто перечить которой она с детства боялась.

Богиня явилась к Алкмене в то самое время, как только начались схватки и сделала все, как научила мать.

56. Тяжелые роды Алкмены

Никто из домочадцев во дворце Амфитриона ничего не понимал: сама богиня родовспоможения Профирея (Преддверница) пришла помогать царице Алкмене, но та вопила, как безумная от боли, однако родить никак не могла.

Мойры, учитывая всю важность родов Алкмены, внимательно наблюдали за нею с крутой горной вершины, соседствующей с обильноложбинным Олимпом. Эту вершину боги и люди называли Незримой потому, что, когда Гелиос освещал ее своими лучами она, как огромный алмаз сверкала вечными снегами и льдами, и ничего рассмотреть на ней было нельзя.

Дщери великой Ананке знали, что роды Алкмены будут очень тяжелыми, ибо она выносила двойню, причем один ребенок размерами намного превосходил всех рождавшихся до сих пор смертных детей. Мойра Лахесис знала и о том, что Илифия по приказу матери будет мешать рождению особенного героя, ведь сама она это выткала в седой пряже грядущих столетий.

Красавица Клото равнодушно вытянула тонкую, как паутинка, нить жизни ребенка, названного Эврисфеем и взялась за конец толстой крученой нити, которая торчала из веретена Ананке и с силой пыталась вытянуть судьбоносную нитку Геракла, но ничего не получалось – будущий великий герой

никак не появлялся на свет. Ткачиха Лахесис обеспокоенно поднялась со своего вечного кресла, и найдя в Полотне Судеб ниточку жизни девы Галантиды накинула на нее из своего кулька маленькое колечко. Старая лишь обликом Мойра повернула к красавице – сестре изрезанное морщинами бесстрастное лицо и одними глазами сказала:

– В роды Алкмены, кроме Илифии, может непредвиденно вмешаться дочь Первозданного Хаоса древняя Тюхе. Конечно, Милихиос намного слабее матери нашей Ананке, но порой у нее получается невозможное, и тогда, как ты знаешь, без всякой причины может случиться все, что угодно. Помнишь, как родился Тифон с непредвиденно силой чрезмерной! А сейчас, при родах может умереть, как Алкмена сама, так и ее не родившийся сын, тем более что родам Алкмены послушная матери Илифия добросовестно будет мешать. Смерть особенного сына Алкмены и Зевса нам никак нельзя допустить, ведь Необходимостью ему предначертано истребить самых ужасных чудовищ, расплодившихся на земле не без помощи Тюхе и убить нечестивых владык, которых немало из-за предоставленной людям свободы выбора матерью нашей.

Лахесис, согласно своим замыслам давним, сделала так, чтобы на родах Алкмены присутствовала одна из ее самыхмышленных подружек-служанок по имени Галантида. Она была из простого народа, русоволосая, ясноглазая, такая быстрая, что готова была всегда исполнять все приказанья,

лучшая в искренней дружбе и первая в своей службе. Выходя и входя постоянно в двери к роженице, Галантида и алтарь благовонный, и воссевшую у дверей необычного вида круглоглазую женщину видит, – как та на переплетенных коленях пальцы в кулаки меж собою сжатые держит.

Видя, как долго не может родить Алкмена, преданная ей Галантида, вдруг хлопнула себя ладошкой по лбу, словно почувствовала какое-то озарение.

57. Благодаря Галантиде Алкмене удается родить Алкида

Сам бог счастливого мгновения Кайрос, промчался на крылатых ногах мимо Галантиды бесшумно и ловко и надумил ее, сумевшую на миг ухватить его за нависавший спереди единственный локон волос на лысой совсем голове. Кайрос всегда появляется совершенно обнаженным, чтобы никто, даже Могучая Мойра, не могла удержать его за одежды, он неуязвим и мгновенно проносится мимо. Кайрос в краткий неуловимый миг позволяет душе человека достичь полной гармонии с окружающим миром, и в это мгновение человек уподобляется богу и может все, даже изменить свою судьбу, что недоступно и бессмертным олимпийцам, владеющим небом высоким.

Девушка догадалась, что женщина у алтаря – это богиня родовспоможения, и она крепко сжимает бедра и кулаки. Поняв, что богиня не хочет дать Алкмене родить, Галантида дерзко решила ее обмануть. Она вдруг хлопнула звучно в ладоши и притворно издала громкий крик звенящего ликования, как будто Алкмена, наконец-то счастливо разрешилась от бремени. Подбежав к Илифии, с радостным хохотом девушка закричала:

– Кто бы ни была ты, незнакомка, сейчас же поздравь мою госпожу! Разрешилась она и родила! Наконец – то соверши-

лось горячее желанье Алкмены.

Округленные брови Илифии еще больше подпрыгнули вверх, уголки красных губ опустились, она тут же вскочила, бедра разжав и, разжав кулаки, быстро вбежала в спальню к Алкмене, чтобы узнать, что там случилось.

Этого было достаточно, и Алкмена из последних сил мокрые колени согнула и ступни в пурпур ложа изо все сил уперла и тут же родила крепкого кудрявого младенца с сине-голубыми глазами, названного в честь деда Алкея (сила) Алкидом, который впоследствии получит от аполлоновой девы знаменитое имя Геракл.

Гера, внимательно следившая с мощных кручей Олимпа за всем происходящим во дворце Амфитриона, увидев, как крепкий мальчик выскочил на свет из бедер Алкмены, досадливо стукнула себя по лбу кулаком, а потом грозно сузила свои большие глаза. Глаза белолокотной Геры обычно были очень похожи на глаза годовалой телки, за что ее и прозвали волоокой; у поэтов «волоокая» означает «большеглазая». Сейчас же ее большие глаза напоминали глаза не мирной телицы, а разъяренной львицы, казалось, что из них сыплются целые снопы желтых искр.

Некоторые говорят, что царица богов впала в неистовый гнев из-за того, что ее навязчивое желание не дать родить Алкмене не сбылось, и она с помощью могучей трехликой богини Гекаты, чародейством мощной и волшебством, превратила Галантиду в ласку.

Другие говорят, что в ласку Галантиду превратили Девы Судьбы, и после этого зачатие у ласк стало происходить через ухо, а роды – через рот.

Давно было замечено, что ласки в момент опасности переносят своих детенышей в зубах, как кошки, и могут схватить чужого ребенка, что и породило легенду об их странном появлении в помещениях, где происходили роды.

Домочадцы же Амфитриона утверждают, что в спальню к рожавшей Алкмене действительно вбежала неизвестно откуда взявшаяся ласка и, прыгнув к роженице, тут же скрылась, успев, однако, сильно ее напугать, отчего она тут же и разрешилась от бремени.

Как только Алкида чисто теплой водою омыли и в белую тонкую ткань завернув, красивым и прочным поясом закрепили, Алкмена легко родила своему первенцу брата – близнеца по имени Ификл, зачатого Амфитрионом на одну ночь позже.

Зевс Астрапей (молнийный), из богов величайший, тоже не удержался и решил посмотреть на лучшего, согласно орაკулу, из смертных своих сыновей. Олимпиец чудесным образом отблеском ослепительной молнии осветил амфитрионов чертог, где два брата появились на свет, чтобы увидеть милого сына, ибо, несмотря на сверхострое зрение, он не мог с блистающих высей Олимпа понять кто из близнецов его сын.

58. Галантида становится Гагнодикой

Почитатели Илифии говорят, что у нее была не твердая, но добрая душа, и она уговорила всемогущего отца вернуть прежний облик Галантиде.

Возмужавший Геракл, узнав историю своего появления на свет, решил разыскать Галантиду. Он узнал, что Илифия стала обучать ее врачеванию при родах. Чтобы Гера ни о чем не догадалась, Галантиде изменили имя, и стали называть ее Гагнодикой.

Выучившись, Гагнодика коротко обстригла пышные кудри и вырядилась в мужскую одежду. Услышав, что одна женщина страдает от родов, она пришла к ней, но та не хотела ей довериться, считая ее мужчиной. Тогда Гагнодика, подняв короткую тунику, показала, что она женщина, и после этого вылечила ее и других.

Когда мужчины – врачи увидели, что их не пускают к женщинам, они стали обвинять Гагнодику, говоря:

– Врач этот – развратник и совратитель, а женщины одержимы блудом и только притворяются больными.

Собрались ареопагиты, чтобы осудить Гагнодику за повальный разврат, но она, подняв тунику, и судьям показала, что она женщина.

Тогда упрямые врачи-мужчины стали обвинять ее еще сильнее:

– Эта дерзкая женщина нарушила грубо закон, ибо не имела законного права лечить.

И тогда жены лучших граждан не выдержали и пришли в суд и сказали:

– Вы не супруги, а враги, потому что хотите осудить ту, которая нашла для нас спасение.

Тогда афиняне исправили закон так, что благородные девушки могли изучать врачевание.

Геракл не смог встретиться с Галантидой-Гагнодикой потому, что во время мора при лечении одной больной, она сама заразилась и умерла. Тогда он недалеко от построенного им храма Асклепия Котилея, излечившего рану, полученную им в бедро в первой битве против Гиппокоонта и его сыновей, насыпал пустой погребальный холм (кенотаф) в честь своей спасительницы. Потом много лет спустя, оказавшись там, он приносил Галантиде и радость великую всем доставлявшему смертным Асклепию (вскрытый) в жертву по петуху.

Это все будет в будущем, а пока Галантида рассказала родившей подруге о поведении Илифии, вызванным кознями Геры, когда та уже на следующий день почувствовала себя совсем здоровой.

Алкмена, страшаясь неумейней ревности богини богинь и повинуюсь какому-то неясному чувству, продиктованному Мойрой Лахесис, с дитем у груди, беззаботным, совсем еще глупым, единственным, милым, прекрасным, пошла в поле

под высокие крепкие стены Фив и его там оставила. Впоследствии это место назвали Геракловым полем.

59. Зевс узнает от Геры, что первым родился Эврисфей

С ошеломляющей вестью о том, что первым после клятвы священной Зевеса родился сын Сфенела и Никиппы Эврисфей, перед Зевсом предстала сама волоокая Гера, среди богинь величайшая саном. Все произошло, как всегда, на ежедневном пиру, который все боги очень любили.

Запрокинув белокурую голову назад, она, не в силах скрыть распирающей радости, широко улыбнулась, обнажив ровные белые зубы и так нарочито угодливым голосом провещала:

– Зевс Эгиох! из властителей всех наивысший! слово правдивое тебе полагаю на справедливое твое сердце. Радуйся: не чужой тебе смертный сегодня первым рожден, он, согласно клятве твоей, освященной стигийской водой, царствовать в конебогатом Аргосе должен. Назвали его Эврисфеем, он Персеида Сфенела геройская отрасль. Не будет муж Эврисфей, племя твое, конелюбивому Аргосу царем недостойным.

Так, улыбаясь большими своими глазами, и нежно-розовыми губами, с высоко поднятым подбородком, покрытым, как у юницы, золотистым пушком, изрекла новость Зевса сестра и супруга. Боги приготовились дружно одобрить столь чудесную весть, но вовремя спохватились, увидев изменив-

шея лица верховного властителя, над ними царящего. Было видно, что жестокая горесть, как огромным лабрисом (двойной топор), ударила в мощное сердце Зевеса.

Услышав о том, что сын Сфенела Эврисфей родился раньше Геракла и потому, согласно праву перворожденного и по его же собственной клятве будет царем древнего Аргоса и Микен, Олимпиец впал в тихую ярость. В мертвой тишине, повисшей в пиршественной зале, был слышен только зубовой скрежет Громовержца и шелест от сотрясения его косматых волос. Не подверженный тлену чертог закачался из стороны в сторону, и великий Олимп всколебался, словно огромный корабль на гигантских волнах. Богини, что в креслах сидели и боги, что в чертоге вместе с Зевсом, каждый на скамейке своей, возлежали, все в несказанный ужас пришли, хоть и знали прекрасно, что нетленный дворец работы Гефеста выдержит бурю любую. Все с большим осуждением посмотрели на Геру в глубоком молчании, но никто ничего не вещал потому, что никто ничего не понимал и не знал за что осуждать богиню богинь.

Громовержец, между тем, прекратил зубами скрипеть и трясти головой. По сросшимся на переносице густым бровям было видно, как Зевс напрягает свой ум: он их то медленно вращал, то поднимал высоко вверх, то вдруг опускал и опять начинал по кругу вращать, как умел один только он. Потом он, воздев необорную руку, приказал богиням сидеть, а богам продолжать возлежать, а сам, выпятив грудь и бородатый

подняв подбородок, заложил назад руки и неспешно ровными шагами прошелся по залу пиров вперед и назад. Все затаив дыхание, ждали и, наконец, Олимпиец остановился. Он покачался, перекатываясь в сандалиях с пяток на носки и обратно, поднял вверх указательный палец и, спрятав в косматой бороде улыбку лукавую, громко изрек:

– Боги, знайте – ваш властитель стал гнусного жертвой обмана! Во всем виновата злокозненная моя супруга и послушная ей богиня Апата. Но пусть не печалются ваши верные мне сердца, ибо ваш царь в ничто легко обращает любые обманы! Удивительная женщина Гера, вроде не глупая, хотя ведь и глупость – не беда, беда, когда глупец хочет ее дальше развить или, наоборот, исправить пытается. Уж сколько веков мы с ней вместе живем, а она до сих пор не может понять, что ее обманы и козни, по сути, ничего не меняют и ей же самой делают только хуже. Я не стану сейчас даже ссору с ней затевать, а вот Апату заставлю позорно страдать! Давно уж пора ее с блистательных высей Олимпа постыдно изгнать!

Зевс и хотел бы не только ссору с Герой затеять, но и жестоко ее наказать, но наказывать супругу ему давно запретила Мойра Лахесис.

60. Мойра запрещает Зевсу наказывать Геру после убийства Загрей

Мойра Лахесис однажды и навсегда своим как всегда бесстрастным голосом, не допускающим никаких споров, запретила Крониду сурово наказывать Геру, сестру и супругу законную, так ему, не разжимая губ, провещав:

– Брачные узы между мужчиной и женщиной угодны матери нашей Ананке, ибо необходимы существам, обладающим разумом потому, что семейный союз – это шаг неизбежный к порядку от хаоса. Мудрый знает, что редко кому жена попадается сообразно его желаньям, и мирно с ней уживается. Отныне ты можешь сколько угодно с Герой ругаться и пугать ее, но рук на нее впредь не накладывай. Когда ты в ущерб справедливости начинаешь действовать силой, то создаешь плохой пример для других, лучше старайся жену победить на словах.

Этот случилось после того, как Зевс хотел низвергнуть Геру в сумрачный Тартар за то, что древние горные титаны Кой и Крий по ее наущению зарезали и сожрали его сына Загрея от дочери Коры (после замужества – Персефоны), рожденной ему сестрой Деметрой, когда он, превратившись в змея, связал ее гераклейским узлом и совокупился с нею.

Нонн из Панополя поет, как однажды пред наступлением жажду несущего зноя дева бежит, оставив ткацкий станок и пот вытирая, все повязки грудные развязывает стыдливо. После она, погрузившись в бодрящие воды предается на волю струй водоема прохладных. Но не ушла от Зевса всевидящих глаз. И нагое в волнах зыбучих узрел он тело прекрасное девы Кору. И владыка вселенной и мира шею склонил перед страстью, могучий! Нет от страсти спасенья, и девичество будет отъято в змеином объятье. Зевс, волнуясь змеиным телом, в облике гада, страстной любовью пылая, лижет он нежное тело девы, и скоро его семя раздуло чрево Кору. Так и родился рогатый младенец в облике бычьем Загрей – древний Дионис со злосчастной судьбой. Новорожденный Загрей, помещенный Зевсом в приготовленную для него охраняемую Куретами пещеру на горе Иде, сразу воссел на трон своего отца и, получив от него скипетр, стал, как отец, своей крохотной ручонкой потрясать молнией и трогать зарницы.

Рождение Загрея сначала осталось тайной для многих богов, но только не для Геры. Лишь недавно ставшая женой Зевса державная богиня ревновала не только как женщина, но и как царица. Она чувствовала, что Загрей необычный ребенок, который со временем может превратиться в самого великого бога. И потому Гера не так ревновала, как опасалась за свою власть на Олимпе, ожидая, что супруг расторгнет с ней брак и женится на Коре, которой, как она узнала

от прорицающей Геи, после свадьбы Мойрой предначертано было стать царственной Персефой. Коварная Гера, любившая злые козни творить чужими руками, приказала своей вестнице и подруге Ириде сообщить о новорожденном царском сыне скрывавшимся в горах после поражения в Титаномахии древним титанам Кею и Крию.

Чтобы остаться неузнанными, горные титаны выкрасились белым горным медом и, подкравшись по снегу к Иде, стали ждать, когда охранявшие младенца верные Зевсу Куреты заснут. В полночь злодеи ворвались в зал с ребенком, но не смогли напасть на него потому, что он был на царском троне и играл с молнией. Загрей играл со страшной жгучей молнией так, как будто это была простая водяная струя и даже пил ее.

Тогда Гера с помощью детских игрушек: шишек, погремушек, золотых яблок с ее яблони из сада Гесперид и клока козьей шерсти ласковыми словами выманила Загрея с трона, и титаны набросились на него, чтобы похитить и потом обменять на титана Иапета и его сына Менетия, низвергнутых Зевсом в Тартар.

Однако Гера громко сказала, что тому, кто съест Загрея, игравшего с молниями отца, будут никогда не страшны перуны Зевса, и титаны тут же разрезали Тартарийскими ножами Загрея на 7 кусков, поместили их в огромный треножный сосуд над разведенным очагом, сварили и съели. Осталось нетронутым лишь не поместившееся в сосуд сердце Ди-

ониса, то есть сама сущность бога.

Появившийся в сопровождении верной Афины Зевс низвергнул Титанов в Тартар, прежде подвергнув их разного рода мучениям, не обойдя ни одной пытки, ни одного страдания. Мудрая Афина взяла сердце бога и, растерев его в порошок, передала его своему великому отцу. Зевс из этого порошка сам приготовил настойку на нектаре и, выпив, бросился в Фивы и возлег там со смертной Семелой, младшей дочерью фиванского царя Кадма и Гармонии – дочери Афродиты от Ареса. После того, как беременная Семела сторела в божественном пламени перунов, когда Зевс к ней явился в своем истинном виде, ее недоношенный ребенок был спасен и зашит Кронида в бедро, на котором он застегнул покровы золотыми пряжками тайно от Геры.

Зевс, хромая, выносил детку, но когда через три месяца настал срок рожать, стал долго мучиться, несмотря на то что сочувствовавший чернокудрый брат Посейдон угостил его только, что пойманным тунцом. Вот и рождение, и рука Кронида как повитуха опытная в этом деле, бедро от пряжек и швов отрешает, и дитя вываливается на свет. Только лишь появился младенец, Оры дитя увенчали из стеблей плюща плетеницей, славя грядущее Вакха, и сами в цветочных уборах. Вдалеке от людей породил Зевс его, прячась от белолокотной Геры. Зевс, выпивший настойку из сердца своего сына Загрея, родил Диониса, который и был возродившимся Загреем.

Поэтому Диониса называют «дважды рожденный» или «дитя двойных дверей». Когда люди «чудом» избегают, казалось бы, неминуемой смерти, то говорят: «Родиться второй раз», имея в виду второе рождение Диониса. Поскольку Дионис был не только сыном Зевса, но и рожден был им, а не смертной женщиной, то ему предстояло стать не полубогом – героем, а настоящим олимпийским богом, хотя и не сразу.

Орфики поют, что вкушившие плоть Диониса, титаны были испепелены молниями Зевса, и из этого пепла, смешавшейся с ихором бога, произошел последний человеческий род, который и отличается дерзновенностью титанов и страдальчеством Диониса. В основе орфизма лежит утверждение о двойственности природы человека, имеющем два начала: низшее – телесное, происходящее от титанов, и высшее – духовное – от олимпийских богов. Человек состоит из доброго (божественного) и злого (титанического) начал, а тело его – могила для божественной бессмертной души. Нравственный долг каждого человека, учили орфики, состоит в том, чтобы содействовать высвобождению и развитию нравственного божественного начала и очищению от унаследованной от титанов скверны.

Злокозненную Геру после растерзания Загрея Зевс тоже хотел испепелить молниями и низвергнуть вместе с титанами в Тартар, но был остановлен старой Мойрой Лахесис, возникшей перед ним неизвестно откуда. Дочь Ананке не допускающим возражений совершенно равнодушным голосом

возвестила, что ревность в любви не менее естественна, чем измена, и Могучей Судьбой ему предначертано еще тысячи лет жить в браке с Герой – своей последней законной супругой.

61. Зевс предсказывает Гераклу бессмертие и ругает Геру

Олимпийский Блистатель не стал понапрасну ругаться с неумолимо ревнивой супругой, но отыгрался на костлявой Апате. Схватив богиню обмана за узкие бедра своими мощными руками, он низвергнул ее с Олимпа на землю так, что та надолго милые сломала колени, и осталась жива лишь благодаря своему бессмертию. Апата навечно осталась калекой и уже больше никогда не смогла вознестись на заоблачные выси Олимпа, оставшись навсегда жить среди землеродных людей, смерти подвластных. Разделавшись с богиней обмана, Зевс Горкий (Хранитель клятв), опять изрек громогласно:

– Внемлите мне и боги необъятных небес, и богини бессмертные. Все будет так, как уже я возвестил, ибо не такто легко ваш правитель свои изменяет решенья! Рожденный первым сегодня муж Эврисфей будет царем арголидским, но рожденный позже сын мой Геракл станет богом бессмертным и придет жить к нам, на Олимп нерушимый вовеки, сюда, где в наслажденьях все наши дни протекают. И пусть никто из богинь, и никто из богов не помыслит слово мое ниспровергнуть, ибо невозможно безнаказанно решенье мое богу другому нарушить, иль им пренебречь дерзновенно.

Как древнее божество воздуха Гера могла стать пронзи-

тельным вихрем воздушным, ибо была издавна связана с бурями и ураганами. Поэтому она так часто яростно гневаается и бурно ссорится с супругом, уступая ему только под воздействием угрозы применения силы. Вот и сейчас Гера, не сдержавшись, так стукнула себя кулаком по гладко причесанной голове, что с ее светлых с золотистым отливом прекрасных волос упала изготовленная Гефестом бриллиантовая диадема в виде раскинувшей крылья пестрой кукушки. Богиня так буйно захохотала, что изумились боги небес и богини, а Гефест колченогий даже стал испуганным криком призывать к матери для леченья Пеана.

Когда же Гера, наконец, пришла в себя, то сразу призвала на помощь богиню справедливости Дике, которая была, как всегда, у зевсова трона. Кусая побледневшие губы, царица несколько раз судорожно воздух глотнула и сказала грудным очень низким голосом, словно у нее горло ранено было:

– Что за слова, жесточайший Кронид, ты к нам обращаешь? Ведь ты, вещая не справедливо, подрываешь нерушимые царской власти устои, которую сам же и устанавливал на земле и небесах.

Зевс с насмешливой улыбкой, проступившей между бородой и усами, с очами сияющими сохранял олимпийское спокойствие, и тогда Гера не выдержала и, не глядя на мужа, запричитала навзрыд:

– Опомнись же, грозный Кронид! Ну, какие слова ты, могучий, вещаешь? Одумайся! Ведь смертного мужа, издревле

уже обреченного Року, ты освободить совершенно от смерти печальной желаешь. Разве допустимо такое?! Ведь и богам невозможно от смерти, для всех людей неизбежной, даже и любимого сына спасти. Выпрям смертному участь, три зловещих Сестры никогда не крутят вспять веретено матери своей жутколикой, и никому не дано их веленья избежать. И даже тебе нельзя нарушать заведенный Ананке Миропорядок, даруя бессмертие полубогу – младенцу. А если он станет злодеем и нечестивцем, как твой бывший любимец – сын от распутной фригийки Тантал? Ты забыл, как он разгласил тайны богов, а потом похитил у нас для сверстных себе нектар и амбросию, в которых нашего начало бессмертья? Вспомни как потом он и вовсе украл оружие Эфира и спрятал киклоповы стрелы с громами в глубинах темной пещеры. А я и тогда, как и сейчас, предупреждала тебя...

Зевс поднял мощную руку, давая знак жене замолчать. Кронида на этот раз не пришлось напрягаться и мыслей узду отрешать – ответ ему подсказала невидимая никому Мойра Лахесис. Ткачиха при необходимости могла являться в виде одного голоса, однообразно звучащего в голове. Царь богов внушительно помавал мощными своими бровями, так, что по пиршественному столу пронеслось благоуханное дыхание свежего ветерка. Выждав, пока сладостновеющая Аура, приносящая ласку и отдых, утихла, Зевс объявил громозвучно:

– Женщина, хватит воздух попусту сотрясать! Лучше в молчании внемли, что муж и царь говорит! Геракл заслужит

свое бессмертие, вполне справедливо, совершив много подвигов трудных, находясь на службе у Эврисфея, рожденного сегодня, благодаря тебе, первым. И подвиги он совершит тоже благодаря тебе, Гера. Я вижу, что не все бессмертные здесь со мною согласны – некоторые считают, что для апофеоза моего смертного сына этого недостаточно. Хорошо я все ваши мысли читаю!? А за нашу будущую победу над Гигантами, которая не возможно без героя Геракла, можно его причислить к сонму бессмертных богов? Вы забыли, блаженные небожители, пророчество Мойр непреложных, что в бурной Гигантомахии мы, олимпийцы, сможем победить, только если к нам на помощь придет могучий герой, смерти подвластный?!

В конце своей речи Зевс опять бровями повел сверху вниз и тихонько кивнул головой, всем так знак подавая, что изрекать он закончил вполне, но потом спохватился и быстро добавил:

– Ты же, Гера, лучше безмолвно седи и глаголам моим повинуйся! Или тебе не помогут все божества на Олимпе, если, терпенье мое вконец истощится и, восстав, наложу на тебя необорные руки, хоть ты мне сестра и супруга, и Старуха Лахесис против мужниного рукоприкладства.

Обомлевшая Гера вся побледнела, щеки ее всегда нежно розовые, как у младенца, стали почти белыми, как ее светло-золотистые волосы. Зевс же широко улыбнулся, обнажив крупные белые зубы, и кудри нетленные его на мощных пле-

чах всколыхнулись, распространяя вокруг амбросии благо-
вонный запах от его головы, чуждой смерти.

Никто из бессмертных богов и даже сам Зевс-Промысли-
тель не подозревал, что все происходит, как и всегда, соглас-
но предначертаниям Мойр, непреложных дочерей великой
богини необходимости Ананке.

62. Зевс поручает Афине опекать Алкида

После пышного пира, устроенного по случаю рождения милого сына, когда все разошлись, включая супругу, Зевс призвал свою дочь Афину, могучую и воинственную, как сам он и мудрую, как Метида, ведь богиня мудрости ее зачала, а он родил из собственной головы, и попросил ее:

– Дочь моя милая! Отныне поручаю тебе заботу о моем смертном сыне Алкиде, который скоро прославится, как Геракл. Пусть это чрезмерно тебя не заботит, ты лишь время от времени приглядывай за ним и только при особой нужде оказывай ему необходимую помощь, но делай это незаметно от всех и, особенно – от Геры. Впрочем, мудрой, тебе не надо подробно все объяснять, ты и сама в рассудке своем прекрасно все понимаешь.

И не была непослушной отцу сизоокая Афина-Паллада, ведь то, что сказал он, и самой ей по воле Мойры Лахесис желалось. Она неспешно погладила двумя крепкими пальцами горбинку на переносице своего большого носа и, лукаво сверкнув совиными глазами под сросшимися как у отца густыми бровями, так ответила царю и своему единственному родителю:

– О, отец мой Кронид, повелитель, меж всех высочайший! Хоть и безбрачная я, но превосходно все понимаю и желанье

твое точно исполню, как должно. В безопасности жизнь будет Алкида, и ревнивица Гера ни о чем не узнает.

Дочери милой ответил, тепло улыбнувшись в косматую бороду, Зевс пространногремящий:

– Тритогенея, дитя мое милое! Ты всегда лучше всех меня понимаешь, и потому к тебе я вполне благосклонен. А теперь поспеши познакомиться с новым братом, ведь Алкид брат тебе, хоть и смертный.

Мощно оттолкнувшись копьём от каменной кручи, словно сокол, в скорости не имеющий себе равных, ринулась с неба богиня со свистом лучезарный эфир разрезая и с этого дня стала незримо опекать своего новорожденного брата, смерти причастного.

За будущим великим героем так же приглядывала и старая лишь выбранным обликом Мойра Лахесис. Богиня справедливой войны, незаметно побуждаемая никогда не дремлющей вещью Ткачихой, предложила своей приемной матери Гере прогуляться по травянистому полю – теменосу перед входом в долину Фив, куда отнесла своего первенца перепуганная Галантидой Алкмена:

– Гера, ты и сама знаешь, что отец меня породил воинственной в битвах и неутомимой в трудах, но ведь и богам надо иногда отдыхать, хоть я в этом и не нуждаюсь. Если тебе по душе мысль такая, то давай вместе просто походим по полю, что раскинулось вон у тех фиванских ворот. Скоро здесь запылает пожар первой фиванской войны, которая окончит-

ся поединком смертельным между братьями, сынами незадачливого рокоборца Эдипа. Ты будешь помогать Полинику, я – Этиоклу, но распря между мной и тобой не возникнет при этом.

Мощная дева в шлеме коринфском повернула голову к Гере и призывно на нее посмотрела своими большими светло-серыми глазами навывкате. Когда надо было куда-нибудь посмотреть Афина всегда поворачивала всю голову потому, что огромные зрачки у нее почти не двигались, что делало их похожими на совиные, за что она и получила прозвище «совоокая». Впрочем, некоторые говорили, что совоокой Афины называли за ее мудрость, ибо сова считалась самой мудрой птицей.

– Зевса мудрая дочь, я рада, что в фиванской войне распри, между нами, не будет. А предложение твое мне по сердцу. Давай погуляем по тому полю совсем беззаботно.

Гера знала, что грядущий в следующем веке поход Семерых против Фив возглавит аргосец Адраст и ей придется помогать своему любимому городу Аргосу, где она была полноправной хозяйкой. Адрасту и Полинику она будет помощницей верной. Царица Олимпа в ссорах уступала только Зевсу, но втайне побаивалась из всех богов только Аполлона, а из богинь – только Афины. Она не знала почему Паллада будет помогать Этиоклу и Фивам в Фиванской войне, но ссорится с любимой дочерью Зевса, мощной богиней организованной войны ей никогда не хотелось.

Афина между тем оттолкнулась своим мощным копьем от ближайшего облака и ринулась к Фивам, оставляя за собой яркий блеск. Вслед за нею и Гера, прыгнув бурной стопю по белому облаку, понеслась словно белая птица, пурпуром окольцованная. На поле совоокая Дева остановилась и, поджидая Геру, задумчиво погладила свое мощное не девичьи бедро. Должно быть, она вспомнила, как только, что появившийся на Олимпе совсем еще юный Гефест, взволновавшись не в меру, когда она пришла к нему в кузницу поменять наконечник копья, неумело попытался ее изнасиловать.

Афина тогда мужественно приняла бой с богом-мужчиной. Издав победоносный воинственный клич, она больно ударила тупым концом копья пытавшегося сорвать с нее последнюю одежду Гефеста в ногу. Однако юный кузнец, еще не имевший дел с женщинами, был так возбужден, что уже не мог утерпеть и все-таки извергнул свое семя Афине на оголившееся бедро. Паллада сморщилась брезгливо и оттолкнула Гефеста так мощно, что тот не устоял на больных ногах и повалился, словно большой мех с вином. Поднявшись с помощью жилистых рук, юнец хромоногий был так смущен происшедшим, что не чувствовал даже боли в распухшей от удара ноге.

Чистоплотная девственница с бедра, не знавшего мужской ласки, с отвращением вытерла семя валявшейся старой шерстью и аккуратно закопала все в землю. Мать-земля приняла это семя, выносила ребенка и вскоре родила наполови-

ну змеевидного сына Эрихтония.

Афина сходила к искусному в кузнечном деле отцу детки такого необычного вида, и тот изготовил священный ларец из актейской лозины, в котором маленький ребенок мог долгое время быть в безопасности и даже расти. Такие же ларцы Гефест изготовил для Илифии, и Афродиты, которая поместила в ларец Адониса – сына несчастной Смирны, влюбившейся в отца и превращенной в мирровое дерево.

Паллада передала ларец с необычным ребенком Аглавре, Герсе и Пандросе – дочерям второго афинского царя Кекропа, когда они танцевали на лугу перед ее храмом, приказав им хорошо охранять ларец, но запретила заглядывать в него. Сестры, сторая от любопытства, нарушили запрет богини и заглянули в ее ларец и с ужасом увидели, что там, то ли ребенок необычный лежит, то ли некий дракон распростерся. Как замороженные они смотрели на двуобразного ребенка со сросшимися ногами, превратившимися в змеиное тело – им даже казалось, что у мальчика тело клубится. Сестер охватило буйное безумие, которое было вызвано либо страшным видом ребенка, либо наказанием Афины за нарушение ее запрета. Обезумевшие Кекропиды, взявшись за руки, дружно бросились с Акропольской скалы вниз и разбились.

Афина взяла ребенка в свой храм и там вскормила и воспитала его. Воспитание такой искусницы как Афина не прошло для Эрихтония бесследно, и он первым из людей изобрел квадригу – двухколесную колесницу с четырьмя запря-

женными конями, хотя среди богов четверкой коней давно уже пользовался Гелий. Состарившись, Эрихтоний умер и был похоронен своим сыном от наяды Праксифеи Пандионом в гробнице на священном участке храма Афины.

63. Обманутая Гера кормит Алкида грудью

Ожидая Геру, Афина вспоминала, как кормила Эрихтония амбросией, поила нектаром, давала ему капли крови Медусы-Горгоны и даже поила своим грудным молоком, которое вдруг ни с того, ни с сего, на короткое время у нее из алых сосцов заструилось. Она никогда не знала ложа мужчины и потому у нее больше никогда не капало из грудей молоко.

Сейчас же по воле Мойры Лахесис Афина захотела, чтобы появившаяся Гера покормила своим молоком Алкида. Вещей Ткачихе это было необходимо, чтобы более, чем через полвека Гера успешно усыновила Геракла.

– Гера, не зря ведь, конечно, сюда с тобой мы явились. Смотри, дорогая! Какой красивый ребенок-крепыш лежит в крепкой корзинке с детским приданым! Его мать, должно быть, совсем лишилась рассудка, оставив его одного на этом поле пустынном! Сдается мне, что он очень голоден: посмотри, как он рот широко разевает. Отец меня породил несведущей в делах материнства, хоть и вскормила, и воспитала я Эрихтония, но ты в них разбираешься лучше других. Тебе не хочется грудью его покормить, ведь, знаю я точно, что это женщине очень приятно?

Воскликнула умеющая быть и лукавой богиня мудрости,

поднимая маленького Алкида на руки, чтобы передать его Гере. По воле все той же вещей Ткачихи у Геры, уж сотни лет не рожавшей, вдруг нестерпимо набухли обе груди, и из них стало сочиться густое и сладкое, как мед, божественное молоко.

Вещие дочери Ананке так выткали пряжу седую столетий, что через полвека Гера будет, пропуская под пурпурными своими одеждами, усыновлять Геракла, вознесенного на Олимп. Кроме того, согласно законам природы, кормление грудным молоком царицы Олимпа должно было придать еще больше силы отпрыску Зевса от прекраснородыжной Алкмены, а, по мнению некоторых – через некоторое время сделать его бессмертным.

Сейчас же, чтобы усыновление прошло вполне успешно, мачеха должна была покормить будущего приемного сына своим грудным молоком. Гера, как покровительница брака, охраняющая мать во время и после родов, не раздумывая, взяла у Тритониды ребенка и, положив его на свои колени, раздвинула хитона белоснежного складки и обнажила прекрасную грудь. Голодный младенец как будто этого только и ждал, он сразу в розовый впился сосок и принялся неистово сосать.

Гера посмотрела вокруг и ей показалось, что солнце стало, как будто, ярче и веселее светить, и светло рассмеялись душистые травы, и цветы заиграли дивными яркими красками на зеленом лугу, давать начали кусты и деревья плодов без

конца, свирепые звери, покинув свои берлоги и норы, вышли на солнце, дружелюбно друг другу махая хвостами.

Царица многоснежных отрогов Олимпа чувствовала острое материнское наслаждение, граничащее с вожделением сладострастным. Она, прикрыв свои прекрасные воловьи глаза и приоткрыв розовые губы, чуть дрожащей рукой нежно прижимала голову ребенка к полушарию правой груди.

Однако у Алкида, вкусившего уже немало божественного молока, на глазах прорезались зубы, и он сильно схватил ими набухший сосок богини. Гере показалось, что в ее правую грудь раскаленная вонзилась стрела. И действительно, именно эту ее грудь возмужавший герой дважды ранит стрелой. Первый раз это случится, когда она придет на помощь трехтелому великану Гериону, второй раз – в Пилосском сражении. Сейчас же богине стало так больно, что она отбросила ребенка от себя.

64. Млечный путь

Один поэтично настроенный муж, имя которого затерялось в веках, пел, как струя божественного молока Геры, кормящей Алкида, мощно взметнулась в небесную высь и растеклась по необъятному небу, превратившись в удивительные алмазно-лучистые звезды, впоследствии названные Млечным Путем. Астры, сияя и вечно горя, обтекают мир светоносными волнами. Они – сопричастницы Мойр непреложных, непререкаемые указатели человеческой доли; они направляют смертных людей по божественным тропам и черный пеплос Ночи совсем непроглядный делают взору смертных доступным.

Другие о происхождении Млечного пути рассказывают иначе: бог – проныра Гермес, как всегда исполненный всяческих каверз и хитрых уловок, так же наблюдавший по просьбе отца за своим новорожденным смертным братом, вознес оставленного матерью младенца Алкида на высокий Олимп. Там вездесущий вестник Зевеса, бесшумно скользя по воздушной дороге на крылатых талариях незаметно проник на женскую половину в пышном чертоге Владыки Олимпа. Приблизившись незаметно к Гере, он крепко усыпил ее крылатым своим кадуцеем и положил Алкида на ее обнаженную грудь. Голодный ребенок сразу стал жадно сосать, он стал как сын Геры, и она уже тогда стала его приемной

матерью. Когда вездесущий бог крылоногий отнял Алкида от чудесной груди, так и не проснувшейся Геры, объевшийся малыш отрыгнул часть молока, из которого в небе возник Млечный Путь, а на земле – белые лилии – священные растения Геры, символизирующие ее женскую добродетельность и телесную чистоту.

Существует множество мнений о том, когда именно ребенка, названного при рождении Алкидом, стали звать Гераклом. Например, некоторые считают, что это произошло после кормления Герой Алкида, и Геракл означает «вскормленный Герой».

Согласно поэтической «Астрономии» Гигина, из-за чрезмерной жадности Геркулес высосал из груди Геры слишком много молока и не смог удержать его во рту; оно вытекло из его уст, и так появился Млечный круг.

Существует так же рассказ, что в те времена, когда Мать великих богов Рея подала первому коронованному правителю богов Крону для проглатывания камень вместо очередного младенца, жестокому и хитроумному супругу не понравился вкус камня, и он приказал накормить его грудным молоком. Богиня женского изобилия Рея, испугавшись, что Крон догадается о ее обмане, так крепко сжала свою набухшую грудь, что брызнувшее во все стороны божественное молоко образовало в небе Млечный Путь (Круг).

Как бы на самом деле не появился Млечным Путем, но он стал дорогой, заметной с земли своей сверкающей белизной

в глубине черного неба. Это дорога для всевышних богов под кров Громовержца, из их атерий в его царский чертог.

65. Гера с помощью Гекаты посылает к Алкиду змей

Сладкоголосый лирик Пиндар поет, как Алкида, спящего в шафрановой пелене, белокурая Гера узрела с золотого трона и, преисполнившись праведным гневом, двух змей огромных мощно ринула на него.

Домочадцы Амфитриона рассказывают, как однажды вечером, когда Алкиду было всего восемь месяцев, Алкмена, сама искупав и накормив грудью близнецов, уложила их на щите, который был медью окован – взял его Амфитрион, как трофей во дворце царя Птерелая. Не забыла Электрионида подложить под близнецов и мягкие пуховые подушки, накрыв их одеялом из пушистой овечьей шерсти. Перед тем, как деток покинуть, Алкмена ласково молвила, нежно погладив ребячьи головки:

– Спите, младенцы мои, спите сладко, чудесные дети. Счастливо нынче засните и счастливо встаньте с зарею.

Она щит покачала немного, и крошки дружно заснули. В полночь по приказу Геры могучий Морфей, на мягких крыльях незримых по царскому чертогу рея бесшумно, с помощью отцовского усыпляющего жезла, маковой настойки и рога с другими снотворными соками быстро сковал своими сладостными, но крепкими, как путы объятьями, всех до единого, кто был во дворце Амфитриона.

Потом к чародейке и колдунье трехликой дочери Зевса Гекате, добровольно оставившей чистейшие выси эфира и снизошедшей в подземные пустоты вечного хаоса, Гера, спустилась в Эреб. Когда требовала необходимость Гера умела отбросить присущую ей властность и сейчас голосом искаженным, обратилась к деве перекрестков, знающей магию, с просьбой такой:

– Не Гадес, брат мой ужасный и не супруга его суровая Персефонея, а именно ты Геката – истинная хозяйка всего загробного мира! Ведь только ты ведаешь зелья, которые смягчают пламя огня, путь перекрывают светил и бездомной луне закрывают на небо дорогу. Ты появляешься на земле в зловещие лунные ночи, с ярко пылающими факелами в руках, в сопровождении самых страшных существ подземного мира, среди которых две огромные пятнистых змеи с немигающими красными глазами и шесть черных собак, способных разорвать на части медведя и даже горного льва... Не исполнишь ли, Хтония, то, о чем попрошу я? Пусть твои две пятнистых змеи сегодня во дворец Амфитриона проникнут и там стиснут своими крепкими челюстями головы двух младенцев, рожденных Алкменой. Если жизни лишатся эти мальчишки, вечно я буду тебе благодарна, богиня высокой судьбы.

Змееволосая дева Геката воздела огненный светоч смолистый и улыбнулась зловеще в ответ, и от этой улыбки точечные белые плечи подняла супруга Кронида к самым ушам,

как будто ей стало неудобно и зябко. Тут все собаки мерзко завыли, и Гера судорожно стала тереть лоб белой рукою, словно хотела стереть все, что сказала или обратить все в забавную шутку.

Геката меж тем дунула дважды в особый свисток и на ее свист, колышущий воздух, приползли, шелестя чешуей, две огромных пятнистых змеи с горящими как угли глазами и замерли у ее ног, с высоко поднятыми головами. Трехликая дева перекрестков наклонилась и что-то зашептала тем змеям, при этом быстро делая различные жесты руками. Она семь раз раздвинула руки, и Гера догадалась, что Геката показала ворота, потом ладонями Кратейя изобразила дворец и два маленьких шара – головы младенцев. Змеи грациозно головами кивнули в ответ и по знаку Гекаты, расправили свои пятнистые кольца и, словно гибельные две стрелы, ринулись по воздуху в Фивы.

66. Алкид в люльке-щите душит змей

И вот драконы, не встречая препятствий, уже вползают в двустворчатые настежь открытые двери дворца, объятых могучим Морфеем, и гибкими извиваясь телами, быстро скользят по гладко отесанному полу, на женскую половину дома в недра просторного гинекея.

Сенека поет, как грозно ползли два гада с гребнями на головах, навстречу им младенец полз и смотрел в не мигавшие глаза змеиные, пылавшие жутким огнем, спокойным, уверенным взглядом. Был безмятежен Алкид, в кольцах тесных сдавленный, когда ручонками по – детски нежными шею раздутые зажал.

Пиндар поет, как новорожденный сын Зевса смело поднял голову змеям навстречу, простер неодолимые руки к первому в своей жизни смертельному бою с чудовищами, сжал шею обеих змей и долгим удушьем выдохнул жизнь из извивающихся перед смертью несказанно ужасных пятнистых тел.

Ферекид поет, как в крае щита узрев змеиные страшные зубы, заплакал Ификл, и, свой плащ шерстяной разметав ногами, попытался бежать. Но, не дрогнув, Геракл их обеих крепко руками схватил и сдавил жестокою хваткой, сжав их под горлом. Змеи то в кольца свивались, обхватывая ими грудного ребенка, с рожденья не знавшего плача, то, развер-

нувшись опять, выход пытались найти из зажимов, им горло сдавивших.

Наутро, первой проснувшись Алкмена, изумилась своему крепкому сну, вспомнив, что ночью к детям она ни разу не встала. Необутая, неодетая она в тревоге вскинулась с пурпурного ложа и, поспешив к сыновьям в одних подвязках, обнаружила их обоих мирно спящими в люльках своих, причем Алкид сжимал в пухлых детских кулачках шеи двух пятнистых змей. Царице показалось, что змеи извиваются, и она в ужасе завопила на весь дворец:

– Амфитрион, поднимись! Здесь две огромных змеи! От ужаса говорить я не в силах. Встань же, скорее беги к нам, не надев на ноги сандалий! Разве не слышишь ты, как раскричался наш младший малютка?

Мать своим криком совсем перепугала Ификла, который начал сразу громко кричать и плакать. Первыми прибежали спавшие в соседних помещениях служанки и, увидев змей, тоже стали истошно голосить и орать:

– Ужас! Какие огромные змеи! Они всех нас погубят! Спасайтесь кто может!

Проснувшийся от криков Амфитрион вскочил с кедрового ложа и, схватив меч, в одной повязке на бедрах кинулся внаверх, в гинекей с криком таким:

– Встаньте быстро и рабы, и слуги! Подайте огонь с очага мне как можно скорее!

Тотчас сбежались рабы, загорелось факелов пламя, и су-

етливой толпой наполнились мигом все помещения женской части дома. Примчавшись первым с обнаженным мечом, Амфитрион обнаружил полумертвую от пережитого страха жену, до смерти испуганных слуг и рабов, плачущего сына Ификла и спокойного, весело улыбающегося другого сына.

Домочадцы потом рассказывали, как на руки вмиг подхватила и к сердцу прижала Алкмена бледного, в страхе ужасном застывшего сына Ификла. Алкид же только, что проснулся и довольный потягивался, смотря вокруг доверчивыми голубыми глазами, а в его полных ручках были бесильно свисавшие змеи, и он их держал, словно это были его любимые игрушки.

И застыл, словно каменное изваяние, царь в немом изумлении, слившем бледный ужас с желанной отрадой: сверхчеловеческую увидел он смелость в голубых глазах одного из своих сыновей и почувствовал в его руках необычайную силу.

Алкид же со змеями в руках все время громко смеялся и продолжал еще долго смеяться после того, как Амфитрион с большим трудом разжал его по-детски пухлые пальцы и взял из них мертвых змей...

Говорят, в этот день Геракл «насмеялся» на всю оставшуюся жизнь потому, что на всех известных изображениях впоследствии он имеет всегда только самое серьезное выражение вечно сурового лица.

Некоторые утверждают, что Амфитрион, желая узнать,

который из мальчиков приходится ему сыном, сам впустил в их постели небольших совершенно безобидных змей. Когда Ификл убежал, а Алкид вступил с ними в упорную борьбу, Амфитрион, таким образом, узнал, что сбежавший Ификл его родной сын.

Другие говорят, что не только в восемь месяцев, но с самого первого дня появления на свет Алкид уже значительно превосходил в силе и размерах своего брата, и потому различить их никому не составляло никакого труда. Кроме того, будучи обычным ребенком, Ификл в 8 месяцев не мог еще резво бегать по дворцу. Тем не менее, многие говорят, что, задушив двух страшных змей, Алкид доказал, что именно он, а не кричавший весь в слезах Ификл, родился от бога и является старшим из двух близнецов не только из-за размеров своего тела, но благодаря мужеству и доблести.

67. Доблесть, давшая наречение

Говорят, так же, что конелюбивые аргосцы, узнав о необыкновенном случае со змеями, так изумились, что назвали Алкида Гераклом, ибо от особенно почитаемой ими Геры получил он свою славу, т. е. он "прославившийся благодаря Гере", хотя имя Геракл скорее означает «тот, кто доставил славу Гере» или же просто «слава Гере».

Многие уверены, что, что имя Геракл Алкид получил много позже, после совершения одного из своих знаменитых 12 подвигов, настоящей виновницей которых была неутомимая во всевозможных кознях Гера. Эти говорят, что имя Геракл означает «тот, кто славу заслужил подвигами, придуманными Герой». Впрочем, есть и такое мнение, что имя Геракл означает «прославившийся *вопреки* Гере».

Однако все согласны с тем, что прочим детям дают имя родители (как и Гераклу, они дали при рождении имя Алкид в честь деда Алкея), и только ему одному дала наречение собственная доблесть, впервые проявленная уже в младенчестве.

В любом случае сын Громовержца от смертной Алкмены, названный при рождении Алкидом получил свое прославленное имя благодаря Гере. Либо потому, что она его накормила своим грудным молоком, либо как герой, добывающий славу из-за преследований Геры, причем самым первым его

подвигом было удушение двух огромных змей вскоре после рождения.

Корнут один из немногих не связывает имя Геракла с Герой. Он говорит, что именем своим Геракл обязан тому, что имеет отношение к героям, способствуя прославлению благородных людей. Ибо древние называли героями мужей могучих телом и величественных духом, и оттого казавшихся причастными божественному роду. Однако Корнут не объясняет происхождения слова «герой», а ведь оно, если не произошло прямо от имени «Гера», но уж косвенно точно связано с ним.

Между тем все еще испуганная Алкмена с согласия супруга призвала жившего в соседнем доме слепого старца Тиресия, считавшегося первым меж пророками вышнего Зевса. Она рассказала ему о случившемся чуде, а в конце спросила:

– Даже, если боги замыслили что-нибудь злое, ты не смущайся старец, ничего не скрывай от меня. Отвратить невозможно людям того, что им Мойра на прялке своей изготовит. Я тебя, Эверид, как мужа разумного знаю и потому приму все, что ты скажешь.

Пиндар поет, как безупречный провидец Тиресий поведал Алкмене и Амфитриону, с кем сын их великий померяется судьбами, скольких умертвит он ужасных чудовищ, кого из нечестивых людей на кривой дороге непомерной гордыни и спеси надменной настигнет его жестокая, но справедливая

казнь. Рассказал слепой прорицатель и о том, как во Флегре равнинной землеродные Гиганты, восстав бурной войной на олимпийских богов, под ударами его губительных стрел с прахом смешают сияющие свои кудри. В середине своей речи божественный прорицатель незрячий изрек:

– Много настрадавшись, и немало мук претерпев в жестоких объятьях Гисмин (схватки) и Махов (битвы) кровавых, мирный покой обретет ваш сын от великих трудов, несравненного удостоившись воздаяния. – Вознесется он на нерушимый вовеки Олимп – нетленную обитель бессмертных и в блаженных чертогах цветущую свежей юностью Гебу примет на своем новом божественном ложе. Там на пышном брачном пиру пред родителем Зевсом Кронидом восславит его великое имя и державный закон.

Богopodobный провидец Тиресий не спеша погладил белую бороду и, повернув к Алкмене пустые глазницы, речь свою так закончил:

– Ты же, Алкмена, прямо сейчас в тихом безветренном месте сложи высокий костер из сучьев совершенно сухих, взяв в равных долях утесник, терновник и черную ежевику и ровно в полночь по водяным часам сожги тела обеих задушенных сыном змей. Утром ранним, когда в платье шафранном еще застенчивая Заря лишь только протянет персты над просыпающейся землей и над морем, прикажи расторопной служанке собрать в ящик весь пепел, отвезти его на высокую скалу, где когда-то восседала певица ужасов Сфин-

га, пустить прах по ветру и, не оглядываясь и не останавливаясь, быстро вернуться назад. К ее возвращению все помещения дворца необходимо обкурить дымом серы и все стены опрыскать родниковой водой, а крышу украсить многими ветвями дикой маслины. После всего этого на высоком алтаре Зевса Амфитрион должен принести в жертву годовалого белозубого вепря, трехкратно совершив возлияния.

Алкмена и Амфитрион сделали все, как было сказано и последующие 15 лет ничем не были серьезно омрачены. Алкид на коленях матери ел самое свежее мясо и пил жирные козьи сливки. Если же сон к нему вдруг подбирался, и детские игры внезапно кончались, – он где угодно тогда засыпал, но утром неизменно оказывался в сладких материнских объятьях в теплой, мягкой постели.

Никто из смертных не может долго быть счастливым, но эти бесконечно счастливые годы Алкида были омрачены лишь дважды.

Первый трагический случай произошел с учителем Лином, когда впервые проявилась необъяснимая вспыльчивость в характере обычно очень спокойного и уравновешенного Алкида. Алкмена не знала, что в крови ее перворожденного сына текут божественные ихоры буйного, как его морская стихия, Колебателя земли Посейдона и необузданного в гневе Арея.

Второе ужасное происшествие произошло в спартанской палестре. Тогда Алкид проявил упрямое непослушание и

детскую жестокость.

68. Ссора восьмилетнего Алкида в палестре Спарты

Однажды, Амфитрион отвез перворожденного восьмилетнего сына по его просьбе в Спарту, в палестру.

Палестрой Гермес в честь своей возлюбленной дочери аркадского царя Хорика Палестры, о красоте которой ходили легенды, назвал место для состязаний, где мальчики сначала занимались только гимнастикой, а впоследствии обучались различным видам спорта и красивой походке. Главным упражнением в палестре была борьба, которую изобрели братья Палестры Плексипп и Энет, и свое искусство они долго держали в тайне, пока ее не выдала Гермесу влюбленная Палестра. Тогда братья по приказу отца отсекали спящему на горе Гермесу руки (гору называли Килленой, от «увечный»). Пеан вырастил Гермесу новые руки, а с Хорика сняли кожу и превратили в кожаный мешок.

Пока Амфитрион разговаривал с учителями, Алкид пошел один искать площадку, где борются и был неприветлив, с задиристыми насмешками встречен учениками. Там он на узкой дороге, ведущей к песчаной площадке с глиной и восковой мазью для борьбы и кулачного боя, столкнулся с группой мальчиков, и их предводитель юноша по имени Тимофей преградил ему путь. Высоко задрвав узкий подбородок, он процедил с надменной усмешкой:

– Смотрите новенький к нам пришел, наверное, чтоб показать всем, как надо бороться. Мальчик, а родители тебя не учили почтительно сторониться и дорогу давать, когда навстречу старший идет?

– Ты мне не старший, а равный. А пришел я сюда, действительно чтоб побороться.

Ответил Алкид, бесстрашно глядя снизу вверх на сильно превосходящего его ростом юношу. Это был крупный и сильный двадцатилетний спартаец. Он уже окончил обучение в блестящей маслом палестре, в которой мальчиков обучали борьбе, кулачному бою, бросанию диска, бегу и прыганью. Он был ирэнном (командир) над большой агелой (стая) мальчиков от 8 до 12 лет, которые должны были слушаться всех его приказаний. Ирэн вел свою агелу в гимнасий, но непочтительное поведение маленького по сравнению с ним Алкида, разозлило его. Сын Алкмены хоть и был очень крупным для своего возраста мальчиком, но лицо и особенно ясные голубые глаза были еще совсем детскими.

Тимофей демонстративно заложил руки за спину и, выпятив живот, грубо толкнул им Алкида, который был на целую голову ниже его. Ученики дружно засмеялись и стали показывать руками на неловкого новичка. Тимофей же, сморщив длинный, костлявый нос, сказал голосом полным презрения:

– У тебя материнское молоко на губах не обсохло, тебе надо еще подрасти, почтения к старшим набраться, а ты хочешь сразу бороться...

Покрасневший Алкид сильно боднул Тимофея в грудь головой и сказал, зло прищурив под нависавшими бровями голубые глаза:

– Ты не очень толкайся своим животом. Тебе ничего ни сказал я, ни сделал плохого. Ты ж мне пройти не даешь и на смех среди товарищей поднимаешь. Смотри же! Издевательства я ни от кого не потерплю, рассержусь и тогда тебе будет плохо!

Ирэн, притворяясь испуганным, замахал руками, а потом под общий смех язвительно крикнул:

– Боги, как сыплет словами этот вздорный мальчишка! Вот возьму его сейчас за ухо и, как щенка поведу...

– Хватит слов! Давай прямо тут бороться без глины и без восковой мази!

Крикнул, оскалив зубы, Алкид.

69. Алкид в нарушение правил сильно кусает в борьбе противника

Алкид, обхватив обеими руками противника за пояс, попытался его опрокинуть на землю, но тот был не только тяжелее, но и много опытнее в борьбе. Он, почувствовав в руках малолетнего противника необычную для его возраста силу, стал сразу серьезным. Ирэн мгновенно собрался, расставил широко ноги и схватил Алкида за шею согнутой в локте правой рукой, затем быстро сомкнул обе руки в замок и стал сжимать шею все сильнее и сильнее, стараясь завалить соперника под себя.

Ученики, окружившие борцов, стали недобро смеяться и кричать, что схватка будет не долгой совсем и новичку пора уж сдаваться, ведь от такого захвата и бывалому борцу невозможно освободиться. Все считали, что у Алкида выход один – сдаться, хлопнув Тимофея рукой и тот, в победе уверенный, ожидал хлопка, но продолжал напоследок еще сильнее душить. Педоном (воспитатель), наблюдавший за происходящим, решил не останавливать схватку, наоборот, чтобы выявить, кто как себя поведет в опасной ситуации, он всех подзадоривал, и особенно ирэна:

– Молодец Тимофей! Покажи новичку, что спартанцы должны уметь подчиняться старшим и командирам, а мальчишки в палестре – ирэну! Души его, пока не попросит поща-

ды или не перестанет бороться, лишившись упрямого духа и настойчивой воли!

Схваченный мертвой хваткой противником за шею, хрипевший Алкид с побагровевшим лицом был не в силах вырваться из удушающего захвата. Как многосильного льва пастух не в силах прочь отогнать от добычи, которую, захватив, крепко он держит зубами, так же и отрок Алкмены был не в силах рук недруга более сильного, оторвать от своего горла. Уже совсем задыхаясь, он не признал поражения и не попросил пощады, а, широко открыв рот, изо всех сил вонзил зубы в руку одолевавшего соперника и прокусил ее у локтя до самой кости. От резкой неожиданной боли тот разжал руки, и Алкид, вздохнув живительный глоток воздуха, тут же ловкой подсечкой сбил противника на землю.

Все произошло так быстро, что никто не заметил нарушения правил борьбы. Изумленные мальчики хором разногласным неистово заорали, восторженно приветствуя победителя, и на их крики прибежали озабоченные учителя и наставники.

Разгоряченный схваткой Тимофей вскочил с земли и стал показывать всем сильно кровоточащую руку, Алкиду же с презрительной улыбкой ирэн сказал голосом спокойным, но полным презрительной укоризны:

– Ты кусаешься, совсем как баба.

Живой восторг мальчиков сменился бурным негодованием. Все осуждали Алкида, нарушившего один из главных за-

претов в борьбе, одни махали на него руками, другие презрительно плевались. Он же, сверкая голубыми глазами, ничуть не смутившись, с детской искренностью и лаконической краткостью тут же ответил:

– Нет, как лев – баба так не сможет!

70. Алкида нещадно порют, и он обещает сжечь Спарту

По сияющему взгляду было видно, что Алкид ожидает, что все сейчас поймут, что ошибаются, осуждая его и, наоборот, восхитятся проявленной им доблестью, ведь он победил противника, который был много старше и сильнее его. Однако, увидев, что его порицают все – не только ученики, но и учителя, и даже подоспевший приемный отец, горящий взгляд Алкида потух, он насупился и густо покраснел до самых корней светло-русых волос.

Как волчонок, окруженный злобными псами, будущий великий смиритель чудовищ затравленно глядел на всех из-под нависающих низко густых темных бровей. Казалось, он был готов к смертельной схватке со всеми. Детская душа ярко пылала, набухая неистовым гневом, горящие глаза упрямо твердили, что он не чувствует себя виноватым.

Укус оказался таким сильным, что ночью Тимофей чуть не умер от большой потери крови. Когда Алкиду, спавшему в одиночестве, утром предложили у всех на виду просить прощение у Тимофея, он лишь плотно сжал упрямые губы и молча помотал головой. Несколько раз он порывался что-то сказать, показывая пальцем на свою шею, на которой горело огромное кроваво-синее пятно, но никто на это не обратил внимания, и Алкид еще плотнее сжал надутые губы.

Проявившего открытое неповиновение отпрыска прекрасноволосой Алкмены, несмотря на вялые протесты Амфитриона, стали нещадно пороть бичом на алтаре Артемиды Орфии и так секли в течение целого дня.

Легендарный спартанский законодатель Ликург предложил заменить человеческие жертвоприношения в Спарте поркой мальчиков, которые, хоть и теряли много крови, но обычно оставались живыми. Мальчики эту порку называли соревнованием «диамастигосис», и происходило оно каждый год. Спартанские мальчики случалось, и погибали на таких праздниках Артемиды, но при этом всегда гордо и весело смеялись, соревнуясь, кто из них дольше и достойнее перенесет жестокие очень побои.

Так и Алкид несмотря на то, что весь алтарь был залит его кровью, тоже смеялся, только не весело, а злобно и мстительно, так сам себе приговаривая:

– Как же я жестоко однажды им всем отомщу! Клянусь, что больше никому никогда не позволю руку на меня поднять безнаказанно!

Поскольку он так и не раскаялся в совершенном проступке, педоном выгнал его из палестры, сказав Амфитриону:

– Твой сын необузданный упрямец и неуч. Спартанцы с малых лет должны учиться искусству не только повелевать, но и подчиняться! Подчиниться начальнику и законам важнее, чем в сражении убить врага! В бою важнее не мчаться впереди всех на врага, а сохранять строй, если этого требует

начальник. Приводи сына учиться не раньше, чем через год и то, если он поумнеет.

Амфитрион промолчал. Не зная, что ответить, он лишь потер свой раздвоенный нос, но за него ответил Алкид. Обиженный не столько побоями, сколько несправедливостью, сын Зевса и прекраснородыжной Алкмены, глядя исподлобья на всех мстительно прищуренными голубыми глазами, неуступчиво педоному сказал:

– Ты прав, учитель подчиняться, только в одном – я еще не успел научиться у вас ничему дурному. Ваше счастье, спартанцы, что я еще слишком мал, но я еще сожгу вашу Спарту и сравню с землей стены вашей несправедливой палестры!

Через много лет, мстя Гиппокоонту, Геракл дословно выполнит свою детскую угрозу и сожжет века не горевшую Спарту, а палестру за несправедливость и унижительную порку сравняет с землею.

71. Детство Алкида

Амфитрион по просьбе Алкмены не повез Алкида через год в спартанскую палестру, а нанял в качестве домашнего учителя своим сыновьям закаленного во многих сражениях спартанского воина, и потому дети росли, как спартанские мальчики.

С особым усердием отпрыск Зевеса упражнял свое тело, и к 12 годам уже намного превосходил всех прочих ловкостью и силой. Но и будучи еще совсем ребенком, Геракл не любил никому уступать и тем более – подчиняться.

В детстве Алкида никто не учил бегать потому, что его домашний учитель – спартанец всегда ему говорил:

– Спартанцы славятся по всей Элладе своей непревзойденной доблестью и непреклонным мужеством. Сражаясь с врагами, нужно не бегать ни за ними, ни тем более от них, надо всегда оставаться на своем месте, удерживая его в общем строю. Поэтому истинный воин не тот, кто умеет быстро бегать, а тот, кто может непоколебимо находиться на своем месте в общем строю.

Обладая необыкновенной силой, Алкид всех ровесников легко побеждал в борьбе и кулачном бою или в метании копья и диска. Однако, будучи крупным и тяжелым, он часто проигрывал состязания в беге, которым начал сам заниматься и потому всегда старался начать бег хоть немного раньше

других. Гелладоники (судьи) ему часто с осуждением говорили:

– Кто на состязаниях стартует слишком рано, того бьют.

Он же, задорно сияя голубыми глазами из-под чуть приподнятых заросших бровей, бойко отвечал:

– А кто стартует слишком поздно, тот не получает венка победителя.

С детских лет Алкид не пользовался ни факелами, ни другими светильниками, чтобы развить в себе острое зрение и приучиться смело и бесстрашно ходить по ночным дорогам. Безлунная Нюкта в черных одеждах, как и беспроглядный сумрак Эреба даже у очень смелых людей, не боящихся доблестной смерти в открытом бою, часто вызывали страх безотчетный своей таинственностью, ибо под покровом первозданного мрака могли скрываться самые ужасные чудовища, несущие страшные страдания и мучительную смерть. А отрок Алкид в непроглядной темноте боялся только оступиться на неровном или скользком месте и упасть или наткнуться на твердую или острую невидимую во тьме преграду.

Алкид долго не носил шерстяных хитонов, в прохладное время, пользуясь лишь короткой хламидой или одним – единственным гиматием, а в теплое время он обходился только набедренной повязкой. Когда же он поверх тонкого льняного хитона надевал шерстяной плащ, сверстники говорили, что на землю студеная явилась зима.

Смертный отпрыск Кронида больше всего любил ходить

босиком и привязывал легкие подошвы к ногам только на дороге, усыпанной острыми камнями или в зимнее время. Поэтому он рос закаленным и никогда ничем не болел, одинаково легко перенося как невыносимую для многих жару, так и самую лютую стужу.

Маленький Алкид редко мылся, воздерживаясь по большей части как от бань с горячей водою, так и от того, чтобы умащать тело благовонными маслами, но не пропускал ни одного озера или реки, где можно было понырять и поплавать. Уже в пять лет он плавал как рыба и нырял как дельфин.

С малых лет Геракл приучал себя к скудной пище и по несколько дней мог обходиться одной водою, хотя это давалось ему с огромным трудом по причине хорошего природного аппетита. Плотно ел он только вечером, чаще всего – жареное на углях мясо с дорийскими ячменными лепешками или любимую спартанцами черную похлебку с горстью карийского миндаля; при этом съедал он не больше, чем обычный раб его возраста.

Когда Алкид в 9 или 10 лет первый раз попробовал вино, прекрасное изобретение гроздолюбивого Вакха и мудрого Силена, обладающего большими знаниями в искусстве и различных науках, его тут же вырвало. Потом он много лет совсем не прикасался даже к сильно разбавленному водою вину, о чем впоследствии не раз сожалел, ибо, не научившись разумно употреблять вино, он в пьяном виде совершил

немало постыдных проступков, о которых потом сожалел.

Иногда по ночам, созерцая бесчисленные недоступные звезды, образующие вечные узоры на огромном черном куполе неба, будущий великий герой наслаждался совершенной красотой мира. Хотя чаще всего, когда глубокая ночь опускала свои черные прохладные крылья на землю, он, изнуренный различным трудом, спал как убитый. Спать отрок Алкид больше всего любил под громадной крышей, которой являлось необъятное звездное небо, а лучшей постелью для него было ложе из сухого тростника.

Мегаклид говорит, будто впоследствии, Геракл полюбил мягкие постели и потому их стали называть «Геракловыми ложами». Возможно, он имел в виду небольшой период в жизни Геракла, а именно трехлетнее рабство у Омфалы.

Маленького Геракла не раз выбирали Дафнофором (носителем лавра). В Фивах был обычай выбирать мальчика из знатного дома, самого красивого и физически крепкого жрецом Аполлону Исмению и называли его дафнофором. Дафнофоры жертвовали богу медные треножники. Когда Алкид был дафнофором он принес Фебу в дар треножник Амфитриона, а чуть меньше, чем через полвека он похитит из феева храма треножник и будет сражаться за него с богом.

72. Отрочество Алкида

Амфитрион сам научил приемного сына управлению колесницей, запряженной квадригой резвых коней, грызших в пылу бурной скачки, медные удила и не раз говорил ему:

– Внемли мне сын и запомни. Управление квадригой – искусство нелегкое. Оно схоже с игрой на флейте или свирели – так точно должны двигаться пальцы, зажимая большими и указательными пальцами правой и левой рук вожжи дышло-вой пары, а средними и безымянными – вожжи пристяжных.

Впоследствии сам Геракл о своей езде так своим юным спутникам не раз говорил:

– Отец Амфитрион учил меня не напрасно, и вскоре мало кто из воинов умел так виртуозно проходить крутые повороты, почти не сбавляя скорости, как это делал я. Однако коней громкоржущих и тесные повозки я так и не полюбил, всю жизнь предпочитаю бег иль ходьбу быструю, ибо телу много движения необходимо.

Один из братьев Диоскуров Кастор (бобр), сын спартанского царя Тиндарея и поразившей красотой Зевса Леды учил Алкида сражаться в полном боевом вооружении. Благодаря огромной силе, здесь юному сыну Зевса и добродетельной Электриониды не было равных. Однако, мало кто знает, но Алкид с детства отличался не только огромной физической силой, но и очень сообразительным умом. Он вско-

ре превзошел смертного Отрока Зевса не только потому, что был необычайно силен, но и потому, что был изобретателен в бою.

Уже тринадцатилетний Алкид никому из взрослых воинов, с которыми ему приходилась состязаться, не уступал в битве с оружием или в борьбе, однако и особенным бегом он никогда не пренебрегал и так об этом после свершения главных своих подвигов всегда сопровождавшим его юношам говорил:

– Сейчас уж немногие знают, что это я изобрел бег в полном боевом вооружении: в медных латах со шлемом и поножами, с коротким мечом на бедре и семикожным щитом на спине, с луком и колчаном со стрелами за плечами и с длинным копьем в 14 локтей в руке. Теперь этот бег с тяжелым оружием называют «бегом гоплитов». А вот бег гоплитов еще и с медной палицей или просто с тяжелой дубиной и сейчас, как вы знаете, называют в мою честь «тяжким бегом Геракла». Дубину для своего тяжелого бега я вырезал из дикой оливы, которую нашел на берегу Саронийского залива, хотя некоторые говорят, что ее я привез к эллинам из северной страны гипербореев, а на берегу Саронийского залива посадил ее в землю. Какое это было дивное время! Я мог пробежать три сотни стадиев в полном вооружении с копьем в одной руке и дубиной – в другой. Потом, весь в пене, я скидывал все и бежал, что было сил дальше в одной набедренной повязке до тех пор, пока не валился с ног в полном

изнеможении.

В эти годы Алкид пытался приучить себя переносить острую боль для чего он не раз просил брата Ификла бить его палкой изо всех сил в разные места голого тела. Ему удалось научиться длительное время переносить довольно сильную боль и короткое время – любую, даже самую острую боль.

Будущий царь воров сын Гермеса и спесивой Хионы Автолик (одинокий волк) учил Алкида основам кулачного боя. Вскоре сыну Зевса не было равных в кулачном бою потому, что, обладая огромной силой, он не пренебрегал искусством боя, старательно изучая приемы, изобретенные богом воров и атлетов Гермесом. Вскоре мощный отрок Зевеса из боязни убить противника, когда он сражался в полную силу и из боязни привыкнуть щадить противника, если сражался не в полную силу, оставил кулачный бой и панкратион (все + сила и мощь; запрещалось лишь кусаться и бить по горлу и по глазам). Однако в чистой борьбе он еще долго соревновался, стараясь не калечить противников.

Царь Эхалии Эврит, изучавший науку стрельбы из лука у самого Стреловержца, взялся обучать Алкида этому необходимому воину искусству, и всего через год будущий величайший герой сумел превзойти большинство известных лучников. Однажды он смог с расстояния в 40 локтей несколькими стрелами расколоть на две равные части другую стрелу, закрепленную на щите. Учитель и ученик на долгие годы станут большими друзьями, но по воле старой Ткачихи их

дружба для обоих закончится трагически.

Юность Алкида

73. Неумение и нежелание Алкида никому подчиняться

По настоятельной просьбе Алкмены, страстно желавшей, чтобы ее сын, как все мальчики его возраста сначала обучался грамматике, затем в палестре и гимнасии, Алкид, изгнанный из спартанской палестры после укуса Тимофея, через год пошел в школу, но не в Спарте, а в родных Фивах.

Несмотря на природный ум, обычная учеба выделявшаяся телесной силой отроку давалась нелегко главным образом потому, что он не умел и не хотел подчиняться, ведь трудно чему-то научиться, если не хочешь. Поэтому нанятый в качестве домашнего учителя строгий спартанский воин, качая головой, не раз про него говорил:

– В единоборстве перворожденному сыну Алкмены не будет на земле равных, но настоящий воин из него никогда не получится, ибо для истинного воина очень важно уметь не только командовать, но и подчиняться. Даже скипетроносцы цари – люди, вскормленные самим Зевсом – должны уметь подчиняться, если не собранью народа, то уж, точно – закону.

Алкид же, как знаменитый царь воинственного Лакедемона Агасикл, любивший внимать мудрецам, говорил, глядя в упор на своего учителя ясными голубыми глазами:

– Я мог бы без слов подчиниться только родному отцу и то не всегда. Тебе же и другим учителям я подчинюсь только в том, с чем сам я согласен.

Амфитрион, узнав о таких ответах приемного сына, тоже много раз пытался его вразумить:

– Сын мой милый. Говорят, не делать никакому уступок в жизни есть первый признак безрассудства. Ну постарайся же понять, что подчиняться должны все, и все кому-нибудь обязательно подчиняются. Малый ребенок – матери и кормилице, отрок – отцу и учителю, эфеб – гимнасиарху, юноша – его поклоннику, а муж – начальникам, начальники – царям, а те – народным собраниям, законам. Все, без всяких исключений, подчиняются богам и Мойрам. Так что никто не оказывается безначальным и совершенно самостоятельным.

Однако все уговоры и увещания были напрасны.

Однажды Амфитрион по просьбе милой супруги для обучения пению и игре на кифаре пригласил для своих сыновей Лина – одного из лучших учителей Эллады сына лучезарного Аполлона и брата божественного певца Орфея, спускавшегося в край печальных теней за возлюбленной супругой Эвридикой, безвременно умершей от случайного укуса змеи.

74. Алкид убивает учителя Лина

Некоторые говорят, что пению и игре на кифаре Геракла учил сын легендарного певца и поэта Мусея Евмолп (хорошо поющий), а фиванец Лин, сын Исмения, приобщал его к изучению изящной словесности.

Прославленный Орфей завещал Евмолпу тайнства своих оргий и потому Лин часто его замещал. Однажды, в отсутствие Евмолпа, Лин стал обучать Алкида бряцанию на кифаре не так, как Евмолп, и ученик, не желая переучиваться, отказался слушаться Лина. Учитель, как и большинство воспитателей в таких случаях, ударил специально предназначенной для этого палкой ученика по руке за неповиновение и упрямство.

Алкид подскочил, как ужаленный, на лице его появился звериный оскал, на губах выступила пена, глаза под низким лбом безумно пылали. Он с диким воплем подскочил к учителю и так ударил его кифарой в висок, что тот тут же на месте скончался.

Ученики вспоминали, что, когда Алкид пришел в себя, он ничуть не раскаивался в убийстве учителя, наоборот, он довольно всем говорил:

– Он сам во всем виноват. Я еще в спартанской палестре поклялся, что никто безнаказанно больше меня никогда не ударит, и свою не ложную клятву сдержал я. Пусть все знают,

что ожидает каждого, кто на меня руку поднимет.

Клавдий Элиан говорит, что Лин учил мальчика Геракла играть на кифаре и, когда тот взялся за дело неловко, рассердился, в ответ на что раздраженный Геракл ударил учителя плектром (пластинка или кольцо с «когтем», надеваемое на палец для игры на струнном инструменте) и убил.

Диодор говорит, что Лин имел много учеников и из них три самых известных: Геракл, Фамир и Орфей. Из этих троих только Геракл, который учился играть на лире, был не в состоянии воспринимать то, чему его учили, из-за душевной тупости или из-за пренебрежения Музами, и однажды, когда Лин, как было принято, наказал его за лень и тупость палкой, тот рассердился и убил своего учителя одним ударом лиры по голове.

О Лине знал и Гомер, который, описывая щит Ахиллеса поет, что в кругу молодых и беззаботно-веселых юношей и дев, отрок прелестный на звонко рокочущей лире сладко перстами бряцал, воспевая прекрасного Лина.

На Геликоне, горе Муз сладкозвучных существует грот Лина. В этом гроте стояло его изображение, и здесь ежегодно приносили ему заупокойные жертвы, предшествовавшие обыкновенно жертвоприношению в честь божественных Кастилид.

Некоторые приписывают Лину нечестивые мысли о том, что если боги однажды произошли от природы и появились на свет, то когда-нибудь они навсегда исчезнут с Олимпа, как

все рожденные когда-нибудь исчезают с лика земли, спускаясь в ее сумрачные недра.

Вездесущая Мойра Лахесис решила, что некоторые знания Лина, приобретенные не без помощи богини случая Тюхе, преждевременны, и ему, как герою, далеко опередившему свое время, необходимо сейчас сойти со сцены жизни, чтобы не нарушать заведенный порядок. Ткачиха почему-то решила свести вместе судьбоносные нити Лина и необузданного сына Зевса от смертной Алкмены, как будто Лина не мог убить кто-то другой.

Фиванцы говорят, что Лин был похоронен у них, но после поражения при Херонее эллинского войска Филипп, сын Аминты, на основании какого-то видения, явившегося ему во сне, взял и перенес кости Лина в Македонию. Однако впоследствии на основании других сновидений Филипп вновь отослал останки Лина назад в Фивы.

Алкида же решили судить.

75. Суд над Алкидом за убийство Лина

Домочадцы Амфитриона говорят, что, он, узнав о предстоящем суде над Алкидом, по привычке долго тер раздвоенный кончик носа, пытаясь придумать, как спасти приемного сына от суда и не придумал ничего лучшего, как обратиться к судье с таким предложением:

– Я согласен заплатить большую пеню родственникам Лина за сына, только бы избавить его от суда, дабы людская молва не разносила о нем недобрую славу, чтобы каждый не мог говорить о нем дурно.

Однако судья ответил Амфитриону твердо:

– Будет справедливее, если дурное будут говорить о твоём сыне, убившем учителя, чем из-за него – о нашем суде!

Когда Алкида все-таки привлекли к суду по обвинению в преднамеренном убийстве, Амфитрион не сдался. Желая спасти Алкида от сурового приговора, он всячески затягивал судебный процесс, прибегнув к помощи Амфилогия (Судебные тяжбы).

Это божество было порождено богиней раздора Эридой, хотя некоторые считают, что его матерью была древняя богиня правосудия Фемида, родившая его после развода с Зевсом от неизвестного отца. Этот бог в отличие от Фемиды не вершил правосудия, и потому его не почитали не только

смертные, но и на обильноложбинном Олимпе его не приняли в сонм и даже на расширенные Советы богов не приглашали. Бесславным концом Амфилогия, как божества, стал суд над неистовым Ареем. Бог кровавой войны тогда воткнул острую медь своего тяжелого копья в горло «исчадью» Посейдона Галиррофию, попытавшемуся изнасиловать его дочь Алкиппу. Не смел Амфилогией от мерзкого страха даже в очи глядеть двум могучим олимпийским богам Эниалию и Энносигею и, как мог, по своему обычаю затягивал тяжбу. После того, как по воле Мойры Лахесис мудрой Афиной вместе с великим отцом был учрежден авторитетнейший властный и судебный орган Афин, который в дальнейшем стал называться Ареопагом (холм Ареса), об Амфилогии окончательно позабыли и на вечно нетленном Олимпе, и на полной праха земле.

Некоторые говорят, что Алкид, узнав, что отец пользуется помощью Амфилогия, наоборот, сделал все, чтобы суд состоялся и как можно скорее. Несмотря на врожденную боязнь публичных выступлений, он по необходимости, владеющей миром, выступил на суде, сам себя защищая. Глядя куда-то вбок голубыми глазами из-под насупленных бровей, он с пунцовыми щеками и ушами быстро, как заученный урок, сказал в своей защитительной речи:

– Закон, прославленного своей справедливостью Радаманта, гласит, что тот, кто ответит ударом на несправедливый удар, не подлежит никакому наказанию. А Лин первый

меня несправедливо ударил.

Алкид был уверен, что после такой короткой, но взывающей к справедливости речи, его освободят от всякой ответственности. Однако обвинитель на том суде заявил:

– Да, справедлив вырезанный на бронзе закон Радаманта. Номос (закон) охраняет по законам живущих, оберегает от всяческих бед, незаконным же – тяжкая кара! Обвиняемый в убийстве Алкид в своих словах правды путь изменил и намеренно солгал в показании. Его удар нельзя оправдать! Это он учителю нанес несправедливый удар, ведь тот не только вправе, но и обязан был наказывать своих учеников, в том числе специальной палкой, предназначенной для нерадивых, тупых и ленивых. Если ж ученик не слушается и дерзит, то даже его родители скажут, что его необходимо не палкой бить по рукам, а нещадно пороть. Страшно подумать, что с нами будет, если ученики будут своих учителей убивать за справедливое наказание. Дисномия (беззаконие) грозит нашему славному городу тучею горестных бед. Поэтому Алкида необходимо изгнать на 10 лет из нашего гордящегося справедливостью города.

Суд единогласно принял сторону обвинителя, и сын Алкмены и Зевса был осужден. По приговору суда он отправился в первое в своей скитальческой жизни изгнание, которое обычно служило и тяжким наказанием, и своеобразным очищением от скверны убийства.

Другие утверждают, будто Алкид сам себя избавил от

самой процедуры суда, бежав на Киферон, оглашаемый неистовым криком беснующихся вакханок, и потом так об этом заносчиво говорил, синими сверкая очами:

– Только полный дурак сам пойдет на судилище, на котором его могут признать виновным. Глупо спастись от приговора, и от ужасной молвы потом бегать, когда можно спастись от самого суда, как тогда я и сделал.

Некоторые люди, из тех, кто близко в то время знал Алкида, утверждают, что он убил Лина в приступе яростного безумия, при этом учитель был виноват только в том, что изругал своего ученика за лень и нерадивость. Однако эти сведущие люди говорят, что вины Геракла в этом нет, ибо приступы бешеного безумия свойственны всем великим героям, ведь в бою, благодаря исступленной ярости воителя, истинный герой становится совершенно бесстрашным, нечувствительным к боли и потому неуязвимым для врага. Со временем, когда могучий отпрыск Кронида стал величайшим героем Эллады, эти приступы случались все чаще, но люди по разным причинам предпочитали о них молчать.

76. Первое изгнание

Итак, по приговору суда или вообще без суда по собственному решению, или по решению Амфитриона четырнадцатилетний Алкид отправился на дальние луга на высокой горе Киферон к пастухам, где он оставался, пока ему не исполнилось восемнадцать лет.

Алкмена не хотела так рано отпускать сына и не единожды мужу упрямо твердила:

– Горе мне беспросветное! Видно, не на счастливую долю, Алкида так мучительно родила я в этих чертогах! Ведь он, хоть телом силен, но умом еще совсем мальчик, а его уж на изгнание осудили! Учитель тот, что случайно погиб, его палкой первый несправедливо и жестоко обидел. Обвинителю и судье наверно обоим приятно даже отроков на бедствия осуждать, доброго слова они никогда людям не скажут. Не согласна я сына надолго от себя отпускать. Амфитрион, давай его лучше спрячем, а потом, когда все забудут о Лине, он будет жить, как будто ничего не случилось.

Амфитрион все время морщил и почесывал свой раздвоенный нос и каждый раз с болезненным раздраженьем откликался супруге:

– Будь справедливой Алкмена, хоть ты и мать. Вспомни, как он в 8 лет в спартанской палестре ирэну локоть до кости прокусил и тот чуть не умер. Потом извиняться он отказал-

ся, педономам дерзил и грозил, что, когда вырастет Спарту сожжет и стены палестры сравниет с землею. Теперь вот он Лина убил только за то, что тот его палкой по пальцам ударил... боюсь, как бы его необузданный нрав здесь, у нас не привел к еще большему насилию. Ификл боится хоть в чем-нибудь ему возразить, да и сам я опасуюсь его бешеной силы. Пусть несколько лет он на Кифероне с нашими пастухами побудет, перебесится, успокоится... а там, глядишь и подарки невесте надо будет готовить... Так, что, жена, занимайся лучше рабами, хозяйством и кухней, а сыновья уже выросли, раньше, до учебы надо было тебе заниматься их воспитанием.

Сыну приемному Амфитрион на прощанье сказал, почесывая то нос, то затылок:

– Во имя родовых святынь и прав отца иль воспитателя, как бы ты меня не называл, – три главных добродетели, мой сын, ценить всегда ты должен: свято чтить бессмертных, родителям почтение воздавать и соблюдать закон Эллады и богов. Так поступая, ты венец стяжаешь нетленной яркой славы. Если сможешь ты внять и следовать этим отцовским советам, то, я уверен, будешь в жизни счастлив.

Тут Амфитрион вспомнил, что забыл сказать в своей заготовленной заранее прощальной речи, что самая совершенная из всех добродетелей – справедливость, но исправляться не стал; он еще больше сморщил нос и, махнув рукой, подтолкнул приемного сына к выходу.

Оказавшись среди пастухов, Алкид быстро мужал, и скоро первый пушок, давно осенивший крепкий его подбородок и впалые щеки, превратился в короткую кудрявую бородку. Об этом времени сам Геракл потом так говорил:

– Один из пастухов на горном хребту Киферона в молодости учился не только в гимнасии, но и в эфебии. Мы с ним подружились, и я получил от этого пастуха немалые знания по философии и астрономии. Так, что это не про меня говорят, что он состоит из одних мышц и только кулаками умеет работать, хотя, конечно, многое я подзабыл, ибо все умения приходят в негодность, если их не использовать. Мне же Ткачиха выпряла долю землю очищать от чудовищ, а не в спорах словесных время попусту тратить.

Некоторые говорят, что лучший учитель Эллады сын океаниды Филиры и Крона мудрый кентавр Хирон, частью бог, частью конь, учил Алкида разным наукам. Вкусив от корней познания, двухтельный Кронид преодолел природную грубость своего дикого племени, просветил свой характер нравственностью и знанием и сделался самым знаменитым воспитателем и учителем всей просвещенной Эллады.

Однако мудрый Филирид учить-то учил, но чему научил Геракла никому не известно. Он никогда не был ни настоящим философом, ни целителем, ни астрономом и не преуспел ни в каких других науках. Находясь у киферонских пастухов, Алкид научился животных пасти и мастерски их свежевать, ну и кое-чему другому, ведь к ним он попал уже

в 14 лет.

К владельцам шалашей, сделанных пастухами удобно и прочно, каждую ночь приходили их подружки, словно нимфы-невесты юные и веселые. Деметра золотая Владычица вскормила их сыром овечьим, плодами и хлебом, сладостным красным вином и медовыми сотами. Фиалковенчанная Афродита овеяла лица их красотой и улыбками милыми, волоокая Гера этих дев одарила умом, Артемида – стройностью стана, Паллада Афина их обучила искусству во всяческих женских работах.

В отдаленье от прочих по ночам в своем шалаше пребывал одиноко Алкид, от богов, кроме силы, еще особую мужественную красоту получивший. Несмотря на мощные плечи и широкую грудь, у юного пастуха была тонкая талия, густые кудрявые русые волосы на небольшой голове и такая же еще ни разу не бритая бородка на румяных щеках, – все признаки прелестнейшей юности. Если бы не сильно выступавшая нижняя часть лба с надбровными дугами, пятнадцатилетнего Алкида можно было бы счесть настоящим красавцем. Но этот лоб, тяжело нависавший над голубыми глазами, пока не портил его лица, а лишь делал его несколько старше, придавая ему вечно озабоченный и упрямый вид.

77. Ианта

Никто из смертных не говорит о том, как Алкид стал настоящим мужчиной. Лишь Музы, дочери Зевса, обитающие то на Олимпе, то на горе Геликоне хором сладкоголосым дружно поют, как Геракл, неутомимый всегда в делах Афродиты, первый раз стал мужчиной и как звали его первую девушку.

В один из теплых летних вечеров по своему шалашу Алкид, как всегда, перед сном одиноко ходил взад-вперед, мелодию на кифаре самую простую бряцая (так и не научился он ни петь, ни играть хорошо) и уж собирался, как обычно, перед сном сразиться рукой с Афродитой. Он всегда сражался с богиней любви только левой рукой, ибо она ближе к сердцу; в ней больше нежности и упоения, чем в мощной напарнице правой.

Вдруг возникла внезапно перед ним стройная дева, одна из тех, что к взрослым пастухам по ночам приходили. Дева была среднего роста с талией тонкой и грудью небольшой, но высокой. У нее были чудесные пышные волосы, украшенные венком из благоухавших свежих цветов. Под пеплосом тонким, полупрозрачным, ярко блистали на молодом теле упругом витые запястья из бронзы и пряжки. На смуглой шее точеной длинное ожерелье из зерен янтарных свисало, опускаясь в ложбинку между выпуклых, как кидонские яблоки,

белых груди.

Непонятное волнение вдруг овладело Алкидом, и он, опасливо глядя на деву из-под тяжелых низких бровей, слова такие начал ей лепетать, впервые в жизни, слегка заикаясь:

– Радуйся, дева, в мое лесное жилище входящая!.. Кто бы ты ни была, но ты похожа на одну из пышноволосях блестящих Харит, что бессмертным жизнь делают радостной и веселой... Или ты прелестная нимфа – невеста – из тех, что населяют тенистые рощи лесистого Киферона и в хороводах прекрасных пляшут вместе с буйными богами лесными сатирами?.. Если ты Артемида, то, где же твой изящно изогнутый серебряный лук, который сделал колченогий кузнец, отложив в сторону Посейдоновы ясли?.. Нет! Больше всего ты на милоулыбчивую Афродиту похожа, которая, как и ты к пастушьим пришла шалашам и там Анхиса нашла и потом от него знаменитого героя Энея родила.

Алкид тут весь покрылся густым румянцем, но, недовольно тряхнув головой, постарался со смущением справиться и быстро воскликнул:

– Я для тебя на этом высоком холме, отовсюду открытом для взоров, жертвенник пышный воздвигну и буду на нем обильные жертвы тебе приносить.

Должно быть прав был Еврипид, когда сказал, что поэтом Эрот делает даже того, кто от природы чужд Музам – так витиевато Алкид никогда еще к деве не обращался. Дева же, бойко стреляя в Алкида лукавыми черными с искринкой

глазами, живо ответила:

– Радуйся, юный Алкид! Из пастухов всех наиславнейший! Нравится мне, что меня приравнял ты к бессмертным, но никакая не нимфа я, не Харита, и тем более не богиня прекрасная самая, я дева простая. Женщина родила меня, и я грудь ее сосала в младенчестве, и потому смерти подвержена я. А зовут меня все Ианта, что значит лиловый цветочек. Я подружка одного из твоих товарищей – пастухов. Милый мой весь день много трудился, а вечером напился вина медосладкого и сейчас спит, как убитый, а лиловый цветочек только распустился, и спать не хочет совсем – очень уж вечер хорош. Вот почему в твой открытый шалаш без приглашения я вошла.

Во входное отверстие шалаша проникали серебристые лучи царицы ночи, дарящей мягкий свет, с рожками бычьими Месяцем, бесцельно бродящим в ночи небожителем вечным. Стояла звенящая тишина. В радость Луне тишина и покой, невыразимой прелестью блещет высоко в небе она, носящая дивные рожки, ночи чарующее украшение, в пеплосе тонком медленно кружит она, межзвездная дева.

Алкиду казалось, что, неслышно ниспадая на землю, лучи глядевшей сверху бледной Селены сплетались между собой в дивные причудливые узоры, придавая теплой летней ночи приятную таинственность и волшебное очарование, от которого его замирающее сердце сладко томилось.

78. Алкид становится мужчиной

Видно, не хотела Ианта в такую чудесную ночь время зря тратить и, взор нескромный потупив игриво, взяла она Алкида за руку и повлекла к его одинокой постели. Рядом воссели они на прекрасно устроенном ложе из мягких шкур, убитых Алкидом пушистых зверей. Почувствовав прижимающееся к нему податливое упругое женское тело, юноша дернулся и слегка отстранился.

Молодая женщина от приятелей знала, что могучий телом Алкид еще девственник, воюющий с Афродитой рукой, и это ее ничуть не смущало. Она глядела в упор на него своими искрящимися от бесстыдного желания глазами и призывно улыбалась. Эрот источал нежную страсть из ее глаз, пробуждая сладостное упоение в душе юноши, и ее улыбка передавалась ему. Ианта распустила собранные на затылке в узел пышные волосы и медленно начала украшенья блестящие с тела снимать – пряжки, застежки, витые запястья для рук и ожерелье. Пояс потом распустила и сиявшую в ласковом лунном свете одежду с загорелого гибкого тела своего совлекла и кинула небрежно на теплую многодарную землю, кормилицу многих.

Алкид, как замороженный на Ианту глядел, на ее бесподобно красивые руки с браслетами, точеную шею и плечи, вьющиеся локоны, молодое лицо и полные тайны глаза, с ко-

торами он старался взглядом не встретиться. Он тихо млеет от охватившего желания сладкого, а когда увидел перед собой совсем обнаженную деву, затрепетавшее сердце его чуть не выскочило из груди и зашлось от вытягивающего душу восторга. Он поводил глазами вокруг, без конца то по сторонам озираясь, то всматривался в блистанье волос, поджидая, когда же смуглая шея и белые высокие груди из пышных прядей Ианты нагой засверкают в таинственно – серебристом свете луны. Он залюбовался грудями округлыми так, что у него дух захватило, ибо, нагие, они жгучими стрелами были эротов, направленными прямо ему в дрожащие руки! Как он жаждал сжать эти упругие гладкие полушария крепко руками, вдохнуть дурманящий запах здорового женского тела и прижаться к их розовым бутонам губами. Телом всем ее Алкид восторгался, не смея разглядывать только скрывавший сокровенную тайну женщины темный треугольник кудрявых волос в самом низу живота (тут в сторону пытливый взгляд отводил он стыдливо).

Алкид больше всего хотел Ианту нежно обнять и в зовущие губы поцеловать, но всегда мощные руки вдруг ослабли, а сомкнутые, никогда не целованные губы, никак не разжимались и мелко дрожали. И тогда он насупился, выступавшие вперед низкие брови нахмурил, и вдруг, неожиданно для себя с силой опрокинул податливую деву на спину. Словно горный медведь навалился он на Ианту всем своим мощным телом, но опытная в делах Афродиты дева не испу-

галась и не ощутила тяжести никакой, она чувствовала лишь огромное удовольствие и, крепко обняв юношу обеими руками, страстно целовала его в губы.

Много раз в течение этой пленительной ночи они сочетались сладострастными ласками на покрытом мягкими шкурами ложе, упругие ветви которого стонали и колебались, как в бурю.

В час же, когда пастухи на стоянку тихоходных протяжно мычащих коров пригоняют с тучными овцами к дому с цветами усыпанных пастбищ, крепкий сон, охвативший его под самое утро, Алкид по привычке без сожаленья отбросил. Ианты уже не было на его одиноком ложе, и он был благодарен деве за это. Не знал он, что после ночи такой надо деве сказать или что полагается сделать и боялся показаться неопытным и смешным.

Когда Алкид вышел из шалаша, ему показалось, что в утреннем ласковом солнце вся природа улыбалась счастливо, буйные пуская побеги зеленых растений, и в воздухе разносился аромат дыханья красочных ярких цветов.

По грубым шуткам пастухов, преследовавшим красного от смущения Алкида весь следующий день, было ясно, что они знали, где и с кем красotka Ианта ночь провела. Отношения между пастухами и их подружками были простыми, и на следующую ночь Ианта опять посетила Алкида, который теперь был не юношей не целованным, а ее мужчиной, исполненным кипучей отваги и пылкого мужества в сладких сра-

жениях Киприды, любящей ласки, улыбки и смех. Молодая женщина посещала своего нового любовника всякую ночь, когда не была занята. Когда же Ианта не проводила ночь у Алкида, к нему являлась одна из ее милых подружек – всем им хотелось испытать сладкую доблесть необычного ростом и силой юного пастуха в брачной постели.

Алкид не однажды потом своему племяннику и другу возлюбленному так говорил:

– В то лето, когда мне было 15, как тебе сейчас, милый мой Иолай, наконец-то я стал мужчиной, давно я мечтал оставить сраженья с Афродитой рукой. Конечно, с дивной Иантой все ночи были прелестны, мне всегда было очень приятно, и все подружки были у нее хороши. Но, знаешь, друг мой, сердцу вечно не хватает чего-то, и потому и тогда, и потом по утрам, когда тайны все исчезали всегда зияла в душе какая-то пустота. Вот с тобой, милый, все по-другому, между нами нет низменных чувств, наша дружба нас возвышает и потому мы всегда стремимся друг к другу.

79. Алкид у Феспия

Живя до 18 лет среди пастухов на лугах лесистой горы Геликон, Алкид не раз слышал страшные истории о Киферонском льве. Этот зверь, живший в пещере на одной из непреступных диких вершин горного хребта Киферона, каждую неделю пожирал нескольких коров Амфитриона или Феспия, который был царем в славном южнобеотийском городе Феспии. Нередко жертвами этого льва становились и пастухи.

Однажды, после долгого отсутствия, Ианта явилась к Алкиду сама не своя. Вся в слезах, она рассказала, что ездила в Феспий, хоронить убитого львом старшего брата, который там женился и был пастухом. Греки выше всего ставили почитание родителей, потом братьев и сестер, ведь ни тех, ни других нельзя было завести новых, как, например, супругов или детей.

Впечатлительное сердце юного Алкида защемило от жалости, когда он смотрел на безутешные слезы и расцарапанную шею, и грудь, и нежные щеки женщины совсем молодой, сделавшей его настоящим мужчиной.

– Я убью этого льва, Ианта! Зевсом клянусь: жить ему не долго осталось!

Сказал Амфитрионид, грозно сдвинув вместе выступавшие вперед брови над загоревшимися от гнева синими гла-

зами и до хруста сжал свои огромные кулаки. Он быстро собрался, благо имущества не имел никакого и пошел в Беотийский город Феспий, который лежал у подошвы Киферонской горы Геликон, обиталища Муз со сладкими голосами и вечно цветущих Харит. Именно там в последнее время чаще всего видели ужасного льва – людоеда.

Явившись во дворец Феспия, сына легендарного афинского царя Эрехтея, Алкид увидел высокого роста, тощего, но еще крепкого светловолосого старика лет 60, с маленькими бегающими глазками и длинным горбатым носом. Пастухи про него говорили, что он был очень образованным и хитрым.

Феспий слышал историю о том, что фиванский Амфитрион был приемным отцом одного из двух сыновей по имени Алкид, а родным отцом его был, якобы, сам Громовержец. Он не очень-то верил этому, ибо знал, что многие цари корысти разной ради приписывали себе родство с могучими олимпийскими богами. Однако, увидев необычайную телесную крепость Алкида, царь сразу понял, что это не простой смертный и гостеприимно пригласил его остановиться в своем дворце.

В зале, накрытом для пира, он, непрерывно окидывая Алкида бегающими глазами сверху вниз и обратно, сказал более, чем радушно:

– Радуйся, гость дорогой. Пищи нашей, прошу тебя не побрезгуй, вкуси! Только после того, как жажду искрометным

вином утолишь и голод разной пищей насытишь, мы спросим тебя – что ты за человек и к нам прибыл зачем и откуда? В тебе не исчезла, я вижу, порода родителей славных и божественных предков. Род от царей ты, конечно, ведешь, скипетроносных питомцев Зевеса, захудалые родители таких, как ты, никогда не произвели бы на свет.

Алкид лишь мальчиком бывал на подобных пирах и покраснел, оказавшись на таком пышном пиру, да еще в самом центре внимания. Царь же положил пред ним лучший кусок бычьей жирной спины, своей рукой отделив от собственной большой доли. Отпрыск Зевеса в юные годы много есть не любил, вина почти не пил и потому насытился очень скоро. Только тогда исподтишка наблюдавший за ним Феспий, не скрывая интереса, спросил кто он и откуда. Алкид покраснел еще больше и так ему ответил:

– Кто родом лишь хвалится, тот чужим гордится, но я тебе скажу правдиво: я сыном прихожусь внучке Персея Алкмене и его внуку Амфитриону, а назвали меня Алкидом в честь деда Алкея, ныне царствующего в крепкостенном Тиринфе. Из Фив 4 года назад, понуждаемый необходимостью, я ушел пасти отцовские стада на хребет Киферона... после несчастного случая с учителем Лином... К вам же, сюда я явился, чтобы убить льва-людоеда, которого называют все «киферонским».

– Боги бессмертные! Неужели в доме своем принимаю я правнука прославленного героя Персея, могучего зевсова

сына, отрубившего голову ужасной Медусе-Горгоне?! Значит ты праправнук самого Олимпийца, пространногремящего Метателя молний?

Алкид покраснел, как мальчишка и прикрыл горящее лицо рукой, словно желая что-то утаить, но потом тряхнул головой и быстро сказал:

– Мать моя говорит, что за 9 месяцев до моего рождения во сне она была с Зевсом.

– Боги великие! Значит, правду тысячеустая молва говорит, что ты родной сын Громовержца?!

– Я никогда не видел Владыку Олимпа. Если ж он и вправду отец мне, то таких сыновей у него, говорят, очень много...

Сказал не уверенно сын прекрасноволосой Алкмены, крепкий теребя подбородок. Феспий же, шмыгая длинным носом и бегая глазками, быстро затараторил:

– Хоть Зевс и отец всех бессмертных и смертных, но такой исполненный истинной доблести сын, как ты, у него, конечно, только один! Это я говорю не из лести лукавой, а вполне справедливо – ведь я вижу своими глазами, как силой огромной тебя боги одели! Думаю, при встрече с тобой несдобровать киферонскому льву-людоеду. Много он уже людей погубил, особенно пастухов, но ты не спеши, ведь поспешность может стать причиной гибели охотника, а не зверя. Умные люди говорят: всему свое время. Поживи у нас, осмотрись, с дочерьями моими познакомься поближе, их у меня целых 50 и все красавицы. Выследи кровожадного льва, а потом я тебе

дам в помощь охотников, хоть и не таких сильных, как ты, но опытных в львиной охоте, и вместе, если Мойра поможет, ужасного льва вы одолеете... Ну, а теперь, когда Нюкта черными крыльями всю землю объяла, не пора ль нам всем в постели отправиться, чтоб сладостным сном насладиться.

80. 13-й подвиг

Говорят, каждое утро, к работе зовущее, Алкид отправлялся выслеживать зверя-людоеда, а пировать и ночевать приходил во дворец Феспия, отца 50 дочерей, рожденных то ли плодовицей Мегамедой, дочь Аурнея, то ли разными женами – по свидетельству самого Феспия.

Царь не только гостеприимно принимал Алкида в течение пятидесяти дней, но и в первую же ночь после пышного пира, любезно предложил гостю нарочно заплетающимся, будто от вина, языком:

– Друг мой юный! Прости мою простоту и откровенность. Ты сейчас пойдешь спать, но, если хочешь спать не один, то можешь разделить ложе с моей старшей дочерью Прокридой, которой давно уж пора замуж. И я, и она будем этому только рады, даже, если ты пока не надумал твердо жениться.

– Да, мне жениться еще слишком рано!

Быстро сказал Алкид, но не смог сдержать похотливый блеск голубых глаз. Увидев, как загорелись желанием глаза гостя, Феспий довольно шмыгнул своим длинным носом. Вдруг неожиданная хитрая улыбка сморщила его губы, и он уже уверенно продолжил:

– У меня 50 дочерей, и все, заметь, – от разных жен. Так вот, скажу откровенно – я очень боюсь, что им достанутся безродные и хилые женихи, от которых родятся такие же

хлипкие внуки. Поэтому, если даже ты не женишься ни на одной из моих дочерей, то все равно попрошу тебя сделать так, чтобы они родили от тебя сыновей, и я тебе за это всю жизнь буду благодарен. Признайся, ведь тебе по сердцу такие мои слова?!

Алкид был на небе от такого предложения царя. Некоторые говорят, что каждую ночь на ложе Геракла приходили по одной, а иногда и по несколько дочерей Феспия. Все, кроме одной, Феспиады были очень веселыми, и Алкиду было с ними легко и приятно. Так от него забеременели все дочери Феспия, кроме одной, отвергнувшей его. Имя той, которая отвергла ненасытную любовь и ласки Геракла, не сохранилось, но известно, что она осталась девственницей до самой смерти, служа потом жрицей в феспийском святилище Геракла. Поэтому до сих пор феспийские жрицы должны быть непорочны, как Пифия в знаменитом Дельфийском храме Аполлона.

Григорий Назианзин иронически называет плотские отношения Алкида с дочерьми Феспия тринадцатым подвигом Геракла, а Климент Александрийский говорит, что Зевсов сын Геракл растлил пятьдесят дочерей Феспия всего за одну ночь, став сразу и совратителем, и женихом девушек. Не без основания поэты называют его дерзким и нечестивым. Пожалуй, будет долго рассказывать о разных его прелюбодеяниях с юными девушками и развращении мальчиков, когда он стал знаменитым героем.

Отец Ор Ликабант (круговорот года) обошел три четверти круга, и через девять круговратных месяцев в один день 49 Феспейд родили от юного героя 51 сына. Две сестры родили Гераклу по два сына: старшая Прокрида родила близнецов Антилеона и Гиппея, а младшая родила еще двух близнецов, имена которых не сохранились.

С тех пор в Феспиях каждые четыре года устраивалось в честь сладкоистомного Эрота празднество – Эротидии, сопровождавшиеся гимнастическими и музыкальными состязаниями. Кроме того, Эрот как бог любви и нежной дружбы, соединявшей юношей и девушек, пользовался почитанием в гимназиях, где его статуи ставились рядом с изображениями Геракла.

Сыновья Алкида, еще не получившего имя «Геракл», в отличие от его будущих знаменитых потомков от второй законной жены Деяниры, названных Гераклидами, получили общее имя Феспиады от дочерей Феспия. Когда Феспиады возмужали, Геракл узнал оракул, в соответствии с которым, ему надлежало отправить переселенцев на Сардинию, а во главе их поставить своих сыновей, рожденных дочерьми Феспия. Послушный неизбежной Судьбе, Геракл отправит сыновей Феспиадов основать поселение на Сардинии.

Согласно Диодору Сицилийскому, поставив во главе флота своего прославленного племянника Иолая, сына брата Ификла, Геракл поручил ему заботу о Феспиадах и поселении. Из пятидесяти сыновей двое остались в Фивах, их по-

томкам оказывают почести и поныне, а семь остались в Феспиях: их называют «демухами», а потомки их правили городом до недавнего времени. Иолай стал во главе остальных Феспиадов и других добровольцев, пожелавших принять участие в основании поселения, и отправился в Сардинию. Одолев в битве туземцев, он разделил по жребию лучшую часть острова, в том числе равнинную область, которая до сих пор называется Иолайей. Приведя землю в порядок, Иолай сделал эту страну желанной для многих захватчиков. Остров настолько прославился обилием своих урожаев, что усилившиеся впоследствии карфагеняне пожелали завладеть им, претерпев ради этого много страданий и бед.

81. Убийство Киферонского льва

Алкид из юношеского хвастовства отказался от помощи выделенных Феспием помощников в охоте на льва, сказав, что не хочет рисковать их жизнями и убьет зверя в одиночку. После многих приятных трудов на брачном ложе с Феспиадами в течение 50 ночей, Алкид, наконец, встретился с Киферонским львом-людоедом.

Когда юноша услышал рядом с собой грозный львиный рык, подобный близким раскатам грома, сотрясающего землю, он на месте словно застыл, колени под ним предательски подгибались.

– Почему я отказался от помощи бывалых охотников?! Я даже не знаю львиных повадок. О боги! Как мне быть?!

Вопрошал Алкид сам себя, досадливо морщась. Он озирался по сторонам, ища глазами какое-нибудь укрытие, где от льва спрятаться можно, но на горной вершине, где было его логово, не было ни высоких кустов, ни дерева крепкого. На небольшом плато перед чернеющим входом в логово глазам юноши предстало ужасное зрелище: песчаная земля вокруг была темно-бурой от крови, повсюду валялись белые и серые кости, среди которых было много и человеческих. И тут он увидел в стаде от себя появившегося из-за высоких кустов огромного рыжего льва. Лев тяжело ступал, волоча за ногу, зажатую в окровавленной пасти, бессильно, словно

тряпичная кукла, свисавшего человека. Зверь тоже заметил Алкида и, медленно положив добычу на землю, поглядел на него свирепыми глазами и начал зубами рвать окровавленное тело своей добычи на части. Зверь утробно заурчал и начал громко хрустеть костями, изредка поглядывая на зевсова сына немигающими желтыми глазами.

У Геракла совсем ослабли колени, и он одной рукой оперся на копье, а другой схватился за каменный выступ. Голова Алкида повернулась назад, а глаза с робкой надеждой посмотрели на тропинку, ведущую вниз. Он попробовал сделать шаг назад, но ноги не держали. Лев, заметив движение Алкида, должно быть, почувствовал животный страх человека и посмотрел на юношу холодными, бесстрастными желтоватыми глазами и оставил добычу. Зверь впился огромными когтями в землю, одним движением присел на мощные задние лапы и свирепо зарычал, явно готовясь к нападению. Лев чувствовал себя здесь настоящим хозяином, он, хлеща себя по бедрам хвостом, тяжелой поступью уверенно стал приближаться к Алкиду, и в его желтых звериных глазах сыну Алкмены виделась лишь свирепая дикость, сулящая ему страшную смерть.

И тут вдруг лицо Алкида преобразилось. Грозно сомкнулись на переносице брови, глаза загорелись, дрожащие губы его приоткрылись, и зубы обнажились в хищном оскале. Юноша широко размахнулся и кинул в бегущего к нему зверя копье. Не подвели Алкида ни глаз, ни рука – бросок был и

сильным, и точным. Медное жало копья громко стукнулось в львиный лоб точно над глазами, но отскочило и далеко оно в землю впилося, длинным древком сотрясаясь. Оказалось, бесполезным копье, точно брошенное многомошной рукою – зверь лишь озлобленно несколько раз мотнул головой от удара копья и потом продолжил тяжелый свой бег.

Расстояние между юношей и бегущем к нему львом быстро сокращалось, рука Алкида, уже схватившая висевший на перевязи короткий спартанский меч, вдруг сама метнулась к суковатой дубине, случайно оказавшейся рядом. Лишь только Алкид успел размахнуться, как увидел голову зверя прямо перед собою и тут же нанес по ней страшный удар, целясь в окровавленную царापину на лбу, нанесенную медным острием копья. От такого мощного удара дубиной летящего зверя, который весил раза в три больше Алкида, отбросило в сторону, и он, ломая кусты, с треском грохнулся на землю. Амфитрионид в приступе ярого бешенства подскочил к льву и обрушил на его голову и бока еще много ужасных ударов крепкой дубиной так кстати оказавшейся рядом.

Когда тяжело дышавший герой опомнился, то увидел перед собой бездыханную тушу громадного желтого зверя, с разmozженной головой, рядом лежали смешанные с землей мозги и мелкие кости и валялась измочаленная дубина. Низкие брови юноши приподнялись, а уголки губ опустились, когда он увидел совсем не обильную лужицу крови, вытекавшую из – под огромной туши. Отдышавшись, Геракл сильно

пнул зверя в бок, чтобы убедиться в том, что тот мертв, а не ранен и только после этого, вынув нож, стал снимать шкуру с еще теплого зверя. Это оказалось не труднее, чем освежевать шкуру быка, что он не раз делал с пастухами. Промыв львиную кожу в ручье, юноша повесил ее себе на плечи так, что с одной стороны была голова и передние ноги, а с другой стороны – задние ноги и хвост. Шкура была сырой и тяжелой, но Алкид ее не оставил и устало зашагал во дворец Феспия.

82. Пир и танцы у Феспия

Алкида с львиной шкурой на плечах люди встретили, как истинного героя, и вечером в его честь был устроен пышный пир, который долго будет он помнить, как лучший пир в своей жизни.

Просто пиром или пирушкой греки называли ежедневные вечерние обеды, на которых собирались родственники и приглашенные хозяином люди. По случаю всенародных праздников устраивались пышные пиры, на которые приглашалось множество гостей, готовились разнообразные блюда из мяса разных животных, дичи и рыбы, приглашались певцы, музыканты, хороводные плясуны и просто танцоры.

К этому пышному пиру Феспий велел двенадцать жирных баранов зарезать, двенадцать свиней белозубых и двух огромных быков круторогих. Когда широколобых быков привели для закланья, Алкид вызвался сам их жизни лишить. Широко размахнувшись новой дубиной, он в крепкий лоб поразил одного из быков, а другого, разгорячившись, свалил с ног в ухо, ударив размашисто кулаком, туго обмотанным сыромятной кожаной лентой. Быки по очереди прекратили дыхание тяжкое и, замертво рухнув, как подкошенные, шумно в землю рогатыми головами воткнулись.

Юный Алкид еще не любил в те незабвенные годы кровь проливать даже домашних животных, и медной секирой по

шеям толстым, громадным рубили другие. Они же, быков заколов, шкуры умело содрали, мясо на части разъяли и священные бедра сложили, покрыв их в два слоя обрезанным белым распластанным жиром, и мясные обрезки на них положили. Костры в это время уж ярко пылали. Тучные бедра сожгли на костре из сухих и безлиственных сучьев, потроха проткнули и стали держать над пылавшим Гефестом, щедро багряным вином окропляя. Следом за тем, как бедра сожгли и отведали потрохов жертвы, свежего мяса куски божественной солью посыпав, вертелами проткнули и сжарили их на красных углях осторожно после того, как дрова догорели и желтое пламя погасло.

Вдали показался блестящий дивный возок, влекомый неторопливыми среброшерстными быками, которыми управляла прелестная юная дева Селена в чудном одеянии цвета шафрана с серебряным серпом на чистом челе. Медлительные волы или туры возили обычно Селену, а быстрых коней она запрягала в особых случаях, когда торопилась уступить место своей розоперстой сестре. Пир пышный был готов.

Это был поистине не забываемый пир. Алкиду предложили возлечь на одном апоклинтре с царем, на месте, которое всегда оставалось свободным. Некоторые рассказывают, что место у юного героя оказалось почетнее царского. Феспию, как и другим прислуживали звонкоголосые вестники, и только Алкиду прислуживали царские красавицы – доче-

ри. Одна поставила перед ним прекрасный кувшин золотой с рукомойной водою, другая – глубокий серебряный таз для умывания; третья и четвертая долго натирали мятой и другими благоухавшими травами часть большого стола перед ним, пятая кубки там поместила златые. Хлеб положила перед Алкидом Феспиада шестая, кушанья разные на блюдах серебряных принесла дочь седьмая. Обычно на пирах вино разливал один из благороднейших юношей, но тут по приказу Феспия было сделано исключение, и две Феспиады постоянно сзади героя стояли и с разных сторон сильно разбавленное вино ему подливали, которое юный герой пил очень помалу и редко. Прекрасные девы, влив в кратер напиток до самого верху, потом его по кубкам разлили. Алкид же, забыв про еду и вино, блаженно оглядывался вокруг.

Лишь Алкид и Феспий возлегли за своим столом на единой скамейке, ибо никому, кроме царя, не позволялось возлегать за столом, если только он в этот день в одиночку не убил без сетей, одним копьем, взрослого льва или огромного дикого вепря. Алкид же в одиночку убил простой дубиной огромного льва, погубившего уже немало охотников и пастухов.

Все собравшиеся на пиру, включая царя Феспия, почтительно ждали, когда Алкид начнет первым есть, а он долго этого не понимал, пока ему старшая феспиада Прокрида об этом тихонько на ухо не шепнула. Быстро к еде голодный юноша обе руки протянул, и только после этого руки к пище

прекрасной другие пирующие протянули. Все весело пировали, и не было в том честном пиру обделенных. Алкида же особо ценной хребетной частью быка Феспий почтил, повелитель многих мужей, скипетр, имевший от Зевса; такую же часть второго быка царь оставил себе.

После того как желанье питья и еды все утолили, другим страстным желанием зажглись сердца пировавших. Главной целью всякой пирушки было насладиться вином, которым славилась солнечная Эллада. Однако на пирах, не забывали и о других наслаждениях. К увеселениям, сопровождавшим винопитие и вкушение пищи, принадлежали, например, остроумные вопросы, загадки и различные игры, которые порой бывали не только веселыми, но и жестокими.

К Алкиду одна за другой и по несколько сразу подходили дочери Феспия и незнакомые ему их подруги и предлагали поиграть в коттаб, целью которого было потопить небольшую чашечку, плававшую в тазике, путем попадания в нее вином, выплеснутым из чаши или изо рта. При этом ценилось умение красиво и изящно, выгнув руку, с шумом выплеснуть коттаб – многие гордились этим больше, чем метанием дротика. Алкиду девы предлагали играть на поцелуи, на раздевание, на выполнение любых желаний и, конечно же, на выпивание новых порций вина. Однако юному герою не понравились эти игры, и он решительно от них отказался, сказав, что предпочитает соревноваться в стрельбе из лука или в метании дрота.

Тогда, наконец, пришла очередь музыки и плясок – этого пленительного наслаждения всякого пышного пира. Феспий дал знак рукой, и стройные юноши и цветущие девы, желанные многим, как подверженные неистовству искусные плясуны Корибанты, резво выбежали плясать, в хоровод круговидный, чтобы почтить Терпсихору, любезно сплетясь друг с другом руками. Под нежный наигрыш флейт и мерные звуки кифары вели хоровод, называемый «ожерелье», юноши, выполняющие сильные телодвижения, – в будущем они пригодятся им на войне; между ними следовали девушки, поучающие всех благопристойности, и таким образом как бы сплеталась цепь ожерелья из девичьей скромности и юношеской доблести. Стремительно они на резвых ногах в хороводе кружились и так же легко и свободно, как в гончарном станке крутится колесо под рукою привычной, если горшечник захочет проверить, насколько хорошо оно вертится.

Дочери Феспия по очереди, старшинство соблюдая, на время покидали хоровод, чтобы подойти к возлежавшему Алкиду и пригласить его танцевать, однако новоявленный герой с густо покрасневшим лицом всем отказал, сетуя на больную ногу, которую, якобы, растянул на охоте. Багровый Алкид неподвижно лежал, насупив низкие кустистые брови и с нескрываемой завистью глядя на танцующих, негромко шептал милому сердцу:

– Ну, почему я не научился плясать?! Даже воинственные спартанцы обучаются пляске не меньше, чем боевому искус-

ству. Закончив рукопашную, юноши всякий раз завершают состязание пляской. Флейтист усаживается в середине круга и начинает наигрывать, а юноши показывают искусство свое танцевальное и песнь поют посвященную Аресу и Афродите. Эх, если б не наглый Лин и я б научился и петь хорошо, и плясать, и на кифаре бряцать. Был он слишком надменный самонадеянный и бить учеников всех любил и командовать ими, а я себе бить никогда никому не позволю. И все же как обидно и жалко, что я не могу вместе со всеми плясать. А может попробовать? – Нет, очень мне страшно, что я слишком большой и неловкий, ноги девушкам могу отдавить, они от боли будут громко кричать, и все надо мною будут смеяться.

Алкид, поджав с сожалением губы, пытался глядеть вполне равнодушно, как живо пляшут другие. Юноши и девушки ногами искусными в хороводе веселом то кружились, то развивались и плясали рядами, одни за другими, резвыми ногами землю искусно месья, а руками музыке в такт обнимали друг друга.

83. Песни в честь Алкида

Феспий, опытом умудренный, давно заметил, что виновник веселого празднества сам совсем невеселый, хоть и улыбается он, но пунцовые щеки его выдают, когда упрямо отказывается он от участия в хороводе. Царь все понял и когда Алкид отказался танцевать с последней его дочерью, он приказал глашатаю сказать во всеуслышанье, чтоб все вели себя тише, а приглашенного аэда (певец) Анфа к нему велел позвать:

– У кого там в кубке дно опять сухое? Наливайте мальчишки резво полные кубки и чаши, но уж в последний раз. Только пьяное вино разводить трезвой водою никогда не забывайте. Мы – не скифы, не люблю и сам я пьянствовать как варвар и другим не позволю. Нет! За чашей следует петь или слушать, или беседовать мило. Позовите сейчас же Анфа – знаменитого кифареда к нам с нашим прославленным гостем, победившим сегодня грозного льва-людоеда, принесшего нам столько бед и несчастий.

Говорят, что еще при рождении Геликонская богиня возлюбила кудрявого Анфа, но и злом его одарила: зренья лишила его, подарив взамен ему славные песни. В мастерстве кифаредном, Анф был очень искусен и потому одержал однажды победу на играх Пифийских. Как только слепой певец занял свое почетное место рядом с царем и Алкидом, так

сразу уважительно царь к нему обратился, глядя то на него, то на отпрыска Зевса бойкими своими небольшими глазами.

– Радуйся, друг мой любезный! Не зря говорят, что и без зренья блажен человек, если живущие на священном Парнасе Музы, что мысли богатство и вдохновение поэту даруют, любят его: как прекрасен из уст его льющийся голос! Анф, лучшему в мире кифареду Фебу подобный, ты знаешь так много песен, восхищающих душу, какими певцы восславляют блаженных богов, владеющих небом высоким и могучих героев, оваянных неувядаемой славой. Спой же в честь этого исполненного дерзостной доблести юноши ту из них, что по твоему мнению сейчас наиболее к месту.

И вот запел под кифару ведущий свой род от влекущих скиталицу – душу к священному свету Муз Пиерид и вождя их бессменного Аполлона, кифаред знаменитый, а все остальные с уважением его слушали молча. Несколько юношей в первой поре возмужалости, ловкие в плясках, разгоряченные танцами, опять выбежали на середину свободной площадки и стали ее ногами месить, музыке вторя, но Феспий, махнув строго рукой, дал им знак пляску быстрее закончить, и не были они не послушны владыке.

Пел божественный кифарист и певец, которому во вдохновенную грудь Муза вложила искусство чудесного пенья, о том, как на склонах Киферона лесистых страшный лев много лет когтями и клыками сокрушал шеи быкам и коровам и несчастных пастухов истреблял. И никто не мог это-

го грозного зверя убить, даже окруженного опытными ловцами и псами. Многих пастухов и бывалых охотников лютой смерти предал в своей силе уверенный лев, высокими горами вскормленный. Люди отовсюду в страхе бежали и себя в безопасности чувствовали только за высокой городской стеною из камня. Так было, пока не пришел со львом-людоедом сразиться юный Алкид, сын прекраснородыжной Алкмены и славного Амфитриона. Когда с грозным рыком, от которого в жилах кровь застывала, оскаливши пасть, выпрыгнул из чащи лев свирепый, не обратил он в бегство юношу с сердцем бесстрашным. Как зверь кровожадный гривой косматой ни тряс, как когтистыми лапами мягкую землю ни рыл, грозный рык испуская из пасти разверстой с клыками огромными, все равно он пал под могучим ударом дубины Алкида, осененной бледной красою дикой оливы. И вот на шкуру чудовища изумленные люди глядят и поспешают благодарно пожать победившую руку героя, не побоявшегося ради незнакомых ему людей своей жизнью бесценной рискнуть.

Так под кифару пел Анф, знаменитый певец, Алкиду, доблестному защитнику всего Киферона, спасителю от ужасного льва в громкой менодии (песня одного певца) заслуженную хвалу воздавая. Все, затаив дыхание слушали, обратив благодарные взгляды не к певцу, которому честь и почет воздавать все обязаны люди, а к виновнику торжества, который от всеобщего внимания опять покраснел совсем густо, как невинная девушка, услышав мужскую очень грубую шутку.

Алкид недовольно сморщился, чувствуя, как горят его щеки и с силой закрыл веки. Через некоторое время голубые глаза юноши чуть приоткрылись, они были затянуты темной поволокой, а губы беззвучно шептали:

– Я так не блаженствовал еще никогда, даже с Иантой на брачной постели. Ради таких взглядов и ради таких песен только и стоит жить на земле. Да! Песни такие и в потомстве останутся дальнем. Слава такая вовеки никогда не погибнет. Следы во тьме веков исчезнут многих поколений, но слава будет вечно жить, она бессмертна.

После окончания пира победитель страшного льва ночевать не остался, как его не уговаривал царь, все еще лелеявший тихую надежду, что хоть какая-нибудь из его 50 дочерей, все же найдет путь к сердцу Алкида, и он решит законно жениться на ней.

Павсаний же рассказывает, что так называемого киферонского льва убил гражданин Мегар Алкафой. Мегарцы передают, что от этого льва погиб в числе многих других и сын их царя Мегарея – Эвипп. Мегарей обещал, что он выдаст замуж свою дочь Эвехму, а также, что он сделает преемником своей власти того, кто убьет этого киферонского льва. Поэтому на это решился сын Пелопа Алкафой; он одолел дикого зверя и, когда стал царем, построил святилище, назвав Артемиду Агротерой (Помощницей в охоте) и Аполлона Агрем (Охотником).

Другие же говорят, что на лесистом Кифероне в то время

было немало львов, хотя огромный лев, убитый юным Алкидом был самым свирепым и кровожадным, ибо погубил больше всех в округе людей.

84. Алкид на перепутье

Алкид, сердечно поблагодарив Феспия за радушие и гостеприимство, взял наскоро обработанную шкуру Киферонского льва и, одев ее как хитон себе на плечи, а голову с зияющей пастью надел, как шлем, бодро зашагал по широкой дороге, освещенной серебряным светом Селены.

Ночь безмолвная таинственным черным покрывалом облачила необъятное высокое небо, являя на бархатной ткани яркие знаки отдельных астр и целых созвездий. Юный герой любовался всегда прекрасной Селеной в одеяньях серебрянотканых, от которых струился божественный свет, обливая тусклым серебром стройные островерхие кипарисы и раскидистые кроны дубов и платанов. Деревья стояли как безгласные часовые по обеим сторонам дороги, таинственной в безмолвном сумраке ночи серебряной красой. Загадочно струящийся лунный свет вызывал непонятное томление в беспокойном сердце Алкида.

Много раз в последующей жизни Геракл вспоминал эту дорогу и возникавшие мысли, о которых на ночных привалах он любил рассказывать своим юным спутникам:

– Должно быть на этой оказавшейся судьбоносной дороге я впервые ощутил себя не эфебом, а мужем. Я шел облитый серебряным светом Селены и вспоминал жестокую схватку со львом и незабываемый пир, благодарные взгляды людей, и

песни, эти дивные дочери Муз, звучавшие в мою честь... Да, это был мой первый настоящий подвиг, а не обычная охота, это было уже начало моего тяжкого и крутого пути, который, впрочем, мне предстояло еще выбрать... Шкура льва была еще сырая и потому тяжелая, даже для моих могучих плеч, ведь целый день я лазал по горным кручам, выслеживая льва, потом сражался с ним при помощи одной дубины, которую подбросил Случай. Без той дубины моя безжизненная душа уже ходила б по Аиду, покинув крепость тела и доблесть духа... Потом был пир, на нем я хоть не танцевал, но очень утомился... потом дорога эта без конца... я шел и место выбирал, где мне получше отоспаться, потом уж в полудреме решил идти пока не упаду совсем без сил.

И вот на черном небе звезд изобилие пропало, и вдали появился алый сполох, чудный вестник росистой повозки. Розоперстая богиня утренней зари стала привычно сплошной мрак ночной разгонять, пока, еще робко разливая повсюду радостное розовое сиянье наступающего утра.

Геракл увидел на обочине дороги изображение трехликой богини перекрестков Гекаты, это означало, что дорога скоро разветвится на две. И действительно впереди показалась развилка. Алкид в изнеможении остановился, тело само собралось упасть, но юноша заставил себя идти до той развилки, хоть каждый шаг давался с трудом. Глаза не просто слипались от сильного желания спать, он уже почти спал на ходу и в этой дреме хмурил брови упрямо, ему снилось, что он не

спит, а идет до маячившей впереди развилки.

И вот Алкид дошел до перепутья дорог, скинул львиную шкуру и без сил опустился на нее, чувствуя, как одуряющий сон охватывает вконец изнуренные члены. И тут вдруг, как бы сквозь пелену всепокоряющего сна, юноша увидел двух молодых женщин, всем своим обликом бессмертных богинь очень напоминавших. Все вокруг осветилось не понятно, откуда взявшимся светом, словно скромно светящая серебряная Селена уступила на время место златовласому Гелию.

85. Дорога наслаждения и порока [36]

Женщина, неспешно подхитившая к Алкиду по левой дороге, была похожа на его мать. Она была миловидная, с простыми благородными чертами лица; украшением ее были природная стройность тела и детская безупречность кожи. Одета она была в белоснежный пеплос, подпоясанный под высокой грудью тонким пурпурным пояском. Синие глаза этой женщины смотрели с суровым достоинством, а уголки нежно розовых губ были слегка опущены, как у обиженного ребенка.

По правой дороге быстро шла женщина, блиставшая неотразимой красотой умелых и зрелых. Ее выразительные карие глаза в дивном свете призывно искрились желтым огнем желания плоти, которое возбуждало такое же неодолимое вождение в других. У нее было умело подкрашено все лицо так, что глаза под изогнутыми ресницами казались темными и огромными, а ярко красные губы – призывно зовущими. У нее было упитанное холеное тело, которое она держала слишком прямо, чтобы подчеркнуть его стройность. Пурпурная одежда вызывающе выделяла броскую красоту цветущей молодости. Она то и дело довольно оглядывала свою пышную грудь и округлые бедра, словно поглаживала их взглядом и нетерпеливо оглядывалась по сторонам, как бы призывая всех вокруг любоваться ею.

Взглянув на ту, что пришла по правой дороге, Алкид вско-чил в одной набедренной повязке и приосанился, расправив плечи как можно шире и приподняв мощную грудь. Взгляд его засверкал, когда он посмотрел на приближающуюся яр-кую красавицу, а стопа стала трогать шкуру Киферонского льва, как бы проверяя ее мягкость. Но, когда Алкид увидел на другой дороге блеклую красавицу, взгляд его тут же по-тух. Яркая красotka пошла быстрее, а потом почти побежа-ла и, первой оказавшись рядом с Гераклом, схватила его за руку обеими руками и быстро сказала:

– Радуйся Алкид! Сегодня ты стал настоящим героем, и сейчас тебе по воле непререкаемой Мойры предстоит из двух выбрать дорогу одну, ту, по которой ты, будешь шагать даль-ше по жизни.

– Я как раз этой ночью думал о том, чем мне дальше за-няться. А ты очень красива, хоть уже и не дева.

Сказал юноша невпопад, глядя на эту незнакомую краси-вую женщину, так необъяснимо появившуюся перед ним из ночи на развилке пустынной лесной дороги, и его глаза, про-тив воли загорелись желанием плоти.

– Ты можешь сколько хочешь любоваться моей ослепи-тельной красотой... Однако, Алкид, раз ты в раздумье, по какому пути тебе дальше по жизни идти, то я тебе помогу правильно выбрать главную в житейском море дорогу. Ты, должно быть, очень хочешь узнать кто я такая, ведь я тебе нравлюсь. У меня, милый юноша, много разных имен. Мно-

гие зовут меня Счастьем, кто-то называет меня Всемогуществом, кто-то – Богатством, а некоторые – Волупией – Наслаждением или просто Удовольствием. Не может бесцельно жить человек, а целью жизни всякого является получение удовольствия, чтобы там против неискренние люди не говорили. Есть у меня и злобные завистники, которые меня именуют Безнравственностью, а то и Пороком... Ты очень силен и храбр и, конечно, без особого труда добьешься всего, о чем только могут мечтать люди, но сейчас тебе надо сделать правильный выбор. Если ты выберешь дорогу мою, то я поведу тебя путем самым приятным; ты будешь вкушать лишь радости жизни, а тягот не испытаешь вовек никаких. Тебе не надо будет заботиться ни о чем, кроме, как о выборе кушаний и напитков и, конечно, мальчиков и девушек, чтобы испытать с ними наибольшее наслаждение. Итак, Алкид, если ты выберешь меня, то вскоре займешь подобающее тебе место под ярким солнцем Эллады и станешь достойным царем конеславного Аргоса или златообильных Микен. Эврисфей заболит и поделится с тобой властью. Скипетр даст тебе огромные ни с чем не сравнимые возможности, он умножит твою природную силу, и ты станешь подобным всемогущим богам, владеющих небом широко. Многие мужи будут мечтать о дружбе с тобой, юноши и девушки будут молить тебя о любви, музыканты будут петь тебе дифирамбы, а поэты слагать в твою честь оды. И все это будет всегда для тебя, постоянно, а не только после опасного подвига, как это бы-

ло у Феспия на пире вчера. Я познакомлю тебя с Плутосом, возможности которого безграничны! Царская власть и богатство откроют перед тобой все двери, и среди твоих близких друзей будут все сильные мира сего! ...Да, конечно, я знаю, что ты любишь разные состязанья и игры. Став царем, ты сможешь сколько угодно упражнять свое тело и принимать участие в любых состязаниях и, если пожелаешь, то сам сможешь учредить какие-нибудь Игры. Ты прекрасно понимаешь, что возможностей у царя несравненно больше, чем у обычного мужа.

Так сказала роскошная женщина, во время своей речи поводя то бедрами, то плечами и грудью и все время довольно оглядывая себя.

86. Стезя доблести и трудов [36]

В это время к развилке неспешно подошла и другая женщина и сурово сказала:

– Радуйся Алкид! Меня обычно зовут Добродетелью или Аретой – Доблестью. Я слышала, что тебе сейчас предложили, юноша милый, но не поддавайся легким соблазнам – не правдивы они. Из-за золота и власти брату брат родной не мил; из-за них – убийства, войны. А из того, что есть на свете, ради чего стоит жить, всемогущие боги ничего не дают людям без труда и без забот. По закону Ананке, что всегда и для всех неизбежен, добро всегда достается с борьбой и трудом, только зло и лень приходят сами по себе, без искания. И Дике с бестрепетным сердцем от всякого требует, чтобы все блага им честно заслужены были. Хочешь иметь настоящих друзей, надо потрудиться сделать добро им. Желаеть пользоваться почетом в каком-нибудь городе, надо его заслужить – принести гражданам пользу. Хочешь возбуждать восторг у всех эллинов своими достоинствами, надо много потрудиться во славу великой Эллады. Даже, если просто захочешь быть телом сильнее, надо приучать себя повиноваться рас-судку, а тело развивать упражнениями в тяжелых ежедневных тренировках и в различных трудах... Сегодня ты, рискуя собственной жизнью, избавил людей от страшного зверя, и люди благодарны тебе, и это твоя справедливо заслуженная

награда. Если ты выберешь дорогу мою, то стезя твоя будет крутой и тернистой, часто тебе придется рисковать для других всем, и даже бесценным здоровьем, и самой жизнью. Но подумай, Алкид, разве не лучше самому быть сильным, чем дружить с сильными мира?

Тут Порочность, нетерпеливо перебивает Арету и, схватив Алкида за руку, заискивающе поглядела в его глаза и обратилась к нему с такими словами:

– Понимаешь ли ты, Алкид, какой трудный и безотрадный путь предлагает тебе эта глупая женщина? Кто сам себе добровольно выберет тяжкую дорогу, на которой не раз придется рисковать собственной жизнью ради других. Да, необходимость иногда заставляет людей рисковать цветущим здоровьем и жизнью, сражаться и воевать, но кто это выберет для себя по собственной воле?

Арета, гневно сверкнув очами, подняла руку и, неожиданно сильно оттолкнув от Алкида Порочность, сурово сказала:

– Разве не чувствуешь, юноша милый, что она жалкая тварь, однодневка, обманщица! В земной юдоли дней безоблачного счастья людям Мойра не судила. С радостью беды идут по закону творения рядом всегда, чередуясь, вместе все время они: горе и радость. Так было всегда по воле великой Ананке и так всегда будет. Ведь по воле дочерей ее, Мойр непреложных никогда человеку, всей ногою не наступить на сердца усладу, но для него постоянно некая скорбь с наслаждением вместе приходит. Редко, кто достиг жизни предела,

в ней не изведав несчастий. Да, в чем-то эта тварь и права – путь очень приятный и легкий к пороку, и он всегда рядом. И все же я повторяю, что, выбрав меня, Алкид, ты выберешь великие подвиги и выдающиеся труды, ибо именно для их совершения благосклонной Судьбой тебе с рождения дарована такая необыкновенная сила... Да, о твоих желанных завтраках и сладостном сне будут заботиться не повара и слуги, а тяжкие вечерние труды и изнурительные ночные переходы, а о вкусных ужинах позаботятся все те же работы или сраженья в течение дня... Да, твоя бурная жизнь будет наполнена непрерывной борьбой за все – за честь и свободу, за правду и справедливость, за жизнь свою и незнакомых тебе людей, даже за пищу, которую надо будет каждый день зарабатывать или добывать. Ведь скрыли великие боги от смертных источники пищи: иначе каждый легко бы в течение дня зарабатывал столько, что целый бы год, не трудясь, имел пропитанье. Далеко не всегда на этой дивной, но тяжелой стезе тебя будет ждать высокая награда, заслуженная потом и кровью... Однако, если ты совершишь все предназначенные тебе тяжкие труды, полные смертельных опасностей и невзгод, чадо добрых родителей, Алкид, то великие боги даруют тебе вечное блаженное счастье! Еще до того, как ты закончишь свой путь на земле, тебя покроет неувядаемая слава героя, которая затмит деяния всех царей на земле! Ведь человеку дает наибольшую славу то, что ногами своими свершает он и руками и, конечно же – доблестным сердцем

и нестигаемым духом!

Так закончила свою речь Добродетель и Доблесть Арета. Обе женщины замолчали, вопросительно глядя на юношу.

87. Колебания Алкида при выборе жизненного пути

Алкид долго неподвижно сидел на земле и остервенело всей пятерней крепкий скреб подбородок, обильно покрытый первой бородкой. Наконец, юноша оставил подбородок в покое и, посмотрев в глаза Добродетели, нерешительным голосом молвил:

– Видно еще многого я не понимаю в этой удивительной жизни. Но из твоей речи я понял, что мне за все придется платить: приятелям за прочную дружбу надо будет делать добро, гражданам за почет – приносить пользу, за славу – много и тяжело трудиться для великой Эллады... Если я выберу твою дорогу, Арета, то мне непрерывно придется платить и бороться за все – за честь и свободу свою и других, за справедливость, за жизнь свою и незнакомых мне людей, даже за женщин и пищу... Мне же на этой стезе за тяжкие труды, пропитанные потом и кровью, далеко не всегда люди будут платить даже простой благодарностью, которая для каждого стоит так мало! Но ведь это не справедливо, а справедливость самое главное для людей и богов!

С жаром закончил Алкид, взмахивая обеими руками и с явным неудовольствием глядя на блеклую красавицу по имени Добродетель.

– Справедливость действительно крайне важна для всех

разумных существ, но она не самая главная...

– Что же может быть важнее Правды, сильнее Справедливости?

– Важнее Правды Необходимость, сильнее Справедливости Неизбежность. Необходимость одолевает все, только она правит Вселенной. Пред неизбежным склоняются и самые мудрые, и самые сильные.

Юноша помотал головой и ответил Арете:

– Только глупец или безумец добровольно выберет тяжкий труд, лишения и смертельный риск ради незнакомых людей, притом часто без всякой награды... за призрачную славу в конце или после окончания жизни. А я не глупый.

Алкид повернулся к роскошнейшей женщине, когда – либо виденной им, и ей с мечтательной надеждой сказал:

– Да, царствовать, конечно, дело совсем не плохое; скопляются скоро в доме царевом богатства, и властитель в большой чести у народа. Ведь сам Зевс вскормил царей и скипетр, символ могущества, им даровал, и власть, и законы, чтоб царствовали они над другими. Знаю я и на что большое богатство способно. Слышал от одного пастуха, что на кого прогневается Плутос, того не выручит и сама Афина – Паллада; к кому же он благоволит, тому не страшен и Зевс со всеми его громами и молниями...

Тут Алкид опять помотал головой и, раздумывая, сказал:

– И все же и богатство, и власть, и все те удовольствия, которые они дают, не много стоят, ибо они не преодолева-

ют самого главного – смерть. Поэтому каждый здравомыслящий эллин богатству и власти предпочтет нетленную славу. И потом все пожелали бы лучше иметь здоровое сильное тело, чем богатеть, золото накапливая.

Тут юный герой начал смеяться громко и не приятно, приговаривая:

– Хе – хе... Я не знаю кого из вас, хе-хе, выбрать... хе-хе..., а выбирать, чувствую, надо... хе-хе. Наверное, надо царский путь все-таки выбрать, ведь царю всегда легко перейти в пастухи или охотники, а обратный переход ох как не прост... С другой стороны, говорят, чем выше взлетишь – тем больней будет падать... Нет, я не знаю, как мне жить дальше и какую выбрать дорогу. Пусть Мойра за меня сделает выбор.

– Нет! Ты должен сам выбрать свой путь, чтобы потом на Мойру не обижаться!

Хором ответили обе женщины. Говорят, это был самый трудный выбор в жизни Геракла. С тех пор человека, сильно затрудняющегося в выборе между двумя решениями, называют «Гераклом на распутье».

88. «Странный» жизненный выбор: через подвиги и страдания на Олимп

Возлюбленный племянник Геракла Иолай его детям, рассказывал, что дядя, совершивший уже все 12 канонических подвигов, об окончательном выборе жизненного пути ему поведывал много раз потому, что сомневался в его правильности и даже в том, что выбор сделал он, а не Мойра. Поэтому племянник хорошо запомнил такие дядины слова:

– Помню, мой мальчик, что после долгих и мучительных колебаний я все же решился выбрать царский путь, дающий и власть, и богатство, и наслаждения, и самое главное, как мне казалось, – я мог делать все то, что делает обычный пастух или охотник.

И вот я уж готов был пойти по правой дороге в обнимку с сочной красавицей, желанной такой. ...Уж очень она красивой была, не то, что блеклая красотка Арета. Мне было тогда столько лет, сколько тебе сейчас, любимец мой Иолай! И ты вполне понимаешь, что очень хотелось мне, как можно скорее от избавиться от Добродетели и с Наслаждением на львиной шкуре возлечь, чтоб сочетаться с ней жаркой любовью и самой неистойвой лаской.

Но все было не так просто потому, что сама Мойра Лахесис незримо присутствовала в выборе мною жизненного пути. Когда я уже открыл было рот, собираясь объявить о своем

выборе, в моей голове вдруг замелькали благодарные лица мужчин и восторженные взгляды женщин, радостные глаза детей, всех тех, кто, ликуя, сопровождал меня от городских ворот до царского дворца Феспия. Я вспомнил праздничный пир в свою честь и пенье божественного Анфа и опять ощутил такое жгучее, не передаваемое никакими словами блаженство, которого не испытывал никогда. Но, я подумал, что так будет далеко не всегда, что чаще после очередного сражения за благо людей мне придется в одиночестве бесславно зализывать раны. Да, я тогда уже это предвидел, словно чувствовал кожей. Ведь справедливость не главное в жизни – Арета сама так сказала, и сейчас я с нею согласен. А если справедливости нет, то лучше самому быть царем, чем ему прислуживать в рабстве позорном. И я потянулся к дивной красотке, назвавшей себя Счастьем и Наслаждением.

И тут случилось необъяснимое: моя рука сама вдруг, против моей воли, схватила Добродетель и решительно обняла ее за тонкую талию. Либо Старая Ткачиха, направив мою руку, за меня сделала выбор согласно своим вещим предначертаниям, либо... это сделало мое юное тело, которое в то время ненавидело всякую роскошь, да и не любил я ни подчиняться, ни командовать. Даже сейчас не получается у меня царствовать и добытые земли я все оставляю потомкам... Тогда ж...

Как только я Арету схватил, обе женщины тут же исчезли так же внезапно, как и возникли на двух дорогах развилки,

и больше ничего уж изменить я не мог. И вот уж четверть века зверей чудовищных и злых владык я истребляю и никакой награды за это я не имею. Такой вот был у меня выбор жизненного пути странный – как будто не я сделал выбор, а Мойра Лахесис.

На следующий день Геракл, заснувший под утро, необычно поздно проснулся. Светлое солнце главу лучезарную уже начало прятать за острыми верхушками стройных кипарисов, растущих на соседней горе. Он сразу вспомнил ночную развилку и двух необычных женщин на перепутье. Вокруг никого не было, не было и развилки. Он немного посидел, висок подперев кулаком, потом вскочил и с приподнятыми бровями долго озирался вокруг, словно что-то искал. Потом, тряхнув головой, Алкид поспешил к ручью и напившись, бросился в прозрачные воды весело журчащего ручья. Вдоволь наплававшись, юноша долго тер руками лицо, как бы смывая ночное наваждение. Холодная вода взбодрила его, и, утолив голод сливами и орехами, растущими на обочине дороги, он, накинув на плечи шкуру Киферонского льва, легко зашагал по-юношески упруго на свои заливные луга.

Некоторые говорят, что Геракл выбирал путь на развилке из двух дорог в славящийся своим гостеприимством Аид: одна дорога Доблести и Добродетели вела в обитель блаженных на Елисейских полях, где продолжали жить после смерти почетной великие герои, другая – дорога Наслаждения и Порока вела в мрачную, унылую Преисподнюю, где безрадостно

обитали души большинства людей, а некоторые жестоко мучились и страдали. Но Геракл выбрал свой особенный путь: третью, невидимую ни простым смертным, ни даже героям дорогу – через великие подвиги и безмерные страдания – на небесный Олимп, к вечно живущим блаженным богам.

Молодость Геракла

89. Встреча Алкида с послами Эргина

По пути в родные Фивы, в которых Зевс – Молниелюбец перед простодушной фиванской царевной Семелой в обличье подлинном своем появился, 18 – летнему Гераклу повстречались послы орхоменского царя Эргина, шедшие в его город за сбором ежегодной дани, которую фиванцы должны были им вручить.

Эту дань платили фиванцы Эргину по следующей причине. Возничий фиванского царя Менекея по имени Периер ранил камнем царя минийцев Климена, в Онхесте на священном участке храма Посейдона. Умирая, едва живой Климен попросил своего старшего сына Эргина отомстить за его смерть. Могущественный царь миниев отправился походом против Фив и, перебив немало людей, заключил с фиванцами подкрепленный клятвой постыдный мир на том условии, чтобы фиванцы в течение двадцати лет платили ему каждый год дань – гекатомбу.

С глашатаями, направлявшимися в увенчанные крепкими стенами Фивы, как раз за получением этой дани, и встретился юный Алкид. Ничего не знавший о дани неустрашимый герой спросил у посланцев Эргина, глядя голубыми глазами

на них простодушно:

– Радуйтесь чужеземцы! Кто вы такие? Откуда идете этой дорогою в Фивы ведущей? Идете вы по делам, хоть на торговцев вы не похожи, ведь нет товаров при вас? Или вы в доспехах и с оружием путешествуете все вместе без цели? Но так поступают обычно разбойники, рыская всюду сплоченным отрядом, жизнью играя своей и беды неся жителям местным.

Предводитель послов, крупный большеголовый мужчина с длинными рыжими волосами, высокомерно ответил:

– Мы идем в Фивы, чтобы получить 100 тучных быков или коров. Заодно мы напомним презренным фиванцам, как милосердно с ними поступил наш владыка великий Эргин, не отрубив всем им уши и носы, но они не должны забывать, что мы в любой момент можем явиться и сделать это.

Его 11 спутников оглушительно захохотали, их хриплые крики и хохот напоминал истошные крики стаи галок или сорок, прилетевших в раскидистую крону платана, когда они ищут удобные ветви.

Алкид, услышав эти слова, наполненные неприкрытой угрозой, стал весь пунцовым, кулаки его медленно сжались и, сняв с плеча новую дубину из дикой оливы, он решительно преградил послам Эргина путь. Грозно нахмутив свои и без того низкие брови, громко промолвил победитель Киферонского льва:

– Слушайте слово мое, глашатаи Эргина! Два раза одно, и

тоже я повторять вам не буду! Семивратная Агенорова крепость никогда больше не будет платить миниям дань. Так решил я – Алкид. Знайте все вы, что я не худого, не робкого рода, я – правнук Персея, сын Амфитриона и Алкмены. Передайте это своему Эргину. Сейчас же повернитесь и идите назад в свой Орхомен, хоть без коров, но зато живыми и здоровыми. И впредь не дерзайте вы у нас показаться, или вам придется насмерть сразиться со мной!

90. Схватка Алкида с послами

Воины Эргина, услышав угрозы, перестали смеяться. Они внимательно огляделись вокруг и не найдя никого, кроме одного безоружного противника, опять стали оглушительно хохотать, перекрикивая друг друга:

– Видно, боги тебя только телом мощным снабдили, а разум дать пожалели! Что ты деревенщина сможешь нам сделать со своей нетесаной дубиной?! Не видишь, что у нас 12 копий с медными наконечниками и столько же мечей изоострых? Мы таких, как ты, целую деревню за один день можем вырезать на радость птицам хищным и бездомным псам.

Они язвительно смеялись, показывая на юношу руками, и не заметили, как раздулись его ноздри, задрожали, приоткрывшись его губы, и зубы ожесточенно оскалились, как у свирепого льва плотоядного. В глазах Алкида горело ярое бешенство.

Так лев, которого страстно хотят многочисленные охотники все вместе окружить и убить, сначала идет им навстречу спокойно, уверенный в своих силах. Когда же они с криками начинают бросать в него копья, он приседает на задние лапы, разинув клыкастую пасть, из которой пар и пена клубится. Бедро себе и бока он хлещет, так возбуждая себя на смертельное сраженье с врагами, и готов в любой миг прыгнуть, чтобы кого-нибудь вмиг растерзать.

Когда рыжий предводитель увидел преобразившегося Алкида, он, перекрикивая смех товарищей, злобно приказал убить его, и все, вытащив мечи, с гоготом бросились на него.

Алкид быстро отскочил и встал спиной к огромному дубу, который не могли обхватить и три человека. В львиной шкуре его можно было принять за могучего льва, вставшего на задние лапы, который, оскалив пасть, во все стороны вертится грозно, мощною силою гордый. Как лев голодный и злой, с бешеным рыком на них он бросался и, поразив противника, тут же отступал к прикрывавшему ему спину дубу.

Самому близкому воину, который к нему устремился с мечом, Алкид так ударил дубиной по вытянутой руке, что с громким хрустом раздробил в ней все кости и мышцы порвал, и от боли несносной тот на бок упал, громко вопя. Второму врагу юный герой ударил дубиной в лицо, защищенное медным шлемом, и раздробленная лобная кость вместе с медью доспеха вышла у того из затылка. Третьему противнику, обуреваемый Лиссой, сын Алкмены и Зевса все грудные ребра дубиной сломал так, что ее конец на миг показался у него между лопаток. Четвертому глашатаю Эргина, решившему целым полем боя покинуть, Алкид сзади проломил позвоночник с треском таким, какой слышен, когда ломается сухостой. Еще трем противникам, разбушевавшийся, словно ураган, герой-одиночка раздробил ключицы и кости плечей так, что руки, словно плети, навсегда на искалеченных плечах бессильно повисли...

Зевсов сын, силой и духом могучий безмерно, в пылу неравного боя давно покинул ствол столетнего дуба, надежно защищавший его тыл, и носился между злобных врагов, словно неистовый демон смерти или кровожадная Кера, приносящая людям страдания ужасные и мучительную смерть. Особенно ужасно выглядят Керы на поле после боя: их морды обрызганы кровью павших бойцов, они, злобно сверкая глазами, скрежещут зубами и громко ругаются друг с другом, в драке споря за души павших.

Вскоре все 12 противников лежали под раскидистой кроной могучего дуба, некоторых с разбитыми головами смерть сразу же осенила, другие были ранены и громко стонали, хватаясь за искалеченные тела здоровыми руками.

Пришедший в себя после окончания быстротечной яростной схватки, Алкид, с взлетевшими кверху да там так и застывшими бровями, безмолвно уставился на валявшихся в прахе раненых и убитых врагов. Не только руки, все тело юного героя сильно дрожало, и он, тяжело дыша, подошел к дубу и бессильно уперся в него головой. Слушая вопли и стоны поверженных неприятелей, он сморщился и схватился за горло, словно ему было трудно дышать. Рядом надрывно застонал раненый, и Алкид кинулся к нему и стал его осматривать, намереваясь оказать ему посильную помощь.

91. Надругательство над послами

Неизвестно, как бы окончилась эта первая смертельная схватка Геракла с людьми, и как бы сложилась его дальнейшая жизнь, если бы один из раненых врагов не метнул острый дрот победителю в спину. Может быть, Алкид и не стал бы великим героем, очищающим мир от ужасных чудовищ, нечестивых царей и разных злодеев.

Все в этом мире случается по воле бесстрастной Мойры – Судьбы, которой неведомы ни жестокость, ни милость, ни даже справедливость, более всего почитаемая людьми и богами – она знает только неизбежную Необходимость. Сейчас Мойре Лахесис был необходим такой Алкид, который стал бы Гераклом – великим героем – безжалостным истребителем самых страшных чудовищ. Дротик по воле вещей Ткачихи сумел лишь пронзить толстую шкуру Киферонского льва и слегка оцарапал Алкиду лопатку, но этот бесчестный поступок вновь привел юношу в страшную ярость. Он аж подпрыгнул от вновь охватившего буйного гнева и завопил:

– Я хотел вам помочь, тем, кто ранен, милосердие к вам проявить, а вы вновь пытаетесь меня жизни лишить! Ну, берегитесь! Теперь я вас всех уничтожу! Нет, я вам всем руки пообрубаю, чтоб никто больше оружие не мог бы поднять на меня. Так еще справедливее будет!

Схватив чей-то короткий меч, взбешенный сын Зевса, вы-

крикивая ругательства с пеной у рта, подскакивал к лежащим врагам и отрубал им руки, так лесоруб, очищает стволы лежащих деревьев от толстых сучьев и веток.

Говорят, что когда разбушевавшийся сын прекрасноволодой Алкмены подошел с дымящимся от теплой крови мечом к раненному в ногу и грудь большеголовому предводителю вестников Эргина, то вспомнил о том, как тот, надменно грозился отрубить фиванцам уши и носы. Казалось, он несколько кратких мгновений колебался и тут, взяв левой рукой за рыжие волосы главаря, правой отрезал ему уши и нос. От вопля предводителя глашатаев можно было сойти с ума, но Алкид, вошедший во вкус такой неоправданной жестокости, с кривой улыбкой на оскаленных губах, всем послам Эргина отрезал носы, уши и руки.

Сам Геракл потом так через много лет рассказывал о своем первом смертельном бое с людьми:

– Сначала я хотел всех отправить назад «с одними ногами», но потом меня посетила новая мысль, показавшаяся мне тогда особенно справедливой. Из всех рук у тех, кто остался в живых, я оставил только одну – у рыжего предводителя спесивых послов, чтобы тот смог разложить отрубленные носы и уши на шеях и плечах своих подчиненных.

– Вы пришли за данью для царя Орхомена Минийского, так отнесите ее в виде своих носов и ушей. И передайте Эргину, что я, Алкид, сын Амфитриона ему самому пока милостиво оставляю нос и уши, но в любой момент могу их от-

резать, и его не спасет ни сильное войско, ни высокие орхоменские стены.

Так горделиво изрек необорный отпрыск Зевеса, не испытывая уже никакой жалости к убитым и искалеченным врагам.

У Афины, внимательно наблюдавшей за сражением с высокого темно-багряного облака уголки тонких губ опустились совсем низко, а веки раскрылись так, что, казалось, будто ее и так выпуклые глаза сейчас из них выскочат. У богини возникло глубокое отвращение от неоправданной жестокости ее подопечного смертного брата, совсем еще юного и уже такого безжалостного.

Диодор Сицилийский, рассказывая о встрече Алкида с послами Эргина, говорит, что Геракл вырос, получил воспитание и, с особым усердием упражняя тело, не только намного превзошел всех прочих силой, но и выделялся красотой души. – Он освободил Фивы от дани, воздав этому городу, как своей родине надлежащей благодарностью.

92. Алкид готовится к войне с Эргиним

Разгневанный убийством и жестоким надругательством над своими глашатаями, Эргин послал к Креонту новых послов, которые передали от него такое послание:

– Царь Креонт, владыка фиванских народов! Требую я немедленной выдачи мне нечестивца, злодея Алкида, сына Амфитриона, совершившего жестокое преступление над моими послами, неприкосновенными в любое время. Одних он убил, других искалечил и вдобавок надругался над ними. Нет нужды тебе объяснять, что будет, если ты безрассудно откажешься подчиниться моему справедливому требованию или будешь понапрасну время тянуть, как ты любишь. Знаешь и сам, что злую удавку – войну на своей шее повяжешь и погубишь ты этим и город свой, и народ, и себя самого.

Чтобы делом подкрепить свое требование, орхоменский владыка быстро собрал многочисленное войско и двинулся походом на многострадальные Фивы.

Осторожный Креонт, еще больше опустив свою всегда чуть свисавшую на бок голову, счел за лучшее повиноваться, потому что минийцы после важной победы над Фивами, разоружили семивратный город, а на помощь соседей, с которыми последнее время не ладил, он не рассчитывал. Однако и Алкида, показавшего себя могучим воином и стяжав-

шим у фиванских юношей громкую славу, он опасался и потому, несмотря на грозное предупреждение Эргина, почел за лучшее некоторое время выждать.

Алкид же, после разговора с безвольным Креонтом не долго печалился. Он собрал на рыночной площади горожан, среди которых больше всего было юношей, и, уперев в мощные бедра крепко сжатые кулаки, так во всеуслышанье объявил:

– Нынче, друзья дорогие, знать не хочу я, сколько воинов Эргин собрал, а узнать лишь желаю, где мне их поскорее найти, чтоб всех уничтожить! Чем больше будет убито наших заклятых врагов, и чем они будут сильнее, тем большая слава достанется храбрым победителям! А мы победим обязательно потому, что сама Алетейя (истина) нами и Дика!

Рассказывая потом своему любимцу-племяннику с Иолаю об этом времени, Геракл так говорил:

– Да, Иолай, мальчик мой милый, мне тогда было почти столько лет, сколько тебе. Ничего нет прекраснее юности! В ней и здоровье, и сила, и, главное вера в то, что жизнь твоя будет прекрасной! В то дивное безвозвратное время справедливость моему сердцу была милее всего, да и не только моему. Как сейчас помню, как тогда ко мне подскочил один горожанин, самих спартов потомок и спросил: «Скажи мне, сын Зевса могучий! Что в нашей жизни важнее – сила и храбрость иль справедливость?». Помню, что я ответил ему тогда, как один какой-то очень известный спартаец: «Там, где

нет справедливости, никакая сила и храбрость не помогут. Если же есть справедливость, то ни в силе, ни в бесстрашии не будет особой нужды». Сейчас же я тебе скажу, юноша мой любимый, что справедливость – это очень хитрая выдумка слабых. Они с ее помощью объединяются вместе, чтобы, получив преимущество в силе, принуждать разрозненных могучих героев, вроде меня, делать то, что им выгодно и угодно. Да, пылко я тогда призывал граждан сражаться за все дорогую свободу и правду, и немало фиванских юношей, таких, как ты, потрясая голыми руками, восторженно поспешили за мной. Мы обошли городские храмы и собрали все доспехи и оружие, хранящиеся в них как военные трофеи прежних лет. И я с горсткой юношей войско минийцев наголову разбил, а самого Эргина заслуженной смерти предал.

93. Дочери Антипена для победы приносят себя в жертву

Ненавистница мужа мужчины светлоокая богиня справедливой войны ежедневно, хоть на один краткий миг, но незаметно подсматривала, прикрывшись облаком, что делает могучий, но неопытный в военном деле юный сын Зевса. Она быстро забыла об испытанном отвращении от неоправданной жестокости Алкида, ведь боги долго помнят только то, что хотят. Увидев, какая грозная сила собралась против ее смертного брата и юношей, поверивших в него, мудрая Паллада доставила ему божественные доспехи, давно уже выкованные хромоногим богом огня и кузнечного дела Гефестом. Оставаясь незримой, она положила доспехи у северных ворот Фив, никак не обнаружив себя. Люди, увидев огромные латы, поножи, шлем, щит и меч, даже не примеряли их на себя и сразу принесли все доспехи к Алкиду.

Слепой Тиресий, знаменитый провидец, между тем, тряся белой своей бородой, объявил во всеуслышанье, что родной город одержит победу, если кто-нибудь из благородных фиванцев добровольно принесет себя в жертву желанной победе:

– Давным – давно в пещере, где жил Дракон, хранитель вод диркейских неусыпный, героем Кадмом была пролита его кровь. Теперь другая кровь, за Кадмову победу запла-

тив, с обиженным нас примирит Ареем и Землю-мать отрадой напоит... Так, плод за плод прирав и чистой кровью месть давнюю насытив, будут к нам Арей и мать Дракона благосклонны. Но, в жертву им не чуждая должна пролиться кровь, Драконова, родная...

Все устремили свои выжидательные взоры на благородного Антипена, прямого потомка древних спартов, рожденных из вырванных из жадных десен зубов змея, убитого сыном финикийского царя Агенора Кадмом во время бесплодных поисков сестры Европы, похищенной Зевсом в образе безобидного белого быка.

Антипену же, который особенно славился своими знаменитыми предками, было не очень по душе умирать за народ, и он с помощью неправды хитрой обвинил слепого оракула сначала в корысти, а потом и в безумии:

– О власть, о злато, какую ложь изощренную вы можете растить! Хитрый вещун ко мне подлым врагом подослан, бродяга лживый, в делах наживы зрячий, но в вещаниях окутан непроглядной тьмой! Безумец старый, корыстолюбец! О, если бы ты не был жалким слепым старцем – я карой заслуженной тебя бы быстро вразумил за твои корыстные речи!

На что Тиресий, воздев к небу пустые глазницы и белую погладив бороду, тяжело вздохнул и изрек печально:

– Судьбой изменчивой обижены несправедливо мы, вещице: когда мы правду говорим, то от людей одни упреки слышим, вот, как сейчас – в безумии, в корыстной лжи... А по-

жалеть людей нельзя – обидишь бога. Да, возвещать грядущее, один Дельфиец свободно может. Чужды Фебу и бледный страх пред Мойрой, и жалость к людям, неведомы ему их горести, лишь сам он беспечален и возвещает волю Зевса. Есть два кувшина в зевсовом чертоге, полны они даров, один – счастливых, а другой – несчастных. Обычно Громовержец зло и добро из кувшинов берет разных и, тщательно перемешав, людям посылает то гнетущее горе, то недолгую радость в их жизни попеременно. Тот же, кому он только горе пошлет, – всю свою жизнь одни бедствия терпит, и по широкодорожной земле бродит он, не почитаемый никем, ни людьми, ни богами. По собственной прихоти Зевс посылает беды и радости людям, ибо все для Кронида возможно.

Принести себя в жертву охотно согласились благочестивые дочери Антипена: они убили себя и за это получили высокую честь от благодарных сограждан. Андроклея и Алкида, объятые богиней радости Гефосиной, сделали это вместо отца, за что их стали почитать как героинь в храме Эвклин – славной Артемиды Эвклеи. Напротив храма Артемиды Эвклеи стоит сделанный из мрамора лев, и говорят, что его посвятил Геракл, победив в бою орхоменцев во главе с царем Эргиним.

94. Блестящая победа над миниями

Когда минийцы выступили против Фив, Алкид с небольшой группой преданных людей устроил им засаду в узком горном проходе, и собственноручно поразил стрелами Эргина и его главных военачальников. Затем зевсов сын закрепил свою блестящую победу: неожиданно напав на Орхомен, он, благодаря своей огромной силе, в одиночку выломал ворота, и, впустив своих немногочисленных товарищей, захватил весь город и предал его разграблению. После этого наконец испуганные минийцы согласились платить двойную дань Фивам.

Некоторые удивляются – как во всех этих битвах неутомимого в бою Алкида не поразили многочисленные орхоменские копья и стрелы, которые, казалось, сыпались с безотрадного неба так же, как снег или град ледяной из тучи несется вперед, яростно гонимый с завываньем и свистом проясняющим небо Бореем. Ответ кроется в нетленном доспехе, выкованном олимпийским искусником Гефестом, знаменитым хромцом обоногим.

Другие говорят, что не позволила оружию Дева достойная, полная мужской мощи Паллада Афина касаться утробы вверенного отцом ее попеченью героя. Никому не видимая, став перед Гераклом, стрелы и копья она отклоняла, как заботливая мать отгоняет надоедливых мух от своего дитя,

спящего в люльке сладко.

После оглушительной победы Алкид не успокоился и перегородил два больших канала, построенные минийцами в давние времена, через которые река Кефис впадала в море, и богатые нивы Копайдской долины оказались затопленными. При этом, отпрыск Зевеса так всем свои действия объяснил:

– Каналы эти я рою не для того, чтобы минийцев лишить урожая, а для того, чтобы не позволить вступить в яростный бой их кавалерии пока еще сильной. Это мне позволит избежать лишних жертв с обеих сторон в последних сраженьях. Как только нависшая опасность продолженья войны минует, и орхоменцы прочного мира попросят, так сразу я каналы открою.

Говорят, что после этих слов некоторые впервые назвали Алкида не одиночкой-героем, а настоящим стратегом. Через некоторое время, узнав, что Эргин не погиб и тяжело раненый стрелой Алкида прячется в горах, Зевсом рожденный герой не стал его преследовать и, собрав на агоре как можно больше народа, торжественно объявил:

– Пусть все знают, что милосердие мне не чуждо, и я поверженных не добиваю врагов, когда они уже не опасны.

Так во всеуслышание заявил юный герой, широко расставив ноги и глядя с возвышения на городской площади на всех сверху вниз.

Многие, даже те, кто вместе с Алкидом сражались были удивлены проявлением такого великодушного милосердия.

Богиня милости и милосердия Элея и бог жалости Элеос не пользовались особым почетом в воинственной древней Элладе. Хоть эта богиня более всех богов при изменчивости человеческой жизни приносит пользу и помогает людям, лишь демократические афиняне честь ей воздавали, и могучий Алкид даже в юные годы близкой дружбы с нею не заводил.

Своему племяннику Иолаю, ставшему через несколько лет его возлюбленным другом, Алкид свое милосердие искренне так объяснил:

– Когда я объявил, что поверженных врагов не добиваю, то думал, конечно, не о милосердии. Тебе, Иолай, это говорю сейчас вполне откровенно, ведь тебя я всегда любил и люблю больше всех. Эргин для нас был тогда уже совсем не опасен и, не добивая его, я в будущем рассчитывал извлечь немалую выгоду. Зная, что, сражаясь со мной, можно сохранить бесценную жизнь и свободу, мои будущие свирепые враги не будут биться насмерть, если имеется хоть небольшая возможность спастись. И этим я сохранил много жизней. Так, что зря меня некоторые враги называют бешеным и жестоким.

95. Судьба Эргина и его сыновей

Говорят, что впоследствии Эргин стал одним из аргонавтов, которые плавали за золотым руном в неизведанную Колхиду. Вернувшись, он вел выгодную торговлю, посещая открытые аргонавтами земли и разбогател, но безотрадная Судьба долго не давала ему детей, которых он страстно желал.

Тогда он отправился в божью обитель Дельфийскую и, принеся в жертву гекатомбу тучных белых быков, никогда под ярмом не ходивших, получил от прекрасноволосой Пифии оракул, согласно которому он отправился на остров Эвбею и там обзавелся юной женой. Супруга-эвбеянка родила старому Эргину двух прекрасных сыновей Трофония и Агамеда, ставших самыми знаменитыми зодчими – строителями Эллады.

Превратная Судьба лишила Эргина обоих сыновей: щедрый на дары Феб длиннокудрый отблагодарил их легкой смертью во сне за то, что они построили ему прекрасный храм. Он и раньше часто так изрекал:

– Лучшая доля для смертных – на свет никогда не родиться; если ж родился, войти поскорее в ворота Аида, и лучше всего сделать это во сне молодым и здоровым.

Когда братья, совсем еще молодые, но уже очень искусные мастера, быстро построили и красиво украсили храм Апол-

лона в Дельфах, его оракул благодарно возвестил:

– Наслаждайтесь жизнью, как сами можете в течение шести дней, а на седьмую ночь вы будете божественно вознаграждены Фебом.

В ночь на седьмой день братья заснули радостные в предвкушении близкого счастья и больше уже никогда не проснулись. Аполлон, знаменитый своими притчами – заповедями «Знай меру», «Соблюдай границы», «Познай себя» и «Укрощай свой дух», теперь утром после их смерти изрек:

– Те, кого любят боги, умирают молодыми.

Вот эти сыны Эргина и сумели построить чертог для приемного отца Геракла Амфитриона, что удивительно: как еще не родившийся Геракл, мог сражаться с Эргиним задолго до рождения его сыновей?!

Подобных путаниц во времени в античных мифах очень много. В некоторых мифах встречаются герои, которые, согласно другим мифам, жили во времена, разделенные не только годами, но – целыми веками... Эта путаница систематическая и она объясняется тем, что греки вплоть до первых Олимпиад не вели никакого летоисчисления и в те темные времена ни в одном документе, ни в одной надписи никаких дат не было.

Эллины были подобны бессмертным богам и не вели счет времени. Годы в их сознании были не нанизаны колечками на прямую стрелу, направленную из прошлого в будущее, а как бы рассыпаны неподвижной россыпью шариков на плос-

кости настоящего, либо напоминали неподвижные звезды на небосводе, который, хоть и вращается, но это вращение циклически повторятся и потому в любой момент времени одинаково и неизменно.

Поэтому странствующие певцы с жезлом в руке – рапсоды – сшиватели песен, певшие или декламировавшие песни и целые поэмы без музыкального сопровождения честно рассказывали о самих событиях, но при этом добросовестно путались в их хронологической последовательности и не стремились от этой путаницы избавиться... Впоследствии эти великолепные песни становились основой для письменных литературных произведений. Поэтому, поскольку противоречий во времени избежать невозможно, то в дальнейшем не будем на них заострять внимания.

Вернувшись в изобильные Фивы, Геракл поставил пышный алтарь Зевсу, каменного льва – Артемиде, а также два каменных изваяния – Афине Опясывающей, которая была самой древней Афиной, раздававшей оружие избранным ею воинам. Поскольку в решеньях всегда медлительные боги сразу не наказали Геракла за чрезмерную жестокость по отношению к неприкосновенным посланцам Эргина, благодарные фиванцы воздвигли ему статую, которую называли Геракл Риноколуст (Обрезыватель Носов).

96. Креонт предлагает Алкиду в жены Мегару, а он не желает

Слава о блестящей победе над Эргином разнеслась по всей Элладе, вызывая всеобщее восхищение. В войне с Эргиным не обошлось без тяжких жертв – пронзенный в висок стрелой погиб Амфитрион, отважно сражавшийся рядом с Гераклом.

Благодарный Креонт, восхищенный мужеством юноши, решил отдать ему в жены свою старшую дочь Мегару, а вместе с ней обещал вручить и власть над городом, как родному сыну. Мегара родит Алкиду троих сыновей – Теримаха, Креонтиада и Деикоонта, которым Мойра Лахесис выткала страшную Долю. Младшую дочь Креонт отдал замуж за брата Геракла Ификла, у которого в это время уже был сын Иолай от Автомедусы, дочери Алкафоя.

Когда Креонт, приподняв свою, как всегда безвольно наклоненную вбок голову, предложил Алкиду свою дочь в благодарность за проявленную воинскую доблесть, тот несмотря на то, что только, что с нескрываемым вожделием смотрел на красавицу Мегару, не проявил особого восторга, от такого щедрого предложения. Он хмыкнул, не сдержавшись, и пряча бегающие глаза под низко нависшими надбровными дугами, лишь молчаливо выслушал предложение Креонта. При этом, все подумали, что мужественный герой поте-

рял дар речи от такой щедрой, поистине царской награды, ведь вместе с дочерью фиванский скипетродержец отдавал и немалую часть беотийского царства.

Перед тем как заснуть, Алкид с насупленными бровями и выпяченными губами, все время задумчиво поглядывал то на окно, то на дверь. Уже засыпая, он так сам себе говорил:

– Не уйти ли мне рано утром из дворца не женатым, пока все будут сладко спать, как я сделал после пира во дворце царя Феспия? Тот славный длинноносый старик тоже предлагал мне любую из своих 50 красавиц дочерей и, при этом, не требовал свадьбы. Конечно, хоть сам царь был ростом высокий, но Феспии его не большие: не могут они сравниться по могуществу со златообильными Фивами. Но ведь жениться мне не на Фивах мне предлагают. Не хочу ни на ком я жениться.

Глубокой ночью, когда Гипнос, неслышно прилетевший на мягких пушистых крыльях простертых во тьме, сковал могучее тело юного героя крепчайшими путами сна, ему явилась одетая в белоснежные одежды статная красавица. На голове этой необычной ослепительно красивой женщины сияла серебряная корона с ромбическими алмантами, в левой руке она держала алмазный жезл вечности, а в правой – челнок с висевшей толстой нитью крученной.

Это была Мойра Клото (Пряха), которая для этой встречи с Гераклом заменила свою сестру Ткачиху Лахесис, обычно посещавшую людей и богов. Ткачиха имела облик сварли-

вой старухи, и по причине, о которой догадаться не трудно, она попросила навестить Алкида во сне свою сестру Пряху, имевшую внешность блистающей влажной прелестью лика и тела красавицы нимфы. Лицо Клото излучало красоту несказанную, но эта сияющая красота безжизненная была, словно застывшая прекрасная маска.

Клото, глядя зияющими черной пустотой глазами, спокойным, будничным голосом, с плотно сжатыми не шевелящимися при разговоре губами, изрекла:

– Радуйся Алкид. Ты уже правильно выбрал тернистый путь тяжких трудов, ведущих к немеркнувшей славе. Ты победил Киферонского льва и избавил от дани родные Фивы. Теперь тебе надлежит жениться на Мегаре, и ты завтра в присутствии бессмертных богов назовешь ее своей законной супругой.

Юноша, помотав головой, как будто затем, чтобы побыстрее проснуться, как сжатая пружина, вдруг вскочил с ложа, воздел руки и закричал, выражая свое несогласие и возмущение:

– Кто ты такая и как сюда ты попала? Судя по твоей манере говорить со сжатыми плотно губами, ты – Мойра, вытягивающая нити жизни из пряжи Ананке? Ты, конечно, страшно красива, я еще не видел таких, но почему ты мне приказываешь, что делать? Что мне надлежит делать я сам буду решать и никому не позволю собою командовать. Видно, ты считаешь меня глупым иль слабым и потому за меня реша-

ешь на ком мне жениться?! Но ты ошиблась – и умом боги меня не обидели и силой не обделили! А сильный муж – всегда хозяин своей судьбы, и дочери Ананки ему не указ, они отвергают лишь слабого просьбы. Мужество делает ничтожными любые удары судьбы.

97. Мойра принуждает Алкида жениться

Прекрасное лицо Мойры было совершенно бесстрастно, словно Алкид ничего не сказал. Красавица Пряха вместо ответа безразлично посмотрела Алкиду в глаза и тот, словно несокрушимой до сих пор воли лишился, не мог ни двигаться, ни говорить. Мойра, не переступая ногами, по воздуху плавно подплыла близко к Алкиду и положила руку на ставшие тут же безжизненными его губы, и тело героя сразу бесильно обмякло, и он оказался лежащим ничком на полу.

Клото подняла сверкающий тысячами огней жезл из алманта и равнодушно сказала по-прежнему не шевелящимися своими губами:

– Всесильной судьбы до сих пор не избег ни один муж, ни отважный и сильный, ни слабый и робкий, коль скоро на свет он родился. Привыкай, дерзкий герой, подчиняться хотя бы неотвратимой Судьбе, ведь пред Мойрой и олимпийские боги трепещут!

Алкид, лишившийся силы, округленными глазами уставился на сомкнутые, не шевелящиеся при речи губы красавицы и на бесчувственные глаза, которые были устремлены на него, но его не видели потому, что в них зияла бездонная чернота. Ему показалось, что в окаменевших глазах Мойры он увидел Тартар ужасный, через который проходит ось Ми-

ровая и корни земли и, горько-соленого моря, и от неизъяснимого страха все его тело замерло, только непокорные волосы на голове встали и зашевелились.

Однако Алкид не собирался сдаваться, он все же попытался побороть трепет своего всегда крепкого духа и нашел в себе силы неподатливо замотать головой и сказать с ехидной улыбкой:

– Хоть ты меня сейчас силы лишила, но дух во мне по-прежнему крепок! Ты не властна над ним и не заставишь меня подчиниться и пред тобой трепетать! И на Мегаре теперь я уж ни за что не женюсь, чтоб ты не сделала. Убей меня прямо сейчас, если можешь, но ни на ком против воли я не женюсь!

– Ты даже больше упертый, чем свой молниелюбец – отец. Не любишь никому подчиняться. Мы правильно выбрали тебя за твой несгибаемый дух – только такой и необходим нам бесстрашный упрямый герой, чтоб с любыми чудовищами сражался и побеждал. Однако я пришла не для того, чтоб с тобой спорить и заставить на Мегаре жениться, ведь это давно решенное дело. Отвратить невозможно людям того, что им Мойра на прялке своей изготовит. Я здесь, чтобы тебе объяснить, что все возможно для Мойры и, чтобы впредь никогда ты не спорил со мной и с моей сестрою Лахесис, которая выбрала себе облик статной старухи с молодыми глазами.

Алкид открыл было рот, но не успел и слова сказать, как

рот перекосясь и сам плотно закрылся, словно от нестерпимой судороги, и все, что он смог сделать, так это только глазами гневно сверкать и свирепо рычать, словно рассерженный горный лев, которого потревожили в логове.

Клото же по-прежнему равнодушно продолжила говорить, рот ее все также был плотно закрыт, но каждое слово Мойры отчетливо – громко, словно стук молота по наковальне, звучало в голове героя:

– Не рычи напрасно Алкид и зря не упорствуй, пожалей свой ставшим непослушным язык, ведь невиноват он ни в чем. Пойми: сила любая – пред Мойрой ничто. Я сейчас в воздухе растворюсь, а ты сам все обдумай, ведь мы тебя сотворили не глупым, и нашу встречу запомни. Ведь не зря я тебя навестила.

Красавица-Пряха исчезла, словно легкая дымка она растворилась в прозрачном воздухе и никому невидимая вознеслась в горний эфир. Алкид попытался вскочить с пола, но дрожащие ноги совсем не держали. Тогда он сел и, сидя на полу, схватился обеими руками за голову и, скрипя зубами, как каменными жерновами, от невыносимого бессилия застонал и завыл, как воеет волк одинокий ночью безлунной.

Геракл запомнил эту первую встречу с одной из трех Мойр, с красавицей Клото, на всю оставшуюся жизнь и много раз ее вспоминал и не однажды Иолаю об этой встрече рассказывал:

– Когда я смотрел на ее бесстрастно издающие звуки, не

шевелиющиеся губы и на ее безразлично смотрящие, но не видящие какие-то пустые черные глаза мне было так жутко, как не бывало никогда, члены отказывались подчиняться, колени подгибались и я падал, но все равно я сопротивлялся, как только мог. Ты знаешь, милый мой Иолай, не в моей породе сдаваться! Оказавшись совсем без сил на полу, я противился ей на словах, а потом даже и слов я лишился, осталось только мычание, но я все равно не сдавался и жениться не соглашался. Когда же она испарилась, я вдруг понял всем сердцем, что завтра стану законным мужем Мегары. Я понял это так ясно, как будто свадьба давно уж свершилась, мне казалось, что я вижу себя и в белой одежде Мегару в окружении родных и уже догорающих свечей. И тогда меня обуяла бессильная ярость, я зубами скрипел так, что один зуб сломался, но все было бесполезно. Потом защемила сердце тоска безысходная потому, что я понял, что нельзя мне с таинственным Роком бороться, как невозможно прошедшее изменить, ведь это и олимпийские боги не могут... Утром я долго раздумывал о том, было ли это ужасное ночное посещение Мойры явью или только сном, в котором крылатый старец-искусник Морфей, неслышно шевеля крылышками на своих висках, умело воспроизвел все ее поведение, привычки, походку, жесты и выражение лица. Так ничего я тогда и не понял, но я точно знал, что против своего желания стану мужем Мегары, и этот брак без любви будет все время порождать любовь без брака... Самая тяжкая мука для человека – знать все, что будет

и не иметь никакой силы бороться с Судьбой.

Действительно, по воле могучего Рока, под страстные флейт переливы, под звуки брачного гимна, который фиванцы громко пели, в дом отчий Креонта наутро после посещения Мойры привел прекраснокудрую Мегару приемный сын славного Амфитриона.

98. Креонт готовится к свадьбе дочери, на которую ожидает богов

К свадебному пиру Креонт велел 12 быков заколоть круторогих и 12 огромных свиней белозубых зарезать, а также тонкие шеи свернуть добытой в лесу дичи различной. Юноши быстро с огромных быков толстую кожу содрали, туши свиные, лоснящиеся салом блестящим, опалили и разную пернатую дичь ощипали, потом туши и тушки все на мелкие куски рассекли, на вертела нанизали и изжирили осторожно на углях при малом участъе Гефеста.

Ночью Креонта во сне посетил божественный вестник Гермес и объявил, что на свадьбу его дочери и сына Зевеса придет сам владыка Олимпа и вместе с ним – другие бессмертные боги, чтобы новобрачных подарками одарить и, конечно, попить и повеселиться, ведь очень бессмертные любят сердца усладить на пиршестве общем.

В пиршественном зале для Олимпийцев быстро построили специальное возвышение, на котором установили отдельный стол полированный и двенадцать кресел позолоченных из кости слоновой. Для Владыки Олимпа приготовили отдельный стол и скамейку (ведь божества и цари на пирах почти всегда возлежали) и особое кресло, и все это было покрыто пушистыми пурпурными коврами до этого ни разу не бывшими в употреблении. Кресло для Зевса было на це-

лый локоть выше других, оно было самым пышным, богато украшенным золотом, серебром и драгоценными камнями, с подголовником, подлокотниками в виде приготовившихся к прыжку львов и с изящной подножной скамьей из полированной кости слоновой.

На свадьбу Алкида и Мегары по настоятельному желанию Зевса многие небожители решили сойти с вечно покрытого снегом Олимпа, ложбинами и холмами обильного. Так некогда блаженные боги впервые посетили смертного свадебный пир – брата возлюбленной Зевсом Европы Кадма и Гармонии, дочери милоулыбчивой Афродиты и грозного разрушителя городов Эниалия. Никто из людей, пришедших на свадебный пир, вживую никогда не видел бессмертных богов, царящих в небе высоком, и потому все волновались, теряясь в догадках – в каком они явятся виде. Ведь не зря говорят, что истинный облик олимпийских богов не могут даже увидеть для несчастий и бед рожденные люди. Подлинного лика олимпийских божеств никто из смертных, не знает, потому что выдержать его невиданную мощь и нетленную красоту не в слабых человеческих силах.

Эсхил, говоря о божественном могуществе, не колеблясь, называет его всевышним: Отличай богов от смертных и не думай, что бог подобен тебе и телесен, как ты; ты совсем не знаешь его. Вот он огонь в его яростной силе, вот – вода или воздух, иль мрак. Он может быть видом дикому зверю подобным, ветром и облаком, молнией, громом и ливнем.

Бездонное море и дикие скалы подвластны ему, и источники вод, и потоки. И содрогаются горы, земля и морские глубины, если на них взирает жуткое око бессмертного бога.

Поистине бог всемогущ, он не может только покончить с собою, даже, если очень захочет, а человеку этот дар наилучший среди стольких жизненных бед он даровал.

Если бог не желает, кто его может увидеть глазами, если же пожелает... Многие помнят, что случилось, когда к доверчивой дочери Кадма возлюбленной Зевса фиванской царевне Семеле коварная Гера явилась, приняв обличье старой кормилицы.

99. Гера губит Семелу [43]

Нонн поет, как Зевс, совсем обезумев от страсти, устами сливался с трепетными устами милой Семелы и нектар изливал в лоно Семелы, чтобы сыном, царем лозы, разрешилась. Однако об очередном увлечении Зевса скоро узнала его ревниво злокозненная супруга и в мстительном гневе на соперницу решила хитро ее погубить. Приняв на себя облик Берои в опочивальню Семелы Гера вошла, ревностью тяжелой пылая. Преобразилась в старуху, посеребрила виски, коже глубоких морщин придала и дрожащей походкой с телом согбенным пошла; старушечьим сделала голос. С речью слащавою, облик кормилицы приняв, что деток возвращает и лелеет. Облик нянюшки приняв, явилась Гера в покои и, вставши у ложа страстной любви, устремила взгляд свой на ближнюю стену, взор отвратив, лишь бы ложа любовного Зевса не видеть. Там разместилась богиня, зло затаившая, глядя на Семелу, мученьем томимую близких уж родов.

Гера, задрожав всем телом в трепете старческом мнимом, головою кивая, вся затряслась, застонала, отирая рукою лицо, и лгала, обольщая, голосом, льнущим к самому сердцу, словом таким хитроумным:

– Ах, скажи кормилице своей, царевна, что ж щечки твои так побледнели? Сталось что с прежней твоей чудной красою? Кто твой нарушил покой, угасив дивное рденье, что так

личико твое юное украшало? Кто пояс порушил девичьей невинности, кто тебя обесчестил и твое девство похитил? Слышала я от людей, что возлюбленный твой сказал тебе, что он сам Кронид, но все сомневаются в этом. Так попроси его это делом тебе доказать и к твоему явиться ложу, как к Гере – в сиянии пламенных молний и в грохоте своих перунов.

Измученная неопределенностью, беременная Семела сначала невинным голосом попросила Зевса дать великую клятву исполнить ее желание, и Зевс, чтобы развеселить Семелу, сдвинув потешно кустистые брови, живо воскликнул:

– Выбирай любое желание! Ни в чем не получишь отказа. А чтоб совсем уверилась ты, что твое исполню любое желание подземного Стикса в свидетели клятвы я призываю, а он и богам божество и острастка.

После того, как Олимпиец поклялся влагой стигийской, обрадованная царевна сказала:

– Я тебя к ложу Геры очень ревную! Если ты почтить меня хочешь, пусть в моем брачном покое огонь разольется эфирный, страсть пусть сверкнет из тучи зарницей – вот будет дар твой небесный, вот будет любви твоей знак! Муж мой, ты в полном божественном блеске, лик священный являя, нисходишь к опостылевшей Гере на ложе, освещая ее брачной своею зарницей! А к Семеле смертным крадешься, людям стыдясь на глаза показаться, и болтают открыто все горожане о нашем тайном союзе, на Семелу бранятся с ее смертным

женишком малодушным. И правда, не знаю до сих пор я лика божественного олимпийца, смертный лишь предо мною – а ведь я богом должна разродиться!

Вынужденный священной клятвой исполнить просьбу возлюбленной, Зевс предстал перед ней как нетленная скала в бушующем пламени перунов, и смертная женщина, не выдержав жара небесного огня, вспыхнула и сгорела, как факел. Зевс успел спасти недоношенный в лоне матери плод, вложив его в свое бедро и доносил, когда же наступило время, произвел на свет Диониса.

Некоторые говорят, что Семелу Зевс нарочно погубил до родов, чтобы выносить и родить сына самому. Сын, рожденный не от бога и смертной женщины, но от двух бессмертных родителей, с самого рождения станет бессмертным, а не полубогом-героем. Так Зевс, как и в случае с Афиной, стал и отцом, и матерью Диониса, который со временем вознесся, как бог, на многохолмный Олимп.

Между тем, Майи пернатый посев посетил не только Кронта, но и Алкида. Он, будучи, для других совсем незаметным, появился перед ним в образе красивого, стройного длинноволосого юноши с петасом на голове и талариями на ногах, шутливо толкнул его своим кадуцеем крылатым, за короткие завитушки волос крепко сумел ухватить и на ухо тихо шепнул:

– Зевса истинный отпрыск, пасынок Геры безумно ревнивой! Радуйся брат и к встрече с родственниками готовь-

ся. Все мы, Олимпа насельники, завтра к тебе на свадьбу заявимся и будем иметь внешность вполне человечесью. некогда каждый из нас выбрал облик по собственному усмотрению, а впоследствии эти облики были закреплены за каждым непреложными Мойрами на века.

Алкид все еще до конца не верил, что он родной сын самого Тучегонителя Зевса и часто сам себе говорил:

– Мать говорит, что я родной сын самого Зевса, а Амфитрион – мой приемный родитель, но сам я этого точно знать не могу. Может ли кто-нибудь знать, от какого отца он родился?

Увидев и услышав Гермеса, Геракл открыл было рот, собираясь задать много разных вопросов, но вестник Зевса, хитро подмигнув ему левым глазом и двинув бровями, прорезал воздух божественным телом, словно нетленным челном и, как дуновение ветра исчез, на золотых подошвах амвросиальных, а его смертный брат так с открытым ртом и остался.

100. Свадебные подарки богов

Многие олимпийцы решили явиться на свадьбу Алкида по настоятельной просьбе великого Зевса не только, чтобы одарить его лучшего смертного сына божественными подарками, но и, чтобы попить, ведь они это обожали. Подношение подарков жениху и невесте обычно производилось утром после вечернего свадебного пира и проводов новобрачных в спальню. Однако боги не собирались ночевать на земле и хотели после пира, песен и танцев вознестись на нетленный Олимп в свои во веки нерушимые атриии, с дверями, всегда открытыми настежь, к которым они очень привыкли.

И вот один за другим олимпийцы свадебные подарки смертному отпрыску Зевса несут.

Первым появился стройный юный атлет с крылатым жезлом, обвитым двумя смотрящими друг на друга змеями в одной руке и кривым мечом серповидным в другой. Алкид узнал своего тайного посетителя, широко улыбнулся и весь засветился голубыми глазами. Быстролетный Гермес золото-железный протянул меч Алкиду с приветливой улыбкой и с такими словами:

– Радуйся истинный сын великого Зевса! Вручаю тебе точно такой меч серповидный из седого железа, каким я обезглавил стоглазого Аргуса, а твой предок Персей обез-

главил ужасную Медусу-Горгону. Этот меч, как и мой, выковали особенно сведущие в кузнечном деле собакоголовые Тельхины, первые обработчики разных металлов. Эти тельхины не только воспитали на Родосе маленького Посейдона, они умеют припечь так, что печенка сгорит. По просьбе Геи они выковали для хитроумного жестокого Крона зубчатый серп из седого железа, которым тот своего великого отца оскопил. Трезубец для Посейдона и двузубые вилы Аида тоже Тельхинов, с Музой не дружных, работа. Так, что этот меч не простой, и тебе, думаю, он принесет не малую пользу и славу.

Вторым в зале, где готовился пышный пир, хромая на обе ноги, поспешил появиться олимпийский искусник Гефест с кузнечным молотом на левом плече и золотым панцирем в правой руке. Скинутый в гневе незамужней матерью с Олимпа уродливый ликом и телом хилый младенец Гефест благодаря заботам сереброногой Фетиды и Эвриномы, выжил, хоть и остался навсегда хромым на обе ноги после удара о каменное морское дно. Хромота божественного кузнеца была не случайной потому, что очень походила на колеблющееся мерцающее пламя кузнечного горна. Славящийся трудолюбием Хромец знаменитый протянул Алкилу панцирь нетленный и, почесав потную волосатую грудь и жилистую шею, промолвил:

– Я отложил и меха, и все другие орудья, необходимые кузнецу, чтобы явиться сюда и тебе подарить этот доспех,

красивей и прочней он, чем тот, что сероглазая Зевсова дочь подбросила к северным воротам Фив для тебя. Многие смертные, кто б его ни увидел, все изумятся... А ты Мегара голову увенчай вот этой повязкой златою, и ярко будут драгоценные камни лучиться на твоём чистом девичьем лбу.

Третьей появилась могучая протяжноступавшая дева в своём прославленном шлеме, в необорной эгиде и с тяжким, огромным копьем, увенчанным наконечником медным. Шлем совоокая дева Афина носила коринфский, сзади и с боков надёжно закрытый, с открытым только лицом, золотом ярко сияющий и с пышной конскою гривой; два высоких гребня из конского волоса гордо над ним всегда даже в безветрие развевались.

Согласно Вергилию, древние Киклопы в кузне Вулкана ложили доспехи Афины, в которых она с воинственным кличем родилась из отчего темени.

Алкид догадался по мощному, мужеподобному виду явившегося божества, что это была богиня справедливой войны мудрая дева Афина, которая величественно ему молвила:

– Дарю тебе, необычный герой, собственноручно сотканный плащ, в котором никогда не будет ни жарко, ни холодно. Думаю, я не напрасно на нем выткала и Арету (доблесть), и Кратоса (сила) и Бию (мощь), ведь всем этим от рождения ты одарен, а также Махи (битвы), Гисмины (схватки) и Фоны (убийства), ведь это все тебе предначертано Мойрой.

Вместе с Прометеем Афина одарила Душу вылепленно-го из глины человека особой одеждой, то есть телом, а потом уже единолично изобрела одежду для тела, изготовленную из ткани, которую сама же и соткала. Сначала она изготовила душистую ризу для Геры с множеством дивных узоров, с золотыми застежками выше груди и с поясом, бахромой окруженным. Потом первую смертную деву Пандору в серебристое платье облекла Афина-ткачиха, а на голову соткала ей покрывало ткани тончайшей. Афина начала обучать ткацкому искусству земных девушек, и судьба многих из них была трагической. Метиоха и Мениппа покончили с собой, чтобы спасти от чумы сограждан. Три дочери царя Миния, обученные ткацкому искусству Афиной, были так трудолюбивы и так самозабвенно увлечены ремеслом Паллады, что отказались участвовать в оргиях Диониса и были превращены им в летучих мышей. Все бессмертные боги и смертные люди признали лучшей ткачихой и портнихой Афины. Лишь дочь красильщика Идмона из лидийского городка Колофон Арахна, которую Афина не обучала, уступить славы лучшей ткачихи никому не хотела и во всеуслышанье утверждала, что Афина не научит, если человек сам не научится и однажды дерзко сказала:

– Пусть поспорит богиня со мной! Проиграю – отдам что угодно.

Афина, приняв облик старухи, виски посеребрив сединою и взяв посох в поддержку слабого тела, посоветовала гордой

деве склониться пред нею и прощения слезно молить. Однако Арахна совета не приняла и тогда, став по разные стороны ткацкого станка, Афина и Арахна начали состязание. Афина соткала картины, сюжеты которых показывали, что ожидает дерзких смертных, которые спорят с бессмертными – боги их превращают в зверей или птиц. Меонийка изобразила, как Зевс, под видом сатира, парным плодом Никтеиды утробу наполнил; Амфитрионом явясь, овладел он Алкменой; как он Данаю дождем золотым, Асопиду – огнями, как Деоиду змеей обманул, пастухом – Мнемосину, Европу – быком. Изобразила Арахна и насилующего на алтаре деву Медусу Посейдона, которому Алоадов невестка родила. Идмона дочь всю картину не успела закончить потому, что оскорбленная богиня состязанье прервала.

Афине не понравилось не столько то, что работа Арахны была очень успешной, сколько то, что она на холсте позволила себе обличать неба пороки, и она надменно сказала:

– Без наказания презреть никому не позволим божественность нашу.

Говорят, в гневе богиня холст изорвала и челноком из киторского бука четырежды в лоб поразила Арахну. Потом окропила дерзкую деву соком Гекаты, и в тот же миг у девушки исчезли волосы, ноздри и уши, руки и ноги превратились в тонкие ножки, уменьшилась тело, из которого тянулась паутина. Так Арахна превратилась в паука, и все ее потомки были пауками...

Несмотря на то, что дочь чистейшая Зевса Кронида по просьбе отца уже 20 лет незримо приглядывала за Алкидом, чтобы при особой необходимости оградить его от смертельной опасности, ее большие серые сильно выпученные глаза смотрели на смертного брата с холодным высокомерием великой олимпийской богини.

Мощный телом чернокудрый атлет, скакунов укротитель, как всегда, появился с шумом, похожим на шквалистый ветер, треплющий кроны деревьев и на прибой, ударяющий в прибрежные скалы и камни, в одной руке у него был огромный трезубец, а в другой – ларец.

– Вот тебе, племянник, дивные дары из бездн океанских, а во дворе тебя ждет еще один мой подарок – упряжка четырех белоснежных лошадей с золотистыми пышными гривами и хвостами. Многих коней легконогих эти лошади быстротой превосходят, хоть не бессмертны они. Только не забывай их гривы волнистые, водою помыв, всякий раз с маслом расчесывать, и они принесут победу тебе в любом состязании.

Так громко пророкотал брат Зевса Лазурный голосом звучным, с меньшим ударяются шумом о прибрежные скалы огромные волны. Сказав последнее слово, царь глубин вдруг стал оглушительно хохотать, показывая крупные, как у двухлетнего жеребца, зубы. Алкид недоуменно посмотрел на дядю, не понимая, чему он заразительно так смеется, ржет, словно конь, ведь ничего смешного им сказано не было. Несмотря на свою изящную красоту, подаренные кони

были обыкновенными лошадьми, они уступали в скорости даже коням, которые Энносигей дал Пелопу для участия в состязании с Эномаем за право стать мужем его прекрасной дочери Гипподамии. Поэтому хозяйственный новобрачный вскоре после свадьбы выгодно избавился от ненужных ему лошадей, привыкших к упряжке, которую он не любил.

Почти одновременно с Посейдоном в зале появился другой могучий атлет в ярко блестящем панцире и шлеме, в руках у него были меч и копье; это был воинственный Эниалий, земных городов разрушитель и небесного Олимпа оплот. Бог вероломной кровавой войны был лишь предком Амфитриона, тем не менее, он, будто самый близкий родственник Геракла, растолкал всех и, подойдя к нему, покровительственно положил руку на его плечо и сказал, протягивая меч и копье:

– Я слышал, что много схваток и битв в жизни тебе предстоит, и в них ты бурную славу добудешь, если будешь любимцем моим. В роковых поединках, кровавой войне и безумных сраженьях пригодятся тебе этот меч и это копье, которое некогда я сам изобрел, вооружил им воинов доблестных и обучил как им действовать в ближнем и дальнем бою.

Как только Арес замолчал, в сопровождении 9 прекрасных девушек из глубины зала вышел изящества полный необычайно красивый даже для бессмертных богов стройный юноша в лавровом венке на златовласой голове, к ко-

торой, говорят, только Латона, Кеем рожденная, заботливой рукой могла прикасаться. В одной руке лучезарного бога была золотая кифара, а в другой – красиво изогнутый лук и колчан со стрелами. Дальновержец, окинув жениха с ног до головы и обратно взором надменным, голосом прекрасным изрек:

– Дарю тебе этот упруго изогнутый лук и изоострые стрелы. Это не обычные стрелы – им промах не ведом. Используй Алкид их в схватках с чудовищами и в битвах с безжалостными врагами, но только не в состязаниях, ибо это будет не справедливо.

Несмотря на то, что Феб с ним держался высокомерно, его подарок понравился Алкиду больше всего. Хотя герой и считался уже одним из лучших стрелков Эллады, но стрелы, не знавшие промаха, для юноши, выбравшего стезю опасных трудов и воинской доблести, были ценнейшим подарком.

Сестра Аполлона ловчая дева, самая стройная из богинь Артемида подарила Гераклу 12 прекрасных охотничьих собак, потомков тех псов, которые она когда-то получила в подарок от веселого бога дикой природы козлоногого Пана, родившегося уже с рожками и копытами и в шкуре из рыси. Об этом подарке еще более спесиво, чем брат, объявила безбрачная Агротера, а преподнесла его Алкиду уже после свадьбы, когда ей фиванцы приносили искупительные жертвы.

Тут зал наполнился чудным благоуханьем весны, и в дымчатых покровах вешнего цвета появилась богиня красоты

несравненной, невиданной, даже для бессмертных богов и богинь, всегда красотой блиставших. Невыразимая прелесть оведала ее прекрасное лицо, безупречная красота ее стройного гибкого тела не была спрятана ни под какими одеждами, она почти обнаженной ступала, и только внешняя пелена, призрачно колыхаясь, прикрывала ослепительную ее наготу. С виду юная девушка, но невозможно было глаз от нее оторвать, она лишь слегка улыбнулась не яркими розовыми губами, и тотчас все засияло пурпуром бескрайнее небо с ее стороны. Сопровождавшие милоулыбчивую Афродиту плодовые воробьи и нежные голубки бросили к ногам Геракла и Мегары принесенные в клювах свежесобранные красные розы, фиалки и белые лилии. Сама же Киприда, бессмертная душа и гармония мира, стоя в пламенном блеске своей неземной красоты, одарила новобрачных зелеными яблоками из корзинки и с милой улыбкой сказала:

– Бросай Алкид яблоко почаще Мегаре и ласково говори, чтобы она побыстрее подняла его, если готова по-прежнему тебя любить больше всех и дарить тебе наслаждение сладостью женской своей красоты. Ты же, Мегара, если вдруг даже на малое время охладеешь к Алкиду, то все равно подними яблоко, вдохни дивный его аромат и подумай о том, как наша жизнь быстротечна, как прекрасна твоя юная красота, и как она безнадежно кратка, и тогда ты поймешь, что за свою любовь и непостоянное краткое счастье надо бороться.

Некоторые говорят, что Афродита Никифорос (Победи-

тельница) полюбила яблоко и сделала его символом влюбленных после того, как Парис отдал его ей, как победительнице в первом на земле конкурсе красоты, проведенном среди трех самых прекрасных Олимпийских богинь. Другие утверждают, что творец яблони Дионис, чтобы овладеть богиней любви подарил ей яблоко, и с тех пор оно стало символом златовенчанной Афродиты.

Почитатели Геракла, которые любые его, и недостатки достоинствами считают, говорят, что при одном лишь взгляде на богиню самую прекрасную видом у юного Алкида в душе мгновенно возникла неистребимая жажда Красоты и Любви, которую все свою жизнь он, как умел, пытался утолить или хотя бы на время насытить, но так и не смог, ведь гармония не достижима, как любой идеал. Так они объясняли похотливость и любвеобильность величайшего и любимейшего героя Эллады.

101. Алкид встречается с Зевсом

Тут все, включая уже пришедших богов, почтительно расступились, и появился очень высокий муж с косматой черно-волосой с сильной проседью головой и такой же взлохмаченной бородой, он был в пурпурном, словно огненном, одеянии. Выступал он с высоко поднятой головой, выставив вперед мощную грудь и отведя назад могучие плечи. По царственной осанке, сросшимся на переносице густым бровям и тяжелому властному взору Алкид догадался, что это и есть его великий отец, хотя при нем не было ни скипетра, ни орла, ни тем более – огненных зубчатых молний и знаменитой смертоносной эгиды, был один лишь лабрис с навершием в виде золотой кукушки.

Двойной топор символизирует единство противоположностей Неба и Подземелья, а его топорнице – это поверхность земли и воды, связывающая воедино горний и подземный миры. Поэтому лабрис – это весь мир в целом, во всех его проявлениях. В виде золотой кукушки олимпийский художник, создатель лабриса, изобразил самого Зевса потому, что он, как бы выбросил предыдущих божеств Офиона и Эвриному с Олимпа, где и устроил собственное гнездо. Зевс – это кукушка также потому, что он присвоил скипетр Геры, навершие которого имело вид кукушки и, конечно, потому, что он обратился в кукушку, когда впервые ею овладел.

Зевс явился на землю и потому держал лабрис ха топориче в мощной руке.

Родитель, видевший Алкида только младенцем, когда он отблеском молнии осветил чертог при его появлении на свет, не подошел и не обнял уже почти взрослого сына. Он прошествовал ровными шагами в середину пиршественного зала и, остановившись, еще больше выпятил могучую грудь и медленно соединил руки за спиной. Оглядев всех с высоты своего огромного роста, он посмотрел на Алкида строгим долгим взглядом, как бы оценивая его и слегка улыбнулся, одними опущенными краями больших губ, как будто довольный увиденным.

Боги недоуменно переглянулись, словно не понимали, чем был доволен Владыка Олимпа: то ли тем, что юный сын выглядел очень могучим для смертного мужа, то ли тем, что сын выглядел все же слабее его. Зевс помавал вверх и вниз сросшимися бровями, и все отступились от него и Геракла. Царь богов кивнул в бок головой, и, когда слуги внесли огромный щит торжественно объявил ровным низким голосом:

– Радуйся сын мой! Рожден ты воистину многострадальным, но зато самым лучшим из всех смертных моих сыновей. Ткачиха не соткала тебе Долю над всеми народами арголидскими царствовать, поэтому я сам о тебе позабочусь, когда в этом настанет необходимость. Сейчас же хочу подарить тебе щит, сделанный по моему приказу искусным Гефестом.

Зевс вдруг хмыкнул, словно что-то вспомнил необычное, и тут же продолжил, но уже голосом не торжественным, а каким-то для него непривычно – игривым:

– Странные все вы и смертные, и бессмертные: говорите, что меж всеми богами я самый жестокий, что я не жалею мужей, мною же на свет порожденных, что предаю их разным несчастьям и самым тяжелым страданиям! Верно, однако, все это только отчасти.

Опять став серьезным, Кронид поднял руку и возвышенным тоном продолжил:

– Время настанет и будет справедливо другое – не раз и не два вы сами блаженные боги позавидуете силе и удаче моего лучшего смертного сына... Во всем на земле многодарной для смертных, а также в светоносном горнем эфире на небе – для всех бессмертных Олимпа блаженных жильцов, меру свою положили три непреложные дочери Ананке...

Всем показалось, что Громовержец закончил речь не так, как хотел, и боги, попрытав глаза, недоумевающе промолчали. Зевс же, помавав густыми своими бровями, схватил щит огромный мощной рукой и протянул его сыну с такими словами:

– Это несокрушимый щит, хотя ему далеко до моей страшной эгиды – самого ужасного из щитов, которым я вздымаю на вечно-трепетном море грозные бури и посылаю победу в сраженьях героям иль в битвах целым народам. В центре моей страшной эгиды – жуткая голова Медусы-Гор-

гоны, от жгучего взора которой даже бессмертные боги на целый год превращаются в камень, оставаясь при этом живыми, да такая ужасная голова одна во вселенной.

До того, как царь богов покровительственно потрепал смертного сына по плечу и взмахнул могучей рукой, приглашая других богов продолжать одаривать жениха, он еще много говорил и о щите, подаренном сыну, и о своей эгиде. Боги все это знали прекрасно и потому слушали повелителя вполуха, лишь для вида сопровождая ее ленивыми кивками голов или только бессмертных бровей.

Ревнивицы Геры, разумеется, на свадьбе пасынка не было – супруг запретил ей в этот день покидать покрытые снегом склоны крутые Олимпа, да она и сама не хотела, опасаясь тайных насмешек богов и богинь. Любят боги позубоскалить. До сих пор, хоть уж века пролетели, над ней насмеются тайно богини и боги после забавного случая в Платее. Однажды чтобы слегка подшутить над ревнивой супругой, Зевс устроил свою фальшивую свадьбу с куском дуба, наряженным в женское платье. Как только Гера услышала об этом от своей вестницы Ириды, она, бурно кинувшись с Киферона, как ураган примчалась к повозке и стала все крушить и ломать. Когда же она сорвала со статуи одежду, то нашла деревянный обрубок вместо живой невесты. Царица тогда до слез обрадовалась, что это был только обман. В память этого события в Платее, где Гера встретила свадебную процессию, справляется праздник Дедалов (куклы). Гере приносят

в жертву белую телицу и не знавшего ярма быка белоснежного Зевсу и сжигают эти жертвы на алтаре, наполнив их искрометным вином и фимиамом, а вместе с ними и дубовые дедалы.

Не пришел и Незримый Аид, большой домосед и гостеприимец, который лишь дважды за тысячи лет покидал свое любимое подземелье, вечно лишенное яркого солнца.

Праксидика (вершительница справедливости) в кудрях прелестных не пришла на свадьбу племянника смертного потому, что до сих пор сердилась на царственного брата за то, что Кронид-Эгиох отдал их милую дочь Кору (после замужества Персефону) Гадесу в его угрюмое, лишенное светлых радостей царство.

Другая сестра Громовержца богиня семейного очага Гестия была так скромна, что пришла, но ее никто не заметил даже тогда, когда она сунула Гераклу в руку металлическое кольцо, имевшее значение супружеской верности и тихо удалась. Жених же – это кольцо на палец сразу не одел и вскоре потом потерял так же, как и супружескую верность.

Младший из Олимпийцев бог виноградарства и виноделия Дионис в это время уже отправился в свой знаменитый поход против Индии.

102. Свадебный обряд

Между тем, Мегара, совершив омовение, воду для которого принес лутрофор, мальчик, живший по соседству, возложила на алтарь благовонный несколько прядей волос и пояс, принесение на алтарь локонов символизировало расставание с юностью, принесение пояса – с девственностью.

Далее после легкой трапезы, которая, естественно, сопровождалась тостами и здравицами, невеста по обычаю должна была сесть в повозку, запряженную быками, мулами или лошадьми, и отправиться в дом жениха. Сидеть она должна была между женихом и его парохом – лучшим другом или ближайшим родственником. После прибытия невесты в дом жениха ось повозки в Фивах сжигалась. Это считалось предзнаменованием того, что невеста никогда не захочет покинуть дом мужа.

Сейчас же все было по-другому. Мегаре пришлось ехать не в дом жениха, а во дворец родителя, в котором она родилась и выросла. Тем не менее, свадьба, как положено, началась торжественным праздничным шествием, в котором приняли участие любопытные из разношерстной толпы и родные со стороны невесты, ибо со стороны Алкида не было ни матери, ни отца, ни даже брата Ификла. В сопровождении факелов и под чарующие переливы флейты юная невеста в разноцветной одежде шла пешком, неся в руках веревки

тено и небольшую прялку. За ней шли два мальчика, родители которых были еще живы здоровы и юноша, приносящий жертву богам.

Невеста, не пожалевшая на себя благовоний, подошла к собственному дому, опустив свои округленные брови на небольшие, но красивые карие глазки, старательно обвила дверные косяки двумя шерстяными повязками, чтобы показать так свою невинность и намазала их свиным жиром, чтобы отвлечь колдовство и чародейство.

Жених был в белой одежде, сотканной из самой тонкой шерсти; мужчины, участвовавшие в процессии, были одеты так же, как и жених. После того, как Алкиду объяснили, что сейчас должен делать жених, он легко, как пушинку поднял стройную новобрачную и перенес через порог дома, где медленно опустил на разостланную пушистую овечью шкуру. Нахмуренный жених нес красавицу – невесту, миловидное лицо которой излучало блаженство, не с самым счастливым видом. Когда он вносил невесту в дом, ее по обычаю спрашивали, кто она и откуда, и только после этого ей передавали ключи от жилища. На этот раз кто он и откуда сказал новобрачный, хотя его никто об этом не спрашивал, не видя в этом необходимости, видно ему так захотелось:

– Я Алкид, родом из Фив семивратных. Не пришел на свадьбу Амфитрион, мой приемный отец погиб в сражении с Эргиним. И мать моя Алкмена, заболев, не пришла сына поздравить. И ключи эти не от моего дома, но все равно, со-

блюдая обычай, я тебе их вручаю, Мегара...

После вручения невесте ключей от ее же дома начался торжественный пир в празднично убранном зале, устраиваемый женихом, с веселой музыкой и радостным пением; особенно часто повторялась под волшебные звуки флейты свадебная песнь гименей. Первыми, в общий напев голоса свои слив, запели украсившие кудри свои гиацинтами девушки, которые в жизни жены и хозяйки дома видят только заботы:

– Яркий цветок, только, что выросший за садовой оградой всем люб и приятен, но как его срежут, он быстро завянет и не будет люб никому. Так и девушка юная, пока в родительском доме живет, все ее любят. Она там расцвела, словно дивная роза, красотой одной Афродите подобна; голос ее для влюбленного очаровательней звуков кифары; ее юное лицо неизъяснимой прелестью дышит и негой. Но лишь выйдет замуж она и невинности дар ее оскверненное тело утратит, юношей больше она не влечет, не мила и бывшим подругам. И все же каждая дева мечтает о счастье, хочет детей и ищет свою половинку. К нам, прилети, о Гимен, Гименей! Хвала Гименю, Гимену!

Юноши, напротив, восхваляют счастливый жребий супруги, которая надежную опору в муже находит:

– Лоза одинокая сил не имеет дальше расти в поле пустом, если о ней никто не заботится. Но, если садовод ее в свой сад пересадит, то всемерно заботится о ней станет, и она, обрета новые силы, наливать станет созревшие гроздья. Так же и

девушка, бесцельно блюдя свое девство, постареет бесплодно и в могилу сойдет никому не нужная, одинокая. Но если в брак она вступит, когда подойдет ее время, мужу станет необходимой она, детей на радость себе нарожает и родителям в тягость не будет. Жених не просто молод и прекрасен – он очень силен и отважен. Девушкам всем он кажется и Аполлоном, и Зевсом, но он выбрал только одну и хочет на ней жениться. К нам явись на крыльях своих, о Гимен, Гименей! Пусть же, Гименей, этот брак тебе будет на радость!

103. **Пышная, но не желанная свадьба с Мегарой**

Этот свадебный торжественный пир должен был оплатить Алкид, как жених, но ни денег, ни иных ценностей у него не было. Когда Креонт, пряча свои впалые глаза, в тайне от всех предложил ему деньги, чтобы он мог расплатиться, Алкид вспыхнул и зарделся, как факел в ночи. Запомнив это чувство стыда, потом он рассказывал своему племяннику Иолаю, от которого никогда ничего не скрывал потому, что любил его больше всех:

– Тогда, на свадьбе, навязанной мне Могучей Судьбой, первый раз ощутил я себя нищим без роду и племени, несмотря на присутствие на моей свадьбе олимпийских богов во главе с самим Зевсом, действительно оказавшимся родным мне отцом. Все было не так, как мне хотелось потому, что жениться, несмотря на веление Мойры вовсе мне не хотелось. Да, наверное, именно тогда в мое опустошенное сердце впервые закралось сомнение в том, что правильный выбор я сделал на той судьбоносной развилке дорог, да и я ль его сделал – до сих пор сомневаюсь. Это сомнение, как змея ядовитая, пробравшись в сердце, так там навсегда и осталось и часто потом мне жизнь отравляло.

Жених, как мог, скрывал свои тайные чувства, и натянуто улыбался, когда вспоминал, что надо радоваться на своей

свадьбе, а когда забывался, то и вовсе – хмурил вперед всегда выпиравшие низкие брови и морщился не довольюно.

Свадьба, между тем, шла своим чередом. Новобрачный по обычаю разбросал орехи собравшейся перед домом молодежи и старался делать это с веселым лицом. После ужина замужняя женщина должна была ввести невесту в спальню и положить ее на брачную кровать, покрытую тогой, и только после этого в спальню к новобрачной мог войти нареченный. На другой день жених должен был опять устраивать пир, на котором гости и родственники подносили молодой чете подарки. И здесь обычаи были нарушены – боги спустились на землю лишь на один день и после пира не желали оставаться и потому сразу как пришли, так и приступили к вручению подарков.

Один из счастличиков, которых Музы любили и оросили им язык многосладкой росой, побывал на этом особенном бракосочетании и так о свадьбе потом всем рассказывал, словно пел:

– После того, как подарки пышные были вручены, три богини веселья и радости жизни, розовощекие Хариты, олицетворявшие изящество, прелесть и нетленную красоту, по сигналу Феба начали грациозно танцевать. Вскоре к ним присоединились остальные подопечные Аполлона – девять Муз, блестящих творческой славой, и все вместе стали водить божественные хороводы – настоящее диво для глаз, так прелестные ноги их слаженно замелькали. Полимния, под-

няв прекрасные руки, гармоничную пляску заводит, будто беззвучные песни являются в танце богини, в жестах красноречивых, в движении ее глаз столь премудро все и красиво. Сменными хорами песни начали петь прекрасные Музы. Божьи дары сначала воспели бессмертные девы голосом чудным и терпеливую стойкость, с какою под всепокоряющей властью богов люди живут, – неумелые, с разумом скудным, не в силах верного средства от неотвратимой смерти найти и достойной защиты от старости гнусной. Потом Хариты и Касталиды Алкиду спели, что мило только то, что прекрасно, а что не прекрасно – противно, и все вокруг понимали, что не человечесьи уста под божественную музыку эти слова изрекали. Те, к кому старость еще не пришла, весело плясали вместе с богами. Отец милой невесты Креонт, задрав подбородок задорно, пустился в радостный танец, к Афродите улыбкалюбивою склоняясь, тянет руки к богине, свадебный клич выдувая из губ. Тут по приказу Зевеса в дивных песнях и божественных танцах сделали перерыв, чтобы пищей и медосладким вином опять себе дух укрепить. Все с готовностью пошли каждый на свое место; люди воссели, а боги возлегли и после этого руки немедленно все протянули, кто к кубкам с медовым напитком и разведенным вином, а кто к блюдам с разнообразнейшей пищей готовой.

Виночерпием для богов стал услужливый вестник Зевса Гермес поскольку ни Геба, ни Ганимед не явились на свадьбу Алкида. Киллений в медосладкий напиток в котле добавил

нектар и разливал смесь в кубки бессмертным гостям. Полные кубки, поднимая, они жениху дружно здравицу возглашали.

После того, как желанье питья и еды все утолили, прежним желаньем зажглись открытые для удовольствий сердца и богов, и людей: всем опять захотелось музыки, песен и плясок – улады восхитительной всякого пира.

Тут Зевс всем головою милостиво кивнул, а на Аполлона, милого сына, властными посмотрел глазами и вверх помавал бровями, так призывая его не только продолжить песни и танцы, но и запеть самому, и не был догадливый Феб ему не послушен. Лишь только бессменный вождь прекрасного хора Аполлон лучезарный в руку взял плектр золотой, как струны мелодично тут же все зазвучали, небесной гармонией все вокруг наполняя, и он в блеске своего сиянья запел. Пел Феб под собственный аккомпанемент на божественной лире, полученной некогда в ответный дар от младенца Гермеса, и ему мелодично вторили золотом повитые Пиериды – и на флейтах, и чудными голосами. Другие боги то порознь, то сменными хорами сначала громко восславляли брак могучего Алкида и пышноволосой Мегары прекрасными величавыми песнями и речами.

Обучившая искусству пляски своих сестер Терпсихора с венком свежих цветов на голове, с лирой и плектром в руках вывела Муз олимпийских, дело которых – хороводы и песенный строй знаменитый на середину танцевальной пло-

щадки. И вот все вместе они стали, наслаждаясь пляской, стройными ножками в хороводе кружить. Затем исполненные непередаваемой грации девы Хариты и пышущие беззаботным весельем и благоуханием Оры, и Афродита фиалковеночная, все, за руки взявшись, второй хоровод завели. С ними резво танцует ростом не малая с виду самая стройная из богинь Артемида, стрелолюбивая дева, безбрачная сестра Аполлона. К первому хороводу присоединился и любящий не одни только битвы, но и танцы Арес – на Олимпе лучший танцор, если не считать Аполлона. Тут не удержался и самый изворотливый малый – неумолимый Аргоубийца, который в день своего появления на свет к полудню уже бряцал на кифаре, превосходной певице, которую сотворил из панциря черепахи и овечьих кишок детскими своими руками. Богиня справедливости Дике, никогда не бывавшая замужем, тоже счастливо смеется и с громким топотом пляшет, воспевая свадьбу Алкида, рукою девичьей высоко свадебный светоч вздымая.

Все танцоры, как ступавшие по земле легкой стопою в блеске, слепящем доспехов звонко гремящие Корибанты, спутники великой матери богов Реи – Кибелы, чутко внимали упоительному напеву, исходящему от Аполлона, которым были они одержимы, и для этого напева у них достаточно было и всевозможных телодвижений, и слов. Так целый день напролет до самого солнца захода в блаженном веселии все пировали, и не было в том пиру обделенных. Дух услаждали

все лучезарного Феба несравненной кифарой, сладким пением Муз и танцем искрящихся безудержным весельем Харит, певших и танцевавших то все вместе, то попеременно. После того же, как солнца сияющий свет беззвучно за седой океан закатился, боги, желая почить, спать на обильноложбинный Олимп все, как один, уклонились. Каждый насельник Олимпа вознесся в свой дом, в нетленные те места, где олимпийский искусник Гефест, знаменитый хромец обоногий, на века с великим умом и искусством великолепные им построил чертоги, с не запирающимися дверями, всегда открытыми настежь.

Сам же Геракл так о своей свадьбе Иолаю кратко поведал:

– Свадьба моя произошла в конце мая, а это время, как ты сам знаешь прекрасно, считается самым несчастливым потому, что поженившимся в мае придется всю жизнь маяться. Кроме того, плохим знаком было отсутствие моих родных и то, что свадьба справлялась в доме невесты. Поэтому уже на бракосочетании было ясно, что прочного счастья от этого брака нам с Мегарой изначально Мойрой не предназначалось, а мне это было понятно еще до свадьбы, когда Мойра явилась ко мне, чтоб научить меня ей подчиняться.

104. Алкид побеждает в бою неистового Пирехма

Разбирая подарки богов, Алкиду больше всего понравились упругий лук и изоострые стрелы, подаренные Аполлоном, поскольку вместо подаренных Аресом меча и копья он предпочитал верную палицу-дубину, вместо подаренного Зевсом щита – львиную шкуру (пока еще Киферонского льва), вместо вытканного Афиной плаща – короткий хитон, а вместо посеидоновских коней – собственные ноги, казалось, в то время совсем не ведающие усталости. Долго он, причмокивая, лук тот рассматривал и вертел в руках так и этак, и круговидно его напрягал.

Упруго изогнутый лук был изготовлен из огромных рогов козерога, добытого в труднодоступных горах Артемидой и подаренного милому брату. Аполлон не обращался к Гефесту, в художественных ремеслах самому искусному из богов, и сам друг к другу приладил оба рога, серебряные пластины на них укрепил он искусно, вылощил лук и к середине золотое кольцо приспособил.

Вскоре этот лук пригодился, ибо недолго Алкиду на лаврах довелось почивать – против Фив выступил давний союзник минийцев царь эвбеев Пирехм. Про владыку эвбеев говорили, что он, хоть ростом не вышел, но в бою всегда появлялся в нужное время и в нужных местах внезапно и сража-

ется отчаянно и неистово.

Эвбеи в начале сраженья оленицам подобились робким, которые свободно по лесу гуляют туда и сюда и становятся быстро пищей львов, волков и шакалов, ни в какую борьбу не вступая! Так и эвбеи редко решались, не жалея себя, доблестно биться.

Тут на горячем взмыленном коне Пирехм, со сверкающими глазами и яростно раздувающимися ноздрями, сбросив шлем и панцирь на землю, как демон неистовой смерти стал носиться по полю, где пылало сражение. Никто не мог даже ранить слившегося с быстрым конем маленького Пирехма ни мечом, ни копьем, ни стрелой, и его воины, глядя на своего неуязвимого царя, воодушевлялись и старались бесстрашно биться, как он.

Алкид истратил несколько обыкновенных стрел, пустив их в Пирехма, но они просвистели над ушами его понапрасну. Тогда отпрыск Зевеса вспомнил о подаренных Дальновержцем стрелах, которые он, как драгоценность, берег, и первая же Фебова пернатая хищница, со звоном с упругой слетев тетивы, свою жертву настигла безжалостно, вонзившись в нее изоострым серебряным клювом. Не знающая промаха стрела Аполлона попала Пирехму в левый висок и застряла в незащищенной шлемом его голове.

Как только владыка эвбеев кубарем с лошади покатился, и глаза его дерзкие мраком навечно багровым покрылись, битва быстро стала клониться к закату. Растерявшиеся эвбеи,

смелость в сердце утратив, словно почуявшее могучего льва стадо ланей пугливых, вскоре все побежало, и над полем, где только, что неистовое пылало сражение, гордо зареяла Ника. Подлетев на радужных крыльях к Алкиду, богиня победы стала биться у него за плечами.

105. Алкид разрывает на части Пирехма

Набирающий славу герой, разбив наголову эвбеев, решил прекратить дальнейшие войны соседей против родных Фив семивратных очень необычным образом. Собрав на берегу реки, впоследствии получавшей название Гераклея многих людей, он, встав на возвышении, выставил вперед одну ногу, упер руки в бока и так надменно всем возвестил:

– Все знают, что не я напал на Пирехма, а он на меня. И потому, чтобы другим затевать войны со мной впредь не повадно было, я так накажу Пирехма, хоть он и мертвый уже, что об этом долго все будут помнить и ужасаться!

Алкид у всех на виду, неспеша привязал руки и ноги мертвого царя крепкими веревками к четырем жеребцам и потом несколько раз стегнул длинным бичом их так быстро, что они одновременно рванулись в разные стороны. Когда казавшийся совсем небольшим окоченевший труп царя было конями легко разорван, словно это было не тело, а тряпичная кукла, он приказал своим людям подальше отогнать лошадей с рваными окровавленными кусками растерзанного Пирехма в разные стороны и только потом отвязать их.

Когда кто-то крикнул о том, что Пирехма необходимо похоронить, Алкид гневно сузил глаза, выискивая кричавшего и закричал злобным голосом, громогласно, чтобы все слы-

шали:

– Что за глупый болтун голос тут дерзкий свой подымает?! Смолкни, кто бы ты ни был, не смей мне указывать. Пирехма разодранные на части останки, никто похоронить не посмеет! Никто его не сможет почтить! Без похорон, без дани плача я его оставляю, чтобы бездомным псам, вечно голодным и хищным птицам роскошным пиром стала разорванная на части его плоть! Пусть же тот, кто только еще задумает со мной воевать, живо вспомнит Пирехма и содрогнется, и в неопиcуемый ужас придет...

Некоторые, что не любят Геракла, их мало, но они есть, говорят, что не раз еще придется справедливостью гордой Элладе не только восхищаться и восторгаться, но и содрогаться, и ужасаться от деяний Геракла! Они злобно порицали Геракла за излишнюю жестокость к побежденным врагам и, особенно, за не погребение Пирехма, ведь и эллинский, и божественный законы строго предписывали всегда предавать скованное холодом Эона тело земле, чтобы неприкаянная душа мертвого обрела вечный покой в гостеприимном Аиде и не тревожила, поднимаясь на землю, трепетные сердца людей, живущих под ярким солнцем чудесным.

Другие же, которых огромное большинство, говорят, что гремящая слава о выдающихся подвигах Геракла вознеслась до самых немеркнущих звезд и быстро распространилась по всей обширной Элладе, вызывая всеобщее восхищение невероятностью свершенного, ведь отважный герой

почти в одиночку всего с несколькими десятками безусых юношей, вооруженных древним трофейным оружием, разбил два огромных войска – Эргина и Пирехма.

Место, где жеребцы разорвали эвбейского царя, назвали «жеребцы Пирехма» и, как говорят, в этом месте раскатистое эхо всегда доносит как будто из самого жилища Аида жуткое конское ржание, от которого леденела в жилах кровь даже у закаленных спартанских воинов, самую беспощадную смерть презиравших с улыбкой.

106. Первая встреча во сне Геры и Эврисфея

Правящий во всей пеласгийской земле царь златообильных Микен Эврисфей был обеспокоен возвышением Алкида. Он знал, что быстро набирающий славу герой был его подданный, почти раб, хоть и дальний родственник – двоюродный племянник. Однако, будучи человеком рассудительным и осторожным, он не хотел торопить событий и все молча терпел, наблюдая за Алкидом издали. Его пугала не столько сила Алкида, сколько буйная необузданность, часто переходящая в настоящее бешенство.

Когда Эврисфей узнал о том, как его племянник расправился с послами Эргина, а потом и с Пирехмом, он долго гладил то одно, то другое ухо, тер свои вечно печальные глаза и морщился, и в конце концов решил с Алкидом по своей воле не встречаться, однако Гера все решила иначе.

В одну из ночей царица Олимпа явилась Эврисфею во сне, встала у его изголовья и, внимательно поглядев на свернувшегося клубочком царя, величественно изрекла:

– Радуйся Эврисфей, владыка златообильных Микен – Арголиды главного града, таких немного в Элладе! Тебя удостоила тебя своим посещением сама Гера, богиня богинь, царица Олимпа! Надеюсь, что не напрасно я поставила тебя над всеми окрестными править. Ведь это я так устроила, что

ты в семь месяцев первым из потомков Персея родился, а девятимесячный Алкид на свет появился только вторым.

Гера вынула из складок пурпурного пеплоса свои большие медные ножницы и повертела ими перед лицом Эврисфея. Сфенелид знал, что эти ножницы – атрибут Геры, как разрешительницы родовых мучений, хотя никогда не слышал, чтобы она пользовалась ими, чтобы помочь какой-нибудь роженице. Он вспомнил рассказ о том, как богиня богинь в незапамятные времена не давала титаниде Лето родить от Зевса Аполлона и Артемиду и, испугавшись, что его мысли может узнать Гера, схватился за рот.

Когда Лето собралась рожать, царица богов совсем обезумела от ревности и послала своего верного слугу огромного змея Пифона, чтобы он сделал все, чтобы она не родила. Лето была древней богиней и потому убить ее было невозможно, но можно было ранить, заставить страдать, и Пифон стал преследовать прекрасную титаниду по всему миру.

– Лето не сможет родить на твердой земле, где сияет солнце.

Гневно объявила царица Олимпа так, что это, подобно раскатам грома, услышали все на земле и на Олимпе многоложбинном. Зевс хотел испепелить молнией ревнивую до сумасшествия супругу, ведь Лето носила его детей, но его остановила Мойра Лахесис, во сне ему объявив, что он должен соблюдать Порядок в семейных отношениях, и не трогать добродетельную супругу, когда сам во всем виноват.

Теперь не только реки и озера, ни один ручеек не давали напиться будущей матери двух прекрасных богов, и Лето утоляла жажду из луж, оставшихся после дождя. Ни кусты, ни деревья не защищали ее от палящих лучей, отступая, как только она к ним приближалась. Люди еще издали при виде темно-синего плаща возлюбленной Зевса убегали, захлопывая наглухо за собой двери. Ибо страшна была царица Олимпа в своем яростном гневе не только на ту, которую полюбил ее царственный супруг, но и на тех, кто осмелился бы ей как-то помочь. Лишь плавучему острову Делосу стало жаль несчастную титаниду, и он, надеясь на будущую благодарность детей Лето, словно большой корабль, причалил к материку. Укрывшись в тени единственной пальмы на Делосе, забылась тяжелым сном бедная страдальица, но вскоре проснулась от начавшихся родовых схваток. Она опять стала истошно вопить, как кричат перед самыми родами, но мучениям Лето не суждено было закончиться быстро.

Гера укрыла свою дочь богиню родовспоможения Илифию плотными облаками, чтобы та не смогла помочь родить Лето, и она мучилась девять дней и ночей. Сочувствовавшие Лето Деметра и Гестия, по совету Афины преподнесли Илифии ожерелье длинное, в девять локтей, золотое, из зерен янтарных. Сама же Афина же отвлекла златотронную Геру, рассказав ей о новом любовном увлечении Зевса. Только ступила на Делос богиня Илифия, неотложная помощь родильниц, тотчас усилились схватки, и Лето, пальму руками

сильней обхватив, мощно колени уперла в мягкий ковер луговой, и счастливая под нею земля улыбнулась. Первой она родила девочку, названную Артемидой, следом уже без мучений 7-ми месячный мальчик выскочил на свет, ее брат-близнец Аполлон лучезарный. Как только на свет Феб появился, остров озарился лучами яркого солнца, и в лазурном небе появились 7 белоснежных лебедей, прилетевших с золотоносной лидийской реки Пактол. Эти прекрасные птицы величаво проделали 7 кругов над ставшим неподвижным Делосом и воспели торжественно бога:

– Родился Аполлон! Слава Аполлону!

Впоследствии эти красивые и необычайно сильные лебеди стали бессмертными, и Аполлон, нестриженными гордый кудрями, на золотистой своей колеснице путешествовал по небу только на них. Преследования Геры не прошли бесследно, и Лето не смогла кормить детей грудью, и тогда справедливая титанида Фемида, не побоявшись гнева Геры, впустила в нетленные губы прекрасных детей нектар, вместе с амбросией чудной.

107. Гера приказывает Эврисфею погубить Алкида трудной работой

Эврисфей мучительно улыбался богине и плешивой в знак согласия качал головой, а про себя в это время невесело думал:

– Как все в жизни не просто. Из-за Геры я родился, как Аполлон, семимесячным, только в отличие от Феба – слабо-сильным и хилым. Но ведь, если бы я не родился первым, то и царем бы не был... но, скорее всего, если бы я родился девятимесячным, то был бы все равно низкорослым и плешивым, ведь и родитель мой Сфенел ростом не вышел и давно уже лысый... но царем бы я точно не был... Выходит, что Гера – моя благодетельница, и я ее вечный должник... Однако, зачем она снизошла до встречи со мной и во сне мне явилась?

Гера, между тем, спрятала ножницы и, аккуратно поправив знаменитую диадему в виде брильянтовой кукушки, расправившей крылья на золотом обруче, на своих как всегда безупречно расчесанных золотым гребнем белокурых волосах, продолжала:

– Зевсу, как он не противился, а по праву перворожденного, все же пришлось скипетр, которому повинуются столько арголидских народов, тебе дать. Теперь ты знаешь кому всем обязан и кому, по справедливости, должен верно служить?

Эврисфей облизал тонкие бескровные губы и, чуть прикрыв умные печальные глаза, все пытался решить – зачем к нему явилась златотронная Гера и следует ли ему вскочить с ложа или не обязательно, ведь он, вроде, как спит. Несмотря на раннюю молодость, царь многое знал о ревливой и властной супруге Зевеса, о том, какой она бывает злокозненной, мстительной и коварной. Ему стало немного страшно, и он, решив не бороться со страхом, прошептал замирающим голосом:

– О, златотронная Гера, в пурпурных одеждах богиня! Все блаженные боги на великом Олимпе тебя наравне почитают с великим Кронидом. Знаю я, что тебе всем обязан и даже жизнью самой. Страшно боюсь я тронуть твои колени, чтоб умолять научить меня, как доказать, что я тебя больше всех бессмертных богов почитаю.

Гера небрежно взмахнула белой рукой, и догадливый царь замолчал, а богиня сказала:

– Алкид тебе родственник ведь, он племянник двоюродный или брат? Впрочем, это не важно. Пора тебе призвать этого сына блудницы Алкмены, на царскую службу. Знай, что он давно вызывает у меня отвращение своей нечестивостью и буйной жестокостью. Ты слышал, как он расправился с послами Эргина? Одних убил, других искалечил и надругался над ними, отрубив им и носы, и руки, и уши. А ведь, согласно вашим законам, послы всегда были неприкосновенны в Элладе... Пирехма он не только зверски разорвал ко-

нями на 4 куска, но и оставил без погребения, чем Зевс был страшно разгневан, но он милостив, тем более к сыну, хоть и незаконному. Потому супруг мой, как всегда, медлит с воздаянием. Мельницы богов мелют усердно и неумолимо, но уж очень медленно. Поэтому сама коварная Судьба назначила меня, чтоб наказать Алкида нечестивого, и ты мне в этом будешь помогать...

Как бы раздумывая говорила Зевса супруга, касаясь то одной, то другой рукой своей изумительной диадемы, но Эрисфей нарочно ее перебил, чтобы доказать ей верноподданность:

– Я буду счастлив все сделать, что ты прикажешь мне, царица блистательных высей Олимпа!

Гера, недовольно взглянув своими красивыми, большими, как у телки, глазами в грустные глаза Эврисфея, и неспешно продолжила:

– Я не буду, как Дике хватать нечестивую душу преступника и выставлять нагую у всех на виду, чтобы ей негде было укрыться, спрятаться и утаить гнусные свои пороки, которых еще в ней обычно немало сокрыто. Чтоб понапрасну не ссориться с Зевсом я буду действовать..., да я буду все делать твоими руками или правильнее сказать... я буду давать приказанья Алкиду через тебя, чтоб его погубить твоими губами. Так лютая Правда поразит неотвратимей Алкида. Наказание может продлиться долго, пока, наконец, все его преступления не будут искуплены страданием и болью.

Гера быстро сказала, последние чеканя слова и с удовольствием потеряла свои маленькие ладони.

– Итак, любезный царь золотом богатых Микен, слушай и запоминай первое тебе задание: завтра же вызови Алкида и строго напomini ему, что он должен тебе усердно служить. Слышала я, что Мойра Лахесис обеспокоена тем, как много на земле расплодилось чудовищ ужасных, с которыми, как раз и должен Алкид нечестивый сражаться. А я тем временем подумаю, с кем из них первым ему насмерть биться придется. Ткачиха Алкида такой силой огромной одела, что он сильнее любого чудовища, если только чудовищу не поможет всемогущий случай или... или я, и я это сделать должна для торжества справедливости.

Гера, прянув изящной ногой, быстро по восходящим воздушным потокам взмыла на олимпийские кручи, ведь она была древним божеством воздуха.

108. Алкид отказывается служить Эврисфею

Эврисфей же, будучи обязательным человеком, утром, еще до завтрака отправил к Алкиду вестника звонкоголосого с приказом явиться немедленно. При виде явившегося родственника, грустные глаза Эврисфея округлились от удивления и голосом скрипучим, как у старика, он спросил нарочито строго:

– В чем к царю ты явился, Алкид? Ты одет, словно варвар, в шкуре вонючей какой-то... да еще и с суковатой дубиной нестроганой... Так ты этой дубиной всех послов Эргина с копьями и мечами раскидал по земле, как малых детей?!

В голосе царя против воли прозвучало смешанное с завистью искреннее восхищение, которого Алкид не заметил. Очень он злился, что Эврисфей занял место, которое по словам отца Амфитриона Зевс предназначил ему и скрывать этого не старался:

– Хоть ты ростом, питомец Зевеса, не вышел, зато умом прозорливый. Этой дубиной я не только с воинами Эргина расправился, я уж сбился со счета сколько она навечно под землю заколотила мужей... А в этой шкуре я пришел потому, что у меня бесстрашное львиное сердце, если хочешь можешь проверить... Впрочем, если запах этой шкуры тебе неприятен, можешь дать мне для нашей встречи гиматий, ес-

ли у тебя, конечно, найдется для меня подходящий.

Сын смертный Зевеса опустил на пол дубину и кулаки его сжались. Он из-под низких бровей враждебно так посмотрел на царя, что тому стало не по себе. Эврисфей съежил свои и без того узкие плечи и хилую, как у ощипанного цыпленка, шею втянул. Царь много раз в воображении своем представлял, что и как Алкид сделал с послами Эргина и с Пирехмом, представил и сейчас и ему очень захотелось расстаться поскорей с таким родственником, но он все время помнил о словах Геры.

– Чувствую, что Судьба моя незадачливая поместила меня между молотом и наковальней... и, должно быть, не на один год. Что ж, придется крутиться. Телом я хилый, но не умом.

Так подумав про себя, Эврисфей встал, важно оперся на скипетр и, намеренно придав голосу высокомерность, сказал, хоть глаза его остались печальными:

– Алкид, как царь, я требую, – и, кажется, я вправе это сделать, – я требую, чтоб с завтрашнего дня, ты начал мне служить. Подвиги для наших граждан нужные, ты будешь по моим приказам совершать, если не хочешь, чтобы, проявив власть, сурово я тебя наказал. Ведь когда воли хозяина раб над собой не чует, нет никакой охоты трудиться у него прилежно.

Алкида схватила в цепкие объятия мощная Гибрис – богиня непомерной гордыни и спеси, она даже вставила ему

в волосы цветок львиного зева, являющегося надменности символом. Не зря говорят, что нет гнуснее порока, чем высокомерие, которому нет предела, ибо оно больше всего возвращает, изнутри разъедаая бессмертную душу.

Сын прекрасноволосой Алкмены при всех громко расхохотался в ответ и, плюнув на полированный пол, владыке аргонидских народов сказал, словно бросил ему в лицо камень, надменные слова с небрежной издевкой:

– Ну же, попробуй, накажи, как можно суровой! Или передумал уже? Не царь ты, Сфенелид, а пустое ничтожество с длинными ушами ослиными, и скипетр твой с набалдашником, как с кисточкой хвост у осла.

Эврисфей, хоть и дядя, но был ровесник Алкида, он не так давно стал Микенским царем, но собой уже отроком научился владеть. Поняв, что палку слегка перегнул в высокомерном обращении с необузданным племянником, он, наклонив яйцевидную голову набок, с деланным миролюбием Алкиду сказал:

– Ты не понимаешь, брат, что говоришь. Потом тебе самому будет стыдно. Видно, ты сейчас меня оскорбил, находясь в большом гневе, который и мудрых в неистовство вводит, а ты еще совсем юный. Давай перенесем наш разговор на то время, когда ты будешь спокойным. Сейчас же ступай пока не сделал того, о чем придется потом сожалеть.

Царь нарочно назвал племянника братом, подумав, что тому это больше понравится, ведь братья более равны, чем

дядя с племянником.

109. Зевс посылает Немесиду покарать Алкида

Перед сном Эврисфей долго молился своей покровительнице Гере, и она посетила его во сне. Царица богов, величаво подняв красивую белокурую голову, увенчанную, как всегда, роскошной бриллиантовой диадемой, внимательно выслушала его рассказ о встрече с Алкидом и потом приказала:

– Я довольна тобой, Эврисфей. Ты не глупый и владеешь собой и правильно сделал, что довел Алкида до гнева. Завтра вознеси на алтарь великого Зевса гекатомбу круторогих белых быков, никогда под ярмом не бывавших. Потом в смиренной молитве пожалуйся Громовержцу на нечестивость Алкида. Скажи, что он открыто не подчиняется тебе, как царю и этим подрывает сами незыблемые устои законной царской власти. Особенно подчеркни, что Алкид оскорбил тебя, вызываясь насмехался не только над твоими ушами, но и над скипетром царским, называя его ослиным хвостом с кисточкой.

Эврисфей все в точности так и исполнил. Зевс, услышав царскую жалобу и посмотрев сверху на жалобщика, сказал Гермесу, своему вестнику и особо доверенному помощнику в тайных делах:

– А ведь мой сын от Алкмены правильно назвал недоношенного Эврисфея ничтожеством, хилый он, Посмотри,

Киллений, и уши у Сфенелида действительно очень длинные, хоть до ослиных, пожалуй, им далеко. Настоящие ослиные уши только у Мидаса я видел.

Однако, рассказывая о жалобе Эврисфея на совете богов, премудрый Кронид назвал ее вполне справедливой, ведь сын Сфенела был царь, и Геракл должен был послушно ему служить. Справедливость на Олимпе многоложбинном выше всего почитали, хотя каждый из бессмертных богов часто по-своему ее понимал.

Некоторые говорят, что отношения Алкида после встречи с его великим отцом не сложились, и были никакими, да и на свадебном пиру они были более, чем прохладными. Новобрачный нарочито вел себя с верховным властителем бессмертных богов, как равный с равным. Встречаясь взглядом, он смотрел на отца с дерзким укором, словно тот был виноват перед ним. Это не могло понравиться властолюбивому Зевсу, ведь даже главные боги, его единоутробные братья Посейдон и Аид, несмотря на первородство, всегда безоговорочно признавали его старшинство. Царь морей обычно умело скрывал свое недовольство главенством Зевеса и поспешно вскакивал, когда тот входил в обеденный зал или почтительно замолкал, опуская глаза, когда царь начинал изрекать на пирах или советах богов. Незримый Аидес, безраздельно царивший в своем любимом подземном мире, безропотно позволял Зевсу командовать в его царстве безысходной печали и могильного мрака.

Громовержец призвал древнюю богиню неотвратимого возмездия Немесиду и, тяжело вздохнув, ей при богах приказал:

– Ты, Немесида, должна покарать, как всегда, справедливо Алкида за жестокую расправу и глумление над неприкосновенными согласно законам богов и Эллады послами Эргина, а также за то, что он оставил без погребения останки Пирехма ну и... за неподчинение Эврисфею, ведь царствует он согласно моей клятве священной, а слово мое вовек непреложно и никем нарушаться не может, тем более что я тогда еще и головою кивнул.

После совета, когда все богини и боги по своим домам расходились, Зевс за плечи схватил и придержал Немесиду. Когда все, включая довольную Геру, разошлись, он, многозначительно помолчав и пошевелив кустистыми своими бровями, внимательно оглянулся вокруг. Удостоверившись, что ни Гера, ни ее служанки за ними не наблюдают, он подмигнул Немесиде, потом легонько пощупал ее упругие ягодицы и игриво сказал:

– Помню нашу незабываемую встречу в Рамнунте, и ты помнишь, наверное. Такое не забывается, но не забывай, Немесида и то, что Алкид мой родной сын. Поэтому наказание должно быть, конечно же, справедливым, но не чрезмерно суровым и его следует сразу же прекратить, как только он, вдоволь помучавшись, обратится в Парнасский удел за оракулом.

Все это в точности Немесида-богиня в прилежном уме записала и потом в жизнь претворила.

110. Рамнунтская Немесида

Говорят, древняя богиня возмездия Немесида в юности была очень хороша собой, и Зевс, как большой любитель прекрасного, не мог в нее не влюбиться, а самое прекрасное для него во вселенной – красивое лицо и стройное тело девушки.

Царь богов стал неотступно преследовать возлюбленную богиню сначала на суше, а потом и в воде, и в воздухе. Немесида плохо знала отца всех бессмертных и смертных и потому, не сумев спастись бегством, простодушно попыталась спрятаться от него сначала в воде, превратившись в рыбу. Зевс как будто только этого и ждал – он превратился в быстрого бобра и стал резво гоняться за нею в воде. Немесида выпрыгнула на берег и стала превращаться то в одного зверя, то в другого, но Зевс неотступно преследовал ее по пятам, принимая облик более сильного или быстрого зверя. Вконец измучившись, девушка взлетела, превратившись в дикую бесплодную гусыню, а Зевс стал могучим лебедем.

Некоторые, как Гигин говорят, что, когда Зевс воспылал страстью к Немезиде и, не сумев склонить ее разделить с ним ложе, то он утолил свое желание посредством такой уловки. Он приказал Афродите обернуться орлом и притворно преследовать его, сам же он превратился в лебедя и, словно улетающая от орла, нашел спасение у милостивой Немесиды, кото-

рая не оттолкнула его и, заключив в объятия, уснула; во сне Зевс в образе лебедя сошелся с нею в образе гусыни и улетел.

Когда бог и богиня приняли свои облики, Зевс страстно возжелал теперь по-человечески овладеть Немесидой, но несчастная девушка стала умолять его не делать ее матерью и позволить ей вести жизнь, предназначенную Мойрами. Разоховавшийся Зевс сразу остыл, услышав про Мойру и отпустил богиню нетронутой, тем более что она пообещала сама найти превосходную замену себе на ложе любви.

Богиня длинноволосая послушалась своего внутреннего голоса, которым вещала Мойра Лахесис и пошла в Спарту. Там, встретившись с кроткой красавицей – женой царя Тиндарея Ледой, быстро уговорила ее пойти купаться на реку Еврот, обещав ей за это после смерти слияние с собой. Там молодая царица стала возлюбленной Зевса и будущей матерью прекрасного сына Полидевка и еще более прекрасной дочери, которую так и звали – Елена Прекрасная потому, что никогда на земле не было женщины прекраснее ее.

Рассказывают так же, что потоптанная Зевсом в образе гусыни Немесида все же забеременела и снесла яйцо, которое Гермес по воле Мойры Лахесис швырнул между ног Леды, когда та мылась в прекрасно отесанной ванной, сидя на гладкой скамье.

Другие уверяют, что это не более, чем поэтическое преувеличение. Они, якобы, даже слышали, как сама Елена неоднократно говорила:

– Ведь не было случая, чтобы у эллинов или варваров женщина снесла яйцо и, как говорят, родила меня от Зевса в образе лебедя.

Богиня неотвратимого возмездия за злобу, греховность и спесь была благодарна Владыке Олимпа за то, что в Рамнунте он, в облике лебедя, только потоптал ее, но, став мужчиной, не овладел ею, как девушкой.

111. Немесида наказывает Алкида за гордыню и спесь

Немесида, распустив по плечам светло русые волосы, венчанная простой серебряной короной, украшенной только фигурками оленей, не медлительно запрягла в свою искусно сделанную Гефестом колесницу могучих крылатых грифонов. Кроме крепкой уздечки для обуздания пагубных страстей и непристойных влечений и весов для взвешивания вины людей, совершивших проступки, она взяла с собой лишь плеть, которой пользовалась для мягкого наказания провинившихся в виде сильных болей в голове. Карающий меч свой изоострый богиня возмездия дома оставила – помнила она приказ Зевса, чтоб наказание его смертного сына не было чрезмерно суровым.

Быстролетная колесница, запряженная чудовищами с мощными львиными туловищами, хищными орлиными головами и огромными крыльями, обеспечивала стремительность справедливого воздаяния Немесиды, ибо медлить она не любила в отличие от Зевса-Кронида и всегда так говорила:

– Ничто так не пагубно, как отсрочка наказания, она отнимает веру в торжество справедливости у пострадавших и делает преступников еще более дерзкими. Когда справедливое наказание следует быстро за преступлением, оно прегражда-

ет путь тем, кто пользуется его последствиями и, предупреждая тех, кто хочет совершить подобное преступление, пресекает будущие злодеяния.

Орфики царицу великую Немесиду в гимне называли всезрящей и говорили, что в радость одной лишь ей, почтенной, справедливые речи. Она, всегда ведая стыд, ненавидит нетвердое, хитрое слово, и потому весь смертный люд пред нею в томительном страхе трепещет. Не только проступки, но и самые тайные мысли людей всегда заботят ее, от нее не скрыться в общем потоке речей душе, о себе возомнившей чрезмерно – Все она видит и слышит, и все справедливо рассудит! Смертных судить – ей начертали сами непреложные дщери Ананке. Немесиду умоляли образ мыслям людей даровать благой, устранить звериную злобу, греховность, надменность, гордыню и спесь в переметных и скачущих мыслях.

А Мом, бог злой насмешки, о Немесиде сказал, что она преследует каждого неотвратно, но мало кого настигает.

Богиня, сощутив суровые очи и огладив ладонями стройное, как у девушки тело, пустила грифонов огромных – мощных возмездия птиц, по свежему следу Алкида, и взлетела в небо на своей быстролетной крылатой повозке так стремительно, что ее светло-русые волосы совсем на ветру растрепались. И вот уже, неблизкий путь, стремительно завершив, незримая для всех опустилась на черную землю богиня у стен древних Фив, где исполинским птицам с четверными

когтями сесть приказала и найти укромное место, где их никто не увидит.

Немесида строгая и суровая, с подогнутой к груди левой рукой, поддерживающей одеяние (знак умеренности и неизбежности кары) и весы, с опущенным взором, держа в правой руке уздечку и плеть, явилась во дворец Креонта и нашла семейство зевсова смертного сына в нешуточной ссоре. Мегара, недавно родившая Алкиду третьего сына, была в неопишемом гневе. Уже, давно, чуть ли не с первого дня после свадьбы, она замечала вначале редкие, а потом ставшие постоянными измены мужа, но, стиснув зубы, все молча терпела. В последнее же время Алкид совсем позабыл про ложе супруги, предпочитая ночевать у ее милых подруг, а когда их не случалось, не брезговал ни служанками, ни даже рабынями. Когда супруга случайно узнала, что две пятнадцатилетних рабыни родили от Алкида детей, она не выдержала и в первый раз закатила изменщику мужу истерику, Алкид тогда выбежал из дома, как ошпаренный кипятком. После этого случая, лиха беда-начало, она не раз билась в истерике, и каждый раз Алкид вынужден был спасаться бегством.

В день, когда к Алкиду явилась невидимая Немесида, он впервые вопящую супругу ударил и только за тем, чтобы она замолчала. Он ударил без злости и гнева, как только мог тихо потому, что понимал, что легко и голой рукой может убить обыкновенного человека, в младенчестве женские груди сосавшего. Однако Мегара, с искажившемся до безобразия ли-

ком, заорала еще сильнее, осыпая его ругательными словами и стала биться головою о стену. Алкид не выдержал и опять убежал от разбушевавшейся супруги, заперев дверь на свою половину.

По-прежнему оставаясь невидимой, богиня возмездия приблизилась близко к Алкиду. Она, поставив на пол весы, на одну чашу положила поступки Алкида, а на другую – тяжкие колечки, обозначающие вину и по равновесию весов определила меру его вины. Затем в левую руку взяла уздечку, намекавшую на необходимость обуздать свои страсти и контролировать поведение, а в правую – плеть, пропитанную ядом особым. Оставаясь невозмутимой, Немесида, несколько раз несильно стегнула Алкида своей плетью по затылку, по вискам и по лицу.

Алкид не видел богиню, но почувствовал, как боль пронизала голову в разных местах, и эта боль несокрушимую до сих пор волю героя опутала неразрешимую вязью. С этого момента у Алкида все время стала сильно болеть голова.

112. Пифия приказывает Алкиду служить царю Эврисфею

Промучившись несколько дней дома, Геракл по совету успокоившейся Мегары приказал отвезти себя на парусном судне в священную Киру, ибо его голова так раскалывалась от нестерпимой боли, что он не мог не только бежать или скакать на коне, но даже долго идти на милых ногах. Слуги же вышли заранее пешим путем и к его приезду привели обычную для Дельфийского храма жертву – не знавшего ярма тучного белого быка с позолоченными рогами.

В лавровых венках с шерстяными повязками, вопрошающие приносили на Парнас дельфийскому богу жертвы и возносили молитвы. Когда по знамению жертвы день оказывался благоприятным для совещания, тогда светловолосая Пифия предварительно омывала волосы в Кастальском источнике, в который превратилась целомудренная нимфа Касталья, спасаясь от преследовавшего ее по пятам влюбленного Феба. С тех пор несчастный в любви Дельфиец безнадежно влюблен в Кастальский Парнас, дарующий вдохновение поэтам, ваятелям и музыкантам.

Вода в этом источнике стала священной и используется для омовений паломниками при посещении Дельф, и для мытья волос Пифии перед началом ее прорицаний. В золотом головном уборе и в золототканной одежде, омытая, спус-

калась она в адитон – святая святых дивного храма, где находится золотой кумир Аполлона. Здесь же были лавровое дерево, священный источник и Омфал из белого паросского мрамора с двумя золотыми орлами.

В адитоне аполлонова дева одевала на голову свежий лавровый венок и восходила на знаменитый треножник, принесенный в дар греками прославленному в веках аполлонову храму после Платейской битвы.

Алкиду в лавровом венке и с шерстяной повязкой на раскальвавшейся от боли голове не пришлось долго ждать встречи с Пифией, которой вдохновенье в душу влагает Делосский бог и грядущее только ей открывает. Надышавшаяся испарений, поднимавшихся из глубокой расщелины, где догнивал бывший когда-то ужасом для людей огромный змей Пифон, прорицательница сначала долго восседала на треножнике и молча жевала душистый лавр, чтобы от его дурманящего действия быстрее прийти в божественный экстаз, похожий на высокое поэтическое вдохновение.

Алкид был в недоумении, не зная, что ему делать. И вдруг дельфийская дева резко воздела руки к небу и, брызгая во все стороны зеленоватой слюной, начала выкрикивать оракул в стихах, который отпрыск Зевеса смог понять лишь после того, как получил разъяснение от специально обученного жреца пророка.

Некоторые говорят, что как раз этот жрец и был в храме главным, ибо важно не само прорицание, а его толкова-

ние. Из-за загадочности вещаний дельфийской жрицы Аполлон получил прозвище Локсий – вещающий иносказательно. Даже после толкования пророками вдохновенных изречений аполлоновой девы, оракулы часто бывали трудными для понимания.

Однако оракул, в этот раз оглашенный пророком Алкиду, был прост и понятен:

– Внемли, дерзкий муж, смерти подвластный! Нет гнуснее порока, чем высокомерное глумление над себе подобными и нет преступления более тяжкого, чем дерзкое непослушание царю. Ты уже не однажды надменно преступил закон благочестья, и за это царю ты будешь служить, всех превыше стоящему. Феб – Аполлон от имени великого Зевса тебе повелел 12 лет верой и правдой служить Эврисфею и совершить в это время 10 тяжких подвигов и обязательно бескорыстных. Делай же сейчас, не откладывая, что всеильным суждено тебе Роком или тебе придется к богу опять обратиться, но уже после страшной беды.

Когда Алкид слушал в храме Делийца пророка, головная боль чудесно исчезла, но привычная крепость духа к нему не вернулась.

Говорят, что сын Зевса сильно печалился потому, что не желал он служить ничтожеству, даже скипетроносцу. Он пребывал в состоянии постоянной гнетущей подавленности из-за того, что слабым часто сильные подвластны, что несправедливо. Гигиея, богиня здоровья, мать всего дающе-

го жизнь, дарящая настоящее счастье, казалось, Алкида покинула навсегда.

113. Гера посылает к Мегаре богиню обмана Апату

Целыми днями понурый Алкид бесцельно бродил по гулким коридорам и залам дворца Креонта, выпятив сердитые губы и без того низкие брови до предела нахмутив, он со своим сердцем беседовал:

– Голова не болит, ничего не болит, но сердце ноет и ноет, и обуревают какая-то тоска беспричинная. Сколько уж раз вспоминаю судьбоносный тот выбор на перепутье и сомневаюсь – правильно ли выбрал я жизненный путь, да и я ли выбрал или Мойра меня под руку сильно толкнула? Вместо того, чтобы самому повелителем быть, я собственной рукой выбрал для себя позорную рабскую долю и должен теперь служить ничтожному Эврисфею, мерзкому карлику, подлому, хитрому, как все хилые люди. Как я могу позволить командовать собой жалкому правителю с глазами собаки, ушами осла и сердцем оленя?! – Лучше стоя быстро сдохнуть в рабских оковах, чем 12 лет ему служить на коленях... Нет, я не позволю ему собой помыкать даже, если мне прикажет отец или сама непреложная Мойра!

Гера наблюдала, как Алкид вместо того, чтобы начать службу у Эврисфея, совершает один за другим разные нечестивые проступки и терпела, выжидая наиболее подходящий момент, чтобы погубить ненавистного пасынка.

Однако, когда охранительница брака Гера увидела, как он ударил по лицу супругу Мегару и та после этого дико билась головой о стену, то ее охватила безудержная ярость: она как ураган долго носилась над лесом, окружавшим семивратные Фифы, ломая и вырывая с корнем не только кусты, но и большие деревья.

Успокоившись, Гера, похлопывая себя ладонью по лбу, медленно выговорила себе:

– Больше его мерзости терпеть никак не возможно. Он не только людям уши и носы отрезает, не только человеческие рвет на части тела и без погребения псам их бросает, он за одну беспутную ночь по полсотни девушек развращает, он законную супругу, как собаку бездомную избивает! А Зевс все с наказанием медлит, да и накажет ли, ведь и сам он руки порой распускает. Он послал Немесиду и думает, что достаточно этого. Она карает, конечно, неотвратимо, но слишком уж мягко, а иногда даже одаривает, взяв в руку ветку яблони. Чувствую, что придется, не откладывая, все сделать самой. Я просто должна его покарать, ибо униженная Дике вопит и требует это сделать! Надо мне заставить пасынка сотворить нечто такое, за что его нельзя будет не покарать и невозможно будет медлить с наказанием... но, что? Думай Гера, ведь не зря тебя называют большой мастерицей устраивать всякие козни!.. Да, сама Справедливость требует защитить достоинство добродетельных женщин, и я должна, засучив рукава, взяться за трудное дело и расправиться с отродьем Зе-

веса, как с мерзкою язвой.

И вот уже Гера с просветленным лицом приказывает своей верной служанке и милой подруге Ириде вызвать богиню бешеного безумия Лиссу и богиню обмана Апату. Вестница Геры помчалась на землю так быстро, что ее разноцветные одежды разметались по всему небосклону, образовав семицветную горбатую арку. Быстро Радуга нашла Апату и велела ей мчаться к царице Олимпа, и не была непослушной богиня костлявая, у которой в черных волосах с седыми прядями извивались пятнистые змеи с раздвоенными языками.

Увидев перед собой высокую, костлявую деву, подпоясанную поясом, наполненным неприкрытой ложью и обманами хитрыми, Гера повелительно ей сказала:

– Я желаю, Апата, черноодежной Нюкты безбрачная дочь, чтоб ты мне быстро исполнила просьбу такую: между моим пасынком Алкидом и его супругой Мегарой надо возбудить особо ужасный скандал. Тебе это будет сделать не трудно, ведь он ей каждую ночь изменяет, а она сердцем порывистая, своенравная. Сначала она от этого очень страдала, но потом смирилась, привыкла, ведь ко всему женщины на земле привыкают, и к изменам, и к побоям супруга. Для того, чтоб искусно Мегару подстрекать на скандал, ты воспользуйся своей знаменитой Обманкой, в которой есть все то, что смертных способно ввергнуть в бездну замысловатой лжи и скрытого обмана: самое изощренное лукавство, лести искусной беседы, хитрости и коварство, также и лживые речи, что ве-

тер разносит по воздуху! Ведь ты говорила, что чара могучая твоей Опояски обманной сильнее даже Пестроузорного Пояса улыбкалюбивой богини, у которой в Пафосе есть алтарь благовонный и тенистая роща. Вот сейчас и проверим на что ты способна. Ступай же быстро к Мегаре!

114. Ссоры Алкида с Мегарой

И вот кидонская богиня, оставаясь невидимой всем, уже подкралась сзади к Мегаре и схватила ее правой рукой за темные волосы, заплетенные сзади в косы красиво. Лево́й же руко́й она высоко подняла над своими узкими, как у подростка, бедрами пояс обманный и, положив его на голову Мегары, рисовать на нем стала непристойные для женского взора картинки.

На этих безобразных картинках, видимых только Мегаре, муж ее сочетается любовными ласками на их супружеском ложе то с одной из ее служанок, то с рабыней, то сразу с двумя незнакомыми голыми юными девами, и все при этом выкрикивали ее имя и нагло смеялись над нею.

От увиденного своими глазами такого разврата, совсем глаза округлились у супруги Алкида и с оглушительными криками она по дому помчалась в поисках мужа. По пути Мегара опрокинула две скамейки и до крови палкой избивла очередную беременную от Алкида служанку. Заливаясь слезами, она на весь дом визгливо поносила супруга:

– О, проклятый изменщик Алкид! Сколько уж раз ты своими изменами мне подло втыкал острый нож в спину между лопаток?! Зачем только, глупая, за тебя я замуж пошла? Разве мало мне радости было под уютным родительским кровом? Как чудесно я царевной жила, таким довольством и

блеском всегда окруженная, что люди завидовали мне. Потом была эта проклятая свадьба с тобой, с виду такая блестящая, ведь ты был завидный жених – из первых героев Эллады. Давно ли, кажется, под звуки флейты, под пенье гимна брачного, в наш царский дом привел меня внук великий Алкея? Теперь же, ради похоти проклятой своей, меня готов ты растоптать, смешавши с грязью! О, боги! Где теперь мое безоблачное счастье? Все пропало, погибло безвозвратно, исчезло, словно легкий дым при сильном ветре испарилось и превратилось в прах. Меня теперь ждут только злые беды и глухое горе из-за супруга неверного!

Алкид, слыша крики супруги, сначала морщил нос и нудно так ей твердил:

– Муж все делает хорошо, что бы не сделал. Так должна думать жена, даже если молчит. Если же вздумает вслух мужу перечить, то лишь беды одни ее речь ей принесет.

Мегара его словно не слышала, и тогда Алкид решил прекратить ее истерику, подошел к ней и легонько ладонью ударил ее по щеке, только за тем, чтоб привести в чувство и крики визгливые прекратить. Он уже делал это не раз. Удар был, как всегда, совсем не сильным, но вместо того, чтобы успокоиться, жена вдруг зарычала как горный медведь или лев и, грохнувшись на пол, стала кататься туда и сюда с душераздирающими надрывными воплями.

Никогда Алкид не слышал, чтобы женщина так кричала. Он изо всех сил зажмурил глаза и схватился дрожащими ру-

ками за голову. Все его тело пронзила крупная дрожь, широко открывшиеся синие глаза глядели по сторонам испуганно и затравленно. Потом он, не отрываясь, посмотрел на бьющуюся затылком об пол супругу, и на его испуганном лице появилась жалость, потом он стал опять испуганно озираться кругом.

Мегара через некоторое время внезапно успокоилась, прекратила вопить, встала с пола, оглядела себя и, как ни в чем ни, бывало, начала поправлять свою одежду и приводить гребнем в порядок совсем растрепавшуюся копну волос.

Алкид некоторое время недоумевающе глядел на супругу взглядом, застывшим...

115. Ирида посылает богиню бешенства Лиссу к Гераклу ^[27]

Еврипид поет, как преданная златотронной Гере ее милая вестница быстроногая Ирида в это время примчалась к богине бешеного безумия Лиссе и провещала:

– Ты ж, богиня древняя, так и не познала брака, рождена от крови знатной и из утробы благородной вышла на свет. Ты, дочь глубокой черной ночи от Урана, собери всю злобу и жестокость воедино, что накопились в твоей безжалостной груди! Теперь на Алкида – мужа, для Геры, нашей госпожи, такого ненавистного, наслать должна ты жгучее безумие. Пусть ноги негодяя сами исполняют неистовый танец, пусть иступленный мозг его разрывается от нестерпимого желания всех убивать. Заставь его Лисса в пасть жадной смерти собственными руками затолкать своих детей цветущих. Пусть он познает неистовую ненависть царицы нашей – и нас с тобою заодно оценит! Что стало бы с нами, божествами, когда бы смертный человек в своей безудержной гордыне для кары вышних оставался недоступным?

– Давно я знакома с этим негодяем. Уже не раз сплетались мы телами с ним в порывистых объятиях безумия страстей, которые кончаются всегда смертями. Скажи Ирида, златотронной Гере, что и на этот раз, я встречу с гнусным му-

жем не напрасно – будет много детскихtrupов.

Ответила Ириде Лисса и помчалась, как буйно резвая собака, что за дичью посылают, и горячо клялась сама себе безумная богиня:

– Злое море так не выло, волны бурные вздымая, так земля не содрогалась и, по небу пролетая, столько ужаса и смерти не носили стрелы молний Катебата, сколько трепета, и горя, и безумных содроганий сыну Зевса и Алкмены я доставлю. Скоро, скоро я его заставлю собственных детей убить; да, своей рукой малюток беспощадно умертвит он, совершенно обезумев... Долго, долго после будет сон его кровавый длиться.

Недоумевающий взгляд Алкида, смотревшего на Мегару, начал меняться в то время, как он шептал сам себе:

– Боги, мне кажется, что она нарочно надо мной издевается – когда хочет – орет и визжит, словно умалишенная, а как пожелает – тут же овладевает собой, спокойно поправляет волосы и одежду. А я такую к ней испытывал острую жалость, когда она билась затылком о пол, что мне самому стало так страшно, будто разум совсем меня покидает. О, мерзкая лгунья! Собака! Я не позволю тебе так над собой надругаться.

116. Алкид, охваченный Лиссой, убивает своих детей от Мегары

Тут буйная Лисса примчалась и схватила Алкида в объятья безумные и крепко стала держать, он чувствовал всем своим мощным телом, как от бешеного гнева члены все его затряслись. Синие зрачки его стали вращаться, словно выскочить хотели из глазниц, грудь задрожала и рывками стала скакать, будто кто-то буйный в ней находился и вырываться наружу пытался.

Побледневшая от смертельного страха Мегара молча кинулась бежать сломя голову. Алкид же, как бык, вконец разъяренный, кривыми рогами трясет, так же бешено тряс головой и как бык то мычал, то ревел, когда воздух из мощного горла вырвался со свистом и хрипом. Потемневшие глаза его свирепо искрились, а с оскаленных, как у зверя, зубов закапала белесая пена.

Шкура Киферонского льва с Алкида слетела и обнаженный с луком и стрелами в руках, он, словно в кошмарном сне, стал носиться по дворцу, опрокидывая и ломая столы и скамейки и грозно вопя:

– Я узнал тебя, Эврисфей! Это ты в женском обличье надо мной издевался! Если не покажешься, сыновья твои за все мне ответят! Перимед, Эврибий, Эврипид! Где вы спрятались, мерзкие щенки микенского недоноска! Все равно я

вас отыщу! И тогда, уверенны будьте, заслуженной смерти вам избежать не удастся!

Увидев племянника Иолая, он не узнал его и недоуменно спросил:

– Кто ты такой? Ты вроде бы не сын противного мне властелина с ушами огромными, как у осла. Может ты и есть сам Эврисфей, напяливший парик, чтобы прикрыть свои уши ослиные? – Нет, ты возрастом малый, значит ты – один из его сыновей, хотя... они должны еще быть моложе... Кто же ты, отвечай, если жить еще хочешь?

С налитыми кровью глазами Алкид, вытянув вперед руку с луком, направился к племяннику, но тот, видя, что дядя не в себе, сумел увернуться и убежать. Алкид не стал его преследовать, но, словно почувствовав присутствие детей, спрятавшихся в соседней комнате, он, как будто во сне, полном диких кошмаров, бросился туда.

И вот первая стрела вонзается в невинное сердце ребенка, и тот, как сноп шлепается, падает навзничь, окрашивая блестящий мраморный пол детской безвинной кровью. И дикий крик победившей Алалы слетает с побелевших губ отца:

– Один щенок готов, и тот властитель мерзкий, что хочет мной командовать, часть долга кровью сына заплатил. Теперь пора расплачиваться второму сыну за нечестивого ничтожного отца!

И вот стрела вторая, чтоб поразить другого сына, который, спрятавшись за алтарем, считал, что там он в безопасности,

уже готова сорваться с визгом с тетивы, но слишком ее сильно натянули, и она порвалась с треском.

Ребенок, видя для себя такой счастливый случай, со ступеней алтаря скатился кубарем и бросился к отцу, ему повис на шее и, рукою детской касаясь бороды кудрявой, слезно молит о пощаде. Алкид с туманным взором не внемлет сыну, ребенка он толкает от себя, чтобы удобней было бить его и, как кузнец свой молот на наковальню опускает, – так он малютке ужасный на головку кулак свой мощно опустил. Темя ребенка хрустнуло, обрызгал детский мозг чертоги...

Сенека поет, что безумец схватил второго мальчика, молящего о жизни жалобно, за ножку и, раскрутив как палку, бросил.

Третий сын был так испуган смертью братьев, что тихо умер сам: ужас бледный мгновенно сделал жизнь его короткой.

Николай Дамасский говорит, что Геракла после его брака свела с ума или разгоряченная желчь или какая-то другая причина. Впав в неистовство, он убивает двоих детей Ификла и своих сыновей от Мегары, которую тоже чуть не убил. Она не выпускала последнего ребенка из рук и была спасена подоспевшим Ификлом, который, схватив ее за руку, утащил почти насильно.

117. Афина бросает Софронистер

Фиванцы знали, как Алкид обожал своих сыновей и после ужасного несчастья стали ежегодно приглашать веселого бога Кома, чтобы устраивать радостный праздник в честь этих детей, которых одевали в доспехи. В первый день празднования они совершали жертвоприношения и всю долгую ночь жгли костры, на второй день устраивали погребальные игры, победитель которых удостоивается венка из белого мирта.

Фиванцы горько скорбели о блестящем будущем, ожидавшем сыновей Геракла от Мегары. Один из них должен был править Аргосом, заняв чертог Эврисфея и тучные нивы Пеласгии. Другому сыну в удел предназначалось Фиванское царство, а третьему сыну была предуготовлена Эхалия. Для всех трех сыновей были отобраны самые лучшие невесты Эллады, обеспечивающие тройственный союз Фив крепко-стенных с могучими Афинами и воинственной Спартой.

Те, кто любил Геракла, никогда не верили, что Алкид убил своих законных детей, они говорили, что это предательски сделал кто-то из гостей, которые часто бывали в гостеприимном доме зевсова сына от смертной Алкмены. Эти коварные убийцы завидовали восходящей славе Алкида, либо они были подосланы злокозненной Герой.

Фиванцы показывают могилу детей Алкида от Мегары, которых называли тоже Алкидами или Алкидидами. При

этом они рассказывают об их трагической смерти совершенно так же, как и Писандр и Паниасид в своих тогда знаменитых, а ныне утраченных поэмах, посвященных лучшему зевсову сыну от смертной Алкмены.

Фиванцы только прибавляют рассказ о том, как Геракла, охваченного безумством, когда он вопил истошно, что счастлив он, ведь Эврисфея род исчез, вдруг охватил сон глубокий от удара камнем. Они рассказывают, что этот огромный камень ему метнула в голову Афина, не оставлявшая надолго без присмотра брата.

Так сильна была бешеная хватка Лиссы, что даже Палладе, могучей зевсовой дочери не сразу удастся унять бешенство Геракла. Афина изо всех сил ударила его сначала своей рукой, по мужскому могучей, но бесполезным удар оказался. А ведь даже, когда Афина была совсем девочкой, удар у нее был очень сильным.

Отроковица Афина воспитывалась у сына Посейдона и Амфитриты морского бога Тритона, у которого была дочь Паллада. Однажды подружки вступили в воинское состязание друг с другом, и когда Паллада собиралась нанести удар, Зевс, испугавшись за свою дочь, протянул перед ней Эгиду. Паллада с опаской стала разглядывать необыкновенную шкуру козы и в это время пала жертвой случайного удара, нанесенного ей Афиной. Удар был случайным, но таким сильным, что Паллада тут же умерла. Богиня огорчилась нечаянным убийством и изготовила статую, похожую на Палладу,

назвав ее Палладием, сыгравшим большую роль в Троянской войне, ибо непреступен был для врага Илион, пока в нем находился Палладий. Потом в память о подруге безбрачная дева украсила свое имя эпитетом и стала называться Афиной Палладой.

Только с помощью удара камня, названного Софронистер (Приводящий в разум) по голове Афине-Палладе удастся повергнуть героя сокрушительной силы в сон тяжкий, беспробудный, на смерть больше похожий. Колени смирителя чудовищ медленно подогнулись, и на землю рухнул он, как дуб столетний под топором, как глыба в гавани, где строят мол.

Слуги рассказывают, что долго сон пребывал на веках простертого без чувств Геракла, руки кротко ему, сковав необорные, обезумевшей души долго не покидал, пока признаки прежнего разума вновь не вернулись к нему.

118. Страдающий Алкид пытается покончить с собой

Проснувшийся Алкид длительное время и тяжело приходил в себя, изумленно глядя по сторонам округлившимися глазами, он как будто бы все еще был не в себе и все время спрашивал:

– Где я? На чьей земле валяюсь? Чей это дом, мне, как будто знакомый? Чьи детские простерты здесь кровавые тела? Хоть стыдно молвить, страшно мне. Какое-то душа неведомое зло, случившееся здесь, предсказывает мне. Почему на мне нет шкуры льва? Где лук и стрелы, где палица моя победная? Кто лишит оружия меня посмел, ведь и во сне я грозен всем?.. Что вижу я? О боги! Это сыновья мои лежат убитые! Кто кровь моих детей пролить отважился? Укажите погубителя, и тут же он умрет! Врагом моим будет любой, кто знает, но мне не назовет убийцу. Слуги, где вы, отзовитесь!

Он нетвердым шагом ходил из комнаты в комнату, подходил то к одному мертвому детскому телу, то к другому, осторожно их гладил и морщился, словно что-то вертелось в его памяти, но ясно не вспоминалось.

Когда же, наконец, в его бегающих глазах засветился разум, он весь побелел, как свежесвыпавший снег и, завопив не своим голосом, кинулся в комнату, где хранилось оружие.

Там он схватил первый попавшийся меч и кое-как укрепив его, кинулся на него грудью, но меч, скользнув по ребру, со звоном упал, нанеся лишь глубокую царапину.

Острая боль привела в чувство Алкида, и он внезапно успокоился и ровными шагами стал быстро ходить по комнате из угла в угол. Внезапно он остановился, долго гладил свой выпирающий лоб обеими руками и, наконец, заговорил сам с собой рассудительно, словно пытаясь в чем-то себя убедить:

– Нет, мне нельзя падать духом, ведь этого только и ждут мои недоброжелатели и заклятые враги. Весь этот ужас мне следует считать испытанием крепости моего духа; и, боюсь, что это лишь первое испытание, а сколько их еще впереди?! Да, я убил своих детей и сделал это в состоянии ослепления, видно какой-то бог злокозненный или богиня мой разум похитил в это время... И это, безусловно, Гера, мачеха коварная моя. Конечно, безумие ни в чьих глазах меня не оправдывает, ведь это божьего преследования метка, знак мерзкой скверны. Это всесильная Ткачиха послала мне такую метку потому, что я уклоняюсь от вытканного ею жребия. Тройным детей убийством проклятая Старуха всего лишь указала мне на то, что я служить у Эврисфея должен и предначертанные ею подвиги свершать. Урок слишком жестокий, но не ужасный, ведь, что неотвратимый Рок определит – то смертным не ужасно. Все можно претерпеть, что свойственно природе. И в этом страшном испытанье я буду твердокаменным, как шкура эта, изопью горе до дна и все перенесу, чтоб победить

Могучую Судьбу.

Алкид несколько дней без пищи и воды просидел в своей комнате, заперев ее изнутри, хотя никто войти к нему даже не пытался, опасаясь за свою жизнь. Он ждал нового знака немилосердной своей Судьбы и, наконец, дождался, когда к нему постучал высокий, тощий светловолосый человек с длинным носом и маленьким поросенком в руках.

119. Феспий очищает Алкида от скверны тройного убийства

Алкид открыл дверь наполовину и увидел царя Феспия, бегающие глазки, которого, внимательно окинули настороженным взглядом затворника. Вдоволь насмотревшись, царь удовлетворенно кивнул и сказал, не скрывая лукавой улыбки:

– Радуйся Алкид! Я пришел прежде всего еще раз сказать, что признателен тебе за избавление моего города от ужасного Киферонского льва и еще кое-за что благодарен. Все мои дочери, кроме одной родили сыновей всем на безудержную зависть – пышущих бычьим здоровьем, сильных, красивых. В ознаменование этого высокие деревья перед своим дворцом я назвал рощей Муз и учредил праздник и состязания, которые назвал Музеями (праздник Муз). Эти празднования и состязания по музыке и борьбе атлетов мы устраиваем в честь сладкоистомного Эрота, соединившего тебя так удачно телесными узами с моими дочерьми. Жаль, конечно, что брачные узы тебя ни с одной моей дочкой не повязали. Хотя, что ни случается, все к лучшему, ведь нет справедливей наказанья для любящих сердец, чем узы брака и венец... Но полно, шутки в сторону. Узнав о постигшем твой дом несчастье, я сразу примчался к тебе, чтобы совершить над тобой обряд очищения от скверны убийства. Я взял со-

суд с кропильной водой, привезенной мне с вечно шумящего моря специально для обрядов очищения. И сера, и ветви маслины и лавра при мне и еще розмарин, можжевельник и мирт для увеличения очистительной силы кропила. А посмотри на этого чудного поросенка, только, что отъядого от сосцов материнских, полных от родов недавних. Я все сейчас исполню, как надо, а ты пока бросай унывать слишком сильно, Алкид. Бывали и раньше такие дела: 50 мужей заколками Данаиды убили, – в это Эллада даже поверить не смела, но окончилось для них все не плохо. С позволения Зевса, мудрая Афина и дружелюбный Гермес подвергли Данаид очищению в озере Лерны, и Минос с Эаком обрекли их всего лишь носить воду в кувшинах дырявых... Все проходит Алкид, пройдет и это. А сейчас, открой-ка мне дверь поскорее, чтобы от скверны я тебя, согласно обряду, избавил. Как только, что родившийся ребенок ты будешь чист и сможешь опять общаться с богами.

Геракл открыл дверь, и Феспий, многозначительно подняв палец, сказал:

– Для умилоствления души убитого и вместе с тем для примирения с собой убийца должен своею кровью смыть вину. Но я взамен такого обряда совершу примирительное жертвоприношение, и тогда убийца вместо себя, может принести в жертву домашнее животное, например, этого славного поросенка. Какая ветвь тебе больше нравится: маслина или лавр? Хорошо, пусть будет маслина. Ну тогда начнем.

После окропления водой царь феспиев тут же принесенного им поросенка заколол, вонзив острый нож под левую лопатку, кровь пустил, ему горло и шею разрезав, и оскверненные убийством руки Алкиду обильно кровью той окропил. Затем, не делая перерыва, иным омовеньем он стал богов умягчать, призывая Катарсия Зевса, заступника тех, кто прощенья ждет за убийство. Не прерывая обряда, Феспий распорядился, чтобы служанки все нечистоты вон из дома вынесли сразу и расставили чаши с водой ключевой для омовения рук. Разведя очистительный огонь, царь серой окурил все помещения. Потом благочестивый отец 50 феспиад ячменные лепешки и другие дары примиренья у пылавшего очага с возлияньями трезвыми жег, умоляя все время Зевса, чтоб удержал он ужасных Эриний от страшного гнева и для Алкида стал благожелательным защитником добрым после того, как кровью сыновьей он руки свои осквернил. Зевс все услышал и у себя на нетленном Олимпе косматой головой благосклонно кивнул, а на земле без молнии одним перуном громыхнул недалеко от дома Алкида.

По свидетельству Диодора Сицилийского, сведущая в магии и в волшебстве колхидская царевна Медея, прибыв в Фивы, застала там Геракла страдающим от безумия после убийства собственных детей. Ей были очень понятны его чувства, ведь и она совсем недавно зарезала собственной рукой двух своих сыновей от изменившего ей такого же, как Алкид русокудрого и голубоглазого героя Ясона, и она исцелила его

колдовскими зельями.

Согласно Фотию, от безумия Геракла излечил некий Антикирей, нашедший какое-то особенное лекарство в Фокиде.

Некоторые говорят, что Гераклу помогли Асклеиады Панакея (всеисцеляющая), излечивающая от любой болезни и явившийся укутанным в плащ с капюшоном и с фригийской шапочкой на голове ее сын Телесфор (приносящий пользу), сведущий в магии.

120. Пифия нарекает Алкида Гераклом

После очищения от скверны тройного убийства Алкид с просветленным взором, словно заново родившись, сердечно поблагодарил Феспия за примирительный характер обряда, а перед самым уходом царя, даже поинтересовался, глядя на него вновь чистыми, здоровыми, голубыми глазами:

– Как поживают твои красавицы дочери? Вышла ли за муж Прокрида? Ты сказал, что сыновей все родили, кроме одной, а как внуков назвали?

Мудрый Феспий понял, что Алкид спрашивает лишь из простой вежливости, а сам думает о другом и потому, совсем кратко, по-лаконски, ответив, быстро распрощался.

Юноша действительно горел весь желанием еще раз посетить прославленный Дельфийский храм, дабы окончательно убедиться, что ему обязательно следует идти к Эврисфею на службу, чего он духом по-прежнему не желал, но умом понимал, что это для него неизбежно предначертано Мойрой.

Когда он подошел к величественному зданию из белого камня и паросского мрамора, построенному братьями Агамедом и Трофонием, то застал много паломников. Даже среди граждан с немалым достатком за получением оракула в знаменитейшем храме Эллады образовалась очередь, но, когда по львиной шкуре и нестроганой дубине Алкида узнали,

ему предоставили почетное право спросить Феба без очереди.

У сына Алкмены и Зевса от удовольствия запылали не только щеки, но и могучая шея – такие привилегии оказывались даже не всяким царям. Приведенному Алкидом белому быку, никогда под ярмом не ходившему, дали стручковый горох, и по тому, как бык его съел жрецы – госии поняли, что он совершенно здоров. Затем на быка совершили возлияние и потому, как он, охваченный трепетом, дрожал всем телом, от копыт до рогов, поняли, что бог расположен дать вопрошающему оракул, и только после этого принесли его в жертву. По знамению жертвы определили, что следующий день будет самым благоприятным для совещания с богом, и Алкид, как «отдельный гражданин» заплатил госию за оракул установленную плату в 4 оболы (1 афинская драхма).

Ранним утром Алкид под присмотром госия совершил омовение водами священного Кастальского ключа, из которого пить нельзя, чтобы пройти последнее очищение, и только после этого дельфийский проксен сопровождал его в лавровом венке с шерстяной повязкой до дверей храма, где его «принял» другой проксен, и они спустились в адитон.

Там Пифия, омытая в Кастальском источнике, как всегда, в золототканной одежде, с распущенными волосами, в венке из зеленого лавра уже сидела на высоком треножнике. Непорочная дева с закрытыми глазами жевала лавр и судорожно вдыхала дурманящие испарения, поднимавшиеся из рас-

селины, где гнил тлеющий пепел убитого Аполлоном змея Пифона. Рядом с аполлоновой девой стояли три длиннобородых жреца – пророка с табличками и стилосами в руках. Нажевавшись лавра, дельфийская жрица воздела руки вверх и окурила себя лавром и ячменной мукой. Один из пророков дал Алкиду знак задавать свой вопрос, однако, когда тот открыл рот, Пифия забилась во вдохновенном пророческом экстазе и исступленно запела – забормотала, угадывая Фэбовы речи. Пророки стали записывать все, что вещала она, однако Алкид и без них понимал каждое ее слово:

– В прошлый раз тебе было приказано немедленно начать подвиги совершать, но ты ослушался и был за это жестоко наказан. Судьба суровая и дальше строго тебя будет преследовать, когда ты не будешь ее предназначения исполнять. Теперь ты хочешь узнать, как избежать тебе тяжких мук и безумных страданий после тройного убийства детей? Ты должен на старое дышло новую накинуть петлю. Чтобы страдания к тебе опять не вернулись есть лишь одно средство: ты должен свою небывалую гордыню смирить – этот корень зла и пороков всех матерь. Тебе следует поселиться в Тиринфе, но прямо из храма ты пойдешь к Эврисфею в Микены и помни, что он твой владыка. Ему и Гере Судьба предначертала быть живыми рупорами, дающими тебе задания на совершение назначенных тебе подвигов и трудов.

Алкид с удивлением слушал дельфийскую деву, глядя ей на пупок – ему казалось, что вещание именно оттуда идет;

слова же Пифии его не удивили нисколько. Когда он понял, что вещание кончилось и открыл рот, собираясь что-то сказать, исступленная Пифия, ни на кого не глядя, сошла с вдохновляющего ее треножника и тут же обрела удивительное спокойствие – она устало оперлась левой рукой о треножник, казалось, она не может даже стоять. Жрецы осторожно взяли Алкида за руки и хотели его вывести, но Пифия подняла правую руку, призывая их остановиться. Не восходя на треножник, она, сохраняя полную безмятежность, сказала Алкиду голосом спокойным и тихим:

– Ты больше не будешь зваться Алкидом. Феб Аполлон отныне Гераклом тебя нарекает, ибо именно Гере, которая всегда будет тебя гнать по земле, ты будешь славой великой обязан.

Эти тихие и простые слова Пифии подействовали на Алкида сильнее, чем ее исступленное бормотание, и он, решительно кудрявой потрянув головой, мысленно дал себе слово, как клятву, добросовестно отслужить 12 лет Эврисфею и никогда не забывать, что он царь, властвующий над множеством окрест живущих людей, скипетр от Зевса имея.

Выйдя из храма, Алкид, который до перемены имени был известен еще и как Палемон, теперь уже, как Геракл направился к Эврисфею в Микены, изо всех сил заранее стараясь улыбаться смиренно, но чувствовал, что улыбка пока получалась кривой.

Согласно Николаю Дамасскому, когда Ликимний, Ификл,

Алкмена и Геракл прибыли для проживания в Тиринф, Эврисфей быстро стал другом Ликимнию и Ификлу, а к Гераклу относился с подозрением и скрытой опаской, никак не допуская его в число своих близких, но заставляя его выполнять то, что мы называем «каноническими подвигами Геракла».

Подвиги Геракла

121. Эврисфей назначает первый подвиг

Алкид, теперь нареченный дельфийским богом Гераклом, больше решил не испытывать судьбину и прямо из Пифийской обители явился к Эврисфею в Микены.

Арголидский Владыка, узнав о новом имени Алкида, постарался скрыть удивление и, прищурив свои маленькие вечно невеселые глаза, сказал Гераклу с грустным смешком:

– Ты опять, Алкид... нет, теперь ты Геракл, но все в той же львиной шкуре, хоть имя сменил. Радуйся! Твое первое задание я готов объявить. Забавно получается – мужу, одетому в львиную шкуру, надо будет добыть, хе-хе, другую львиную шкуру, как будто ему одной шкуры мало, хм-хм...

Из тонких бледных губ Эврисфея слышалось старческое дребезжание – так он смеялся. Герой угрюмо исподлобья взглянул на царя и, поморщившись, отвел неприязненно-настороженный взгляд. Видно было, что он продолжал упрямо ненавидеть троюродного брата (он не хотел даже в мыслях называть его дядей), но после убийства детей и последнего посещения дельфийского храма он стал другим, ве-

роятно, боялся беспощадную Судьбу прогневить. Конечно, он помнил данное себе слово и больше не мог позволить себе непослушание и тем более издевательство над царем и потому спросил, стараясь сделать голос почтительным, но сумел сделать только небрежным:

– Говори, что надо сделать? Еще одного льва убить?

– При такой силе огромной, ты еще и догадлив, брат мой; не зря Гераклом тебя нарекли – твое новое имя связано с Герой, а царица богов не только очень добродетельна, но и умна. Но давай говорить о деле: Тебе надо в Немее убить льва совершенно особенного. Говорят, что у него кожа вся, как из камня, но это, должно быть, шутки разноречивой Молвы, любит эта богиня напрасно душу людям морочить. Впрочем, мы это сможем проверить, когда ты, свершив этот подвиг, принесешь показать мне его шкуру. Да, еще я строго предупреждаю тебя, что все подвиги у меня на службе ты должен совершать бескорыстно и сам, без помощи посторонних! Это неперемное условие твоей службы придумано не мной. Боги решили, что совершение трудных подвигов, это не просто твоя работа, это еще и кара за тяжкие преступления, совершенные тобой.

– Если уж я совершил преступления, то и расплачиваться буду сам. Не уклонюсь ни от какого задания, ведь я не трус. И в помощи я ничьей не нуждаюсь, во мне самом силы не мало. Льва в Немее убью, какая б не была у него шкура и ее принесу в доказательство совершенного подвига.

Ответил угрюмо Геракл, не глядя на Эврисфея, а тот опять задрезжал бескровными своими губами:

– Не хочу тебя понукать, брат мой, ведь ты не конь, хе-хе, но все ж не затягивай дело. Я слышал, что Пифия объявила тебе за 12 лет 10 выдающихся подвигов совершить, хотя по моему разумению, их должно было бы быть тоже 12, ибо это священное для бессмертных число. Впрочем, Фебу виднее, и, как бы то ни было, ты не откладывай и уже завтра к выполнению первого подвига готовиться начинай. Если потребуется настоящий доспех или какое-нибудь оружие, в любое время приходи в мои кладовые, и ключник тебе выдаст все, что надо, это я ему прямо сейчас прикажу.

Сказал Эврисфей, довольно сощуривав водянистые голубоватые глаза – было видно, что ему нравилось, как он говорит с племянником, обреченным неизбежной Судьбой на службу к нему. Он опять вспомнил, как Гера в ночном сне ему приказала:

– Веди себя так, чтобы Гераклу не на что было жаловаться Зевсу или Афине, которая по заданию отца негласно его опекает, оберегая от преждевременной смерти. Мы же с тобой должны находить для него такие задания, чтобы, выполняя их, грозной смерти он бы не смог избежать и, внезапно постигнутый ею, навсегда бы спустился в преисподние дома Аида в мрачных безднах подземных.

– Как мы его погубим, если ему помогать будет сама могучая Афина-Паллада?

Спросил тогда озадаченно Эврисфей, и Гера похвалила его за внимательность и ответила:

– Молодец, Эврисфей, что ты это заметил! Но Афина не всемогуща, и она, как и мой сын Кривоногий большая Эргана (Труженица) и потому есть у нее и другие дела, кроме, как приглядывать за моим пасынком. И потом, никто не может помогать Гераклу в совершении подвигов, ибо они – не просто работа, а кара за тяжкое преступление. Чтобы соблюсти справедливость, ты ему об этом скажи. Если мы узнаем, что кто-нибудь Алкиду помог в совершении какого-нибудь подвига, будь это Афина или кто-то другой, этот подвиг не будет засчитан!

Гера, словно легкая дымка, беззвучно растаяла в прозрачном, как горный эфир, воздухе, а Эврисфей, опять засыпая, улыбался и думал блаженно:

– Как же приятно общаться мне с обворожительной Герой, ведь она разговаривает со мной почти как с равным, спокойно, разумно, без непомерной гордыни, не то, что с бесноватым Алкидом, т. е. теперь уж с Гераклом – никогда не знаешь, что от него ожидать. Кто-нибудь посторонний может подумать, слушая наш разговор, что это он царь, а я раб у него... А злокозненность Геры в отношении необузданного Геракла, убивающего всех, кто на пути попадает, даже своих детей, конечно, и необходима, и справедлива... а как с ним иначе?

122. Лев с каменной шкурой

Выздоровевший Геракл переселился в крепкостенный Тиринф, который семью брюхорукими каменщиками киклопами был обведен высокой крепкой стеной из огромных каменных глыб. Он, скрипя зубами, запретил себе всходить на ложе к женщинам, пока не выполнит первый из предназначенных Судьбой неумолимой подвигов:

– Нельзя мне надеяться ни на чью помощь и не потому, что все подвиги я должен совершать в одиночку в наказание за преступление, а потому, что я не могу полагаться на изменчивую Судьбу после того, как проклятая Старуха соткала мне тройное убийство детей. Я могу надеяться только на свою силу – отныне она мой единственный в жизни верный друг и помощник. Как там сказала мне на перепутье Арета: «Хочешь быть сильным – развивай тело в тренировках упорных и ежедневных тяжелых трудах».

Каждый день Геракл стал тяжело тренироваться, бегая по несколько сотен стадиев в полном боевом доспехе с крепкой дубиной в руке. После непродолжительного отдыха он много раз подбрасывал вверх медный диск и сбивал его в воздухе своей нестроганой сучковатой дубиной из дикой оливы. Это была новая дубина, которую он вырезал специально для битвы с обитавшим в Немее особенным львом. Об этом непонятном звере Геракл ежедневно старался узнавать у людей

что-нибудь новое, но добытые сведения оказывались не надежными и противоречивыми.

Одни говорили, что огнедышащая, мощная, большая Химера родила Немейского льва, в жаркой любви сочетавшись с псом Орфом двуглавым. Лев этот, белорукою Герой вскормленный, супругою славною Зевса, людям на беду и на горе в Немейских полях поселен был златотронной богиней. Там зверь свирепый и мужей пожирал земнородных, в области всей [Апесанта, Немей и Трета](#).

Другие утверждали, что богиня луны Селена родила его в страшных судорогах и уронила на землю на гору Трет неподалеку от Немей, у пещеры с двумя входами, и в наказание за нечестивость Селена наслала его на собственный народ.

Геракла раздражали эти совершенно неправдоподобные рассказы и он, недовольно морщась, так беседовал сам с собою:

– Слишком много выдумывают небылиц люди и про льва, и про Геру. В самом деле – зачем олимпийской царице вскармливать этого льва, да еще, как позорной служанке из хлева, делать все это белыми своими руками? Не по сердцу ей такая работа, ей надо власть, она любит надменно командовать всеми.

Один образованный человек, пешком обошедший всю Ойкумену, Гераклу так рассказал о льве из Немей:

– Этот чудовищный лев огненноокий, поселившийся в Немее, является сыном исполинской змееды Ехидны и

беззаконного Тифона – самого сильного из всех чад, порожденных когда-либо всеобщей праматерью Землей – Великаншей. Ты не думай, что Немейский лев – это просто громадный и сильный зверь, подобный убитому тобой Киферонскому льву, только больше размером. Это чудовище является древним богом, двоюродным братом самого Зевса, ибо у них одна бабка Гея. Дедом Зевса является, как известно, звездный Уран, а дед Немейского льва – бездонный Тартар – такой же древний бог, как и Небо – Уран, и праматерь всеобщая Гея. Поэтому человеку, причастному смерти, убить Немейского льва почти невозможно. Впрочем, поговори обязательно с ловцами, оставшимися в живых после большой охоты на этого льва, если такие найдутся.

Геракл узнал, что на божественное чудовище охотники однажды устроили большую облаву, более напоминавшую воинское сражение, чем охоту. В этой битве с ужасным львом приняло участие больше ста человек, многие из которых были опытными охотниками, убившими в одиночку не одного льва. Лишь несколько человек смогли вернуться с той жуткой охоты живыми и не искалеченными и то только потому, что позорно бежали с поля боя в самом начале сражения. Один из оставшихся в живых в той охоте калека со сломанными ногами Гераклу так о ней рассказал:

– Мы долго и тщательно готовились к той охоте. Были сделаны упирающиеся одним концом в землю огромные луки, тетиву которых могли натянуть двумя руками только самые

сильные мужчины. Были изготовлены особые крепкие копья в 16 локтей длиной, и их могли только сильнейшие воины метать и то недалеко. Так же были вырыты несколько глубоких ям, между которых расставили очень крепкие сети. Всей охотой руководил один бывший спартанский стратег, умеющий командовать войском. И все равно результат оказался плачевным. Этот страшный лев любые сети рвал так легко, словно они были сделаны из тонких нитей, а не из толстых веревок. Замаскированные травой и ветками глубокие ямы зверь словно чуял и обходил стороной. Однако ужасней всего была его шкура, она оказалась тверже гранита, и ей ничем было никакое оружие. Ударившись в эту шкуру,гнулись медные наконечники копий и стрел, а изоострые мечи из закаленного железа оставляли на ней лишь белые царапины. В него пускали и горящие стрелы, но он и огня не боится. Я остался живой потому, что бежавшие в ужасе от льва люди сбили меня с ног, и он, пробегая мимо, меня, лежачего, не заметил и на ноги своими пальцами мне наступил, колени сломал и духа надолго лишил. Когда я очнулся всюду валялись убитые и раненые стонали, а льва нигде уже не было.

После таких рассказов у Геракла надолго пропадал аппетит, и сон, освежающий ночью не приходил, а придя – по много раз прерывался.

123. Молорх оказывает Гераклу гостеприимство

Поведа целый месяц в нескончаемых тренировках, Геракл отправился в Немею – священную местность близ северных границ Арголиды, славную знаменитым храмом Зевеса. Прибыв в Клеоны, что расположены между залитым солнцем Коринфом и Аргосом конелюбивым, он попытался у автохтонов (коренные жители) разузнать еще что-нибудь важное, что помогло бы ему в битве с каменнокожим чудовищем.

Почти во всех семьях клеонских были убитые или раненые Немейским львом. Люди жили в постоянном страхе, но им некуда было деться. Гераклу врезался в память затравленный взгляд отца, недавно потерявшего на львиной охоте правую руку, он уже не мог оказать льву никакого сопротивления, чтобы хоть попытаться защитить свою жену и детей. Когда Алкид сказал ему, что он пришел сражаться с ужасным львом, тот только горько заплакал.

В Клеонах, недалеко от дороги, ведущей к древнему Аргосу, построенному сыном Океана и Тефии Инахом, отрасль Алкмены и Зевса был радушно принят одним бедным человеком по имени Молорх. Этот пожилой селянин жил в небольшой хижине в полном одиночестве потому, что недавно потерял жену и двух взрослых сыновей, которых растер-

зал лев, когда он был в Аргосе. Бедный Молорх, увидев останки своей дружной семьи, за одну бессонную ночь стал совершенно седым и, на целый месяц повредившись в уме, он все эти долгие 30 дней безуспешно боролся с мышами, думая, что это новорожденные дети Немейского льва.

Узнав, что Геракл явился, чтобы убить чудовищного льва, селянин благоразумно попытался его отговорить от задуманного. Окинув завистливым взглядом мощную, дышащую неимоверной силой фигуру гостя, селянин трясущимися руками погладил седые жидкие волосы и печально сказал:

– Даже твоей огромной силы, безбоязненный герой, не хватит, чтобы убить это страшное чудовище. Ведь лев этот не просто громадный и сильный, ему не страшно никакое оружие – ни стрелы, ни копья, ни мечи изоострые. И еще я тебе скажу – он умный, прямо как ты и я потому, что обходит все ямы и любые ловушки с петлями и сетями, с ядом, словно сам изготовил их и поставил. Поэтому пожалей своих милых родителей, детей и супругу – не ходи сражаться с этим львом, одетым в непробиваемую никаким оружием шкуру. Только боги смогут избавить нас от этого чудовища, и потому наше спасение единственно в мольбах и молитвах!

Геракл долго тер кулаком недавно появившиеся завитушки усов и бородки и потом со вздохом сказал:

– Увы, Молорх! У каждого своя беспокойная доля. Мне нельзя не сразиться с вашим львом потому, что это приказ царя, которому я должен служить целых 12 следующих лет.

Но этого льва-людоеда и без царского приказа я истребил бы! Потому, что я чувствую сердцем, как Необходимость могучая властно меня заставляет начать очищать землю от самых страшных чудовищ. Когда я слышу, что он наделал – все во мне восстает, кипит и бурлит, и я потом спать не могу и никакой кусок в горло не лезет!

Молорх виновато улыбнулся добрыми карими глазами и сочувственно развел натруженными руками:

– Боги судили всесильные нам, человекам несчастным, большее время жить на земле в огорчениях: одни лишь они всегда беспечальны.

Не привыкший унывать крестьянин гостеприимно предложил Алкиду отдохнуть с дороги, усадив его на почетном месте у защищаемого Гестией домашнего очага – средоточия всего дома и места соединения семьи, правда, семьи у Молорха уже не было. Он сам хотел омыть гостю ноги в теплой воде, но сын Алкмены не позволил ему этого сделать. Тогда Молорх поспешил развести чуть тлевший в сером пепле очаг, чтобы сварить овощи с мясом костлявой старой облезлой козы – единственного животного, которое было в его скудном хозяйстве.

Геракл же в это время после долгой дороги прилег отдохнуть на ложе из своего любимого тростника. Тут он услышал шум и испуганное жалобное бляенье козы и понял, что Молорх собирается зарезать свою рогатую кормилицу, много лет дающую ему шерсть и молоко, а значит и сыр, и тво-

рог. Алкид быстро вскочил и отобрал у хозяина уже занесенный у горла связанной козы нож.

Селянин тогда, пряча наворачнувшиеся слезы, стал причитать:

– Пищи забыть не могла даже жена Амфиона Ниоба, у которой сразу все 12 детей нашли себе смерть, – шесть дочерей в первом цвету и шесть сыновей возмужавших. Стрелами юношей всех перебил на охоте сребролукий Дельфиец, неистовый гнев к Танталиде питая, а девушек умертвила всех в траурном зале дворца стрелолюбивая Артемида. Мать их надменная со своей бывшей подружкой Лето, желая равняться, говорила, что та лишь двоих родила, сама ж она целых 12, и счастье ей обеспечит чад изобилье. Однако эти, двое близнецов, луками грозные, 12 всех погубили за матери нечестивый язык, доставшийся ей от отца негодяя. Сирой Ниоба долго сидела, между остывших тел сыновей, дочерей и супруга, оцепенев от бед и безутешно рыдала, пока не была Немесидой в камень обращена, и слезы льют и поныне обильно ее окаменевшие очи. Но прежде, чем превратиться в вечно плачущий камень, Танталида вспомнила все ж и о пище. Хочешь – не хочешь, а помнить велит о себе голодный желудок всегда, как бы ни мучился кто, как бы невыносимо сердце его не ныло и не страдало.

– Хватит, старик, мне говорить о спесивой Ниобе. Даже если б, я от голода сейчас умирал, все равно единственную козу, подругу твою и кормилицу, не дал бы тебе зарезать.

С тебя довольно прошлых бед и несчастий, чтоб самому не вызывать новых.

Хозяин продолжал настаивать, но уже совсем вяло на том, что для удачной охоты какое-нибудь животное все же надо принести в жертву богам:

– Скрыли великие боги от смертных источники пищи: иначе каждый легко бы, почти не трудясь, имел для себя пропитанье и животных для жертвы. Все же и нам следует для твоей успешной охоты принести вечным богам, на Олимпе живущим, сообразную достатку жертву! Ведь желают их они постоянно...

Однако Геракл решительно повелел:

– Друг, о жертвах пока позабудь. Будешь меня здесь ждать тридцать дней. Если нет вина совершать возлиянья богам, то все это время просто молись... Если я возвращусь с охоты целым и невредимым, то жертву вместе мы принесем Зевсу Сотеру (Спаситель)..., если же я погибну, то жарко помолись и принеси эту козу в жертву мне самому, как герою, отдавшему жизнь за людей.

Так, запнувшись, Геракл закончил речь неуверенно, а немейский крестьянин, наклонив седую голову, благодарно посмотрел на него снизу вверх, как на милостивого бога. Радость взяла старика, ведь и сам он не хотел резать свою единственную кормилицу, которая в последний месяц стала еще и милым другом. Ровную чистую доску стола хозяин радушный натер только, что сорванной мятой и подал Гераклу све-

жие овощи, вымоченные в рассоле оливы позднего сбора и небольшой кусочек ново жатого козьего сыра, еще сочащегося мутной влагой.

Геракл попировал скромной пищей самой простой, без всякого мяса и дичи с большим аппетитом, на пожилого селянина благосклонно взирая голубыми глазами и пошел спать на уютное тростниковое ложе. Все это время Молорх с жалкой улыбкой и со слезами на глазах, смотрел на могучего гостя и тихо, почти шепотом приговаривал:

– Каждый день по несколько раз буду я неустанно молиться, чтобы великие боги помогли тебе как-нибудь победить ужасное чудище.

124. Неудачное начало охоты

Еще не взошел Зареносец, всем возвещая о свете нового дня, и в платье шафранном Заря розовые персты свои еще не распростерла над вечно шумящим морем, а Геракл, бодро вскочив, в полумраке стал собираться на битву со львом. Неуверенно покачивая из стороны в сторону недавно коротко стриженной головой, он взял лук со стрелами – свадебный подарок лучезарного Дальновержца, меч серповидный, подаренный быстролетным Аргобийцей и новую дубину, осененную бледной красою дикой оливы, которую он сделал специально для немейского зверя. Было видно, что не надеется он ни на какое свое оружие потому, что морщился недовольно все время и покачивал головой.

Провожаемый Молорхом, юный герой, отбросив все бесполезные для дела колебания, бодрим, пружинистым шагом быстро пошел в горы, где на одной из лесистых вершин было логово каменнокожего льва-людоеда. Вскоре Молорх отстал, но еще долго, оборачиваясь, Геракл видел в лучах восходящего солнца его склоненную седую голову на фоне зеленых трав и листьев деревьев.

В поисках зверя Геракл сначала обыскал всю гору Апес, названную так по имени юного пастуха Апесанта, погубленного львом. Не найдя там его, он направился на гору Трет и там вдалеке увидел льва, возвращавшегося в свое лого-

во. Судя по громадным размерам, это был тот самый лев, которого он искал. Подобравшись поближе, герой увидел, что огромная светлая голова и мощная желтая грудь чудовища были в темно-красных пятнах. Зверь почуял человека и, издав жуткий рык, от которого у людей стыла в жилах кровь, медленно пошел, сотрясая при каждом шаге землю, навстречу Алкиду.

Геракл выпустил две стрелы, одна попала в голову, другая – в грудь зверя, но они не смогли пробить шкуру льва и от нее отскочили словно от каменной глыбы. Когда расстояние между ними уменьшилось до четверти стадия Геракл остановился – его сердце так забилося, что ему казалось, что он не удержится на ногах и упадет от мощных толчков, сотрясавших тело и грудь. Лев тоже остановился и опять зарычал и от этого рыка, напоминавшего раскаты близкого грома, герой на какое-то время совершенно оглох и начал пальцами прочищать уши и мотать головой.

Когда взгляд Геракла встретился с желтыми немигающими глазами чудовища, горевшими над белыми усами и седой бородой, он почувствовал, как зашевелились и встали его короткие курчавые волосы дыбом. Ему показалось, что в этих жутких глазах светится разум, каким одарены лишь боги и люди. Сходство с человеком дополняли усы, борода и грива почти белого цвета на светло серой голове, венчавшей мускулистое желтое тело. Во взгляде чудовища Гераклу почудилось недовольное удивление потревоженного разумного

существа, но тут с него упала шкура Киферонского льва, и удивление Немейского льва сменилось на лютую звериную злобу.

Щеки Геракла белыми стали, его мощные плечи как-то ужались и чуть приподнялись, дрожащий подбородок с короткой бородкой прижался к груди, и он ко льву повернулся спиной. Он бросил на землю лук и дубину, явно за тем, чтобы легче было бежать по спускающейся вниз тропинке, но тут вместо побега, вдруг сам себе закричал:

– Нет! Нет! Нет! Уже поздно бежать! Да и кто он такой, чтоб от него я бегом позорно спасался?! Лучше погибну в бою, как бесстрашный герой, но спину мою больше он не увидит!

Зубы Геракла злобно оскалились, словно он сам превратился в свирепого зверя, и он, выхватив меч серповидный, с криком, похожим на рев зверя бросился навстречу чудовищу. Подбежав, словно ветер, к неповоротливому огромному чудовищу, только еще припавшему на задние лапы к земле для прыжка, он изо всех сил ударил его несколько раз серповидным мечом так, что меч изогнулся. Шкура божественного льва оказалась такой твердой, что даже меч Аргоубийцы, высекая целые снопы искр, всякий раз отскакивал от нее, как от гранита. Однако могучие удары мечом из седого железа не прошли для зверя бесследно – на шкуре виднелись глубокие царапины, он взвыл от боли и, сев на задние лапы, дважды взмахнул лапой передней, норвя зацепить Геракла

когтями. Герой ловко отпрыгнул, но два огромных когтя все же задели его бедро и успели вырвать большой клочок мяса. Геракл быстро отбежал назад и схватил валявшуюся дубину. Он ожидал, что лев кинется на него, но чудище, взглянув умными злыми глазами на человека, покачав огромной своей головой, медленно развернулось и тяжелой поступью направилось в свое логово.

Только сейчас герой вскрикнул от жуткой боли и схватился за ногу, которую, словно яркий огонь охватил. Оторвав кусок хламиды, он туго перевязал рану на бедре, чтобы остановить кровотечение. Остановив кровь, Геракл опять повернулся к тропинке, бегущей к подножью горы и закашлялся. Прочистив горло, он стал покусывать себе дрожавшие губы, все время с надеждой поглядывая на спасительную тропинку. Медленно он одел шкуру льва, убитого в Кифероне, повесил на плечи лук с колчаном, и взял в руки меч серповидный и дубину. Погнутый меч не влезал больше в ножны. Понурился, герой нерешительно сделал первый шаг по тропинке, но потом вдруг заскрежетал зубами, как свой великий отец, и вскричал:

– Нет, никогда! Дух мой не примет из этого сражения постыдного бегства! Не родился тот лев, что заставит меня позорно бежать, словно лань, от испуга, даже, если у него шкура крепче гранита и сам он ростом больше быка! Выбора у меня сейчас нет. Нет, выбор один: либо я это чудовище погублю, и горящие глаза ему потушу и навечно закрою, даже,

если он бог самый древний. Либо сам я погибну в схватке смертельной и навсегда из светлого мира под землю сойду в царство безутешного ужаса и неизбывной печали! Если не одолею его, значит там мне и место!

Сказав так себе, Геракл словно успокоился, низкий лоб его прояснился, выпуклые брови чуть приподнялись, и в голубых глазах засветилась немеркнущая надежда. Сдерживая с трудом нетерпение, мужественный герой, как буйный конь, на состязаньях награды берущий, устремился к чернеющему входу в пещеру, так и не зная, как ему победить страшного льва с каменной шкурой и ростом с большого быка.

Благодаря многолетним тренировкам ходить в темноте Геракл довольно быстро продвигался по гулким подземным переходам темной пещеры, в которую переходило логово. Он слышал то впереди, то сбоку тяжкие шаги зверя, от которых иногда сотрясались своды пещеры, но встретиться с ним так и не пришлось. Несколько раз, когда в темноте ясно слышалось хриплое прерывистое дыхание чудовища, он удваивал осторожность и шел медленно, опасаясь внезапной атаки из непроглядной мрачной засады, ведь львы видят в густом полумраке намного лучше людей.

Проплутав всю бессонную ночь по темным коридорам пещеры, храбрец вышел на другой склон горы уже утром, когда рано рожденная розоперстая Эос уже вошла на неторопливую свою колесницу, влекомую розовыми быками, и умылась в лазурных волнах глубокого океана, обтекающе-

го землю по кругу. Сын прекрасноволосой Алкмены с легким разочарованием и одновременно с большим облегчением присвистнул, поняв, что зверь вышел наружу через этот второй вход. Чтобы лев опять не ушел, он завалил этот выход из пещеры огромными валунами и стволами вековых деревьев так, что лев, не имевший развитых рук, несмотря на всю свою силу, никогда не смог бы разобрать завала и выскочить из пещеры. Затем он по тропинке, огибающей гору, поспешил к первому входу в пещеру.

125. Геракл, несмотря на козни Геры, душит Немейского льва

У знакомого входа в пещеру Геракл понял, что зверь уже успел удачно поохотиться. По свежей крови на земле было видно, что он недавно сожрал огромного черного быка, рогатая голова которого с оторванными мясистыми губами валялась рядом с местом кровавого пиршества. Свежие кровавые следы чудовища вели в пещеру. Геракл, оставив лук и меч бесполезные, с одной дубиной в руках быстрым шагом устремился в пещеру, из гулкого мрака которой доносилось хриплое дыхание льва. Зверь, видно, почуял человека потому, что тяжелой поступью медленно пошел вглубь пещеры.

Геракла заметно обрадовало то, что лев пытается уклониться от встречи с ним, и он устремился за зверем так быстро, как только позволял тусклый сумрак пещеры. На этот раз путь к выходу из пещеры занял намного меньше времени, чем ночью – лев хорошо знал дорогу. И вот Геракл по затихшему тяжкому топоту лап понял, что зверь остановился, ведь второй вход в пещеру был надежно завален. Герой сбавил шаг и, судорожно сжимая дубину, осторожно продвигался вперед. И тут он привыкшими к полумраку глазами, при свете ясного дня, проникавшем сквозь заваленный выход пещеры, ясно увидел огромного льва и два горящих желтых глаза, которые ему показались огненными. Зверь смот-

рел прямо в глаза Гераклу человеческим взглядом, хмурил всю кожу на бугристом лбу, ее на горящие глаза надвигая и, как будто бы, вопрошал:

– Зачем ты, человек в львиной шкуре, здесь опять появился? Кто тебя звал? Зачем ты сам к своей безвременной смерти стремишься?

Желтое чудовище широко разинуло пасть, в которую можно было поместить воинский щит, и, замотав косматой серой головой с белыми усами и бородой, издало раскатистый рык, напоминавший рокот близкого водообильного водопада. Стены пещеры мощно так содрогнулись, что Геракл остановился и стал тревожно оглядываться по сторонам, боясь, что они обвалятся, и он бесславно погибнет под завалом земли и камней. Зверь сделал несколько тяжелых неуверенных шагов по направлению к Гераклу, но вдруг шаги перешли в тяжкий бег, который, казалось, ничто на свете не сможет остановить. Искрящиеся злобой огромные глаза свирепого зверя, как бы говорили, что Геракл сам напросился, и теперь никто его не спасет.

Герой, крепко упершись ногами в землю, поджидал врага с дубиной наперевес в дрожащих руках, на которых от напряжения толстыми веревками вздулись синие вены. Свод логова у входа в пещеру был низким, и лев не мог высоко прыгнуть и обрушиться на Геракла сверху. Когда голова подбегавшего чудовища оказалась так близко, что он почувствовал его зловонное дыхание, Геракл обрушил на нее

свое верное оружие из дикой оливы. Он очень надеялся на самый первый удар, в который он вложил всю свою ярость и необыкновенную силу, и, действительно, он оглушил льва, попав ему в мощный лоб над горящими глазами. Но этот чудовищный лев был не ровня льву Киферонскому – очень прочными были все его кости. Немейский зверь резко остановился, как будто внезапно уперся в крепкую стену и медленно замотал головой вправо и влево, тряся длинной гривой, словно пытался понять, что такое не привычное с ним происходит. Геракл нанес еще два мощных удара по голове чудовища, но божественная голова оказалась крепкой.

В это самое время Гера, изо всех сил напрягала свое необыкновенно острое зрение бога, чтобы увидеть сквозь толщу земли, что происходит в львиной пещере. Она со вчерашнего дня наблюдала за ненавистным пасынком и за львом из Немей, сидя на белом, как ее прекрасные волосы, облаке. И вот, сейчас, не сдержавшись, она крикнула: «Ничего не могу разглядеть. Но я должна Тифониду как-то помочь в битве против негодяя Геракла, гордого своей нечестивой силой!» и бурно ринулась вниз, быстро скользя по воздушным потокам, божеством которых она была в юные годы. Как порывистый ветер, по сводам пещеры промчавшись, никому невидимая богиня в месте схватки возникла и своими медными ножницами немедля расколола вдоль волокон дубину Геракла. Тут же, прыгнув бурной стопою, она, словно вихрь, со свистом выскользнула из пещеры и взмыла на горные вы-

си Олимпа.

Лев все так же стоял на четырех мощных лапах, хотя взгляд его и потух, а вот суковатая дубина из дикой оливы треснула так, что от нее отвалилась большая часть и с громким стуком упала на землю. В руках героя осталась лишь рукоятка в локоть длиной, деревянный обрубок, который он с руганью и криком, обвиняя предательскую Судьбу, своими руками отбросил. Лишившись в решающий миг последнего оружия, Геракл истошно завопил:

– Будьте вы прокляты все: судьба, злонамеренная ко мне, Ткачиха жестокосердная и боги все на Олимпе! Неведома вам справедливость! Из зависти ревнивой к моей силе вы мне тайком дубину поломали! Но жив я, жив еще! Есть у меня крепкие руки, чтобы любую плоть разрывать и острые зубы, чтобы любого загрызть!

Геракл попытался пальцами вырвать зверю глаза, но, как он не тянулся, даже львиная пасть оказалась выше его головы, и до глаз ему было не достать. Тогда герой схватил то, что было под руками – горло врага и сжал его, что было силы. Лев, стараясь освободиться, стал мотать головой, пытаясь сбросить со своего горла непримиримого противника. Грудь Геракла прижималась к львиной груди, и зверь не мог его даже лапой ударить, пальцы же героя, словно клещи Гефеста, впились в львиное горло хваткой железной. Постепенно рывки зверя становились все слабее, а натужный хрип – становился все надрывней – ему не хватало животворного

воздуха. И так, тяжело дыша, ужасное чудовище и отпрыск Зевеса долго стояли, потеряв счет времени. Очнулся герой от того, что страшный хрип, который он все время слышал и к которому даже успел привыкнуть, вдруг совсем прекратился. Наступила звенящая тишина, в которой неустрашимый герой слышал лишь собственное жаркое дыхание и частый гулкий стук милого сердца в груди и в висках.

126. Геракл обзаводится непробиваемой оружием одеждой

Геракл долго не понимал, что задушил насмерть божественного зверя, хотя у того бессильно подкосились мощные задние ноги, и он медленно осел назад. Огромная туша завалилась набок, а герой все никак не мог разомкнуть сведенные судорогой пальцы, сжимавшие вражеское горло. Наконец он по очереди смог разжать пальцы рывками и, поднеся ладони к глазам, с удивлением обнаружил, что одного пальца на них не хватает. Потом, когда он пытался освежевать льва, выяснилось, что палец остался в пасти у мертвого льва. Шкура Немейского льва оказалась, на удивление мягкой наощупь и гибкой, и Геракл, сверкая голубыми глазами, радостно крикнул:

– Вот это подарок, необходимый герою! Спасибо старой Ткачихе за кожу такую, она будет лучше шкуры Киферонского льва. Это мне будет не только одежда, но и панцирь и щит, который не пробьет никакое оружие.

Он взял небольшой острый нож, который, привыкнув носить с раннего детства, не снимал с голени никогда, даже на брачном ложе, предаваясь ласкам любовным и попытался проткнуть им живот Немейского льва. С самого начала он не очень-то верил, что сможет легко снять шкуру ножом, но надеялся на свою силу. Однако, все его усилия оказались

тщетными, в конце концов он разозлился и так нажал, что сломал свой нож, но кожу льва так и не проткнул.

– Не может быть, чтобы, одолев такое ужасное чудовище голыми руками, я кожу ему не сниму! Нет, я не уйду из пещеры без его шкуры чудесной. Да и Эврисфею что-то надо в доказательство показать, а то не поверит... ведь не потащу же я эту громадную тушу в Микены!

Некоторые говорят, что скорее всего проявилась унаследованная от дальнего предка Гермеса изобретательность, и Геракл сам догадался, как можно освежевать львиную тушу, но ему могла подсказать решение этой трудной задачи и Афина, выделявшаяся мудростью даже среди богов.

Однако Иолай через пол века скажет детям своего любимого дяди, что не раз слышал от него самого такие слова:

– Что только я не делал тогда: и нож свой сломал, и кривым мечом Аргоубийцы резать шкуру пытался, и наконецником стрелы Аполлона ее протыкал, но все было тщетно – шкура мягкой на ощупь была, но никакому оружию не поддавалась. Я даже вцепился в кожную складку собственными зубами, и тоже напрасно, хотя, помню, что тогда что-то у меня в голове промелькнуло, может это был Кайрос – случай счастливый, но я не смог его за прядь волос ухватить, не догадался. И вот, вконец изнуренный борьбой со шкурой мертвого льва, я без сил опустился на землю и решил отдохнуть хоть немного. Нет, я не собирался сдаваться, упорства мне и тогда было не занимать, я просто решил передохнуть и опять

за шкуру с новыми силами взяться. И тут я вспомнил, что самого маленького пальца на моей правой руке не хватает – он был явно откушен и где искать его было ясно. Раскрывая львиную пасть, я порезал ладонь об передние зубы зверя, которые оказались острые, как бритва. Дальше все было просто: я сильно стукнул рукояткой меча Аргоубийцы по зубу и выломал резец с корнем из львиного зева. Затем дело пошло, как по маслу. Вспорвав зубом живот, я стал резать шкуру каменнокожего льва так же легко, как острый нож режет шкуру обыкновенного зверя. Освежевать чудовище оказалось не труднее, чем быка-пятилетку, что на Кифероне я научился делать не хуже других пастухов. Вот так все оказалось легко и просто. Думаешь, племянничек, мне повезло, что зубы у льва оказались под стать его шкуре? – Нет, мой возлюбленный друг! Тюхе редко доблестным помогает, и славу не она мне даровала, кровавым потом я заработал всю мою славу и за нее сполна заплатил ужасными страданиями и кровавыми ранами!

Вымыв шкуру в ручье, Геракл оставил ее сохнуть на ярком солнце. Удивительно, но, быстро подсохнув, шкура стала не только намного легче, но и сильно уменьшилась в размерах, как бы усохнув, она стянулась и сжалась. Геракл надел голову зверя, как шлем себе на голову, а шкуру возложил на плечи, завязав на груди мягкие передние лапы без кости, и зашагал по горной тропинке вниз. Лицо Геракла светилось, он даже что-то петь попытался несколько раз, но каждый раз

морщился и прекращал – не нравилось ему свое пенье. Но когда забывался – губы сами опять тихонько петь начинали – очень ему понравилась шкура Немейского льва, ведь она была ничем не пробиваемым, удобным и легким доспехом: и щитом, и шлемом и панцирем и, конечно, чудесной одеждой, в которой никогда не было ни холодно, ни жарко.

127. О первом настоящем подвиге Геракла узнают Клеоны и Немейя

Придя без привалов в Клеоны, усталый Геракл сначала не мог понять – почему люди, завидев его, не радуются, а, наоборот, с воплями ужаса бросаются врассыпную. Он остановился на опустевшей центральной площади города и в изнеможении скинул рыжую кожу на землю. Бросив рассеянный взгляд на шкуру и голову льва, Геракл понял причину необъяснимого страха клеонцев – серая голова с белыми усами и бородой была совсем, как живая – огненные глаза ужасного зверя еще не совсем потухли и светились даже при свете дня, словно два желтых угля. Конечно, человек в львиной шкуре имел только две ноги и, стоя вертикально на них, не был даже издали похож на льва, но не зря говорят, что у страха глаза велики, и необорному чаду Алкмены пришлось долго кричать:

– Граждане дорогие славных Клеон, а также немейцы! Не надо вам больше льва с каменной шкурой бояться! При встрече со мной он не избегнул гибели черной, я его задушил вот этими вот руками, а потом его же зубом-резцом освежевал тушу, снял с него шкуру, как с обычного зверя, и вы меня видите в ней. Подходите ближе ко мне, убедитесь, что от чудовища одна шкура осталась.

Вскоре на площади собрались возбужденные люди, неко-

торые то и дело выкрикивали разные слова и вопросы: кто он, откуда и как его звать, не Алкид ли он, победивший в одиночку войска Эргина и Пирехма? Густо покрасневший Геракл, поднял руку, призывая всех к тишине и, когда все затихли, он стал говорить:

– Да, при рождении меня назвали Алкидом в честь деда Алкея, царствующего в Тиринфе. Теперь же я ношу имя Геракл, данное мне самим Фебом в честь Геры. Я – сын Алкмены и Зевса, Амфитрион – мой приемный родитель, он погиб с Эргиным в битве. Я победил войска Эргина и Пирехма, но не один, десятки храбрых юношей мне помогали. Сегодня утром я один сражался с чудовищным львом, погубившим многих немейцев. Это мой первый выдающийся подвиг на службе у аролидского царя Эврисфея. Не уклонился ни на миг я от битвы, и когда понял, что его каменной коже не страшно никакое оружие, то задушил чудовище вот этими руками. Отныне не придется вам горестным плачем и скорбными слезами насыщать свое милое сердце, оплакивая родных и друзей, убитых этим львом-людоедом. Не бойтесь, подходите ближе и потрогайте своими руками эту шкуру, еще вчера наводившую на всех ужас, а теперь это мой доспех и одежда.

Самые смелые подходили и трогали шкуру, потом об этом рассказывали другим, и вскоре все Клеоны и Немей возликовали. Все вокруг наполнилось дымом душистым от костров, запыхавших для веселых пиров и пышных жертв бес-

смертным богам.

О первом настоящем подвиге Геракла вскоре узнает и вся Эллада, и люди будут бурно рукоплескать новому герою, а некоторые по – своему будут повторять его подвиг, хотя и с обычными львами.

Говорят, сын лучезарного Аполлона и гордой дочери Амфинома Фурии Кикн, славившийся необыкновенной красотой, доставшейся от общепризнанного красавца – отца, предложил влюбленному в него Филию в одиночку убить льва, не прибегая ни к какому оружию. Изобретательный Филий нашел льва и, не привлекая к себе внимания, быстро наполнил свой желудок большим количеством жареного мяса и чистого выпил много вина. После этого, чтоб самому не успеть опьянеть, вызвал рвоту и все изрыгнул. После этого стал кричать и махать руками, призывая к себе льва. Лев, подойдя к куче прекрасного мяса, перемешанного с вином медосладким, все съел. С непривычки к вину зверь так опьянел, что не смог сопротивляться, когда Филий засунул ему в пасть руку, обернутую одеждой, и перекрыл доступ воздуха, а другой рукой заткнул пьяному зверю обе ноздри. И этот лев, как и Немейский, издох от удушья, но это был обыкновенный лев, которого Филий притащил к возлюбленному Кикну и получил среди людей широкую известность за удачно исполненное опасное поручение.

128. Геракл посещает Молорха

Придя к гостеприимному Молорху, победитель чудовища увидел седого крестьянина, который, не замечая его, рьяно молился. Герой обрадовался ему, как родному и сказал:

– Старец почтенный, не зря ты меня здесь ждал и молился. Посмотри на эту непробиваемую желтую шкуру и на эту серую голову с белой бородой и усами. Я убил чудовище и показал всему миру, что один человек может сделать больше, чем сотня охотников, если другой человек истово за него Зевсу молится.

Тот же, увидев Геракла живым и невредимым, да еще с желтой шкурой на плечах, всплеснул руками и с радостным криком бросился его обнимать, а потом стал ногами выписывать такую резвую пляску с закрытыми глазами и блаженной улыбкой, что герой с завистливым удивленьем спросил, кто его научил так прекрасно плясать.

– Приап, рожденный всегда улыбчивой Афродитой, на берегу Геллеспонта (море Геллы, ныне Дарданеллы) в Абарниде близ города Лампсака от опьяневшего Диониса. Охранник садов и покровитель полей и сам, несмотря на огромный свой член, первейший плясун, сделал и из меня законченно-го плясуна. Когда он скитался, изгнанный из Лампсака из-за своего огромного мужского достоинства, несколько дней прожил у меня, воров и птиц отгонял рукою с серпом и ко-

лом своим непристойным, хоть и нечего у меня воровать, ну а прожорливых птиц здесь всегда было много. За радушие и гостеприимство он научил меня резво плясать и эту козу в дар мне оставил.

Ответил довольный похвалой старый селянин. Геракл вместе с наплясавшимся Молорхом совершил жертвоприношение Зевсу Спасителю, и долго раздражающий ноздри приятно запах горящего жира в дыму клубился до самого священного неба.

Во время возлияний, у Геракла разболелась открывшаяся рана на бедре, и тогда он, по совету Молорха, впервые вдоволь напился прекрасного вина с острова Библос. Это искристое вино с привкусом меда селянину принес один из местных жителей, как только узнал, что великий герой, победивший каменнокожее чудовище, остановился у него.

Первый раз Геракл от вина не мог устоять на ногах перед тем, как окончательно спать повалиться, но зато мучительная боль чудесно ушла, к утру не оставив следа. Старик же, выпив много вина, опять принялся резво выписывать пляску, но землю ногами месил не долго потому, что как сноп на пол завалился и тут же уснул до утра.

На следующий день любвеобильный, как отец, сын Зевса распрощался с Молорхом, чтобы сочетаться любовью и лаской сразу с парой невинных девушек из двух лучших немейских семей, которые были счастливы преподнести ему своего девства сладостные дары потому, что он убил жуткое чу-

довище с каменной кожей, погубившее их отцов и братьев.

Проведя с девушками, как всегда, только одну «ночь тайн», утром Геракл изготовил себе новую дубину опять из дикой оливы и, положив ее на правое плечо поверх новой львиной шкуры, собрался отправиться к Эврисфею в Микены, но уже на выходе из города был остановлен немейцами.

129. Геракл вносит изменения в Немейские игры

Немейцы рассказывают, что, когда Геракл покидал их страну, они дружно обступили его и упросили внести изменения в Немейские игры. Эти игры, наряду с Олимпийскими, были общеэллинскими состязаниями – празднествами в честь Зевса. Пифийские игры проводились в честь блистательной победы Аполлона, над напоившим кровью его стрелы змеем Пифоном, свирепым чудищем, жирным, огромным, который немало людям бед причинил на парнасской земле. Четвертые игры – Истмийские проводились в честь Посейдона, волнующего дыханьем прерывистым вечное море.

Из четырех общегреческих состязаний Немейские игры традиционно были в наименьшем почете. Эти Игры заключались в музыкальных, гимнастических и наезднических состязаниях; в состязаниях в беге, борьбе, пентатлоне и панкратионе. Из древних преданий известно, что первые Немеады были устроены в память погибшего от укуса змеи Офельта, сына немейского царя Ликурга и Эвридики. Их устроили герои – воины, вожди, возглавившие знаменитый Поход Семерых против Фив семивратных и назвали Офельта Архемором (начинатель рока).

Немейские состязания праздновались на лугу в узкой до-

лине речки Немей, где проходила дорога с юга на север, ведущая из конелюбивого Аргоса в солнечный Сикион и в Коринф, оглашаемый гулом двойного прибойя. Долина была посвящена Зевсу; до сих пор сохранились остатки некогда знаменитого его храма и «немейского» стадиона при нем.

Молорх же, дружелюбец Геракла, основал неподалеку от луга город Молорхию и посадил саженцы деревьев, названные новым Немейским лесом (или рощей Молорха), в котором, говорят, много лет проводились Немейские игры.

Геракл сам сделал венок из сельдерея и так на площади перед собравшимися немейцами возвестил:

– Этот прекрасный венок знаком побед воспримут теперь ваши потомки в играх, которым устав бог Эгеон учредил. Пиния раньше была наградой победы на Истме, ныне сменяет ее новый немейский обряд. Раз вы сами меня упросили внести изменения в ваши Игры, то я постановляю: отныне победителей Немейских игр награждать не ветками оливы, как это изначально было учреждено вождем Семерых тогдашним владыкой Аргоса Адрастом в честь Офельта, а ветками сельдерея в честь великого Зевса.

Символом черной смерти и унылой печали считались сельдерей и петрушка. Это наложило мрачный отпечаток на Немейские игры, и судьбы всегда были в черных одеждах.

Только после изменений в Немеадах герой, свершивший первый выдающийся подвиг, поспешил в Микены, град древних Киклопов, чтобы показать доказательство соверше-

ния подвига и получить от царя новый приказ. Он явился во дворец, как всегда в львиной шкуре, только на этот раз это была шкура необычного желтокожего зверя – глаза Немейского льва по-прежнему смотрели так свирепо, словно он был живой, и от этого взгляда жутко стало царю.

Как говорят почитатели Геракла, ненавидевшие Эврисфея, даже зрелище головы убитого льва привело ничтожного царька в неопикуемый ужас. Он спешно приказал Гераклу немедленно выйти из его покоев во двор, а кузнецам велел выковать большой бронзовый пифос с широким горлом. Когда пифос был готов, его закопали под окном царской спальни, и с тех пор царь прятался в нем всякий раз, когда дозорные докладывали ему о приближении к городу совершившего очередной неслыханный подвиг сына Зевса и прекраснородыжной Алкмены.

Те же, кто знал Эврисфея достаточно близко, говорят, что сами слышали, как однажды, выпив вина медосладкого, он, довольно потирая свои маленькие, как у детки, ладошки, так на беззаботном пиру ближним своим говорил:

– Еще юношей безусым я сам для себя решил: если мои многочисленные враги будут считать меня ничтожным и трусливым, то мне легче будет их побеждать... Да, сначала я действительно очень испугался ужасной головы Немейского зверя, которую, как шлем напялил на себя необузданный мой племянник, ведь она была, как живая. Однако потом я подумал, что это хороший предлог, чтобы с моим особым ра-

бом пореже встречаться. При каждой встрече я не знаю как себя с ним вести, что ему говорить, ведь одно может не понравиться Гере, противоположное – придется не по сердцу Афине иль Зевсу, но самое главное – это его самого бешеный нрав. Вот я и решил, изобразив на лице жуткий страх, приказать кузнецам выковать пифос, где я мог бы прятаться от Алкида, а на встречу с ним посылать своего вестника, на которого при необходимости можно будет всех вешать собак... Удивительно, как легко люди верят всему, ведь не только те, кто меня ничтожеством называет, но и остальные поверили, что я – властитель многих великих народов, словно малый ребенок или умалишенный, буду прятаться в пифос при виде головы какого-то мертвого льва.

Как бы там ни было, но отныне большинство своих распоряжений могущественный царь Аргоса и Микен стал передавать через своего глашатая – сына Пелопа и Гипподамии по имени Копрей (навозный человек), над которым он совершил обряд очищения от пролитой им крови некоего Ифита. Теперь получать новые приказы и демонстрировать доказательства совершения своих героических подвигов Геракл должен был людям на рыночной площади, и в первую очередь Копрею, а иногда и за городскими воротами.

Говорят, Гера на это согласилась сразу – опасалась она, что Эврисфей, не любивший Геракла за его бесстрашие и необузданную силу, в гневе сболтнет ему лишнее, и о ее тайных планах во что бы то ни стало погубить сына Алкмены

узнают Афина и Зевс.

130. Копрей объявляет Гераклу второй подвиг

Вскоре Копрей, любимый глашатай царя Эврисфея на микенскую площадь зычным кликом своим стал народ собирать. Копрей своим царским происхождением очень гордился. У него, как и у всех потомков Пелопа, давшего имя Пелопоннесу, на левом плече было белое, как только, что выпавший снег, пятно из-за того, что благая богиня Деметра в задумчивости съела его левое плечо. Это случилось, когда маленького сына его нечестивый отец, подобно аркадскому царю Ликаону, приготовил в качестве горячего блюда для пира, на который он богов пригласил – так Танталу хотелось испытать их всеведение. Бессмертные, конечно, явились, всем сонмом с Олимпа, ведь очень любят они, чтобы их угощали, ради этого они готовы отправиться хоть на край земли, в самые отдаленные ее уголки, даже к непорочным эфиопам иль к мореходам – феакам и провести с ними в веселых пирах подряд много дней.

Поскольку плечо с белым пятном под одеждой было не видно, то Копрей его всегда приподнимал, чтобы все видели, что он сын прославленного героя Пелопа. Кроме плеча Пелопид на людях выпячивал свои и без того выпученные глаза, широко открывая веки, делал он это потому, что считал самой большой красотой на лице большие глаза, ибо в них

отражалась бессмертная душа человека.

Когда людей на базарной площади собралось много и пришел Геракл, Копрей, особенно сильно задрав вверх левое плечо и выпятив глаза, объявил, обращаясь надменно и громко к Гераклу:

– Ныне внимай мне послушно, Алкид! Я – главный глашатай и вестник в златообильных Микенах, а также в Аргосе конелюбивом и в крепкостенном Тиринфе. Наш могущественный царь Эврисфей, верховный владыка всех Пелопоннесских народов, приказал мне, его главному послу и герольду передавать теперь его повеленья тебе. Мне же ты будешь рассказывать о том, как исполняешь царские приказания, а, если мне это покажется недостаточно – будешь свои слова мне доказывать делом. Теперь же слушай новый приказ владыки нашего Эврисфея: ты должен убить многоглавую Гидру (водяная), живущую на Лернейском болоте – родную сестру каменнокожего льва из Немей и до конца этого года представить мне в доказательство исполнения этого подвига одну из ее смертных голов.

Геракл слушал глашатая Эврисфея с поднятыми бровями и думал:

– У карлика уродливого Эврисфея и глашатай такой же: напыщенный лупоглазый уродец с перекошенными плечами. И ведь находят такие друг друга и, видно, еще они и дружны. Теперь еще этот Пелопид будет пытаться командовать мной. Боги, дайте мне силы все это терпеть!

Овидий поет, как разных по виду животных своим изволением земля родила, когда разогрелась от яркого солнца. Сырость, ил и болотная липкая влага стали от зноя вспухать, и солнце вскормило, как в материнской утробе, зародыши всяческих тварей, среди которых было много и страшных чудовищ.

Некоторые говорят, что ужасную Гидру, охранявшую вход в Аид на Лернейском болоте, вскормила сама ревнивая Гера-богиня, неукротимую злобой пылавшая к Гераклу, сыну Алкмены, которую она называла развратной и потаскухой.

Писандр из Камирея для того, чтобы это животное показалось более страшным, и его поэма оказалась более интересной для читающей публики, вместо одной головы приписал этой Гидре много голов.

Согласно Гераклиту, рассказ о том, что Гидра была многоголовым зверем, не соответствует действительности. Аллегорист считает, что у нее было множество сильных детенышей, которые всегда находились при ней и вместе с матерью образовывали одно целое и помогали ей губить тех, кто к ней приближался. Поэтому многие люди головы детенышей принимали за головы самой Гидры.

131. Многоглавое чудище с ядовитой желчью

После того как Зевс победил незаконного силой Тифона и змееву Ехидну встал вопрос, что делать с их чудовищным потомством. Всех пристроил премудрый Кронид, причем, некоторых по совету супруги. Многоголовой Гидре поручили стеречь Лернейский вход в Аид, который находился на дне неглубокого озера, соединенного протокой с болотом.

Лернейские старожилы рассказывают, что в детстве Гидра была страшна лишь самым мелким животным, не умеющим быстро бегать. Однако за долгие века змея не без помощи богини случая Тюхе обзавелась необычными способностями. Сначала она питалась мелкими грызунами, оказавшимися в пределах ее досягаемости и различной рыбешкой, которую она ловила в Лернейском озере и в соседнем болоте. Змеиной глоткой с загнутыми внутрь зубами Гидра раздирала хребты разных мелких болотных животных и птиц нерасторопных, которых тоже жадно хватала. Со временем она стала пожирать и мелкий скот тихходный, который сам забредал на болото не взирая на следы на шее от ига, что оставлялись яремным ремнем.

Говорят, однажды перед драконицей оказалась прекрасная быстроногая лань. Гидра даже не пыталась догнать юную олениху, но ей так захотелось ее нежного мяса, что она без-

отрывно смотрела на лань, слово хотела пожрать ее взглядом. Лань случайно посмотрела в глаза бессмертной голове, и потеряла всякую волю к сопротивлению. Она на трясущихся от животного страха ногах сама подошла к Гидре и тут же была сожрана ею, ведь куски от оленицы отдирали сразу девять голов.

Вскоре Гидра стала и людоедом, ее жертвами становились неосторожные рыбаки и охотники, приходившие к Лернейскому озеру за добычей, а также – пастухи, разыскивавшие пропавшую скотину. Но в последние годы число людей, сожранных Гидрой, стало неудержимо расти, и в прошлый год чудовище сожрало больше ста человек. Люди давно уже стали за много стадиев обходить болото, где жила Гидра, и все же случайные путники, не знавшие о чудовище, продолжали исчезать, не оставляя ни малейших следов.

Лернейские старожилы рассказывают, что главным оружием Лернейской Гидры является ядовитая желчь, с которой по силе воздействия не мог сравниться никакой яд. Когда-то в очень давние времена еще совсем молодая Гидра от голода попробовала на вкус какое-то ядовитое болотное растение, похожее на аконит, и, хоть оно ей не понравилось, но она насытилась. После этого она стала постоянно есть это растение, сначала небольшими порциями, а потом все больше и больше. Вскоре она стала поедать эти растения помногу и не испытывала неприятных ощущений. Зато другие животные стали ощущать яд ее желчи, которого раньше не было. В

последнее время яд, выделяемый желчью Гидры, стал таким сильным, что она могла отравить даже очень крупное животное, например, горного медведя или льва, оказавшегося поблизости. Проходившая в прошлом году мимо Гидры лесная нимфа дриада отравилась ее ядовитым дыханием и до сих пор сильно болеет.

Геракл много дней и ночей провел в Лерне, с раннего утра до позднего вечера расспрашивая всех встречных о чудовищной Гидре, но нового узнал немного. Встреченные героем лернейцы все как один, ему говорили:

– Гидра свирепа, сильна и дика и, конечно, очень прожорлива. Силою ее не возьмешь, ведь она ростом с быка, и у нее 9 зубастых голов, одна из которых бессмертная, но главное – ее желчь, очень она ядовитая. Этой желчью, как ядовитой стрелой, она плюется и потому сражаться с ней совсем невозможно. При встрече с этим ужасным чудовищем возможно лишь одно избавление – быстрое бегство, без всякой оглядки, ибо, встретившись с ней взглядом, можно лишиться всякой воли к спасению, и тогда ноги сами к ней понесут.

132. Афина напутствует Геракла

По дороге в Лерну Геракл, чтобы унять тревогу и поднять боевой дух, внушал себе, что убить Лернейскую Гидру будет не так уж и трудно и так тихо беседовал сам с собой:

– Думаю, что эта змея не так и страшна, как Молва ею пугает. Встретиться взглядом с нею я не боюсь, ведь бежать от нее мне не надо, наоборот, я сам к ней приду и сделаю все, чтоб она от меня не сбежала. Зубы ее, если опасны, то не для моей львиной шкуры, которая меня защитит от укусов ее и плевков. Стрелами ее мне не убить, если у нее 9 голов, дубина моя в битве с ней тоже плохая помощница. Поэтому мне надо взять меч, подаренный Аргоубийцей, он, хоть и погнулся немного, но змеиные шеи рубить еще сможет. Сначала отрублю все смертные головы, и мне нет дела – самой змеи это головы или ее детенышей, с которыми, говорят, она неразлучна. Бессмертную голову я отсеку последней и утоплю навечно в болоте, если потребуется – привяжу к ней груз или завалю большими камнями и деревьями. Тут, я уверен, и делу будет достойный конец, ведь не впервой мне со змеями справляться – двух я еще в колыбели сгубил!

Зевса дочь, мудрая, как зачавшая ее титанида Метиды, внимательно следила за приготовлениями своего тайного подопечного к схватке с чудовищем, и, его бормотанье подслушав, недовольно нахмурилась – она поняла, что отпрыск

Зевеса не представляет себе всей опасности Гидры. Паллада в сверкающем на солнце коринфском шлеме, с огромным копьем и с извивающейся змеей, которую она взяла вместо совы, внезапно явилась Гераклу, выпрыгнув из низкого темно-серого облака. Не хотела богиня могучеотцовная, чтобы кто-нибудь из бессмертных увидел ее, особенно Гера. Если бог не желает, кто его может увидеть глазами? – Только такие же боги.

Афина озабоченно посмотрела на Геракла своими выпученными серыми глазами и объявила ему:

– Радуйся Геракл! Слышала я, что ты сейчас сам себе говорил. Делу, которое тебе поручили, положить достойный конец будет очень не просто, ибо Гидра эта страшнее своего каменнокожего брата и живет она на опасной для смертных трясине. Больше всего желчного яда ее опасайся, она так ядовита, что даже бессметные боги будут длительное время болеть, если ее желчью отравятся. Опасайся так же долго смотреть в глаза бессмертной ее головы, иначе начисто можешь лишиться ты воли к победе. А теперь слушай внимательно и хорошенько запомни, что сейчас я скажу: обязательно возьми помощника верного, который тебя не бросит в беде, только сделай это тайно от всех, ведь в качестве дополнительной кары, тебе надлежит одному, без помощников, подвиги совершать. На месте отрубленной тобой головы вырастут новых две и потому шеи обрубок твой помощник должен сразу прижечь, чтоб больше не вырастали они.

Еще опасайся зыбкой трясины: если увязнешь, то сам не пытайся спастись, чем сильнее ты будешь с нею бороться, тем труднее будет спасенье; пусть помощник подаст тебе длинную жердь или кинет веревку... Все сказала! Если непредсказуемая Милихиос не будет против тебя, то ты обязательно победишь, ведь, согласно пророчеству, только отцу в силе ты уступаешь! А теперь прощай, увидимся мы не скоро, не надо, чтобы нас видели вместе.

Геракл запомнил со свадьбы свою могучую божественную сестру и бережно хранил сотканный ею плащ, хоть еще ни разу не надевал его. Русокудрый герой просто сиял своими чистыми голубыми глазами, глядя на сестру – мудрую богиню справедливой войны. Видно было, что он очень доволен тем, что ему помогает Зевса могучая дочь. Он заслушался речью Афины и не успел ни задать ей вопросы, ни поблагодарить ее за заботу, как она, мощно оттолкнувшись от праха своим крепким копьем, словно камень, выпущенный катапультой, круто взвилась в небо, оставляя в прозрачном эфире – светоче чистейшего блестящего солнца – темно-лазурный след, который быстро растаял.

133. Геракл берет в поход против Гидры племянника Иолая

Недовольный собой Геракл, хмуро сдвинул густые, как у отца, брови, сожалея, что не удалось поговорить с божественной сестрой. Он хотел тут же послать срочного гонца за своим племянником сыном Ификла Иолаем, с которым, несмотря на безумную попытку его убить, у них установились на редкость сердечные отношения.

Однако, вспомнив слова Афины о том, что помощника следует взять тайно, он озадаченно покачал головой и сам отправился в Тиринф, где сейчас жил с семьей его брат Ификл. По дороге отпрыск Зевеса все ломал себе голову – почему помощника он должен взять тайно и, наконец, вспомнил предупреждение Эврисфея о том, что все подвиги он должен совершать без помощи посторонних, якобы это было непременным условием его службы.

Сильно брови нахмурил и болезненно сморщив нос, с размышлениями тяжкими обратился сын прекрасноволосой Алкмены к милому сердцу:

– Ясно почему Афина сказала взять помощника тайно... Значит мне надо всех обмануть и в первую очередь этого жалкого недоноска Эврисфея и перекошенного в плечах Копрея, его пучеглазого вестника... Но лгать так противно и главное – унизительно... Это, что же выходит: честно я не

смогу победить змею многоглавую и мне придется лгать, изворачиваться, как подлому трусу? Нет, против справедливости я не пойду! Что же делать тогда – не слушать Афину и одному идти в поход против Гидры? Но мудрая Паллада не напрасно явилась ко мне и сказала, чтобы я обязательно помощника взял; надо, чтобы шеи змеиные он прижигал и спастись из трясины помог, если увязну... Афина права! Сама Необходимость, которая справедливости выше, неизбежно меня принуждает помощника верного взять, и я возьму племянника своего Иолая. И кто об этом узнает?! Эврисфей, наверное, из пифоса не вылезает. Этот жалкий царек, это уродливое ничтожество, не просто отправляет меня на очень опасное дело, но еще и высокомерно указывает мне, как его совершать! Ну, нет!.. Я нарочно возьму Иолая и сделаю все, чтобы об этом никто не узнал. А если кто-нибудь и узнает, я отвечу, что это голая ложь... Достойный вправе обмануть недостойного. И потом, что же делать, если по-другому нельзя... правду Арета сказала на перепутье, что Необходимость сильнее Справедливости.

Когда Геракл увидел прекрасного ликом совсем юного Иолая, которому недавно исполнилось 14 лет, то сразу кинулся его обнимать, лицо его просветлело, брови поднялись, а на губах появилась улыбка счастливая.

У отрока, только-только начавшего превращаться в юношу, было красивое как у девушки румяное лицо с веснушками, узковатые рыхлые плечи, зато бедра были широковаты,

а икры – полноваты. Он был курносый, соломенные мягкие вьющиеся волосы делились пробором посередине головы.

Геракл рассказал вчерашнему угловатому отроку, а теперь – женственному юноше о предстоящем деле и получил его восторженное согласие на тайное участие в подвиге. Они взошли на крепкую двухколесную повозку, на которой по приказу Геракла предусмотрительно укрепили два факела и понеслись не лениво на юг, в сторону Лерны.

134. Начало сражения с Гидрой

Прибыв вместе с Иолаем ранним утром на Лернейское болото, Геракл издали увидел блестящие на солнце зеленые головы змея, простирившиеся высоко вверх на огромных шеях на темном фоне зева пещеры. По центру возвышалась огромная голова, слева и справа ясно виднелось еще по 4 головы, которые были значительно меньше, и шеи их были короче и тоньше. Змея неусыпная немигающими глазами зорко глядела из пещеры и сразу заметила Геракла и Иолая. Страшно зашипели разом одновременно все девять голов, и звук, словно бурный северный ветер, полетел по болоту обширному к Лернейскому озеру. Это шипение злобное, похожее на завывание ветра, услышали многие жители Лерна, и пробудились от страха все молодые матери и их младенцы, которые от этого ужасного звука плакать жалобно стали и дрожать, и матери в неопишемом страхе хватали их на руки и принимались успокаивать дрожащим голосом и качать.

Геракл, между тем, выпрыгнул из повозки, тут же напряг свой лук и стал быстро пускать горящие стрелы в логовище Гидры одну за другой, пытаясь его поджечь, и вслед за этим не только головы, но и все тело разъяренной драконицы показалась из пещеры во всей своей ужасной красе. Телом чудовище было похоже на сидящую собаку, только ростом с быка, у нее были мощные задние ноги и небольшие

передние лапы. Зеленая чешуя с черными, красными, зелеными и золотистыми полосами, образующими причудливый орнамент, блестела и переливалась на солнце, особенно, когда шея Змеи в разные стороны извивалась. Это зрелище жуткое и красивое завораживало, и опустивший лук Геракл с Иолаем, как зачарованные молча смотрели на змею. Тут раздался оглушительный вой, от которого у людей во всей округе стыла кровь в жилах, бессмертная голова чудовища глухо завывала и заревела протяжно, как встретивший могучего соперника бычий вожак, и остальные головы замычали, как его стадо коровье.

Юный Иолай, по виду женственный мальчик, щеки которого только-только начали золотистым пушком покрываться, от цепящего страха медленно опустился на дно повозки, видно ноги его совсем не держали. Геракл же, почувствовав омерзительный трепет и предательскую дрожь в милых коленях, упрямо стал кудрявой мотать головой, так, не позволяя страху одержать над ним верх. Приказав Иолаю придерживать коней, оставаясь в повозке, он, не раздумывая, со всех ног, не разбирая дороги, бросился к чудовищу, потрясая серповидным мечом и громко выкрикивая ругательства и угрозы.

Гидра сначала удивленно смотрела на приближавшегося героя, потом взгляд большинства ее голов стал довольным – наверное, она решила, что человек бежит к ней под воздействием ее голодного взгляда. Чудовище явно принимало Ге-

ракла за будущую пищу, и меч в его руке ее нисколько не беспокоил. Тут герой подлетел к змее и, подпрыгнув, попытался срубить ближайшую к нему голову, но это оказалось не просто – все головы были недосягаемо высоко. Тогда он ударил мечом в мощную грудь Гидры, из которой выростали крепкие шеи. Меч натолкнулся на такую толстую кость грудины, что отскочил от нее, не причинив драконице никакого вреда, он проткнул только ее переливающуюся всеми цветами кожу.

135. Гидра удваивает отрубленные головы

Змея раздраженно замычала и зашипела, и сразу несколько голов с открытыми зубастыми пальцами одновременно потянулись к герою. Как только две ближайшие головы оказались на уровне его плеч, он нанес два точных удара мечом, и две головы чудовища грохнулись на землю, как мехи с вином и покатались, оставляя кровавые следы, похожие на вино темно-красное. Меч изоострый Гермеса, хоть и был погнут о каменную шкуру Немейского зверя, но срезал змеиные шеи так же легко, как острый серп срезает ранним утром тяжелые от росы сочные стебли травы. Геракл отскочил, опасаясь зубов голов остальных, но Гидре было уже не до битвы – она страшно застонала, как стонет много старух на могиле сына или брата и, необычайно быстро для ее громоздкого тела, пятясь назад, отодвинулась от места схватки на несколько десятков шагов.

В наступившем вынужденном перемирии отпрыск Зевеса смог внимательно рассмотреть змею на близком расстоянии. Больше всего она была похожа на огромную сидячую неопределенного цвета многоголовую собаку или гигантскую жабу. У нее был массивный зад с коротким толстым драконьим хвостом и мощные задние ноги, которые, несмотря на их силу, все же не могли ни высоко поднимать,

ни быстро перемещать ее огромную тушу. Центральная бессмертная голова Гидры была значительно больше остальных восьми голов, которых при ее рождении не было.

Некоторые рассказывают, что, когда драконица была маленькой, какой-то зверь напал на нее и пытался отгрызть ей бессмертную голову, и тогда через несколько лет у нее выросли еще две головы слева и справа от центральной. Впоследствии в результате ожесточенного боя с несколькими львами из каждой двух боковых голов выросло по две новых головы, а потом после такой же битвы, и эти четыре головы удвоились. К центральной бессмертной голове Гидры прибавилось уже 8 небольших, но все же сильных зубастых голов, и тело ее стало более массивным и мощным. С тех пор никакие звери уже не отваживались вступить с ней в бой, даже львиные прайды в десяток взрослых львиц и львов далеко обходили ее стороной.

Яркое солнце, покинув вечно шумящее море, поднялось высоко, выше эфира, чтоб сначала осветить блаженный Олимп, жилище бессмертных богов, и потом свет свой на тучную землю лить весь день и для несчастных людей, изначально рожденных для смерти. В лучах солнца изумрудная чешуя тела Гидры так и горела, сверкая и переливаясь всеми цветами радуги, чешую покрывал правильный геометрический рисунок, похожий на тот, что бывает на праздничном хитоне девы или пеплосе жены из знатного рода.

Тут глаза лучшего смертного отпрыска Зевса стали круг-

лыми, как монеты, от безмерного удивления – он увидел, что шеи, которые он только, что перерубил раздвоились и на них вместо двух отрубленных голов стали расти четыре новых.

В пылу боя он забыл все, что говорила Афина и только тупо приговаривал:

– Нет. Этого не может быть! Была одна большая голова и 8 поменьше, а теперь кроме громадной головы я вижу 6 голов поменьше и еще 4 совсем маленьких, но они растут на глазах. Я отравился от ее дыхания и меня обманывают глаза или действительно вместо 2 отрубленных голов она растит 4 новых? Или это детеныши, что поменьше, заняли места отрубленных голов старших братьев?!. Как от этого зловония кружится голова... Боги! Что мне делать?! Как быть?! Рубить ли мне еще головы ей или сразу бегством постыдным спастись?!

Геракл простер руки к небу и, взглядываясь в его бездонную глубину, горестно завопил:

– О, Зевс всемогущий, отец мой и высокий правитель Олимпа! Или, может быть, ныне Гера, твоя сестра и супруга, правит на небе вместо тебя, морем, землею и Олимпом безраздельно владея. Не видишь, отец, как Лернейская Гидра угрожает мне смертью позорной, вдвое срубленные головы легко умножая? Не помочь я прошу в этой битве, ведь один я должен с чудовищем этим сражаться, а лишь указать, знак подать, как мне искоренить этих змей, что сами под меч мой стремятся? Змея делает все, чтобы душа моя смертное

тело оставила и отлетела навечно в преисподние дома Аида. Горько, что нет мне никакого почета, а трудов и опасностей впереди еще много, ибо, все чудовища самые страшные, как я всем чувствую сердцем, будут мне врагами смертельными.

Зевс, возлежа на веселом пиру, лишь молча окинул взглядом небрежным сражавшегося на Лернейском болоте своего смертного сына, поскольку знал, что его мудрая дочь уже сообщила Гераклу, что срубленным шеям неминуемую смерть принесет лишь огонь... И вообще Олимпиец был твердо уверен в том, что Гераклу в ближайшие 30 лет никакая смерть не грозит, если только не вмешается Случай. Гера же, сделав вид, что ее, как защитницу женщин и хранительницу брака и материнства, ждут дела неотложные, тихо покинула зал для пиров.

136. Геракл чуть не погибает в трясине

Не дождавшись с безучастного неба никакого ответа, Геракл, не зная как дальше с Гидрой сражаться, ведь и дальше рубить ей головы означало делать ее только сильнее, решительно развернулся и что есть силы бросился к повозке, у которой Иолай, спрыгнув на землю, с трудом сдерживал за вожжи пытающихся убежать от болота коней. У стройного юноши были совсем не широкие плечи и было видно, как ему тяжело держать словно взбесившихся лошадей.

Раненная Гидра, растившая себе новые головы взамен срубленных, не преследовала дерзкого врага и осталась далеко позади, и тут Геракл, мчавшийся, не разбирая дороги, не добежав до племянника полсотни шагов, провалился в трясины по самый пояс. Не чувствуя под ногами твердой опоры, он, с испугу, не раздумывая, сразу одним мощным рывком попытался выскочить из вязкой зыби, но от резкого усилия только еще глубже погрузился в трясины. Увидевший это сын Ификла, догадался замотать вожжи вокруг ближайшего дерева и с криком, что он бежит на помощь, бросился к дяде; тот же, увидев, как племянник с пустыми руками покинул твердую землю и по болоту несется к нему, неистово заорал: – Остановись Иолай и послушай меня! Не беги ко мне быстро, если не хочешь сам провалишься! Срежь ножом

крепкое деревце и осторожно приближайся ко мне, каждый шаг проверяй срезанной жердью. Близко ко мне не подходи, протянешь мне конец жерди и за нее вытянешь меня из этой липкой грязи.

Гераклу сильно мешала львиная шкура, он чувствовал, как она сковывает его и тянет вниз, но избавится от нее, он даже не помышлял, наоборот, свободной рукой он затянул на груди узел из львиных лап еще крепче, а другой рукой продолжал сжимать меч серповидный. Услышав ужасный вой Гидры, герой почувствовал, как мороз продрал всю его кожу, и вновь попытался выскочить из трясины, но от этой отчаянной попытки увяз так, что на поверхности осталась только голова и вытянутые вверх руки, в одной из которых был меч.

Поняв, что еще одна такая попытка, и он с головой уйдет в липкую жижу, Геракл усилием воли заставил неподвижно себя замереть, не шевелить ни одним членом. Совсем не шевелиться оказалось на удивление трудно, но от этого зависела жизнь, и потому ему все удалось, и дальнейшее погружение в трясины прекратилось. Тело Геракла было, как мертвое, шевелились только мысли разные в голове, глаза смотрели и слышали уши. Он видел Иолая, уже срезавшего небольшое тонкое деревце и слышал непрекращающийся вой Гидры. Очень осторожно он повернул голову и увидел в стадии от себя Змею, здоровые головы которой зализывали только, что выросшие четыре новых головы.

Только теперь, находясь в томительной неподвижности,

Гераклу пришли на память напутственные слова Афины в том числе и о трясине, которым он вчера не придал особого значения. Боясь даже разговаривать с собой без особой необходимости, он, сморщив нос и губы, досадливо прошептал, стараясь даже, как Мойра, не шевелить при разговоре губами:

– Ну, почему я такой невнимательный? Мудрая Афина обо всем мне вчера рассказала, а сегодня я успел все позабыть. С самого начала все следовало делать иначе: надо было идти осторожно к Гидре, пробуя шестом в болоте дорогу и не одному, а с Иолаем и факелом, ведь не напрасно я взял их с собою... Но не все потеряно, я еще жив и прежнюю силу имею. Только бы из трясины мне выбираться, а уж потом...

Иолай в это время на коленях осторожно приблизился к Гераклу и уже начал проталкивать к нему конец срубленной жерди. Почти полностью погруженный в трясину Геракл не мог видеть, что многоглавая Гидра, вырастившая четыре новых головы вместо срубленных двух, движется к нему, как большая неповоротливая повозка, запряженная дюжиной змей с длинными шеями, но он это почувствовал по дрожащей трясине и по жуткому многоголосому злобному вою. Он, с трудом сдерживая нетерпение, сохраняя необходимую неподвижность, дожидался спасительного конца жерди и громко вопил:

– Лучше бы мне в настоящем бою с достойным противником доблестно умереть или в смертельной схватке со львом

длинногривым или вепрем клыкастым. Посмертные почести мне эллины даровали бы, а Судьба – громкую славу! Нынче же жалкая смерть мне грозит, как свинопасу-мальчишке, захлебнуться в этой мерзкой трясине, или погибнуть от желчного яда многоголовой змеи. Но нет! Не в моей породе сдаваться!

Вот конец жерди оказался в левой руке Геракла, и племянник, покраснев от натуги, с огромным трудом стал медленно подтягивать пока еще неподвижное тело Геракла. Трясина хлюпала, как живая, словно, она не хотела сдаваться и выпускать своего пленника, но вот уже могучая грудь отпрыска Зевса оказалась над поверхностью зыбкой. Когда в трясине оставались лишь ноги, Геракл всей своей кожей ощутил горячее ядовитое дыхание Гидры, которая была уже совсем близко. Казалось, еще миг и острые ядовитые зубы всех 11 змеиных пастей вонзятся в тела обоих героев.

Однако в последний момент Алкид, державшийся левой рукой за жердь, оставил ее и, схватившись за небольшое, но крепкое деревце, рванулся и, высвободив из плена ноги, вылетел из трясины, как камень из пращи.

137. Ожесточенный бой с Гидрой

Оказавшись на кочке, Геракл с разворота ударил по ближайшей к нему лязгающей зубами голове серповидным мечом, который он так и не выпустил из правой руки, почти утонув в трясине. Он срубил одну из смертных голов, и она с громким всплеском упала в трясину с навсегда закрывшимися глазами. Раненная Гидра глухо завывала, словно поняла, что не сумела воспользоваться удачей, предоставленной ей богиней случая Тюхе, и, трясая десятью головами, со злобным шипением отползла на несколько шагов.

Геракл тоже отскочил подальше от чудовища, чувствуя, как все сильнее кружится голова от ядовитого дыхания Гидры. Повторяя про себя напутствие Афины, он крикнул племяннику сейчас же принести горящие факелы, а сам не в силах долго сдерживать дыхание, на миг сбросил львиную шкуру, рывком стащил с себя хитон и обвязал им голову, чтобы тонкая ткань задерживала яд испарения, носившейся по воздуху всюду. Быстро прибежавший с факелами Иолай по примеру дяди тоже натянул на голову свой хитон.

Увидев на головах смертельных врагов повязки, а в их руках не только меч, но и факелы, Гидра озлобленно сверкнула немигающими своими глазами и протяжно хрипло завывала, словно сотня одичавших собак. Иолай, передернув плечами, спросил у Геракла:

– Этим своим хриплым тягостным воем она выражает сожаление, что опять предоставляет нам передышку?

– Нет, она чувствует свою близкую смерть! Уж я постараюсь, чтоб предчувствие не обмануло ее!

Твердо ответил дядя племяннику. Как бы там ни было, но о том, чтобы бежать с поля боя змея явно не помышляла. Смертные головы по-прежнему пытались вонзить свои острые зубы в тело Геракла, а бессмертная ее голова вдруг начала еще и плевать густой ядовитой желтовато-зеленой слюной, клочья которой, словно хищные птицы быстро полетели навстречу героям.

Геракл, плотно закутавшись в львиную шкуру, приказал Иолаю держаться позади него, но недалеко, чтобы быть защищенным, и чтобы быстро прийти на помощь с факелом для прижигания отрубленных голов. Сам же сын Зевса проявил неожиданную для его могучего тела сноровку, и ни одна желто-зеленая ядовитая «птица» не сумела его клюнуть в шлем, где были дыры для глаз, хотя львиная шкура вскоре вся покрылась желто-зелеными пятнами. Труднее всего было не броситься, сломя голову, на Гидру, но герой уже хорошо понимал, что безликая трясина не менее опасна, чем само многоглавое чудовище. Глядя под ноги, он осторожно приблизился к Гидре и сразу снес серповидным мечом чудовищу голову, которая вцепилась всеми зубами в львиную шкуру. Верный Иолай тут же подскочил и прижег отрубленное место на шее горящим факелом и опять быстро спрятал-

ся за мощное дядино тело, защищенное львиной шкурой.

Запахло смрадом паленого мяса, но новая голова на месте отрубленной не появлялась. Гидра не сдавалась, и на героя обрушилось несколько тяжелых ударов ее острых зубов и мощного хвоста, который в самом толстом месте одному человеку было не обхватить. От ударов могучего хвоста Геракл несколько раз падал, но тут же, как тугая пружина, вскакивал и бросался в смертельный бой, закипевший с новой силой. Несмотря на все буйство сражения, Геракл, когда Иоллай прижигал очередную срубленную голову, несколько раз успел погладить свободной левой рукой львиную шкуру и тихо сказать:

– Спасибо тебе лев из Немеи. Если б не каменная твоя кожа, защищающая меня сразу и сверху, и со всех четырех сторон от ядовитых зубов и плевков Гидры, лучше любого щита, плохо бы мне пришлось.

138. Гера помогает Гидре и призывает рака Каркина

Гера не осталась вполне безучастной к пасынка горестным воплям и, покинув пир беззаботный богов незаметно, укуталась в плотное белое облако и никому невидимая по нисходящему воздушному потоку быстро метнулась к болоту Лернейскому. Это болото вблизи Перголиды она знала прекрасно, ведь это она поставила там многоглавую змею великаншу сторожить Лернейский вход в подземное царство мертвых.

Появившись у логова Гидры, никому незримая Гера молча крепко обхватила обеими руками ее за туловище сзади и стала сильно толкать в ту сторону, где виднелась повозка с двумя бесновавшимися конями. Чудовище сначала даже сопротивлялось, не понимая кто ее сзади так сильно толкает – она что есть сил упиралась своими сильными задними лапами в землю. Наконец, в черных немигающих глазах Гидры, начисто лишенных ресниц, вместо дикой свирепости появилось какое-то осмысленное выражение, и она даже издала радостный рев, словно поняла, что ей надо делать. Чудовище прекратило сопротивляться толканию сзади Геры, и само стало двигаться к погруженному в трясины Гераклу да так быстро, как только могло.

Гера, по-прежнему оставаясь невидимой, сама со всем вниманием следила за ходом сражения нелюбимого пасын-

ка с Гидрой. Злобно прищуриив свои огромные, как у телки, глаза и губы изящные, искривив, она с ожесточением терла себе лоб и виски, свободные от локонов пышных волос, которые, как всегда, очень тщательно были расчесаны и, собраны в узел тугой на затылке. Было видно, как она что есть сил напрягала весь свой божественный разум, старалась придумать, как Гидре помочь в бое с Гераклом, и тут белокурая царица, звонко хлопнув себя по чистому прекрасному лбу, радостно себе возвестила:

– Вот кто Гидре поможет! Как я забыла, ведь здесь большой Рак по имени Каркин давно проживает, в глубокой норе на другой стороне этого же болота. Не откажется Каркин любимой соседке в смертельной битве помочь!

Некоторые говорят, что Каркин и Гидра были давними любовниками, когда змея была молодая и не такая большая и плодом их болотной любви стали тысячи змей, названных в честь матери гадюками.

Царица богов кинулась на другой край болота, подобно бурному ветру, с ревом обрушившемуся на кроны могучих дубов и ветвистых платанов. Чтобы как можно быстрее бежать она даже задрала подол пеплоса много выше колен и тут же поджала губы стыдливо – забыла богиня богинь, что ее все равно не видит никто, ведь, отправившись на это болото, она пожелала остаться невидимой никому. Очень она не любила оголяющие бедра хитоны, заканчивавшиеся выше колен и имевшие высокий боковой разрез, так что бед-

ра даже при неспешной ходьбе полностью обнажались. Особенно любили показывать свои стройные бедра спартанки – девицы с вечно обнаженными бедрами, которые, занимаясь гимнастикой, снимали с себя и это единственное одеяние. Гера не карала за бесстыдство спартанок, ведь Спарта вместе с Аргосом и Микеной во всем обитаемом мире наиболее ей города дорогие.

Гера отыскала спящего на дне Каркина и, подняв за клешни его на поверхность болота, сильно толкнула туда, где кипело сражение. Рак все понял и неожиданно быстро для раков, тем более таких больших, заскользил по зыбкой трясине на помощь к бывшей любовнице, а теперь милой соседке.

Чудовище, между тем, со звериным упорством выискивало слабое место в шкуре своего Немейского брата, в которую плотно обернулся Геракл и не находило. Гидра сумела лишь обрызгать плевками ядовитой слюны оголенные ноги героя ниже колен, а тот успел уже срубить шестую смертную голову. Ловкий Иолай по-прежнему, прячась сзади Геракла, как только тот отрубал очередную голову, сразу подскакивал, ее прижигал пламенем факела и вновь быстро прятался за дядину спину, облаченную в непробиваемую львиную шкуру.

И тут сын Зевса вдруг схватился свободной рукой за ногу с душераздирающим криком:

– Ой! Горе! Она сумела зубами схватить меня за голую ногу! Боги! Что мне делать? – Впрочем я и сам знаю! Даже если мне суждено сегодня от ее яда погибнуть, и я уже од-

ной ногой ступил в подземелье Аида, все же головы все я ей успею срубить, включая бессмертную!

Могучие руки героя, как заведенные, продолжали упорно свой труд, и вот уже последняя десятая смертная голова была отделена от мощного драконьего тела. Иолай по-прежнему прижигал все отрубленные места шей змеиных огнем ярко пылавшего факела. Воздух вокруг был наполнен ядовитым зловонием, смешанным с густым запахом паленого мяса. От тяжелой работы и недостатка чистого воздуха оба героя совсем задохались.

Геракл думал, что это ядовитая Гидра укусила его за голую ногу, хотя на самом деле это его тяпнул зубами и прищемил клешнями Рак, Гидры давний любовник, а теперь сосед и товарищ, которого с другого конца болота призвала Гера на помощь. Сын Алкмены старался успеть добить чудовище, пока яд не распространился от ноги по всему телу и не появился чернокрылый Танатос, чтобы исторгнуть из его брэнного тела бессмертную душу.

139. Победа над Гидрой

И вот герой, срубив последнюю смертную голову, которую Иолай старательно прижигал, стал попытаться отсечь огромную бессмертную голову на очень мощной шее. Терзаемая жестокой болью, змея тяжело хрипела последней неподверженной тлену своей головой и каталась по болотной трясине, ломая кусты и чахлые деревца, она поднимала шум несказанный.

В это время Иолай прижег обрубок последней смертной шеи, но вместо того, чтобы опять быстро спрятаться за дядю, вдруг подскочил к нему спереди и ткнул своим коротким спартанским мечом ему между ног. Геракл опять почувствовал жуткую боль в левой ноге, о которой успел позабыть в пылу боя. Стиснув зубы, он терпел эту адскую боль и приказал Иолаю бежать поскорее к коням, которые, видя чудовище так близко, давно дико ржали и рвались, пытаясь порвать привязь. И не был племянник непослушным любимому дяде.

Геракл, наконец, изловчился и мощным ударом, вложив в него всю свою безграничную ненависть ко всяким чудовищам, срубил Гидре последнюю бессмертную голову. Боясь, что яд не даст ему довести дело до конца, он прыгнул к бессмертной голове и нанес ей еще несколько ударов мечом. Однако следы ударов быстро затягивались, и неподверженная

тлену отрубленная голова продолжала метать в героя взгляды, наполненные дикой ненавистью и изрыгать желто-зеленую слюну, и все это сопровождалось уже не бычьим могучим воем, а мерзким злобным шипеньем. Гераклу даже почудилось, что сквозь это ужасное шипенье он, якобы, слышит человеческие слова:

– Тебе меня никогда не убить, отродье Зевеса, потому что умиранию я совсем не подвластна! Ты же скоро в тяжких мученьях от моего яда умрешь, ведь уже глубоко он в твою ногу проник и сейчас растекается по всему твоему телу...

Чтобы бессмертную голову Гидры больше не слышать, Геракл поднял похожий на обломок скалы огромный валун, который и 12 сильных человек не смогли бы поднять, если бы их усилиями не руководил бы еще один человек, давая громкие им команды. Он придавил этой глыбой громадной бессмертную голову и забравшись на нее, провозгласил такие слова, остервенело топая по камню здоровой ногой:

– Здесь ты, злобное порожденье Ехидны с Тифоном, теперь заживо находишься хоть тысячу лет, в недрах болота липкого и сырого! Никогда больше не будешь ты лютой пагубой людям!

На небе есть созвездие «Гидра», однако эта Гидра не имеет никакого отношения к чудовищу, убитому Гераклом. Зато на небосклоне есть созвездие Рака.

Арат рассказывает о ярком звездном наряде Рака, посмевавшегося дерзко тело Алкида язвить, в то время как он неустан-

но головы Гидры косил, урожай, пожиная обильный.

Согласно Эратосфену, Рак помещен среди созвездий Герой вот за что. Когда Геракл истреблял Гидру, все прочие звери сражались на его стороне, и один только Рак, как сообщает в «Гераклее» Паниасид, выпрыгнул из болота и укусил его за ногу. Геракл, очевидно, в гневе раздавил Рака ногой. Вот почему он удостоился великой чести быть причисленным к двенадцати Знакам зодиака.

Согласно Сервию и Ватиканскому мифографу, Гидра это было место, извергавшее воды, которые заливали близлежащие земли и опустошали соседние города. Когда люди пытались перекрыть один водный источник, рядом вырывались наружу много других. Видя это, Геркулес сумел осушить всю местность и таким образом перекрыл доступ воде. Ведь Гидра и означает слово «вода».

В Лерне и некоторых других местах Геракла за его победу над Гидрой называли Офиоктоном (змееубийца).

140. Геракл узнает, что его укусила не Гидра, а рак Каркин

Геракл, стоя на придавившем бессмертную голову валуне, все топал по нему здоровой ногой и горестно причитал, не испытывая от окончательной победы радости никакой:

– С Гидрой покончил я, а что будет со мной? Может пока не поздно ногу отсечь серповидным мечом, или уже слишком поздно? Да и как я буду дальше по жизни скакать без ноги? Буду я не отважный герой, а жалкий калека. Нет, без ноги я жить не согласен. Что-то Танатос не спешит за своей законной добычей. Но ему я не сдамся без боя! Не позволю я демону смерти отсечь себе волосы и увлечь мою душу в мрачное царство, из которого выхода нет! Я буду со Смертью до последнего дыхания бороться, но почему же ее все нет...

Геракл скинул совсем львиную шкуру и стал внимательно осматривать укушенную ногу. Вытерев тканью с ноги кровь, он увидел на ней рваные следы острых зубов, но эти следы были какие-то маленькие – зубы Гидры даже у смертных голов были значительно больше. Озадаченный тем, что зудящая боль в ноге утихла, герой позвал племянника с факелом, который послушно стоял рядом с успокоившимися конями и колесницей.

– Меня Гидра все-таки укусила в ногу, а ведь желчь очень

ядовитая у нее. Может огнем раненую ногу от яда прижечь иль огонь не поможет?

Спросил Геракл племянника дрогнувшим голосом, когда тот подбежал по его зову. Юноша стал на колени и внимательно осмотрел дядину ногу. Не вставая с колен, Иолай показал рукой на что-то похожее на пень с отходящими в стороны корнями, затем нежно поцеловал и пососал место укуса и сказал:

– Здесь нет никакого яда. Тебя укусил в эту прекрасную ногу вон тот рак, которого я убил мечом после того, как прижег последнюю смертную голову Гидры.

Геракл подошел к тому, что было похоже на пень и увидел огромного мертвого рака, и, вспомнив племянника, ткнувшего мечом ему между ног, он все понял. И тут его словно прорвало: он начал оглушительно хохотать, и это не был смех радости. Безумный смех героя со слезами на красных от ядовитых испарений глазах долго не прекращался, и Иолай, пытаясь успокоить дядю, подошел и нежно обнял его.

Почувствовав нежные, как у девушки, руки племянника, могучий герой почти успокоился, он перестал неистово дергаться и хохотать. Внезапно он отстранился от племянника, должно быть, застыдившись слез, но сделав вид, что вспомнил о чем-то. Он брезгливо поднял одну из беспорядочно валявшихся вокруг мертвых змеиных голов, и понес ее к повозке, прихрамывая на левую ногу.

Счастливый от того, что вместе с дядей-героем принимал

участие в сражении с чудовищной Гидрой, сияющий Иолай шел следом. Когда они подходили к повозке легконогие кони почуяли близкую змеиную голову и опять начали бить копытами, ржать и вяло вырываться. Геракл кинул голову Гидры в повозку, отвязал лошадей, и они поскакали в Аргос.

141. Геракл сжигает тушу Гидры и пропитывает стрелы в ее желчи

Когда Геракл на главной площади Пеласгии, этой древней вотчины Геры, показывал людям ужасную голову Гидры, мужчины от непереносимого страха бледнели и, как осенние листья на сильном ветре дрожали, хоть и понимали, что это мертвая голова, а у женщин подкашивались колени, и впечатлительные сердца их сжимались от леденящего страха.

Надменный Копрей, почему-то ненавидевший сына Алкмены, даже больше, чем Эврисфей, увидев мертвую голову Гидры, которая была во много раз больше головы обычной змеи, сначала ничего не сказал, а лишь долго смотрел на молодого героя выпуклыми своими глазами и облизывал сухие губы то ли от скрытой ненависти, то ли от внезапного страха. Успокоившись, он особенно высокомерно и очень громко сказал Гераклу:

– Голову чудовища ты прямо сейчас отвезешь подальше от города, чтобы не пугать здесь наших добропорядочных граждан и сожжешь, чтоб ничего от нее не осталось. Затем будешь в Аргосе ждать новый приказ, и потому ежедневно в полдень являйся сюда, на площадь, где всегда много народа. Когда царь мне объявит, что тебе дальше следует сделать, я на площадь в полдень явлюсь и здесь тебе его приказанье при народе громко провозглашу.

Копрей всегда, выступая глашатаем Эврисфея, говорил специально очень громко объясняя это тем, что средством, помогающим его словам достичь слуха людей, служит голос, и чем голос громче, тем лучше люди его услышат и поймут. Геракл все время порывался что-то сказать Копрею, но всякий раз сдерживался, только сжимал и разжимал кулаки. Когда Копрей медленно с высоко задранной головой важно повернулся к нему спиной, он презрительно плюнул на землю и плевков тщательно растер ногою. Затем, положив на плечо дубину, второй рукой он схватил голову Гидры и понес ее к колеснице, где его ждал верный возница и друг Иолай.

Дядя с племянником вернулись вместе на место убийства Гидры, и Геракл изоострым мечом ее тушу разрезал на крупные части и, добравшись до желчи, осторожно смочил в ней все свои стрелы, которых он заботливо взял три полных колчана. Не зря Мойра Лахесис соткала этот подвиг Гераклу. Самый страшный, из всех существующих на земле ядов, яд желчи Лернейской Гидры сыграет большую роль в подвигах и жизни Геракла. Ужасная желчь Лернейской змеи, как и каменная кожа Немейского льва много раз спасут жизнь героя, который скоро прославится, как самый знаменитый истребитель чудовищ Эллады. С помощью этого яда отпрыск Зевса погубит много врагов, но порой яд не пощадит и друзей таких, как Фол и Хирон.

После заправки ядом стрел Геракл разрубил тушу чудовища на мелкие куски и вместе со смертными головами бросил

на большую кучу дров, воздвигнутую по его просьбе Иолаем. Когда костер ярко запылал, герои поспешили покинуть болото, ибо смрад от горящих останков гигантской многоглавой змеи был совершенно невыносимым.

142. Иолай становится первым возлюбленным другом Геракла

Геракл не стал устраивать званый пир по случаю совершения второго подвига, поскольку у него для этого не было даже посуды, не говоря уже о деньгах для покупки вина и мяса животных. Утолив голод и жажду скромным ужином из овощей и сыра в обществе Иолая, он пошел на свое камышовое ложе в оливковом саду спать, но сон благодатный, разрешающий горести духа, никак не являлся. Болела свежая рана от укуса Рака Каркина на левой ноге и начало кровоточить бедро, разорванное когтями Немейского льва, и даже откушенный им палец, сильно ныл, кружилась голова от воздуха, отравленного дыханием Гидры.

Телесная боль вскоре утихла, но возбуждение боя не покидало героя, он лежал с широко открытыми глазами и перебирал в памяти разные подробности битвы. Не брал его вовсе крепкий сон, тихой ночью всех людей покоряющий. На своей он камышовой метался постели, вспоминал ужасную Гидру и мужество своего юного друга, и то, как он уже с жизнью совсем распрощался. Все это он вспоминал снова и снова. На сухом камыше он в полудреме лежал то на боку, то во весь рост растягивался на спине, то ничком на живот поворачивался и застывал ненадолго, чтоб опять бессонно на бок лечь или на спину.

В это время к дяде неслышно подошел Иолай, и полусонный Геракл на него удивленно уставился, как будто впервые увидел. Разглядывая племянника, в серебристом свете только, что появившейся на небе луны, он удивлялся, как будто впервые видел его, раньше он не замечал какие у того были плечи, грудь, бедра. Теперь он увидел, что сын его брата Ификла – очень красивый стройный юноша с талией удивительно тонкой, совсем как у мальчика или у девушки в первом цвету. Пышущее здоровьем чуть курносое лицо юноши, томный взгляд и благоухающие миррой очень мягкие волнистые волосы цвета соломы, разделенные ровным пробором точно посреди головы, дополняли это впечатление.

Геракл хмыкнул и, почесав низкий лоб, сказал племяннику:

– Хм... Что-то я никак не могу заснуть. Такое редко со мною бывает. Все тело зудит и болит, но главное: как только закрываю глаза, так сразу вижу перед собой то шипящие и плюющие змеиные головы, то чернокрылого Таната с глазами как красные угли, горящими, явившегося за моей душой с огромным черным мечом. Да, так далеко не заходил я еще по пути в мертвое царство, возврата из которого нет. Ведь я думал, что за ногу меня ядовитая Гидра своими зубами схватила и уж готовился к битве с властительными богами подземными... Может, дорогой мой племянник, нам с тобой крепкого вина сейчас вдоволь напиться, чтоб хоть ненадолго забыться? Помню, как после схватки со львом из Немей мы

со старцем Молорхом напились так, что он во время резвой пляски упал и тут же, на месте как мертвый заснул...

Вечернее солнце меж тем окончательно закатилось в мировую реку Океан, которая круг земной омывает, собою его ограничив, и сумрак густой неслышно ниспустился на теплую благодатную землю. Вот уже появившаяся вдали дивная повозка, влекомая неторопливыми среброшерстными быками, заняла свое законное место на ночном небосклоне. Безмолвные быки неспешно доставили на небо все озаряющую своим блеском прелестную двурогую странницу ночи в одеянии цвета шафрана с серебряным серпом на чистом челе. Туманные лунные лучи тихо залили всю землю, причудливо сплетаясь с тенями, придали наступившей ночи невыразимое очарование.

Геракл почти совсем очнулся от полудремы и сосредоточенно раздумывал самому ли идти к амфоре с искрометным вином или все-таки послать Июлая потому, что и спать, и вставать не хотелось и вдруг почувствовал, как неслышно и осторожно племянник прилег к нему на просторное камышовое ложе. Он вздрогнул от неожиданности, когда дрожащий юноша, жарко дыша, прижался сзади к нему всем своим телом, как у девушки, нежноупругим.

Он, конечно, слышал рассказы и об олимпийском виночерпии красавце Ганимеде, услаждавшем Зевса не только на пирах, но и на ложе, и о Гименее, и об Орфее, и о многих других не столь знаменитых юношах, которых страстно любили

боги или причастные смерти мужи. До сих пор Геракл предпочитал любить только женщин и девушек, но сейчас, в таинственной темноте, наполненной магическим лунным светом, после смертельного боя, в котором он себя в мыслях уж похоронил... его изнуренные члены вдруг выразили острое желание наслаждения, и, резко повернувшись, он стал жадно ласкать нежное тело четырнадцатилетнего племянника, вмиг забыв об ужасах кончавшегося дня...

В память о возвышенной любви между Гераклом и Иолаем, которая, несмотря на множество других возлюбленных подруг и друзей, длилась удивительно много лет, фиванцы справляли празднества Нолей, состоявшие из гимнастических и конных игр, на которых победителям преподносили оружие и сосуды из железа. А перед вступлением в бой возлюбленные друзья приносили последние клятвы верности у могилы Иолая в Фивах.

Согласно Плутарху, надо признать, что любовь к мальчикам и любовь к женщинам происходит от одного и того же Эрота. Если же их различать, то окажется, что этот обращенный на мальчиков Эрот заслуживает порицания: появившись на свет поздно, как бы у престарелых родителей, незаконный и темного происхождения, он воздвигает гонение на законного и старшего Эрота. Совсем недавно он проник в гимнасии вслед за обычаем обнажаться при телесных упражнениях, проталкиваясь среди мальчиков и мимоходом обнимая их за плечи, понемногу отрастил крылья, и вот его

уже не сдержат, и он бранит и поносит брачного Эрота, хранителя бессмертия человеческого рода, передающего светоч жизни от поколения к поколению. Этот незаконный Эрот отрекается от наслаждения: стыд и страх заставляют его искать благопристойное объяснение для своего пристрастия к молодым и красивым юношам, похожим на женщин, ибо их лица покрыты девственным пухом на свежих щеках. И вот таким предлогом становится для него дружба и добродетель. Он покрывается пылью палестры, оmyвается холодной водой, нахмуриывает брови и громогласно объявляет, что занимается философией и соблюдает целомудрие в соответствии с законом; но вот ночью, без помех – сладка добыча, если страж глаза сомкнул.

143. Гера придумывает третий подвиг

После того как Геракл совершил два таких опасных подвига, как удушение Немейского льва и убийство Лернейской Гидры, царица блистательных высей Олимпа долго не могла придумать как извести сына Алкмены, какое ведущее к неминуемой смерти дело ему поручить.

Наконец, ей пришла в голову одна мысль, которая показалась ей очень удачной, и она, чтобы подробно ее обсудить с собой и улучшить, вслух ее для себя неспеша повторила:

– Пора уж мне крепко задуматься как нечестивого пасынка погубить, ведь двух самых страшных чудовищ он уже одолел. И правда, велика его сила и дух его, хоть мерзок и нечестив, но крепок, как камень. Чуткое сердце мне подсказывает, что лучше всего было бы сравить его с кем-нибудь из могучих бессмертных богов, желательно из тех, кто мной особенно не любим – этим я могу сразу двух зайцев убить. Хорошо бы, например, воздвигнуть буйного Вакха против такого же бешеного нечестивца Геракла! Ах, как было бы замечательно, если б эти два ненавистных мне зевсовых сына от смертных блудниц сошлись бы в схватке смертельной, но как это сделать?

Гера промучилась целую ночь, но так и не придумала, как натравить друг на друга Диониса и Геракла. Уж под утро ее посетила непостоянная Тюхе, о месте обитания которой да-

же Мойры не знают, и она вдруг вспомнила, что Артемиду, умереть обреченные люди прозвали Улией – Убийцей и подумала так:

– Дерзкая Тавропола во время нашей с ней схватки, когда мы, олимпийцы врукопашную сражались друг с другом, попыталась пустить свои губительные стрелы даже в меня, как будто я боли очень боюсь или смерти подвластна. Тогда я показала заносчивой дочери притворной скромницы Лето кто из богинь всех главнее на нерушимом вовеки Олимпе!.. Да, Геракл, очень силен, силой громадной его Мойра одела для истребления чудовищ, но все же он смертен. Не Диониса, Артемиду надо напустить на Геракла и сделать мне это будет не трудно, ведь богиня диких зверей всегда скоро на расправу, особенно она не любит людей.

План созрел сам собой, и Гера не спеша повторила его своему милому сердцу:

– Гераклу в качестве очередного труда надо приказать убить какое-нибудь досаждающее людям животное, например, любимую лань Артемиды, и она в отместку убьет его самого... Впрочем, если Агротера узнает, что Гераклу приказали убить ее священную оленицу, то она вместе с могучим братом отомстит не только отдавшему приказ Эврисфею или Копрею. Аполлон прозорлив и быстро узнает, что убить священное животное сестры придумала я. Тогда надо сказать, чтобы Геракл не убил, а только пленил лань Артемиды... А мне очень нравится эта коварная мысль. Ведь, и поймать зла-

торогую оленицу будет намного трудней, чем убить, очень она быстронога, а Геракл, хоть силой могуч, но в беге многим мужам уступает, тем более этой лани... Надеюсь, что сыну блудницы Алкмены не один год придется за этой ланью гоняться! Если ж догонит и сумеет пленить, то ему придется сразиться с медвежьей богиней, и легко она попадет ему в глаз, не защищенный львиной каменной шкурой! И Зевс ни в чем не сможет меня упрекнуть!

Довольная собой Гера явилась к Эврисфею, как всегда во сне, когда он, свернувшись комочком, сладко спал и посапывал, подложив обе ладошки под не по возрасту морщинистое лицо. Богиня схватила царя за редкие слипшиеся волосы и дернула, и когда тот вскочил и, увидев Геру, недоуменно открыл глаза повелела ему:

– Прикажи Гераклу поймать Керинейскую лань с золотыми рогами и медными копытами, и чтобы принес он ее живую тебе показать или Копрею. Вели так же Копрею Геракла прилюдно оповестить о том, что эта лань объедает и сильно топчет посевы и уже многих людей погубила, которые пытались избавиться от нее свои нивы. Однако пусть промолчит твой вестник о том, что эта златорогая лань – любимое животное Артемиды.

И вот громкоголосый глашатай Копрей, выпучив свои белесые глаза и плоский задрал подбородок так, что он казался на одном уровне с его мясистыми ушами, спесиво изрек, собрав на рыночной площади народу немало:

– Как ты ни могуч, сын Алкмены, но жить и впредь будешь обязан под Эврисфеевой волей и все его приказания, что я передам, выполнять безропотно должен. Сейчас же тебе приказано поймать медноногую лань за то, что она сильно топчет посевы на горе Керинее, своими золотыми рогами нивы Аркадии роет и при этом много губит людей. Жизнь ей нужно оставить, но ты должен мне ее показать, чтоб я посмотрел на ее рога и копыта своими глазами и убедился, что ты не обманщик. Справедливостью гордый наш царь Эврисфей понимает, что эта лань быстронога и потому на подвиг этот отводит тебе времени много, но на все про все не более года!

144. Лань с золотыми рогами

Когда Геракл услышал, какой третий подвиг ему надлежит совершить, он не поверил своим ушам – настолько это дело ему показалось простым. Всего-то надо было поймать безобидную лань с золотыми рогами и медными ногами и привести на веревке или, если она сама не захочет идти, то принести ее на плечах в Аргос или в Микены. Но напыщенный тон глашатая юному герою опять не понравился. Глядя в вытаращенные глаза Копрея, Геракл открыл было рот, чтобы съязвить про его глаза, но сдержался, он только поморщился, скрипнул зубами, повернулся и молча ушел. На одутловатом лице глашатая появилась мрачная мстительная улыбка, и он погрозил кулаком в спину удаляющемуся герою.

Гераклу рассказали, что золоторогая лань, называемая по имени города, где она впервые появилась, еще Керинейской, была любимым животным Агротеры. Это обстоятельство отпрыска Зевса не сильно встревожило, хотя он знал, что его божественная сестра Артемида не только отнимала подошедшую к концу жизнь у старых людей нежной стрелой, но в гневе и молодых людей губительной стрелой жизни часто лишала. Но лань не требовалось убивать, и потому с заносчивой богиней охоты и дикой природы особенных затруднений он не предвидел. Герой, ставший неразлучным со своим племянником Иолаем после второго подвига, собрался

на необычную охоту один, так сказав возлюбленному своему другу, нежно его во влажные губы целуя:

– Богоподобный Иолай, юноша прекрасный, любимый мною горячо! Глаза твои чудесные мне душу греют, а мальчишеское тело твое мою воспаляет кровь! И подвиг мне любой дается легче, когда при тебе его я совершаю, но за Киренейской ланью одному мне придется носиться, ведь не можешь быстро и подолгу ты бегать. И потом, ведь ты помнишь, что царек наш с ушами ослиными, мне объявил, что подвиги я должен совершать один для усиления наказания. Но ты не сомневайся в том, что я люблю тебя больше всех юношей вместе взятых на этом свете. Время быстро промчится, подвиг этот я свершу, и мы опять с тобой будем вместе.

Каллимах поет, что на заоблачных высях, в предгорьях горы Паррасийской, скачущих ланей, дивное диво! Паслись на берегу реки Анавра они неизменно, – ростом больше быков, а рога их золотом блистали. Когда богиня охоты увидела этих ланей впервые, то изумилась их виду и молвила тотчас своему милому сердцу:

– Вот пристойная дичь Артемиде для первой охоты!

Было этих ланей всего только пять; четырех богиня поочередно быстро настигла, псами их не травя, и в свою запрягла золоченую колесницу. Но одна убежала, пересекла поток Келадона, и скрыл беглянку холм Керинейский, что возвышался на границе Аркадии и Ахайи. Впоследствии Медве-

жья Богиня все же настигла непокорную последнюю лань и заставила служить себе.

Однажды после сбора богатого урожая жители счастливой Аркадии принесли жертвоприношения всем вышним, обойдя лишь благовонные алтари стрелолюбивой дочери Лето, которые одни тогда без благовонных курений остались.

– Пусть должного нет нам почтения от ничтожного, жалкого племени для смерти рожденных людей, но безнаказанности для них мы все равно никогда не допустим!

Гневно изрекла богиня охоты, презрительно округлив полумесяцем уголки нежных девичьих губ рожками вниз, и послала лань, прозванную впоследствии Керинейской, в наказание людям опустошать их поля. Керинейская олениха оказалась не только очень свирепой, но и неуловимой – догнать златорогую лань, не ведающую усталости, никто не мог из смертных людей.

Некоторые, как Пиндар, иначе рассказывают о дивной златорогой лани. Якобы безбрачная дочь Лето превратила плядую Тайгету в обычную лань, чтобы спасти от преследований любвеобильного Зевса. Это не спасло Атланта и Плейоны милую дочь, и она родила от Зевса героя Лакедемона, по имени которого впоследствии самая воинственная страна Эллады с главным городом Спартой была названа Лакедемоном. Тем не менее, Тайгета в благодарность посвятила богине охоты такую же лань, но златорогую и с «писанным обетом» – надписью на ошейнике: «Тайгета с благодарностью

посвящает Артемиде». После этого гордая, как водрузивший небо на плечи родитель, плеяда повесилась на вершине горы Амиклей, и впоследствии ее имя Тайгет было присвоено Лаконской горной цепи.

Как бы там ни было, но все говорили, что златорогая лань много бед приносила людям. Чудесная златорогая оленица, ростом выше быка, посланная Артемидой в наказание людям, опустошала и вытаптывала поля. Не так много она зеленых посевов съедала, как много на горе хозяевам топтала медными своими копытами, и гибли хлеба на корню. Люди, поняв, что зря житницы ждут обещанных им богиней благой урожаяев богатых, пытались ее изловить и отвезти куда-нибудь далеко, но все напрасно – будучи очень быстрой, она всегда вырывалась из окруженья и убегала, как ветер. Никто не мог быстроногую Керинейскую лань изловить, а из лука убить не решались – беспощадной мести Господыни звериной страшились. Многие помнили, что стало с могучим героем Мелеагром, убившим Калидонского вепря – верно-го слугу и мстителя Артемиды, которого она послала в наказание царю Ойнею, совсем забросившему охоту и от имени страны не принесшему ей урожайного года первинки.

145. Геракл пленяет Керинейскую лань

Дело оказалось не таким простым, как представлялось Гераклу. Если бы лань требовалось убить, то такое деяние он совершил бы за несколько дней, которые потребовались бы, чтобы только ее отыскать.

– Да, придется за ней мне немало побегать, но это лучше, чем душить могучего льва с каменной кожей или рубить головы огромной змее с самой ядовитой желчью на свете.

Весело подумал Геракл и, стремглав за чудесной ланью пустился в погоню, одетый в шкуру Немейского льва, но без дубины – с одним луком и стрелами, которые он взял для собственного пропитания. Так же, как большая свора быстروногих собак охотничьих гонят мощного тура, сзади настырно на него наседая и не давая ему отдохнуть ни в лесу, ни в кустах или в поле, и он убегает то с испуганным мыком, то с изнурения хрипом. Так и герой Амфитрионид, после двух самоотверженных подвигов, прозванный истребителем самых страшных чудовищ, гнал упорно дивную лань, все время ее отрезая от родного холма Керинейского, где она поселилась, четырех лишившись сестер, которых Хозяйка горных дубрав запрягла в свою золотом и серебром украшенную колесницу.

Геракл преследовал Свирепую оленицу без малого целый

год и сильно похудел за это время, поскольку бегал целыми днями, а питался в основном плодами и ягодами, которые находил в тенистых лесах и некошенных лугах, по которым пришлось пробегать. Дичь он убивал изредка, когда она сама прямо на пути попадалась, ибо ни на что не было времени, кроме, как на погоню, которой не было видно конца.

Некоторые говорят, что неутомимый отпрыск добродетельной Электриониды, преследуя лань, достиг тенистого Истра и страны гиперборейцев, лежащей за спиной Борея, борода которого всегда блестела от снега и льда. Он достиг дивное животное в северной стране Гиперборее, самом любимом стрелолюбивыми Летоидами месте на широкодорожной земле. Гипербореею считают северной, очень холодной страной. В труднопроходимых гиперборейских льдах, в снежных степях Танаиса, там, где рифейских стуж не избыть, Геракл изловил вконец изнуренную лань с золотыми рогами.

Другие, подобно Плинию Старшему, говорят, что в северной Гиперборее, лежащей «за Бореем», т. е. за Рифейскими горами, сходятся все петли мира и крайние пределы обращения светил. Несмотря на северное положение, это самая солнечная страна, в ней не бывает холодных ветров и потому ее благодатный климат подобен тому, что установлен богами в своей небесной крепости нерушимой, где не бывает плохой погоды. Поэтому гиперборей не строят себе ненужных им дворцов и других теплых жилищ, предпочитая жить в благоухающих рощах и тенистых лесах на берегах весело

журчащих рек и кристально чистых озер, как жили при Кроне первые природные люди в золотой для них век.

Многие, подобно Диодору, говорят, что Геракл поймал чудесную лань в тенета; либо выследил и захватил во время сна; либо уморил непрерывной погоней. Геракл совершил этот подвиг, не прибегая к силе и действиям, таившим в себе опасность, но исключительно благодаря своей сообразительности.

Когда утомленная долгой погоней лань из последних сил готовилась переправиться через очередную реку, Геракл захватил ее, выпустив стрелу, которая пригвоздила передние ноги животного одну к другой, пройдя между костью и сухожилием так, что не упала на землю ни одна капля крови. После этого Алкид не спеша подошел к еле ковылявшей лани и, аккуратно связав ее, взвалил на плечи и поспешил в древний град многолюдный Микены, построенные согласно одному из преданий его прославленным предком Персеем.

Гипербореи говорят, что, поймав дивную лань, Геракл окинул внимательным взглядом всю их землю за холодным дыханием Борея и изумился растущим там диким оливкам. И появилось тогда у него большое желание насадить такие деревья вокруг огибаемой 12 раз меты конного ристалища, и он взял одну маслину с собой.

146. Гера натравливает на Геракла Артемиду

Увидев, как легко Геракл выполнил основную работу третьего задания Эврисфея и уже спешит к Копрею показать связанную лань, Гера, мстительно прищутив свои огромные, как у телки, глаза, сказала себе, что пора приступить ко второй части плана – натравить на пасынка губительную для людей Стреловержицу. Словно бурный вихрь, помчалась царица богов на поиски Девы безбрачной и повстречала ее на заоблачных высях, в труднодоступных предгорьях горы Паррасийской. Вместе с прислужницами – двумя десятками нимф амнисийских и с собаками гончими она здесь выслеживала оленей и рысей, которых разила для пиров на Олимпе.

– Радуйся милая Артемида! Ты вот здесь охотишься на оленей и зайцев и не знаешь, что Зевса сын дерзкий от смертной Алкмены Геракл в Гиперборейских горах, любимых тобою и Фебом, изловил, а может и ранил стрелой твою любимую лань с золотыми рогами. Тащит он ее сейчас насильно в предвкушении пышного пира, про тебя ж блаженным гиперборейам говорит, что Артемиде под силу охотиться лишь на кроликов робких.

Так с притворным сочувствием тихо сказала Агротере коварная царица Олимпа. Артемида, злобно сверкнув ясными, как у ребенка, глазами, скривила гневно злые девичьи губы

в ответ и надменно, с издевкой сказала:

– Беснаказанность здесь невозможна! Пусть он и брат мне по отцу, и силой говорят, очень могучий, но меня это ничуть не волнует. Никто не посмеет сказать, что нет мне отмщенья, ведь нельзя просто так посвященную мне оленицу с золотыми рогами пленить!

Гера удовлетворенно прикрыла свои большие красивые глаза ресницами гнутыми, довольную сдерживая улыбку, а богиня охоты бросилась к своей колеснице златой, запряженной ланей четверкой – сестрами были эти дивные лани золоторогой сестре Керинейской.

Быстро полетела сияющая золотом и серебром колесница грозной Стреловержицы, уносимая проясняющим воздух могучим богом северного ветра бородатым Бореем. Долго неслась богиня дикой природы и вскоре настигла Геракла с золоторогой ланью на плечах. Бросив упряжку, дева, никогда не знавшая ложа мужчины, как стрела, выпущенная из лука, метнулась к зевсову сыну. Пылая гневом, она крикнула Амфитриониду срывающимся от злости голосом:

– Остановись, смертный! Больше ни шагу! Сейчас же отпусти мою любимую лань!

Геракл увидел стройную девушку в короткой шафрановой тунике, не скрывавшей не только нежных девичьих колен, но и самых стройных среди богинь бедер. Подвязанная лентами грудь была высокой, но небольшой, такой, чтоб помещалась в ладони любимого, хотя такового у нее никогда не было, да-

же красавца-охотника Ориона, огромного ростом, по-настоящему она не любила. Серебряный лук за точеное плечо на охотничий лад был у нее переброшен, отданы светлые кудри во власть Ауре и ветрам. Рядом с ней стояли огромный серый волк и черный медведь, глядевшие на Геракла свирепыми глазами и готовые по приказу хозяйки на него кинуться.

Отпрыск Зевса давно ожидал увидеть богиню охоты и потому сразу узнал ее.

Госпожа диких гор выглядела как нежная девушка в первом цвету, у нее была тонкая талия, стройные ноги и красивое лицо с чистой кожей и свежими пурпурными губами, подобными бутону только распустившейся красной розы, которая была словно пышные кудри весны.

147. Ссора Геракла из-за лани с Артемидой

Сын Алкмены много слышал о жестокости Агротеры не только к обычным людям, но и к великанам, ставшим знаменитыми, благодаря смерти от не по-девичьи твердой руки, не знавшей брачных празднеств богини. Она убила сына Зевса и Эллары великана Тития, домогавшегося ее милой матери Лето. Медвежья богиня жестоко расправилась с могучими сыновьями Посейдона и Ифимедии братьями-великанами Отом и Эфиальтом, пытавшимися взгромоздить шумящий лесом густым Пелион – на Оссу, чтоб неба достигнуть и, взойдя на Олимп, лишит ее и Афины девственности. Не сумев поразить стрелами Алоадов прикрывшихся щитами, она превратилась в юркую лань и прыгнула между ними. От и Эфиальт, не раздумывая, одновременно метнули в быструю лань свои огромные дроты и смертельно ранили друг друга, и Артемиды отдала их, еще живых на растерзание свирепым волкам и медведям. Она застрелила красавца охотника сына Посейдона и Эвриалы Ориона несмотря на то, что он ей вначале очень понравился. Господыня диких зверей затравила насмерть собаками юного сына Аристея и Автонои Актеона (внука своего любимого брата), превращенного ею в оленя за то, что тот увидел ее обнаженной во время купания. Даже свою любимую спутницу нимфу Каллисто богиня охоты

уметила семью золотыми стрелами за то, что та нарушила обет целомудрия, обманом совращенная Зевсом...

Поэтому Геракл, еще ни разу не вступавший в схватки с олимпийскими богами и богинями, решил разговаривать с Медвежьей богиней, как можно почтительнее:

– О, Артемида, любимая сестра Аполлона! Вечно юная богиня – владычица дикой природы! Радуйся и прими от меня уверенье в почитанье тебя, как великой олимпийской богини. Ты разгневана тем, что я связал твою златорогую лань. Клянусь Зевсом великим, что тебе посвященную оленицу я поймал не ради пустой забавы, а по крайней необходимости. Я только повеление Микенского исполнил царя, которому должен служить по воле отца нашего самого Зевса-Кронида.

– О подвигах твоих я наслышана, но ты не забывайся со мной. Я не каменнокожая Немейская кошка и не многоглавый Лернейский червяк, я богиня бессмертная, а ты, хоть и необычайно силен, но тлену все же подвластен. Поэтому со своих смертных плеч скинь сейчас же оленя, иначе ты даже пожалуй не успеешь о непослушании, как окажешься в подземном доме моего дяди Аида.

Изрекла Латонида, недобро прищунив глаза и плотно сжав нежные девичьи губы. Таких угроз Алкид не стерпел бы ни от кого, и потому тон его речи сам собой изменился, и он, сверкая синими глазами из-под нахмуренных низких бровей, злобно сказал:

– Не сотрясай угрозами воздух напрасно, зверей свирепых Господыня. Конечно, ты не кошка и не червяк, но, ведь и я не мальчик боязливый. Я знаю, кто ты и что ты можешь, но лань твою не отпущу, пока не покажу ее микенскому царю или его глашатаю Копрею.

Так отвечал Геракл Агротере, а сам, при этом, связанную лань, ветвистый золотой убор носившую, с плеч быстро скинул, чтоб рукам свободу дать.

– Не понимаешь, слов, тогда готовься к смерти! Я дерзость смертным не прощаю!

Сверкая потемневшими от гнева глазами, крикнула грозно богиня, возлюбившая с детства свой изящно изогнутый лук, миг оказавшийся в ее левой руке, а в правой уже была не знавшая промаха губительная стрела.

Готовый ко всему Геракл тоже быстро схватился за лук, подаренный ему на свадьбу Аполлоном, и вот уже пернатая стрела направлена им прямо богине в сердце. И тут неустрашимый герой решил слукавить – он постарался придать решимость своему лицу, а глазам – правдивость и твердо отчеканил:

– Агротера, ведь при тебе твой брат подарил мне этот лук и не знающие промаха стрелы. Подумай сама, что с тобой будет, если в тебя попадет стрела, смоченная в ядовитой желчи многоглавого Лернейского червяка?!

Стреловержица уже натянувшая упругую тетиву, вдруг тяжело задумалась: в девичьих глазах появился испуг, тонкие

брови нахмурились, а дрогнувшие уголки пунцовых губ опустились, как у сильно обиженного ребенка, готовившегося заплакать. Геракл же, так в душе и не решивший будет ли он стрелять в богиню, если его жуткокожая принудит Ананке, на словах продолжил развивать свой успех:

– Мою же шкуру Немейского льва не пробьет никакое оружие, даже твоя губительная стрела.

– Ты страшно пожалеешь о нечестивых словах, что сейчас из огады твоих мерзких зубов излетают, ничтожный человек, рожденный для смерти позорной!

Безбрачная дева, с опаской смотревшая на тетиву, заправленную стрелой в луке героя, нерешительно повесила свой серебряный лук за плечо, и только тогда Геракл последовал ее примеру. Глядя на опущенные уголки тонких губ Артемиды, Геракл пытался понять, что это означает – презрение богини к смертному, затаенную месть или женскую обиду.

– Не вздумай стрелять из засады, Медвежья богиня. Знаешь ведь, что самой будет от этого хуже...

На всякий случай предупредил Геракл богиню, и тут вечно юная Артемида не выдержала и в яростном бешенстве кинулась в непролазную чащу, как ураган, бурно ломая ветки и выворачивая с корнем деревья, а Геракл продолжил свой путь с притихшей ланью на могучих плечах.

Герой впервые добился радостной победы, воспользовавшись помощью богини обмана Апаты. Возможно, он не сдержался бы и ответил выстрелом на выстрел, но стрела, поло-

женная им на тетиву, не была смочена желчью Лернейской Гидры, таких стрел в этот раз он с собою не взял. Если бы Артемида это знала, то наверняка пустила бы свою губительную стрелу, которой она легко могла попасть ему в горло или в глаз через глазницу львиной головы, служившей ему шлемом. Стреловержица с расстояния в тысячу раз большего попала в голову плывущему по волнам красавцу – охотнику Ориону. Геракл знал, что богиня охоты относилась к смертным хуже, чем к диким животным, при этом ей – олимпийской богине обычные стрелы причинили бы лишь краткую боль, которую брат ей излечил в течение дня. Мечь Артемиды не беспокоила героя, ибо он понял, что Медвежья богиня, хоть и называлась Убийцей, но против сильнейшего противника была слабой, по-детски трусливой девой.

Показав лань не только Копрею, но и самому Эврисфею, который на этот раз из любопытства отважился взглянуть на чудесное и совсем не страшное с виду животное с золотыми рогами, Геракл отпустил ее. И в этот же вечер он принес в жертву Агротере тучную белую телицу, сказав в молитве:

– Не сердись на меня великая Артемида! Будь благосклонна ко мне, ведь не по своей воле я похитил твою любимую лань. Я ее уже отпустил, как ты хотела, и она опять носится по высоким горам и по склонам лесистым. Я тебя всегда почитал и сейчас почитаю как великую богиню Олимпа, многохолмной горы, где блаженных богов в нескончаемых наслаждениях все дни протекают. Тебе, деве достойной, стрело-

любивой, одноутробной сестре златолирного Феба-владыки
белолобую годовалую телку, позолотив ей рога, как у твоей
лани, в жертву я сейчас приношу.

148. Эврисфей придумывает четвертый подвиг

В качестве четвертого подвига Гераклу было приказано поймать живым Эриманфского вепря, про которого говорили, что он очень свиреп и огромен, с клыками, подобными бивням слона и с трудом пробиваемой шкурой, покрытой щетиной, острым дротом подобной.

Это задание для Геракла придумал Эврисфей во время встречи с Герой, которая, явившись к нему, как обычно, во сне, язвительно так сказала, глядя на него сверху вниз:

– Ну, что, храбрец, не перебрался еще на постоянное местожительство в пифос свой новый? Над тобой уже люди смеются. Знала б я, что ты вырастешь таким отъявленным трусом, сделала б какого-нибудь другого мужа микенским царем, ...да, хоть, родного брата Геракла Ификла. Другим бы истинный Афитрионид сейчас был, если б властвовал над всеми народами в Арголиде. Ну, да ладно, прошлое и богу изменить невозможно. Да и поздно сейчас что-то менять, ведь коней не меняют на переправе. Ты придумал для Геракла новое дело?

Эврисфей и так телом тщедушный, от слов Геры совсем сжался в комок, потом вскочил и открыл было рот, намереваясь сразу что-то сказать Гере, но сдержался и после того, как вздохнул несколько раз дрожащим голосом ей ответил:

– О богиня богинь, в пурпурных складках одежд, олимпийская царица блаженная! И словом, и делом я тебе докажу, что сделала царем ты меня не напрасно. Слышал я, что в Эриманфе страшный вепрь много людей погубил и хочется мне приказать Гераклу этого зверя убить и его щетинистую голову принести для показа Копрею. Ведь иной вепрь столь свирепым бывает, что оказывается пострашнее горного льва или ядовитого змея. Думаю, не просто будет Гераклу Эриманфского вепря убить, да и убьет ли, может сам от его огромных клыков кверху загнутых бесславно погибнет?

– Ты думаешь, Геракл тебе всю жизнь будет служить? Нет, только 12 лет, и уже почти 3 года сгинуло в бездонную вечность. Ты прав лишь в одном – не просто будет отродью Алкмены этого вепря убить, а очень просто, ведь есть у него, кроме силы огромной, и стрелы, подаренные Аполлоном, и острый дрот и крепкая из дикой оливы дубина... Хотя, говоришь, этот вепрь очень свиреп и огромен...

Волоокая Гера сузила свои прекрасные большие, как у телки, глаза, в которых ум, как светоч светился, и поправив несколько раз у себя на голове золотую диадему, увенчанную кукушкой брильянтовой, задумчиво возвестила:

– Да, я слышала про этого зверя. Вель это он окрестности опустошает Псофиды, устремляясь мощно вниз с высокой горы Эриманф. Эриманф же этот был сыном Аполлона, ослепленным Афродитой, когда он увидел, как она совсем обнаженная купалась и похотливо резвилась со своим смерт-

ным возлюбленным Адонисом, когда тот на треть года, покинув Аид, явился к ней от Персефоны. Говорят, что Летоид сумел превратить сына или превратился сам в свирепого вепря, который и убил красавца Адониса, но я этому не верю. В того вепря превратился сын мой нелюбимый вечно запятнанный кровью Арей и из праведной ревности Адониса растерзал, ведь он уже стал к тому времени вторым законным мужем любящей блуд Киприды Филомедеи...

Эврисфей, согнув спину и наклонив голову вбок, услужливо глядел своими вечно печальными глазами снизу вверх на царицу Олимпа, и вдруг неожиданно для себя выговорил:

– Но ведь можно задание и усложнить, если потребовать, чтобы Геракл не убил ужасного Эриманфского вепря, а пленил, ведь это...

У Геры довольно сверкнули воловьи глаза, заметно она оживилась и, громко хлопнув в ладоши, перебила царя:

– Вот! Эта мысль пришла мне сразу по сердцу. Можешь, ведь ум проявить, если захочешь! Прикажи Гераклу именно не убить кабана, а живым захватить, крепко связать и невредимым принести для показа. Пусть представит его для обозрения Копрею, если ты опять предпочтешь в пифосе своем отсидеться. А чтобы люди не удивлялись – зачем свирепого вепря надо именно пленить, а не просто убить, чтоб не подумали, что над героем ты издеваешься, народу надо во всеуслышанье объявить, что этот крупный сильный вепрь необходим для улучшения породы царских свиней. Посмотрим

сможет ли отпрыск Алкмены взять голыми руками в плен такого могучего и свирепого зверя!.. И это еще не все... я сделаю так, что по дороге к Эриманфу ему придется столкнуться с чудовищными кентаврами. Хоть у них по два сердца, но в силе каждый кентавр, конечно, много уступает Гераклу, но ведь их несколько табунов. Тут уж я постараюсь, чтоб не дали они ему пройти по своей земле без кровавого сражения, ведь не зря я находчивой Герой зовусь. И Тучку Нефелу надо будет позвать не забыть – пусть тоже поможет своим двуприродным сынам от нечестивого Иксиона. Ах, до сих пор забыть не могу, как этот бесстыжий наглец посмел влюбиться в меня, словно я не царица богов и не верная мужу супруга, а какая-нибудь потаскуха.

Эврисфей, благоговейно застыв, восхищенно посмотрел на Геру, а та, неспешно поправила диадему на дивных аккуратно уложенных волосах и скрылась, чтоб успеть на ложе к супругу до того, как тот изволит проснуться.

Утром царь с печальной улыбкой долго глядел из окна на злополучный пифос, в землю зарытый и улыбка его стала задорно насмешливой, когда он тихонько, чтобы никто, даже слуги не слышали, сказал сам себе:

– Вот уж не думал, что взрослые люди невинную шутку с пифосом столь серьезно воспримут. Пожалуй, надо всем показать, что я не такой уж и трус, а то будут меня все презирать, а это может быть плохо для разных дел, да и сердцу милому не приятно.

Сфенелид быстро собрался и сам пошел на очередную встречу с Гераклом. Царь явился в сопровождении многочисленной свиты и, конечно, своего любимого вестника и сказал:

– Радуйся Геракл. Я доволен первыми твоими подвигами. Надеюсь и дальше ты будешь стараться и тогда я как-нибудь тебя награжу. Сегодня я хочу поручить тебе новое дело такое: излови Эриманфского вепря, опустошающего Аркадию и делающего на Псофиду набеги. Копрею отдай его связанным крепко. При твоей силе сделать это будет нетрудно. Повторяю, что надо доставить вепря только живым, иначе подвиг не будет зачтен. Он нам нужен для улучшения породы свиней. Если все сделаешь быстро, то будет тебе такая награда: до конца года можешь быть свободен от службы.

Чтобы исполнить этот приказ, Гераклу, по дороге к поросшему островерхими кипарисами Эриманфу, надо было пройти через Фолою, и там он убил дубиной некоего Савра, жестокого разбойника, не только грабившего путников, но и убивавшего их, чтобы не оставалось свидетелей его преступлений.

149. Геракл у гостеприимного кентавра Фола

На горе Фолея Геракла принял кентавр Фол (пещерный житель), в честь которого и была названа эта гора. Этот гостеприимный кентавр характером на других не похож был кентавров.

Некоторые говорили, что древнейшие кентавры – это просто дикие люди, изгнанные из своих пещерных жилищ в неприступных горах после долгой и тяжелой борьбы со знаменитыми героями и сделавшиеся впоследствии безвредными.

Другие, как Эвгемер, утверждали, что Кентавры – это юноши из глухой деревни Туча, которые изобрели верховую езду; либо – это древние люди, приручившие диких лошадей.

Потом, когда род диких кентавров лучше узнали, стало ясно, что у них нижняя часть тела и грудь – от коня, а выше находится человеческие торс, руки и голова. Из-за этой двойственной природы – человеческой и лошадиной, Кентавров называли двуприродными. Конский волос часто покрывал всего тело кентавра, кроме широкоскулого лица обычно с очень широким носом, как у коня и мясистыми тоже конскими губами, которое было почти вдвое больше человеческого. Возможно, поэтому великий песнопевец Гомер, осененный

мудростью свыше, называл кентавров косматыми чудищами.

Некоторые говорят, что Фол был рожден не как все в племени двуприродных кентавров, богиней Нефелой от фессалийского царя Иксиона, влюбленного в Геру, а одной из ясеневых нимф-мелий от добродушного вечно пьяного толстяка Силена – царя никчемных, нерасторопных в работах козлоногих сатиров. Поэтому Фол отличался от других диких кентавров присущим плешивому старику Силену миролюбием и гостеприимством.

Увидев Геракла, Фол широко улыбнулся мясистыми губами и, почесав широченный свой нос, радушно сказал:

– Радуйся, милый Геракл! Как хорошо, что ты мимо моего жилья не прошел. Во вкусной пище недостатка тебе здесь не будет. Все для тебя сделаю я, как вы любите, люди, и ты голодным от меня не уйдешь.

Кентавр быстро развел костер и, зажарив на углях куски оленины, радушно поставил огромное блюдо с дымящимся ароматным мясом перед Гераклом, а сам предпочел есть, по своему обыкновению кентавра, сырое.

Было в пещере и прекрасное вино, которого Фолу, давно уж очень хотелось выпить, но он и на этот раз не посмел открыть огромный сосуд, опасаясь гнева других кентавров. Напрасно уставший с дальней дороги Геракл ему по-всякому намекал, сначала только красноречивыми кивками своих густых низких бровей и лукавым подмигиванием, а потом не выдержал и прямо сказал такие слова:

– Было бы неплохо, радушный хозяин, выпить нам с тобой хоть немного вина... ведь силы немало соединяющее в себе сладость меда с благоуханьем цветов благодетельное вино прибавляет усталому мужу, а я очень притомился в дороге.

Однако робкий кентавр, превыше всего почитающий справедливость, опять стал тереть всей человеческой пятерней свой конский нос широченный с большими ноздрями и с тяжким вздохом сказал:

– Не могу я пифос этот открыть, ибо это будет не справедливо – ведь это выдержанное вино принадлежит не мне одному, а всем здесь живущим кентаврам, а пить выходит будем мы с тобою только вдвоем.

150. Фол открывает для Геракла пифос Диониса с вином

Тогда Геракл, сердито голубыми зыркнув глазами, настойчиво стал ему выговаривать:

– Фол, мой любезный приятель! Внемли внимательно мне. Зря так упорно ты не хочешь меня душистым вином угостить из этого огромного пифоса, ссылаясь на справедливость. Я Правду люблю не меньше тебя, но честно вместе давай разберемся: ведь этот тот самый пифос, который четырем поколениями раньше веселый бог винограда оставил в вашей уютной пещере? А ты знаешь, что он тогда приказал? Ну-ка вспомни, если забыл. Так вот, он велел раскупорить этот прекрасный сосуд именно тогда, когда явится сын Зевса от смертной Алкмены Геракл. И вот он я, как видишь, явился. Чего ж еще ждать?! Давай же, мой друг, поскорее пифос этот откроем и выпьем вина медосладкого, которое сам гроздолюбивый Вакх для меня давно заготовил.

Фол некоторое время стоял с широко разведенными руками, закатив к небу глаза – видно, он усиленно вспоминал о велении Вакха и, наконец, вспомнив, радостно улыбнулся во весь свой громадный лошадиный рот. Одним прыжком он у зарытого в землю пифоса оказался и точным ударом копыта вскрыл дивный сосуд, некогда действительно по воле Мойры Лахесис заготовленный для Геракла самим Дионисом.

Гостеприимный кентавр, сняв с пифоса плотную крышку, призвал на помощь демона смешанного вина Кераона и под его присмотром намешал в огромном сосуде вино искрометное с чистой водой для себя и Геракла. Геракл же, осушив залпом кубок разбавленного вина, снисходительно улыбнулся и, призвав демона неразбавленного вина Акратопота, стал пить небольшими глотками чистое вино.

Говорят, когда Дионис принес виноградную лозу в Элладу, то сначала все ходили сгорбившись, а многие упивались неразбавленным вином так, что от этого безумствовали, теряя рассудок или падали и валялись, как мертвые. И вот однажды, когда афинский царь Амфикион с несколькими друзьями пировал на улице, грянул ливень и разогнал пирующих, а винный сосуд с оставшимся вином дополнил водой. Когда прояснилось, они вернулись, отведали этой смеси вина с водой и получили приятное и безвредное наслаждение. С тех пор эллины, когда наливают неразбавленное вино, то призывают Диониса, открывшего нам вино; а когда наливают первую чашу вина разбавленного, то величают Зевса Омбрия (ниспосылающий дождь), который своим дождем подарил нам эту чудесную смесь вина и воды, и вспоминают Зевса Сотера (Спаситель), напоминающее, что этот способ питья безопасен. Начав пить разведенное вино, люди выпрямились. Обычно брали 3 части воды на 1 или 2 части вина. Делали смесь в особом большом сосуде, из которого потом черпали вино в кубки и небольшие кратеры. Несмешанное

вино, подаваемое в конце обеда в честь Благого Бога, пьют понемногу, просто чтобы почувствовать вкус и крепость вина и помнить о даре бога. Подают его нарочно после насыщения, чтобы выпить меньше.

Терпкое и пахучее это было вино, много лет созревавшее в закопанной в землю плотно запечатанной бочке. Вокруг разлилось такое густое благоухание старого крепкого вина, что все кентавры, живущие в округе, пришли в большое возбуждение, ибо они обладали нюхом острым, как у собаки. Они шумными толпами отовсюду сбегались к жилищу Фола, учуяв сладко дурманящий винный запах.

151. Гера натравливает на Геракла кентавров

Некоторые говорят, что не запах вина собрал кентавров из всей округе к жилищу Фола, а собрала их злокозненная мачеха сына Алкмены.

Царица с незапамятных времен была с ними в прекрасных отношениях, ведь они были сыновьями влюбленного без памяти в нее Иксиона, который доводился ей правнуком, ведь он был сыном дерзкого и нечестивого орхоменского царя Флегия, рожденного ее нелюбимым сыном Ареем. Матерью человеко-коней была слабавольная Тучка Нефела по просьбе Кронида принявшая облик его сестры и супруги.

Царь лапифов, дерзко возжелавший Зевса жену добродетельнейшую, по его приказу был распят на вечно вращающемся огненном колесе, но его дети от тучки Нефелы, как и отец, все равно обожали царицу богов.

– Племя могучее, доблести полные Иксионовы дети, имеющие лошадиную силу и мощь, а также истинно человеческий разум! Мчитесь быстрее к Фолу в его пещеру. Муж нечестивый и дерзкий Геракл в ваше отсутствие нагло ограбил ваше жилище, пифос, что вы столько лет нетронутым сберегали, вскрыл и сейчас услаждается вашим прекрасным вином!

Так зычно крикнула Гера, и гулкое эхо далеко в горах раз-

несло ее голос. Однако слышали ее лишь кентавры, для всех остальных ее голос остался неслышным, ибо для бога сделать легко так, что одни его будут видеть и слышать, для других же он будет не зрим и не слышен.

Царица богов польстила кентаврам, ведь большинство говорит, что истинному разуму от природы чужды кентавры.

Дикие кентавры, одурманенные запахом дивным вина, подобно бурной горной лавине, сметающей все на своем пути, ринулись на грабеж Фолои, натравливая несущихся впереди их сыновей грозного Эниалия и улыбкалюбивой Киприды Деймоса (Ужас) и Фобоса (Страх) на ее жителей. Даже Фол, хоть и сам был кентавр, в страхе спрятался, забившись в дальний самый темный угол пещеры, когда в нее ворвались разбушевавшиеся кентавры.

Геракл, увидев, как много тучеродных кентавров на него ополчились, сначала попытался мирно им объяснить, что вино в пифосе изначально было предназначено Дионисом как раз для него, но чудовищные люди с мощными конскими телами его даже слушать не пожелали.

Сама жуткокожая Ананка – Необходимость, одолевающая всех, вынудила героя вступить с двутелыми разбойниками в беспощадную жестокую битву. Сражаться ему пришлось с необычными существами, которые по матери были богами. Одни четвероногие разбойники сражались вывороченными с корнем деревьями, другие – огромными камнями, третьи – горящими как гигантские факелы соснами, четвер-

тые – огромными секирами для убоя быков.

Все знают, как осенью стонет земля, когда на нее с неба изливает шумящие воды Зевс раздраженный и, вздувшись от множества вод, с гор стремительно реки несутся. Много холмов разъяренные потоки отрезают в это время от суши, с гор низвергаясь внезапно в бурлящее море с несмолкающим шумом и стоном, разрушая труды людей, за которые боги им все блага продают. С шумом таким, потрясая деревьями и камнями, на Геракла задыхаясь бежали толпы кентавров.

152. Битва Геракла с кентаврами

Увидев несущуюся на него безудержную лавину диких кентавров, Геракл не в бег обратился, как мальчик трусливый, а ждал неподвижно, сжимая в руках лук и дубину. Так ждет, полагаясь на свою огромную силу, мощный вепрь подходящую шумно ватагу охотников смелых в пустынных горах, угрожающе спину щетиня. Злобным огнем его блещут маленькие глаза, и готовит свирепо он огромные загнутые клыки, чтоб собак и людей растерзать. Так же, как мощный вепрь, стоял, выжидая Геракл.

И вот, могучий кентавр по имени Анкий с длинными некогда не чесанными рыжими волосами, подобными конской гриве, обхватил толстый дуб, весь поспевшими желудями покрытый, и начал тянуть его вверх, раскачивая в разные стороны. Как только Анкию удалось вырвать дерево из земли, в человечесь сердце его вонзилась стрела Геракловой силы, и прыгнувшего в прах человека – коня багровое облако смерти с головой тут же накрыло. Другая стрела Геракла проколола кентавра Агрия, сквозь человечесью голову губительный путь проложив: в правое ухо войдя, она вышла из левого уха. Отомстить за четвероногих сородичей с громким топотом двуприродный Амфион прискакал и, огромный камень, оторвав от утеса, устремился к сыну Алкмены и вот уже был кинуть готов; но пока он размахивался, герой пре-

дупреждает его и крушит ему голову нетесаной своей уловатой дубиной. Той же дубиной из дикой оливы Геракл навсегда в прах уложил могучего Рифеона, говорят, высокие деревья превзошедшего ростом. Носатый Гиппотийон из травянистой земли суковатую с корнем пытался вырвать сосну, однако, не смог и, у корня с треском сломав, ствол в спину противника бросил, словно это было копье, но от мощного удара Геракл сумел уклониться, словно Палладой предупрежденный, – ему самому так верить в это хотелось! Упал ствол той огромной сосны не напрасно: высокому ростом Орею вместе с левым плечом он всю конскую грудь распорол, и страшная, беспросветная тьма еще одного Иксионова сына навечно объяла.

Много геракловых стрел клетки грудные кентаврам провало и навсегда в мощных сердцах их застряло. Многим двутелым разбойникам дубина Геракла головы и позвоночника раздробила так же легко, как камень дробит и колет лесные орехи. Самого же героя немейская львиная шкура, лучше любого панциря иль щита защищала от могучих ударов кентавров. На счастье Геракла, дикие конелюди не были знакомы с большого расстояния несущей смерть упругостью гнутого лука и не могли пернатými стрелами обстреливать его издали, что с вящим успехом делал он сам.

Некоторые говорят, что большинство необузданных в еде и вине кентавров еще до битвы с отпрыском Зевса успели вдоволь напиться вина и к началу сраженья были пьяными.

Стесихор же, первый учредивший хоры певцов, поющих под дивные звуки кифары, самозабвенно поет, что Геракл двуручный кубок одной рукою подняв – преогромную чашу в три меры, залпом выпил все поднесенное Фолом вино. Это значит, что пьяным был Геракл еще до нападения двуприродных чудовищ.

Как бы там ни было, но мужественный герой не дрогнул и в одиночку бесстрашно выдержал эту битву, достойную его прежних еще не многочисленных, но великих свершений. Это страшное сражение было, бесспорно, тоже великим подвигом Геракла, хотя и не назначенным Эврисфеем.

Вспоминая об этой битве кровавой, Геракл сам потом так говорил:

– Битва была ужасной, кровь струилась ручьями, но сражался я не напрасно. Буйных кентавров стада, что в последние годы ураганом носились по окрестным лугам и лесам, неисчислимыя беды людям неся и страдания, под моими губительными стрелами и гибельными ударами дубины моей знаменитой в той намокшей земле полегли навсегда. Чтобы моя громкая слава не выдыхалась, первых три доблестных подвига я перекрыл новым славным деяньем, и слава эта мне далась не легко, ее я приобрел ценой новых страданий и ран. Сук сосны, что Гиппотсион в меня бросил, все же мне бок глубоко распорол, правда я это только после сраженья заметил... Дафнис палку сбоку метнул и мне в шею попал, хорошо, что не в горло... Этот кровопролитный бой не мало не

заживающих шрамов на моем теле оставил.

153. Случайные смерти кентавров Фола и Хирона

Наблюдавшая за битвой с белого облака Гера поняла, что на кентавров она понадеялась зря, но все равно позвала на помощь Тучку Нефелу.

Узрев с высоты, как дубина и стрелы Геракла, словно косы острые косят траву, так быстро и много они умертвляли кентавров, богиня облаков и дождей обрушила на сражавшихся сильнейший ливень, от которого разбухла и сделалась очень скользкой земля.

Это нисколько не помешало четвероногим разбойникам – сыновьям богини туч Нефеле, Гераклу же было трудно даже на месте стоять, опираясь только двумя ногами, о скользкую поверхность вдоволь напившейся воды земли, кроме того, от воды у него на луке ослабла совсем разбухшая тетива. Однако герой с удивительным мужеством сражался с обладавшими такими преимуществами врагами. Он сквозь неисчислимые толпы человеко-коней прорываясь, лютовал как свирепый кабан, что огромной своре собак сам навстречу бросается яростно и загнутыми острыми, как кривые ножи, колет и рвет их клыками.

Уже после битвы, Фол, вынимая из тела одного из павших своих сородичей стрелу, поскользнулся на размокшей от ливня земле и случайно уронил ее на переднюю ногу

и вскоре скончался от неисцелимой раны, ибо стрела была смочена в ядовитейшей желчи Гидры из Лерны.

Геракл устроил гостеприимного кентавру величественное погребение под горой, названной по его имени Фолоей.

Немногие уцелевшие в этой битве кентавры, бежали на гору Малēju, где нашли убежище у своего царя Хирона, которого лапифы, после знаменитой битвы с кентаврами на свадьбе Пирифоя и Гипподамии, изгнали с его малой родины – горы Пелион.

На Малее погиб и мудрый Филирид, который случайно поранился отравленной стрелой сам, как это произошло с Фолом. Ярый Кентавр, взяв в руки лук и стрелу, вслух стал дивиться:

– Несмотря на всю свою мудрость, я никак не пойму, как столь короткими и тонкими, по сравнению с копьями, стрелами, Геракл, совсем не размахиваясь, легко убивает дуприродных кентавров с такими мощными, большими конскими телами.

Он вытащил стрелу из тела убитого Гераклом кентавра и, положив на тетиву оперенье стрелы, как это делал Алкид, попытался натянуть упругий лук. Однако мудрый Хирон сделал это неумело, и выскочившая из его неопытной руки стрела с силой вонзилась отравленным в желчи Гидры острием ему в ногу.

Овидий поет, как вскрикнул ярый кентавр и тотчас приложил траву с холмов Пагасийских к ране, но тщетно ее он

постарался смягчить: едкий яд превозмог силу трав, глубоко проникнул даже в кости, и язва насквозь тело кентавра прожгла, с ихором Хирона кровь гидры Лернейской смешалась и обрекла его на нескончаемые мученья.

– Что это случай небывалый такой, улыбка дикая вероломной Фортуны, всегда враждебной даже к самым мудрым из нас? Или это сама Ткачиха Лахесис кентавров извести всех решила, включая радушного Фола и моего старого премудрого друга Хирона?

Так вопил Геракл, глядя в небо и огромными трясая кулаками, тяжело переживавший смерть друга, прежде чем покинуть Фолою, чтобы, наконец, совершить свой четвертый назначенный царем подвиг – поймать Эриманфского вепря.

154. Пленение Эриманфского вепря

Геракл не считал четвертый подвиг простым и, пробираясь через заросли по горным склонам, все время его обдумывал, вслух так приговаривая:

– Не просто мне будет доставить живьем Эриманфского вепря, чтобы показать Копрею. Сражаясь с этим огромным и сильным зверем, мне надо безошибочно уловить самое подходящее мгновение: если зверь будет еще достаточно сильным, я могу сам погибнуть от его огромных и острых клыков, тогда, как переусердствовав в схватке, я могу убить кабана, а в таком случае деяние будет выполнено не так, как приказано. Мне надо вырезать дубину полегче и расставить как можно больше сетей.

Когда Геракл обнаружил вепря в труднопроходимых зарослях терновника на горе Эриманф, что находится на севере счастливой Аркадии, тот, несмотря на свою свирепость и громадные размеры, кинулся в чашу так резво, как быстроногая лань скачет по ровному лугу, заросшему одной невысокой травой.

Выносливый в беге Амфитрионид преследовал клыкастого зверя до самой реки Эриманф, несущей свои прозрачные воды рядом с горой Эриманф, которая являлась священной горой Артемиды. Геракл не хотел опять оказаться на грани смертельной схватки с воинственной богиней охоты, пони-

мая, что во второй раз все может закончиться для него печально, особенно, если ей на помощь придет ее брат Стреловежец или сам Владыка Олимпа, который обожал свою вечно юную дочь от Латоны. Ставя крепкие сети на поросших зелеными кипарисами склонах горы Эриманф, Геракл обдумывал, что сказать Артемиде, если она внезапно появится. Так ничего и не придумав, он спрятался в густых камышах на берегу реки.

Вскоре послышался громкий треск сухостоя и камыша, и на большой поляне оказался огромный вепрь-секач с клыками, выгнутыми вверх полумесяцем, действительно напоминавшими бивни небольшого слона. Зверь долго принюхивался, шумно втягивая воздух, и неуклюже поводя в стороны огромной клинообразной головой на толстой, словно у быка, шее, заросшей длинной грязной щетиной.

Сжимая в руках небольшую дубинку, специально вырезанную из дикой оливы для того, чтобы не убить, а только оглушить кабана, Геракл, стал медленно приближаться, стараясь раньше времени не спугнуть зверя. Герой был внимателен и сосредоточен, видно было, что он не беспокоился за свою жизнь, потому что был уверен в благополучном исходе дела.

Вепрь щетинистый, на удивление долго не замечал крадущегося ловца, и тот сумел подобраться очень близко. Гераклу вдруг показалось, что огромный зверь следит за ним немигающим глазом, обращенным к нему, и он, поняв, что

замечен, бросился на кабана, чтобы оглушить его первым же ударом по голове, похожей на клин. Тут секач в мгновение ока повернулся, и, не раздумывая, сам ринулся на Геракла. Вставшая дыбом на могучем хребте щетина напоминала кинжалы, слюна и пена во все стороны летели комками и хлопьями с огромных клыков, словно белые птицы. Кабан был ростом чуть меньше быка-пятiletки и мог легко затоптать охотника или убить одним ударом клыка в грудь или голову.

Герakл почувствовал, как кровь мгновенно вскипела в напряженных жилах, и боевая дрожь пронзила все тело. О бегстве он даже не думал – кабан, круша все на своем пути, несся на него, как лавина, неудержимо. Он же непоколебимо стоял, как скала, и крепко, до дрожи, сжимал дубинку в руках; он был подобен сжатой пружине, готовой с бурной силой в нужный миг распрямиться. Когда клыкастое рыло кабана оказалось в нескольких локтях, и Герakл уже ясно видел налившиеся кровью маленькие глазки, излучавшие дикую звериную злобу, он, уклонившись от длинного бивня-клыка, ударил своей дубинкой, норовя попасть вепрю в самое темя.

Зверь в последний миг резко метнулся в сторону, и палица Геракла лишь скользнула по его мощной бугристой голове с длинными жесткими волосами. Бок пробежавшего мимо зверя сильно ударил сына Алкмены и тот, не устояв на ногах, повалился. Падая, Геракл отбросил теперь уже ненужную дубинку и сумел ухватить мчавшегося мимо кабана за

заднюю ногу сначала одной, а потом и второй рукой. Зверь лишь немного сбавил скорость и упорно продолжал пробираться в непроходимую чащу. Упавший Геракл, несмотря на то что встречные корни и кусты раздирали ему кожу на руках и плечах, не выпускал из пальцев ногу секача, и тот продолжал тащить его по земле волоком.

– Если бы он умел лягаться как конь, то мог бы убить меня одним ударом копыта задней ноги в голову. Да, не просто мне каждый подвиг дается, но к небу ладони мои не поднимутся, не дождется родитель мольбы, мои руки сами сейчас все исполнят.

Лихорадочно так думал Геракл, оскалив от напряжения зубы, но копыто не отпустил, наоборот, он изо всех сил сжимал рукою ногу зверя, покрытую жесткими волосами. Вепрь тащил и тащил Геракла по труднопроходимым зарослям высоких кустов, пока не попал в расставленные сети. Зверь со злобным хрюканьем закружился на месте, стараясь избавиться от тенет и зацепить клыками висящего на задней ноге противника, но только сильнее запутывался.

Наконец, зверь и человек оказались плотно опутанными веревками, словно две мухи в паучьей паутине. Геракл, давно отпустивший ногу, оказался придавленным огромным задом все еще дергавшегося кабана и с трудом вылез из-под него потому, что и ему мешала запутавшаяся сеть. Достав нож, висевший, как всегда, на икре под коленом, Геракл разрезал мешавшие ему веревки и, освободившись, связал сна-

чала задние, а потом передние ноги вепря вместе с обрывками сети и лишь затем стал резать ее веревки, беспорядочно опутавшие всю тушу зверя.

155. Геракл доставляет вепря в Микены и направляется в Иолк

И вот человек и зверь поменялись ролями – теперь Геракл волоком, изредка отдыхая, стал тащить связанного вепря. Как дерзкий лев, задрав быка или телку-трехлетку, с трудом избавился от охранявших собак, и через непроходимый кустарник с передышками тащит по земле большую добычу, крепко держа ее в пасти. Так и Геракл обвитого веревками вепря тащил. Это продолжалось до самой городской стены многолюдного града киклопов. Только там, герой кое-как взвалил на плечи огромную тушу крепко связанного кабана и, с трудом передвигая ноги, вошел в город, неся на себе притихшего вепря.

– Пусть все думают, что я на себе дотащил такую громадину сюда от самого Эриманфа и о моей силе слагают легенды и песни поют.

С такими мыслями Геракл с огромным трудом дошел до рыночной площади и там, сбросив свою тяжкую ношу, в изнеможении повалился на землю и стал дожидаться Копрея, которому должны были доложить о его появлении встреченные люди.

Тут из толпы Геракл случайно услышал о том, что целая плеяда героев – юношей цвет дивный Эллады – готовится на искусно построенном корабле Арго к плаванию в никому

неизвестную землю – таинственную Колхиду. Когда он увидел вдали важно шествующего к нему Копрея с перекошенными плечами, то не стал его дожидаться и людям сказал:

– Передайте Копрею, что сам Эврисфей за хорошую службу меня наградил, мне сказав, что после пленения этого вепря я до конца года свободен. Поэтому я пока отправляюсь в Иолк, к героям, собравшимся плыть в Колхиду, а там будет видно, как дальше мне поступить. Я это громко при всех говорю, чтоб передали Копрею, и он, как беглого раба меня в розыск не объявил.

156. Геракл отбирает у Феодаманта быка и съедает

Некоторые говорят, что Геракл, когда шел в Иолк к аргонавтам, убил Феодаманта и увел с собой его красивого сына Гиласа. Потом, во время плавания в Колхиду, когда Геракл отправился за сосной для замены сломанного весла, Гилас пошел за водой и был похищен любвеобильными нимфами источника. В честь этого прелестного отрока, которого Геракл полюбил даже сильнее, чем Иолая, он впоследствии назвал своего сына от законной жены Деяниры Гилом.

Другие же, уверяют, что отец Гиласа Феодамант был убит значительно позже, когда Геракл был уже женат на Деянире, и у них уже родился сын Гил. Не только, чтобы утолить голод самому, но – чтобы накормить своего голодного сына Гила Геракл убил Феодаманта и увел с собой его сына.

Наверное, момент, когда Геракл встретился с Феодамантом не столь важен, важнее, что между ними произошло. Итак, покинув Пелопоннес, на пути в город Иолк, славный своими площадками для хороводов и танцев, Геракл встретил пахаря.

Землепашец Феодамант, высокий, жилистый, с большими ладонями, похожими на лопаты, на плодородной черной пашне гонял запряженный двумя быками плуг, старательно ведя его по длинному полю из одного конца в другой. Каж-

дый раз, как он, развернувшись, к меже подходил, ему в руки немедля кубок вина, веселящего душу и сердце, красавица жена подавала. И Феодамант, подобно благой Деметре, первой кривым сошником целину всколыхнувшей, гнать продолжал новую борозду, чтоб снова к меже подойти поскорее. На пашне два бурых старых вола со стараньем равным тянули плуг составной; выступал под ярмом у них пот изобильный; землю взрезая, к меже они общую борозду гнали.

Как в своей силе уверенный лев, высокими горами вскормленный, и в ветер, и дождь в любую погоду настойчиво ищет добычу, в стадо быков иль овец, не раздумывая он бросается, и всех, кто в лесу попадетя тут же огромными когтями хватает. Его неизбежно принуждает желудок даже врываться в загон охраняемый, чтоб овцу иль корову за оградой похитить. Так же голодный желудок принудил Геракла потребовать у пахаря себе на обед одного из двух его волов, общую борозду гнавших.

Феодамант, разведя в стороны руки-лопаты, решительно отказал:

– Радуйся, странник! Я вынужден тебя огорчить. Не могу хорошо тебя я накормить путник голодный, и не проси. Я, как бедняк Филомел пол жизни откладывал средства, чтобы купить двух этих быков, но повозки не изобрел и не стал Волопасом. Возделывая эту ниву, я с трудом кормлю сам себя, супругу и сына. Кроме этих двух кормильцев – быков у меня нет ничего, а один старый бык мою семью никак не прокормит.

мит.

Рассказывают, что однажды Геракл, явился на шумный пир к царю Трахина Кеику с такими словами:

– Люди достойные без зова приходят на пир к не слишком достойным.

Ему очень понравилось свое высказывание, и он стал повторять эту фразу не только, являясь без приглашения на пиры, но всегда, когда пищу надо было у кого-нибудь силой отнять потому, что в это время он был во власти богини голода Лимес, живущей на окраине Скифии льдистой, краю безотрадном, в земле, где нет ни животных, ни плодов, ни деревьев.

Так и Феодаманту Геракл сказал перед тем, как зарезать его быка и приготовить из него вкусный обед на огне:

– Люди достойные забирают все, что им может потребоваться для славного пира у недостойных даже, если те против.

Пахарь же и после этих слов не только ничего ему сам не дал, но даже оскорбил его, обозвав ругательным словом. Тогда разгневанный Геракл тут же ударом кулака свалил с ног одного из быков и зарезал его. Дело было привычное, и пока костер горел, дерзкий герой быстро бычью тушу освежевал и разделал и на подоспевших углях много нарезанных мелко кусков мяса осторожно, чтобы не подгорели, зажарил.

157. Геракл убивает Феодаманта и уводит его сына Гиласа

Пока Геракл готовил себе обед, обиженный пахарь сбегал к соседям дриопам и позвал их на помощь. Вернувшись с толпой дриопов, Феодамант начал громко ругаться и проклипать отпрыска Зевса и смертной Алкмены:

– Да, покарают тебя всемогущие боги, нечестивец, в бесстыдную силу одетый! Ведь каждый знает, что нельзя резать быка, который плуг пахаря тянет, потому что этот бык землелепашец и, помогая человеку в тяжких трудах, его кормит. Ты же, убив быка, всю мою семью на неизбежную голодную смерть обрекаешь. Будь же ты проклят! Да возненавидят тебя и жена, и дети, и да накажут справедливо тебя боги и покарают жестоко!

Те, что почитают Геракла говорят, что он лишь весело расхохотался в ответ на проклятия пахаря и, махнув небрежно рукой, сказал:

– Ты, должно быть, не знаешь, кого так злобно поносишь, а если б знал, то лучше язык бы свой прикусил, чем ругательные слова на ветер бросать! Я великий герой, победивший Немейского льва и Лернейскую гидру, мог бы и узнать меня хоть по этой львиной одежде, ведь никто не носит такую. Впрочем, проклинай, если хочешь, сильный ни во что ставит порицание слабых, и я с удовольствием под твою ругань, как

под звуки кифары, буду с еще большим аппетитом обедать.

Лактанций говорит, что Геракл этого пахаря не убил, а впоследствии, став богом, сделал его своим жрецом и приказал, чтобы при всяком жертвоприношении он использовал ту же самую брань, ибо признавал, что никогда не пировал веселее, чем под те ругательства, которыми его осыпал пахарь, после того как он убил его быка.

Те же, кто Геракла не любит говорят, что он, грозно сдвинув на переносице свои выступавшие вперед брови и зубы в злобной улыбке оскалив, Феодаманту грубо ответил, как прорычал:

– Смолкни лучше несчастный! Рот свой поганый крепко запри на замок! Лучше, собака, меня не серди, если сам хочешь целым остаться. Ведь в гневе, как этого быка, мясо которого я с удовольствием ем, я и тебя могу никчемной жизни лишить, мне это сделать совсем не трудно!

Пахарь ругань не прекратил, и Геракл, в сердцах бросив на землю недоеденный кусок мяса, быстро подскочил к Феодаманту и ударил его кулаком в висок, расшвыряв по сторонам окружавших дриопов несколькими взмахами дубины из дикой оливы. Пахаря, не сдержанного в речах неприличных и дерзких тут же смерть осенила, и его глаза вечной тьмою покрылись. Геракл же, вымыв руки, как ни в чем ни, бывало, продолжил обедать.

Овидий поет, как пали дриопы, которые пытались Феодаманту помочь, вставши на его битвенный зов против Герак-

ла.

Согласно Аполлонию Родосскому, Геракл, побуждая Феодаманта против воли отдать ему вола пахаря, так лишь предлога искал, желая с дриопами биться, ибо жили они, не думая вовсе о правде, которая сердцу отпрыска Зевса была дороже всего.

Иные же говорят, что Геракл убил Феодаманта потому, что заметил, как удивительно красива его супруга Менодика, прибежавшая на крики с другого конца поля вместе с отроком сыном.

Перед тем как уйти, наевшийся Геракл прямо на только, что вспаханном поле сочелся безответной любовью и лаской с бившейся в рыданиях Менодикой, приговаривая:

– Вот уж не думал, что, наевшись, так приятно заниматься любовью на вспаханном поле, Иксион и Деметра в этом толк понимали. А рыдания твои по глупому мужу мне совсем не мешают, наоборот, они возбуждают особой меня новизной, мне неизвестной, ведь в любви должна присутствовать неизвестность!

Потом присутствовавшего при этом деле совсем не хорошем сына Менодики и Феодаманта Гиласа, из-за его мальчишеской прелести, Геракл взял с собой.

Драконций про этого Гиласа так говорит:

– Есть у Алкида, в годах самых нежных, любимейший спутник, ярким румянцем украшен и белизною молочной, в лике его белоснежном пурпурное плавает пламя... А, меж-

ду тем, одолев Эриманфского вепря, тиринфский с радостью шел Геркулес, с ним вместе прекраснейший мальчик, Гил, молненосного вепря нагруженный шкурой с зубами; пусть он, бессильный, страдал под тяжестью груза такого, все же был рад, будто сам приобщился к триумфу героя, будто Алкид не один уложил жестокого зверя.

158. Геракл отплывает с аргонавтами, но отказывается стать их вождем

Говорят, когда хитроумный фессалийский царь Пелий попросил своего юного племянника Ясона отправиться в Колхиду за золотым руном, дающим всеобщее счастье народу и процветание стране, тот с пылким восторгом сразу согласился потому, что давно жаждал свершить нечто, достойное навечно остаться в памяти потомков. Немало знатных юношей и закаленных в боях суровых воинов Эллады пожелало принять участие в этом беспримерном походе в неведомую страну.

Зодчий Арг по чертежам искусной в разных ремеслах Афины Эрганы (Труженица) построил великолепный корабль с двумя высокими носами и вставленным в корпус самой Палладой большим куском священного векового дуба из древнего святилища Зевса в Додоне, который шелестом листьев передавал волю богов.

Ясон с такими же, как у Геракла, русыми волосами и честными голубыми глазами, отобрал из желавших участвовать в походе самых прославленных героев, которых было ровно пятьдесят четыре человека, включая самого Эсонаида. Среди них были Диоскуры (Отроки Зевса) Кастор и Полидевк, Борeadы Калаид и Зет, Орфей, Пелей, Эврит, Гилас, Мопс, Адмет, Авгий, Асклепий, Беллерофонт, Кикн, Мелеагр и мно-

гие другие менее известные герои.

Геракл, могучий силой и духом, ростом превосходящий других и статью, тоже не пожелал пренебречь страстным призывом Ясона. Как только крылатая долетела до Амфитрионида молва о сборе лучших мужей – цвета Эллады, – сразу вепря Эриманфского на площади Микенской, опутав веревками, с мощной спины проворно он сбросил. Геракл по собственной воле в неизвестный путь устремился, хотя совершил меньше половины предназначенных Мойрой подвигов на службе у царя Эврисфея. С великим героем был сын убитого им пахаря Феодаманта Гилас, его преданный спутник, отрок прекрасный, его лука и стрел постоянный хранитель.

Аполлоний Родосский поет, что сын Эсона разумный как-то собрал всех аргонавтов и повел к ним речи такие:

– Что пловцам надлежит приготовить для выхода в море, сделано в полной мере у нас накануне похода, и потому нам не нужна никакая отсрочка, надо ждать лишь попутного ветра. Сейчас же, друзья, вам выбрать придется того среди нас, кто достоин стать наилучшим вождем, кто обо всем заботиться сможет, ссоры улаживать и мир заключать с побратимами.

Некоторые считают, что, собравшись вместе, герои избрали своим предводителем могучего Геракла, отдав ему предпочтение за уже явленную всему миру доблесть при совершении четырех подвигов.

Большинство же древних писателей, подобно Аполлонию Родосскому, о выборе предводителя аргонавтов рассказывают иначе. Они говорят, что когда Ясон предложил выбрать вождя, то все одновременно посмотрели на Геракла. Сын Громовержца и смертной Алкмены еще не достиг той блестящей славы, что будет у него, когда он вознесется на ярко сияющие олимпийские выси, но он уже совершил 4 великих подвига на службе у Эврисфея. Об удушении страшного Немейского льва с каменной кожей и истреблении многоглавой Лернейской Гидры восхищенно говорила вся Эллада. Хотя среди аргонавтов были и такие, которые рассказывали не только о подвигах, но и об убийстве Гераклом собственных детей от Мегары, притом в пьяном угаре.

Геракл при избрании вождя среди команды сидел; и все его предводителем выбрать хотели и единогласно выступить звали. Он же, в первый миг не сдержал довольной улыбки, невольно осветивший его всегда суровое лицо, но потом брови густые нахмурил, стал покашливать, словно ему в горло что-то попало. Наконец, бросив кашлять, он, ни на кого не глядя и с места не двигаясь, руку могучую решительно кверху простер и, помотав кудрявой своей головой, голосом громким зычно воскликнул:

– Нет! Пусть никто не воздаст мне чести такой! Все равно ее не приму я! Не по мне это дело. Потому даже сдержу любого из вас, кто на это все же решится, да еще и настаивать будет. От себя предложу, чтобы тот, кто собрал всех здесь,

пусть теперь сам и ведет нас вперед!

Так с виду твердо сын Алкмены и Зевса сказал. И все похвалили Алкида, но никто не спешил Эсониду в вожди выдвигать, ибо слишком молод он был и потому опыта жизненного очень ему не хватало. Русокудрый Ясон, прищурив голубые глаза, отрешенно глядел куда-то вдаль. Было видно, что он очень рад словам Геракла, но обеспокоен молчаньем других. И тут, видно, решив схватить свою ветреную судьбу сразу за рога и копыта, Ясон с места вскочил и быстро промолвил так, чтоб никто его не сумел перебить:

– Раз вы все мне доверяете честь взять на себя ваши заботы и за все отвечать, то не будем медлить с отплытьем. А сейчас, умилющим жертвами Феба и обильнейший пир немедля устроим.

И Эсонид, вскочив, первым за дело взялся, аргонавты же нерешительно встали и, невольно повинувшись ему, тоже стали готовиться к шумному пиру. Так русокудрый Ясон с непреднамеренной подачи Геракла, за всех сделав выбор, сам себя назначил вождем аргонавтов и под его командованием доблестные герои отправились в дальний, неведомый путь, полный тревог и скрытых опасностей.

159. Аргонавты на острове Лемнос ^[4]

На следующий день, огибая залив, аргонавты увидели на берегу Хирона – это дикое чудо с дружелюбной и мудрой улыбкой, который воспитал Ясона и многих других знаменитых героев. Они не могли с ним не встретиться и причалили к берегу на своем снаряженном для дальнего плавания корабле крутобоком.

Аполлоний Родосский поет, что даже Хирон, сын Филиры, вблизи волны седовласой конские стопы мочил, рукою могучей сердечный привет, посылая путникам отважным, их провожая и всем желая счастливо вернуться.

Орфей вспоминает, как аргонавты посетили на горе Пелион мудрого кентавра Хирона, который их радушно угостил медом, вином и жареного мяса кусками кабанов белозубых и быстроногих оленей.

Конечно, этот был тот самый знаменитый Филирид, который, возможно, еще не успел умереть, получив неисцелимую рану от отравленной стрелы Геракла во время битвы с кентаврами, ведь он, как сын древнего титана Крона, родителя шести олимпийских богов, был бессмертным.

Затем аргонавты пристали к острову Лемносу, управляемому женщинами, которые несколько лет не совершали священнодействий Афродиты и потому были ею своеобразно наказаны.

Говорят, что в безудержном гневе Киприда наградила лемносских женщин противным козлиным запахом. Из-за этого мужья бросили своих жен полногрудых и взяли себе в жены стройных и гибких дев-фракиянок. Лемносские женщины так разгневались, что, сговорившись, ночью перебили своих сонных мужей, а холостых братьев и сыновей навсегда изгнали с острова.

Согласно Аполлонию Родосскому, старая дева Поликсо, царицы Гипсипилы кормилица, хрустящую шею с трудом распрямив над согбенной спиной, когда к ним на остров прибыли аргонавты, слово всем такое на собрании сказала:

– Послушайте меня милые сестры и особенно внимлите славные внучки и дочери! После того как все мы, старухи, умрем здесь одна за другой, вы, кто помоложе, бездетными в тяжкую старость войдете. Так подумайте уже сейчас, как потом станете жить, злополучные! Я сама в предстоящем году, уже, верно, навечно в земле упокоюсь, а вас молодых призываю вот над чем очень крепко подумать! Ныне у нас появилась случайно защита, стоит только вручить дома и имущество все прибывшим чужеземцам и дать им нашим чудесным городом править. Не воевать нам с ними надо, а, наоборот, предавшись сладкой любви с мореходами, не только острову обеспечить защиту надежную, но и народить новый, крепкий народ, в котором остров наш сейчас, ох как нуждается.

И все женщины согласились с мудрой старой Поликсо. Гипсипила тут же отправила к прибывшим аргонавтам рас-

торопную Ифиною, служанку свою с коротким таким предложением:

– Если вы сами желаете, то в город можете войти благо-склонно.

Выслушав эту благоприятную весть, все пловцы испытали бурную радость такую, какую дочь Селены и Зевса сверкающая, как алмамент, Герса (роса) ранним солнечным утром доставляет в сухую погоду листочкам зеленеющей нивы. Так же и духом героев безудержное овладело веселье. Все стали торопить Ясона полое судно поскорее покинуть и на берег сойти, и, сойдя, в город войти поспешить.

Настало для всех веселое время, беззаботные дни и бес-толковые ночи проходили в сплошных празднествах, необузданных весельях и ежедневных пышных пирах. Город весь ликовал, всюду душистым наполнившись дымом. Развлеченья и радость нес Дионис Мельпомен (Ведущий хороводы), затевавший всевозможные игры повсюду. Пышные пиры устраивались везде, и поднимался с алтарей в безоблачную высь жертвенный дым благовонный.

И так день ото дня, неделя за неделей, месяц за месяцем все длилась и длилась отсрочка отплытия. Многие из аргонатов вступили во временный брак с истосковавшимися по мужским ласкам обитательницами Лемноса.

Правительница острова красавица Гипсипила разделила ложе с юным Ясоном и впоследствии родила от него двух сыновей Эвнея и Неброфона.

160. Геракл призывает пловцов покинуть Лемнос ^[4]

В сплошных удовольствиях пребывая, аргонавты еще медлили бы долго с отплытием с острова Лемнос, если бы не Геракл, упорный в достижении цели во всяких трудах. Рассерженный безответственным поведением товарищей могучий сын Зевса, бессмертному богу подобный, пошел в Мирину и стал колотить своей дубиной из дикой оливы во все подряд двери, созывая так расселившихся там друзей на совет. Очень скоро на такой клич Алкида на самой широкой площади Лемноса все герои собрались.

Согласно Аполлонию Родосскому, собрав всех пловцов, поодаль от женщин, Геракл стал громко порицать их и бранить разными крутыми словами:

– О, безумцы, ведь забыли вы долг священный пред родиной! Иль соплеменников кровь из отчизны вас отвращает? Иль, только в брачных ласках нуждаясь, оттуда пришли вы на Лемнос? Или, землячек отвергнув, сейчас вам стало угодно постоянно здесь обитать, взрезая плугом лемносские тучные пашни? Поймите же вы, наконец: мы бесславим себя, с чужеземками так долго общаясь, и никакой нам бог не выдаст руно за одни лишь молитвы. Зевсовы дочери Молитвы – это святая надежда для храброго, а не пустое оправдание

для ленивого. Подумайте крепко: не пора ли нам всем здесь опомниться и, больше не откладывая ни на день, вернуться к нашему общему делу, за которым мы в далекую поплыли Колхиду! А вождя нашего Ясона, если он сам того хочет, одного здесь оставим и пусть он и ночи, и целые дни пребывает с Гипсипилой на ложе, пока весь Лемнос своими детьми не наполнит, и этим себя прославит в веках.

Так, вроде шуткой, речь закончил Алкид с суровой улыбкой на мужественном лице, но потом, сдвинув к самой переносице свои низкие брови, он призывал на помощь Айдоса, бога стыда и опять громко пловцов обругал, а потом и вовсе – любимую дубину в бешенстве бросил на землю.

Хоть Геракл позорными словами друзей поносил, но никто не дерзнул за эти упреки косо́й взгляд на него обратить иль прервать его речь своими словами. Все понимали, что обвинения мощного духом Геракла, справедливыми были, а правду эллины почитали превыше всего. Поэтому, с собрания все разо́йдясь, аргонавты поспешно готовиться стали к уходу из гостеприимного града на любимом острове колченого бога Гефеста.

Авгий и некоторые другие аргонавты потом рассказывали, что Геракл не думал, что плаванье за руном продлится так долго и боялся, что Эврисфей, позволивший ему отдохнуть только до конца года, после этого срока может объявить его беглым рабом и начать розыск.

161. Шестирукие. Долионы

Отплыв с острова Лемнос, герои, чтобы пополнить запасы пресной воды и свежих продуктов, вскоре причалили к стране долионов, которыми правил юный царь Кизик, оказавший им самое радушное гостеприимство и искреннее дружелюбие. Царь им дал много вина, в котором аргонавты нуждались, дал и овец, выращенных для мяса. Задолго до появления аргонавтов царю долионов вещун так сказал:

– Как только прибудет славных героев чудесный отряд, надо принять их очень радушно и кротко и ни в коем случае не затевать с ними кровавую схватку.

Пока большинство аргонавтов весело пировало с гостеприимным правителем Кизигом, землеродных чудищ большая толпа, нагрянув по крутой горной дороге, загородила устье с открытого моря камнями громадными, словно ловушку поставили зверю. Это были огромные шестирукие великаны.

К неожиданному счастью, при корабле с молодыми пловцами могучий Геракл оставался. Тотчас упругий свой лук против них он напряг с такими словами:

– Думаю, друзья, что этих ужасных чудовищ натравила на нас богиня белорукая Гера, супруга великого Зевса, для мести свирепой мне и моей матери милой. Но руки мои наполнены силой и дух мой крепок, как никогда. Хищным рыбам

и птицам в добычу достанутся эти чудовища здесь.

Потрясая губительным луком и страшной дубиной из дикой оливы, Зевса сын был ликом гибельной ночи подобен. Свет от звезд и сиянье Луны сквозь такую ночь не проходят; черная спускается тьма с высоких небес, и из подземных глубин вздымается мрак из Аида. Одни лишь бессмертные боги могли бы, выйдя все вместе навстречу Гераклу, его удержать, как он устремился против шестируких чудовищ. Взор его пылал зловещим огнем, необорные руки силу свою и мощь неудержимо несли на врагов.

Многих страшных врагов Геракл в этом бою с большого расстояния сразил своими стрелами, смоченными в ядовитой желчи Лернейской Гидры. Тогда оставшиеся в живых чудовища бросились в рукопашную сами атаку, пористых скал огромные куски по пути отрывая, убить ими пытались Геракла. Тогда он в недра подземные отправил еще нескольких шестируких великанов ударами своей знаменитой дубины из дикой оливы, а остальных чудовищ истребить помогли подоспевшие друзья аргонавты.

Аполлоний Родосский поет как стрелы и копья метали герои в бегущих навстречу в буйном порыве шестируких чудовищ, пока не смогли уложить всех их ничком на землю навечно. словно, только срубив топорами деревья большие, их лесорубы рядами кладут вблизи от приморья, чтобы, намокнув, могли они прочно выдержать скрепы, так у теснины седого залива лежали рядами горы шестируких великанов

убитых. Одни – погрузились в соленую воду грудью и головой, а всем телом лежать оставались на суше, на песок прибрежный другие легли головами, так что ноги у них омывались морскими волнами.

Во время бушевавшего бурно сражения никто слов Геракла не оспорил, но потом Мопс Титарисийский, которого сам Летоид обучил прорицать по полету пернатых, все же ему возразил:

– Волоокая царица Олимпа благоволит аргонавтам потому, что всем сердцем ненавидит Пелия и, как милого сына, любит Ясона. Поэтому она не может таких страшных чудовищ натравить на пловцов, возглавляемых Ясоном, а значит и на Геракла.

Аргонавты, когда беспримерный свой подвиг бесстрашно свершили, ночью туманной отплыли в открытое вечно-свободное море и попали в полосу противных ветров. Не узнав в вечернем непроницаемом сумраке гостеприимного берега, накануне оказавшего им радушную встречу, они вновь причалили к стране долионов. Народ Кизика в этот раз принял их за войско пеласгов, с которыми у них постоянно происходили кровавые стычки. Началось роковое ночное сражение, во время которого ни те, ни другие не знали, кто их противники. Аргонавты многих перебили и в том числе убили молодого правителя Кизика. Когда же наступил день, и пловцы поняли, что случилось, то в знак почитания богини Алгеи (Скорбь), они остригли себе волосы и устроили юному Ки-

зику пышные похороны.

После погребения несчастного Кизика на всеобъемлющем море стали бушевать жестокие бури непрерывно в течение целых двенадцати дней и ночей, они не давали аргонавтам снова в плаванье выйти. Тогда по вещанию гальционы Эсонид с товарищами поднялся на вершину Диндима и помолился пышноотронной богине Рее – великой Матери всех богов. К чистым жертвам пловцов богиня ожившее сердце склонила и явила им настоящее чудо. Дали разные деревья вдруг много вкусных плодов, и каменистая земля под ногами неожиданно изумрудной травой и яркокрасочными цветами покрылась. Прежде свирепые звери, покинув свои берлоги и глубокие норы, вышли на освещенные солнцем луга и лесные поляны, дружелюбно помахивая хвостами. Пир был устроен тогда на горе по прозванию «Медвежья» в честь Великой богини. С утренней зарей же, как только встречные ветры утихли, остров Кизика герои покинули и сначала на веслах дальше поплыли, а потом и белый парус на высокую мачту поставили.

162. Аргонавты у Финея

По рассказам жителей фракийского Салмидесса их царь Финей, получивший от Феба Локсия замечательный дар прорицания, подобно многим другим предсказателям, был поражен слепотой. Финей был ослеплен либо Посейдоном, либо Бореем или же самим Зевсом, ибо он выдавал людям тайны богов. Не зря говорят, что многознание – великая беда тому, кто молчать не умеет: это, как острый меч в руках у ребенка.

Некоторые говорят, что аргонавты освободили Финея от нескончаемой пытки голодом: всякий раз, как он садился за стол принимать пищу, прилетавшие Гарпии (хищные полуженщины-полуптицы отвратительного вида) расхищали большую часть яств, а остальное оскверняли зловонными испражнениями. Крылатые сыновья Борея Зет и Калаид прогнали Гарпий на далекий остров, а сын Аполлона искуснейший врачеватель Асклепий вернул Финею зрение. В благодарность царь-прорицатель указал пловцам краткий путь по ворчливому морю и многое им поведал из того, что их впереди ожидает.

Другие о посещении аргонавтами Фракии, где царствовал Финей, рассказывают иначе. На застонавшем от сильного ветра море поднялась такая сильная буря, что герои утратили всякую надежду на благополучный исход плавания, но

тут божественный певец Орфей, единственный из участников похода посвященный в священные мистерии (таинство), взмолился о спасении к Самофракийским богам. Его пенье было настолько прекрасно, что ветер сразу же утих, а к головам братьев Диоскуров опустились с небосклона две ярких звезды. Все изумились этому чуду, поняв, что от опасности их избавило благоволение богов. Это происшествие сохранилось в памяти людей, и поэтому попавшие в бурю мореходы всегда молятся Самофракийским богам, а присутствие звезд объясняют явлением могучих Отроков Зевса.

Когда буря улеглась, герои сошли на берег Фракии в стране, где в городе Салмидесе царствовал Финей, и увидели там двух окованных юношей, которых зарыли наполовину в землю и люди варварского вида подвергали их частым ударам плетей. Когда перед терпящими страшные мучения юношами неожиданно возникли аргонавты, то, увидев могучего телом Геракла, они стали взывать его о помощи, протягивать к нему руки и так рассказать о себе:

– Мы несчастные сыновья Финея от его первой жены Клеопатры, дочери Орифии и Борея. Такому жестокому наказанию мы несправедливо подвергнуты нашим доверчивым отцом из-за бесстыдства и лживых наветов злокозненной мачехи. Отец женился второй раз на Идее, дочери скифского царя Дардана, которая по возрасту нам в сестры годится и из большой любви старался всячески угождать ей. Куда только разум его подевался, которым когда-то славился он и сре-

ди чужеземцев, и в собственном царстве. Беспрекословно он поверил Идее, когда она ложно нас обвинила, сказав, что мы все вместе пытались ее изнасиловать, желая так угодить своей матери.

Геракл не сдержал довольной улыбки, когда сыновья Финей обратились именно к нему, а не к Ясону, сделавшему аргонавтам повелительный знак руками, чтобы они замолчали и дали послушать речь истязаемых юношей. Рассказав об učinенной отцом несправедливости, юноши умоляли опять же Геракла, а не кого-то другого, вызволить их из беды.

Финей же, злобно сверкая глазами, встретил чужеземцев грубо с такими словами:

– Не надо лезть вам, чужестранцы, в наши дела и не надо вам легко верить рассказам всяких нечестивцев! Да, я действительно отец двух этих молодых людей, и это я наказал их, но сделал все вполне справедливо. Ведь никакой отец никогда не пожелает подвергнуть каре своих сыновей столь суровой, если только они не совершили такого ужасного преступления, которое превозмогло над естественной любовью, которую все родители питают к своим детям.

Геракл, как только услышал о злокозненной мачехе Идее, сморщил нос и сильно нахмурился – он живо вспомнил свою мачеху Геру и по его сочувственному взгляду было ясно, что он бесповоротно встал на сторону сыновей Финей.

Когда юноши закончили свой рассказ, Геракл в знак согласия кивнул головой своим спутникам в точности так, как

это часто делал его великий отец. Тогда бывшие среди спутников Геракла Бореады Зет и Калаид, братья Клеопатры, по причине родства первыми устремились на помощь племянникам, разбив наложенные на юношей оковы, они сразили мечами пытавшихся оказать сопротивление варваров.

Говорят, что, когда в битву ринулся сам Финей во главе множества фракийцев и отборного отряда скифов, то Геракл превзошел всех доблестью в сражении, убил и самого Финея, и много его воинов. Затем крепкодушный Алкид овладел царским дворцом, перебил всю охрану, состоявшую сплошь из одних скифов. Он освободил из темницы Клеопатру и передал сыновьям Финея Плексиппу и Пандиону принадлежавшую их отцу власть.

Когда же юноши собрались казнить коварную мачеху мучительной казнью, сын прекрасноволосой Алкмены, прищурив голубые глаза и, задумчиво глядя куда-то в сторону, вскричал громко так, чтобы все услышали:

– Нет! Воздержитесь от кары жестокой такой, ведь вы не судьи! Будьте милосердными и отправьте эту женщину в Скифию к Дардану, ее отцу, человеку, как я слышал, справедливого. Пусть он сам накажет Идею за учиненную над вами несправедливость.

Так и было сделано: Скиф за жестокость к пасынкам приговорил дочь к заслуженной смерти, а сыновья Клеопатры стали пользоваться среди фракийцев доброй славой за проявленное милосердие. Однако больше всех неслыханной славы

стяжал по всей Элладе Геракл, как герой не только самый могучий и справедливый, но к тому же и мудрый, и великодушный.

163. Геракл уходит за веслом, и нимфы похищают Гиласа

Аполлоний Родосский поет, как Геракл, когда изнемогшие пловцы от усталости тише гребли, их подменял силой рук своих многомогших. Тогда Зевсов сын, один тащил по зыбким хребтам беспокойного моря чернобокий корабль, крепко сбитый из досок и брусьев сосновых. И вот однажды, неустанно взрезая волны бурного моря, Геракл переломил весло пополам, и, сжимая его обломок, он с громкой руганью на скамью повалился, а беспредельное море другой безвозвратно поглотило обломок. Виновато озираясь, Геракл весь от удушливого стыда красный сидел и молчал, ведь его могучие руки не привыкли к безделью, тем более, когда другие, сил не жалея, трудились.

В это время достигли герои границ Кианиды возле Арганфонейской горы и Киосского устья. Приняли их там дружелюбно, как гостей дорогих, мисийцы, жители этой страны. Все, в чем нуждались герои, и туши жирных овец и круторогих баранов и медосладкого много вина, принесли им в подарок.

Зевсов сын, у которого без работы руки просто чесались, друзьям так заявил:

– Вы пока пир здесь наладьте на славу, а я в лес отправлюсь, чтобы подходящее найти дерево, по руке, для нового

весла взамен того, что сломалось.

С Гераклом последнее время неотлучно был его возлюбленный спутник юный Гилас, сын Менодики и царя дриопов Феодаманта, не пожелавшего добровольно дать голодно-му Гераклу быка и потому им убитому.

Этот отрок прекрасный после ухода Геракла оставил всех прочих пловцов и с медным кувшином в руках стал источник искать, чтоб к приходу зевсова сына легкий ужин успеть приготовить – ведь жареное мясо для пира будет готово не скоро. Так его успел воспитать сам Геракл по правилам строгим, малым ребенком его, забрав из опустевшего, отчего дома. С тех пор юный Гилас был при Геракле в качестве возлюбленного и оруженосца и, конечно, слуги.

Драконций поет, что умевшая быть злопамятной богиня любви Афродита, не забывшая, как болтливые нимфы всем рассказали о ее тайных встречах с Ареем, милому сыну Эроту в это самое время сказала:

– Мой резвый ребенок, кажется, тебе все этом мире подвластно! За матери слезы если угодно тебе отомстить, я научу как – ты внимательно только послушай. Нимфы источника, мой мальчик любимый, всем хором однажды сучили пряжу на дне своего Пенея. Тут (стыдно промолвить!), Солнца давнишняя любовь нимфа Климена сестрам все грехи мои разгласила; о том рассказала, как в сеть я попала, которую Марса Вулкан оковал, – во всем этом Солнце – наводчик. Нимфам же не только слушать было угодно, как нашу беду

расславляют, но и самим рассказывать всем... Надо за это их так наказать. Есть у героя Алкида, в годах самых нежных, Гилас – любимейший спутник, еще не посвятивший своих кудрей Аполлону, юноша со щеками в первом пушку нежным румянцем украшенными и белизною молочной. Пусть же, этого отрока-красавца узрев, все невесты источника тут же пламенной страстью зажгутся.

Бог идалийский крылатый, обвив шаловливыми материнскую шею руками и настойчиво у нее поцелуев прося, громко смеется и уверенно так говорит:

– Все, что ты скажешь я исполнить сейчас же готов, милая мать. Если угодно тебе, то эти невесты с чудесными волосами, украшенными венками из свежих цветов, жгучий огонь наш почуют и скоро признают неодолимую мою силу.

Радуюсь этим словам, с лицом просветленным, Киферея в венке благовонном кудри золотые милому сыну перебирает, самые нежные материнские дарит объятия. Эроса руками лаская, богиня милоулыбчивая нежно в сластолюбивые губы его целует, а он уж готов самые острые стрелы выпустить в протяжноступающих дев, живущих во влажнопрозрачном источнике.

И дерзкий Эрот, упругой тетивой вмиг опоясавшись, кипарисовых острых стрел прихватил, приладил меж радужных крыльев колчан за плечами и во всеоружии резво взлетел. Некоторые говорят, что безоружным этот бог быть обязан, обнаженным совсем должен быть, без лука, чтоб не ра-

нить стрелой никого и без факела, чтобы жгучим огнем не опалить. Все же, нимфы, берегитесь, ибо он, и обнаженный, до зубов вооружен.

К ручью, в котором нимфы все ночи и дни напролет проводили, быстро примчавшись, бог крылатый лук достает и, смешав с пламенной страстью непреодолимые любовные яды, наконечники стрел с зазубренными крючками в них обмакнул и ими беспечные сердца нимф поразил. И тут же девичьи лица влажнодорожных невест с дыханием нежным становятся то мертвенно бледными, то покрываются жгучим румянцем. Руки они то ликующе воздымают, то безнадежно вдруг опускают, вздохи страстные с уст их срываются; то быстро-быстро говорить они начинают, то внезапно совсем умолкают. Налицо все приметы страстной любви. И молвит сестрам любимым среброногая источника нимфа Климена:

– Хочется мне, милые сестры-игруньи, чтобы юноша Гил был нами похищен и в зыбях источника нашу опьяняющую изведаль любовь, – желанье такое страстно влюбленной в вину никто не поставит.

И всем сестрам очень понравилось предложенье такое. Между тем, напевая беспечно, к прозрачному источнику отрок Гилас пришел, чтобы воды зачерпнуть, и в руках его был медный кувшин. Только увидели среброногие девы, как к их роднику он подходит, все в предвкушении будущих удовольствий радостно засмеялись и всем одного захотелось. Лишь только в воду он кувшин погрузил, как тут же дружно его об-

хватив, за собой увлекая, все девы-игруньи под воду нырнули. Всем захотелось юной красою такой навсегда завладеть, с ним на влажном ложе любви обнаженными смешаться телами и в сладостных поцелуях слиться губами. И, вздымая фонтан брызг, с испуганным криком Гилас в воду упал и, увлекаемый нимфами, быстро погрузился в пучину.

Согласно Драконцию, Гил испугался похищенный и устремился от страха с громкими криками к гроту хрустальному, который был образован землей травянистой. Тогда всех своих сестер – кранид ободряя, красавица Дейопея к мальчику страстно так обратилась:

– Милый ребенок, не подобает слезами лик юный свой тебе орошать, – только прекрасную внешность бесполезным зря уродуешь трепетным плачем. Вовсе и незачем плакать, – ведь все при тебе остается. Нас здесь украшают фиалки, лилии, розы, любит нас сам Гиацинт с нежными лепестками, и в наших волнах прекрасный Нарцисс поселился; всякий цветок ароматный, всякая яркая травка наши пышные косы, водою возвращенные, украшают венками. Ты теперь женихом нашим здесь будешь вечно, до дней окончанья.

Речью смягчала такой Дейопея похищенного мальчика душу.

164. Геракл и Полифем отстают от аргонавтов

Похищенный невестами Гилас от испуга успел крикнуть так громко, что крик его услышал Элатид Полифем, по воле Мойры Лахесис пошедший затем, чтобы встретить друга Геракла на обратной дороге с деревом крепким для нового весла. Быстро острый меч, обнажив, разъяренный герой Полифем на голос отрока, словно ветер, помчался. Тут на дороге внезапно он столкнулся с Гераклом, который спешил к кораблю чернобокому, неся вырванную с корнем огромную корабельную сосну на могучем плече. Полифем мощному сыну скромной Алкмены про несчастье страшное стал говорить, борясь с тяжелой одышкой:

– Стой мой бедный товарищ! Об ужасном происшествии тебе я поведаю первым! Гилас, твой любимейший спутник, с амфорой к прозрачному пошел роднику и целым и невредимым назад не вернулся. То ли разбойники злые подкрались к нему и связанного в безотрадный плен увели, то ли лютые звери ему сейчас тело терзают, – я испуганный крик его слышал вдали и к нему, что есть сил, побежал, но тут встретил тебя.

Драконций рассказывает, как тиринфский герой разъярился. Отбросив сосну, он бурно помчался по дороге с призывными криками к Гилу, и многократное эхо ему отзывав-

лось, и волны, и горы, и лес – все наперебой повторяли любимого мальчика имя. Только родник, где похищен был Гил, упорно молчал. В эту пору к звездам крылатый Эрот возвращался, бог италийский крылатый, который и был виною всему. Исполнив с блеском обычное для себя дело, милой матери Эрот сообщить о своей новой победе стремился, всем сердцем ликуя в предчувствии заслуженной им ее похвалы и поцелуи новые предвкушая. Слышал он, пролетая, в небе голос зычный и громкий стонавшего сына Алкмены и Зевса, всюду искавшего Гила. Бог коварный спустился и с притворным сочувствием поведал Гераклу о случившемся: он случайно тут пролетал и увидел, как мальчик прекрасный, спутник Алкида был похищен похотливыми нимфами.

Так втуне все шаткие надежды Геракла, что отыщется отрок любимый, пропали, огнем италийским были истреблены. Застонал от бессилия найти Гиласа необорный герой и, цепенея от невыносимого горя, закричал, губы до крови кусая:

– Вскормлен ты был мной, мальчик прекрасный, видно, напрасно. Ты, видевший доблесть мою на Лернейском болоте, когда я головы Гидре рубил, теперь по велению своевольной Судьбы навсегда ты покинул меня. Кто оботрет мне теперь, утомленному, соленый пот после сражения и согреет юным телом упругим мне тростниковое ложе? Кто будет верным спутником мне, если новые смертельные битвы навяжет мне злобная мачеха? Что я скажу Менодике – твоей красави-

це матери, которая малым ребенком мне тебя вверила, чувства забыв материнские? Одно лишь я ответить смогу, что сделал все, чтоб тебя отыскать.

Геракл был так опечален пропажей любимого отрока, что перепутал Гиласа с другим своим возлюбленным – племянником Иолаем, который был свидетелем и помощником в свершении дядей некоторых подвигов, начиная с истребления Гидры в Лерне. У Геракла с висков пот струился обильный, разгоряченная кровь у него кипела под сердцем и, костеня от скорби не разрешимой, громко стонал всегда мужественный герой.

Аполлоний Родосский рассказывает, как в гневе Геракл в неизведанный путь устремился, сам не зная, куда понесут его быстрые ноги. Как подгоняемый оводом бык без усталости мчится, луг заливной и родные поля покидая, не думая во все о пастухах и о своем стаде, то мчится без остановки, то внезапно встает, подняв могучую шею, громко мыча, измученный жалом овода злого, – так в исступлении мчался и Геракл, то перебирая быстро ногами, то в тягостном беге вдруг на миг застывая.

В это время звездочет и кормчий Арго Тифис по приказу русокудрого Ясона с правдивыми голубыми глазами, велел всем героям на корабль быстроходный взойти и с ветром попутным, нисколько не медля, отчалить. Все, кроме Гиласа, Геракла и Полифема поднялись на борт, пловцы быстро наверх якоря подтянули и принялись дружно грести, укрепив

канаты у мачты, лежащей на палубе крепкой. Потом белые вверх паруса они подтянули, мачту поставив, и парус вздулся от свежего ветра упруго у них округлой дугою, и ярко вскипели воды синего моря под носом быстро бегущего судна. По хребту широкодородного моря под парусом белым корабль равнобокий помчался, словно огромная белокрылая птица, которая устремилась в небесную синеву, ровным дыханием ветра несомая, крылья спокойны ее, она вся безудержному отдается полету.

165. Прорицание Главка о доле Геракла ^[4]

Как только корабль чернобокий отчалил, а Геракла на его месте не оказалось, сразу среди аргонавтов поднялся и жаркий спор, и шум несказанный из-за того, что отплыли они, бросив героев Геракла и Полифема. При этом о Гиласе никто даже не вспомнил. Ясон сразу заявил, что они двоих товарищей в спешке случайно забыли, не заметив их отсутствия в темноте предрассветной. Многие не поверили своему предводителю и укоряли Ясона за то, что он намеренно бросил на берегу знаменитого силой и крепкого духом Зевсова сына. Был подавлен и очень растерян русокудрый Ясон, и сидел, потупив всегда ясные синие очи. Не зная, что еще товарищам можно ответить, лишь молча, душу терзал он произошедшим несчастьем.

Тут, как рассказывает Аполлоний Родосский, в гнев к нему герой Теламон яростно обратился, недобро сверкая сзвившимися от гнева очами:

– Ты, вождь русокудрый, здесь сидишь перед нами и упорно молчишь! Видать, тебе нечего нам сказать потому, что давно ты хотел бросить Геракла! Твой умысел вполне ясен: чтобы нетленная слава героя Геракла, всю Элладу пройдя, твою славу вождя аргонавтов собой не затмила, если нам бо-

ги дадут на родину снова вернуться. Собственная шумная слава тебе дороже всего! Ну а я товарищей брошу тех, что вместе с тобой подстроили коварную хитрость такую!

Молвил так Эакид, бывший большим другом Геракла, и сразу бросился к Тифису, Гагния сыну. Тифис, когда по приказу Ясона велел аргонавтам на корабль снаряженный взойти, не знал, что среди них нет Геракла. Искрами жгучего пламени очи обоих героев сверкали. И повернули б они обратно в Мисийскую землю, ветра рев немолчный презрев и пучины морские, если бы двое сынов Борея фракийца суровой речью своей сдержать не сумели бы порывистого сына Эака. Тяжкая в будущем выпала им за это расплата от беспощадных Геракловых рук за то, что его сейчас разыскать они помешали. Их, идущих назад после игр на Пелия тризне, безжалостно он убил на острове Теносе. Потом Отпрыск Зевса землю насыпал над телами убитых, и им поставил две стелы, из которых одна, к удивленному взору людскому, движется взад и вперед под исполненным тяжелой скорби дыханьем и горестным плачем отца их Борея.

Сказанному, лишь долгое время спустя, по непреложной воле Мойры Лахесис надлежало в Элладе случиться. Сейчас же многие пожелали уже повернуть обратно, в мисийскую землю, но тут из ревушего моря по воле никогда не дремлющей вещи Ткачихи вдруг Главк морской появился, мудрый глашатай божественной воли старца известного правдолюбца Неряя.

Никандр Колофонский поет, что Главк был возлюбленным Старца Морского Нерея и наставником Аполлона в прорицании. Когда бывший рыбаком и охотником юный Главк охотился на Орее (это самая высокая гора в Этолии), он поймал измученного погоней бессонного зайца, отнес его к ручью, потер прибрежной травой, и умирающий заяц вдруг ожил. Главк понял, в чем необыкновенная сила этой травы, отведал ее и стал боговдохновенным. Тогда по воле Зевса началась буря, и Главк вместо того, чтобы убежать от взволнованной ветром зыби, по воле старой лишь обликом Мойры Лахесис в пучину, бурлящую бросился и с тех пор живет там, и прорицает.

Вверх сейчас Главк приподнялся по пояс с косматой главой из ревушей пучины, прочный корабль за корму схватил могучей рукою, остановил на волны высоком гребне и так зычно воскликнул:

– Я тут, проплывая, услышал, что вопреки великого Зевса желанью, вы в город Ээта хотите везти героя Геракла, хотя по воле Мойры Лахесис доля иная давно ему суждена. Для царя Эврисфея в Аргосе, изнемогая, он должен двенадцать подвигов совершить и жить затем вечно сотрапезником между бессмертных, если сверх этих двенадцати он совершит и другие деянья славные. Поэтому пусть понятное ваше стремление найти друга и героя Геракла теперь всех вас все же покинет! Также и всем вам известному Полифему Мойрой назначено в устье Киосском дивный город в трудах возвести

для мисийского люда, славно жизнь потом завершив, в стране запредельной диких Халибов. В Гиласа же среброногие нимфы богини влюбились по воле улыбкалюбивой Киприды, породительницы сладких томлений и выбрали себе его мужем. В поисках долгих мальчика этого и отстали оба героя.

Молвил так Главк и, в воду нырнув, подхвачен был тут же сильной волною. Вихрем кипучим кружась, там, пеной покрывшись, вода потемнела, быстро долбленный корабль подняла и помчала по необъятному хребту широкодорожного моря. Радостно стало притихшим героям.

Тут поспешно к Ясону Теламон подошел, схватил его руку своею беспорочной рукою, обнял крепко, к себе прижав, и в волнении молвил:

– О, Эсонид! Вождь наш бессменный и милый друг! Не сердись на меня, если по горячечному неразумью я впал в заблужденье! Я сам огорчен и опечален немало дерзкою той и несдержанной своей речью. Но бросим на ветер эту ошибку и будем опять как прежде друзьями!

Сын русокудрый Эсона, посмотрев на всех честными голубыми своими очами, ему ответил разумною речью:

– Милый товарищ, конечно, меня оскорбил ты негожею бранью, всем заявив, что нарочно я бросил благородного мужа Геракла. Пылкая молодость, видно, ум твой в этот раз победила, но обычно ты не бывал легкомысленным иль неразумным. Я, хоть ровесник тебе, однако, в ответ не скажу обидного слова, даже столь оскорбленный. Ведь ты на меня

рассердился не из-за стада овечьего, не за имущества доли, а из-за нашего всеми любимого друга Геракла. Не остерегайся и впредь стараться быть справедливым, надеюсь, ты так же за каждого вступишься предо мною, коль нечто подобное вдруг еще раз случится.

Молвил так юный вождь аргонавтов, невинными синими сверкая очами, и все помирились и сели, кто где раньше сидел. Северный ветер могучий на влажных с льдинками крыльях по морю понесся, – лик его устрашающий скрыт под туманом седым, влагой борода тяжела и темные рваные облака на страшном челе; и крылья и грудь его в каплях замерзших. Этот ветер, непрерывно днем и ночью неистово дую, их корабль быстроходный уносил в лазурную даль все дальше и дальше.

166. Разные мнения об участии Геракла в плавании аргонавтов

Отставший от аргонавтов Геракл между тем, кулаками грозно тряся, всем миссийцам пригрозил громогласно:

– Знайте здесь все! Всю Мисийскую землю я оставляю совсем без юношей и мужей, коль участь Гила не будет раскрыта, где он находится, живой или мертвый.

И за Гиласа в залог Гераклу отобраны были лучших мужей сыновья, и клятвой они подтвердили, что никогда не прекратят искать здесь пропавшего Гила. Вот почему вопрошают киосцы доньне про Гиласа Феодомантова сына, и дальний Трахин опекают, дивно созданный город, в котором Геракл оставил юношей тех, что ему из Мисии в залог отданы были.

Антонин Либерал (перелагая Никандра) сообщает, что нимфы источника испугались, как бы упорный в поисках Геракл не нашел спрятанного ими на дне родника Гиласа, и превратили его в Эхо. Поэтому похищенный отрок на зов Геракла отзывался точно таким же образом, как тот кричал и притом кратко, повторяя одни окончания последних слов.

Несмотря на то, что Геракл приложил немалые усилия, он так и не смог найти Гиласа – ведь эхо нельзя отыскать.

Овидий поет, что некогда Эхо, как все нимфы, плотью была, а потом стала голосом только. То была заслуженная месть белокурой царицы Олимпа: едва лишь богиня пыта-

лась невест похотливых застигнуть и покарать, в горах с Зевсом часто в обнимку лежавших, их бдительная сестра наяда Эхо всякий раз ее отвлекала громкой предлинною речью, и те всегда успевали сбежать. Мстительная Гера, это однажды постигнув, нимфе Эхо так надменно сказала:

– Твой подлый язык без костей, которым меня ты столько раз обманула, впредь плоти лишится и власть над голосом потеряет свою, и речь твоя отныне станет очень короткой.

Делом богиня богинь тут же свои скрепила слова: теперь Эхо стало чадом эфира и голоса, только и может, что чужие умножать голоса и то, повторяя лишь самые окончания слов, которые слышала от других.

Между тем, упорный во всяком деле Геракл там, где отчетливо слышал эхо, оставил Полифема, чтобы тот все же попытался разыскать Гиласа, но Полифем умер, так и не найдя любимого отрока Амфитрионида. Гиласу же до настоящего времени приносят жертвы местные жители у одного источника: жрец трижды громко выкликает его имя, и трижды отвечает ему гулкое горное эхо.

Так, согласно Гигину и Аполлонию Родосскому, закончилось недолгое плаванье Геракла с аргонавтами. Герой – истребитель чудовищ уже знаменитый, но по-прежнему подневольный вернулся в Аргос, славный своими конями, чтобы продолжить тяжкую службу у Эврисфея.

Феокрит же уверяет, что Геракл, не найдя Гиласа, догнал аргонавтов, придя пешком в Колхиду, хотя другие говорят,

что ему помешала сделать это Гера, чтобы ему не досталась слава Ясона, к которому она благоволила.

Отец истории Геродот говорит, что в заливе Магнесии есть одно место, где, по преданию, Ясон и его спутники с корабля “Арго” во время плавания в колхидскую Эю за руном золотым покинули Геракла, отправив его за водой. Ведь отсюда они, запасшись водой, хотели выйти в открытое море. Поэтому-то это место и называется Афеты, и здесь-то через много лет флот Ксеркса бросил свои якоря.

Геродор говорит, что Геракл и не начинал вовсе похода, но находился тогда в рабстве у Омфалы, а согласно Эфору, попал к ней только после того, как покинул Арго.

Ферекид, Гелланик и Геродот рассказывают, что Геракл сошел на берег за водой или был оставлен у скал в гавани Афеты, в Фессалии, ибо сам говорящий корабль Арго (точнее вставленный в обшивку корпуса кусок священного донского дуба) провещал человеческим голосом:

– Здесь оставьте Геракла, не в силах я больше выносить его непомерную тяжесть.

Демарат же передает, что Геракл доплыл до самой Колхиды, а Дионисий Скитобрахион даже говорит, что он еще долго руководил аргонавтами, а после возвращения взял с них клятву взаимной верности и учредил Олимпийские игры, в которых все они приняли участие.

Диодор Сицилийский рассказывает, что, когда аргонавты собрались расстаться и возвратиться каждый на свою роди-

ну, Геракл посоветовал всем дать клятву выступить вместе союзниками, если кому-либо из них понадобится помощь. Также могучий герой предложил избрать место в Элладе для проведения состязаний и всеобщего праздника, учредив игры в честь величайшего из богов – Зевса Олимпийского. Герои дали клятву о союзе и поручили учреждение игр Гераклу, а тот избрал для этого место в стране элейцев, у реки Алфея, и эта местность стала называться Олимпией. Стяжав славу благодаря признанию, которым он пользовался у аргонавтов во время похода, Геракл прославился также благодаря учреждению Олимпийских игр и стал, таким образом, самым знаменитым среди эллинов. Заслужив всеобщее восхищение своей необычайной храбростью и военными дарованиями, он собрал сильное войско и прошел с ним по всей обитаемой земле, оказывая благодеяния роду человеческому, за что с общего согласия позднее удостоился бессмертия. Тем не менее, поэты в силу обычной для них склонности к вымыслам создали мифы, согласно которым Геракл совершил ставшие сказочными подвиги в одиночку и к тому же почти совсем обнаженным в одной львиной шкуре и с дубиной из дикой оливы.

Однако другие считают, что после Пелопа первые Олимпийские игры в честь Зевса были проведены повторно Гераклом после его окончательной победы над Авгием и Молионидами.

Такое разночтение у древних писателей о жизни и подвиги

гах Геракла характерно для всей античной мифографии, ибо мифы эти создавались народом на протяжении более, чем двух тысяч лет и потом уже почти три тысячи лет пересказываются. Поэтому можно удивляться тому, что эти сказания обычно лишь в мелочах не «стыкуются».

167. Гера придумывает 5-й подвиг: убийство Стимфалид

Гера долго нещадно ломала свою белокурую голову, пытаюсь придумать, как бы наверняка Геракла согнать с освещаемой солнцем земли и навсегда упрятать в ее преисподние недра, наполненные безжизненным мраком:

– Никак не могу придумать, как ненавистного пасынка мне наверняка погубить. Уж очень силой огромной его Мойра одела, ей это было необходимо для того, чтоб любое чудовище он победил. Но ради святой справедливости я буду стараться хотя бы, как можно больше страданий и мук ему принести так же, как он с матерью своей потаскухой мучиться и страдать меня заставляет. Помню, когда я узнала о измене Зевса с Алкменой Ткачиха мне сказала, что старанья мои часто тщетными будут, но я не должна рук опускать, ведь все мои козни уже предначертаны ею и потому неизбежны. И я буду стараться!

Тут, вспомнив о птицах ее нелюбимого сына Арея, царица звонко хлопнула себя по красивому лбу, так, что бриллиантовая диадема с ее пышных, но, как всегда, аккуратно причесанных рыжевато-белых волос, на пол с радостным стуком упала.

– Помню, хоть прошла уже не одна сотня лет, как Арес, мой сын не любимый, на своем острове Аретиада нашел

несколько птенцов неизвестной породы и сам выкормил их кусками тел воинов, погибших в бою. Зевсу очень не понравилась такая забота о пернатых, но он слишком поздно об этом узнал, и у птиц уже начали появляться медные и бронзовые клювы и остовы перьев, ведь Арей приносил части тел вместе со шлемами и доспехами, и они вместе с мясом клевали металл. Сейчас они, кажется, живут на болоте у давно знакомого мне города Стимфала и называются Стимфалийскими птицами.

Говорила так Гера своему милому сердцу, довольная своей прекрасной памятью. Разум бессмертных непостижим для людей: они могут вспомнить все, что пожелают, даже то, что случилось сто лет назад, и не желательные воспоминанья их не мучают никогда. Однако, не важные для них события, случившиеся более века назад, боги вспоминают с трудом, и потому Гера была довольна собой.

– Кажется, птиц этих сейчас так много, что даже сам Громовержец не смог бы всех их молниями испепелить. И у всех есть медные и бронзовые когти и клювы, и крылья, как стрелы. Да очень опасны для смертных они, когда с высоты роняют свои смертоносные перья... Все! Решено! Молодец, волоокая Гера! Хоть Афины называют все мудрой, но я не меньшая умница! Сегодня же ночью прикажу Эврисфею, чтобы послал Геракла убить всех этих чудовищных птиц, ведь сильно они досаждают жителям несчастным Стимфала. Даже, если непробиваемая львиная кожа защитит его от

бронзовых клювов и перьев, ему никогда не истребить всех этих птиц... И много лет в болоте он мучиться будет, пока случайно не сдохнет, пронзенный пернатой стрелой. И пусть стимфалийцы узнают, что именно я причастна к назначению этого подвига для Геракла, а значит, и к истреблению сильно досаждающих им чудовищных птиц. Может быть, из благодарности, они четвертый храм мне воздвигнут в дополнение к трем, что построил мой первый воспитатель Темен, сын Пеласга, он меня наставлял и многому научил, когда я еще совсем была девочкой. Ах, какое это было чудесное время. Брата Зевса уже тогда я любила, а он юношей был не женатым ни разу, с подбородком, покрытым самым первым пушком. Он был прекрасен, и я мечтала, что мы поженимся и кроме меня он никого никогда не полюбит. О, Мойра Лахесис, сколько пряжи тысячелетней с тех пор выпряла ты, и сколько из нее я изорвала бы и спалила, если б только могла, но я не всесильна, как ты!

Так молвив себе, Гера заметно утратила блаженное расположение духа, у нее на прекрасном лбу появилась даже морщинка, а в глазах тускло засветилась замешанная на гневной печали, которая в них была частой гостьей, и которую она тщательно скрывала от всех и, особенно, от мужа.

168. Эврисфей приказывает Гераклу изгнать птиц из Стимфала

Дождавшись ночи, Гера явилась к Эврисфею и все подробно объяснила ему:

– Сам Гераклу скажи или поручи вестнику своему лупо-глазому приказать Гераклу истребить ужасных птиц, обитающих на болоте у города Стимфала, и, чтоб ни одной в живых не осталось. Пусть хоть 10 лет там их без передышки стреляет! Как бы, невзначай, надо сказать, что именно я этот подвиг придумала для зевсова сына. Вроде дело не трудное, и, главное, очень нужное людям, ведь много уже и стимфалийцев, и путников разных от перьев губительных этих птиц там ранено и погибло.

Эврисфей в этот раз окончательно не проснулся и слушал вещанье богини в пол-уха, однако, усиленно делал вид, что слушает очень внимательно и прекрасно понимает, что царица задумала и как это все народу преподнести и что именно Гераклу сказать.

Утром, лежа в постели, царь долго тер свои длинные уши, думая, как о новом подвиге Копрею сказать и долго со своим сердцем беседовал так:

– Как бы мне не навлечь на себя яростный гнев свирепого Ареса, если я прикажу Гераклу всех его птиц истребить. Ведь Эниалий еще более буйный и раздражительный, чем

Геракл, и Геракл все-таки раб мой, а Арес – бог олимпийский. Надо Копрею сказать, чтоб он Гераклу приказал птиц этих не истребить, а только изгнать из Стимфала. Тогда кровью вечно запятнанный Арес мстить мне не будет... но Гера может быть не довольна, что я не точно исполнил ее повеленье. Как страшно жить! Можно, конечно, Гере сказать, что все Копрей перепутал, но обмануть ее очень трудно. Все ж, наверное, лучше перед, хоть и злокозненной, но умной и спокойной Герой оправдываться, можно даже ей всю правду сказать, ведь не убьет же, я ей еще нужен. А вот бешеный Эниалий, вечно бушующий неистовой злобой, и оправдаться не даст, если по моему приказу Геракл всех его птиц истребит, растерзает меня, как Адониса, иль Галлирофия, но эти хоть смерть свою заслужили: один был супруги любовником, а другой его юную дочь от Аглавры Алкиппу пытался изнасиловать. А вот службу своего Алектриона он превратил в петуха только за то, что юноша проспал его свидание с Афродитой... Да, решено. Прикажу Копрею, чтоб сказал Гераклу сколько сможет птиц истребить, а всех остальных изгнать из Стимфала, и чтоб ни одной там не осталось. И чтоб всем сказал, что этот подвиг для Геракла придумала сама Гера.

Поэтому, придя в Микены, Геракл узнал от глашатая Копрея:

– Пятым подвигом царь Эврисфей назначил тебе чудовищных птиц, обитающих недалеко от Стимфала убить, сколько сможешь, а всех остальных изгнать навсегда в места

столь отдаленные, что там они не будут людям опасны.

Копрей обвел выпученными своим глазами собравшийся на площади микенский народ и, набрав полную грудь воздуха, объявил всем громогласно:

– Подвиг этот для Геракла придумала сама златотронная Гера, самая любимая нами богиня богинь. Жалко ей стимфалийцев, ведь она маленькой в Стимфале жила, тем более что могучему Гераклу избавить людей от этих ужасных птиц будет не трудно и безопасно. Есть у него ничем непробиваемая львиная шкура и лук с множеством стрел. Ему не надо только лениться.

169. Смертоносные птицы Арея

Старожилы Стимфала рассказывают, что недалеко от их города на северо-востоке Аркадии находится болото, называвшееся Стимфалийским, со всех сторон окруженное густым труднопроходимым лесом. Некогда в этот лес неизвестно откуда слетелось много особенных птиц с бронзовыми клювами, когтями и остовами перьев. Этим необычным птицам очень понравилось труднодоступное Стимфалийское болото и густая лесная чаща вокруг него, и они там поселились и быстро размножились. Сначала эти чудовищные птицы убивали и поедали всяких болотных тварей, птиц обычных и разных животных в лесу, но вскоре дошла очередь и до людей. Еще у этих жутких птиц был зловоннейший запах и ядовитый помет, который портил урожай, надолго лишая нивы плодородия. Ужасным бедствием являются для людей Стимфалиды. При этом ужасные Стимфалийские птицы считаются священными птицами бога кровавой войны Ареса, который, как говорят, лелеял и вскармливал их в то время, когда отроком был.

Павсаний рассказывает, что, согласно древнему преданию, некогда у вод Стимфала жили страшные птицы, поедавшие людей: в пустынях Аравии водятся среди других диких животных также и птицы, которых называют Стимфалидами. Для людей они не менее опасны, чем свирепые горные

львы и леопарды. На тех, кто приходит охотиться на них, они нападают первыми, ранят их своими острыми, как стрелы, перьями и крепкими медными клювами и, раздирая острыми медными когтями, убивают. Все те медные или железные доспехи, которыми защищаются люди, эти птицы легко пробивают острыми перьями, сброшенными с большой высоты. Однако, если сплести толстую одежду, сделав ее из множества веток, то клювы Стимфалид застревают между веток и в древесной коре. Эти птицы величиною будут с журавля и похожи на ибисов, но клювы у них короче и не загнуты как у ибисов. Эти птицы, живущие в Аравии, носят одинаковое название с теми, которые некогда были в Аркадии, различаясь от них по своему роду. Возможно, что вначале арабы этих птиц называли не Стимфалидами. Но слава имени Геракла и превосходство эллинов над варварами заставили усвоить это имя, так что и птицы, живущие в пустыне Аравии, стали называться Стимфалидами.

На вершине древнего храма Артемиды в Стимфале изображены из дерева птицы Стимфалиды. Обильно кормясь и размножаясь, у аркадского города Стимфала, ужасные птицы развелись в невероятном множестве. Самые сильные и опытные охотники, вооруженные луками, пробирались на болото сквозь окружавшую чащу и пытались убить хоть сколько-нибудь Стимфалид, но птицы, услышав шум, взмывали в небо. Когда же большими стаями они поднимались в воздух, то, роняя перья, они производили самый насто-

ящий смертоносный ливень из перьев с полыми костями, твердыми как бронза и острыми как наконечники стрел. Перья – стрелы, летящие с большой высоты, вонзались в людей с такой силой, что легко пробивали любые доспехи. Стимфалиды были буре ужасной подобны иль тысячам молнии вспышкам, когда их смертоносные перья со страшным свистом вниз падали из облаков.

Один старик из Стимфала рассказывает, что днем Стимфалийские птицы были птицами, а по ночам превращались в демонических женщин с красивыми лицами и телами до пояса женскими, похожих на Гарпий с птичьими ногами. Скрывая в лунные ночи свои ноги под длинной одеждой, эти женщины заманивали одиноких путников в безлюдные места и там яростно набрасывались на них. Превратившись опять в птиц, они раздирали когтями путникам грудь, чтобы напиться свежей крови. Если человек не умирал сразу, то заболел лихорадкой, вызывая мор сначала среди родственников и соседей, а впоследствии захватывал все больше и больше людей, опустошая целые поселения.

170. Афина советует Гераклу воспользоваться трещотками

С трудом продравшись сквозь Стимфалийскую чашу к болоту, Геракл обнаружил, что птиц было действительно несметное множество, их невозможно было даже сосчитать. Он не очень боялся их перьев, надеясь на каменную шкуру Немейского льва. Однако надеяться всех Стимфалийских птиц перебить стрелами было бесполезно потому, что их было так много, что никаких стрел не хватило бы. Добраться до большинства птиц было тоже не просто: по болотной трясине человек пройти не мог, а воды в болоте во многих местах было недостаточно, чтобы воспользоваться лодкой. Кроме того, стрелять вверх, когда с немирного неба лился смертоносный дождь из перьев, твердых, как бронза, было очень опасно.

Когда герой, порожденный Зевесом, сидел в задумчивой нерешительности на берегу речки, впадающей в Стимфалийское озеро, сосредоточенно теребя свои низко нависшие надбровные дуги, по влажной дороге тяжело ступая, к нему явилась Тритония – божественная помощница не только его, но и многих других героев.

Богиня справедливой войны сначала молча вручила Алкиду пару бронзовых погремушек, а потом обратилась с такими обнадеживающими словами:

– Радуйся, отпрыск смертный Зевеса! Дело тебе сейчас

предстоит неосуществимое, если ты только на дерзкую силу свою рассчитывать будешь. Луком и стрелами многого ты здесь не достигнешь. На каждый твой выстрел из лука, Стимфалиды ответят тысячей стрел, и одна из них непременно отыщет прореху в непробиваемом каменнокожем доспехе твоём. Однако никакое дело не безнадежное, если в нём разумному герою сопутствуют такие могучие и мудрые боги, как я. Внемли же, от тебя ничего я не скрою. У своего вечно запятнанного кровью брата Арея я тонкой хитростью выведала, что его птицы очень боятся сильного шума. Этот подвиг тебе Гера придумала, думая, что он не выполнимый, ведь всех птиц перестрелять никому не возможно, да и очень опасно. Даже она, мать родная Ареса, не знает, что священные птицы её кровавого сына шума не переносят. Шуметь надо так сильно, как шумели своим оружием Куреты, когда Рея прятала родителя нашего Зевса от Крона. Другой же мой брат – знаменитый хромец обоногий по моей просьбе сделал вот эти бронзовые кроталы (погремушки) для устрашения Стимфалид, они шумят не хуже любого оружия. А эти медные трещотки я взяла на всякий непредвиденный случай у Реи-Кибелы. Возьми и те, и другие. Теперь ты знаешь, как поступить, чтобы прогнать этих птиц навсегда из Стимфала в места самые отдаленные, где они людям не будут опасны.

Закончив длинную речь, Афина скинула коринфский свой шлем с двумя высокими султанами и на её могучие, как у мужа, плечи пали волны пушистых русых волос. Геракл до

сих пор не видел в Афине женщины, да и не раз слышал о том, что она девственница, совсем не подвластная Афродите.

Герой невольно залюбовался ее прекрасными волосами, эллины вообще считали, что главная красота женщины именно в волосах. Потом его взгляд, ненадолго остановившись на ее красивом лице с большими навывкате глазами и прямым носом с горбинкой, скользнул по высокой сильной груди и восторженно замер на стройных бедрах, мощных, как у рожавшей женщины. Его откровенный взгляд раздевал богиню, никогда не знавшую ложа мужчины.

Паллада, заметив взгляд Геракла, недоуменно еще больше выпучила глаза и начала одежду на себе поправлять, ладонями провела по груди и по бедрам, думая, что в ее одежде что-то не так. Любвеобильный отпрыск Зевеса, попавший в объятия бога неистовой похоти Короса, понял это, как призыв к действию и так про себя думал:

– Все вы одинаковые и жены, и девы, и богини бессмертные. Сейчас мы проверим насколько ты не подвластна делам Афродиты. Нет женщин, мне недоступных. Я уже чувствую, какая у тебя необычайно крепкая грудь и как упруги твои мощные бедра. Не часто мне так везет, ведь ты еще и девственница!

Руки Геракла медленно потянулись к телу Афины, а вслух он начал так говорить:

– Благодарю тебя, бесценная в моих трудах помощница!

Нелегко мне пришлось бы без твоих мудрых советов. Но ты не только мудра, ты очень красива и очень нравишься мне, особенно прекрасны глаза твои совиные. Сейчас мы с тобой...

Тритонида по-прежнему недоуменно смотрела на подопечного ей героя, потом кустистые, как у отца ее черные брови внезапно нахмурились, и она сильно ударила кулаками его по рукам, но потом почесала горбинку на своем прекрасном носу и не без удовольствия молвила:

– Ты не первый мужчина, которому я нравлюсь, ведь я действительно очень красива. Только Гера и Афродита красотой соперничать могут со мной, но на состязанье я бы их победила, Ника везде сопутствует мне... Однако, слышать хвалу своей красоте всякая рада, а, если хвалят глаза, значит, остальное никуда нет годится или лгут беззастенчиво...

На лице богини внезапно появилось отвращение, и она, надев шлем и задрав высоко подбородок, с надменной брезгливостью возвестила:

– Остынь любвеобильный отпрыск Зевеса и руки ко мне никогда не протягивай больше. Разве не слышал ты, что сердце мое не свободно: оно с самого рождения отдано ремеслам и брани.

Гераклу показалось, что и так всегда выпученные глаза Афины от беспредельного высокомерия сейчас совсем вылезли из глазниц. Он опять видел перед собой не богиню-женщину, а бога – продолжение Зевса и мужского жела-

ния больше к ней не испытывал, одно досадное раздражение.

Афина уже все позабыла или сделала вид, что позабыла. Она, тревожно окинув исподлобья своими серыми немигающими глазами голубые просторы безоблачного неба, не сильно своим огромным копьём от земли оттолкнулась и, как большая серая птица плавно взлетела, стараясь не оставлять зримого в небе следа, по которому Гера ее могла сверху заметить.

171. Геракл изгоняет Стимфалид

Говорят, Геракл в шкуре Немейского льва, сев для большей безопасности под нависающим выступом горы Киллена, расположенной поблизости от огромного Стимфальского болота, стал сильно шуметь то гефестовыми погремушками, то трещотками, так любимыми его бабкой титанидой Реей – Кибелой, и поднялся страшный грохот. Шум, похожий на грохот многих мечей о панцири и щиты, так напугал птиц, что они, словно услышав душераздирающий вопль деревенского Пана, от которого даже безмолвные моря охают тяжело и горы, стали взлетать в паническом страхе с насиженных мест.

Обрадованный Геракл бросил трещотки и погремушки, и начал пускать в Стимфалид пернатые стрелы одну за другой, и ни одна мимо цели не пролетела. Однако птиц было так много, что, несмотря на его губительные стрелы, их стаи, казалось, совсем не редели. Они с истошными криками продолжали взмывать вверх и там начинали остервенело трястись, обрушивая с высоты даже не ливень из бронзовых перьев, а настоящий стрелопад, подобный смертоносному водопаду.

Геракла спасло то, что он был укрыт нависающим выступом горы, ибо несколько стрел из тысяч, сверху летящих, нашли бы в непробиваемой львиной шкуре изъяны – отверстия

для рук иль для глаз.

Герой, любящий вспоминать свои подвиги, своим юным спутникам, которые всегда вокруг него увивались, потом так рассказывал о встрече со Стимфалидами:

– Когда неисчислимые стаи тех птиц взмыли вверх, мне показалось, что яркое солнце на небе исчезло, словно на землю опустились вечерние сумерки. Так же, как волны прибоя морского о берег скалистый непрестанно бьются одна за другою, гонимые ветром; в море сначала высоко они вырастают, потом, наскочив на прибрежную землю, с грохотом страшным дробятся. Так непрерывно одна за другою все новые и новые стаи птиц ко мне устремлялись и обрушивали на меня медные перья, которые ударялись о спасительный выступ горы и в стороны разлетались. Я бросил лук и последнюю стрелу на землю, руки у меня бессильно обмякли – не дубиной же биться со Стимфалидами. Однако отчаянье лишь на миг меня охватило, сдаваться я не привык, не по мне это дело. Я схватил трещотки и погремушки опять и что есть силы стать грохотать и трещать, и Стимфалиды, объятые страхом, бурно прочь устремлялись. Я грохотал до тех пор, пока всех их не прогнал навсегда из Стимфала.

Некоторые утверждают, что Геракл, боясь случайного попадания губительных перьев, из-под уступа не высовывался и совсем не стрелял в этих птиц, но сразу прогнал их шумом бронзовых кроталов и медных трещеток.

Другие говорят, что Геракл многих птиц перестрелял, а,

когда кончились стрелы, остальных прогнал грохотом трещоток, и они в страхе улетели на далекий необитаемый остров Ареса в Понте Эвксинском (Черное море Гостеприимное), где стали питаться исключительно морской рыбой, которая водилась там в изобилии.

Согласно Аполлонию Родосскому, сын Алея Амфидамант пловцам за дающим всеобщее счастье и процветание золотым руном, так говорил:

– Геракл не смог, когда в Аркадию прибыл всех птиц одолеть, живущих на озере Стимфалийском. Взяв трещотку медную в руку и ею быстро махая, Геракл гремел с высокой скалы. В испуге и с криком птицы в небо взвились, и прочь улетели оттуда.

Амфидамант это рассказал после того, как отважные пловцы на «Арго» увидели птицу Ареса, новую жилищу острова в Понте Эвксинском, вдруг вверху над собою. Птица сбросила перо заостренное, и оно пробило мышцу левой руки Ойлея, и тот раненный выронил с криком из рук весло. Тогда Амфидамант многоумный, подумав, как мог, вернее сказать – вспомнив, что на болоте сделал Геракл, предложил друзьям шлемы скорее надеть с торчащими кверху гребнями, всем пополам разделиться, одним грести продолжать, другим на палубе копьа установить и под щитами вместе с гребцами укрыться, а после всем дружно как можно громче оружием греметь. И всем аргонавтам сразу очень понравился замысел этот и, как только они сделали все это, так

устрасенные птицы прочь от «Арго» устремились. Так пример лучшего друга Геракла помог аргонавтам избежать верной гибели от Стимфалид.

172. Гера за Стимфалид натравливает на Геракла Ареса

Волоокая Гера, увидев, как пасынок расправляется с птицами Ареса, прогоняя их неистовым грохотом трещоток, всегда красивые дуги своих бровей сильно нахмурила, сдвинув их к переносице тонкой.

– Не ожидала я такого исхода событий. Пифия объявила 10 подвигов пасынку за 12 лет совершить и этот, видно, «истратила» я понапрасну. Не знала я, что Стимфалид так просто с насиженных мест можно изгнать. И наказать Геракла, по справедливости, не за что. Да, птиц он не убил, а только прогнал, но вины его в этом нет, и Город Стимфал он от чудовищ избавил. Вот, если б они не на безлюдный остров, а в другой хорошо населенный город перелетели, вот тогда подвиг этот Эврисфей не зачел бы. Это все проделки старой Ткачихи, все у нее предусмотрено и неизбежно и с ней невозможно бороться. Но как Геракл догадался заранее взять на болото трещотки? Наверное, дело тут не обошлось без Афины или Гермеса. А, если и так, то можно ли считать, что они совершать этот подвиг ему помогали? Да и свидетелей нет. Как все не складно. Надо мне сначала успокоиться, а потом уж подумать, что дальше делать.

С невольной досады царица Олимпа до крови прикусила губу и, сморщив нос недовольно, подошла к огромному ши-

ту, висящему на стене в ее с божественным вкусом обставленной спальне и, глядя в его полированную медь, долго любовалась собой. Так богиня давно научилась улучшать себе расположение духа и сейчас она себе ласково сказала:

– Даже сейчас, со сморщенным носом, я все равно очень красива. Мои пышные белые кудри с бесподобным золотистым отливом всегда безупречно расчесаны, а все знают, что именно в волосах таится большая часть неизъяснимой прелести женщины. И глаз таких больших и красивых нет ни у одной бессмертной богини, даже у Афродиты, которую все считают образцом красоты – потому-то меня зовут волоокой, а не ее. Об Афине нечего даже и говорить – у нее вечно выпучены глаза, как у мерзкого филина. А ведь именно через глаза, в которых заключена вся тайная женская прелесть, красота проникает в душу людей и в сердце богов. А как кожа моя чиста и упруга, без изъяна малейшего, как у недавно родившегося ребенка; это потому, что я, как женщина, не доступна пороку и как царица, всегда справедлива.

Сердце Геры всегда начинало петь и смеяться, когда она медленно облачалась в наряды или умащивалась благовонными натираниями или просто, как сейчас, без помех любовалась своим отражением.

– Однако, что же делать с нечестивым Гераклом. Не следует мне, хотя бы, из любви к справедливости, так просто сдаваться. Чтобы не сделать совсем тщетным труд мой в подвиге пасынка пятом, пусть хоть сын мой Арей и Геракл, оба

очень нелюбимые мною, между собою сразятся и хотя бы поранят друг друга в драке жестокой.

Царица богов тут же, как порывистый ветер, метнулась к меднодоспешному сыну и нашла его спящим в обнимку с какой-то женщиной незнакомой; оба были обнаженные, и вокруг них амвросический сон разливался.

Гера стала в изголовье у сына и, прикрыв левой рукой очи стыдливо, правой его за длинные волосы дернула сильно и сурово сказала голосом низким:

– Все беспутные ночи во сне проводить с малознакомыми смертными девками подобает ли могучему богу? Быстро встань Эниалий! Мой неистовый сын быстрее собирайся, или зря тебя называют Олимпа защитником и оплотом?! Живо на помощь своим птицам приди, истребляет в Стимфале их сын нечестивый Алкмены.

Гера тяжело вздохнула и с по-прежнему прикрытыми ладонью глазами, поспешила удалиться, чтобы не видеть наготы нелюбимого сына, зачатого ею без участия Зевса.

Арес же быстро вскочил и с налитыми кровью глазами в пурпурный хитон облачился, а сверху плащ свой, запятнанный кровью, набросил. Затем к могучим ногам подошвы прочно приладил, шлем и панцирь одел, на плечо щит водрузил, меч на пояс повесил и копьё схватил в мощную руку.

Не глядя по-прежнему на крепко спящую деву, Арес выскочил во двор и бросился к искусно отделанной серебром колеснице железной, в которую были запряжены его бес-

смертные кони – бородатого дети ветра Борея и безжалостной Эринии Алекты, никогда не знающей отдыха. Их недаром звали Блеск, Пламя, Шум и Ужас. Бурные, они, разогнавшись, как обычные кони, уже не скакали по земле и по хребтам беспредельного моря, а над ними, как огромные черные птицы, летали. Злобные глаза озверелых коней бешено блестели, из их зубастых пастей с шумом вырывались дым и пламя, а все вместе наводило цепенящий ужас на смертных. Арес с плеча неистово стал сразу хлестать бичом по спинам коней, и с места они поскакали высоко и со скоростью дивной понеслись по дороге, а вслед за ними, высунув красные языки огромные черные собаки бежали и коршун с клювом загнутым, крепким летел.

173. Афина не позволяет Аресу сразиться с Гераклом

Кони Арея мчались Зефира и Нота быстрее, под копытами застонала земля, камни и брызги песка из-под медных колес, бурными фонтанами взлетали вокруг. Увидев на дороге одетого в львиную шкуру Геракла, неспешно идущего с дубиной и луком на плечах, Арес, взвизгнув как женщина, издал воинственный клич и, подзывая собак, схватил в руку копьё.

Тут бессмертным коням бога кровавой войны путь преградила Афина, бросив огромное копьё перед ними. Кони резко остановились, встав на дыбы, подбежавшие яростные собаки, готовые рвать зубами все живое, сбились в рычащую кучу, коршун, привыкший терзать печень героев, с клекотом опустил на руку Арея.

Сдвинув темные кустистые брови недобро, под знаменитым шлемом коринфским, Афина процедила нелюбимому брату сквозь зубы:

– Слушай меня внимательно, Арес, ярый твердынь сокрушитель, брат мой, всегда залитый чужой кровью! Оставим-ка мы без внимания и птиц Стимфалийских, и героя Геракла, нашего с тобой смертного брата и в разные стороны ныне разойдемся без боя. Ведь он часть совсем небольшую твоих птиц уже перебил, а остальных прогнал на даль-

ние острова и сделал все это он по приказу царя, которому служит, а также по велению Мойры и по воле родителя великого нашего. Так, что ярость свою, неумную Арес, укроти, ибо тебе не судьба Зевсова сына Геракла сегодня повергнуть. Брань свою лучше уйми, если не хочешь прямо сейчас сразиться со мной и потом опять долго у Пеана лечиться! Не забывай, что в отличие от тебя я с рождения владею бранным доспехом.

Афина провела быстро пальцем по мощной горбинке на переносице своего прямого прекрасного носа и задиристо посмотрела серыми выпуклыми глазами на брата. Арес же, успокоив беснующихся собак, посмотрел на сестру взглядом, полным бешеной злобы, и ответил ей грубым голосом, то и дело срывающимся на визг:

– Всюду ты лезешь, совоокая сука бесстыдная! А еще сестрой называешься! Вечно мне противницей выступаешь и пику огромную свою нагло на меня поднимаешь! Не буду из-за смертного брата, прогнавшего моих птиц, я с тобою нынче сражаться, им и на острове в рокочущем море будет не хуже. Но ты в другой раз берегись – из засады собою с надменной твоей головы я этот шлем ненавистный, тебя обессилю, и сама будешь потом тяжкую рану у Пеана долго лечить! Ведь не всегда за тобой будет реять Ника – Победа и устраивать тебе пышный праздник!

И бог вероломной кровавой войны, хоть с угрозами, но уступил богине войны справедливой без боя, ведь не раз

она его уже побеждала. Развернув ярых коней, Арес умчался, окинув презрительным взглядом подошедшего смертного брата, и вслед за ним свора им любимых собак устремилась.

Геракл, провожая облако пыли, поднятое колесницей Ареса, недоуменно спросил у Афины:

– Ведь это был Арес, большой оружия любитель? Зачем ты остановила его, могучая дочь Громовержца, ведь, наверняка, он хотел из-за своих птиц со мною сразиться? Я же не слабосильный и сам за себя могу постоять.

Афина посмотрела своими серыми глазами навывкате на смертного брата и надменно сказала:

– Необузданный ты Алкид, самоуверенный и очень упрямый! Какой бы ни был Арес, но он бог олимпийский, а ты и бессмертным ни в чем уступить не желаешь! Напрасно ты так уповаешь на свою необорную силу, однажды и она может тебя подвести. Сегодня же не судьба тебе с Ареем сразиться. Если же такое время наступит, я сама дам тебе доспех и копье, ибо с богом войны нельзя с одной дубиной сражаться... Да, если кто-нибудь тебя спросит, как ты догадался взять на болото кроталы, скажи, что во сне Мойра сама тебе подсказала.

Афина на прощание сморщила нос и совсем презрительно искривила тонкие губы, как будто кругом дурно пахло и, оттолкнувшись от земли своим огромным копьем, взмыла вверх, с воем разрезав застоявшийся воздух. В этот раз не

пыталась она скрываться от Геры, ведь Арес все равно все ей расскажет. Так не начавшись, закончилась в этот раз встреча Геракла с богом вероломной войны кровавым Ареем.

Златотронная Гера, прекрасные сузив глаза, наблюдала как бесславно уехал Арес, вслед за ним и Афина, копьем оттолкнувшись, умчалась. Тут она увидела, как по дороге ведущей из Стимфала в Коринф спешно промчался элидский владыка Авгий, и от его грязной колесницы вверх поднималось зловоние. Опущенные уголки губ царицы задорно поднялись – новое задание для Геракла зародилось в золотисто-белой ее голове.

174. Гера придумывает шестой подвиг трудный и позорный

В очередную ночную встречу с Эврисфеем, Гера надменно высказала ему свое неодобрение:

– Я не довольна тобой, Эврисфей! Почему Гераклу было приказано изгнать, а не убить Стимфалид? Ведь не трудно даже твоим скудным умом было понять, что изгнать их намного проще, чем убить. Стимфалиды – не вепрь, которого легче было убить, чем живым захватить...

Царь намеренно втянул голову в плечи и вслух сказал, добросовестно заикаясь:

– Богиня великая самая и самая справедливая! Меня ты бранишь не напрасно, за дело бранишь ты, виноват я в том, что глашатая своего не проверил, понадеялся на него. Это все лупоглазый Копрей перепутал, думает много он не о порученном деле, а о том, чтобы видели все, что он Пелопид и к тому же красавец. Теперь я его так изругаю, что он позабудет кто его предок! Впредь буду заставляя Копрея мне подробно докладывать обо всех его разговорах с Гераклом.

В мыслях же Эврисфей себе совсем другое довольно сказал:

– Как правильно я все рассчитал. Пифос и глашатай не раз еще меня от неминуемой кары спасут.

Царица богов пока и не думала наказывать царя – он был

ей еще нужен, да и вины его в том, что случилось не было, и не потому, что глашатай все перепутал, а потому, что подвиг изначально был задуман ею не верно, ведь всех птиц не возможно убить и не только потому, что их слишком много, но и потому, что они с крыльями, а требовать невозможного от героя – не справедливо. Изругала же она царя лишь затем, чтобы знал свое место и служил ей впредь более ревностно и, главное, точно исполнял каждое ее слово.

Сверкая при свете факела дивной своей диадемой, строго Эврисфею богиня богинь приказала:

– В качестве следующего труда отправь Геракла чистить от навоза авгиевы конюшни. Много там за 30 лет его накопилось – ведь Авгий на широкодорожной земле самый богатый скотовладелец из смертных. Я видела на дороге, ведущей из Стимфала в Коринф, как он куда-то спешил на грязной повозке, от которой сильно воняло навозом. Скоро весь Пелопоннес пропитается этим запахом для носа не выносимым. Хорошенько запомни все очень точно: всю работу сын фиванской блудницы должен сделать за один только день, а не растягивать это дело на все оставшиеся годы службы. Если опять что-нибудь перепутаешь, или перепутает твой глашатай, то я не его, а именно тебя накажу – зренья лишу, как Тиресия иль языка, как нимфу горную Эхо.

Последние слова Геры прозвучали подчеркнuto грозно, и у царя от такой речи богини уже по-настоящему отвисла нижняя челюсть, от цепящего страха он даже речи дар рас-

терял.

Довольная Гера, светло засмеявшись, небрежно потрепала длинное мясистое ухо царя и примирительно возвестила:

– Не бойся Эврисфей, я пошутила, даже самые могучие боги любят хорошую шутку, но все же лучше бы тебе впредь не ошибаться, а то на самом деле уши тебе так надеру, что они станут еще больше, чем у Мидаса, которому Феб за несправедливый суд уши хорошенько надрал.

– Все я понял, богиня богинь! Прикажу Гераклу очистить весь скотный двор у Авгия за один-единственный день. Я от всего сердца восхищаюсь твоим великим умом – ведь никак невозможно высокие горы навоза, скопившегося от тысячи лошадей, коров, свиней и овец за 30 лет убрать за один день... А что мне делать после того, как твой пасынок не справится с этим заданием? Как его наказать? Просто подвиг не засчитать или как-нибудь посерьезней? Боюсь, что мне одному, хоть я и царь Арголиды, это сделать будет не просто – уж очень он телом силен и не обуздан бешеным нравом.

– Об этом, любезный, не беспокойся. Сама работа будет для него истинным наказанием. Ведь унижительно делать работу, которую выполняют обычно только рабы. Надо сделать так, чтоб поразительная весть о его позоре худая Осса разнесла по всему свету. Поэтому, давая Гераклу задание, пусть соберет Копрей побольше народу, и мое имя в этот раз пусть не упоминает, и так обо мне лишнее говорят, скажешь ему, что сам подвиг этот придумал.

175. Эврисфей приказывает очистить от навоза конюшни Авгия

И вот Копрей, глядя вокруг своими выпученными глазами и длинными махая руками, уж громким кличем собирает на микенскую площадь народ:

– Собирайтесь люди скорее на площадь. Перед вами сегодня сам царь немаловажную речь желает сказать. Он будет говорить о море – страшной болезни, идущей к нам из Элиды и как нам благополучно этого мора избежать.

Много людей, возбужденных звонким кличем Копрея, собралось на главной площади города, долгое время бывшего главным во всей Арголиде. Вскоре появился и сам царь, облаченный в длинный пурпурный плащ, со скипетром в правой руке. Он, забрался на услужливо подставленную Копреем скамейку, внимательно оглядел площадь и обратился к народу:

– Слушайте, микенцы длинноволосые и низкоподпоясанные микенянки, что пред вами сегодня я объявлю! Знаете все вы сколько в Элиде у царя эпеев Авгия, сына солнечного титана навоза скопилось, ведь он самый богатый из смертных скотовладелец, и уж 30 лет никто многочисленные его конюшни не чистил. Зловоние стоит вокруг, мор уже пришел из Элиды в Аркадию и продолжает распространяться по всему Пелопоннесу, и скоро доберется до нас, если не принять

правильных мер. Поэтому я, заботясь о жителях всего Пелопоннеса, и об Арголиде особенно, прикажу сейчас могучему Гераклу, силу и доблесть которого вы все хорошо знаете, очистить скотный двор Авгия от всего навоза. И самое главное – он не должен затягивать это дело, ведь откладывают его уже 30 лет.

Микенцы и микейнки дружными криками одобрения встретили речь Эврисфея. Царь довольно оглядел площадь своими усталыми, водянистыми, как у старика, глазами и, огладив рукой длинные жидкие волосы, обратился уже к Гераклу, поглядев на него одновременно и подчеркнуто доброжелательно, и строго:

– Приказываю сделать, любезный Геракл, всю работу у Авгия, о которой я сейчас говорил, за один день. Понимаю, что для обычного человека это не просто, но, и сам ты хорошо понимаешь, что надо! Видишь, граждане кричат, что больше ждать не желают. Да и человек ты не обыкновенный – ты сын истинный Зевса, усыновленный Амфитрионом, и потому должен справиться. Один день тебе даю на дорогу в Элиду и один день обратно. Значит ровно через 3 дня ты на этой площади при людях доложишь мне иль Копрею о том, что весь навоз, давно покрывший толстым слоем земли Авгия, лежит уже не в конюшнях и не на скотном дворе, а в дальних полях, где он никому не мешает иль вывезен в море.

Потом, оглядев площадь, Эврисфей опять громко обратился к народу, стараясь, чтобы все его слышали:

– Граждане Микен безупречные! Расскажите всем, что ни вонни ужасной, ни тем более страшного мора на Пелопоннесе, и тем более у нас в Арголиде, не будет! Ведь расчистка зловонных конюшен Авгия мною поручена могучему Гераклу, герою, небезызвестному в нашей славной Элладе. Не должен он нас всех подвести и не справиться с порученным делом.

176. Авгий и его стада

Авгий (блистающий) был царем Элиды, славной древней Олимпийской святыней и был, как говорят одни, сыном бога солнца Гелиоса и Гермиды, по утверждению других, – сыном Колебателя земли Посейдона, а по иным, – сыном Лапифа и Орсиномы или сыном заносчивого кулачного бойца Форбанта, но все сходятся в том, что он владел самыми большими стадами животных среди смертных людей.

Авгий был царем племени элейцев, живших поблизости от элидских городов Эфира и Писы. Часто Авгия называют владыкой эпеев, однако некоторые говорят, что племя эпеев было враждебно Авгию. Он был настоящим евпатридом. По величине стад и табунов, дарованных ему отцом, Авгия следует считать сыном венчанного огнем Гиперионида, ибо он был самым богатым смертным скотовладельцем на земле, а Титан златояркий имел коров и быков больше всех в этом мире.

Говорят, по милости божественного родителя скот Авгия никогда не болел и хорошо размножался. Никто не знает точно сколько всего у него было скота, но многие уверены, что у него было триста пятьдесят (по числу основных дней в году) белоногих быков и коров с белыми спинами и черными головами и с белыми отметинами на лбах и столько же краснопородных, рыжих и пестрых коров и быков, всего 14 сотен

обычных быков и коров с белыми отметинами на лбах.

Кроме того, в каждом из четырех стад у него было по двенадцать прекрасных серебристо-белых быков, соответствующих лунным месяцам, но посвященных его отцу солнечному Титану. Эти 4 могучие дюжины необычайно мощных и свирепых быков с огромными острыми рогами надежно защищали стада Авгия от нападения самых свирепых зверей, живших на окрестных лесистых холмах. Было у Авгия и несколько табунов лошадей, а также бес счета свиней, коз, овец и прочей мелкой живности с крыльями.

Геракл, получив шестое задание, заметно приуныл и с большим негодованием говорил своему племяннику милому Иолаю:

– Будь проклят этот царственный недоносок с большими ушами! Как я ненавижу его! Если бы ты только знал это благородный мой Иолай! Как сильно и возвышенно тебе я люблю, так же сильно, но низменно его ненавижу. Ну, что за неслыханный подвиг такой придумал, этот ничтожный уродец?! Меня просто всего распирает от справедливого гнева! До сих пор были ужасные чудовища, люди жестоко страдали от них, и потому мне была от них благодарность и добрая слава... А теперь он решил заставить меня возиться в воючей грязи... Да, кто ж назовет это доблестным подвигом? И потом – как можно столько навоза убрать за один только день?!

На этот раз предстоящая работа вызывала у Геракла толь-

ко злобное чувство к поручившему ее царю, и он, брови до предела нахмутив и надутые губы выпятив криво, так сам себя распаяя, любимому племяннику говорил:

– Этот мерзкий уродец, видно, решил поиздеваться всласть надо мной. Когда Молва тысячеустная разнесет дурную славу об этом подвиге, то люди будут показывать на меня руками и смеяться как над презренным рабом иль слабосильным слугой без роду и племени... Эх, если б не возвещающий волю Зевса Феб-Аполлон, определивший мне 12 лет служить у этого скипетроносца – пигмея, одной рукой, как птенцу, шею ему набок свернул бы... Ох, Иолай, мой мальчик прекрасный! Ты думаешь, что никакой страх совсем мне не ведом, что Геракл, любимый твой дядя – великий, бесстрашный герой. Тебе одному, мой милый, я скажу вполне откровенно, что больше всего на свете худой молвы я страшусь и думаю, что не напрасно – ведь слава дурная быстро к человеку приходит. Зла изворотливей и пронырливее Молвы на свете трудно найти: жметса она стыдливо в сначала, оставаясь никому неприметной у самого праха, но потом быстро взлетает, как хищная птица, аж до самого солнца, тогда уже мощно шагает она по земле, голова ее скрывается в тучах. Поднять славу худую человеку очень легко, но нести ее тяжело даже герою и избавиться от нее ох как не просто. И не пропадает бесследно дурная молва, что в народе витает: как ни суди, но Молва бессмертная тоже богиня.

Иолай же, влюбленными глядя на дядю глазами, чтобы его

успокоить, ему отвечал голосом безмятежным:

– Не бывает зла без добра. После очистки Авгиевых конюшен, а я верю, что ты это сделаешь, и уж тогда ты не будешь бояться ни дурной Оссы, ни осквернения своего прекрасного тела никакими нечистотами, как герой величайший. И потом знаешь ты сам, что нет позора ни в какой работе: позорно безделье.

Геракл на словах согласился с возлюбленным племянником, но все равно не хотел не только начинать безнадежное дело, но и встречаться с элидским царем. Авгий был участником плавания аргонавтов, и Геракл про него Иолаю так говорил:

– Он запомнился мне, как муж хитрый, осторожный и жадный. Никогда первым он не вызывался идти на опасное дело, хотя и не отказывался, если принуждала всемогущая необходимость. А вот имущество свое, это я хорошо помню, он всегда хитро прятал и за все плавание ни разу ничем ни с кем не делился.

177. Совет Афины по очистке конюшен Авгия

Всю ночь Геракл скакал из Тиринфа мимо Микен и Стимфала, промчался, словно ветер по счастливой Аркадии и ранним утром, когда рано рожденная Эос, восстав со своего нетленного ложа в глубине океана, растопырила в небе свои розовые пальцы, был в Элиде. Когда он слез со взмыленного коня и с низко опущенной головой побрел по берегу полноводного Алфея, пред ним, как всегда, внезапно возникла воинственная Дева, никогда не знавшая брачного ложа.

Блестящим доспехом на утреннем солнце сверкая, в шлеме высоком коринфском и с копьем знаменитым в не поженски могучей руке, Афина по – приятельски плечом подтолкнула Геракла и ядовито воскликнула:

– Радуйся могучее чадо Алкмены и Зевса – владыки из всех наивысшего! Пред тобою Афина! Что приуныл, все страдаешь от неразделенной мною любви? Непричастная я делам Афродиты, но слышала от других, что кто уныл, и мрачен, того в любви ждет неудача. Выше голову герой! За любовь свою надо бороться! Говорят, чем больше препятствий, тем она пылает сильнее. Или уж разлюбил меня, не успев как следует влюбиться?

Геракл знал задиристый, драчливый характер Афины, но не ожидал от нее такого ехидства. Он не знал, что ей отве-

тить, но знал, что ссориться с нею не в его интересах и потому лишь махнул неопределенно рукой и молвил:

– Эврисфеев глашатай сказал мне за один день все конюшни Авгия от навоза очистить.

– И ты не знаешь, как лучше взяться за это пустяковое дело? Этот труд измыслила Гера, думает, что она на Олимпе самая умная и невозможно за один день конюшни Авгия очистить.

– Дочь многомудрая Зевса-Кронида! Ты права, как всегда. По поручению злокозненной мачехи издевается надо мной Эврисфей. Ведь никак не возможно за один день убрать столько навоза, что и за 30 лет один человек не вывезет, работая от зари до зари каждый день... Но, даже, если б навоза было немного совсем, не хочется мне в нем ковыряться, очень зловония много. Знаю, что нет позорных работ, но все равно эта унижительная работа не для меня. Что мне делать теперь я не знаю...

– Ладно, так и быть, опять тебе помогу, но ты хорошенько запомни, что для тебя главное – это божественная моя благосклонность, не имеющая к любви никакого отношения. К порученному тебе подвигу надо с умом подойти, тогда и конюшни за день очистишь, и навозная вонь тебя не коснется. Что не знаешь – как? И сила твоя необорная не помогает? Я тебя об этом предупреждала. Ладно, вот, посмотри, как умело работают эти зверушки.

Концом копья указала улыбающаяся богиня на крепкозу-

бых бобров, старательно делавших запруды из заготовленных ими бревен на самой длинной на Пелопоннесе реке.

– Сделай запруды, как эти бобры и разбери кладку в нескольких местах крепкого забора, окружающего скотные дворы Авгия и направь туда воды Алфея и Пенея, чтобы бурлящие их потоки смыли весь навоз из конюшен на поля и дальше в море... Ну что молчишь? Радуетесь, что тебе не придется даже руки в навозе испачкать? Радоваться надо другому – что я к тебе пока благосклонна.

Пораженный простотой выполнения подвига, который казался и позорным, и почти невозможным, Геракл на некоторое время словно застыл с высоко поднятыми бровями.

178. Во время ссоры Афина угрожает Гераклу

Придя в себя от изумления, Геракл хлопнул по своим бедрам могучим и живо воскликнул:

– Право же, богиня великая, твои советы меня так восхищают, что не найти сразу слов благодарности! Со мной говоришь ты так мудро всегда, словно отец; никогда я твоих не забуду советов. Я хочу прямо сейчас принести тебе жертву и послать за белым барашком и черной овечкой...

– Не задерживай нынче меня, тороплюсь я в дорогу. Не желаю, чтобы Гера увидела нас вместе. Да, еще чуть не забыла... Впрочем, нет, не буду тебе говорить, что важного у Феба узнала, тебе это знать еще рано...

– Нет! Ты должна мне сейчас же сказать, что еще ты важное знаешь!

Закричал Геракл повелительным тоном, синими сверкая глазами из-под низких бровей.

Афина, уже взявшаяся за свое огромное копье, чтобы мощно им от земли оттолкнуться, резко повернула к Гераклу голову в шлеме, увенчанном двумя высокими султанами перьев. Сдвинув темные ресницы так, что ее округлые совиные глаза превратились в узкие щелки, а взгляд ее стал ужасным, змеиным, голосом страшным надменно Афина загрохотала Гераклу:

– Замолкни сейчас же, Алкид! Ты так и не усвоил урока! Запомни на будущее – Я никому ничего не должна, даже Зевсу. И тебе я до сих пор помогала не столько потому, что меня об этом отец попросил, сколько потому, что считаю несправедливыми козни Геры, ведь ты ей ничего плохого не сделал, если не считать того, что на свет появился. Поэтому помогая тебе, я восстанавливаю справедливость, как богиня войны справедливой. Но ты не забывайся, Алкид и всегда в разговоре со мной следи за своими словами, я не допущу несправедливого к себе отношения, и ты не просто лишишься моей благосклонности. Помни: я не только помогать героям умею, но и наказывать могу их жестоко, ведь поле организованной брани – мой удел, предназначенный самой Мойрой.

Так сказав, глаза свои светлые Зевса могучая дочь презрительно прочь отвратила, а в руках сжала копье свое боевое, тяжкое, крепкое; им она избивала надменных героев, ее гнев на себя навлекавших.

– Дочь Эгиоха-Кронида, прости мне мою невольную дерзость! Спутницей мудрой была ты мне во многих свершениях, многим полезным вещам благожелательно ты меня научила. И сейчас мне твоя благосклонность, как воздух, необходима.

Геракл знал, что Тритогея вселяет благоговейный ужас во всех нечестивцев и негодяев, дрожь во всем теле рождая и заставляя их от мучительного страха трястись. Он не испугался воинственной богини, но ответил как можно более

почтительно, глядя на Афину безукоризненно честными голубыми глазами, а про себя, стараясь скрыть свои мысли, так злобно подумал:

– Ты, сестра, не только в делах Афродиты холодная. Надменная ты, язвительная, задиристая и жестокая. Даже вид у тебя не женский, а грозный, мужеподобный. Думаешь, если ты ростом всех богинь превосходишь и не женские у тебя плечи, а как у могучего бога, то меня ты сильнее? В этом ты ошибаешься, но нельзя мне с тобой ни мериться силой, ни ссориться, потому что тут ты права, без твоей благосклонности, без твоей помощи трудно будет еще целых 5 тяжких подвигов мне совершить. Вот и сейчас, без тебя я не смог бы придумать как проклятые конюшни от вонючего навоза очистить!

Афина, увидев ревностную почитательность в глазах Геракла, гнев справедливый тут же сменила на милость. Страшный блеск в ее выпуклых не мигающих совиных глазах потух, и она примирительно изрекла:

– Ты узнаешь о том, что я тебе мудро сейчас не сказала, после десятого подвига. Сейчас же это знание может принести тебе лишь дополнительные страдания.

– Как ты мудра Тритогея!..

Мощно оттолкнувшись копьём от земли, богиня, никогда не знавшая ласки мужчины, не стала слушать своего смертного брата и, словно быстрая птица, круто взмыла к блестящим ложбинам Олимпа – нетленной обители бессмертных

БОГОВ.

179. Заключив договор с Авгием, Геракл очищает конюшни

Геракл же поспешил к Авгию, который, увидев его взмахнул приветливо обеими руками и радостно закричал:

– Радуйся Алкид! Сколько раз, когда в солнечную плыли Колхиду мы вспоминали о доблести твоей неизменной и силе невероятной и сокрушались, что тебя больше нет с нами. Вернулись бы в Миссию мы за тобой, если б не пророчество о твоей доле, которое нам открыл Главк морской. Я сейчас прикажу пышный пир нам устроить, а ты пока расскажи с чем пожаловал – дело у тебя ко мне какое или просто верное сердце велело тебе проведать старого друга?

Царь элейцев был наслышан о подвигах Геракла и потому не удивился львиной шкуре на одном его плече и нестроганой суковатой дубине на другом.

– Радуйся Авгий! Всегда приятно со старым товарищем встретиться, но сейчас пришел я по делу. Хочу избавить тебя от навоза, который толстым слоем лежит на твоём скотном дворе и в конюшнях. Ведь нельзя людям в таком зловонии жить.

Так сказал отпрыск Зевса, сцепив крепко пальцы, без особого дружелюбия. Авгий заморгал часто глазами своими красивыми и лукавыми, сразу не зная, что ответить, и Геракл, сморщив нос и, помотав головой, продолжил, не до-

ждавшись ответа:

– Ни для кого не секрет, что уже 30 лет у тебя навоз из конюшен не вывозили. Старики говорят, что мор ужасный скоро начнется: язва сначала овец поразит, затем скот рогатый и лошади перестанут на травы глядеть и полягут, а потом и люди начнут тяжело болеть. Харон в своем утлом, но емком челне устанет перевозить нескончаемые толпы бывших людей.

– Да, знаю и сам я, что многочисленные конюшни мои давно нуждаются в чистке и для этого я деньги коплю, и накопил уж не мало, чтоб нанять сразу работников много. Если бы ты согласился стать над ними начальником, тебе назначил бы я в первый месяц плату двойную, а потом бы поднял еще выше.

Сказал Авгий, по-прежнему часто хитроватыми моргая глазами – он, будучи сам очень хитрым, такими же считал и других и пытался догадаться, что на самом деле задумал Геракл. Герой же, услышав о плате, внезапно тоже задумался, но ненадолго и, потеряв мощные ладони одна о другую, словно они вдруг зачесались, живо воскликнул:

– А сколько бы ты заплатил тому, кто уберет весь навоз со всех твоих конюшен и хлевов за один только день?

Авгий только хмыкнул в ответ, не воспринимая этот вопрос серьезно. Однако Геракл ждал и тогда он ответил небрежно:

– Я бы дал ему столько, сколько он сам захотел бы, но,

к сожалению, сделать всю работу за один день никак невозможно.

– А вот я бы попробовал убраться весь навоз со всех твоих скотных дворов за один только день, если бы ты дал мне за это десятую часть всего твоего скота.

Авгий поднял темные брови, правильными дугами нависавшие над лукавыми глазами и, недоверчиво усмехнувшись полными сочными губами, задумчиво согласился:

– Хм... что ж, давай попробуем, мой старый друг и товарищ. Думаю, если ты поработаешь у меня один день, то я ничего не потеряю.

По предложению Геракла, он позвал своего старшего сына Филея, чтобы тот стал свидетелем их договора.

– Поклянись, что, если отец тебе пообещает десятину всего своего скота, то ты закончишь всю работу до наступления темноты.

Хлопнув в ладоши, потребовал задорно Филей, который, несмотря на беспечную молодость, пользовался заслуженной славой честного и справедливого человека. Давно ему не нравилось стоявшее кругом зловоние, а про невероятные подвиги Геракла он многое слышал. Сын Громовержца руки могучие кверху простер и торжественно поклялся:

– Клятвой великой клянусь, именем всемогущего Зевса, из богов наивысшего, что сделаю всю работу за один день, до того, как солнце окончательно спрячется в море.

Многие, подобно Плутарху в «Римских вопросах» гово-

рят, что это была первая и последняя клятва, которую Геракл давал в своей жизни потому, что он всегда потом говорил:

– Ложно пред богом никогда я клясться не буду, но все же достойнее и лучше держать свое слово без всяких клятв.

Впрочем, есть и такие, которые утверждают, что Гераклу случалось давать и другие клятвы. Например, через много лет, он поклялся, чего бы это ему не стоило, страшно отомстить братьям Молионидам за поражение его войска в первой битве с Авгием и его сыновьями.

Пока же Авгий по требованию предусмотрительного сына Алкмены дал такое же обещание, что выполнит его условие, т. е. отдаст десятую часть всего своего скота. Честный Филей был свидетелем клятв отца и Геракла и клятвенный договор заключил между ними.

В этот момент самый могучий и злобный бык по кличке Фаэтон, вожак двенадцати мощных серебристо – белых быков, охранявших белое стадо, грозно замычав, наклонил рогатую голову и медленно пошел на Геракла, наверное, приняв его за льва из-за накинутой на плечи желтой шкуры Немейского зверя. Геракл, ничуть не испугавшись, подпустил Фаэтона совсем близко и, быстро ухватив его за крутые рога, поднатужившись, пригнул и повалил на землю, чуть не сломав ему могучую шею, которую не могли обхватить и два человека.

– Осторожней, не сломай ему шею, этот бык лучший во всем моем белом стаде!

Крикнул перепуганный Авгий, он готов был даже на Геракле повиснуть, но тот уже отпустил быка, после этого ставшего смирным – животное почувствовало огромную силу героя.

Как только договор был заключен, Геракл несколькими ударами своих мощных рук разрушил в нескольких противоположных местах старую каменную стену, окружавшую все хлева и конюшни. Затем, сделав из выбитых камней, валявшихся кругом палок и бревен, скрепленных землею, запруды и прорыв совсем небольшой канал, он повернул поблизости текущие реки Алфей и Пеней. Бурные потоки, устремившись через скотный двор, начисто вымыли его и понеслись дальше, смыв весь навоз с загонов и с близлежащих пастбищ в долине.

Так Геракл совершил порученный подвиг за один день, без выполнения унизительной и грязной работы он вернул многодарной земле плодородную жизнь и не испачкал навозом даже мизинца и было это, по Паросской табличке в 1300 г до н. э.

180. Авгий отказывается выполнять договор

Некоторые говорят, что меж многочисленных слуг Авгия оказался один, который был двоюродным племянником глашатая Эврисфея Копрея. От дяди он узнал, что Гераклу Эврисфей приказал очистить конюшни его хозяина раньше самого Амфитрионида. Слуга этот, как гомеровский Терсит, каркать стал, празднословный, в мыслях имея корыстный помысел, как выслужиться перед Авгием и за это мзду получить, всякую презирая пристойность.

Другие уверяют, что в дело вмешалась волоокая Гера. Она, оставаясь незримой для всех, кроме Авгия, явилась к нему с бриллиантовой диадемой в пышных бело-рыжих волосах – символом царской власти у женщин и строго ему приказала:

– Не вздумай, царь, Гераклу платить! Ты ничего не должен сыну Алкмены потому, что по велению Эврисфея он был обязан очистить твои конюшни бесплатно. Все его подвиги быть должны бескорыстными. И потом, ты сам видел, что всю работу по очистке конюшен совершили Потамы Алфей и Пеней, доблестные сыновья моих приемных родителей Океана и Тефии.

Когда Авгий узнал от племянника Копрея или от Геры, что его конюшни были очищены по приказу Эврисфея, он

не отдал условленной платы, решив, что так будет не только выгодно, но и справедливо.

– Геракл бессовестно меня обманул, а еще старый товарищ, ведь почти половину пути в Колхиду он с нами плыл на Арго! Хитрец этот заранее знал как, в навозе не пачкая рук, за один день очистить все мои хлева и конюшни. И все это зная, попросил за легкую такую работу десятую часть от тысяч голов, а это одних быков и коров без шести полторы сотни, а еще лошади, свиньи, козы и овцы и разная пернатая живность! Разве это справедливая плата за один день работы?! Нет, этому не бывать, чтобы хитрому обманщику честный платил! Никто не должен выполнять договор, если в нем был скрыт коварный обман одной из сторон. Вот тебе и старый товарищ! Я всегда так хорошо к нему относился, а он просто хитрый грабитель!

Так сначала всем говорил возмущенный Авгий, однако потом, чтобы не прослыть лжецом, нарушающим клятвы, он иначе стал говорить:

– Я вообще ничего не обещал в качестве платы за эту работу. Да и кто бы пообещал десятую часть всего скота, а у меня только коров и быков 1448 голов, за один день работы?! А у меня еще и свиньи, и козы, и овцы... Это ли не доказательство того, что нищий Геракл, желая завладеть моим имуществом, все нагло лжет, видно надеется на свою силу и прежнюю славу.

Некоторые, даже знавшие о договоре Авгия с Гераклом,

приняли сторону царя, посчитав, что Амфитрионид, по сути, обманул царя при составлении договора, ибо несправедливо за однодневную работу просить сотни голов скота.

Другие, зная вероломство царя, насмешливо качали головой, и тогда, увидевший это, Авгий, надув бесстыдно-жадные губы, так обратился к Гераклу:

– Сколько ни доблестен ты, сын прекрасноволосой Алкмены и славного Амфитриона, в споре со мной не упорствуй! Тебе меня не склонить к выплате десятины, ибо я узнал, хоть и поздно, что мои конюшни ты должен был даром очистить. Если желаешь, пусть суд справедливый спор наш рассудит.

При этом царь думал, что Геракл не решится с ним судиться, иначе на суде всплывет то, что он должен был очистить его конюшни бесплатно, как раб, по приказу царя Эврисфея. Грозно взглянув на Авгия, разозленный герой, и без того низкие брови нахмутив, сжал и разжал несколько раз огромные свои кулаки так, чтобы это Авгий увидел и медленно процедил:

– Ты царь, облеченный в бесстыдство, коварный душою корыстолюбец! Кто захочет с тобой теперь заключать договоры? Не из-за десятины я спорю, а говорю так потому, что всегда Адикия мне была ненавистна, как ненавистны врата преисподней.

Своему же милому сердцу Геракл, продолжая сжимать кулаки, так про себя говорил:

– Такие, как этот Авгий правды не знают и понимают толь-

ко грубую силу. Может поднять мне дубину сейчас и в разные стороны разбросать всю охрану и жизнь исторгнуть из его тела одним ударом моей суковатой дубины? – Нет, нельзя. Все сочтут нечестивым убийство такое и кара будет суровой... А может плюнуть на плату и уйти, как пришел – гордым и нищим? – Нет, надо, попытаться хоть что-нибудь получить от Авгия. Как противно быть бедным! Да, мне следует сейчас согласиться на суд, ведь его сын Филей – единственный свидетель нашего договора, и он честным слывет человеком.

Геракл, скрепя сердце, потому что ему вспомнился суд над ним за убийство учителя Лина, на суд с Авгием соглашается.

181. Авгий после суда изгоняет Геракла и своего сына Филея

– Поскольку спор дошел до судбища, свидетелей зовите, очевидцев и, уликой испытайте истину и клятвой. У истины, как у меня, всегда простые речи, она чужда прикрас и пестроты, и внешние ей не нужны опоры.

Так искренним тоном Авгий всем говорил, надеясь на лживые показания милого сына Филея. Царь так же требовал, чтобы разбирательство велось при закрытых дверях.

– Нет, пусть суд будет на площади, при всех желающих видеть нас и слышать. Если мы дурного ничего не совершили, то и скрывать нам нечего!

Твердо возразил отпрыск Алкмены и бога всемогущего только, чтобы что-то сказать назло Авгию и потом об этом сильно каялся. Третьейским судьям понравилось его предложение, и вот они при большом скоплении народа уселись в высокие кресла и вызвали Филея, и тот, выступив в качестве свидетеля, под присягой сказал:

– Авгий отец мне, но я выступлю против него и буду говорить только правду, ибо кто в показаньях на суде с намереньем лжет и неправо клянется, тот, справедливость разя, в первую очередь себя самого наказывает жестоко. Слышал я своими ушами, как отец согласился отдать Гераклу плату в десятую часть всего имеющегося скота, если тот за один

день весь скотный двор от навоза очистит.

Судьи еще не успели решить кто из спорящих прав и свой голос подать, как разгневанный Авгий, воспользовался царской властью и, подскочив к сыну, брызгая слюной, в ярости ему крикнул:

– Хоть ты и сын мне, но замолчи, не надо на суде так беззастенчиво лгать и так с отцом разговаривать нагло. И не смей здесь один на скиптроносных царей нападать! Нет божественной рода, нежели мы – Зевса питомцы: он сам владык избирает, им доверяя блюсти города и единолично править народом. Зевс избавь элидских людей, чтоб после моей смерти не стал здесь ты царем, хоть по рождению право имеешь на это.

Видно было, что Авгий был разгневан тем, что сын предал отца, а не тем, что Филей подрывал основы царской власти, но признаться в этом, даже себе, ему было стыдно, и судьям он так заявил:

– Всю правду как есть от меня сейчас вы услышите. Правдолюбив я всегда был и честен душою, лгать совсем не умею потому, что справедливость для меня дороже всех благ на свете. За мою неистребимую любовь к справедливости Зевс, из властителей величайший, скипетр, символ могущества царского, мне в Элиде доверил. Пусть, если лгу, я тут же на месте умру. Истинно я утверждаю, что Геракл почти ничего сам не сделал, ибо всю основную работу выполнили реки Алфей и Пеней. Он только несколько камней выбил из

кладки своей мощной рукой и вырыл небольшую канавку. Так за что и кому я должен платить такую огромную плату?!

После этой пламенной речи Авгий не стал ждать решения судей и потребовал, чтобы Филей и Геракл сейчас же убирались прочь из Элиды.

Этот суд дорого обошелся Гераклу. Скоро вся Эллада узнала, что великий Геракл требовал огромную плату за работу, которую сделали речные боги Алфей и Пеней. Конечно, об этом узнали Гера и Эврисфей, и царь после десятого подвига не зачтет Гераклу очистку конюшен Авгия и ему придется рабскую службу продолжить.

Клавдий Элиан говорит, что у Кавкона, сына Посейдона и Астидамии, дочери Форбанта, был сын Лепрей. Он посоветовал Авгию сковать цепями Геракла, когда тот стал требовать плату за свои труды. С той поры Лепрей и Геракл заклятыми стали врагами.

– Если сейчас не воздал мой отец – Олимпиец за такое гнусное дело, все же позднее он воздаст обязательно, или же сам я воздам, как только стану свободным! За обман Авгия и за тот суд, справедливости чуждый, заплатят мне все – и элейцы, и эпеи, – свободой жен, сестер и детей, а сами мужи головами своими заплатят!

Так перед тем, как удалиться из Элиды бесславно, скрепя от бессилия всеми зубами, с обезображенными искривленной улыбкой губами, говорил Геракл всем, кто на пути попадался. И такие слова, упражняя злобу и мстительный дух,

не раз еще в последующей рабской жизни повторял про себя крепкодушный отпрыск Кронида.

182. Геракл, помогая Дексамену, убивает кентавра Эвритиона

Изгнанный отцом Филей удалился на остров Дулихий и поселился там.

Геракл же, проведя месяц в Микенах, так и не дождался нового приказа и отправился погостить в Олен к царю Дексамену, у которого была красавица дочь зеленоглазая Мнесимаха с длинными рыжими волосами. Набирающий славу герой застал царя в то самое время, когда Дексамен оказался вынужденным выдать свою рыжеволосую дочь за буйного кентавра Эвритиона. Об этом диком похотливом кентавре, не умеющим наслаждаться вином, давно по копытам слава дурная ходила. Во время пира у лапифов по случаю женитьбы их царя Пирифоя на [Гипподамии](#), на который были приглашены и кентавры, он был сильно пьян и долго бесчинствовал, пока это для него не окончилось плохо.

Гомер поет, как вред большой от вина получил кентавр многославный Евритион во дворце Пирифоя, отважного духом, в гости пришедши к лапифам. Вином повредивши рассудок, он нехорошее дело свершил в Пирифоевом доме, схватив Гипподамию, стал одежды с чужой невесты срывать. Гнев справедливый героев объял, вскочили они, потащили вон его через сени и гибельной медью кентавру толстый нос отсекли и волосатые уши. А он от этого, повредившись рас-

судком, прочь ускакал, унося в руках и плоды своего ослепления.

После битвы Геракла с кентаврами, раненый упавшим деревом безносый Эвритион бежал и был вынужден еще долго скрываться чащобах лесных. Но не зря говорят, что спесивых и дерзких и время не учит. Еще не успели раны на морде и теле рубцами покрыться, как дикий кентавр опять взялся за старое. Увидев однажды зеленоглазую красавицу Мнесимаху за высокой дворцовой оградой, он почувствовал приступ похоти зверской и хотел тут же ее и похитить. Однако сбежавшиеся на крик оленской царевны слуги и рабы окружили кентавра плотным кольцом и не дали ему с рыжеволосой девой на четырех копытах умчаться. Тогда Эвритион, конскими сверкая глазами, нагло царю стал угрожать, толстыми причмокивая губами:

– Я жених красавицы Мнесимахи и хочу ей стать мужем, а тебе Дексамен – зятем. Если же ты не отдашь мне в жены свою дочь по-хорошему, то недолго останется тебе жить на освещенной солнцем земле, я подстерегу тебя в засаде и убью.

Когда испуганный Оленский владыка пожаловался на Эвритиона Гераклу и попросил его помочь, тот с удовольствием согласился – ведь один кентавр ему не противник, он сражался с целыми табунами двуприродных чудовищ и победил. Настроенный решительно герой дождался очередного посещения чудовищного жениха, прискакавшего, как всегда

пьяным, за юной невестой, в сопровождении дикой ватаги кентавров.

Выйдя кентаврам навстречу, с отведенными назад плечами и выпяченной вперед грудью, грозно сказал Геракл, обращаясь к Эвритиону:

– Прочь сейчас же убирайся, безносый разбойник – жених! Поспеш, пока тебя еще носят живого копыта. И забудь навсегда к Мнесимахе дорогу, иначе пожалеешь, что остался живым тогда, на Фолое. Надеюсь, ты, хоть без ушей, но услышал меня, ведь второй раз слов на ветер бросать я не буду!

Только сейчас пьяный Эвритион узнал героя, погубившего на горе Фолое большинство его родичей. Свирепое сердце кентавра ярая месть разожгла и, попав во власть гнева, он начисто забыл о том, почему у него нет ни ушей, ни носа и, рот толстогубый разинув, заорал громогласно:

– Вспомнил я только сейчас из-за кого большинство моих милых сородичей, расставшись с обоими своими телами, совсем бесплотные порхают в мрачных пустотах Аида.

Потом, оглянувшись, на своих четырехногих товарищей, он сказал:

– Ведь, это он нас сначала нагло ограбил, медосладкое выпив наше вино, а потом еще многих убил из своего ужасного лука. Сейчас, негодяй, сам к постыдной смерти готовься! Братья, давайте прибьем его камнями и стволами деревьев, словно мерзкую муху, жить нам мешающую!

Вне себя от гнева, кентавр вырвал с корнем громадную

сосну и, медленно размахивая ею, словно огромной дубиной, впереди двуприродных сородичей, яростно двинулся на Геракла.

Сокрушивший многим колени герой, по ярости и отваге был подобен дикому вепрю, который в горах, обернув назад щетинистое рыло при бегстве от быстрых собак и охотников, вдруг легко рассыпает всех своими загнутыми клыками по кустам и ущельям. Так и могучий Геракл, необорный сын Алкмены и Зевса, ринувшись против кучи кентавров, знаменитой дубиной своей из дикой оливы их раскидал и рассыпал.

Эвритион, размахнувшийся огромной сосной, остался один. Амфитрионид от удара этой немалой сосны сумел легко увернуться, ибо слишком тяжелым оказалось сырое дерево даже для мощных рук двуприродного существа. Пока Эвритион размахивался сосной, чтобы ударить второй раз, Геракл, подбежав к нему близко, ударил своей дубиной по рукам человеко-коня, и сосна с грохотом и треском упала на землю, чуть не придавив вечно пьяного жениха. Герой, по силе сравнимый только с богами, отбросил дубину из дикой оливы и, схватив кентавра за горло, задушил его, что было совсем не трудно, ибо Эвритион был намного слабее Немейского льва.

На пире, устроенном Дексаменом в честь Геракла, победитель Эвритиона смотрел на зеленоглазую Мнесимаху не менее похотливо, чем побежденный кентавр, только чув-

ственный взгляд свой старательно прятал от гостей и, особенно от хозяина. Отпрыск Зевеса тайно от всех крепкой душой сокрушался:

– Почему этот Дексамен, не такой радушный, как Феспий, почему он не предлагает мне всего на одну только ночь прекрасную рыжеволосую Мнесимаху с такими дивными зелеными глазами и грудью высокой такой и упругой? Ведь спася его от чудовищного зятя и где же мне заслуженная награда? Не напрасно меня Арета на перепутье предупреждала, что люди не благодарны.

В это благословенное время молодой герой, находящийся в начале сияющей дороги Славы, еще не чужд был справедливости и стыда и просидел весь пир красный от своих тайных мыслей, и Мнесимаха, выйдя замуж за сына Аркада и Эрато [Азана](#), подарила мужу чудные плоды своего милого целомудрия.

183. Эврисфей пожелал для своего стада дивного Критского быка

Седьмой подвиг, заключающийся в том, чтобы поймать знаменитого своей красотой и свирепостью Критского быка, Эврисфей после долгих раздумий придумал для Геракла сам, ибо Гера давно не посещала его в сновиденьях и в его ежедневных молениях не только не давала никаких приказаний, но и не отвечала. Напрасно дни пролетали, складываясь в недели, и тогда он сам решил вызвать Геракла и отдать ему новый приказ и даже распорядился заранее снарядить крепкий корабль многовесельный с хорошо обученной командой. Таким образом, царь разрешил сыну Алкмены привлечь спутников для выполнения этого подвига, а про себя, обо всем этом он так думал:

– Конечно, дивного цветом и необыкновенно красивого статью быка на Крите Геракл, должно быть, поймает легко, и подвиг будничным этот мною будет «истрачен» напрасно. Но время идет, а богиня безмолвствует, а потом может меня изругать, что я сам не выдумал новый подвиг Гераклу. И потом, если потребуется, перед Герой я смогу так оправдаться: я не засчитаю ею пасынку очистку конюшен Авгия, ведь он взялся работать за плату и, самое главное – ему не просто помогали Алфей и Пеней, они за него сделали всю большую работу... А бык..., о, говорят, это настоящий кра-

савец! Не зря Минос его спрятал и не стал жертвовать Посейдону. Покровительнице своей Гере преподнесу его в дар, а, если вдруг откажется она от подарка такого, а я уверен, что именно так и будет, то в моем стаде для него достойное место найдется. Славных быков от него мои коровы родят, лучших во всей Элладе.

Некоторые говорят, что этого быка Посейдон некогда выслал из зыбей моря по следующей причине: зевсов сын от Европы Минос, когда захотел стать царем всех 100 городов Крита, встретил большое сопротивление граждан. (Этот Минос скорее всего был внуком Зевса и сыном легендарного царя-законодателя Миноса). Тогда он стал, голосом, притворно правдивым, громогласно утверждать, что царскую власть должен получить по воле богов. Желая придать своим словам больше убедительности, Минос заявил, что любая его просьба-мольба к богам непременно исполнится. Когда Минос приносил жертву Посейдону, он взмолился о том, чтобы из необъятных глубин лазурного моря появился бык, и дал при этом обет принести его в жертву богу водной стихии, и его мольба была исполнена. Пораженный необыкновенной красотой и удивительной мощностью появившегося из волн ослепительно белого быка, Минос спрятал его среди других быков на своем пастбище, а в жертву Колебателью земли принес обыкновенного белого быка из своего стада.

Разгневанный подменой чудесного быка, которого люди прозвали Критским, царь глубинного мира решил покарать

Миноса необычно, ведь и Минос не просто похитил быка, а подменил его хитро. Он упросил Афродиту послать своего сына Эрота поразить стрелой в сердце жену Миноса Пасифаю (Всем светящая), дочь Гелиоса и океаниды Персеиды так, чтобы она влюбилась в утаенного мужем быка. Киприда и сама давно питала затаенную вражду к Гелиосу и всему его солнечному потомству и потому тут же сына призвала и ему молвила:

– Покоривший всю землю и море, и бездонное небо сын мой, чье ярое пламя разит самого Громовержца, всепобеждающей силы взыскую твоей, от коей и сама пламенею, чтобы оружием своим, содержащим огонь плодородный, матери просьбу узнав, исполнил, как сыну то должно. Не о преступном прошу, и мое не порочно желанье, также не в тягость тебе, хоть и тягости ради матери ты одолел бы. Меня Землеколебатель, своим прерывистым дыханием спокойное море тревожа, вчера очень просил Миноса наказать необычно... Царь этот критский на Пасифае женат, дочери Солнца. Знаешь ты, что Гелия я давно не люблю за то, что он, сверху все видя, потом об увиденном не в меру болтает, он рассказал моему первому мужу Гефесту о моей измене с Ареем и обрек меня на позор и посмешище. И потом его дочь Пасифая дерзко со мной красотой спорить пыталась, глупая. Сделай же так, чтоб молодая Крита царица зажглась безудержной страстью к красавцу быку ослепительно белобокому, которого утаил Минос от Посейдона.

Всегда резвый и озорной крошка-бог громко засмеялся в ответ, матери любимой лукаво кивнул головой и тут же, разрезая чистейший светоч эфира, как стрекоза, вооруженная изящно изогнутым луком, на сверкающих крыльях помчался на Крит.

Эти легкие прозрачные крылья, беззаботно отвергнутые некогда сыном Неря красавцем Неритом, оскорбленная Афродита подарила своему любимому сыну Эроту, а самого сына Неря в моллюск превратила. Впрочем, мудрые не раз изрекали, что не Любовь летает, а влюбленные, и ваятели и живописцы только по невежеству окрыленным Эрота представляют.

184. Дивный бык, в которого Пасифая влюбилась

Когда Пасифая любовалась чудесным быком в ее сердце неслышно вонзилась выпущенная Эротом кипарисовая стрелка с острым зазубренным крючком на конце, и она почувствовала, что этот дивный бык милее ей всех мужчин на свете. Пылкое сердце в груди у нее от охватившего мимолетного счастья сначала зашлось, потом царицу охватил душливый стыд и страх цепенящий, ведь не в человека она страстно влюбилась, а в животное мощное, к тому же острыми рогами увенчанное.

Впрочем, некоторые говорят, что не Эрот был виновником любви Пасифаи к быку, а частые супружеские измены Миноса. Однажды они настолько рассердили гордую Гелиаду, что она с помощью сведущей в колдовстве своей сестры Кирки заколдовала мужа: стоило ему возлечь с женщиной, как извергнутое им семя превращалось в скопище ядовитых змей и скорпионов, которые тут же набрасывались и убивали его соложницу. От этой напасти Миноса смогла излечить только дочь Эрехтея [Прокрида](#). Когда появился удивительный бык, Пасифая решила из супружеской мести с ним Миносу изменить.

Лицом Пасифая была очень красивая, с еще молодыми зелеными глазами, ее статное, гибкое тело было телом впол-

не зрелой женщины. Сквозь тонкий пурпур льняной ткани были видны округлые полушария пышной груди с выпиравшими большими коричневыми сосками, тонкая талия, как у амфоры, плавно переходила в округленные бедра, уже родившие от Миноса Акала, Акакаллиду, Ариадну, Андрогей, Девкалиона, Катрея, Главка и Федру. Она также родила Кидона от Гермеса и ливийского Аммона от Зевса.

Критяне говорят, что и после столь многочисленных родов критская царица считала себя самой красивой и гордилась своей красотой. Не Афродита, с которой Пасифая дерзко спорила красотой и ей не свершала священнодействий, и не Каллона, а сама природа не поскупилась для нее и в полной мере излила невыразимую прелесть на ее лицо, а также на все ее дивное тело. До 30 лет она не пользовалась ни румянами, ни маслами, драгоценной тесьмой пушистые кудри не перевивала, но природной красотой она всех поражала.

Красавица-царица не долго терзалась и мучилась, с дерзким высокомерием, не знавшим предела, сказав своему влюбленному сердцу:

– Я не такая как все смертные женщины. Своей необычной любви нисколько я не стыжусь: мой беспомощный стыд сбежал, как воин трусливый из кровавого боя. Я женщина особенная, самая красивая, и мне можно все то, что для других под запретом. Захочу и стану бычьей подругой, ведь он тоже особенный среди быков, он так могуч и прекрасен, каким не бывает ни бык обычный, ни мужчина. Ах, как мне хо-

чется сочетаться безоглядной любовью с выдающимся этим быком, самым красивым на свете!

Кидонцы говорят, что, Пасифая, словно обезумев, безудержно стремилась к быку, его бычий вид женского стыда в ней совсем не будил, ей не была помехой ни царская честь, ни супружеский страх перед мужем, – только на этого быка желали глядеть ее красивые глаза, ставшие совсем бесстыжими от такой непотребной любви. Дошло до того, что она даже женскую ревность испытывала и телок бичом гнала прочь от красавца-быка.

Воспылав преступной страстью к необыкновенному быку, царица попросила искусного мастера Дедала сделать для нее полую деревянную корову такую, чтобы она с ее помощью могла удовлетворять неестественную свою потребность. Внук Эрехтея и сын Метиона сделал такую корову из клена и обтянул ее белой шкурой, снятой с настоящей коровы. Не только люди не могли заметить изъяны в корове Дедала, но и сам дивный бык не почуял подмены и, взбравшись на корову, в деревянном теле которой согнувшись в пояснице на руках и коленях Пасифая стояла, покрыл ее через дырочку.

Через 9 месяцев Пасифая родила от быка чудовищного Минотавра (Бык Миноса), который желал питаться только человеческим мясом. Чтобы скрыть позорящий его плод преступной страсти супруги, Минос по совету оракула в Дельфах приказал построить для Минотавра подземный дворец-лабиринт. Человекобык, надежно запертый в Лабиринте,

ринте, построенном Дедалом в критской столице Кноссе, пожирал тела чужестранцев, а также 7 афинских девушек и 7 юношей, присылаемых на Крит в качестве дани за убитого сына Миноса и Пасифаи Андрогейя. Так продолжалось до тех пор, пока чудовищного Минотавра не убил могучий Тесея, сын трезенской царевны Эфры, зачатый ею в одну брачную ночь от чернокудрого Посейдона и бездетного афинского царя Эгея.

Энносигей, наказывая, таким образом, Миноса, рассчитывал, что правнук Зевса, безмерно страдая, будет стараться искупить свою вину богатыми жертвами, принося ему ежемесячно целые гекатомбы отборных белых быков, однако он так и не дождался особого почитания у Миноса. Тогда властелин самой бурной стихии разъярил Критского быка, и тот, как бешеный, сначала принялся опустошать посева местных жителей, а когда те попытались поймать его, убил нескольких человек. Несколько опытных охотников, в сопровождении слуг и рабов, устроили на него большую облаву, чтобы убить его, но он сам убил многих из них, заколов огромными острыми рогами или затоптав мощными ногами. С тех пор к этому быку с ослепительно белой шкурой боялись близко подойти, даже с копьями и мечами. Немногие уцелевшие в той облаве рассказывали, что в толстой белой шкуре быка, как в коре могучего дуба, застревали наконечники стрел и дротов, не принося ему ощутимого вреда, а его сокрушительная атака была подобна Девятому валу, все сметающему на сво-

ем пути.

185. Геракл пленяет Критского быка

Прибыв на корабле чернобоком на солнечный Крит, священную родину Зевса, Геракл встретился с его внуком Миносом, таким же могущественным правителем ста городов, как и его сын от Европы и молвил почтительно:

– Радуйся, о, царь благодатный, внук великого Зевса! Да умножат все сто твоих городов своих граждан! Я прибыл к тебе за тем, чтобы по с заданию арголидского царя Эврисфея поймать необычного быка белоснежного цвета, которого люди прозвали Критским. Помощи, кроме телки, не знавшей ярма, никакой я не прошу, а лишь прошу твоего разрешенья стреножить вашего красавца – быка, дивного белым цветом и особенной статью и отвести его к Эврисфею.

– С искренней радостью это я тебе разрешаю, Геракл, сын Зевса могучий. Делай, что хочешь с этим быком, веди его в Арголиду и назад не надо его возвращать, достаточно погулял он на Крите. Однако, справедливости ради, должен тебя честно предупредить, что все, кто пытался этого особенного быка поймать или убить, сами в мрачные недра земли против воли спустились и там навечно остались.

Геракл не любил рисковать понапрасну и, как всегда, подошел к делу основательно, составив подробный план поимки необыкновенного не только красотой, но и огромной силой быка. На большой травянистой поляне, где часто видели

это животное, он привязал к толстому дубу толщиной в три обхвата прочную веревку со скользящей петлей и прекрасную белую телку тонкой веревкой и побежал по следу быка, оставленному в мягкой почве. Целый день герой провел в бесплодных поисках, и вечером, расстелив шкуру Немейского льва, утомленный бегом, заснул как убитый.

Ранним утром, только лишь алый сполох, ежеутренний вестник росистой повозки Эос, мрак ночной разогнал, свежее всюду разливая сиянье, как Геракл проснулся. Светло рассмеялись берега маленькой речки и тропинки в долинах зеленых, где лежали прохладного утра алмазы – росинки на изумрудной траве. Бодрый Геракл, напившись студеной воды из журчащей реки и подкрепившись сочными плодами и орехами, побежал навстречу встававшему солнцу, всюду струящему сладостный свет.

Пробегав полдня, наконец, на прибрежном зеленом лугу он увидел грозу ста городов белоснежную, соединявшую в себе дивную красоту здорового животного и дикую, первозданную мощь чудовища и радостно кинулся к нему. Бык заметил человека и, насторожив чуткие уши, внимательно наблюдал за ним. Когда расстояние между ними сократилось вдвое, бык наклонил рогатую голову и начал возбужденно рыть копытом передней ноги мягкую землю.

Геракл сбавил скорость, и вот уже бык сам тяжело тронулся навстречу герою, его мышцы могучими валами стали все быстрее перекачиваться под лоснящейся белой шкурой,

с мясистых ноздрей стал все чаще вырываться пар и с толстых губ начали падать клочья белесой пены. Когда до быка осталось всего пять шагов, Геракл замедлил свой бег и через несколько мгновений быстро схватился за концы крепких серповидных рогов. Человек на миг встретился взглядом с быком и ему в налившихся кровью бычьих глазах, горевших огнем звериной злобы и человеческой ненависти, почудилось:

– Ты сам пришел ко мне, и теперь я убью тебя.

Геракл изо всех сил попытался остановить быка и пригнуть его рога к земле, как это он не раз делал с многими другими быками. Однако вместо этого он почувствовал, как его ноги рывком отделились от земли, и он оказался в воздухе. Бык легко перебросил Алкида через себя, и он очень больно ударился задом о мягкую землю, если бы он упал на камень, то мог бы и покалечить седалище. Герой покачал головой и, разворачиваясь к пытающемуся остановиться быку, прошептал:

– Ты еще слишком свеж и полон сил. Не буду я искушать больше Судьбу, ведь никогда ко мне она не благоволила.

Бык между тем, вспахав передними ногами землю, развернулся и медленно направился к Гераклу, и тот вдруг резво побежал к возвышающемуся вдали дереву, под которым была привязана молодая корова. Животное, шумно сопя и топая тяжко копытами, двинулся за ним, постепенно набирая скорость. Почувствовав по мощному шумному дыханию,

доносившемуся сзади, что бык его догоняет, Геракл резко повернул в сторону, и огромное животное пронеслось мимо. Когда бык, затормозив, опять взрыл передними ногами высокий вал земли и развернулся, Геракл подскочил к нему и снова схватил его за рога, и опять бык перекинул его через себя. На этот раз он не ушибся о землю, неожиданно ловко для его мощного тела, приземлившись на согнутые упруго в коленях ноги.

Так продолжалось несколько раз, но с каждым разом человек и животное оказывались все ближе к дубу с привязанной телкой. Когда измотанные борьбой и бегом, Геракл и бык оказались у дерева с молодой коровой, бык, шумно нюхая воздух, оставил Геракла и не спеша пошел к замычавшей телке. Геракл схватил заготовленную крепкую веревку, привязанную к дубу, и накинул петлю на заднюю ногу быка, и только теперь позволил себе отдышаться.

Геракл, на которого не обращали внимания ни бык, ни телка, тершиеся друг о друга, подошел к дереву и, отвязав конец веревки, привязанный к молодой корове, сильно стегнул ее крепкой веткой без листьев, словно бичом. Испуганная болью корова во всю прыть понеслась прочь, бык за ней. Вскоре рванувшийся за телкой бык почувствовал привязанную к ноге веревку и стал ее неистово дергать. От его могучих рывков, казалось, сотрясается не только крона огромного дерева, а вся земля, но толстая новая веревка выдержала, и бык вскоре стал уставать.

Когда успевший отдохнуть, полный свежих сил Геракл подошел к изнемогшему борьбой с веревкой животному и схватил его за рога, борьба оказалась не долгой. Герой на сей раз привычно пригнул мощную шею к земле, и могучий бык, бессильно упав на согнутые в коленях передние ноги, сдался. Алкид позволил ему подняться на ноги, и бык больше не пытался проткнуть его рогами. Вспоминая свою туманную юность пастушью, он ловко стреножил быка веревкой так, чтобы тот мог только медленно идти за ним.

186. Гера ругает Эврисфея и приказывает отпустить Критского быка

Геракл, конечно, не плыл по морю на бычьей спине, как Европа, а вместе с быком отплыл с Крита, как и приплыл – на чернобоком корабле Эврисфея. Микенский царь, получив от Геракла дивного белого быка, сначала, как и намеревался, посвятил его Гере, сказав ей в молитве:

– Златотронная Гера, рожденная Реей, царица могучая, которую на великом Олимпе блаженные боги наравне почитают с Кронидом, добродетельнейшая из женщин с лицом самым красивым на свете! На землю снизойди ненадолго и прими от меня скромный дар – этого дивного быка белоснежного. Если не хочешь спуститься, то скажи или дай знак: возьмешь ты его живым или принести его тебе в жертву?

Гера перед тем, как ответить, долго поправляла дивную диадему на белых с золотистым отливом, как всегда аккуратно прибранных пушистых волосах, а потом тряхнула головой и решительно отказалась, воскликнув:

– Нет! Подарок такой от тебя я не приму, ибо это лишь еще больше увеличит славу Геракла..., да и брат мой, мощно колеблющий землю, может обидеться. Сам ты это дело затеял, вот и делай теперь с быком, что захочешь! Только не по-

второй ошибку Миноса – не оставляй этого быка для себя – не серди Посейдона, а то и твоя супруга полюбит его и родит тебе Эврисфетавра.

Гера засмеялась непринужденно, как юная дева, но вдруг спохватилась и ехидно сказала:

– Надо же, нашел чудовище для великого подвига – чем этот бык страшен – своей бычьей красотой или белой мастью?! Если без шуток, то последний раз тебе повторяю: не смей больше Гераклу таких легких заданий давать и впредь обязательно советуйся во всем со мной, прежде чем на очередной труд пасынка моего посылать!

Царь, втянув голову в плечи, слушал вполуха волоокую Геру и молча ругал себя за излишнюю предприимчивость:

– Где твой ум, Эврисфей?! Да, подвиг я никудышный придумал, хоть никто меня не просил, да еще и корабль с командой дал, чтоб его было легче исполнить. И приказал сам Гераклу, хоть есть для этого глашатай Копрей... Жадность меня подвела и недостаток ума. Думал, что Гера откажется от быка и тогда можно будет загнать его в мое стадо. Будь я поумней, то мог бы догадаться, что, если у Миноса, Зевсова сына, ничего не вышло с этим быком, то и у меня не получится... Я сам себе удивляюсь – сначала делаю, а потом думаю – может какой-нибудь злокозненный бог так меня сделать заставил? Впредь надо мне быть осторожней. Раз боги не дали мне ни красоты, ни силы, ни даже высокого роста, надо хоть умом не напрасно владеть. Сейчас же надо у Геры

спросить должен ли все подвиги совсем без спутников Геракл свершать...

И царь, опустив печально глаза, вслух у Геры заискивающе спросил:

– Супруга могучая Эгиоха-Зевеса, умоляю быть по-прежнему ко мне благосклонной. Я же буду точно все исполнять, что ты прикажешь, и прямо сейчас у тебя попрошу такого совета: Если Геракл должен все деяния один совершать, то можно ли ему разрешить плавать на моих кораблях и брать с собой команду или других спутников, если сухопутная дорога займет времени слишком много?

Гера задумалась, она белый лоб без морщинки единой те-ребила прекрасной рукой и молчала, и тогда царь, выждав немного, продолжил:

– Ведь, если его отправить, например, на край света пешком, то он проходит до истечения двенадцатилетнего срока пребывания на моей на службе, и мы не сможем его за это наказать вполне справедливо.

– Ты и сам, должен понимать, Эврисфей, что одно дело корабельная команда и разные спутники, другое – явные помощники при совершении подвига. Если б Иолай Гидре головы не прижигал, то иначе закончилась бы ее схватка с Гераклом – скорее всего ему пришлось бы без оглядки бежать от чудовища многоглавого. И, если бы Пеней и Алфей не смыли со скотного двора весь навоз, то наверняка Геракл не вычистил бы конюшни Авгия. Мы ему все это потом при-

помним, если раньше погубить не сумеем. Пока же столь мелкие вопросы ты решай сам, что Гераклу можно при выполнении подвига, а что нет. Нет у меня столько времени, чтоб во все самой вникать. Ты должен постоянно доказывать мне, что муж ты не глупый и не зря скипетр тебе дан.

187. Критский бык становится Марафонским

После молитвы, не зная, как поступить с Критским быком, Эврисфей, задумавшись, долго щипал мясистую мочку своего обвисшего уха, потом решительно махнул рукой и отпустил его на свободу, как бы случайно, оставив при нем совсем небольшую охрану – двух пастухов, один из которых был слишком молод, а другой слишком стар.

Сто городов пугавший бык быстро пересек просторы Немеи, миновал Коринф, затем, перейдя узкий Истм, два моря разделяющий, прибыл в прибрежную страну Аттику к знаменитому городу Марафону, от которого после битвы воин Фиддипид без остановок пробежал 8 парасангов до Афин, чтобы возвестить о победе греков. Привольность, почувствовав вновь, бык тут же, как на Крите, стал опустошать поля местных жителей и даже убивать их самих. Белоснежного быка, дивного ростом и статью, которого раньше называли Критским, теперь стали звать Марафонским.

Сын критского царя Миноса и Пасифаи Андрогей, прибыв в Аттику, на Панафинейских состязаниях блестящую одержал победу. Афинский царь [Эгей](#), обуреваемый Зелосом, решил избавиться от Андрогей и отправил его на охоту за [Марафонским быком](#), и бык его убил. За эту случайную смерть афиняне должны были ежегодно отправлять 7 юно-

шей и столько же девушек в жертву Минотавру до тех пор, пока тот не был убит афинским героем Тесеем. Могучий Тесе́й по поручению своего смертного отца Эгея убил и Марафонского быка. Другие говорят, что Марафонский бык был пленен Тесеем и в Афинах Эгей принес его в жертву могучей дочери Зевса Афине – Палладе.

Геракл, слушая рассказы о пленении афинским героем Тесеем Марафонского быка, которого раньше называли Критским, сначала людям так говорил:

– Сын Эфры и Посейдона мою славу бесчестно похитил. Ведь это я необузданного быка, дивного мощью на Крите впервые стреножил и приручил, и в Микены доставил. Когда ж Эврисфей его отпустил, это был уже бык не страшный – ни бодаться, ни лягаться он уже совсем не стремился.

Тесе́й же всегда старался быть на Геракла похожим, и когда отпрыск Алкмены и Зевса об этом узнал, два могучих героя, истреблявших чудовищ, стали большими друзьями.

188. Гера придумывает Гераклу восьмой подвиг: Похищение коней Диомеда

Недолго Гераклу пришлось отдыхать после пленения Критского быка. Глашатай Копрей, мнящий себя главным царским герольдом, задрав кверху левое плечо и плоский свой подбородок, собрал, как всегда, на микенской площади много народа и высокомерно объявил:

– В качестве восьмого подвига богоподобный Эврисфей назначил Гераклу привести в золотые Микены, осененные славой блестящих побед, прекрасных статью четырех кобылиц, принадлежащих фракийцу Диомеду, племени бистонов царю.

Геракл что-то слышал о сыне Ареса фракийском царе Диомеде и о его необычных конях и, не желая тратить силы и время на сухопутную дорогу в далекую Фракию, у Копрея спросил:

– Путь через Фессалию и Македонию по земле займет очень много времени и потому во Фракию лучше ехать по влажной дороге. Мне понадобится крепкий корабль и деньги, чтобы нанять команду, как это было, когда я на Крит плавал за белоснежным быком.

Копрей, имея на то указание Эврисфея, распорядился

дать Гераклу корабль и все необходимое и разрешил привлечь несколько спутников.

Придумавшая это задание Гера, сказала перед этим сонному Эврисфею:

– Радуйся царь, давно с тобой я вполне откровенна и сейчас скажу тебе правду: и сама я не очень-то верю, что кони-людоеды съедят ненавистного моему сердцу пасынка, но ничего лучшего пока не придумала, а время неумолимо летит, и даже боги не властны над ним. Коней этих, Геракл, конечно, добудет, и Диомеда, наверно, убьет. Я, конечно, надеюсь, что на обратном пути бдительность он, хоть раз потеряет, и огнедышащие кони тут его дыханьем сожгут. Однако подобные несбыточные надежды девушкам нежное сердце питают, а я уж телом нетленным хоть молодая, но сердцем не девушка, и Геракл уже не мальчишка, умеет он быть осторожным. Но даже, если необыкновенными кобылицами он овладеет и их доставит в Микены, то подвиг этот ославит его как похитителя чужого имущества. Все разговоры о том, что диомедовы кони – чудовища и едят тела чужестранцев могут на деле оказаться чистыми бреднями, ведь любят люди выдумывать небылицы, особенно про фракийских царей. А вот слава гнусного вора приклеится к могучему телу Геракла, да так с ним навсегда и останется.

Гера привычно поправила свою диадему-кукушку и погладила свои прекрасные ухоженные волосы, разделенные сегодня посередине ровным пробором, и висящие малень-

кими локонами на висках. Горделиво улыбнувшись, она самодовольно молвила царю, глядя на него сверху вниз:

– Учись, Эврисфей, как придумывать необыкновенные подвиги для Геракла: если не можешь его погубить, так хоть славу ему испортить сумеи – ведь воров и грабителей в Элладе не любят!

Царица улыбнулась довольно и, привычно потрепав царя за ухом, как любимого щенка, добавила превратившемуся в слух Эврисфею:

– Приятно мне с тобой говорить – умеешь ты слушать красиво, даже ушами тихонечко шевелишь, видно не зря тебя Мойра наградила чудесными такими ушами.

Слушая Геру, Эврисфей блаженно во сне улыбался, ведь у несчастной души другого убежища, где она могла бы отдохнуть от действительности вполне безопасно. Непритворно он восторгался умом царицы богов и старался у нее чему – ни будь научиться. Когда же она сказала про его уши, он не знал радоваться этому или обижаться и решил это мимо ушей пропустить.

Утром Сфенелид хотел сам встретиться с сыном Алкмены и новое задание ему дать, но потом осторожность взяла верх – боялся он, что Гера опять будет им не довольна и, позвав Копрея, сказал:

– Внемли мне глашатай Копрей! Встреться, любезный, с Гераклом и скажи ему, чтобы похитил четырех коней Диомеда и привез их сюда, чтобы мы на них посмотрели. Гово-

рят, эти кони необычайно красивы, но нечестивый царь бистонов не достоин ими владеть. Слышал я, что он приучил этих дивных коней к пище самой ужасной. Еще раз повторю, чтобы ты не забыл: надо Гераклу при людях так сказать, чтоб граждане поняли, что он едет коней не покупать, не обменивать, не в дар принимать, а именно похищать, как вор, ведь не любят в Элладе тех, кто чужую собственность грабит.

По рассказам сведущих людей, кони (или лошади) надменного сына кровавого Ареса были необыкновенно сильны и красивы, и невероятно быстры, но они питались только человеческим мясом, подобно критскому чудовищу из Лабиринта, убитому героем Тесеем. Однако Минотавр был человеко-быком и потому обладал разумом, кони же Диомеда были животными и питались так, как их приучили, когда они были жеребятами.

Сын Алкмены не слишком озаботился предстоящим трудом и по пути в Родопские хребты решил навестить своего заболевшего друга Адмета, которого он полюбил во время плаванья с аргонавтами за руном золотым.

189. Аполлон добывает у Мойры льготу Адмету

Рассказывают, что фессалийский царь города Феры Адмет (неодолимый), сын Периклимены и Ферета, участвовал в знаменитой Калидонской охоте, плывал в Колхиду за золотым руном с аргонавтами и состязался с ними в кулачном бою в погребальных играх по Пелию.

У Феретида служил в пастухах наказанный отцом за убийство древних Киклопов и другие провинности светоносный бог Аполлон.

Говорят, что Зевс, опасаясь, как бы люди не стали спасать друг друга, позаимствовав у оживлявшего смертных Асклепия его искусство, поразил его своим перуном. Разгневанный убийством любимого сына, Аполлон своими стрелами перебил древних Киклопов, ковавших ему молнии с перунами. За столь тяжкое преступление Зевс намеревался ввергнуть сына в Тартар, но, уступая просьбам некогда страстно любимой им титаниды Лето, приказал Аполлону прослужить великий год (8 обычных лет) у смертного человека. Тогда Делий отправился в Феры к Адмету, сыну Ферета, и, находясь у него в услужении, пас стада; и все коровы в стадах Адмета в присутствии Феба стали приносить двойни. Когда Дельфиец играл на своей знаменитой золотой семиструнной кифаре, черные пантеры и свирепые львы выходили из леса

и спокойно ходили среди стад, никого не трогая, и животные в стадах их не боялись.

Адмет за свою справедливость и благочестие был любезен богам и потому удостоился столь великой чести, что совершивший проступок Аполлон был отдан Зевсом ему в услужение. В это время юный царь, красивый как девушка в первом цвету и лучезарный бог – общепризнанный образец эллинской красоты – стали возлюбленными друзьями.

Возвышенная любовь олимпийского бога и юноши, подобного богу, разумеется, не помешало владыке Фер страстно влюбиться в прекрасную Алкестиду (Алкеста) – дочь царя Иолка Пелия, сына Посейдона и пышнокудрой Тиро. Пелий многим из женихов отказал, а потом установил для них состязание. Он обещал отдать дочь тому, кто запряжет в одну повозку голодного льва и свирепого вепря. Летоид, чтобы помочь своему возлюбленному, с помощью милой сестры Артемиды сделал свирепых зверей смирными, и Адмет, выполнив условие Пелия, женился на любимой Алкесте.

Некоторые говорят, что счастливый Адмет при свадебных жертвоприношениях забыл почтить Артемиду, и рассерженная богиня послала в брачный покой клубки свернувшихся змей, и Аполлону с большим трудом удалось умиловить сестру и вовремя отозвать из спальни гадюк.

Некоторые, как Еврипид, говорят, что Аполлон, как прорицатель узнал, что его возлюбленному Адмету Мойры соткали счастливую, но очень короткую жизнь и, чтобы это ис-

править, однажды своим коварством осилил дев непреложной Судьбы – напоил допьяна их, и старая Ткачиха, не разжимая губ, ему объявила:

– Я обещаю, что Адмет, сын Ферета, от преждевременного Аида избавится, коль жертвою иной – отца иль матери, или жены он утолит законное желанье Танатоса.

Предводительница хора у Эсхила ругала Аполлона за то, что он, обидел Мойр, от смерти льготу земнородным вынудив, и тем самым нарушил уставы стародавние, и стариц ввел в юродство, упоив вином... Впрочем, по мнению некоторых, предводительница хора высказалась иносказательно. Бог-прорицатель, как владелец Дельфийского храма, имел особые отношения с Мойрой Лахесис и, без всякого вина (Мойры не нуждались ни в пище, ни в тепле, ни в воздухе и потому их невозможно было спить), выпросил у нее для любимого друга совсем небольшую «льготу», ибо вместо него должен был умереть кто-то другой из родных.

Другие говорят, что Феб за льготу Феретиду согласился предоставить вещей Ткачихе свой храм знаменитейший в Пифийской обители, где она могла прорицать вдохновенно в облике Пифии еще один день каждого месяца. Ведь ни Первовещунья Гея, изначально владевшая прорицалищем в Дельфах, ни Фемида, второй там воссевшая, ни Титанида Феба, аполлонова бабка не хотели, чтобы Мойра Лахесис в их храме вещала.

После того, как молодой Адмет в браке законном стал

счастливого жить со своей юной женой, а у Феба кончилась ссылка, дороги светоносного бога и любимого им царя разошлись.

Через некоторое время красавец Феретид, несмотря на горячо любимую молодую супругу, стал возлюбленным Геракла. Это случилось вовремя плаванья в Колхиду.

Иолай об Адмете без всякой ревности так говорил:

– После того, как мы с моим дядей Гераклом, после битвы с Гидрой Лернейской стали возлюбленными друзьями, он влюблялся и в других юношей, но, конечно, когда рядом не было меня и не так сильно, как меня он любил. Поэтому, хоть у Геракла во время плаванья на «Арго» был Гилас, отрок прелестный, он и в Адмета влюбился, и тот, конечно, полюбил дядю, ведь его нельзя было не любить.

190. Геракл у Адмета ^[26]

Когда глашатай доложил Адмету, что к нему идет Геракл, тот насухо вытер слезы и выбежал из дома и, встретив на пороге гостя, закричал с поклоном:

– О, радуйся, сын Зевса, Персеид знаменитый.

– Ты радуйся, владыка Фессалии!

Возвратив поклон, Геракл ответил и обнял Феретида. После крепких объятий и ласковых поцелуев Амфитрионид, оглядев друга, спросил:

– Ты в трауре, друг мой, острижен... Что у тебя произошло?

– Сегодня мне придется хоронить... жены подругу, приехавшую погостить.

Ответил Феретид, собравшись с силами. Друзья, обнявшись, пошли в зал для пиров, и там Адмет Гераклу, вкушающему пищу, о жизни своей рассказал:

– Сколько лет, друг мой любимый могучий Алкид, мы с тобою не виделись! Жизнь моя все это время протекала в блаженстве и наслаждении со страстно любимой Алкестой. Даже всемогущие боги завидовали нашему благоденствию, ведь мы сумели пронести наше нежное чувство через все годы совместной жизни и продолжали любить друг друга как в первый день нашего знакомства. Но видно бессмертные слишком сильно позавидовали нам, а коварная зависть бо-

гов, как и любовь их, не проходит для смертных бесследно – говорят, на каждое счастье, бессмертные два несчастья людям, для смерти рожденным, дают. Краткое счастье Зевес распределяет между людей, как кому пожелает, по собственной воле. И я, никогда не жаловавшийся на здоровье, вдруг тяжело заболел, и ты, узнав об этом, как лучший друг приехал навестить меня.

Слуга, провожая Геракла после пира в спальню, ему рассказал, что Адмет не просто тяжело заболел, а был совсем на волосок от смерти. Дочь Пелия, узнав об этом, как срубленное деревце, рухнула на землю лицом вниз и, заливаясь горькими слезами, взмолилась:

– Боги всемогущие! Властители подземного царства блестящий славой Аидес и прекрасная Персефона! Умоляю вас пощадить моего возлюбленного мужа Адмета, без него мне не жить на освещенной солнцем земле.

Однако подземные божества ничего не ответили. Чернокрылый бог смерти, появившийся у ложа Адмета со своим мечом огромным и черным, вспомнив о льготе, данной Мойрой Феретиду, Алкестиде сказал:

– Без добычи законной я никуда не уйду, однако могу увлечь в гостеприимный Аидов чертог вместо Адмета его отца или мать, или тебя саму, согласно давнему разрешению Мойр.

Алкеста вскочила и опрометью кинулась к матери и отцу Адмета, но уже давно зажившиеся на земле старики, скорбно

опустив глаза, дружно отказались добровольно сойти в безмолвное подземелье раньше назначенного им рокового срока. Тогда отчаявшаяся супруга, ломая себе руки, закричала:

– Я жизнь любимого Адмета достойнее своей считаю и, чтобы только мог он видеть сияющие лучи с небес, свою я душу добровольно отдаю Аиду. Возьми меня, Танат, но он пусть поживет еще...

Бесстрастный Танатос, взмахнув мечом огромным, привычно отсек прядь волос кудрявых с головы Алкесты, так он исторг бессмертную душу из брэнного тела молодой царицы и увлек ее в недра земные. Адмет сразу почувствовал себя здоровым и, встав с ложа, пошел искать по дому любимую Алкесту, чтобы обрадовать супругу, что стало ему много лучше. Когда же он узнал, что ее забрал демон смерти вместо него, то впал в глубокую печаль...

Все это слуга рассказал Гераклу после вынужденного пира. Теперь Геракл понял, что, войдя в чертог Адмета, застал любимого друга в страшной беде, но тот, решив своим горем не обременять лучшего друга, сказал, что умерла чужая – жены подруга, приехавшая погостить. Потом гостеприимный ферский царь за пир беззаботный гостя любимого заставил сесть, и долго они тихонько пировали, не забывая и возлиянья совершать.

Геракл до глубин души был потрясен и, сдерживая слезы с большим трудом, так объяснялся с милым сердцем:

– О боги! Как преданна Алкеста мужу! Как дружелюбен

царь несчастный. Как же мне хочется... ох, как мне хочется смех и радость в дом возлюбленного друга возвратить! Но как? – У бога смерти царицу силой вырвать, не дать ему увлечь навечно ее в земные недра? Но возможно ль человеку сражаться с ужасным Танатосом?!

В «Алкесте» Еврипида Геракл так себе говорит:

– Ты, сердце, что дерзало уж не раз, ты, мощная рука, спасавшая от страшной тьмы Эреба: вам, сегодня придется показать, какого сына тиринфская Алкмена родила царю богов. Жену, что так недавно в холодный гроб кедровый отсюда унесли, я в этот дом вернуть хочу на ликование другу. Я в ризе черной демона, царя над мертвыми, выслеживать отправлюсь, его настичь надеюсь у могил, до близкой жертвы жадного. Увидев из засады Танатоса, внезапно прыну я и обовью руками Смерть, и буду с ней бороться, пока мне не вернет жены Адмета. И нет руки на свете, чтоб превзошла мою! А если Танатоса я не встречу, то опущусь в подземное жилье, в тот мрачный дом владыки недр подземных и Персефоны, откуда смертным уж возврата нет... Я умолю богов или заставлю и мне Алкесту отдадут, чтоб возвратил ее в объятия я Адмета... И все же это неслыханная дерзость сражаться с Танатосом, который владея непостижимой тайной смерти, вместе с Ткачихой срок всем назначает, а с Неизбежной нити жизни привычно обрезает.

И тут явилось знаменье великое Гераклу: В лазурном небе черный сокол, как ветер быстрый, за кроткой голубицей

гнался, но тут орел могучий внезапно появился и, мощные расправив крылья, унес голубку, держа в когтях ее осторожно. И колебания покинули Геракла. Увенчанный миртом он, тихонько выйдя из чертога, по прямой дороге на Лариссу отправился выслеживать Таната с железным сердцем, и настиг его, устроив засаду у могил тех ферских жителей, что уже умерли.

191. Геракл требует у Смерти жену Алмета Алкесту

Гесиод, уже в ранней юности вдохнувший дар божественных песен, поет: кого из людей Смерть схватит, тех уж никогда не отпустит назад. И богам она всем ненавистна. И сон, который приносил Танатос, был настолько крепким, что его называли железным и вечным.

Демон смерти чернокожий в развевающейся даже без ветра черной одежде, с яркокрасными губами и глазами, светящимися, как раскаленные угли появился невысоко над могилами внезапно с огромным черным мечом. Геракл сильно испугался вначале, почувствовав, как гулко и быстро заколотилось сердце, дух его всегда крепкий вдруг захватило так, что он не мог и вздохнуть, и на миг совсем ослабли колени.

Тут бог вечного сна почувствовал присутствие среди могил живого человека и, высоко воспарив, увидел Геракла и плавно опустился перед ним, закрывая все вокруг героя широко расправленными своими огромными кожистыми крылами.

– Кто ты такой? Ты я вижу живой? Зачем ты бродишь здесь у последнего чертога, где люди мне подвластные покоятся? Скорее честно отвечай, пред тобою бессмертный! Если ты меня не узнал, то узнаешь, когда я своим мечом волос твоих коснусь, и станешь ты немым навеки и больше никому

ответить уж не сможешь!

Глаза Геракла вспыхнули заревом ярким, и он, набычившись, бесстрашно посмотрел в горящие глаза Таната и сказал с едва сдерживаемой тихой яростью:

– Хоть ты и держишь издали правленья бразды над всеми смертными, но меня пугать больше не вздумай! Я – сын Зевса Геракл и жду тебя здесь из-за Алкесты. Ты взял совсем еще юную жену Адмета преждевременно, слишком поспешно и потому ее бессмертная жилица двух миров, по справедливости, должна вернуться в этот мир, в ее тело молодое, которое еще не погребли.

Танатос внимательно рассмотрел могучее тело Геракла, слава необыкновенных подвигов которого уже не только вознеслась до олимпийских высей, но и спустилась в земные недра, в мрачные дома гнетущего безмолвия. Ничто не отразилось на бесстрастном лице Таната, и он стал равнодушно говорить:

– Разве Пелия дочь не сама умереть пожелала за мужа? А я не для того ль, самими призван Мойрами, чтоб по закону их неизбежной матери Ананке жизнь отнимать у всех, кто мне по издревле установленному закону подвластен? Никому не дано веления Ткачихи Лакесис уйти, никому – отложить Неизбежной Атропой назначенный день. Люди, как листья в лесу – одни осенью ветер срывает с деревьев и неживыми швыряет на землю, другие зеленую животворной деревья одевают весной. Так же и люди: одни нарождаются, умирают

другие, первым освобождая место под солнцем... Я самый из богов справедливый, ведь лишь передо мной единственным, весь род людской злосчастный равноправен... Все смертью беспристрастно пожирается; ведь гибель – закон всеобщий, успокоение, покой, который я дарую в вечном сне, а совсем не кара...

Весь лик Таната преобразился, его всегда пылавшие пурпуром бессмертные глаза стали светиться мягким светом, и голос потеплел, но тут он, видно, спохватился и сказал надменно:

– И потом, я до Алкесты своим мечом уже коснулся... а чьих мой черный меч волос коснется, тот навсегда уж посвящен властительным богам царства теней безмолвных.

Голос бога смерти стал опять напоминать глухой железный скрежет, словно идущий из безжизненно – тягостных недр подземелья, откуда никому нет возврата. По спине Геракла забегали мурашки, но он, упрямо головой мотнув, воскликнул:

– Знаю, что тебя не упростишь и ничем не умолишь, но силе и ты послушным будешь! Поэтому, как ни жесток ты, Демон, и беспощаден, ты мне Алкесту все же уступишь, иль у тебя царицу я вырву силой.

– Ты нагл и дерзок, и к тому ж не справедлив, сын Зевса смертнорожденный и потому ты сам заслуживаешь бесславной смерти.

Танатос замахнулся своим черным мечом, от которого

спасенья не было. Если бы он даже слегка коснулся волос Геракла своим мечом ужасным, то и все боги Олимпа во главе с великим отцом, повинувшись незыблемому закону жутколикой Ананке, не смогли бы спасти его от неминуемой гибели.

192. Геракл сражается с Танатосом за Алкесту

Светлокая дева Афина, велением Зевса ведомая, почувствовала смертельную опасность, грозящую ее подопечному брату – герою. Она как яркая молния ринулась бурно с облачных высей Олимпа, чтобы как-то Гераклу попытаться помочь, хотя знала, что Танат подчиняется только всеустрашающим Мойрам, ужасному Аиду и Зевсу и потому даже разговаривать с нею не будет.

Геракл краем глаза заметил, как в последних лучах солнца меж темных облаков сверкнуло знакомое копьё Паллады, до сих пор опекавшей его, и понял, что находится на волосок от неминуемой смерти. Он отчаянно метнул в Танатоса свою дубину из дикой оливы, и по непрекаемой воле Мойры Лахесис не был бросок неудачным – дубина попала в правое плечо могучего подземного бога. Удар был и очень силен, и точен. Меч выпал из обессиленной руки Танатоса, и сам он, изрыгая ругательство, упал навзничь. Геракл одним прыжком оказался рядом со Смертью и, когда – тот попытался подняться, обхватил его сзади могучими руками, не дав схватить страшный меч в руки. Он сжал Танатоса так сильно, что тот, задыхаясь, прохрипел:

– Ты не сможешь меня жизни лишить, нечестивец, ведь я бессмертен...

– Зато я могу сейчас тебе позвоночник сломать и причинить страдания тяжкие. Пока ты будешь залечивать раны, я Алкесту возьму, и ты за ней не скоро сможешь вернуться.

Что-то дрогнуло в ужасном лице Танатоса, словно высеченном из иссини-черного в седых и красных прожилках гранита, хоть он боли никогда не боялся, но чего-то сейчас испугался. Он живо вспомнил, как самый хитрейший из всех смертных царь Коринфа Сисиф, с помощью изощренного обмана упаковал его в его же собственные колодки, а потом бог – насмешник Мом красноносый и злобный нигде не давал ему прохода своими язвительными шутками, вызывая несказанный хохот бессмертных богов, которые над чем угодно готовы смеяться.

Мом не просто насмеялся над богами, а, презирая пристойность, обидно оскорблял и злобно глумился, выискивая самые слабые, больные места, которые имелись и у блаженных богов, живущих на блистающих снегом горных высях Олимпа. Даже великого Зевса он называл просто критским подкидышем, об остальных и говорить не приходится. Лишь над одной Афродитой Мом не злословил – как ни старался, он не смог найти в ней ни одного недостатка, ни даже изъяна малейшего. Поэтому некоторым из бессмертных бог злобной насмешки казался мерзким болтуном и несносным доносчиком, они говорили, что шутить надо не зло, а со вкусом. Однако другие (те над которыми он в данный момент не смеялся) называли его веселым борцом за справедливость и

смешливым общественным обвинителем.

Однако люди, когда бог смерти оказался в оковах, скоро поняли, как им необходим железный сон Танатоса. Противники на войне пронзали сердца друг друга мечами и копьями; врагам и преступникам отрубали головы, но безголовые тела и головы без тел продолжали жить, как ни в чем, ни бывало. Немощные старики от старости гнусной не могли уж дышать, но все равно, подобно получившему бессмертие без юности Титону, скрипели как цикады, но не умирали. И тогда люди впервые стали молить богов о том, чтоб те ниспослали, как избавление от мучительной жизни, смерть старикам, которые уже не могли вставать с ложа. Об этом, Ирида, первой узнавшая об исчезновении бога смерти, доложила Зевесу, но еще раньше Владыку Олимпа посетила вездесущая Ткачиха и объявила, что Таната необходимо срочно освободить, не забыв сказать, где его можно найти.

Танатос, любивший казаться ужасным и грозным, боясь сам оскорбительных насмешек, примирительно Гераклу сказал:

– Я, конечно, могу для тебя вернуть на землю душу Алкесты, это все в моих силах, но всемогущие дочери Ананке вещи Мойры, новой пряжей всегда не довольные, не допустят этого воскрешения, незаконного и несправедливого... три мрачных сестры никогда не крутят вспять своих нетленных веретен.

– Ты сделай дело свое, а о Мойрах не беспокойся...

Геракл сдвинул к переносице брови упрямо, казалось, он был готов на все, даже на битву с Мойрами, лишь бы Алкесту, в трепетные объятия возлюбленного друга Адмета вернуть.

193. Гера предлагает наказать Геракла, но Зевс возражает

За схваткой Геракла с Танатосом наблюдали все боги Олимпа, очень любили они с небесной высоты смотреть, как на сцену в огромном театре, что смертные делают на бренной земле. Особенно увлекали богов и богинь любовные похождения смертных, а также их вечные ссоры и драки, нескончаемые сражения и кровопролитные войны. Сейчас олимпийцы все улыбались, глядя на ожесточенный бой смертного героя с богом бессмертным, правда улыбка у всех была разной – кто посмеивался ехидно, некоторые с ненавистью, а кто надменно и мстительно...

Властитель Олимпа был горд тем, что его смертный сын оказался сильнее такого древнего и могучего бога, как Танатос и улыбался довольно.

Гера же, увидев, как Геракл расправился с Танатосом, первым делом с торжествующей улыбкой посмотрела на лежавшего за пиршественным столом супруга – она, радуясь произошедшему, тихо сказала:

– Ну, теперь уж, милый, тебе придется наказать сына своего от Алкмены и сделать это жестоко – ведь не малое он совершил преступление против справедливости и против бессмертного бога.

Однако царь богов улыбался блаженно в косматую боро-

ду, и тогда богиня богинь со взором, утратившим веселый блеск, не выдержала и дрожащим голосом закричала:

– Как ты ужасен, Кронид! Ты здесь сидишь и наблюдаешь со счастливой улыбкой, как твой отпрыск творит беззаконье. Ведь сама Ананка установила, что перед неотвратимой смертью все люди равны, а Геракл решил сделать исключение для жены своего любимого друга, силой поправ всеобщий закон, поставив свое желание превыше Миропорядка и Справедливости. Разве ты, как справедливости главный защитник, не должен сурово покарать дерзкого полубога?! Вспомни, как ты сжег молниями своего внука Асклепия за то, что он нарушил жизни и смерти извечный закон, оживив некоторых героев... Геракл же не только отнял у Танатоса Алкесту, он чуть не искалечил его самого, бессмертного бога! а ты все смеешься. Не только мы, нетленного олимпа насельники, за это не одобрим тебя, но и непререкаемая Мойра Лахесис.

Зевс, помавав сросшимися бровями, так, что вокруг разлилось дивное благовоние, ехидно улыбнулся, уже глядя на свою сестру и супругу, и сказал желчно ей:

– Уж тысячи лет мы знаем друг друга, но не перестаешь меня удивлять ты, сестра моя и супруга. Послушать тебя, так мне – властителю наивысшему и улыбаться нельзя. И все-то ты ведаешь, все знаешь, даже то, что не одобрит старуха Лахесис.

Потом Кронид, вершитель мира, косматой потрянул головой так, что Олимп всколебался великий и сурово сказал во-

лоокой царице:

– Я и только я, как Справедливости главный охранник и Правды защитник, решаю, что правдиво и справедливо, а что нет и даже тебе мне указывать никогда не позволю.

Олимпиец долгим проницательным взглядом окинул при-
тихших богов и голосом ровным сказал уже к ним обраща-
ясь:

– Феб некогда выпросил у Ткачихи льготу своему любим-
цу Адмету, а Геракл у Танатоса вырвал силой льготу Ал-
кесте. Конечно, имело место нарушение заведенного поряд-
ка для смертных, но за этим следят сами Мойры, и, если они
это допускают, то и мне, царящему на Олимпе, вмешивать-
ся не стоит. Вы вспомните, хотя бы, как брат мой Аид, рас-
строганный божественным пеньем Орфея, разрешил Эвриди-
ке вернуться на землю, но Мойра Лахесис, несмотря на это,
сделала все по-своему, и любимая супруга Орфея на землю
не вышла и навечно в Аиде осталась. Так, что, если Алкеста
на земле жить осталась, значит так самой Ткачихе угодно.
Теперь о Танате... Он сам виноват, все видели, как он пер-
вым со своим огромным мечом бросился на Геракла, и тот,
как мог, палкой нестроганой защищался. Поэтому я нигде
не вижу нарушения справедливости, все вы отчетливо лице-
зрите, что Правда под присмотром моим всегда торжествует!

Волны косматых нетленных волос с головы Громоверж-
ца бессмертной на мощные плечи пали его, и Олимп опять
всколебался великий. Зевс встал с пиршественной скамейки

и довольный собой, подняв голову и заложив руки за спину, направился в свою спальню. Все богини немедля с седалищ живо вскочили и боги со скамеек своих, сохраняя достоинство, встали степенно, отца провожая, не посмел ни один из бессмертных на своем месте остаться.

Гера же, судорожно вздыхая, боролась со слезами, она то улыбаться пыталась, то нежные, как у девушки, розовые губы, сидя на своем месте, себе кусала. Она единственная не вскочила и продолжала упорно сидеть, чтобы хоть так выразить свое несогласие с мужем.

194. Аид и Персефона, вспоминая Орфея и Эвридику, обсуждают схватку Геракла с Танатом

За боем Геракла с Танатом наблюдал и Незримый Аидес из глубокой расщелины родного и такого любимого им подземного мира.

Некоторые говорят, что вечно угрюмый Плутон (Богатый) тоже не стал вмешиваться и помогать Танатосу потому, что в схватке бога смерти с сыном Зевса был впрямую замешан Эрот, а это единственный из богов, ради которого царь подземного мира часто оказывал уступки и льготы и не настаивал на своем добровольно – принудительном гостеприимстве. Эта необычная мягкость к влюбленным со стороны всегда такого строгого и неумолимого, не знающего ни милости, ни снисхождения, царя мира бесплотных теней, которому свят лишь свой закон, началась с прелестной ликом и телом нимфы лесной Эвридики. Только супруге Орфея он сам позволил вернуться на землю, испытав неопишуемый восторг от бесподобного пения божественного певца, когда тот явился в Аид за женой, умершей от укуса змеи.

Улыбаясь лишь одними глазами, Гадес Агесилай (Водитель народа) тогда объявил божественному Орфею:

– Можешь вывести супругу на землю, но с условием: Эв-

ридика должна идти позади тебя, и ты не должен обращать своих взоров назад, доколе не выйдете из Авернских долин – или Эвридика уже навсегда возвратится в наши гостеприимные дома.

И уже были супруги от границы земной совсем недалеко, но, вдруг испугавшись, что не слышно любимой шагов, Орфей взор назад обратил, и только заметить успел, как бесплотная исчезла жена. Увидев Эвридику, бредущую замедленным ранюю шагом, все еще замороженная песней Орфея, Персефона, словно очнулась. Она вспомнила условие, под которым Аид отпустил жену Орфея, и язвительно мужу сказала:

– Приятно тебе, коварный, всегда сокровенные думы от меня в тайне держать. Ты был уверен, что Орфей обернется, и уступка твоя была бесчестной игрой, ты подразнил лишь Орфея и его любовь великую и святую.

Речь Аида в разговорах с супругой была совсем не надменной:

– Дивная! Все стараешься примечать ты, и вечно меня зря попрекаешь. Условие то мне продиктовала сама Мойра Атропос, которую не зря Неизбежной зовут. Хоть обликом сама она юная, но никого не щадит, если нить жизни уже перерезана ее твердой не по – женски рукой. Вспомни, как долго ее уговаривали сегодня отпустить дочь Пелия Алкестиду, которая, приняв яд, добровольно умерла вместо любимого мужа Адмета. Атропа согласилась связать концы нити

жизни Алкесты потому, что ее сестра старшая Ткачиха Лахесис что-то обещала Аполлону, а свершенного Мойрой другая Мойра не уничтожит.

– Почему же Эвридику без условий не отдали Орфею, ведь он своей песней не только мне всю сердце вывернул наизнанку? Внемля, как Орфей волшебю поет, как он струны лиры златой в согласии зыблет, не только я, даже души бескровныи слез проливали потоки, несмотря на то что свою память они оставили в реке забвения Лете. Как бесподобно прекрасен Орфей, как беззаветно он любит свою супругу! Он всем пример мужа и супружеской верности!

Персефонея изумилась тому, как супруг улыбнулся не как обычно – только глазами, но и совсем немного – губами.

– Милая, непреложныи Мойры так не считают. Умерев добровольно вместо любимого мужа, Алкеста совершила подвиг во имя любви, а изнеженный кифаред умеет только петь о любви и бряцать на кифаре, да еще говорят, он хороший танцор. Но не отважился он на земле самоотверженно умереть, чтобы здесь соединиться с любимой супругой, а умудрился к нам, под землю, с песнями и плясками пробраться живым. Поэтому Мойра Лахесис мне рассказала, что не завидную долю она соткала Орфею, его за презрение к ним на куски растерзают менады, опьяненные неразбавленным вакховым соком. После потери Эвридики, он будет избегать неуклонно женской любви и первым введет обычай любить мальчииков, нанеся тем самым тяжкое оскорбление женщи-

нам, и в отместку за это он будет ими зверски убит. Эвридика ж навсегда поселилась у нас и встретится скоро с тенью Орфея и на наших лугах асфоделевых они рядом будут гулять и уже, ничего не страшась, будут друг друга любить и созерцать непрерывно.

– Предначертания Мойр невозможно даже нам, бессмертным понять...и все же, как мне здесь не хватает музыки и песен и необязательно от Орфея! У жен других на земле все есть, и солнечным светом им дано наслаждаться, всеобщим для мира. А у меня отнято одновременно с девством и небо, вместе с солнечным светом и стыд я теряю! Покинув землю, как пленница я в грусти тоскливой здесь пребываю. Тебя все называют самым богатым, но в нашем доме нет даже скромной площадки для песен и танцев!

– Милая! Не надо печалиться. Ты владычица надо всем, что живет под землей. Почести ты имеешь здесь величайшие между бессмертных. И свет для тебя не утерян совсем. Каких юношей с факелами Хромец обоногий для тебя изготовил, таких нет с в чертоге Зевеса! Есть и иные светила в царстве у нас, есть другие миры, и яркий свет ты можешь увидеть в Элисиуме, где особое солнце светит и ночью, и днем. Там царит драгоценное племя и век золотой для особых героев. Там ты можешь найти не одну площадку для песен и танцев, а здесь мы не можем водить хороводы и петь.

Казавшийся властелину царства немых не разрешимым вопрос об устройстве в Аиде площадки для песен и танцев

был разрешен после посещения обители мрачной Дионисом, который спустился в Аид за Семелой, своей матерью смертной, которую он очень сильно любил. Кроме мирта, Дионис по совету своего воспитателя и друга – старого толстяка Силенна с плешивой мудрой головой взял полный мех со сладкокрепким вином. Впервые отведав терпкую влагу, аромат которой мигом разнесся по всему аидову дому, Персефона испытала настоящий восторг. Быстро на запах примчавшись, к супруге охотно присоединился и муж. После очередной чаши, Персефоне почудилось, что в просторах Аида засияло настоящее солнце, и его живительные лучи освещали ее и грели. Опустив гнутые ресницы на сияющие черные очи, царица видела себя юной девушкой на лугу, она собирала цветы и водила со спутницами хороводы. Когда царица, положив голову на плечо Аида, сказала обо всем супругу, тот улыбнулся, одними глазами и приказал разыскать и привести Семелу.

Перед волшебной красотой Ампелоса (виноградная лоза) на время смягчился непреклонный Аид, и суровый нрав Персефоны стал мягким и кротким. Виноградная лоза даровала в тот вечер, когда Вакх под землей появился, беспечную радость блаженным богам, царящим в глубоких подземных пустотах. Аид, все так же улыбаясь одними глазами, отпустил с ним Семелу в обмен на бесперебойные поставки вина. Теперь винная влага заменяет милой супруге и песни, и хороводы, и Гекате не пришлось колдовать над площадкой

для танцев. А, чтобы души умерших не завидовали Семеле и не обижались на нее, Дионис изменил имя матери и, назвав ее Фионой, вознес на Олимп и представил блаженным богам. Удивительно, что не только Лето, но и Гера подружилась с Фионой – Семелой, признав в ней очередную подружку по несчастной любви.

195. Геракл возвращает Алкесту Адмету ^[26]

Бесстрастные Мойры вернули возлюбленную Орфея назад, но славный мощью Аид, жалости в сердце вечно угрюмом не знающий, с того времени, когда видит проявления всепобеждающей любви не может удержаться и, как говорят некоторые, «совестится», делает добровольно уступки.

Некоторые, как Плутарх, говорят, что Геракл, будучи искусным врачом, всего лишь спас (вылечил) от смертельной болезни жену Адмета Алкестиду, угождая Адмету, который был в нее влюблен, а сам был возлюбленным Геракла.

Геракл, как утверждают некоторые древние авторы, только после смертельной схватки с Танатосом по-настоящему поверил в себя, в свою необычайную даже для бессмертных богов силу, он понял, что только отец-Громовержец сильнее его в этом мире. И в самом потаенном уголке его такой же крепкой, как и тело, души отныне и навсегда нашла себе постоянное место богиня невероятной гордыни и спеси Гибрис.

Еврипид же, об освобождении супруги Адмета из подземного мира Гераклом, который отбил ее у бога смерти Танатоса, так поет:

– Для чего мне жить еще, когда ни утраченного счастья, ни славы доброй мне уж не вернуть? Вот я сейчас ступлю за эти двери... и кто же мне навстречу выйдет? Кто на привет мой ласково ответит? Куда же мне теперь идти, что делать? Вот я сейчас кровать ее увижу, неметеный пол, детей, которые, ко мне в колени прячась, все мать зовут и постоянно плачут... Как трудно дома быть, не веселей и в людях.

Адмет, не находивший себе места после похорон Алкесты, с подобными речами бесцельно бродил по опустелому дому, не представляя, как он будет дальше жить один. Тут отворяется одна из дверей и входит хитровато улыбающийся Геракл, ведя за руку высокую статную женщину, с головы до ног покрытую длинным непрозрачным покрывалом.

– Я не люблю, Адмет, гостя у друга, гнев на него в молчании копить. Скажи мне, царь, иль я достоин не был с тобой делить, как близкий друг, твою печаль? Ты от меня зачем-то скрыл, что в доме лежит Алкеста мертвая, сказав, что умерла чужая, и за пир меня заставил сесть, свершая возлиянье, увенчанным среди траурных палат... Негодовать я должен бы, открыв обман, но зла к беде твоей, Адмет, не приложу, ведь я люблю тебя, а любящие все прощают. А для чего сейчас вернулся, узнайте все. Вот эта женщина, рабой тебе пусть остается, царь. Больших трудов мне стоила она.

Геракл был так собой доволен, что решил даже слукавить дальше, что с ним случалось очень редко:

– На играх, предложенных атлетам, была упорная борь-

ба и трудный бой кулачный – тут победившим, кроме венков, стада быков давали. Последний приз была эта жена. Не взять такой награды дивной мне стыдно показалось. Бери же ее, Адмет скорее, ее по-дружески тебе я уступаю. Когда-нибудь потом, быть может, ты мне спасибо скажешь.

Геракл указал двумя руками на спутницу свою. Адмет, глядя со страхом на женщину под непрозрачным покрывалом, ответил дрожащим от слез голосом:

– Другим отдай ее, пожалуйста, Геракл. Пусть тем она достанется, которым жен сегодня хоронить не приходилось. Эта рабыня, фигурой Алкесту мне напоминает. Тот же рост и тот же стан. О, горе безутешное, горе безнадежное Мойра выпряла мне! Впереди одна тоска беспросветная и печаль безысходная будет сердце мое пожирать. Ради всех богов, скорее с глаз моих ее уведи, ты: того, кто уже мертв, не убивай вторично. Я будто тень Алкесты увидал: мутится ум, и слез из глаз готовы побежать потоки, и рана кровоточит, вновь открывшись в сердце. Пожалей меня...

Геракл как актер в театре сдернул покрывало, и Адмет, увидевший Алкесту, остолбенел, будто лишился дара речи.

– О боги... Нет, это невозможно... Иль это чудо? Да... Передо мной Алкеста... Но не глумится ль над несчастным... бог какой-нибудь злоторный... скажите, люди, мне скорее?

С трудом так говорил Адмет, вновь обретая речи дар.

– Нет, это жена твоя на самом деле. Прими ж Алкесту скорей в объятия.

Ответил Геракл, и его почти всегда сдвинутые к переносице низкие брови полумесяцем вверх изогнулись, и синие глаза довольством заискрились. Царь стал осторожно обнимать все еще неподвижную, мертвенно бледную и безмолвную Алкесту.

– О милые черты! О нежный стан любимой... Мечтал ли я, что вас опять увижу? А почему она молчит?

– Главное, что она – твоя, Адмет. Богов, однако, бойся – бессмертные и завистью нас превзошли... Богам она была посвящена подземным, и, чтоб ее ты речи услышал, очиститься ей надо, и трижды над ней должно смениться солнце. А сам всегда, Адмет, будь справедлив и гостя чти... Мне ж предстоит во Фракии еще тяжелая работа с лошадьми. Простимся же теперь надолго.

Геракл, решительно тряхнув головой, быстро ушел, а сияющий царь Фер, не испугавшись всемогущей зависти жильцов небесных, нежно обнимал, ласкал молчащую Алкесту и восклицал:

– Смотрите все, как я безмерно счастлив – жена любимая опять со мною!

По мнению Палефата, написавшим книгу «О невероятном», никому не под силу сделать так, чтобы умерший ожил. Произошло здесь, по мнению Палефата, что-то в таком роде: Выйдя ночью из города, Адмет натолкнулся на вражескую засаду и был взят в плен. Сын Пелия Акаст грозился убить его, если он не выдаст его сестру Алкесту, хоть она и мо-

лила о защите. Алкеста, узнав, что Адмету предстоит из-за нее смерть, вышла из города и отдалась в руки брата. Тогда Акаст Адмета отпускает, ее же берет под стражу. После этого люди стали говорить: "Отважная женщина Алкеста: она добровольно согласилась умереть за Адмета". Примерно в это же время откуда-то явился Геракл, отправившийся за кобылицами Диомеда. Его по пути принял как гостя Адмет, который очень горевал о несчастье, постигшем Алкесту. Чтобы вернуть ее, Геракл нападает на Акаста и разбивает его войско. Всю добычу он делит среди своих воинов, Алкесту же вручает Адмету. И вот люди стали говорить, что Геракл, оказавшись здесь, вырвал Алкестиду из рук смерти.

196. Геракл захватывает коней Диомеда

После схватки с Танатосом Геракл понял, какой необыкновенной силой наделил его родитель и Могучая Судьба. Он, наконец, поверил в рассказы провидцев, что он не просто равен бессмертным, но уступает в силе лишь великому Зевсу. Теперь герой, сломя голову, не кидался в огонь и воду, крича «Победа или смерть!». Навстречу неотвратимой опасности ныне он шагал спокойнее и увереннее в своей победе, чем при свершении первых опасных подвигов.

Перед тем, как отплыть во Фракию Геракл постарался разузнать как можно больше о царе бистонов Диомеде и его необыкновенных конях. Один торговец, часто бывавший в землях, простиравшихся на запад от Понта до самого Стримона, ему рассказал:

– Я несколько раз бывал у бистонов, которые живут по берегам изобильного рыбой озера Бистониды и у Эгейского моря. Они славятся своей воинственностью и чрезмерным употреблением вина. Бистоны считают своего нынешнего царя Диомеда сыном дочери владыки лапифов [Гипсея](#) Кирены и щитодробителя буйного Ареса. Слышал не раз я их восторженные рассказы о четырех особенных царских конях. Говорят, что более сильных и красивых лошадей, чем эти кони не бывает на свете. Однако, мое тебе слово такое:

подобных ужасных кобылиц я больше не знаю потому, что их мощные челюсти съели уже немало людей – они питаются только человеческой плотью. Я видел их близко только однажды, но мне и этого хватит – из их челюстей огнедышащих куски тел человеческих торчали, застряв меж клыкастых зубов в пастях окровавленных. Обычные путы не могут удержать ужасных этих коней, поэтому они всегда прикованы толстыми железными цепями в стойлах с каменными стенами. Царь-нечестивец с самого их рождения кормит своих лошадей не только телами рабов, но и убитыми чужестранцами – одинокими путниками без роду и племени и отставшими от своих кораблей мореходами...

Геракл выслушал все с неопределенной улыбкой, на словах не высказал недоверия торговцу, бывавшему у бистонов и предложил ему плыть вместе в диомедово царство, но тот наотрез отказался. Тогда, собрав две дюжины добровольцев, согласившихся его сопровождать и при необходимости сражаться с бистонами, он отправился в Фивы, оттуда переправился через узкий пролив на большой остров Эвбею, с которого и отплыл в туманную страну чубатых фракийцев.

Время в пути кануло в Лету, и вот уж пловцы тихо в пристань на веслах вошли, белые паруса на судне быстроходном быстро вверх подтянув, и у самого берега на мелкой воде чернобокий корабль канатами закрепили надежно. После этого Геракл с товарищами безмолвно в полной тиши вышел на пустынную прибрежную землю. Не встречая никаких

препятствий, Зевсов сын вместе с длинноволосыми юношами, еще не посвятившими своих кудрей Аполлону, добрался до видных с моря мощных стен дворца Диомеда, к которому сзади была пристроена конюшня с высокими, толстыми стенами из крепкого серого камня.

Дворец царя бистонов, окруженный глубоким рвом, находился на высоком холме и казался неприступным для штурма и потому его называли Картера Коме (Крепкое селение). Самого сына Ареса по случайности не было дома, он во главе большого отряда бистонов, знаменитых воинственным пылом и буйными играми, на самой высокой горе в честь гроздолюбивого Вакха разные игры и пышные пиры учинял, ведь бистоны были известны своим непомерным пристрастием к употреблению вина.

Геракл, приказав своим спутникам ждать его во дворце, сам, раздавая налево и направо удары свой дубиной из дикой оливы, легко одолел слуг и рабов, охранявших конские стойла. Когда оставшаяся в живых прислуга, побросав оружие, с криками разбежалась, герой осторожно вошел в конюшню и увидел прикованных железными цепями к массивным медным стойлам четырех удивительных коней.

Красота этих лошадей завораживала. От волшебных линий прекрасных тел этих необыкновенных животных сын Алкмены, большой почитатель Каллоны, не мог оторвать глаз, хоть он и не был особым поклонником лошадей. У всех коней были мощные грудные клетки, поджарые животы, гиб-

кие шеи и длинные точеные ноги, под их гладкой, лоснящейся кожей играли упругие сильные мускулы. Каждое движение этих животных было полно природного изящества, неизъяснимой грации и дикой первозданной мощи.

Герой, как зачарованный стоял у первого стояла и восхищенно смотрел на коней. В глазах этих необыкновенных животных ему привиделось сознание собственной неотразимости. Ему показалось так же, что эти дивные создания, обладая такой красотой, от которой невозможно было глаз оторвать, должны быть добры, ласковы и дружелюбны к людям, сердца которых вечно жаждали красоты.

Однако, первое впечатление, производимое чудесными конями, было обманчивым. Когда он получше рассмотрел коней, кровью чужеземцев вскормленных, он понял, что взгляд их глаз был не просто свободолюбивым или строптивым, он был злобным и диким, а из их ноздрей во время дыхания вырывался сизый горячий воздух, цветом и запахом напоминающий дым.

Амфитрионид, увидев дым, выдыхаемый лошадьми и почувствовав его обжигающий жар, закрыл глаза и помотал головой, чтобы избавиться от зачаровывающей красоты необыкновенных животных и быстро накинул им на головы, заготовленные заранее мешки из сырых воловьих шкур. Кони вначале словно взбесились от непривычных головных уборов. Они непрерывно хрипели и ржали, то становились на дыбы, то, наоборот, припадали на передние ноги и высоко

взмахивали копытами могучих задних ног.

Однако после того, как сын прекрасноволосой Алкмены молча дал кобылицам почувствовать мощные удары своих кулаков по их спинам и задам, от которых их тела, как большие мешки с растопыренными ногами шмякались на пол, они присмирели. Укрощенные кони перестали беситься и покорно позволили отвести себя на чернобокий корабль с палубой крепкой, сбитой из просмоленных толстых досок сосновых и брусом из мореных дубов.

Погрузив огнедышащих лошадей с кожаными мешками на головах в просторное нутро полого мореходного судна, Геракл привязал кобылиц их же цепями и оставил на попечение своего возлюбленного юноши Абдера. Абдер был сыном зевсова глашатая и вестника бога Гермеса от умершей при родах матери, имя которой было забыто, жившей в Локриде Опунтской.

Говорят, что с самим Аполлоном был этот юноша очень схож: прекрасное лицо, нежный румянец и голос те же, и золотистых кудрей благовонных волна одинаковая у обоих, и гибкая стройность, и прелестная юность, а это прекрасная сила!

Геракл, крепко обняв за плечи Абдера и глядя с обожанием ему прямо в глаза, сказал голосом подчеркнуто строгим:

– Сын благородный Гермеса, мальчик возлюбленный мой! Пока я буду искать Диомеда, и трупами любящих драки бистонов его страну наполнять, ты здесь останешься с этими

конями, которые только с виду кажутся такими безобидно красивыми. Запомни крепко-накрепко: близко к этим лошадям нельзя подходить, только издали окатывай их холодной водой и не забывай о сыромятных мешках на их головах, чтоб не высохли они и не истлели от их огненного дыхания. Да, лошади эти очень красивы, но еще раз, как заклинанье, тебе повторяю: не дерзай подходить к этим ужасным красавцам близко, ведь они людоеды и очень сильны!

197. Разгром бистонов и пленение Диомеда

Смиритель многих чудовищ, а теперь и необыкновенных коней, Геракл вновь сошел на берег, где на этот раз его уже поджидали воинственные бистоны во главе с грозным, как отец Эниалий, царем Диомедом. Вернувшийся во дворец владыка бистонских народов обнаружил пропажу своих необыкновенных коней и, узнав от слуг, кто похититель, быстро собрал 12 сотен вооруженных воинов и с воинственным криком пустился в погоню.

Герой, уже давно на земле истреблявший чудовищ, увидев тысячное войско врагов и окруженного телохранителями царя, своим спутникам молвил:

– Очень доволен я, милые друзья, что не надо мне будет долго искать сына дикой девы Кирены и вечно испачканного в крови Арея. Ведь, если я уплыву с этими чудовищными лошадьми, не наказав, для примера другим, царя – нечестивца, выкормившего коней-людоедов, то сделаю лишь половину дела и не будет ни истинного торжества справедливости в любимой моей Элладе, ни мне подлинной славы.

Некоторые рассказывают, что поскольку людей Геракла было намного меньше, чем преследователей, он одолел их, прибегнув к военной хитрости. Он прокопал небольшой канал по берегу и, спустив морские воды на равнину, одолел

свирипых противников, многие из которых утонули в разлившейся влажной пучине. Когда уцелевшие бывшие преследователи сами обратились в бегство, Геракл с запрокинутой шеей, с бешеным криком «Алала» на них нападал. С криком подобным журавли погибель готовят мужам низкорослым пигмеям, пролетая в небе высоком, когда устремляются от холодной зимы и дождей бесконечных к землям, ласковым солнцем согретым. Под ударами разящей налево и направо дубины Геракла мертвые враги, как тряпичные куклы во все стороны далеко разлетались. Разбушевавшийся герой лютовал, словно расвирепевший вепрь, что своре собак сам навстречу бросается яростно и загнутыми рвет окровавленные тела их клыками. Настигнув, спасавшегося бегством царя, Геракл раскидал в стороны его охранников и, поразил Диомеда не сильным ударом своей помощницы верной – дубины, осененной бледной красою дикой оливы.

Однако те, кто сопровождал Геракла, говорят, что он не рыл никакого канала, а просто направился к неприятелям, и те, числом около тысячи бросились на него. Десятка два юношей, сопровождавших Геракла, стали дружно уговаривать его спастись бегством, но он, пылая безумной яростью боя, громогласно воскликнул:

– Нет! Не видать лучам яркого солнца, чтобы доблестный сын Алкмены спину врагам показал и несмываемым позором себя запятнал. Лучше доблестно погибнуть в бою, овевя себя немеркнущей славой!

Впрочем, те, кто видел храбрейшего мужа в этом бою, говорят, что Геракл о преждевременной смерти не помышлял и был твердо уверен в своей победе. Он расстрелял многих из лука своими губительными стрелами, а когда они окружили его, он еще большее число врагов искалечил и убил своей огромной дубиной. Ни городов разрушитель буйный Арес с Энио, ведущей за собою безумный ужас и смятение в битве, ни бодрящая к бою мощная и справедливая Афина-Паллада с пренебреженьем на него не взглянули б. Могучий Геракл непрестанно сражал бегущих бистонов. Так же, как бурный огонь на сухой лес яростно нападает; быстрый ветер его с воем повсюду разносит, и падают с вывернутыми корнями деревья высокие, и высохший кустарник громко трещит под напором мощным огня, не знающего пощады. Пали бистонские головы так под дубиной Геракла, и много коней длинногривых с грохотом мчало в прорывы меж войск колесницы пустые, томясь по возницам, которые по всей равнине неподвижно лежали, больше подходящие для хищных птиц и бездомных собак, чем для своих жен полногрудых. Неотступно Алкид преследовал с криком ужасным противников и их кровью багрил дубину из дикой оливы и свои неоторные руки. Так тучи мелких птиц во все стороны испуганно мчатся с жалкими криками, увидев летящего к ним смерть несущего ястреба, хищного ловца голубей и голубок. Так же и многочисленные враги Геракла, видя, что ничего не могут сделать могучему герою, одетому в непро-

биваемую львиную шкуру, а их ряды заметно редуют с каждым взмахом его жуткой дубины, с оглушительными воплями в разные стороны разбегаются, охваченные диким страхом и паническим ужасом. Огромного войска стоит один человек, если Зевс его в сердце, как родного сына возлюбит.

Гибрис, богиня непомерной гордыни и спеси, уже прочно облюбовавшая место в дерзком сердце могучего зевсова сына, игриво предложила ему не убивать бистонского владыку легкой смертью, и он радостно с ней согласился. Геракл догнал Диомеда, вскормившего ужасную четверню кобылиц, и выбил его из седла своей любимой дубиной насколько смог осторожно, так, чтобы он не сразу издох. Затем он еще живого царя бистонов заарканил и, вскочив на коня, под его душераздирающие вопли неспешно потащил волоком на берег к чернобокому кораблю, плавно покачавшемуся на прибрежной влажной дороге.

198. Смерть Абдера

На корабле героя, с отвердевшим в разных бедствиях сердцем, ждало новое большое несчастье. Возлюбленный юный Абдер, в этом походе заменивший Гераклу племянника Иолая, поленился часто поливать морской водой мешки, одетые на головы диомедовских лошадей, они высохли и, как сухие лучины, истлели от их огненного дыхания. Зверские лошади, опять почувствовав свою прежнюю силу, зажарили своим огненным дыханием юного Абдера, когда он подошел к ним слишком близко, чтобы одеть на их головы новые мешки. Чудовищные кобылицы сожрали юношу, о чем свидетельствовали несколько крупных белых костей, валявшихся между ними на забрызганных кровью сосновых досках корабельного пола.

Громкий стон издал герой необорный, подобно тому, как воеет могучая горная львица, когда ловцы в ее отсутствие похитят львят ее малых, и она, у логова своего появившись, жестоко страдает, места себе нигде не находит, рыщет и нюхает всюду со звериной надеждой в глазах, но нигде их не может найти и по-своему плачет. Так же и Геракл горестными стопами окрестности оглашал, не находя нигде милого друга Абдера:

– Острое горе, словно метательный дрот, вонзилось в сердце мое. Горе безмерное! Горе невыразимое! Сколько

разных слов я говорил ему в этот день злополучный, чтоб ни за что не подходил он близко к лошадям этим страшным. Но все так же ко мне жестока Судьба, опять в самое сердце лягнула меня своим железным копытом! Если б Абдер доблестно пал в бою, пронзенный губительной медью, он выглядел бы вполне пристойно, лежи он хоть так, хоть иначе. Он и мертвый был бы прекрасен, если б его мальчишеское тело было от крови отмыто и умащено маслом. Я бы мог милому другу руки на грудь положить, но мне даже тела для похорон жестокий Рок не оставил – только несколько обглоданных белых костей.

На эти белые кости, возложив к убийствам привычные руки, тяжело стонал отпрыск Зевеса, подобно тому, как чадолюбивая львица тихим урчанием сетует, что кто-то похитил львят ее малых, а она тоскует без них, рыщет везде, принюхивается – следов похитителя ищет, и, не найдя, берет ее ярая неукротимая злоба. Так же недолго горестным воплям предавался Геракл, не любил он богиню скорби Алгею, зубы его скоро заскрежетали от ярого гнева; прищуренные синие очи потемнели и страшно, как пламень, стали светиться; сердце и душу страданьем истерзанную ему раздирала теперь злость нестерпимая.

Отпрыск Зевеса широко замахнулся дубиной, собираясь раскрошить головы лошадей ненавистных, но в последний миг сумел удержаться, и спутники услышали его горестный крик:

– Нет! Я должен быть справедливым. Кони не виноваты в том, что их жеребятами Диомед приучил питаться человеческим мясом. На душе моей ужасная горечь, но справедливость превыше всего! Пусть живут эти красивые твари, надо только лучше за ними следить. Дубину мне все же лучше отбросить, чтобы не было искушения убить этих людоедов – красавцев.

Геракл отбросил дубину и долго стоял, сжимая и разжимая голые кулаки, а в голове были мысли такие:

– Нельзя этих коней убивать и, конечно, не потому, что они очень красивы и не виноваты в глупой смерти Абдера. Еще как виноваты! Но если я их живыми Эврисфею или Копрею не покажу, то царь мне подвиг этот не засчитает и придется лишний год в ужасной неволе служить. Как все же хочется страшные головы на мелкие части дубиной им раздробить!

С огромным трудом сумев взять себя в руки, Амфитрионид волосы рвать, их безобразно терзая, и стенать себе не позволил. Не руками, а лишь вздохами тяжкими он грудь себе изнутри раздирал и к сопровождавшим его юношам обратился с такими словами:

– Пирь и шутки надолго я теперь забуду, веселый круг друзей покину. Абдер, ты взял из этой жизни моей радость... И все же пусть другой влюбленный проливает неутешно слезы над телом друга, его целует и обнимает, речи скорби говорит, печали полный. Пусть юноше другому, безвременно

ушедшему из жизни, высокий насыпают холм и погребальную доску, как скорбный дар истерзанной души на могилу ему ставят. Возлюбленного Абдера в Аид провожая, я не буду свои пряди волос обрезать в дар ему, чтоб у него на могиле оставить... Я поступлю совершенно иначе: город прекрасный я здесь заложу в честь возлюбленного друга Абдера.

О городе Абдера знали Ферекид, Гекатей и Гелланик. По преданию, сын Зевса от прекраснородыжной Алкмены основал город в Эдонийских лесах, к востоку от устья Неста и назвал его Абдерами в память о своем верном Абдере, растерзанном ужасными конями.

А перед этим знаменитый герой все же устроил пышные похороны по своему любимцу. Он собрал все немногие останки Абдера и, приобщив их огню, пепел сложил в могилу, собственноручно насыпав на ней высокий холм. В память о прекрасном юноше Абдере Геракл учредил атлетические игры в честь Абдера, включающие все обычные соревнования, но только не на конях, – как память о том, что Абдер погиб от них.

Некоторые говорят, что по желанию Геракла Абдеры один раз в год подвергаются очищению, во время которого во искупление преступлений населения города его граждане на смерть забивают камнями выбранного для этого горожанина из числа наиболее опустившихся. За шесть дней до казни этого человека изгоняли из города, чтобы он мог в одиночестве осознать свое недостойное гражданина поведение.

199. Наказание Диомеда и судьба его кобылиц

Разгневанный Геракл жаждал, как можно страшнее наказать мерзкого царя фракийских бистонов за то, что он вскормил человеческими телами своих лошадей. Сначала он хотел каждый день отрубать у Диомеда по частям руки и ноги, чтобы тот подольше мучился. Тут кто-то из сопровождавших Геракла восторженных юношей сказал:

– Только те любезны бессмертным, которым ненавистна богиня несправедливости Адикия.

Тогда, отпрыск Зевса, стремясь всегда и во всем быть справедливым, бросил еще живого царя, возвращенным им лошадям, и те долго с хриплым ржанием рвали своего бывшего хозяина и кормильца еще живого на части.

Геракл дождался, чтобы затихли душераздирающие вопли мучительно умиравшего Диомеда и негромко заговорил сам с собой:

– Ну почему мои настоятельные слова к Абдеру оказались напрасными? Я ль не просил его не подходить к ужасным этим коням очень близко? – Просьбы наши без внимания безразличная ко всему оставляет Судьба, невозмутимо метущая людей по земле, как вихрь – осенние листья. Не зря говорят, что дочери – Просьбы великого Зевса-Кронида на ноги хромы, с лицами в морщинах сплошных, с маленьки-

ми глазами, глядящими робко; за Ослеплением могучим они всегда озабоченно следом ступают. Да, в этой тягостной жизни не просьбами надо всего добиваться, а только лишь силой!

Один из юных спутников, вскоре заменивший Гераклу Абдера, ведь тот и одной ночи не мог прожить без брани с Эротом иль без сражения с Афродитой, рассказывал:

– После похорон возлюбленного Абдера могучий Геракл, раздавая лошадям кулаками и локтями удары, надел им на головы с окровавленными мордами новые сырые мешки из воловьей кожи и сам, никого к ним не подпуская, поливал их, когда было надо, пока плыли в Микены. Сойдя на берег, Геракл запряг в крепко сколоченную колесницу всех четырех кобылиц необычных, которые до этого не знали ни вожжей, ни узды, и отправился через горы в Микены, поливая лошадей не водой, а ударами бича, и те больше уже не пытались сопротивляться герою дерзновеннейшему, несокрушимому львиному сердцу, лучшему цветцу Эллады.

Гера, следуя своему плану, пыталась погубить ненавистного пасынка с помощью Ареса или Гекаты, но все ее старания оказались напрасными. Сын нелюбимый всеми смертными и богами ей заявил, что он бурно воевал на стороне бистонов против Геракла, но сделать против его силы не смог ничего. Кратеида же, высокопочтенная богиня и призрачная волшебница, пришедшей к ней Гере язвительно сказала, что Диомед ей не брат, а герой Геракл не сделал ничего худого.

Когда верноподданный слуга златотронной Геры Эврисфей, не зная, что делать с доставленными ему Гераклом чрезвычайно опасными для жизни конями, хотел подарить их своей царственной покровительнице, ведь они были бесподобно красивы, белокурая супруга Громовержца, решительно замотала прекрасной своей головой. Она наотрез отказалась ездить в упряжке с такими красивыми конями и, не объяснив причину отказа, приказала отпустить их на вою. Слуги Эврисфея, соблюдая величайшую осторожность, выпустили кобылиц у подножья горы Олимп, на сияющих вершинах которой хромоногий искусник Гефест для богов нетленные чертоги построил. Дальнейшая судьба табуна Диомеда доподлинно не известна.

Одни говорят, что богиня дикой природы вечно юная Артемида, чтобы не было лесных пожаров, наслала на чудовищных кобылиц свирепых горных львов и черных пантер, которые разорвали их на части и сожрали.

Другие говорят, что до того, как четырех лошадей Диомеда звери сожрали, они успели оставить многочисленное потомство. Родившиеся дивные кобылицы очень понравились Посейдону – Гиппию (конный), который умел диких коней укрощать, и они его почитали. Он сделал леса, где они обитали всегда очень влажными. Там они, питаясь лесной дичью, научились жить в этих сильно заболоченных лесах, где их жаркое дыхание не вызывало лесных пожаров. Продолжая скрещиваться с обычными конями, они много лет

давали потомство, которое постепенно теряло свои способности страшные.

Став травоядными, некоторые потомки страшных кобылиц дожили до мировой Троянской войны, а другие – даже носились под седлами знаменитых воинов надменного сердцем македонского царя Александра, дерзко пытавшегося завоевать весь подсолнечный мир и прозванного «Великим» людьми раболепными.

По древнему преданию, сам Буцефал (быкоголовый) – любимый конь Александра Македонского – происходил от этих красивых и ужасных коней. Буцефал долго был диким и неукротимым конем; никто не мог заставить его слушаться, никому не позволял он сесть на себя верхом и всякий раз кусался, как лев, лягался и взвивался на дыбы. Только не ведавший страха 10-летний Александр, страдавший, как Геракл, с самого детства приступами бешенства, смог укротить своего сверстника коня и с тех пор никогда ним не расставался, пока тот не погиб от смертельных ран на поле сражения.

Палефат, рассуждая о 8-м подвиге Геракла, пишет, что лошадь – это животное, которое куда больше радуется сену и ячменю, чем человеческому мясу. Истина же вот в чем. Поскольку в древности люди были земледельцами и таким способом добывали себе еду и имущество, возделывая землю, кто-то особенно стал заботиться о содержании лошадей. Он до того им радовался, что загубил свое имущество и, продавая его, растратил все деньги на корм для лошадей и умер

больным и нищим, и тогда близкие к нему люди прозвали его лошадёй людоедскими.

Согласно толкованию Гераклита-Аллегориста, кони-людоеды Диомеда – это просто опасные для людей дикие лошади, которых Геракл объездил, обуздал и запряг в повозку.

Геракл же вскоре получил очередное, по счету, уже девятое задание от Эврисфея – принести пояс царицы амазонок Ипполиты.

200. Эврисфей приказывает похитить пояс Ипполиты

Домочадцы Эврисфея все, как один, говорят, что он всегда был очень чадолюбивым. У него было трое взрослых сыновей Перимед, Эврибий и Эврипид и самая младшая из всех детей дочь Адмета. Он как только мог баловал всех детей, пока они были маленькими. Однако, когда сыновья стали эфебами, Эврисфей призадумался, увидев, что они выросли высокомерными и надменными. Он продолжал их любить, но баловать перестал, а иногда даже не строго наказывал, когда кто-то из них это заслуживал.

В год, когда Геракл похитил кобылиц Диомеда, Адмете исполнилось 12 лет, и она стала жрицей Геры. Девочка была, как и братья, нормального роста, однако у тех были, унаследованные от родителя большущие мясистые уши, у нее же были нормальные ушки, и вообще она была очень красива, хотя девичьей прелести своей не осознавала еще.

Глядя всегда с обожанием на Адмету Эврисфей так часто со своим, беседовал сердцем:

– Почему люди любят своих детей сдержанно, меньше, чем родителей, братьев, сестер? – Все считают, что детей всегда можно завести новых, в отличие, например, от родителей или братьев. Я ж так не думаю. Даже сыновей, хоть часто они меня огорчают, я продолжаю сильно любить, хоть баловать

их больше себе не позволяю. А вот ради моей горячо любимой Адметы я готов рассердить даже Геру.

Сфенелид никогда ни в чем не отказывал своей любимице, и когда она однажды заявила ему, что хочет получить Пояс Ипполиты, он тут же пообещал исполнить желание любимой дочери, хотя даже не знал еще, что это за пояс такой.

Царь, не откладывая, быстро разузнал у сведущих людей все о необычном поясе и тут же, не советуясь об этом с Герой в ежедневной молитве, послал гонцов за Гераклом, и когда тот на утро следующего дня явился, сказал ему следующее:

– Радуйся Геракл! Новое задание тебе будет не трудное. Я хочу, чтобы ты доставил мне пояс Ипполиты. Царица амазонок Ипполита носит этот златокованный Пояс, как знак верховной власти над всеми амазонками, проживающими на реке Фермодонте. Говорят, что этот пояс дарует обладателю военную удачу, но мне он необходим не для войны – моя дочь Адмета слышала о нем от кого-то и его пожелала иметь. Ты можешь этот пояс купить, я дам тебе деньги иль обменять, украсть или завоевать, дело твое, ты волен поступить как захочешь. Только дело это не откладывай, корабли для тебе уже снаряжают... Слава заслуженная твоя не пострадает, как бы ты не поступил, ведь амазонки – это чудовища такие же, как кентавры, с которыми ты бился на горе Фолоя...

Геракл, вытянув губы, смотрел на маленького Эврисфея и удивленно, и настороженно. В самом начале речи он, удивившись дружелюбному тону царя, про себя так подумал:

– Задание что-то слишком простое: чтобы купить или выменять или даже отнять или украсть у пусть даже очень воинственных женщин какой-то пояс не надо много ни ума, ни силы или труда. Здесь что-то не так. Опять что-то задумал ничтожный царек по приказу моей мстительной мачехи. Коварство какое-то очередное недоносок ушастый замыслил, иль Гера сама придумала такие хитрые козни, что их сразу не видно.

Царю же Геракл так ответил, с виду бодро и радостно:

– Я все исполню, как тебе хочется, царь. Можешь считать, что Пояс Ипполиты уже у тебя. Я отплыву в тот же день, как только корабль с палубой крепкой будет готов. Это будет уже девятый подвиг и останется только один, ведь всего 10 подвигов совершить на службе у тебя мне назначила аполлонова дева.

Только после того, как герой, Герой вечно гонимый, ушел, Эврисфей с жалобным криком схватился за редкие, как мышиные хвостики, пряди своих волос и горестно застонал:

– О боги! Что ж я наделал! Ведь Гера после того, как отвергла быка, которого по моему приказу доставил с Крита Геракл, мне строго сказала, чтобы впредь я всегда с ней советовался прежде, чем ее пасынка на новый подвиг послать. Ох, чувствую я, что Гера мне не простит такое самоуправство, тем более что Гераклу после возвращения с Поясом останется всего 1 подвиг. Наверно, я погиб. И все же я не сожалею о том, что совершил. Ради любимой Адметы, сол-

нышка моего, я все стерплю, но надо что-то срочно придумать, иначе девочка моя может остаться с Поясом, но без отца... Может быть, мне задержать на день иль два Геракла и посоветоваться с Герой?

Царь беспокоился напрасно. Гера явилась, как только сон некрепкий и беспокойный опустился на редкие ресницы и веки дряблые царя, свернувшегося калачиком на краешке огромной царской кровати и подложившего, как ребенок, обе ладони под щеку.

Царица Олимпа, задрав высоко подбородок, начала говорить притворно строгим голосом:

– Знаю, царь, что ты опять без моего ведома отправил на подвиг Геракла. Что же мне с тобой делать прикажешь, царь Эврисфей? Как, по справедливости, поступить? Может, твой болтливый язык все же плоти лишит, чтоб он власть над голосом потерял? Кажется, я это сделать уже однажды хотела?

Царь от внезапного страха голоса своего и без Геры лишился. Он всем телом вжался в кровать, а голову спрятал под подушку.

Довольная произведенным впечатлением царица богов гнев притворный сменила на милость:

– Ладно, Эврисфей, не пугайся, на само деле я не сержусь. Ведь это я твоей маленькой дочке и моей юной жрице внушила просить тебя о Поясе варварской девы. Адмета тебе об этом ничего не сказала? Она, хоть еще девочка, но хорошая жрица, не то, что аргосская Ио. Впрочем, теперь это не

важно – Геракл уже на корабле и готовится утром отплыть. Я явилась к тебе, чтоб объявить: Геракла несколько не надо задерживать. Пусть плывет навстречу своей погибели. Ведь не думает он, что справиться с целым войском могучих воительниц, которым всегда помогает их отец – неистовый сокрушитель твердынь Эниалий будет намного труднее, чем перебить диких кентавров, которые даже упругого лука не знают. Амазонки же в битвах очень искусны, владеют любым оружием лучше многих мужчин, особенно метко они пускают пернатые стрелы и метают дротики, и они очень отважны. Кроме того, я сама, покинув на время олимпийский престол, приму облик амазонки и буду разными речами возбуждать воительниц, не знающих к мужчинам пощады, на смертельный бой с ненавистным отродьем Алкмены.

После ухода Геры Эврисфей, наконец, обрел возможность говорить и сладостным сном по-настоящему насладиться. Снился ему упоительный сон, в котором его прекрасная дочь в поясе новом благодарно обнимает его, заглядывает в глаза и нежно целует.

201. Пояс, дарующий военную удачу

Амазонки – это очень воинственные женщины, научившиеся жить без мужей. С детства девочек они воспитывали, как мальчиков в Спарте. Поэтому, возмужав, девы-воительницы в любую погоду не носили хитонов, круглый год, пользуясь одним единственным гиматием, редко мылись и не умащивали тело, мало ели и часто голодали и, конечно, развивали силу и ловкость в обращении с конями и оружием, отдавая предпочтение луку и легкому дротику. Для воспроизведения потомства амазонки на короткое время вступали в связь с мужчинами из соседнего племени гаргареев. Родившихся мальчиков они иногда убивали, но чаще отсылали к отцам, девочек же оставляли у себя и воспитывали из них новых амазонок, с раннего детства обучая воинскому искусству.

Первые враждебные мужам амазонки, по древнему преданию, были дочерями бога неистовой войны, превращавшего воинов в бешеных кровавых убийц Ареса, от мало кому известной наяды Гармонии, которая родила их в долинах фригийской Акмонии.

Некоторые же, как Аполлоний Родосский, считают амазонок дочерями Ареса и его дочери Отреры.

Сначала воинственные девы жили по берегам реки Амазон, давшей им название «амазонки». Теперь эта река назы-

вается именем Танаиса – сына амазонки Лисиппы. В устье реки Термодонт жило племя во главе с Лисиппой, в нем женщины, наравне с мужчинами занимались военными делами и занимали выборные должности. Лисиппа, отличаясь изумительной храбростью и воинской доблестью, вскоре стала царицей. Набрав войско из одних женщин и обучив их военному искусству, она покорила некоторых соседей, а мужчинам предоставила сначала выполнять домашние женские работы, а затем – полное смирение, больше похожее на рабство.

Некоторые рассказывают, что сами видели, как у мальчиков амазонки завели обычай калечить ноги и руки, чтобы сделать их непригодными к военной службе, а у маленьких девочек выжигали правую грудь, чтобы в пору телесной зрелости она не выдавалась и не мешала им натягивать тетиву при стрельбе из лука. Отличаясь вообще умом и военными талантами, царица Лисиппа основала огромный город при устье реки Термодонт, по имени Фемискира и к этому времени покорила всех соседей до самой реки Танаис.

Лисиппа, мужественно сражаясь в одной из битв, доблестно окончила свою жизнь, оставив после себя дочь по имени Ипполита, которая в доблести превзошла свою мать. Каждый день, обучая юниц военному делу, она установила богатые жертвоприношения Аресу и Артемиде Таврополе, которых амазонки чтили превыше всех других богов и богинь и основали их культ.

Согласно преданию старины глубокой, бог – мужегубитель

Арес, с головы до ног кровью свежей всегда залитый, подарил Ипполите Пояс, который не только надежно защищал бедра, но и даровал его обладательнице военную удачу. На поясе этом было изображение всего, что в бою драгоценную победу дарует: Сила и Мощь, Доблесть и Храбрость, Упорство и Хитрость, Быстрота и Решительность и, конечно, Военная Удача. Желанная Удача в бою была изображена в виде обнаженной зеленоглазой молодой женщины с небрежно распущенными пепельными волосами; она держит в опущенной левой руке лук, колчан со стрелами на привязи, надетой через плечо, а в поднятой правой руке – меч короткий, но острый, похожий на большой дрот. Эта женщина стоит на вращающемся щите в форме широкого полумесяца. Вращение щита указывало острыми концами полумесяца на изменчивую воинскую удачу. Тот, кто сегодня был победителем (с мечом в руке), завтра может стать побежденным (пронзенным мечом) и наоборот – поражение в почти закончившемся бою, благодаря Удаче, могло в самом конце обернуться блестящей победой. За спиной Военной Удачи были золотые крылья, как у богини Победы Ники, а на ногах были небольшие крылышки, напоминавшие амвросиальные подошвы Гермеса. Казалось, что вот-вот и щит-полумесяц своенравного военного счастья повернется, Удача в жарком бою высоко в небо взлетит, и будет гордо реять на собственных крыльях над полем сраженья, словно богиня Победы.

Ипполита знала, что военной удачей надо уметь быстро

воспользоваться, не упустить удачный момент. Своим мечом Удача в бою безжалостно отсекает все упущенные возможности. Острый короткий меч – для людей поученье, чтобы помнили, что Удача в сражении часто находится на самом острие меча. Как только в бою наступит благоприятный момент, так тут же надо действовать быстро, решительно и смело, ибо счастливая возможность возникает и существует иногда лишь краткое мгновение, и, будучи упущенной, потом уже никогда не может быть осуществлена.

202. Геракл требует от амазонок отдать ему Пояс

Царица носила свой златокованный Пояс, как знак верховной власти над всеми амазонками. Некоторые говорят, что, отправившись войною в страну за рекой Танаис, она, благодаря своему Поясу, покорила все соседние племена вплоть до Родопских хребтов и передних стран Малой Азии. Возвратившись домой с богатой добычей, Ипполита построила великолепные храмы Аресу и Артемиде, а разумным управлением снискала себе величайшую любовь и уважение своих подданных.

Когда Геракл отправился за поясом Ипполиты, амазонки уже успели вернуться на реку Фермодонт, а в их трех главных городах правили Ипполита, Антиопа и Меланиппа. Ставший уже знаменитым герой взял в спутники пожелавших отправиться с ним славных юношей – своего возлюбленного племянника Иолая, Теламона из Эгины, Пелея из славного города Иолка, афинского героя Тесея и некоторых других желавших прославиться юных воинов. Среди всех особенно выделялся сын трезенской царевны Эфры, которая возлегла в одну беспокойную ночь с афинским царем Эгеем и повелителем влажных глубин Посейдоном. Прославленный истребитель разбойников и чудовищ Тесей всю жизнь старался походить на сильнейшего среди сильных героя Ге-

ракла.

Амфитрионова отрасль снарядила один чернобокий корабль с высокими изогнутыми носами и с попутным дыханием свежего ветра отплыла. В пути Геракл причалил к знаменитому своим особенным белым мрамором, острову Паросу, на котором жили сыновья могучего критского царя Миноса Эвримедонт, Хрис, Нефалион и Филолай. Здесь двое из числа вышедших на берег спутников Геракла погибли от рук сыновей Миноса.

Разгневанный Геракл одних тут же перебил, остальных же окружил и стал осаждать, пока они не прислали послов, смиренно предлагая, чтобы он вместо погибших спутников взял двоих из числа осажденных, кого только захочет. Тогда Геракл снял осаду, и взял с собой Алкея и Сфенела, внуков Миноса, сыновей Андрогоя.

Приплыв к бурному Понту Эвксинскому, и проплыв по нему до устья реки Фермодонта, Геракл бросил в бухте якорь и разбил стан у города Фемискиры, столицы амазонок. Поскольку элины считали амазонок чудовищами, Геракл был настроен по-боевому. Он понимал, что битва с толпой амазонок не будет бескровной, ведь дочери Ареса совсем не добры и не почитают законы. Поэтому он сразу решительно с речью недоброй обратился к высланным к нему навстречу для переговоров воинственным девам, сильно обеспокоенным прибытием крепкодушного героя, могучего участника многих насилий:

– Дочери грозного Ареса, мужегубительницы неистовые, как ваш ярый отец! Я говорю вам вполне откровенно, что прибыл сюда за поясом вашей правительницы Ипполиты, который не только бедра ей украшает, но и военную удачу дарует. Вы дружелюбно отдадите мне пояс царицы своей, не желая со мной воевать? Или, надеясь меня победить с помощью Удачи, что Пояс этот в сражении дарует, надменно откажете мне? Передайте требование мое царице. Если пояс добровольно она мне не отдаст, то знайте – насмерть будем сражаться и тогда посмотрим, кто победит – Сила моя необорная или ваша Удача в бою!

Царица амазонок не долго колебалась, думая, как ей поступить после того, как посланные ею девы вернулись. Ипполита, искусная в битвах, много слышала о подвигах знаменитого героя и втайне от всех даже мечтала зачать от него и родить могучую дочь, которой сможет передать свою царскую власть. Узнав, что Геракл прибыл к стенам ее родной Темискиры и хочет получить ее Пояс, Ипполита, не желая напрасного кровопролития, стала поспешно собираться к нему на встречу.

Чтобы подчеркнуть свою потрясающую красоту, царица амазонок кудри свои, всегда собранные на затылке в узел тугой, на этот раз вольно по обнаженным плечам распустила. Разрезав сверху эксомиду, обе упругих груди она совсем обнажила для того, чтобы показать, что у нее две груди, а не одна, как у большинства амазонок и обе невыразимо краси-

вы.

Однако надеялась Ипполита больше не на свою женскую красоту, а на святую правду и справедливость.

203. Ипполита добровольно соглашается отдать Пояс

Царица воинственных амазонок хотела воззвать к чувству справедливости Геракла и уговорить его отказаться от ее Пояса, которым она владеет законно и потому к нему обратилась с такой речью крылатой:

– Радуйся Геракл, самый могучий между героев Эллады, всегда жаждущей справедливости, без которой невозможно жить честным людям на свете. Приветствую тебя на нашей земле, славной любящими сражения девами! Я, как и ты, рождена не от смертного мужа, Арес – мой родитель, бог олимпийский, в бою ненасытный и грозный. Это он подарил мне тот Пояс, за которым ты прибыл сюда издалека, и я им владею совершенно законно. Мне передали, что ты прибыл, чтобы ограбить меня и силой отобрать дорогой мне отцовский подарок? И в этом будет очередной твой подвиг, могучий герой, но где же справедливость, которая больше всего мила и героям, и бессмертным богам?! Поправ законы и Правду, будешь ты не герой, а разбойник-грабитель!

– Женщина, не сотрясай воздух пустыми словами!.. Зачем говоришь обо всем так подробно и бросаешь на ветер слова о милой всем справедливости?

Геракл вначале своей короткой речи еще не знал, что ответит царице амазонок, которая так хитроумно решила сыг-

рать на безудержном стремлении всех людей к справедливости. Он начал тихонько бровями вращать, совсем как родитель, пытаясь найти достойный ответ царице амазонок, оказавшейся такой хитроумной:

– Конечно, Ипполите можно ответить откровенно и просто: кто сильнее в этом мире, с тем и правда... но тогда каждый сможет обвинить меня в несправедливости. И Молва это разнесет по всей Ойкумене и навредит моей страданиями и кровью заработанной славе.

От напряжения Гераклу стало даже жарко, и он, скинув львиную шкуру, остался в одной набедренной повязке и тут же, сверкнув из-под приподнявшихся бровей голубыми глазами, ответ дал такой:

– Война, царица, – твое ремесло уже не в первом поколении, она тебе мила и сладка. Начиная самые ужасные войны, вы, амазонки, никогда не вспоминаете про справедливость. Вы всегда рветесь к кровавой войне, и Пояс Арея, вам удачу дарует на ней, и потому я хочу лишить тебя этого ценного дара. И сама Дике, беспорочная мать законов, не скажет, что это будет не справедливо! Это все равно, что корову бодливую рогов лишить!

Ипполита, между тем, лишь краем уха слушала то, что отвечал ей Геракл после того, как освободился от львиной одежды. Она, не скрывая восхищения, забыв о своем Поясе, любовалась мощными мышцами героя, упруго перекатавшимися под гладкой кожей, как у молодого льва, только, что

достигшего зрелости.

Ипполите было чем любоваться: могучая шея, по ширине не уступающая голове, переходила через покатые трапеции в мощные плечи. На выпуклой широченной груди огромными плитами лежали грудные мышцы, под которыми виднелась рельефная броня брюшных мышц, которые были такими толстыми, что вместо сужения в талии нависали выступами над мощными выпуклыми бедрами. Самое узкое место фигуры Геракла приходилось на верхнюю часть бедер, где они переходят в талию.

Сын Зевса и Алкмены не только заметил, но и понял восхищенно – похотливый взгляд Ипполиты, красноречивее слов говоривший, как она любит его мощным, красивым телом. Отпрыск Кронида тут же ответил ей еще более откровенным взглядом. Ипполита своей яркой красотой напомнила ему необыкновенную зрелую красавицу на развилке, когда он делал трудный жизненный выбор. Тогда он выбрал Арету – Доблесть и Добродетель, теперь же он выбирает порочное Наслаждение, как приятное дополнение к чудесному Поясу.

Царица амазонок, большая почитательница Каллоны, плененная мощной красотой тела Геракла, восторженно с ним возлегла, чтобы сочетаться ложем блаженным и лаской любовной. Алчущие губы всегда жаждущего новой неизведанной любви героя смешались со сладострастными губами изголодавшейся по мужскому телу царицы воинственных дев,

слившись в сладостном поцелуе. Словно змеиные сплелись в жарких объятиях тела их гибкие и сильные, какие бывают только у молодых...

В груди доблестного сына Кронида ярко пылает любовная страсть, и не гаснет пожар, и в сердце волнуется пламя. С ним Ипполита вдвоем, томимая знойным стремлением к победе в сраженьи Пафийки, тоже в жгучем пылает огне. Всю ночь на пышных пурпурных покрывалах кипела беспощадная кипридина битва могучего героя и царственной амазонки; время для них словно застыло, когда души их в поднебесье на крыльях парили. Лишь к утру осенил неутомимых любовников веки амвросический сон благодатный, слетев с ярких эфирных созвездий, он тихо на мягких крыльях в предрассветную тьму соскользнул, рассекая беззвучно еще сумрачный воздух.

Не бывает бесплодным ложе могучих героев, и на следующее утро Ипполита, почувствовав новый груз в своем чреве, со счастливой улыбкой возвратилась в свой дом, сказав на прощание голосом нежности полным:

– Богоподобный Геракл! Большая отрада мне встретить такого героя могучего! Чувствую, что не напрасно эту дивную ночь я с тобой провела. В борозду женскую брошено семя мужское, и буду я матерью твоей дочери, которая вырастит красивой и сильной, как ты... А Пояс мой... он уже даровал мне удачу в сраженьи, что этой восхитительной ночью мы на ложе с тобой провели и потому мне больше не нужен, его

сама я тебе вечером принесу. Ведь ты мне дочь оставляешь на память, я же тебе – всего лишь свой Пояс.

204. Гера подстрекает амазонок на сражение

Гера, будучи бабкой амазонок, хорошо знала их крутой, но бесхитростный нрав и буйную силу, и потому, уже задумывая для героя, обязанного ей славой, новое опасное дело, планировала, если что-то пойдет не так, обманом натравить их на нелюбимого пасынка. Зная многих амазонок в лицо, Гера приняла облик одной из них, надев темную эксомиду, совсем короткую, как у всех амазонок.

Бог, явившись пред смертным, может сделать себя молодым или старым, как хочет, а может временно занять чье-то смертное тело, ибо для него мало, что невозможно. Взглянув на свое отражение и увидев голые колени и верх бедер, Гера вся покрылась краской пунцовой – женская стыдливость не позволяла ей в таком виде на улице показаться.

– Надо милая! Ты можешь и должна это сделать! Сама неизбежность вынуждает меня здесь появиться в облике амазонки. И потом в Темискире одни девы и женщины и никакой мужчина не увидит, что я неприлично одета в амазонскую эксомиду, обнажающую бедра с коленями, если я не буду сражаться с мужчинами. Но, даже, если и буду, все равно меня никто не узнает, ведь так одета на самом деле не я, и лицо это не мое, и нос, и глаза, и не мои голые эти колени и бедра!

Сказала себе Гера, посмотрев на свое отражение в гладкой меди щита амазонки, облик которой она приняла и, решительно махнув рукой, не только распустила свои дивные волосы, но и разлохматила их, сделав это, как всегда, аккуратно – она ровно расправила пряди и локоны, направив их симметрично в разные стороны. Сверкая белыми коленями под короткой эксомидой, она резво понеслась вместе с богиней обмана Апатой, громко топая по земле ногами прекрасными.

Как ярая вакханка с растрепанными волосами, бурно Гера неслась по темным улицам Темискиры, неистово вопя, как безумная:

– Милые сестры, дорогие подруги! Ужасная беда на черном корабле к нам явилась! Враг безжалостный и коварный стоит у наших ворот! У Ипполиты, нашей царицы любимой, Пояс Геракл решил отобрать и саму ее насильно хотят увезти приехавшие с ним чужестранцы! Нас же всех продадут в рабство к ненавистным мужчинам!.. Сестры, подруги, всегда чуждые позорного страха и лжи, защитим нашу свободу и женскую честь, не дадим в унижительную обиду нашу царицу!

Заслышав такие слова, возбудились воительницы, вмиг вскочили на лошадей и, словно бурный северный ветер, который с ревом обрушивается на кроны могучих дубов и ветвистых платанов, помчались к кораблю Геракла. Воинственные девы всегда жаждали битв и сражений и весело броси-

лись в бой. Как бурная радость охватывает всех, кто уже горевал над своей нивой, видя, что от засухи вянут посевы, когда вдруг небо дневное темнеет и из туч низвергается Зевсова влага, так ликовали и сердца амазонок, пылая желаньем сражаться с их извечным врагом – мужчинами ненавистными.

Отпрыску Зевса ничего не оставалось, как по велению жутколикой Ананке вступить ними в жестокую битву. Войско варварских дев начало сражаться со спутниками прославленного героя, против самого же Геракла устремились славнейшие из них и вступили с ним в ожесточенную схватку.

Все произошло очень быстро и как хотелось златотронной богине. Она так увлеклась, что тоже вскочила на белоснежного скакуна и с оголенными до пояса бедрами, помчалась на нем в первых рядах амазонок.

Завидев могучего пасынка с луком, не знающим промаха в мощных руках, Гера вдруг поняла, что увлеклась и дальше ей здесь оставаться опасно. Она мгновенно оставила не нужное ей больше тело амазонки и, невидимая никому, поймав восходящую струю теплого воздуха, богиней которого она была в древности, как вихрь, вознеслась на Олимп. И вовремя потому, что амазонка, облик которой использовала Гера, не успев удивиться тому, что она участвует в бое, пала, пронзенная чьей-то стрелой.

205. Разгром амазонок

Не все считают этот подвиг Геракла опасным и трудным. Согласно Юстину, Геркулес отправился с девятью военными кораблями в сопровождении знатнейшего греческого юношества и внезапно набросился на не ожидавших нападения амазонок. У амазонок в это время царствовали две сестры, Антиопа и Орития, но Орития вела тогда войну за пределами своего государства. Поэтому, когда Геркулес причалил к берегу, в стране амазонок с царицей Антиопой, не ожидавшей ниоткуда опасности, оставалось совсем мало народа. Потому-то и случилось, что при этом неожиданном нападении за оружие взялись лишь немногие, и блестящая победа досталась удачливому отпрыску Зевса без особого труда.

Некоторые говорят, что над амазонками начальствовал грозный Арес с Энио, раздражавшейся в бою яростным битвенным кличем. Богиня неистовой войны, разрушая все вокруг, вела за собою в битве смятение и Анадейю – богиню бесстыдства; Арес же войнолюбивый, в могучей руке потрясал огромным копьем, призывая и тех, и других не сдаваться. В разгоревшейся битве, исступленный звериный рев издавая, несется Энио́, как бурный северный ветер Борей, всегда к схватке жестокой готовый. Как бешеные псы, бросались противники друга на друга; мужи с женами в смертельных объятьях сцеплялись.

Диодор Сицилийский, рассказывая об этой битве, говорит, что первой в бой с Гераклом вступила Аэлла, получившая имя одной из Гарпий за свою стремительность. Однако противник, несмотря на могучесть, оказался еще проворнее – его губительная стрела пробила навывлет обнаженную грудь Гарпии, и багровая смерть тут же очи ее осенила. Второй была Филиппида, которая получила смертельную рану в первой же стычке с Гераклом и сразу на месте скончалась. Затем в битву вступила Профоя, которая, как говорят, семикратно побеждала вызванных ею на поединок мужчин. Она тоже была убита стрелой, не знающей промаха, а четвертой Геракл сразил амазонку по имени Эрибея. Доблесть Эрибеи в ратных делах дала ей основание похвально, что она не нуждается ни в чьей помощи, но при встрече с более могучим противником похвальба ее оказалась пустой. Следующими были Келено, Эврибия и Феба, сопутствовавшие на охоте самой Артемиде, они славились тем, что всегда мощно и без промаха с большого расстояния били дротиком. Теперь же они все вместе не смогли поразить одну цель, но, сражаясь плечом к плечу, дружно полегли все трое, одна за другой. Затем могучий Геракл одолел Деяниру, Астерию и Марпу, а также Текмессу и Алкиппу. Последняя дала обет навсегда оставаться девой: клятву она сдержала, но жизнь свою сохранить не сумела.

Иолай, возлюбленный племянник героя, гонимого Герой, который так же был среди добровольцев, отправившихся с

Гераклом за Поясом Ипполиты, так рассказывал об этом сражении:

– Блеском зловещим, подобный звезде, которая в небе всех ярче сверкает, омывшись в водах океана, богоподобный мой дядя по равнине носился подобно горной реке, вспухшей от зимних дождей, разрушающей бурно плотины; бега ее не в силах ничто задержать. Так пред ним густые фаланги воинственных дев рассыпались, сил не имея устоять перед ним, хоть и было их много. Одолев самых знаменитых и сильных из амазонок и обратив в бегство прочих воительниц, он убил большинство из них и тем самым окончательно разгромил это мужественное женское племя. Из числа пленных амазонок красавицу Антиопу он подарил своему боевому товарищу афинскому герою Тесею. О битве Геракла с мужеподобными девами ходят сейчас разные слухи. Некоторые, кто не участвовал в этом бою, говорят, что Ипполиту захватил Тесей и подарил ее Пояс Гераклу, который в ответ позволил ему взять в рабство понравившуюся Антиопу. Как участник той битвы заявляю, что это неправда. Ипполита, была очень разгневана страшным побоищем, якобы, несправедливо учиненным Гераклом и отказалась добровольно отдать ему Пояс, как сама обещала после ночного сражения с ним на его походной постели. Она сошлась с ним в смертельном поединке, надеясь на свою ловкость и силу, и, конечно, на свой Пояс, дарующий удачу в бою. Но все знают, что мой дядя – непобедимый герой и потому он левой рукой

легко выбил ее из седла, снял с нее Пояс и стал над ней с занесенной дубиной в правой руке. Я слышал своими ушами, как он, вспоминая недавние жаркие любовные ласки, предложил ей и жизнь, и свободу, если гибелью ему она угрожать перестанет, но она предпочла умереть, заколов себя в сердце небольшим острым кинжалом, вынутым из пышных волос.

Дион Христосом говорит, что Геракл распустил Пояс Амазонки, соблазнявшей его и воображавшей, будто она одолеет его своей красотой. Знаменитый герой овладел царицей амазонок и показал ей, что он никогда не будет побежден красотой одной женщины и никогда не отступит ради женщины от своих подвигов.

В Микенах Геракл отдал пояс воинственной амазонки Эврисфею, который от радости чуть не обнял его, но вспомнив о всевидящей богине Гере, сдержался.

По-быстрому со всеми царь распрощался и побежал к своей любимой дочери Адмете, чтобы порадовать ее долгожданным подарком. Однако, получив желанный пояс, девочка владеть им побоялась. Адмета, унаследовавшая от отца благоразумие, чего нельзя сказать о ее братьях, решила вернуть пояс Ипполиты богам и передала его в храм Геры, как дар священный великой богине, жрицей которой она стала не давно.

206. Геракл отлынивает от службы у Эврисфея

Геракл прослышал от людей, что микенский царь хочет не засчитать ему два подвига: убийство Лернейской Гидры потому, что оно было совершено с помощью Иолая и очистку конюшен Авгия потому, что он пытался получить плату за эту работу и потому, что всю работу за него сделали речные боги Алфей и Пеней.

Геракл не знал, что делать, подчиниться Эврисфею или нет, если царь объявит, что не засчитывает ему 2 подвига. Потом, вспоминая об этом мучительном времени, он так любимцу своему Иолаю рассказывал:

– Боялся тогда я, что Зевс может согласиться с Эврисфеем и не засчитать мне 2 подвига, ведь его доводы можно было признать справедливыми. Ох, Иолай, милый мой мальчик. Все говорят о Справедливости, и для людей, и для бессмертных она милее всего, но ведь у каждого Правда своя – даже самый гнусный негодяй считает свои злодеяния справедливыми, сваливая всю вину на других или на судьбу. Поэтому я опасался тогда, что наглый царь, беззаконья творящий, будет ко мне придирааться и находить причины для того, чтобы не засчитать и некоторые другие мои великие подвиги. Ведь я не один был у фракийца Диомеда, и мне помогал не только погибший мой юный, как ты, друг Абдер. И у амазо-

нок я был с товарищами и какими – лучшим цветом Эллады – чего стоил один афинянин Тесей. Там, в Темискире мы с ним подружились, но не так, как мы дружим с тобой. Однако больше всего я боялся, что ничтожный царек или его злокозненная покровительница узнают о том, что мне не однажды помогала совоокая Главкопида в косах прекрасных, богиня могучеотцовная. Ведь Афина посоветовала мне прижигать шеи Лернейской Гидры, снабдила меня трещотками, перепугавшими Стимфалийских птиц и научила, как очистить скотный двор Авгия от навоза и вообще напутствовала и ободряла меня, помогая иногда одним лишь своим появлением. Очень боялся я, что мстительная Гера, делящая законное ложе с отцом, узнав о помощи Афины, добьется, чтобы великий Кронид запретил ей и дальше мне помогать. Потом я узнал, что отец сам попросил Афины мне помогать, но тайно, по крайней мере от Геры. Узнав о роли Афины, Гера будет взывать к справедливости и заставит отца продлить мою рабскую службу у Эврисфея...

В общем я тогда решил выждать, осмотреться, не торопиться и по своей воле не являться ни к Копрею, ни к Эврисфею, но, конечно, и не прятался, чтобы они не объявили, как беглого раба меня в розыск.

207. Геракл покоряет мисийцев, мигдонов и вифинский народ

Иолай же об времени, проведенном с Гераклом, так подробно рассказывает:

– Отлынивая от службы у Эврисфея, дядечка мой – великий герой и всеми в Элладе очень любимый, особенно мной, все же не мог долго жить без настоящего дела. Он встретился в кулачном поединке с мариандином Титием, отличавшимся, среди соплеменников силой огромной и обликом страшным. Он давно уж ни с кем из товарищей не бился в жестокое кулачное бою, опасаясь друга невольно убить. На этот раз ему нечего было опасаться. В этом смертельном бою Титий, ростом на великана похожий, крепкие ноги расставил широко и, сильной рукой размахнувшись, мощно дядю ударил своей тяжелой рукой. Тот же легко устоял на прекрасных ногах под натиском страшным, быстро голову вбок отклонив, и могучим плечом кулак его принял. Потом дядя на шаг от противника отступил для большого размаха и сильно ему в ухо ударил, голову раздробив ему, и череп, и мелкие кости. Как подкошенный Титий упал, бессильно кусая зубами бескрайнюю землю, и душа от ослабевшего тела с залившим плачем в сопровожденье Таната в край безмолвный и унылых теней отлетела.

По возвращении из Темискиры дядя мой покорил так же

мисийцев и ближних мигдонов, сражаясь на стороне Лика (волк) сына Даскила и Анфемоесии. Как ни старались, мигдоны одолеть Геракла и Лика в самом начале сраженья, не сумели они. Неподвижно два героя стояли, особенно незыблем был мой дядя, герой дерзновеннейший, поистине бесстрашное львиное сердце. Словно высокий гранитный утес близ моря седого, непоколебимо держащийся против мощных порывов свистящего ветра и против вздувшихся пенистых волн, в него бьющихся бурно. Потом он, яро сияя огнем синих глаз, сам устремился на толпы мигдонов и на них налетал, как с разбега волна бурно на чернобокий корабль налетает, сильным ветром до огромных размеров вскормленная. Мигдоны, объятые страхом, не долго пытались сопротивляться и, избавляясь от неминуемой смерти, позорно бежали...

Дядя мой, мощнейший между мужами, смерти подвластными, потом собрался покорить весь вифинский народ с Вифинской землею в придачу, вплоть до устья Рыбы реки и утеса Колоны. Переплыв вместе со мной и с горсткой спутников таких же юных, на полуостров Малая Азия, он им так заявил:

– Нынче всемирную славу здесь в Азии Малой себе я добуду. Многих жен полногрудых заставлю я неутешные слезы руками обеими со смуглых щек вытирать, исходя в громогласных рыданиях по мужьям и братьям! Девушек юных всех себе заберу, как военный трофей и каждую ночь на но-

вую деву не только руки накладывать буду, и ни одна в ложе мне отказать не посмеет. Скоро увидят все, что не напрасно долгие дни отдыхал я от боя!

Дядя был, как губительный лев, который на коров нападает, пасущихся на травянистой низине бес счета при пастухе неумелом, не знающем ясно, как нужно тихходных коров защитить от мощного свирепого зверя; то, потрясая копьем, впереди он коров выбегает, то в страхе быстро назад отступает. Лев же, единым прыжком скакнув в самую гущу стада, ближайшую хватает когтями корову, шею сперва ей дробит, сомкнув на ней могучие зубы, после же с жадностью кровь пьет и потрохи пожирает, жертву всю раздирая на части. Пастух громко вопит, лают собаки на льва издалека, однако близко подойти к нему не решаются, трепетом сильным объятые. Все остальные быки и коровы в неописуемом страхе с мычаньем и ревом в разные стороны прочь ото льва разбегаются. Так же вифинцы все пред дядей моим в страхе без боя бежали. И покорились ему вифинцы, мисийцы и многие другие народы Малоазийские.

Дядя после этого позволил себе отдохнуть от сражений и принял участие в погребальных играх в честь убитого мисийцами брата царя Лика по имени Приол, которому, как говорят, долго пели погребальные песни. После игр мы с дядей с удовольствием продолжали помогать Лику, однако стоило только нам покинуть эту страну, как бебрики под предводительством сына Посейдона Амика вновь отняли у Лика зем-

ли и расширили свои границы до реки Гипий.

Аполлодор рассказывает, что Геракл прибыл в Мисию к Лику и был там принят очень радушно. В то время как там происходила борьба с царем бевриков, Геракл помог Лику и многих перебил: в их числе был царь Мигдон, брат нечестивого Амика. Отделив от государства бевриков часть земли, Геракл отдал ее Лику, и тот в благодарность всю эту землю назвал Гераклеей. Позднее в Гераклее создали свои колонии мегарцы и жители Танагры. Это было сделано после того, как Пифия в Дельфах объявила, что поселенцам следует основать колонию у Понта Эвксинского на земле, посвященной Гераклу.

208. Вероломный царь Илиона

Находящийся не при деле Геракл как-то случайно узнал, что город, получивший от Аполлона и Посейдона высокие и крепкие стены, страшное постигло несчастье. Зевс Кронид, из властителей всех наивысший, некогда сослал светоносного Феба и Колебателя земли Посейдона, участвовавших под предводительством Геры в заговоре против него, в годовалую ссылку на землю. Олимпийские боги, словно смертные, строили стены священного Илиона, царем, которого в то время был Лаомедонт, обещавший им в жертву принести весь приплод – скот, уродившийся за год.

Вероломный царь не сдержал обещания, не отдав послуженную плату, и из страны своей выслал богов с такими угрозами:

– Никакие не бессмертные вы! Вот Зевс-Олимпиец похитил Ганимеда, моего милого сына, так коней мне за него подарил таких, каких больше нет ни у кого на земле, хоть я об этом его не просил. А вы?! Словно нищие, вы выпрашиваете приплод, уродившийся за год, разве так поступают бессмертные боги?! Видеть больше вас не желаю. Уходите похорошему из нашей страны, а будете настаивать на оплате, так я прикажу вам оковать и руки, и ноги и потом продам вас, как рабов, на остров чужой и далекий. Так, что лучше идите скорее отсюда, пока я не приказал отсечь вам уши еще

и носы.

За обман и нечестивость могучий Летоид наслал на город Лаомедонта страшную чуму, однако не дал ей сгубить много народа, поскольку уже тогда он стремился соблюдать свою знаменитую заповедь «знай меру».

Посейдон же, безудержный в страстях, как и его бурная стихия, не стерпев наглого обмана, воды стал наклонил к побережью скупящейся Трои и прибрежные земли обратил в сплошную пучину, обрушив высокие волны на плодородные пашни. Кара и эта показалась разбушевавшемуся земли Колебателю недостаточной, и он наслал на город ужасное морское чудовище, пожирившее людей, живших на побережье.

Однажды царь бурных пучин уже насылал из рокотавшего моря чудовище на подданных эфиопского царя Кефея и Касиопеи за то, что царица похвалялась, что она и ее дочь красивее и океанид, и nereид среброногих. Морское чудовище это с помощью головы Медусы-Горгоны превратил в камень прадед Геракла Персей и спас царскую дочь Андромеду.

Многие говорят, что дельфийский оракул сребролукого Локсия предсказал Лаомедонту, что для избавления города от страшной напасти чудовищу в жертву должна быть принесена его милая дочь Гесиона.

Согласно же вещанию ликофронской Александры, троянец Феодамант по жребию должен был отдать трех своих дочерей напавшему на Троию морскому чудовищу. Но этот болтун убедил троянских граждан выставить вместо них на

жуткий ужин чудищу Гесиону, и они, собравшись на площади, с плачем владыке Трои сказали:

– Царь Илиона, не обижайся, но мы единогласно решили, что всем будет лучше, если именно ты на высокой скале оставишь связанной свою милую дочь. Только это и будет справедливо, ведь из-за твоего обмана на наш город чудовище бог наслал. Поэтому ты дочь к свадьбе такой обряди в погребальный наряд. Смертного зятя тебе не иметь, несчастный родитель: будет он обликом страшен и разумом дик, даже боги трепещут пред ним, и самой чудовищной Стикс внушает он страх.

Царю пришлось собственноручно привязать Гесиону к высокой прибрежной скале и оставить для чудовища, которое было дальним предком китов. Троянцы, оставив брачные факелы, опустили понурые головы и молча разошлись все по домам.

209. Договор Геракла с Лаомедонтом

Зевсов отпрыск был давно уж не мальчик и не бросался в кровавый бой со всяким неизвестным чудовищем, сломя голову. Поэтому, когда Лаомедонт, принявший радушно ставшего везде узнаваемым героя, стал упрашивать его сразиться с морским исполином, обещая за это любое вознаграждение, Геракл, скосив голубые глаза, с ответом не стал торопиться, и обещал подумать.

Некоторые называли морское чудовище Тритоновым псом. Другие говорили, что он чужестранец по имени Кракен, прибывший с севера по подводному пути под хребтом широкодородного моря в Элладу. Этот чудовищный исполин в несколько раз превышал размером китов и имел сотню рук, напоминавших щупальца гигантского осьминога. Убить такого водного гекатонхейра было бы не просто и самому Зевсу.

Троянцы, пребывавшие в глубокой тоске и безысходной печали по сожранным чудищем родным и друзьям, при встрече Гераклом с робкой надеждой смотрели на знаменитого героя, а тот все обдумывал предложение Лаомедонта и так сам с собой разговаривал:

— Конечно этот подвиг, хоть и кажется мне очень трудным, не пойдет в зачет службы у Эврисфея, но меркнушую со временем славу надо раскрашивать яркими красками подвигов

новых. И самое главное – за этот труд можно вполне законно и справедливо получить немалое вознаграждение, которое царь сам мне предложил. Никогда я не имел достойной награды за мои безмерные подвиги, такие трудные и опасные. Один раз хотел получить с Авгия плату, да и то ничего не вышло. Так и живу, как нищий безродный, даже посуды для устройства пира своей не имею, приходится одалживать. Одно дело, когда был я совсем молодой и все было у меня впереди, другое дело, сейчас, когда уж пожил, а ничего своего не нашёл, кроме славы. Уж давно подмечаю, что некоторые меня на словах называют великим героем, а сами смотрят, как на глупца... Да, надо мне взяться за эту работу, но какую же мзду мне потребовать с Лаомедонта? Она должно быть не малой, ведь чудовище очень огромное и победить его мне будет не просто. Денег мне иль стадо коров, пожалуй, сейчас и не надо, что с ними делать пока на службе я у ничтожества Эврисфеева. А вот кони, которых троянский царь получил от Зевса в качестве выкупа за похищенного Ганимеда, мнегодились бы.

Говорят, что сын Лаомедонта и нимфы Каллирои Ганимед (затевающий веселье) был одним из самых прекрасных юношей, когда-либо рождавшихся в Элладе. Прекрасным ликом своим он подобен был светозарному Фебу. Однажды, когда юноша пас отцовские стада на каменистом склоне Иды и захотел искупаться в ручье его, обнаженного, увидел Зевс. Царь богов так пленился необыкновенной красотой юноши,

что, накинув на него хитон, тут же превратился в орла и, схватив его крепкими когтями, плавно взмыл ввысь. Зевс был осторожен, летя в высоком эфире, он крепко и в то же время нежно держал свою драгоценную ношу, мягко могучим крылом помавая. Юноша во фригийской шапке долго не понимал, куда и зачем его несет могучий орел. Он не боялся высоты, но очень беспокоился за порученные ему отцовские стада, и Зевс во время полета успокаивал отрока ласковыми речами, а на Олимпе сказал:

– Ну же, скорее меня поцелуй, отрок прекрасный, убедись, что у меня нет больше кривого крепкого клюва, а есть сладкие губы. Ты зришь пред собою самого Зевса – царя бессмертных богов. Теперь и ты бесстаростный небожитель и будешь вкушать амбросию и пить нектар и разливать его в кубки блаженным богам на пирах, а ночью будешь любить меня возвышенней и благородней, чем мать твоя Каллироя любила Лаомедонта.

Зевс, как олицетворение высшей справедливости, передал в утешение Лаомедонту золотую виноградную лозу работы Гефеста и пару великолепных белых коней с черными гривами и хвостами, и лучше этих коней, говорят, нигде на земле не найти.

Когда Геракл сказал о своем желании Лаомедонту, царь хитро прищурил свои и без того маленькие глубоко посаженные глаза и, ничуть не споря, согласился подозрительно быстро. Простодушные губы отпырка Зевса искривились, а

глаза стали часто моргать, он готовился торговаться упорно, говорить какое страшное чудовище Земледержец на город наслал... Однако удивление Геракла длилось не долго, и он так себе объяснил сговорчивость Лаомедонта:

– Царь так быстро отдать мне своих коней божественных согласился потому, что не верит, что я сумею победить столь страшное чудовище, или же потому, что он очень любит свою дочь, хотя, конечно, многие считают его большим обманщиком. Но, если он обмануть меня все же посмеет, то потом об этом страшно пожалеет.

210. Геракл освобождает от пут Гесиону

Геракл, готовясь к сражению с морским чудовищем, приказал троянским кузнецам вместо подаренного ему на свадьбу Гермесом короткого меча серповидного изготовить для себя прямой обоюдоострый меч в крепких ножнах. Этот меч только двое сильных мужей могли приподнять. Придя на прибрежную скалу, герой увидел прекрасную деву, большого роста, со смуглым стройным телом, очень красивую лицом, со слезами и брызгами моря, и даже страдание и страх не могли испортить его.

Сосредоточенный перед боем, который мог оказаться в его жизни самым последним, Геракл, тем не менее, окинул рыдавшую троянскую царевну оценивающим мужским взглядом. Она была очень смуглая, хорошо сложенная, с точеной шеей, безупречной грудью с большими коричневыми сосками, короткой талией и длинными ногами. Лицо девушки, спрятанное в запутавшихся на ветру темных волосах, отпрыск Алкмены и Зевса как следует не разглядел, он не мог оторвать ни рук, ни глаз от ее обнаженных бедер упругих, которыми ловко она шевелила, помогая ему развязывать пу- ты.

– Цепей не таких ты достойна царевна, а лишь тех, что пылких любовников вяжут. Как бы я жаждал встретиться с

тобой в другом месте при других обстоятельствах, но не все для нас потеряно здесь, и мы можем в ожидании чудища на этой львиной шкуре возлечь и позабавиться играми Афродиты...

Так возбужденно приговаривал Амфитрионид, совсем о чудовище не заботясь, Он с намерением долго освобождал деву от пут, нежно и крепко лаская руками ее обнаженное тело, особенно бедра и грудь, и, конечно, пупок, как бы разглаживая на ее теле следы от веревок.

Когда же разгоряченный Геракл попытался повалить Гесиону на свою рыжую шкуру, ничего не понимающая дева с неожиданной для нее силой стала вырываться и громко вопить. Должно быть, она то ли боялась появления морского чудовища, то ли его самого за чудище принимала.

Герой пробурчал какие-то ругательства себе под наморщенный нос и приказал деве спрятаться за большой камень. Вода щедро отдавала накопленное за день тепло, и взмокший от развязывания веревок Геракл, снял с себя не только львиную шкуру, которую он, заботясь об удобстве Гесионы, подстелил на твердую каменную поверхность, но и тунику.

Оставшись в одной набедренной повязке, герой взял новый меч и занял на скале открытое место, где была привязана юная Лаомедонтида с такими словами:

– Да, такова моя незавидная Доля, – суров путь Геракла, все круче моя дорога тернистая, и все так же за подвиги тяжкие никогда не имею я достойной награды. Вот и девушка

эта не захотела со мною возлечь, а я, может быть, скоро погибну, ее от морского чудовища защищая... Что может быть хуже, чем томительное ожидание схватки смертельной?!

Ждать пришлось долго. Геракл, стараясь сдерживать дрожь во всем теле, часто всматривался в чернеющий горизонт, к которому стало неслышно клониться побагровевшее солнце. Берег весь покрылся зловещей тенью высоких утесов, таинственный сумрак вечерний спешил сменить в бездонную глубину океана уходящее багряное солнце.

Наконец, из зловещей мутной тьмы послышался глухой вой, подобный одновременному рыку множества львов и мычащему реву стада коров и быков, и в клокочущем море поднялась волна высотой в десятки локтей. После того, как волна с грохотом об утесы разбилась, на взволнованной зыби при ярком свете багровой луны Геракл увидел макушку головы чудовища, напоминавшую поверхность огромного гладкого камня. От охватившего его ужаса кудрявые волосы у отпрыска Зевса встали дыбом не только на голове, но и на щеках и подбородке.

211. Геракл убивает морское чудовище

Чудовище медленно восставало из зыби. Геракл, затаив дыхание, смотрел, как из воды появлялась гладкая голова с двумя глазами, похожими на круглые подушки и с губами, похожими на два изогнутых ствола гладких деревьев, аккуратно лежащих друг на друге. Потом показалась шея и тело чудовища.

Никогда еще герой не видел такой громадины. Немейский лев по сравнению с этим чудовищем показался бы рыжей маленькой кошкой, а Гида Лернейская – комком червяков. Разум Геракла сначала отказывался даже допустить существование таких огромных животных. Когда же он поверил, что чудовище, появляющееся из морской глубины, совсем не снится ему, то глаза его округлились и он изумленно сам себя спросил:

– Разве можно даже самом могучему герою сражаться с огромной скалой, горой или с высоким утесом?!

И сам же себе, до предела нахмутив кустистые брови, так отвечал:

– Нет, конечно! Нельзя, но, видно, придется... Или может, схватить Гесиону на руки, броситься в воду и попытаться скрыться? – Нет, в львиной шкуре с девой в руках, мне от него не уплыть, ведь море – стихия его. Что ж я смогу ему

сделать моим новым мечом? – Разве, что – оцарапать и то не сильно, ведь у него кожа, наверное, толще чем мои бедра. А он может просто меня, как муху, до смерти придавить своим боком и даже этого не заметить. О боги! Мне никогда не было так страшно! Кажется, кровь превращается в лед, и колени не держат совсем. Вроде, давно уж я научился со страхом бороться: знаю, что надо, не раздумывая, броситься в бой, чтобы от нестерпимой ярости внутри все трепетало, а не слипалось от душного страха. Но ноги, словно к праху прилипли, воздуха не хватает, и руки не поднимаются.

Отпрыск Зевеса со сладостным предвкушением посмотрел в вечернее небо, в горячей надежде увидеть Афину-Палладу, один вид которой наполнил бы его тело силой привычной, но богини на багровом небосклоне не было и следа, ведь сейчас он должен был отдыхать от службы у Эврисфея. И тогда герой, чтобы привести себя в чувство, откусил часть своей нижней губы. Острая боль пронзила от томительного страха застывшее могучее тело и вернула ему былую подвижность и силу.

Меж тем голова чудовища переместилась по влажному лону и оказалась совсем рядом с Гераклом. Выпученные глаза Тритонова Пса, совсем округлившись, излучали безмерное удивление, что вместо красавицы девы, у скалы стоял муж обнаженный, да еще и с мечом.

– Что ты меня здесь изучаешь?! Может, не нравлюсь? Ешь скорей, а то убегу!

Заорал злобно Геракл, хищно обнажая в улыбке язвительной передние зубы. Чудовище медленно тоже разверзло пасть, усеянную двумя рядами острых зубов, напоминавших клыки вепря.

Отпрыск Зевеса не стал дожидаться, когда его заглотят и будут жевать этими зубами ужасными, и сам, набрав полную грудь воздуха, прыгнул в огромный зев чудовища, пролетев, как камень из катапульты, над двойной зубовой оградой.

Геракл, потом рассказывая об этом сражении с морским чудовищем своему племяннику и любимому другу Иолаю, так говорил:

– Сейчас мало кто верит, что я бился с таким огромным чудовищем, как гора восставшим из пенных волн клокочущего моря, но я тебе расскажу все откровенно, ведь тебе ни в чем не могу я солгать потому, что люблю тебя, Иолай, больше всех. Очувтившись в утробе морского исполина, я почувствовал себя, словно в теплой вязкой трясине, со всех сторон плотно окружавшей мое тело, даже слипшиеся веки глаз я не мог свободно поднять. Меня куда-то неудержимо влекло и, вспоминая, как я боролся с трясинной в битве с Лернейской Гидрой, я с закрытыми глазами безвольно отдался вязкому течению. Да, тогда только ты меня и спас, юноша, мой любимый! А в этой битве я был совершенно один, люди были на берегу далеко, Гесиона без чувств с закрытыми глазами лежала. Я же был в чреве чудовища. Осторожно, чтобы не порезаться, я прижимал к себе меч изоострый. Очень скоро

я понял, что в телесной трясине чудовища скоро задохнусь без воздуха, если не прорублю мечом себе выход из его нутра. Сжатый со всех сторон, с огромным напряжением сил я начал резать мышечную стенку толщиной в локоть. За прорезанной стеной желудка или кишки оказалась стенка другая, и я понял, что не успею выбраться из чудовищного тела наружу потому, что раньше задохнусь без свежего воздуха. Я ничего не видел в кромешной тьме чудовищного чрева, ощущал всем телом лишь могучие удары исполинского сердца, и тогда в моей голове родилось единственно правильное решение. Извиваясь как ящерица или змея, прижатая сверху, я стал упорно пробираться туда, где, как мне казалось, мерно стучало огромное сердце. Время для меня словно застыло, и воздуха в груди оставалось все меньше, а до сердца добраться никак не удавалось, иногда казалось, что оно стучало везде – справа и слева, сзади и впереди, сверху и снизу. В голове начал клубиться густой багровый туман, как тогда в палестре, когда я, восьмилетний, задыхался намертво зажатый удушающим приемом ирэна. Тогда я прокусил руку Тимофея до самой кости локтя, сейчас же так просто от чудовища мне было не отделаться. Я напряг последние силы и принялся резать и рубить своим огромным мечом мягкую податливую плоть направо и налево. Потом люди мне рассказали, что творилось в это время на берегу, на который белая пена с бурлящими волнами низвергалась. Оглашая громовыми воплями все море, монстр, как все живые твари, чув-

ствительный к боли, крушил прибрежные скалы своими толстыми щупальцами-руками. Вся земля сотрясалась и стонала, словно сам Колебатель земли Посейдон неустанно бил огромным трезубцем по скалам. И вдруг чудовище, наполовину вылезшее из воды, словно застыло и стало медленно оседать, словно низкая черная туча. Я, резавший внутренности на куски, все же добрался до мышцы сердечной и как только проткнул его, чудовище тут же издохло. В наступившей тишине я услышал неясный шум волн и понял, в каком направлении ближе всего вода, туда и надо мне с мечом продвигаться. К счастью, огромное сердце чудовища было не в центре исполинского тела, а с краю, и я успел прорубить дыру и, почти уже задохнувшийся, как мешок, вывалился в воду. В течение того мига, что я падал из прорезанной дыры в теле чудовища в воду, моя грудь сама успела кратко выдохнуть и так же кратко вздохнуть спасительный глоток воздуха, и потому, оказавшись в воде я опять некоторое время мог не дышать. Тяжелый меч с силой тянул меня вниз, в глубину, и помутневшим разумом я понял, что обязательно утону, если не брошу оружие. Избавившись от меча, вконец изнуренный я стал подниматься вверх, радуясь, что на мне не было тяжелой львиной шкуры. Воздуха все же мне не хватило, и когда до поверхности воды оставалось совсем немного рот сам собой вдохнул воду, и я, чувствуя режущую, обжигающую боль в груди, все равно упорно плыл к берегу. Выплыв на мелководье, я вскарабкался на плоский камень, чуть воз-

вышавшийся над водой и, изрыгнув изо рта много соленой воды, вконец обессиленный, тут же уснул.

212. Лаомедонт обманывает Геракла

Когда Геракл пришел в себя, на небе уже царила увенчанная звездами чернокрылая Ночь, богиня древняя, как мир, существующий под луной. Серебристые лучи Селены сменили багряную вечернюю зарю, и мягким светом заливали плодородную землю, кормящую многих и широкодорожное море, обильное разной рыбой. При появлении луны море, словно охваченное неясным беспокойством, с тревожным шумом прибивало волны к темнеющему берегу.

Очнувшийся от сна Геракл увидел на берегу множество возбужденных людей с факелами, которые радостно кричали и махали руками, показывая друг другу на неподвижную тушу чудовища, выступавшую из воды, словно небольшой островок без кустарников и деревьев в нескольких стадиях от берега. Когда Амфитрионид вплавь добрался с давшего ему временный приют прибрежного камня до берега, толпа подхватила его на руки и понесла к царскому дворцу, однако покои властителя Трои оказались запертыми. Стража бичами разогнала людей, одному лишь Гераклу разрешили войти и лечь спать со слугами.

Говорят, что Лаомедонт принял безоружного Геракла лишь утром и в присутствии многочисленной свиты сразу заявил, прячась за охрану:

– Я не люблю беззастенчивой лжи и потому скажу тебе со-

вершенно правдиво: я не отдам тебе обещанных божественных коней, во-первых, потому, что ты, как великий герой, должен совершать свои подвиги безвозмездно, ведь именно для этого тебе так же бесплатно дана богами невероятная мощь духа и необыкновенная телесная сила. Ты должен брать пример со спартанцев, которые презирают всякую собственность, а за жадное стремление к богатству из Спарты сейчас изгоняют, а раньше могли даже казнить. Во-вторых, если я отдам тебе тех коней, то это может очень не понравиться Зевсу, потому что это его мне подарок. Ты скажешь, что я обещал и не сдержал обещания? – Да, обещал и от слов своих не отпираюсь! Всех покоряющая Необходимость заставила меня дать невыполнимое обещание, ведь чудовище хотело съесть мою дочь Гесиону. Ради любимой дочери и не такое пообещаешь!

Маленькие глазки царя беспокойно бегали, он не хотел лишиться дивных коней, подаренных Зевсом, но и его могучего смертного сына он очень боялся, хотя вокруг и стояли два десятка хорошо вооруженных охранников.

– Но как честный человек, я не могу оставить тебя без награды – можешь взять в моем табуна двух, ... нет – четырех любых скакунов, рожденных обычными лошадьми.

Почитающий справедливость Геракл сморщился так, словно съел комочек голой соли, такой большой, что с трудом в рот поместился, но не стал спорить с царем, а затаил в сердце такую страшную обиду, для отмщенья которой и самая лю-

тая смерть не предел. После суда с Авгием он на всю жизнь подружился с демоном мести Аластором, который в древности был спутником и помощником древней богини неотвратимого возмездия Немесиды. Аластор знал, что для людей и богов правда милее всего и потому, призывая к губительной мести, он всегда взывал к справедливости:

– Что может быть справедливее того, чтоб отомстить человеку, который первый худое сделал тебе?! Кто обидчику не отомстит, того все назовут слабосильным и трусом ничтожным, и это будет для него огромным позором и в далеком потомстве.

Однако впоследствии, когда появились богини справедливости Адрастея и Дика Аластор стал самостоятельным демоном мести и зла вообще и к справедливости больше не обращался.

Другие говорят, что Лаомедонт не отказывался выполнить условия договора, но нагло обманул Геракла, подменив бессмертных лошадей обычными, что Геракл сразу обнаружил и потребовал:

– Лучше отдай сейчас божественных лошадей согласно уговору. Если не отдашь, то я тебя сейчас не трону, но обещаю: когда стану свободным, тогда я Трои разрушу, а тебя придам позорной смерти, и никакие боги тебе не помогут!

Люди боятся лишь той опасности, которая непосредственно им угрожает сегодня или завтра, или в ближайшие дни, если же беда грозит через годы, то человек даже вспоминает

о ней редко и без всякой опаски. Такими людей сотворила Ананке, чтобы они не боялись самого страшного, что с ними может случиться – смерти, она неизбежна для всех, но, когда придет – никому неизвестно. Поэтому Лаомедонт не обратил внимания на угрозу героя, подумав: «Когда еще Геракл станет свободным... Много воды утечет, да и вспомнит ли потом он о своей мести...». Геракл вспомнит и насладится затаенной мстью, но не скоро, а только после освобождения из приятного рабства у Омфалы, в которое он попадет вскоре после окончания службы у Эврисфея.

Ликофроновская Александра вещает, как злой Тритонов пес разжевал Геракла. Тот вырвал у кита живьем нутро, но был так опален на очагах без огненных, что волосы от пара пали все на землю.

Действительно, близко знавшие Геракла спутники говорят, что после того, как в свои тридцать с небольшим лет, он побывал в чреве морского чудовища, наутро совсем поседел, а через несколько дней его голова почти облысела, и он по такому случаю даже обзавелся искусно сделанным париком с такими же короткими курчавыми русыми волосами, какие у него были до битвы с чудовищем.

213. Геракл убивает Сарпедона

После того как Лаомедонт не пожелал отдать условленную плату, разъяренный Геракл отплыл из-под высоких стен священного Илиона в Эгейское море. Он причалил к городу Айну, где его радушно принял фракийский царь Полтис. Полтис был сыном Посейдона, но в отличие от отца, часто в буйном порыве сотрясавшего землю, отличался мягким и тихим нравом.

Узнав о ссоре Геракла с Лаомедонтом, он пытался уговорить героя взять за совершенный подвиг обычных коней и помириться с троянским владыкой. Точно так же Полтис во время Троянской войны, когда к нему придут посольства от ахейцев и от троянцев с просьбой о помощи, предложит Парису возвратить Елену Прекрасную законному супругу Менелая, получив от него взамен двух юных красавиц. Однако Парис не примет предложение Полтиса, так же как сейчас не послушался его и Геракл.

Во время пира брат Полтиса рыжеволосый, крепко сложенный герой Сарпедон, очень красноречивый и сильный для обычного мужа, вел себя с Гераклом вызывающе нагло. Он давно слышал о ссоре и суде Геракла с Авгием, а теперь узнал о его распре с Лаомедонтом. Оказавшись на пиру напротив отпрыска Зевса, он говорил ему с надменной издевкой в черных блестящих глазах и на губах – с презрительной

дерзкой улыбкой:

– Ты, хоть и сын великого Зевса, но ведь от обычной женщины смертной, и таких сыновей у владыки богов, говорят, как блох у шелудивой собаки. Поэтому ты должен не кичиться происхождением, а слушаться всех царей на земле, будь то Эврисфей, Авгий, Лаомедонт или брат мой Полтис, который сейчас тебя так радушно здесь принимает и угощает. Ведь цари – питомцы Зевеса – над всеми людьми законно властвуют в этом мире. Царь нам да будет единый, которому Зевс прозорливый скипетр даровал и законы, поэтому он царит над другими. Ты же охотно во всяких грехах царей обвиняешь и даже над внешностью их издеваешься. Слышал я, что ты говоришь, будто арголидский царь Эврисфей, господин твой, для тебя ничтожество, потому что ростом не вышел. Авгий, богатый своими стадами – жадный потому, что не захотел тебе отдать тысячу быков и коней за то, что ты дырку для воды сделал в ограде. Лаомедонта сейчас обвиняешь, что он тебе за убийство кита, который на мелководье и сам бы издох, четырех породистых лошадей предложил, но тебе этого мало – ты божественных желаешь коней. Ох, как жаден ты до чужого добра и дерзок от безнаказанности, совсем распустил тебя Эврисфей. Но здесь тебе наглеть не позволят. Больше не смей скиптроносцев порочить! Несчастный, ты хоть телесной силой велик, но сиди лучше смиренно, больше молчи и других совещания слушай, более почтенных, чем ты, раб безродный!

Насупившийся Геракл, грозно сдвинув к переносице густые, как у отца, низкие брови, решил все вытерпеть за столом, хоть и зубами скрипел, как родитель и много раз сжимал и разжимал кулаки. Он на пире лишь нехотя сказал Сарпедону:

– Какие надменные и наглые речи! Я до сих пор был уверен, что разумом ты, как свой брат, превосходишь многих других, кто во фракийском краю обитает богатым. Слова твои сильно возмутили меня, яростный гнев в груди разрастается, но не хочу портить пир гостеприимному Полтису, ведь ты ему брат.

Перед отплытием, стоя на берегу Айнии сын прекраснородыжной Алкмены вспомнил проявленную Сарпедоном на пиру наглость и дерзость. С гневным прищуром издали посмотрел на Сарпедона сын Громовержца и тихо прошептал:

– Сейчас ты замолчишь навсегда безумноречивый, хотя громогласный, вития рыжеволосый! Смертного более наглого, нежели ты я еще не встречал и, надеюсь не встречу, впрочем, как и тебя, которого властительные подземные боже-ства уже заждались в гостеприимном Аиде.

После слов таких Геракл выстрелом из лука убил Сарпедона, хоть тот и был сыном могучего Колебателя земли Посейдона и милым братом гостеприимного Полтиса. Один из воинов Полтиса, пожилой ветеран, который многое повидал на своем веку, увидев внезапную смерть Сарпедона своими глазами, довольный воскликнул:

– Истинно, множественно и справедливо славные дела совершает безупречное чадо прекрасноволосой Алкмены. Он к благу людей всякий труд совершает, даже, если при этом кровавую брань учреждает. Ныне ж герой, в котором кровь течет Зевса, совершил еще один, хоть и не великий, но все ж – таки подвиг: ныне красавца рыжего, в речах всегда дерзкого, он навсегда обуздал велеречь! Больше не будет цвет самый яркий Эллады он оскорблять поносительной речью!

Геракл же, не великий подвиг такой, совершив, канаты, что мореходное судно у берега крепко держали, отвязать приказал и под свежим дыханием ветра попутным его прочный корабль быстро понесся вперед по влажному хребту всегда соленого моря.

214. Геракл убивает Полигона и Телегона

Приплыв к Тороне, Геракл встретился с Полигоном и Телегоном, сыновьями морского бога Протея. Люди рассказывают, что нечестивые внуки Энносигея Полигон и Телегон, унаследовавшие от деда огромную силу, вызывали всех чужестранцев на роковой поединок и убивали.

Будучи близнецами, они были очень похожи так, что их невозможно было различить, и они этим пользовались, при необходимости подменяя в борьбе или кулачном бою друг друга. Обычно блюдя справедливость, они дрались с чужеземцами по одному. Однако, если путник попадался сильный и был не робким, то, о справедливости и правде они забывали и, если единоборство начинал Полигон, то Телегон его подменял, когда видел, что брат сильно устал.

Однажды чужеземец оказался таким сильным, что братья несколько раз подменяли друг друга, в то время как один боролся, второй отдыхал и восстанавливал силы. Поняв, что поодиночке им не одолеть могучего противника, они набросились на него вдвоем и, когда он, взывая к богам, закричал, что у него двоится в глазах, они весело засмеялись, повалили его и убили, пиная со смехом ногами.

Геракл, наслушавшись рассказов о нечестивом отношении Полигона и Телегона к чужеземцам, решил встретиться

с ними, чтобы сойтись в поединке и избавить будущих путников от неминуемой смерти. Он подошел к воротам их дома, стоявшего почти у самой дороги, и стал бить по ним своей суковатой дубиной.

Братья уже слышали от корабельщиков и торговцев о могучем герое, убившем Сарпедона в городе Айне, где царствовал Полтис и о покорении фракийцев на острове Фасос. Они благоразумно решили даже вдвоем не пытаться биться с Гераклом одним и закрыли бревенчатые ворота на крепкий засов. Стена, окружавшая дом, была высокой тоже из бревен крепких с заостренными концами и служила хозяевам надежной защитой от множества обычных мужей, но не от такого героя могучего, как Геракл. Поняв, что ему не откроют, он легко ворота сломал, словно они были не из крепких бревен, а из гнилых досок. Подойдя к двустворчатой двери дома, Геракл не стал по ней стучать и сразу выворотил из крюков, ткнув в нее легонько плечом. Тут перед ним высочили оба брата, похожие друг на друга как две капли воды, и стали возмущенно кричать:

– Кто ты такой, метек? Что тебе надо? Для чего ты ворота сломал, а теперь без крепкой двери наше жилище оставил? Не пройдет тебе это даром, ведь мы Посейдоновы внуки, дети древнего бога Протея и Нереевой девы Псамафы.

– Я решил навести тут у вас справедливость. Слышал я, что путников вы заставляете против воли бороться и нечестно убиваете их. Теперь я хочу с вами сойтись в поединке.

С несвойственным ему высокомерием заявил истребитель чудовищ, злодеев и нечестивых владык. Однако Посейдоновы внуки, не желая бороться, стали кричать, перебивая друг друга:

– Тот, кто тебе такое сказал – просто лжец, который нас ненавидит. Да, мы любим бороться и встречаемся в поединках в том числе и с чужестранцами, но никогда никого не принуждаем к борьбе и редко кого убиваем, если только случайно. Вот и тебя мы не принуждаем к борьбе и сами с тобой мы не желаем сражаться потому, что больны мы сейчас.

– Удивляюсь я вам, братья! Как ловко вы правды путь в своих словах изменяете. Сами все лжете и других во лжи обвиняете. Видно, вас только могила исправит. Зачем только легкого ищете вы торжества, без всякого стыда побеждая бессильных, а со мной не хотите бороться? Ради святой справедливости вам придется, хотите вы этого или нет, на кулаках со мной биться, пока только я или вы в живых не останетесь! Я буду сразу с вами двоими биться, как с одним, ведь вы так похожи! И ложь бесстыдная, что вы больны, вас не спасет!

Так вызвал братьев Геракл на борьбу сразу двоих и подойдя к ближайшему брату, который называл себя Телегоном и попытался бежать, ударил его в висок. Видя, что драки не избежать к Гераклу подскочил Полигон, подхватив в руку камень, по размерам на голову человека похожий. Борьба закончилась быстро: Телегон на месте скончался, ничком

грянув на землю, и все на свете разящая смерть вокруг него разлилась. Полигон, тяжким камнем ударив Геракла в плечо, камня не удержал, чтобы еще раз ударить. Тогда он попытался быстро сбежать, словно зверь навредивший, который, телку или собаку у стада коров растерзав, завидел пастуха и прочь убегает, пока гурьбой весь деревенский народ не сбежался. Геракл же, не обращая вниманья на камень, успел схватить Полигона одной рукой за одежду, чтобы тот не скрылся, а потом второй так в самый низ подбородка ударил, что кулак не только горло, но с хрустом и шейные перебил позвонки.

Словно унаследовавшие от родителя громадную силу два мощные льва, на богатых ущельях и лугами горных долинах, вскормленные матерью-львицей, много тучных овец и волов круторогих из стад похищали до той поры, как и сами охотниками были убиты. Так и Полигон с Телегоном путников убивали пока, мужем, всесокрушающей мощи, сраженные насмерть, рухнули оба на землю, подобные срубленным острой медью кедром высоким. Так поединок закончился необычный тем, что в нем одновременно сражалась не двое, а трое.

215. Афина снаряжает Геракла в доспехи

Покинув Торону, Геракл прибыл к реке Эхедору, что протекает по Македонии, родине будущего великого воина Александра, стремившегося покорить весь обитаемый мир. Там Алкида остановила светлоокая дева Афина-Паллада, выскочившая в этот раз из колесницы, запряженной двумя белыми лошадьми, и такие провещала крылатые речи:

– Радуйся, о славнейший герой всей Эллады, силу великую дает тебе Зевс, верховный владыка блаженных, Кикна, сына грозного Ареса и девы Пелопии, ныне сразить и совлечь с него брони!

Геракл сначала широко улыбнулся при появлении своей и воинственной, и мудрой богини – сестры, но потом глаза его округлились:

– Не хочу, богиня, выглядеть в твоих глазах чрезмерно самоуверенным, но после труднейшей победы над ужасным морским чудовищем, я совсем не боюсь поединков с подвластными смерти героями. Они мне не противники.

Афина между тем, не слушая Геракла, вынула из колесницы и положила перед ним поножи из ярко сияющей меди – дар преславный хромого Лемносца – вокруг наложить на голени, и панцирь медный, сотворенный искусно, чтобы облечь мощную спину и могучую грудь. При этом она говорила

герою своему подопечному:

– Этот Кикн, племянник мой самоуверенно – дерзкий, обычно любит сражаться на колесницах, предлагая противникам за победу призы, но побеждает всегда только сам, побежденным же головы отрубает и их черепами украшает храм своего вечно запятнанного кровью родителя.

Геракл, как все греки, с детства больше всего любил летом ходить почти обнаженным, не закрывая тело ничем, кроме узкой повязки набедренной. Богиня стыдливости Айдос длительное время запрещала древнему греку обнажать свое тело при свете солнечного дня. Однако жажда красоты, выражавшаяся в восхищении прекрасными человеческими телами, поборола природную стыдливость и стали обнажаться не только те, кто позировал ваятелям, но и участники всевозможных состязаний. Одежда у эллинов стала лишь несущественной подробностью, которую можно было скинуть в одно мгновенье.

За последние годы герой привык к каменной шкуре Немейского льва и ни в одежде, ни в доспехе совсем не нуждался, но спорить не стал с богиней мудрости и справедливой войны и все одел, что дала светлоокая Тритогея. Так же на мощные плечи герой возложил редкое в то время железо, оплот от несчастья в бою и просторный колчан вокруг могучей груди по оплечью сзади навесил, где много стрел внутри пребывало. Крепкое взял он копье из колесницы Афины, повершенное медью блестящей, шлем на кудрявую голо-

ву надвинул, вдоль облегавший чело, из адамантовой стали изделие редкое. И блистал ярко на солнце шлем этот с конской гривой густой; развевались вокруг длинные волосы, в гребне его закрепленные искусно Хромцом обоногим. В руки Геракл взял щит семикожный, покрытый медными бляхами. Так же, как если на спокойном море промелькнет перед морями блестящий свет от пожара, что бушует где-то на берегу, так от щита отпрыска Зевса, – прекрасного, дивной работы Гефеста, – отраженный солнечный свет достигал до эфира. Был тот щит не только нетленным и ярким, но еще всем своим видом взор восхищал.

Гесиод поет, что весь этот щит был покрыт по кругу блестящей эмалью белой и полированной костью слоновой, светлым он мерцал янтарем и притом излучался золотом блестящим. Был посредине щита изображен ужасный дракон, и страх исходил во все стороны от него несказанный: часто взирал он очами, в коих пламя светилось, наполнилась пасть его от зубов, белевших рядами, неумолимых и острых.

Оглядев одетого в доспехи Геракла, довольная Афина сказала ему:

– Когда ты Кикна от сладостной жизни навечно отторгнешь, то должен только воззреть на его родителя Ареса, как тот навстречу тебе грядет, мужегубный. Хорошенько запомни – судьбой не дано ныне коней его тебе захватить и сорвать нетленные с его тела олимпийского бога доспехи. Теперь же, возвратись, возьми Иолая возницей и справедливую победу

в состязанье с Кикном добудь!

216. Геракл убивает Кикна

Престарелый Иолай потом о поединке своего любимого дяди так его детям – Гераклидам рассказывал:

– Одетый непривычно, как бог или царь, родитель ваш, величайший герой и мой дядя любимый, громко вскричал, как подобало одежде, и кони, побужденные его повелительным возгласом, резво помчали повозку, высоко воскуряя пыль на равнине, – небывалую мощь им придала совоокая дева Афина, грозно вслед потрясавшая своим огромным копьем. Широкогрудая Гея – земля под колесами крепко сколоченной нашей двухколесной повозки застонала окрестно.

Вскоре впереди мы увидели колесницу, в которой находился подобный огненной буре, Кикн могучий коней укротитель. Когда наша повозка с его колесницей стали сходитьсь друг против друга, громко кони заржали, и вокруг в горячем воздухе преломлялось их ржание звучно. Тогда, перекрывая конское ржание, дядя мой, обычно очень серьезный, закричал с легкой усмешкой:

– Кикн, воин любезный! Ты зачем против нас стремительных своих гонишь коней? Ведь не безусые юноши мы с тобой, а мужи, познавшие уже много тягот и бедствий. Пышноточеную мимо веди колесницу свою, и мне спокойно проехать позволь, ведь мы с Иолаем не путники обычные, черепа которых часто ты на родительский храм прибиваешь. Ес-

ли же ты все же со мной жаждешь сойтись в поединке, то будь уверен: и родитель твой Арес, могучий городов разрушитель, тебя не спасет от смерти позорной.

Но Кикн с душою надменной, видно, уже попал в объятия грозной Эриды – этой неистовой спутницы бога кровавой войны. Не пожелал он коней своих удержать, колесницу нам навстречу влекущих, и злобно так зарычал, словно имя его означало не лебедь, а лев, и эхо в горах откликнулось неотчетливо, но грозно и громко:

– Как бы ни был могуч ты, Геракл, всех победить все равно ты не можешь, кто выйдет сразиться с тобою. Знаю я, что и ты ведь на свет не бессмертным родился. Если я только сумею в самое сердце тебе угодить заостренною медью, то, как ты ни силен, как в мощной руке ты ни уверен, все-таки нетленную славу я получу, а Хтоний Аид – твою душу.

– С виду доблестен ты, сын Арея, но зачем, если уж решил биться со мною, так много болтаешь? Дело в сражениях руки решают, а слова – на собраниях! Не будем много пустых речей разводить, давай-ка лучше сражаться!

Кикн с плеча ударил бичом по коням, скачущим высоко и со скоростью дивной по дороге летящим. Брызги песка и камней из-под копыт и дивных для взора колес, тяжелой медью обитых, высокими фонтанами взметнулись вокруг. Как только колесницы близко сошлись, так сразу возникла свирепая битва. Кикн, желая низвергнуть Геракла, в щит, прикрывавший его мощную грудь и упругий живот, ударил ко-

пьем медноострым. Медь копья не пробила не подверженно-го тлену щита, была отринута божественным даром Гефеста. Отскочил наконечник копья, как бобы разноцветные скачут на широкой лопате или горох на просторном току, когда их веятель-муж на лопату бросает под протяжно свистящее дыхание осеннего ветра, так же от дядиного щита, упруго прочь отскочив, далеко копьё отлетело.

Дядечка мой – самый великий герой и всеми в Элладе любимый, особенно мной, повернул ко мне свое лицо самое прекрасное в мире и быстро сказал:

– Спасибо мудрой Афине и Гефесту искусному. Если бы на мне была львиная шкура, то копьё бы вонзилось как раз там, где ее края расходились.

Дядя мой, не только красотой героев всех превзошедший, но могучеством тела и рук, однако ж, и сам у Кикна в долгу не остался. Метнул он мощно копьё длинномерное и быстро гортань, что открылась тогда под самым подбородком Кикна, точно пронзил, и оба рассек сухожилия ясеня наконечник острый из меди. Пала Кикна воителя надменная сила, рухнул он замертво, как рушится еще крепкий дуб, разбитый глухой молнией Зевса. И опять дядя благодарно сказал:

– Спасибо Афине – Палладе за это копьё, ибо своей дубиной я не достал бы Кикна, даже если бы кинул ее, как копьё.

217. Геракл ранит Ароя

Тут недалеко мы с возлюбленным моим дядей узрели, как Арей – могучий непреступных твердынь сокрушитель, в одежде, как всегда, чужой кровью залитой, откуда-то появился на своей искусно сделанной колеснице и к нам устремился, что-то грозно крича. Дядя мой был, как лев, который у тела убитого им оленя иль тура мощно когтями крепкими кожу рвет, чтоб оттуда животворный дух поскорее отринуть.

Увидев Ареса, дядя мой, еще ненасытный сраженьем, выпрыгнув из нашей повозки, стал, как скала нерушимая против Ареса, дерзанье львиное в широкой груди воздымая. Тот же приближался, сердцем кручинясь за Кикна, милого сына, который уж скрылся в покрытую гнилостным мраком обитель Аида. С криками боевыми дядя мой – непобедимый герой и бог кровавой войны стремительно бросились один на другого.

И тут я увидел могучую сероглазую деву с русыми волосами, выбивавшимися сзади из-под яркоблестевшего коринфского шлема с двумя пышными конскими гребнями. Как между бесчисленных звезд среди мрака ночного сияет Геспер, которого в небе звезды нет прекрасней и ярче, так сиял этот особенный шлем. Я сразу узнал – это была мощная дочь Кронида, которая вышла против Ареса с нетленной эгидой своею, страшной, которую пробить неспособна

и молния Зевса. Грозно глядя исподлобья своими совиными выпуклыми глазами, богиня могучеотцовная злорадные брату молвила речи:

– Мощную ярость, Арес, укроти, ибо тебе не судьба с плеч доспехи сорвать, Зевсова дерзкого сына Геракла повергнув на землю сегодня и над ним надругаться. Поэтому брань свою лучше уйми... Да не вздумай против меня для сражения становиться! Не стоит тебе тягаться со мной, ведь я, хоть тебе и сестра, но обладаю большею силой.

Однако воинственный дух бога вероломных кровавых сражений теми словами богиня войны справедливой смирить не сумела, и он, потрясая копьем, с криком великим к моему дяде рьяно стремился, буйно волнуемый жаждой убийства: копьем ударил он медным, сильно ярясь за гибель сраженного сына, в щит великий, но прочь совоокая дева Афина полет копья могучей рукой отвела, с колесницы стремительно прынув. Горе объяло нещадно рассудок и чадолюбивое сердце Ареса. Из лона изъяв заостренный свой меч, ринулся, как ураган, он к Гераклу. Однако дядечка мой с душою красивой и крепкой, все еще не насытился сраженьем грозным. Он прямо в бедро, что щит обнажил Гефестом искуснотворенный, мощно Эниалия поразил и премного рассек ему божественной плоти, твердо уметив острым копьем, и ниспровергнул на землю.

Не знаю откуда взялись могучие сыновья Ареса от злато-венчанной Афродиты страшный Фобос и ужасный Деймос,

но каждый в своей колеснице примчались они и молча наблюдали за боем отца. Увидев ранение родителя, они оба вскочили в его колесницу и ударили бичами нетерпеливых коней, наполнив воздух высокими, звонкими криками. Тотчас примчались братья – возницы к Арею и с тверди широкодорожной на пышноколесную колесницу его уложили, затем, не мешкая, хлестнули коней и, вздымая клубящуюся пыль в облака, проворно умчались, оставив повозки свои без возниц.

Вслед за ними совоокая грозная дева в яркоблестящем шлеме коринфском, гневно посмотрев на Геракла взглядом высокомерным, на своей колеснице пышноколесной, на великий Олимп вознеслась в нетленные жилища бессмертных богов, для светлого счастья рожденных. Мне показалось, что гневалась богиня за то, что дядя мой брата ее тяжело ранил.

Дядя же подозвал меня, и когда я подъехал, снял поскорее доспех и, положив его на повозку, сказал:

– Не могу я из меди доспехи долго носить – сильно с непривычки мешают и натирают они мне все тело. Давай же скорее поедем к кому-нибудь пировать. Очень я голоден, подлый желудок все время дает о себе знать, особенно после сражения иль поединка.

Дядечка мой, хоть и был в Элладе герой величайший, всегда был неприхотливым во всем, обычно и ел, и спал у своих товарищей и приятелей, довольствуясь тем, что у них было. Больше всего он, конечно, любил гостить у меня. Когда ж

ему самому случалось товарищей угощать, он у них же брал для этого и столы, и покрывала, и посуду, потому что сам ничего не имел, кроме нестроганой дубины, лука и львиной шкуры. Совсем бескорыстным героем дядя мой был.

Некоторые, рассказывая о схватке Геракла с Кикном, говорят, что, когда войнолюбивый бог стал поддерживать своего сына Кикна, вмешиваясь в единоборство, Зевс Астрапей (молнийный), кинул посреди них перун и приказал немедленно прекратить борьбу грозными такими словами:

– Я вам обоим вещаю и все непреложно исполню: сначала вашим коням я ноги сломаю и в прах ваши крепкосколоченные сокрушу колесницы! Если же и после этого вы братоубийственную схватку не прекратите, то молнией обоих вас поражу, и десять лет круговратных вы глубоких язв не излечите, какие мой гром вашим телам нанесет.

Это все выдумки, Зевс в схватку Ареса и Геракла не вмешивался, да и зачем, если там Афина была. Много люди выдумывают о Геракле, лишая правдивые рассказы о его великих подвигах впечатления достоверности.

218. Гера и Эврисфей замышляют 10 подвиг

10-й подвиг для сына пышнокудрой Алкмены придумала белорукая мачеха с на редкость ревнивым и злокозненным сердцем так, чтобы покрыть своего пасынка дурной славой, и, явившись к Эврисфею, как обычно, во сне она так к нему обратилась:

– Радуйся Эврисфей. Ты вот тут спишь, как невинный ребенок, сладостным сном наслаждаясь, а я, не желая неоконченным и тщетным долгий труд мой оставить, новое дело для Геракла придумала, и даже, если его он исполнит, то слава поганая за ним будет гоняться. Давно хочется мне, чтобы пасынка все считали в Элладе грабителем мерзким и воров. Он уже похитил Керинейскую лань, Эриманфского вепря, Критского быка и коней Диомеда, но люди говорят, что все они были чудовищными животными и от них было необходимо избавиться. На этот раз подвиг будет иным. Поручим Гераклу похитить коров, не только вполне безобидных, как все коровы, но самых прекрасных, статных, красивых, дающих чудесное молоко, и едят они, в отличие от коней Диомеда, только траву. Хозяина этих коров зовут Герион, и живет он почти на самом крае земли, куда смертному добраться почти невозможно. Этот Герион, хоть и трехтельй, но ни свирепым чудовищем, ни тем более кровавым злодеем, он не является.

Проживая на самом краю света, он никого не обижает и никому не мешает. Поэтому похищение чудесных коров у Гериона, их владельца законного, будет иметь простое название – воровство и разбой. Надеюсь, многие эллины, которые почитают законы, установленные для них богами и Зевсом, наконец, осудят Геракла, ибо это будет справедливо... Наконец, Герион является любимым внуком чадолюбивого Посейдона, моего милого брата. Конечно, Герион без боя не отдаст Гераклу своих прекрасных коров, и необузданному моему пасынку ничего не останется, как убить трехтелого великана. И вот тут-то на помощь любимому внуку я позову могучего деда с его огромным трезубцем, которым он дробит скалы. У меня уже чешутся руки – хочется поскорее наравить на Геракла самого Посейдона, а там, глядишь, и Зевсу придется за родного брата вступить, если у того самого силы против Геракла не хватит.

Размечтавшаяся Гера долго еще, время от времени крепко потирая ладони, присев у Эврисфея в ногах, неспешно вещала, то и дело, покусывая локон своих белых с рыжим отливом волос. Эврисфей, лежа с открытыми глазами, задумчиво глядел на звездную россыпь, видневшуюся в темном проеме окне. Он почтительно выждал некоторое время после того, как его златотронная покровительница замолчала и восторженно молвил:

– Я не могу сдержатъ восхищения, о царица блаженная, делящая законное ложе с самим Зевсом-Кронидом! Даже,

если б я совсем спать не ложился, такого трудного и, одновременно бесславного подвига Гераклу не смог бы сам я придумать. Слышал я от корабельщиков об острове Эрифия, на котором пасутся прекрасные коровы, принадлежащие герою Гериону. Да, не легко даже Гераклу будет добраться до края земного, да и похитить этих коров будет не просто – пес огромный и злобный с двумя головами по имени Орф их охраняет, а пасет великан, Эврителион его имя. У Геракла такой бешеный нрав, что он всех, кто только под руку попадет, убьет не задумываясь, и славы доброй ему это совсем не прибавит. Если позволишь, богиня, властвующая над всеми, то я предложу от себя еще привлечь к этому делу Менета, пастуха, который, как я слышал, пасет где-то там стадо незримого Аида и супруги его Персефоны. Если этому Менету вложить в беспокойное сердце бурную смелость, то он, справедливости ради, кинется за коров с Гераклом сражаться и тут же будет убит, а это не понравится твоему ужасному брату Аиду, ведь кто-то должен коров его черных пасти.

– Молодец Эврисфей! Телом ты сущий уродец, но какой хитроумный! Ведь можешь, если захочешь! Хорошо ты с этим Менетом придумал, и о нем я не забуду. Сейчас же я на Олимп удалюсь, ибо за тебя я спокойна, уверена, что ты и без меня сделаешь все, как надо. Однако нам заранее необходимо подумать, как Гераклу подневольную службу продлить, ведь настал его 10-й, последний подвиг, что Пифия объявила. Он необузданный и строптивый, может взбунтоваться и

не известно, как Зевс себя поведет – трудно и мне иногда предсказать его слова и поступки. Надеюсь, что сама Ткачиха Лахесис, как надо свою вещую пряжу соткет и нам поможет Геракла у тебя на службе оставить, ведь точно я знаю, как ей подвиги моего пасынка необходимы.

Гера не слышно, как легкий туман, растворилась в пред-рассветном сумраке ночи, а Эврисфей, сжавшись комочком на огромном пурпурном ложе, еще долго лежал с широко открытыми глазами и тихо беседовал сам с собой:

– Как хорошо, что Гера сама дело такое предложила Гераклу назначить, ведь и я о прекрасных коровах трехтелого Гериона давно уж мечтаю, да всего опасуюсь... Как бы не вышло, как с Критским быком, которого я хотел на племя заполучить в свое стадо. Некоторые, конечно, назовут Геракла разбойником и вором, похитившим у сына Каллирои и Хрисаора героя Гериона законную собственность, и это славой его покроет дурной. Однако, я знаю, что люди все разные, и многие будут им восхищаться, как первооткрывателем для колонистов новых земель, проложившим безопасные дороги для них, а также для торговцев и путешественников, и это даст ему еще большую, и совсем не поганую, славу, ведь ее он добудет своими ногами.

219. Начало похода за коровами Гериона

Недолго ждал Геракл нового приказа Эврисфея, который, красуясь перед собравшимся на микенской агоре народом, огласил Копрей, любимый царский глашатай с тощими перекошенными плечами и нарочито выпученными глазами:

– На этот раз, Амфитрионид, сын Алкмены, тебе предстоит отправиться на западный край света, туда, куда каждый вечер Титан, пламенеющий в небе, неслышно склоняется, опускаясь в своей огненной колеснице в мировую реку Океан. Точно не знаю, но где-то там тебе надо найти прекрасное стадо коров и быков, которых ты узнаешь по их дивной стати и особенной красной масти. Эти красные коровы принадлежат недостойному Гериону, великану трехтелому. Ты можешь тайно похитить этих коров иль дерзко отобрать их с помощью силы, ведь ты хвастаешь, что могучеством всех превзошел. Все прекрасное стадо пригонишь сюда. Да смотри приведи всех этих чудесных коров, никому их не дари и сам не ешь, себе пропитание луком и копьем добывай! Чтобы пригнать сюда без потерь все герионово стадо с края земли, тебе дозволяется взять с собой помощников-пастухов, сколько надо.

Путь Алкиду предстоял дальний и потому до 10 подвига, который, как он надеялся, будет последним, ему пришлось

совершить и другие труды, достойные его ярко сияющей славы. Например, он установил по столбу на двух соседних материках, изменив расстояние между ними. В это же время или после 10 подвига Геракл совершил еще много великих деяний. Он на поединке задушил сына Посейдона и Геи чернокожего великана Антея и преобразовал Ливию в благоприятную для существования человека страну, так же на поединках убил сына Энносигея и Афродиты Эрика и знаменитого борца Кротона, убил сына царя морей и нимфы Ливии Бусириса и сына колченого Лемносского бога огнедышащего великана Какоса, сражался с войском Иалебиона и Деркина, освободил титана богоборца Прометея и выполнил много других достойных великого героя трудов.

Сведения о маршруте, по которому Геракл шел в поход за коровами Гериона и обратно содержат много путаницы у древних авторов, в том числе и у тех, чьи описания его жизни и подвигов наиболее полны. Эта путаница связана с путаницей во времени, о которой уже говорилось. Даже сейчас можно лишь в общих чертах проследить маршрут Геракла – это северная Малая Азия, Колхида, Океан, Ливия (северный берег Африки) и Европа (Лигурия, Тиррения, Испания, Пиренейские горы, Галлия и Альпы, Италия, Сицилия, Греция). При этом, древние авторы по понятным причинам путались еще и в географических названиях городов, рек, областей и даже стран, ведь некоторые из них только открывались греками и не имели устоявшихся названий.

Поэтому не будем ставить непосильную задачу – рассказать о том, в какой точной последовательности и когда именно Геракл посещал те или иные места – до совершения 10 подвига или на обратном пути с коровами Гериона или же еще позже. Может быть, это не так и важно, важны сами его деяния, которые он совершил в период между 9-м и 12-м подвигами.

Итак, когда Эврисфей приказал совершить десятый подвиг – похитить и пригнать коров Гериона, пасшихся в той части Иберии (Пиренейский полуостров), которая примыкает к Океану, предусмотрительный Геракл, учитывая, что это поручение сопряжено со значительной подготовкой и тяжелыми испытаниями, снарядил несколько кораблей чернобоких. На этих судах, кроме команды он собрал подходящее количество для такого похода помощников, в основном это были восторгающиеся его подвигами юноши и пастухи.

По всему миру ходили слухи, что царем всей Иберии был Хрисаор (золотой меч), само имя которого указывало на его огромные богатства. Опирался же богатый отпрыск убитой предком Геракла Персеем Медусы-Горгоны на поддержку трех своих сыновей, отличавшихся и телесной силой, и доблестью в ратных делах, причем каждый из них имел под своим началом немало воинственных племен. Вот почему Эврисфей считал поход в те земли обреченным на неудачу и потребовал от Геракла совершить этот подвиг.

Возможно, по этой же причине Микенский царь не стал

возражать против планов Геракла привлечь к похищению ленивых коров Гериона других мужей и, конечно, юношей, которые жаждали великих свершений под началом не только величайшего, но и любимейшего героя Эллады.

Как и на предыдущие подвиги, Геракл отправился на встречу новым опасностям без спешки и суеты. Новых спутников сын Зевса и добродетельной Алкмены собрал на Крите. Он решил начать поход именно отсюда, поскольку этот крупнейший остров пеласгов, омываемый тремя плюющими пеной морями, имел исключительно благоприятное положение для совершения походов в любую часть темной Ойкумены. Местные жители оказали знаменитому герою чрезвычайно радушный прием, и поэтому, желая отблагодарить потомков древних Куретов, он перед отплытием с помощью своих самых верных друзей – дубины и лука очистил остров от наиболее свирепых зверей. Вот почему в более поздние времена на острове ста городов уже нельзя было встретить ни львов, ни медведей, ни волков, ни змей, ни других опасных диких животных.

220. Геракловы столбы

Диодор Сицилийский рассказывает, что, пройдя через безводную часть Ливии и оказавшись в обильно орошаемой и потому плодородной области, Геракл уничтожил ливийских амазонок и свирепых зверей, расплодившихся там, и основал огромный город, получивший из-за множества городских ворот название «Гекатомпил» (Стоворотный). Пройдя значительную часть Ливии, Геракл вышел возле Гадир (гавань на крайнем западе древней Иберии, откуда совершались плавания в Атлантический океан) к Океану и установил на обоих материках по каменному столбу; эти столбы стали незыблемыми памятниками великим подвигам Геракла.

По словам юношей, сопровождавших в этом походе Геракла, он на привалах часто им так говорил:

– Скажу вам вполне откровенно, мои юные друзья, давно уж я страстно желаю совершить такой особенный труд, память о котором никогда не сотрется в веках. Чтобы там в будущем не случилось, чтоб ни человек, ни пламя, ни вода, ни – главное – время, не могли уничтожить этот великий мой труд, доставшийся мне тягостным потом: крута, трудна и длинна к нему дорога была.

По мнению одних, Геракл значительно увеличил оконечности обоих материков за счет насыпей, большую часть которых он сделал своими руками. После тяжелых дневных ра-

бот на вечерних пирах, совершив богам обильнейшие возлияния вином медосладким, он, довольный, не раз восклицал:

– Сердце мое просто поет, когда я представляю, как эти столбы, неподвластные тлену, здесь теперь вечно будут стоять, как память о великих трудах, мной совершенных! Этот пролив я сделаю столь узким, что его мелководье и узость не позволят крупным китам и другим огромным чудовищам моря, подобным убитому мной у берега Трои, заплывать во Внутреннее море из реки мировой Океана. Навсегда останется в памяти людей немеркнущая слава того, кто свершил эти столь великие труды, почти соединив, напротив лежащие земли.

Некоторые, как римляне, говорят, что Геракл, наоборот, разъединил материки, прокопав Гибралтарский пролив, который Атлантический океан соединил навсегда со Средиземным морем.

Впоследствии две горы, лежащие по сторонам Гибралтарского пролива напротив друг друга, стали называть Геракловыми (Геркулесовыми) столбами (столпами), ведь Геракл не только эти горы сделал, но сам и назвал их «столбами». Каждой из гор дали еще свое имя: северная скала стала называться Гибралтарской, а южная (со стороны Северной Африки) – скалой Абила. На этих незыблемых скалах были установлены две прекрасных статуи самому знаменитому герою Эллады, которые, возвышаясь на высоких колоннах, являлись своеобразными воротами из Средиземного моря в Ат-

лантику. У этих ворот мореходы, благополучно вернувшись из дальних плаваний, всегда совершали жертвоприношения. Сами жители Гадира рассказывают, что по велению оракула царь Тира основал колонию около самых Геракловых Столбов.

Некоторые отрицают, что эти Столпы воздвиг сын Зевса и смертной Алкмены. Они говорят, что Столпы Геракла первоначально во времена золотого века людей назывались Столпами Крона – первого коронованного правителя богов, а потом – Столпами Бриарея – гекатонхейра крепкодушного, чья власть простиралась так далеко после того, как он освободил Зевса из пут, в которые его ввергли олимпийские заговорщики во главе с Герой. Но век золотой сменили другие века, затем и имя Бриарея было забыто в связи с тем, что он вместе с другими двумя своими сторуками братьями по велению Владыки Олимпа спустился под землю и стал неотлучно сторожить Тартар. Тартар был окружен тройным слоем мрака древнего мглистого бога Эреба и высочайшей медной стеной с двустворчатыми медными воротами, воздвигнутыми царем зыбких глубин Посейдоном. Ворота днем и ночью охранялись первым их сторожем – ужасной змееголовой драконицей Кампой. Когда Олимпиец для победы в титаномахии решил выпустить из Тартара одноглазых и сторукых великанов, полстаголовая Кампа страшно воспротивилась, так как все шестеро были ее мужьями, и Зевс сам чуть было не стал узником змеедевы. Лишь благодаря перунам и

молниям, выкованным в Тартаре Киклопами, Зевс убил могучую многоголовую сторожиху и после этого зваться стал Громовержцем. Ворота же переименовали в честь Геракла, возможно потому, что расположенный в трех парасангах от них город Тартесс был основан Гераклом и в то время назывался Гераклеей.

Согласно Клименту Александрийскому, Геродот повествует, что Геракл был еще и гадателем, изучающим философию, а Столпы мира вручил ему Атлант, фригиец и варвар. Легенда эта намекает на происхождение науки о небе и астрах.

Сам герой, обязанный славою Гере, глядя в неясную даль, таящуюся за его столбами – столпами, с нескрываемой гордостью изрекал:

– Я воздвиг свои Столпы, чтобы отметить крайний предел, до которого разрешается мореходам пускаться в плавание, так я отметил самую дальнюю точку своего беспримерного по отваге похода. Эти столбы будут служить самым последним пределом для мореплавателей, ибо за ними край света, граница мира, за которой нет ничего, кроме мировой реки Океана.

Впоследствии статуи Геракла вместе с колоннами были разрушены, так варвары стерли знаменитые в древности памятники с обновляющегося все время лика земли, однако сами столбы-горы остались, так же, как и пролив, названный Гибралтарским, между ними.

221. Геракл угрожает стрелами Гелиосу и Океану

Во время своего пути через Европу Геракл перебил много свирепых зверей и, когда достиг города Тартесса, был вконец измотан. Солнце в этом месте было особенно близко к земле, и его лучи здесь жгли чрезвычайно сильно.

Стесихор Гимерский поет, как сын Гипериона собирался взойти в свою золотую ладью, чтобы в ней, низойдя Океаном, побывать в обители сумрачной Ночи заповедной подле матери, подле супруги законной своей, подле милых детей. А дерзкий сын Зевса направился в рощу священную, в кущи лавровые и, страдая от невыносимой жары, Гипериониду напряженным луком грозил.

Действительно, терпеть еще и страшную жару не было сил, и Геракл с сердцем, наполненным справедливым гневом, сорвал с плеча лук и яростно завопил, обращаясь к солнечному Титану:

– Гиперионид, внемли мне! Я Геракл, Зевса сын и Алкмены. На землю свет и тепло с высоты ты посылай, но от меня лучше сейчас отступи! Хоть ты из богов справедливейший, но вернись на свой вечный накатанный в небе путь по-хорошему, не опаляй здесь меня жаркими своими лучами. Иначе быстро узнаешь – доступна ли моим стрелам, смоченным в желчи Гидры Лернейской, твоя высота!

– Ты слишком дерзок, отважный сын Зевса и смертной Алкмены! Опомнись, я древний титан, тот самый, кто длящийся год измеряет, зрящий все и который землю делает теплой и светлой. Я – Око мира, и сам Зевс величайший оказывает должное мне уважение, а ты безрассудно луком мне угрожаешь!

Более изумленный бесстрашием героя, чем рассерженный его дерзостью, ответил Гелиос, ярко светясь и глядя на Геракла из-под шлема золотого страшными лучистыми очами. От висков же бессмертной главы ниспадали колеблющиеся и развивающиеся на ветру длинные кудри золотом ярко блестящие, лик обрамляя божественный, светом пронзающий темную даль. Древний Титан был могуч светящимся телом и златовлас, как Аполлон, прекрасен, но чуть полноват лицом, и большие глаза его золотистого цвета сильный свет излучали. Облаченный в тончайшее, колеблемое даже легким дыханием Ауры одеяние, он изнутри весь светился и ярко сиял.

Геракл, между тем, хоть продолжал обливаться потом соленым, но все же опустил уже напряженный лук и молвил миролюбиво:

– Я здесь не по собственной воле, а по велению царя Эврисфея, которому я служу по воле великого Зевса-Кронида. Царь приказал мне найти тихоходных рогатых скотин Гериона и пригнать их в обильные златом Микены иль в Аргос, славный своими конями.

– Я сейчас тучу помещу между нами, чтобы меньше тебя

опалаять своими лучами и помогу тебе перебраться на остров, муж крепкодушный, знаменитый своей сокрушительной силой. Знаю, что ты похититель и участник многих насилий, но ты не должен трогать ни одной коровы в моих тучных стадах, которые пасут на лугах заливных от божественной Нееры мои милые дочери сияющая Фаэтусса и блистающая Лампетия. Не следует тебе трогать коров так же и в стаде Аида, которое пасет преданный ему Менет. Ты можешь взять только коров Гериона, как сама Мойра Лахесис соткала свою судьбоносную пряжу.

– Обещаю, по – лаконски кратко ответил довольный Геракл.

Гелиос был самым крупным на земле владельцем скота круторогого и очень заботился о каждом своем быке и каждой корове. Утром, въезжая на огненной колеснице на небо, Титан всегда обращал свой лучистый взгляд к Тринакии и умилялся зрелищем своих чудесных коров. Точно так же каждый вечер, опускающегося в Океан бога – скотовладельца, крупнейшего во вселенной, умиротворял вид своих животных, и, засыпая на мягком, как облака, ложе, он всегда знал, что утром снова увидит все свои стада, до последней коровы, бродящие по изумрудным тринакийским лугам.

Согласно Гомеру, на земле Гелиосу принадлежали 7 больших стад прекрасных коров крепколобых и столько же стад жирных овец тонкорунных по 50 голов каждое, они не плодятся, не вымирают. Это было образным обозначением дней

года, состоявшего в древнее время из 50 недель, по 7 дней и 7 ночей каждая.

Скорее всего Поэт ошибался и очень сильно, ведь даже стада смертного сына Гелиоса Авгия были в 4 раза больше. Некоторые говорят, что у бога солнца было 7 стад по 360 голов каждое, но все равно Гелиос дорожил каждой своей коровой. Когда изголодавшиеся спутники многолетнего скитальца по извилинам широкодорожного моря, хитроумнейшего героя троянской войны Одиссея съели несколько коров пламенного Титана, его яростному негодованию не было предела, и Зевсу, чтобы его успокоить, пришлось метнуть молнию и разбить в щепы корабль сына Лаэрта.

Гераклу же, давшему клятву не трогать его коров и быков, Гелиос дал на время путешествия свой дивный для взора челн из многоцветного золота в форме водяной лилии, сделанный по замыслам творческим Киллоподиона (кривоногий) искусной рукой. Солнце дало свою челн – чашу Гераклу не из страха, конечно, а из восхищения его несгибаемым мужеством, делающим ничтожными даже удары Могучей Судьбы.

В это время другой древний титан седой Океан, приняв человеческий облик, сел в колесницу, запряженную четверкой дивных белых коней и, в шутку решив испытать отвагу героя, устроил на влажной зыби ужасную качку. Геракл титановой шутки не оценил и с грозным выражением лица вновь достал упругий свой лук и, решительно натянув тети-

ву, направил стрелу против седого титана.

Океан был знаменит своей добротой и миролюбием, и потому отпрыск Зевса вначале старался говорить с ним почти-тельно, но потом, когда очередная волна его чуть с головой не накрыла, от угроз не сдержался:

– О ты, древний титан, бог реки мировой, не губимый во-веки! Ты, плодовитый родитель 6 тысяч бессмертных богов и еще большего множества смертного люда! Круг ты земной омываешь, всюду собою его ограничив, от тебя происходят все моря и глубокие реки... Я тебя почитаю, но все же лучше уймись по-хорошему престарелый родитель многих бо-жеств! Не раскачивай, влажнодорожный, больше мой челн, иначе горько о том пожалеешь, пронзенный моей стрелой!

Еще никто стрелой не грозил праотцу Океану, древней ре-ке мировой. Испугавшийся Океан тут же успокоил волны, плюющие во все стороны пеной соленой, поняв, что с таким дерзким героем лучше совсем не шутить.

222. Геракл убивает Эврителиона и Орфа

Прибыв в солнечном кубке златояркого Титана на Эрифию, Геракл расположился для ночлега на горе Абанте.

Некоторые рассказывают, что пастбище, где паслось гериново стадо, было столь хорошо, что жирное молоко обитавших здесь прекрасных коров, было больше похоже на чистый творог, слегка разбавленный сывороткой, коровам же через каждые тридцать дней пускают кровь, чтобы они не задохнулись от ее переизбытка.

Стадо коров особой красной, почти пурпурной масти пас великан Эврителион, а охраняла рогатых скотов огромная двуглавая собака по кличке Орф. Этот Орф был одним из сыновей стоглавого великана Тифона, незаконного своей силой ужасной. Матерью Орфа была исполинская змееедева Ехидна, которая сама прогрызла выход из материнской утробы, когда встревоженная чудовищным видом будущего ребенка Гея, хотела не дать ей родиться.

Двуглавый пес, издав далеко учуяв Геракла обоими своими носами, с громогласным лаем и белой пеной, клоками падавшей из обеих пастей, со всех ног бросился к герою. Для могучего отпрыска Зевса двуглавый чудовищный пес был не страшнее двух обычных собак. Предупрежденный хриплым лаем, он широко размахнулся своей смертоносной дубиной

из дикой оливы и ударил Орфу в широкую, как у коня, грудь. Пес двухголовый с поломанными ребрами и сердцем безнадежно помятым, с шумом грянулся в прах, уже мертвым землю острыми клыками кусая, а в застывших глазах его непроглядная мгла разлилась.

Привлеченный предсмертным лаем двуглавого Орфа, пастух Эвритион, муж огромного роста, размахивая бичом, спешил с другого конца поля на помощь своей верной собаке и громогласно орал:

– Дерзкий безумец! Да, кто ж ты такой и как ты здесь оказался?! Кто бы ты ни был, но тебе видно жизнь совсем надоела, если ты прибыл на край света сюда, чтобы грабить имущество наше.

Увидев поверженного Орфа, покрытого еще клубящимся багровым облаком смерти, страж ленивых коров чуть не задохнулся от праведного гнева и, бросив в сторону пастушеский бич, вырвал с корнем огромную сосну и заорал так, что у Зевсова сына заложило милые уши:

– Ты зачем, негодяй, собаку убил?! Теперь тебя самого ждет неизбежная и позорная смерть!

Страж коровьего стада широко размахнулся и издали мощно обрушил на Геракла тяжелое сырое дерево, однако герой, словно юноша с членами гибкими, неожиданно ловко сумел из-под него увернуться так, что даже ветви его не задела.

Отпрыск Зевеса уверенный в своей все сокрушающей си-

ле, давно уже не страшился для него малоопасных чудовищ, Эвритиону подобных и потому горделиво промолвил:

– Ты хоть великан, но грозный лишь с виду и голосом мощный! Лучше бы тебе сюда не стремиться и совсем со мной не встречаться, ибо этот мир уж давно я очищаю от чудовищ, подобных тебе. В недра земные навечно я тебя дубиной сейчас загоню вслед за твоей двуглавой собакой.

Второй раз Эвритион не успел даже размахнуться потому, что Геракл быстро к нему подскочил и так дважды ударил свой дубиной по ногам великана, что послышался громкий хруст, словно два сухих дерева друг за другом сломались. Эвритион с диким воплем завалился на бок, прижимая руками к животу раздробленные ноги. Увидев занесенную над собой дубину, великан вопить прекратил и попытался зев-сова сына за колени схватить, то ли, чтобы еще побороться, то ли, чтобы обнять и молить о пощаде.

Однако сын Алкмены прекрасноволосой не собирался ни схватку с Эвритионом затягивать, ни тем более ему пощаду давать. Так же, как в стадо коровье ворвавшийся лев сокрушает шею быку иль корове, пасущимся на лугу в месте лесистом, так беспощадно расправился он с пастухом-великаном. С неистовой силой опустил он знаменитое оружие свое из дикой оливы повалившемуся Эвритиону на голову и раздробил громадному пастуху череп, из которого вывалился мозг, перемешанный с кровью и осколками мелких костей.

223. Гера возбуждает в Менете отвагу

Некоторые говорят, что Геракл сдержал свое обещание Гелиосу и не тронул в семи его стадах коров, пасшихся под присмотром незаконнорожденных дочерей бога Солнца от божественной Нееры двух нимф пышнокудых – сияющей Фаэтессы и блистающей Лампетии.

Не тронул он и животных в стаде черных быков и коров царя подземного мира угрюмого вечно Аида. Однако, потомственный пастух Гадеса Менет сын тоже аидова пастуха престарелого Кевтонима все равно стал истошно вопить и звать на помощь трехтелого великана Гериона то ли от гнева, то ли от страха.

Гера, оставаясь незримой, давно с низкого облака наблюдала за Гераклом и когда он расправился с Орфом и Эвритионом, вдохнула в сердце Менета отчаянную отвагу. Очень легко для богов, владеющих небом широким, сделать обычного смертного (не героя) храбрым или, наоборот, сделать его трусливым. Царица Олимпа сказала Менету:

– Менет! Быстро встань на защиту вверенного тебя имущества. Хоть грабитель много сильнее тебя, но на твоей стороне Справедливость святая, и значит, сам Зевс за тебя, ведь он ее главный охранник. Ну же, плечи расправь и подними подбородок! Покажи нечестивому вору, что не зря Аид тебе свое стадо доверил, а там, глядишь трехтелый явится Герион

иль Аид, бог ужасный.

Пастух был косой и хромой, одна нога у него была короче другой, и ростом совсем он не вышел. Маленькая стриженная голова на тонкой шее, как у цыпленка поднималась над узенькими плечами, а длинный нос, похожий на клюв совсем на тщедушного птенца его делал похожим.

Как только незримая Гера отчаянную отвагу вдохнула в хилого телом Менета, так сразу перестал он на помощь звать Гериона и с криком пронзительным, громко призывая Аида, своего господина, подбежал близко к Гераклу и гневно стал нападать на него.

– Не потерплю я такого наглого грабежа! Ума, похититель коров, видно, у тебя не осталось ни крошки! Еще никогда тут никто не смел появиться затем, чтобы зарезать корову главного подземного бога Аида, родного зевсова брата. Теперь нам с тобой не избежать поединка, хоть вижу, какой огромной силой тебя боги одели! Зрю своими глазами, как ты могуч, и насколько тебя я слабее! Но, ведь все грядущее лежит у богов на коленях. Может быть, хоть я и более слабый, дух твой исторгну разбойничий, своим пастушьим посохом в ухо ударив, уж больно ты меня рассердил своим бесстыдным разбоем!

Амфитрионид поджал губы и, помотав головой, сказал не пастуху, а пока еще стремящемуся к справедливости милому сердцу:

– Передо мной совсем не чудовище, а обычный пастух, к

тому ж слабосильный по виду. Этот пастух охраняет порученное его заботам стадо коров, и потому, чтобы быть справедливым, я должен постараться избежать поединка, а по сути убийства. Да и ужасного бога Аида и властительную Персефонею не стоит понапрасну сердить убийством их верного пастуха...

И Алкид сказал добродушно Менету:

– Ты не походишь, пастух, на плохого иль глупого мужа. За трудную такую работу, как у тебя, другой получал бы двойную оплату, а ты здесь ходишь в лохмотьях. Давай-ка Менет по-хорошему разойдемся, иди прочь от меня к коровам...

Не захотел принять предложение Геракла безумец-пастух, чтобы злого жребия черной гибели избежать. На все воля Зевса и Геры, много сильнее она, чем людская. Храбрейшего мужа могут ввергнуть они в страх и этим победы лишить, а в другой раз слабого доблестно побуждают сражаться и даже иногда побеждать. Так и теперь воинственный дух возбудила Гера в Менете.

224. Бесславный поединок Геракла с Менетом

Пастух Аида не пожелал послушать Геракла и, перебив его, гневно воскликнул, черными сверкая очами:

– Если поединка не хочешь, вон убирайся сейчас же с нашего острова гость незванный, до чужого охотник добра! И поспеши, пока сын рожденного из крови Горгоны золотого меча – Хрисаора тройной великан Герион сюда не пришел, если жизнь тебе еще дорога. Он сильнее тебя настолько же, насколько ты сильнее меня. Да, уходи без коров, иначе со мной не на жизнь, а на смерть прямо сейчас будешь бороться. И, хоть выглядишь ты намного сильнее меня, но Правда на моей стороне, и справедливые боги меня не оставят. Ведь Правды святой путь неизменен, как бы ее ни старались исказить дароядные люди, нечестивой облаченные силой, вроде тебя. С пронзительным плачем Правда обходит города и жилища, мраком туманным одевшись, и страшные беды на таких, как ты, насылает, кто ее от себя гонит и дерзко закон преступает. Ты готов насмерть биться со мною?!

– Что ж... Раз тебя верное сердце и дух твой отважный к тому побуждают, то первым на меня нападай.

На серьезном лице Геракла не было злости и гнева, хоть очень он не любил, когда в несправедливости его обвиняют и говорят, что правда не на его стороне.

Когда пастух подбежал к нему, собираясь посохом ударить, словно пикой или копьем, он вдруг вспомнил пастуха Антагора с посохом таким же пастушьим и глаза его мстительным вспыхнули гневом. Он схватил пастуха бьющую руку и сломал ее, словно сухую тростинку.

Молва не знает границ, и на самый край света она проникает. Некоторые говорят, что Менет был застрелен Гераклом из лука. Другие же утверждают, что герой так сжал ребра хudosочного Менета, что душа того, хорошо знавшая дорогу в мрачное царство бесплотных теней, не дождавшись Таната, сама отлетела к утлону челну Харона, древнего титана, порожденного Ночью.

Старец с глазами вечно горящими, в грязных лохмотьях сразу верную душу своего друга Менета узнал. Удивленный его неожиданной смертью, он без очереди и без навлона перевез трепещущую душу Менета во владенья Аида.

Плутону и Персефоне, властительным богам подземелья был очень нужен этот пастух на земле. Не желавшая терять верного Менета, суровая властительница подземного царства богине радуги Ириде крылатое слово такое торопливо сказала:

– Мчись поскорее быстротой схожая с ветром Ирида, к Гераклу! Не дай ему жизнь совсем из Менета исторгнуть! Скажи сыну Зевса от смертной Алкмены, что, убив пастуха только за то, что он безупречно охраняет стадо Аида, имя свое он позором навечно покроет. Один раз мы отпустим из

нашего царства душу Менета, но Геракл пусть его больше не трогает, иначе не будет от нас ему никогда ни снисхожденья, ни милосердия.

Говорят, по быстроте передвижения ветроногая богиня превосходила самого быстролетного вестника Зевса Гермеса, и проносилась по небу быстрее своего мужа ветра Зефира так, что тяжелый сырой воздух после дождя срывал с ее стройного юного тела все семь разноцветных одежд, которые оставались на небе в виде семицветных изогнутых серединой кверху полос. Не опоздала и сейчас быстрая на обе ноги богиня Ирида. Совсем обнаженной пред Гераклом представ, все передала ему, как Персефона велела, Радуга семицветная. Застеснявшись, уж очень Геракл, глотая слюну, на нее похотливо глядел, словно щупал и мял ее тело горящими своими глазами, прочь удалилась Ирида к милому супругу Зефиру.

Некоторые говорят, что обнаженная Ирида была так прекрасна, что из-за изумительной красоты ее юного тела Геракл жизнь оставил Менету.

Другие утверждают, что герой, сокрушивший многим колени, и сам не хотел лишать жизни честного Менета и, призвав свой крепкий дух, забыл о его обвиненьях. Он оставил тело пастуха в покое, когда в него вернулась душа, отпущенная по приказу Аида, и тот, удивленный тем, что живой, открыл глаза и мучительно застонал, глядя здоровой рукой сломанную руку.

Геракл же стал собирать Герионово стадо, время от времени покачивая головой и хмыкая губами и носом:

– Странные эти бессмертные. Неужели этот Аид со своей Персефой и вправду думают, что такой благородный герой, как я, будет еле живого противника добивать, конечно, если этот противник не чудовище, погубившее много людей.

225. Доблестный герой Герион ^[69]

Законным хозяином стада прекрасный коров был тройной великан Герион – сын Хрисаора и океаниды Каллирои, будучи девой, была спутницей игр Кору (Персефоны).

Хрисаор же был сыном Колебателя земли и прекраснокудрой девы Медусы, превратившейся после насилия над ней Посейдона у алтаря в храме Афины в ужасное чудовище, взгляд которой обращал в камень любого, чей взор с ее взглядом ужасным встречался. Когда Персей обезглавил чудовищную Медусу-Горгону и рассек пополам ее смертное тело, из него вывалился сначала конь быстрокрылец Пегас, которому Мойрой было предназначено Громовержцу доставлять молнии с громом и Хрисаор. Воин богатый с мечом золотым сочетался пылкой любовью и лаской с океанидой Каллироей, и та родила ему пятерых сыновей, один из которых был великаном трехглавым.

Герион был взбешен наглостью дерзкого и жестокого разбойника, увидев издали, как тот не только угнал принадлежащих ему коров, но еще и убил пастуха Эвритиона и верного Орфа, двуглавою пастушью собаку. Глядя на своих прекрасных коров и погоняющего их Геракла, он с хриплым ревом, грозно огласившим тихо струившиеся прибрежные воды, по кратчайшей воздушной дороге устремился к нему, шумно рассекая воздух тяжелыми взмахами крыльев.

Многие считали Гериона доблестным героем. Согласно Стесихору, этот отважный муж, чувствуя приближение своей насильственной смерти незадолго до встречи с Гераклом, своей матери Каллирое так говорил:

– Милая мать! Не смущай мне отважную душу никакими словами о хладе смертельном Аида... Сам все я знаю и так решил: если бессмертен мой род, то, вовек не старея, я пребуду навечно сопричастником жизни Олимпа. Если же я обречен дожить до старости страшной мимолетным жильцом, непричастным к уделу бессмертных богов, то лучше уж ныне и сразу мне все претерпеть, что Судьбою дано. Не могу я безучастным остаться к злодейскому убийству Эврителиона, верного моего пастуха и моей любимой двуглавой пастушьей собаки. И потом не смогу я спокойно смотреть, как этот негодяй будет угонять моих прекрасных коров...

– Моею грудью ты вскормлен, сынок. Несказанно страдав, много стерпев, родила я в изнурительных муках тебя, и теперь, Герион, я в материнской мольбе твои обнимаю колена. Не вступай в сражение с Гераклом из-за своих красных ленивых скотов на омытой водой Эрифее. Ведь силой своей нечестивой, говорят, могуч он безмерно и потому пусть уходит с твоими коровами, а ты заведешь себе новое стадо. Не отвергни, сынок, материнской молитвы, сделай то, о чем умоляю!

Гордый сын не послушался мать, и тогда Каллироя, все еще любящем материнским сердцем на что-то надеясь, с

бессильным тихим плачем исчезла, устремившись на поиски могучего Посейдона, чтобы умолять его помочь своему смертному внуку.

Герион же, что есть сил, махая крылами, потрясая тремя копьями и вопя «Алала» всеми тремя огромными глотками, мощно стремился к герою, в жилах которого течет Зевс ихор.

226. Сражение с Герионом

Оказавшись на расстоянии полета копья, Герион неожиданно быстро для своего огромного тела тройного, метнул в Геракла одно за другим три огромных копья с острыми медными наконечниками, и все они в цель попали. Однако каменная шкура Немейского льва, давно ставшая незаменимым доспехом отпрыску Зевса, выдержала, и копья отскочили от нее, словно от гранитной скалы. При этом отпрыск Зевса и прекрасноволосой Алкмены, не сумев устоять на ногах от мощного тройного удара, навзничь упал, не будучи ранен.

Доведенный до дикого бешенства нападением истребитель чудовищ быстро вскочил. Ахнув с досады и по бедрам себя ударив руками, злобно он зубы оскалил, и с неистовым криком Алалы, ринулся на великана, нестроганой потрясая дубиной. Бросился яростно на великана Геракл, словно могучий орел, на недоступных высотах парящий, когда сквозь темные тучи он падает камнем вдруг на равнину, чтобы медлительного ягненка схватить или расторопного зайца. Так же ринулся отпрыск Зевеса, нестроганой крепкой дубиной махая.

Герион же бросил в отпрыска, Зевсом рожденного, один за одним три огромных щита двенадцатикожих, тяжелых, с большими медными вставками, и все они попали в Амфитрионида: один – в плечо, другой – в грудь и третий – в ноги, и

чудовищ знаменитый губитель снова упал вверх ногами. Великан тяжело поднялся в воздух и, словно огромная неповоротливая птица, громко хлопая всеми крыльями, устремился к Гераклу, сбитому с ног щитами. Геракл попытался снова быстро вскочить, но ушибленные щитом колени не позволили сразу на себя опереться, и тогда он на руках быстро-быстро пополз к луку, подаренному ему на свадьбу с Мегарой самим Дальновержцем.

Некоторые говорят, что в этот решающий момент Гериона хотел спасти от преждевременной смерти его дед чадолюбивый Сотрясатель земли. Бог морей, выслушав Каллирою, сразу восстал из лазурных глубин океана и, потрясая своим огромным трезубцем, поспешил в сияющей колеснице на помощь любимому внуку.

Наблюдавшая с высокого темно-багряного облака за боем Геракла мужа всесокрушающей мощи и трехтелого Гериона могучая дева Афина не пожелала допустить сраженья между своим смертным братом и дядей Посейдоном, который ударом трезубца мог до основания сотрясти всю окрестную землю. Быстро прыгнула сверху богиня справедливой войны и своим огромным копьем преградила путь Посейдоновой квадриге прекрасных белых коней с золотистыми пышными гривами и хвостами и прорекла чернокудрому дяде:

– Посейдон, не стремись к внуку напрасно! Вспомни о том, что все мы, богини и боги, давно клятвенно обещали, все претерпеть, что предначертано Могучей Судьбою! По-

этому, дав обещание, безуспешно не желай Гериона от неминуемой смерти избавить...

Стесихор, явно сочувствуя Гериону, печально поет, что сын Зевса пестрой Гидры взял ядовитую желчь, которую та изрыгнула в миг предсмертных страданий, и ими роковую стрелу свою напитал и нежданно врагу изловчился попасть в самую переносицу. Судьбой предназначенный путь свой пернатая стрела совершила, подле самого темени вышла и мышцы наконечником медным с кости сорвала. Тут на грудь, на покрытые уже кровью запекшейся члены ручьями багряная хлынула кровь. Голова Гериона поникла, как красный мака цветок, когда он, поздней осенью отцветая, теряет красу свою нежную, разом все лепестки осыпая при сильном порыве холодного ветра...

Многие, как Платон, говорят, что Герион коров и не продавал, и не дарил, а Геракл все-таки их угнал и пастухов убил, считая это природным своим правом, потому что и коровы, и прочее добро слабейшего (и потому худшего) должно принадлежать сильнейшему (и потому лучшему). Знаменитому философу вторил лирик Пиндар:

– Сильный вершит все, что захочет. Так и Геракл в его подвигах: не он ли Герионовых быков, не дареных и не купленных, пригнал к воротам Еврисфея?..

Так сбылось давнее желание Геры, чтобы из-за похищения Гераклом коров у Гериона, их законного владельца и героя, прославленного истребителя чудовищ многие люди назвали

разбойником и воров.

227. Геракл впервые ранит Геру

Державная Гера, с блистательных высей Олимпа наблюдавшая за схваткой Геракла с Герионом, увидев, как Афина преградила путь Посейдону к спасению внука, и тот повернул, сильно ударила себя кулаком по прекрасному лбу.

Поняв, что ее замысел погубить ненавистного пасынка опять провалился, не смогла удержаться от необдуманных действий царица Олимпа. Гнев безудержный ее охватил, который и самых мудрых в неистовство вводит! Сначала, как сладостный мед, густыми струями стекает он в грудь человека или бессмертного бога, а потом быстро в груди растекается и становится сладким ядом, омрачающем разум.

Прянув бурной стопой по куполу вечного неба, как неистовый северный ветер, пенные волны вздымая, понеслась над морем на остров Эрифию Гера. Забыв о том, чтобы самой оставаться невидимой, царица богов неосторожно попыталась темной тучей отделить Гериона от самого нелюбимого ею отпрыска Зевса.

Геракл в первый миг изумился, увидев над полем боя прекрасную богиню в одежде пурпурного цвета со светло-золотистыми волосами, увенчанной блистающей в солнечных лучах диадемой. Разглядев на диадеме крылья кукушки, он догадался, что это сама Громовержца супруга, мачеха его злокозненная. Герой знал, как выглядит богиня, которой он

обязан своими страданиями и своим именем, но до сих пор не встречался с ней. Никогда он не видел такой ослепительно красивой женщины, за исключением, разве, что посетившей его свадьбу Афродиты, являющуюся общепринятым образцом красоты.

Руки героя сами схватили лук и стрелу, но все члены его тут же восстали, протестуя против стрельбы в столь прекрасную женщину, и пересохшие губы его шептали с восторгом:

– Кажется я впервые завидую родителю Зевсу, что у него такая супруга. Ради такой красоты, можно и ревность терпеть. Говорят, что она добродетельна очень, как женщина и супругу не изменяла ни разу. Хотел бы я с нею возлечь, чтобы узнать какие они в постели не девственницы, которых я знал уж не мало, а именно такие с виду добродетельные красавицы, как она. Вот это была бы ночь незабываемых тайн! А какие у нее восхитительные груди, белыми лентами подпоясанные, не скрывает их линий волшебных вытканый воздухом шелк. Они просто созданы для меня – как раз по размеру моих ладоней...

Тут Гера заметила, что обнаружена смотрящим прямо на нее пасынком, покраснела до самых корней своих пушистых светло золотистых волос и что есть сил размахнулась облаком темным, целясь в прославленного, благодаря ей, героя. От размаха широкого правая грудь обнажилась богини, показав герою вверх торчащий прекрасный алый сосок, но полюбоваться им он не успел. Руки, привыкшие к битвам,

мгновенно упругий лук с тетивой, искусно сплетенной схватили и метко нацелили губительное стрелы острие, не знающей промаха. И, хоть не было на наконечнике той стрелы желчи Гидры Лернейской, все же грозно лук загудел, заполняя весь воздух над островом и над морем звуком гулким, зловещим. Страшно тетива зазвенела победным мотивом, и бурно с нее сорвавшись, пернатая стрела понеслась, острая, жадная до намеченной жертвы.

Увидев, как стрела, с наконечником острым, богине в открывшуюся правую грудь, о которой он похотливо только, что грезил, под самый сосок со свистом вонзилась, Геракл в первый миг рассердился на свои руки, сами сделавшие злую работу. Однако вспомнив о роковой роли мстительной Геры во всех его тяготах и страданиях, с самого начиная рождения, когда она его мать при родах почти умертвила, герой дерзновеннейший, крикнул свирепо:

– Скройся сейчас же, злобная Зевса супруга! Лучше сама удались от сраженья. Иль не довольно тебе, что столько лет из-за тебя служу я, как раб у ничтожного Эврисфея?! Хочешь еще и в мои битвы мешаться, чтоб только продолжать мне вредить? Впредь запомни: я полагаю, в ужас и трепет битва с моим участием тебя должна привести, лишь увидишь ее издалека, ведь в следующий раз стрела будет отравлена желчью той Гидры из Лерна, которой и сами боги страшатся.

Ручьем заструилась бессмертная кровь у богини, – кристально чистый иخور, который в жилах течет у богов всебла-

женных: хлеба они не едят, не вкушают вина, потому-то крови, как у людей, и нет в них, и люди бессмертными их называют. Разъярилась владычица Гера от гнева и боли, но сделать ничего не могла – Геракл, как и Зевс, был много сильнее ее.

Раненая царица Олимпа закричала от боли так пронзительно громко, как, если бы одновременно тысяча рожаящих женщин кричала. С непрекращающимися воплями понеслась богиня богинь на высокий Олимп. И только приблизившись к чертогу нетленному, Гера стиснула зубы и заставила себя замолчать, здесь ее почерневшую от ихора правую грудь целый день лечил олимпийский врачеватель Пеан.

В теле Геры прекрасном целый день сидела стрела роковая и мучила ее милое сердце. Белокурую царицу врачевством, утоляющим всякие боли, щедро осыпал и, на исходе дня вынув стрелу, Пеан ее исцелил, богиню могучую, не для смертной рожденную жизни.

Дочь Геры, юная виночерпица Геба несколько раз сама мыла милой матери грудь теплой прозрачной водою и потом облачала пурпурной пышной одеждой. Уже через день после ранения тяжкого исцеленная царица Олимпа вновь на собрание бессмертных восседала близ Зевса – Кронида, теща сердце новыми коварными планами мести жестокой и справедливой своему нечестивому пасынку.

Геракл задним умом понимал, что ранить царицу олимпийских богов – это не то, что убить забытого всеми второ-

степенного древнего бога из черни или героя, такого, как Герион и так сам со своей крепкой душой озабоченно изъяснялся:

– Ранения тяжкого супруги законной своей Зевс может мне не простить, сыну от смертной и может убить меня перуном, метнув жгучую молнию с неба. Зря я не сдержался и ранил богиню, нет, не просто богиню – царицу олимпийских богов, сестру и супругу Молниелюбца Кронида. Ведь даже более старшей на свет произвела ее Рея от хитроумного Крона с сердцем жестоким.

Геракл заранее пытался придумать, что сказать великому Зевсу, если дело до плохого дойдет в свое оправданье и, наконец, так решил:

– Если придется держать ответ перед всемогущим отцом, надо мне хитро солгать, что в пылу боя не заметил я за черной тучей супругу его и метил стрелой в Гериона. Если же волоокая Гера расскажет о моих словах и угрозах, то я бесстыдно от них отрекусь, ведь свидетелей не было. А потом я сам обвиню царицу в присущей ей наглой лжи, а также в коварстве, ведь лучшая защита – это нападение! Лгать же не стыдно, если жутколикая Ананка сама заставляет.

Некоторые говорят, что, одержав победу над Герионом, Геракл загнал его красных коров в солнечный кубок Титана и поплыл на этой дивной ладье, вместившей все стадо прекрасных быков и коров, через реку Тартесс.

228. Сражения с Алкионеем и наемниками Хрисаора

Некоторые, подобно Пиндару, рассказывают, что гигант Алкионей по дороге пытался похитить у Геракла быков Гериона. Он из засады напал на Тучегонителя мощного отпрыска, когда тот гнал стада Гериона, и метнул осколок скалы, который сокрушил 12 колесниц и дважды двенадцать спутников Геракла. Затем флегрейский волопас кинул камнем и в самого героя, но тот своей тяжелой дубиной отбросил камень назад и следующим ударом убил самого великана.

Другие же говорят, что Гигант Алкионей был убит Гераклом на Флегрейских полях полуострова Паллена, во время грандиозной битвы олимпийцев с гигантами.

Дочери Алкионей долго горько рыдали после горестной смерти родителя, а потом, не сговариваясь, дружно бросились в море. Добрая супруга Посейдона nereида Амфитрита, любящая свой дом и всякие женские работы, превратила Алкионид Алкиппу, Анфу, Астерию, Дримо, Мефону, Паллену, Фтонию и Хтонию в стаю птиц зимородков.

Хрисаор, узнав о том, что муж, самый могучий между героев, убил его любимого сына Гериона и угнал его прекрасных коров, равных которым можно было найти лишь в стадах солнечного бога, разгневался и поклялся жестоко отомстить герою, чего бы это ему не стоило. Золотой Меч об-

ратился за помощью к своему лучшему другу – богу богатства Плутосу, рожденному благой богиней Деметрой от сына плеяды Электры и Зевса героя Иасиона, после того как они сопряглись страстной любовью в критской богатой округе на трижды вспаханном поле. Зевс – Справедливец ослепил уже состарившегося своего племянника и внука, чтобы тот не отличал честных от бесчестных. Знаменитый Пугатель недугов и добрый мастер безболыа Асклепий своим сучковатым посохом, обвитым змеей с раздвоенным языком, слегка дотронулся до закрытых век Плутоса и вернул ему зрение, но не безвозвратную юность. Вместо радостной молодости старику Плутосу досталась от ко всему безразличной, кроме страсти к Порядку, Мойры Лахесис особая невидимая, но всеобъемлющая власть денег, о которой он сам горделиво так говорил:

– Моя власть настолько огромна, что на кого я прогневаюсь, того не выручит и сама богиня могучеотцовная, а кого возлюблю, тому ни к чему и милость Кронида.

Плутос помог другу Хрисаору собрать великое войско, включая таких наемников, как знаменитые презрением к смерти воины из доблестной Спарты, военная слава которой уже начала клониться к закату с тех самых пор, как спартанцы изменили завету Ликурга, сделавшего владение богатством в Лакедемонe и незавидным, и бесславным.

Геракл стал собираться на битву так же отважно, как и на предыдущие подвиги и так же разумно: он придумал, как

переманить на свою сторону некоторых из врагов.

Битва Геракла с многочисленным, но разношерстным войском Хрисаора оказалась на удивление не трудной. Набирая наемников, Хрисаор с Плутосом утаили с кем именно, им придется сражаться, они говорили:

– Вам биться придется с ворами и разбойниками, укравшими у славного хрисаорова сына его прекрасных краснобоких коров и подло убившими его самого.

Наемных воинов у Хрисаора было бес счета, как мух, которые огромной тучей, жужжащей носятся в воздухе жарком, слетаясь к пастухам и животным. Поэтому Геракл к хитрости военной прибегнул: оказавшись на кургане высоком, откуда на большом расстоянии его было видно и слышно, с такой пламенной речью обратился он к наемникам Хрисаора:

– Было б вам, доблестным воинам, среди которых много неустрашимых спартанцев, очень позорно биться сегодня против героя Геракла. Все знают, что в сражении спартанцы – настоящие львы, но стадо оленей во главе со львом страшнее, чем стадо львов во главе с оленем. И потом, всем известно, что сражаться со мною не только для здоровья, но и для самой жизни очень опасно. Чтобы земля многих из вас навечно не поглотила, я предлагаю сначала вам с достоинством просто выйти из боя, а уж потом, если захотите, сражаться на моей стороне.

Когда в хрисаоровом войске узнали, что перед ними са-

мый знаменитый и любимый в Элладе герой, многие не только с поля боя бежали, но и перешли с оружием на сторону Геракла. Доблести исполненные спартанцы вложили ножны в мечи и под пенье флейты, сохраняя строй, перешли на сторону Геракловой силы. Оставшиеся племена, возглавляемые сыновьями Хрисаора, были быстро разбиты, а уцелевшие разрозненные воины развеяны по окрестным лесам.

Геракл многих убил, еще больших он покорил, передав Иберию в правление одному из местных царей. Когда он проходил через земли иберов, этот царь, отличавшийся благоразумием и справедливостью, встретил его с почестями, поэтому одну корову и быка Геракл подарил этому царю, а тот посвятил этих животных Гераклу и стал ежегодно приносить ему в жертву самого лучшего быка из своего стада.

Хрисаор смог уйти, откупившись от людей Геракла, который и сам не собирался его преследовать и убивать, хотя и желал, чтобы тот ему сполна заплатил за все причиненные неудобства. Однако после того, как Геракл ушел вместе с коровами, которых он уже стал считать своими, власть Хрисаору поставленный Гераклом царь не отдал, и Золотой Меч умер своей смертью на чужбине, хоть и в большом богатстве, но в полной безвестности.

Геракл, которому было уже далеко за 30, стал более почтительно относиться к богу богатства Плутосу, дружить с которым, ему когда-то, на заре его юности, настойчиво предлагала на распутье прекрасная зрелой своей красотой боже-

ственная женщина, сочетавшая в себе Порочность и Наслаждение.

229. Гигантомахия

Говорят, что гиганты изначально провидицей – матерью предназначались для сокрушительной битвы с олимпийскими богами, им предстояло родиться и возмужав, захватить верховную власть, утвердившись на блистательных высях Олимпа.

От семени Тартара и крови первого мужа Урана Гея родила Змееногих чудовищ. Она сходилась с Тартаром за тем, чтобы родить от него детей необычайной силы, чтобы те этой своей силой ужасной заставили олимпийских богов и, особенно, ее царственного внука – всемогущего Зевса, быть справедливым по отношению ко всем ее чадам, которых она, как настоящая мать безмерно любила.

Говорят, ростом все Гиганты были с высокую гору и с головы до колен походили на буйных косматых мужей с густыми, длинными никогда не чесанными волосами на головах, переходящими в бороду, однако голени их переходили в покрытые чешуей, словно медной броней, мощные тела драконов.

Не объявляя войны, древние боги – чудовища с высоких вечно покрытых снегами горных вершин, куда они специально забрались, внезапно обрушились на Олимп, где блаженных богов в сладостных наслаждениях все дни протекали. Сверху они метали на жилища бессмертных богов гро-

мадные валуны и целые обломки скал, а также огромные вывороченные с корнями деревья, так что олимпийцам сначала пришлось нелегко. Горные глухо стонали ущелья, кренились вершины олимпийских холмов и сыпались с грохотом на многострадальную землю, каменистые кручи, покрытые вечным снегом, неудержимо сползали вниз. Все страшно сотрясалось и жутко гроыхало под змеевидными изгибами огромных голеней и стоп Гигантов, рожденных у подножия огнедышащего вулкана.

Гомер поет, что двинулась рать, и как будто огнем вся земля запылала. Дол застонал, как под яростью бога, метателя грома Зевса, когда над Тифоном сечет он перунами землю, горы в Аримах, в которых, повествуют, ложе Тифона; так застонала глубоко земля под стопами народов, вдруг устремившихся: быстро они проходили долиной.

Все олимпийцы доблестно бились, даже богини, как боги, сражались достойно, однако все их старания были напрасны.

Аполлон и Артемида пускали в гигантов Эфиальта и Грациона свои не знавшие промаха золотые стрелы, но на этот раз стрелы не были губительными – они только ранили могучих исполинов и возбуждали в них еще большую злобу и ярость. Совоокая Афина раз за разом втыкала свое непобедимое копьё то в голову, то в грудь Энкилада, но гигант лишь морщился и злобно хохотал, вырывая с корнями огромный горящий дуб и бросая его в деву-воительницу. Геката, меняя свой тройственный лик, поднялась из Преисподней на зем-

лю и жгла своими факелами злобного Клития, пытавшегося тоже колдовать. Колченогий Гефест схватил своими огромными клещами гиганта Миманта за шею и бил его по голове огромным молотом как по наковальне, но тот сумел вырваться. Чернокудрый Посейдон разил своим могучим трезубцем Эгеона, так, что вся земля сотрясалась, а на своего личного врага мощного Полибота сбросил не малую часть острова Нисирос. Всегда мрачный немногословный Аид угрюмо бился черным мечом, а неистовый Арес с устрашающими криками кидался то на одного, то на другого врага, пытаюсь воткнуть свое копьё в чью-нибудь голову или грудь, но Гиганты хохотали и опять в бой бросались. Хитроумный Гермес перед самой битвой украл у владыки подземного царства шлем-невидимку и без всякого риска для себя, оставаясь невидимым, летал на своих талариях от одного гиганта к другому. Он, поражая гигантов в головы то своим кадуцеем, то мечом серповидным, но жезл Арогоубийцы был слишком слаб для Гигантов, и никто от него не засыпал, а меч быстро притупился и не разрезал чешую, покрывавшую тело Гигантов. Даже Крошка – бог Эрот в битве посильное принял участие. Он, как мотылек, порхал между дерущимися и умудрился пустить свою кипарисовую стрелку в сердце могучего Порфириона, когда тот прицеливался осколком скалы в Геру, и гигант сразу же воспылал к ней безумною страстью. Царице Олимпа пришлось спасаться бегством от такого настойчивого влюбленного, но Порфирион гигантскими шага-

ми настиг ее и разорвал на ней пурпурный пеплос, ленты на прекрасной груди и все повязки на бедрах, пытаясь совершить насилие над белокурой красавицей прямо на поле боя. Увидев, как Порфирион пытается завалить на землю его раздетую жену, Зевс метнул в гиганта испепеляющую молнию и ранил великана. Он от боли выпустил Геру и в битву опять устремился.

Чтобы бы ни делали олимпийские боги, они не могли убить ни одного гиганта, ибо непререкаемая Мойра Лахесис, не разжимая своих бледных старческих губ, провещала богам:

– По непререкаемой воле нашей матери всемогущей Ананке, которой никто во вселенной не может противостоять, Гигантов, как и остальных чудовищ божественного происхождения, не могут лишить жизни такие же, как они, боги. Древних чудовищ-богов могут убить лишь полубоги – герои, рожденные смертными женщинами от богов. Таков древний кровный закон – близких родственников никому убивать невозможно.

Мудрая Афина, потрясая копьем, зычно крикнула своим родственникам олимпийцам:

– Нам необходимо призвать на помощь могучего героя Геракла, пока чадолюбивая Гея не сделала с помощью колючей моли своих детей Змееногих бессмертными и для рук героев-полубогов.

Зевс тут же отправил мощную дочь на поиски своего луч-

шего смертного сына, ибо ей, так много ему помогавшей, своенравный герой не должен был ни в чем отказать. Кроме того, царь богов тут же на время предусмотрительно запретил светить Эос, Селене и Гелию.

Праматерь всеобщая Гея в наступившем кромешном мраке не смогла отыскать на своем огромном теле чудесное растение колючую моли, которое сделало бы Гигантов неуязвимыми и для героев. Это растение с темно-зелеными листьями и ядовитыми для людей шипами, черным корнем и с бледно-молочными цветками при призрачном свете тусклых астр по воле Мойры Лахесис увидел и вырвал из праха Геракл, уже спешивший на помощь своей многочисленной олимпийской родне.

230. Участие Геракла в Гигантомахии

Даже помощь одноглазых и сторуких великанов, некогда решившая исход пылавшей почти 11 лет Титаномохии, на этот раз не помогала. Три Киклопа и три Гекатонхейра были не крупнее Гигантов, которых было целых 150.

И все изменилось в той битве ужасной, как только на Флегрейской равнине появился Геракл. Теперь всякий раз, когда кто-нибудь из богов ранил бессмертного для них Гиганта, могучий герой-полубог тут же его добивал, именно он наносил последний смертельный удар, губительную посылая стрелу или взмахивая своей страшной дубиной.

Когда Дальновержец попал Эфиальту стрелой в левый глаз, тот от боли только неистово завопил, а когда подоспевший Геракл своей стрелой попал в правое око, гигант тут же на месте скончался, и смертельная тьма навсегда его опустевшие глазницы объяла. Стрелы Агротеры, дополненные гибельной стрелой Геракла, наконец, навечно успокоили исполина Гратиона, и он во весь рост свой громадный в прахе простерся, будучи уже мертвым, мать – землю крепкими зубами все еще кусая. Щит золотой пламенеет у мощного бога войны ярче огня, и топорщится шлем его гривой конской блестящей, когда он поражает мечом Пелора, но тот лишь от боли морщится и гневно кричит. Геракл тут же добивает Пелора по косматой голове неотесанной дубиной своей из ди-

кой оливы, и гиганта тут же багровая смерть навсегда осеняет. Палленей, охваченный гневом, свирепо идет против эгиды Афины и простирает свои волосатые руки к безбрачной богине, его в грудь, как и прежде могучим копьем поражает Паллада, и, кажется, опять все чудовищные удары Паллады напрасны. Тут Палленея Геракл в висок поражает стрелой из лука, и с криком предсмертным гиганта жизнь в бездонный Тартар отлетела, и страшная черная тьма вековая глаза Палленея объяла.

Гера запомнила на всю жизнь, как ее брат и супруг Зевс-Молниелюбец долго и яростно жег Порфириона перунами своими, посылая в него одну за другой извилистые жгучие молнии, но Гигант, хоть и пылал как факел огромный, но продолжал мужественно сражаться. Битва Зевса и Порфириона ярко пылала, пока предводителю землеродных чудовищ не пронзил мощное сердце своей стрелой Геракл, и пурпурный владыка Гигантов, пытавшийся прямо на поле боя ее изнасиловать, тут же издох, превратившись в огромную груду бездушных камней и адского пепла.

Юная обликом Мойра Атропос еле успевала перерезать толстые, как веревки и очень крепкие нити жизни гигантов – впервые за тысячи лет у Неизбежной от тяжелой работы заболели нетленные руки.

Вскоре из 12 главных гигантов, дерзко на священный Олимп посягнувших, остался живым лишь один Алкионей. Геракл поразил стрелой и его, и он пал на землю сырую, но

тут же ожил и вновь поднялся. Сын Зевса поразил гиганта второй стрелой и опять упавший было замертво Алкионей вскочил и, как ни в чем не бывало, принялся биться.

– Флегры – Алкионея родная земля и потому его здесь не убить. Скорее, доблести полный Геракл, перенеси его в другую страну и там истреби!

Так завопила истошно мудрая дева Афина, и Геракл взвалил огромного, как гора, Алкионея на свои натруженные плечи и перенес в Беотию, и там бил своей дубиной по голове пока из нее не вытек весь мозг и тот, наконец, окончательно не издох.

Последняя великая битва богов-олимпийцев с многочисленными и могучими врагами – на этот раз со 150 Гигантами, только благодаря бесценной помощи Геракла, закончилась их полной победой.

231. Богиня победы парит над Гераклом

Тут над полем грандиозного боя, сплошь усеянном гигантов огромными трупами, гордо начал реять верная союзница Зевса крылатая богиня Победы Ника до этого с большим волнением следившая за ходом сражения из большого окна в тронном зале нетленного чертога Крониды.

Дочь младшего титана Палланта Ника вместе со своей чудовищной матерью Стикс пришла к Зевсу в разгар Титаномахии и принимала деятельное участие в борьбе Зевса за власть на небе и на земле. После того, как она помогла владыке Олимпа добиться блестящей победы в решающей битве с титанами, он сделал ее своей спутницей неразлучной.

Лишь на многохолмном Олимпе, в чертогах Зевеса рядом с его возвышенным тронном Ника может почтительно стоять или сидеть. Во всех остальных случаях она с лавровым венком или пальмовой веткой в руке всегда находится в непрерывном движении. Она в легком пурпурном одеянии гордо реет в победном полете или несется на колеснице, запряженной четверкой крылатых белоснежных коней с золотистыми гривами и хвостами. Оставив ненадолго коней, Ника то ласково кивает головой победителю, то заботливо парит над ним, увенчивая его голову лавровым венком, или ведет его колесницу, или закалывает жертвенное животное, или скла-

дывает из неприятельского оружия и другой добычи победоносный трофей.

Часто, когда Зевс отпускает богиню Победы от своего возвышенного трона, она сопровождает Палладу, как представительницу высшей всепобеждающей силы, могучую богиню справедливой войны, которой необходима всегда только победа.

Помогает Ника не только богам, но и смертным и не только в сраженьях. Ника является не только богиней побед в сражениях, но также и в мусических и спортивных состязаниях. Как символ успеха, Ника участвует во всех военных предприятиях, в гимнастических и музыкальных состязаниях, во всех религиозных торжествах.

Ника поощряет отвагу и доблесть людские, ухо ее восприимчиво в каждом раздоре, в пиршествах пышным ведет за собой в разговоре, и отметаёт посулы и средства мирские.

В орфическом гимне поется, что Ника одна отрешает людей от борьбы и умеет унять буйный мятежный порыв в нелегком сраженьи с врагами, и к кому обернется – тем счастливым дарует Победа свою сладчайшую славу.

Геракл всегда заклинал слететь только к нему, крылатую деву, страстную, с кличем победным, даровать ему исход радостный в деле, сияющий, словно яркого солнца восход. Вняв отпрыску Зевса, богиня победы часто ненадолго покидала свое место у зевсова трона и слетев, то ласково кивала прекрасной ему головой, как непреложному победителю, то

на светящихся крыльях некоторое время парила над ним.

На этот раз Нику никто ни о чем не просил, она сама спустилась к лучшему смертному сыну Зевеса. В конце битвы с Гигантами богиня победы увенчала голову Геракла дивным венком из пальмовых листьев с вплетенными гладиолусами, узкие, длинные листья которых торчали словно мечи гоплитов. Она взяла Геракла за руку и повела его к своей блестящей в лучах солнца золотом и серебром искусно сделанной двухколесной колеснице.

Это был настоящий триумф отпрыска Зевса и прекрасноволосой Алкмены.

Когда не трезвый трудолюбец Гефест, успевший вместе с Дионисом хорошенько освежить пересохшее горло вином, предложил по случаю блестящей победы над Гигантами устроить общий пир в честь триумфатора Геракла, без которого победа была совсем невозможна, Гера сморщилась как от боли сильнейшей, и процедила сквозь зубы:

– Ты совсем умом тронулся, Кривоногий? Триумфатору на пиру полагается самое почетное место и свита по дороге домой, и кто же из нас ему свиту составит? И вообще все эти почести в присутствии Зевса должны оказываться только ему одному.

И с Герой боги, включая их властителя Олимпийца, все, как один согласились.

232. Афина и Геракл после сражения пляшут пирриху

Страбон рассказывает, что Афродита Апатурская скрылась в какой-то глубокой пещере и, принимая Гигантов, одного за другим в этой пещере, как бы для ласк и любви, она их коварно обманывала и поодиночке передавала Гераклу для последующего умерщвления. Вероятно, под пещерой Страбон имел в виду подземное царство Аида.

После великой победы над Гигантами на огромной утоптанной площадке для танцев перед нетленными чертогами Зевса было устроено грандиозное празднество перед пышным пиром. Празднуя победу, все олимпийцы, кроме Афины, вместе с Музами и Харитами весело стали петь и грациозно танцевать, пока боги из черни разгульный пир приняли им готовить.

Афина в коринфском шлеме с огромным копьем и острым мечом в могучих, как у бога – мужчины руках и в своей страшной эгиде с прикрепленной в центре головой ужасной Горгоны, высывающей язык, одна из олимпийцев сначала долго не танцевала и только смотрела по сторонам своими выпученными глазами. Когда же ее кто-нибудь подзывал принять участие в пляске или танцах, горделиво так отвечала:

– Даром пляски и танцев Мойра одних наделила, даром

песни – других, мне ж Ткачиха стремление к ремеслам и подвигам бранным соткала.

Говорят, и Гомер, который своим сладкозвучным искусством заслужил благодарность Эллады, разделил все дела на войну и мир, и только одну пляску, как самое прекрасное, противопоставлял воинским подвигам.

Однако пляска вносит что-то особенное в сердце смотрящего, являя взору изящность и стройность движений, услаждая слух прекраснейшими звуками и мелодичными, и ритмичными, являя истинную гармонию красоты души и тела танцующих.

И тут на удивление всем Афина вдруг пустилась в бешеный пляс, подобно Рее, которая первой нашла усладу в искусстве вооруженной пляски, повелев плясать во Фригии корибантам, а на Крите – куретам, благодаря пляске которых Зевс избежал отцовских зубов. Паллада мощно бросила на землю меч и копье, приподняла выше колен обеими руками подол длинного пеплоса и бросилась бурно отплясывать никому не известный танец.

Бессмертные боги, потрясая щитами, отбивать стали лад сначала руками, а потом и стопами, а какой-то невесть откуда взявшийся молодой сатир прижал к губам флейту и неистово заиграл. Звонко гремело оружие о медь ударяя, звуча пронзительной песней, и с танцем неистовым вместе сотрясался воздух от яростных звуков вслед бешеной пляске могучей дочери Зевса.

Так под звуки изобретенной ею флейты и звона мечей Афина впервые виртуозно протанцевала зажигательный танец, получивший название – пирриха. Тут появилась улыбающаяся прекрасная дева, бурей чувства всецело владеющая. На голове у нее был венок, в одной руке она держала лиру, а в другой плектр. Это была наслаждающаяся танцами Терпсихора, которая сняла венок со своей головы и под одобрительные крики богов увенчала им совоюкую деву Афину.

Некоторые говорят, что впоследствии Кастор и Полидевк, любившие военные игры и пляски, вновь открыли пирриху, стали считаться ее изобретателями и широко распространили ее в воинственной Спарте.

Другие же утверждают, что Неоптолем, сын Ахилла, был не только воином доблестным, но прославился так же, как отличный плясун, обогативший свое искусство новым прекраснейшим видом пляски, который по его детскому имени «пиррихием» назван.

Геракл, опьяненный победой и небывалыми почестями великих олимпийских богов, танцевать совсем никогда не умевший, вдруг неуклюже притоптывая мощными своими ногами, пустился вместе с Афиной пирриху плясать. Он, якобы, даже себе под нос песнь подпевал потихоньку, которую юноши поют во время пляски, содержащую призыв к Афродите принять участие в веселье и с ними вместе поплясать. Отпрыск Зевса плясал в каменной львиной шкуре своей, забрызганной грязью и ихором Гигантов, и с неотесанной

дубиной, осененной красою дикой оливы в руках.

Боги сначала это не только терпели, но, обступив Геракла с Афиной, даже сняли свои сандалии и ими такт отбивали. Однако, когда могучество всех превзошедший герой, не помня себя, во все свое мощное горло затянул в одиночку какую-то никому не известную песню и дубиной, как бичом, стал по шкуре хлестать, они не выдержали. И тут еще переусердствовавший герой-полубог стал нелепо подпрыгивать и, потеряв равновесие, наступил на ногу пляшущей с ним богине Афине, и оба чуть не упали.

Терпсихора, была Музой, не только наслаждающейся танцами, но и находящей усладу в поучениях, и потому она с лучезарной улыбкой предложила отпрыску Зевса обучить его искусству пляски.

Однако покрывшийся красными пятнами Геракл вместо ответа сжал кулаки и, тяжело вздыхая, с кривой, вымученной улыбкой озирался враждебно вокруг. Смех несказанный воздвигли блаженные боги, владеющие небом высоким, и долго его унять не могли. Насупившему свои и без того низкие брови Гераклу показалось, что Арес и Посейдон под новые взрывы хохота еще и пальцами пренебрежительно показывали на него, как на общинного нищего. Говорят, именно с этих пор герой, силой и духом могучий безмерно, навсегда зарекся плясать и зарок свой сдержал.

233. Гераклова дорога. Цикады

Отправившись из Флегрейской равнины к морю, Геракл провел работы у озера Аверн, священного озера властительницы подземного мира Персефоны, которая до замужества носила имя Кору. Герой почтил властительную правительницу преисподней роскошными жертвоприношениями. Торжественно застав у Кианы в жертву самого лучшего из прекрасных краснобоких быков Гериона, он возвестил громогласно:

– По воле Ананке человеческий род был рожден для непрерывных тяжких трудов, но справедливые боги сжалились над людьми, и учредили различные праздники как время отдыха от беспрестанных забот. Я тоже учреждаю среди туземцев новый обычай ежегодно приносить жертвы Коре и в угоду сыну гроздолюбивого Вакха и волшебницы Кирки крылатому Кому справлять пышные праздники, совершая жертвоприношения, у Кианы.

Поскольку озеро Аверн имело выход в море, Геракл после жертвоприношения засыпал протоку и соорудил дорогу к широкому морю, которая по его имени названа Геракловой.

Когда же Муж сокрушительной силы прибыл на границу города Регия и Локриды и расположился на отдых после долгого утомительного перехода, то даже ему неодолимому в силе герою, стали нестерпимо докучать цикады. Эти цика-

ды были огромные, и их было так много, что их стрекотание для изнуренного дальним походом Геракла, стало не выносимым. Он пытался с головой закрыться кожей Немейского зверя, но его каменная шкура, казалось, только усиливала и без того непереносимый стрекот насекомых.

Необорный сын Алкмены схватился обеими руками за голову и застонал – ему казалось, что источник ужасного стрекотания находится внутри его головы и может довести до безумия. И тогда негибаемый в битвах герой простер натруженные руки к высокому небу и взмолился всемогущим богам, чтобы те сделали эту доуку неслышной:

– Боги, вы можете все, умоляю, внимлите мне. Даже пением для души самым сладостным человек когда-нибудь пресыщается, а здесь цикады огромные непрерывно громко стрекочут, и здесь их целые тучи. И все они непрерывно пилят и пилят, яро трещат и трещат! Теперь, я Стимфалид понимаю, не зря они боялись трещоток. До безумия громкий шум нескончаемый может довести кого хочешь. О, наш родитель Кронид, из властителей всех наивысший! Премудростью ты, говорят, превышаешь всех бессмертных богов вместе взятых, все из тебя истекает. Так избави, Отец, меня от этих цикад, хоть в этой области только, хоть на время, пока я тихих коров прогоню через Локриду и Регий!

Некоторые, как Сократ у Платона, говорят, что не годится человеку, любящему Муз, не желать слышать песен цикад! По преданию, цикады некогда были людьми, еще до рожде-

ния Муз. А когда родились Музы и появилось пение, некоторые из тогдашних людей пришли в такой восторг от этого несравненного удовольствия, что, слушая песни, они забывали о пище и даже о питье и в самозабвении умирали от голода или жажды. От них после и пошла порода цикад: те получили такой дар от Муз, что, родившись, не нуждаются в пище, но сразу же, без пищи и питья, начинают петь, пока не умрут, а затем идут к Музам известить их, кто из земных людей какую из них почитает.

Геракл всем Музам был чужд и поэтому не почитал ни одну, при этом считая, что цикады не поют, а только пилят и трещат, и их шум доводит его до безумия. Боги вняли мольбе отпрыска Зевса и сделали так, что не только тогда, но и во все последующие времена в этой области невозможно увидеть или услышать ни одной цикады. Достигнув в морском проливе самого узкого места, Геракл, наслаждаясь тишиной, переправил стада коров Гериона на залитую солнцем Сицилию, а сам переплыл через пролив, ширина которого составляет тринадцать стадиев, держа за рог быка, как о том сообщает Тимей.

234. Геракл убивает морскую Скиллу

Некоторые рассказывают, что в это время Геракл сразился со злобной чудовищной Скиллой, обитавшей в Мессенском проливе Авсонийского моря, у западного побережья Италии.

Говорят, что возлюбленная Морского Старика Форкиса трехликая богиня преисподней Геката родила ему редкостную красавицу с пепельными волосами и зелеными глазами Скиллу.

Овидий поет, что Скиллу полюбил Главк Морской и сказал, как он любит ее, но испуганно покинула бога к чувству его совсем равнодушная Скилла. Свирепствует он и, отказом ее раздраженный, к дивной пещере идет Кирки колдуньи, титановой дочери и просит, чтоб она заклинаньем и травами заставила Скиллу пыл любовный с ним разделить! Главка морского Кирка сама давно и безнадежно любила и, радуясь всем сердцем приходу его, ей захотелось с Главком на брачное ложе возлечь, но на попытку ее к ласкам любовным его преклонить, непорочный Главк решительно отказался. И богиня-колдунья в справедливое негодование пришла, непомерная боль терзать начала ее сердце. Поскольку Кирка с Антэротом не дружила, то Главку, любя не желала вред нанести, но разгневалась на нимфу, предпочтенную ей. Оскорбясь за отвергнутый пыл свой, Главка Кирка прогнала, и тот-

час же стала перетирать с ужасными соками травы. Замешав преступную смесь, заклинания Кирка шептала, что научила ее когда-то подземная богиня Геката. Вскоре Скилла пришла и до пояса в глубину погрузилась затона, – но неожиданно зрит, что чудовища некие мерзко лают вокруг ее лона. Не поверив сначала, что стали частью ее самое, бежит, отгоняет, страшится песьих дерзостных морд, – но в бегство с собою влечет их. Щупает тело свое, и груди, и бедра, и икры, – вместо знакомых тела частей обретает лишь 6 пастей собачьих. Все – лишь неистовство псов; промежности нет, но чудовищ спины на месте ее вылезают из полной утробы.

Гомер же поет, что даже приближаться к Скилле Морской страшно не только людям одним, но и самым бессмертным. Двенадцать движется спереди лап у нее; на плечах же косматых шесть поднимается длинных, изгибистых шей; и на каждой шее торчит голова, а на челюстях в три ряда острые зубы сверкают. Вдвинувшись задом в пещеру и выдвинув грудь, всеми глядит головами ужасная Скилла. Лапами шаря кругом по скале, обливаемой морем, ловит дельфинов она, тюленей и других животных и рыб, без числа населяющих хладную зыбь Амфитриты.

Спутники Геракла рассказывают, что Скилла выхватила из стада, размещенного на нескольких кораблях, когда они проплывали слишком близко к скале, на которой она обитала, каждой своей головою по краснобокому быку Гериона, и там же при входе в пещеру она начала пожирать их. Под-

нятые в воздух быки неожиданно для них резво вырваться пытались, громко то злобно ревели, то жалобно мычали, как будто звали на помощь, глядя на Геракла человеческими глазами.

Отпрыск Зевеса вступил со Скиллой морской в бой беспощадный и убил чудовище, сначала пронзил ей сердце стрелой из гнутого лука, а потом для верности разможил ей дубиной все головы одну за другой, приговаривая:

– Все ж ты слабее Гидры Лернейской с 9 головами, у которой ни единой главы нельзя было отрубить так, чтобы на ее месте две новых не вырастали. У тебя ж Скилла только 6 голов и нет среди них ни одной смерти чуждой.

Отец Скиллы – бог бурного моря Форкий предал ее божественному огню, воскресил ее и сделал не только головы, но и все тело бессмертным, чуждым всякого страха пред Лептинойдой.

235. Геракл дает название стране Италии

Некоторые говорят, что Геракл вместе с тихоходными ко-
ровами Гериона двинулся через Тиррению, лежавшую на за-
падном побережье Италии. В области Регия, на самой юго-
западной оконечности на берегу Мессинского залива, один
резвый бык отбил от стада, кинулся в бурное Тирренское
море и переплыл на Сицилию, которая по его имени названа
Италией, ибо тирренцы называют быка словом «италос».

Увидев быка краснобокого дивную стать, тирренцы по-
гнались за ним и попытались поймать, но тут появился Ге-
ракл. Так же, как если оленя с рогами ветвистыми иль дикую
серну неотступно преследуют ярые псы и крикливые мужи
деревенские, тех же крутая скала или лесная чащоба спасает,
и не могут изловить их охотники, как бы они не старались.
Шумом, меж тем, привлеченный появляется лев на дороге
и вмиг обращает незадачливых охотников в бегство. Так же
тирренцы, – сначала толпой гнались за красавцем – быком,
с веревками и сетями; но, увидев Геракла могучего телом,
дрогнули в ужасе все, и бегом в рассыпную помчались.

Другие, как Дионисий Галикарнасский в «Римских исто-
риях» говорят, что Италия получила свое имя их по прави-
телю царю сикулов (сицилийцы) Италу.

Антиох Сиракузский сообщает, что Итал, доблестный и

мудрый от рождения, покорил всю землю между Напетинским и Скиллетинским заливами, одних соседей – убеждением, а других с помощью силы и оружия. Подчинив своей власти множество людей, Итал во главе большого войска незамедлительно обратился к захватам земель и овладел многими соседними городами.

Ферекид говорит, что энотрами звали аборигенов в древней Италии и потому эту страну в древности называли еще Энотрией.

Согласно Аристотелю, древние говорят, что по имени царя Энотрии Итала его подданные стали зваться италами вместо энотров, и их страна получила новое имя “Италия”.

Сицилийский историк Тимей из Тавромения, а за ним и римляне выводили название своей страны Италия из греческого языка.

Гелланик Лесбосский передает такой рассказ о том, как страна получила название Италия. Когда Геракл перегонял похищенных у Гериона быков в конелюбивый Аргос, давнюю вотчину Геры, он очутился в стране, названной впоследствии Италией. Здесь одна из прекрасных герионовых телок отбилась от стада. Убежавшая телка прошла вдоль берега и, переплыв морской пролив между материковой Италией и островом Сицилия, оказалась в Сицилии. Геракл, преследуя эту телку, постоянно расспрашивал чуток понимающих эллинский язык местных жителей, среди которых он оказался, не встречал ли ее кто-нибудь из здешних людей.

Поскольку на их родном языке телка называлась «витулус», то всю страну, по которой прошел герой, по силе сравнимый только с богами, он назвал Витулией.

Впоследствии, герой сам об этом так говорил:

– Широкий пролив, переплыв, я прибыл туда, где из герионова стада сбежавшая телка скрылась из вида. Я неотступно преследовал эту прекрасную телку, которую местные жители звали Витулией. Хоть Рок, как всегда, был враждебен ко мне и чинил много препятствий, я телку все же догнал и стране дал название по имени телки – Витулия. Сколько будет Витулия существовать, столько люди будут помнить, что это название дал ей Геракл!

Дионисий Галикарнасский считает неудивительным, что со временем название «Витулия» перешло в нынешнюю форму «Италия», ведь даже многие из эллинских названий претерпевали подобные превращения. Кроме того, будь то Италия поименована, по словам Антиоха, по предводителю, или по мысли Гелланика, по теленку или телке, но и то и другое мнение подтверждают, что страна обрела свое наименование при жизни Геракла. А до этого эллины называли страну Гесперией и Авзонией, местные же жители – Сатурнией.

236. Геракл предлагает Эрику «договорный» поединок

Говорят, что, когда измученный Геракл гнал стадо ленивых коров Гериона по побережью острова Сицилия, серебряные нимфы сделали так, что из земли забились теплые источники, приготовив тем самым сыну Зевса теплую купель, чтобы он мог омыться и отдохнуть от изнурительных странствий. Таких купелей было две, и назывались они по имени местностей – Гимерские и Сегестийские. Омывшись в обеих купелях, Геракл вышел в долину Эрика (или Эрикса), который там царствовал над элимами.

Любвеобильный, как Зевс, Посейдон – Нимфагет однажды заметил, что Афродита одиноко прогуливается по берегу вечно шумящего моря в Сицилии и тут же мощно овладел ею. Не бывает бесплодно семя могучего бога и, забеременев, всегда улыбчивая Киприда родила сына, которого назвала Эрик.

Говорят, что обожавшая все красивое фиалковенчанная Пафийка, не удержавшись от страстного желания получить от Черновласого Владыки морей много жемчужин редкостной красоты, страстно отдалась ему за них, и стала первой на земле гетерой. Эрикс воспитывался на Сицилии у Бута – туземного царя, как Геракл воспитывался у Амфитриона. Некоторые считают Эрикса родным сыном этого Бута и даже

имя его изменили, убрав последнюю букву.

Окруженный почтением туземцев по причине своего божественного происхождения со стороны матери, Эрик вскоре стал царем большей части острова. Он основал также расположенный на возвышенности город, которому дал свое имя. На окраине этого города он воздвиг святилище в честь своей матери – самой древней олимпийской богини, замечательное красивым храмом, а в последствии и обилием посвященных даров.

Как было сказано в начале предыдущей истории, в области Регия один молодой очень резвый бык отбил от красномастного герионова стада. Увидев огненно-красного быка, дивного цветом и статью, Эрик сразу приказал загнать его в свое стадо.

Между тем, Геракл, обнаружив пропажу, передал стадо своим спутникам, а сам отправился на поиски этого быка. По необычным для этих мест следам пропавшего быка, он без труда нашел его в стаде Эрика, но сын фиалковенчанной Афродиты высокомерно отказался добровольно расстаться с прекрасным быком.

Эрик с детства обожал борьбу и кулачный бой и слыл лучшим бойцом на всей Сицилии. Славой борцовской Эрик был обязан в первую очередь многолетним тренировкам и, конечно, своему царскому положению, ибо многие сильные борцы ему поддавались, и он вызвал на поединок в панкратии Геракла, когда тот пришел за быком. По предложению

сына Алкмены герои решили не просто бороться, а побиться об заклад.

Знаменитый истребитель чудовищ, давно изнывавший под эврисфеевой властью, все чаще мечтал сам стать владыкой какой-нибудь прекрасной страны или большого острова и потому, старательно пряча мечтательную улыбку, небрежным голосом предложил:

– Эрик, сын многославный могучего Посейдона! Ты, так же сын самой красивой в мире богини любящей улыбки и смех. От матери щедро ты одарен красотой, а от родителя большим ростом и недюжинной силой, и не зря ты, как я слышал, слынешь здесь лучшим бойцом. Раз уж ты сам предложил мне бороться, то давай сделаем это на спор. Ты на спор поставь страну всю свою, а если я проиграю, то лишусь не только быка, которого ты самовольно загнал в свое стадо, а всех дивных коров Гериона. Если ты победишь, то тебе, как владельцу лучших в мире коров, завидовать будут все в многославной Элладе. А ты можешь меня победить, ведь измотан я очень коровами этими.

Однако Эрик считал себя хитроумным и так просто не согласился. Он, быстро подвигав красиво изогнутыми бровями, праведно вознегодовал и недовольно надул свои женственные красные губы:

– В битве кулачной на земле мало мне равных: по праву горжусь, боец я здесь первый! Плоть до костей прошибить я могу и все кости противнику изломать. Но то, что ты пред-

ложил – не справедливо, и потому я на это не соглашусь никогда! Даже все стадо таких прекрасных коров значительно уступает ценой моим обширным владениям, очень приятным для жизни.

Тогда необорно могучий герой нарочно стукнул громко ладонью по своей мощной ляжке и, как будто, находясь весь во власти азарта, громко воскликнул:

– Если ты считаешь, что одних коров с моей стороны мало, пусть будет так. Не в моей породе пустое упрямство. Очень хочется мне попытать хрупкое счастье в поединке с тобой, заодно и поспорить, и потому я со своей стороны добавляю то, о чем мечтают все люди, смерти причастные! Я готов лишиться не только самых прекрасных в мире коров, но еще и бесстаростного бессмертия, обещанного мне богами после совершения всех высокой судьбой предназначенных мне 10 подвигов, и я сейчас выполняю последний.

237. Геракл убивает на поединке Эрика

Эрик слышал от милой матери Афродиты о том, что сам Зевс – Мойрагет, красуясь между богами, обещал бессмертие, не знающее ни труда, ни тревоги, своему лучшему смертному сыну от прекрасноволосой Алкмены. Он опять быстро-быстро зашевелил чудесными своими бровями, которые были, словно живые, и сочными ярко-красными губами стал прикидывать вслух:

– Точно даже сам я не знаю, от кого великая подательница любви Афродита, мать моя милая меня зачала – от Бута, причастного к смерти или от бессмертного владыки морей Посейдона. Если от Бута, который с раннего детства вскормил меня и воспитал, то бессмертие мне очень необходимо. А если от Посейдона, то добавочное бессмертие от тебя мне обузой не будет... Я согласен! Правила я назначаю такие: Единоборство должно продолжаться до тех пор, пока один из нас не упадет на землю и не сможет сразу подняться. Будем биться только два раза, если пальма первенства оба раза достанется одному, если же каждый победит по разу, то кому достанутся лавры победителя пусть выявит третий решающий поединок.

И вот бойцы опоясали руки красиво кроенными прочными сыромятными ремнями из убитого секирой степного во-

ла, и вышли на середину утоптанной песчаной площадки с глиной и восковой мазью для борьбы и кулачного боя, на которой Эрик обычно устраивал поединки.

Сын фиалковенчанной Афродиты, как буря налетел на сына смертной Алкмены, который явно не ожидал такого яростного напора и стал даже отступать, прикрывая от быстрых ударов удивленное лицо руками, крепко замотанными воловьей кожей.

Однако Геракл отступил ненадолго, и первая схватка быстро закончилась его бесспорной победой – Эрик от могучего удара в плечо, как сноп повалился на землю и долго ее покинуть не мог. Сын могучего Сотрясателя земли (или туземного царя Бута) и прекраснейшей из богинь оказался совсем слабым бойцом по сравнению с непобедимым Гераклом, и вторая схватка тоже длилась недолго, хоть отпрыск Зевеса изменил своим правилам и нарочно бился не в полную силу. Алкид не сильно ударил Эрика в грудь, и когда тот на спину упал и сразу не встал, миролюбиво промолвил:

– Ты показал себя очень крепким бойцом, но я все же оказался сильнее. Два раза ты подолгу лежал на земле и потому, согласно договору, давай прекратим дальнейшую борьбу и сражение.

Возможно, состязание и закончилось бы бескровно, однако разгоряченный Эрик, не заметивший, что Геракл ему чуть ли не поддается, пренебрегая договоренностью, нагло потребовал еще одного поединка:

– Нет, я не согласен! Вторая твоя победа не в счет. Ты победил потому, что я сам поскользнулся, и потом я быстро поднялся. Поэтому, по справедливости, я требую еще одного поединка! Не забывай, что я царь, а ты – погонщик коров и, если я провозгласил, что победителя выявит третий решающий поединок, то так все и будет.

Муж всеокрушающей мощи не на шутку рассердился, ведь Эрик нарушает договор, а это не справедливо, а несправедливость, тем более по отношению к себе, зевсов сын не выносил. И еще царь его – овеянного славой героя великого унизил, погонщиком коров обозвав. Поэтому, когда поединок начался в третий раз, Алкид, сдвинув злобно на переносице брови, уже изо всей силы ударил кулаком, крепко обмотанным толстой кожей воловьей, противника в голову.

С шумом на землю рухнул сын Афродиты, кусая зубами бескрайнюю землю, и тут же прахом темным покрылся. Из брэнного тела сына богини любви через открывшиеся в последний раз уста тихо бессмертная душа излетела. Несколько мгновений она чудно так с надеждой на Эрика глядела, как души смотрят с высоты на ими брошенное тело и, потеряв Элпиду, к Аиду с надрывным плачем устремилась, горько сетуя на свой печальный жребий.

И долго потом люди приходили на тот берег песчаный и смотрели на брошенные Гераклом красиво скроенные наручные кожаные ремни из преднамеренно убитого степного вола, один из которых забрызган был потемневшей кровью

и серым мозгом Эрика, решившегося на пагубный бой с мужем, могучестью всех превзошедшим.

238. Сыновья Промах и Эхеврон от Псофиды

(Рассказ Темона)

Среди спутников Геракла, помогавших ему гнать герионово стадо, был некий Темон, юноша с мальчишеским телом, с кожей медового цвета и томным, мерцающим в тени густых ресниц взором. Не чуждый Каллиопы (Прекрасноголося), Музы, своим красноречием вызывающей восторг слушателей, черноглазый Темон, новый близкий друг сердца Геракла, как и Иолай, любил рассказывать о разных событиях в его жизни, которым он сам был свидетелем.

О встрече с Псофидой, произошедшей сразу после убийства на поединке Эрика, Темон обычно рассказывал так:

– Геракл пригласил меня помогать ему перегонять стадо прекрасных коров сразу после его поединка с туземным царем Эриком, который, как говорят был сыном самой Афродиты. Мы сразу стали большими друзьями, и я был счастлив, что меня почтил дружбой величайший герой Эллады, о подвигах которого я столько слышал, но сейчас я не об этом хочу рассказать.

Моему любимому другу Гераклу досталось царство побежденного им Эрика, но он был еще подневольным и должен был дослуживать Эврисфею. Поэтому он перепоручил выигранные на поединке земли одному из лучших местных

жителей до тех пор, пока кто-нибудь из его потомков не придет и не предъявит свои права на сицилийский престол.

Имя этого жителя я не запомнил, но хорошо помню имя прекрасной ликом юницы, дочери речного бога Ксанфа, удочеренной Эриксом. Этот Эрикс был похотлив, как мать и отец, и собирался сделать приемную дочь любовницей, когда она чуть-чуть подрастет, но не успел. Деву эту звали Псофида.

Великий Геракл, скинув наручные ремни после боя и в морской омывшись воде вместе со мною, потирая чистые руки, пригласил и меня неспешно по берегу погулять, чтобы получше рассмотреть вновь обретенные земли, я, разумеется, с радостью согласился. Лучше провести время с моим прекрасным другом, чем за коровами бегать, на это у нас были наняты пастухи.

Пройдя несколько стадиев мы увидели вдали прекраснокудрявую деву, когда та, нагая, в волнах прозрачных беззаботно плескалась, белым телом ослепительно на солнце сияя. Геракл сказал мне, что не следует нам оставаться вдали и лишь глазами упиваться видом белокожей девицы, лучше приблизиться к ней, чтобы по-настоящему насладиться не только глазами, но и руками и всем телом.

Когда мы неслышно приблизились к деве он мне передал на хранение и свою знаменитую львиную шкуру вдобавок к дубине и луку, которые я постоянно носил. Вблизи непорочная дева сияла безупречной смуглорозовой кожей, сквозь ис-

крящуюся, как алмазные капли, прозрачную влагу на солнце блещущих струй. словно влажнодорожная нимфа по реке на спине дева изящно скользила, и ни единая повязка круглых, как яблоки, ее небольших упругих грудей не скрывала, и соски призывно мерцали, нежно розовея во влаге прозрачной.

Когда юница увидела обнаженного Геракла, ростом очень высокого и мощного телом, то сразу выскочила на берег, и, как была нагая, так и бросилась, вся, замирая от страха, бежать, гулким топотом дробным окрестности наполняя. Самый могучий между героев не напрасно много свободного времени уделял упражнениям в беге, даже сейчас, когда гнал герионово стадо, он при всякой возможности бегал. Поэтому он быстро деву настиг, словно стремительный сокол голубку.

Я сильно отстал и когда подошел, то увидел, что забыла про все на свете юница, лишь неопытную душу томил ей бледный страх неизвестности. Нежная смуглая кожа ее от стыдливости вся покрылась густым румянцем, в глазах слезы стояли. По ее взгляду мне казалось, что очень тревожило ее то, что происходило против воли ее и против рассудка. Видно было, что сил замороженной страхом деве не хватало даже колени вперед иль назад передвинуть, обе застыли ступни у нее, как будто с землею срослись.

Друг же возлюбленный мой, только узнав, что деву Псофидой зовут и что она приемная царская дочь, легким движением рук опрокинул ее на спину и тут же мощно проник в ее лоно, не обращая внимания на ее слабые крики. У Герак-

ла самые мощные руки, какие я только знаю. Вдоволь утолив вожделенье, он тут же в сладкий сон погрузился. Я хорошо знаю эту его привычку после всего сразу спать. Поэтому я тоже лег спать рядом с ними и сразу же крепко заснул.

Утром я проснулся, услышав, как мой друг с видом серьезным (он вообще всегда очень серьезный), промолвил торжественно:

– Радуйся, Псофида, нашей любви! С могучим героем ты этой ночью спозналась! Так выше главою юница! Страсти неистовей, чем страсть моя, ты не найдешь среди смертных героев. В положенный срок славных родишь ты от меня сыновей, ибо ложе такого мужа, как я, быть не может бесплодным, и ты уже несешь в своем лоне мой чистый посев. Сейчас же ты в дом свой воротись, где раньше жила, я скажу, и никто тебя не прогонит. Там счастливо живи и гордись, что с тобой сопрягался безмерной любовью великий Геракл, победитель самых страшных чудовищ.

Так юница Псофида познала с моим другом, великим героем сладко-горькую негу любви и дурманящую усладу его могучих объятий.

Потом я узнал, что через девять месяцев, когда Оры, прекрасные дочери Фемиды и Зевса, в багреце своем на три четверти годовой круг завершили, Псофида, как и предрекал могучий Геракл, родила близнецов, получивших имена Промак (сражающийся впереди) и Эхефрон.

Геракл, как и других дев, с которыми он в этом походе со-

четался любовью, Псофиду в свой дом не имел возможности ввести, ведь до его дома в Тиринфе был не один день пути. Да, если бы и имел, то, насколько я его узнал, не ввел бы, и потому воспитывались близнецы в городе Фегия.

Возмужав, этот город братья переименовали в Псофиду, в честь своей матери милой. Они построили святилище Афродиты Эрикины в землях, ранее принадлежавших Эрику, говорят оно очень почитаемое и по пышности и богатству не уступает главному храму богини любви в Палай Пафосе кипрском, где курится в храме сабейский ладан на всех алтарях и венки вокруг аромат источают. Сыновьям Псофиды Промаху и Эхефрону, как героям, после смерти были сооружены скромные святилища, ничем особенным не примечательные.

239. Кельтинга. Кельт

Как сообщает Диодор Сицилийский, Алкид прибыл в Кельтику (которую римляне называли Галлией) с не привычно для него большим войском. Пройдя через эту страну, Геракл упразднил обычные для этих диких мест противозакония. Очень не любили здесь иноземных людей и враждебно их принимали, а порой даже их убивали только за то, что они чужестранцы. Геракл основал там на высоком холме, у подошвы которого протекали две полноводных реки, великолепный город, названный Алесией (блуждающая) в память об этом путешествии.

В этом городе Геракл кроме участников своего похода поселил также многих туземных жителей, некоторые из которых себя звали галлами, а другие – кельтами (римляне кельтов называли галлами). Поскольку вскоре туземцы превзошли численностью всех прочих поселенцев, город оказался варварским. Кельты почитают этот город как ядро всей Кельтики.

В это время в Кельтике царствовал Бретан, выдающийся муж, у которого была дочь огромного роста Кельтинга, значительно превосходившая всех женщин небывалой красотой лица и силой тела. Возгордившись из-за своей телесной силы, восхитительной красоты лица и кожи молочной белизны, девушка высокомерно отказывала всем, кто сватался к

ней, полагая, что никто из смертных женихов не достоин ее.

Когда Кельтинга впервые увидела героя, мощнейшего между мужами, смерти подвластными, строившего в ее стране город Алезию, в ее до сих пор бесчувственное сердце впи-лась пернатая стрелка из кипариса с острым зазубренным крючком на конце, пущенная шаловливым Эротом. И дева тут же пришла в неистовый восторг от одного вида мощи тела и нечеловеческой силы лучшего зевсова смертного сына. Поэтому она первая подошла к нему и с величайшей охотой пригласила его в свой дом такими приветливыми словами:

– Радуйся основатель могучий прекрасной Алезии! Вижу, что на простолюдина ты совсем не похож, своим видом могучим ты подобен доблестному и благородному мужу. Видно, что боги не поскупились, когда силой тебя одевали. Раз к нам сюда ты явился, то в нашей стране ты ни в чем никакой нужды не увидишь. Зовут меня Кельтингой, и я сама о тебе заботиться буду. Дочерью я прихожусь Бретану, вождю нашей страны высокому ростом и отважному духом; на нем держится все кельтов могущество и величие. Тебе же, как мне милое сердце подсказывает, ваш Зевс даровал воздвигнуть у нас славный город Алезию и дикость наших племен смирить своим истинным правосудьем. Но все это будет позже, а сейчас я приглашаю тебя в свою крепкосделанную повозку, и мы поедем ко мне во дворец.

Ослепительно белолицая Кельтинга сама омыла горячей водой Геракла в чане огромном, а после натерла его мощ-

ное тело маслом душистым и в новый одела хитон из льняной ткани тончайшей, а потом накинула на его мощные плечи теплый плащ шерстяной. Затем дочка Бретана, ростом и красотой на богиню похожая, прекрасный кувшин золотой с ручной водою в тазе серебряном перед ним на пол поставила, и стол крепкий и гладкий установила сама и только, что сорванной мятой душистой натерла. Свежий хлеб на стол положила Кельтинга тоже сама, много кушаний разных из жареного на углях мяса прибавив. Вино душистое в кратере она так же собственноручно сама замешала, настоянной на меде воды лишь немного прибавив, и вместе с отпрыском Зевса выпила его немало сама.

После того, как Геракл основательно утолил голод и жажду, Кельтинга отвела его в спальню и там сама быстро разделась, не оставив на теле ни единой повязки. Блестя телом, чистым и белым, как только, что выпавший снег и, сверкая смеющимися от сознания неотразимости своей красоты глазами, она подвела его к своему ложу и вызывающе дерзко сказала:

– Я не робкая дева и уже не раз на поприще вашей Афродиты сражалась. А теперь и тебя приглашаю на бой, в котором жены бьются телами с героями ночью! Ведь каждый любовник – воин. Только боец да любовник выносят безумные ночи. Один города осаждает, а другой спальню подруги. Как в бою опытен доблестный воин, так и хороший любовник искусен на ложе. Счастливыми становятся те, кто воюет

ночью в постели. Ни в чем не уступлю я тебе, и спины моей даже на миг ты не увидишь. Если ты – действительно герой величайший, покажи мне всю свою безудержную силу и смелость, атакуй и нападай с жаром любовным.

Отпрыска Зевса, в делах Афродиты, сравнимого только с богами, долго уговаривать не пришлось, и он пылко воскликнул:

– В упоительную первую ночь я, даже будучи тяжело больным, не уступлю ни одной деве, как бы сильна она не была, ведь это ночь тайн – самая сладостная из ночей.

Геракл, в битвах любовных очень искусный, бурно сочеталась лаской с Кельтингой на огромном пурпурном ложе, и неистовый бой, без перемирий, до утра полыхал, как яркий факел сладострастного Гимерота. Могучий герой, голод утоляя любовный, как всегда, доблестно бился, добиваясь безоговорочной полной победы, однако в этой битве не было проигравших, в ней всю бурную ночь неистово пылала любовь и пьянил ненасытный восторг сладострастных объятий. В этой восхитительной битве никто не погиб, победили противники оба, и людей на широкогрудой земле в результате этого полыхавшего бурно сражения стало больше на одного. От связи с Гераклом могучая дева Кельтинга родила прекрасного сына Кельта, который значительно превосходил своих соплеменников и дерзостной доблестью духа, и ростом огромным, и невероятной силой телесной. Кельт дал своим соплеменникам название кельтов, а страну после его правле-

ния стали называть Кельтикой.

240. В поисках коней Геракл встречает туземную Змеедеву

(Рассказ Темона)

Во дворец Кельтинга и мой друг Геракл меня не взяли по понятным причинам, но что было после того, как он после первой же ночи покинул ее, я расскажу в том, числе многое со слов самого Геракла, которые я помню отлично, ведь у меня прекрасная память и в табличку стилосом перед сном я самое важное заношу.

Не достроив Алезию, Геракл после ночи, проведенной с Кельтингой, покинул ее страну. С несколькими пастухами, и, конечно, со мной, перегоняя быков Гериона, он прибыл в тогда еще малонаселенную страну. Здесь, на северном берегу Понта Эвксинского мы не видели ни единого города, ни одной каменной крепости. Насколько я знаю, еще очень скоро эти дикие земли плотно заселят многочисленные скифские народы: саки, сарматы, массагеты и прочие варвары.

Там, в местечке, называемом Гилея, нас застала непогода, дул сильный пронизывающий ветер и было очень холодно. В одну из таких студеных ночей, во время песчаной бури, мы с Гераклом вдвоем завернулись вместе в его любимую львиную шкуру, которую и я успел полюбить и крепко уснули в скромном шатре поблизости от охраняемого нашими пастухами прекрасного стада краснобоких скотин Гери-

она на склоне пологого каменистого холма. Проснулись мы ни свет, ни заря, еще до того, как рано рожденная заря умылась в волнах мировой реки Океана, обтекающей кругом всю обитаемую Ойкумену.

Выйдя из шатра, мы с удивлением обнаружили, что все 4 упряжные кони колесницы Геракла, привязанные вечером в толстых деревьях, исчезли, притом, самым чудесным образом. Конечно, была песчаная буря, но от их копыт нигде не осталось ни малейших следов, как будто все они по воздуху ускакали. Геракл редко пользовался колесницей, в основном я на ней перевозил наш нехитрый скарб: шатер, одеяло, посуду, немного одежды. Он предпочитал ходить и бегать на собственных крепких и быстрых ногах. Геракл решил несмотря на то, что ветер полностью замел все следы, все равно своих коней отыскать, ведь не таскать же мне еще и шатер на себе.

Поручив другим спутникам и впредь охранять коров Гериона, Геракл, ласково попрощался со мной и, сосредоточенно нахмутив густые низкие брови, отправился на поиски пропавших коней. Свой лук и стрелы, подаренные на свадьбу Аполлоном, он оставил на хранение мне, а сам пошел на поиски коней с другим луком огромным, который совсем недавно сделал себе, сказав, что надо опробовать этот лук, который никто, кроме него не мог натянуть.

Вернулся Геракл через несколько дней и, конечно, с конями, а о том, что с ним случилось во время этих затянув-

шихся поисков лошадей, мне поведал, и я приведу весь его рассказ, который на табличках так записал:

– Знаешь ты, мой верный помощник Темон, что я очень упорный во всяком труде и потому без устали я исходил все земли непаханные этой дикой страны. Вчера я оказался в огромной роще, в которой росли мощные дубы в три обхвата, раскидистые вязы, осина и ольха и, самое главное, невдалеке слышалось мычанье быков и конское ржание. Обрадованный я со всех ног побежал туда, откуда доносилось ржание, однако своих лошадей я не нашел в этой роще – это ржали дикие кони, которых можно часто встретить в тамошних лесах и равнинах. Продолжая поиски исчезнувших лошадей, я, должно быть, по воле самой Мойры Лахесис, к вечеру набрел на большую пещеру. Густо разросшийся лес плотным кольцом окружал повсюду эту пещеру, между зеленых древесных ветвей дивные длиннокрылые птицы гнездились. Увидев идущий из зева пещеры яркий свет от костра, я вошел в просторное помещение с высоким арочным потолком и обнаружил там очень необычную женщину около сложенного из камня очага, в котором жаркое пламя пылало, и запах ольхи и осины, и разных благовоний, горящих распространялся кругом. Там я увидел особенную женщину, походившую одновременно и на демона, и на богиню прекрасную. Это была красивая черноволосая женщина с прекрасным лицом, пронзительными большими темными глазами, гибкой девичьей талией и высокой грудью, напоминавшей

два больших яблока. Однако, при виде низа ее ног я почувствовал, как глаза мои совсем округлились – мне показалось, что ее в меру округлые дивные бедра ниже коленей переходили в два толстых змеиных тела, на которых она скользила по своей пещере необычайно проворно. Высокая, прекрасно сложенная до колен змеедева была совершенно голой, без единой повязки, на ней вместо одежды были лишь пышные черные волосы без каких-либо украшений.

241. Геракл на брачном ложе «выкупает» пропавших коней

(Рассказ Геракла в изложении Темона)

Когда эта змеедева, плавно скользнув, оказалась у очага, я увидел ее бронзовое от загара лицо с большими раскосыми глазами темно зеленого цвета, глядящими на меня вызывающе дерзко. Я, ничуть не показывая удивления от ее ног и голого тела, как ни в чем ни, бывало, сказал ей:

– Радуйся, женщина! Пред тобою Геракл, уже при жизни овеянный славой героя величайшего в Ойкумене. Зверей чудовищных и злых владык по всей земле уж много лет я истребляю. Сюда пришел я в поисках своих коней, которые словно сквозь землю провалились или по воздуху, не оставив следов ускакали. А ты кто такая, кто такую необычную красавицу на свет породил и как ты в этой пещере одна оказалась?

Так вот я обратился к женщине необычной, в ответ красавица с гибкими икрами и ступнями, похожими на извивающиеся змеиные тела, загадочно улыбнулась, и изумрудные глаза ее заискрились. По ее сверкавшим огнем пылающего костра глазам, по дрожащим приоткрытым губам я почувствовал, что она впадает во власть сына богини дерзости Короса, бога похоти лютой. Я знаю о чем говорю потому, что и сам с Коросом этим не понаслышке знаком.

– Я та, что по неотвратимой воле Могучей Судьбы всю эту незабываемую ночь будет дарить тебе самое пронзительное наслаждение, которое ты никогда не забудешь.

Так она мне ответила дрожащим голосом низким, от которого я почувствовал такое дикое возбуждение, что меня начало тихонько трясти. Она скользнула ко мне своей змеиной походкой и стала нежно гладить мне плечи и грудь, сбросив рывком с меня львиную шкуру, под которой у меня была одна лишь набедренная повязка, но и ее она тут же сорвала.

– Коней ты, конечно, получишь, бесподобный герой, но только, как награду, которую тебе надо еще заслужить. Этой ночью ты должен мне доказать, что боги не зря тебя такой силой огромной одели, и ты так же могуч в любви, даже, если брачное ложе покрыто шкурами, как в этой в пещере. Это будет твой выкуп коней.

Дрожащими от страсти руками она ласкала меня, словно я был женщиной, а она мужчиной. При этом она все время смотрела мне в глаза своими немигающими как у змеи, блестящими темно-зелеными глазами с черными пушистыми ресницами, и обжигающее возбуждение из них так и брызгало. Этот влажно-мерцающий взгляд сводил с ума. Я забыл про все: и про своих коней, и про ее ноги ниже колен, жгучее пламя, из самого низа моего живота, растекаясь по поясице, поднялось до верха груди и до самого горла. Помню только, как я схватил ее за тугие бедра, приподнял сколько надо и, не в силах больше ни мига терпеть стоя, насадил

на скипетр своей неистовой страсти. Она повисла на моей шее и сжала меня бедрами, как борец, потом завывала, захотала, зарыдала, застонала, принимая меня в своем влажном пылающем лоне... Она все время по-всякому изгибалась, как змея, волнуя гибкую спину, и всю ночь кормила меня сладкими плодами Афродиты – Филомедеи, любящей срамные удовольствия. Наконец, под утро, утомившись телами и обессилив духом, мы застыли, как пьяные в взаимных объятиях друг друга, и, вконец изнуренные, одновременно заснули.

Когда я проснулся от первых ласковых лучей утреннего солнца, с трудом пробивавшихся через вход в пещеру, неплотный завешенный бычьей шкурой, то почувствовал на своем плече чью-то голову с пышными волосами. Вскочив с ложа, покрытого мягкими пушистыми шкурами, я, ничего не понимая, кинулся ко входу в пещеру, пытаюсь вспомнить, как я здесь оказался и, отдернув бычью шкуру, впустил в пещеру много яркого света солнца. Вернувшись к покинутому ложу, я увидел обнаженную по пояс женщину поразительной красоты, лежащую под одеялом из шкур тонкорунных овец.

Женщина сладко потянулась, вытянув в стороны руки и гибко выгнув кверху дивную грудь. Потом она лениво открыла глаза, подняв загнутые кверху густые иссиня-черные ресницы. Окончательно проснувшись, красавица озорно сверкнула своими изумрудными глазами и томно сказала:
– Твои кони, по воле неизъяснимого Рока сами прискака-

ли ко мне, да так здесь и остались. Я их для тебя сохранила, герой изумительный, в любви самый сильный. Ты доблестно отдал ночью за них выкуп сполна, и я ощущаю в своем чреве не обычную тяжесть – семя тройное. Поэтому ты можешь, хоть сейчас забрать своих славных коней, они в соседней пещере.

242. Сын Скиф от туземной девы

Тут туземная дева спохватилась, будто что-то забыла и сказала:

– Но прежде, чем мы расстанемся навсегда, скажи, что мне делать с тремя зачатыми от тебя сыновьями, когда они возмужают? Оставить ли мне их здесь и вместе править в моей чудесной стране, которой пока одна я владею или отправить к тебе, как к их родителю?

Так по свидетельству Геродота спросила змеедева Геракла, и он, посмотрев голубыми глазами на свой новый лук, ей задумчиво так ответил:

– Когда увидишь, что сыновья возмужали, то лучше всего тебе так поступить: Дай им по очереди мой пояс и этот лук. Посмотри, кто из них сможет вот так натянуть тетиву на мой лук и опоясаться этим моим поясом, как я тебе указываю, того оставь жить здесь и дай ему единолично править этой страной. Двух других братьев, которые лук не натянут, и не смогут опоясаться поясом этим, отошли из страны, чтобы они не мешали царствовать брату. Но не надо посылать их ко мне, ибо и мне они не нужны, я не рожден для воспитания детей, и спутник – сын мне не нужен; поэтому пусть они сами ищут свою Долю. Если ты так поступишь, то и сама останешься довольна и исполнишь последнее мое к тебе пожелание.

С этими словами Геракл легко натянул на лук тетиву, затем так же легко ее снял. Показав, как опоясываться, он передал лук и пояс (на конце застежки пояса висела небольшая золотая чаша) красавице змеедеве и, не прощаясь, быстро вышел и поспешил к соседней пещере, где, по ее словам, должны были находиться его кони. Найдя коней, Геракл быстро уехал, ведь он много времени на их поиски потерял.

Когда дети подросли, мать дала им имена. Старшего назвала Агафирсом, другого Гелоном, а младшего Скифом, который был только по возрасту младший, а телом был самый высокий и сильный. Помня последние слова Геракла, она поступила в точности, как он велел. Двое старших сыновей не могли справиться с поставленной Гераклом задачей. Тетиву Агафирс и Гелон поочередно на лук по несколько раз нацепить изо всех сил пытались, а Скиф в это время с молчаливой улыбкой в стороне безучастно стоял, не желая мешать старшим братьям. Трижды всем телом на лук они налегали, согнуть домогаясь, трижды оба, как не тужились, силы безуспешно теряли, – но все же надеялись в сердце ту тетиву нацепить. Может быть, сильно напрягшись, в четвертый раз кто-нибудь из этих двоих и надел бы на лук тетиву, если б от новых тщетных попыток их не сдержала милая мать, руками взмахнув и к ним так, обратившись:

– Горе! Как видно, согласно воле отца, вам родину придется обоим покинуть и переменчивое счастье самостоятельно на чужбине искать! Родителя своего искать вам не нужно, да

и неизвестно где он сейчас, если живой. А теперь, ну-ка, попробайся и ты, милый Скиф, этот тугой лук натянуть и поясом опоясаться.

Младшему же, Скифу, легко удалось выполнить все, что некогда сказал змедедеве Геракл. Он, опоясавшись поясом, взял огромный родителя лук и внимательно везде его оглядел. Как человек, искусный в игре на кифаре, многострунной пышного пира голосистой подруге, может на новый колок струну натянуть без всяких усилий, так и Скиф без особого усилия на отцовский лук натянул тетиву. После того он ее попробовал пальцами правой руки, и звон прекрасный струна издала, словно мелодию дивную на кифаре пропела.

По воле матери младший сын остался на родине и вскоре стал править страной. От этого Скифа, сына Геракла, произошли все скифские цари. И в память о той небольшой золотой чаше на поясе Геракла скифы носят медные и бронзовые чаши на своих поясах.

Некоторые, подобно Геродоту, говорят, что по скифским преданиям, не Геракл, а сам Зевс вступил в мимолетную любовную связь со змеехвостой девой, которая родила ему сыновей. Согласно Геродоту, у этого Таргитая родилось трое сыновей: Липоксаис, Арпоксаис и самый младший – Колаксаис. Когда эти три сына возмужали и стали готовы править страной, с высокого неба упало четыре золотых предмета: плуг, ярмо, секира и чаша. Первым бросился их поднимать старший сын, но стоило ему подойти, как золото раскалилось

и обожгло ему руки. То же случилось и со средним сыном. Но когда подошел самый младший сын, пламя на золоте сразу смиренно погасло, и старшие братья добровольно согласились уступить ему царство.

По преданиям самих скифов, народ их – моложе всех. Так вот, от Скифа, как говорят, произошло скифское племя, по имени младшего сына Геракла (или Зевса), а саму змедеву звали Ехидной.

243. Пир у Бебрикса

Пирена была дочерью Бебрикса, царя нарбоннских бебриков, живших в горах Вифинии – на северо-западе полуострова Малая Азия, который древние греки называли Анатолией. Мать Бебрикса ореада Вифинская, жительница гор крутоглавых Вифинии, его родила Посейдону, с нескрываемым удовольствием взойдя с ним на пышное брачное ложе.

Как и брат его Амик, Бебрикс был жестоким и надменным правителем, но в отличие от брата при необходимости мог и схитрить. Для иноземцев он, как и брат Амик, установил обязательное правило, чтобы никто из них не смел уклониться от кулачного боя с его бойцами. Однако после того, как аргонавт Полидевк, Отрок Зевса могучий, в кулачном бою убил Амика, кулаком раздробив ему череп, Бебрикс стал осторожным. Теперь, прежде чем вызывать чужеземца на поединок владыка бебриков старался сначала, как можно больше, о нем разузнать.

Слава о необыкновенной силе Геракла и его великих подвигах достигла и Вифинии, куда Геракл вместе со спутниками пригнал коров Гериона. Поэтому Бебрикс принял могучего отпрыска Зевса с притворным гостеприимством, но в своей дикой душе затаил коварные мысли. Он задумал показным радушием и лестными словами расположить к себе Геракла и напоить вином так, чтобы он не мог ходить, а по-

том приказать беврикам убить его копьями и палками.

Геракл с несколькими юными спутниками, остановившийся в доме Беврикса, был очарован казавшимся таким радужным хозяином, который непрерывно восторгался его подвигами и приказал слугам, чтобы кубки дорогих гостей никогда не были пустыми. Перед сыном Алкмены и его товарищами беврики поставили огромный крепкий стол из толстых досок, притащив его по утрамбованному гладкому полу. На этот стол, прочностью напоминавший палубу корабля крутобокого, поставили много жареного мяса и ароматное вино в трех амфорах, каждая высотой в два локтя.

Сначала все шло, как задумал хитроумный вождь бевриков. Геракл много ел и еще больше пил, очень ему понравилось неразбавленное медосладкое вино, привезенное Беврику с острова Хиос. Отпрыск Зевеса уж давно подружился с демоном неразбавленного вина Акратопотом, предпочитая чистое, ничем не испорченное вино и, называя такое питье «доблестным скифствованием», говорил:

– Весь Океан нахлынул в чашу винную! – Такое и лизать непозволительно! – Прекрасно было бы пить вино искрометное нам только по-скифски.

Тут в пиршественный зал в окружении нескольких девушек вбежала дочь Беврикса Пирена. Девушка была совсем еще юная и очень красива, на висках у нее были пушистые черные кудряшки, такие же черные глаза, и нежная смуглая кожа подобная спелому персику. Она была не высокого ро-

ста, который особенно ценился мужчинами в те незапамятные времена, но, как ни одна из окружавших ее девушек, была исполнена пленительного очарования женственной нежной юности. Афродита сама излила невыразимую прелесть на лицо, а также на стройное хрупкое тело Пирены, наверное, поэтому богиню любви и красоты часто называли Морфа (Дающая красоту).

Одета девушка была в белоснежный пеплос с редким узором из черных целующихся голубок. Она что-то хотела спросить у отца, но Бебрикс не стал ее слушать и, гневно сверкнув темными глазами, приказал ей сейчас же покинуть зал, где пировали мужчины, ведь женщинам и девушкам нельзя было даже находиться там, где мужчины пили вино. Сама богиня опьянения Мета давно уж без устали подавала Гераклу в кубке вино и, опьянев, он лишь один раз мутным взглядом посмотрел на прекрасную юницу Пирену, но сумел ее рассмотреть до того, как она убежала. Тут же преобразился знаменитый герой, в его потемневших синих глазах под тяжело нависающими надбровными дугами заискрилась лютая похоть.

Любвеобильный, как родитель, отпрыск Алкмены и Зевса внезапно сбросил со стола ближайшую к нему амфору и стукнул по столу кулаком так, что стол, который был столь прочен, что на нем можно было строить дом, разлетелся на части.

– Мне нравится здесь пировать. Особенно хорошо на этом

не крепком столе наполняющее нас дивной влагой прекрасной вино, которое для смертных от богов наилучший подарок. Однако сейчас мне надо срочно проверить коров, все ли на месте, где я их оставил. Вы же оставайтесь все здесь и пируйте, пока я отлучусь ненадолго.

Вид вдребезги разбитого стола одним ударом могучего кулака Алкида так напугал бибриков буйных толпу, что никто даже не попытался его задержать. Спутники Геракла пересели за другой стол, и пиршество продолжалось без прославленного героя.

244. Пирена. Пиренейские горы

(Рассказ Темона)

Заботливый, как супруга, длинноволосый Темон, бывший с Гераклом на том пиру, обеспокоенный тем, что его сильно охмелевший начальник и возлюбленный друг один покинул пир в доме враждебных бибриков, вышел в сад вслед за ним, и так рассказывал потом другим спутникам, что там случилось:

— Как известно, вино сильно побуждает к соитию, особенно это касалось моего великого друга Геракла. Поэтому не удивительно, что он, увидев Пирену, сразу загорелся неистовым любовным желанием. Я это сразу заметил на пире, ведь я давно все стал понимать по одному только взору его глаз голубых, как летнее небо. Великий Геракл возник внезапно перед Пиреной, собиравшей цветы в саду вокруг освещенной факелами площадки для танцев, напоминавшую очень оркестру. Он взял деву за руку и повел ее в укромный уголок, темнеющий в глубине сада, где им не мог никто помешать. Я решил последовать за ними, ведь бибрики могли большой гурьбой напасть на Геракла в самый неподходящий момент, когда он не смог бы защищаться.

Юница попробовала воспротивиться, закричав и стукнув Геракла ладошкой по плечу, облаченному, как всегда, в львиную шкуру. Тогда, он как пушинку перебрросил ее через

плечо и объявил голосом, не допускающим возражений:

– Не противься своей завидной судьбе, глупая дева. Я величайший в Элладе герой и желаю своей силой тебе ложе украсить, соединившись с тобой самой страстной любовью.

Бебрикса юная дочь все же продолжала вяло отказываться от ласк Геракла, сквозь слезы тоненьким голосом ему говоря:

– Умоляю, не надо. Пожалей меня. Отец поклялся меня жизни лишить, если до свадьбы я женщиной стану.

Пирена была жалкой и беззащитной, но это, видно, еще сильнее разожгло страсть Геракла, ведь он обожал сопротивление преодолевать. У меня до него не было настоящего взрослого друга, и я тоже в первый раз пытался сопротивляться ему, глупый был и потом стал гордиться, что меня любит сам великий Геракл.

Не помогли ей ни мольбы, ни сопротивление, ведь не может слабая дева противиться всесокрушающей силе Геракла, если даже самые сильные мужи на поединках все ему уступали. Геракл не стал даже снимать с девы пеплос белый с голубками черными, он просто его разорвал сверху донизу вместе со всеми повязками. Глупая дева закричала, вся, заливаясь слезами и неловко прикрывая то свои небольшие девичьи груди, то темное лоно руками:

– Ой! Это очень дорогой пеплос! Отец сказал, что до свадьбы такого пеплоса больше мне не подарит.

Дважды удовлетворив вожделение, Геракл оставил до смерти напуганную Пирену, бессильно лежащей в дальнем

углу сада, и сам возвратился в пиршественный зал, где продолжил пировать и веселиться.

Во время пира опьяневший Бебрикс не раз похвалялся тем, какая послушная у него красавица дочь и говорил, что, если она потеряет целомудрие до свадьбы, то он ее в землю живьем закопает. Геракл не обращал никакого внимания на речь опьяневшего хозяина пира, он, видно сильно проголодался в саду и проявлял интерес лишь к вкусной еде и вину медосладкому. На следующий день он встал ни свет, ни заря, нас разбудил и мы, ни с кем не простившись, продолжили свой путь с коровами Гериона на родину в родимую Арголиду.

Еще не старая кормилица Пирены, выйдя замуж за торговца, несколько дней была в Аргосе и там через год после того пира я встретился с ней случайно, и она рассказала, что случилось с дочерью Бебрикса. Она, пугаясь кары отца, долго сумела прятать в тесных одеждах груз, скрытый в чреве, но настало время, когда было уже невозможно скрывать выпиравший из тугих повязок живот. Незадолго до родов несчастная дева, страшась гнева отца, попросилась с кормилицей, которую очень любила и убежала в пустынную местность и там, видно, родила ребенка. Через некоторое время после пропажи Пирены местный охотник рассказывал, что видел в горах маленький череп ребенка и останки хрупкой молодой женщины, разорванной зверями.

Вскоре после моей встречи с кормилицей Пирены в поис-

ках сада Гесперид мы вместе с Гераклом опять оказались в тех диких местах и на высоком горном хребте случайно наткнулись на белые человеческие кости. Он сразу узнал валявшуюся на земле изорванную одежду по редкому черному узору из целующихся голубков. Пеплос, бывший когда-то белоснежным, теперь весь был в грязи и в пятнах темной крови, и Геракл догадался, что перед ним останки растерзанной зверями Пирены.

Никогда до этого я не видел Геракла в таком безутешном горе. В большой скорби великий герой предал кости Пирены все вечно терпящей земле. Муж всесокрушающей силы, в любых испытаниях твердый на этот раз надсадными страдальческими воплями, от которых сотряслись окрестные высокие горы, оплакивал Пирену, которая здесь умерла столь страшной и мучительной смертью.

Имя Пирены долго отзывалось гулким эхом в горах, и люди, слышавшие душераздирающие вопли Геракла, в которых можно было разобрать лишь слово «Пирена» называли высокий горный хребет между Иберией и Галией, где были найдены кости Пирены ее именем, а горы – Пиренеями или Пиренейскими горами. Впоследствии по Пиренейским горам был назван и Пиренейский полуостров, расположенный на юго-западе этих гор.

245. Битва с лигурами

(Рассказ Темона)

Тот же юный спутник и возлюбленный друг Геракла черноглазый ТEMON с длинными, как у девушки, волосами, заменивший герою в походе за коровами Гериона племянника Иолая, рассказывает о том, как Геракл сражался с лигурами:

– Переправившись через реку Тартесс, Геракл с немногими сопровождавшими его спутниками, среди которых был, конечно, и я, прибыл в Лигурию, расположенную на северо-западе Италии на берегу Лигурийского моря, известного своими чистыми, мелкокаменными берегами. О лигурах я знал только то, что это древний многочисленный народ, занимавшийся в основном разведением скота. От местных жителей мы узнали, что у них было сразу два доблестных правителя, два знаменитых в тех краях героя, братья по имени Иалебион и Деркин, сыновья могучего Колебателя земли Посейдона. Говорили, что оба брата унаследовали от отца черные волосы, пышными волнами лежавшие на плечах, огромный рост и большую силу. По недавно появившейся привычке Геракл выбрал в качестве своих послов двух юношей из числа сопровождавших нас спутников и сказал им:

– Много трудов во время этого похода я совершил. Честно скажу вам, юные друзья, и мне хочется, хоть на время, отдохнуть от сражений, и все же я – эллин и не стану унижаться и

испрашивать разрешения на проход через Лигурию у варваров. Поэтому вы пойдите и спросите у правителей лигуров будут ли они враждебны или дружественны ко мне, когда я со своим стадом буду проходить через их Лигурию.

Правители лигуров Иалебион и Деркин были обескуражены такой дерзостью и своим глашатаям велели передать Гераклу, чтобы он подождал их ответа в течение суток потому, что они хотят хорошо все обдумать. Тогда Геракл звонкоголосым вестникам лигуров приказал их правителям передать такую его краткую речь:

– Думайте, сколько желаете, а я пока пойду вперед!

Видно, после такого ответа Иалебион и Деркин быстро пришли к единодушному решению, и их послы нашему предводителю, могучеству всех превзошедшему, сказали:

– Правители лигуров будут дружественны к знаменитому герою Эллады, и проход через свои земли они разрешают, но только за достойную мзду. В качестве платы за проход Иалебион и Деркин требуют 50 серебряных талантов, 50 прекрасных коров из Герионова стада и столько же дев или нерожавших молодых женщин со стройными телами и красивыми лицами.

Геракл сначала изумился, а потом оглушительно расхохотался, и, вдоволь насмеявшись, серьезно сказал сначала мне, стоявшему к нему ближе всех:

– Темон, мой любимец, благоухающий юностью, с кожей медового цвета! Не знаю, как ты, но я просто удивляюсь

непомерной наглости притязаний лигурских правителей. Даже при желании, как ты понимаешь, я не смог бы их удовлетворить, разве, что мог бы отдать им только коров, да и то полсотни – это уж слишком!

Поворачиваясь к послам, Геракл грозно сжал кулаки и, уперев их в прекрасные мощные бедра, ответил им нарочито высокомерно:

– Передайте вашим властителям, что тот, кто желает получить слишком много, часто не получает ничего. Пусть они возьмут у меня сами все, что пожелают, если, конечно, сумеют.

Послы, видно имели указания на случай подобного ответа и потому, при уходе, витиевато изрекли заранее заготовленную речь:

– Наши правители, могучие сыновья Посейдона, как и все в этом мире почитают неумолимую Дике, свято хранящую ключи от ворот, через которые пролегают пути Зла и Добра к совершенной истине. Они знают, как тебе достались прекрасные коровы Гериона и поэтому решили, что будет справедливо, настойчиво попросить тебя поделиться награбленным, а, если ты откажешься, то – силой заставить. Наши мудрые правители уверены в победе потому, что хоть сам ты неимоверно могуч, но один в поле не воин. В войске нашем много тысяч всадников и лучников, и гоплитов, им всем Арес Градив (предводитель) ковал доспехи. А у тебя есть только два десятка неискушенных в бою спутников и ни на

какую помощь тебе здесь не стоит и надеяться.

Властители лигуров быстро собрали многочисленное хорошо вооруженное и обученное войско и напали на нас. В битву лигуры неслись, как ураган из крутящихся бешено вихрей, Зевсом посылаемый с неба на землю. На море такой ураган порождает много клокочущих волн, с высокими белыми от пены горбами, бегущих одна за другой непрерывно. Так и лигуры, сомкнув плотно ряды, одни за другими, оружием звеня и гремя, за вождями своими дружно бежали.

Геракл бился как горный лев, сыпля вокруг свои разящие насмерть стрелы, а тех, кто приближался ближе, чем на несколько локтей, убивал своей наводившей безмерный ужас дубиной, осененной смертельной красой дикой оливой. Он с окровавленной дубиной по полю носился подобно буйному ветру или реке многоводной, вспухшей от долгих дождей, разрушающей бурно постройки людей. Так пред ним густые фаланги лигуров, как упавший на пол горох, рассыпались, не имея сил устоять перед ним, хоть и было их очень много.

246. Геракл в слезах падает на колени

(Рассказ Темона)

Лигуры, почти не обращали внимания на нас – горстку юношей, сопровождавших Геракла. Они, познав на себе, безмерную мощь смертоносной дубины лучшего зевсова сына, стали осыпать его стрелами, сами держась от него на большом расстоянии. Каменная шкура Немейского льва не раз спасала могучего нашего вождя, и он перебил много врагов, не истратив впустую ни одной стрелы и не подняв зря ни разу дубину. И тут вдруг Геракл горестно завопил:

– Где все мои стрела?!

На лице нашего предводителя я увидел безвыходность и понял, что его стрелы закончились, все до единой. Наверное, впервые в своей кипучей жизни он оказался в полной власти немощной богини Амехании (Беспомощность). Дубина давно была бесполезна, лигуры близко не приближались, осыпая его тучей стрел с большого расстояния.

Я был рядом и видел, как покатались с впалых щек великого героя, дерзновенного сердцем, крупные слезы на землю. Видно, он их упорно все время удерживал раньше, но больше не мог. И вот изможденный Геракл в горьких слезах пал на подкосившиеся колени – раненый стрелами в икры, где львиная шкура ног не могла его защитить. Я хотел к нему подбежать, но в нескольких шагах от него сам был

ранен двумя стрелами в ногу и руку. Упав на землю, я мог только видеть и слышать, как, вздымая к небу необорные руки, отпрыск Кронида горестно стонал:

– О всемогущие боги! Вам не ведомо ни снисхожденье, ни милосердие, вам понятна и мила лишь одна справедливость! Я ли не вынес много непосильных трудов, а сколько я жестоких мук испытал, без числа вкусил разных бед и невыносимого горя, но никогда из глаз моих еще слеза обильная не выпадала. Не думал я, что от бессилия мерзкого придется мне плакать, как ребенку маловозрастному, но видно так Судьбе проклятой угодно. И вот мои глаза, когда-то к плачу непреклонные, невгодам слез вовеки не дарившие, всегда сухие, плакать научились! Неужто нынче жалкою смертью придется здесь погибнуть мне под стрелами лигуров?!. Зевс! Говорят, меж всеми богами ты самый жестокий! Говорят, ты не жалеешь даже тех, кто тобою же на свет порожден, ты предаешь их страшным несчастьям и самым тяжелым страданиям! О, Зевс, мой великий родитель! Если пред тобою сжигал я бедра быков тучные и помогал тебе в войне с ужасными своей силой гигантами, услышь меня и выполни желанье только одно: пусть мои слезы превратятся в камни, чтоб я мог ими сражаться!

Безучастное небо сначала молчало, но тут над горестной участью лучшего смертного сына Зевс – Милихий (милостивый) сжалился, и грозовые послал облака, и град выпал на землю необыкновенный. До земли летели обычные мелкие

градинки размером с горох, но, коснувшись земли, они превращались в полновесные камни размером от кулака до головы человека.

Как во время бурной зимней метели завывающий ветер студеный швыряет крупные снежные хлопья на землю, кормилицу многих. Так же из рук необорных Геракла полетели увесистые камни в лигуров, и под ударами их медные шлемы громко звенели и тяжелые круглые щиты из кож многослойных воловьих глухо, как похоронная песня, гудели. Не выдерживали ударов камней, пущенных отпрыском Зевса шлемы лигурийские и щиты, их пробивали камни, и из раздробленных черепов, с кровью смешавшись, брызгал на землю мозг и вылетали мелкие кости.

Воспрявший духом отпрыск великого Зевса – Кронида, с помощью этих камней еще многих лигурийцев жизни лишил, а других обратил в позорное бегство. Как стая голубей иль галок до смерти напуганных несется с криками истошными, завидев стремящегося к ним сверху хищного ястреба, – так от Геракла с воплями бежали лигурийцы, забыв долг гражданина и воинскую честь.

Геракл не стал ни за кем гнаться и сразу после боя подошел ко мне, помог подняться и устало сказал:

– Радуйся Темон! Я победил; из копий вражеских и из доспехов уж строится трофей! Врагов, бежавших я преследовать не буду. Давно усвоил я правило царей спартанских, что лучше иметь славу победителя великодушного, чем жесто-

кого – тогда противник будущий не будет драться насмерть, и побежит, надеясь хотя бы жизнь спасти, а может и свободу.

Дорога через Лигурию была беспрепятственной, и Геракл направил нас и свое стадо необыкновенно прекрасных коров в Лигурийские Альпы. На следующий день на привале Геракл, вспоминая сражение, задумчиво мне сказал:

– Не устаю я, друг моего сердца Темон, удивляться родителю своему, и сейчас изумляюсь ходу мыслей его всегда необычному. Ведь, кажется, ему было бы проще сбросить сразу камни с большой высоты на лигуров и поразить насмерть их всех, чем помогать сыну так необычно, засыпав поле градинками, вырастить из них камни, которые я мог бы кидать во врагов. Возможно, Олимпиец своим явным вмешательством в битву не хотел злить свою не в меру ревнивую супругу или того больше – оскорбить Старуху Лахесис в предначертанья ее слишком явным вмешательством?

247. Конец человеческим жертвам у римлян

Говорят, в древнее время сам Зевс так изрек:

– Старцу с серпом, племена, приносите хотя бы два тела в ежегодную жертву, свергая тела в глубины реки!

Дойдя до реки Тибр, Геракл увидел, как двух связанных девушек грузят в лодку. Он краем уха слышал о ежегодных человеческих жертвах Крону и понял, что девушек готовят к неминуемой смерти в глубинах реки. Герой захотел освободить несчастных, ведь он считал себя защитником простых людей, но жрецы стали ему объяснять, что все происходит согласно древнему ритуалу изгнания духов, чтобы умиловать великих богов.

Тогда сын Громовержца решил взять на себя смелость и положить конец древним обычаям подобных человеческих жертвоприношений. Геракл, разбросав руками по сторонам всех прислужников и жрецов, освободил девушек от веревочных пут и весело им приказал:

– Вы свободны! Идите девы домой и обрадуйте родителей милых и братьев. Знайте сами и другим расскажите, что от мучительной гибели в пучине реки вас освободил сын Зевса могучий Геракл, величайший герой во всей Ойкумене.

Однако, к большому удивлению знаменитого истребителя чудовищ, не довольны были не только жрецы, готовившие

девушек к жертвоприношению, но и сами спасенные им девушки вместо светлой радости испытывали непонятное какое-то уныние.

Когда стал уходить Геракл от реки, он все время назад обращался, как гривастый лев бородатый, гонимый криком и копьями пастухов и злобных псов яростным лаем прочь от загона с животными. Сердце бесстрашное в нем коченеет, и неохотно, оборачиваясь часто назад, он без добычи скотный загон покидает. Так в нерешительности и раздумье отходил от реки Алкид русокудрый.

Упорный тиринфский храбрец, не привыкший отступать ни перед какими трудностями, решил для себя не останавливаться на полпути и найти способ, как навсегда прекратить человеческие жертвоприношения и не только тут, и чтобы все при этом остались довольны. Всю беспокойную ночь Геракл глаз не сомкнул, лежа на улице на любимом ложе из высохшего тростника и к утру, наконец, глядя в предрассветное небо, понял, как надо поступить и так сказал своему милому сердцу:

– Дед мой – первый коронованный правитель богов Крон с сердцем жестоким и хитрым, чтоб не лишиться верховной власти, проглатывал своих детей целиком. Это продолжалось, пока Рея не решилась по вещему совету праматери Геи, вместо очередного ребенка, которым был Зевс, мой родитель, положить перед мужем большой камень, туго завернутый в пеленку. И вот, чтобы у здешних людей, лишивших-

ся привычных жертв, не осталось никакого уныния в душе, я научу туземцев, как по примеру моей бабки Реи умилоствовать бога так, чтобы при этом никто не лишился жизни.

Утром сын Зевса и прекраснородной Алкмены пожелал воздвигнуть пышный алтарь на холме, посвященном Сатурну, и начать не кровавые приношения на очищающем огне, а собравшимся людям так объявил громогласно:

– Зверей чудовищных и злых людей всегда я истреблял по воле Рока – теперь же по велению Судьбы мне больше хочется спасти здесь невинных. Не надо больше вам в Тибр бросать людей для жертв богам бессмертным. Сейчас я силой сам сдержу любого, кто все равно захочет это продолжать. Я настойчиво вам предлагаю вместо связанных живых людей в Тибр сбрасывать одетые в одежды чучела из тростника или из тряпок.

Предложение могучего героя было добровольно-принудительным, и, глядя на его мощное тело, никто даже не попытался с ним поспорить.

С тех пор вместо людей стали связывать тростник, чтобы по форме он напоминал очертания человеческой фигуры и одевать тростниковые чучела в старые одежды. В остальном ритуал проводился, как прежде, чтобы действительное зло, что когда-то пряталось в душах порочных, нечистых, изымалось из них, при этом и приверженность древним обычаям сохранялась.

Благодарные Гераклу римляне еще долго совершали этот

обряд, проводя его ежегодно немного позднее весеннего равноденствия, в середине мая, т. е. в конце месяца мунихиона, начале таргелиона, в так называемые Иды. В этот день, подготовив установленные священнодействия, понтифики, знаменитейшие из жрецов, и вместе с ними непорочные девы весталки, свято хранящие немеркнувший никогда огонь, а также преторы и другие граждане, которые имели право присутствовать при священнодействиях, скидывали со священного моста в поток Тибра тридцать человеческих изображений, называя их Аргеями.

Согласно Лактанцию, кровавый вид жертвоприношения был навсегда отменен Геркулесом, но он все же сохранил обряд, ибо вместо настоящих людей стали сбрасывать чучела из тростника, как о том поет и Овидий:

– Вплоть до того, как пришел к нам тиринфский герой, ежегодно здесь этот мрачный завет, как на Левкаде, блюли. Первый он вместо людей утопил соломенных чучел, – и по приказу его так поступают досель.

248. Пафийка изменяет Гефесту

Переpravляясь через одно из труднопроходимых ущелий Лигурийских Альп, Геракл прорубил широкую дорогу, по которой смогло пройти его стадо круторогих скотов масти огненно-красной. По пути он разгромил все встретившиеся шайки разбойников, грабивших и убивавших путников на горном перевале, ведущем в местность, которая сейчас называется Этрурия. Знаменитый истребитель чудовищ двигался со стадом тихоходных коров с севера по западному побережью Италии.

Вечером Геракл переплыл через реку, гоня стадо перед собой, и уставший прилег отдохнуть на высохшую на солнце траву. Совсем рядом от этого места, в глубокой влажной пещере, жил огромный великан по имени Какос (плохой, уродливый), младший сын озлобившегося после развода с Кипридой Лемносца, колченогого бога огня.

Почему у известного своим добродушием и трудолюбием бога Гефеста появился такой ужасный ребенок следует рассказать подробно, хоть эта история непосредственно и не связана с отпрыском Зевса.

Говорят, что юный Гефест стал первым законным мужем фиалковенчанной Афродиты, которую ему сосватала златотронная Гера в качестве искупления за то, что уродливого обликом сына она сбросила в гневе с Олимпа, и он провел

все детство и отрочество на дне океана. Вскоре золотая Пифийка, о которой мечтали все боги, изменила хромоногому мужу, вечно пропахшему дымом, с блестящим Аресом, умевшим красиво ухаживать. Сами Мойры, должно быть, решили, что безумство войны сродни безумству в любви, и бог войны, богине любви немало даров подарив, обесчестил ложе Гефеста.

Однажды всевидящее Солнце узрело Ареса и Афродиту, «воевавших» нагими на ложе любви в открытом внутреннем дворике дома Хромца олимпийского. Тотчас Гелиос злорадно Гефесту сказал, что Арей с супругой его в любви сопрягаются тайно. Лемносец заковылял быстро в кузню к себе и выковал сети нерасторжимые, которыми в спальне ножки кровати опутал и с потолка их спустил паутиною тонкой, потом сделал вид, что на Лемнос уходит, а сам стал следить за Ареем. Арес, узнав, что Амфигея нет дома, тут же к Кифереи явился, страстно желая любви. Войдя в гулкий дом, он на руки схватил Афродиту и заорал:

– Милая! Давай скорей возляжем на ложе и насладимся с тобою любовью! Будем сражаться нагими на ложе, пьяня друг друга победами и поражениями, которые тоже желанны. Я жажду доставить невысказанное тебе наслаждение, пока нет дома хромого Гефеста. Вершины Олимпа покинув на Лемнос отправился муж твой унылый и всегда пахнущий дымом.

Так, дрожа всем телом от страсти, Арес кричал. И с радостью с ним улеглась Афродита, позволив богу сорвать с

себя страстно повязки и Пояс Пестроузорный. Долго, тягой любовной пылая, бились они с переменным успехом, лежа в постели – то один побеждал и был наверху, то другая и, наконец, заключив перемирие, утомленные оба заснули. Вдруг раздался грохот ужасный – вернулся супруг колченогий. Милым печалуясь сердцем, вбежал, ковыляя на больных ногах во дворец он поспешно, и чуть в дверях не упал. Охваченный яростью дикой, он завопил во весь голос, богов созывая бессмертных:

– Зевс, наш родитель, и все вы, блаженные, вечные боги! Придите в мой дом и посмотрите на это гнусное дело. Убедитесь, как бесчестит меня, хромоногую, жена Афродита, как бесстыдного она любит Ареса! Он крепконог и прекрасен на вид, а я хромоногим уродом на свет родился. Однако виновен-то в этом не я, а родившие меня таким боги. Вот посмотрите, как оба, обнявшись, голые они спят на постели моей! Как горько видеть мне на это! Но больше уж им так лежать не придется, как бы ни любили друг друга они. Будут теперь их держать здесь искусные сети, пока не отдаст мне приемный родитель супруги или ее любовник Арес всех ценных подарков, мною врученных за бесстыдную женщину эту! Она хоть всех прекрасней на свете, но как же разнузда-на нравом!

Любовники попытались было вскочить, но тонкие прочные сети с такой охватили их силой, что ни подняться они не могли, ни даже двинуться членом, и они поняли, что бегство

для них невозможно.

Боги, обожавшие скандалы, тут же примчались и стали глазеть на пойманных, как птицы, в силки, Ареса и Афродиту, а богини под влиянием богини стыдливости Айдос по домам разбежались потому, что любовники были совсем голые. Безудержный хохот овладел всеми богами, как увидели они, что искусно Лемносский бог смастерил, и не один житель Олимпа, смехом давясь, так говорил:

– Похоть не каждому не в прок. Над проворством тут медленность верх одержала. Как ни хромает Гефест, все ж поймал он Ареса, который всех быстротой превосходит. Покорен он искусством – и теперь с него справедливая пеня за брак оскорбленный.

Весь пунцовый от стыда и унижения Арес дико орал, сверкая глазами, всем грозил жуткой расправой. Богиня же красоты, решила назло всем, с удовольствием показывать свою ничем не прикрытую волшебную красоту бесподобного тела, от которой у мужчин захватывало дыхание. Гермес от восхищения бесстыдством Афрогенейи начал подмигивать часто глазами, вращать по кругу бровями и присвистывать, а потом назвал ее Кастниетидой – покровительницей бесстыдства, а царь морей, не имея сил оторвать глаз от ее божественных ягодич, крикнул, что она Каллипига (прекраснозадая). Посейдон-Земледержец и Гермес-благодавец с нескрываемым вожделением смотрели на обнаженную Киприду, явно желая оказаться на месте Ареса, и бог морей вестнику

Зевса промолвил:

– Ну-ка, скажи, милый племянник! Не пожелал ли бы ты на постели лежать с золотой Афродитой рядом, но только у всех на виду и в этих в сетях?

Аргоубийца-вожатый тотчас Посейдону ответил:

– Пусть бы опутан я был хоть бы втрое крепчайшею сетью, – пусть бы хоть все на меня неотрывно глазели богини и боги, – только бы мне оказаться с голой Афродитой, впитавшей в себя всю красоту мира, на одном ложе!

Опять поднялся меж богами бессмертными неистовый хот. Посейдон же стал умолял Гефеста, чтоб дал он свободу Аресу:

– Освободи ты Арея. Я тебе за него поручусь, что мзду тебе он заплатит.

Но, хитро прищуривав глаза, возразил знаменитый хромец обоногий:

– Этого – нет, не проси у меня, Посейдон-Земледержец! Я не глупый и знаю, что плохо, когда достойный поручается за не достойного. Как же тебя я свяжу, если Арес ускользнет и от сети моей и от платы?

И, отвечая, сказал Посейдон, сотрясающий землю:

– Если Арес, ускользнет из сети и потом не заплатит, то я тебе сам за него все возмещу.

– Просьбу твою я никак не могу и не смею отвергнуть.

Быстро ответил кузнец колченогий и сеть распустил. Освободившись от уз неразрывных, и Арес, и Киприда мгно-

венно вскочили. Арес во Фракию умчался, на Кипр унеслась Афродита улыбкалюбивая, в Пафос, где искупалась в очищающей изумрудной влаге вечного моря и вернула себе девственность. Угрюмый Гефест опять весь в работу ушел, вернувшись к своим любимым мехам, клещам, молоту и наковальне в кузнице дымной.

249. Страх и позор Авентинского леса

Гефест продолжал Афродите беззаветно любить, и развод пережил, как страшную сердечную боль, оставшуюся на всю жизнь незаживающей раной. В это время он изготовил ожерелье дивной красоты – с крученого золотого обруча спускались семь ажурных цепочек; шесть кончались алыми, как кровь, камнями, а средняя была украшена изумительно сверкающим громадным алмазом, похожим на огромную слезу. Ожерелье было не просто дивно красивым – оно делало его владелицу невыразимо прекрасной, но оно было пропитано особым ядом, и потому приносило несчастье всем его обладателям, и каждая владелица его неизбежно должна была рухнуть под гнетом непереносимых бедствий. По воле бога – кузнеца ожерелье Гармонии (так звали богиню Согласия – дочь Ареса и Афродиты) обрекало на несчастье всех потомков его неверной жены Афродиты.

Через некоторое время сделал Аглаю (Блестящая краса) Гефест, знаменитый хронец обоногий, младшую между Харит, своею супругой цветущей. Аглая родила ему, согласно Проклу, четырех дочерей: Евклею (Добрая слава), кормилицу Муз Евтению (Благополучие), Евфему (Хорошая слава) и Филофросину (Дружемыслие). Однако и второй брак Гефеста не был долгим. Аглая сошлась с весело журчащим речным богом, имя которого Мнемосина скрывает и ушла от бо-

жественного кузнеца, насквозь пропахшего гарью и дымом.

На этот раз Гефест, казалось бы, легко пережил распад семьи, и сердце у него не ныло и не болело, но оно, озлобившись, навсегда перестало быть добрым, и последующие его дети от неизвестных любовниц были тоже недобрыми. Это уродливый великан Какос и его сестра Кака, Ардал (нечистый, скверный), Кекул (слепенький) и Перифет (дубинщик).

Некоторые говорят, что Какос был сыном Гефеста от чудовищной Медусы – Горгоны, и был он трехголовым, как и внук Медусы – Горгоны великан Герион, сын «золотого меча» Хрисаора. Этот огнедышащий Какос слыл страшным несчастьем всей [Авентинской горы](#), на которой суждено было раскинуться великому Риму.

Тит Ливий говорит, что, убив Гериона, Геркулес увел его дивных видом быков в эти места и здесь, возле Тибра, через который перебрался вплавь, гоня перед собою прекрасное рогатое стадо, на обильном травую лугу – чтобы отдых и тучный корм восстановили силы животных – прилег и сам, усталый с дороги. Когда, отягченного обильной едой и крепким медосладким вином, сморил его сон, здешний пастух, по имени Как (Дурной), буйный силач, пленившись необыкновенной красотой быков, захотел отнять эту добычу. Но, загони он быков, как обычно в пещеру, следы сами привели бы туда их хозяина, и поэтому Как, выбрав самых прекрасных быков, отогнал их в пещеру задом наперед, таща за хвосты.

Вергилий поет о страшной пещере, в глубинах которой никому недоступных, прятался Как – полузверь и скрывал от света дневного гнусный свой лик. У пещеры увлажненная теплой кровью погубленных им всегда дымилась земля, и прибиты над дверью надменно головы были мужей, оскверненные гноем кровавым. Чудище это Гефест породил, хромец обоногий – потому-то из пасти черное пламя и дым изрыгал, великан кровожадный. Человеческие черепа и кости всюду свисали со сводов дикой пещеры великана-людоеда, а пол был выстлан, словно причудливой мозаичной плиткой, костями его несчастных жертв.

Овидий называет Кака страхом и позором всего Авентинского леса, страшным злом всем соседям он был, а чужеземцев всех без разбора губил. Грозен лицом он, могуч телесною силой, огромен тушей, а породил чудище это Вулкан (римляне так звали Гефеста). Логово было его – пещера, надежно в глубоком ущелье сокрытая, даже хищным зверям ее невозможно было найти. Перед шумливым ущельем висят черепа и прибитые руки, чисто обглоданные кости людей белеют кучей огромной на покрасневшей от крови земле.

250. Какос крадет у Геракла коров [8]

Какоса неистовый дух всегда соблазняли преступления любые, особенно ему нравились нечестивый разбой и хитрые, дерзкие грабежи, а порой он совершал и убийства кровавые.

Пока Геракл пребывал в крепко – сладких объятьях Морфея, не мог злодей – великан и тут удержаться от своих козней: не мало самых прекрасных быков круторогих ярко огненной масти увел он из стада, столько же красных телок украл, отобрав самых больших и красивых. Но, чтобы след их прямой похитителя тотчас не выдал, путаной он их дорогой погнал по песчанистой почве, перевернув все следы им назад. Чтобы указывали следы в обратную сторону, – вел быков дерзкий разбойник с повадками хитрыми задом наперед, таща их за хвосты, и упрятал в недрах просторной пещеры своей с высокими сводами. Так сделал когда-то младенец Гермес вороватый с пятьюдесятью коровами светоносного Феба.

Хитрое воровство быков и коров Гериона Какос совершил ночью черной, безлунной, но всякой ночи приходит конец, и по закону природы заря розоперстая ранним утром ее всегда с лика земли прогоняет. Сначала Эос делает розовым многохолмный покрытый вечными снегами Олимп – чуждую тлена обитель новых богов, отвоеванную ими у змее-

подобного Офиона и супруги его Эвриномы. Так пурпурная Заря извещает поселившуюся на Олимпе многочисленную семью Зевса – Кронида о наступлении нового дня, а потом уже всю остальную Вселенную. (Только после Александра Македонского древние греки стали считать начало дня с восхода солнца; раньше день начинался у них с солнечного заката). Предупреждая багряный восход лучезарного солнца, Эос землю кристально чистой росой омывала, и капли ее искрились на изумрудных травах и листьях, словно драгоценные адаманты, с потом весь мир, чтобы Титану вручить, своими розовыми пальцами обагрля.

С первыми лучами солнца как всегда бодрый Геракл проснулся, и первым делом привычно пересчитал стадо – не очень доверял он своим юным спутникам-пастухам, любящим вечером выпить вина медосладкого, а утром – крепким сном насладиться. Недосчитавшись не мало быков и коров краснобоких, он провел много времени в бесплодных поисках и уже, скрепя сердце, собрался смириться с потерей и продолжить путь с теми животными, что остались. Однако, подойдя к одной из пещер он увидел около нее коровьи следы и, радостно устремившись по ним, через некоторое время, схватившись за голову, остановился, обратившись к себе с изумленными такими словами:

– Боги! Меня обманывают глаза или великое чудо своими глазами я вижу?! Вот на дороге следы предо мною коров, все они ведут от той горной пещеры, от которой иду я. И вот тут

эти исчезают, смешавшись со следами моего стада... Значит, в моем стаде коров должно стать еще больше, чем было, а на само деле их не хватает... Как же это все прикажете понимать, великие боги?

И тут вдруг замычали его пропавшие быки и коровы, огласив воззванием протяжным все окрестные рощи, сделав напрасными дерзкие надежды их неустанно сторожившего Какка. Праведным гневом вспыхнул герой, разлилась от справедливой обиды по всем его жилам черная желчь. И непобедимый отпрыск Кронида хватает нестроганую дубину свою из дикой оливы и, как горный лев разъяренный, с хриплыми криками помчался по склонам крутым к поднебесной горной вершине, откуда вели коровьи следы и призывное раздавалось мычание.

Тут впервые в жизни Какоса трепет объял, бросился тотчас бежать он в страшном испуге прямо к пещере, ветра быстрее летел, словно выросли крылья от страха. Цепи железные великан оборвал, на которых над входом камень тяжелый висел, прилаженный отчим искусством, глыбой огромной дверь завалил и в пещере заперся прочно.

– Кто бы ты ни был разбойник и вор, но, на свою беду, ты меня обокрал и скоро узнаешь, как присваивать достоянье Геракла!

Так сын Зевса громогласно орал, и эхо многократно умножало его угрозу в горах.

251. Зевс и Гера опять ругаются из-за Геракла

Зевс и Гера, извещенные алой Зарей раньше всех о наступлении нового дня, столь громкое эхо услышав, стали с сияющих высей Олимпа наблюдать со все возрастающим интересом, как Геракл, словно стремительный вихрь, несется по крутому безлесому склону Авентийской горы и грозит похитителю коров из его стада, некогда принадлежавшего Герриону.

Царица Олимпа, гневно сверкая своими прекрасными, как у молодой телки глазами, едко сказала супругу:

– Очень ты любишь, Тучегонитель, этого своего смертного сына. Часто, жесточайший Кронид, не заслуженные упреки ты ко мне обращаешь, что несправедлива я к сыну Алкмены. А справедлив ли сам твой любимец Геракл? Все знают, что он нагло похитил всех дивных огненно-красных быков и коров. Потом он жестоко убил трудолюбивого пастуха Эврителиона за то, что он стадо добросовестно сторожил. Убил Геракл и законного хозяина стада Герриона, кстати, нашего с тобой внучатого племянника, ведь он внук брата нашего Посейдона. Теперь же твой сын от Алкмены негодует, что кто-то посмел украсть у него из похищенного им стада несколько коров и быков. Думаю, что этому вору жить недолго осталось. Ты, Эгиох, всегда возглашаешь, что ты главный защит-

ник справедливости на небе и на земле, и, что правда тебе милее всего. Вот и скажи вполне откровенно – не следует ли уже давно Гераклу воздать по заслугам, как грабителю и убийце, не сведущему сердцем дерзко-надменным, что такое истинная справедливость?!

Зевс высокогремящий, хоть он могуществом самый великий, от бессильного гнева долго медленно качал влево и вправо своей косматой головой так, что Олимп многохолмный тоже раскачиваться начал, словно крепкий корабль при высокой волне боковой. Когда ж Громовержец успокоился и взял себя в мощные руки, то обратился к супруге еще более язвительно, чем она:

– Гера, сколько уж бурных веков я тебя знаю... сначала как родную сестру, потом, как супругу, царящую вместе со мной на Олимпе... и все не перестаю удивляться тебе! Все-то ты замечаешь своим острым умом, все видишь красивыми, как у телки, своими очами и все знаешь, как Мойра Лакхесис! Этим, однако, достичь ничего ты не можешь, и только больше от себя меня отвращаешь. И хуже, как всегда, придется тебе же. Поэтому хорошенько запомни: если я Геракла люблю, то, значит, мне так угодно, и значит он достоин любви! Если я считаю сына своего от Алкмены справедливым героем, значит, он справедлив! Поэтому ты лучше на месте с закрытым ртом сиди и молчи, и тому, что я скажу, безропотно повинуйся. Если, конечно, не хочешь, чтобы я на тебя наложил необорные свои руки! Тогда тебе только Старуха

Лаксис сможет помочь, и то, если решит, что это действительно необходимо!

Тут мучительный страх овладел волоокой владычицей Герой. Молча, как супруг приказал, сидела она, смилив свое милое сердце, и только две крупных слезы скорби беззвучной тихо выкатились из ее глаз, дивно красивых даже в безмерной печали. Потом от незаслуженной обиды слезы одна за другой по прекрасным щекам заструились, они были словно ручьи, которые вдруг сквозь запруду прорвались.

Невольных слез устыдившись, царица Олимпа вскочила и, прикрыв ладонями покрасневшее лицо, божественную прелесть которого не смогли испортить и слезы, быстро убежала в свою спальню, топая громко по гулкому мраморному полу босыми ногами.

252. Убийство Какоса [8]

Об убийстве Какоса лучше всех Вергилий поет:

Примчавшийся к скале, в которой заперся Какос, пылающий праведным гневом Геракл, как ни скрежетал зубами свирепо, несмотря на всю свою громадную силу, камень-затвор отвалить не сумел, ибо держала его вся скала нерушимая по творческой задумке художника олимпийского, хоть хромоногого, но чрезвычайно искусного. Обежал он, неистовым гневом пылая, трижды весь Авентин, понапрасну трижды пытался камень-затвор отвалить и всякий раз садился трижды, усталый. Непоколебимо каменная глыба на хребте над пещерой Кака стояла, меж утесов крутых выдаваясь в небо острой вершиной; там свили гнезда себе гнусные птицы.

Однако Геракл, в любых испытаниях крайне упорный, скалу, словно юную деву крепко обняв, все шатал и шатал и, наконец, все же сумел обрушить скалу, обнажив для света внизу зияющий чернотой глубокий провал. Какоса подземный чертог открылся взору Алкида, так разверзает мощный напор водяной пропасть в толще земной, и всем ненавистное царство взору является вдруг в глубине зияющей бездны, и от проникших ярких лучей трепещут бледные тени.

Гнусный вор был застигнут врасплох внезапно хлынувшим в раскрытую полость солнечным светом, запертый в по-

лой скале, он метался испуганно с воем истощенным. Разбушевавшийся истребитель чудовищ, увидев трехглавого великана, изрыгавшего огонь из пастей, закричал, потрясая дубиной и луком:

– Видно, старая Мойра не забыла зачем я на свет появился и новое чудовище послала для истребления мне. Ни дня в жизни своей праздного я не знал. Не мало всяких чудовищ без приказа царского я истребил! Что ж, не устаю сам себе повторять снова и снова: великие дела, уже мной совершенные, необходимо перекрывать другими не менее большими делами, чтобы не тускнела моя сияющая слава. Поэтому готовься к смерти неминуемой, чудовище трехглавое!

Геракл осыпал вора стрелами, выворачивал с корнем толстые деревья, отламывал от скалы огромные камни и все это на Какоса сверху бросал. Видя, что ему от позорной гибели некуда скрыться, начало чудовище со злобным ревом еще больше дыма изрыгать из пасти, мглой беспросветной наполняя пещеру. Зренья героя лишив, сгустилась под сводом пещеры тьма из черного дыма – лишь колышущиеся языки пламени порой прорезали ее.

Тут Геракла нестерпимое бешенство охватило, сердитые губы раскрылись в хищной улыбке, оскалив крепкие белые зубы. Бросив на землю дубину и лук, в провал, огнем полыхавший, прыгнул стремглав он вниз головой, словно в омут – туда, откуда поднимался волнами едкий сизый дым, и черный туман по бурно клубился.

Упав на Какоса, изрыгавшего дым бесполезный, крепко руками обвил Геракл презренного вора, прижал к себе, и сдавил его, как когда-то давил горло Немейского льва. Но Какос был намного слабее каменнокожего зверя, и вылезли тотчас глаза у него из глазниц, и пересохло сломанное горло. Нечестивые очи злодея смежила багровая Смерть и могучая Участь.

Крепкие двери, сорвав, отворил сын Алкмены пещеру злодея, и Солнце увидело вновь похищенных быков и коров, а труп безобразный всем известного вора за ноги вытащил на солнечный свет, чтобы люди увидели переставшего дым извергать нечестивца.

На следующий день люди, наглядеться не в силах, страшным дивились глазницам и черноволосой мохнатой груди трехголового полузверя, смотря в его раскрытые пасти, из которых больше дым не струился и внутри не билось уж пламя. С той поры в Италии Геракла стали чтить еще больше.

253. Поэтическая задача о числе быков Гериона

Обычно древние авторы не говорят прямо о том, сколько быков было у Гериона, и сколько быков украл огнедышащий Какос, а некоторые всем интересующимся предлагают решить следующую поэтически изложенную задачу или просто угадать ответ, ведь задача очень простая:

Когда Гераклом Герион
Был в жаркой битве сокрушен,
То победителю в награду
Быков отличных стало стадо;
Быков на луг отправил он
И погрузился в крепкий сон.

Но сын Вулкана Какос смелый
К быкам, как вор, подполз умело
И сделал все, что он хотел:
Он отобрать себе успел
Одну шестнадцатую стада;
Теперь добычу спрятать надо.

В пещеру он быков загнал,

Куда свет дня не проникал,
И вход туда прикрыл надежно:
Найти быков здесь невозможно.

Когда Геракл пришел на луг,
Он насчитал сто двадцать штук
И не осталось в нем сомненья,
Что состоялось похищенье.
В нем сердце закипело злобой,
Быков он ищет, смотрит в оба,
И вдруг как бы из-под земли
Услышал, что ревут они.

К пещере бросился он в гнев,
Все разметал он в этом хлеве
И Какоса убил в мгновенье;
Быков добыл из заточенья.
И стадо он угнал скорей, —
Все получил царь Эврисфей.

Теперь скажи мне, вычислитель,
Сколько быков злой похититель
Из стада увести сумел,
И сколько всех быков имел
Геракл могучий и отважный, —
Все это знать нам очень важно.

254. Геракл сходится с Какой

Многие римляне говорят, что Какий был не трехглавым чудовищем, а одним их выдающихся мужей города, расположенного на Палантине, и оказал Гераклу весьма радушный прием и почтил его щедрыми дарами. На Палантине имеется Какиев спуск с каменными ступенями и находящийся неподалеку от некогда стоявшего там дома Какия. В этом доме с каменным спуском Геракл познакомился не только с гостеприимным хозяином Какием, но и с его сестрой, которую звали, почти как брата – Кака.

Римляне говорят, что юная Кака очень понравилась Геркулесу потому, что она была красивая, очень сильная и, конечно же громадного роста. Она была девственницей потому, что все из невольного страха стороной обходили ее огромное ложе. Отпрыск Юпитера, давно ни к кому не восходивший на ложе, оказавшись гостем в доме с каменным спуском, в первую же ночь, похоти лютой во благо с нежного цветка девственности Каки все лепестки оборвал.

Другие утверждают, что Кака, как и брат, совсем красавицей не была, разве, что хороша была только ростом огромным. Геракл же все никак не мог отыскать своих пропавших быков и коров. И тогда он решил любовью смешаться с какой-нибудь местной девой в надежде, что она из благодарности узнает и сообщит ему, где его пропавшие быки и коровы.

Выбор героя пал, конечно, на Каку, сестру Какоса и с тех пор она почитается римлянами за то, что сообщила [Гераклу](#) об украденных у него братом Какос коровах.

Юный Темон, большой друг Геракла, проживавший вместе с ним в доме Какоса, говорит, что видел своими глазами, как Кака, во дворе возле дома в охапку поймала проходившего мимо его великого друга и, лукаво потупив не по девичьи не скромные очи, хриплым от возбуждения голосом ему провещала:

– Не желаешь ли ты узнать, могучий герой, зачем из дома с каменным спуском к тебе красавица Кака явилась сама? От тебя ничего утаивать мне сегодня не хочется. Думаю я, что завтра тебя проведет мой брат хитроумный. Он лишь притворяется очень радушным, а на самом деле немало мужей он уже погубил, а теперь вот похитил много коров и быков из твоего прекрасного стада, которых утащил за хвосты и спрятал в пещере на склоне некой неприметной горы в Палантине. Надеюсь, однако, что я к тебе пришла не напрасно, и ты с охотой поведешь меня к себе на постель, ведь девушка я и потому не могу тебе доверять. Ведь только после того, как мы с тобой возляжем на ложе, и ты, сочетавшись со мной пьянящей страстью любви, сделаешь меня женщиной, я буду разговаривать с тобой с полным доверьем и гору ту смогу указать.

– Милая, ни о чем не волнуйся и мне во всем доверяй. Прямо сейчас пойдем и ляжем в постель, чтоб насладиться

неистовой страстью! Бешеным вожделением таким у меня давно ум не мутился! Я бескорыстно сделаю тебя женщиной, а уж потом ты расскажешь мне, где твой брат Какой моих спрятал коров.

Геракл тут же повел Каку на отведенное ему ложе и пока на нем вожделение свое утолял, Какия бурно дом содрогался и наполнялся страстными криками и ревом истошным долго теряющей девственность Каки. Потом, уж под самое утро, знаменитый истребитель чудовищ узнал у сестры, на какой горе ее брат спрятал в пещере похищенных быков и коров. Так, в благодарность за любовные ласки Кака предала милого брата.

Родила ли Кака Гераклу детей после того, как он ее сделал женщиной, не помнит даже Мнемосина, которая, по мнению орфиков, является матерью священных умов и ликующих Муз звонкогласых. Память ее не подвластна немому забвенью, губящему разум, держит объединенным с душой она весь ум человека, множит тем самым великую силу благую рассудка. Сладчайшая, бодрая вечно, способная тотчас в памяти вызвать у нас, что когда-либо в душу запало, не преступив ничего, она ум пробуждает во всяком, но даже она не смогла вспомнить стала ли матерью Кака.

Согласно комментатору [Сервию](#), весталки – юные жрицы богини Весты, хранящие свою чистоту 30 лет, поддерживают неугасимый огонь в святилище Каки.

После обожествления Геракла, говорят, что и Каку почи-

тали, как богиню огня, а позднее, благодаря вмешательству Гефеста, она составляла божественную пару с братом Каком.

Решение задачи о количестве быков Гериона: $120 + x/16 = x$. откуда всего быков и коров было $x = 128$, из них Какос украл 8.

255. Очищение Геракла от скверны убийства Кака

Геракл решил очиститься от убийства Кака, ведь, согласно Диодору, он считался одним из самых выдающихся мужей города, расположенного на Палантине, и для этого необычайный герой обратился к царю туземцев Эвандру (хороший человек), некогда изгнанному по воле Могучей Судьбы из блаженной Аркадии, оказавшейся для него несчастливой. Мать Эвандра аркадская нимфа Никострата уговорила сына убить ее мужа царя Аркадии Палланта, и за это аркадцы их обоих изгнали.

Геракл не был родственником Какоса, но он пролил слишком много его крови и потому был осквернен убийством, и скверна была препятствием его общению с богами и требовала обязательного очищения для примирения с собою подземных богов. Только после того, как Эвандр, взяв ветви маслины и лавра, окропил Геракла чистой водой, герой решил, что может приблизиться к богу. Он воздвиг алтарь Зевса Эврисейского и принес богу за возвращение украденных Какосом коров белую безъяремную телку в качестве благодарственной жертвы и помолился.

К молитве Геракла склонился Кронид и жертву приял. Тотчас властитель бессмертных орла ниспослал, безобманную самую птицу. Был в его лапах детеныш свирепого вепря.

Бросил он того кабаненка вблизи алтаря, который соорудил Геракл Эврисейскому Зевсу.

Говорят, лишь увидел Тучегонителя отпрыск, что от родителя птица в небе явилась, тотчас для примирения с родственниками убитого, послал Каке пенью большую, как сестре убитого в качестве примирительной и очистительной жертвы. Поскольку у Геракла никогда не было никаких средств, то этой жертвой, должно быть, являлась ночь проведенная с Какой героем.

Как только туземцы и пришедшие вместе с Эвандром в Палантии аркадцы узнали об очищении Геракла от скверны убийства Кака, они по-новому узрели Геракла. Все изумились наружности героя, в которой усмотрели божественную природу, и воздали ему почести. Те, кто победнее – пышными ветками вечно зеленого лавра дружно увенчивали Геракла. Правители городов и поселков наперебой приглашали лауреата (увенчанный лавром) Геракла в гости и вручали ему своих граждан и самих себя для дружбы.

Спутники Геракла – в основном это были эпеи и аркадцы, и те аркадцы, которые прибыли на Палантин с Эвандром под руководством отпрыска Зевса поделили между собой большинство окрестных земель. Это деяние Геракла считается особенно мудрым, ведь, он привлек многих изгнанников из покоренных тогда городов к участию в походе, а после победы начал расселять их по завоеванным землям и даровал им богатства, отнятые у других.

Многие, подобно Дионисию Галикарнасскому, говорят, что именно благодаря этому расселению эллинов по римским землям, возвеличилось имя, и воссияла слава Геракла в Италии, а вовсе не из-за того, что он просто проследовал через страну.

256. Дети Геракла от знатных римлянок ^[22]

Дионисий Галикарнасский говорит, что Геракл в тех местах, которые и ныне населяют римляне, оставил двух своих сыновей: Палланта – от дочери Эвандра Лавинии и Латина.

Отпрыск Зевеса рядом с дворцом царя Эвандра, сына Никостраты (у римлян Карменты), воздвиг алтарь Родителю и принес на нем в жертву одного из возвращенных из похищения быков. Геракл освободил Эвандра, который очистил его от скверны, от немалой дани, которую тот платил этрускам, и убил царя Фавна, который приносил чужеземцев в жертву на алтаре своего отца бога торговли Меркурия (Гермеса).

Геракл еще до убийства Какоса искоренил ежегодные человеческие жертвоприношения в честь Крона (когда двух людей связывали и бросали в воды Тибра) и заставил римлян вместо людей бросать разодетых кукол, сделанных из тростника. И сейчас в мае при полной луне юная весталка, стоя на дубовых сваях, бросает в быстрый поток связанные из камыша и побеленные фигурки людей, называемых аргивянами. Считается также, что Геракл основал Помпеи и Геркуланум, построил дамбу длиной в один парасанг поперек Лукринского залива, которую теперь называют Гераклеюской дорогой, и по которой он погнал дальше Герионовых быков и коров.

Некоторые рассказывают, что Паллант, не достигнув юношеского возраста, умер.

Вторым сыном Геракла был Латин. Согласно Юстину, дочь Фавна родила Латина, зачатого в прелюбодеянии от Геркулеса, который в ту пору, убив Гериона, гнал через Италию стадо скота, свою победную добычу.

Другие говорят, что Латин был сыном Геракла от некой гиперборейской девы по имени Марики, отданную отцом в залог, которую он взял себе и хранил ее непорочной для брака. Но приплыв в Италию, Геракл не сдержался и затащил ее на свое ложе, и вскоре она понесла скрытый от всех груз внизу живота. Когда же знаменитый герой вознамерился вернуться в Аргос, то отдал ее в жены царю аборигенов Фавну. Став женой Фавна, гиперборейская дева счастливо разрешилась от бремени. По этой причине многие считают, что Латин был сыном Фавна и нимфы Марики, а не Геракла.

Конон рассказывает, что Геркулес, везший Эврисфею дивных коров Гериона, высадился в Италии, где любезно был принят Локром, сыном Феака. Но местный царь Латин, жившей с его дочерью, увидел коров, которые ему очень понравились. Тотчас он возжелал ими овладеть; и уже уводил их, когда Геракл, узнав об этом, пошел к нему на бой, поразил копьем и забрал своих коров. Локр, узнав о сражении и, не зная ничего об исходе, боясь за Геракла, так как знал, что Латин обладал большой телесной силой и мужеством, взял смену одежды и поспешил на помощь гостю. Геракл, уви-

дев спешно приближавшегося к нему человека, принял его за очередного противника, пустил в Локра стрелу, и тот пал к его ногам; узнав о своей ошибке, он издал стон, но беда была уже непоправима. Он оплакивал своего друга, устроил пышные похороны и когда сам оставил жизнь, явился местным жителям и велел построить город в Италии в месте, где был погребен Локр. Этот большой город до сих пор носит его имя и чтит его память.

Латин, возмужав, взял власть над аборигенами и стал царем Лаврента. Так как он, сражаясь против соседей рутулов, погиб, не оставив мужского потомства, власть перешла к Энею, сыну пастуха Анхиса и фиалковенчанной Афродиты, который, женившись на Лавинии, стал зятем Латина и его супруги Аматы.

Многие говорят, что Латин был либо сыном одиссеева отпрыска Телемаха и колдуньи Кирки, либо сыном самого легендарного героя – воина – скитальца Одиссея от нимфы прекрасноволосой Каллипсо или от той же волшебницы Кирки – в косах красиво сплетенных богини ужасной с речью людской.

257. Десятинные жертвы и десятина

Эвандр от древней прорицательницы Фемиды давно знал, что Геракл, благодаря своему великому родителю и собственной доблести предопределен самой непостижимой Судьбой поменять свою смертную природу на бессмертную. Именно поэтому он сначала очистил Геракла, а потом первым в Италии стал воздавать ему божеские почести. Он воздвиг отдельный алтарь и принес Гераклу в жертву белую телку, что не знавала ярма и стал умолять его возглавить священнодействия.

Отпрыск Зевеса, слава которого гремела уже не только в Элладе, но по всей Ойкумене, сам все чаще задумывался – когда же он, наконец, обретет обещанное бесстаростное бессмертие и так часто беседовал с милым сердцем своим:

– Уже 10 великих подвигов я совершил, а ведь именно столько было предназначено мне аполлоновой девой. И нет никого среди эллинов, кто бы дерзнул надо мною гордиться такими громадными достижениями во всех областях, как у меня. Я – самый великий истребитель чудовищ, губитель жестоких владык и разных нечестивых преступников. Я открыл много новых земель и основал на них множество городов, проложив к ним дороги. И вообще: я – защитник богов и благотворитель людей. И все это мне не просто далось – сколько всяческих зол – о них страшно даже подумать –

на этих трудолюбивых руках, и на измученных плечах своих я перенес, сколько тягостных мук и ужасных страданий при этом я вынес. И вот, наконец-то, люди оказывают мне не только обычное гостеприимство, но и воздвигают алтарь, как бессмертному богу. О, это очень благочестивые и чрезвычайно справедливые люди, и я им покровитель стану! А чтобы народ не думал, будто великий Геракл совсем пресытился земной славой, я в благодарность за божественное почитание буду щедро его угощать.

После слов таких, к сердцу своему обращенных, Геракл принес в жертву 12 прекрасных коров Гериона, что составляло в это время 1/10 часть стада и десятину из всей прочей добычи, скопившейся в последние годы.

Десятина такого рода является долей богов от того, что достается в жизни человеку, она приносилась богам под видом какого-нибудь посвящаемого им дара.

Говорят, что сверх этого Геракл совершил моления за тех местных поселенцев, которые первыми посчитали его богом и сказал:

– Пусть здесь вечно воздают мне почести, принося ежегодно в жертву безъяремную белоснежную телку и отправляют священнодействия по эллинским обычаям. При этом я вменяю эту почетную обязанность двум самым знатным местным семьям Нотациев и Пинариев.

Согласно Дионисию Галикарнасскому, были тогда обучены эллинским священнодействиям Нотации и Пинарии, по-

томки которых долгое время продолжали заботиться о совершении жертвоприношений в том виде, как их установил Геракл: Нотации предводительствовали священнодействиями и начинали сожжение жертв. Пинарии, лишенные права кушать внутренности жертв, во всем остальном получили вторую по значению почесть. Такое умаление почести было им определено из-за опоздания, так как им было велено явиться на заре, а они прибыли в то время, когда другие уже прикоснулись к внутренностям жертвы. Впоследствии попечение о священнодействиях уже не возлагается на потомков Нотациев и Пинариев, их совершали юноши из рабов на общественный счет. Алтарь, на котором принес десятинные жертвы Геракл, называется у римлян Величайшим, у него даются клятвы и заключаются договоры теми, кто хочет устроить дело, а также взимаются десятины всякого рода по обетам.

Говорят, что именно в это время у Геракла впервые проявились способности к прорицанию. Изведав благожелательность жителей Палатина, Геракл предрек им:

– Все, кто после моего вознесения на Олимп, посвятит мне, как бессмертному богу, по обету десятую часть своего имущества, обретут в последующей жизни большое благоденствие. Те же, кто посвятит мне десятину до того, как я стану богом, особенно быстро достигнут наибольшего благосостояния и благополучия.

Такой десятины обычно требовал тиран от всех своих под-

данных, и Афинское государство взимало десятину от всех своих земельных владений; особенно часто такая подать взималась в пользу храмов.

Так было и с десятиной Геракла во все последующие времена. Многие богатые люди, дав обет посвятить Гераклу десятую долю имущества и достигшие после этого благосостояния, посвятили затем десятую часть своего имущества. Так, Луций Лициний Лукулл, – один из самых богатых римлян своего времени, – оценив свое состояние, посвятил новому богу Гераклу десятую долю, продолжая непрестанно устраивать дорогостоящие пиршества – знаменитые лукулловы пиры. Впрочем, согласно историку Аппиану, жестокий, алчный и непорядочный Лукулл разбогател, развязав новую войну с лояльным Риму племенем вакеев. Римляне также воздвигли богу Гераклу величественный храм у Тибра, в котором совершали пожертвования из десятой доли.

Глядя с блистательных всей Олимпа, как Гераклу воздвигли храм, и, как богу, пожертвования совершают римляне, Гера выскочила из-за пиршественного стола и к мужу, возлежащему, подбежала с криком возмущенным таким:

– Видишь и сам ты, Чернотучий, что сын твой от Алкмены Геракл, как Салмоней богом бессмертным себя выставляет, требуя, чтобы жертвы из десятой доли ему приносили. Не пора ли, если не перуном его поразить, то хотя бы послать Немесиду, чтобы покарала его за нечестивость и дерзкую спесь?!

Зевс на скамейке своей приподнялся так, что стал выше не только, как он, возлежащих богов, но и сидящих богинь и к расстроенной супруге недоуменно так обратился:

– Гера, уж женаты мы не одну тысячу лет, но я тебя все никак не пойму: глупая ты иль притворяешься часто, преследуя какие-то свои интересы? Салмоней надо мной издевался, и я поразил его перуном, низверг в Аид и уничтожил весь город с жителями, которые ему потакали. Геракл же, веру в нас, олимпийских богов по всей Ойкумене распространяет. Благодаря ему, римляне нас лучше узнали, меня, нарекши Юпитером, богом верховным считают, а тебя царицей неба Юноной назвали, и пышные приносят нам жертвы.

Плутарх спрашивает и сам же отвечает: почему многие богачи приносят в жертву Геркулесу десятую часть своего состояния? Не потому ли, что Геркулес сам принес в Риме в жертву десятую часть Герионова стада? Или потому, что Геркулес освободил римлян от десятинной дани этрускам, или просто Геркулес был чревоугодником и любил сам хорошо поесть? Больше походит на правду то, что богачи хотели умерить избыток своего богатства, ненавистного для сограждан, и рассудили, что так они порадуют Геркулеса, ведь он был неприхотлив и вел жизнь скромную, без излишеств.

258. Геракл случайно убивает Кротона

Пройдя Леонтинскую равнину, Геракл погнал свое стадо рогатых скотин в сторону Лакинийского мыса в Бруттии, которая находилась на самом юге Италии. Некоторые говорят, тамошний правитель, царь Лакиний, тогда похвалялся:

– Мне единственному удалось обратить в бегство знаменитого истребителя чудовищ никем непобедимого сына великого Зевса и Алкмены Геракла.

Другие говорят, что причиной этого «бегства» Геракла было то, что Лакиний построил храм Юноны (Геры), при виде которого Геракл объявил своим спутникам:

– Я решил обойти этот храм стороной потому, что испытываю отвращение к несправедливо преследующей меня с самого рождения и до сих пор мачехе, которую считаю самой злокозненной и мстительной богиней на всем Олимпе.

Пройдя шесть парасангов, Геракл пустил стадо отдохнуть и неспешно поесть, а сам, приняв приглашение, пошел в дом к зятю Лакиния Кротону. Известный в Лакинии борец Кротон вместе с женой Лавретой оказал Гераклу самое радушное гостеприимство. Спутники Геракла говорят, что возвышенное общение с Темоном надоело Гераклу, и он не взял его с собой в дом Кротона. Там прославленный герой каждый день позволял красивым и молодым служанкам омывать

себя в прекрасно отесанной ванне, а после умащивать маслом и утолять голод его плоти, истосковавшейся по женскому телу.

В это время царь Лакиний, увидев, как прекрасны коровы Гериона, приказал своим слугам взять из стада 12 коров и быка. Когда охранявшие стадо спутники доложили Гераклу о том, что по приказу царя его воины взяли дюжину коров и быка, то он так разъярился, что с бешеным ревом схватил свой лук и дубину и бросился из дома Кротона, но хозяин, слышавший, что сказали спутники, преградил ему путь и обратился к нему с такими словами:

– Ты мой гость, сын могучий Зевеса и я с радостью в своем доме тебя принимаю. Но я супругу свою Лаврету очень люблю и тестя Лакиния глубоко уважаю. Сердце свое, доблести полный герой, успокой! Ярость свирепую свою укроти, в бешеном гневе ум опрометчив, его рассуждение слабо. Поэтому я не могу позволить тебе в безудержном гневе, не разобравшись куда твои подевались коровы, к Лакинию с луком и дубиной бежать.

Геракл, стараясь сдержать гнев, сказал ему спокойно, но твердо:

– Не хочу я ссориться с человеком, оказавшим мне радушное гостеприимство, но ты меня оскорбляешь тем, что не даешь мне пройти, словно ребенку. Я никому не могу позволить так со мной обращаться! Живо дорогу освободи!

Тогда Кротон не только не дал Гераклу дороги, но и при

людях вызвал его на поединок в борьбе. Герою, чтобы не прослыть явным трусом, молча пришлось согласиться на поединок с гостеприимным хозяином.

У ворот двора Кротона предстали друг против друга два высоких и мощных атлета, словно два раскидистых дерева Зевса в горной долине. Часто то дождь, то снег их листья сечет, и ветер их кроны треплет жестокий, непоколебимо, однако, стоят они на разветвленных корнях крепких и длинных. Так же и оба героя-борца, на руки и силу надеясь, друг против друга стояли.

Геракл сразу понял, что Кротон – не Эрик, хоть у того оба родителя были могучие олимпийские боги. Кротон был мощным и очень искусным борцом. Атлетически сложенный, физически сильный, почти как Геракл, он еще и владел всеми видами оружия, как сын чудовищной Стикс и титана Паланта Кратос (Сила), который вместе с сестрой Бией (Мощь) тащил закованного в цепи Прометея к кавказской скале.

Противники между тем стали бороться перед домом Кротона, и вскоре посмотреть их поединок сбежались многие жители города, и среди них был юный Милон. Геракл, как и с Эриком, решил бороться не в полную силу, однако ловкой подсечкой Кротон кинул его на землю и навалился на него всем своим мускулистым тренированным телом. Лишь благодаря своей необыкновенной силе, стойкий герой смог разорвать мертвый захват Кротона, сомкнувшего могучие

руки на его шее.

Прирожденный боец – Кротон был высок, широк в плечах, тонок в талии и очень мускулист. Виртуозно владел всеми видами оружия, но предпочитал меч и клинки, прикрепленные цепями к плечам. Ему не было равных в поединке с оружием, но в кулачном бою и в борьбе, где есть правила и разные приемы, он был слабее могучего Алкида.

Разгоряченный борьбой, Геракл, забыв о радушном гостеприимстве Кротона и о том, что собирался бороться не в полную силу, поднял его вверх и, что есть силы, кинул на землю. Кротон же, по воле случая, приземлившись на голову, не успел помочь себе руками и смягчить удар. Борца знаменитого со сломанной шеей тут же быстротечная смерть осенила, и в очах его черноокая тьма разлилась. Танатос чернокрылый тут же отсек волос прядь пушистых его и бессмертную душу исторгнул из некогда мощного тела, и теперь оно без души в холодную мглу навсегда погрузилось.

После того, как Амфитрионид отобрал весь свой скот у Лакиния, он собрал на городской площади много людей и громко сказал:

– Я не буду Лакиния, укравшего у меня 12 коров и быка, убивать, чтобы все поняли, что я совсем не желал смерти его зятя Кротона, это досадная случайность. И я не уйду отсюда, пока не устрою Кротону великолепного погребения и не сооружу ему величественную гробницу.

Выступая перед собравшимися людьми, Геракл, вдруг

устремил свои синие, как небо, глаза вдаль и торжественно изрек:

– Чувствую, как меня захватывает непреодолимое желание предсказать грядущее, и я это сделаю: со временем будет построен значительный город моими внуками здесь!

Когда Геракл был вознесен на Олимп, он явился во сне одному из многочисленных своих потомков, аргивянину Мискелу, и приказал ему отправиться в Италию и построить там город. В Аргосе в то время существовал суровый запрет на эмиграцию, и Мискел попытался отказаться. Тогда разгневанный бог пригрозил ему страшными карами, и Мискел дал слово исполнить приказ Геракла. Законопослушные аргивяне предали Мискела суду за то, что тот нарушил их запрет на эмиграцию, и уже были готовы предать его смерти, но все черные камушки, опущенные в урну для голосования, чудесным образом превратились в белые. Так сбылось предсказанье Геракла о построении города его потомками, и его потомок не пострадал.

259. Гера приказывает Эврисфею не засчитывать Гераклу 4 подвига

Когда Геракл с коровами Гериона подошел к западному берегу Италии и уж готовился переплыть в Эпир, Гера укусила себя в губу и, крутя сцепленными пальцами, стала досадливо разговаривать со своим исстрадавшимся сердцем:

– Пасынок мне ненавистный уже исполнил все 10 предписанных Пифией подвигов. Многие злокозненной меня называют и безмерно ревнивой. Да, я злокозненна и ревнива и к прошлому даже ревную, но как жить мне иначе? Ведь у меня еще ноет иногда правая грудь, раненная стрелой этого нечестивца, особенно когда я на него гневаюсь. Может быть, зря я не рассказала Зевесу, что негодяй ранил в грудь жестоко меня – сестру и супругу его, законную царицу Олимпа? – Нет, я все правильно сделала, иначе не только любящая поиздеваться Афина, все насмехались бы надо мной, за спиной моей говоря, когда я не вижу: «Вот так царица! Вот так богиня богинь! Справиться не может даже с пасынком смертным! Он ей грудь прострелил, а она только жаловаться может супругу». Но, ничего! Он еще узнает, как я в безжалостной мести страшна и как я могу ненавидеть! Клянусь, что, когда случай для мести удобный настанет, ничего не забуду, ничего не прощу... Пусть свидетелями моей клятвы будет полногрудая Гея и широкое Небо, а также никогда не дремлющая

Мойра Лахесис! Я клянусь во что бы то ни стало отомстить жестоко Алкиду! Я буду мстить за нечестивость и несправедливость, за мерзкий разврат, за всякие гнусные беззакония и злодейства, которые он всюду творит, благодаря своей силе невероятной... А удобней всего отомстить, если Геракл будет по-прежнему служить послушному мне Эврисфею.

План действий созрел сам собой в белокурой головке царицы Олимпа, и она ночью явилась во сне к покорному ей сыну Сфенела и ехидно промолвила:

– Опять ты сладко спишь Эврисфей, даже легкая зависть берет, а ведь мы с тобой так до сих пор и не расправились с нечестивым отродьем Алкмены. Какой-то ты уж очень добрый царек, слова ругательного я не слышала от тебя о Геракле, а вот он тебя всюду мерзкими словами поносит, называя низкорослым уродцем и недоноском ничтожным с ушами ослиными.

Эврисфей нехотя открыл свои большие грустные глаза и, поморгав часто – часто, чтоб окончательно проснуться, ответил голосом слабым:

– Знаю я, как он меня называет, царица, но ведь сами вы, боги, создали его таким буйным и мощным! Для него превыше всего не закон и царская власть и даже не справедливость, а его сила, в гневе же он совершенно неодолимый и бешеный, даже собственных детей зверски жизни лишил. И потом, и сама ты знаешь прекрасно, что Зевс всемогущий при необходимости сына своего защищает и называет самым

лучшим из всех своих сыновей, для смерти рожденных. Что же я, от рождения такой слабомощный, с ним могу сделать?

– Прежде всего нам с тобой службу Геракла под твоей властью, обязательно надо продолжить. Запомни все хорошенько: Ты не засчитаешь Гераклу 4 подвига, а чтобы это выглядело справедливым, свое решение так объяснишь: Убийство Гидры Лернейской не засчитываешь Гераклу потому, что ему помогал племянник Иолай, ведь он отрубленные головы факелом змее прижигал. Не засчитываешь и очистку Авгиевых конюшен потому, что всю работу за него сделали речные боги Алфей и Пеней и, кроме того, он договорился с Авгием о плате, что незаконно, ведь Геракл был не свободным, а находился на службе у тебя и, как сказал Феб устами Пифии, подвиги был обязан свершать бескорыстно. Похищение коней Диомеда не включишь в зачет потому, что Геракла сопровождали спутники, среди которых был и погибший Абдер. Эти юноши сражались с бистонами и помогали ему в похищении лошадей Диомеда. И, наконец, не следует засчитывать похищение пояса Ипполиты потому, что Геракл взял себе в помощники многих пожелавших отправиться с ним знаменитых героев Эллады, среди которых был и сын Посейдона знаменитый афинский герой Тесей. Конечно, мне хватит ума, чтобы придумать поводы для того, чтобы не засчитать Гераклу еще больше подвигов, но я этого делать не буду. Во всем должна быть мера, как любит говорить сын притворной скромницы Лето. Боюсь еще, что всеведу-

щая Афина пожалуется Зевсу на то, что ты по моему приказу Гераклу слишком много деяний не засчитал, и не известно, как Громовержец себя поведет. И потом, если четырех новых подвигов нам не хватит, чтобы Геракла окончательно погубить, то не велика нам цена, видно плохие мы защитники справедливости...

260. Гера насылает на коров Гериона слепней

Тут богиня богинь, неожиданно звонко хлопнув себя по лбу, вдруг с места сорвалась и, став невидимой никому, по прямой воздушной дороге ринулась к герионову стаду, по пути, хватая огромных слепней. Чтобы путь скоротать и длинную скрасить дорогу на самый дальний край света, она со своим сердцем так мило беседовала:

– Как же я про инахову дочку Ио забыла?! С виду такая чудесная жрица была в моем храме – чистое невинное личико и не развитая девичья фигура, только-только начавшая округлость приобретать. И кто бы мог подумать – скромная такая тихоня, а Зевсу отдалась прямо у моего алтаря! Чтобы я не наказала забеременевшую потаскуху, Зевс решил ее хитро спрятать и в телицу белоснежную превратил. Наглый, бесчестный Кронид от всего отпирался и даже Ио в образе белой телки, как доказательство своей непричастности, мне подарил. Я не кровожадная и всего лишь, чтоб они больше никогда не встречались, велела тайно отвести Ио-корову в Немейскую оливковую рощу и поручила стеречь ее там своему верному слуге стоглазому титану Аргусу. Днем он пастись ей давал и только на ночь в хлев запирали. Зевс узнал от Гелия, где находится Ио в образе белой телицы и поручил своему сыну от Майи, краснобаю и вору, Ио спасти и Ар-

га смерти предать, что тот и сделал. Ио-корова была совершенно свободна, но кара моя справедливая была еще впереди. Я наслала на Ио ужасного слепня, не знавшего пощады. Слепень начал жалить всех молодых телиц белой масти и вскоре обнаружил Ио, которая вела себя не как все коровы. С этого момента слепень не покидал Ио. Некоторые говорят, что я бываю злорадная. А какой я должна быть по отношению ко всяким развратницам, соблазняющим... ну или не дающим должного отпора моему любвеобильному мужу?! Сердце мое вместе с Дике торжествовало видя, как Ио мычала то жалобно, то истошно и бежала, сломя голову, по всей Греции, но слепень не отставал. В безумных странствиях Ио очутилась даже в горах Кавказа, где слепень покинул ее, оставив в ней свое жало... Ну вот и герionoво стадо, которое пасынок со своими возлюбленными юношами гонит, и уж не длинный путь до Микен им остался, но все ли коровы его одолеют?

Гера, оставаясь невидимой, очень боялась она стрел Геракла, наслала два десятка собранных слепней на коров Герiona, и все прежде ленивое тихоходное стадо словно вдруг обезумело. Грозно слепень на телок молодых нападает, не напрасно пастухи его именуют коровьим стрекалом.

Геракл, видя неожиданно взбесившихся быков и коров, сначала ничего не понимал. Когда же он увидел одного из жирных слепней, впившегося в огненно-красный коровий хребет, то сразу все понял. В яростном гневе схватил он свой

погибельный лук и убил слепня пернатой стрелой, не ранив при этом корову.

Быки и коровы, на которых слепни уже усидели и жалили, с оглушительным мычаньем и воем стремительно разбежались в разные стороны, казалось, что их невозможно остановить и собрать воедино; остальные вели себя смиренно. Так стадо разделилось в области фракийского предгорья на две неравные части. Геракл, оседлав коня, все же смог догнать ужаленных быков и коров и убить почти всех слепней не знающими промаха стрелами Феба. Не удалось поймать всего двух мощных быков, которые далеко убежали и без присмотра через некоторое время одичали.

Говорят, разъяренный потерей пары прекрасных быков, Геракл, согнав оставшихся коров к реке Стримону, вознегодовал на эту реку, издавна бывшую судоходной. В яростном бешенстве он набросал в нее много огромных камней и обломков деревьев и скал и сделал ее изобилующей отмелями.

– Что этот негодяй вытворяет?! Теперь и река ему помешала, негодует он, что вода в ней течет, и суда под парусом по ней плавают. Геракл – это поистине бесчестие века, а в Элладе гордящейся справедливостью, его многие любят и великим героем считают. Да, из всех тварей, которые дышат и ползают в прахе, истинно в целой вселенной никого нет глупее и дурнее, чем человек, ведь, если все взвесить или посчитать, то злых дел Геракл натворил намного больше, чем нужных людям подвигов совершил. Ведь людей он убил в

тысячу раз больше, чем чудовищ истребил, а сколько дев и юношей развратил и сделал несчастными?!

Так говорила своему саднящему сердцу Зевса сестра и супруга, глядя, как ее пасынок с несколькими спутниками собрал почти все стадо и двинулся по направлению к Арголиде, уверенно завершая последний из объявленных Пифией 10 подвигов.

261. Геракл завершает службу, а Эврисфей пытается ее продлить

(Рассказ Иолая)

Иолай рассказывает, как Геракл пытался закончить рабскую службу после совершения последнего 10-го подвига:

– Наконец, после долгих и опасных странствий по малоизведанным землям мой любимый дядя пригнал коров на луга киферонские, где он убил первого льва и стал мужчиной, а теперь получил от людей прозвище Боагид (Быкогон). Как все это время разлуки я его ждал и мучился сердцем! Я вместе с глашатаем Копреем и другим народом встретил его у городских ворот. Дядя мой на этот раз не пожелал даже разговаривать с мерзким глашатаем, которого он в последнее время возненавидел еще больше, чем уродливого Эврисфея. Он прошел молча мимо Копрея прямо ко мне, долго обнимал меня и целовал. Потом мы с ним, оставив пастухов и друга дяди Темона со взором слишком уж томным, вдвоем погнали стадо без остановок до дворцовых ворот, прямо в обширный царский двор. Там дядя отдал вышедшему из чертога царю всех дивных красномастных быков и коров. При этом дядя, сдвинув к переносице свои очень красиво выдавшиеся вперед пушистые брови, веско сказал ничтожному владыке пеласгийских народов:

– Я прослужил тебе не 12, а почти 10 лет, но совершил за

это время все 10 предназначенных Пифией подвигов и потому отныне считаю себя от службы совершенно свободным. Закончилась моя рабская доля, конец и моим долгим скитаниям. Теперь я пойду в крепкостенный Тиринф и там буду жить, как гражданин равноправный и, надеюсь, что больше никогда не увижу ни тебя, ни глашатая твоего лупоглазого с перекошенными плечами.

Эврисфей телом хилый, но, я знаю, что он хитроумный, Он не стал спорить с Гераклом, он лишь криво усмехнулся, почесал свое большущее ухо и попросил дядю немного его подождать, сказав, что, когда он все обдумает, то сам объявит о своем решении ему и людям. Потом жалкий микенский властитель приказал Копрею людей на площади как можно больше собрать, и не был глашатай своему царю не послушен, долго кричал он, как оглашенный:

– Внемлите все, кто сейчас меня слышит и другим передайте – тем, кто не слышит! Царь сегодня желает вам важное что-то сказать! Ну-ка, скорее, микенцы и микенянки насиженные дома свои живо покиньте и все на рыночную площадь быстро идите! Не созывались давно у нас ни совет, ни собрание народа. Все сейчас собирайтесь на широкую площадь, чтоб там послушать, что наш царь объявить вам пожелает.

Земля под сходявшимся к площади людом тяжело стонала, стоял несмолкающий гул. Надрывался звонкоголосый вестник Копрей, тряся глашатайским жезлом и перекрывая всех

криком неистовым:

– Граждане, всякий шум скорей прекратите, если хотите нашего послушать царя, вскормленного Зевсом.

Когда люди, собравшиеся на городской площади, наконец, успокоились, заговорил Эврисфей, скипетр царский двумя руками держа, над которым искусник Гефест утомился, целую ночь проработав. Царь несколько раз тяжело вздохнул, а потом тонким своим голосом, словно заранее заготовленную скороговорку, быстро – быстро стал говорить:

– Исключительно справедливости ради 4 подвига из 10 Гераклу я не могу засчитать. Это убийство Лернейской змеи, очистка конюшен Авгия, а также похищение коней Диомеда и пояса Ипполиты. Все знают, что в трех из перечисленных подвигов сыну Алкмены помогали другие герои, а работу по очистке скотного двора Авгия всю за него сделали боги речные. Однако бессмертные боги решили, что совершение подвигов, это не просто служба Геракла, это еще и кара за тяжкие преступления, совершенные им, и потому все подвиги он должен был совершать сам, без помощников. И об этом я Гераклу заранее объявил, чтобы все было честно и справедливо.

Так сказал Эврисфей и в груди взволновал беспокойное сердце у всех, кто его слышал, но особенно – у моего любимого дяди.

262. Геракл просит Афину о справедливости

(Рассказ Иолая)

Всколебался на площади весь народ, словно огромные волны Понта Эвксинского, когда бурно они закипают от ветров Эвра и Нота, которые, ударив из облаков Зевса владыки, страшно колеблют волны морские.

Видно было, что некоторые посчитали решение Эврисфея не справедливым, и они взмахами рук и гневными криками выражали свое несогласие с царским постановлением.

Другие же, среди которых был и Темон, пастух, ставший на время дядиным другом, и которых было явное большинство, наоборот, были довольны таким решением царька аргонидского. Они, не жалея горла, кричали, что истинная справедливость превыше всего и что Геракл не зря стал великим героем и потому должен продолжать совершать так необходимые людям подвиги. Я лишь удивлялся тому, как неблагодарность людская может не ведать никаких пределов.

Дядя мой, конечно же, яростно возмутился, услышав, что Эврисфей ему не засчитывает не 2, как он до этого сам думал, а целых 4 подвига, и от такой несправедливости разъярился. Давно я таким его не видал. Белые зубы его скрежетали, как мельничные жернова; прекрасные синие очи из-под низко нависших пушистых бровей, потемнели, как ту-

чи перед самой грозой и вдруг засверкали, как молний всепожирающий пламень. Было видно, что могучее сердце ему – герою великому – раздирает тоска нестерпимая, когда он поднял руку и в наступившей тишине еще больше нахмурил свои низкие брови и, вздохнув тяжело, сказал, обращаясь к народу:

– Я вижу, что множество граждан толпится на площади города, и всем мила справедливость. Так выслушайте меня. Я уже смирился с тем, что микенский тиран мне не засчитает 2 подвига: убийство Гидры и очистку конюшен, но не засчитать целых 4 подвига! Это уж слишком несправедливо! В походы за конями Диомеда и Поясом Ипполиты мне было дозволено в помощь героев набрать. Эврисфей сам корабли снарядил для похода за поясом Ипполиты, а теперь отказывается этот подвиг зачесть потому, что мне помогали. Что молчишь Эврисфей?! Но Правды путь неизменен и всегда будет прям, куда бы ее ни старались неправосудием своим своротить нечестивые люди, даже, если скипетроносцы они. Я против такой вопиющей несправедливости буду и с царями бороться!

Я видел, как дядины руки сжались в кулаки и не заметил, как в них оказалась нестроганая дубина из дикой оливы. Я понял, что сейчас может произойти такое, о чем дяде придется потом сильно раскаяться и всем телом повис у него на правой руке, держащей дубину, и стал умолять, чтобы он ее бросил на землю, на что он мне голосом хриплым ответил:

– Как же мне хочется, Иолай, в разные стороны всех здесь разбросать и палицей разmozжить голову царя ненавистного. Если бы не эта охрана, плотной толпой окружающая Эврисфея, я бы убил его без всякой дубины, ударив в любое место его тщедушного тела голой рукой или, как цыпленку, двумя пальцами свернул бы его ненавистную тонкую шею. Но знаю: это убийство мне не простят ни люди, ни олимпийские боги.

Дядя мой бросил дубину и, ни на кого не глядя, стоял на агоре в окружении многих людей, на скулах его перекатывались желваки и опять, не переставая, сжимались и разжимались огромные кулаки. Наконец, с моей помощью, ему удалось взять себя в руки. Успокоившись, он воздел к небу свои прекрасные синие очи и стал шевелить беззвучно губами. Я уже давно каждое слово умел понять по его беззвучным губам и осознал, что он взмолился о помощи Афине-Палладе:

– Слух преклони, в моих трудах помощница дивная, дочь Эгиоха – Кронида, богиня неодолимая, мощная, мудрая. Часто ты мне во многих трудах помогала, но теперь мне твоя благосклонность еще больше необходима, и о ней я тебя умолю. Я не знаю, как мне спорить с царем, питомцем всемогущего Зевса, но и подчиниться ему не могу. Ничтожный Эврисфей с глазами собаки, ушами осла и сердцем оленя совсем обнаглел: не 2, а целых 4 безмерно тяжелых деяния он решил мне не засчитывать! Если в прошлом оказал услугу я бессмертным богам в битве с гигантами, то помоги мне Афина мирным путем достичь справедливости. Пусть боги, при-

звав Дике святую, вместе с нею рассудят, сколько мне еще подвигов тяжких надо свершить на службе у Эврисфея! Тебе ж в жертву годовалую белую телку с позолоченными рогами я принесу, под ярмом не бывавшую в жизни ни разу.

Потом мне дядя сказал, что тогда он в своей голове ясно услышал:

– Зевса отпрыск самый лучший из смертных, сама я о твоём продлении службы у Эврисфея беспокоюсь сердцем немало. Взволновало меня то, о чем говоришь ты, но ничего сразу мне не придумать. Но ты духом не падай, – ведь с тобою Паллада!

263. Афина жалуется Зевсу на Геру и Эврисфея

Мудрая Тритонида, только услышав мольбу своего подопечного смертного брата, сразу поняла откуда дует шквалистый ветер и, тут же, словно быстролетная молния, бросившись к Зевсу, ему быстро сказала:

– О мой родитель Кронид, из властителей всех наивысший! Ты сам поручил мне приглядывать за твоим сыном Гераклом, и сейчас я о том беспокоюсь сердцем немало. Очень волнует меня то, что Эврисфей, занявший, благодаря обдуманной хитрости Геры, место царя, предназначенное тобою Гераклу, совсем обнаглел, подстрекаемый злокозненной твоею супругой. Решил он, подстрекаемый Герой, Гераклу целых 4 подвига не засчитывать, чтобы еще, на много лет пролив его службу у Эврисфея, его погубить.

Громовержец от возмущения сморщил нос и скривил надменные губы, потом косматой потряс головой и зубами крепкими поскрипел так, что нетленный Олимп всколебался, как пьяный.

Когда же Отец всех бессмертных и смертных справедливым успокоился сердцем, запустил мощную пятерню в волны нетленных волос и, почесывая голову, Афине ответил неспешно и с большим раздраженьем:

– Бывает, Афина, что даже я не знаю, что делать! Ты муд-

рая дочь, но меня сейчас принуждаешь ссору с Герой затеять. Станет она опять растравливать меня бранною речью и средь богов с обвинительными словами на меня нападать, заявляя, что, помогая Гераклу, я рабов защищаю и царской власти я совсем не охранник, хоть сам же ее учредил...

В выпученных совиных глазах Афины промелькнула хитринка, и она вскричала:

– Отец! Внемли мне и подумай сам, не пора ли опять заносчивой нашей царице напомнить и указать, кто на Олимпе настоящий хозяин, заодно и другим небожителям, к высокомерию склонным, наглядный урок преподать?!

Так, хитрую пряча усмешку, воинственно заявила мужеподобная Афина, высокая, сильная с широкими плечами, грудью высокой и большими мощными руками.

Вместо ответа быстро власы благовонные вверх поднялись у Кронида вокруг бессмертной главы, и весь гулко затрясся Олимп многохолмный.

Зевс голосом, грому подобным, призвал уже перепуганную колебаньем Олимпа супругу. Сросшимися иссиня-черными двинул бровями Зевс Эгиох вправо и влево несколько раз, как он один лишь умел, лишь только Гера предстала пред ним. Волны нетленных волос на голове Громовержца косматой и на могучих плечах его опять взволновались, словно бурным прибоем вечно шумящее море. И Олимп, словно хребет широкодородного моря, опять всколебался, когда Зевс обратился к устрашенной его видом супруге с та-

кими словами:

– Ты, волоокая Гера, скоро узришь, как будет мой сын многомогущий еще исполнять 2 невиданных подвига. Я тебе позволяю самой их придумать. Однако после того, как речь я закончу, отправляйся к Эврисфею немедля, и сама ему укажи, что только 2 новых подвига еще должен исполнить Геракл. Так изначально своенравной Судьбой суждено, чтобы подвигов величайших всего было ровно 12, и я так желаю! Если вздумаешь хоть, что-нибудь возразить мне, то любые твои слова заранее в ничто я вменяю, невзирая на всю присущую тебе наглость! Даже не помысли слово мое ниспровергнуть! Если же в безудержной ненависти к Гераклу ты все же дойдешь до последних пределов..., то хоть ты и жена мне законная, я на 12 лет низвергну тебя в Тартар глубокий и узнаешь, как там без ветра и света живут не покорившийся мне титан Иапет и его сын строптиво – надменный Менетий. И все божества, сколько есть на великом Олимпе, тебе не помогут! И Ткачиха бесстрастная из-за тебя ткать по-другому свою пряжу не будет, ведь милый ее сердцу порядок я не нарушу. Так, что ты и сама понимаешь и знаешь – если что я вещаю, то все непреложно исполню.

Мудрая Афина заметила лукавый блеск в очах родителя милых, когда он Тартаром супругу пугал.

Гера же ничего не заметила – страх неопиcуемый сердцем всецело ее овладел. Быстро бросилась она к своей искусно сделанной колеснице, запряженной павлинами, и изо всех

сил их хлестнула бичом. Не привычные к боли, не лениво полетели красавицы-птицы, между широкодорожной землей паря и усеянным звездами небом. Оказавшись у микенской стены киклопической кладки, высокой, с зубцами, удержала павлинов белокурая Гера, быстро их отпрягла, и туман вокруг птиц разлила непроглядный.

264. Эврисфей назначает еще 2 подвига

Резво царица богов на попутных воздушных потоках принеслась к Эврисфею на городскую широкую площадь и, став позади него, обеими руками больно схватила его за длинные уши, видима и слышима только ему, никому же из прочих незрима. Тихо, но внятно отчетливым голосом строго сказала белорукая Гера послушному ей Эврисфею начала в одно ухо, а потом для верности – в другое, что не 4, а только 2 подвига Гераклу следует не засчитывать.

И тут же умчалась, погоняя павлинов, богиня с потрясающей взор диадемой – символом царской власти и украшением дивным в виде расправившей крылья кукушки брильянтовой в пышных рыжевато белых власах. Она устремилась к дальним пределам земли даровитой, чтобы увидеть отца Океана седого и плодовитую мать Тефису, своих приемных родителей. Боги эти прятали ее перед всеокрушающей титаномахией, амбросией питали ее, поили нектаром и лелеяли в собственном доме, взяв ее из Стимфала, когда она была еще девочкой маленькой и воспитывалась благопристойным Теменом, сыном Пеласга. Знала она, что всегда называть они ее будут самой почтенной и милой и потому всегда отходила к ним, когда ей на сердце ужасно тоскливо бывало. Правда, Зевсу в таких случаях она всегда говорила, что едет

мирить своих престарелых приемных родителей, вместе со спутницей Пейто убеждать их ласковыми словами своими не ссориться больше, а соединиться во всепрощающих любовных объятиях на пурпурной общей постели:

– Я всегда их прошу жить в полном и дружном согласии. Ведь нет ничего ни прекраснее, если муж и жена в любви и в полнейшем мире и дружбе дом свой вместе ведут – на радость друзьям, а врагам в огорченье. Больше всего ж они сами от этого чувствуют настоящее счастье.

Так говорила Гера супругу, а думала она при этом не о своих приемных родителях, а о себе и о Зевсе.

Между тем, мало, что понявший из слов Афины, Эврисфей, тем не менее, догадался быстро сделать милостивое лицо и после уже с притворной улыбкой объявил и Гераклу, и всем гражданам, собравшимся на рыночной площади:

– Однако, я еще не все сказал, что хотел, микенцы и микенянки! Геракл сказал, что согласен с тем, что я не засчитаю ему 2 подвига, он сам считает, что так будет справедливо. Пусть будет так!

Микенцы стали кричать, что их царь самый лучший потому, что он справедливый, а это самое главное в жизни людей. Довольный Эврисфей продолжил свою речь и громко, чтобы все слышали, обратился к Гераклу:

– Я бы, и все подвиги тебе засчитал, но помощь Июлая в убийстве Гидры и помощь речных богов в очистке конюшен Авгия простить я никак не могу, ведь без них ты не смог

бы эти подвиги совершить. Граждане, вы согласны, что царь, который некоторым подчиненным все прощает – несправедливый правитель. Потому ты должен совершить у меня на службе еще только 2 подвига, и всего их будет 12, и это для тебя совсем не беда, а гражданам нашим еще будет польза.

– Я ль на твоей службе не успел ко всяческим бедам при-
выкнуть! Так, что эта новая беда, что ты сейчас выложил
предо мною, как ты сказал, совсем не беда, она нисколько не
больше других, прежде мною преодоленных. Была бы лишь
моя необорная сила в теле моем и в руках, и дух оставался
таким же могучим, и по-прежнему бессмертная слава еще
быстрее будет гнаться за мной.

Сказал, глядя надменно на Эврисфея, Геракл, презри-
тельно скривив нос и губы.

265. Коварные яблоки Гесперид

Некоторые говорят, что самым трудным подвигом Геракла на службе у Эврисфея стал его 11-й подвиг. Согласно приказу Эврисфея, он должен был отправиться на край света к древнему титану-исполину Атланту, который держит на плечах небесный купол, и принести три золотых яблока из его бывшего сада, который охранял стоголовый дракон Ладон и сладкоголосые Геспериды – дочери вечерней звезды Геспера и сумрачной Нюкты, богини столь же таинственной, сколь древней.

Гесперид называют так же Атлантидами потому, что они живут там, где Атлант держит небо, и потому, что они охраняют бывший сад Атланта. Некоторые называют отцом Гесперид Атланта, хотя из общего имени следует, что их родитель Геспер. Большинство говорит, что Гесперид было четыре: Эгла (сияние), Эрифия (красная), Гестия и Аретуса.

Яблоки из сада Гесперид, названные золотыми за цвет, росли на особенном дереве, которые некоторые называют древом жизни. Это дерево вырастила всеобщая праматерь Гея-земля в подарок своей царственной внучке Гере в день ее долгожданной свадьбы с родным братом Тучегонителем Зевсом.

Говорят, Гера, чтобы вновь обрести девственность не только омывается в священном источнике Канаф у города

Навлии, но потом обязательно вдыхает от своей дивной яблони чудодейственный запах золотых яблок, который похож на благоухание амброзии и нектара. Вдыхание аромата золотых яблок придавало и без того прекрасному лицу Геры особую невыразимую прелесть, а телу – неистощимое здоровье и дивную красоту совсем молодой женщины, чуждой всяких пороков.

Получив от Эврисфея задание похитить яблоки с кожей золотистого цвета из какого-то отдаленного сада, Геракл сначала был приятно удивлен простотой и легкостью этого подвига, ведь такие труды по плечу и обычным мальчишкам, любителям лазать за яблоками в чужие сады. Однако все оказалось не так просто, и легким этот подвиг лишь поначалу казался.

Вскоре сын прекрасноволосой Алкмены осознал, что, чтобы добыть особенные яблоки из сада Гесперид, нужно было, хотя бы, знать, где находится этот сад. Расспросив множество людей, герой, упорный в любых испытаниях, узнал, что сад Гесперид находится на самом краю вечерней земли. Там древний титан-исполин Атлант держит на могучих плечах непомерную тяжесть – твердый купол огромного неба, которое долго лежало на земле после того, как Крон оскопил Урана.

Однако никто из опрошенных не ведал, где находится этот вечерний край земли, а о самом саде Гесперид в то время существовало больше легенд, чем достоверных знаний.

Некоторое время Геракл ожидал, что Афина, на помощь которой он надеялся и на этот раз, расскажет ему о том, где находится этот сад легендарный, но богиня упорно не появлялась, словно совсем забыла о нем и на молитвы его не отвечала никак.

Герой продолжал расспрашивать всех, особенно чужеземцев, и один прорицатель ему рассказал, что золотые яблоки из сада Гесперид – это совершенно не обыкновенные плоды, не имеющие ничего общего с обычными яблоками. Особенность золотого цвета этих яблок заключалась в том, что они, якобы, давали (или возвращали) цветущую молодость, и телесную силу многократно приумножали. Однако это не давало повода радоваться их обладателям, ибо эти яблоки Гея-земля, умеющая быть и коварной, сделала такими, чтобы они давали вечную молодость и необыкновенную силу не всем, а только древним богам, к которым принадлежала она сама и ее самые первые чада – титаны первого поколения.

Гераклу никто не сказал, что яблоки Гесперид могли и отнимать силу, если их вкушали не те, для кого они предназначены были. Даже просто владеть этими яблоками было опасно, ибо они могли вызывать тяжелые неизлечимые болезни, как телесные, так и безумие. При этом, была и другая опасность: завладев яблоками Гесперид, и избавиться от них было не просто... Поэтому этот подвиг, показавшийся поначалу Гераклу таким легким и простым, на самом деле оказался самым трудным и опасным из всех до сих пор им

совершенных. Герой, готовясь к походу в сад Гесперид, многого не узнал о необычных свойствах дивных яблок, ибо все о них знала лишь сама Гера, да ее бабка широкогрудая Гея.

Именно ревнивая Зевса супруга, любуясь в полированной меди огромного щита своим отражением в тиши своей спальни задумала этот коварный подвиг, беседуя так со своим добродетельным сердцем:

– Конечно, я надеюсь, что пасынок мой, только лишь силой могучий безмерно, никогда не найдет сада Гесперид, находящегося на самом крае земли. Ему не хватит ума и умения, и остаток жизни он проведет в бесплодных поисках края Атланта, и в конце концов сгибнет, не оставив следов, где-нибудь в безжизненных ливийских пустынях. Если же какой-нибудь бог найти сад с моей яблоней ему и поможет, то он не сможет похитить плодов с нее потому, что их охраняет не только страшный стоглавый дракон Ладон, но и коварные Геспериды, которые своим сладким голосом так усыпляют, что смертный человек может никогда не проснуться. Если же Геракл все же похитит чудодейственные яблоки, и при этом останется жив, то они же его и погубят. Он не сможет от них даже избавиться, и они одной своей близостью лишат его не только чудовищной силы, но и самой жизни, как губит ядом людей погибельный мор. И тогда, наконец-то, справедливость восторжествует – не будет он больше, как свой родитель, с помощью своей чудовищной силы вытворять, что захочет!

Геракл, между тем, отправившись в путь наугад, продолжал расспрашивать всех о дивном саде в земле гесперийской. Одни говорили, что Геспериды жили в северной земле гипербореев, другие же утверждали, что сад Гесперид Атлант разбил на Атласских горах в Мавритании.

Некоторые посылали героя за извилистым потоком Океана – омывающей крайние пределы обитаемой земли мировой реки, на остров, лежащий у мыса под названием Западный Рог неподалеку от эфиопских Гесперий, что на берегах знойной Ливии, где правил могучий Антей. Туда-то и направил свои стопы отпрыск прекрасноволосой Алкмены и Зевса.

266. Антей, убивающий чужестранцев

Ливийский владыка Антей был сыном Посейдона и всеобщей праматери Геи-Земли. Он унаследовал от отца огромный рост, а от матери – громадную телесную силу, возобновляемую от прикосновения к ней.

Согласно Филострату Старшему, Антей был похож на какого-то дикого зверя, как длиною тела, так и его шириной; шея у него вросла в плечи, мощные руки и плечи заведены назад, обозначая тем свою огромную силу. У него был очень крепкий живот, как бы выкованный из железа; его кривые, мощные ноги свидетельствуют лишь о силе Антея и показывают, как грубо сколочен он и что нет у него ни настоящей красоты, ни изящества тела. Кроме того, Антей был еще и черным, так как солнце своими особенно жаркими здесь лучами окрасило его в этот цвет.

Марк Анней Лукан пишет, что Антей жил в пещере, вход в которую под высокой гранитной скалою скрывался. Ложем для сна не служили ему звериные шкуры, спал не на мягкой листве, но силы свои подкреплял он, лежа на голой земле. Львов, говорят, голыми руками он убивал и ими питался. Поэтому много путешественников через равнины Ливийские в поединках с ним гибли, страдали и чужестранцы, которых на парусных кораблях ветра пригоняли. Долго, в геройстве своем Земли презирая подмогу, падать Антею не

требовалось: он всех и так побеждал неизменно, хоть и стоял только лишь на ногах.

Жена Антея еще очень красивая Ифиноя родила ему не совсем чернокожую, а смуглую дочь чудную видом, и, как многие говорят, на цветущий колос златоувенчанной ее юности польстился бы каждый жнец. Как только дочь достигла брачного возраста и к ней посватался первый жених, Антей со зловещей улыбкой объявил громогласно, а тысячеустная молва разнесла его слова повсеместно:

– Всяк меня да услышит, хоть стар он будет, хоть молод! Тех, кто сватать желает мою миловидную дочь, я на честную открытую борьбу вызываю. И да будет для нас уговором то, что я теперь возглашу, а Зевес Горкий (Хранитель клятв), пусть свидетелем тому будет! Коль жених сможет спасительной победы надо мною достичь, Зевс и Евклея наградят его доброй славой, и милую деву тогда уведет он в отчую землю, за нее ни круторогих коров, ни коней быстроногих в пышное вено из отчих не выдав чертогов. Если ж победа будет за мной, то жених пусть не обижается – с головой ему навсегда придется расстаться и в недра земные без нее навечно спуститься.

Невинную дочь, одетую в традиционный убор невесты, состоящий из белого пояса, сотканного из тончайшей овечьей шерсти и покрывала красного и желтого цвета на голове и лице Антей ставил у предельной черты, за которой начиналось его состязание с женихами.

Сладкоголосый Пиндар поет, что женихи прекраснокудрой дочери Антея состязались с ним не в борьбе иль в кулачном бою, а в споре ног. И тогда-то Алексидам, в быстром вырвавшись беге, милую деву взял за руку и повел сквозь конные толпы номадов. А они новобрачным сыпали листья и несли венки, ибо крылья многих побед бились у него за плечами.

Отдав дочь замуж Алексидаму, ливийский царь не прекратил своих поединков. Вошедший во вкус состязаний дикий духом Антей, обуреваемый чрезмерной гордыней, и знать не желающий правды, вскоре оглушительно возвестил:

– Отныне все путники-чужестранцы, оказавшиеся на моей земле, должны бороться со мной, и побежденный тут же будет лишаться головы путем ее отсечения изоострым мечом.

Чернокожий великан обладал огромной телесной силой и к тому же был искушен в борьбе и кулачном бое, которым занимался с раннего детства. Поэтому ливийский царь, рожденный олимпийским богом и древнейшей богиней, всех без труда побеждал. Ливия, считавшаяся до пожара, учиненного юным Фаэтоном, матерью диких животных, была для многих путников проходной страной. Поэтому нечестивое дело сбора отрубленных голов пошло намного быстрее, и Антей начал покрывать храм своего отца Посейдона появлявшимися в большом количестве черепами побежденных. Принося чужеземцев в жертву Посейдону, он считал, что отцу доставля-

ет большее наслаждение человеческая плоть, чем мясо традиционно любимых им черных быков и лошадей.

Так продолжалось до тех пор, пока в поисках сада Гесперид в Ливии не оказался Геракл. Хотя, согласно Марку Аннею Лукану, в пределы ливийские прибыл мощный духом Алкид потому, что прослышал о кровавой беде, ждавшей путников в царстве Антея, и решил восстановить справедливость.

267. Встреча Геракла с Антеем

Герой по привычке, появившейся после битвы с лигурами, не стал испрашивать разрешения на проход, в котором надо было объяснять причины похода и договариваться об оплате, он только попросил у подданных Антея, встретивших его на самой границе страны, узнать у правителя ответ на один лишь вопрос:

– Будет ли царь Ливии Антей дружелюбен или враждебен к Гераклу во время прохода по его стране?

Геракл очень хотел взять на поиски сада Гесперид возлюбленного племянника, и тот пылал стремлением отправиться с ним, но герой побоялся, что Гера с Эврисфеем и этот подвиг могут не засчитать и не взял с собой Иолая. Однако без юного спутника – друга Геракл долго обходиться не мог, ведь требуется и героям общение.

На острове 100 городов к отпрыску Зевса пристал любящий путешествия длинноволосый юноша по имени Алкон, который, несмотря на молодость, был уже знаменит, как лучший лучник на Крите. Он был высокого роста, широкоскулый, юношеский золотистый пушок у него только-только превратился в красивые светлые усы и бородку.

Алкон говорит, что после поединка с Антеем, Геракл, вторгаясь в чужую страну, стал спрашивать:

– Как бы, правители, вы хотели, чтобы я прошел через

вашу страну, как друг или как недоброжелатель?

О встрече Геракла с Антеем Алкон, гордящийся тем, что в поисках сада Гесперид много месяцев сопровождал величайшего героя Эллады, так любит рассказывать:

– Мы с моим новым другом – мужем прекрасным и величайшим героем всей обитаемой суши, устав от палящего зноя, как-то спали в прохладной пещере, находящейся в нескольких парасангах от города Танжер, основанного, как говорят, самим Антеем. И тут нас разбудил громкий голос вестника, объявивший, что к нам пожаловал сам ливийский владыка со свитой и, чтоб мы из пещеры скорей выбирались.

Выйдя на свет, мы увидели небольшую толпу людей, среди которой выделялся очень высокий могучий чернокожий атлет в одной набедренной повязке пурпурного цвета, под гладкой кожей которого, словно у молодой пантеры, перекачивались мощные мышцы. Удивительным был светлый почти пепельный цвет коротких курчавых волос на голове Антея, который необычно выделялся над его черным лицом.

Когда мы вышли из пещеры на свет еще не вполне отошедший от сладкого сна Геракл мне тихо сказал с легкой улыбкой:

– Алкон, мой новый любимый соратник! Посмотри хорошенько зоркими своими глазами лучшего критского лучника, тебе не кажется, что там над всеми возвышается сам Антей, и его светло-серая голова лишь чуть-чуть ниже пальм? Как ты думаешь – он явился, чтобы меня встретить госте-

приимно и лично на небывалый пир пригласить?

Еще не зная характер Геракла, по его спокойной улыбке, я догадался, что он встречей доволен и совсем не жаждет крови противника, который сам для встречи явился к нему. Мне показалось сначала, будто он забыл, что мы слышали об Антее, заставлявшем чужестранцев бороться с ним и убивавшем их на поединках, однако из его речи я понял, что это не так.

Проявив вежливость, на какую он только был способен, Геракл, расправив могучие плечи и приподняв прекрасную грудь, стал приближаться к Антею, очень похожий на мощного льва, которого страстно хотят селяне убить всей деревней. Сначала идет он величественно, как ему подобает, он, как бы всех презирает. Когда же лучник в него пустит стрелу или копьем его попытается ранить охотник, он приседает, разинув рычащую пасть, бедра себе и бока бичует хвостом, так возбуждая себя на сражение с врагом. Потом прыгает, ярости полный, вперед, сверкнув грозно глазами, любого, чтоб растерзать. Так же, пока спокойно Геракл подошел к Антею и с достоинством ему молвил:

– Знойной Ливии царь, великий Антей! Много слухов различных Молва о тебе по свету до любопытных ушей доставляет. Те неверной той болтовней спешат поделиться с другими, так разрастаются границы неправды, ведь каждый еще от себя вдобавок что-нибудь измышляет. Я не знаю какая неизбежность привела тебя сюда для встречи со мною. Но

раз сам ты явился, я, сын великого Зевса и царицы Алкмены, удобным пользуясь, случаем, прошу у тебя разрешения страну твою пересечь и согласен за проход заплатить разумную плату.

Антей, сдвинув светлые редкие брови на черном лице с носом мясистым, как у кентавра, демонстративно преградил нам путь и возгласил хриплым голосом, раскатам небесного грома подобным:

– Слушай, смертный сын Громовержца, что надлежит тебе знать! Мной здесь уж давно установлено так, что никто из мужей чужеземных, если в мою Ливию прибыл, через нее не пройдет и назад не вернется, прежде чем руки свои в борьбе не скрестит с руками моими. Обычай этот старинный угоден богам, и сейчас поединок смертельный тебе предстоит, и он станет в твоей жизни последним. У тебя маленькая голова по сравнению с телом, но и такая годится для украшения отцовского храма.

Я видел, как от таких нагло-самоуверенных слов Геракл весь задрожал, грудь его стала часто вздыматься, локти немного согнулись, а пальцы сжались в кулаки. И было от чего ему волноваться и гневаться. Вместо добродушия и гостеприимства, которого сам охраняющий чужеземцев Зевс Ксений требовал от всех хозяев, встречающих чужеземцев, мы столкнулись с вызовом на смертельный поединок и угрозами. И все же мой новый друг, величайший герой всей Эллады, нашел в себе силы пылающий гнев обуздать, и он спо-

койно ответил Антею с холодным презрением:

– Не хвались раньше времени, властитель ливийский. Еще не известно для кого из нас поединок будет последним. Путь мне больше не преграждай. Я теперь сам никуда не уйду, даже, если попросишь, не в породе моей, чтоб уклоняться от поединка.

Геракл скинул львиную шкуру, оставшись в одной короткой повязке, чуть прикрывавшей большие прекрасные бедра. На широкой груди двумя мощными пластами лежали выпуклые грудные мышцы, под которыми виднелись рельефные мышцы его бесподобно красивого живота. Шея у него, как у быка, с коротким затылком, могучие плечи и руки – все дышало необыкновенной силой и мощью, и, конечно, особенной красотой, от которой у меня тогда просто дух захватывало.

Мой друг, как я много раз слышал, был самый знаменитый в Элладе борец. Он, желая соблюсти олимпийской палестры обычай, перед борьбой натер свое прекрасное тело благоуханным елеем, делающим его скользким и потому менее доступным для захватов противника. Справедливости ради, он предложил свой небольшой котиле с маслом Антею. Спесивый ливийский владыка, презрительно посмотрел на Геракла и неожиданным быстрым ударом ладони выбил сосуд из его рук на землю, затем небрежно посыпал свои кривые темно коричневые колени и икры сухим горячим ливийским песком.

Потом, уже после поединка я понял зачем он на ноги сыпал песок. – Антей, боясь одной лишь стопой материнского лона касаться, сыпал ноги песком на тот случай, если его прикосновение к земле через ступни ног, имевшие малую площадь, окажется недостаточным. Геракл до поединка тоже не знал тайны Антея и был удивлен таким необычным приготовлением противника к борьбе, но еще больше он был разозлен дерзким высокомерием противника и наглым ударом по его котиле с маслом. В потемневших глазах моего великого друга грозно зажглась благородная ярость всепобеждающего огня.

268. Геракл душил Антея в поединке

Вначале борьбы мой друг, великий Геракл и бессмертный по рождению сын Посейдона и Геи, казалось, были равны по силе. Они, мощными обхватив друг друга руками, начали кружиться по знойной пустыне, поднимая тучи песка, затмевавшего ливийское палящее солнце. Долго, но тщетно они друг другу то бока, то шеи сжимали, крепко руками они подмышки обхватывали друг друга слева и справа и застывали, напоминая стропила из толстого бруса в кровле двускатной высокого крепкого дома; равенство их сил всех нас, наблюдавших за поединком, очень дивило.

Анте́й был телом крупнее моего прекрасного друга, и несколько раз ему удавалось схватить и поднять его над песчаной землей, но тот, благодаря елейному маслу на теле и борцовской ловкости, всякий раз ускользал из могучих объятий противника.

Однако вскоре стало ясно, что сила Геракла мощнее. Он несколько раз поднимал над собой противника и было видно, как, поднятый над землею, тот быстро слабеет. Потом многомощный мой друг, что есть силы, бросал Антея на землю так, что было слышно, как у того ребра и позвоночник трещат, словно сухие сучья в бурно пылавшем костре. Однако песчаная земля всякий раз живо пот поглощала, Анте́й быстро восстанавливал силы, его жилы тотчас наливались кро-

вью горячей, мышцы становились упругими вновь, крепили и руки, и ноги. Так было несколько раз, вместо того чтобы испустить дух и покрыться черным облаком смерти, Антей, необычайно быстро сумев отдохнуть, вскакивал с земли, на удивление всем, становясь еще сильнее.

Мой друг, как и я, милым чувствовал сердцем, что здесь что-то не так... Не может борец так быстро отдыхать от тяжелой борьбы и вскакивать с земли, словно и не боролся и, будто его не кидали на землю так, что все кости трещали.

Потом Геракл откровенно мне рассказал, что подумал, будто и без того могучему ливийскому царю помогают бессмертные боги и ужаснулся от мысли такой. Однако во время того поединка страха, охватившего его, я не заметил, но видел в его глазах лишь безрассудную ярость. Я увидел, как он вновь собрал все свои силы так, что вены, как голубые веревки вздулись на его лбу, на шее, на руках, на всем его теле прекрасном и, подняв чернокожего великана, он бросил его на землю так мощно, что у того затрещал позвоночник, и страшно захрустели сломанные кости, так трещит большое дерево, когда его буря совсем ломает и крону бросает на землю.

Я твердо уверен, что не может быть такого борца, который после такого удара о землю сам бы смог – нет, не встать – хоть чуть-чуть над землей приподняться! И Антей, ясно я видел, вначале не мог даже пошевелиться, но потом пальцами здоровой руки начал он нежно гладить хлебодарную зем-

лю. Он гладил и гладил землю пальцами обеих ладоней, потом перевернулся на живот и стал ласково целовать ливийский песок и еще через несколько мимолетных мгновений вдруг легко вскочил и, как ураган набросился на Геракла. Я просто оторопел от того, что дикий ливийский силач, как будто и не лежал только, что, словно мертвый, со сломанными костями и позвоночником и вдруг вскочил и со свежими силами опять стал бороться.

Геракл, увидев, как почти убитый им противник, немного полежав на земле, вдруг опять вскочил и со свежими силами накинута на него то ли от бессилия, то ли от непонимания, как такое возможно, глухо завыл, а потом зарычал, словно раненый лев.

Великан схватил изнуренного поединком Геракла за шею и принялся что есть силы душить. По могучему телу моего друга струились остатки елеса, смешанного с потом обильным, но и они не давали ему выскользнуть из железного захвата умелого и мощного противника. Я видел, что глаза голубые моего друга плотной пеленой покрылись и очень за него испугался и хотел даже схватить лук и пустить в Антея стрелу, но сдержался потому, что увидел, как прекрасное лицо Геракла хищная обезобразила улыбка, даже не улыбка, а настоящий звериный оскал.

Я давно уже слышал, что такой оскал – верный признак умножавшего силу Геракла неистового бешенства, из-за которого он погубил своих сыновей от Мегары. Сейчас же при-

ступ ярого бешенства был ему необходим, как живительный воздух для тонущего пловца. Он потом мне рассказал, что в этот миг почувствовал одновременно и силы бурный прилив, и яркое, словно бесшумная молния, озарение в окружающей сплошной темноте – он понял, что от прикосновенья к земле черпал силу его противник и решил больше матери Гее его не доверять. Он не стал освобождать свою голову из захвата и, схватив за бедра Антея, приподнял их немного вверх, чуть оторвав от земли великана.

Противник явно не ожидал этого и даже ослабил захват. Тогда Геракл из последних сил взметнул вверх Антея и стал держать его высоко над собой на руках. Великан сразу же стал бешено вырываться, но мой друг уже знал, что ему делать и продолжал держать Антея высоко над землей, и через некоторое время прекрасные глаза его счастливо заискрились потому, что противник дергался все слабей и слабей.

Прошло немного времени и вконец утомленный Антей, которого Геракл продолжал держать в воздухе, не давая ничем касаться земли, напоминал не того грозного владыку, что надменно нам путь преградил, а безжизненный обрубок черного толстого дерева, не имеющего ни духа, ни сил дальше сопротивляться. Земля-великанша не могла уже больше неисчерпаемую силу из своих недр необъятных перелить в умиравшего милого сына. Уловив нерешительный взгляд Геракла, я понял, что он не хочет Антея жизни лишать, но и

отпустить на землю боится, и действительно, тут противнику он тихо сказал:

– Я подарю тебе жизнь Антей, и предлагаю вечную дружбу, но ты должен пообещать прекратить убивать чужестранцев.

Великан, утративший громогласность, слабым голосом отказался:

– Увы, доблестный сын Громовержца. Щедрый твой дар и бескорыстная дружба не для меня. Я не могу нарушить волю бессмертных богов, приказавших мне через свои владения никого не пропускать еще в те времена, когда боги с титанами бились. А вчера тот приказ подтвердила сама златотронная Гера. Если отпустишь на землю меня, то мы поединок продолжим опять, пока ты не умрешь или меня не убьешь!

И вот Геракл, оказавшийся в безвыходном положении, держа над собой обессиленного великана по-прежнему в воздухе, стал сжимать ему горло своими жесткими четырьмя пальцами правой руки, пятый самый маленький палец он потерял в другом поединке – с каменнокожим львом из Немеи. Вскоре я увидел, что дух Антея тело оставил, и в очах его непроглядная тьма разлилась и сказал об этом Гераклу.

Поединок окончился, в исходе которого я несколько не сомневался, ведь сила Геракла несокрушима, и могучеством он всех превзошел. Так лев побеждает своею мощною силой вепря огромного, сойдясь с ним на узкой тропинке в схватке смертельной за ключ маловодный, когда хочется пить им

обоим, и щетинистый вепрь, грозно лязгающий клыками, все ж побеждается львом многомошным. Так и убившего многих Антея, Посейдона и Геи храброго сына, радостной жизни лишил друг мой Геракл силой и духом могучий безмерно.

269. Геракл сходится с Ифиной и преобразовывает Ливию

Говорят, когда рассмотрели тело Антея сразу после поединка, то увидели, что оно так истощилось, что стало костлявым и совершенно сухим, как египетская мумия. Антей, как сын олимпийского бога и древней богини был бессмертным, и после поражения от Геракла из него выделилась пенящая вода, похожая на морскую пену, покрывавшую поверхность влажных владений его отца Посейдона.

С тех пор, как Геракл победил Антея, Ливия, большая часть которой была безжизненной пустыней после огромного пожарища, устроенного неразумным сыном Гелиоса Фэтоном, стала более благоприятной для человека. Это случилось благодаря появлению на жгучих песках Ливии Антея в виде морской пены, а в том месте, где сын Посейдона превратился в пенящую воду, образовался огромный оазис.

Измученный тяжелой борьбой, Геракл позволил себе краткий отдых, чтоб всласть отоспаться и вдоволь наестся. Весь день, следующий после поединка с Антеем, он пировал со своим новым спутником, сразу ставшим ему возлюбленным другом Алконом и предавался самой возвышенной с ним любви. Герой был уже не очень молод, и бывшие шрамы давали о себе знать, особенно сильно ныл несуществующий палец, откушенный львом из Немей, а потом у него разболе-

лась нога, укушенная Раком Каркиным, когда он сражался с Гидрой на Лернейском болоте.

Когда Геракл отдохнул и уже собрался продолжить свой путь, от царских слуг он узнал о Ифиное, бывшей жене, а ныне вдове Антея и очень ею заинтересовался, как только услышал, что она удивительно хорошо женскую красоту сохранила.

Красавица вдова бежала из дворца и, страшась обращения в рабство, спряталась, узнав от слуг о неожиданной смерти любимого мужа, и Геракл целый день искал ее всюду. Однако он был во всяком деле настойчивый, и потому нашел Ифиною, спрятавшуюся в густых непроходимых кустах по голосу, когда она горестно там восклицала:

– Сегодня есть ли на земле женщина, несчастней меня? Супруга моего милого нечестивый Геракл убил. Я ж, дочь родителей, не знавших невольничьего ига, увя, теперь стану презренной рабыней. Нет больше сильного мужа, который льющую горькие слезы, меня, защитил бы от позорного рабства.

С Гераклом Ифиноя разговаривать отказалась, и тогда он послал к ней Алкона. Черноглазый юноша, украшенный первой бородкой, с открытой, доброй улыбкой долго ее уговаривал выйти, заверяя искренним голосом, что Геракл совсем не злодей, и рабство ей не грозит, наоборот, он позаботится о ней, как о своей жене и не причинит никакой обиды, и она вышла, чтоб через 9 месяцев родить от доблестного героя

сына.

Ферекид говорит, что после убийства Антея Геракл сошелся с его женой Ифиной и породил Палемона, названного в честь Алкида, имевшего прозвище Палемон до того, как его стали звать Гераклом.

Другие же, как Плутарх, говорят, что Геракл предавался забавам любви с вдовой Антея, по имени Тингис, которой поклонялись туземцы берберы, и та родила ему сына Софакса, который стал царем этой страны и дал основанному им городу имя своей матери Тингис (Танжер). Сын Софакса Диодор покорил много африканских племен с помощью греческого войска, набранного из числа микенских колонистов – ольвийцев и микенцев, которых поселил здесь Геракл. От этого Диодора произошли все цари берберов.

Диодор Сицилийский говорит, что, одержав победу в поединке с Антеем, Геракл, Ливию сделал более благоприятной для жизни, истребив многих хищных животных, вследствие чего здесь стало возможно заниматься земледелием, выращивать плодовые деревья и разводить виноград и маслины. Равным образом осчастливил он и ливийские города, убив попиравших законы людей и исполненных непомерной гордыни властелинов.

Филострат Старший говорит, что сразу после победы над Антеем, на Геракла напало полчище пигмеев. Они утверждали, что являются родными братьями царя Ливии, ибо, как и он, землей рождены. Они решили напасть на Геракла и убить

его, когда он заснул утомленный борьбой с Антеем. И вот огромное войско пигмеев окружило спящего Геракла. Одни напали на левую его руку, другие – на правую, обе ноги отпрыска Зевса тоже были осаждены. Особенно тщательно пигмеи атаковали голову героя, пытались зажечь волосы, выколоть глаза своими крошечными вилами, рот хотели закрыть крепкими воротами, а нос – двумя плотными дверями, чтобы Алкид задохнулся. Тут Геракл проснулся, сначала расхохотался над возникшей мнимой опасностью, а потом, собрав голыми руками большинство маленьких злопыхателей, положил их в львиную шкуру и, унес, но потом выкинул, как надоедливых насекомых.

270. Похищение Гесперид, вызвавшее засуху в Египте

После убийства Антея Геракл прибыл в Египет, где царствовал Бусирид (Бусирис), который предавал беспощадной смерти всех прибывавших в эту страну чужеземцев, кроме торговцев, доставлявших многие необходимые для приятной жизни товары.

Некоторые говорят, что этот Бусирид был сыном Посейдона и нимфы Лисианассы (Ливия), дочери Мемфиды от чернокожего Эпафа, рожденного Зевсу юной Ио, аргивской жрицей Геры. Лисианесса родила Посейдону двух знаменитых сыновей: Агенора, будущего царя Тира в Финикии и Бела, будущего правителя нижнего Египта.

Исократ написал большую речь в защиту Бусириса: Имея столь великих предков, он в этом одном не усматривал еще повода для гордости, но решил, что ему надлежит – оставить на вечные времена память и о собственной доблести. Подчинив себе множество людей, он приобрел величайшую власть, став царем древнейшей страны Египта.

Несмотря на кажущееся благочестие, Бусирис был очень похотлив. Однажды один торговец, не скрывая восхищения, рассказал ему о четырех Гесперидах – дочерях вечерней звезды Геспера и чернокрылой Нюкты:

– Сам я не знаком с Гесперидами, но от других слышал,

что это совершенно необычные девы, они все женское племя своей красою затмили. Ни на одну из сестер мужчина не может спокойно смотреть, у него сразу непреодолимое возникает желание обнимать, целовать и ласкать этих дев на брачной постели. Вдобавок одна из Гесперид по имени Эгла на четырнадцатиструнной кифаре чудно бряцает, Эрифия виртуозно играет на флейте, а остальные две сестры грациозно танцуют и божественно поют, подобно Музам иль Грациям, вместе с сестрами Эглой и Эрифией.

Царь пожелал, во что бы то ни стало, затащить на свое ложе всех четырех Гесперид и послал за ними по широкодорожному морю нанятых им пиратов – умелых, жестоких и хитрых морских разбойников, приказав за щедрое вознаграждение похитить и доставить к нему прекрасных гесперских девушек.

Некоторые говорят, что из-за решения Бусириса нанять разбойников для похищения дочерей Нюкты, древняя Ночь наслала на его царство страшную напасть, надолго лишив страну дождей. Нюкта подала этим царю знак, чтобы он быстро отозвал разбойников, однако царь знака Ночи не понял, и несчастье из года в год стало преследовать его страну. В течение восьми лет подряд стояла такая ужасающая засуха, что на девятый год пересох даже великий Нил, кормивший и поивший весь Египет. Это было ужасное бедствие, страшнее которого нельзя было вообразить, ведь Египет называли еще «Даром Нила». Даже чадолюбивый отец Буси-

рида Посейдон-Земледержец ничем не мог помочь милому сыну. Колебатель земли выбил своим огромным трезубцем несколько источников с водой, но эта вода была морской и потому слишком соленой и не пригодной для человека. Плодородные земли, орошаемые Нилом, совсем высохли, и люди, как мухи умирали от жажды и голода.

Тогда Бусирис собрал предсказателей и к ним обратился с речью крылатой:

– Скажите мне правду всю вещуны и пророки: что следует совершить, какие жертвы принести и каким богам, чтобы, наконец, пошли повсеместно дожди долгожданные, и возвратилась жизнь нивам, чтобы мерзкую Лимес изгнать из нашей страны.

Некий ученый – прорицатель Фрасий, родом из Кипра, ничуть не колеблясь, тут же изрек:

– Сейчас будет совсем недостаточно, чтобы жрец бросил на поверхность воды дубовую ветку, и Зевс Афесий (Освободитель) не спасет людей от засухи, притягивая к пару над этой веткой другую влагу, которая превратится в пухлое облако, проливающее на землю желанный дождь, оплодотворяющий землю. Сейчас Зевс Омбрий смягчится только, если кровь пришельцев будет проливаться на пышном его алтаре. Слезы Зевса (дождь) прольются и неурожай прекратится, если в Египте каждый год в течение девяти лет будут закалывать хотя бы одного чужестранца на алтаре в храме Зевса. Чем больше иноземцев будет принесено в жертву богу, тем

сильнее и продолжительнее будут идти дожди.

Тотчас в ответ не доверчиво сказал Бусирид:

– Ты сам и падешь, Фрасий, первую жертвой великому богу ради желанной воды, ведь ты чужеземец, прибывший к нам с острова Кипр. Так мы быстро проверим, какой ты провидец.

Все было сделано царем... и были жертвы чужестранцев без числа, и кровь пред царским алтарем без меры чистая текла. Первым же по приказу Бусирида самого Фрасия принесли в жертву Зевсу, и злополучный вещун по закону справедливости жертвой своему прорицанию стал, ибо сама Правда решила, что кто другим преднамеренную смерть злоумыслил – тот сам этой смертью умрет.

После принесения в жертву Фрасия, небольшие дожди прошли повсеместно, но быстро закончились, их оказалось недостаточно для того, чтобы сделать Нил вновь широкой, полноводной рекой.

Теперь по приказу Бусириса, согласно подтвержденному оракулу, стали убивать всех чужестранцев и приносить их в жертву Зевсу, получившему в удел широкое небо в прозрачном эфире и в дождевых облаках.

271. Геракла спаивают на пиру, чтобы принести в жертву

(Рассказ Алкона)

Геракла, проходившего по Египту, по-прежнему сопровождал лишь один спутник – Алкон, которому 20 лет недавно исполнилось. Этот Алкон так рассказывает о прохождении Геракла через Египет:

– В поисках острова, где находился легендарный сад Гесперид, Геракл решил пройти по всему Нижнему Египту и попробовать там разузнать хоть что-нибудь об это саде. Мы побывали в городе Навкрате, у канобского рукава Нила, где только и дозволялось торговать грекам и пришли в Саис, столицу Нижнего Египта.

Я давно оделся, как местный, а Геракл был, как всегда, в своей львиной шкуре, с палицей на плечах, а лук и колчан он мне доверил носить. В Саисе на выглядевшего необычно Алкида люди засматривались и даже показывали на него руками и пальцами, а потом и вовсе напали. Я немного научился понимать их язык и понял, что его, как чужестранца, хотят связать и отвести в храм Зевса, чтобы принести в жертву. Геракл их речи не понимал, но силой куда-то себя вести не позволил. Он кинул дубину на землю, видно, не хотел много людей убивать и голыми отбивался руками.

Я попытался ему помогать, но в давке мне в локте руку

сломали, и дальнейшее мне пришлось со стороны наблюдать. Я увидел, как синие глаза Геракла ужасной злобой наполнилось, гнев его охватил такой бешеный, что он и без дубины немало жизней на земле прекратил, еще больше людей искалечил. Все разбежались, оставив на главной площади Саиса множество раненых и убитых. Геракл сломанную руку мне кое-как на повязке на шею подвесил, и тут к нам подбежали слуги египетского владыки, и главный из них, с глашатайским жезлом вежливо так обратился к Алкиду на эллинском языке:

– Радуйся, гость чужестранный! Не сердись, что на тебя напали, приняв за разбойника, ведь такая необычная у тебя одежда на могучих плечах, но и ты не сдержался и в справедливом гневе многих убил и покалечил людей, хорошо, что они были рабы. Мы, глашатаи царские, посланы объявить, что тебя радушно сейчас приглашает во дворец наш царь Бусирид. Он приказал тебе передать, что не только тебя накормит пищей вкуснейшей, достойной богов, но и поможет узнать о далеком острове, где располагается диковинный сад с яблоками Геаперида, ведь нам сказали, что ты его ищешь.

Как только Геракл услышал о саде Гесперид, он сразу забыл, что только, что на него нападали и пытались связать. Он улыбнулся довольно и, взяв меня под здоровую руку, пошел в царский дворец. Нам не предложили ни отдохнуть, ни помыться и сразу провели в пиршественную залу, где Гераклу отвели особое место – на одной скамейке с царем. Геракл и

Бусирис, опираясь, друг мой – левой, а царь – правой, руками на лежащие за их спинами пурпурные подушки, вместе на единой скамье, покрытой пушистым ковром, возлежали, почти головами друг друга касаясь, меня ж невдалеке посадили на обыкновенное место для царских подданных и гостей. Я слышал, как Бусирис, окинув Геракла внимательным настороженным взглядом и ничего ему не сказав, приказал своему виночерпию приготовить кратер побольше, и винную смесь в нем для гостя покрепче заправить.

Геракл попросил вестника, прислуживавшего ему и понимавшему язык эллинов принести рукомойной воды и, вымыв окровавленные руки, выпил целый хоэс вина, ведь мы с ним давно ничего не пили и не ели, а только потели от палящего солнца. Утолив жажду, друг мой Геракл принялся есть с большим аппетитом.

После трапезы с обильными возлияниями искрометным вином знакомый нам вестник, говорящий по-эллиниски, Гераклу сказал, что пора идти в храм Зевса к жрецам, которые знают где находится сад Гесперид. Сильно опьяневшего Алкида по царскому знаку взяли почтительно под руки и с песнями повели в храм Зевса.

Меня не покидало неясное чувство тревоги, поэтому к вину я почти не притронулся, хоть и очень хотелось с его помощью попробовать заглушить пронзительную боль в висевшей на повязке руке. На меня никто внимания не обращал, и, когда процессия с Бусирисом и Гераклом направилась к

храму я тихонько пошел следом.

272. Геракл на алтаре убивает Бусирида

(Рассказ Алкона)

Не зря мне все время было тревожно. Войдя в храм, все пошли по длинному мрачному коридору ведущему вниз и вскоре пришли к ярко освещенному алтарю. Когда пошаты-вающийся Геракл остановился у самого алтаря и стал настойчиво спрашивать, где же жрецы, ведающие о местонахождении сада Гесперид, Бусирис повелительно поднял руку и махнул ею. Тут же из многочисленных темных ниш вдруг выскочили люди в одеждах жрецов с сетями и веревками в руках и стали опутывать и вязать Геракла, словно кабана или носорога.

Пьяный Геракл сопротивлялся как мог, я же не мог ничем ему помочь. Забыв о сломанной руке, я схватился ею за лук и тут же почувствовал такую боль, что в глазах потемнело, как ночью кромешной, и я долго ничего не видел вокруг. Потом зрение возвратилось, лук валялся на полу, а в сломанной руке жгучая боль была такая, что хотелось все время дико орать, но я только постанывал тихо, стиснув крепко зубы.

Сильно пьяного Геракла жрецы и охранники Бусириса связали веревками по рукам и ногам, как паук оплетает паутиной огромную муху, и на алтарь родителя положили. Царь крикнул что-то по-своему, и из потайной двери появился

какой-то особенный жрец, высокий и тощий, в золотистой одежде с огромным лабрисом в руках. Он торжественно подошел к связанному Гераклу и быстро произнес молитву, в которой я не понял ни слова, сильно замахнулся боевым топором с двумя лезвиями и очень длинной отполированной ладонями рукояткой.

В этот миг я все бы отдал за то, чтобы у меня в руках оказался мой лук, даже со сломанной рукой я убил бы этого разодетого в золототканые одежды жреца с лабрисом в руках. И тут случилось невероятное: рукоятка у лабриса при замахе застывшего высоко над головой жреца, в последний перед убийством миг сама отвалилась, и топор с коротким обрубок рукоятки со зловещим лязгом и грохотом упал далеко позади жреца на мраморный пол. Я посмотрел на сводчатый потолок, но ничего не увидел, кроме мрачных каменных плит. Все равно мне было ясно, что великий родитель не допустил, чтобы принадлежащий ему, как верховному богу, лабрис, символизирующий единство противоположностей Неба и Подземелья, погубил его лучшего смертного сына.

Все были ошеломлены происшедшим, и некоторое время в зале стояла мертвая тишина. Наконец, Бусирид нерешительно начал вытаскивать свой меч из влагалища, явно намереваясь заколоть связанного пленника, но его рукоятка запуталась в одеждах, и меч, словно не желал появляться из ножен на свет. Я взмолился светлой Элпиде и ожидал, что Зевс

снова вмешается и спасет Геракла, однако тот, видно, уже сам протрезвел. Он потом, когда все кончилось, мне сказал, что очень он испугался, что так бесславно может закончить свою жизнь. Я увидел, как Геракл страшно натужился, пытаясь освободиться от пут, он весь покраснел, на висках и на лбу, как веревки, вздулись синие вены.

В тот миг, когда Бусирис, наконец сумел исторгнуть из ножен свой меч, с оглушительным треском начали лопаться веревки и путы, а Геракл при этом он громоподобно орал:

– Никогда не бывать, чтобы меня зарезали на родительском алтаре, как жертвенного быка! Даже, если это мерзкой Старухе Лахесис угодно! Сильный сам хозяин своей судьбы, и не важно, что она ему начертала!

Страшный в гневе Геракл вскочил с алтаря, рот его искажил хищный оскал, а из потемневших глаз сыпались искры. Разбрасывая в стороны жрецов и царских охранников мощными ударами рук и ног, он подбежал к Бусириду и, не обращая внимания на его меч, разбил ему голову, и алтарь, многих пришельцев кровь впитавший, упился кровью царя. Отпрыск Алкмены был похож на разъяренного вепря иль носорога – так он всех сокрушал, кто под руку попадался – одним ломал могучими руками хребты и сворачивал шеи, других затапывал своими мощными ногами, некоторых убивал небольшой своей головой.

Вскоре все было кончено. Геракл сбросил с себя остатки сетей и веревок, одел принесенную жрецами его знаменитую

желтую шкуру, непробиваемую никаким оружием и, услышав мой стон, подбежал ко мне. Он во время побоища, видно, совсем забыл про меня и теперь, с удивлением глядел на меня и на мою руку, хорошо, что, хоть вспомнил, иначе и меня мог бы заодно со всеми отправить на постоянное местожительство из этого подземелья в другое – к гостеприимному богу Аиду.

Когда я рассказываю о том, как Геракл расправился с Бу-сирисом, некоторые мне не верят, говоря, что египтяне не могли приносить в жертву людей, ведь им не дозволено убивать даже домашних животных, кроме свиней, быков, телят. – Возможно, это так, но десять лет ужасной засухи и голода заставят пойти и не на такие жертвы. Другие не верят, что Геракл один мог умертвить так много людей. – Но ведь мой любимый друг был не простой смертный, и по силе превосходил даже олимпийских богов, за исключением одного родителя Зевса. Так, что все рассказанное мной правда, Бу-сирис был Гераклом убит, наши странствия по Египту счастливо закончились, и мы отправились в Эфиопию.

273. Сын Эос Эмафион

(Рассказ Алкона)

Длинноволосый Алкон, эфеб, сопровождавший Геракла и по Эфиопии, за время этого незабываемого путешествия успел отрастить небольшие усы и бородку, как у настоящего мужа. Поглаживая степенно усы, он так свой предыдущий рассказ продолжает не торопливо: пройдя Египет, Геракл рассчитывал в узком месте в течение одного дня пересечь Эфиопию и потому не стал меня посылать к местному владыке за тем, чтобы получить разрешение на проход. Однако чернокожему сыну любвеобильной Эос и похищенного ею Титона, видно, уже успели доложить, как Алкид расправился с Бусирисом и его жрецами потому, что он сам, во главе небольшой свиты неожиданно появился в одной стадии перед нами, выехав верхом на коне из-за высокой дюны – чисто песчаной горы.

Царь чернокожих эфиопов, как я слышал, искусный в сражениях, на исходе дня, когда Эос уже начала окрашивать небо нежным румянцем, враждебно смотрел Геракла. Про себя я молчу – зевсов сын был намного выше меня и мощней, особенно в львиной шкуре, и я рядом с ним выглядел, наверное, как слуга или случайный попутчик. Так вот, увидев Геракла, Эмафион некоторое время его рассматривал, а сам мне казался диким черным животным в золотом шлеме

и панцире. Издали он походил на черную пантеру свирепую, которая, злобой звериной пылая, в ярости лютой рычит и землю терзает когтями и, красными окровавленными сверкая глазами, готовит смертоносный прыжок на охотника.

Царь чернокожий что-то крикнул на своем языке и на быстроногом коне, словно известный своей стремительной пагубностью ветер Зефир, ринулся к нам, потрясая копьем в многомошной руке. Геракл же спокойно ждал нападения, ни один мускул не дрогнул на мужественном его лице, которое в этот момент было словно высечено из камня; только густые брови сошлись еще сильнее на переносице и синие глаза загорелись недобрым огнем. Правда, он мельком осмотрел свою каменную шкуру, проверяя все ли тело она покрывает, и львиные лапы под горлом подвязал аккуратней.

Я помню, что тогда спросил у Геракла – не пустить ли мне стрелу в царя эфиопов, ведь я прекрасно стреляю из лука. – Однажды на моего маленького брата напал неядовитый дракон и, обвинив его кольцами стал душить. Так тогда я с расстоянья в полсотни шагов или чуть меньше попал змею в голову, не причинив ребенку никакого вреда... В ответ сын Зевса и прекрасноволосой Алкмены лишь молча головой помотал.

Время показало, что не зря свою львиную шкуру Геракл проверял. Оказавшись на расстоянии полета копья, Эмафийон широко размахнулся и метнул свой дрот и в львиную шкуру попал в то самое место, что Алкид поправлял, где львиные лапы под горлом верх груди прикрывали. Загремело грозно

копье и, как от твердой скалы, упруго медное жало его отскочило, и Геракл с горестной улыбкой воскликнул:

– Видно, такова мне соткана судьба, – сурова и трудна стезя могучего героя, все круче путь мой тяжкий. Ужели бой со всеми мне предначертан Мойрой? Эрик, Антей, Бусирис, все не давали мне свободного прохода; теперь еще и сын Зари Эмафион, владыка чернокожий, которого я тоже должен одолеть. Клянусь Зевесом, что сам я не стремлюсь его убить, но не увидит никогда ни Гелий, ни Зареносец, чтоб сын Алкмены отступил...

Я увидел, как спрыгнувший с коня Эмафион изумился такой твердости необычной одежды противника, у него черные, как смола, округлились глаза, и отвисла толстенная нижняя губа. Царь мотнул коротко стриженной головой с черными курчавыми волосами, и глаза его загорелись страстной надеждой противника победить.

Он взял из рук подоспевшего слуги второе копье и обратился к дерзко улыбнувшемуся Гераклу на ломаном эллинском языке с речью надменной такую:

– Рано радуешься моей неудаче, смертный сын Зевса, еще солнце не село.

Сын Зари с надеждой вглядывался в темнеющее на глазах небо и, казалось, чего-то ждал, а мой могучий друг пока только морщил нос.

274. Геракл убивает Эмафиона

(Рассказ Алкона)

Через некоторое время я услышал, как царь чернокожий крикнул:

– Пусть первое копьё из руки моей вылетело напрасно, видно правду говорят о непробиваемой львиной шкуре на твоём брэнном теле. Но, надеюсь сломить твою дерзость и твою наглую улыбку согнать, попав вторым копьём тебе в глаз. Надеюсь, милая мать, не подвластная смерти, сыну поможет и своим розовым божественным перстом не только укажет, но точно направит второе копьё.

Эмафион, прежде чем опять кинуть копьё, чего-то стал дожидаться, наверное, чтобы светлое солнце главу лучезарную, как обычно, спрятало в море, а мать его розоперстая Эос окрасила сгустившийся вечера сумрак своим дивным румянцем. Царь, сверкая белками глаз с красными прожилками на черном лице, что-то говорил своим слугам или охранникам громко, но на своем языке, и потому я ничего не понял.

Геракл между тем был спокоен и так эфиопскому царю отвечал:

– Увы, рука Эмафиона, зачем копьё ты снова ищешь? Бесильна ты, и тщетны все твои порывы! Аравии владыка чернокожий, зачем ты не даешь пройти мне незаметно, зачем

со мной стремишься биться? Ведь я не только среди героев смертных самый сильный, но и богам бессмертным не уступаю в силе, ибо я – лучшая поросль земная Громовержца Кронида, хоть своим рождением хвастаться мне не привычно... Или ты совсем обезумел, что по-прежнему хочешь со мною сражаться и гибелью мне здесь угрожаешь, или ты здесь о моих подвигах мало, что слышал? Неужели ты надеешься, что твоя мать, розоперстая Эос исход нашей битвы теперь решит единолично?

Мне в этот миг отчетливо показалось, что розовый луч к месту схватки протянулся с высоких небес и, блеснув отражением на наконечнике копья Эмафиона, вдруг к Геракловой голове протянулся, и тут же второе копьё полетело в моего друга Геракла. Я видел по розовому лучу, как острие копья точно в прорезь для глаза в львиной голове жадно стремилось Алкиду, но, видно, ему не положено было жизни Геракла лишить в этот день в быстротечном сражении. Герой величайший Эллады в миг самый последний дернул вправо и вниз головой, и копьё мимо над ним пролетело с жалобным свистом, сбив с его головы, служившую шлемом желтую голову львиную.

Тут я увидел, как яростный гнев вспыхнул в бесстрашном сердце Алкида. И я его понимаю: пока он стремился мирно встречу с Эмафионом закончить, тот его попытался уже дважды убить и наверняка собирался продолжить эти попытки, до достижения своей цели.

Великий герой гневно взревел, и его необорная сила во врага роковую дубину мощно метнула. Страшно в воздухе, тут вдруг запахнувшем гнилью и тленом, завертелась со свистом и воем знаменитая дубина Геракла и выбила старшего сына Зари из седла вместе с огромным щитом, которым он напрасно закрылся. Вращающаяся дубина тонким концом коснулась верха щита, а ее толстый конец, щит обогнув, Эмафиону голову размозжил, словно капустный кочан.

Если бы Геракл бросал копье, то его острие от щита могло отскочить или застрять в нем, а вращающаяся дубина щит обогнула и вбила висок Эмафиона в его голову так, что бело-розовый мозг брызнул из черной головы во все стороны. С шумом ужасным Эмафион грянулся в прах, и дух его тело тут же с тихим жалобным кликом навечно покинул.

Как свидетель скажу, что моему великому другу убедительная победа над Эмафионом доставила столько труда, сколько могучему орлу – битва с нежной голубкой. Мы, потеряв совсем немного времени на такую незабываемую встречу с царем эфиопов, могли дальше спокойно продолжить поиски сада Гесперид.

Румянец, которым вечер обычно алеет, вмиг побледнел, а потом и вовсе покрылось тучами темными вечернее небо. Мне показалось, что розоперстая Эос видела, как в поле широком поразила сына насмерть огромная нестроганая дубина, и богине зари осталось лишь смириться с Могучей Судьбой, стоящей над всеми богами столь же высоко, сколь бес-

смертные возвышаются боги над нами, ничтожным, жалким племенем людей, которые, родившись для смерти, всю жизнь дышат и ползают в прахе. Эос оставалось лишь позаботиться, чтобы Эмафиона, ее старшего сына положили на подобающий погребальный костер, а потом воспитывать младшего сына Мемнона.

275. Термер, сражающийся головой

(Рассказ Алкона)

О совершенно необычном поединке Геракла с Термером, тот же Алкон рассказывает так: насколько я знаю, до сих пор схватки и битвы Геракла происходили там, куда он сам приходил, и именно он всегда бывал их зачинщиком. Случалось, что злодеи иногда первыми вызывали его на поединок, но они делали это по велению богини Необходимости потому, что он к ним приходил, и им было некуда деться.

И вот однажды случилось невероятное: к Гераклу на взмыленном коне гонец прискакал и при людях объявил громко, что его вызывает на смертельный поединок царь города Термеры владыка карийцев Термер. Об этом Термере я слышал только то, что ливийцы под его предводительством некогда восстали и вторглись в Египет с северо-запада и были полностью разгромлены египтянами, что потом стало с Термером мне не известно.

Выслушав голосистого вестника Термера, друг мой сказал, недоуменно усмехаясь в свою русую кудрявую бородку:

– Я не скажу, что по своей воле вызвать меня на битву может лишь муж отчаянно дерзкий. Нет, на такое безумство совсем больной человек лишь способен. Алкон, мой соратник любезный, ты уже не эфеб, ты – мужчина и скажи мне вполне откровенно: справедливо ли будет поднять на боль-

ного мою мощную руку?!

Честно скажу – я не знал, что ответить, и пока думал, ответил исполненный важности вестник дерзкого царя кариев:

– Многие герои – бойцы, как ты, знаменитые так же говорили, но все они после поединка с могучим Термером неподвижно лежат в земле глубоко, а их расколотые черепа прибиты на его искусно построенной крыше. И потом, Геракл, в этом поединке тебе руку поднимать совсем не придется, была б голова...

Тут некоторые из людей, собравшихся вокруг глашатая и Геракла, видно что-то вспомнили о Термере и стали кричать, чтобы мой друг – самый прославленный герой Ойкумены – принял обязательно вызов и убил надменного владыку карийцев.

По-прежнему недоумевающий Алкид, приподняв свои знаменитые низкие брови, вынужден был согласиться с народом, потому что он всегда опасался, что богиня Доброй славы Евклея пострадает. Воздев к небу обе руки, друг мой громко спросил, всех перекрикивая:

– Тихо! Еще никогда я не отказывался от поединка и сейчас хочу знать только одно: где этого Термера мне поскорее найти?

Вестник крикливый, на этот раз сначала величественно махнул рукой, показывая направление, и потом важно ответил:

– Поединок состоится там, на нейтральной территории,

отсюда в одном дне пешего пути. Тебе не надо будет искать Термера, он сам тебя встретит. Сражаться придется по установленным моим царем правилам: руки у противников будут крепко связаны сзади, и ноги будут опутаны так, чтобы можно было только небольшие делать шаги, но нельзя ими драться, биться можно только одними головами, так в Ливии дерутся у нас жирафы. Эти правила кому-то могут показаться странными, но они справедливые, ведь противники будут в равных условиях.

Уголки губ Геракла совсем опустились, да так вниз и остались – видно было, что сильно последние слова вестника его удивили и озадачили. Все знают, что у Геракла небольшая голова, особенно она казалась маленькой по сравнению с его могучим торсом и бычьей шеей, которая у основания была шире головы. Однако я не думаю, чтобы его хоть на миг испугали необычные условия предстоящего поединка. Я вообще не представляю, кто на земле, да и не только на ней, мог бы привести в трепет моего друга – мужа всесокрушающей силы. По его спокойному взгляду было ясно, что он не сомневается, что победит, кем бы ни был этот Термер, и какой бы крепкой у него не была голова.

276. Геракл справедливо убивает Термера

(Рассказ Алкона)

В назначенное время Геракл, я и еще несколько при-
мкнувшим к нам спутников прибыли в условленное место,
где нас уже поджидали. Среди встречавших по пурпурному
цвету одежды можно было узнать царя, он был чуть выше
среднего роста и обычного телосложения, да и лицо его мало
чем отличалось от других лиц, его окружавших. Разве, что в
глазах его было что-то змеиное, ядовитое.

Отличался Термер от всех только своей головой – она бы-
ла очень большая, и аккуратно расчесанные рыжеватые во-
лосы на ней были пушистые и длинные, как у женщины. Сза-
ди волосы Термера были собраны в узел и свободно висели,
как конский хвост, а спереди так пострижены, что закрывали
весь лоб, почти до самых рыжих облезлых бровей. Однако
лицо царя кариев не было крупным: и орлиный нос, и впалые
щеки, и серые глаза были привычных для смертного мужа
размеров.

Геракл хотел что-то сказать, но Термер дал вестникам
знак, и они подбежали к сыну Зевса с веревками. И вот про-
тивникам крепко руки сзади прочной веревкой связали. Я
проверил, что Термер не только плечом иль локтем, даже
пальцем не мог шевелить, спутаны были у него и колени так,

чтобы можно было делать только небольшие шаги – топтаться на месте. Наверное, так же и моего друга связали.

Меня и вестника Термера выбрали двумя судьями, и мы находились между противниками. Человек Термера объявил о начале поединка.

– Жить Алкид недолго осталось тебе, хоть до небес твоя трескучая слава в Элладе доходит. Эта громкая слава твоя вся без остатка ко мне перейдет после того, как ударю я тебя лбом два-три раза и жалкий череп твой расколю, мозгом землю забрызгав.

Так надменно Термер сказал, неспешно приближаясь к Гераклу, потрясая при каждом шаге пышными волосами, собранными, словно конский хвост, сзади в узел тугой.

Мне показалось тогда, что не просто так царь величается и грозит, он хочет крепости духа Геракла еще до схватки лишить. Очень он был простодушный – не знал, что это совсем невозможно, как невозможно смертному через море бескрайнее перепрыгнуть.

Геракл, презрительно сморщив нос и выступавшие вперед низкие брови еще больше нахмутив, навстречу к неприятелю молча стал продвигаться, сурово и грозно противнику отвечая:

– О хвастун, как дева пышноволоосый! Видно, в самовосхвалении тебе не ведома сытость. Если б даже и десять подобных тебе здесь предо мною предстало, и мне пришлось бы одновременно с ними сражаться, то и тогда все они на

месте были б мною убиты. Не думаю, что мне сейчас с тобой одним биться долго придется, жить на земле не мне, а тебе осталось немного, и твоя безмозглая голова будет скоро грызть землю бессильно зубами.

Сшиблись оба противника подобно двум гривастым львам кровожадным, делящим самку или свирепым лесным кабанам с загнутыми кверху клыками, у которых есть буйная сила. Как только сошлись они близко, Термер первым ударил головой моему могучему другу в лицо. Он был на полголовы ниже Геракла, и мне показалось, что он даже подпрыгнул. Удар не мог быть совсем неожиданным для Геракла, но по недоуменному выражению его лица было видно, что очень он изумлен, наверное, его удивила сила удара. Мне даже показалось, что Геракл оглушен, из его сломанного носа двумя потоками алая кровь заструилась.

Термер между тем, не спеша, словно прицеливаясь, чтобы точнее ударить, отклонился всем телом назад, потом отвел назад голову, готовя новый удар.

Друг мой, защищаясь от второго удара тоже чуть отклонился назад. Было видно, как могучие мышцы его мощного тела напряглись, мгновенно вздувшись буграми и синими венами, и тут друг за другом раздалось несколько громких хлопков – это веревки на его руках лопнули. Освободившейся от пут правой рукой Геракл вдруг крепко схватил за волосы Термера и дернул. И, о чудо! В руке у Алкида висел искусно сделанный медный шлем с приклеенными пышны-

ми волосами, а внутри был подшлемник из белого толстого войлока.

– Я ведь и в париках разбираюсь, но таких искусно сделанных, да еще и со шлемом и подшлемником, никогда не видал, – Сказал изумленный Геракл и тут же, злобно глазами сверкнув, ожесточенно проревел: – А вот теперь тебе, негодяй, придется со мной сражаться на равных!

Геракл наклонился и с разворота ударил верхом своей головы в чисто выбритый висок Термера, голова которого без медного шлема и пышных волос оказалась и небольшой, и не крепкой: не выдержал его череп незащищенный могучего удара. Что-то в голове царя кариев хрустнуло громко, словно переломившаяся толстая палка сухая и она раскололась как персидский орех, упали в прах глаза Термера, и мозг его землю забрызгал.

– В прахе лежишь ты теперь, дерзкий Термер, ведь не может с великим героем справедливо, на равных, сражаться ничтожный.

Так воскликнул Алкид, на убитого царя кариев с нескрываемым глядя презрением.

Этот выдающийся подвиг Геракла стал непревзойденным образцом его отношения к справедливости. Он мог легко расправиться с Термером, убив его даже не дубиной, а просто свернув ему шею одной голой рукой, однако он согласился биться как ему предложили – только головами, хоть сердцем предчувствовал, что может погибнуть. И погиб бы, если

бы милая рука сама не догадалась, что под волосами противника скрывается тяжелый и крепкий медный шлем с мягким подшлемником.

После схватки я спросил у Геракла зачем он сказал, что в париках разбирается – просто, чтобы объяснить почему он дернул за волосы Термера, дескать парик подозрительным показался?

Геракл вдруг быстрым движеньем руки совлек свои короткие русые кудряшки с головы и, оставшись почти совсем лысым, неохотно ответил:

– После ужасного сражения с морским чудовищем за Гесиону, когда я на волосок был от гибели в его чреве, за одну ночь я поседел, а в следующую ночь стал почти лысым, вот как сейчас и с тех пор ношу искусно сделанный этот парик, но ты об этом никому... а, впрочем, можешь рассказывать. Ведь ты много чего рассказываешь обо мне, хотя было бы лучше, если б ты песни пел обо мне. А славу мою великую уже никто и ничто не может испортить!

Вскоре мы с Гераклом расстались. У меня стала сильно болеть рука, сломанная в египетском Саисе, когда на нас с Гераклом напали, чтобы, как чужеземцев казнить на алтаре Зевса. Он же раздумывал куда дальше отправиться: то ли в Индию, то ли в Иллирию и куда он пошел я точно не знаю. Мне кажется, что в Индии мой друг все-таки не был, и там жил свой герой, в чем-то похожий на великого героя Эллады.

277. Геракл в Индии [5]

Арриан рассказывает об индийском походе Геракла, который случился незадолго до освобождения Прометея. Он говорит, будто Геракл не мог взять гору Аорн, которую Александр Македонский взял приступом с ходу, и это ему кажется хвастовством македонян... Сибы, одно из индийских племен волосатых, одеваются в шкуры животных, и эти сибы сохранились, как потомство от войска Геракла. Сибы еще носят палицу и на быках выжигают клеймо в виде дубины; и это, по мнению македонян, они делают в память дубины Геракла. Арриан оговаривается, что дело идет здесь, скорее всего, о каком-нибудь другом Геракле, не о фиванском, а либо о тирийском, либо о египетском.

Впрочем, другие вспоминают, как Геракл в стране индийцев говорил:

– Славу громкозвучную везде я утвердил: нет края в Ойкумене, где о ней молчат. Меня узнали варвары и под Медведицей, под знойным Раком – в Ливии, и в Индии теперь, где Гелиос встает... Пошел вослед моим триумфам я дальше Солнца, за границы дня, неведомые земли за спиною оставляя.

На побережье Индии Геракл нашел жемчуг, о чем он сам своим юным спутникам потом так рассказывал:

– В поисках таинственного сада Гесперид мне довелось

побывать и в Индии, там туземцы назвали меня «рожденным землею», хотя вся Ойкумена знает прекрасно, что я был рожден Алкменой от Зевса-Кронида, а прозывали все меня все великим героем – истребителем самых страшных чудовищ и губителем нечестивых владык. Поэтому, обходя индийскую землю и побережье окружающих ее морей, я уничтожил всех ядовитых, вредных и опасных для человека зверей не только на суше, но и в прибрежной воде, где люди ловят рыбу и купаются. И вот однажды в одном из морей, омывающем Индию с юга, недалеко от берега, купаясь и, как обычно ныряя, я поднял со дна очень красивую раковину, в которой оказалась дивная горошина неоднородного, переливающегося разными красками цвета. Эту горошину в раковине я назвал жемчужиной, а ее переливающийся цвет – перламутром. Впоследствии мои соплеменники эллины, а потом и римляне, любящие роскошь, с большой охотой стали покупать жемчуг – «Маргариту морскую», как индийцы называют его на своем языке. Мне это украшение тогда показалось настолько красивым, а я всегда был Каллоны поклонником страстным, что я собрал со всего этого берега жемчуг, чтобы он был украшением для моей милой дочери.

О дочери Геракла упоминает и Мегасфен, по словам которого, Геракл в Индии был женат на многих женщинах, и у него было огромное количество сыновей; дочь же у него родилась здесь только одна. Имя этой единственной дочери было Пандея; страна, где она на свет появилась, и власть над

которой впоследствии ей вручил Геракл, была названа тоже Пандеей. Вместе со страной Пандея получила от отца полсотни слонов, 40 сотен всадников и 130 тысяч пеших воинов.

Некоторые говорят, что в стране, где царствовала дочь Геракла, женщины с семи лет уже становятся способными вступить в брак, а мужчины живут не более сорока лет. Геракл, не имея человека, достойного жениться на его единственной дочери, во всеуслышанье так заявил:

– Я сам сочетаюсь браком со своей семилетней дочерью, ведь и мой великий родитель Зевс Эгиох сочетался с дочерью своей от Деметры Корой, которая, выйдя через много лет замуж за Аида, стала называться Персефоной. От меня и Пандеи достойные пойдут потомки, и будут они царить здесь над индийцами.

Таким образом, Геракл сделал дочь созревшей для брака, и с того времени все то племя, которым правила Пандея, получило от Геракла этот самый дар. Не все этому верят. Например, Арриан говорит, если Геракл мог совершить столь невероятное дело (сделав семилетних девочек зрелыми для вступления в брак), то он мог бы и самому себе продлить жизнь, чтобы соединиться с дочерью, достигшей необходимого для брака возраста.

Диодор Сицилийский так рассказывает о пребывании Геракла в Индии: Вступив в брак с несколькими женами, Геракл породил много сыновей, но только одну дочь. Когда его сыновья достигли зрелости, то, разделив всю Индию на

столько частей, сколько у него было детей мужского пола, он назначил всех сыновей царями, единственную дочь тоже сделал царицей. Кроме того, он основал немало разных городов, самый известный и крупный из которых он назвал Палибора. В этом городе он построил великолепный дворец и, поселив в нем множество жителей, укрепил его вокруг глубокими рвами, наполненными водой из реки. Покинув людей, Геракл был обожествлен, но его потомки, хотя и царствовали на протяжении многих поколений и сотворили много выдающихся дел, не затевали войн за пределами своих границ и не основывали колоний среди других народов.

Несмотря на свидетельства Ариана и Диодора, многие, как Алкон, уверены в том, что в Индии был все-таки не фиванский Геракл, а индийский. Они говорят, что у индийцев был свой могучий герой, который родился не в Фивах с семью воротами, а в Индии. Возмужав, он завоевал и объединил всю Индию и правил там через 15 поколений после Диониса.

278. Диопатра отправляет Геракла к Нерею

Проходя через Иллирию, простирившуюся к западу от Фессалии и Македонии и к востоку от Италии вплоть до реки Истр, Геракл направил свои стопы к реке Эридану, и там встретив трех нимф, дочерей Зевса и Фемиды, попытался выведать у них, где находится сад Гесперид.

Диковатый облик Геракла испугал всех нимф, кроме одной, и девы быстро кинулись прочь, не выдержав его страшного вида, особенно их напугала его не обычная львиная шкура и большая нестроганая суковатая дубина.

– Милые сестры, к нам явился варваров вождь с огромной дубиной и в шкуре звериной! Силой свирепой могуч он безмерно! Спасайся, кто может!

С криками такими нимфы в разные стороны разбежались. Одна же нимфа по имени Диопатра, прелестная своим юным телом, видно больше сестер любила не только сладко петь и грациозно плясать, но и с мужчинами в сладкой неге сочетаться любовью и лаской. Она на месте осталась и, окинув Геракла заинтересованным взглядом живых зеленоватых глаз, игриво с пышной обнаженной груди перекинула за плечи никогда нечесанные светлые космы и ему похотливо сказала:

– В отличие от своих пугливых сестер, я вижу не страш-

ную львиную шкуру, а мощное тело красивого мужа под нею и думаю, что счастлива будет та, которая красотой такой ненадолго хоть завладеет. Скажу тебе могучий красавец, вполне откровенно, что сама я не знаю, где находится сад Гесперид, но могу тебя направить к тому, кто это точно уж знает. Но за это ты должен на ложе любви сплестись со мной в жарких объятьях и в страстных поцелуях слиться губами. Ты согласен дать мне могучую твою изведать любовь?

Вместо ответа отпрыск Зевеса бросил на землю лук и дубину и, скинув с широченных плеч львиную шкуру, немного думая и снял и набедренную повязку, что чуть прикрывала его обнаженное тело.

Геракл и Диопатра, как мощный дракон и змея, гибкая телом, так неистово сплелись в страстных объятьях, что над ними запылал яркий супружеский пламень, который пылает лишь в первые после свадьбы встречи супругов, происходящие всегда в темноте. Казалось, что густые леса и цветастые луга захохотали счастливо, восторженно загудели окрестные скалы. Красавицы нимфы, сестры Диопатры, забыв всякий страх, вернулись и вокруг жениха и невесты звонкими голосами запели и зажигательно заплясали. Резво месили они стройными ногами босыми изумрудные сочные травы, наполняя воздух ароматом душистым. Словно Хариты нимфы плясали и пели, грациозные, миловидные, совсем без одежд, кружились они в буйном веселье.

Получив сполна все, что желала, довольная Диопатра на-

правила Геракла к Нерею, сыну бесплодного Понта и всеобщей праматери Геи, который, по словам Гесиода, повсеместно Старцем зовется, ибо душою всегда откровенен, беззлобен, о правде не забывает, но сведущ в благих, справедливых советах.

На прощание Диопатра, целуя грудь и глядя нежно рукой бедра Геракла, ему так сказала:

– Ты доблестно выполнил, милый, что я просила, теперь и я выполню, что обещала. Тебе надо идти к знаменитому правдолюбцу Нерею. Внемли внимательно, богоподобный Геракл, как тебе заставить его рассказать, все, что он знает: спрячься в ямке, вырытой в желтом, как твоя шкура, песке меж неуклюжих тюленей и сверху покройся серой шкурой тюленя, их валяется много на берегу. Потом тихо жди, пока выйдет на берег из пеной плюющихся волн, старец Нерей и ляжет в приготовленную ему глубокую яму. Тут же тюлени, потомки прекраснейшей дочери бурного моря Талассы, некогда баюкавшую на руках только, что рожденную из пены юную Афродиту, вокруг него засыпают, все зловонием вокруг наполняя. Только ляжет Старец правдолюбивый среди них отдыхать, как пастух среди своего стада, тут сразу ты его и схвати, высочив из засады. Хорошенько запомни, что его надо очень крепко держать, как бы он ни вырывался и какие бы виды разных существ иль воды и огня он не принял. Очень горазды боги морские облик менять. После того, как сильно он утомится и поймет, что не вырваться ему

от тебя, то сам обратится к тебе с просительными словами. После этого ты всякое насилие оставь, выпусти старика из крепких объятий и расспроси у него, как тебе найти сад Гесперид, и он тебе не откажет. Лгать он не станет тебе – он для этого слишком правдолюбив и всю сообщит тебе правду.

279. Нерей отправляет Геракла к Прометею

Геракл о своей встрече с Нереем так рассказал своему любознательному племяннику Иолаю, который всегда хотел знать все, что и как происходило с его возлюбленным дядей, когда его не было рядом:

– Вместе с рано рожденной зарей я пришел на берег вечно шумящего сердитым прибоем моря и устроил себе незаметное ложе меж ищущих места неуклюжих тюленей. Вырыв руками глубокую яму во влажном песке, я в нее лег и, сняв желтую львиную шкуру, подстелил ее вниз, а сверху накрылся найденной на берегу серой шкурой тюленьей. Ты, знаешь, мой любимый племянник, я праздности не люблю, но на этот раз я принудил себя долго ждать в ямке на песчаном морском берегу, чтобы, как только солнце приблизится к середине широкого неба, поймать правду знавшего Старца морского, лишь только он выйдет из пучины на берег. Ох, как ужасно мучил меня тогда гибельный запах питаемых морем тюленей, даже пока их было немного. Никогда я не думал, что запах ужасный так сильно страдать человека может заставить. Однако, зажав пальцами левой руки ноздри все еще болящего носа, разбитого в бое бесчестным Термером, стойко целое утро под шкурой вонючей я почти без движения сумел пролежать. И вот, наконец, я дождался – стаей боль-

шой стали ковылять на лапах из воды другие тюлени вместе с матерью своей Алосидной, и возле друг друга, рядом с давно обосновавшимися тюленями, все на песке улеглись под мерный рокот прибоя вечно свободного моря. В полдень, когда тени уж совсем короткими стали, вышел, наконец, и Старик из соленого моря. С виду он только выглядел старым, усталым, а двигался он, как молодой быстро и ловко. Увидел Нерей много жирных тюленей, любимцев своих на песке и засмеялся очень довольный. Видел я, что и мысли не было в его голове о засаде, хоть и был он, как говорят, настоящий провидец. Как только Старец морской из влажной вышел пучины и в предназначенную ему полуую яму с кряхтеньем улегся, я с устрашающим криком из ямы своей выскочил и, кинувшись к нему, сразу за плечи сзади схватил его крепко. Не напрасно предупредила меня прелестная Дипатра. О коварном искусстве своем облик менять по желанию не забыл морской Правдолюбец, оказавшись в моих могучих объятьях. Сначала Нерей представился грозным львом с рыжей шкурой и гривой, пятнистым после того леопардом, скользящим быстро драконом и клыкастым вопреку огромным, деревом вдруг обернулся высоким и, под конец, – текучей водою. Но ты знаешь меня, Иолай, мой любимец, духом я стойкий, и в любых испытаниях твердый как камень, бесстрашно я Правдолюбца держал, ни на миг, не ослабляя своей хватки железной. Поняв, что смена облика ничего ему не дает, Старец, в уловках очень искусный, утомленье почув-

ствовав, с просительным словом ко мне обратился:

– Все, Геракл, отпусти, больше нет у меня сил сопротивляться тебе. Знаю теперь, что похотливая нимфа Диопатра в благодарность за ненасытные любовные ласки тебя, Амфитрионид, обучила из засады так ловко мной овладеть против воли моей и потом так крепко держать, ничего не пугаясь, но пока не знаю, что тебе от меня нужно? Спрашивай.

Так лукаво спросил бог морской глубины у меня, и я, ему отвечая, промолвил:

– Знаешь ты все, Старец и сам, – для чего меня только пустым отвлекаешь вопросом? Я на острове этом долго сижу потому, что давно найти не умею дорогу в сад Гесперид. Ты хоть скажи мне, о праведный Старец, ведь говорят, что ты Правдолюбец, и тебе все известно. Так мне и Диопатра сказала. Где этот сад, в котором есть яблоня с дивными яблоками золотыми, которую мать наша Гея подарила моей мачехе Гере на свадьбу? Там, говорят, гордый Атлант, титан исполинского роста и силы держит купол неба тяжелый.

Немедленно, ведь он знал, что я спрошу, мне в ответ провещал Нерей – правдолюбец:

– Путь остался тебе уж не долгий, Тучегонителя отпрыск могучий. Однако сначала неведомая нам всем Судьба велит тебе повстречаться с братом Атланта – Прометеем, древним титаном, который для людей похитил огонь и уже тысячи лет по воле всемогущего Зевса безмерно страдает за это.

И Нерей указал мне влажными своими руками на покры-

тые снегами высокие горы Кавказа, видневшиеся вдали, и сказал, что мне предназначено самой Мойрой Лахесис положить конец ужасным страданиям богоборца – титана. Я тут же отпустил правдолюбивого старца морского и открыл было рот, чтобы еще его много, о чем расспросить, но он сразу ринулся в вечно шумящее море и бесследно исчез в его глубине, видно очень спешил к своей милой супруге Дориде.

280. Титан – богоборец Прометей

Двоюродный брат Зевса, сын непокорного титана Иапета Прометей (мыслящий прежде), перешел на сторону Зевса в самом начале Титаномахии – длившейся 12 лет грандиозной битвы новых богов, поселившихся на Олимпе, с древними, как стихии богами – титанами.

Прометей не принимал непосредственного участия в Титаномахии, но именно он дал Зевсу, с которым вступил в добровольный союз, такой мудрый совет:

– Ты выпусти из жуткого мрака бездонного подземелья Сторуких и Одноглазых древних титанов с их молниями страшными, что выковали за века они во дымной мгле непроглядной погибельного Таргара, и эти великаны решат в твою пользу исход затянувшейся битвы.

Чудовищная сила Гекатонхейров и Киклопов и новейшее оружие Зевса – перуны, метавшие на большие расстояния молнии сыграли решающую роль в разгроме могучих титанов.

Прометей долго пользовался доверием Зевса и вместе с мудрой Афиной участвовал в сотворении живой природы. Человек, вылепленный Прометеем из особенной глины, и оживленный божественной сутью Афины и сам выглядел как творец-зачинатель Вселенной, высокий ум светился в его очах, ввысь и вдаль смотрел он вызывающе дерзко.

В Меконе при введении обычая жертвоприношения Прометей впервые обманул Зевса. Издавна люди, совершая жертвоприношения богам, бросали в пламя жертвенное животное целиком, однако бедняки не могли приносить такие жертвы, и люди стали роптать и просить богов установить более справедливый обряд жертвоприношения. Зевс приказал Прометею убить быка для жертвы и разделить его тушу на 2 части, одну из которых он выберет для богов, а другая часть останется людям. И вот титан, освежевав тушу быка и разрезав на части, мясо отделил от костей. Затем все разделил на две неравные части. В кучу одну потроха положил и мясо, грязной шкурою все обернув и покрыв сверху бычьим желудком. Белые ж кости собрал он в кучу другую и покрыл их так сверху ослепительным жиром, что костей не было видно.

Заметив по-разному выглядевшие кучи, все понял Кроноид, многосведущий в знаниях вечных, и, покачав головой, с осуждением посмотрел на титана и так прозорливо обратился к нему:

– Сын Иапета, знающий все наперед! Очень несправедливо, мой милый, на 2 части быка поделил ты!

Так сказал с неопределенной усмешкой Кроноид, Прометей же с вызывающей доверие мягкой улыбкой ответил ему:

– Зевс, величайший из вечно живущих богов! Разве не справедливо, когда один делит, как хочет, а второй выбирает, как подсказывает ему собственный дух!

Некоторые говорят, что Зевс, опечаленный коварством титана, нарочно сделал неправильный выбор и левой рукой указал на блистающий жир.

Другие утверждают, что Зевс, сердцу которого, Правда была всегда милее всего, решил поверить титану, что он добросовестно дележ произвел – ведь древние титаны не знали коварства.

Есть и такие, что уверяют, будто и Прометея разделить тушу на 2 неравноценных кучи, и Зевса выбрать худшую кучу сама непреложная Мойра Лахесис подвигла, ибо людям в те незапамятные времена жизненно необходимо было пропитание, а вкушавшим амбросию богам – почитание.

Кронид в выбранной куче увидел прикрытые жиром одни только обрезанные от мяса кости быка. С этой поры поколенья людские во славу бессмертных на алтарях благовонных лишь белые кости сжигают и изредка, когда пищи очень много – еще и бедра животных.

– Сын Иапета, меж всех титанов наиболее на выдумки хитрый! Козней коварных своих, брат мой любезный, еще не забыл ты! А зря.

Так сказал титану-обманщику Зевс, и в сердце великом навеки обман совершенный запомнив, силы огня решил ни за что не давать он людям, которые на земле обитают.

– Из-за твоего обмана будут поедать человеки теперь мясо сырым, как дикие звери потому, что никто не посмеет дать им отныне огня.

Мстительно так изрек Олимпиец, косматой тряся головой и зубами скрипя, ибо очень несправедливым был дележ туши жертвенного быка, а справедливость не только людям, но и бессмертным была милее и дороже всего.

Однако титан не подчинился приказу владыки Олимпа не давать людям огня и, с вечного неба похитив огонь, он научил людей пользоваться им и долго сохранять горящие угли под слоем горячего пепла. За похищение божественного огня по приказу грозного Владыки Олимпа непокорный титан-богоборец был прикован колченогим Гефестом железными цепями к казавшейся нерушимой Кавказской скале.

Нереиде Фетиде вещей Геей было предсказано, что ее сын будет сильнее отца. Любвеобильный Зевс давно страстно стремился возлечь с Фетидой и, если бы она родила от него сына с сердцем сверхмощным, то он, возмужав, лишил бы Метателя молний власти верховной. Знавший этот оракул Прометей, несмотря на тысячи лет ужасных мучений, так и не выдал страшной тайны, но милостивый Зевс не возражал сейчас против его освобождения, когда узнал, что в поисках сада Гесперид, к прикованному титану направляется его сын от Алкмены, истреблявший самых страшных чудовищ.

281. Геракл освобождает Прометея

Геракл, следуя указаниям Старца морского Нерее, достиг гор Кавказа, где уже, как некоторые говорят, 30 тысяч лет находился цепями прикованный и алмазным штырем прибитый к скале Прометей, знаменитый титан – зевсоборец. Почти все эти годы он находился в полусонном состоянии, совсем без движения и потому мог годами обходиться без пищи, а жажду губы и тело сами утоляли водой дождевой. В последние годы к его нестерпимым мукам добавились новые страдания, о которых он сам так говорил однажды посетившим его среброногим океанидам:

– Каждый день ко мне, к скале пригвожденному, по приказу Зевеса прилетает орел Эфон, вонзает острые когти в меня и крепким клювом грудь мою раздирает. Насытившись печенью, он довольный клекочет и хвост полощет в ихоре моем и только после этого улетает. Съеденная печень вновь и вновь за спокойную ночь вырастет, и он к этой пище каждое утро снова с жадностью возвращается.

В это солнечное утро, уже успевший привыкнуть к страшной пытке, Прометей с угрюмым спокойствием поджидал Эфона, и вдруг он услышал чьи-то грузные шаги. Из-за выступа скалы показался могучий атлет в набедренной повязке и львиной шкуре на широких плечах, у него был лук, колчан со стрелами и дубина на мощном плече.

– Радуйся, Прометей благородный. Я сын Зевса и смертной Алкмены Геракл.

Густым басом пророкотал небывалый герой, глядя на титана с неловкой улыбкой и искреннем состраданием.

– Зря ко мне ты явился, отпрыск Зевеса. Родитель твой, свирепый владыка бессмертных, теперь вместо богов ко мне сынов своих, смерти причастных, присылает, чтоб только выведать мою страшную тайну? – Не выйдет! Я не открою рта и все-таки дождусь, когда отец твой суровый будет надломлен и смят копытом непреложного Рока.

Ответил хрипло Прометей, приподнимая голову, насколько позволял тот штырь, что был Гефестом вбит сквозь грудь в скалу. Его лохматые грязные седые волосы отдельными длинными патлами покрывали голову и лоб и лежали на окружавших камнях, а длинная тоже седая борода клочками топорщилась на изможденном лице и простиралась ниже пояса, где склеена была запекшимся ихором. На сильно исхудалом лице Прометея виден был только острый конец горбатого носа, да еще темные глаза, безумно пылавшие в седине волос неукротимой злобой.

– Я лишь однажды встречался с отцом родным на своей свадьбе и не говорил с ним ни о тебе, ни о твоей тайне.

Геракл, встретив враждебный взгляд Прометея, сморщил нос и отвел по-прежнему сочувственный взгляд. Он молча положил на землю дубину и лук со стрелами и, подойдя к Прометею, вдруг схватился за алмазный штырь, торчавший

из груди титана. Мышцы Алкида вздулись буграми не только на руках, но и на спине и ногах, он вскрикнул от напряжения, и тут скала громко треснула, и стержень вылетел из прометеевой груди. Титан, сросшийся за многие годы с этим штырем и со скалой, лишился чувств от нестерпимой боли. Когда Прометей очнулся руки и ноги его были тоже свободны, Геракл легко разорвал руками ржавые железные цепи, давно потерявшие былую прочность.

Знаменитый титан – зевсоборец, негнибаемый бог-бунтарь после тысячелетних мучений был совершенно свободен.

282. Геракл убивает орла Эфона

Вдруг в безоблачном небе яркое солнце затмила огромная тень, и послышался громкий шум мощных крыльев. Как, обрушившись на листья и ветви могучего дуба, сильный ветер в раскидистой кроне свистит и ревет, так спускавшегося с неба Орла огромные крылья шумели.

– А вот и голодный Эфон не замедлил явиться. Сейчас он будет рвать когтями и раздирать клювом мою грудь и жадно поедать мою печень. Незваная крылатая собака Зевса кормиться ко мне всякий день прилетает – и нет конца этим мучительным пыткам! О мать-земля! Ты видишь, какие я терплю несправедливые мученья!

Процедил сквозь зубы искалеченный Прометей, и по его грязной щеке скатилась горькая слеза. Из груди, где был вбит штырь, ихор, как вода прозрачный, струился.

Геракл с неожиданной для его мощного тела резвостью схватил лук, и вот уже пернатая стрела, пропев свою смертоносную песню, вонзилась в сердце орла, и огромная птица бездыханная шумно грохнулась на скалу, словно конь, на всем скаку споткнувшийся обеими передними ногами.

– Я полубог, а ты древний бог, но оба мы герои. Мы с тобой похожи еще тем, что за великие подвиги и героические благодеянья людям одни получаем страдания и мучения! Мне надо бы давно явиться сюда и положить конец тво-

им ужасным терзаниям и пыткам, но и я, как ты, титан, валяюсь часто под железными копытами слепой Судьбы. Уже десяток лет я подневольный, служу ничтожному микенскому царю, который занял предназначавшийся мне трон, благодаря козням Геры.

Сказал Геракл, и тут титан преобразился: он закричал, и в его грубом, хриплом голосе сквозь ставшую уже привычной боль впервые за века звучала радость:

– Так, значит это ты, тот лучник знаменитейший, что навсегда от мук меня избавит тягостных! Это пророчество Фемида, мать моя, однажды предсказала мне, и вот оракул древний наконец свершился!

Некоторые, как Гесиод, уверяют, что Гераклом был орел умерщвлен, и сын Иапета избавлен от жесточайших страданий не против воли высокоцарящего Зевса: ибо желалось Крониду, чтоб слава нетленная его лучшего смертного сына Геракла сделалась больше еще на земле. Честью великой решив отличить знаменитого сына, гнев многовековой прекратил он, который дотоле питал к титану-бунтовщику Прометею.

Амфитрионид приосанился и улыбнулся довольно. Наверное, Гераклу было приятно, что вторая законная супруга Кронида, а теперь богиня правосудия и справедливости титанида Фемида за тысячи лет предсказала его появление здесь и назвала знаменитейшим лучником.

Тут Геракл внезапно сморщился, вспомнив, зачем явился

он к Прометею и чистосердечно воскликнул:

– Прости меня благородный титан! Ведь я пришел сюда не совсем за тем, чтоб избавить тебя от мучений. Давно ищущу я диковинный сад, который охраняют сладкоголосые Геспериды. Говорят, Атлант, твой брат-исполин там держит весь купол огромного неба. Мне 3 золотых яблока приказано царем Эврисфеем добыть с той чудной яблони, что мать Гея на свадьбу подарила моей злокозненной мачехе Гере. Старец Нерей – правдолюбец морской сначала сказал мне явиться к тебе, и вот я здесь.

– Я знаю этот сад. Как же давно это было. Я там бывал, когда с Атлантом мы были очень молодыми. Брат мой старший Распрю с детства не любил и от Эриды сам по доброй воле переселился на край света..., но Рок для разума не постижимый метет, как губительный вихрь, всех без разбора и даже богов не для смерти рожденных. И вот теперь стоит живой подпоркой тверди неба он, плечами подпирая склон небесный, тяжесть неимоверную...

283. Прометей указывает дорогу к саду Гесперид

Титан долгое время молчал, глядя куда-то тоскливо, потом посмотрел на Геракла, тяжело вздохнул и продолжил:

– Я расскажу тебе, невиданный герой, избавивший меня от неотступных мук, как сад найти, что Геспериды и дракон Ладон, не ведая покоя, охраняют. Ступай вон той дорожкой, любезнейший Геракл, и к морю ты придешь, где брат мой Гелий, сын солнечного Гипериона и волоокой Эйрифассы, появляется в своей пышущей огнем дивной квадриге. Гелию труд вековечный на долю был ниспослан непреложной Мойрой. Ни его быстроногим коням даже краткий отдых неведом, ни сам он ни дня передышки не знает. Сияющий брат мой Титан златояркий в квадриге огненных коней после предписанной старой Ткачихой ежедневной поездки спускается с закатного неба. Даже ему нужен отдых, и он стремится в свой полный блеска дворец, пока землю владеет чернокрылая Нюкта, богиня такая же древняя, как Гея-земля. Быстро через пенные волны, гонимые ветром, несется Титан в вогнутом золоте крылатого ложа. Одолжив у Гелия челн, ты на нем приплывешь к саду моего старшего брата. Однако советую тебе самому в этот сад не вступать и не приближаться близко к яблоне Геры, а попросить Атланта принести золотые яблоки, и в это время вместо него подержать купол

неба. Ведомо мне от самой Мойры Лахесис, что ты один на это способен...

Тут опять послышался свистящий шум в воздухе, и Геракл, не дослушав Прометея, кинулся к луку, но перед ними возник глашатай и вестник Зевса Гермес в крылатых сандалиях и с примиряющим кадуцеем в виде скрещенных змей. Геракл хорошо помнил покладистый, миролюбивый характер Аргоубийцы, но на всякий случай стал между ним и Прометеем, который, хоть и быстро восстанавливал силы, все еще не мог сам твердо стоять на ногах.

Гермес же широко улыбнулся и дружелюбно, но как всегда витиевато сказал, обращаясь к Гераклу:

– Радуйся, истинный отпрыск Кронида. Все в этом мире происходит по воле непреложных дочерей Ананке вещей Мойр, седую пряжу столетий в своих замыслах ткущих, на мировом веретене без сна и отдыха роковые нити суча. Ты и сейчас все делаешь по предначертанью Могучей Судьбы, а также по воле всемогущего Зевса. Отец наш Кронид желает, чтобы Геракл сын его лучший, смерти причастный, еще более прославился тем, что спас от мук Прометея, жестоко наказанного им за...

Вестник Зевса повернулся к Прометею и с очень лукавой улыбкой продолжил:

– Нет, не за похищение огня – за преступную гордыню и непомерную спесь на тысячелетия ты был по приказу Зевса прикован к скале и, как сам понимаешь – не без согласия

Мойры Лахесис. Но милостив Зевс, наш великий отец, и теперь ты совершенно свободен титан и, прошу заметить, без всяких условий! Чернотучий приглашает тебя, как почетного гостя или как насельника нового – это уж на твое усмотрение – на многохолмный Олимп. По этому поводу блаженные боги, чтобы попить в твою честь уже начали собираться на блистательных высях нашей величайшей горы, на которой в нетленных чертогах мы вечно блаженствуем, ни печали, ни тревоги не зная.

Миролюбиво так Киллений говорил Прометею, помахивая своим примиряющим жезлом.

– Признайся мне хитроумнейший Долий, что ты прибыл сюда потому, что все еще хочешь узнать, как Зевс власти верховной лишится?

В глазах Прометея промелькнули и изумление, и радость, и недоверие, и спросил он без откровенной вражды, но по-прежнему очень недоверчиво глядя на самого лукавого олимпийского бога; он хорошо помнил его последнее посещение, тогда они говорили и расстались, как заклятые враги.

– Должно быть, ты хочешь сказать, что Отцу всех бессмертных и смертных нельзя иметь детей от сереброногой богини Фетиды, которой он некогда домогался?

С хитровой улыбкой спросил Гермес у титана, подмигнул ему сначала левым, а потом правым глазом, но потом его глаза блеск веселья утратили, и он уже серьезно продолжил:

– Твою тайну уж тысячи лет знает Зевс-Промыслитель.

Эту тайну ему открыла сначала искусная в предсказаниях мать твоя милая и его вторая супруга Фемида, затем ведающая судьбы мира его бабка и всеобщая праmaterь Гея. Потом это сделала сама Мойра Лахесис, явившись Зевсу во сне, не раскрывая губ, она бесстрастно провещала все, что было необходимо для сохранения заведенного Ананкой Миропорядка на широкогрудой земле и в небесном эфире. Ты ж, ослепленный ненавистью а Кронида, тайны ему не открыл и хотел, чтобы Фегида родила от Зевса сверхмощного сына. Неужели ты не понимал, что с Зевс с молниями и перунами верховную власть могучему сыну просто так не отдал бы, и весь мир бы погиб в пожарище новой войны, которая была бы страшнее Титаномахии и Гигантомахии вместе взятых?! Вот за это ты и страдал...

Геракл помотал кудрявой своей головой и не стал слушать продолжение разговоров сына все сильного Зевса с сыном непокорного титана Иапета, которые имели старые счета друг к другу. Поправив на спине львиную шкуру, с луком за одним плечом и палицей на другом плече, он крикнул Гермесу и Прометею «Будьте оба здоровы!» и зашагал на край света к прометееву брату Атланту.

284. Геракл освобождает от разбойников Гесперид

Разбойники, посланные Бусирисом, долго искали сад Гесперид, а когда нашли себе на беду, были усыплены их сладкоголосым пением. Пестрые песни под кифару и флейту девы все вместе дружно запели, дивно узорчатый сплетая напев, и злодеи быстро очутились в могучих объятьях Морфея, похожих на беспробудный сон Танатоса.

Проспав много дней и ночей, главарь разбойников по воле богини случая Тюхе, неразборчивой между злом и добром, внезапно проснулся и товарищей своих разбудил. Вспомнив все, что с ними случилось, они с громкими воплями, заглушавшими пение Гесперид, схватили девушек, когда те вели хоровод у высокой ограды своего дивного сада.

Ни Атлант, словно живая подпорка, неподвижно державший купол небесный, ни дракон Ладон, крепко спавший за высокой и крепкой садовой оградой, не помешали злодеям. Разбойники, поспешно возвратившись с дочерьми Вечерней звезды на свой быстроходный корабль с двумя носами высокими, отплыли от берега, и петь Гесперидам больше не позволяли, завязав им чудесные рты их же пурпурными платками.

На широкой влажной дороге от моряков встречного корабля, с носом листовой медью обитым, разбойники узнали

о смерти Бусириса от руки могучего героя Геракла. Поняв, что никто им уже не заплатит за похищение Гесперид, они решили сами воспользоваться сладкими дарами девичества прекрасных дочерей Геспера и черной Ночи. Высадившись на каком-то мысу, они устроили там веселое пиршество, похожее на дионисову оргию, а в качестве неистовых в любви вакханок собирались насильно использовать дев Гесперид, которых они уже раздели, оставив одежду лишь на их ртах, чтобы не пели.

В это время Геракл только, что освободивший Прометея, и узнавший от него путь к саду Гесперид, оказался в тех местах, где на краю земли в глубокий Океан садится так необходимое всем солнце. Тут опять вмешалась богиня случая Тюхе, и по необъяснимой ее прихоти отпрыск Зевса приплыл на тот самый мыс, где высадились разбойники с похищенными Гесперидами.

Увидев много мужей злодейского вида и несчастных, совсем обнаженных девушек с плотно завязанными ртами, Геракл догадался, что перед ним разбойники, о которых он слышал еще в Египте. Главари по дубине и львиной шкуре узнали героя, прославленного всеокрушающей силой, и попытались мирно договориться с ним, но у Геракла, уж много лет очищавшего мир от чудовищ и злодеев, и с разбойниками речь была очень короткой:

– На ветер с вами весь разговор. Нам не о чем говорить. Лучше посмотрю, даст ли мне славу добыть Дальновержец,

попаду ль, куда мечу не его, а обычными стрелами?

И быстро разбойников сетью крепкой неразрывной своею по рукам и ногам неотвратимая опутала гибель. Амфитрионид тех злодеев, что пытались быстро бежать, застрелил пернатými стрелами из своего гнутаго лука, других, что сами бросились с мечами к нему, так же стремительно убил своей суковатой дубиной из дикой оливы. Остались живыми, исключительно благодаря своей изворотливой хитрости, только 4 главаря разбойничьей шайки.

Оставшиеся невредимыми главари разбойников схватили Гесперию, Эглу, Аретусу и Эрифию и, ловко прикрываясь ими, как живыми щитами, попытались пробраться к своему чернобокому кораблю с мудреными такими словами:

– Уймись могучий герой и нас пощади! Ведь мы, как и ты, такие же подневольные люди, и все, что мы делали, делали по приказу владыки Бусириса, имевшего скипетр от Зевса в Египте... Ведь и ты, как мы знаем, хоть величайший в Элладе герой, но вынужден служить ничтожному царьку Эврисфею. Мы с тобой, как братья, обиженные при рождении Мойрой...

Глупые, речью с ложью изощренной такой напрасно героя они надеялись обмануть.

– Замолчите, собаки! Я все про вас знаю, и, хоть вы прикрываетесь Гесперидами, вас не минует позорная смерть! Сейчас я с вами расправлюсь и больше не будите вы грабить людей и дев похищать!

Не напрасно Геракл учился из лука стрелять и достиг такого совершенства в этом искусстве, что, даже при изменчивом ветре, попадал с пятидесяти шагов в перстень. Разбойники, считавшие себя очень хитрыми и жестокими, не успели даже глазом моргнуть, как оказались пронзенными губительными стрелами Геракла. При этом двум злодеям он попал в левый глаз, а двум другим – в правый, поскольку одни попытались пройти мимо Геракла слева, прикрываясь девами, как живыми щитами, а двое других разбойников, прикрываясь их сестрами, пробирались справа.

Счастливые тем, что избавились от грозившего им любовного рабства, девушки, желавшие поскорей оказаться в своем любимом саду, как только нашли свои одежды на корабле разбойников и оделись, так сразу указали Гераклу кратчайшую дорогу к отчему дому. Герой, конечно, предложил девам перед отплытием всем вместе или по очереди возлечь с ним и сочетаться любовью и лаской, но девы решительно отказались, сказав, что они чувствуют себя после плена очень больными.

И вот, Геракл, убивший разбойников, похитивших Гесперид, вместе с девушками, наконец, попал в то место на самом краю земли, где рано родившейся богини утренней зари Эос и дом, и площадка для песен и танцев, и где утром златотяжкий Гелий на огненной квадриге своей выезжает. Здесь могучий титан-исполин Атлант держал на плечах небесную полусферу и здесь был сад с необыкновенной яблоней с див-

ными золотыми плодами, которые давали вечную молодость и огромную силу.

285. Титан – исполин, державший на плечах небо

Согласно древнему преданию, Атлант вместе с красивой женой океанидой Плейоной некогда счастливо жил в Аркадии, где он был царем небольшого города у Тавмасийской горы. Высокие Аркадские горы отделяли солнечную Аркадию от бушующих холодных ветров и бурных морей, как от жизненных бурь и невзгод, и жизнь Атланта была спокойной и блаженной.

Плейона сначала родила счастливому отцу дочь Калипсо, а через год на свет появились сразу семь дивных дочерей, названных Плеядами – звездными девушками. Затем любимая супруга подарила Атланту сына Гиаса и через несколько лет у них родились опять дочери – близняшки – пять сестер Гиад, дивных нимф дождя.

Говорят, Титан-исполин очень любил, выйдя ранним утром вместе с зарей золотистой в цветущую благоухающую долину воздеть руки вверх и вымыть их прямо в кудрявых белоснежных облаках, как в морской пене, и причудливые барашки-облака игриво разбегались по сияющей лазури мирного неба.

Однако вскоре новые насельники блистательных высей Олимпа явились к Атланту и отобрали его исконные земли. Законная третья Зевса супруга златотронная Гера решила в

это время натравить на мужа недовольных новой верховной властью титанов и часто тайно многим из них хитро так говорила:

– Титаны, могучие, как стихии природы! Зевс чернотучий изгоняет вас с родных, насиженных мест, отдавая законно принадлежащие вам земли членам своей олимпийской семьи, приближенным, любовницам и многочисленным незаконнорожденным детям. Разве можно такое терпеть?! Где ваша природная гордость, титаны?! Ведь новые боги во главе с Зевсом с вами поступают несправедливо! Я сама богиня Олимпа и Громовержца супруга, но справедливость моему сердцу милее всего, и потому я против Кронида. Восстаньте же все вместе титаны, изгоните Зевса и других олимпийских богов из небесного царства и верните трон вашему первому коронованному правителю Крону, томящемуся в Аиде.

Гера, будучи Зевса супругой, была совершенно уверена в том, что пелагоны никогда не победят олимпийских богов, к которым и сама принадлежала. Им это Мойры никогда не позволят. Богиня богинь страстно желала и очень надеялась, что могучие дети Геи, будучи бессмертными, своей упорной борьбой заставят Зевса поступиться хоть частью его неограниченной власти, и эта часть перейдет к ней, и они дальше будут царствовать на Олимпе на равных.

Недовольные новой властью титаны стали открыто не повиноваться Зевсу, и запылали страшные пожары Титаномахии. Тогда прежде миролюбивый титан – исполин Атлант

присоединился к свободолюбивому отцу Иапету и гордому брату Менетию в их непримиримой борьбе с олимпийцами, а затем, благодаря своей необыкновенной силе и справедливости, стал во главе всех титанов.

Титаномахия закончилась сокрушительным поражением титанов в последней великой битве, в которой приняли участие Сторукие исполины и Одноглазые великаны, давшие Крониду перуны и молнии. Всех не покорившихся титанов Киклопы заковали в нерушимые цепи, и Громовержец низверг их в первозданную бездну Тартара, но раненного в последней битве Атланта ждала особая участь.

Брат Прометея Атлант был так силен и огромен, что Зевс, умеющий быть осторожным, побоялся низвергнуть его в не имевший дна Тартар. Кронид страшился, что после исцеления от ран, Атлант сможет разрушить крепкие лишь для других медные ворота Тартара и подняться на землю вместе с остальными титанами.

Зевсу очень понравилось, когда на совете олимпийских богов хитроумный Гермес предложил:

– Надо изощреннейшей хитростью заставить не в меру могучего Атланта водрузить на себя огромное небо, купол которого лежит все еще лежит на земле после того, как Крон изострым серпом плодовитости Урана лишил. Так мы цели двоякой достигнем: и Атланта придавим невероятной тяжестью неба, под которой он не сможет даже пошевелиться, и небо с земной тверди поднимем, чтобы природа на земле

развивалась.

Зевс Аргоубийце его замысел этот в жизнь поручил претворить, и тот легко обманул могучего, но простодушного титана, чуждого всякого коварства. Зная, как Атлант ненавидит олимпийцев, Киллений открыто предложил своему деду – титану:

– Сын Иапета безмерно могучий! Непреодолимая любовь к справедливости побуждает меня, хоть я сам олимпиец, высказать тебе роковое слово такое: если хочешь доставить долгожданную братьям титанам победу и родителю с братом неограниченную свободу, то подними с земли небосвод и раскачай его так, чтобы разом низвергнуть с Олимпа всех новых богов вместе с Зевсом.

Воодушевленный этой речью простодушный Титан собственными руками поднял на миг огромное небо и успел подставить под него свои могучие плечи, и потом уже не мог ни опустить его, ни скинуть, придавленный страшной тяжестью небесного купола.

Некоторые, подобно Гесиоду, говорят, что с тех пор держит Атлант, принужденный Неизбежностью мощной, на голове и руках неустанных купол широкого неба там, где пролегает граница земли, где певички живут Геспериды. Ибо такую безотрадную судьбу ниспослал ему Зевс-Промыслитель и непреложная Мойра.

286. Встреча Геракла с Атлантом

Геракл увидел издалека гору, очертанием напоминавшую силуэт стоящего человека и держащего на плечах купол огромного неба. Титан-исполин стоял неподвижно, было только видно, как он медленно и тяжело дышит, разгоняя выдыхаемым воздухом небольшие низкие тучи. Атлант напоминал каменное изваяние, ибо неподвижные черты лица его и закрытые глаза застыли, словно были окаменевшими.

Геспериды весело поздоровались со своим приемным отцом и стали бойко рассказывать ему о своих приключениях, не забыв вскользь упомянуть и Геракла, как их случайного спасителя от безобразных разбойников.

Амфитрионид заговорил лишь тогда, когда девушки смолкли:

– Радуйся прямодушный Атлант! Я сын Зевса и смертной Алкмены Геракл. Принимай гостя, благородный титан. Я пришел за тремя золотыми яблоками из твоего бывшего сада, который сейчас называют садом Гесперид.

Атлант, скосил глаза, потому что шею, на которой тоже лежала часть огромного неба, он не мог повернуть, с изумлением посмотрел на дерзкого гостя. Он вдруг вспомнил вещанье матери милой парнасской Фемиды, которая первой указала для смертных священный оракул в Дельфах в глубоком ущелье, даря от богов предсказанья. Царствуя в землях пифий-

ских, в краю, где равнина Пифона, это она научила давать предсказания лучезарного Феба. Вещанье же матери было такое:

– Время такое настанет, милый Атлант, что ограблено будет золото дивной яблони Геры, и 3 яблока достанутся дерзкому Зевсову сыну от смертной Алкмены – Гераклу, по силе сравнимому с самими богами.

Атлант знал о волшебной силе золотых яблок, рождавшихся на яблоне, выращенной всеобщей праmaterью Геей. Он надеялся, что когда-нибудь эти чудодейственные яблоки возвратят подорванные в губельном мраке Тартара силы его отцу Иапету, брату Менетию и другим братьям – титанам, не покорившимся Олимпийцу. Поэтому он, как мог, охранял золотые яблоки. Еще до того, как он сам себя придавил неба тяжкой громадой, убоившись воров, Атлант обнес свой сад сплошной высокой стеной.

Атлант от своей дочери Меры слышал о подвигах Геракла, однако не восхищался героем Эллады, ведь Немейский лев, Лернейская Гидра и двуглавый пес Орф, как Тартариды, были его близкими родственниками – у них была одна бабка Гея. Кроме того, от стрелы Геракла погиб кентавр Хирон – мудрая гордость всех древних титанов. Но самое главное, титан-исполин так ненавидел своего двоюродного брата Зевса, что и на его смертного сына смотрел, не скрывая извечной вражды.

– Золото яблок не для тебя, подвластное смерти отродье

Зевеса. Уходи, пока жив убийца Хирона! Иль тебе не поможет всех твоих мнимых подвигов бесполезная слава, вздорной Молвою надуманных, и даже сам Зевс ненасытный, которому власти все мало. Я могу сказать Гесперидам, и они быстро тебя усыпят, как мать усыпляет ребенка и потом жизни лишат. Я могу кликнуть стоголового дракона Ладона, он намного могучее гидры из Лерны, могу и сам изловчиться и ногою, как муху тебя раздавить...

Атлант пошевелил одной ногой, напоминавшей скалу, и, хоть сделал это он с огромным трудом, могучие плечи Геракл передернуло, словно от внезапно налетевшего холодного ветра. Но сын Алкмены давно привык с непреодолимым для других людей страхом бороться и всегда успешно его побеждал. Он решительно сбросил на землю дубину и лук и примирительно закричал:

– Усмири гнев свой, благородный Атлант. Невиновен я в нелепой смерти Доброго Старика, его случайно погубила стрела, отравленная ядовитой желчью Гидры из Лерны. Мудрый Кентавр всегда был мне большим другом. А дорогу к тебе указал мне твой брат Прометей. Теперь навсегда он свободен: я выдернул стержень, которым он был пришпилен к скале и опутавшие его цепи порвал, и Эфона убил, орла, который его печень пожирал ежедневно. Благодаря мне, твой брат Прометей совершенно свободен, должно быть, он сейчас уже на Олимпе, как гость долгожданный или как новосел.

Застывшая непримиримая вражда на окаменевшем лице Атланта медленно сменилась живым интересом, вскоре переросшим в благодарность. Титаны, как дети природы, были чужды всякой лжи и коварства. Атлант попросил Геракла рассказать все о Прометее, и когда тот выполнил его просьбу, благодарный Иапетид решил ему помочь добыть золотые яблоки. Он попросил своих приемных дочерей Гесперид сходить в сад и сорвать три золотых яблока с яблони Геры, укоров их за то, что они до сих пор сидели и угрюмо молчали, не желая замолвить словечко за героя, спасшего их от жестоких и хитрых разбойников.

Геспериды незаметно перемигнулись и, заспешив в сад, позвали с собой и Геракла. Как только они отошли от Атланта дочери Геспера дружно запели, и уставший Геракл тут же заснул. Так неблагодарные дочери Нюкты и Вечерней звезды отплатили герою за избавление от безжалостных посланцев Бусирида. Впрочем, Амфитрионова ветвь не сильно пострадала, ибо Геспериды только усыпляли своим обворожительным пением. Потом они не раздирали спящего человека на части, чтобы пожрать, как это делали другие знаменитые певицы – дочери исторгающей трагический вопль печали Мельпомены от морского бога Форкиса сладкозвучные певицы грозного моря Сирены.

Геспериды, хоть и сторожили сад олимпийских богов, но их ненавидели, и потому они и Геракла невзлюбили, хоть он и вызволил их от разбойников. Сладкоголосые певицы умча-

лись в свой сад, к охранявшему его дракону Ладону, а спящий Геракл недвижимым остался лежать на таком для него нерадушном крае земли.

287. Дочь Атланта Мера

Все, что случилось, с небесной высоты видел Атлант. Он тоскливо поморщился и позвал свою дочь милую Мери. Кроме Плеяд, Гиаса, Калипсо и Гиад у него были еще четыре дочери, имена двух Диона и Мера, а двух других дочерей имена давно позабыты. Диона своей семьей скромно жила неподалеку, выйдя замуж на местного бога речного.

Мера же посвятила свою благородную жизнь отцу, которого она любила больше всех на свете. Раз в день она поила отца медовым напитком и кормила дивными плодами из его бывшего сада, включая и одно яблоко с яблони Геры. Она добиралась до отчего рта по лестнице, рассказывала на ухо ему, все, что узнавала, а иногда, когда отец просил, танцевала для него и пела.

Когда Мера прибежала, Атлант сказал ей пойти к спящему Гераклу и дать ему понюхать цветок, который своим ароматом разрушал сонное очарование от пения Гесперид.

Проснувшийся герой подошел к Атланту и, поблагодарив его за спасение из нежных, но крепких объятий Морфея, сказал:

– Придется мне самому пойти за золотыми яблоками. Гесперид я не трону, если они не будут больше петть губительно для меня, а стоглавого дракона Ладона убью, ибо миновало время таких страшных чудовищ и безвозвратно кануло

в Лету!

Титан – исполин тяжело вздохнул и попросил Мету рассказать Гераклу о яблоках с дерева Геры потому, что самому ему было тяжело много говорить.

Мера была почти обнаженная в одной узкой белой подвязке на стройных загорелых бедрах, лицом некрасивая, в веснушках, но высокая и крепкая, с гладкой кожей и сильным, упругим телом. На вид ей было лет 30, не меньше, такие Гераклу давно уж не нравились, но в последнее время он скитался один, без спутников юных и очень редко восходил на женское ложе.

Геракл окончательно проснулся после пения Гесперид и теперь не мог оторвать глаз от упругих полушарий высокой груди Меры, а та, не обращая на это никакого внимания, подчеркнуто равнодушно ему говорила:

– Этого Дракона здесь поставили сторожем олимпийские боги потому, что не доверяют они Гесперидам, которые часто сами воровали золотые яблоки Геры. Ты, наверное, можешь убить дракона Ладона, ведь, я знаю, что ты силою всех превосходишь, кроме одного Зевса. Но ты смертный и потому не сможешь близко подойти к яблоне Геры, тебе не поможет вся твоя громадная сила сорвать с яблони даже одно яблоко. Это чудесная яблоня. Аромат, исходящий от множества ее необыкновенных яблок, помогает Гере вновь обрести девственность после того, как она омоется в священном источнике Канаф. Геспериды в этом источнике не купают-

ся, но они каждый день вдыхают запах этих яблок и потому все они девственницы, хоть и рожали от местных Потамов не раз. Древние титаны, вкусив яблоко с дерева Геры, обретут вечную молодость и огромную силу. Олимпийские боги в амбросию добавляют немного кожуры этих яблок, и они помогают им не только бессмертными быть, но и бесстаростными. Одно яблоко в день я даю Атланту, родителю моему и, благодаря этому, он жив и здоров и может неба громаду держать. Для людей же, смерти причастных, даже простое пребывание поблизости от яблони Геры означает почти верную смерть, человек не в силах вдыхать аромат сразу множества этих яблок.

Мера закончила свою речь и с лукавым удивлением девушки посмотрела на Геракла, пожиравшего ее прекрасное тело глазами. Тот совсем не видел некрасивого рябого лица девушки потому, что не мог оторвать глаз от ее стройного крепкого тела: как только он отводил глаза от ее груди, они тут же устремлялись к ее тугим загорелым бедрам, если от бедер он глаза с усилием отрывал, то они начинали сверлить повязку, под которой скрывались округлые ягодицы и выпуклое лоно. Геракл замотал головой и, наконец, оторвался от таких близких, красивых и главное – ему неизвестных грудей, бедер и ягодиц Меры и тяжело задумался. На лбу нахмурившегося героя прорезались глубокие морщины – он пытался измыслить, как же ему выполнить предпоследний свой подвиг. Погибнуть под яблоней своей мачехи он

явно не хотел, и тут он радостно закричал:

– Может быть, Мера вместе со мной сходит за тремя яблоками? Больше мне и не надо. Мы с ней вместе дойдем до высокой ограды, и я ее там подожду, и не встречу ни с Ладонем, ни с Гесперидами.

По похотливым искрам в глазах Геракла было видно, что он что-то задумал, но их не заметили ни Мера, ни Атлант, который ответил Гераклу:

– Моей дочери Мере Гесперида и Ладон по приказу Зевеса дают только одно яблоко в день – для меня, для тебя же Ладон не даст ничего... Я мог бы сам попробовать сходить за яблоками в сад, до него всего один лишь стадий, я сделаю лишь 10 шагов, конечно, если ноги пойдут. Но кто в это время будет держать купол неба?

Так говорил в глубоком раздумье Атлант. Геракл тоже погрузился в свои невеселые мысли, повернувшись к Мере спиной. Он с такой силой тер свой низкий выступающий вперед лоб, что незаметно для себя сдвинул приклеенный парик, который упал назад. Обернувшись за париком и увидев удивленный взгляд Меры, он густо покраснел и, схватив парик, с силой напялил его на лысую, как яйцо, голову. Глядя недовольно по сторонам, Геракл неожиданно для себя быстро сказал голосом злым:

– Я тебя подменю и подержу неба купол, пока ты ходишь за яблоками.

288. Геракл подменяет Атланта и держит небо

Тут Геракл не только удивился тому, что сказал его рот, он страшно испугался. С дрожаньем тела и трепетом духа он оглядывал огромный купол необъятного неба, медленно поворачивал голову то вправо, то влево, то запрокидывал мощную шею вверх и назад...

– Хоть ты силой безмерно могуч, но все равно не сумеешь удержать твердь огромного неба... Уронишь купол на землю, и все твари, смерти подвластные, включая людей, под ним погребены будут заживо и, все, как один, окажутся в мрачных владеньях Аида...

Так, как бы раздумывая, Атлант говорил неуверенно, и Геракл, почувствовав нерешительность исполина, чтобы поспорить с ним его перебил:

– Я древнее знаю пророчество, что силой уступаю лишь одному родителю Зевсу... хотя тебя, исполин и еще Гелия, солнечного Титана, должно быть, оракул не принял в расчет, когда оценивал мою силу...

– Милая Мера рассказывала мне о подвигах великих твоих, восхищенья достойных. Больше всего хочется мне словно окаменевшее тело мое хоть немного размять, не ощущая на плечах неимоверной тяжести небесного свода! Может и правда ты сможешь хоть немного вместо меня подержать

этот купол огромного неба? Больше всего я надеюсь, что никогда не дремлющая Мойра Лахесис, следящая за Миропорядком, не допустит ничего, что приведет к гибели всех живых тварей. Давай же попробуем, могучий отпрыск Кронида. Встань слева от меня, да подальше!

Решительно сказал Атлант, и Геракл, не раздумывая стал с левой стороны от титана-великана. Казалось, что Атлант вдруг стал меньше ростом, а Геракл, наоборот, вдруг стал намного выше. Атлант немного опустил левое плечо, небо тоже опустилось, и Геракл почувствовал плечами небесную твердь, ибо края неба под его неимоверной тяжестью стали твердыми, как лед иль земля. Атлант, стоявший с перекошенными плечами, зажмурил глаза и сморщился так, что его лица стало похоже на окаменевшую маску ужаса; должно быть, он сильно сожалел о содеянном, ибо в таком положении нельзя было долго на плечах держать небосвод. Титан с невольным страхом ожидал, что вот-вот колени сломаются и он упадет под невыносимой тяжестью небесной громады и тут вдруг почувствовал, что небосвод давить перестал, и в тот же миг он бессильно завалился на левый бок.

– Иди же... титан..., и сделай..., скорее..., что обещал.

С великим трудом медленно говорил, отдыхая после каждого слова, Геракл, ушедший под тяжестью небесного свода почти по колено в твердую, как камень, землю, за тысячи лет утрамбованную огромными ступнями Атланта.

Гераклу пришлось держать тяжесть даже большую, чем

держал титан – исполин. Через много лет, уже на Олимпе после того, как Гера усыновила Геракла, пропустив под своими одеждами и сильно (лишь чуть-чуть меньше, чем Зевса) полюбила, ему восхищенно сказала:

– Сын мой любимый! Какой ты могучий, почти как свой великий отец! Материнская святая любовь к тебе вынуждает меня в нехорошем проступке признаться: когда ты вместо Атланта на краю земли держал Купол небесный, подставив под него и голову, и плечи, я ведь нарочно тогда еще надавила сверху на небосвод всем своим божественным телом. И ты не прогнулся под невероятной тяжестью купола неба, усиленного моим весом немалым, не дрогнул под бременем астр и созвездий, и лучше мир держался на твоём мощном хребте, чем на Атланте.

Гераклу казалось, что не только плечи и спина, но каждая его косточка трещала, все его мускулы от страшного напряжения вздулись, готовые лопнуть, вены покрыли его тело сплошной сетью толстых и тонких синих веревок.

Атлант с трудом встал на ноги и тяжелой неверной поступью, как будто он только начал учиться ходить, медленно пошел в направлении сада, и земля сотрясалась под каждым его шагом, как под мерными ударами огромного трезубца Колесателя земли Посейдона.

Некоторые, как Ферекид говорят, что Атлант, установив небо на плечах Геракла, отправился к Гесперидам, взял 3 золотых яблока и вернулся к Гераклу. Титан, не желая больше

держат небо, сказал Гераклу, что сам отнесет их Эврисфею и попросил поддержать небо на своем месте, пока он не вернется. Геракл решил, в свою очередь, хитростью возложил всю тяжесть небесного купола, опять на Атланта. Поэтому он, сделав вид, что согласен, попросил титана временно поддержать небо, пока он для удобства длительного держания неба сделает плетенку для своих плеч. Атлас, положив яблоки на землю, взял бремя неба на свои плечи, и Геракл, овладев яблоками, молча ушел в Микены к Эврисфею.

Согласно Диодору Сицилийскому, Атлант в совершенстве овладел астрологией и с большим искусством изобрел небесную сферу со звездами, почему и существует представление, будто он держал на плечах весь небосвод. Равным образом Геракл передал эллинам учение о небесной сфере, чем заслужил столь великую славу, что, выражаясь образно, люди говорят, будто Атлант вручил ему сам небосвод.

289. Атлант приносит Гераклу золотые яблоки

Когда Атлант тяжкими шагами, каждый из которых давался ему с великим трудом, подошел к окружавшей сад высокой ограде, построенной им тысячи лет назад, и увидел обеспокоенные глаза главной, возвышающейся над забором, головы стоголового дракона Ладона, то нетерпеливо сказал:

– Ничему не удивляйся Форкид и дай мне скорее три яблока золотых с яблони Геры.

– Что я вижу Атлант?! Ты вновь ходишь вольно, не прижатый куполом равнодушного неба?! Ты просишь яблоки с яблони Геры? Значит свершилось?! Тартар с медным помостом и воротами из седого железа, наконец, взбунтовался?! На освещенную солнцем поверхность из недр земли поднялись наши братья титаны?

Так громогласно вопросы один за другим выкрикивала главная голова Ладона, и все его огромное пятнистое тело дракона дрожало и извивалось, и все 99 его малых голов поднимались все выше и выше, пытаясь заглянуть через забор.

– Нет, Форкид. Увы, несчастные наши отцы и братья титаны, не пожелавшие служить Зевсу, по-прежнему томятся в тяжких оковах неволи в сумрачном Тартаре, в бездне великой, не имеющей дна, в которой залегают первобытные начала и первозданные концы всего сущего, страшные, мрач-

ные. Даже олимпийцы пред ними трепещут, а братья наши титаны по-прежнему в муках корчатся там.

– Тогда зачем тебе яблоки?.. И потом – кто сейчас держит огромное небо, Атлант?

– Купол небесной громады держит сын Зевса, Геракл, и хоть он смерти подвластен, но сильнее почти всех бессмертных богов. 3 яблока нужны для него, дай же мне их скорее, Ладон.

Дракон, сверкая глазами на основной голове, несколько раз ударил хвостом по земле так, что она со страшным грохотом треснула и разошлась, образовав глубокую щель в несколько локтей шириной и длиной в несколько стадиев.

– Нет, Атлант, никогда сыну Зевса яблок золотых я не дам! Пусть теперь небо держит отпрыск Зевеса, а мы с тобой, раз ты можешь ходить, нарвем яблок с дерева Геры и спустимся в Тартар бездонный. Мы освободим наших братьев-титанов и дадим им вкусить этих яблок чудесных, и вновь по всей необъятной земле с новой силой запыхает Титаномахия.

В хриплом голосе дракона отчетливо звенели нотки лелеющей сердце богини надежды Элпиды – правительницы переменчивых помыслов не только людей, но и богов, и чудовищ – всех, в ком разум светится. Если надежда на счастливый исход вливается в чье-нибудь сердце, то вмиг заставляет богиня Элпида его забыть о несчастьях. Лучшее всегда в мыслях Надежда рисует; но, лучшему в надеждах не просто

пробиться. Ладон много лет терпел командование олимпийских богов, но втайне всегда надеялся на изменение правления мира.

В глазах Атланта, давно ставших похожими на два серых камня, блеснуло на миг то же предчувствие близкой свободы, но тут же погасло, и он сказал со вздохом крайне тяжелым:

– Нет, Форкид, увы, нет. Как бы ни был силен Геракл, он не сможет, будучи полубогом, долго держать огромное небо... Прошло, Ладон, отведенное природой нам время, безвозвратно все кануло в Лету. Мы титаны – дети стихий и не можем с Фюсис бороться! Не трави напрасно мне изнуренное сердце несбыточными надеждами на свободу, ведь у Элпиды нрав непостоянен и крут. Надежда призрачно витает над головой, но лишь попробуешь ее ухватить, она тут же устремляется прочь... И дай, наконец, яблоки мне поскорее, или я сам отсюда вырву с корнем яблоню Геры.

Грозно прикрикнул Атлант, недобро взглянув на своего давнего друга дракона Ладона и стоявших рядом с ним перепуганных Гесперид. Ладон главной головой издал душераздирающий рев, в котором была первобытная боль и страдание, но потом, все же сорвал пастями трех малых голов три золотых яблока с яблони Геры и отдал их Гесперидам. Девушки принесли яблоки своему приемному родителю, но тот не смог их взять в руки – слишком они были маленькими для его огромных ладоней, и руки его до локтей давно стали

непослушными, словно каменными. И тогда сказал преданный правде древний титан:

– Идите со мной, Геспериды, сами отдадите яблоки Гераклу, и не вздумайте для него больше петь. Мне и так стыдно за вас – как вы отблагодарили его за спасение от разбойников.

Подходя к Гераклу, Атлант увидел, что тело героя дрожит от страшного напряжения, казалось, еще немного, и он рухнет под непомерной тяжестью купола неба, которое навсегда погребет под собой все живое. Титан, рискуя упасть, сделал несколько огромных шагов и с горестным криком подхватил небесную твердь на свои привычные плечи. Геракл тут же бессильно осел, а потом и вовсе завалился ничком в глубокую лужу из своего пота. Подоспевшие Геспериды подняли голову совсем обессиленного героя из лужи, потом помогли ему сесть и, когда Геракл пришел в себя, отдали ему три яблока, ярко на солнце сверкающих золотом.

290. Геракл сочетается с Мерой

Не сразу исполин смог говорить, опять взгромоздив на себя купол огромного неба, он, тяжело кряхтя, долго его поправлял, чтобы держать было удобней и, наконец, Гераклу сказал:

– Мера тебе об этих особенных яблоках рассказала, но я все же напомню, чтоб не забыл ты. Не вздумай сам вкусить этих яблок, они не для смертных, даже олимпийские боги кожуру только одного яблока ежедневно добавляют в амбросию, приготовленную на весь их сонм из 12 олимпийцев. Все думают, что Гея подарила яблоню на свадьбу Зевсу и Гере, чтобы, благодаря дивным яблокам, их супружеская любовь никогда не ослабла. На самом деле Гея растила их не для царственных внуков, а для своих несчастных детей – древних титанов, лучших из которых Кронид в Тартар низвергнул. Как только сможешь, сразу быстрее избавься от этих яблок коварных, не мешкая зря, отдай их царю, который тебя за ними послал. Все сказал... Сегодня больше нет сил говорить у меня. Прощай Геракл, уходи побыстрее, пока у тебя не случилось смертельной схватки с моим лучшим другом Ладонем, ведь он для тебя – просто чудовище, а ты для него – сын ненавистного Зевса.

Амфитрионид с трудом встал и долго непослушными руками засовывал яблоки в колчан, опустевший после схват-

ки с разбойниками. Он открыл было рот, чтобы крикнуть на прощание, как было обычно принято у эллинов «Гелиайне!» (Бывай здоров), но вместо этого только кивнул головой благодарно Атланту и, сильно шатаясь из стороны в сторону, побрел прочь.

Он и на стадий не успел отойти, как позади послышался громкий топот босых тог, и героя догнала Мера с небольшой сплетенной из тонких веток сумкой в руке; она протянула сумку Гераклу и сказала:

– Каждый день для отца я ношу одно яблоко в этой сумке, сплетенной из тонких веток этой же яблони Геры. Так переносить золотые яблоки много безопасней для смертных. Возьми эту сумку в подарок и прощай. Помни Меру...

Девушка, как будто, еще что-то хотела сказать или сделать, но не решалась. Она попрощалась, но не уходила, словно чего-то ждала. Геракл посмотрел на некрасивое лицо Меры и весь засиял – таким прекрасным оно ему показалось. Он взял сумку и, переложив из колчана в нее яблоки, обнял на прощание Меру, стараясь не касаться ее торчащих, как стрелы Эрота удивительно нежных и упругих грудей. Знал он не понаслышке, как взоры Эрота огненны и остры, как свиреп его ум, хоть и сладостны речи. Мыслит он часто одно, говорит же иначе. Как мед его голос, в сердце же горькая желчь у него. Сейчас герою было совсем не до женщин, после держания неба он и колени-то при ходьбе сгибал с немалым трудом.

Было жарко, и львиная шкура болталась сзади, оставляя обнаженную грудь Геракла свободной. Почувствовав кожей тугие соски сильно прижавшейся к нему Меры, любвеобильный отпрыск Зевеса не смог удержаться и, отбросив дубину, схватил одной рукой обнаженную грудь девушки, а другой – ее ягодицы округлые и тугие. Дева, как будто, только этого и ждала, она повисла на могучей шее Геракла и, вильнув упругими ягодицами, освободилась от единственной повязки, закрывавшей ее загорелое тело.

В страстных объятьях сплелись тела сына великого Зевса и дочери исполина-титана. Казалось, Мера забыла про все, что было, что есть и, что будет на свете, душу ее и тело сладко терзало лишь необъяснимое словами нежное чувство. Смуглая кожа ее лица всегда некрасивого, курносого, конопатого, то бледнела, как снег, то покрывались густым румянцем, а глаза такой любовью светились, что лицо ее казалось Гераклу невообразимо прекрасным. Пронзительное счастье так и брызгало из ее светящихся глаз и лучезарной улыбки. Долго любовь Геракла и Меры, как пожар, бурно пылала, как будто герой и не был только, что совсем обессиленным после того, как купол огромного неба чуть его насмерть не раздавил.

Мера не напрасно милый стыд принесла к пылкому ложу Геракла на мягкой изумрудной траве, ибо она почувствовала то, что давно и страстно желала – новая удивительная жизнь пока еще почти незаметно и робко забила под ее сердцем. Тайная радость очи Меры туманной окутала дым-

кой, она осторожно освободилась от задремавшего на ней Геракла и тихо ему сказала:

– Спасибо, тебе бесподобный герой, я давно об этом мечтала. Теперь же наши пути по непреклонному велению Мойры навсегда разойдутся. Тебя еще новые великие труды и удивительные подвиги ожидают, а я здесь через 9 месяцев рожу от тебя сына... и кем же он будет – титаном, как дед или, как отец – могучим героем? Впрочем, это не важно.

Геракл в ответ лишь посапывал сладко, растянувшись на теплой земле. Когда он проснулся, Меры уж не было, и герой, спросонья выпятив недоуменные губы и сморщив нос, изо всех сил пытался понять: сочетался он с Мерой любовью или это ему в сладостном сне только приснилось.

291. Геракл стреляет в Ладона и пяткой выбивает источник в скале

Говорят, когда герой, очистивший весь обитаемый мир от самых страшных чудовищ, проходил мимо высокой стены, ограждающей сад Гесперид, он услышал за стеной многоголосый злобный рев – то ревел дракон Ладон, почуявший из-за стены идущего мимо героя.

– Зверей чудовищных всегда безжалостно я истреблял, моя рука привычная к подобному труду.

Не раздумывая, Геракл схватил лук свой упругий и пустил через забор на злобный звук свою погибельную стрелу. Рев тут же изменился и стал напоминать предсмертный стон огромного раненного животного.

Некоторые, как Аполлоний Родосский, говорят, что чудовищный змей Ладон был Гераклом насмерть повержен и возле волшебной яблони стервятникам брошен, только с жалобным треском дрожал еще его раздвоенный кончик хвоста. С головы же иссини-черной до мощной пятнистой спины был он неподвижен и совсем уже бездыханен, и копошились в его ранах, гниющих жирные черви и мясистые мухи.

Около поверженного дракона Ладона Геспериды за забором, русыми головами своими поникнув, белые руки к небу скорбно воздели и протяжно стенали.

Геракл же безглаголиво сморщился и продолжил опасный

свой путь. Вскоре отважного духом героя начала мучить нестерпимая жажда, ведь целую лужу он пота пролил, пока небо держал, а потом еще неистово с Мерой сопрягался пылкой любовью, да и сейчас вокруг непереносимая стояла жара.

Никакого источника воды не было рядом. Долго, как бешеный пес, везде рыскал Геракл в поисках хоть какого-нибудь ключа или хотя бы лужи, томясь страшной жаждой, прибавившейся к его прежним мученьям, но были все розыски тщетны.

Тогда Геракл, запрокинув голову вверх, заорал:

– Нет ничего для людей ужаснее жажды! Она мучительней даже тяжелых страданий, которые нам приносит проклятый желудок, бывший долго без пищи. Но не судьба здесь мне от жажды погибнуть. Если Мойра и боги не хотят дать воды мне напиться, то я сам добуду ее!

Герой изо всех сил ударил дубиной по ближайшей скале, но – тщетно, тогда он бросился к соседней скале и опять остервенело бил и бил по ней дубиной, пока верное оружие не растрескалось и не распалась на части. Отбросив остатки дубины, Геракл схватился обеими руками за выступ утеса, чтоб не упасть от сильного головокружения и жажды.

Почувствовав приближение смерти, Геракл взвыл, низкие брови его грозно сдвинулись к переносице, в потемневших глазах заметался шальной огонь, задрожавшие губы раздвинулись в хищном оскале, обнажив крепкие зубы, и он с душе-

раздирающим воплем их последних сил ударил пяткой своей многомошной так, что из-под нее забил ключ чистойшей воды.

Геракл пил словно бык или конь, на котором работали, а жару целый день и не поили ни разу и только к ночи привели к водопою. Напившись так, что поджарый живот совсем округлился, сын необорный Алкмены, несмотря на страшную усталость, с луком за плечом, но уже без верного друга – дубины, упорно продолжил свой путь в далекие Микены.

292. Последнее благоденствие аргонавтам ^[4]

В это самое время аргонавты, эти мужественные герои – скитальцы, прорывавшиеся с золотым руном в город Йолк, славный площадками для песен и хороводов, из плена у Сирта к Атланту и Гесперидам всей толпой подошли в надежде отыскать хоть какой-нибудь источник пресной воды. Очень они страдали от жажды.

Титан-исполин, ненавидевший всех олимпийцев и среди них больше всех Зевса, понял, что перед ним полубоги – герои, рожденные земными женщинами от бессмертных богов, безраздельно на Олимпе царящих. Поэтому Атлант на аргонавтов свысока своего огромного роста посмотрел, не скрывая открытой вражды и, тяжело вздохнув, презрительно в сторону очи отвел.

Геспериды сначала тоже не пожелали беседу вести с героями, плывущими с руном золотым из Колхиды. Тогда чарующий божественной песней Орфей к дочкам Геспера воззвал, бесподобным музыкальным искусством своим их так умоляя:

– О, богини прекрасные, дивные, нам свою милость явите! Внемлите, не отвергните нашей мольбы, исполните то, о чем мы моленье смиренно возносим! Ваши алтари мы венчаем

смиренной мольбой наших ветвей с листьями всегда свежими. Нимфы бессмертные, блистающие влажной прелестью юного тела! Как прекрасны ваши вьющиеся волосы, всегда украшенные венками из свежих цветов. Выслушайте благосклонно нашу мольбу и нам, молящим усердно, покажите невидимый смертному глазу горный ручей с холодной водою или из-под земли бьющий ключ, чтобы мы смогли бы унять нестерпимую жажду! Мы вам много щедрых даров воздадим и обильные возлиянья свершим, и будем всегда с огромной благодарностью вас почитать.

Божественный кифаред высокие скалы и прибрежные утесы звуками песен своих чаровал, горные потоки и полноводные реки очаровывал, свирепых зверей приручал и огромные деревья двигать заставлял, которые сами из земли выворачивали корни и стремились к нему, только заслышав звуки его божественных песен и музыки.

– Ноги ваши прекрасные обнимаю и нежные целую колени, почтите молящего, сжальтесь, укажите нам, где можно напиться!

Орфей продолжал умолять так, что никому невозможно было отказать божественному певцу, и Геспериды сдались и пожалели тех, кто так страшно от жажды страдал возле них. Из-под деревьев вышли четыре прекрасные девы, и Эгла герою, жадной страшно томимым, молвила сначала слово такое:

– Знайте же пловцы, безмерно от жажды страдающие.

Незадолго до вашего появления здесь был один негодяй, очень гордый своей силой чрезмерной. Был безмерно он лют, и сверкали свирепо глаза под его низкой злобно нахмуренной бровью. Был он в желтой шкуре огромного льва, недубленной и жесткой; ствол нерушимой дикой оливы он нес на мощном плече и лук всегда напряженный. Хитрою речью он уговорил Атланта принести ему золотые яблоки с дерева Геры и потом прочь нечестивые свои направил стопы, нам оставив ужасное горе. Он надменно жизнь отнял у нашего милого друга – змея Ладона, неустанного хранителя яблони Геры. Своими стрелами ядовитыми из-за забора погубил он здесь чудовище это, нашего охранника дракона Ладона. Жажда, как и вас, видно тоже томила его, и бурно, как северный ветер, он мчался по нашему краю в поисках хоть какой-нибудь влаги. Однако струящуюся воду найти, видно, Мойрой было ему не дано, и он готов был дерзко сразиться с самою Могучей Судьбой и силой заставить ее дать ему воду. Есть скала здесь одна вблизи болота Тритона, ужасного бога морского. Знал ли он сам про нее, или действовал по внушенью милостивого бога какого, но мощной пяткой своею он ударил по ней, словно Колебатель земли вонзил в скалу ту свой трезубец, и прозрачная вода тотчас там из-под скалы заструилась. Он тут же разделся, лег вверх ягодицами, сплошь покрытыми черными волосами, уперся крепкими в землю руками и без конца пил и пил из щели скалы, пока не насытил своего огромного чрева, словно бык круторогий у водопоя.

В конце своей речи гневной и длинной Эгла указала рукой на скалу, видневшуюся вблизи болота Тритона. Герои пловцы туда, где Эглой указан был желанный родник, беспорядочно крича и махая руками, все бегом побежали, и вскоре уже толкались возле прозрачного ключа у скалы всей толпой, веселясь и ликуя.

Один аргонавт, вдоволь желанной водой омочив себе пересохшее горло и потрескавшиеся от сухости губы, задумчиво произнес:

– Товарищи мои милые, а ведь та нимфа говорила нам о Геракле – кто еще мог здесь быть с суковатой дубиной, да еще в львиной шкуре огромной?! Так, что спасенье нам, смертельно от нестерпимой страдающим жажды, пришло от нашего лучшего друга. О, если бы мы смогли его встретить сегодня и выразить свою благодарность!

Так Геракл, даже находясь в большом отдалении, облагодетельствовал своих бывших спутников в плаванье на сделанном зодчим строителем Аргом согласно замыслам творческим Афины-Паллады гордом корабле «Арго». Похитители золотого руна решили найти его, чтобы горячую выразить признательность за спасение от неминуемой смерти от жажды.

Каждый из аргонавтов взялся за дело, кто к чему был пригоден, тот с тем и собрался на поиск Геракла, хотя его все следы уже под непрерывно дующими ветрами стерлись на зыбком ливийском песке. Братья Бореады мощно на унасле-

дованных от родителя крыльях ввысь устремились. Положившись на свои необычайно проворные ноги, в неизведанный путь помчался Евфем, за ним поспешил и зоркий Линкей, лучше других умеющий видеть вдали.

Поиски знаменитейшего героя Эллады оказались бесплодными. Лишь остроглазый Линкей Геракла в Ливийской пустыне издали только и мог различить в очень большом отдаленье. Расстроенный Линкей вскоре вернулся обратно к друзьям и удрученно сказал, что никому из них, быстроногому даже Евфему и Бореадам крылатым никогда не догнать уже больше Геракла.

293. Эврисфей по приказу Геры возвращает золотые яблоки Гераклу

Геракл, между тем, силы былые восстановив, быстро шагал, потом ехал, потом плыл, опять ехал и проворно шагал и вскоре без особенных приключений добрался до златообильных Микен, где вручил плетеную из веток яблони Геры сумку с 3 золотыми яблоками Эврисфею.

Царь, предупрежденный накануне Герой и наученный ею как следует поступить с необычными золотыми плодами, сумку с яблоками взял и вышел, попросив Геракла подождать. Вынув необычные яблоки из сумки, Эврисфей тут же вернулся, но уже без той особенной сумки, подаренной Мерой.

Пряча от Геракла, свои сегодня особенно печальные глаза, царь быстро протянул ему на своих маленьких, как у ребенка, ладошках 3 яблока, и быстро промолвил:

– Ты хорошо потрудился, Геракл! Возьми же эти дивные яблоки, как заслуженный приз за свой подвиг нелегкий и вполне бескорыстный. Говорят, эти золотые яблоки с яблони Геры возвращают не только силу, но и цветущую молодость, всем желанную, и потому их бессмертные боги себе в амбросию добавляют. Впрочем, я этому не очень-то верю, много люди выдумывают. Ты же, пока готовься к 12-му подвигу на моей службе, который, обещаю, будет уж точно последним.

Копрей, как обычно, тебя известит.

Геракл, не ожидавший подобной щедрости от царя, которого он считал не только ничтожным, но и хитрым и жадным, в первый момент даже хмыкнул, удивившись неожиданной награде, но тут же, вспомнив о необычных и опасных для людей свойствах золотых яблок, язвительно сказал:

– Благодарю тебя, великий царь, за столь щедрую благодарность. За подвиги тяжкие никогда не имел я достойной награды, так, хоть теперь получил. Но где же сумка из яблоневых веток сплетенная, в которой эти яблоки я тебе дал?

Эврисфей от этих простых слов подскочил, как ужаленный, окатил Геракла злобным взглядом и срывающимся голосом крикнул:

– В этой сумке ползали какие-то мерзкие насекомые, и поэтому из брезгливости я ее бросил в очаг. Можешь взять во дворце сумку любую или всякий понравившийся мешок, ключница прямо сейчас откроет для тебя мою кладовую с высокими сводами.

Вместо ответа Геракл сморщился так, что его лицо стало безобразным, как у Медусы-Горгоны, смачно плюнул на полированную мозаику царского пола, потом долго растирал ногою плевков и только после этого, не глядя на Эврисфея, словно того и не было, молча вышел из зала, прижимая к груди грозное золото яблок с дерева Геры.

Царь же, содрогался от трепета, пока Геракл растирал свой плевков на полу, а когда тот, наконец, вышел из зала,

глубоко вздохнул несколько раз, глядя печально ему вслед и сказал своему сердцу тоскливо:

– Я гнусно человека только, что обманул, героя, избавляющего мир от чудовищ, чтоб только гнева Геры избежать. Что же я мог поделать? Слабый должен быть послушен могучим богам, только тогда ему боги внимают. Кто ж презирает богов и богинь и, душою суров, того злобно они отвергают, и тот не живет долголетен... Все смертные должны претерпевать, как должное, что послано им богами. Кто ж сам себе устраивает беды, как Геракл, того жалеть боги не станут, но он, в отличие от меня, могучеством и силою всех превзошел, и все себе может позволить... Да, чтобы там люди не твердили, будто богам понятна и мила лишь справедливость, но в этой жизни все решает только сила.

294. Афина избавляет Геракла от яблок Геры

Выйдя за городские ворота, Геракл, помня напутственные слова Атланта, кинул яблоки в какую-то ямку, бросил на них сверху немного земли, чтоб ярко на солнце они не светились и заспешил прочь от них поскорее. Но не успел отпрыск Кроныда отойти и на несколько десятков шагов от злополучных яблок, как вдруг явственно почувствовал тупую боль в голове. Чем дальше он отходил от зарытых яблок, тем сильнее болела голова. Когда каждый шаг стал отдаваться жуткой болью в голове, Геракл остановился и, поняв причину головной боли нехотя, повернул свои стопы назад. Когда он вырыл яблоки боль в голове исчезла.

Не зная, что делать с яблоками, Геракл направился в Тиринф, где у него был ветхий дом, все время думая, как избавиться от коварного золота яблок и в конце концов решил их скормить курам или свиньям или другим животным, ведь все они очень любят плоды богини благой. Вскоре на лесной дороге он увидел под придорожным раскидистым дубом дикую свинью с кабанятами, которые с голодным хрюканьем желуди ели. Он кинул им яблоки и с удивлением увидел, как яблоки понюхали сначала поросята, а потом кабаниха, и вдруг все семейство кинулось наутек, словно они слышали лай своры злобных собак.

Геракл поднял яблоки, положил их обратно в колчан и пошел дальше. Вскоре он почувствовал, как на него накатывает усталость, как будто он в полном доспехе, с копьем и дубиной несколько стадиев пробежал. Герой понял, что силы у него отнимают яблоки Геры. Он опять их выбросил и что есть сил бегом он них побежал, телу быстро стало легче, но опять начала болеть голова все сильнее и сильнее, и ему пришлось опять за ужасными яблоками вернуться.

– Кажется проклятая мачеха своими яблоками меня в смертельную западню подловила коварно. Когда яблоки со мной – они силу потихоньку у меня отнимают, когда я их бросаю – они на голову нестерпимую боль насылают. Даже голодные кабаны их есть наотрез отказались... Что же мне делать – и с ними плохо, а без них еще хуже?

Не зная, что предпринять, герой крепкодушный, не привыкший сдаваться, решил соорудить ложе из сухих листьев и травы и как следует отоспаться.

– Может быть хоть живительный сон мне как-то поможет? Ведь часто Гипнос бывает целителем для больного. Сон, в тишине прилетая безмолвно, пробуждает силы ума человека, или сам посылает решение и объявляет волю блаженных. Если же утром станет мне еще хуже, то я сам эти яблоки съем, на это силы, надеюсь, мне хватит, и тогда посмотрим, что мне соткала старая обликом Мойра Лахесис.

Гераклу привиделся дивный сон, будто с нарядного неба, сверкая доспехами и копьем, явилась любимая зевсова дочь

и взяла у него золотые яблоки с такими словами:

– Эти яблоки следует отнести обратно в сад Гесперид, и я сама это сделаю.

Вдруг рядом с Афиной непонятно откуда возникла Гера и промолвила ей с неприкрытой издевкой:

– Кронида мудрая дочь! Ты зачем помогаешь герою Гераклу? Ведь подвиги свои предназначено ему и Могучей Судьбой, и нами, богами, исполнять обязательно без помощников...

Афина повернулась всем телом к царице Олимпа, окинула ее с головы до ног грозным взглядом своих совиных навывкате глаз и задиристо заявила:

– Лучше уйди царица, в праведный гнев меня не ввергай. Знаешь ты и сама, что несправедливо мешаешь зевсому сыну Гераклу. Подвиг 11-й без моей помощи он совершил, даже где находится сад Гесперид я ему не сказала. Ты же вместо того, чтобы после завершения этого беспримерного подвига свои яблоки взять и на яблоню в сад Гесперид отнести, приказала Эврисфею их Гераклу отдать, да еще без сумки плетеной, что ему для переноски золота яблок атлантова Мера дала. Сейчас я сама эти яблоки обратно в сад отнесу, где им предназначено на твоей яблоне место. А ты лучше скройся отсюда, иначе и сама ты можешь пострадать жестоко от моей мощной руки, ведь поле брани мой удел, дарованный мне при рождении самой Мойрой. Вспомни, как ты мне на поле брани преследовать Киприду сказала, и я ее могучей рукой

в грудь поразила; и мгновенно у ней обомлело и сердце, и ноги, вместе с Ареем она пред мною пала на злачную землю.

Гера прекрасно понимала, что могучая Афина сильнее ее. Надув скорбно губы, она, не роняя достоинства, неспешно поправила бриллиантовую диадему на своих пышных светлых волосах и только потом на горний Олимп вознеслась, а следом за ней и Афина вместе с яблоками исчезла.

Проснувшись, Геракл с облегчением увидел, что зло-счастливых яблок рядом с ним нет, а в теле опять чувствовалась привычная свежая сила, готовая к самому тяжкому подвигу и к любому труду.

Некоторые, как Аполлодор, говорят, что Афина унесла золотые яблоки обратно в сад Гесперид потому, что было бы нечестием, если бы эти дивные яблоки находились в другом месте.

295. Гера решает свергнуть Геракла, как Вакха, в безумие

Часто, сидя на веселом пиру, Гера себе многострадальное сердце терзала такими раздумьями:

– 12-й подвиг Геракла будет уж точно последним, который он совершит на службе у послушного мне Эврисфея. Я должна сейчас же придумать нечто такое, что наверняка погубит моего гнусного пасынка. Но что?! Видно, напрасно меня называют злокозненной – ничего умного в голову не идет.

Однажды, сидя рядом с возлежавшим Дионисом, недавно вознесенным на мощные выси Олимпа и занявшим там место целомудренной Гестии, она окинула рассеянным взглядом, как всегда, много выпившего неразбавленного вина, но не пьяного бога виноградарства и винопития. Царица начала вспоминать, как некогда боролась и с этим пасынком нечестивым, и вскоре по воле Мойры Лахесис к ней в голову пришла мысль, которая ей показалась очень удачной, и она стала тихо и неспешно ее себе повторять:

– Очень успешно однажды расправилась я с сыном простодушной Семелы, наслав на него безумие с помощью мстительниц беспощадных Эриний. Персефона дала мне в спутницы всех трех ужасных сестер, рожденных из крови оскотленного Кроном Неба – Урана. Жуткие девы подземного Ада, их облик изменчив, они невидимки туманные, быстрые

в беге, как мысли. Они не подчиняются никаким олимпийским богам, кроме Зевса, и Вакх тогда еще и не занял место в нашем узком олимпийском кругу. Я тогда девам ужасным сказала, что недоносок Семелы спаивает своим вином людей, доводит их до беспутства, которое часто оканчивается драками между своими и убийствами родственников. Зевс его не карает, хоть дурманящее разум вино уже нектар вытесняет из кубков блаженных богов. Тихо скользнули Эринии к высям кавказским, спрятались в глубокой пещере, и, притаившись, ждали там Диониса. Лишь только он появился, сразу бичи засвистали в ладонях ужасных богинь пред оком Лиэя, громко шипели змеи, обвившие рукоятки. Я с белого облака наблюдала, как Мегера обрушила на Диониса ливень ядовитого зелья, лишаящего ума. Высунув длинный язык, с которого капала кровь, она неистово стегала Вакха отравленным бичом, который глубоко впивался в его белое тело. Полосатую вырвав змею из волос, Алекто метнула гада Вакху на грудь и под хитоном скрыла у сердца, чтобы, извинаясь и злобно беснуясь, его возмутил он безумьем. В буйное сердце вместе с гадом, проникла первая порча, влажный яд, разгораясь в крови, мучил его чувства и разум. Тисифона руки длинные развела, узлами гадюк обвитые, и сразу нескольких змей, шипящих метнула. У Диониса по груди заползали они, ядовитыми зубами в тело впиваясь, безумные помыслы в нем возбуждая. Приступом злого безумья охваченного Диониса Артемида узрела и безумие от брата прогнать воз-

желала, но я с высоты поднебесной, гневом своим ее устрашая, взгремела громами подобно Зевесу, который в это время спал по моей просьбе Гипносом усыпленный. Агротера в страхе бежала тогда, сумев лишь свору собак усмирить и охотничьих псов взять на короткую створку, чтобы порвать не сумели зубами они безумного Вакха! У Диониса совсем помрачился рассудок, и Эринии, скрытые мраком, в коем тонула округа, воротились в свое подземелье. До сих пор в вечно саднящем сердце моем появляется радость, когда вспоминаю, как Дионис, изнуренный безумием по чашам, по отрогам и скалам неверной стопой устремился, страданьем ужасным гонимый... словно тур разъяренный, скакал, бессмысленный мык испуская в безумье, белые хлопья пены разбрасывая с трясущихся губ. Если бы тогда не вмешалась Киприда со своим недомерком Эротом, то Дионису пришлось бы очень долго и жестоко страдать... Но Зевса разбудили, и Гипноса с глаз он мягкие сбросил покровы. Гнев свой, с трудом обуздавши, он тогда мне сказал:

– Разве ты не довольно жестока была с Семелюю, Гера? Теперь и с сыном, ею зачатым, воюешь. Ничто не может ревность твою смирить и утешить. Доколе ты будешь ввергнутого в безумие Бромия гнать? Или ноги твои позабыли тяжкие наковальни? Помни, они всегда наготове! Будешь ты над землею, позорно повиснув, телесные муки терпеть и сердцем страдать!.. Но ты можешь исправить, что натворила, если сама изгонишь безумье, измучившее Диониса!

Очень я тогда испугалась, ведь много сильнее меня Олимпиец. Я не знала, что делать, но тут Гермес-благодавец представил нам дочь Асклепия Панакею, которая, глядя на мою грудь со страхом, сказала:

– Сосцы свои дай Вакху, царица, как мать дает. Оросив млеком уста его, и помазав им тело Лиэя, гнусную язву выжжешь безумья, сразившего божественный разум!

Мне, стиснув зубы, с притворной улыбкой пришлось подчиниться: распахнув одежды, я перед Вакха устами, упругие, как у девушки, груди свои обнажила, и полилось ручейками божественное мое молоко, к жизни разумной Бромия возвращая... Хоть тогда мне не удалось добиться всего, что хотелось, но все равно я довольна, что проучила недоноска развратной Семелы, и он, помня свое безумие, с тех пор побаивается меня, как царицу и почитает, как богиню богинь.

А что, если разделаться с сыном Алкмены так же, как я тогда поступила с сыном Семелы? На первый взгляд, эта мысль кажется очень удачной! Чтобы не вызывать дев змеекудрых из юдоли мрачной Аида, где они постоянное жилище имеют, надо туда самого отправить Геракла, и они в безумие его свергнут, и никто ему там не поможет.

296. Гера сообщает Эврисфею о 12 подвиге

Проведя бессонную ночь, уже под самое утро, Гера сказала своему милому сердцу:

– Да, пусть этот подвиг будет последним, но он будет и самым трудным. Через верного мне Эврисфея я пошлю Геракла для совершения 12-го подвига в подземное царство, вечно угрюмого владыки, который и сам ужасен, как ужасно и все его царство. Оказаться в царстве мертвых живому – это не по силам и многим великим героям. Очень страшен и силен в Аиде его грозный сторож – трехглавый Кербер, ведь его породила исполинская дева Ехидна от незаконного своей силой Тифона, некогда победившего самого Зевса, перерезав ему все сухожилия... Да! Именно так! В качестве последнего подвига надо Гераклу приказать привести из Аида страшного видом, медноголового адова пса, которого, уж наверно, не зря называют и кровожадным, и нагло-бесстыдным, и свирепейшим зверем.

Гера прынула бурной стопой и по нисходящим холодным воздушным потокам быстро спустилась на землю. Явившись к Эврисфею, которого бессонница уж не одну ночь изнуряла и мучила, царица Олимпа так ему провещала:

– Что ты сегодня так рано проснулся, человечешка, маленький ростом? Бодрствуешь, терзаемый думами, что па-

сынку напоследок моему поручить? – Если так – молодец, но можешь больше не мучиться. Сама я придумала как погубить нечестивца, все же не зря меня называют злокозненной и коварной. Прикажешь Гераклу привести живого Стигийского привратника Кербера из Преисподней на землю. Пусть пасынок его людям покажет, чтоб устрашились и, конечно, Копрею, чтоб тот убедился, что пес – охранник Аидов и только после этого невредимым его отпустит назад в безмолвие царства немых. Это и будем считать двенадцатым подвигом Геракла на твоей службе.

– Все я понял, что ты объявила, богиня богинь, но позволь напомнить тебе, что это последний подвиг Геракла, и больше я не смогу продлить его службу. Кербер, конечно, пес страшный, у него три головы, но его брата – двухголового Орфа, Геракл с легкостью погубил одним ударом своей палки. Хорошо бы, чтобы справедливость наконец восторжествовала, дело последнее сделать таким непосильным, чтобы даже могучеством бешеной всех превзошедший Геракл на нем свои крепкие зубы сломал. Может быть, приказать ему вместе с Кербером на землю зимой привести Персефону? Ведь возратить Деметре любимую дочь навсегда не под силу было даже хитроумному богу Гермесу по приказу Кроныда, и Зевсу пришлось распорядиться, чтобы шесть месяцев царица Аида проводила с матерью на земле, а шесть – под землю с супругом.

– Ты стал большим умницей, Эврисфей. В правильном на-

правлении мыслишь. Однако Персефону трогать нам с тобой никто не позволит, ни Зевс, ни сама Мойра Лахесис, да и Аид настоящее восстанье поднимет, если зимой на землю вытащить все еще любимую им супругу. Геракл сильнее Аида, и он может на землю увести Персефону. Этому ему не простил бы ни Зевс, ни Ткачиха Лахесис, если б он по собственной воле все это сделал. Когда же Зевс все узнает, то тебе не сносить головы, и меня царь накажет, хоть я ему и супруга. Ты зашел так далеко в своих помыслах дерзких, что меня даже удивил несказанно. А ты не так прост, царь, ты только с виду ничтожный, а в мыслях даже героический, смелый... Думаю, что и одного Кербера привести на землю будет, ох как не просто Гераклу. Слушай же, но никому об этом ни слова. Может быть, благодаря своей силе громадной, Геракл и сможет связать адского пса, но тогда ему придется иметь дело с ужасным Незримым. Все знают, как любит Владыка Преисподней Кербера, которого он, взяв подслеповатым щенком, выходил, собственноручно выкормил и воспитал. Если же отродье Алкмены и это сумеет, то тогда ему не уйти от страшных Эриний, которые должны жестоко покарать его, ну, хотя бы, за тройное убийство своих сыновей. Наказывать безумием за кровные преступления против родичей – это священная обязанность древних мстительниц, возложенная на них самими непреложными Мойрами, перед которыми и боги трепещут. Если за Геракла возьмутся ужасные девы Аида, то и сам Зевс не спасет своего наглодерзкого

смертного сына. Конечно, за убийство детей от Мегары Геракл уже 11 лет совершает подвиги у тебя на службе, но ведь у Эриний свой суд, и счет наказаньям особый...

Эврисфей, лежащий, как всегда, свернувшись клубочком, слушая Геру, даже распрямился на ложе, расправив как натянутая струна все члены, казалось, что застыл он в немом восхищении. Гера, довольная произведенным впечатлением на Эврисфея, снизошла до того, что потрепала его за ухом, как щенка, и на прощанье сказала:

– Мы победим и избавим землю от Геракла – нечисти мерзкой, одетой Мойрой и Зевсом в неодолимую силу.

297. Посвящение в мистерии

Когда глашатай Эврисфея лупоглазый Копрей, как всегда, наглой спеси исполненный, заложив руки за спину и приподняв левое плечо, объявил Гераклу о том, что он должен привести из Аида пса Кербера, Геракл надолго был озадачен. Он, все время пытая милое сердце, думал и так сам себе говорил:

– С трехглавой собакой, которая, наверняка, ненамного страшнее своего брата двуглавого Орфа, я справлюсь, но выпустят ли меня могучие подземные боги из призрачной мглы беспросветной Эреба обратно на залитую солнцем земную поверхность? Никогда не думал, что в гостеприимное жилище Аида мне придется спуститься раньше, чем день роковой мой наступит. Но ведь есть во мне еще необорная сила! И величайшие дела нужно перекрывать новыми еще более великими подвигами, чтобы не поблекла ярко сияющая по всей обитаемой земле моя слава.

Один знающий человек посоветовал славному отпрыску Зевса:

– Чтобы в Аиде было поменьше различных преград, и чтобы легче было назад оттуда вернуться на ярко освещенную Гелием поверхность земли, тебе надо стать мистом, пройдя посвящение в мистерии властительным божествам, под землей живущим. Для этого прежде всего, тебе надо стать из-

бренным и совершить очищение – признаться во всех своих прегрешениях особому жрецу – коесу. Затем ты должен долго молиться и петь священные тексты хранящихся в памяти Полигимнии гимнов и, пройдя все степени посвящения, стать эпоптом (созерцатель), достигнув полного посвящения – созерцания божества.

Геракл, не мешкая, отправился в Элевсин, чтобы там испросить разрешения пройти посвящение и принять участие в мистериях и надеть миртовый венок. Элевсинские мистерии воспроизводили возвращение любимой дочери Деметры Персефоны из мрачного холодного подземного мира, похожего на студеную осень иль зиму, подобно тому, как ежегодно весной на земле вся оживает природа, как бы воскресая из безжизненного зимнего сна. В единственном числе мистерия означала сокровенную тайну, а во множественном – это обряды и празднования, доступные только для посвященных – мистов. Посвящение в Элевсине принимали многие греческие цари и римские императоры. Жрецы Део, ревностно охраняли свои тайны, и вступавшие на путь посвящения, давали священные клятвы молчания. Тот из мистов, кто разглашал секреты Элевсина, считался нечестивым святотатцем.

Привилегией участвовать в элевсинских мистериях пользовались в течение долгого времени только афинские граждане. Сын чернокудрого царя влажных глубин и любвеобильной девы Хионы, основатель элевсинских таинств Эв-

моли повелел, чтобы не допускали к таинствам чужеземцев, а допускали только афинян.

Тогда могучий Тесей, который участвовал в походе Геракла на амазонок, предложил, чтобы Геракла усыновил какой-нибудь афинянин, и такой, разумеется, очень быстро нашелся, его называли Пилий. Поручителем же Геракла выступил сам герой, победивший чудовищного Минотавра, знаменитый афинский царь Тесей, объединивший Аттику и учредивший новые законы и органы власти.

Элевсинцы, не решаясь отказать Гераклу, все же сомневались в том, стал ли он настоящим афинянином после усыновления его Пилием, и потому решили организовать для него (и для прославленных Отроков Зевса – братьев Диоскуров) особые таинства, которые назвали «Малые мистерии».

Многие говорят, что сама Великая мать, Деметра Потния (Владычица), обильная злаками и плодами, порождавшая все живое, оказала Гераклу особую честь, основав Малые мистерии. Теперь каждый год стали проводить Большие – в честь вершительницы справедливости Праксидики и ее дочери юной Коры и Малые элевсинские мистерии – в честь одной только Коры, как называли до замужества Персефону – в кудрях прелестных любимую дочь благой олимпийской богини.

Некоторые, как Софокл, называют трижды блаженными, тех смертных, которые сойдут в Аид, побывав на священных церемониях, потому что для них одних возможно счаст-

ливое пребывание в подземном мире, других же ожидают там только нескончаемые мучения и безысходные страдания. Многие люди, имевшие смутное представление о загробном существовании душ, ожидали в Аиде радостей не в качестве заслуженного вознаграждения за высоконравственную жизнь на земле, а за посвящения и участия в мистериях, при этом непосвященные, по их мнению, были осуждены на вечные крайне мучительные пытки. Поэтому, бывало, уже на смертном одре преступники и нечестивцы, занимавшие высокое положение или очень богатые, срочно посвящались в эти тайны мистерий.

Рассказывают, что мистагог, руководящий неофитами (вновь посвящаемые), уверял Геракла, что те, кого он посвятил в мистерии, после смерти будут счастливы, и тогда отпрыск Зевса, пряча злую улыбку, спросил:

– Что же ты не предпринимаешь ничего, чтоб умереть, как можно скорей, дабы разом покончить и с бедностью, и с постоянными бедами и зажить блаженно, как бог?

Жрец ничего не ответил, лишь глазами свирепо сверкнул, а потом строго спросил Геракла, какие из его проступков самые нечестивые, и тот по-лаконски кратко ответил:

– Это могут оценить только боги.

Когда же мистагог стал настаивать и потребовал, чтобы он непременно рассказал обо всех своих нечестивых проступках, Геракл ответил вопросом:

– Кому я должен все это рассказать: тебе или богу?

– Богу.

– Но ведь боги лучше меня это знают. Впрочем, ладно, им расскажу, но ты отойди и не подслушивай.

Поэтому никто из людей так и не узнал, какие проступки считает самыми нечестивыми сам величайший и любимейший герой обожающей справедливость Эллады.

Некоторые говорят, что именно Мойры, непререкаемые дочери жутколикой Ананке, предназначтали Гераклу совершить очищение в мистериях, чтобы тяжкий груз гремевшей по всей Элладе славы не оказался для него губительным, чтобы он не пресытился этой славой, ибо в сердце многих людей под влиянием буйного Короса рождается непомерная наглость и нечестивая спесь, которой нет гнуснее порока.

298. Афина и Гермес провожают Геракла до Тенарского входа в Аид

Очищенный от скверны убийств и подготовленный к встрече с властителями загробного мира Геракл хотел сам спуститься в жуткие пустоты Аида через знакомый ему вход в Лерне, который некогда охраняла убитая им девятиглавая Гидра.

Однако появившаяся, как всегда внезапно, Афина, высокомерно задрала подбородок и, глядя на него своими выпуклыми серыми глазами, объявила ему:

– Несмотря на всю твою силу, Зевса сын смертный, тебе не донырнуть до дна глубокого озера и тяжелый камень, закрывающий вход не отодвинуть, ведь на самом дне находится Лернейский вход в подземелье Плутона. Я явилась, чтобы тебя проводить до другого входа в безмолвное царство – через мыс Тенар в Лаконии, где находится храм дяди моего чернокудрого Посейдона.

Тут послышался свист и, рассекая прозрачный эфир, нетленную опору для астр и созвездий, к Гераклу и Афине быстро спустился дружелюбный Гермес в подошвах амвросиальных, всюду его с дуновением ветра и над землей беспредельной носившие, и над широкими дорогами влажными.

Вестник Зевса с лукавой улыбкой посмотрел на Афины,

а Геракла чуть толкнул кадуцеем, потом подмигнул сначала одним, потом другим глазом и весело сказал:

– Как Психопомп, я должен сам проводить тебя сначала до жерла лаконского Тенара, где находился удобный вход в мир бесплотных теней, а потом уж низвести в недра земли под широкие гулкие своды. Но не жди этого от меня, я не буду ласковой и успокоительной речью провожать твою душу в Аид и возлагать свой золотой жезл на твои не закрытые очи, чтоб их усыпить. Ты герой крепкодушный, и твоя душа, чтоб я своим кадуцеем не делал, сейчас с писком в подземелье не полетит.

Тень священной силы Геракла в поэме Гомера говорит Одиссею в жилище Аида:

– Недостойнейший муж много лет надо мною властвовал, много трудов на меня возложил тяжелейших. Был я им послан сюда, чтобы адского пса привести. Полагал он, неисполнимее подвига быть уж не может. Деяние это, чрезвычайно опасное, я совершил и трехглавого пса из жилища Аидова вывел и всем показал. Помощь мне оказали быстроногий Гермес с совоокой Афиной.

Однако помощь богов оказалась на редкость не щедрой. Афина своему подопечному, которому она помогала все реже и реже, сказала, глядя на него покровительственно сверху вниз:

– Запомни: прежде, чем приступить к приручению Кербера следует оказать уважение одинаково беспощадному ко

всем обреченным на неизбежную смерть хозяину Преисподней и его властной племяннице и супруге Персефоне, чтобы не нажить себе могучих врагов в их лице. Будет лучше тебе действовать не силой, как ты привык, а вежливо попросить у моего дяди, славного мощью Гадеса, вечной властителя тьмы с двузубым скипетром черным, разрешения ненадолго вывести Кербера на солнечный свет и обязательно пообещать его быстро обратно вернуть. Незримый владыка безмолвных не откажет, когда узнает, что ты действуешь с ведома Зевса, его великого брата, верховная власть которого простирается и на нижнее царство. Вот тебе три лепешки, щедро пропитанных медом – это любимое лакомство трехглавого стража Аида. Не потеряй, с таким угощением все пойдет более гладко... Ну, вот и Лакония, а вон и Тенар. Дальше я с тобой не пойду – не люблю я без особой нужды к своему незримому дяде спускаться, очень жилище его похожее на Тартар ужасный. Никто из бессмертных там не любит бывать, даже сам Зевс Хтоний (подземный) без крайней необходимости не ездит в темное царство, где и светлое солнце не светит.

Кроме того, мудрая Дева и милому брату Гермесу посоветовала:

– Ты, как Водитель душ, должен в Аид провожать бесплотные тени умерших, а Геракл – живой. Поэтому давай, брат Киллений, оставим одиноким Геракла, чтобы Эврисфей или Гера не могли сказать, что ему опять кто-то из богов помог 12-й подвиг свершать.

И быстролетный вестник Кронида с мудрой сестрой во всем согласился и опять, подмигнув Гераклу, с веселой улыбкой сказал:

– Все справедливо и разумно ты сказала сестра, мудростью всех превзошедшая, даже меня..., можем Алкиду невольно мы навредить, как попутчики... и потом этот запах... впрочем, наш подопечный – величайший герой, и он ничего не боится. Я верно сказал, Геракл, ведь я слышал пророчество, что ты могучеством всех превзошел, кроме отца нашего Зевса-Кронида?

Озабоченный предстоящим опасным подвигом, Геракл слушал вожатого Аргоубийцу в пол-уха и потому мало, что понял из его краткой речи. Он лишь кивнул головой в знак того, что ничего не боится.

В «Илиаде», Афина говорит, что и при совершении этого подвига она сильно помогла Гераклу. Обижаясь во время Троянской войны на родителя Зевса, Тритогея с нескрываемым сожалением говорит:

– Если б я прежде своим умом проницательным, то предузнала в дни, как Геракла Эврисфей посылал в Аид крепковратный пса трехглавого увести из безжизненной тьмы Эреба, от страшного бога Аида, – он не избегнул бы гибельных вод глубокого Стикса и навсегда там остался.

Сейчас же воинственная дева Паллада, оттолкнувшись мощно копьем, словно яркая полуночная звезда, через которую сын хитроумного Крона знамения морякам посыла-

ет, взмыла в лазурную высь. А вслед за ней на своих крылатых таллариях, словно быстрая птица, устремился и вожатый покинувших брренное тело душ, вездесущий вестник Зевса Гермес Трисмегист (трижды величайший), прозванный так, как житель Олимпа небесного мира, близкий к земному и загробному мирам.

299. Геракл спускается в Аид

Геракл, как всегда, в шкуре львиной ничем непробиваемой, со стрелами и луком на одном плече, с дубиной верной на другом, пришел в то место, где лес Тенара над морем повис. Тут зев отверзла обитель Дита: в скале зияет жерло бездонной бездны, открывая путь в глубокую пещеру. Через расселину в покрытой мхом скале герой попал в пещеру мрачную. Сперва дорога шла не в полной тьме. Здесь слабо брезжил светом день, и отблеск солнца морочил зренье, а дальше коридор стремился круто вниз. Идти было нетрудно: сам собой уводит ноги путь.

Вдруг коридор расширился, и Геракл вступил в пространство мглистое со сводами, на которых висели головами вниз страшные на вид, как маленькие демоны, твари крылатые. Вспомнив ужасных Стимфалид, схватился он за лук, но существа со злыми мышьиными мордами, казалось, спали беспробудным сном. Пол пещеры был покрыт слоем скользких испражнений, пещеру наполнявших нестерпимой вонью.

– Запах этот мерзейший, пожалуй, еще хуже, чем гибельный запах питаемых морем тюленей. Боги! Как мне дальше идти, ведь такой запах ужасный может совсем человека замучить и жизненной силы лишить!

Неистово крикнул Геракл и со всех ног кинулся в сыром полумраке вперед, но тут же упал, поскользнувшись, в во-

нючую жижу. Поднявшись, он зажал себе нос и долго от злости громко скрипел всеми зубами, совсем, как его великий отец. Успокоившись, герой двинулся осторожно вперед и, миновав грот с висевшими вниз головой мышами крылатыми, устремился по узкому коридору, круто уходящему вниз.

Вскоре вонь испражнений исчезла, но на смену ей пришел гнилостный запах, и Геракл понял, что цель все ближе и ближе. Он уже ощущал всей кожей поднимающийся снизу холод Эона, и его сердце, против воли, начал охватывать мерзкий трепет, кровь леденящий. Однако сын крепкодушный прекрасноволосой Алкмены, как всегда, сумел над отвратительным страхом взять верх – ни о чем, стараясь не думать, он очень резво ногами задвигал, быстро продвигаясь вниз и вперед.

Скоро еле брезжащий свет совсем потускнел, с ночной тьмой густою смешавшись. Спускаться вниз даже в полной тьме было по-прежнему нетрудно: ноги сами собой стремились под уклон, словно резвый ручей, стекающий в долину с высокой горы. Однако, не ведая пути, Геракл на всякий случай ладонью все время одной из стен касался.

Вот, наконец, впереди стало светлее, герой пошел чуть по бодрее, и длинный путь в печальную страну теней безмолвных, закончился.

Перед героем дерзновеннейшим, с львиным сердцем и крепчайшей душой предстала мрачная страна ужаса, из которой смертным возврата уж нет.

300. Первые шаги Геракла в Аиде

Все люди, рожденные для смерти, желают знать какая жизнь загробная в стране гостеприимной, дающей душам всем вечный приют. Не был исключением и Иолай, и Геракл так неспешно однажды рассказал возлюбленному племяннику о своих самых первых шагах в Аиде:

– Когда я оказался на топком берегу всегда спокойно текущей Леты, прочь уносящей все заботы вместе с памятью у тех, кто выпьет ее воды беспамятства, очень я испугался, что памяти совсем лишусь, надышавшись над нею густого пара, но слава Зевсу, этого не случилось. Жара поднималось из бездны Тартара, лежащего глубоко под Аидом, и нагревала бескрайние луга асфodelей (дикие тюльпаны, больше похожие на белые лилии) белесых и воздух.

Асфodelь – это цветок Персефоны. Я слышал, что Гадес перед похищением будущей супруги, упросил бабку Гею вырастить на сицилийском лугу, где Кора часто играла, видимый издали особенно красивый цветок пурпурного цвета. Богиня земли выполнила просьбу внука и вырастила дивный цветок, с мощным стеблем, на котором было сто ярко-красных головок, пьянящий аромат его далеко разливался. Ярко блистал тот цветок, диво на вид для богов и для смертных, ему вся земля улыбалась и горько-соленое море. Руки к прекрасной утехе в восторге Кора протянула и уж сорвать

собиралась, как вдруг раскололась широко почва Нисийской равнины, и прынул из трещины на бессмертных конях грозный царь подземного мира. Деву насильно схватив, он ее в колеснице умчал. Аскалаф, аидов садовник, пересадил тот цветок в подземелье, но на скудной почве подземной тюльпаны стали низкими с бесцветными лепестками, зато они разрослись и их стало очень много. Над асфоделевыми полями все время бесплотные души блуждали, и дикие тюльпаны на них печаль и тягостную тоску навевали, лишь когда на лугах ужасного подземелья появлялась Персефонея, асфодели, пока она там находилась, радостно расцветали всеми красками радуги.

Говорят, асфоделями питаются порхающие над ними души умерших до того, как они представали перед судьями Аида Миносом и Радамантом и выпивали воды из реки, дающей забвение. По топким берегам Леты росли посаженные самым Гадесом необычные белые кипарисы, под ними охлаждаются опускающиеся безмолвные души. Испытывая в этом пекле страшную жажду, они, молча, сами бросались в Лету и начинали жадно пить из нее, одновременно забывая все, что в земной жизни с ними случилось. Лишь когда душа забудет все, ее покидала нестерпимая жажда, и она, вместе с себе подобными, отправлялась проторенной дорогой к особой развилке, чтобы там предстать перед судьями загробного мира Миносом, Эаком и Радамантом.

Я слышал, что в древнем загробном мире не было Леты,

и помнившие все души там сходили с ума, и тогда вездесущие дочери Ананке приказали титанам, заточенным в Тартаре, прорыть русло реки в Аид и наполнили его водой, из источника, дающего забвенье, который, имея начало на земле, стремился в безмолвное царство. Когда источник Леты, находящийся на земле, испарялся и потом выпадал на землю дождем, от каждой капли его, упавшей на голову человека, тот что-нибудь забывал, а если он до последней нитки промокнет, то забывал даже свое имя.

Некоторые, я слышал на посвящении в миксты, говорят, что в Аиде протекает и река Мenea (память), воды которой возвращали память, но я думаю, что это неправда потому, что нигде не видел этой реки. Только испив крови жертвенного животного, обретают обычные души сознание и память и то на очень короткое время.

Чтобы никто из тех, кто не испил воды из тиной заросшей Леты, не запомнил путь назад, бесчисленные извивы еще трех рек кругом затейливо струились. Это были очень страшные реки, нет таких на широкодорожной земле, освещаемой ярким солнечным светом. Я о об этих реках Аида слышал, когда в мистерии посвящался. Близко подойдя к источающей жар реке, я понял, что это Пирифлегетон или Огненный поток. Вмиг все мое тело таким потом обильным покрылось, что ручьями он с меня заструился, и от Пламенной реки я быстро прочь устремился. Подойдя к другой реке Ада – глухо ревущему Ахеронту, этой Реке Печали и Скорби, я уви-

дел его бурные воды, текущие между громадных голых скал, и испугался их ужасного вида и громоподобного звука, порождаемого бурлением.

О своем страхе лишь тебе, Иолай, говорю, ибо ведаю, как возвышенно ты меня любишь и знаешь, что нет на земле человека храбрее меня, но ничего не боятся лишь дураки... Ахеронта бурлящие волны с жутким грохотом бились о скалы, поднимая тучи брызг, кипели и бушевали. Я бежал от этой зыбкой горести и печали и оказался у ледяного болотистого Кокита (Река Воплей), который рукавом является самой страшной реки Аида – Стикса, чудовищной реки нестерпимого ужаса; кто изопьет ее струй, немедленно умирает.

Я слышал на посвящении о пророчестве, будто бы водой из этой реки по воле Мойры Лахесис будет отравлен некий царь – полководец, нелепо скончавшись, будучи совершенно здоровым, в возрасте всего 33 лет. А ведь в древности, когда Орфей только обнародовал свои творения, юная океанида Стикс беззаботно резвилась и играла на заросшим яркими цветами мягком лугу с Корой перед самым ее похищением, а теперь она и Лета стали вечными спутницами – подружками царственной Персефоны.

301. Царство полное ужаса

Над водами Кокита стонали филины, и крик совы сулил недоброе. Соединяются Кокит и Стикс, ревущие, как свирепые звери под покрытой седым мхом островерхой скалой. Это был настоящий ад, и ведь это было только начало! Меня охватил ужас! «А что будет дальше?! – спрашивал я у себя и сам себе отвечал: я выдержу все, даже то, что выдержать смертному невозможно! Это мой подвиг последний, а там и свобода от рабства, что может быть слаще этого слова». Так я успокаивал свое милое сердце, осторожно пробираясь все дальше и дальше. Ничто вокруг не радовало человеческий глаз, кругом простирались лишь бесплодные луга асфоделя, которые полями нескончаемой скорби зовутся. Там нет лугов, что взгляд ласкают привычной зеленью, хлеба под ветром не колышутся. Неподвижный воздух был наполнен глухими стонами невидимых филинов и криками сов, сулящими лишь безутешное горе и вечные беды.

Да, мой возлюбленный Иолай! Там – предел всему, там светлый мир земной, доступный радости, закончился. Я озираясь вокруг, и видел лишь низкое мертвенно-медное небо без туч, без единого облачка, освещенное не сверху, а снизу каким-то непонятным источником тусклого света. Все нагнетало в охваченную трепетом душу лишь бледный ужас и беспробудный страх.

Опять же только тебе, мой возлюбленный преданный друг я признаюсь: у меня тогда совсем ослабли колени, и такой трепет всегда бесстрашное сердце мое охватил, как у оленя, который в чаще леса густого до дрожи напуган близким многоголосьем лаем собачьим. Я не страшился адского пса, за которым меня послали, не боялся и его беспощадных ужасных хозяев, никакой враг не смог бы меня напугать, но само царство мертвых меня ужасало. Ведь, согласно заведенному непререкаемой Мойрой Миропорядку, не было из Аида выхода никакому смертному, это ужасное царство меня пугало враждебной всему живому таинственностью и безысходностью. Я тогда не хотел в этом признаться даже себе, а тебе вот признался теперь.

Я давно научился избавляться от страха любого. Непреодолимого страха я не знал никогда, хотя не однажды у меня возникали мысли о бегстве, но крепость духа позволяла мне всякий раз страх побеждать. Обычно, чем страшнее было моему брэнному телу, тем быстрее я гнал его навстречу неотвратимой опасности, заставляя быстрее двигаться милые ноги. Вот и сейчас, оказавшись в мертвом царстве, наполненном ужасом, я, не обращая ни на какие свои мысли внимания, быстро ринулся вперед, резво перебирая мощными своими ногами, но на этот раз мерзкий страх перед таинством смерти, из которой возвращения нет, не отпустил меня. Я чувствовал, как Страх держит меня за самое сердце своими ледяными колючими руками.

Тогда я остановился, как вкопанный, медленно опустил с плеч лук со стрелами и дубину, скинул львиную шкуру и неспешно опустился на землю с такими словами:

– Что ж... раз не получается мне убежать от ужасного страха, двигаясь вперед навстречу ему, то я сделаю все наоборот. Сяду спокойно тут, наберусь презрения к ужасу и призову его к себе, попрошу его стать еще сильнее и еще... Ну же, страх небывалый, где ты? Давай я тебя к себе призываю, проникай во все уголки моего тщеславного сердца, захвати безраздельно все мое тело и душу! Покажи все на что ты способен!

Чтобы чем-то занять себя я вынул все стрелы из колчана и с удивлением обнаружил три завернутых в плотную тряпицу стрелы, смазанных ядовитейшей желчью Гидры из Лерна, я не помнил, чтобы брал с собой эти стрелы. Пока я пытался вспомнить откуда отравленные стрелы взялись в моем теле страх бесследно исчез и больше не появлялся. Прислушавшись к ровному биению могучего сердца и к упокоившемуся дыханию, я, помню, даже во весь рот улыбнулся довольно, не найдя ни малейших следов былого испуга. Я огляделся вокруг и спокойным размеренным шагом устремился вперед и скоро оказался на берегу реки ужаса Стикс, но никакого ужаса она в моем сердце не возбудила, я о ней уже слышал.

Мистагог мне рассказывал, что океанида Стикс, выйдя замуж за младшего титана Палланта, родила ему Нику-Победу, Кратоса – Силу и Бию-Мощь, а также Зелоса – Зависть.

Во времена бушующей по всему миру Титаномахии Стикс прежде других богов поспешила со своими могучими сыновьями на помощь воевавшему Зевсу, за что тот сделал ее богиней священных клятв. Вода Стикс стала обязательной для клятвы богов, за ней прилетала с кубком двуручным быстроногая вестница Геры Ирида в радужном платье своем. Колченогий Гефест, бог-кузнец знаменитый, когда ковал мечи для героев закалял их в водах Стикса.

302. Перевозчик Аида Харон

На берегу реки ужаса герой скоро нашел мрачного перевозчика, которого звали Харон. Это был хмурый старец в грязном и рваном коричневом рубище, завязанном узлом на плечах и безобразно висящим, с горящими, как у безумца, лишенными ресниц немигающими глазами. Клочковатой седой бородою все изможденное его лицо старика обросло, но тощее тело древнего бога по-прежнему хранило бодрую силу.

Харон, этот суровый муж безысходной тоски и неизбывной печали, несмотря на старость, был бодр и силен потому, что он был титаном, Эребом порожденным и Нюктой. Эребид, с горящим пронзающим взглядом, по воле Мойры Лахесис стал перевозчиком душ в царство бесплотных теней. Он перевозит души умерших через священную реку Стикс за плату в один обол, который по погребальному обряду должен находиться у покойников под языком.

Жуткий начальник переправы перевозит лишь погребенных. На берег другой нельзя переплыть через шумные волны чудовищной Стикс тем безмолвным теням, останки которых, беспробудный покой хоть в какой-нибудь могиле не обрели. Такие неприкаянные души бесцельно блуждают и столет над берегом реют, и только потом к желанной реке их вновь допускают. Живого человека адский лодочник пере-

правляет только за золотую ветвь из рощи Персефоны, а обратно лодочник угрюмый и мрачный не должен перевозить никого ни при каких обстоятельствах.

Вергилий поет, что царица преисподней посадила небольшую рощицу из особенных деревьев с горящими золотом во мраке ветками и звенящими листьями. И не проникнет никто живой в потаенные недра земные, прежде чем с дерева он не сорвет заветную ветку златую. Всем велит приносить Персефона прекрасная этот дар для нее. Вместо сорванной вмиг вырастает другая, золотом тем же на ней горят звенящие листья. Взглядом кроны деревьев обыщи и ветвь золотую рви безоружной рукой: без усилия стебель поддастся, если только Судьба призывает тебя; если ж нет – никакою силой ее не возьмешь, не отрубишь и твердым железом.

Однако никто не знал где находится та роща, где растет дерево с золотыми ветками Персефоны. Некоторые говорят, что на берегу Стикс в роще Персефоны росли деревья, посвященные ей: черные тополя, у которых на земле при свете луны листья серебрятся, ветлы и гранатовые деревья, а золотые ветви Персефоны были, якобы, ветками единственной в роще омелы. Омела, была связана с солнцем и, значит с весной. Этой связью можно объяснить древний обычай срезать омелу во время летнего и зимнего солнцестояния, олицетворяющих жизнь и смерть. Омела, как вечнозеленое растение, считалась символом бессмертия.

Харон не принимал участия в Титаномахии, но сочувство-

вал милым братьям-титанам и при каждой возможности оказывал им всякую посильную помощь. Зевс узнал, что именно он научил древних горных титанов Крия и Коя спрятаться после поражения в Титаномахии в труднодоступных пещерах их родных гор, но не стал спешить с наказанием. Когда же Крий и Кой по наущению Геры разрезали на части и сожрали его сына от дочери Кору Загрея, Владыка Олимпа в неопишемом гневе хотел низвергнуть не только горных титанов, но и Харона в бездонную пропасть Тартара. Однако по добровольно-принудительному совету Мойры Лахесис Кронид ограничился вечной ссылкой в мглистый Эреб, сделав Харона там не узником, а вечным паромщиком.

Вергилий поет, что к берегу страшной реки порой стекаются толпы огромные: жены идут, и мужи, и героев сонмы усопших, юноши, дети спешат и девы, не знавшие брака, их на глазах у отцов унес огонь погребальный. Мертвых бывает не счесть, как листьев в лесу, что в холод осенний падают на землю с деревьев, иль как птиц, что с просторов пучины, сбившись в стаи, летят к берегам, когда зимняя стужа гонит их за студеные моря, в края, согретые солнцем. Все умоляют, чтоб их переправил первыми старец, руки тянут, стремясь оказаться скорей за рекою. Лодочник жуткий с собой то одних, то других забирает, иль веслом прогоняет иных, на свой челн им ступить не давая.

303. Харон, чтоб умаститься, как Фаон, требует ветвь Персефоны

Причалив к берегу свою утлую лодку с дырявым грязным куском сукна, служившим ей парусом, Лодочник адский увидел Геракла и, поняв, что он живой, сурово потребовал золотую ветвь с дерева из рощи Персефоны.

Зевса отпрыск могучий увидел высокого, тощего старца с горящими дико глазами. На его теле почти не было мяса, но в кости он был очень широк, и плечи под лохмотьями у него были тоже широкими. Впалые щеки Харона, покрытые грязной клочковатой щетиной, тонкие, как нити, бескровные губы, еле скрывавшие кривую ограду по-прежнему крепких желтых зубов, и острый взгляд лихорадочно горящих глаз производили жуткое впечатление.

Геракла же не смутил паромщика страшного вид, и он, сверкнув из-под низких бровей дерзкими голубыми глазами, вызывающе молвил:

– Радуйся встрече со мной древний титан! Я сын Зевса могучий Геракл, которого все знают в Элладе! У меня нет ветви из рощи вашей властительницы Персефоны, но я все равно переправлюсь на другой берег Стикс потому, что у меня есть кое-что и получше – великая сила.

Он решительно шагнул к лодке и крепко взялся за нее мощной рукой так, что она зашаталась. Старец в грязных,

дряхлах отрепьях сначала удивленно посмотрел на героя и злобно потом зарычал сильным голосом:

– Куда ты лезешь, дерзкий? Стой! Ни шагу далее, безумец! Зачем ты живой здесь вообще появился?! Зачем в Аид без ветки Персефоны прорваться пытаешься?! Не знаешь ты, что только бестелесные души я переправляю без ветви золотой из рощи властительной Персефонеи?

Как над щенятами стоя недавно родившимися, грозно собака на человека чужого рычит и оскаливается, готова в него зубами вцепиться, так и Харон утлое свое суденышко защищал.

Водившая дружбу с Хароном Ирида Гермесу однажды сказала, что Паромщик, страшный своим старческим видом, требует от всех ветвь золотую из рощи Персефоны, надеясь, отхлеставшись ею и умастившись, стать молодым и красивым, как Фаон и после этого сочетаться с нею любовью и лаской.

Этот Фаон тоже был перевозчик и такой же безобразной наружности, как Харон. Однажды он Афродите перевез куда надо ей было, и та дала ему за это сосудец с благовонными притираниями. Нетленной мазью умастившись, Фаон стал прекрасней всех мужчин на свете, и после этого все девы и женщины в него влюблялись, как безумные. Сама Сапфо бросилась с Левкадской скалы в море, когда он, пресытившись любовью, ее дружную с Музой, но уже не молодую, оставил.

Геракл не знал историю возгордившегося Фаона и знаменитой поэтессы, столь необузданной в страстях, и потому в ответ смолчал, в то время как Перевозчик неспешно вытащил весло из воды и, мрачно насупившись, речь свою продолжил, словно заученные похоронной песни печальной такие слова:

– Пустые людишки, дети тлена и праха, кратковременны вы и хрупки! Ну, что вы все время хлопчете и лезете всюду? Не надо выбиваться напрасно из сил: ведь и так вам недолго суждено пожить на согретой солнцем земле! И все, что кажется для вас важным сейчас, перед смертью не будет иметь совсем никакого значения. Умирая, никто с собой ничего не возьмет. Голым рождается всякий, голым придет и сюда, – так суждено всепокоряющей Мойрой – а каждого дом, земля и все другие богатства будут переходить из рук в руки, живых меняя хозяев...

304. Схватка Геракла с адским паромщиком

Харон внезапно замолчал, переменившись в лице, и вдруг с неожиданной для его дряхлого вида силой, нагнулся и ударил Геракла по голове своим костлявым, но тяжелым кулаком.

Разгневанный внезапным нападением герой схватился двумя руками за борт лодки и попытался ее перевернуть, но тут же получил такой страшный удар веслом по левому плечу, что рука Геракла вся загорелась от боли и бессильно повисла.

Запылало от гнева мужественное сердце героя, и он, сдвинув к переносице и без того сильно выдававшиеся вперед брови, как пятилетний бык заревел:

– Ты я вижу, титан, хоть и старый, как Кронос, да неразумный, и дух у тебя неприветлив! Ты потому лишь, себя почитая мощным и сильным, со мной в драку вступаешь, что меж бесплотных теней все свое время проводишь. Или до сих пор ты не понял, насколько я мощнее тебя, что со мной ты пытаешься биться?

Правой здоровой рукой Геракл схватил конец весла и попытался его вырвать. Начальник переправы никого на помощь не звал, он продолжал, тяжело дыша, молча с ожесточением бороться за обладание веслом.

Гераклу пришлось напрячь все силы, чтобы вырвать весло у Харона. Во время этой борьбы 3 медовые лепешки, данные Афиной для угощения Кербера, вывалились из колчана со стрелами в воду и уплыли, не зацепившись за гладкое дно.

Гераклу удалось вырвать весло и разгоряченный упорной борьбой он несколько раз ударил паромщика так, что у того затрещали все кости и хребет захрустел, и только тогда начальник переправы, наконец, успокоился, бессильно упав на дно своего утлого челна. Герой ловко залез в лодку, тотчас под ним сильно осевшую, хоть и помещались на судне иногда толпы целые души.

Утлый челнок жалобно застонал под тяжестью мощного мужа, много забортной воды просочилось сквозь его застарелые щели, но через адский поток все же героя повез. Алкмены сын необорный сам взялся действовать ловко веслом и вскоре преодолел широкую стигийскую зыбь и подплыл к мрачному берегу Ада.

– Надеюсь, еще увидимся на обратном пути и обойдемся без драки, старец не в меру старательный. Моя рука самых чудовищных зверей привыкла навечно смирать, а силой мериться со стариками – не для моей силы забава. Ужели ж и драки со стариками на роду выткала мне Мойра, как и ты, лишь обликом старая.

Сказал Геракл Харону и, кинув на дно челна весло, выпрыгнул на берег обители мглистей Аида.

Быстроногая дева Ирида, разноцветными махая крылами,

пролетала над ревущей рекой в это время с кубком двуручным полным стигийской воды. Потом богиня радуги рассказала своему другу Гермесу:

– Слушай, милый Киллений, что я тебе расскажу. Когда последний раз в царство мертвых за водою я для клятвы летала, видела там одного живого негодяя, гордого своей силой безмерной. Очень он был похож мощностью тела на лучшего смертного сына нашего правителя Зевса. Сначала он, как любовой, кто пешим спустился вниз из Тенара по дороге крутой, долго искал переправу, а найдя, подрался с моим приятелем, начальником парома Хароном. Он зверски избил дряхлого старца его же веслом. Перевозчик наш до сих пор отлеживается на дне своей лодки, честным сердцем титана страдая и жестокую боль испытывая от несправедливых побоев.

Амфитрионид между тем шел по асфоделевому лугу, по которому в дни мора и войн, сбившись в большие стаи, души убитых и погубленных язвой со свистом летают, в обычное же время здесь не слышно витают лишь одиночные души покойно усопших.

И здесь ничто не радовало взора героя. Не светило яркое солнце, не зеленели луга, не красовались буйством красок цветы, никогда не появлялась здесь цветущая богиня Антея. Лишь серые, словно покрытые пеплом, деревья, от которых веяло холодом вечным и смертью печальной – плакучие ивы и черные тополя тускло еле серебрились в отсутствии солнечного света мелко дрожащей листвой. Куда ни кинь

взгляд – всюду скудная земля похожая на затхлое болото, везде лишь сильно разросшиеся асфодели, похожие на чахлые грязно – белые лилии, высасывающие из скудной земли последние соки, чтобы поднять жесткие стебли с серовато-белесыми цветами, напоминающими изможденные щеки покойников. По безмолвному берегу этому носился ледяной, пронизывающий ветер, гонявший туда и сюда бесплотные безголосые души умерших, еще не представших перед подземным судом.

305. Встреча Геры с Аидом и Персефоной

Спустившаяся в подземную обитель Аида волоокая Гера издали злорадно наблюдала за схваткой Геракла с Хароном. Она не пряталась, ибо на сей раз увенчала свои пышные аккуратно прибранные белокурые волосы не привычной адаммантовой диадемой, а шлемом-невидимкой, который она на встрече с Аидом и Персефоной одолжила у Незримого брата. Это был шлем, сотворенный киклопами-ковачами в благодарственный дар царю земных недр, за то, что тот не чинил им препятствий при проходе из Тартара на поверхность земли через мертвенно-мрачный Эреб, когда Зевс их освободил из тяжких оков, для участия в решающей битве олимпийцев с титанами.

Для претворения в жизнь своего плана царица мощных высей Олимпа уже встретилась с властителями подземного мира. Она подружилась с Персефоной после того, как помогла племяннице милой в ее затянувшейся тяжбе с любвеобильной Пафийкой из-за блиставшего красотой Адониса, сына кипрского царя Кенира и его несчастной дочери Смирны, которая, стыдливость утратив и благочестье, не как дочь полюбила отца. Любвеобильный Зевс, чтобы завлечь богиню красоты и любви хоть на одну брачную ночь на свое ложе хотел исполнить ее просьбу и навсегда возвратить Адониса из

Аида на землю. Гера же, на каждодневном пиру блаженных богов, обвинив супруга в несправедливости и пристрастности, устроила так, что Эгиоху-Крониду пришлось передать решение вопроса об Адонисе на суд царицы Муз Каллио-пы, которая, невзирая ни на чьи лица, определила Адонису треть года проводить на земле с Афродитой, другую треть – под землей – с Персефой и последнюю треть – по своему усмотрению. Владычица подземелья была благодарна царице Олимпа за это.

Персефоне, с которой, чтобы напомнить о своей роли в споре об Адонисе, Гера встретилась пораньше, и подошедшему позже брату Аиду она рассказала о нечестивости Геракла, о его огромной силе и ужасной жестокости, а также о частых припадках безумия, во время которых он много убил и покалечил разных людей, а некоторых оставлял без погребения. Последнее особенно не понравилось властительным богам подземелья. Гера была довольна и, чтобы больше развить свой успех, она, глядя честными глазами на Персефону, решила рассказать еще и о похоти безмерной Геракла:

– О, царица подземного мира, богиня блаженная! Живешь ты вдали от бессмертных и не ведаешь, что творится на блистательных высях Олимпа и на освещенной ярким солнцем земле! Нечестивый отпрыск Зевеса не только убийца, оставляющий свои жертвы без погребения, он чуть ли не ежедневно насилует жен и развращает как девочек, так и мальчиков, всех без разбора. В безудержной похоти он такой

же, как родитель его, хоть и смертный. Тебе подобное поведение должно казаться особенно противным и мерзким и... хотя... ты, наверно, уже не помнишь Загрея, ведь титаны его съели совсем маленьким, да ты и была еще девочкой, сама, как ребенок... Геракл давно заслужил самую суровую кару, но вы знаете Зевса. – Очень любит медлить он с воздаянием, говорит, что главное не кара и не быстрота наказания, а его неотвратимость, а если кто и умрет, так и не понесся заслуженной кары за свои преступления, то он накажет его детей, внуков, и еще более далеких потомков. Я же явилась сюда, чтобы для торжества справедливости, покарать отродье Зевеса.

Персефона недоуменно смотрела на Геру своими черными, как мокрая смородина глазами, когда та вещала о ней и о каком-то Загрее. Она действительно по воле вещей Ткачихи не помнила ребенка, зачатого ею в раннем девичестве от родителя, принявшего при совокуплении с ней облик пятиного змея.

Аид, конечно, все знал о Загрее, и ему были не приятны эти воспоминания, ведь он и, спустя многие годы после женитьбы, по-прежнему сильно любил Персефону и ревновал ее, даже к прошлому, к своему брату, ее родителю любвеобильному. Кроме того, Гадес был сильно озадачен еще и потому, что не понимал, что ему делать и как себя вести с могучим героем, своим племянником, хоть смертным, но по силе сравнимым с богами.

Владыка безмолвного царства задумчиво пошевелил иссини-черными своими бровями на смуглом вечно угрюмом лице и, почти не разжимая губ, нерешительно молвил:

– Гера, сестра моя милая, кажется мне, что свирепствуешь ты неразумно. Зачем тебе это? Опять ревнивое сердце козни строить тебя заставляет? А мне не хотелось бы, распрю затевать здесь с Гераклом, ведь Кронид, царственный брат наш с тобой, как мне рассказывала Ирида, его любит и защищает. И сюда он явился наверняка не без согласия Зевса. Впрочем, делай, как знаешь, ведь вы с Олимпийцем супруги, а мы с Персефой подумаем и посмотрим.

Сославшись на множество дел неотложных, Повелитель безмолвных медленно вышел из зала. После того, как Аидес оставил их вдвоем, Гера попросила Персефону устроить ей встречу с Эриниями, и царица Преисподней, благодарная Гере за помощь в споре с Кипридой из-за Адониса, указала ей дорогу к демоницам кровавого мщения. Она даже дала на время тетке шлем-невидимку мужа, чтобы та могла тайно передвигаться по обители мертвых, и та перед встречей с Эриниями обратно его возвратила.

306. Гера встречается с Эриниями

В греческом пантеоне богов было особенно много богинь справедливости и мщения, ведь справедливость из всех добродетелей сердцу бессмертных была милее всего. Это и древняя богиня неотвратимого возмездия Немесида, которая не только карала спесивых и обуреваемых чрезмерной гордыней, но и воздавала по заслугам праведным людям. Богиня правосудия титанида Фемида вершила справедливый суд, а ее три дочери от Зевса богини справедливости Астрея, Дике и неотвратимая Адрастея во имя все той же справедливо тоже карали негодяев и злодеев. Девять дочерей Персефоны от Аида Эвмениды были милостивыми и благосклонными мстительницами. И только древние Эринии были подлинными Демоницами мщения, которые всегда неотступно преследуя преступника, особенно жестоко карали. В древнейшее время они наказывали только за самое тяжкое преступление – убийство кровных родственников, потом за любое убийство, а впоследствии – за всевозможные грехи и в первую очередь за неумеренность, заносчивость и спесь.

Чтобы вызывать ужас невыносимый и жуткий страх у преступников, три ужасных сестры некогда выбрали для себя вид отвратительных старух с черными с проседью волосами, перевитыми тонкими извивающимися змеями, и с большими гнилозубыми ртами, из которых всегда сочились струйки

чужой алой крови. Они были обычно одеты во все черное с кроваво-красными поясами, а в костлявых покрытых вздувшимися синими венами руках они держали пылающие факелы и бичи для мучительных пыток. Настигнув преступника, Змеевласые сестры медленно, но неотвратно повергали его в полное безумие, нещадно хлеща пропитанными ядом бичами.

– Вас призываю, богини древние, всеми высокочтимые! Вы подземные и звездные, появляетесь перед преступниками всегда в раскатах грома, от которых вся земля сотрясается. Вы живете глубоко в земных недрах сокрыто, возле потока священного Стикса. Вечно витаете вы над преступными мыслями смертных, дико ликуете, о непреклонные, справедливо воздая преступникам за злодеяния. Страшные, мощные, жуткие три девы подземного Ада, вы нечестивцев терзаете особенно тяжко. Вас, грозные девы отмщения, вас в этом царстве безмолвия для справедливой отплаты злодею я призываю! Придите отомстить за пролитую родичей кровь. Пусть рассыплют жгучее пламя ваши змеиные волосы, пускай яро свистят в ваших справедливых руках бичи ядовитые, чтоб разума лишился нечестивый преступник, проливший кровь собственных сыновей!

Так призывала Громовержца супруга Эриний, и явиться на ее зов, они не замедлили. Встретившись с ужасными старухами, Гера к ним устремила крылатые речи такие:

– Уж более 10 лет миновало с тех пор, как надменный

сын Зевса смерти причастный Геракл сыноубийство тройное свершил, а кровь до сих пор сочится с рук его, поганя все, к чему он прикасается. Стенайте, великие богини отмщения! Зверь лютый до сих пор гуляет на воле! За дело, неистовые в справедливой мести грозные служанки Незримого Дита! Факелы яркие выше вздымайте! Покарайте бичами ядовитыми мерзкого преступника безумием за кровные убийства! Безумие, само себя разящее, – оно, оно пусть будет верным вам пособником!

Ужасные старухи злобно зарычали, словно разъяренные львицы, прянув из логова от детенышей навстречу охотникам и, потрясая своими отравленными бичами, стали принюхиваться, как натасканные собаки, пытаясь уловить запах Геракла.

Тисифона в кудрях из змей ядовитых сулящий неисчерпаемое несчастье ярко пылавший факел сосновый подняла над головой и, глухо лязгая кривыми зубами, заорала истошно:

– Милые сестры! Скорей заведем хоровод смертоносный и будем Геракла искать! Мы его быстро найдем и будем вокруг тройного сыноубийцы, как буйные вихри, кружить и кружить и ядовитыми бичами язвить и язвить его тело пока безумие страшное не постигнет его. Где бы ни был нечестивец Геракл, долго он от нас не сумеет скрываться!

Гера светло улыбалась и, потирая холеные белые руки, быстро сказала:

– Вам не придется долго искать негодяя Геракла – он

сам спустился в подземное царство и скоро будет в чертоге Аида. После он пойдет искать Кербера, чтобы вывести его из подземного царства и оставить ваше жилище без надежной охраны. Вот тут-то его удобней всего вам будет терзать, внезапно напав на него из засады.

Гера вдруг болезненно сморщилась и стала левой рукой тереть правую грудь там, где сквозь тонкую белую ткань под розовым соском, внимательно приглядевшись, можно было увидеть еле заметный шрам. Она настороженно огляделась вокруг, белокурой тряхнула головой и решительно облаком пурпурным одевшись, прынула о серую скалу бурной стопой. Как внезапно возникшая пурпурная круговерть, она закружилась на месте и быстро исчезла, оставив беснующихся Эриний, решивших пока успокоиться, свежим ядом бичи пропитать и устроить засаду Гераклу у логова сторожа Кербера.

307. Обещание Мелеагру жениться на Деянире

Геракл в это время неспешно двигался к маячившей вдали мрачной громаде чертога Незримого владыки немых, единственному большому зданию Преисподней. Вокруг стояла звенящая тишина – владыка безмолвного мира очень не любил шум, яркий свет и всякую суету.

Вдруг герой, всю жизнь сметавший с земной тверди чудовищ, увидел жуткого вида женщину с клыкастой оскаленной мордой и со страшным взглядом, полным испепеляющей ненависти, а на голове ее шевелились шипящие змеи. Это была когда-то прекрасноволосая дева Медуса, ставшая ужасным чудовищем Горгоной после того, как ее изнасиловал в храме Афины любвеобильный, как все олимпийцы, Сотрясатель земли.

Геракл быстро взмахнул своей суковатой дубиной и ударил чудовище, однако палица прошла сквозь нее, не встретив никакого сопротивления, как через дым или воздух бесплотный. У отпрыска Зевса подкосились колени, и он бессильно на землю осел, ему показалось, что уже каменеет все его тело от ужасного взгляда Горгоны. Но это была не живая Медуса-Горгона, а лишь ее бесплотная тень, которая с тихим шелестом, словно кучка высохших листьев осенних, унеслась под внезапным порывом сильного ветра в хмурую

даль и затерялась среди навевающих гнетущую тоску лиловых полей.

Отпрыск Зевса и прекрасноволосой Алкмены, осторожно ступая в кромешном мраке, по-прежнему медленно шел в направлении возвышавшегося темной громадой дома, который и был жилищем Плутона и Персефоны.

Много мыслей совсем невеселых ноющее сердце Геракла тревожило и терзало:

– Как властители Преисподней, ужасные и надменные, отнесутся к моему появлению здесь? Разрешит ли Аид вывести на поверхность земли Кербера или и с ним, бессмертным царем Преисподней здесь мне придется бороться, а то и сражаться? Но самое главное – как я отсюда выберусь, да еще и с трехглавой собакой. Удастся ли мне Кербера приручить и заставить Аид на время покинуть? А вдруг он выберет скоротечную смерть вместо неволи? Найду ли на месте Харона с его утлым суденышком или придется вместе со связанным Кербером вплавь через чудовищную Стикс пробираться? И вообще – не будут ли против моего возвращения из загробного мира сами непреложные Мойры, кто знает – какую они мне долю соткали из своей седой пряжи столетий... Ведь много здесь таинства всякого, как мне говорили при посвящении, есть тут и магия, и волшебство, и колдовство против которых любая сила бессильна...

Вдруг Геракла кто-то совсем не бесплотный, а очень сильный схватил сзади мощной рукой за плечо, и он вздрогнул от

внезапного приступа ледящего страха, тронувшего его за встрепенувшееся сердце костлявой рукой и сковавшего все его тело. Рука же сама, непричастная страху, привычно замахнулась дубиной, но, быстро обернувшись, он увидел своего старого друга сына царя Ойнея и Алфеи Мелеагра, героя знаменитой Калидонской охоты на вепря, свирепого мстителя Артемиды. Душа Ойнеида была схожа с ним совершенно всем видом: телом могучим и ростом, и ликом прекрасным; даже в одежду была она ту же одета, которую он больше всего при жизни любил.

Говорят, родным отцом Мелеагра был мужегубитель Арес, и потому он был таким мощным, что выйти против него воины не дерзали, когда он на битву, яростно, как родитель, стремился. Непреложные Мойры ему отвели жизненный срок, как и полену, горевшему в очаге, когда он родился. Алфея, услышав пророчество Мойры Лахесис, тут же с ложа, где недавно совсем родила, быстро вскочила и, обжигаясь, голыми руками вырвала полено из огня, окатила водой и спрятала, как высшую драгоценность, в тайник. Однако, когда сын возмужавший, не поделив жесткую шкуру и клыкастую голову Калидонского вепря, убил на разгульном пиру двух ее милых братьев, она после долгих, мучительных колебаний все же вынула из тайника то овейнное Рокком полено и, вся, заливаясь горькими слезами, дрожащими руками кинула его в пылавший очаг. Сестра, как это обычно и бывало в древней Элладе, оказалась сильнее матери, и любимый

сын, как и было неоспоримой предначертано Мойрой, умер на ее потухших от невыносимого горя глазах. Мать, безмерно страдавшая от всего произошедшего, ненадолго пережила сына и покончила с опостылевшей жизнью в петле.

Многих героев ждала в Аиде особая участь. Судьи царства мертвых сыновья Зевса от финикийской царевны Европы мудрый Минос и справедливейший Радаманф, а иногда властитель Эреба Аидес или даже сам Зевс – Промыслитель позволяли некоторым героям не пить воду из тинистой реки тупого забвения Леты. Герой Калидонской охоты, сохраняющий пока разум и память, давно ждал решения Миноса и Радаманфа своей доли и очень обрадовался встрече с Гераклом.

Друзья долго задушевно беседовали, с мучительно – сладкой тоской вспоминая чудесную прежнюю жизнь, когда они были безудержно жизнерадостны и, главное, молоды и, прощаясь, Мелеагр воскликнул, глядя просительно на Геракла:

– Будь всегда силен и здоров, Геракл, богоподобный! Вспомни, мой друг дорогой, на освещенной ярким солнцем земле о Мелеагре, ведь к живому, ко мне, не был ты равнодушен. То, что сейчас я скажу, попрошу тебя непременно исполнить. Сестру мою милую навести – ту, которую я любил больше всех из сестер. Чувствую, как в нескончаемой печали, в слезах беспрестанных долгие дни и бессонные ночи милая Деянира проводит, тоскуя по рано ушедшему из радостной жизни несчастному брату... чувствует любящим

сердцем она, как в тоскливом унынии я брожу у гостеприимного дома Аида. Грустно здесь мне! Дай-ка, друг, мне свою верную руку!.. Вот, если бы ты женился на ней, я тут был бы спокоен.

– Доблести полный герой Ойнеид! Все, о чем попросил ты, непременно свершу и точно исполню. А теперь подойди же поближе! Обнимемся на прощание крепко друг с другом.

Так, растроганный встречей с безвременно покинувшим светлую жизнь милым другом, Геракл пообещал жениться на его сестре Деянире. Мелеагр указал Амфитриониду рукой на дорогу к дому Аида, и, не в силах больше сдерживать слезы, исчез навсегда во мгле беспросветной Эреба, лугом асфодельным, бредя неуверенным шагом.

308. Аид похищает Кору

В стадии от ограды из вертикально стоящих бревен, окружавших чертог Аида, Геракл услышал приглушенные жалобные вопли и, приглядевшись увидел во мгlistом тумане, что стоны доносятся из-под небольшой островерхой скалы, покрытой лишайниками и мхами. Это стенал садовник Аида Аскалаф, которого считают сыном Ахеронта и мало кому известной нимфы Горгиры.

Увидев в щелку Геракла, узник стал просить освободить его из-под скалы, но герой отказался, сказав, что он здесь новый и даже не подумает его освободить, не зная, кто он и почему его под скалу затолкали. Тогда Аскалаф, в юности обучавшийся красноречию, решил, что спешить все равно некуда и поведал ему обстоятельно длинную такую историю, отрывки которой герою слышать уже доводилось:

Царь Преисподней, ужасный владыка Эреба однажды стал сетовать Зевсу, что живет одиноко он, уже долгие годы, в черной тоске проводя без супруги. Лучше хорошей жены ничего не бывает на свете, и потому больше не в силах он тщетно ожидать сладостных наслаждений брачного ложа. Великий Кронид, занятый множеством важных дел, сначала не обратил никакого внимания на жалобы Хтония – брата. В это самое время, разбив древнего узилища высокие стены и освободившись от крепких оков, низвергнутые в Тартар

титаны во главе с непокорным Иапетом и дерзким Менетием стали проситься у Аида свет небесный узреть, а потом бессметных богов с Олимпа низвергнуть. И обиженный небрежным отношением к нему Зевса Дит надумал дать волю древним титанам.

Обеспокоенная не предначертанным ею развитием событий Мойра Лахесис, сняв с веретена мирового скрюченными от старости, но все равно ловкими пальцами седую пряжу столетий, Диту, не разжимая губ плотно сжатых, строго изрекла:

– Не смей разрывать крепкую сеть всемирных законов, созданную трудом Мойр неустанным. Распря, гибельную для всех, с Зевсом не дерзай затевать и на волю не вздумай выпустить диких титанов. Лучше хорошую жену для себя попроси у великого брата, и он не откажет – об этом я сама позабочусь.

Смягчился сердцем Аид и попросил у Зевса, чтоб дал ему брат достойную его деву в супруги. И Кронид по указанию Мойры Лахесис решил Аиду отдать Кору, кроткую свою дочь в жены. Спустившись к брату в тихое подземное царство, Зевс помавал сросшимися бровями и кивнул в сторону своей дочери от Деметры нечесаной головой, а потом несколько раз, чтобы точно было понятно, подмигнул и глазами. Так безгласно мудрый олимпийский правитель посоветовал брату своему, домоседу, никому ничего не говоря, похитить его дочь от Деметры, чтобы исключить всякую возможность от-

каза, как со стороны матери, так и со стороны самой Кора.

Юная Кора, совсем позабывшая все, что было связано с рождением Загрея, только-только второй раз вступила в возраст невесты и, хоть к браку стремилась страстной душой, под влиянием заботливой матери уже отказала сватавшимся к ней двум могучим олимпийским богам: Аресу, мощному бойцу щитоносному и лучезарному Аполлону, вождю бессменному Муз олимпийских, кифареду первому во вселенной и стрелку наилучшему.

Ареса ненавидели все олимпийские боги, кроме одной Афродиты, но отказ Аполлону могла объяснить только Мойра Лахесис. Феб не просто был самый красивый, он считался самым прекрасным во всех отношениях из богов, и, тем не менее, его чаще других олимпийцев отвергали и богини, и жены. Так, влюбленного по воле Эроса прекраснейшего из богов Аполлона отвергли не только богини Гестия и Кора (Персефона), но и смертные Дафна, Кассандра, Коронида, Кумская Сивилла, Касталия и Болина, Гипсипила, Синапа и Марпесса. Не был по-настоящему счастлив лучезарный бог и с Дриопой, Киреной, Коронидой, Креусой, Рео, Хионой, Фурией, и со всеми другими женщинами и юношами, возлюбленными Фебом, среди которых был Гиакинф, превратившийся в дивный цветок, и Кипарис, ставший деревом печали.

Отвергнувшая обоих женихов Деметра, страшась похищения, отправила милую дочь на Сицилию в надежде, что

местные боги надежно ее там защитят. Когда же Аид в кои-то веки выбрался на солнечный свет и похитил юную Кору на цветущем лугу у сицилийского озера Перг, благая богиня в безутешной печали и скорби покинула вечноживущих богов и блаженный Олимп многоснежный. Она долго безуспешно искала горячо любимую дочь по всей земле необъятной и после длительных скитаний узнала, наконец, от нимфы источника Аретусы, что ее милую девочку похитил вечно угрюмый брат. Несмотря на все ее требования и просьбы, Владыка Олимпа, не желая ссоры с братом Плутоном, решительно отказался возвращать Кору на землю, освещенную солнцем, и к великой печали Деметры – Ахеи (скорбящая) прибавился праведный гнев на Зевса-царя, брата, ставшего против ее воли и супругом на время.

Богиня, которая всегда считалась очень доброй и благожелательной к людям, на этот раз не могла унять неукротимого гнева, и нивам велела людей оставить ни с чем, остановив плодоношение земли. Везде умирали посеvy; то гнили от чрезмерных дождей, то от солнца излишнего засыхали. Сначала в города, а потом и в поселки грозный голод явился, но самым страшным по мнению блаженных богов было то, что сами голодавшие люди им перестали приносить пышные жертвы.

309. Садовник доносит, что Кора вкусила зерна граната

Тогда Зевс премудрый правитель Олимпа, безраздельно в эфире царящий, нетленными потрянув волосами, отправил в беспросветный Эреб своего быстролетного вестника, искушенного в красноречии, сказав так ему:

– Приятною речью хитро, как ты прекрасно делать умеешь, Киллений, обольсти моего незримого брата, царя ужасного подземелья и чистую Кору из темного мрака выведи на солнечный свет, в собрание богов, чтоб, ее увидав своими глазами, мать гнев свой великий в сердце уняла.

Тут же глашатай Зевеса к быстрым ногам привязал свои подошвы амвросиальные, всюду его с дыханием ветра и над землей широкодорожной носившие и над прозрачной водою. Оплетенный двумя гибкими змеями кадуцей золотой Гермес захватил, которым он всех примиряет, а также глаза усыпляет у смертных или, напротив, заснувших, от сна пробуждает. Аргобийца с жезлом тем с мощных кручей Олимпа, словно стремительный ветер понесся, с горнего эфира, низринувшись в земные глубины. Там в подземном чертоге нашел он вечно угрюмого ликом царя-домоседа. С ним восседала на пурпурном ложе молодая супруга. По всему было видно, что она здесь находится против воли: черные, как смоль, кудри волос уж не первый день были не прибраны, печальные глаза

затравленно озирались вокруг.

Аргоубийца, не особенно надеясь на послушание, тем не менее, Аиду важно изрек:

– Зевс, из властителей всех наивысший, Кору, похищенную тобой его милую дочь, которую отныне все будут звать Персефой, повелел мне вывести вон из Эреба к своим, чтоб, ее увидав, ярый гнев и злобу ужасную мать, наконец, прекратила. Я вижу, что тебе не нравится приказание великого брата и потому я напомню, что веленье эгидодержавного Зевса никакому богу другому невозможно своевольно нарушить иль им пренебречь дерзновенно.

Однако Аидоней не пожелал ни за что возвращать на землю свою молодую супругу. Хитроумный Гермес, не привыкший в спорах сдаваться, придумал поклясться и великую клятву освятить стигийской водой, что Персефона выйдет на яркий свет совсем ненадолго и потом опять вернется в Аид. Тогда Незримый властитель подземного царства уступил красноречию вестника Зевса, но поставил условие, что супруга пробудет в подземелье еще несколько дней.

Прибыв на землю, сердцем хитрый Гермес заявил громогласно Деметре, что дочь ее скоро вернется в светоносный эфир, а потом совсем тихо добавил о непременно условии возвращения Персефоны на землю:

– Чтобы на освещенную солнцем землю из подземных бездн Преисподней вернуться и на ней надолго остаться, никакой пищи в Эребе никто не должен вкушать: самими Мой-

рами так предусмотрено в мироздания вечных законах.

Однако, как уж давно было предназначено Мойрой Лахесис, Кора накануне выхода из Аида нечаянно свой пост разрешила. Печально бродя по мрачным коридорам подземным, она вдруг увидела яркое одинокое плодовое дерево. Дева на миг забыла, где находится и сорвала одно из гранатовых яблок и похожий на кровь сок нескольких зерен выжала в пересохшие губы.

Я это видел и рассказал все Аиду, хозяину своему, и тот сделал невозможным супруги окончательный возврат на земную поверхность. Опять впавшая в безудержный гнев Деметра схватила меня и кинула в эту яму и сверху навалила на меня тяжкую гранитную глыбу размером с небольшую скалу.

310. Геракл освобождает Аскалафа

Теперь любимая дочь богини благой, которую раньше звали Кора, должна была в конце лета возвращаться к предназначенному незыблемым Роком супругу в дышащий гниением и смертью Аид и зваться там Персефоной.

Когда-то год у эллинов разделялся лишь на короткую зиму и длительное лето, затем начальную часть лета, когда Персефона возвращалась на землю, стали называть весной. После того, как в конце лета, когда завершалось сбора урожая жаркое время, а на небе светила звезда Арктур, Персефона стала спускаться в Аид это время стали называть осенью. Разделение года на четыре равные части и упорядоченное следование их друг за другом Мойры считали необходимым.

Поведав дрожащим голосом историю о своем предначертанном самой Мойрой Лахесис доносе, садовник взмолился: – Духом огромный Геракл, герой многосильный, могучий! Племя свирепое неукротенных чудовищ смирил ты, подвигов величайших одиннадцать пронес от западного края земли до ее восточного края, ты бесстрашный вершитель великих деяний! Ты всеобщий заступник и благодетель, умоляю, освободи меня из-под этой скалы, ведь все мое преступление ты теперь знаешь!

Геракл нагнулся к щели и увидел совсем близко плещи-

вую голову, обрамленную торчащими в разные стороны волос седыми клоками. Голова повернулась и перед отпрыском Алкмены возникли наполненные слезами умоляющие глаза над костлявыми выступами широких скул, обтянутых сморщенной серой кожей с редкими волосам.

Слушая рассказ Аскалафа, Геракл все время сосредоточенно тер свои мощные надбровные дуги, и когда тот закончил, живо воскликнул:

– Историю превращения Кору в Персефону ты поведал искусно, но, думаю, и сам ты не знаешь, что действовал по велению Зевса, желавшего, чтобы Кора осталась с супругом, ведь бог ужасный Аид – его брат. Нельзя мне пройти мимо молящего, так жалобно о помощи, ведь сам Зевс Гикесий, мой великий родитель всегда был Покровителем молящих пощады. Потерпи еще немного, несчастный.

Геракл отошел на несколько шагов от скалы и, окинув ее оценивающим взглядом, недовольно поморщился и тихо прошептал своему милому сердцу:

– Боюсь, что сдвинуть эту громадную скалу, даже моей огромной силы окажется недостаточно...

Громко же, так, чтобы садовнику было слышно, Геракл сказал:

– Придется тебе, садовник, видно, еще потерпеть. Я сейчас тороплюсь, но на обратном пути попробую сдвинуть этот камень, которым нарочно Део тебя придавила...

Услышав эти слова, Аскалаф горестно вскрикнул и

неистово продолжил мольбу, ведь Надежда всегда умирает последней. Мольба садовника скорее напоминала молитву, которую он возносил Гераклу, словно бессмертному богу:

– О, Геракл, благодетель, молимый смертными людьми неустанно! Божественные ноги твои обнимаю, колени целую, почти молящего, сжался! Внемли, милость яви, не отвергни молитвы моей, исполни, если, конечно, ты в силах исполнить то, о чем возношу я моление. Освободи меня из-под этого огромного камня, куда Деметра в гнев меня затолкала.

– Ты молишь меня, словно бога, как в благословенной Италии... так и быть, мимо этого камня я не пройду, лучше под ним я умру, но никому не позволю усомниться в моей всеокрушающей силе.

Герой бросил дубину и лук, скинул и львиную шкуру и, схватив огромную глыбу за край основания, стал пытаться ее с места подвинуть, но скала не поддавалась. Несколько раз по-всякому хватался за камень Геракл, и кости его с треском были готовы сломаться, и вздувшиеся на всем теле синие вены готовы были порваться, но стояла скала нерушимо.

И тут Геракл вдруг, переменившись в лице, бешено заорал:

– Я одолею тебя чудовище! Если не сдвину, то совсем уничтожу: другим камнем на несколько кусков разобью, и из-под обломков достану садовника.

Оскалив зубы, со сморщенным до неузнаваемости лицом, Геракл сдвинул немного огромную глыбу, и в образовавшу-

юся широкую щель на волю выполз садовник. Аскалаф начал ползать по земле и собирать какие-то растения, чтобы побыстрее восстановить подорванные в яме здоровье и силы. Из благодарности он заодно научил смертного Зевсова сына находить целебные корни и травы, в которых он, как садовник, разбирался прекрасно.

Говорят, что садовник-доносчик недолго пробыл на долгожданной свободе – Деметра не могла простить ему страшное горе, которое он причинил ей и ужасный вред, нанесенный любимой дочери. Когда хлебодарная богиня узнала, что Геракл освободил Аскалафа, громкий стон она издала, и отверженной птицей стал по воле ее Аскалаф. Хтония, окропив флегетоновой влагой плешивое темя садовника, нос превратила ему в загнутый клюв и округлила глаза. Затем у доносчика человечески пальцы сморщились и концы их загнулись, превратившись в длинные когти, а руки покрылись пестрыми крыльями. Так Аскалаф стал скверной птицей, предвестницей грядущего горя и бедствий.

Другие говорят, что филином Аскалаф пробыл не долго. Прежний облик ему вернуть мать попросила дочь Персефона – нужен был ей хороший садовник, знающий особенности почв подземелья.

311. История пленения Тесея и Пирифоя

Совсем недалеко от большого мрачного вида дома, обнесенного глухим высоким забором из стволов деревьев с заостренными концами, Геракл с удивлением обнаружил двух живых человек, сидящих на скале, напоминавшей очертанием огромный трон – седалище с высокой спинкой и широкими подлокотниками. Это были два изможденных мужа в рваной, истлевшей одежде. Их худые лица и головы так сильно заросли включенными волосами, что отчетливо виднелись только их носы заостренные и молящие о помощи молодые глаза. Они протягивали руки и слабыми голосами зывали о помощи.

Геракл хотел было пройти мимо, но вдруг услышал свое имя и остановился. Он подошел к пленникам каменного трона совсем близко и поочередно внимательно взгляделся в их заросшие волосами лица и в глаза их молящие. Один из них был очень похож на знаменитого афинского героя Тесея, второй напоминал его названного брата и друга – некогда могучего царя лапифов Пирифа. Неразлучные на земле, как милые братья, возлюбленные друзья и в жутком Аидовом царстве были вместе – они рядом сидели на мхом заросшей скале, словно неразрывно были связаны с нею.

Тесей вскоре после трагической смерти единственного за-

конного сына Ипполита и самоубийства нечестивой жены Федры прослышал о самой прекрасной из когда-либо живших на земле женщин – дочери Зевса Елене Спартанской, вскоре прозванной Еленой Прекрасной. Вместе с другом Пирифоем они дерзко похитили отроковицу Елену из Спарты, когда она приносила жертву в святилище Артемиды и увезли ее в Афины, славный город, нареченный в честь Паллады, сверкающей огромным копьем.

После этого друзья договорились бросить жребий: выигравшему доставалась Елена, но он должен был оказать проигравшему содействие в приобретении другой женщины, невзирая ни на какую опасность. Дав в этом друг другу клятву, они бросили жребий, который выпал Тесею. Поскольку многие афиняне, подстрекаемые первым демагогом Менесфеем, были возмущены этим нечестивым поступком, Тесей, проведя с Еленой только одну ночь, увез ее в Афины и приставил к ней свою мать Эфру, а также охрану из числа своих лучших друзей.

Согласно клятвенному договору, Тесей вынужден был помогать Пирифою, похоронившему жену Гипподамию, и пожелавшему добыть в жены царицу Преисподней Персефону. Он пытался отговорить любимого друга Пирифоя, считая похищение супруги великого бога Аида большим святотатством:

– Внемли мне, друг мой возлюбленный, больше, чем брат! Щадит Судьба не часто самых доблестных; недолго цел бы-

вает, кто опасностям идет всегда навстречу безбоязненно. Тот, кто от гибели ушел не раз, однажды с нею встретится, и жизнь его повиснет тогда на тонком волоске... Не надо нам с тобой в Аид спускаться и похищать дочь Зевса и супругу его брата. Нам боги такое кощунство не простят, а Мойры выпрядут непоправимую беду и страшное несчастье. И даже, если мы с тобой избегнем сами кары, за буйство наших вожделений, за пресыщение надменное с потомков наших взыщет мзду за святотатство бог.

Однако сердечный друг настаивал упрямо, и долго спорили друзья, и каждый пытался убедить другого поступить по своему. Тогда, как говорят, лапифов царь предложил с молитвой обратиться к самому Зевсу, которого они призывали в свидетели своей клятвы помогать друг другу в приобретении жен. Зевс Кларий (Наделяющий жребием), узнав, что Тесей и Пирифой сами ищут смертельной опасности, провещал им обоим одновременно во сне:

– Если вы полубоги – герои, столь наглые, сколь и дерзкие, то почему бы Вам не похитить в царстве мертвых для Пирифоя и мою дочь от Деметры Персефону так же, как вы похитили для Тесея другую мою дочь Елену от Леды, в нежные объятия которой из эфирной сени я лебедем белоснежным и влюбленным спускался?

Этот сон и Тесей, и Пирифой посчитали хорошим знаменем и тут же отправились в царство безмолвных теней. Когда возлюбленные друзья, минуя начальника переправы Ха-

рона, спустились в подземное царство окольным путем через заросшую лесом узкую расщелину на Ахерусейском полуострове, чтобы похитить Персефону, коварный Властелин подземелья их встретил там притворно радушно, прямо как родной дядя любезный.

Выдавив на вечно угрюмом лице одними черными глазами что-то похожее на улыбку, он мощными погладил руками спускающиеся на лоб иссини черные волосы и тихим голосом низким вкрадчиво молвил:

– Хайре, герои! Позвольте спросить вас: путь, столь далекий проделав, к нам в гостеприимные дома с целью какой вы спустились иль вы бродите везде, где придется бесцельно?

Внезапно Аид, тряхнув волосами, злобно вскричал голосом, как у женщины неожиданно тонким:

– И вообще кто вы такие, для чего живыми здесь, в нашем мраке подземном, без приглашения оказались?

Отважные друзья не захотели правду скрывать и, сверкая глазами, дерзко ответили:

– Мы не нуждаемся ни в чьем приглашении! Сюда мы явились, чтобы супругу твою Персефону из-под земли вывести на солнечную поверхность! Это будет правильно и справедливо, ведь ты сам ее из-под яркого солнца похитил, как вор, а мы, ее на землю вернув, возвратим ей свободу.

Друзья стали спинами друг к другу и, положив ладони на рукоятки мечей, приготовились к битве со всем подземельем. Полное душного мглистого мрака царство теней

страшно вдруг все содрогнулось, и вздрогнула необъятная вся поверхность широкогрудой земли, когда прозвучал этот, хоть и честный, и справедливый, но нечестивый и дерзкий ответ, непомерной полный гордыни.

Однако ни один мускул не дрогнул на Плутона угрюмом лице, он опять был по – олимпийски невозмутим и спокоен. Он подошел к неразлучным друзьям, взял каждого за руку и обратился к ним с притворно сладостной речью:

– О доблестные герои! Как вы решились здесь появиться перед моими глазами, супруга законного Персефоны? Да, сердца ваши поистине из меди иль из железа! Видно, непреложная Мойра Лахесис и брат мой Зевс – Олимпиец такую уж долю назначили вам. Будет совсем справедливо, если моя жена сама решит, что ей делать. А пока я приглашаю вас милые гости оказать мне любезность и в ожидании Персефоны присесть на этот каменный трон, чтобы все неспеша обсудить.

Своим нечестивым поступком Тесей и Пирифой преступили меру допустимого, даже для могучих героев, и были сурово наказаны грозными подземными божеествами. Как только друзья присели на край нерушимой скалы, похожий на каменный трон, так тут же своими задами к липкой поверхности темного камня приклеились намертво, словно приросли. Находясь в полной памяти, ибо они не пробовали беззаботных струй из реки забвения Леты, Тесей и Пирифой провели первое время в обители затхлой совсем без пищи и пи-

тъя и лишь благодаря тому, что потом Персефона сама стала кормить их ежедневным обедом, они не умерли от жажды и голода.

312. Геракл освобождает из каменного плена Тесея

Вконец измученные друзья, увидев Геракла стали тянуть к нему истощенные руки, тяжко стелая и умоляя о помощи, но он лишь с удивлением на них смотрел – так они изменились в неподходящих для жизни жутких пустотах Аида.

Наконец, сын Алкмены хлопнул себя по ляжке и в изумлении закричал:

– Друг давнишний, Тесей, ты ли это?! Глазам своим я не верю! Кажется, совсем недавно, на афинской площади ты за меня поручался, чтобы меня в мистерии побыстрее посвятили и очищенным мне к Аиду явиться. Теперь сам вместе с другом своим Пирифоем здесь пребываешь... Расскажи мне вполне откровенно: как ты здесь оказался и почему встать не можешь с причудливого этого камня, так на царское кресло похожего?!

Тесей с Пирифоем стали, перебивая один другого, рассказывать, что с ними случилось, и как они здесь оказались. Геракл кивал головой и в задумчивости мял и тер свои мощные, как у льва, надбровные дуги.

Когда ж он услышал, что Тесей обладал Еленой Прекрасной, причем, был ее первым мужчиной, на его лице появилось не свойственное ему откровенно завистливое выражение, у него даже подбородок отвис. Услышав о том, что они

добровольно спустились в Аид, чтобы похитить для Пифофа супругу Гадеса Персефону, Геракл не удержался и восхищенно воскликнул, опять звонко хлопнув себя по голой ноге:

– Здесь вы дерзновенностью даже меня превзошли! Я похищал лань и быка, Пояс, коней и коров, но похитить владычицу подземного царства, дочь Деметры и Зевса, супругу Аида...

– Как видишь мы ее не похитили, а только напрасно себя погубили...

– Я должен вас спасти и спасу! Прямо сейчас я вас из каменного вызволю плена!

Тесей протестуяще взмахнул обеими руками и что-то слабым голосом начал кричать, но Геракл, не обращая внимания на крики, схватил его, как ребенка на руки, и одним мощным рывком оторвал от скалы. Амфитрионид отнес Тесея на несколько шагов от липкого камня и опустил на мягкий серый мох, а тот все испуганно вопил:

– Друг Геракл, зачем так торопиться? Не надо еще больше сердить владыку этого жуткого мира! Хотя ты и очень могуч, но все равно я опасаюсь. Лучше бы ты нас законно освободил, испросив милостивого разрешения у грозного бога Аида. Здесь так ужасно, как бы нам с Пифофом хуже не стало. Видишь, вон там вдалеке, непрерывно вертясь, огненное колесо Иксиона многие годы терзает. Он заживо сгорает в адском пламени и умирает от нестерпимой боли, но тут же

возрождался, чтобы снова и снова сторгать, умирать и возрождаться для новых мучений... А в том озерце убегает вода из-под губ у страдающего от жажды Тантала, стоящего в воде по подбородок. Старик, не раз обманутый, поймать глоток иссохшим ртом стремится, но влага исчезает вмиг из губ раскрытых, лишь только их вода коснется, и дразнят на ветвях роскошные плоды его изголодавшийся желудок... А вон Сисиф, когда-то самый хитрый царь, теперь он из последних сил камень огромный вечно в гору толкает, чтобы перевалить его через гребень, но бесстыдный камень у самой вершины горы, всегда сам назад обращается и, придавив изможденного старца, неудержимо вниз устремляется... Титий не может никак протянуть свои огромные члены: девять пашен ими покрыл на поле пустынном, так был когда-то велик! И терзающие медленно его тело два коршуна, прочь неохотно летят от груди истомившейся, сетуя, что их двое, и для них пищи мало – слишком медленно отрастает Тития печень. Вон алчных гарпий страшится за столом Финей...

Геракл поднял мощную руку, призывая остановиться Тесея, довольно улыбнулся в курчавую свою бородку и задорно сказал:

– Герой, в Афинах самый знаменитый, остановись! тебе ли, как робкому мужу, страху вдаваться? Вижу за время, проведенное на этом каменном троне, сумасбродная твоя дерзость безвозвратно канула в Лету. А я силен и дерзок по-прежнему! Не в породе моей, чтоб позорно пройти мимо по-

павшего в беду друга! О милости просить я не привык и чего хочу – всегда беру силой. Крепки и мощны у меня еще руки, чтоб без всяких разрешений своим друзьям помогать!

Афиняне говорят, что могучий отпрыск Кронида, чье зачатие целых три дня у мира отняло, с такой бешеной мощью оторвал Тесея от скалы, что на ней осталась часть его седалища... вот поэтому афинские потомки Тесея отличаются такими непропорционально крохотными ягодицами.

Оставив Тесея, Геракл вернулся к по-прежнему изнывавшему в каменной неволе Пирифую и, схватив его обеими руками, попробовал и того оторвать от скалы. Однако каменная громада страшно так задрожала, что, показалось, будто вместе с нею заколебалась вся земля и гулкие своды Эреба, и бездонный Тартар, обнесенный высокой стеною. Геракл понял, что так мир весь подземный не желал отпускать из каменного плена красавца лапифа, будто кто-то из всемогущих богов следит за ним и не позволяет его освободить.

Некоторые говорят, что вопрос об освобождении Тесея был решен задолго до прихода в Аид Геракла, благодаря заступничеству Посейдона, будто бы царь подводного мира даже внес брату Аиду за сына залог. Однако сам Тесей считал своим спасителем Геракла, об этом красноречиво говорят множество его храмов и святилищ, посвященных им Гераклу Спасителю.

Говорят, так же, что Геракл не очень-то и старался освободить Пирифоя. Царь лапифов не был ему близким дру-

гом, как царь Афин, и он не умолял его, словно бессмертного бога, как Аскалаф. После нескольких безуспешных попыток Геракл пообещал попросить у Аида волю для Пирифоя и продолжил свой путь, оставив Тесея, который, несмотря на свободу не мог быстро ходить и нуждался в восстановлении сил. Вскоре он неспеша подошел к высокой стене из заостренных вертикальных бревен, окружавшей двор с домом большим из темных камней, отесанных гладко.

313. Встреча Геракла с Аидом

(Рассказ Геракла)

Очень о встрече с Аидом и о его доме Геракла часто просил рассказать любознательный Иолай, и тот, не умея ни в чем племеннику любимому отказать, так ему об этом знаменитом чертоге однажды неспешно поведал:

– Ты хочешь знать, что всех людей ожидает в доме Аида и каков этот дом, любимец мой Иолай! Я с удовольствием всю правду тебе расскажу, тем более что и самому мне часто хочется вспомнить и рассказать о своем пребывании в Аиде. Хоть ты часто все мои мысли без слов понимаешь – такое у нас с тобой единение душ, словно мы две целого половинки, но о доме Аида и тебе надо все услышать ушами, так слушай же: пройдя вдоль стены из бревен высоких, стоящих торчком я подошел к широким воротам двустворчатым, изготовленным крепко на диво, их ни один человек, кроме меня, проломить или сорвать с массивных железных петель не сумел бы. Очень искусно створы ворот прилажены были друг к другу, были двойные они, огромные, и пара мощных засовов встречных, закрытых хитрым замком, ворота изнутри запирали. Говорят, что эти створы аидовых врат сокрушить ни людская сила не может, ни оружие богов, но я бы смог. Ведь ты мне веришь, Иолай?

Оказавшись перед знаменитыми воротами Гадеса, я сна-

чала кулаком, а потом дубиной стал в них колотить, и в ответ застонали глухо ворота, словно живые и заскрипели страшно засовы. Вскоре я услышал мерную тяжкую поступь, а потом – как в замке с громким скрипом ключ поворачивается, и вот ворота открылись.

Передо мной стоял сильного вида мужчина, очень смуглый и чернокудрый, с длинными волосами, спускающимися на плечи и лоб. Он был очень высок, на голову выше меня, широкоплеч и весь в просторном черном одеянии. В тусклом, призрачном свете его лицо мне показалось красивым, но настолько угрюмым, что так и хотелось спросить: что с тобой ужасного такого случилось?

Ты знаешь лучше меня, милый мой мальчик, ведь я мало учился в палестре, что подземный бог Гадес раньше был покровителем посевов. Став подземным царем после раздела с братьями мира, он, накапливая богатство, завладел всем золотом, другими металлами и разными драгоценными камнями, скрытыми от всех глубоко в недрах земли. Кроме того, все знают, что в его гостеприимном доме скапливалось все больше и больше бессмертных человеческих душ, и потому Гадеса сейчас часто называют Плутоном (богатый), Дитом, а чаще всего, конечно, Аидом, как и все его царство. Как мне говорили при посвящении в мистерии, в последнее время Гадеса даже перестали считать богом Олимпа, поскольку он уж очень большой домосед и за тысячи лет всего только раз или два покидал свое любимое подземное царство. Хотя

я не понимаю, как можно любить весь этот ужас! Плутона не зря еще называют Пилартом (Запирающий ворота), действительно, при мне он своими руками отпер ворота большущим ключом, наверное, он только себе доверяет. Слышал я, что сын Зевса и речной нимфы Эгины благочестивый Эак и после смерти пользуется почетом у Плутона, охраняя ключи от Аида, но я этого справедливого свекра среброногой Фетиды не видел. Закрыв ворота и на всякий случай, несколько раз подергав замок, царь с холодной вежливостью кивнул в сторону дома одними бровями, и я догадался, что так он молча, меня приглашает в свой знаменитый дворец, о котором многие слышали, но мало кто видел своими глазами.

Подойдя совсем близко к мрачной громаде Аидова дома, я увидел мощные стены из грубо отесанного седого гранита. Тяжелую кровлю лилового цвета крепким серым каменным стенам помогали держать массивные черные колонны, бегущие точно по полукругу, в центре которого зияла огромная темная дверь. Окон, ненужных в отсутствии яркого солнца, в громадном доме не было, а мощная широкая дверь из мореного дуба, отделанная тускло блестящим серебром, единственный вход в крепкозданный чертог запирала надежно.

Возле двери по бокам две трехглавые собаки, оскалив зубастые пасти и высунув красные языки, с взъерошенными загривками, неподвижно стояли и чертог Аидеса стерегли. Я принял этих собак за живых и спросил у Аида, почему они так не подвижны.

Аид буркнул, что искусно из меди, железа и серебра их тела изваял олимпийский художник Гефест, а искрящиеся глаза из прозрачных и темных драгоценных камней изготовил. Были не только бессмертны эти трехглавые псы, но и всегда бесстаростны и сильны, а выглядели, как будто живые.

Аид встретил меня молча, ничего не спросил, ничего не сказал, кроме, как о собаках, а только окинул меня угрюмым настороженным взглядом и черные кустистые брови то ли удивленно, то ли удовлетворенно несколько раз приподнял. Он словно знал о моем приходе и поджидал, и очень я этому изумился, но счел за лучшее и самому помолчать.

314. Чертог подземного царя

(Рассказ Геракла)

Так молча мы, словно давно знакомые, от ворот подошли к крепкой двустворчатой двери и мимо собак в просторные сени вошли, а из них – в большой мрачный зал, освещенный всего несколькими небольшими факелами. Как я уже сказал, в огромном каменном доме Аида не было ни одного даже самого маленького оконца (было лишь несколько небольших круглых отверстий для притока свежего воздуха), и это его больше всего отличало от домов на земле, освещаемых солнцем. Вдоль длиннющей стены этого огромного зала, прислоненные к ней, на утрамбованном поле непрерывно разных размеров седалища внутрь дома от входного порога тянулись: на них темно-лиловые покрывала сложенные аккуратно лежали, а вдоль них – длинный стол простирался. Посередине стола в окружении кубков и чаш стоял большой сосуд для смешивания вина, здесь же находился немалый очаг, а в потолке над ним было большое круглое отверстие для выхода дыма. В зале было много резных колонн для поддержания сводчатого потолка, изобиловавшего лепниной и таких же украшенных резьбой дверей.

Заметив, как я озираюсь вокруг, Аид, словно Мойра Лахесис, почти не разжимая тонких красных губ, начал сквозь ограду зубов цедить равнодушно:

– Я вижу, что тебе интересен мой дом. Эти двери красивые ведут в разные помещения: комнаты для женских работ, кухню для приготовления пищи, кладовые для хранения припасов, всякой утвари и посуды для обедов и пиршеств. Ведь и у нас здесь настоящие бывают пиры, особенно я их часто, раз или два в месяц, устраиваю после женитьбы, на них я по желанью супруги приглашаю из Элисиума души разных героев, которые не пили из Леты. Обычно же в креслах этих удобных восседают разные существа из моей постоянной многочисленной свиты, и на этом столе из лощеного дуба все они здесь каждодневно пьют и обильно едят, ни в чем недостатка не зная. Для нас с Персефоной сюда даже несколько капель амброзии и нектара голуби и голубки каждый день доставляют. Мясом свежайшим, жирным твоим, сыром, сливками и молоком – всем нас снабжает твой старый знакомый Менет, трудолюбивый пастух моего чернобокого стада, а разнообразные фрукты и овощи нам всегда выращивал Аскалаф, пока Деметра в яму его не затолкала, придавив сверху нерушимой скалой. Видел я как ты эту скалу передвинул и свободу садовнику предоставил, но думаю, ненадолго – Део негодование свое еще не оставила и все равно ему отомстит. Поэтому пока я оживил Левку и Минту, чтобы они ухаживали за огородом и садом. Впрочем, надеюсь, что супруга моя Персефона уговорит милую мать оставить нам для работ Аскалафа.

Голос Аида был глухой, с хрипотцой, было видно, что он

увлекся и с удовольствием рассказывает о своей жизни. Когда из первого слабо освещенного огромного зала мы вошли во второй хорошо освещенный зал, чуть поменьше размером, я увидел при входе, сразу за дверью стоящих на прекрасном полу из трехцветной мозаики двух юношей, держащих в каждой руке по большому яркому факелу.

Очень прекрасными юными лицами были похожи они на тебя, мой любимый племянник. Особенно мне понравились их пышные волосы, разделенные пополам ровным пробором, ну в точности, как у тебя, только волосы их темные, а у тебя – цвета спелой соломы. Когда я с ними поздоровался, замолчавший было угрюмый Аид, опять оживился, глаза у него заблестели, губы чуть разошлись в открытой улыбке, и он сказал голосом свежим, сильно помолодевшим:

– Я знаю – ты мой смертный племянник и ведаю зачем ты пришел, впрочем, после об этом ты сам нам с женою расскажешь. Ты, я вижу, принял за живых юношей этих. Я тебе сейчас расскажу, как они здесь появились. Тогда, наконец, сбылось мое желание давнее, и я на любимой женился. Что это было за дивное время! Помню все, как будто это было вчера. Много дней гостеприимная радовалась моя страна, ликовали населяющие ее народы, к брачным пирам устремлялись весело тени, души в асфоделевых венках собирались все вместе к приятной трапезе, наше обычное молчанье везде непривычным было нарушено пеньем. Когда в моем прекрасном чертоге появилась молодая супруга, пер-

вым делом она посетовала со слезами горькими на прекрасных глазах: «Горе! Здесь даже солнечным светом мне не дано наслаждаться! У меня вместе с девством отняли и светлое солнце и звездное небо. Всего насильно лишили меня». Я тут же пурпурно-лиловым плащом ей слезы отер и такой мягкой речью постарался ей гнетущее горе утешить: «Не сокрушайся Кора! Нет ты теперь Персефона, и ты супругом своим очень любима! Власть беспредельная в нашем царстве ожидает тебя, а свет здесь у нас совсем не утерян. Для тебя засветят иные светила в нашем доме прекрасном, их свет будет чище и лучше, чем в верхнем мире, только скажи, что ты желаешь». Персефона пожелала, чтобы при входе в наш с нею зал юноши, как живые, стояли на прочных подножьях, каждый в обеих руках поднимал по пылавшему факелу, ярко зал для нее освещая. И желание любимой жены я быстро и точно исполнил, послав быстроногую вестницу Геры Ириду к Хромцу знаменитому с просьбой изготовить особенные подставки для факелов в виде юношей так, чтоб были они, как живые, и трудолюбец Гефест все, как просили, исполнил... Жене так понравились изготовленные им юноши, что она потом сама заказала еще десять подобных подставок под факелы, и теперь как видишь, наш зал ярко освещают 12 прекрасных юношей с нежными румяными лицами в первом пушку, в кудрях золотистых, стройных и юных... конечно, глядя на них, Персефона часто сравнивает с ними меня. Я бесстаростен, но все же давно утратил цветущую юность...

впрочем, как и она...

Аид замолчал, на лице появилось недовольство, а потом его лик и вовсе стал, как всегда, непроницаемым и угрюмым. Несмотря на этих цветущих юношей, все, Иолай, в этом чертоге было мрачным, угрюмым; чувствовалось, что отверстий в нем мало и его давно не проветривали, хоть он был многозвонким и гулким, многократное эхо в нем обитало. Плесенью многолетней сильно здесь пахло и затхлостью вековой, как в древнем склепе могильном.

Из этого зала, служившего, как я понял, столовой для Аида и Персефоны, через еще одни широкие сени, с двойным порогом из мрамора и лощеного дуба и двустворчатыми дверями по коридору с тесаными из дымчатого мрамора стенами мы попали в другую залу с высоким потолком. Порог, обращенный к столовой Аида, был из полированного темного дубового дерева, с косяками из светло-бурого кипариса; внутренний порог был каменный. На одной стене красиво был укреплен особенный шлем – невидимка, на другой – двузубый скипетр. На этом двойном жезле по просьбе Аида хромоногим Гефестом, искуснейшим олимпийским художником, были изображены 3 собачьих головы – одна черная голова с белыми ушами, самая большая – в центре на мощной короткой шее между зубцов, две другие головы небольшие – на тонких шеях – остриях вил. Эти черные двузубые вилы Аида были так же знаком того, что он правит в своем царстве жизнью и смертью.

Вдоль длинной стены располагались две двери железных, за одной слышалось глухое рычание псов, наверное, меня они по запаху чуяли, а за другой – ржание лошадей, а за третьей, самой мощной, как я догадался по нескольким замкам – крепко запертая сокровищница. Аид дал мне рукой знак не задерживаться и по гладко отесанному мраморному полу мы с ним прошли в небольшой зал с высокими арочными потолками и несколькими красиво отделанными дверями, ведущими, видимо, в спальни. Там на одном из двух одинаковых тронов из черного полированного гранита с прожилками красными, отделанных серебром и переливающимися драгоценными камнями восседала темноволосая очень красивая женщина с черными, блестящими глазами. Как мне тебе, Юлай, описать ее красоту? Не знаю, все красавицы красивы, иначе они не были бы красавицами и каждая – по-своему.

Она была одета в длинный до самого пола пеплос глубокого черного цвета с широким пурпурным поясом, и белыми лентами, подпоясанным под самой грудью. Кожа ее плеч обнаженных и верха высокой груди была цвета спелого персика, и без изъяна малейшего, как у ребенка.

315. Встреча Геракла с Персефоной

(Рассказ Геракла)

Аидес властно придержал меня рукой у дверей и молча повелел на месте стоять, указав хмурыми своими глазами на пол, а сам величественно уселся на второй трон, рядом с супругой и только потом надменно сказал:

– Мы слышали о том, что ты перед нами предстанешь, сын Зевса силой могучий, но смерти причастный, а теперь желаем так же услышать тебя самого. Говори же, вполне откровенно, Геракл, зачем живой к нам без приглашения ты явился?

И я, стараясь говорить, как можно почтительнее, так обратился к грозным властителям Преисподней:

– О вы, божества, чья вовек под землю обитель! Здесь окажется каждый, кто родился смерти подвластным. Чернокудрый Аид, и ты пышноволосая Персефона, повелители всех навсегда ушедших из жизни! Все люди, для смерти рожденные, на земле отжив недолгое время, кто раньше, кто позже, но все мы в ваш гостеприимный приют обязательно попадаем. Но иногда к вам и живые приходят, вот, как я сейчас к вам незвано явился. Дозвольте же мне, отбросив речей извороты лукавые, как сами вы требуете, прямо сказать вам всю правду, зачем я живой здесь очутился. Сюда я спустился не затем, чтобы по доброй воле своей мрачный Тартар увидеть,

а затем, чтоб сына прекраснolanитной девы Ехидны, Кербера, трехглавого сторожа вашего, привести показать владыке Микен Эврисфею. Этому царю я по предначертанью Могучей Судьбы и по воле великого Зевса, из богов наивысшего, уж больше 10 лет, как служу. Обещаю, что потом живого и невредимого Кербера я к вам обратно отправлю.

Я во время этой своей речи колебался – сказать ли властителям Преисподней о том, как я по их просьбе не исторгнул окончательно жизнь из тела их дерзкого пастуха Менета, но так и не решил, стоит ли это делать. Не хотел, чтобы они думали, что я угодничаю перед ними, хотя...

Персефона, выгнув гибкую спину, восседала на троне своем очень прямо и плотно сжав полные пунцовые губы молчала. Мне показалось, что она с особенным интересом поглядывала на меня своими черными блестящими глазами, в которых только, что была то ли светлая грусть, то ли черная тоска иль печаль, а потом они вдруг заискрились неподдельным живым интересом.

Я подумал, что она вспоминала прекрасного Адониса, которого еще младенцем передала ей на воспитание Пафийка. Ты знаешь его историю, Иолай? – Воспитанник быстро подрос, и по предначертанью коварной Судьбы Персефона, забыв про мужа, в него безоглядно влюбилась. Адонис ответил ей полной взаимностью, но вмешалась Киприда ревнивая, она тоже влюбилась в цветущего дивной красотой юношу, наверное, он был очень похож на тебя, Иолай, мой лю-

бимец, и скромный такой же. Правильно кто-то сказал: Будь то юноши, будь то девушки, будь то жены высокогрудые, во всех красота живет не в лике, а в скромности, восходя из семени стыдливости.

Персефоне пришлось судиться с богиней любви из-за стыдливого красавца-охотника, и в итоге он никому не достался, растерзанный беспощадными вепря клыками... Царица, не обращая внимания на супруга, посмотрела на меня долгим взглядом. Мне показалось, что она сравнивает мужскую красоту мою и бывшего возлюбленного Адониса, и сравнение это было, разумеется, в мою пользу. Что тебе еще сказать о Персефоне? Я слышал не раз, как ее называли Персефонеей ужасной, но я ужасного ничего в ней не увидел. Я уже говорил, что мне она показалась очень красивой, особенно меня поразили ее загадочные влажные черные глаза, в которых мне виделась то какая-то тайная печаль, то ничем не прикрытая похоть. Может это мне только все показалось, но таинственное выражение ее мерцающих глаз и поражало, и притягивало, я не мог от них оторваться. Да, я ничего не выдумываю – мы встретились с ней глазами в упор, и в них мне виделось тайное желание женское. Такой взгляд я знаю прекрасно, и не понять мне его невозможно. Ты, конечно, понимаешь, мой любимый племянник, как сильно мне захотелось подойти к ней и крепко обнять, ее изумительное тело руками потрогать, почувствовать, насколько упруги ее бедра и груди и насколько нежна ее смуглая кожа, но тут я, словно

от сна наяву, быстро очнулся, услышав однообразный, скрипучий голос ее угрюмого супруга Аида.

316. Аид позволяет вывести Кербера, не применяя оружия

(Рассказ Геракла)

Гадес, в это время почти не разжимая тонких губ, процедил совсем мрачно и тягостно:

– Ты, наверно, не знаешь, племянник, что Кербер мой любимец и друг самый верный. После того как великий мой брат победил незаконного силой исполина Тифона, даже у нас здесь изрыгавшего потоки огня, навалив на него гору Этну, недолго прожила и его прекраснolanитная супруга Ехидна. Я взял осиротевшего Кербера совсем еще малым и хилым щенком, когда ему было всего 2 месяца от роду. Я его собственноручно вскормил лепешками с горным медом и амбросией, смешанной с молоком диких коз, которое мне всегда приносила Эрида в кубке двуручном, который потом здесь наполняла стигийской водой.

Голос Аида потеплел, и глаза затуманились. Должно быть он и сам это заметил потому, что вдруг потрянул копной черных длинных волос и твердо продолжил:

– Мне надо подумать, прежде чем его с тобой отпустить на земную поверхность, где светит не привычное для его болезненных глаз слишком яркое солнце...

Пока я продолжал молча разглядывать Персефону, Аидес, видно, непрестанно шевеля жгуче черными своим бровями,

успел все обдумать и, угрюмо их, наконец, опустив и прикрыв тяжелые веки, по-прежнему почти не разжимая тонких ярко красных губ, тихо, но властно изрек:

– Слушай меня и к тому, что скажу, отнесись со вниманием, муж крепкодушный. Я слышал от многих, что ты ярый зачинщик многих насилий, но к Керберу никакое оружие не смей применять. Он твой и только на то время, чтобы его наверху царю показать, и при обязательном условии: если ты сумеешь его приручить, лишь одними руками, не прибегая к дубине своей суковатой и тем более – не пользуйся луком. Возьми у нашей старой служанки медовых лепешек побольше – очень он их обожает. Ты, конечно, сильнее его и поэтому все сделать сумеешь. Только на яркий свет выводи его постепенно, чтобы успели привыкнуть его больные глаза. И не забудь вернуть охранника нашего верного и моего милого друга целым и невредимым так быстро, как только сможешь.

Я особенно и не надеялся на радушный прием в столь месте поистине гиблом и был очень доволен ответом Аида, которого видел впервые, ибо он не почтил своим присутствием мою свадьбу с Мегарой.

Плутон был меньше ростом, чем братья Посейдон и Зевс, и лица их я запомнил очень живыми – на них все отражалось: и радость, и гнев, и буйство самых разных страстей, и даже знаменитое спокойствие олимпийское. На лице же владельца самых мрачных в мире чертогов была все время словно каменная маска одета – таким оно было угрюмо-надменным;

лишь черные брови часто у него шевелились по – всякому, и когда он радовался, и когда злился, хотя и веселился он безмолвно одними бровями тоже как-то угрюмо...

317. Персефона задерживает у себя Пирифоя

(Рассказ Геракла)

Тут я вспомнил о томящемся в каменном плену Пирифое и сказал, стараясь сделать голос просительным:

– Я повстречал тут старых друзей Тесея и Пирифоя. Мы так радостно обнимались с Тесеем, что у него часть седины на камне осталась. Оказывается, они на каменном троне Леты отбывали справедливое наказание за нечестивость, дерзость и спесь. Каменный трон отпустил героя Тесея. Нельзя ли в честь нашей незабываемой встречи и Пирифоя освободить, ведь раскаялся он давно в своей дерзости нечестивой и наказание за это принял.

Мне показалось, что Аид был явно не против того, чтобы отпустить на волю и Пирифоя. Пошевелив одними бровями, он сначала в сторону качнул головой, как бы указывая, что царь лапифов может уйти в эту сторону, потом нерешительно вниз кивнул головой, как бы давая свое согласие на освобождение Пирифоя. Однако, окончив головой шевелить и трясти, он посмотрел на супругу взглядом, в котором застыл то ли незаданный вопрос, то ли невысказанная просьба ответить, то ли какая-то виноватость.

Царице же мой вопрос без сомнения не понравился. Ох, как она встрепенулась! В глазах Персефонеи вмиг всякая ис-

чезла игривость. Лицо ее только, что такое печально – прекрасное, стало высокомерным и жестким, а дивные черные очи взглянули на меня надменно и холодно. Видно, царица решила не показывать своего гнева и с нарочитым спокойствием высокомерно ответила:

– Не напрасно меня здесь величают Праксидикой (вершительница справедливости). Царь лапифов сам сюда явился ко мне, по собственной воле и, по справедливости, ему надлежит здесь со мной и остаться. Хватит тебе, герой, и Тесея, которого ты освободил самовольно, но мы тебе это прощаем поскольку и сами собирались ему предоставить свободу. Наказанье достаточное он здесь отбыл и пусть с тобою уходит, а Пирифой у нас еще погостит. Все! Мы не желаем ни тебя, ни Тесея больше задерживать здесь.

Я понял, что спесивая властительница преисподней здесь очень скучала и потому красавца – лапифа решила навечно оставить себе для неземных любовных утех, ведь уже много лет ей Адониса не достает. Если бы тогда мне удалось оторвать Пирифоя от каменного трона Леты, то я бы, конечно, сейчас поспорил бы с Персефоной и еще как. Конечно, царица Аида оставила бы свое решение неизменным и тогда я бы, несмотря ни на что, взял бы его с собою из царства Аида вместе с Тесеем, однако сделать это я не сумел и потому мне пришлось промолчать. Ты веришь мне Июлай, что я несмотря на то, что прогневил бы самых властительных богов подземелья, брата Зевса и его дочь, не бросил бы под землей

друга моего друга!? Сила моя уступает лишь зевсовой силе, но ни я, ни Кронид не всеильны.

Я промолчал, стиснув зубы, а Персефона в конце своей речи встала, отринув обнаженные смуглые плечи назад, во весь свой божественный рост и, губы сурово поджав, не глядя на меня, одним подбородком надменно повела вправо и вверх по направлению к выходу. Так она молча дала мне надменно понять, что наша встреча не просто окончена, но мне следует побыстрее вон убираться... Какие все-таки высокомерные все эти бессмертные!

318. Геракл приручает Кербера

Выйдя из чертога Аида, Геракл быстро зашагал с дубиной на одном и луком – на другом плече, к возвышающимся огромным воротам Эреба, расположенным у самого Ахерона, реки плача и скорби, откуда доносился хриплый лай вперемешку с рыком и воем. Там он и нашел адского пса.

Гесиод поет, что сторожем пес беспощадный и страшный сидит перед входом в Аид. Со злою, коварной повадкой встречает он всех проходящих, мягко виляя хвостом, шеvelя добродушно большими ушами. Выйти ж назад никому не дает, но, наметясь, хватает и пожирает всякого, кто только попробует самовольно царство покинуть мощного бога Аида.

Фульгенций говорит, что Кербер означает Креобор, или «пожирающий мясо», и изображается он с тремя головами, обозначающими три возраста – детство, юность и старость, посредством естественной смены коих смерть приходит к живым существам.

Подойдя близко, Геракл увидел черного мохнатого пса размером с большого теленка, у него была одна мощная шея, увенчанная лобастой головой с небольшими стоячими белыми ушами, а слева и справа словно наросты на толстой центральной шее были еще две небольших головы на неестественно длинных и тонких шеях. На мощной шее адского пса

был строгий ошейник с тупыми шипами на длинной и толстой железной цепи, прикрепленной к массивному металлическому кольцу, замурованному в стену пещеры, служившей ему логовом. Такой ошейник и цепь Аиду пришлось против своего желания надеть своему трехглавому любимцу и другу по приказу самого Зевса, ведь в царство немых время от времени наведывались по разным делам и олимпийцы, а пес был и подслеповатым (с детства у него все болели глаза) и забывчивым – никак не мог запомнить на кого можно и нужно бросаться, а на кого – нет. После того, как Кербер больно укусил за ногу благовую Деметру, когда та дочку проведать явилась, Аид, скрепя сердце, надел на милого друга строгий ошейник и посадил его на толстую длинную цепь.

Едва слышал Кербер трехглавый решительные шаги Геракла, как встала дыбом его черная шерсть и белые уши чутко насторожились. Пес начал оглушительно лаять и рваться на длинной цепи к Гераклу. Он то рывками так сильно натягивал цепь, что храпел от удушья, то бил мощным хвостом по земляному полу и пригибал главную голову низко к земле, тер лапами мочку главного носа и потом долго чихал от собачьего возбуждения.

Геракл, согласно указанию Аида не прибежал к своей палице, и стал бить пса голыми только руками. Кербер, получив несколько щадящих ударов кулаками и локтями по черным бокам и основной голове, заскулил и начал мягко вилять хвостом, шевеля добродушно всеми белыми своими

ушами.

Однако победу праздновать еще было рано. Как только тиринфянин взялся могучей рукою за цепь, пес, вдруг наметаясь своими загнутыми внутрь зубами пасти основной головы, попытался схватить его за руку. Геракл успел руку отдернуть и, обозлившись, схватил Кербера за главную мощную шею двумя руками и цепкими пальцами взялся так же крепко душить, как когда-то он душил его брата – Немейского льва. Пес, разъярясь, возбуждаемый бешеной злобой, громким лаем тройным одновременно воздух молчаливого царства наполнил и по асфоделевому лугу стал разбрасывать из основной пасти клочья пены белесой. Основную голову на шее зажатой, Кербер не мог повернуть, но две его боковых головы меньших, но очень зубастых пытались схватить Геракла, однако львиная шкура опять выручала героя. Он продолжал душить главную шею адского пса, но не в полную силу, боялся он ему основное горло сломать. Когда Кербер стал совсем задыхаться и начал судорожно дергаться всем телом, Геракл ослабил свою железную хватку. Пес, почувствовав слабину, рванулся из последних сил, Геракл опять нежно его придушил, и тот бездыханным повалился на землю перед могучим героем. Геракл хмыкнул довольно и выпустил мохнатую шею из рук. Пес, отдышавшись, жалобно заскулил, хвостом завилял и зашевелил и большими и маленькими своими ушами, а после он ноги противника начал лизать и жаться к лодыжкам.

Аид издали наблюдал как Геракл душит его любимого пса. Черные очи царя Преисподней страшно, как пламень, светились, мускулистая грудь резкими толчками то вздымалась и застывала надолго, то так же резко вдруг опадала, и он уж не первый раз себя спрашивал:

– Может схватить мне нетленный двузубец и, прыгнув в крепкую колесницу, подобно стремительно брошенной пике, помчаться на выручку к любимому Керберу?

Однако Аид так и не кинулся на выручку к своему любимому псу потому, что каждый раз, дергаясь от возбуждения бровями, так сам себе отвечал:

– Перед собой я должен откровенно признаться, что Геракл делает все справедливо: он приручает Кербера, как сам ему я разрешил – только голыми руками, ни к какому оружию не прибегая. И потом, я уверен, что непреклонная Старуха Лакесис давно этот подвиг Гераклу соткала, и нам с милым Кербером, обоим, остается только стиснуть зубы и все претерпеть, что Могучей Судьбой предначертано.

Позже Аид, испив стигийской воды, дал страшную клятву, что когда-нибудь покарает злодея, истязавшего его любимого пса.

Тут издалека до Аида донесся грозный голос Геракла:

– Все, Кербер! Ты побежден! Смирись чудовище трехглавое и мне безмолвно повинуйся! Ведь не желаю я тебя убить, как твоих братьев и сестру. Но, если будешь впредь кусаться, найдешь от рук моих такую боль, что сам молить будешь о

смерти.

Герой рукой по шее мощной потрепал чудовище и на цепи повел его, как пса обыкновенного. Бессонный сторож царства беспросветного, прижав все уши и позабыв о злости, послушно влекся следом, по бокам себя хвостом хлеща нещадно. Геракл заметно повеселел и сказал ему, совсем, как человеку:

– Так-то лучше. Не унывай служака! Ведь я тебя возьму на землю ненадолго. Людям только покажу и отпущу сюда обратно.

319. Эринии терзают Геракла

По пути к переправе через чудовищную Стикс Геракл сделал небольшой крюк, чтобы захватить Тесея, который, прощаясь с царем лапифов, все еще надеялся своим дружеским любящим сердцем, что и Пирифоя из плена отпустят.

До каменного трона Леты было еще далеко, как вдруг из-за высокого особенно пышно разросшегося куста асфоделей послышался громкий пронзительный свист, и на героя сзади обрушился удар бича, затем последовал еще удар, и еще, и еще...

Геракл оглянулся и мельком увидел отвратительного вида старух, которые, несмотря на возраст, очень резво размахивались бичами, норовя ударить его побольней. Тогда он, не выпуская цепи из левой руки, дубиной, которая мигом слетела с плеча и оказалась в правой руке, с разворота ударил назад, но дубина ни в кого не попала.

Герой развернулся и разглядел трех ужасных старух в черных окровавленных одеждах и по их жуткому виду понял, что это древние богини мщения за кровные убийства Эринии. Свои костлявые руки с синими венами сестры широко разводили и вскидывали мерзкие головы со змеями вместо волос, которые злобно зашипели. Часть гадюк лежала у них на плечах, другие, спустившись по тощим отвисшим грудям, мерзкий свист издавали, извергали свой яд, раздвоенными

языками быстро мелькали и прищелкивали. Из водянистых глаз чудовищных старух капала темная кровь, и из страшных ртов, больше похожих на звериные пасти, неслись ужасные нечеловеческие звуки, похожие на звериное завывание и свирепое рычание.

Геракл, уразумев, что бить старух дубиной бесполезно, попытался хоть одну из них схватить свободной рукой, но хватал только воздух, и тогда в паническом страхе он пустился бежать. Кербер при этом, радостно лая, бежал на цепи впереди.

Резвые старухи не отставали, у них словно выросли крылья, и продолжали отпрыска Алкмены и Зевса сзади хлестать своими бичами, норовя зацепить его незащищенные шкурой голые голени и открывающиеся при беге колени. Догадливые сестры могильного мрака, поняв, что его хорошо защищает львиная шкура, старались бить по оголенным ногам. Тогда сын необорный Алкмены остановился и, присев, весь оказался под шкурой.

Удивительно, но Кербер в этой схватке оказался на стороне своего укротителя. Несколько сильных болезненных ударов по воле скучающей Тюхе достались и трехглавому стражу, и он, лежа на спине с поднятыми лапами, ошетинился злобно и главной пастью пытался хватать зубами бичи.

– Что же нам делать с этими старухами злобными? Убежать от них невозможно, сидеть, закутавшись в шкуру долго я не смогу. Надо биться, но как? Это древние богини отмще-

ния за пролитую родича кровь. Дубина проходит сквозь них, как через воздух, и руками их не схватить, значит и стрела против них не поможет. Что же мне делать? Что делать?! Может ты, Кербер, знаешь, ведь ты местный житель, и такое же чудище, как и они?

Спросил со слабой надеждой Геракл у лежащего кверху лапами Кербера, но пес только огрызался в ответ на доставшиеся ему случайные удары бичей, время от времени с невыразимой тоской и надеждой поглядывая всеми тремя парами глаз в сторону айдова дома. Заметив эти взгляды адского сторожа, Геракл вскричал:

– А может и правда? Устремиться к дому Аида и попросить у него помощи против ужасных Эриний, ведь он и над ними владыка. Тебе, как любимцу, царь не откажет, конечно. Если же мне он не поможет, то я его силой заставлю и, если потребуется – в сражение вступлю. Крепка у меня еще сила и дух мой отважен! Ведь только против этих древних богинь бесполезна вся моя сила. С Аидом же я буду сражаться и со всей его свитой до последнего вздоха, до последнего биения сердца!

Старухи бесновались и ликовали. То та, то другая вырывала змей из волос, и метала гада в Геракла, стараясь ему на голые ноги попасть. Гады застревали на покрытой рыжей шерстью львиной шкуре и с шипеньем скользили, извивались, стараясь найти в ней прореху и на тело попасть, но падали, когда герой дергался сильно или рукой срывал иль смахивал

их. Эринии, видя, что змей бросали напрасно, продолжали нещадно хлестать Геракла своими пропитанными ядом бичами, порождая вокруг всей своей древней мощью Смертный Ужас и Страх нестерпимый, доводящий до Безумия с бешеным ликом.

320. Боги обсуждают битву Геракла с Эриниями

Услышавший крик истошный Геракла Аид, выскочил из своего чертога и увидел битву племянника с тремя древними мстительницами. Очень он испугался, как бы от яростной схватки могучего героя с бессмертными богинями мщения не растряслась поверхность земли и в земле не возникли глубокие трещины, через которые в его уютное царство устремится ослепляюще – яркий солнечный свет и, разогнав мрак первозданный, нарушит царящую здесь тишину и порядок.

Чтобы Зевс и остальные сородичи, на Олимпийских высотах живущие, увидели, что под землей проделывает Геракл, Гадес сам на время открыл главные врата в свое ужасное царство.

Олимпийцы в это время, как всегда, пировали, амбросию в больших количествах поглощали и неустанно честь воздавали друг другу кубками с пенящимся нектаром, который после вознесения на нерушимый вовеки Олимп Диониса, стали сначала слегка, а потом все больше и больше разбавлять вином медосладким. Заметив, как открылся главный вход в подземное жилище Аида, бессмертные боги, обладающие сверхострым зрением, увидели, что там творится. Олимпийцы в полном составе стали наблюдать со все возрастающим интересом за нападенем на Геракла Эриний. Бес-

смертные дружно молчали, время от времени, поглядывая на своего верховного повелителя.

Заметивший взгляды богов, Зевс сначала косматой потряс головой и поворачивал кустистыми своими бровями. Потом, лукавую скрыв умело улыбку, начал меж них говорить всеобщий родитель бессмертных и смертных:

– Несчастье и горе! Своими глазами я вижу, как достойного мужа, который Гигантов нам помог победить, истязают Эринии. Знаете вы, что этот герой дорог мне: о сыне моем от Алкмены дух мой печется всегда. Поэтому, давайте-ка боги, усердно все обсудив, вместе решим, что нам с вами делать, – вмешаться и спасти от безумья Геракла, иль, как бы он доблестен ни был, позволить могучим змеекудрым богиням бичами ядовитыми разум его навсегда укротить?

И за всех тут же ответила ему волоокая Гера супруга:

– Черных туч Собиратель, из богов наивысший, ну, что говоришь ты! Иль ты забыл, что Эринии богини более древние, чем все мы здесь на Олимпе живущие. Они всегда действуют по воле Мойр непреложных и могут карать не только смертных людей, но и нас, богов, в небе широком царящих. Впрочем, после того как они Диониса ввергли в безумие злое, на нас бичами своими ядовитыми они больше никогда не замахивались. Так, что делай, как хочешь, но мы, члены твоей олимпийской семьи никому не нужную распрю с Эриниями не одобрим.

Тут Афина, копьем взмахнув мощно, вскочила из-за стола

и, окинув Геру ледяным взглядом своих совиных навывкате глаз, ей с улыбкой злорадной сказала:

– Гера, хоть ты и царица, но не надо за всех нас говорить. Страшные древние мстительницы родились по воле Мойр после первого кровного преступления, когда Крон тяжело ранил отца своего Урана, лишив его серпом плодovitости. С тех пор Эринии всей своей губительной мощью безумием карают преступников, проливших кровь близких родичей. Да, Геракл убил своих детей от Мегары, но ведь за это преступление он сполна заплатил страданиями тяжкими, на рабской службе двенадцатилетней у Эврисфея, как было предначертано Мойрами. За какую же провинность, волоокая Гера, сейчас ты натравила на Геракла могучих Эриний? – Может быть, за то, что он Порфириона убил и не дал ему прямо на пылавшей Флегрейской равнине тебя изнасиловать, а тебе этого в тайне очень хотелось?

Тут боги воздвигли такой неистовый хохот, как никогда они не смеялись. Для Геры это было как гром среди ясного неба. Она пронзила Афину таким ненавидящим взглядом, что той показалось, будто на нее смотрит сама Медуса – Горгона. Паллада прикусила губу, было видно, что она пожалела о своих последних словах, ведь очень мстительной Гера была.

– Тритогенея, дитя мое милое, все говоришь ты, как всегда, правильно, а сейчас и остроумно еще, но пусть за брата смертного не волнуется твое справедливое сердце. Боги,

властитель ваш сейчас все говорил не серьезно. Я хотел лишь проверить насколько сильно всем вам правда мила и справедливость. Геракла же защищать нам нет необходимости никакой, он сам надежно себя защитит. Ужалит трижды, с тетивы его сорвавшись, Лернейская змея своею желчью ядовитою, и Ночи дочери высокочтимые, сами станут изрыгать от боли с пеной черною все сгустки крови, слизанной со страшных ран. Мы можем пир наш пышный продолжать спокойно и наблюдать за всем, как зрители в театре. Все в нашем мире предначертано железным Роком, и силы нет ужаснее Судьбы, всем она правит во вселенной: Гераклом, Эриниями, всеми вами и даже мной!

321. Геракл побеждает Эриний

В это время голени Геракла начали сочиться кровью, пропитываясь ядом. И тут лицо героя преобразилось: нос безобразно сморщился, раскрылись хищно губы, обнажая зубы, и возник злобный оскал. Так всегда, бывало, когда в его сердце нестерпимо закипало бешенство. Он с обезумевшими глазами стал остервенело наносить удары дубиной, пытаясь поразить то одну, то другую, оказавшуюся ближе других, старуху. Он успел лишь несколько раз поразить пустоту, и тут дубина, не встречая препятствий, как птица, выскочила из рук.

И тогда герой в порыве отчаяния, не зная, что делать, схватился за лук и первые попавшиеся в колчане стрелы, а это были три стрелы, пропитанные желчью Гидры с Лернейского озера. Эринии не успели и три раза моргнуть, как герой в упор поразил их этими стрелами, пустив в каждую богиню по стреле. Стрелы, как и дубина, беспрепятственно прошли сквозь тела ужасных старух, но яд на их кончиках оставил в их недоступных оружию бессмертных телах следы желтовато-зеленые.

Почувствовав уколы геракловых стрел, старухи сначала язвительно засмеялись, ведь их, по воле Мойр непреложных, не брало никакое оружие, даже киклоповы стрелы – молнии Зевса. Они по-прежнему бешено кружились вокруг Геракла, потрясая факелами и истязая его бичами и при этом дико

орали и завывали.

Отравленных стрел было только три, и Геракл в охватившем его бешенстве продолжал пускать обычные стрелы в Эриний, пока они все не кончились, но те пролетали сквозь божественных чудовищ без видимого следа. Удары бичей продолжали сыпаться со всех сторон. Геракл был похож на загнанного в угол крепкого загона льва. Лев грозно рычит и злобно бросается и на охотников, и на собак, но те быстро отбегают и прячутся, невредимыми оставаясь, и в это время другие пытаются его дротом иль копьем поразить. Он пытался хватать бичи, но они выскользали из рук. Он пытался хватать и старух, но и они, как бичи, по-прежнему ускользали из его тщетных объятий.

Необыкновенная сила, мощнейшего между всеми мужами, прославленного героя, казалось, бессильна против ужасных древних мстительниц. Он, как и Кербер, злобно продолжал огрызаться, пытался уворачиваться от бичей и медленно продвигался в направлении к аидову дому.

И вдруг вопли старух разом изменились, на смену злорадству к ним изумление сначала пришло, а потом в их неистовых криках появился страх беспокойный, и явственно боль зазвучала. Эриния, которую звали Мегера, первой отбросив свой бич окровавленный, завопила истошно:

– Милые сестры! Горе нежданное нам! Этот нечестивец и негодяй сам отравил нас! Нас – мстительниц древних, защитниц справедливости яростных самых! Я чувствую всем

своим телом желчь ядовитую Гидры Лернейской, ведь только ее яд нам лишь и страшен.

Тисифона и Алекто тоже бросили на землю бичи и схватились за раны, покрывшиеся пузырящейся пеной, оставленные отравленными стрелами Геракла.

– Сестры! Давайте спасаться! Нам надо скорее ужасные раны промыть в водах Стикса, иначе Иасо и Панакея будут лечить нас от язв и гниения долгие годы. Давайте бросим этого негодяя, ведь свое здоровье дороже!

Так опять закричала Мегера. Старухи оставили Геракла и, плюясь кровавыми сгустками с черною пеной и нещадно ругая его, поплелись в направлении к чудовищной реке Стикс. Поддерживая под руки одну другую, они, непрерывно оглядываясь на Геракла и мерзко ругаясь, медленно ковыляли к берегу самой ужасной реки подземного царства.

Многие в этом мире подземных чудовищ и безмолвных теней видели поражение для всех грозных Эриний. Гераклу показалось, что он слышит со всех сторон крики радости, он даже позабыл о своих кровоточащих ногах. Он широко улыбался – ему казалось, что вместе с ним радуется весь мрачный Эреб, торжествуют бесплотные тени и к играм весело устремляются. Это веселье в Аиде длилось очень недолго, да и было ль оно, может быть, герою это все только показалось? И все же стоны глухие немного затихли, слабее стал безысходный ужас Эреба, бичи ядовитые нигде уже не свистели.

В наступившей тиши Геракл дышал полной грудью, легко

и свободно. Он почти бегом вместе с Кербером явился к каменному трону Леты, где Тесею прощался с милым другом своим Пирифоем. Герои все еще оба надеялись, что Гераклу удастся получить свободу для Пирифоя, поэтому, узнав об отказе, оба рыдали, как дети. Гераклу пришлось силой оттащить Тесея от его возлюбленного друга, который был ему дороже, чем брат.

Некоторые говорят, что после битвы с Гераклом не без согласия Мойры Лахесис демонические Эринии стали более справедливыми благими мстительницами, которые при наличии смягчающих вину обстоятельств могли даже простить преступника, чего они никогда бы не сделали прежде. Даже имя сестры-мстительницы получили другое, их стали звать, как и дочерей Аида и Персефоны Эвменидами (милостивые, благосклонные).

Другие не считают, что Эвмениды являются всегда милостивыми богинями и говорят, что они даже с одним и тем же преступником могут быть и белыми, и черными. Эти богини, когда они сводили с ума Ореста, безжалостно убившего мать Клитемнестру, говорят, явились ему черными. Когда же он в припадке безумия откусил себе палец, они вновь явились ему, но уже белыми, и при виде их он вновь обрел разум и, таким образом, первым он принес очистительную жертву, отвращая от себя их гнев, а белым богиням принес благодарственную жертву. Впрочем, возможно в первый раз к Оресту явились бывшие Эринии, а во второй – дочери Аида

и Персефоны.

322. Харон переправляет Геракла с Кербером и Тесея

По дороге к переправе через адскую реку Геракл приложил к кровоточащим ногам серебристые в тусклом свете листья черного тополя, которые вместе с плакучими ивами росли здесь в избытке везде и почувствовал некоторое облегчение. Вот почему священным деревом Геракла многие считают серебристый тополь: двойной цвет листьев означает, что Геракл совершал подвиги в обоих мирах: наземном и подземном.

Некоторые говорят, что на земле черные тополя с серебряными в лунном свете листьями являются символом глубокой печали потому, что в эти деревья милостивыми богами были превращены безутешные Гелиады, тосковавшие на берегу Эридана по погибшему юному Фаэтону, своему любимому брату.

Другие же утверждают, что в белый тополь была превращена прекрасная океанида Левка (белый тополь), которую Аид полюбил еще до знакомства с Корой. Узнав о прежней любовнице мужа, Персефона превратила Левку в белый тополь и посадила ее на берегу реки Мнемосины, чтобы все помнили о ее ревнивом могуществе. Персефону не зря многие называют безжалостной и жестокой. Когда она узнала о другой давней любовнице Аида – наяде Минте (мята), она

бросила деву на блеклые травы и буквально растоптала ее ногами, превратив в душистую мяту. Как следует из имен Левки и Минты, превращение в тополь и мяту им было предначертано Мойрами в тот день, когда они имена получали. В отличие от Персефоны Мойры не жестоки – они ко всему безразличны и знают лишь Необходимость. Владыка Аида, когда Персефона покидает его на полгода, а иногда и на целых две трети года, с помощью Гекаты оживляет Минту или Левку и скрашивает с ними свое мужское одиночество. Надменная Персефона после того, как в Аиде оказались Тесей с Пирифоем, делала вид, что ничего об этом не знает.

Начальник адской переправы Харон с глазами, вечно буйно горящими, уже не пытался бороться с Гераклом, но от нового пассажира Тесея по укоренившейся привычке стал требовать золотую ветвь из рощи Персефоны. Древний титан был так же сильно озадачен перевозкой из Аида Кербера, который не только сам никогда не покидал царства теней, но обычно и других не пускал, ведь это и было его работой.

Геракл предвосхитил все вопросы сына Эреба и Нюкты и, показав ему свою дубину из дикой оливы, не скрывая угрозы, сказал:

– Нет у нас, добросовестный перевозчик, никаких веток из рощи Персефонеи, но есть вот эта толстая ветвь из рощи оливковой. В прошлый раз я тебя убеждал твоим же веслом. Если хочешь, титан – трудолюбец, в этот раз я покажу тебе, на что способна сучковатая эта дубина, она будет намно-

го крепче весла. Познакомившись с ней, будешь лежать бездыханным в продолжении целого года на дне своей утлой лодочки. И лишь сон тяжелый и злой, что кошмаром зовется, твое бессмертное тело титана объемлет, пока сгинет год круговорот.

Начальник утлого суденышка обнажил в жалкой улыбке свои кривые, но крепкие желтые зубы и переправил героев с трехглавой собакой на другой берег Стикс, могучей титаниды – реки, пробуждающей безотчетный ужас даже в бессмертных, без всякой ветки из рощи Персефонеи.

Говорят, что не впервые такое случилось. Богоподобный Орфей с помощью, подаренной ему Аполлоном золотой кифары и своего волшебного голоса, просто очаровал сурового титана. Жалобно звенели струны кифары, и по мрачным пустотам Аида понеслись печальные звуки и нежные слова о любви, без которой жить невозможно. Восхищенный Харон не только перевез Орфея без навлона, и без золотой ветви через застывшие от восторга воды чудовищной Стикс, но и провел мимо Кербера до самых чертогов Аида и Персефоны.

Правда, когда оглянувшийся по воле старой Ткачихи Орфей второй раз лишился своей возлюбленной жены Эвридики и опять попытался незаконно проникнуть в Аид, то, словно высеченное из гранита, сердце Харона было уже ничем не пронять. Наверное, слушая божественное пение Орфея, мрачный старец ощущал себя молодым и красивым богом где-нибудь на освещенной солнцем прекрасной земле или

даже в золотой лазури небес, но божественное пение окончилось, и он опять оказался в Аду.

323. Геракл показывает и отпускает Кербера домой

Чем ближе была освещенная поверхность земли, тем беспокойнее трехголовая становилась собака и перед выходом выкормыш Гадеса стал сильно сопротивляться. Гераклу пришлось некоторое время силой тащить Кербера на цепи через подземный проход, который шел из мрачной пещеры Аконы, что рядом с понтийской Мариандиной.

Когда к устью Тенара путники приблизились близко, и им в глаза ударил первый луч яркого солнца, вновь злоба неистовая, смешанная со страхом звериным, обуяла побежденного пса: стал передними лапами глаза на своей большой голове он тереть и мощно цепь сотрясать. Так вырывался испуганный солнечным светом Кербер, что по крутому склону вниз чуть не увлек с собой победителя, измученного ранами от ядовитых бичей. Верный Тесей помог уставшему Гераклу, и пса, борьбой напрасной разъяренного, герои потащили с удвоенною силою и быстро вывели в наземный мир.

Там на поверхности земли, согретой ярким солнцем, пути друзей – героев разошлись. Тесей направился в свои Афины, сказав Гераклу на прощанье:

– Как дышится легко! Мне и сейчас не верится, что воздухом опять дышу живительным, и животворный свет ласкает очи. Ты мне свободу подарил, Алкид богоподобный, я

не забуду это никогда, пока буду живой, и дети мои помнить будут благодарно, и потомки.

Геракла с адским псом давно уж ждали в Арголиде. Истерзанные бичами ноги, опять начали кровоточить, и Геракл, не зная, как облегчить боль с трудом переносимую, приложил к нескольким открытым ранам листья аконита и сразу почувствовал большое облегчение. Тогда он обернул листьями и цветками аконита ноги и ниже, и выше колен и обвязал все повязкой, оторванной от туники. Острая боль быстро отступила, и он облегченно вздохнув, чуть ли не бегом устремился в Микены, нетерпеливо пиная ногой Кербера в зад или бок, когда тот останавливался или садился, чтоб потереть передними лапами сильно покрасневшие от солнечного света глаза на основной голове.

И вот Сенека поет, как Геркулес, взломав теней узилище, над Герой златотронной торжествуя, с неприкрытой гордостью ведет по градам аргивян Цербера трехглавого. Гемера дрогнула, лишь чуть увидев пса, затрепетало само Солнце. Только взглянув на пленника трехшеего, супруга Зевса сама была испугана своим приказом.

Показав трехглавую собаку Эврисфею, смотрящему из комнаты своей в окно, после 12 лет службы, смертный отпрыск Зевса обрел, наконец, долгожданную свободу. При этом не забыл он сразу возвратить трехглавого любимца Гадеса в его безжизненное царство, что было сделать совсем не трудно. Будучи уже свободным от службы у Эврисфея, Ге-

ракл просто Кербера отвел к расщелине, в Эреб ведущей, и отпустил, бросив на землю цепь. Измученный неволей и особенно – ярким солнцем пес с радостным трехголосым визгом со всех ног припустил к родному дому, словно щенок.

Многие недоумевают – зачем Геракла Могучая Судьба заставила исполнить столь необычный, достойный удивления подвиг? Разве не странно – приказать привести адского пса на землю и тут же отпустить назад. – Только ли потому, что златотронная Гера решила, что в Аиде ненавистного ей героя будет удобнее всего ей погубить? Но ведь подвиги Геракла на службе у Эврисфея были предначертаны самим Роком, и Гера была лишь его главным живым рупором.

Это Мойра Лахесис, не выдавая себя, незаметно принудила Геру отправить пасынка в Эреб, чтобы там погубить. Старой лишь обликом вещей Ткачихе надо было показать обычным людям, смерти всецело подвластным, что адский пес трехголовый, не так уж и страшен, как не ужасно и все таинственное царство Аида. Действительно, на солнечном свете, очень любимом людьми, ослепленный Кербер с большими глазами, трепещущий от дикого страха, да еще и в неволе, на цепи у Геракла, был просто жалок. И люди, воочию узрев ничтожество считавшегося ужасным Кербера, уже не так сильно загадочной смерти стали страшиться. Возможно, именно поэтому, этот последний беспримерный подвиг Геракла некоторые считают гордым прославлением Человека, проявлением его доблестной мощи и героического дерзания.

324. Свободный Геракл на пиру у Эврисфея

На следующий день после того, как Геракл показал Кербера, Эврисфей, взяв корзину с куском угля с алтаря и сосудом со священной водой, совершил жертвоприношение. Затем он собирался устроить пышный пир и возлияния богам вместе со своими сыновьями, которые были намного выше отца, черноволосые, красивые лицами, но портили все впечатление их такие же длинные, как у родителя, уши.

В движениях все трое сыновей были быстрые и ловкие, в разговорах – ехидные и высокомерные. Старший Перимед и в плечах, и в талии был широк, но не толстый, длинные волосы на голове и короткая борода у него тщательно всегда были и красиво подстрижены. Эврибий и Эврипид были близнецами, оба жилистые, чуть-чуть рябоватые, с нечесаными длинными волосами на головах и такими же бородами. Все трое братьев под длинными волосами скрывали длинные уши.

Когда Геракла, уже свободного от службы у Эврисфея, пригласили на пир, он, не раздумывая, согласился. Очень ему хотелось узнать, как теперь станут родственники к нему относиться – учтивее станут или, как раньше его продолжат бесчестить. В отделанной светлым полированным дубом обширной столовой посадили Геракла по приказу царевичей

дальше всех от царя, возле порога, дав ему табурет неприглядный из нестроганных досок сосновых и столик не мытый давно, но прочный.

Перимед погладил холеную свою бородку и, подмигнув братьям, громко сказал, пальцем указывая на Геракла:

– Место этому паразиту, как собаке у порога.

Видно, не знал Перимед, что подлежит проклятию тот, кто встречного к огню не пригласит или откажет рвущемуся к ужину.

Диодор из Синопа и вообще считает, что ремесло паразитов священно и завещано заветами самих богов, тогда как остальные все правила не от богов, а от людей придуманы. Не сам ли тот, кто выше всех богов слывет, Зевс-Дружелюбец, первым стал нахлебничать? Всегда без приглашений он является во все дома, богатые ли, бедные ль, где только ложе выстелено мягкое и стол стоит, а с ним и все, что надобно. Вот так-то он, возлег и угощается, закусывает, ест и пьет и снова ест, и прочь идет, не заплативши складчины.

Геракл был далеко и точно не слышал, что Перимед говорил, но по его вытянутой руке догадался, что говорил тот о нем и, наверняка, плохо.

Глаза Эврисфея, услышавшего ругательство сына, стали совсем печальными, и он так сразу ко всем рядом сидящим сыновьям обращаясь, раздраженно сказал:

– Зачем Геракла у самой двери вы посадили, разве я вас не просил относиться, как к ровне к нему? Когда вы набере-

теть ума, вон вымахали какие?! Надо хотя бы в глазах наших граждан выглядеть справедливыми. Я, как царь, требую, и как, отец, прошу вас с ним примириться. Нет для царевичей никакого позора, если они мир заключают и рядом сидят с мужем, которого обидели первыми.

Эврисфей смешно морщил свое морщинистое, маленькое, как у ребенка, лицо и осуждающе вертел головой, но потом, щелкнув языком, вдруг поджал губы и неохотно сказал:

– Впрочем, может так оно будет и лучше – никогда не знаешь, что необузданность сотворить его приневолит. Вас, все же, попрошу, дорогие мои сыновья, не браниться и вести себя здесь достойно, как царским сыновьям подобает, иначе мне придется вас как-нибудь наказать, хоть и самые родные вы мне на земле люди, за исключением, конечно, моей любимой Адметы.

Так царь сказал, и сыновья, скривив недовольные лица, многозначительно переглянулись и промолчали. Всем, кроме самого Эврисфея, думавшего о чем-то своем, было видно, что у своих сыновей он не смог совсем подавить желанье над Гераклом поиздеваться.

Вестники к Гераклу подошли, и он себе руки умыл из старого медного кувшина с рукомойной водой. По приказу царя доверху хлеба, сыра и овощей в корзины на столе прислужницы ему положили, мальчики влили медосладкий напиток в кратеры до самого края. Руки немедленно к пище готовой он протянул.

Жареное мясо между тем было готово, с вертелов снято и его стали раздавать людям для пира. Те, кто в зале прислуживал, долю точно такую ж Гераклу несли, как и сыновьям Эврисфея – так велел им сам царь.

325. В отсутствие Эврисфея его сыновья издеваются над Гераклом

Тут на беду или по воле богини случая Тюхе, Эврисфей вынужден был по нужде отлучиться, хоть был он не старый еще, ровесник Геракла, но сильно обделенный здоровьем.

Увидев, что из пиршественного зала отец отлучился, Эврибий вестника, который с царского стола мясо понес для Геракла, к себе подозвал и его кусок от хребта заменил на самый плохой – от самого зада, с обрубком хвоста, заранее им припасенный. Вестник остановился в недоумении, помня царский приказ, но два брата других Перимед с Эврипидом сердито на него закричали, злобно грозя ему кулаками, и он послушно отнес худший кусок для Геракла.

Отпрыск Зевеса, увидев, что для пира ему принесли, долгим взглядом посмотрел на сыновей Эврисфея, и увидел, как злорадно они смеялись, руками при всех показывая на него. Сердце у прославленного героя неистово в груди запылало, как факел хорошо просмоленный, пальцы в кулаки сами сжались. Больше всего ему сейчас хотелось броситься на нечестивых сыновей Эврисфея и всех троих перебить беспощадно, а потом и самого Эврисфея убить, лишь только он в зале появится.

Но Геракл собрал весь мстительный дух свой в кулак, в грудь себя им ударил и дрожащим голосом тихо сказал ми-

лому сердцу:

– Сердце терпи, на тропе жизни крутой ты много страдало и не такое терпело. Ведь убийство сыновей Эврисфея – хозяев, предложивших мне пищу, хоть и не лучшую, боги мне ни за что не простят, как не простили тройное убийство моих сыновей от Мегары. Зевс Гостеприимец охраняет не только гостя, требуя от хозяина радушного гостеприимства, но и хозяев – от нечестивых гостей. Главное – теперь я свободен, хоть сейчас и бессердечно унижен. Не надо было мне на этом враждебном пиру появляться. Дочь Зевса Дике, Правда святая, ты видишь своими глазами какую горькую награду я получил за мои трудные подвиги?! И не только от сыновей Эврисфея. Все наши граждане сейчас видели какой кусок мяса мне принесли, и дружно все промолчали, словно воды в рот набрали, никто не восстал, не возмутился, что величайшего героя Эллады так жестоко обидели. Сердце, ну потерпи еще хоть немного, пока я сейчас встану из-за стола и быстро от такого небывалого пира уйду.

И многострадальное сердце отпрыска Зевса возмущенно скрипело, но продолжало терпеть и бесчестие сыновей Эврисфея, и покорное равнодушие с потворством других пировавших.

Геракл медленно встал и, не теряя достоинства свободного человека, направился к двери, но из пиршественного зала уйти не успел – к нему подбежал Перимед и закричал преднамеренно так, чтоб услышали все:

– Что ты, герой знаменитый, с пира так рано уходишь? Может пища тебе не понравилась наша? Уж больно разборчив ты и привередлив в еде, еще вчера был презренным рабом, а теперь в цари сразу метишь?

Геракл сморщился и решил промолчать, лишь сердцу обиженному неслышно шептал:

– Не я ли даже в рабстве горд был и славен, и что же теперь, когда я стал свободным? День наступил такой, что всю мою прежнюю славу смел, как ветер отрывает от веток осенние листья. Не знаю уж, случается ль, чтобы всегда был человек счастлив, чтобы его сопровождала вечно слава, но...

Герой мощной рукой взялся уж за дверь, как тут Эврибий подоспел и, схватив двумя руками дверь, чтобы помешать выйти Гераклу, брата родного поддержал:

– Да, Алкид, годишься ты лишь на разбой и на грабеж, больше всего любимый рабами. Ты должен благодарить и радоваться дарованному любому куску, ведь пища вся для тебя тут чужая.

Не отстал от братьев и Эврипид, подбежав, он, во все стороны брызгая слюнями, визгливым голосом громко крикнул:

– Братья, не удерживайте его! Пусть проваливает негодяй. Таким здесь не место. Тут хорошие люди собрались, веселятся они и пируют, а не воюют. Ему же только поединки с теми, кто послабее его и сраженья со зверями приятны. Он и сам превратился в лютого зверя злобного и свирепого. Люди, вы только посмотрите на этого уroda: дуги надбровные –

ниже уж некуда, лоб шишковатый выпер вперед, а затылок словно обрублен. Ведь не лицо у него, а настоящая львиная морда! Ну, вылитый лев даже без этой варварской шкуры. Люди, люди! Смотрите как меняется его морда и на ней появляется настоящий звериный оскал!

326. Геракл убивает сыновей Эврисфея, и тот клянется мстить

Губы Геракла раскрылись и зубы действительно обнажились в хищном оскале, его охватило безумное бешенство. Больше собой не владея, он схватил левой рукой ближайшего к нему Перимеда за плащ, рывком придвинул к себе и правой рукой, словно желторотому цыпленку, свернул шею так, что его красиво подстриженная борода на спине оказалась точно посередине между лопаток. Эврибий и Перимед с криками выхватили мечи и бросились на безоружного Геракла, словно натасканные собаки на молодого оленя, когда он вышел из чащи.

Герой, по силе сравнимый только с богами, молча, тут же убил одного близнеца столбом, не мытым давно, но удивительно прочным, а другого – табуретом нестроганим, как его знаменитая дубина из дикой оливы.

Геракл не понес никакого наказания за убийство трех сыновей Эврисфея потому, что убийство само по себе не считалось в Греции тяжким преступлением. Все зависело от того, кого убили, как и при каких обстоятельствах. Эврисфеиды сами обидели гостя, дав ему «позорный», невзрачный кусок жертвенного мяса, как рабу, и потом еще на словах оскорбляли. А Геракл уже закончил службу и стал свободным, полноправным гражданином сразу трех великих городов арго-

лидских – Тиринфа, Аргоса и Микен.

Зевс Гостелюбец и Гостеприимец, защищая справедливость, супруге, обвинившей на совете богов Геракла в тройном убийстве хозяев, давших ему пищу, изрек не допускающим возражений голосом:

– Перимеда Геракл убил случайно, силу свою огромную не рассчитал, а Эврибий и Эврипид сами накинулись на него с мечами, и он защищался столиком и табуреткой против двух их длинных мечей.

Эврисфей, появившийся в зале, когда Геракл убивал последнего из его сыновей, изменившись в лице, приказал охранникам убить Геракла на месте и сам, впервые в бесцветной своей жизни меч обнажив, словно на крыльях перелетая через столы, устремился к убийце своих сыновей впереди всех. Началась полная неразбериха, все кричали, беспорядочно метались кто куда, переворачивали столы и скамейки, хватили один другого...

Геракл больше никого не убил, только несколько человек покалечил, которые случайно оказались на его пути, когда он покидал дворец Эврисфея.

– Ненавистный Эврисфей! Наконец и до него добралась Правда! Тройным убийством сыновей он наказан по заслугам. Он сына моего совсем измучил. Живым его в юдоль Аида даже принудил сойти, гидру, льва и Стимфалид губить себе в угоду заставлял. Теперь, когда Алкид мой стал свободным, над ним глумиться стали сыновья ничтожного царя,

за что и поплатились.

Так говорила прекрасноволосая Алкмена, когда узнала, что Геракл убил всех трех царевичей на пышном пире у Эврисфея.

С этого дня очень изменился владыка арголидских народов, из его не по возрасту старческих глаз исчезла грусть и печаль, когда он говорил о Геракле, на смену им пришла люта́я ненависть к сыну Алкмены и Зевса, и он поклялся:

– От молодых ногтей я был царем и испытал все счастье человека: я трех наследников имел и дочь любимую, но необузданный Геракл в миг один пустил все прахом. Клянусь великим Зевсом и моей любимой Герой! Всей жизни я своей не пожалею, но отомщу за сыновей не только бешеному псу Гераклу, но и его всем детям!

Труды Геракла

327. Эврит и его дочь Иола

Эврит очень распространенное имя, и с некоторыми «Эвритами» довелось в жизни столкнуться Гераклу. Гиганта Эврита, поверженного тирсом Диониса, но по-прежнему живого и рвущегося в битву, отпрыск Зевеса убил своей губительной стрелой. С Эвритом, сыном Гермеса Геракл успел подружиться в беспримерном походе аргонавтов в таинственную Колхиду. С Эвритом Молионидом и с его братом, сиамским близнецом Ктеатом ему еще предстояло столкнуться и убить обоих из засады. Он убьет и Эврита Гиппокоонтида вместе с другими его одиннадцатью братьями и отцом.

Но был у Геракла и Эврит – близкий друг, а в прошлом еще и его учитель. На острове Эвбее, в городе Эхалия, правил внук лучезарного Аполлона Эврит, сын Стратоники от дриопского царя Менелая. По всей Элладе гремела заслуженная слава Эврита, как справедливого человека и самого искусного во всей обитаемой Ойкумене стрелка из лука.

Говорят, что сам Феб Стреловежец был учителем Эврита в стрельбе из лука и подарил ему свои стрелы. У Эврита некогда учился стрельбе из лука и совсем юный Геракл.

У царя Эхалии было четыре сына Клитий, Деион, Ифит и

Токсей и единственная дочь Иола. Владыка Эхалии обожал свою единственную дочь.

Все, кто хоть раз Иолу видел, в один голос твердили, что она обликом дивная, редкая красавица, уже в ранней юности блиставшая особенной красотой, не похожей на женственную красоту ее скромных и стыдливых сверстниц. Ни единого раза румян благовонных и масел душистых в кожу она не втирала, ничем никогда не подкрашивала ни щеки, ни очи, ни губы. Перед полированной медью ни разу собою не любовалась, никаким лентами кудри себе не перевивала. Но и не расчесанными, никак не прибранными светлыми волосами, которые всегда были отданы вольному ветру, она поражала несчастных влюбленных.

Эврит не хотел отдавать Иолу замуж, пока ей не исполнится хотя бы 16 лет. Однако женихи со всей Эллады одолевали чадолюбивого отца.

Она тогда была еще совсем девочкой с чудесными светлыми волосами. Отроковицей Иола была угловатой, больше на мальчишку похожей. Быстроногая, как мальчик, Иола юношеским мужеством отличалась, еще не ведала ничего о Киприде. Она на юношей совсем не глядела и только в птиц стреляла из лука да по ущельям скиталась, колчаном играя, не прялкой, вместо веретена забавляясь, как отец, стрелой пернатой. Отроковица была готова охотиться каждый день, нередко прихватывая и ночь, объясняя это тем, что, она, как отец стрелолюбивая, когда ей говорили, что юной деве боль-

ше подобает прясть или ткать или заниматься другими любимыми Афиной женскими делами.

Эврит, совершенно уверенный, что в Элладе нет стрелка лучше его, приказал глашатаям объявить по всей Греции, что отдаст свою прекрасную дочь Иолу в жены только тому герою, который победит его в состязании в стрельбе из лука.

Устроитель соревнований пятидесятилетний Эврит был все еще хорошо сложен, хоть уже лысоват и полноват, у него была аккуратно постриженная русая борода, как у Геракла и такие же искренние синие глаза, но нос у него был широкий, задранный кверху.

Как и многим эллинам, милее всего сердцу Эврита была справедливость, и он не уставал славить Дике, говоря:

– Только Дике открывает в душе человека двери, через которые он может познать бестрепетное сердце совершенной истины.

228. Геракл отдает Иолаю в жены Мегару

(Рассказ Иолая)

Об этом соревновании, сыгравшем роковую роль в жизни Геракла, престарелый Иолай часто рассказывал его маленьким детям, которым он стал после ужасной смерти Геракла и любящей нянькой и воспитателем мудрым:

– Все знают, что Геракл первую законную жену Мегару, которой к тому времени исполнилось 33 года, отдал в жены своему возлюбленному племяннику и колесничему Иолаю, сыну его брата Ификла, т. е. мне, а было мне тогда чуть больше 18 лет, хотя некоторые говорят, что мне было только 16. При этом он тогда обратился ко мне с такими напутственными словами:

– Моему браку с Мегарой, видно, не сопутствовали благоприятные предзнаменования, или она тогда была слишком юной и глупой... сейчас же она расцвела и для тебя, мой мальчик любимый, не найти супруги ни прекрасней, ни лучше. В ласках любовных и в полнейшем согласии вы будете жить – мне в утешенье, и всем нашим с тобой непримиримым врагам – в огорченье. Вижу я, как брака и всяких женских вредительных дел ты избегаешь и ни на ком не желаешь жениться. Ты сейчас очень молод, конечно, но не заметишь, как явится печальная старость – и останешься без ухода, ни

жены, ни законных детей не имея.

Я был слишком молодой и горячий и, помню, стал упорно отказываться, ведь она была чуть ли не вдвое старше меня, да и характер сварливый ее мне хорошо был известен и очень не нравился. Впрочем, для брака это не так важно, ведь его цель – это законное потомство, без которого невозможна не только семья, но и существование государства. Однако девы меня не слишком интересовали, дядя был, как всегда прав, ни на ком жениться я не хотел.

Однако дядечка мой – величайший герой и всеми в Элладке любимый, особенно мной, был непреклонен. Все знают, а я больше других: если он, что решит, то сделает обязательно и мне ласково, но твердо дядя сказал:

– Виноват я перед нею, особенно за наших с нею несчастных детей. Потому хочу отдать ее в хорошие руки, а твои руки самые лучшие в мире. Верен ты был мне всегда и в бою, и в трудах, и очень любезен на отдыхе. Будь же и дальше таким. Я тебя очень прошу, не отказывай мне, Иолай, ведь знаешь и сам ты прекрасно, что о худом я тебя не попрошу никогда.

И я, конечно, согласился, ведь никогда я ни в чем не умел ему отказать потому, что любил его больше жизни.

После этого дядя мой, сам мышцей очень могучий и статью красивый стал подыскивать себе более молодую жену, подходящую как для страстных любовных ласк, так и безукоризненную для рождения детей, которая принесла бы ему долгожданное счастье.

329. Состязание в стрельбе из лука за Иолу

(Рассказ Иолая)

Прослышав про необыкновенную красоту юной дочери Эврита Иолы и о его брачном условии, Геракл отправился в Эхалию, взяв и меня с собой, мы тогда редко с ним разлучались.

В этом соревновании в стрельбе из лука женихи ничем не рисковали, как, например, в смертельных скачках, устраиваемых для женихов Гипподамии ее нечестивым отцом Эномаем или чернокожим Антеем, погубившим женихов очень много, пока его самого не лишил жизни Геракл.

Эврит выступал в самом конце, когда из соревнующихся оставался один мой дядя прекрасный, и с пятидесяти шагов попал стрелой в центр небольшого яблока, закрепленного на шлеме воина. Потом он сам закрепил на двух шлемах два небольших яблока и пронзил их одной стрелой, что было встречено восхищенными возгласами соревнующихся и теми, кто соревнования пришел посмотреть.

Эврит с улыбкой очень довольный подошел к моему дяде и, окинув его ласковым отеческим взглядом, сказал:

– Ну, Алкид, ты остался последним. Покажи, чему я тебя когда-то учил, не посрами учителя, не бери слишком большого яблока.

Дядя мой, я знаю, считал, что именно он, великий Геракл, лучший в Элладе стрелок и потому в ответ улыбнулся небрежно и потребовал, чтобы на шлеме воина закрепили перстень и тоже с 50 шагов попал в его отверстие. Все так и ахнули, ведь отверстие в перстне много меньше даже самого небольшого яблока.

Да, стрельба та была очень красивой и зрелищной: яблоки, пронзенные Эвритом, на куски от стрелы разлетелись, а стрела Геракла своим наконечником в перстне застряла, и воин в застегнутом шлеме, сильно дернувшись головой, с трудом большим на ногах удержался, ведь та стрела была пущена очень мощной рукой.

Эврит взволнованным голосом приказал и для него закрепить перстень на шлеме и дважды стрелял с расстояния в полсотни шагов и каждый раз мимо, лишь на третий раз он все же попал.

– Ну, что ничья?

С неясной надеждой спросил Эврит у Геракла, видно, он засомневался в том, что он в Элладе лучший стрелок. Вместо ответа мой дядя попросил закрепить на двух шлемах по перстню, в один из которых наконечник стрелы пролезал, а во второй – нет. Воины стали спинами друг к другу так, что их затылки соприкоснулись и расстояние между перстнями было чуть больше вытянутой ладони.

– Нет! Это будет для меня слишком просто.

Вскричал Геракл и сам раздвинул воинов так, чтобы меж-

ду перстнями расстояние было равно длине стрелы. Потом он, отойдя за черту в полсотни шагов, долго топтался на месте и лук то поднимал, то опускал, то отводил в сторону, выбирая тщательно единственную ту точку, с которой только и можно стрелять, чтоб попасть. Когда же и ступни, и прекрасные дядины руки в решающий миг застыли, и он отпустил тетиву, то стрела с первого раза пронзила оба перстня, так, что ее наконечник застрял в дальнем перстне, а оперение оказалось в ближнем.

Теперь зрители не просто ахнули, все восторженно заорали, как ненормальные и по щитам громозвучно забили мечами. После такого оглушительного триумфа Геракла Эврит с жалкой улыбкой отказался от дальнейшей борьбы и, нерешительно потрепав старого друга по плечу, сказал, как мне показалось, притворно доброжелательным голосом:

– Ты победил, Геракл. Что ж, наверное, правильно, когда учителя достойный ученик побеждает.

Помню, как Эврит, улыбаясь и губами, и глазами то наигранно весело, то откровенно скорбно и грустно, пошел к своей дочери Иоле, которая находилась в толпе отдельно стоящих жен и дев, возможно, чтобы ее отвести к Гераклу, не знаю.

Среди всех Иола, которой только, что исполнилось 15, выделялась своей искрящейся радостной юностью. Как же она была хороша! Мегара по сравнению с ней была просто старая облезлая кошка. Мне она очень понравилась тем, что

все еще была больше на мальчишку похожа, чем на девушку. Небольшого роста, изящная, с маленькой грудью, похожей на два небольших яблочка, отведенные далеко назад плечи, выгнутый гибкий стан и приподнятый подбородок придавали осанке какую-то наивную, небрежную гордость. Светлые с медным отливом чуть вьющиеся на висках волосы были давно не чесаны, как у отрока и кое-как космами распущены свежим ветром сзади и по точеным плечам.

330. Эврит нарушает договор и не отдает победившему Гераклу Иолу

(Рассказ Иолая)

Не дойдя до дочери, Эврит вдруг остановился, словно что-то вспомнил и начал смешно тереть то свою облысевшую макушку, то наморщенный лоб. Потом он повернулся и решительно пошел к воинам, осторожно снявшим свои шлемы, пронзенные дядиной стрелой. Увидевший это Геракл, крикнул мне быстрее к нему подойти, а сам бросился к воинам бегом и, опередив Эврита, вынул свою стрелу из шлемов и быстро спрятал ее в колчан, который и передал на хранение мне, когда я подошел.

Видевший все Эврит, подошел к нам неспешно и не допускающим возражения голосом, потребовал у Геракла стрелу, глядя на него подозрительными глазами:

– Друг мой Геракл, ты меткостью всех здесь превзошел! Но дай мне для осмотра ту стрелу, которой ты только, что меня победил, ее необычное оперение я запомнил. Хочу убедиться, что обыкновенная эта стрела, а не из тех, что тебе дед мой Феб подарил на свадьбу с Мегарой.

Дядя мой, махнув могучей рукой, решительно отказался голосом неожиданно злым, даже я тогда не понял, чего он так злится:

– Что ты, Эврит, после окончания состязания такое при-

думал? Стрелу эту дать я тебе не могу, она в туле у Июлая вместе с другими стрелами, среди которых есть и такие, что смочены ядом Лернейского змея. Знаешь, наверное, что с мудрым Хироном случилось? Я не хочу потерять еще одного друга, который, скоро станет мне тестем.

Видно было, что жало скорби великой грудь Эврита пронзило, синие глаза его потемнели, и он словно, комок проглотив, медленно стал выговаривать:

– В юности сам ты был правдивым и честным, да и я тебя учил не только из лука стрелять. Теперь ты стал самым великим в Элладе героем, но где твоя честь?! Запомни: зятем моим тебе никогда не бывать! Больше мы с тобой не друзья. И на эту стрелу я больше смотреть не хочу!

Теперь Эврит уже гневно глазами сверкал и с угрозой злобно сказал:

– Если не хочешь позора, уходи прямо сейчас и больше на глаза мне не попадайся!

Дядю не смутили угрозы бывшего друга, и он со свойственным ему упорством все же потребовал, чтобы царь, согласно уговору, отдал ему в жены дочь свою Иолу.

Вокруг собрались люди, среди которых было немало известных всей Элладе героев и каждый что-нибудь говорил. Те, кто искренно Геракла любил, говорили, что Эврит, забыв гостеприимства обычай священный, нагло издевается над великим и всеми любимым героем.

Тогда Эврит, наверное, чтобы прослыть справедливым,

так во всеуслышание заявил:

– Тебе, Амфитрионид, никогда бы не победить меня в стрельбе из лука, если бы ты не использовал чудесные стрелы моего деда, которые сами поражают любые цели. Ты нечестно выиграл состязание, ведь я стрелял обычными стрелами. Поэтому я свободен от обещания отдать бесчестному победителю состязания дочь.

Люди молча выслушали Эврита, и было не ясно, кого поддерживает большинство. Тогда царь Эхалии процедил сквозь зубы Гераклу:

– И потом, как я могу доверить любимую дочь такому нечестивцу, как ты! Ведь ты, в пьяном угаре, совершил неслыханное злодеяние, зверски убив своих малых детей от Мегары. Теперь ты избавился и от самой законной супруги, выдав ее замуж вот за этого красавца, который охраняет колчан твой с доставившей тебе победу особой стрелой. И тебе хватает наглости, хитростью выиграв состязание, предъявлять права на мою юную дочь?! Прочь, негодяй, убирайся отсюда! И чтоб больше тебя никогда я не видал пред собою!

Те же, кто говорил, что Геракл – великий герой, но справедливость дороже, были согласны с Эвритом. Они говорили, что Эврит, заподозрив нечестность Геракла, имел право потребовать стрелу для осмотра, а тот под надуманным предлогом наотрез отказался.

Царь Эхалии, чтобы поддержать этих любителей справедливости, сказал:

– До этого состязания я очень высоко ценил заслуги моего теперь уже бывшего друга Алкида перед людьми и громкозвучную славу считал выстраданной его мужественным сердцем и заслуженной его не знавшими покоя руками. Однако, я полагаю, что даже самые великие подвиги героев не дают им никакого права на бесчестные поступки. Правде и стыду все, без исключения, одинаково должны быть причастны. В этом равноправии и заключается справедливость. Никакой даже самый величайший герой не должен иметь никаких привилегий перед другими людьми. Никто не может быть столь велик, чтобы стать выше самой Дике.

Так изрек надменно Эврит, словно он выступал перед тысячами людей на агоре.

331. Сыновья Эврита осуждают Геракла, и только Ифит защищает

(Рассказ Иолая)

Эврит знал прекрасно, как Зевс, испугавшись однажды, как бы не погиб весь человеческий род от ненависти и вражды, послал своего быстроногого вестника познакомить людей с Дике и Айдос. Я слышал много раз от аэдов, как эти чтимые всеми богини под руководством Гермеса должны были ввести среди людей стыд и правду, чтобы они служили возвышенным украшением городов и счастливой дружественной связью. Они, как обычно, при распределении благ, сначала хотели наделить стыдом и справедливостью лишь избранных, самых благочестивых и достойных, но Аргобийца, с ними не согласившись, обратился к отцу:

– О наш родитель Кронид, из властителей всех наивысший! Ты поручил мне с правдой и стыдом, познакомив людей, распределить их между ними. Так ли распределить мне правду и стыд, как ремесла распределены и разные искусства? А распределены они вот как: например, одного, владеющего искусством врачевания, хватает на очень многих не сведущих в нем; то же и со всеми прочими мастерами. Следует ли, правду и стыд мне таким же образом установить среди людей или же уделить их многим?

Зевс в знак несогласия сначала из стороны в сторону мощ-

но стал крутить головой, а потом, поднял кустистые брови вверх, да так их там и оставил и потом решительно произнес:

– Более прочих, Гермес, ты привык и всех более любишь все распределять и делить как, кому пожелаешь. На этот раз всем без исключения удели и правду, и стыд, пусть все будут к ним причастны, ибо городам не расти и не процветать народам, если только немногие будут этим владеть, как обычно владеют ремеслами и искусствами. Ведь, когда народ не знает справедливости, то большая его часть дичает, и многие люди становятся звероподобными. Неразумные твари, пощады не зная, пусть мучают и убивают друг друга потому, что ни с Айдос не знакомы, ни с Дике, людям же, мы в изобилии каждому стыд и правду даруем... Да, чуть не забыл, что-то в это тысячелетье память у меня стала не слишком хорошей, надо бы поговорить с Мнемосиной или с царицей Поэмой. Ты непременно неукоснительный закон положи от меня, чтобы всякого, кто не захочет быть причастным стыду и правде, на месте убивать как общества мерзкую язву.

Эврит, с виду печальный, а на самом деле, я уверен, довольный своей речью о справедливости, велел Гераклу сегодня же освободить помещение, выделенное нам с ним во дворце и не позже, чем до завтрашнего захода солнца убраться из цветущей Эхалии.

Когда мы с дядей тихонько пробрались во дворец, чтобы взять свои вещи и, переночевав у одного нашего старого товарища, рано утром уйти их Эхалии, нас встретили трое са-

монадеянных сыновей Эврита Деион, Клитий и Токсей. Все трое были атлетически сложены, с красивыми лицами, пышными волосами, но с душами злобными и наглými. Они единодушно поддержали отца во всех его обвинениях. Деион же, злобно рыжей трясая бородой, крикнул Гераклу:

– Я уверен, что, если бы у тебя с нашей любимой сестрой дети родились, то их, невинных крошек, ты тоже зверски убил бы, как детей от Мегары. Ведь все говорят, что ты бываешь бешеный, особенно пьяный. Весь мир чурается мерзких детоубийц! Покинь скорей Эхалию, бешеная собака, не оскверняй своим мерзким дыханием прекрасную нашу страну, нет здесь места убийце, пролившему кровь невинных детей!..

Клитий, не дав брату закончить, вместе с ним, чуть ли не заикаясь, быстро стал говорить:

– А теперь он еще опозорил себя бесчестным соревнованием. Не понимаю, за что его только любят в Элладе?!

Брату ответил ехидный Токсей:

– Он же сын самого Громовержца. А в какую силу, посмотрите, его Мойра одела? Попробуйте только его не любить. Помните, что он сделал с сыновьями своего благодетеля Эврисфея? – Убил на пиру всех троих. Надо и нам быть осторожней, ведь для него человека убить, все равно, что на палец по нужде помочиться.

Я увидел, как у дяди кулаки начали сжиматься и разжиматься, грудь стала все выше и резче вздыматься, на скулах

желваки заходили. Я знаю прекрасно, чем такое обычно кончается и потому быстро стал между ним и злобными сыновьями Эврита и, конечно, крепко обнял его. Спасибо, тут подоспел Ифит, сын старший Эврита. Он и внешне не похож был на братьев и характер у него оказался справедливее, чем у братьев. Выглядел он не сильным, больше похож был на отрока, чем на юношу, но лицом был очень красив и телом нежным прекрасен.

Ифит, не перебивая, до конца внимательно брата Токсея дослушал и только потом доброжелательно заявил:

– Я с тобой Токсей не согласен. Ты сейчас в гневе, а безудержный гнев советчик плохой. Зачем говорить о том, что сам точно не знаешь? Ведь тебя не было на пиру Эврисфея. И боги за то тройное убийство не наказали Геракла, значит он не виновен. Теперь я выскажу свое мнение о состязанье за нашу милую Иолу. Если быть безукоризненно честным и беспристрастно выполнить условия договора, то любимая наша сестра должна принадлежать Гераклу по праву, ведь, бесспорно, то, что он победил в соревнованье из лука. Не доказано, что он использовал стрелы, подаренные Аполлоном. Но, даже, если и так, в договоре о состязанье ничего не говорилось о стрелах, и потому каждый мог стрелять любыми стрелами. И последнее: об убийстве Гераклом детей от Мегары. Все знают, что за это тяжкое преступление он 12 лет самоотверженно служил Эврисфею и совершил по его приказу 12 великих подвигов, принесших ему бессмертную сла-

ву во всей Ойкумене.

Я видел, что Ифит очень доволен своей речью пространной. Ведь не только младшие братья слушали его так, как будто он был им отцом, а не братом, но даже Геракл смотрел на него, как на равного – то удивленно, то радостно.

332. Геракл признается Иолаю, что использовал стрелу Феба

(Рассказ Иолая)

Дядя подошел к Ифиту и, не обращая ни на кого внимания, со свойственной только ему нежностью его обнял и поцеловал, а потом долго не отпускал. Они поклялись в вечной дружбе, а я был свидетелем их клятв. Я никогда не был ревнивым, да и разве можно ревновать Геракла? Ведь он муж совершенно особенный, величайший герой, не такой, как все остальные герои, и жизнь это много раз доказала.

Несмотря на заступничество Ифита, нам с дядей пришлось все же спешно покинуть Эхалию, и он был очень грустен. Я его понимал – он не только не получил прекрасную жену, совсем юной подобную Афродите, он лишился верного старого друга. Однако дядя не долго грустил, не в его это было породе и, взбодрившись быстрой ходьбой, он так на ходу мне приговаривал:

– О, возлюбленный мой Иолай! Тебе молодому такому меня трудно понять. Я не скажу, что мне очень понравилась юная Иола, она еще не девушка, но и не мальчик. И хотя дело вовсе не в Иоле, все же ради обладания ею, я готов на все, на любой обман и даже на ложную клятву. И не потому, что мой великий родитель, полагая, что не всякая ложь его олимпийское величие унижает, в делах златой Афродиты не

раз беззастенчиво лгал и клялся при этом. А потому, что Эврит в самых лучших чувствах меня оскорбил и обидел, без доказательств обвинив меня в нечестности и не отдав Иолу.

Услышав эти слова, я решился задать вопрос, который давно вертелся на моем языке:

– Но ты все же нечестно выиграл соревнование у Эврита?

Дядечка мой – великий герой и всеми в Элладе любимый, особенно мной, посмотрел на меня как-то странно сначала, потом поморщился и вместо ответа сам спросил изменившимся голосом:

– А ты как сам думаешь? Отвечай только чистосердечно!

– Думаю, что ты стрелял стрелами Феба, хотя, не сомневаюсь, что выиграл бы и обычной стрелой.

– Как я люблю тебя, милый мой мальчик! Ты один понимаешь меня так, что мы с тобой можем совсем обходиться без слов... Но я тебе скажу вполне откровенно, понимаю, что ты хочешь удостовериться в своих подозрениях, а твои пожеланья исполнять всегда мне очень приятно. Да, когда я пустил стрелу сразу в два перстня, то это была стрела, подаренная мне Фебом, хотя, думаю, выиграл бы и обычной стрелой. Правда, обычной стрелой два перстня с пятидесяти шагов я никогда не пронзал. Наверное, мне просто хотелось всех удивить выстрелом, самого Аполлона достойным, а про соревнование я и не думал. Как мне горько сейчас, ведь я все время считал, что это состязание Эврит придумал для вида, чтобы у него был повод такой счастливый дочь мне от-

дать. Ведь мы с ним были старые друзья, и он, как истинный друг, должен был выдать дочь за меня, если б я его об этом попросил без всякого состязания... Я даже сейчас не понимаю, зачем он нашу дружбу разрушил, и дочь мне не отдал, и меня опозорил. Разве я не достойный жених? Много, таких, как я есть в Элладе?! Или другом я был ему никудышним? Я уверен, что, если б я совсем безупречно выиграл состязание, то не изменилось бы ничего. Ведь он так и не видел стрелы Аполлона, а меня обвинил, словно видел. Я уверен, что он втайне давно завидовал моей славе и сделал нарочно все, чтобы меня обесчестить! Но это так ему не пройдет! Уже пришло мое время, и он за все сполна мне заплатит, и Иола, назло ему, будет моей!

Лучше меня никто из людей не знает Геракла. Мне тогда показалось, что дядя мой страшно злился на Эврита потому, что из-за него он испытывал скрытый от всех стыд и очень душою страдал. Все говорят, что Геракл крепкодушный, но мало кто знает, что душа его крепкая, лишь когда надо с чудовищами бороться или с безжалостными врагами сражаться, но с теми, кого он любит – самая нежная, стыд может мучительно ранить душу такую.

Не зря говорят, что вражда между бывшими друзьями часто бывает особенно ожесточенной и непримиримой. Тогда я не знал, что скоро эта неприязненность приведет к неожиданной смерти ставшего большим другом Геракла справедливейшего Ифита, и убьет его мой дядя. Потом последу-

ет страшная гибель самого Эврита и остальных его сыновей, и все они примут мучительную смерть от рук моего дяди. Закончится же эта роковая вражда смертью ужасной Геракла, которого отравит жена Деянира, приревновав его к юной Иоле, дивной дочке Эврита.

333. Царь воров Автолик, сын бога воров Гермеса

Некоторые говорят, что, получив отказ в сватовстве, Геракл в отместку за оскорбление угнал кобылиц Эврита. Другие уверены в невинности Геракла, утверждая, что он всегда воровал только по воле богини необходимости Ананке, а коней у Эврита украл Автолик.

Похитил табун из 24 голов хитрейший из греков Автолик (сам волк), сын Гермеса и не в меру хвастливой Хионы, возлегшей в одну ночь по очереди с двумя олимпийскими богами Аполлоном и Гермесом.

Пред Артемидой превозноситься стала Хиона и в лицо похулила целомудренную богиню:

– Я, обладая красотой несравненной, провела одну ночь с двумя богами – насельниками Олимпа – такой чести никогда не достаивалась ни одна смертная, и ни одна богиня. Ты ж и с мужем одним никогда вместе не ночевала. Ты сохранила девства дары лишь потому, что не можешь найти никого из мужчин иль богов, кто бы пожелал ими воспользоваться, ибо, как девушка не нравишься никому.

Услышав из уст Хионы такие слова, богиня лютым преисполнилась гневом.

– Понравлюсь всем другими делами.

Сказала побледневшая Стреловержица и тут же изящный

лук свой напрягла, и стрелу наложив, пронзила язык виноватый.

Автолик считался лучшим из смертных воров и хитрейшим из эллинов потому, что унаследовал особенный дар мошенничества и воровства от деятельного Аргоубийцы, считавшегося в том числе, и богом воров. Будущие способности к прибыльной торговле, обману, изобретательству и особенно – к воровству проявились у Гермеса в самом нежном возрасте, прямо с пеленок.

В гомеровском гимне поется, что после того, как из недр материнских он вышел, в люльке своей оставался недолго: вылез, когда уставшая мать задремала, и в путь припустился на свет посмотреть. Найдя черепаху и, поняв, что это большое богатство, из нее начал хитро мастерить певучую лиру. Чтобы доделать лиру, ему потребовались коровы, и он, благодаря талариям (крылатым сандалиям), быстро облетел все окрестные горы и леса и найдя их, полсотни протяжно мычащих коров, отрезал от стада и путаной дорогой погнал, привязав к их ногам коров ветки деревьев, чтобы они не оставляли следов, по которым их можно было найти. Пригнав коров к подходящей пещере, Гермес снял ветки с их ног и перевернул следы им: задом ведя их, копыта передние задними сделал, задние сделал передними, задом и сам продвигался. Впоследствии так поступил сын Гефеста огнедышащий Какос так же за хвосты заташил в пещеру коров Гериона, которые он украл у Геракла. Для изготовления лиры Гермесу

понадобились воловьи жилы и шкура, и для этого он убил двух коров. Мясо коров малыш разделил на 12 частей и одну часть, оглянувшись по сторонам, съел, а остальные приготовил для жертвоприношения богам. Шкуры же малыш забрал с собой, чтобы развесить их на ветках для просушки. Часть одной из шкур он натянул на панцирь черепахи и смастерил лиру со струнами из коровьих кишок, и после этого в колыбельку поспешно улегся. Плечи, укутав пеленкой пушистой, лежал он, как глупый младенец, в руки простынку схватил и ею играл вокруг коленок. Лире же милую слева под мышкой прижал. Аполлон долго, но безрезультатно искал своих прекрасных коров. Он хотел даже спросить у оракула, кто украл его коров, и где они сейчас, но побоялся дурной молвы, что он плохой прорицатель. Дельфиец был вынужден объявить о награде тому, кто задержит или укажет вора, и жадные до награды сатиры разбрелись в разные стороны и провели много времени в поисках. Труд неутомимых козлоногих сатиров в конце концов был вознагражден, и царь сатиров Силен, хоть и был как всегда пьян, но все же сумел внятно рассказать Аполлону о том, что пастух Батт (болтун, заяц) видел, что его коров украл новорожденный Гермес, однако сатиры не могли указать, где малыш спрятал украденных коров. Лучезарный бог впал в праведный гнев, ибо он очень дорожил своими коровами. Он нашел в колыбели Гермеса, который голову, руки и ноги собрал в незаметный комочек, только что будто из ванны, приятнейший сон предвкушая, хоть и

не спящий пока. Все, оглядев места потайные, с речью такой Летоид обратился к малютке:

– Мальчик! Хотя и прячешься ты в колыбели, но показывай быстро, где тут коровы мои? Живо! Не то я тебя ухватчу и в Тартар мглистый заброшу, в сумрак злосчастный и страшный, и на свет тебя не сумеют вывести оттуда обратно ни милая мать, ни отец твой великий.

Гермес сразу стал так изворотливо лгать:

– Радуйся, сын скромной Лето! И подумай – на кого ты обрушился словом суровым? Как ты искать здесь придумал коров, обитательниц травянистого поля? Я ли похож на коров похитителя, хитрого и мощного мужа? Не до этого мне, лишь сон у меня на уме и молоко материнское. Все мысли мои – о пеленках на плечи и о тазике с теплой водой.

Так он ответил и начал подмигивать часто глазами, двигать бровями, протяжно свистать и кругом озираться, чтоб показать, сколь нелепой считает он грозную речь Аполлона. Аполлон уже совсем поверил было ему, но тут увидел развешенные на ветках высоких деревьев остатки от шкур двух коров. Разъяренный бог, несмотря на протесты матери, схватил малыша, как щенка за загривок и доставил его к Зевсу-Родителю и ему молвил:

– О мой родитель! В мире мошенников много, но такого, однако, ни разу я не встречал. Выкрал он с мягкого луга коров у меня и хитро их спрятал, следы натоптав непонятные, но один человек заметил его с моими коровами. В воров-

стве добровольно он признаться не хочет.

Так сказав, замолчал Аполлон и уселся на свое обычное место. Начал со своей стороны и Гермес говорить, и промолвил, и указал на Кронида, богов олимпийских владыку:

– Зевс, мой родитель! Всю правду как есть от меня ты услышишь, ибо слишком я мал и лгать еще не успел научиться. Только что солнышко нынче взошло, как приходит вот этот в дом наш и ищет каких-то коров и грозился швырнуть меня в Тартар. Поклянусь этой дверью бессмертных, что я невиновен! Он-то вон в цвету многорадостной юности крепкой, а я вчера лишь родился, ты ж тому помогай, кто моложе!

Кончил Килленец, бровью повел и хитро подмигнул Громовержцу. Расхохотался Кронид, на малютку лукавого глядя, как хорошо и искусно насчет он коров отпирался. Взял справедливый отец всех бессмертных золотые весы правосудья и без труда определил кто из двух сыновей лжец. И приказал он обоим на поиск вместе идти, а Гермес, чтоб указывал путь, как вожатый, и чтоб привел Аполлона, умом не лукавя, к месту, в котором коров круторогих он спрятал. И пришлось Гермесу, подойдя к каменистой пещере, крепко-головых коров отдать Аполлону. Пересчитав стадо, Феб обнаружил недостаток в две головы и, вспомнив о шкурах, развешенных на ветвях, спросил у сына Майи, зачем он их жизни лишил.

Вместо ответа лукавый Гермес вынул спрятанную лиру и плектром испробовал струны одну за другою, и кифара звук

под рукою протяжногудящий издала. Аполлон весь засиял, радуясь сердцем; в глубины которого проникли эти дивные звуки. Потом лиру Феб взял в свои руки и, на ней чудесно играя, начал он петь, и прелестный за лирою следовал голос. Вечноживущих богов воспевал он и темную землю, как и когда родились и какой кому жребий достался. Неукротимой любовью к кифаре запылало сердце у Феба, и, обратившись к Гермесу, слова он крылатые молвил:

– О вороватый искусник, всех пятьдесят бы коров подарить тебе можно за эту кифару! Мирно отныне с тобою мы разойдемся... Хоть невелик ты, но искусник большой!

Речью лукавой Фебу Гермес отвечал многославный:

– Если желаешь на кифаре играть ты, то пой и играй и праздники устраивай пышные, в дар ее приняв от меня. Ты же, друг, даруй мне славу за это.

Так говоря, протянул он кифару. И Феб ее принял и пожелал объявить себя изобретателем лиры, а Гермесу отдал стадо коровье в подарок и вручил кирекийон, жезл прекрасный богатства и счастья – трилистный, из золота, сказав, что будет его этот посох повсюду хранить невредимым, все указывая дороги к хорошим словам и деяньям. Довольный Гермес взял в руки жезл, разделенный на три ветки, из которых две верхние скручены в узел, и на нем появились два крылышка, такие же, как на его шляпке и сандалиях, и жезл воспарил над землей. Крылья на этом жезле означают возможность пересекать любые преграды.

Так Аполлон стал изобретателем лиры, а Гермес, благодаря искусному рукоделию и воровству, обзавелся особенным посохом, ставшим в его руках знаменитым кадуцеем. Подобно тому, как фециалы объявляют войны, так мир устанавливается послами – «носителями кадуцея».

334. Автолик продает коней Эврита Гераклу

Хитрый побег от ствола крылоногого бога звался Автоликом, и он был на всякие ловок проделки, сделать свободно – и тем он искусства отца не позорил – белое черным он мог и из белого черное сделать и все похищенное мог превращать в какой угодно облик.

Во время случайной встречи с Гераклом Автолик предложил своему бывшему ученику искусству борьбы очень дешево купить двенадцать крепконогих племенных кобыл и столько же широколобых выносливых молодых мулов.

Геракл, задумавший после обретения долгожданной свободы заняться разведением собственных лошадей, с удовольствием купил очень недорого весь табун чудесных животных. Перед покупкой он внимательно осмотрел покупаемых у Автолика коней, но среди них не признал тех, что были похищены у Эврита, потому что хитроумнейший из воров сумел на время до неузнаваемости изменить их внешность, поменяв и стать, и масть.

Златотронная Гера после обретения Гераклом независимости от Эврисфея не оставила попыток его погубить. Узнав о ссоре пасынка с Эвритом, у которого впоследствии украл лошадей царь воров Автолик, она решила внушить владыке Эхалии уверенность в том, что вором является не кто иной,

как его бывший друг Геракл. Для этого Гера призвала океаниду Пейто, спутницу Афродиты, и приказала ей убедить Эврита в том, что табун у него украл именно Геракл. И не была богиня убеждения не послушна царице Олимпа – быстро она Эврита уверила в том, что его обокрал бывший друг, бесчестно выигравший у него состязание в стрельбе из лука.

Поэтому Эврит еще до покупки Гераклом украденных Автоликом у него лошадей во всеуслышанье обвинил в этой краже Геракла:

– Увы, Эллада, скорби и стенай! Позор прославленному тобой Гераклу! Был он когда-то твой храбрейший герой, а стал теперь кем?! Сначала на состязании из лука он победил всех нечестно, в том числе и меня, лучшего в Элладе стрелка, используя подаренные Фебом не знающие промаха стрелы. Когда же я об этом объявил и дочь родную не отдал ему для нечестивых утех, он, желая отомстить, моих украл 12 коней и столько же кобылиц, под седлом не ходивших. Так отблагодарил меня мой бывший друг за то, что я его научил стрелять из лука. Впрочем, обманывать, воровать и грабить всегда Геракл любил. Спасибо, что хоть не убил меня, как Гериона или Диомеда, когда угнал краснобоких коров прекрасных стадо и похитил дивно красивых кобыл. Вот таким, Эллада, стал любимейший твой герой!

Старший сын Эврита Ифит по-прежнему стремясь быть справедливее, чем сама Дике, не поддался на уговоры Пейто и не поверил, в то, что Геракл, ставший его близким другом,

украл коней его отца и всем твердил:

– Нет, я не верю, что сын Громовержца виновен! Но не потому, что он мой друг, а потому, что, обвинение не справедливо, ведь, пока в суде не будет доказано, что человек повинен, его следует считать невиновным. Никто не видел, что Геракл украл наших коней, никто не знает где сейчас наши лошади. Поэтому нет оснований такого великого героя считать презренным вором.

Говорят, что Ифит вызвался сам разыскать табун, лишь бы всем доказать невиновность Геракла, с которым связывала его самая тесная и нежная дружба. Он, как старательная охотничья собака, бросился по следам кобыл отцовских и мулов и после долгих поисков, обнаружил, что окончательные следы ведут в крепкостенный Тиринф. Неукротимое стремление к Правде было сильнее слепой веры другу, и потому, увидев конские следы, ведущие в город, где жил Геракл, Эвритид невесело сказал братьям:

– Я должен признаться, что, может быть напрасно во всем оправдывал друга Геракла. Недавно я сам убедился, что следы нашего табуна ведут к его землям в Тиринфе. Значит, отец во многом был прав, и Геракл украл наших кобыл и коней, желая, таким образом, обзавестись завидным имуществом и заодно отомстить за оскорбительный отказ отдать ему Иолу.

335. Геракл убивает Ифита

По воле празддно гулявшей богини случая Тюхе Ифит, решивший найти отцовских коней, под зубчатой стеною Тиринфа, возведенной киклопами, неожиданно столкнулся лицом к лицу с другом Гераклом. Он почему-то решил свернуть с прямой, как стрела, дороги Правды и, скрывая свои подозрения, сказал:

– Радуйся, друг Геракл! Раз уж я тут оказался случайно, то позволь мне посоветоваться с тобой по розыску пропавших отцовских животных. В их краже он тебя обвиняет, но знай, что я с ним не согласен.

Говорят, что со свойственным ему чистосердечием Геракл обещал другу всяческую помощь в поисках украденного скота, если Ифит согласится стать его желанным гостем. Знаменитый герой, лишь недавно обретший свободу, очень радушно принял своего юного друга. Друзья, омывшись в прекрасно отесанной ванне, умастили друг друга благовонным маслом, и сели за стол, утолить голод и жажду, а также совершить обильное возлиянье богам чудесным Лесбосским вином.

Гера с высокого дымного облака наблюдала как пируют Геракл с Ифитом и морщила не довольство и нос свой прекрасный, и нежно розовые губы. Богиня убеждения Пейто только, что ей доложила, что Эврита она легко убедила в том,

что табун лошадей у него украл Геракл, но его сына Иифита, несмотря на все старания, в этом окончательно убедить она не сумела. Тогда волоокая Гера решила подступить к делу с другой стороны и призвав богиню раздора Эриду, попросила ее поссорить друзей, и была просьба такая по сердцу непримиримой Вражде, и стала коварная Распря, оставаясь невидимой, Ифиту тут же внушать:

– Ты считаешь себя справедливым, Ифит и говоришь, что справедливость в жизни тебе дороже всего. Тогда ты должен верить не отцу своему и не другу Гераклу, а только тому, что видишь своими глазами.

Ифиту, казалось, что так он сам себе говорит. И сын беспорочный Эврита, вспоминая, куда ведут следы похищенных коней, не мог избавиться от подозрений. Опьяневшему Гераклу Эрида стала внушать мысли, которые он принимал за свои, такие:

– Куда же все время смотрят глаза моего друга Ифита? – Не на меня. Он так и зыркает по сторонам, так и зыркает. Я все понял. Конечно, он выискивает отцовский табун. Это значит, что мой возлюбленный друг подозревает меня в воровстве, хоть и сказал при встрече мне ложно, что не разделяет отцовские обвинения. Так Ифит нагло лжет мне и своим подозрением предает нашу высокую сердечную дружбу. Боги, как мне вынести это?!

Тоже охмелевший юноша, всегда стремившийся к справедливости, не смог скрыть подозрений, и по его откровенно

настороженным взглядам вокруг, Геракл окончательно понял, что его друг везде высматривает отцовских коней, и от мыслей таких в глазах его тоска светилась невыносимая. Он часто проводил ладонью сверху вниз по лицу, словно пытался изгнать из опечаленного сердца скорбные мысли о том, что его крепкой дружбе с Ифитом угрожает бесславный конец.

После обильного пира и щедрых возлияний не только богам друзья, сумевшие скрыть свои чувства, пошли прогуляться на высокую скалу и там Геракл не сдержался. Насупив выступавшие вперед низкие брови, он потребовал:

– Не могу больше терпеть и правду скажу, которую сам ты скрываешь. Ты сегодня тайком все время высматривал и высматривал, высматривал и высматривал что-то кругом... конечно, у меня ты искал ваших пропавших коней! Не смей отводить своих глаз, смотри на меня! А теперь посмотри, уже не таясь, со всем вниманьем вокруг. Здесь высоко и все видно, как на ладони. И вот теперь и скажи, видишь ли ты, чтобы где-нибудь паслись кобылы и мулы твоего отца, ведь ты их хорошо знаешь?

Ифит послушно посмотрел вокруг и своими молодыми зоркими глазами увидел на огороженном участке Геракла пропавший отцовский табун, лошади которого успели принять свой истинный облик после временного изменения Автоликом. Растерянный юноша все же усилием воли смог свои неподатливые губы заставить сказать:

– Нет, я их не вижу нигде.

Но Ифит не смог заставить солгать свои бесхитростные глаза и отвернулся от старшего друга в сторону. Геракл же, осмотревшись небрежно вокруг, по-прежнему увидел лишь коней, купленных им у Автолика. Он больше смотрел на Ифита потому, что заметил бегающий взгляд отвернувшегося юноши, которого он по-прежнему очень любил и страстно желал считать преданным себе другом. Он понял, что Ифит лжет, и эта ложь, показавшаяся ему подлым предательством, привела его в злобное бешенство.

– Я вижу по твоему бегающему взору, что ты и сейчас подозреваешь меня в воровстве! Вот только, что перед тем, как отвернуться, ты смотрел на купленных у Автолика мной лошадей, как будто это и есть пропавшие лошади. Ифит! Опомнись, ведь мы были такими друзьями! Вспомни как мы дружили – мы, не раздумывая, готовы были умереть друг за друга!

Взревел вне себя от неукротимой тоски, смешанной с зарождающимся гневом, Геракл.

Волоокая Гера, внимательно наблюдавшая за встречей Геракла с Ифитом, решила «ковать железо, пока горячо» и на смену Эриде послала к своему пасынку безумную Лиссу с такими словами:

– Пока Геракл не свершил своих трудов, сама судьба его хранила; о нем заботился отец Зевес, и мне он не давал его в обиду. Но с порученьями Эврисфея он закончил, и теперь

охрана снята. Теперь на пасынка, для сердца моего все так же ненавистного, должна наслать безумие ты яркое. Заставь его своей рукою сбросить со скалы Ифита, гостя юного и друга!

– Ты хочешь сказать, что не украл, а у Автолика купил отцовский табун?

Пролепетал, ничего не понимая, прямодушный Ифит, глотая соленые слезы.

Тут Лисса, дико завывая, схватила сзади отпрыска Зевеса в объятия безумия, из которых и Зевсу вырваться было бы невозможно. Лютый гнев она возбудила в лучшем смертном сыне Кронида, который и самых спокойных в неистовство вводит. Что уж говорить о Геракле, который уже малым отроком был склонен к ярим приступам гнева. Вот и сейчас синие очи его дико из-под сросшихся как у родителя бровей засверкали от ужасной внутренней боли, пылающее сердце от невыносимой мысли вскипело и завопило:

– Боги! Лучший друг меня презренным вором считает!

И с высокой скалы мощные руки самого лучшего друга столкнули.

336. Разные мнения об убийстве Ифита

Один из спутников Геракла, ярый его почитатель, стремясь обелить любимого героя Эллады, так говорит об убийстве Ифита:

– Я был невдалеке и видел своими глазами, как Геракл лишь в сердцах оттолкнул от себя друга Ифита, когда тот, желая примириться, сделал к нему шаг и попытался его обнять. Могучий герой, охмелев, видно, не контролировал свою огромную силу, и юноша, будучи слишком пьяным, не удержался на ногах и полетел с высокой скалы головой вниз. Насмерть разбился Ифит – жертва несчастного случая, и ледяной холод Эона его совсем еще юное тело навечно сковал.

Софокл же об убийстве Гераклом Ифита совсем иначе поет:

– К Эвриту однажды, как друг старинный, гостем в дом явился Геракл. И что ж? Хозяин глумился словом и мыслью недоброй, что гость, владыка всеразящих стрел, уступит меткостью его сынам, что он, как раб последний, господину готов во всем покорно угождать. И на пиру его, в хмельной отваге прогнать с позором со двора велел.

Вскипел герой ретивый. И вот, в отместку, когда Ифит, табун отца искавший, его тиринфский замок навестил и вниз смотрел, мечтая о своем – Геракл его внезапно низвергнул

вниз с огромной высоты. Разгневался на то богов владыка. Отец наш общий, олимпиец Зевс: он сына в рабство отдал – в наказание, что он врага – один лишь в жизни раз – убил коварством. А убей открыто – Зевс снизошел бы к справедливой мести: и небожителям противна спесь.

Совсем не дружелюбно по отношению к самому почитаемому герою эллинов историю Ифита рассказал прославленный Поэт, лишенный в очах света:

– Ифит отыскивал коней: двенадцать добрых жеребых кобыл и столько же могучих работников мулов. Ифиту пропажи поиск удался, но губельной для него стала удача: к сыну смертному Зевса, славному крепостью силы великой мужу, Гераклу, свершителю подвигов трудных, пришел он. В доме своем умертвил им же самим приглашенного юношу зверский Геракл. Так многомогущий отпрыск Кронида, соучастник многих насилий, посрамил и родителя священный закон, и стол, накрытый им гостелюбно, за которым нечестивое убийство он совершил, чтоб коней громкозвучнокопытных незаконно присвоить.

Иолай, лучше многих знавший Геракла, по-настоящему любивший его, но считавший себя не чуждым справедливости, зверские черты Геракла после его смерти необычно так объяснял:

– Приступы безудержного гнева у моего дяди проявились впервые в детстве, когда он укусил Тимофея в палестре, а потом убил учителя Лина, но приступы эти можно понять.

Ведь ирэн чуть его не задушил, а сдаваться и пощады просить дядя мой никогда не умел. Учитель же Лин долго над ним издевался, а потом и вовсе стал бить, ну и он не сдержался, тоже ударил кифарой, а рука у него и тогда была очень тяжелой. А вот настоящее бешенство у дяди появилось только после того, как он одел ничем непробиваемую желтую кожу Немейского зверя. Все знают, что он почти не снимал шкуру особого этого льва и как бы все больше с нею срастался. Одновременно и характер его становился все более жестким, как у самого свирепого льва. Но ведь не зря удушение Немейского льва было первым подвигом великого сына Алкмены, ибо без его каменной шкуры он не смог бы, несмотря на всю свою силу, одолеть ни Гидру, ни Стимфалид, ни многих других чудовищ и нечестивых владык. Почти во всех подвигах и трудах каменная кожа самого мощного Тифонова сына делала дядю неуязвимым для любого врага и даже для самой смерти. Действительно, предначертанная незыблемым Роком гибель настигла моего дядю тогда и только тогда, когда он снял с обнаженного тела шкуру необыкновенного льва и одел присланный ревнивой, как Гера, но не злокозненной, а слишком доверчивой супругой Деянирой хитон... Что же касается убийства Ифита, то меня тогда не было в Тиринфе. По рассказам соседей, якобы видевших это убийство, дядя мой сына Эврита убил не вольно, это случай несчастный.

О том, что случилось с Гераклом сразу после убийства

Ифита Иолай так говорит:

– После убийства Ифита жуткая головная боль стала грызть его постоянно и настолько сильно, что ее было трудно переносить. Она сильно моего лучшего друга героический дух удручала, огнем проникая по всему его мощному телу, до самых потаенных уголков и самых тонких прожилок. Особенно боль эта, словно острые иглы, вторгалась в голову от лба вплоть до его затылка, где обычно гнездится печаль и тревога... Эта болезнь очень напоминала ту, что его охватила после убийства детей от Мегары. Дядя понимал, что надо идти в Дельфы за оракулом от аполлоновой девы, но не хотел идти в храм неочищенным от убийства и потому стал подыскивать того, кто мог бы его очистить.

337. Заболевший Геракл в сопровождении Иолая идет в Пилос

(Рассказ Иолая)

Иолай, сопровождавший Геракла после убийства Ифита в Пилос, так рассказывает о поразившей дядю болезни:

– Невольным убийством Ифита, сильно прогневал Геракл родителя своего великого Зевса, так как он нарушил одновременно и священный обычай гостеприимства, и святость дружеских уз. Дядя мой очень умен и сам это хорошо понимал и боялся, что Зевс – Ксений найдет на него тяжкую болезнь, как было после убийства детей от Мегары. Кроме того, он мне рассказывал про свою ужасную встречу с Эриниями в Аиде, когда он спускался туда за Кербером. Эти ужасные мстительницы подстерегли его и отхлестали своими ядовитыми бичами. Он же, защищаясь, ранил их тяжело пернатыми стрелами, отравленными ядовитейшей желчью Гидры, которую мы вместе с ним истребили. Дядя мой очень боялся, что сестры страшного ужаса решат отомстить ему за нанесенные раны, используя убийство Ифита, хоть он ему и не родич.

Я думаю, что дядю не Эринии змеекудрые начали истязать, а неотвратимая Немесида, которую на него боги наслали, и она стала карать его своей плетью за убийство гостя и друга. Дядю начали мучить постоянные ужасные боли и страшные ночные виденья. Он о них мне каждое утро рас-

сказывал. Особенно много несносных мучений ему доставлял демон ночных кошмаров Тифий, посылавший ему в снах побежденных им страшных чудовищ, пытавшихся ему хоть во сне отомстить. Немейский лев, навалившись на него всем телом так, что ему было трудно дышать, откусывал ему пальцы один за другим, и они откушенные особенно сильно болели. Иногда бедный мой дядя просыпался с ужасными криками, и я ему гладил руки и пальцы. Гидра плевалась в него ядовитой желчью, от которой у него чесалось вся кожа и тело сковывали судороги. Я его и гладил, и иголкой колол. Эриманфский вепрь то рвал ему бедра клыками, то вспарывал ими живот и наматывал кишки на свои закрученные сверху клыки. Стимфалийские птицы с жуткими криками метали в него свои острые медные крылья и пронзали ими все его голое тело. Даже дивно красивая Керинейская лань в ночных кошмарах протыкала тело Геракла своими золотыми рогами и медными топтала копытами. Амазонки в облике обнаженных юных красавиц в жутких снах Геракла сплетались с ним в пламенных любовных объятьях и в решающий момент вдруг превращались в мерзких злобных Эриний, до крови кусающих ему губы и другие чувственные части тела. Эти сны не позволяли его душе хоть ненадолго облегченно вздохнуть и взбодриться, стряхнув с себя тягостные, мрачные мысли. Он обо этом не раз мне рассказывал и потому я знаю, что говорю.

Как только дяде полегчало немного, так сразу мы вме-

сте отправились к царю Пилоса Нелею (безжалостный), сыну Посейдона и влюбленной в речного бога Энипея красавицы Тиро. На мой вопрос – почему мы идем именно в Пилос к Нелею – дядя сказал:

– Какой-то сведущий в прорицаниях морской бог из божественной черни то ли пасущий тюленьи стада Протей, то ли правдолюбивый старец Нерей, во сне мне велел за очищением в Пилос явиться. Я точно не понял кто из них во сне из волн мне явился, ведь не видел Протея я никогда, а Нерея видел, но облики всевозможные он всегда принимает и не знаешь, каков он сейчас.

Я понес на плече круторогого тучного барана, а дядечка – белозубую молодую свинью. Ему каждый шаг сильной болью в голове отдавался, иначе он взял бы обеих животных, а я и большую свинью, и одновременно барана не холощёного не смог бы даже поднять, а не то, что долго нести.

338. Нелей отказывается очистить Геракла

Когда мы явились во дворец Нелея нас встретил у входа муж с косящими глазами, смуглый, высокий роста, с широкими плечами, на которых аккуратно лежали жесткие темные с проседью волосы, разделенные пробором, словно у женщины. Он сказал низким шепелявым голосом:

– Мне сказали кто вы такие, но не сказали зачем вы в доме моем без приглашения появились?

Дядя мой тихим голосом попросил пилосского царя совершить над ним обряд очищения от скверны убийства Ифита. Как сейчас вижу дядечку перед собой, как он с искаженным от боли лицом почти шепотом умолял Нелея:

– Сжался благородный Нелей надо мной! Нет силы и дальше терпеть ужасную боль в голове и нескончаемые ночные кошмары. Проведи надо мной обряд очищения, и милость твою я никогда не забуду.

Когда мы подходили к дворцу Нелея из разговоров с тамошними людьми мы узнали, что Нелей был гостеприимцем Эврита, и, кроме того, он был его давним военным союзником. И все же мы до последнего верили, что Нелей очистит от скверны Геракла, но видно напрасно надеялись. Царю все-го-то надо было заколоть молодую свинью и кровью, текущей из ее раны, окропить дядины руки, однако Нелей решитель-

но отказался сделать это. Больше того – он, мерзко шепелявя, разразился такой оскорбительной речью:

– Прочь пошел нечестивец! Не скверни, Амфитрионид, своим поганым присутствием мой чистый дом и чудесный наш город. Никто в славном мельчайшим белым песком моем городе Пилосе не поможет тебе – нечестивому убийце гостя и друга. Пусть справедливые боги, пометив несмываемой меткой преследования, тебя и дальше страшно и жестоко карают!

Дядя, любимый мной больше всех людей на этом свете, был обижен так безжалостно и так несправедливо, что ужасная боль на время, видно, ослабла, и он, глянув вверх глазами, полными боли, горестно стал причитать:

– Горе великое мне! О, боги, вашему сердцу милее всего справедливость, но где же она?! Ее в упор я не вижу! Я ль эллинам не был от ужасных чудовищ надежной оградой?! Я ль труднейшими подвигами всю Элладу на века не прославил? Разве просто мне слава великого героя досталась?! Сколько раз я был от смерти на волосок?! Сколько невыносимых мучений и жестоких страданий я для других перенес?! О, Зевс! Видно, даже твое великое отцовское имя не охранит меня от новых мук и страданий. Неужели, Нелей, после всего, что я для людей совершил, ты, не очистишь меня от скверны убийства неосторожного. Тебе это было б не трудно, но ты обрекаешь меня на продолженье мучений, да еще и оскорбляешь и все это лишь потому, что ты дружишь с Эвритом! Горе

тяжкое за это тебя ожидает Нелей, и не только тебя одного!

На дядин крик прибежали сыновья Нелея и его супруги бледной Хлориды, единственной из дочерей хвастливо-надменной Танталиды Ниобы, которую пощадила Артемида, гордая луком. Я насчитал их 11 потому, что младшего Нестора в этот день в городе не было.

Все 11 Нелеидов дружно, будто заранее сговорились, стали поносить Геракла самыми мерзкими ругательными словами. На волков свирепых были похожи они, с несказанной дерзостью в сердце; разрывают они с рыком утробным алчно на части оленицу иль серну, поймав ее в лесной чаще; их зубастые сильные пасти багровы от крови. Насытившись, всей стаей к водопою они подходят и жадно лакают с поверхности воду, кровью убитой серны рыгая; в груди их косматой звериный дух безбоязнен, и сильно раздуты утробы. Так же совсем Нелеиды вокруг моего дяди собрались, жаждая яростной ссоры.

Я дядю крепко двумя руками обнял и, не обращая внимания на сыпавшуюся на нас ругань нелеевых сыновей, побыстрее увел его прочь из дворца, и в Пилосе мы не задержались дольше того времени, которое необходимо, чтобы его покинуть.

Всю дорогу, пока мы не вышли за стены песчаного Пилоса, дядя мой, хоть и не любил клятвы, но много раз страстно вопил, призывая в свидетели то Афину, то Зевса, и всякий раз его голос грозно звенел, словно в гневе он был совершен-

но здоровым:

– Пусть мне свидетелем будет великий отец мой Зевс, из богов высочайший и лучший! Я не ложно клянусь, что жестоко отомщу Нелею и всем его сыновьям, за исключением Нестора. Нет, я страшно воздам по заслугам всем, а не только Нелею и его сыновьям. Пилосцы заплатят головами за высокомерие своего царя и за то, что мне помочь не хотели! Если же я эту священную клятву нарушу, пусть мой мозг, как из чаши вино, да по черной земле разольется, и без меня все мои чада станут рабами!

339. Гиппокоонт тоже отказывает Гераклу в очищении от скверны

После того, как Нелей отказал дяде в очищении от случайного убийства его юного друга Ификла, мы с ним отправились в славную воинскую доблесть Спарту к Гиппокоонту, сыну спартанского царя Ойбала и наяды Батии потому, что дяде во сне опять каким-то морским божеством, искусным в прорицаниях, было сказано идти теперь именно к нему.

Обуреваемый жаждой власти Ойбалид свергнул со спартанского трона своего старшего брата Тиндарея и изгнал его из города, знаменитого, тем, что, благодаря беспримерному мужеству его доблестных граждан, лучших воинов во всей Элладе, он не нуждался в ограждении стеной.

Встреченные по дороге лаконцы говорили нам, что Геракл напрасно к Гиппокоонту идет потому, что златотронная Гера явилась во сне не только к Гиппокоонту, но и к 12 его сыновьям и всем им возвестила:

– Знаете сами вы, что гордая доблестью жителей Спарта, наряду с конелюбивым Аргосом и золотообильной Микеной, является наиболее дорогим мне городом во всем обитаемом мире. За эти три города всегда я вступалась не только перед другими богами, но и перед супругом своим Громовержцем. Теперь ваша очередь показать, как меня, в Спарте вы почитаете. Запомните: никто в Лакедемонне не должен очистить

Геракла от убийства Ифита.

Бедный моему дяде совсем было плохо и, как разболевшийся ребенок, он мне говорил:

– Иолай, милый мой мальчик, только ты один меня любишь! И ты мне среди юношей всех был всегда наиболее милым потому, что в тебе больше, чем у всех мальчишеского. Но скажи, что же мне делать, племянник любимый? Тело все страшно саднит и ломит, а голова трещит и раскалывается так, что больше идти не могу, каждый шаг, как острие ножа в голове отдается. Наверно, и Гиппокоонт, как Нелей, мне откажет... может к нему мы напрасно идем?

На это я ему так твердо ответил:

– Раз уж мы уже явились сюда, то надо хоть попробовать получить очищение.

Сначала мы решили обратиться к сыновьям Гиппокоонта, но они все, как один, отказались даже разговаривать с дядей, приказав вестникам передать, чтобы мы шли сразу к самому Гиппокоонту, ведь ему сейчас принадлежит вся власть в Спарте. Когда мы явились в царский дворец и Геракл стал умолять Гиппокоонта об очищении, тот, сморщив мясистый свой нос красного цвета, как будто от Геракла или от меня плохо пахло, злобно изрек:

– Прочь сейчас же уходи, звероподобный Геракл! Не будет тебе здесь очищения за убийство гостя и друга. Не скверни дыханьем чудовищным своим чистый воздух в прекрасных наших жилищах и в городе нашем, славном доблестью граж-

дан и великой Герой любимом.

Дядя мой, величайший и любимейший во всей Элладе герой, силой и духом всегда могучий безмерно, сейчас же, с трудом сдержав слезы под скорбно опущенными воспаленными веками, сумел лишь горько прошептать:

– О ты, Эллада справедливая, молчаньем разве я могу неблагодарность обойти твою столь непомерную? Ты зришь сейчас мое нечестье – мне отказали люди в помощи, которых всю свою жизнь многострадальную я защищал ценой терзаний страшных и ран кровавых. Очередного зверя для моих новых побед Земля уже зачать боится, и не придумать ей больше новых чудищ, теперь Геракл сам стал, как чудовище, скверной мерзкою для всех...

Я точно знаю, что Геракл, мой любимый дядя и герой, сам грыз себя из-за невольного убийства друга Ифита, совершенного в припадке безумия, насланного на него, конечно же, злокозненной Герой, он сам в этом никогда не сомневался. Поджав горестно губы, он удалился из дворца Гиппокоонта, как безродный презренный скиталец, нигде не имевший никаких прав.

Быстрая ходьба всегда благотворно действовала на дядю. Через некоторое время после того, как мы, покинув негостеприимную Спарту, шли по проселочной дороге, он мне говорил:

– Уж в который уже раз я с горечью припоминаю пророчество Ареты, которую я вместе с Мойрой на той развилке

выбрал. Тогда мне было столько лет, сколько тебе сейчас, мой Иолай. Как я тебя люблю, ты для меня прекрасней бога. Арета мне тогда сказала, что должен быть всегда готов я к неблагодарности людской. И я старался быть готовым и сейчас стараюсь, но как же это все и больно, и обидно. И главное – несправедливо! Поэтому никак мне невозможно от мести удержаться, хоть знаю я Аластора дурной характер, мстя за одно, он вызывает другое преступление, за которым следует губительная месть опять и порождается новое злодейство... Я уже поклялся отомстить Нелею, но удержусь сейчас от клятвы отомстить и Гиппокоонту с сыновьями, время придет, и я это сделаю без всякой клятвы.

Вскоре мне удалось уговорить некоего гражданина Деифоба, сына Ипполита, подвергнуть Геракла очищению. Он не хотел очищаться у этого Деифоба, но я и его уговорил, ведь и он мне не умел ни в чем отказывать.

Я потом сильно жалел, что сделал, видно этот Деифоб богам показался недостаточно достойным и дядю по-прежнему мучили сильнейшие боли в голове и те же ночные кошмары, и он обиделся на меня за это бесполезное очищение и решил идти к аполлоновой деве один, без меня. Не видя для себя иного выхода, дядя мой, вняв жутколиккой богине Ананке, привязал за шею тучного белого трехлетку – быка и медленно повел его в обитель Пифийскую, быстро ходить и, тем более бегать, он уж не мог.

340. Пифия отказывает Гераклу в прорицании

Пифия Ксеноклея встретила Геракла безумным сверканием глаз, одурманенных частым жеванием зеленого лавра и вдыханием испарений, поднимавшихся из глубокой расщелины, где догнивала огромная туша убитого Аполлоном змея Пифона. Она отказалась отвечать на его вопрос о том, как ему избавиться от страшных болей и ночных кошмаров. Для того, чтобы понять почти всегда витиеватую, а иногда и совсем безумную речь Пифии на этот раз не потребовался и толкователь оракулов жрец – профет.

– Нечестивое на тебе тяготеет убийство, Геракл. Друга ты в гости к себе пригласил, а после сам же зверски убил, столкнув со скалы. Надлежит тебе после этого в большом отдаленье находиться от священных дельфийских порогов, пока не пройдешь очищенья от скверны. Тебе нет входа в храм лучезарного бога до тех пор, пока страданьями вину не искупишь... Уходи! Храм мой не скверни и быстрее покинь! Никогда прорицанья не дам я тому, кто в святилище Феба неочищенным после убийства пришел, божественного не страшась воздаянья.

Так понятно свою речь простоволосая изрекла Ксеноклея, брызгая во все стороны зеленоватой слюной, насыщенной благоухающим лавром.

Болезненная судорога исказила лицо Геракла, синие глаза заблестели остервенело из-под выступавшего вперед низкого лба. Гнев проклятый, страданий бес счета, принесший многим героям, начал в его груди разрастаться, как неудержимо устремившийся с гор на равнину весенний поток в половодье, вспухший от талых снегов и от зевсовых ливней обильных.

От охватившего гнева, у Тучегонителя могучего отпрыска, должно быть, на время даже исчезли все боли и в теле, и в голове, и он истошно так завопил:

– Нет! Так просто это место без прорицанья я не покину!

– К чему безумно так искушаешь свою судьбину? Зачем меня ты принуждаешь, о нечестивец, убийством друга оскверненный, тебе пророчить ныне? Не смей здесь больше находиться, пока достойный муж тебя от скверны не очистит! Сейчас же уходи!

Три высоченных жреца, обычно находившиеся около прорицающей пифии, чтобы записывать ее порой совершенно бессвязные бормотанья, бросив свои восковые таблички и стилосы, не сговариваясь, дружно накинулись на Геракла, пытаясь вывести его из святого адитона силой, но он тремя короткими ударами надолго свалил их с ног и злобно заявил:

– Я под копытами Ананки жуткоколкой не буду теперь маяться и больше не позволю ей безропотно лягать себя. Судьба несправедливая страшна лишь слабым, их, как вихрь, она метет, как листья осенью, а я еще очень силен и еще дол-

го буду самым сильным! В тебе же, Ксеноклея, я больше не нуждаюсь. Я сделаю оракул свой, и сам я на твой треножник сяду, и буду оракулы давать, ведь прорицал не раз для всех живущих я в Палатине о десятине в мою пользу!

Жрецы потом рассказывали, что после этих слов Геракл начал выделывать в храме не вероятное. Дерзкий герой, не встречая никакого сопротивления, якобы, лишил святилище многих бесценных даров, разграбив, разбив их и разрушив.

Должно быть, жрецы хотели что-то присвоить и свалить все на Геракла, а присвоить там можно было многое. Уже во времена великого Гомера дельфийские богатства вошли в поговорку, и, несмотря на бесчисленные разграбления, из которых самыми опустошительные произвели галлы и Сулла, во время Плиния там насчитывали более 3000 одних только статуй из золота, серебра, бронзы и мрамора.

341. Геракл уносит из храма знаменитый треножник

Однако, самое главное, в чем потом обвиняли Геракла жрецы, это то, что он выдернул из-под Ксеноклеи треножник, на котором она всегда восседала, давая оракул. Рослая, как все жрицы, Пифия с грохотом повалилась на спину вверх ногами и, быстро вскочив, яростно заорала, мешая обычный язык с гекзаметром:

– Что, возгордившись, ты вытворяешь, безумец?! Ведь у меня нет больше таких треножных седалищ... Теперь готовься к смерти неминуемой, ибо очень скоро за дерзость нечестивую и непомерную гордыню тебя постигнет жребий гибельный! Никто теперь тебя от гнева Аполлона не спасет! Ты не успеешь отойти от храма и на стадий, как явится Феб-Дальновержец, чтоб тяжелой стрелой поразить нечестивца, чьею рукою ограблен Парнас. Слава дурная о нечестии, совершенном тобой, и после смерти преследовать будет тебя.

– Гибельна гордость лишь для малых людей, тяжело она им ложится на плечи. Я же могучеством всех превзошел, кроме родителя Зевса и потому, хоть бессмертные боги не подвержены смерти, но сразиться успешно я и с ними смогу. Так, что не надо пугать меня гневом Феба.

Ответил Геракл, презрительно на Пифию глядя из-под низких бровей, и зажимая крепко в могучей руке самый осо-

бенный в мире треножник.

Одни говорят, что искусные мастера для Пифии сделали специальное приспособление из сплава бронзы с золотом, сидя на котором над пропастью, она могла впадать во вдохновенный экстаз и давать пророчества для тех, кто того пожелает. Поскольку это приспособление имело три опоры, то его называли треножником. Наиболее известен треножник Феба с сидением в виде золотой чаши на медной подставке в виде большого дракона, стоявшей на трех ножках в виде трех обвивающих друг друга змей, головы которых вверху обращены в разные стороны. Эллины посвятили этот треножник Фебу и передали в Дельфийский храм из добычи после битвы при Платеях.

Другие, как Диодор, рассказывают историю о том, как рыбаки на острове Кос вытащили из моря великолепный золотой треножник и, спросив бога что с ним делать, они получили ответ:

– Золотой треножник, который сработал Гефест, со знанием дела, вы должны отдать в дом того, кто своей мудростью предусмотрит события, что должны произойти.

В число семи мудрецов неизменно включались четверо: Фалес, Солон, Биант и Питтак, причем Фалес Милетский всегда ставился на первое место. Поэтому золотой треножник отнесли Фалесу, который сказал: «Я не самый мудрый» – и отослал треножник Бианту в Приену. Биант переслал его Питтаку, Питтак – Клеобулу, Клеобул – Периандру, Пери-

андр – Хилону, Хилон – Солону, Солон – обратно Фалесу. И тогда в то время признанный отец философии Фалес Милетский отослал его в священные Дельфы с надписью:

– Аполлону посвящает этот треножник Фалес, дважды признанный мудрейшим среди эллинов.

С тех пор золотой треножник, указывающий на триединую взаимосвязь настоящего с прошедшим и будущим, пребывает в дельфийского храма, на стене которого написаны и самые знаменитые и всюду прославляемые изречения Феба и семи мудрецов.

Некоторые, как Плутарх, говорят, что Геракл, будучи тогда молодым, возражал против диалектики и, смеясь над рассуждением Пифии "если предыдущее такое, то последующее из него вот так вытекает", решил выдернуть силой из – под нее треножник и затем сразиться с лучезарным богом из-за искусства прорицания.

Впоследствии сын Зевса и Алкмены действительно стал искусным в прорицании, и прекрасным диалектиком, но сейчас он лишил храм священного треножника, конечно, не из философских побуждений.

– Да, Геракл из Тиринфа совсем другой, чем Канопский.

Так задумчиво произнесла утихнувшая Ксеноклея себе под нос, глядя вслед исчезающему треножнику. Она намекала на то, что некий герой из Египта, назвавшийся Гераклом, посетив однажды Кастиальскую пещеру, вел себя очень вежливо и относился к ней со всяческим почтением, не то, что

Геракл из Тиринфа.

342. Феб в лавровом венке настигает Геракла

Аполлон, как только узнал, что его смертный брат по отцу похитил из его прославленного в веках Дельфийского храма священный треножник, быстро настигнул героя. Нежные щеки светоносного Феба обрамляли пряди волос золотистые и мерно колыхались в такт ровной ходьбе под лавровым венком.

Лавр часто появляется в историях о Геракле, и потому о нем стоит рассказать подробно, подобно Овидию: как-то гордый Делиец, увидев, как мальчик златокрылый свой лук старательно выгибает, снисходительно молвил:

– Зачем тебе, резвый шалун, этот лук? Нашим плечам пристала подобная ноша, ибо мы можем убить врага или зверя. Довольствуйся тем, что нежные страсти может твой факел разжечь и не присваивай своим игрушечным луком подвигов наших!

Крошка – бог, умел быть не только лукавым и по – детски игривым, но и коварно жестоким и так надменно ответил:

– Пусть лук твой все поражает, мой же тебя поразит! Насколько тебе уступают разные твари, настолько меня ты славою ниже.

Молвил и на помощь сразу старого обликом брата призвал. Эрот пернатую, что внушает любовь, достал из стрело-

носящего тула, ту, что с зазубренным острым крючком сверкает концом. Антэрот достал свою тупую стрелу – тяжкий свинец у нее под тростинкой. Крошка-бог, ранив до мозга костей, уязвил Аполлона, старец, с неистовым взором горящим, свинец свой в нимфу Дафну (лавр) вонзил, в Пенееву дочь. И тотчас страстно бог полюбил, а она, обет невинности принеся, так же неистово избегает его возлюбленной зваться.

Феб обратился весь в пламя, божественная грудь вся полыхает, полон надежд, любовь в его сердце, но легкого ветра мчится быстрее она, любви не внимая призыву.

– Нимфа, молю, Пенейда; остановись, ведь не враг бежит за тобою! Я не житель горной деревни, не пастух огрубелый. Ты не знаешь сама от кого убегаешь, – оттого и бежишь! Бог я Дельфийский, прекраснейший из бессмертных и Муз предводитель, владею знаменитейшим храмом Эллады, сам Зевс мне отец, а мать – благочестивая Лето...

Многое хотел он сказать, но, объятая страхом, Пенейда мчится бегом от него. Обнажил ее чудные девичьи прелести ветер, сзади одежды ее дуновением встречным трепались, Зефир игривый назад, разметав, откидывал пышные кудри.

Аполлон, сверкая лучезарными своим очами, что есть сил закричал:

– Дорого время любви, юная Пенейда, нельзя нам с тобой тратить даром ни дня, жизни надо радоваться, пока в цвету весенние годы...

Однако насмерть перепуганной девушке, обуреваемой

Антэротом, казалось, что за ней, как за ланью, свирепый гонится волк, и вот она уже кожей ощущает на своей шее его мощные клыки и острые когти. Она побледнела от жуткого страха и, споткнувшись перед отчей рекой, так, посмотрев на родительские воды Пенея, сказала:

– Отец, помоги! Лик мой, молю, измени, уничтожь мой девичий образ!

Только высказала мольбу, как вся листвою лавра начала покрываться. Влюбленному Фебу она была мила и такой, ветви лавра, как тело, обняв и целуя дерево нежно, он изрекает:

– Если моею супругой стать не желаешь, деревом будешь моим, принадлежностью станешь, лавр, моих ты нетленных волос.

Дельфиец еще говорить не закончил, как свои сотворенные только что ветви, богу покорствуя, лавр послушно склонил, как будто девушка, наконец, головою кивнула.

С тех пор лавр стал любимым священным деревом лучезарного бога, и самые достойные поэты, музыканты и художники за высшие достижения будут награждаться отныне лавровыми венками и становиться лауреатами. И на Пифийских играх в Дельфах победителям будут вручать не дубовые ветки – прежний символ высшей спортивной славы, доблести и триумфа, а лавровые венки, лавр, для которых приносили из священной рощи Темпейской долины, куда Феб был на 9 лет изгнан отцом для очищения от скверны убийства змея

Пифона.

Менады жевали дурманящие лавровые листья и потом в экстазе резвились в лунные ночи, нападая на прохожих и разрывая на куски детей и животных. Летоид наложил строгий запрет на жевание лаврового листа всеми, кроме его пифийской жрицы-пророчицы в Дельфах.

Бог бессмертный шествовал в лавровом венке, и леса и высокие горы мерно гудели, сотрясаясь под его тяжелой стопою. В левой руке держал он изящно согнутый серебряный лук, а за спиною стрелы золотые ритмично гремели в узорчатом туле.

343. Аполлон требует свой треножник и угрожает смертью Гераклу

С громовым грохотом ударился лук об колчан и вспыхнули Феба нетленные очи ужасным огнем, и земля под стопами лучезарного бога, как взволнованные волны морские, заколебалась, когда он преградил путь Гераклу и грозно загремел голосом страшным:

– Остановись сын Зевса и смертной Алкмены! Ты взял священный треножник, принадлежащий моему храму, который необходим для оракулов. Брось мой треножник сейчас же или найдешь здесь свой позорный конец!

И заоблачные задрожали выси Парнаса от громового Фебова эха, и на ложе провидческого воды внезапно взметнулись.

Трепет охватывал взволнованные сердца всех людей, встретивших иль услышавших грозного Феба, никто не смел ему даже в ясные очи взглянуть; люди, головами поникнув, всегда в землю глядели, страшась божественной кары.

Геракл остановился и, положив похищенный треножник рядом с собой, неспешно взял в левую руку лук, а в правую – стрелу оперенную. Шкура упала с обнаженного тела героя, и было видно, как от волнения мощное сердце билось о крепкие ребра, но он ответил спокойно, с виду достоинства полный:

– Не надо страшать меня Дальновержец! Не старайся напрасно. Меня испугать не надейся словами, словно ребенка какого: и сам я могу вымолвить грозное слово. Происхождение друг друга мы знаем отлично, ведь ты был на моей свадьбе с Мегарой и мне этот лук подарил и не знающие промаха стрелы. Ведаю я, как ты суров, и какая великая власть тебе дана над людьми, для смерти рожденными. Но и я не Пифон и не Титий и стрелы пернатые пускаю не хуже тебя. Знаешь ты сам, что у меня есть стрелы пропитанные желчью Гидры из Лерны, яда которой и бессмертные боги страшатся. Я вполне справедливо похитил из храма треножник – зачем он Ксеноклее, если она отказывает мне в прорицанье? Теперь же, когда седалище трехногое я взял у нее, надменно требуешь его ты обратно, да еще и смертью стращаешь позорной меня! Разве не знаешь ты, Феб, ведь ты прорицатель, что я могу и с богом сразиться? Поэтому нынче отсюда лучше уйди! Возвращайся на небо в чертоги блаженных, или я тебя здесь этой стрелой поражу, хотя ты – и бог, и бессмертен, но мучиться от раны долго придется тебе!

Бог – провидец поверил лукавым угрозам Геракла, но, в отличие от милой сестры, не испугался их, а пришел в страшное негодование, которое выдавала лишь кривая улыбка, искажившая до безобразия его лик всегда божественно прекрасный.

Тут не от ветра до самой земли согнулась знаменитая делосская пальма. В покрывшемся рваными темными ту-

чами небе, покинув Пактол Меонийский, появились семь прекрасных белых лебедей и залились многоголосым предсмертным напевом.

Голосом страшным опять загремел Стреловержец:

– Дерзкий! В разум приди, не кощунствуй! Никогда не бывало такого, чтоб смертный так грозил бессмертному богу. Отступи и даже не мысли равняться с богами! Никогда отпрыск смертной звезд не достигнет. Развращающую душу невыносимую гордыню уйми! Гибельна непомерная гордость для смертных людей. Не бывать тому, чтобы племя олимпийских богов было подобно по праху влачащимся смертным! Трепещи перед гневом бессмертных, ведь никто еще долго не жил, на олимпийца руку поднявший!

344. Схватка Геракла с Аполлоном

Геракл весь затрясся, как молодое дерево Зевса под порывами бурными ветра, но постарался голос свой успокоить и, как будто, небрежно ответил:

– Конечно, для вас, небожителей ничего невозможного нет, но все равно напрасно меня, как несмышленную детку, словами ты запугать уповаешь: так же легко и свободно грозные речи и сам говорить я умею. Чем угрозами тщетными воздух прозрачный трясти, ты бы лучше меня одолел в борьбе иль в кулачном бою, чтобы я сам мог убедиться, что не зря тебя зовут Пиктес (Кулачный боец).

Разъяренный сын Лето с покосившимся лавровым венком на голове, который он всегда носил в память о возлюбленной Дафне, молча отбросил свой лук и колчан с несущими гибель стрелами на землю и, как молодой лев с гибким и сильным телом, кинулся на Геракла. Герой крепкодушный тоже безмолвно откинул свой лук и дубину и, обхватив лучезарного бога за плечи, тут же стал его сильно сжимать и душить.

Силы могучего олимпийского бога и самого мощного героя Эллады, казалось, были равны. Противники ровно стояли, обняв друг друга руками, как во время гона два равносильных оленя в борьбе за самок сшибаются с треском и неподвижно стоят, ветвистыми запутавшись рогами. Так в равновесии начался поединок. Если бы отпрыск Кронида не

провел без сна много последних ночей, измученный тяжелой болезнью, то он одолел бы Дельфийца в борьбе, ведь, согласно древнему прорицанию, он в силе уступал только своему родителю Зевсу. Могучий бог и еще более могучий, но ослабевший в последний месяц герой – полубог, тяжело дыша, медленно на месте кружились, тщетно пытаюсь, победы достичь.

Тут стройный и гибкий как юноша Аполлон выскользнул из медвежьих объятий мощного телом Геракла и нанес ему страшный удар в грудь бессмертной рукой. Удар был очень силен, и Феб доказал, что не зря зовут его Пиктес. У Геракла ум на миг помутился, с огромным трудом он сумел устоять на ногах. Фебу все же не хватило мощи телесной развить свой успех, и Геракл вскоре сам перешел в наступление. Он несколько раз бросался на бога и пытался повалить его на землю, но Феб, гибкий, как змея, всякий раз ускользал из железных захватов героя.

Феб несколько раз обманывал Геракла, показывая нарочно, что хочет ударить левой рукой, но быстро бил неожиданно правой, и стук его кулаков по Геракловой челюсти раздавался, однако этим молниеносным ударами не хватало сокрушительной силы. Могучий Геракл часто, как бык, шевелил вправо и влево крепкой своей головой, получая звонкие потрясения лица, и сам наносил мощные удары, но попадал редко и то лишь в плечи гибкого, как змея, бога.

Яростная схватка была ожесточенно безмолвной, слышно

было только, как противники тяжело дышали от предельного напряжения сил, но этот поединок не остался незамеченным на блистательных высях Олимпа. И не все блаженные боги, владеющие небом широким, сохранили присущее им олимпийское спокойствие и остались безучастными к схватке непобедимого смертного отпрыска Зевса и его могучего бессмертного сына – лучезарного Феба.

345. Зевс заканчивает схватку сыновей дружбой

Некоторые говорят, что Лето и Артемида успокаивали негодование Аполлона, Афина же удерживала от гнева Геракла. Расположившаяся в одиночестве гордом на белом облаке Гера, морща прекрасные губы в досаде, говорила своему милому сердцу:

– Феб настроил заведений так много и берет за прорицанье гекатомбы жирных коз и тучных тельцов и даже быков круторогих. Но что он в прорицаньях смыслит, если не подготовился к этому поединку с Гераклом? Может сестру мне послать на помощь любимому брату?

Редко у царицы Олимпа слово и дело далеко расходились, и в небе над борцами появилась внезапно Стреловержица в открывающей стройные бедра тунике цвета шафрана, босая и с неизменным луком в левой руке и тремя стрелами, уже приготовленными для стрельбы – в правой.

– Пригнись поскорей милый брат, чтобы я смогла два дерзких глаза и широкое горло наглого негодяя в мгновение ока пронзить тремя пернатыми стрелами.

Так закричав, Агротера уже готова была спустить тетиву своего напряженного лука, но тут ослепительно сверкнула молния и раскатисто грянул гром.

Зевс Астрапей (молнийный) метнул обжигающий перун

между отпрянувшими друг от друга противниками. Ослепительная молния, как пламенная змея, проложив себе извилистый огненный путь, с грозным шипением разверзлась между Гераклом и Фебом. Пламя ужасное кверху взвилось от пылающей серы, но не задело ни того, ни другого. Оглушительно прогрохотал гром, земля дрогнула страшно, словно Посейдон в нее свой трезубец огромный воткнул.

Так Эгиох с олимпийских высот дал противникам знак моментально закончить борьбу, провозгласив подобно раскатам ужасного грома:

– Прекратить поединок! Следующая молния будет в того, кто моего не исполнит приказа.

Лук выпал из нежных девичьих рук испуганной богини охоты, и Артемида, подхватив его, как виноватая девчонка, умчалась в непролазную чащу, громко шлепая по влажной траве босыми ногами.

Геракл и Аполлон по не допускающему возражений требованию своего великого отца пожали друг другу руки в знак искреннего примирения. При этом, премудрый Кронид предусмотрительно не настаивал, чтобы Геракл тут же вернул Фебу треножник, из-за которого вспыхнула смертельная ссора.

Говорят, что, когда успокоившийся герой по собственной воле почтительно вернул треножник на место в храм Аполлона, между могучим олимпийским богом и великим истребителем чудовищ зажглась искренняя нерушимая дружба.

Летоиду глядя прямо в глаза, головою кудрявой не слабо кивнул сын Алкмены и Зевса и торжественно пообещал:

– Клянусь Зевсом, что не буду брать больше никогда ничего из имущества твоего и вести себя буду почтительно во всех твоих храмах.

И ответно клятву принес сын Зевса и пышнокудрой скромницы Лето Аполлон лучезарный:

– Клянусь, что всегда буду в нерушимом союзе и искренней дружбе с тобой. Милее отныне не будет мне ни один человек на земле многодарной.

Великий родитель Кронид помавал бровями довольно и этим прелесть неизъяснимую придал их союзу.

346. Феб приказывает Пифии отправить Геракла в рабство к Омфале

Некоторые, как Геродот, говорят, что сам бог иногда посещает свой храм и проводит там ночь на ложе. Когда ожидают явления бога (что бывает не всегда, а лишь по временам) жрицу запирают по ночам в храме. Ксеноклея заняла место Пифии по праву, как никто другой. Скромную размеренную жизнь она прожила добропорядочно; родилась и выросла в бедном сельском доме и сошла она в это прорицалище, не принеся с собой никакого особенного искусства, не имея никаких выдающихся способностей. Как юная невеста жениху должна представлять, почти ничего не изведав, так и эта фебова дева, будучи почти во всем неопытной и несведущей, поистине душой своей чистой сожительствовала с богом.

Не все жрицы были так покладисты с Аполлоном. Редкая красота златокудрой, зеленоглазой Кассандры, воспламенила любовь лучезарного Феба, но прекраснейшая дочь старца Приама согласилась стать его возлюбленной только при условии, что он наделит ее даром прорицания. Когда Кассандра заснула в аполлоновом храме священные змеи вылизали ей уши так чисто, что она стала слышать будущее. Когда же она, уже овладев ясновиденья даром, на следующую ночь

снова заснула в святилище Феба, он попытался сочетаться с ней, но она проснулась и отказала ему. Феб чуть с ума не сошел от безмерного изумления, что смертная дева может отказать в любви ему, самому прекрасному из всего племени бессмертных богов. Удивление сменилось справедливым возмущением и гневом, вызванным обманом Кассандры, и он для торжества справедливости уговаривает девушку только на один влажный поцелуй и, когда та согласилась, плюет ей в рот. Так отомстил прекраснейший из богов нарушившей обещание дева. Прорицая, она неистовствует и беснуется, пытаясь погасить огонь, пылавший в груди, но все напрасно – ее все считают лживой вещуньей... Ее изречения были ясными и понятными и главное – правдивыми, тем не менее, ей, как безумной, никто никогда не верил. Так Кассандра, вещая вопила, Феба лавр в объятиях зажав, чтобы беду свою Троя безжалостно удалила, и даже сама пыталась убить брата Париса, как главного виновника будущих несчастий Илиона, но Приам, узнав сына, во дворце его торжественно поселил. Кассандра напрасно противилась введению в город деревянного коня потому, что внутри него сидят вражеские воины и предлагала сжечь его, но троянцы решили иначе и втащили дар данайцев в город... Такова была сила плевка лучезарного бога. Говорят, что Феб, умеющий быть мстительным, обрел Кассандру еще и на безбрачие и несчастье в жизни. Во время взятия Трои Аякс Малый как пушинку, оторвал Кассандру от ксоана Афины и бурно изнасиловал. Потом, как

военная добыча она стала рабыней вождя данаев микенского царя Агамемнона, который был тронут ее девичьей красотой и царским достоинством и сделал своей наложницей. Кассандра предсказала свою смерть во всех подробностях и была убита Клитемнестрой вместе с Агамемноном и сыновьями на празднестве в царском дворце в Микенах.

Явившись в свой храм знаменитейший, Феб Локсий всю божественную ночь провел с Пифией Ксеноклеей и утром приказал объявить Гераклу оракул такой:

– Скажешь ему сама, без пророга, что он примирится с собой и избавится от тяжелой болезни, очистившись от скверны убийства гостя и друга в рабстве сроком ровно 3 года.

– Царь Микен Эврисфей и особенно Зевса супруга будут очень довольны...

Так сказала светловолосая Дельфийская дева, собираясь опять отправить Геракла к Эврисфею на подневольную службу, но бог-прорицатель, вещающий волю Зевеса, решил все иначе, ведь Геракл после схватки за треножник стал его лучшим другом:

– Нет! И разногласий здесь быть не может! После убийства сыновей Эврисфея, Гераклу нельзя служить у него. И потом, во всем должна быть мера! 12 лет – вполне достаточный срок и потому хватит позорного служения Эврисфею. Теперь пусть Олимпийца доблестный отпрыск 3 года послужит в свое удовольствие, ну, например, лидийской царице Омфале, дочери Иардана... да, пусть будет так. Слышал я,

что эта Иарданида, как и Геракл, очень любит любовные ласки.

347. Ксеноклея отправляет Геракла в приятное рабство

Ксеноклее, затаившей на Геракла незабываемую обиду, пришлось молча ее проглотить, плотно сжав зеленоватые от частого жевания лавра губы. Когда в неурочное время в храм явился Геракл, Пифия Ксеноклея не стала жевать лавр и дышать из расщелины ядовитыми испарениями, чтобы впасть в экстатическое вдохновение прорицания. Она, не умевшая богу перечить, лишь окатила Геракла злобно-мстительным взглядом и, воссев на возвращенный треножник, привычно покачалась на нем и дала ему оракул понятный такой:

– Зевс-Громовержец, тяжкий во гневе, возмущен тем, что ты нечестиво нарушил священные законы гостеприимства и дружбы, чем бы ты при этом ни руководствовался. Пространногремящий Кронид желает, чтоб ужасался каждый из родившихся смертных зло делать гостю и другу! Ты же, для избавления от неотступных мучений, на три года должен быть продан в рабство, а полученные при продаже деньги должны быть вручены детям Ифита, как вира (денежное возмещение за убийство).

– И кто меня купит уже известно? – Неужели я опять должен буду служить ничтожному Эврисфею, во всем послушному злокозненной Гере? Как я с ним встречу после убийства нечестивых его сыновей?! Горе безмерное ожидает ме-

ня!

– Если ты будешь вести себя, как тебе предназначено Роком, то тебя купит лидийская царица Омфала, а продаст тебя на невольничьем рынке златожезлый Аргоубийца. Сам Феб-Аполлон сегодня проронил такие слова.

Ответила Ксеноклея и зеленые от лавра губы скорбно сомкнула, так давая понять, что, помня о его святотатстве, больше вещать не желает.

– Я с радостью повинуюсь и охотно исполню все, что требуют боги, а Фебу, самому любимому моему богу, принесу пышную жертву. Я ему сооружу новый жертвенник здесь высоко над прибоем, и когда огонь разожгу, сначала ячмень принесу ему в жертву, а потом у новейшего алтаря с ветвями молитвенными в руках, молитву ему сотворю и совершу возлиянье самым лучшим вином.

Все это прокричал Геракл, не в силах сдерживать ликование. Безудержной радостью он весь запылал, как запылал бы лев огнеокий, крупную добычу задрал – оленя рогатого или вола; дрожащий от голода, радостно он пожирать начинает желанный трофей. Радостью вспыхнул такой же Геракл, услышав слова Ксеноклеи. Понял он, что за тяжкое преступление его ожидает приятная кара, и этим он обязан вновь обретенному другу – лучезарному Фебу.

Однако некоторые, как тиран сиракузян Агафокл говорят, что Аполлон и Геракл не расстались друзьями. Истребитель чудовищ не вернул треножник на место и тысячу лет спустя,

прослышав, что он оказался в городе Фенее, мстительный Аполлон наказал фенейцев, завалив канал для отвода дождевых вод, который прорыл Геракл, и город затопило водой.

Тем не менее оракул, данный Гераклу по воле Локсия и облегчивший ему 3 года рабства, красноречиво говорит о том, что Феб-Аполлон искренно полюбил своего смертного брата – героя.

348. Зевс направляет Гермеса продать Геракла в рабство Омфале

Некоторые говорят, что страдания заставили Геракла по-виноваться оракулу, и вместе с несколькими преданными друзьями и Иолаем он отплыл в Азию. Там он по собственной воле настоял, чтобы именно Иолай, которому он как себе доверял, продал его на невольничьем рынке.

Другие говорят, что в дело, как и было предсказано Пифией, вмешался вестник и глашатай богов Аргоубийца Гермес, которому сам Зевс такое поручение дал:

– Сын мой любезный Гермес! Более прочих ты любишь прибыльно торговать и при этом привык обманывать всех. И, конечно же, ты самый верный моих исполнитель велений! Ты и всегда ведь, моим быстрым посланником служишь, так, что ныне нисколько не медли. Скользни ты, на ногу крылатую резвый, своим обычным быстрым полетом вниз на землю в тот предел, где правит Лидиянка, дочь бога реки Иордана. Но прежде ты разыщи героя Геракла, которого мне родила добродетельная Алкмена. Недавно он убил друга и гостя Ифита, и за это на 3 года ты продашь его, как безымянного раба, в рабство Омфале, которую постарайся хорошенько, при этом, надуть! Выручку всю от продажи Геракла отдашь детям Ифита.

Молвил Кронид и сыну косматой многозначительно кив-

нул головой и сросшимися бровями кустистыми чуть по-мавал. Волны нетленных волос с головы Громовержца бессмертной на могучие плечи пали его, и с гулом приятным Олимп всколебался великий.

– Я уверен, мой милый, что ты все исполнишь, как надо, ведь ты в моей семье, поселившейся на нетленном Олимпе, самый исполнительный и хитроумный. Помню, как хорошо ты уладил все с Лаомедонтом, когда я похитил сына его Ганимеда, это мое похищение – самое лучшее, ведь много уж лет этот отрок прекрасный радует мне сердце юной своей красотой.

Зевс направился в свой чертог олимпийский к златокудрому Ганимеду, которого некогда ради отроческой его потрясающей красоты он похитил, чтобы вместе с бессмертными жил он на Олимпе, и чтобы в его нетленном чертоге нестареющим находился и служил для всех блаженных богов виночерпием, а для него еще и возлюбленным был.

После этого похищения у критян появился новый чудесный обычай, когда мужчины добывают себе возлюбленных мальчиков не убеждением, а похищают их, предупреждая заранее его родных и друзей, которые тоже могут участвовать в похищении. Одарив мальчика подарками, похититель отводит его куда пожелает. После двухмесячных угощений и совместной охоты (так как не разрешается долее задерживать мальчика) они возвращаются в город. Мальчика отпускают с подарками, состоящими из военного убранства, быка

и кубка (эти подарки полагается делать по закону), а также из многих других ценных предметов. Мальчик приносит быка в жертву Зевсу и устраивает угощение для всех, кто участвовал в похищении. Похищенные получают почетные права: при хоровых плясках и состязаниях в беге им представляют самые почетные места и разрешают носить особую одежду для отличия от других – одежду, подаренную им взрослыми любовниками.

Неутомимый Гермес без промедления ринулся отцовский приказ исполнять и быстро прибыл к своему смертному брату со своим все примиряющим кадуцеем и ободрил его простым дружеским словом. Затем он легко подхватил Геракла за львиную шкуру, и они вместе на подошвах амвросиальных, всюду Гермеса с дуновением ветра над землей беспредельной носившие, рассекая стремительно воздух со свистом, помчались в Малую Азию.

Главные рынки, где торговали рабами, находились на островах Делосе и Хиосе, однако покупатель для Геракла был указан Зевсом вполне определенно – малазийская царица Омфала. На тамошнем невольничьем рынке хитрейший из богов выставил отпрыска Зевса на продажу как безымянного раба, согласно указанию родителя.

Многие с интересом глядели на могучего мужа в особенной львиной шкуре, с луком и суковатой дубиной на мощных плечах. Некоторые с удивлением узнавали знаменитого героя в безымянном рабе, другие не узнавали, но все боялись

его купить – слишком гордым и независимым был взгляд синих глаз героя из-под сильно выдавшихся вперед низких сросшихся мохнатых бровей.

349. Гермес продает Геракла Омфале, как безымянного раба

Лидийская царица Омфала, про которую говорили, что она своего никогда не упустит, не обращая внимания на вольный взгляд раба безымянного, заинтересовалась его мощной фигурой. Она и сама была немало для женщины роста, с пышной грудью и с крутыми, но еще стройными бедрами.

Залюбовалась могучим телом Геракла и, подойдя к нему вплотную, красивая молодая вдова местного бога горы Тмола бесцеремонно стала ощупывать его крепкие мышцы рук, прекрасные бедра и упругие ягодицы. Глядя на грудные мышцы Геракла, лежавшие на выпуклой широченной груди двумя мощными плитами, царица стала даже быстро и не ровно дышать.

– Ты обещаешь быть честным человеком и прилежно выполнять все, что я прикажу, если я тебя куплю?

Игриво спросила Омфала у Геракла, покачивая роскошными бедрами и продолжая по-хозяйски щупать и мять его тело под желтой шкурой Немейского зверя.

– Я останусь порядочным человеком, даже, если ты меня не купишь.

Угрюмо ответил могучий герой, полный мыслей тоскливых, ведь не о такой свободе он мечтал долгих 12 лет. Ге-

ракл покорно позволял Омфале себя щупать везде, даже под повязкой набедренной и, насупив и без того низкие брови, так разговаривал со своим настрадавшимся в Эврисфеевом рабстве сердцем:

– Должно быть это и есть та Лидиянка, о которой Пифия говорила. Видно, мне предстоит на 3 года стать мальчиком, продающим свое тело в позорный разврат. Боги, что вытворяете вы с великим героем?! Если б мне кто раньше сказал, что я безропотно такое делать с собою позволю, того я его тут же на месте убил бы, и не милые братья, не любимые сестры бездыханный труп его с плачем огню, предавали б, а бездомные псы зубами терзали б его, и хищные птицы – долго клевали бы непогребенное тело. А теперь с благодарностью вспоминаю друга любимого Аполлона за то, что не отправил меня к Эврисфею и этой сучке, текущей от похоти, делать с собою все позволяю.

– И рабской речи доблесть бог бессмертный дарует. Эти слова – хоть и раба, но достойны свободного гражданина. Я его беру, осталось обсудить лишь цену.

Сказала Омфала, сверкнув блестящими зубами с большой щербинкой по самому центру. Цены на рабов в этот год колебались от 1 до 10 мин, в зависимости от их возраста, пола и способностей. Редко, когда платили больше; говорят, богач Никий купил хорошего приказчика на свои огромные рудники за 1 талант, и это была огромная сумма.

Гермес, ветку лавровую слегка омочив, тут же окропил Ге-

раклу русые завитушки волос потому, что он должен был перейти к новым хозяевам после продажи. Затем вестник Зевеса ласково обнял царицу за плечи и стал нашептывать ей на ухо голосом привычным к лганью сушую правду:

– Бог я бессмертный, красотка, к тебе снизошедший с Олимпа. Знай, пред тобою – Гермес! Продать этого раба безымянного я Судьбой к тебе послан...

Омфала слушала молча и только однажды спросила:

– А зачем ему эта шкура, дубина и лук?

– Их, не снимая носить, ему многолетняя повелевает привычка.

После этого Лидиянка, то ли заинтересовавшаяся хитрыми речами бога прибыльной торговли, то ли восхищенная прекрасным телом Геракла, совсем не торгуясь, купила его за целых 3 серебряных таланта.

После этой сделки Гермеса, проявившего на невольничьем рынке большую смекалку и ловкость при продаже Геракла, назвали Ктаросом (прибыльный) и Агореем (Покровитель рынков). Вырученные от продажи деньги Гермес передал сиротам Ифита, однако Эврит запретил своим внукам принимать любую виру, заявив, что за пролитую кровь можно отплатить только кровью.

Геракл, узнав, что Эврит отказался от виры, впал в неистовый гнев и так потом, уже после рабства, говорил Иолаю:

– Дикую ярость в сердце имеет, духом надменный Эврит, он дружбы прежней, какую столько лет мы с ним дружили,

больше знать не желает. Жалости нет в нем ни к себе, ни к другим! Ведь даже и брат за убитого брата вознаграждение берет, и отец за погибшего сына! И убийца дальше спокойно живет, заплатив родным, сколько нужно. Виру же взявший, и мстительный дух свой, и гордое сердце, – все укрощает. Его же гордыню бессмертные боги сделали мстительной всякого выше предела и злобной, – и все только из-за ревности к славе лучшего в Элладе стрелка!

350. Рабские дни, полные удовольствий

Говорят, что сын щитодробителя Ареса и речной нимфы Теогоны Тмол был очень похотлив. Однажды, охотясь на горе Карманорий, он влюбился в Арсиппу, спутницу Медвежьей богини, которая, как и ее госпожа была дево́й безбрачной. Когда Арсиппа, изнемогшая от постоянных преследований Тмола, укрылась в храме Артемиды, бог горы, изнасиловал ее прямо на алтаре. Девушка повесилась, перед смертью сообщив Агротере, что она не виновна в осквернении священного места, и богиня диких зверей выпустила грозного мстителя в образе свирепого остророгого быка, который растерзал нечестивца Тмола на склоне горы.

Царица Омфала, как и погибший муж Тмол, была ненасытна в делах Афродиты. Не зря она носила имя Омфала (пуп), ибо в то время считалось, что именно в пупке женщины сосредоточена вся женская страстность. Царица с похотливым именем и почти таким же крошечным, как пупок, ртом с небольшими пухлыми губками, купила Геракла только за тем, чтобы обзавестись неутомимым любовником с телом могучим.

Когда Омфала жила, как супруга с полубогом Гераклом, ее впоследствии люди стали считать тоже полубогиней, наполовину воинственного, наполовину женственного харак-

тера, покровительницей плотских утех и представительницей женской производительности. Ее отождествляли иногда с финикийской Астартой или даже с Афродитой-Пандемос.

Сластолюбивая Лидиянка была совсем не ревнива, даже наоборот, и когда она на поздних сроках беременности и сразу после родов не могла предаваться неистовой любви с могучим во всем новым невольником, она, как госпожа, приказывала безымянному рабу своему:

– Ты не ленись, мой раб безымянный, и меня совсем не стыдись, смело иди по пути к любовному ложу, на котором больше всего женских добыч! Стыд – лишь досадная помеха в любви, и мне он лишь в тягость. Наслаждайся беспечно самой сладострастной любовью при мне с моими распутными служанками – девками, ведь от тебя ничего не убудет, а от них еще и прибудет, и я, раз сейчас не могу с тобой сопрягаться, хоть какое-нибудь удовольствие испытаю, даром не тратя ни дня.

Во дворце Омфалы постоянно находилось 50 служанок и столько же женщин-невольниц, и почти все молодые из них стали любовницами Геракла. Юная служанка по имени Малида, сначала родившая от Геракла трех девочек, а потом родившая Клеолая и Алкея, основавших лидийскую династию царей, которую Крез изгнал с сардского трона, так часто о царице своей говорила:

– Любимая наша хозяйка Омфала всегда услаждалась, созерцая, как могучий Геракл сочетается со служанками бла-

женно любовью и ложем и умилялась так же от того, что подвластного ей народа в стране от этого становится больше. Одна я принесла подвластному ей народу трех девочек и двух мальчиков за три года.

Геракл уже не считал, что его продали в позорный разврат, на лице его мужественном всегда было теперь написано удовольствие, но конечно, не от того, что рабство ему очень приятно, а потому, что вся прежняя все сокрушающая сила и безупречное здоровье, которое, когда оно есть, не замечаешь, вернулось.

Впервые в своей нелегкой жизни герой поклонялся Афродите – Дарцетос – (покровительница праздной лени).

Говорят, так милоулыбчивую богиню стали звать после того, как она неудачно попыталась овладеть нелегким искусством Паллады и завела себе сразу и прялку, и кудель, и челнок. Зевса мудрая и воинственная дочь язвительно пристыдила Киприду перед насельниками Олимпа, а Зевсу сказала:

– Сколь же твои приношенья изменчивы, Зевс поднебесный! Дара уж я не имею, что сами Мойры мне присудили, ведь ткацким ремеслом обладать пожелала ныне твоя любимица Афродита! На меня, деву ей неподвластную, с рожденья владеющую бранным доспехом и в ремеслах искусную, покусилась ключница спален, богиня изнеженная! Но разве сумеет своды Олимпа в битве защитить Киферея? А кого из Гигантов своим Поясом дивным Афродита сразила? Вынесла я с ними со всеми и с незаконным Тифоном сраженье

ужасное – она же меня теперь оскорбляет!

Потом Паллада в неистовом гневе и кипридину прялку разбила своим могучим копьём. С тех пор больше богиня красоты и любви никогда не прикасалась ни к какой работе, став Афродитой – Дарцетос.

Афина и Афродита всегда враждовали друг с другом, но со временем научились скрывать взаимную нелюбовь, хотя порой злобность Афины прорывалась наружу. В рукопашной битве богов, описанной в «Илиаде», Афина, догнав Афродиту, ударила сильной рукою ее в нежную грудь. Ослабели мгновенно у той и колени, и сердце. Оба с Аресом лежали они на земле многодарной. Афина же, хвалясь перед ними, сказала ехидное слово:

– Вот если б все из богов, что ныне стоят за троянцев, были, на бой выходя против меднооружных ахейцев, столь же отважны и стойки, какой была Афродита, здесь против силы моей за Ареса пришедшая биться, – о, уж давно бы тогда мы покончили с этой войною и, разрушенью предав прекрасно построенный город, спалили б его!

351. Постыдная молва о пребывании Герakла в рабстве у Омфалы

Геракл, радуясь, как ребенок, своему по-прежнему мощному телу и крепкому духу, позволял Омфале все. Когда, дурачась, она наряжалась в его львиную шкуру, то он со снисходительным смехом одевал ее пестроцветастые, как у гетеры, роскошные платья, хоть они трещали часто не только по швам, но и везде рвались при этом. Он так же и в детских забавах находил отдохновение от своих прежних изнурительных и опасных трудов, охотно дурачась и играя с детьми.

Согласно Вергилию, зла проворней Молвы не найти на свете иного: крепнет в движенье она, набирает силы в полете, жметя робко сперва, но потом вырастает до неба, ходит сама по земле, голова же прячется в тучах.

Овидий поет, что есть между морем, сушей и небом, некое место, где все голоса человеческих ушей достигают. Там госпожою – Молва, избравшая себе дом на вершине; входов устроила там без числа и в нем нигде не замкнула прохода дверями. Ночью и днем дом тот для разных слухов открыт, – и весь он ими гудит, разнося звук всякий и все на разные лады повторяя. Нет тишины в нем нигде, нигде нет покоя, все же и крика там нет, – лишь негромкий слышится шепот. Смешаны с верными, там носятся тысячи слухов; делиться спешат они с другими неверными новостями, уши людские пустой

болтовней наполняют. При переносе вестей разрастается мера неправды; каждый, услышав, еще от себя прибавляет.

Легендарный рапсод Гесиод поет, что скверная Слава незаметно приходит, поднять ее человеку легко, но нести ох, как тяжело и сбросить не просто. И никогда сама по себе не исчезнет бесследно молва, что в народе о ком-нибудь ходит, и Молва ведь богиня.

Кто-то однажды узнал в безымянном рабе лидийской царицы знаменитейшего героя Эллады. Вскоре Грецию, как стаи бесчисленных птиц перелетных, что по воздуху носятся взад и вперед и с криком на землю садятся, облетели поразительные вести о том, что могучий Геракл расстался со своей знаменитой каменной шкурой и прославленной дубиной, осененной красою дикой оливы. Теперь вместо них он носит сверкающие ожерелья на своей бычьей шее, золотые браслеты на мощных волосатых руках и ногах, женский тюрбан на кудрявой небольшой голове и пояс цветастый на все больше полнеющей талии.

Говорили даже, что бывший истребитель чудовищ часто сидит в окружении распутных ионийских красавиц, смиренно расчесывает шерсть и ткёт полотно, испуганно вздрагивая при строгом окрике хозяйки. Будто бы она даже била его по рукам своей позолоченной туфелькой, когда его неловкие огромные пальцы ломали хрупкое веретено. Еще царица его заставляла петь. То был какой-то хриплый лай... При этом он даже не испытывал никакого стыда потому, что за 12 лет

привык быть рабом, а теперь все это ему даже нравилось.

По поводу битья и окриков, Иолай, лучше всех знавший Геракла и свято почитавший правдивость, так безоговорочно утверждал:

– Дядя любимый мой, муж всесокрушающей мощи, гордости благородной всегда был не только не чужд, но порой бывал даже излишне высокомерен и потому не позволил бы никогда никому, даже мне, и уж, конечно, какой-то Омфале, безнаказанно ударить себя и тем более бить, пусть даже золоченой туфелькой. Ведь все знают как страшен и не обуздан Геракл во гневе, ибо свое бешенство героя он не умеет унять, а рука у него – очень тяжелая! Еще будучи отроком, он учителя Лина убил за то, что тот палкой ударил его по руке... Я думаю, что дядя, находясь в рабстве, в окружении женщин мог расчесывать шерсть или ткать полотно только в шутку, например, в виде особой любовной игры; в какие только игры мы с ним не играли! Помню однажды, выпив немало вина в невинной игре я был великим героем, а он – отроком, влюбленным в героя... Но и в игре, я уверен, никто в здравом уме и в не поврежденном болезнью рассудке не сможет представить себе великого героя Геракла, испуганно вздрагивающего при чьем-нибудь окрике строгом... На такую постыдную роль дядя мой даже ради шутки и то не способен. Я думаю, что такой позорной для него славой любимый мой дядя обязан злопамятству похотливого Пана.

352. Пан

Однажды в теплый летний вечер, когда утомленные любовной страстью Геракл и Омфала неторопливо шли к виноградникам Тмола их увидал с ближней горы сам Пан (все) – веселый сын бога Гермеса и юной дочери Дриопа.

Красавица нимфа Дриопа, пастушка прекрасноволосая и стройная, как Артемида, родила Киллению сына, совсем необычной для богов наружности, напоминавшего скорее чудище с виду. Станный вид малютки объясняется тем, что Гермес, не желая, чтобы его узнали овладел ею в образе барана и сделал это в хлеву, подстелив тонкорунные шкуры убитых баранов и благодетельно усыпив деву своим жезлом.

Геродот говорит, что эллины считают Пана сыном Гермеса и супруги Одиссея Пенелопы. Согласно же Цицерону, Пенелопа, которую принято считать образцом супружеской верности, соединилась с Гермесом и стала матерью Пана, а поскольку незадолго перед этим она делила ложе поочередно со всеми ста с лишнем женихами, то от этих многочисленных связей внешность сына получилась на редкость уродливой.

Уже при рождении был Пан с рожками и с козлиной бородкой, с ногами и руками, покрытыми густой шерстью, крикливый, шумный, смешливый. Ахнула мать, увидев страшного такого ребенка и тут же, детку отбросив, убе-

жала куда глядели глаза, в неопиcуемый ужас придя от его безобразного вида. Гермес же заботливо принял сыночка на руки и с ним на крылатых талариях устремился на блистающие выси Олимпа, где построены чертоги блаженных бессмертных, милого сына укутав мягкой шкурой пушистою горного зайца. Сел вестник Зевса во время ежедневного пира перед Кронидом меж другими богами и, открыв заячью шкуру, показал сначала родителю, а потом и всем остальным свое дитя от Дриопы. Покатились со смеху боги, как малые дети, всех необычный порадовал мальчик, – и назвали его по предложению Зевса Паном.

В удел внуку Пану Зевс отдал дикие скалы и горы, луга и леса и, пасеки и пастбища, на которых паслись овечьи и козы стада. Пан опекал стада, как Номий и пасеки, как Мелисей, участвовал в забавах горных нимф и лесных сатиров, давал счастье охотникам, как Агрый и покровительствовал рыболовам.

Был Пан с самого рождения так похотлив, что преследовал своими домогательствами даже пастухов, которым приходилось спасаться от него бегством. Иногда любовная неразборчивость Пана заходила еще дальше так, что опасности подвергались не только пастухи, но даже и стада овечьи и козы. Однако больше всего бог деревенский любил отдать должное волшебному напитку гроздолюбивого Вакха и потом весело погоняться за юными нимфами. Он был добродушен и очень ленив и обожал послеобеденный сон. Хоро-

шо выпавшись, тихими вечерами берет Пан изобретенную им свирель тростниковую, одиноко садится и начинает так сладко играть, что к нему со всех сторон сбегаются горные нимфы и, заведя хоровод, без устали пляшут, и далеко по вершинам разносится горное эхо.

Музыка стала настоящей страстью красы наяд голосистого хора, и однажды ниже напевов своих он оценил Аполлоново пенье и вышел на неравный с ним бой музыкальный, а Тмол, муж Омфалы, единодушно был избран судьей. Пан на сельской свирели варварской песней своей одного лишь Мидаса, как своего друга, прельстил. Феб, с золотой головой, увенчанной лавром парнасским, лиру лишь небрежно поддерживал, рука сама струны щипала. Вот Феб потревожил струны искусным перстом и, сладостью их покоренный, Тмол порешил, чтоб Пан не равнял своей дудки с кифарой. Суд священной горы и решенье были одобрены были всеми, кроме Мидаса. И разгневанный Делиец терпеть не изволил, он схватил Мидаса за уши и поднял вверх так, что уши у царя растянулись и стали, как у осла-тихохода. Верный дружбе Пан, бросился на выручку Мидасу и, повиснув на Аполлоне, ударил своими рогами по затылку бога, и тот выпустил царя, но только затем, чтобы схватить свой лук. Бог-аристократ не мог опуститься до драки без правил с богом-плебеем. Пан неистово завопил, но панический крик не напугал Аполлона, и золотая губительная стрела нашла затылок деревенского бога, пробила его мозг, и он заснул на долгое время. Апол-

лон, как Пеан, исцелил скотского бога, но наконечник стрелы остался у того в голове. Прежде неутомимый бог пастухов и скотоводов теперь каждый летний день к полудню, когда становится особенно жарко ложится отдыхать из-за того наконечника стрелы Феба, и очень злится и мстит всем, кто мешает ему спать.

353. Пан влюбляется в Омфалу

Однажды в мохнатой груди Пана бурное сердце беспокойно забилося, и не было силы справиться с ним! Внезапно вспыхнула ярая страсть, светочем ярким, раздутым Пафийской с малой искры, зажженной факелом крошки Эрота, когда Пан увидел царицу Омфалу. И, несмотря на жару, послеобеденному сну бог козлоногий решил сегодня не поддаваться.

Возгоревшись страстью любовной к прекрасной, как богиня, Омфале, Пан – Нимфагет знаменитый, любимец наяд, потрясая козлиной своей бородой необычного пепельно – белого цвета, отказался от послеобеденного сна и весело закричал на весь лес голосом зычным:

– Эй вы нимфы-плясуньи! Послушайте Пана! Сегодня спать я не буду, но вы ко мне гурьбой не сбегайтесь, ныне у меня с вами никаких ни хороводов, ни песен не будет! Будет молчать в этот вечер моя тростниковая флейта, не будет петь она звонких песен. Мне, невесты мои беззаботные, сейчас совсем не до вас. Опустошил Эрот колчан свой для меня, весь до последней стрелы и теперь жжет жарким пламенем факела. Влюбился я в красавицу Омфалу, прелестную Тмола вдову, и одну ее теперь пламенно буду любить.

Ничего не подозревавшая Мэонийка, шла в это время по цветущему лугу почти обнаженная, кудри благовонные

с полных плеч распутив на пышные груди. Зонтик золотистый защищал нежную кожу царицы от палящего солнца, а держал этот зонт ее возлюбленный раб – многомогущий Геракл с ликом, как всегда, очень серьезным.

Пан, рогатый хозяин сельских пристанищ, не мог похотливых глаз оторвать от лидийской царицы, от ее длинных пушистых волос, источавших аромат лесных благовоний и волнами ниспадавших на дивные обнаженные плечи. Он, громко чмокая своими толстыми козлиными губами, истово восхищался:

– Как хороша эта Лидиянка! Какие у нее округлые бедра, как бы я хотел сейчас оказаться хоть ненадолго меж ними! Как восхитительны ее груди пышные и тугие, алые бутоны которых, вздернутые кверху задорно, так и манят к себе мои жаждающие пересохшие губы.

Жизнелюбивого парня с рожками и копытцами, всюду шерстью покрытого, вид могучего Геракла очень пугал, но он, одержимый Пафийкой, отчаянный страх преодолевая, так решил сам для себя:

– Ради обладанья такой красавицей, как Омфала можно и рискнуть, а, чтоб риск был не велик, надо ночью к ней мне явиться, когда всю природу дремота сладкая объемлет, и этот устрашающий своим видом муж многомогущий, одетый в львиную шкуру, спать будет крепко, в сладостный сон до утра погрузившись. И будет Пану в удовлетворении его жарко пылающей страсти сегодня ночью большая удача!

А чтобы удача была более верной, готовясь к встрече с Омфалой, Пан за любовное наслаждение решил подарить ей немалую часть своего стада белоснежных ягнят. Ведь некогда редкостным белым руном он сумел обольстить прелестную юным видом Селену, в лес густой заманив, – и просящего ласк она не отвергла, а это время добрая Тучка – Нефела прикрывала собой отсутствующую на небе Луну.

– Не меньше ласк, чем Селена, должна прекрасная Мэонийка сегодня ночью мне подарить, если только увидит моих дивных белоснежных ягнят.

Так мечтал Пан роголобий, предвкушая наслаждение от обладанья Омфалой.

354. Геракл и Омфала, поменявшись одеждой, развлекаются новой игрой

Когда к Вакховой роще в сопровождение Геракла подошла Омфала, к виноградникам Тмола уж на темном коне светоч золотой Афродиты Геспер росистый неслышно скакал. Не далеко от пещеры паслись невесть откуда взявшиеся несколько белоснежных ягнят под надзором сатира, но не заметили их ни проголодавшийся во время дальней прогулки Геракл, ни вечно изголодавшаяся по играм и ласкам любовным Омфала.

Войдя в пещеру, у которой журчал весело свежий источник, раб и царица утолили голод приготовленным слугами жаренным мясом и жажду – вином в мехах, выставленным на скатерть, словно к пышному пиру. Насытившись и слегка охмелев, изобретательная в любовных утехах царица решила развлечься придуманной ею недавно новой игрой. Она с загадочной улыбкой, обнажившей редкие, особенно в середине блестящие белые зубы, похотливо предложила Гераклу:

– Милый, давай мы с тобой не просто поменяемся нашей одеждой, как делали уж не раз, а насладимся еще необычной любовной игрой. Уж не жгут так сильно, как в наши первые бурные ночи мое женское сердце обычные стрелы Эроta, прямо летящие в мою грудь под узорчатой женской этой одеждой. Но я не просто хочу скинуть расшитый цветами

подол и предстать пред тобой обнаженной, ведь я это делаю часто. Сейчас я желаю свое платье на тебя натянуть, а сама хочу на голое тело надеть твою львиную шкуру. В этой одежде я буду сильным мужчиной, а ты – податливой женщиной слабой. Так еще мы с тобой не любили друг друга, и новизна нам доставит сладостных любовных восторгов немало!

Разомлевшему от жары и вынужденного безделья Гераклу ничего не оставалось, как молча согласиться со своей госпожой и с ней поменяться одеждой. В платье свое, не спеша, снаряжать стала Омфала Алкида. Вскоре был облачен могучий герой в женское платье, и пояс надел царицы своей, хоть не по его сильно раздавшемуся в рабстве животу была эта повязка. Кое-как надетая туника везде жала сначала и потом тут же рвалась на выпуклых мышцах атлета, но все терпел добродушно отпрыск Зевеса, светло улыбаясь голубыми глазами. Так сильные люди часто терпят проделки шаловливых детей.

Царице же досталась золотистая шкура Немейского зверя, которую она, хоть с трудом, но подняла и на плечи свои положила, львиные лапы под обнаженными полушариями грудей завязав так, чтоб розовые соски, как стрелы Эрота,верху торчали.

Как рассказывают служанки, долго пировали раб и царица, а после того, как утолили голод и жажду, они вождедение утолили, но не так, как обычно совсем обнаженными, а в одеждах чужих. Омфала, как похотливый мужчина, сначала

непристойно приставала к Гераклу в женской одежде. Она с криком хватала его за самые чувственные места под узорчатым цветастым подолом, а потом и вовсе сверху, подпрыгивая, долго, согнув колени, на нем сидела, а затем возлежала. Когда же довольная Лидийка устала играть роль мужчины, а могучий Геракл, с непривычки утомился быть женщиной, они, изнуренные так, что не было у них сил раздеться, заснули порознь, каждый на своем ложе, по-прежнему в одежде чужой.

В это время утомленный Титан главу лучезарную спрятал в вечно шумящее море, чернокрылая Нюкта же свою главу, увенчанную астр серебряным изобильем, подняла, торопя уходить розоперстую Эос. Скованная сладостной дремой, вся природа в утомлении застыла. Эос весь мир от светоносного Феба приняла в розовые свои ладони и черной Ночи, любящей тишину и сон безмятежный, бережно передала. Вскоре чернеющие холмы и затихшие без дыхания ветра дубравы озарились серебряным светом одинокого ока Селены – Луны.

355. Почему Пан любит только голый народ ^[49]

На что не пойдет неумная похоть, не зря говорят, что сильное желание пуще неволи. В таинственном сумраке, освещенном лишь волшебным сверкающим серебряным глазом ночи, крадучись, бог овечьих и козых пастбищ Пан похотливый к темной пещере тихо подкрался и увидел в тусклом свете ущербной луны, что снаружи спит опьяненная царская свита. Бог, исполненный вожделенья и пыла, понадеялся тут, что пленившая его царица с любовником – могучим рабом, утомившись, тоже спит беспробудно.

Вот тихо пробрался в темную пещеру дерзкий влюбленный, и, пытаясь очень быть осторожным, дрожащими руками нащупает в непроницаемой темноте, что находится впереди. Оказавшись на ближней постели и, дотронувшись до щетинистой львиной шкуры, Пан весь обомлел и руку тут же отдернул. Прокравшись к соседнему ложу, он нащупал мягкую женскую одежду, и эта нежная мягкость его подвела. Бесшумно влезает, от нетерпенья дрожа, Пан на эту постель и потихоньку расправляет на ней свое волосатое козлиное тело. Затем задирает он тонкую тунику с лежащего тела, но оказавшиеся под ней необычно для женщины крепкие волосатые бедра, не насторожили распаленного Пана, и дальше

полез он трепетавшими от бешеной страсти руками. И вот уж ему кажется, что держит он сонную Омфалу в своих жарких объятьях, – но не женский стан он обнимал.

Такое однажды у Пана с дочкой речного бога Ладона Сирингой (свирель) случилось. Не была Сиринга, как многие ее сестры, похотливой и потому часто спасалась она от сатиров, за нею бегущих, и от различных богов, что в тенистом лесу обитают и в полях плодородных. Сиринга так же отвергла все уговоры похотливого Пана, и, как Питис бежала, что было сил, к тихой реке, к отцу своему Потаму Ладону. Когда ее бег прегражден был водою, в тростник себя превратить она сестриц водяных попросила, и Пан тогда вместо юного тела наяды, страстно болотный тростник обнимал. Как же он вздыхал и страдал, а потом тростника обломки собрал, словно то были части желанного тела Сиринги, и, сжав их в руках, стал осыпать страстными поцелуями. Совсем от любви обезумев, он тростник целовал, издавая пылкие вздохи и вдувал их в полые тростниковые трубки, и его дыхание в этих трубках породило прекрасную музыку. Так и появилась сиринга – флейта пастушья, а вестница утренней зари юная нимфа Сиринга превратилась в благоухающий куст сирени с нежными красновато-лиловыми маленькими лепестками.

Тут Геракл от страстных прикосновений Пана проснулся и небрежным ударом сбросил его с постели, и с оглушительным грохотом упал бог рогатый с ложа высокого вниз. Тут снаружи рабы всполошились, напуганная царица-лидиянка

властно потребовала света, и вот когда яркие факела осветили пещеру, все увидели и услышали Пана от неодолимого страха дрожащего и от боли истошно вопящего. Расхохотался громогласно Геракл, увидев, кто и зачем к нему на ложе забрался, рассмеялась не менее громко и та, ради которой явился бог козлоногий.

Одеждой в непроницаемой в пещере тьме обманутый бог дикой природы с тех пор невзлюбил всякие платья, вот и зовет он теперь к своему празднеству только совершенно голый народ. Именно злопамятный Нимфагет, мстительный любимец наяд, отомстил Гераклу, распространив про него ложный слух, что прославленный герой, которого в Элладе все считают великим во всем, находясь в рабстве, обменивается со своей госпожой одеждой, находя в этом особое, извращенное удовольствие.

356. Керкопы

В эти три года приятного рабства у лидийской царицы Омфалы Геракл не только героически воевал на ее ложе и доблестно бился не только в постелях таких же похотливых, как госпожа, ее подруг и служанок. Праздность трудно герою давалась и потому, несмотря на протесты по поводу даже кратких отлучек постоянно одержимой любовью Омфалы, он в это время избавил Малую Азию от многих разбойников и злодеев.

Среди разных деяний, совершенных Гераклом во время второй рабской службы, было пленение чинивших всякие злые каверзы Керкопов (Хвостатые), живших у древнего лидийского города Эфеса, славного знаменитейшим храмом Афродиты – одного из семи чудес света. Это были два брата, два хвостатых карлика, весьма злобных и сведущих в некоторых видах колдовства, например, они умели принимать различные облики.

Люди знали братьев-близнецов, уродливых карликов под разными именами. Одни говорят, что эти отъявленные лгуны и хвостатые обманщики были сыновьями Океана и Тейи.

По лексикону Суды, Керкопы – это сыновья нимфы Мемнотиды от седого титана Океана Пассал (Кол) и Акмон (Наковальня).

Несмотря на свой малый рост, эти Керкопы, очень дерз-

кие духом, занимались самым настоящим разбоем. Они, всюду без цели слоняясь по свету, придумывали все новые козни и обманы.

Говорят, что эти Керкопы не всегда были такими уродцами карликами, но прожженными лжецами и хитрыми обманщиками были всегда. Керкопы обманным путем заставляли путников самих расставаться со своими вещами, вплоть до нижней одежды, а женщин обманами заставляли себе, как мужьям отдаваться.

Повстречав вечером на дороге супружескую пару, готовящуюся заночевать у костра, Пассал узнавал их имена и, хитро отвлекая мужа, уводил его ненадолго под каким-нибудь благовидным предлогом, например, предлагал показать, где много дров для костра. Вскоре перед женой ушедшего мужа появлялся Акмон в одежде при неярком свете костра похожей на одежду супруга и в ночном сумраке представлялся ей ее мужем, по имени ее называл и предлагал заняться любовью. При этом керкоп ловко подражал голосу мужа. В результате такого обмана сначала Акмон незаконно наслаждался любовью и обожанием женщины на разостланном покрывале у догорающего костра, а потом его сменял брат Пассал да так, что отдохавшая от бурных ласк женщина и этой подмены не замечала. После таких подлогов Керкопы очень любили еще представлять перед обманутыми женщинами и мужьями в своем истинном виде и на возмущенную ругань супругов отвечали оглушительным хохотом. Вдоволь нахо-

хотавшись, уже со смехом обычным они говорили, что сам Зевс – самый великий в подлунном мире обманщик точно так овладел Алкменой, и та ему Геракла родила.

Некоторые, как Овидий, говорят, что родитель богов, рассердившись на обманы Керкопов, на коварные их преступления и упоминания о его любовной связи с Алкменой, этих людей превратил в животных уродливых, – чтобы были несхожи они с человеком, но вместе с тем схожи. Размеры он их сократил; опустил и приплюснул им ноздри. Избороздил им кожу лица, стариковские придав морщины и, все тело покрыв им рыжею шерстью, в этих местах поселил. Предварительно речи способность Зевс отнял у их языков: жалобы лишь выражать дозволил им хрипом скрипящим.

Заботливая мать хвостатых карликов Мемнотида (или Тейя), женщина, говорят, уродливая видом, но весьма искусная в прорицаниях, настоятельно советовала своим чадам любимым избегать встречи с Мелампигом (чернозадый):

– Мои маленькие белозадики, старайтесь всегда избегать всяких встреч с Мелампигом. Если же вы все-таки встретитесь когда-нибудь с большим черным задом, тут же бегите от него прочь, как можно скорее!

Эти слова Мемнотиды вошли с тех пор в поговорку, и «черный зад» означает угрозу, а «белый зад» теперь означает трусость и похотливость. Однако Керкопы всегда были самонадеянны и, когда роковая встреча случилась, не послушались мать.

357. Геракл пленяет керкопов, а потом отпускает

Однажды дерзкие карлики увидели Геракла, спящего на любимом тростниковом ложе под одиноким раскидистым платаном, к стволу которого он прислонил нестроганую дубину, а на высокую ветку повесил свой лук и тул со стрелами. В этом месте легкому дыханию ветра открытом, его освежающий сон охватил, разрешающий все скорби духа, сладкий, глубокий: очень утомил он свои блестящие члены на рабской службе похотливой Омфалы.

Карлики стали хриплыми скрипящими криками и разными непристойными жестами обсуждать, как им завладеть луком и львиной шкурой, и что сделать со спящим Гераклом, при этом они своим отвратительным скрипом и мерзким жужжанием разбудили героя, утомленного изнурительной ночью со страстной в ласках царицей.

Почти проснувшись от жужжания, Геракл в полудреме с неясной унылой тоской вспоминал прерванный сон и с сонной досадой так себе, не открывая глаз, говорил:

– Как этот сон был прекрасен; мне в нем было только 17 лет. О боги, бессмертные! Какое это было огромное счастье! Чудесная молодость вмещает в себя все сокровища мира. Блаженна она потому, что бездумна, беззаботна и малым довольна потому, что сама в себе все заключает, что больше

всего каждому надо. Теперь же, словно раб на галерах, я тружусь на давно опостылевшем ложе Омфалы, и, чтобы по-настоящему отдохнуть, мне приходится чуть ли не убежать в лес или на берег реки. Только здесь, сделав себе одинокое ложе из тростника, я могу отоспаться за многие бессонные ночи, проведенные с царицей уж не молодой, но в любви по-прежнему ненасытной. А теперь и тут нет мне покоя – кто-то мерзко скрипит и жужжит, словно несколько тысяч цикад...

Окончательно проснувшийся герой нехотя приоткрыл глаза и, увидев рыжих братьев керкопов, крепко схватил и, связав тростником, словно кукол, подвесил их вниз головами на длинном шесте, который сделал из толстой ветки платана. Когда Геракл, взвалив другой конец шеста на плечо, понес керкопов показать лидийской царице, братья узрели ягоды героя в задравшейся шкуре Немейского льва. Эти ягоды, прожженные солнцем ливийских пустынь и огненным дыханием Какоса так загорели, что стали похожи на шкуру черного, как безлунная ночь, быка. Правда некоторые говорят, что выпирающая сзади часть тела Геракла густо поросла черными волосами и потому он, повзрослев, всегда был чернозадым.

Братьев керкопы с опозданием вспомнили, что им мать говорила про Меланпига. Однако они не привыкли печалиться и унывать, и к тому же их почему-то очень развеселил черный геракловский зад. Карлики стали хохотать так беспечно и заразительно, что изумленный герой даже оста-

новился, чтобы узнать причину их такой веселости. Когда же он, по их недвусмысленным жестам, понял, что причиной неудержимого смеха стали его черные ягоды, он не смог удержаться от смеха и сам, что в последние годы случалось с ним крайне редко. Геракл, не помнивший, когда он так, веселясь всем сердцем, радостно – беззаботно смеялся, простил братьев, и, взяв с них обещание, прекратить разбой, отпустил их на свободу.

Некоторые говорят, что никогда не унывающие карлики, оставили свои обманы и каверзы, и слово сдержали. Они основали известный город Керкопия, расположенный в Азии, а пещеру Керкопов и скалу под названием «Чернозадая» показывают в Фермопилах.

Другие же уверяют, что братья не смогли свое держать долго слово и вскоре взялись за старое разбойничье ремесло. Геракл снова схватил этих хвостатых разбойников и на сей раз обратил в рабство, передав их Омфале, после чего построил город каменистый Трахин.

Даже будучи рабами, керкопы пытались обмануть самого Зевса, мудростью превосходившего даже рожденную им из головы дочь Афину и ее мать Метиду. За какой-то обман по лексикону Суды Керкопы были превращены Кронидом в камень. Другие говорят, что лидийское племя керкопов, обещало помощь Зевсу в его борьбе с Кроном, но, получив плату, обмануло его. За это он превратил их в обезьян с длинной желтой шерстью и отправил на италийские острова, чтобы

они дразнили заключенных там Гигантов.

358. Нечестивый виноградарь

Другими самыми известными деяниями Геракла, которыми гордилась вся просвещенная Эллада, совершенными в то время, когда он находился на рабской службе у царицы Омфалы было убийство злодеев Силея и Литиерса.

В Лидии между Эфесом и Милетом жили два брата Дикей (Справедливый) и Силей (Грабитель). Эти имена, соответствовавшие их характерам, они получили не при рождении, а много позже – от соседей; их настоящих имен не помнит никто, даже они сами.

Силей поклонялся лишь Агафодемону – божеству цветущих полей и виноградников, которому совершали обильные возлияния неразбавленным вином. Завидев идущего мимо его дома незнакомца, он с показным гостеприимством встречал его и радушно приглашал к себе в гости такими словами:

– Радуйся, странник! Войди в дом мой гостеприимный! Мы на славу тебя угостим, а потом уж, вкусной пищей доволь насытившись, ты нам расскажешь, откуда пришел и что здесь тебе нужно, и тогда мы тебе еще и поможем.

Силей во всю пользовался тем, что Зевс не выжиг клейма на подлецах, чтобы в глаза всем бросалось, и многие чужестранцы, обманутые его коварным радушием, попадались в его хитрые сети.

Однажды одному путнику, из приглашенных Силеем, уда-

лось от него убежать, и он потом всем так рассказывал о своем знакомстве с Силеем, едва не закончившемся для него очень печально:

– Когда я проходил мимо его дома, Силей вышел из ворот, словно нарочно меня поджидал, чтоб оказать радушное гостеприимство. Я увидел коренастого мужа, с широкими плечами и бедрами, но не толстого, с пышными русыми волосами. Его круглое, располагающее к себе доброе лицо с мясистым носом и большими лучистыми глазами портили только разбухшие красновато-синеватые мешки, которые висели под отвислыми нижними веками. Вызывающим доверие голосом, он представился потомственным виноградарем и показал мне свои руки мозолистые от мотыги. Я сразу поверил, что вижу пред собой трудолюбивого селянина, у меня даже ни малейшего подозрения не возникло, что это злодей и разбойник. Все поменялось, как только я оказался за его крепким высоким забором. Вместо того, чтобы дать мне отдохнуть с дальней дороги и угостить меня какой-нибудь пищей, Силей начал пространно со мной говорить, а потом стал надо мной издеваться. Ловко размахивая, как большой игрушкой, огромной мотыгой, он мне негромко, как бы даже сочувствуя, так говорил:

– Ну, что приуныл и молчишь, путник прекрасный, или воды в рот набрал? Не всех боги всем наделяют. Не каждый обладает и красноречьем, и силой, и разумом ясным. С виду иной человек ну просто ничтожен, но слову его божество

придает несказанную прелесть, и всем он внушает восторг, и все смотрят на него, как на бога. С божеством другой совершенно наружностью сходен, красоты ж убогое слово его или молчание, как твое, никакой не имеет. Так и с тобой: наружностью ты вполне на бога похож, высокий, красивый, но разумом скуден.

Вкрадчивый голос Силея изменился внезапно, и он стал пока по-хорошему меня убеждать:

— Глупый совсем ты, чужестранец, иль человек легкомысленный очень, что один в такую опасную дорогу пустился. Ты здесь презренный метек (чужеземец), без роду и племени, ни с кем не знаком, и никто тебе не поможет и даже не подумает, что ты тоже где-то родился и до сих пор жил. Сам ты все хорошо теперь понимаешь и потому слушайся моего каждого слова!

И вдруг его глаза над сизыми мешками только, что сочувственно-добрые стали жесткими и свирепыми, и он заорал:

— Будешь сегодня весь день вскапывать мне виноградник, если не хочешь прямо сейчас с милой жизнью расстаться, в недра земные навечно спустившись! Вот видишь эти ровными рядами через одинаковое расстояние посаженные лозы? Здесь их уже не меньше сотни, и под каждой из них я этой мотыгой закопал живьем лодыря, который ленился работать.

Как я уже сказал, он был очень силен, высокий, широкоплечий, кроме того, у него была большая мотыга, которой он владел очень искусно. Свои слова Силей сопровождал быст-

рым вращением мотыги, было видно, что он ею владеет, лучше, чем спартанский воин своим коротким мечом. Он отобрал у меня все ценное, дал лопату и показал, где копать. Я еще мог полагаться на свою цветущую молодость и на крепкие руки. Человек я не слабый и в трусости не замеченный и потому сказал ему, что работать не буду и попросил, чтобы он открыл мне ворота. Он, как будто ждал этих слов и ручкой мотыги ударил мне по ногам, я упал... долго он меня избивал и своими мозолистыми руками, и, хоть босыми, но крепкими ногами. Я сначала только успевал голову защищать, а потом стал кричать, что буду работать. После этого я целый день работал как раб, хоть все тело болело и ныло. Ночью, глаз ни на миг не сомкнув, я решил, что утром либо убегу, либо погибну, но в постыдное рабство увлечь себя не позволю. И вот ранним утром, когда солнце только всходило, он дал мне лопату, и я начал работать, пока он рядом стоял, но как только он повернулся и пошел от меня, так я его сзади лопатой сильно ударил. Метил в голову, но попал по плечу. Страшно он закричал то ли от гнева, то ли от боли и замахнулся на меня мотыгой, что держал в другой, здоровой руке. Если б я испугался и побежал, то он достал бы меня мотыгой своей, но я сам пошел в наступление и ударил его лопатой по ногам, но опять плохо попал, не ребром, а плашмя. Он все же упал на колени и, опять мотыгой пытался меня зацепить. Тут я не выдержал и со всех ног бросился к закрытым воротам. Никогда так я не прыгал: опершись руками на высокий

черенок от лопаты, я с разгона сумел перебросить себя через ворота высокие. Падая на бок, я сильно ударился, но боли не чувствуя, вскочил и побежал, не разбирая дороги. Я прибежал к каким-то другим неизвестным мне людям и рассказал о Силее, о том, как он меня избил и заставил работать; сказал и о телах сотни путников, закопанных под его лозами. Соседи сначала надо мной посмеялись, а потом сказали:

– Что это, странник несчастный ты говоришь о нашем соседе Силее, с ума ты, видимо спятил или вчера неразбавленного вина перепил! Силей, конечно, грабитель, потому его так и зовут, но он не убийца. Шел бы ты лучше дорогой своей, туда куда шел, пока мы тебя не взяли за руки и не отвели к Силею и не рассказали ему, как лживыми словами его ты порочишь.

Потом я понял, что очень легко отделался потому, что узнал, что в этой области существовал обычай у виноградарей убивать путников в пору виноделия, когда совершался обряд в честь духа Лозы.

359. Геракл убивает Силея

Когда Геракл от одной из новых служанок Омфалы услышал рассказ убежавшего от Силея путника, он ей, красуясь, сказал:

– Я сам разберусь во всем и, если Силей окажется злодеем, то поступлю с ним справедливо. С молодых ногтей мне больше всего ненавистна несправедливость. Приходи милая сегодня вечером, как только все предадутся сну благодатному, ко мне, не пожалеешь. Я тебе расскажу о некоторых своих подвигах и потом мы вместе насладимся сладкими ласками Афродиты Филомедеи, ведь в этом деле должны участвовать двое.

Геракл отпросился на несколько дней у ожидавшей родов Омфалы (в другое время она его не отпустила бы), и сам без лука, без дубины и без львиной шкуры явился к воротам нечестивого виноградаря. Там он, как бы устав с дороги, сел, прислонившись могучей спиной к створке ворот. Ворота от навалившейся тяжести завыли и заскрипели, и тут же открылись и выпустили Силея.

Увидев уставшего Геракла, виноградарь весь просиял, видно очень он обрадовался новому крепкому одинокому путнику. Он, как всегда, с притворным радушием, пригласил сына Алкмены к себе в дом и там, усадив за стол, сам подал ему таз с ручной водой. Силей стоял перед Гераклом

и всем своим видом излучал добродушие и гостеприимство. Геракл внимательно посмотрел в его казавшиеся добрыми глаза и, хмыкнув, стал закатывать рукава для умывания. Тут в лице Силея произошла большая метаморфоза, а в руках оказалась мотыга.

– С виду ты сильный, чужеземец, значит много вскопаешь земли мне. Если вздумаешь со мною бороться, то я тебя искалечу вот этой мотыгой, на цепь посажу, как собаку и потом все равно будешь работать, как раб!

Силей громко кричал и быстро-быстро вертел мотыгу в руках, стараясь Геракла напугать и заставить работать.

Некоторые говорят, что знаменитый герой, не обращая внимания на мотыгу, встал из-за стола и, убив Силея голой рукой, возвратился к Омфале в приятное рабство.

Однако Иолай об этом подвиге, рассказанном ему самим Гераклом, всем поведал иначе:

– Когда мой дядя, любимейший друг мой и великий герой, сел за стол, виноградарь испугался, увидев вблизи его мощное тело, которое светилось не только божественной красотой, но и дышало силой невероятной. Силей тогда предложил дяде достойную плату за работу и даже хотел дать ему одну из мотыг, но Геракл отказался и, демонстрируя трудовое рвение, стал, как бы, по неопытности вырывать виноградные лозы с корнями. Под первой же лозой он обнаружил человеческий череп и белые кости. Поняв, что дальше притворяться нет смысла, Силей с криком накинулся на Геракла

сзади со своей огромной мотыгой, но дядя мой ожидал нападения и легко вырвал эту мотыгу из разбойничьих рук и ею же злодея одним ударом убил. Так мой дядя, величайший в Ойкумене герой явил всему миру истинный образец справедливости, которая из всех человеческих достоинств самая главная, ибо лишь в ней в совокупности заключены все добродетели. Дядя часто мне говорил, что справедливость – это, прежде всего, равенство, и он старался везде его устанавливать, иногда силой, иногда, как с этим виноградарем – личным примером. Ведь он мог прийти к Силею с луком или дубиной, и даже голой рукой он мог легко убить нечестивца-злодея, но он сначала, найдя останки несчастных, убедился в злодействе Силея, потом дождался, когда тот первым на него нападет и только потом его жизни лишил его же оружием – мотыгой.

360. Геракл сочетается с Ксенодикой

(продолжение рассказа Июлая)

Это еще не весь мой рассказ о подвиге моего дяди, справедливо убившем злодея Силея, ведь была у него дочка Ксенодика. О ней многие слышали, но мало кто знает от чего она умерла. Я расскажу то, что дядя мне сам рассказал, ведь у него от меня никаких не было тайн и секретов и лишь позабытые мелочи своими словами дополню.

Когда дядя мой хотел уж покинуть виноградник нечестивца Силея, он вдруг увидел спрятавшуюся за дальней лозой пышнокудрявую деву роста совсем небольшого, но зато очень приятную ликом.

Юной и чистой сияла Ксенодика красотой так скромно и дивно, как при восходе луна серебристая мягко светит в сумраке вечера. Скромной и стыдливой дева с виду была, такие среди женщин подруг себе долго не ищут, не принимают они в хороводах веселых участия в страхе навлечь на себя насмешку завистливых женщин; ведь красота, как известно, внушает женщинам зависть.

Поняв, что она обнаружена, девушка с испуганным криком приподняла подол, обнажив прекрасные бедра, и бросилась бежать, высоко поднимая колени. Дядя мой, хоть телом могуч и молод не слишком, но всегда бегать мог очень быстро, словно эфеб, еще не отягченный годами. Он в несколь-

ко прыжков догнал юницу и, повалив на мягкую землю, стал везде ее щупать и одновременно строго расспрашивать:

– Раз уж ты мне попалась, девица с такими прекрасными бедрами, нежными на ощупь и одновременно такими приятно упругими, расскажи обо всем совершенно правдиво, чтоб знал я: Кто ты такая? Родители кто? Откуда ты родом и почему прячешься здесь, ведь не живешь же ты, я полагаю, здесь, под лозою?

Видно было, что дева от пылких дядиных ласк сначала говорить не могла, она вся выгнулась и застыла, и только когда он перестал ее везде трогать, встрепенулась. Робкое виноватое выражение глаз у нее появилось, как у побитой собаки, виляющей хвостом, и голосом, в котором, как и в глазах, слезы дрожали, она сказала:

– Путник, силой могучий! Ты нечестивого Силея сегодня убил, но на мужа худого ты не походишь, хоть и трогал меня только, что там, где не надо. Все, что ты хочешь узнать, тебе расскажу я без утайки, только умоляю больше меня везде не трогать сильными такими руками. Моя унылая жизнь так несчастливо сложилась, что мать моя умерла очень рано, когда рожала меня, и теперь, лишившись родителя, я – круглая сирота. Знаю я, что мой отец многих путников жизни лишил, заставляя, как рабов, возделывать свой виноградник. Ксенодика имя мое, и я дочерью прихожусь убитому тобой нечестивцу Силею, низкому духом. Вот такую вещь Пряха злополучную мне выпряла Долю.

Так дяде моему Ксенодика отвечала, горячими заливаясь слезами то ли от неожиданного счастья, то ли от внезапно нахлынувшего горя или сразу от того и другого. Девушка ему показалась нисколько не хуже нимфы-невесты, блистающей смуглой прелестью тела. Целомудренной сияла она красотой так чудесно, как серебряными лучами Селена тихо светится в безмолвном сумраке ночи.

Дальше, думаю, случилось обычное дело: пышнокудрявая дева, увидев моего дядю – могучего русоволосого мужа с телом прекрасным и с бездонной в глазах синевой, с первого взгляда влюбилась в него. В дядю не может не влюбиться тот, кто ему понравится самому, я это по себе знаю.

Тут появился Дикей и сказал, что его племянница очень скромна и стыдлива. Всю свою короткую жизнь она прожила в болезненном страхе навлечь на себя гнев непомерный отца, которого она никогда не любила и всегда очень боялась.

После того, как Геракл вместе с Дикеем похоронил Силея, он стал пробовать разные вина, что в большом разнообразии и в огромном количестве были у виноградарей – братьев, и обильные возлияния Зевсу и Дионису продолжались до тех пор, пока опьяненный Дикей на непослушных ногах не ушел почивать.

Дядя мой тоже не трезвый тут же направился к непорочной дочке Силея. Я представляю, как нежное сердце невинной Ксенодики открылось для светлого счастья, милым стыдом осветила она ложе, сладкое для Геракла. Он всю ночь в

упоенье любовном сочетался с Ксенодикой любовью и лаской, а утром, как обычно, ушел.

Для моего дяди с девами сладостной была всегда только первая ночь, он называл ее «ночь тайн» и говорил, что даже в несильной любви должна всегда присутствовать какая-нибудь неизвестность. Да, и Мэонийка его ожидала, при долгом отсутствии она ведь могла его, как беглого раба, объявить в розыск.

361. Смерть Ксенодики

(продолжение рассказа Июлая)

Осиротевшую девушку стал воспитывать ее дядя, справедливый Дикей. Ксенодика ненадолго пережила злодея отца, однако после смерти родителя, она приняла смерть со всем не как Эригона (рожденная утром). Многие путают Ксенодику с Эригоной, и я расскажу подробно о смерти дочери Икария, ведь я был с ней знаком, хоть и не близко.

Однажды Вакх с приветствием вошел в дом старого афинянина Икария, отличавшегося искусством в насаждении растений и неутомимыми плясками. Старец попытался сразу изобразить радушную пляску в честь гостя, а его дочь Эригона (рожденная утром) подала сыр, овощи и напиток из козьего молока. Благодарный Дионис дал гостеприимному старцу лозу и научил выращивать виноград, а потом дал и чашу, сладким наполнив вином, бодрящим и терпким! Когда Икарий собрал первый урожай винограда и сделал вино, он радушно позвал его пробовать соседей – геоморов (земледельцев). Думая, что их позвали ненадолго, лишь для утоления жажды, селяне пришли со своими лопатами и другим инструментом, чтоб без присмотра его не украли. Вино – лучший напиток для смертных, пьющих в меру, не в меру же оно – огромное зло. Чашу за чашу геоморы с песнями пили, и скоро сильно они захмелели. Не знали селяне, что пьющего

вдоволь хмельное вино делает полным безумцем. Поэтому, когда один из крестьян, не удержавшись на ногах, покатился по земле, толпу деревенщин охватило подозрение, что сосед отравить всех их собирался. Один резвый крестьянин в хмелю схватил заступ, другой – серп изоострый, третий вооружился секирой, четвертый камень припрятал, а пятый пастуший посох схватил рукой возмущенной. Икарий не заметил приготовлений пьяных соседей потому, что он, как всегда, выпив в меру вина, выписывал резвую пляску с закрытыми от блаженства глазами. Тут кто-то сбил с ног танцора, по голове ударив лопатой, и вот они уже всем скопом на Икария навалились. Потоки крови, струившиеся из разбитой головы первого в Афинах виноградаря, смешались с вином. Отлетая в крепких объятьях чернокрылого Танатоса в мрачный Аид, душа Икария пискнула, что медосладкий напиток Бромия-гостя стал слишком ей горьким. Убив хозяйна, гости заснули, а пробудившись, убийцы поплакали над мертвым и отнесли его тело в ближайшую рощу, где омыли в источнике и схоронили. Эригона же всю ночь крепко проспала, а утром, нигде отца не найдя, много дней его тщетно искала, пока некий садовник о том злодействе правды всей ей не поведал и не показал могилу убитого старца! Впала дева в безумие скорбное, срезала кудри над милой могилой и слезами оросила хитон и пеплос девичьи... В помрачении ума она подбежала к дереву и, сделав петлю, жизни лишила себя, на ветке высокой повиснув.

Эригона умерла от невыносимого горя после убийства селянами Икария, родителя милого, а Ксенодика – от безысходной тоски не по убитому злодею-отцу, а по покинувшему ее возлюбленному Гераклу.

Дядя рассказывал мне, что он часто вспоминал светящиеся безграничной любовью восторженные глаза на нежном девичьем лице Ксенодики и однажды даже хотел к ней вернуться, чтоб еще одну ночь с ней провести. Однако в это время царица Омфала только, что, оправившись от родов, властно требовала жарких объятий каждый день и страстных ласк каждую ночь. Геракл смог вырваться лишь, когда Омфале пришло время опять рожать. Придя к Дикею, он узнал, что Ксенодика каждый день по много раз его вспоминала и, в конце концов, жить больше не захотела, сначала есть и пить перестала, потом легла и, больше не вставая, умерла от безнадежной любви.

Еще Дикей рассказал о таком же нечестивом, как Силей, земледельце Литиерсе, жившем в Келенах.

362. Нечестивый царь-земледелец

(Рассказ Иолая)

Престарелый Иолай с возрастом стал обожать к месту и не к месту вспоминать своего любимого дядю и рассказывать о нем разные истории так, как будто сам был их свидетелем. Об убийстве Литиерса и обучении любви Дафниса и Талии на Сардинии во время скромного пира своим молодым попутчикам, с которыми он, согласно воле еще живого Геракла, обживал этот остров, так однажды он рассказал: некоторые говорят, фригийский царь Литиерс, незаконнорожденный сын критского царя Миноса, отличался непомерным обжорством, но во всем остальном был похож на Силея. На самом деле и характеры, и внешности, все у них были разное.

Дядя мой мне рассказывал, что, прибыв в Келены, он быстро нашел нечестивого царя-земледельца. Он увидел рыжеволосого мужа, высокого, жилистого, с узкими плечами и с большими широкими ладонями. Обхождением же Силей и Литиерс действительно были похожи. Фригиец тоже с притворно – радушной улыбкой на скуластом загорелом лице с желтыми веснушками зазывал к себе во дворец проходивших мимо одиноких странников.

В древности обычаи гостеприимства были развиты так широко, что, отправляясь в чужие земли, путешественник мог быть уверен в том, что встретит там дружеский при-

ем. Кроме того, люди помнили о Зевсе Ксении, покровителе гостеприимства, который требовал радушного обращения с чужеземцами и гостеприимства, обязательного после захода солнца.

Потому странники сразу соглашались на предложение царственного фригийца. Заперев за очередным доверчивым путником высокие и крепкие ворота, он сбрасывал личину гостеприимства и сразу заставлял его соревноваться с ним в уборке урожая, а если урожай еще не поспел, то вызывал его на состязанье в косьбе сорной травы.

Когда его работники – гости от него отставали, он возвращался, чтобы их подогнать несколькими ударами бича. Победить же Фригийца было никак невозможно – несмотря на не широкие плечи, он отличался большой силой и всю многотрудную жизнь проработал в поле, а царем ему просто нравилось себя называть. Он даже пахать мог без быка, влача целый день небольшой плуг на себе.

Вечером, честно выиграв соревнование, Литиерс одевал на ноги проигравшего работник оковы на длинной цепи, чтобы тот не мог убежать. Если же путник отказывался на него работать, то он отрубал несчастному голову, и прятал ее вместе с обезглавленным телом в огромный сноп, распевая при этом печальные фригийские песни, а сам себе под нос приговаривал:

– Как жаль мне этих путников убивать, ведь каждый из них мог бы еще много работать, но лень вперед его родилась.

Томная лень, неумеренный сон, пока не проснешься, кости для праздной игры, хмель, разымающий голову утром, вот что из нашего тела умеет высасывать силу и дух ослаблять! Однако, как ни жалею этих лентяев, но объявленный договор необходимо соблюдать во имя Правды святой, ведь не лишено справедливости трудолюбивое сердце мое.

363. Геракл убивает Литиерса и узнает о Дафнисе и Талии

(продолжение рассказа Иолая)

Первое, что услышал мой дядя, как только Литиерс запер за ним ворота, это были слова договора, который царь-земледелец сам придумал и считал образцом справедливости:

– Хочешь – не хочешь, путник любезный, но будет справедливым для нас договором то, что я тебе сейчас возглашу: будем мы соревноваться с тобой на равных в обычной сельской работе. Если обгонишь меня в уборке поспевшего урожая, то я вечером пир в твою честь пышный устрою и вкусно тебя накормлю, а утром ты волен отправиться куда хочешь. Если ж уверенная победа будет за мной, то придется тебе поучиться трудиться и пока не научишься будешь у меня все время прилежно работать. Очень я лодырей не люблю, которые есть-пить все время готовы, а работать за них другие должны. Ведь это очень несправедливо! Если же, справедливости вопреки, договор ты нарушишь и отрабатывать проигрыш не захочешь, то я тебе голову отрублю вот этим острым серпом, и каждый скажет, что это справедливо. Так, что уж, будь добр, не ленись, если еще хочешь пожить и путь свой дальше продолжить, уж пожалуйста постарайся!

По дороге к Литиерсу мой дядя узнал о прекрасном юном пастухе Дафнисе, влюбленном в юную нимфу, носящую имя

Талии (проворство) – Музы, наполняющей сердце смехом, хотя некоторые называют ее и Пимплеей, и Хлоей. Тафоские пираты похитили Талию и продали Литиерсу в дом.

Юноша с нежной душой так мучался, обливался слезами и руки заламывал без своей Талии, что плакали горько вместе с ним прежде свирепые звери, а стадо коров, которое он пас, его горестным провожало мычаньем. Дафнис долго искал свою возлюбленную и когда нашел среди рабынь фригийского царя Литиерса, чтобы быть с нею рядом, добровольно стал его рабом.

Пораженный и восхищенный такой беззаветной любовью Дафниса, дядя мой, величайший герой, благодетель многих людей, решил спасти его и Талию во что бы то ни стало. Он сам явился во дворец Литиерса, причем без дубины и лука (!), как простой путник, и хоть он был сильно уставший с дороги, не стал отказываться от соревнования в жатве.

Некоторые говорят, что мой дядя – великий герой, цвет наилучший Эллады, честно победил царя-нечестивца, и согласно их договору, в полном соответствии со справедливостью, снес ему его же серпом голову с плеч.

К сожалению, я должен признаться, святой истины ради, что на этот раз все было не так показательно справедливо, как в случае с виноградарем нечестивым Силеем. Теперь, когда дяди больше нет, хоть думаю, что он бы меня одобрил, я могу рассказать всю правду.

Непривычный к изматывающему крестьянскому труду,

дядя дневное соревнование проиграл, но договор соблюдать отказался и не позволил в оковах себя на цепь посадить, при этом вел себя, нарочно, вызываяще дерзко. Когда же разъяренный нарушением договора Литиерс накинулся на него с огромным серпом, он бросил в него свою львиную шкуру, сбил с ног и убил ударом кулака в висок.

Дядя мой не стал распевать песен печальных потому, что не причислял себя к числу тех счастливцев, которым Музы, Кронидовы дщери, так оросили язык многосладкой росой, что мелодии приятные с уст его льются. Прятать тело и голову нечестивого селянина в сноп Геракл тоже не стал, испытывая отвращение, он выбросил их в глубокопучинный Менаандр, протекавший неподалеку.

В это время уже не первый день продолжала горько рыдать безутешная Талия, узнавшая, что Дафнис ради нее продан в рабство Литиерсу. От бледного страха она вся трепетала, как лань молодая, которая, спрятавшись в чаще леса густого, до дрожи напугана приближающимся хриплым лаем собачьим. Так наболевшее сердце дрожало у Талии, девы невинной, от гнетущего страха за любимого Дафниса, очень боялась она, как бы Литиерс его не убил.

364. Геракл обучает любви Дафниса и Талию

(продолжение рассказа Иолая)

Дядя мой сразу после убийства Литиерса нашел Талию среди рабынь и, взяв ее, всю дрожащую, за руку, привел к Дафнису, содержащемуся вместе с другими рабами, с такими словами:

– Радуйтесь оба, что меня повстречали. Справедливость хитрых таких договоров, по которым Литиерс гостей убивал, мне ненавистна, его больше нет на круге земном, и не будет. И хоть, говорят, что он незаконнорожденный сын Миноса, но в Аиде предстанет перед справедливым судом Миноса и Радаманта, поэтому здесь вам больше нечего опасаться! А теперь слушайте, что, перед вами сегодня еще я скажу: пора уж вам подумать уже о свадьбе веселой, ведь не оставлю я вас без дорогого подарка.

Я слышал не раз, как некоторые рассказывают, что на свадьбе Дафниса и Талии Геракл подарил им дворец Литиерса. Так же говорят, что отрок Дафнис с белою кожей, который на свирели, почитая Эрато, песни пастушьи играл и совсем еще юная Талия никогда по-настоящему не занимались любовью на ложе и даже не знали, как это делается. Неведомое обоим чувство любви, однажды овладев отроками, росло изо дня в день, доставляло им непонятное наслаждение, но и мучало,

и терзало их, впервые попавших во власть сладкоистомного Эрота.

Представляю, как дядечка мой – великий герой и всеми в Элладе любимый, особенно мной, узнав о том, что Дафнис и Талия были оба невинны, округлил и поднял свои низкие брови так высоко, как до сих пор не поднимал никогда. Думаю, он не мог скрыть безмерного своего изумления, ведь сам он лишился девственности с прекрасной Иантой, когда был пастухом на лесистой горе Киферона, и был он тогда еще более юный, чем Дафнис. И вот дяде, в изумительную ночь перед свадьбой пастушка и пастушки, вдоволь насладившемуся винной сладостной влагой, очень захотелось самому сделать Талию женщиной, ведь она была для него еще тайной.

Дядя мой перед сном много раз мне рассказывал, что сам Вакх ему посоветовал не просто сочетаться с невинной девой любовью и лаской, а сделать это в виде урока, притом не только для Талии, но и для Дафниса. Дядя мой в играх любовных всегда был затейник. Поэтому он пригласил неопытного в любви пастушка к брачному ложу, на которое сам с юной пастушкой возлег, сопроводив все хитрыми такими словами, которые мне со смехом не раз повторял:

– Лгать я не привык и сейчас не сверну с неизменного пути правды: наука эта совсем не от лучезарного Феба и не от мудрой Афины, это наука Любви. Дорого время – это самое большое в жизни богатство, ох, как оно быстро летит! Пото-

му, новобранцы Кипридиной рати, зря не тратьте ни дня, тем более ночи. Радуйтесь жизни, любите друг друга, пока молоды и юны. Что до сих пор помешало вам обоим достичь полноты удовольствий в любви? – Серость и стыд. Поэтому ничего не стесняйтесь! Целуйтесь, обнимайтесь и вместе, обнаженные, крепко прижавшись, и рядом, и друг на друге лежите. Руки, губы и языки сами отыщут пути к потаенным местам, в которые сокровенный Эрот вонзает свои самые острые стрелки. Юноша, в первый раз представший на службу Любви, смотри на меня и учись. Есть на женском теле такие места, где касания им приятны особенно. Ты, ощутив их, ласкай не стыдясь, стыд – большая помеха в любви. Эрот без ласки бессилен и наг. Вот смотри, как делаю я: особенное внимание уделяю обеим грудям, этим яблокам чудным, что так стремятся сами в мои ладони и расположенным на них этим сладким бутонам, которые следует и руками, и губами ласкать. Нельзя забывать так же про лоно, про эту дивную розу с розовыми лепестками. Но не спеши, видишь я не спешу, чтоб не отстала подруга, но и сам не отстань от нее: надо стараться вместе коснуться предельной черты, за которой выше нет наслажденья для двоих на едином одре!.. Ууух!

Да, при необходимости мой дядя любимый умел выражаться красиво, а уж действовать на ложе любовном он умел лучше всех. Уж я это знаю! Представляю, как он в подтверждение своих слов целовал и ласкал самые потайные места юного Талии тела, как, оказавшись у лона, вонзил в него

свой скипетр сладострастный, не в силах дальше урок продолжать. Так мой дядя сорвал плод с древа невинности девы, лишь только для Афродиты созревшей и поэтому для него такой сладостной и желанной.

Дафнис же в это время, подобно хранителю свадеб и брака, божеству брачной песни Гименею, в таком же шафранном плаще, одетом на голое тело, яркий факел в руках держал и венок из боярышника, белые с нежно розовыми крапинками цветы которого были свежими, как его целомудрие. Представляю какое строгое и торжественное выражение лица было у пастушка, когда он учился у Геракла основам любви, а рядом, довольно улыбаясь, с ним вместе у брачного ложа сама Киферея стояла в венке ароматном, неотразимое величие и всемогущество которой никто не в силах постигнуть. И лишь теперь впервые поняла юная Талия, что все, чем в лесу и в полях они с Дафнисом до сих пор занимались, были всего только Эрота невинные шутки пастушьи.

На следующий день с наступлением сумерек, Геракл опять проводил влюбленных пастуха и пастушку до комнаты брачной, но на этот раз только проводил и распрощался, ведь только первая ночь, полная волнующих тайн, с женщинами была для него желанной. Потом он узнал, как Дафнис и Хлоя возлегли на пышное ложе нагие, друг друга обняли, поцеловались и бессонную ночь провели, – меньше спали, чем совы ночные. И все совершил Дафнис, чему научил его мой дядя, знаменитейший и любимейший всей Эллады герой и самый

умелый в Ойкумене любовник.

Фригийские жнецы до сих пор поют во время горячей страды погребальные песни, очень напоминающие те, что пел Литиерс, отрубая серпом головы злосчастным путникам, проигравшим ему соревнование в жатве.

Старики рассказывают, что убивать путников в пору виноделия, когда совершался обряд в честь духа виноградной Лозы, было в те незапамятные времена вполне обычным делом, и такой обычай виноградарей был широко распространен в Сирии и Малой Азии. Другие добавляют, что такие жертвоприношения во время сбора урожая встречались так же и в средней Азии, и в Европе. Геракл, убив Силея и Литиерса, так же наложил строгий запрет на человеческие жертвы, и этим особенно стали гордиться греки.

365. Дедал и Икар улетают из критского плена

Сын Эвпалама и Меропы, дочери легендарного царя Афин Эрехтея Дедал был выдающимся художником, ваятелем, строителем и изобретателем, его обучала сама богиня-ремесленница Афина.

Говорят, завидуя таланту своего ученика и племянника Тала, Дедал коварно заманил его на высокую кручу и толкнул вниз, за что был осужден Ареопагом на десятилетнее изгнание. Бежав на лазурный Крит, славный своими ста городами, к внуку Кронида царю Миносу II, Дедал получил безопасный приют, но взамен должен был бесплатно оказывать ему и супруге его Пасифае, всевозможные услуги. Он изготовил для дочери Солнца деревянную корову, забираясь в которую, она удовлетворяла свою неестественную любовную страсть к быку и через некоторое время родила Минотавра. Чтобы прятать от людей чудовищного человека-быка, питавшееся мясом специально убитых для него чужестранцев, Дедал по приказу Критского царя построил знаменитый Кносский Лабиринт с множеством помещений, соединенных сетью запутанных коридоров и бесчисленных наклонных ходов. Дедалу нравилась старшая дочь Миноса Ариадна, влюбившаяся в Тесея и, он, зная, что вызовет гнев царя, все же изготовил для нее особую нить. С помощью клубка с нитью

Ариадны Тесей, убив чудовище с человеческим телом и головой быка, сумел выйти из Лабиринта и бежать с Крита вместе с Ариадной. Узнав о роли Дедала в побеге Тесея с его старшей дочерью, Минос приказал запереть в Лабиринте самого мастера вместе с его сыном от рабыни Навкраты отроком Икаром.

Изобретательный Дедал вскоре придумал, как избавиться от неволи.

– Пусть Крит, родину великого Зевса со всех сторон бескрайние окружают морские просторы, зато над водой все безграничное небо свободно и по нему с милым сыном, как крылатые птицы, мы понесемся! Прозрачный воздух жестокосердному Миносу совсем не подвластен и нет нам из заточения другого пути, кроме бегства по открытой воздушной дороге!

Так воскликнул Дедал и задуманному делу тут же всецело предался. В Лабиринте у него была большая мастерская, в которой были собраны разные механизмы и инструменты, был и склад, на котором хранились всевозможные материалы. И вот искусный умелец из птичьих перьев сделал воздушные весла, на огне растопленным воском, скрепляя между собой костяные их основания.

Овидий поет, что, когда крылья были готовы, молвил отроку – сыну искусный отец:

– Я изготовил крылья для нашего бегства по воздуху, это единственный путь к воле и отчей земле. Всюду Минос по-

весил замки и сделал запоры, остался свободен лишь воздух небесный; мы помчимся по пути, всегда открытому в небе, воздух, как птицы своим полетом прорвем! За мною теперь, милый сын, устремись на полученных крыльях. Я – впереди, ты – вослед: в этом – единственное наше спасенье! Но хорошенько запомни – лети только в середине пространства! Если низко ты путь свой направишь, крылья от влаги соленой набухнут и непомерно тяжелыми станут; если слишком высоко – воск жар солнца расплавит и распадутся крылья на отдельные перья.

И вот, на крыльях, воском скрепленных, поднявшись, отец и сын взмыли в воздух и, словно птицы, радостно понесли к долгожданной свободе. Каждый, кто видел их, все от изумления столбенели и их, проносящихся вольно по воздушному небу, за воздушных богов принимали.

Сначала все шло, как задумал искусный Дедал, но начал тут отрок Икар душой веселиться, возбужденный скоростью и высотой полета. Стремясь к влекущей небесной лазури, стал он все выше и выше свой воздушный путь направлять. Несмотря на предупреждение отца не лететь слишком близко к жаркому солнцу, юный Икар, ощущая пьянящий восторг от полета, приблизился к солнцу, которое растопило воск, и крылья распались на отдельные перья. Летящий впереди Дедал вовремя не заметил, как Икар с глухим стоном упал в вечно-тоскующее глубокое море и быстро захлебнулся соленой водой. Обнаружив слишком поздно, что милого

сына с ним рядом нет, Дедал начал его всюду искать. Долго он метался над пенными волнами, как белая чайка, с криками, полными горя:

– Икар мой! Икар! Отзовись милый сын! Где ты, Икар? Как мне тебя отыскать? Горе безутешное мне! Будь проклято несовершенное искусство мое, погубившее моего любимого сына!

Некоторые говорят, что Дедал и Икар уплыли на лодках под только, что изобретенными Дедалом особыми косыми парусами. Под таким косым парусом можно было плыть не только при попутном ветре, как с обычным прямым парусом, но и при боковом и даже при встречном ветре. Именно поэтому, когда попутный ветер, дувший с кормы, изменился, Дедал и Икар продолжали плыть под косыми парусами, а преследовавшие их корабли Миноса вынуждены были опустить прямые паруса и идти против ветра на веслах. Однако управлять косым парусом при боковом или встречном ветре было очень сложно, надо было все время менять направление движения, отклоняясь то в одну, то в другую сторону от выбранного курса, и порыв встречного ветра лодку Икара перевернул кверху дном. Дедал долго искал сына в бурной воде, но все его поиски были напрасны, и ему, вконец утомленному, пришлось ни с чем уплыть на лодке с косым парусом.

По воле вездесущей Мойры Лахесис спустя несколько дней мертвого Икара нашел Геракл.

366. Геракл хоронит Икара и разбивает свое извояние

Уже заканчивался последний третий год пребывания величайшего героя Эллады в рабстве у царицы Омфалы, которое многие называют сладким. Геракл знал, что о нем говорят, и не только те, которые его не любили. Позорная слава все больше и больше тяготила сердце Алкида, и он считал дни, когда, наконец, сможет обрести полную свободу и покинуть сладостно – тягостный плен у похотливой лидийской царицы.

Все чаще Геракл уходил из дворца, брел, спотыкаясь, куда глаза бесцельно глядели – лишь бы побыть наедине со своими думами о приближавшемся освобождении из приятно-позорного рабства. Иногда он на крепконогой лошади скакал на берег Эгейского моря, названного по имени афинского царя Эгея, бросившегося со скалы в море, увидев черный парус чернобокого корабля и решившего, что его сын Тесей погиб на Крите, убитый Минотавром. И там, на седых скалах прибрежных у края зыбкой пучины целые дни напролет сидел отпрыск смертной Алкмены и самого могучего бога, приглушенными стонами могучий дух свой терзая, и мучая крепкую душу, горькой печалью о судьбе своей безотрадной.

И вот однажды, на берегу Эгейского моря Геракл увидел,

что, словно плачущие прибрежные волны прибили на пенных гребнях к берегу мертвое тело. В край лидийский уже донесли слухи, что прославленный мастер Икар с юным сыном Дедалом, словно птицы, от Миноса вырвались на ничем неограниченную свободу на искусно сделанных крыльях. Однако в сицилийский Камик к радушному царю сиканов Кокалу прибыл Дедал один, без сына, который в безбрежном море бесследно пропал. По нескольким перьям, прилипшим к рукам и по юному виду утопленника Геракл понял, что перед ним лежал бесчувственный труп Икара.

– Предать мертвое тело земле – это древний обычай моей любимой Эллады и это божий закон. Был когда-то молодой я и дерзкий и без погребения многих оставил. Теперь же знаю я хорошо этот незыблемый закон бессмертных богов; как и боги, он живет вечно, и никто не знает, когда он явился людям, смерти причастным. Надлежит земле предавать всякого испутившего дух человека. Только так мы можем навечно успокоить бессмертные души умерших, в безысходных муках порхающих перед закрытыми воротами Аида. Каждый год в день смерти ужасной не погребенного мною Пирехма ко мне является бессмертная его душа и неприкаянная меня жутко прокликает и никуда мне от нее не спрятаться, не деться... Только теперь я понял, что никто не должен посметь закон богов дерзко нарушить, не писанный, но прочный. Ведь тот закон нетленный, – когда он появился, никто не знает, а будет вечно... Поэтому, хоть нет мотыги у меня,

и нет лопаты, но без достойных похорон Икара я не оставлю, чтоб хищным птицам и бездомным псам роскошной пищей не стала его плоть.

Так сам себе говорил сын прекраснородыжной Алкмены, роя в твердой земле могилу для Икара небольшим ножом и выкидывая ее наружу голыми руками. Потом на могиле Икара Геракл небольшой холмик насыпал. Говорят, и сейчас есть эта насыпь на мысе, вдающемся в Эгейское море. От Икара получили названия и остров Икария, и омывающее его Икарийское море.

Говорят, что Дедал в оплату за услугу по погребению сына сначала сделал макет величественной скульптуры Геракла во весь рост из глины, чтобы потом отлить ее из бронзы или изваять из белого мрамора.

В последние дни пребывания в неволе, Геракл испытывал постоянный тревожащий страх, что боги опять могут продлить его пребывание в рабстве. Ведь такое уже было после десятого подвига на службе у Эврисфея, когда ему добавили еще два подвига, которые оказались самыми трудными и опасными. Особенно эта боязнь усиливалась по ночам, когда сон никак не приходил на против воли бодрствующие глаза, и Геракл в страданиях многостойкий, сильно волнуясь, говорил своему отважному сердцу:

– Горе мне! Очень боюсь я, не ткет ли мне новые беды старая Мойра или кто из бессмертных, особенно коварная Гера, но нет, не послушаюсь я и за свободу свою буду сражаться!

И вот после нескольких бессонных ночей полусонный Геракл, шатаясь по дому, вдруг увидел свое изваянье из глины и отчаянно завопил:

– Нет, Киллений! Больше ты меня не продашь никому на невольничьем рынке!

Великий каратель злодейств и смиритель свирепых чудовищ, а теперь раб безымянный сластолюбивой царицы Омфалы подумал, что за ним явился Гермес. Геракл с криками выбежал на улицу, схватил первый подвернувшийся под руку камень и метнул его, как будто в быстролетного бога, но разбил изображение свое.

367. Чудовищный змей на реке Сангарий

Как-то Кенида, одна из красивых служанок Омфалы, хорошо знающая службу и очень приятная своим юным видом не пошла по первому зову к Гераклу на ложе, объяснив свой отказ в ласках любовных тем, что она в трауре по погибшим родителям. Она рассказала ему, что и отец, и мать, и ее маленькие братья и сестры, все были сожраны Сангарийским драконом.

Геракл узнал от Кениды, что на южном берегу быстрой лидийской реки Сангарий, протекающей между Каистром и Гермом, обитает огромный змей, который погубил уже очень много людей. У этого чудовищного дракона было две головы, очень похожие на конские, только покрытые чешуей. У чудовища были светящиеся, как раскаленные угли желто – красные глаза без век и ресниц, и сам он была так горяч, что обжигал свои жертвы, а зимой под собой растапливал снег. Он был необычайно силен и очень прожорлив – за один раз он мог съесть двух взрослых быков, а людей для полного насыщения ему требовалось больше десятка.

Возбужденный необычайной красотой Кениды Геракл поклялся девушке, что убьет змея, погубившего ее семью и после этого страстно овладел ею. На следующее утро он, верный своему слову, стал готовиться к битве с чудовищем.

Когда Омфала узнала, что Геракл собирается на берег реки Сангарий, на плодоносную землю Мариандинских мужей и топи Антемоисской, в то страшное место, вокруг которого на несколько парасангов не осталось ни одного обитаемого поселения, она стала упрашивать его отказаться от этой трудной и опасной затеи, а потом даже попыталась своей властью запретить ему этот поход:

– Знаю я, мой раб безымянный, что сердце твое, словно камень, всегда некрушимо и твердо. Кулаки мощные у тебя, словно кувалды и ты никого не боишься. Очень ты храбрый и сильный, но и ты ведь на свет не бессмертным родился. Чудовище это, я слышала много людей уже погубило и думаю, что все ж не без ведома бога свирепствует на реке этой змей Сангарийский. Я прошу тебя по-хорошему: не стремись ты к чудищу этому. Как ты не могуч, как в руке своей не уверен, все-таки ты должен быть осторожен. Жизнь проводить предназначил Кронид до старости самой не только в войнах тяжелых и в схватках опасных. И потом, не желаю я, как царица, чтоб ты воевал и сражался!

– Нет, царица, не проси, и лучше не приказывай! Не по мне долго праздности предаваться. Зевс и все бессмертные боги на тех негодуют, кто в лени и безделье живет. Ты знаешь меня, как раба безымянного, а ведь я знаменитый герой. Не мало страшных чудищ на прежней службе я истребил, а некоторых без приказа и без разрешения царского я жизни лишил! Необходимость могучая сейчас властно меня побуж-

дает с этим змеем сразиться. Говорят, он погубил уже не одну сотню людей, и я теперь или его уничтожу, или сам в Аид на постоянное местожительство снизойду.

Так воскликнул, сверкая глазами, Геракл, решивший сразиться со змеем, которого он боялся меньше, чем продления рабства. Омфала, как и прежде, когда он намекал или прямо говорил о том, что он известный герой, не поверила своему рабу. Она, конечно, слышала о Геракле и думала, что ее раб просто хочет походить на прославленного героя Эллады, чтобы извлекать выгоду, пользуясь чужой славой. Она даже не поверила в то, что ее раб убил Силея и Литиерса, думая, что он сочинил эти невиданные подвиги для объяснения своей долгой отлучки, во время которой он ей изменял. Омфала была очень похотливой, но не ревнивой и потому и на этот раз, думая, что Геракл под предлогом битвы со змеем, хочет отлучиться к новой любовнице, отпустила его, но одному пронырливому слуге приказала незаметно за ним проследить.

368. Геракл душил Сангарийского змея

Чудовище долго искать не пришлось, змей словно знал о приходе зевсова сына и поджидал его, настороженно подняв обе свои конские головы с горящими, как угли, глазами. Алкид быстро натяг свой лук круговидный, и грозно тот загудел, тетива пронзительно зазвенела, стрелы пернатые одна за другой, словно хищные птицы, рассекая воздух со свистом, помчались, до намеченной жертвы алчные. Стрелы все до единой точно цель поразили, но ни одна в змеиное тело не впиалась, все они от него отскочили. Был змей надежно везде чешуей защищен, словно перекрывающими взаимно пластинами медными, образующими гибкий панцирь.

Геракл, чувствуя, как в нем закипает безумное бешенство, схватил свою нестроганую дубину и стал изо всех сил бить змея, но тот только извивался, то в огромные кольца сворачиваясь, то, как бревно выпрямляясь и рычал, словно несколько львов, от гнева и боли. Герой понял, что ни стрелы, ни дубина ему не помогут – змей был слишком велик и силен. Тогда он, схватив камня огромную глыбу, с силой великой, на которую только он был способен, в ближнюю голову змея метнул. Глыба бугристой была и очень тяжелой, такую подняли б с трудом только трое сильных мужей, смерти причастных. Бросок был и сильным, и точным, и глыба с шу-

мом вонзилась чудовищу в лоб между глаз красно-желтых, неистовой злобой горящих. От такого страшного удара и каменная городская стена, гордая башней высокой, стала б дрявой, но змей невредимым остался, он только от боли протяжно завыл и раздвоенным языком стал слизывать кровь, заструившуюся с мощного лба. Из очень толстой кости состоял лоб Сангарийского зверя, она была толще и крепче медных пластин на воинских щитах семикожных. Чудовище от боли словно взбесилось, звериная свирепость обычная в нем как бушующий огонь с небывалой силой запылала от раны. Быстро оправившись от удара, змей с ревом заскользил к Гераклу, извиваясь телом змеиным по каменистой земле то с гроыханьем жутким, то с ужасным скрежетом чешуйным.

Герой, как напуганный олень кинулся бежать к ближайшей скале, возвышавшейся невдалеке над быстро текущей водою. Не зря Геракл в беге прилежно всегда упражнялся, он далеко чудовище обогнал и, подбежав к вершине скалы, успел отломать ее огромную верхнюю часть. Обломок скалы был великий такой, какой и двенадцать гордящихся силой мужей не подняли бы. Когда Геракл с превеликим трудом поднял обломок скалы над кудрявой своей головой, одна из покрытых непробиваемой чешуей лошадиных голов взбешенного змея оказалась совсем рядом. И вот когда зубы-кинжалы уже были готовы сомкнуться на теле Алкида, он выронил обломок скалы на ненавистную голову. Скала придавила ближнюю голову змея и размозжило ее вместе с

третьей частью мощногибкого змеиного тела.

Однако у чудовища была еще одна голова, и она, лязгая страшно зубами, словно бурный поток устремилась к Гераклу. Лишь каменная львиная шкура сдержала змея напор и стала непреодолимой преградой его острым зубам. И бесится чудовище Сангарийское, и твердокаменную шкуру Немейского льва тщетно язвит и с треском ломает о нее свои острые зубы. Тут начала кровь из змеевых десен сочиться, чудовище взвыло, как тысяча раненых псов, потом зарычало, как сотня разъяренных медведей и, обернувшись сначала одним и тут же – вторым неразрывными кольцами вокруг тела Геракла, сжало его бедра и грудь, как двумя огромными прочными петлями, и стало душить.

Никогда ни один борец так не сжимал ребра Геракла ни в одном поединке, даже могучий сын Посейдона и Геи Антей, свежих набравшись от матери сил, так мощно его не сжимал. Геракл уж не мог вздохнуть полной грудью, а змей продолжал его все сильнее и сильнее сжимать, и жечь своим телом горячим. Отпрыск Зевса чувствовал, что воздуха, запасенного в груди, хватит ему ненадолго, и скоро он умрет от удушья. Пот под шкурой немейского зверя ручьями стекал по телу Геракла на землю от страшного напряжения и от жара, исходящего от чудовища. Тут герой увидел перед собой вторую голову змея. Чудовище, ненавистную пасть отверзая, алчущую добычи, показало двойную ограду загнутых внутрь острых зубов и, пенной слюной истекая, потянулось к герою,

обдавая его дыханием смрадным.

В приступе яркого гнева неодолимый герой схватил обеими руками толстую, как у лошади, шею змея и сжал ее изо всех сил так, что под руками что-то хрустнуло: то ли змеева шея, то ли пальцы самого Алкида. Эти могучие пальцы вмяли чешуйчатые пластины в упругую шею змея до самого горла, но он продолжал остервенело сражаться.

Человек и чудовище долго душили друг друга, с дикой злобой и лютой ненавистью глядя в упор друг другу в глаза. И вот уж голубые глаза Геракла начало заволакивать багровое облако смерти, но тут вдруг смерть от него отступила потому, что железная хватка змея ослабла. Чудовище дернулось всем своим телом громадным и затихло уже навсегда, руками великого героя сраженное. Сдавленная грудь Геракла, как большой мех при наливании вина, стала во все стороны расправляться – в нее хлынул живительный воздух.

Когда в первый момент, освободившись из плена, еще возбужденный Геракл рассмотрел свой последний трофей, его низкие всегда выступавшие вперед брови резко дернулись вверх, да так там и застыли. Победитель с изумленьем безмерным глядел, как велик и ужасен оказался его враг, побежденный с двумя огромными, как у коня головами и мощным телом змеиным. Однако, когда возбуждение спало, боль, словно изголодавшийся зверь, стала грызть все ему тело и особенно грудь.

– О! Какая ужасная в груди боль, как будто сломаны все

мои ребра и их осколки втыкаются в сердце... Никогда еще я не был так близко от смерти. Даже в Лернейском болоте меч черный Таната был от меня много дальше. И ведь во всем я один виноват – кто меня послал с этим змеем сражаться? Или я сам уже жить не могу без подобных сражений?! О! Ну как же унять эту жуткую боль и что дальше мне делать?!

Вопил истошно Геракл, сопровождая слова горестными стонами.

369. Сыновья Геракла и Омфалы: Лид, Агелай и Тирсен

Диодор Сицилийский говорит, что у итонян, разграбивших значительную часть подвластной Омфале страны, Геракл отнял награбленное, захватил город, из которого те совершали набеги, перебил там всех мужчин, а сам город сровнял вровень с землей.

Проныра-слуга, хоть и с большого безопасного расстояния, но отлично разглядел битву Сангарийского змея с Гераклом и в подробностях рассказал все Омфале. Потом торговцы не только лидийские, но и прибывавшие из Фригии, Карию, Троады и Мисии, рассказывали, что везде восхищаются доблестью и мужеством ее раба, которого раньше звали Гераклом.

Впрочем, слава этого подвига не долго сияла. Геракла не зря предупреждала Добродетель-Арета на перепутье о том, что далеко не всегда на трудной дороге самоотверженных подвигов его будет ждать заслуженное потом и кровью вознаграждение. Истребление Сангарийского змея не принесло герою ни награды заслуженной, ни блистательной славы и вскоре было забыто.

Однако после возвращения с реки Сангарий к Омфале, Геракл просто купался в сияющих лучах немеркнувшей славы. Восхищенная несгибаемым мужеством безымянного ра-

ба своего, царственная Мэонийка поняла, наконец, кто он на самом деле и какого он происхождения, Омфала, прежде обожавшая лишь его могучее любвеобильное тело, теперь пленилась и его героической доблестью.

Некоторые говорят, что царица лидийцев решила отпустить на свободу Геракла лишь после того, как родила от него последнего сына Лама, а до этого она родила Лида, Агелая и Тирсена.

Именем Лида названа страна [Лидия](#), которая, согласно Геродоту, прежде называлась Мэонией, поэтому и Омфалу часто называют Мэонийкой.

Агелай оставил неизгладимый след в истории Греции. Возмужав, он стал главным пастухом [троянского](#) царя [Приама](#) и спас Париса – истинного виновника пожара мировой Троянской войны. Гекубу, супругу царя казавшейся несокрушимой твердыни Приама в вещем сне Фантас заставил родить пылающий факел, который затем сжег весь Илион, город священный, дарданцев отчизну. Этим факелом оказался Парис. Царь поручил Агелая убить новорожденного сына Париса, но сын Геракла и Омфалы оказался в отличие от крепкодушного родителя на редкость мягкосердечным. Он не смог воспользоваться ни ножом, ни веревкой и сначала отнес его на гору Ида, а потом взял обратно и вырастил его вместе со своим недавно родившимся сыном. Парис стал судьей в знаменитом споре трех великих богинь из-за яблока, брошенного богиней Раздора Эридой на свадьбе сребро-

ногой Нереиды Фетиды и смертного героя Пелея. Сын Геракла присудил яблоко раздора Афродите, назвав ее самой красивой. Потом с помощью улыбкалюбивой Киприды дарданский царевич похитил жену спартанского царя Менелая Елену Прекрасную вместе с царской казной. И Менелай вместе с братом Агамемноном, собрав огромное войско, начали с Троей мировую войну.

Тиррен после нескольких лет неурожая и голода повел часть своего народа на запад в поисках новой родины и, завладев новыми землями, дал им и морю свое имя Тирренское, так же тирренами стали называть его народ. Тиррены изобрели очень полезную на войне боевую трубу, которая получила от них название «тирренской», кроме того они изобрели звания для полководцев. Впоследствии тиррены не чтили богов, и многие из них промышляли морским разбоем и работоторговлей.

370. Избавление от рабства у Омфалы

(Рассказ Иолая)

По свидетельству Иолая, Геракл, рабство у Омфалы вспоминал очень часто и, конечно, не радостно, становясь при этом угрюмым. Иолай рассказывает:

– Особенно моего дядю печалили воспоминания о последних днях рабства, о которых мне не раз он так говорил:

– Ты знаешь прекрасно, Иолай, что многие завидуют мне, говорят: великий Геракл, покрывший себя еще при жизни неувядаемой славой! Мне от этого иногда даже лестно бывает, но тебе я скажу честно: считаю, что недобрую долю мне при рождении Мойры соткали – сначала было долгих 12 лет рабской службы у мерзкого ничтожества Эврисфея, а потом – 3 года в позорном услужении у похотливой Омфалы. В ужасной тоске и щемящей печали о драгоценной свободе капля за каплей моя безотрадная жизнь медленно тогда утекала. Давно уж Омфала не нравилась мне как женщина. Все постылые ночи в постели я с ней проводил поневоле, – раб, не желавший – с царицей, желавшей по-прежнему страстно.

И однажды, накануне окончания положенного трехлетнего срока пребывания в рабстве, мой дядя сам Омфале напомнил:

– Омфала! Внемли мне. Для меня пока ты, конечно, ца-

рица, но знаешь прекрасно сама, что моей службе у тебя завтра настанет конец. Я сегодня тебе хочу заявить открыто и прямо, что ничто и никто сверх положенного срока даже на один день здесь меня не удержит.

И на это царица с грудью роскошной, с такими же бедрами и с крошечным ртом похотливым, тяжело вздохнула и с нескрываемым ему сожаленьем сказала:

– О муж необузданный мой! Знаю теперь я, что ты великий герой! Снова труды боевые и битвы в мыслях необычайных твоих! Но неужели со мной отдохнуть от долголетних мучений и тягот ты так приятно больше не хочешь? Побудь у меня хоть еще один только годик сверх срока... Нет, не как раб безымянный – как царь!

Торжественно закончила владычица Лидии, обнажив в ослепительно-белой улыбке щербатые зубы. Но дядя мой, как будто не слыша ее, сказал, что уже завтра они расстанутся навсегда. И тогда Омфала, воздев к небу руки, гневно завопила:

– Как же вы все-таки боги Олимпа жестоки, как лютой завистью всех превзошли! Вы допускать не хотите, чтоб брачным ложем царицы соединялись с простыми мужами, чтоб женами им они были законными. Никогда не поверю, что ты, мой любимый мужчина, сам не желаешь быть моим мужем законным, великим царем, который не только любовью со мной каждую ночь наслаждается, но и над всеми людьми безраздельно в этом властвует крае.

Но мой дядя, сдвинув свои чудесные выступавшие брови, упорно продолжал настаивать на свободе, которая для него всегда была, как жизнь дорога:

– Быть при тебе, дорогая Омфала, даже законным супругом, я точно больше уже ни за что не хочу.

И, надувшей маленькие пухлые губки, которые дядя мой часто пупком называл, Омфале, с большой обидой в голосе пришлось согласиться:

– Что же, мой милый, из всех мужей самый обожаемый мной мужчина, против воли на веревке привязанность не удержишь, и потому я тебя отпускаю. Хлебом, мясом отборным и красным вином искрометным на дальнюю дорогу я тебя щедро снабжу, чтобы голод и жажду они от тебя отвращали. Лучшие одежды и другие подарки я сама выдам тебе, чтобы ты меня долго вспоминал добрым словом.

– Не обижайся на меня, царица! Много пришлось мне страдать, и перенести довелось много трудов, я – настоящий чернорабочий Ареса и Афины. 3 года последних, что провел я с тобой, были лучшими в моей жизни, если, конечно, не считать прекрасную невозвратную юность, о которой с большой грустью люди все вспоминают. Не знаю еще точно, как буду жить, но уверен, что прежде всего хочу жить совершенно свободно.

На самом деле мой дядя даже не лукавил, а лгал беззастенчиво, говоря, что эти 3 года с Омфалой были лучшими в жизни его безотрадной (мне он всегда говорил, что лучше

всего ему всегда было со мною) и, что он точно не знает, как и зачем желает жизнь свою изменить. Давно уж сердце его пылало, и он так сам себе в последние дни рабской службы много раз говорил:

– Страшно всем своим старым недругам уж скоро я отомщу за все обидные униженья, за подлые обманы и другие несправедливости. В первую очередь отомщу Лаомедонту, потом Авгию, Нелею, Гиппокоонту, потом и до других дело дойдет! Никому ничего не прощу! Ведь не радостно даже на свободе жить не отмщенным, ибо это не справедливо и наносит большой ущерб моей доброй славе Эвклею!

371. Геракл захватывает Трою

Некоторые, как Даррет Фригийский рассказывают, кого из знаменитых героев позвал освободившийся от рабства Геракл, чтобы взять Трою. Он приходит в Спарту к Кастору и Поллуксу и говорит с ними о том, чтобы они вместе оплатили за неотплаченную обиду, и чтобы царь Лаомедонт, запретивший им высадиться на землю и оставаться в гавани, не остался безнаказанным. Могучие Отроки Зевса обещали сделать все, что хочет Геракл. Затем он посетил остров Саламин, где он пришел к Теламону, оттуда направился во Фтию, где встретился с Пелеем. Был он и в Пилосе, где поговорил с Нестором. Все похвалили Геракла за справедливость и пообещали ему свою помощь. Убедившись в общем согласии, Геркулес снарядил корабли равнобокие и набрал рядовых воинов.

Одни, как Аполлодор и Диодор Сицилийский говорят, что Геракл отправился в поход на Илион на 18 пентеконторах (пятидесятивесельных кораблях) к Трое, чтобы отомстить царю Лаомедонту.

Другие, как Гомер, восхищаются великой силой Геракла и говорят, что он приплыл в Илион крепкостенный, чтоб взыскать с Лаомедонта коней, с небольшим отрядом всего на 6 кораблях.

Отпрыск Зевеса давно уже был одержим разными плана-

ми мести – справедливого отмщения, для которого и смерти мало. Лаомедонту он решил отомстить первому потому, что стоявшая на побережье Эгейского моря дарданская страна была частью Лидии, ее присоединил один из самых могущественных лидийских царей Гигес, чтобы получить выход к важнейшим морским проливам и торговым путям в Причерноморье.

Быстро на веслах до половины взбежали на сушу все корабли Геракла с высокой кормою, как будто с разбега: мощные руки могучих гребцов чернобокие корабли на песчаный берег своей силой загнали. Высадившись на берег близ Трои, Геракл, несмотря на то что с детских лет был чужд олимпийским дочерям Мнемосины, решил жертву им принести, моля, чтобы сердца сражающихся с ним героев, возбужденные общей благозвучной мелодией флейт, бились бы, как единое целое, и они совершили бы подвиги, достойные доброй славы.

– Пусть беснуются, свирепеют и злобствуют ваши сердца! Как тигры, которые от звуков тимпана безумствуют и возбуждаются настолько, что могут на части не только врагов, но и самих себя разорвать, так сегодня вы должны сражаться под ритмичное пение флейт! Смерти не страшитесь в бою, ведь только усопшим под музыку флейт в Аиде дозволено заниматься любовью, ибо Души, павших в бою, чище тех, что скончались от дряхлой старости и в болезнях!

Так яростно воскликнул Геракл, сверкая глазами из-под

низко нависавших бровей и лукаво, и дерзко. Некоторые говорят, что лакедемоняне, слывущие лучшими воинами из эллинов, усвоили от Ареса особую пляску и даже воют под флейт переливы, вступая в бой с музыкой в лад. И к битве первый знак у них подается звонкой флейтой. Потому-то спартанцы и одержали над всеми верх, что завораживающий музыкальный ритм вел их в бой стройными рядами. Спартанские воины с детства обучаются пляске не меньше, чем искусству владеть оружием.

Геракл оставил Оиклея, доблестного сына царя лестригонов Антифата, охранять корабли, а сам повел остальных воинов к высоким стенам, казавшегося неприступным древнего города. Застигнутый врасплох Лаомедонт не успел собрать свое многочисленное войско, тем более не было времени связаться с союзниками. Однако он раздал мечи так же и многим горожанам и, снабдив всех факелами, отправил их жечь многоскамейные корабли Геракла.

Оиклей с горсткой товарищей доблестно защищал доверенные ему корабли многовесельные. Ни щитодробитель Арес, ни бодрящая к бою Афина с пренебреженьем на них не взглянули б. Он не подпускал к судам чернобоким противника, пока смерть не осенила его в неравном в бою. Оставшиеся в живых соратники Оиклея, видя, как много врагов, чтобы спасти корабли, сумели столкнуть их в воду и отплыть от берега. Тогда Лаомедонт поспешил в город и после стычки с не успевшим перестроиться войском Геракла сумел снова

войти в город за высокие крепкие стены и запереть за собой мощные ворота.

372. Теламон, спасая жизнь, строит Гераклу жертвенник

Геракл не хотел устраивать длительную осаду и, подав сигнал к приступу, первым кинулся на опоясанную башнями крепкую троянскую стену. Если и прежде мстительным пылал он желаньем с троянцами биться, используя всю свою громадную силу, то теперь, оказавшись на высокой стене Илиона, у него, как у горного льва, многократно увеличилась сила. Лев, забравшись в деревне к ограде, защищавшей коров и овец, большой прилив сил ощущает и распаленный через высокую скачет ограду. Так ворвался и Геракл, распаленный кровавым Аресом, на широкую троянскую стену.

Однако первым проломил стену и вторгнулся в город быстрый как вихрь царь Саламина Теламон, посчитавший самым слабым местом западную стену, построенную его отцом Эаком. Благочестивый сын дочери речного бога Асопа Флиасийского Эгины от Зевса Эак строил стены древнего Пергама вместе с Посейдоном и Аполлоном.

Легенда гласит, что в том месте, где строил стену родитель Пелея, появились три змея, два из которых пали, а третий все-таки переполз. Феб-прорицатель тогда объявил, что город будет взят потомком Эака, и вот пророчество лучезарного бога сбылось, и Теламон проник в город первым.

Геракл, терзаясь от безудержной зависти черной, что не

он первый, исторгнул меч из влагалища острый и, как погибельный ураган, сметающий все на своем пути, бурно устремился к нему с воинственным криком:

– Не желаю, чтобы более любимый богиней Аретой, чем я, остался в этой схватке живым!

Теламон догадался, как спасти свою жизнь, повисшую на волоске. Он всегда отличался изворотливым и хитрым, как у собаки умом. Однажды на соревновании по пятиборью он бросил большой камень, вместо диска и как бы нечаянно на глазах у многих убил своего сводного брата Фока, превосходящего его силой и ловкостью.

Вот и сейчас, услышав неистовый крик и увидев несущегося к нему Геракла с горящими яростным гневом глазами, он сразу догадался, что обнаженный меч в мощной руке сына Кронида предназначен именно для него. Понимая, что необоримому отпрыску Зевса не может противостоять никакой человек, Эакид даже не попытался защищаться и, как бы, не замечая бегущего к нему Геракла, стал увлеченно быстро-быстро собирать в кучу, лежащие поблизости гладкие камни.

– Что это ты такое делаешь тут, Эакид быстроногий?

На низком лбе Геракла брови взметнулись озадаченно вверх, а меч невольно пал вниз в многомощной руке.

– Я строю жертвенник Гераклу Каллинику (одерживающий славные победы), как доблестному победителю широкоуличной Трои с высокими и крепкими стенами.

Ответил хитроумный Теламон, глядя на Геракла с виду преданными, бесхитростными глазами.

– Очень все правильно и хорошо ты решил сделать благородный герой Теламон, благочестивого Эака доблестный сын! Ведь и в Италии мне уже воздавали почести как богу и совершали в мою честь священнодействия. Я рад, что и здесь, мне, наконец, воздают по заслугам.

Довольный ответом Геракл, сердце которого с обретением полноправной свободы начало все больше открываться для неприкрытой лести, отдал Троию на разграбление своему небольшому войску во главе с Теламоном.

373. Геракл дарит Теламону Гесиону и освобождает Подарка

Геракл нашел Лаомедонта и его сыновей и всех поразил стрелами кроме честного Подарка, который, единственный из всех братьев, настаивал на справедливой передаче ему обещанных бессмертных коней и сестры Гесионы.

Златотронная Гера, кусая побледневшие губы, наблюдала с блистательных высей Олимпа, как освободившийся от рабства Геракл расправился с Лаомедонтом. Не особенно веря в успех, она все же решила попробовать натравить на сына отца. Прибежав к Зевсу, она закричала:

– Посмотри, Тучегонитель, что сделал Геракл с одним из твоих прекрасных питомцев. Лаомедонта, царя-скипетроносца, которого ты всегда возвеличивал славой, вместе с сыновьями он убил только за то, что тот не дал ему подаренных тобой божественных коней.

Царь богов широко улыбнулся и тихо изрек, кустистыми помавая бровями:

– Нельзя принести мне жертвы угодней, чем несправедливого лишив жизни царя. Лаомедонт же – всем известный обманщик. Он обманул даже нашего с тобой брата Энносигея и Феба, моего милого сына от Лето, хоть он прорицатель и должен был бы обман тот предвидеть и заранее принять меры. Поэтому справедливую кару широкоуличной Трои нече-

стивый владыка давно заслужил. Однако я все с воздаянием медлил, стремясь своим священным примером избавить людей от чрезмерной жестокости и озлобленного упорства в их непомерной жажде наказывать и карать. Геракл лишь по воле никогда не дремлющей Мойры Лахесис мою сделал работу.

Утоливший давнишнюю жажду давно задуманной мести, Геракл после разграбления Трои, дополнительно вознаграждал преданного ему друга Теламона, отдав ему красавицу Гесиону, хотя эта дева, схожая видом прелестным с самой Афродитой, очень понравилась и ему самому, когда он впервые увидел ее, привязанной к островерхой скале. Он как сейчас помнил ее прекрасное тело, выставленное вероломным отцом на съеденье морскому чудовищу. Тогда она, опасаясь чудовища, подняла неистовый крик, когда он хотел сочетаться с ней любовью и лаской.

Теперь, посмотрев похотливо на Гесиону, стоящую под золотым покрывалом в толпе женщин, предназначенных в рабство, Геракл заметил ее нежный взгляд, обращенный мимо него к Теламону и, досадливо сморщившись, предложил Эакиду взять себе, как трофей, дочь Лаомедонта. Гесиона сопровождала Теламона до самого Саламина, где родила ему Тевкра, прославленного лучника в греческом войске, осаждавшем 10 лет Троию.

Отпрыск Зевеса даже позволил Гесионе выкупить любого из пленных, и благочестивая дева, не растерявшись, попро-

сила освободить милого брата Подарка.

– Хорошо, я и это милостиво позволяю! Но... ты все же, соблюдая заведенный порядок, должна дать за брата, как за раба, что-нибудь взамен.

Геракл это не сказал, а изрек, стоя с широко раздвинутыми ногами и сложенными на приподнятой груди мощными руками, на широкой площади Илиона.

Так Гесиона выкупила выставленного на продажу Подарка, отдав за него золоченое покрывало, сняв его со своей головы, на котором остались ее волос роскошные пряди. Поэтому Подарк получил новое имя Приам, что значит «купленный».

Как единственный оставшийся в живых сын Лаомедонта Прим унаследовал трон и, много лет царствовал в Трое, превратив ее в процветающий город Трояды. Он был убит во время захвата Илиона ахейцами на пороге собственного дворца в последний день Троянской войны.

374. Геракл делает неуязвимым сына Теламона Эанта

Предав буйным ветрам лишенную целостных стен священную Трои, Геракл посадил Приама на трон Илиона, а сам, подняв высокую мачту и белый парус воздев, подгоняемый свежим дыханием благостного ветра Зефира, быстро отплыл в обильное рыбой соленое море.

Теламон же, ставший после взятия Трои большим другом Геракла, в сопровождении наложницы Гесионы отплыл на свой остров Саламин, где прекрасная дочь Лаомедонта вскоре родила ему первенца Тевкра. Вновь забеременев от Теламона, Гесиона узнала, что ее муж влюбился в афинянку Перибейю, прежнюю возлюбленную Миноса и Тесея и, покинув неверного супруга, бежала на родину в Малую Азию.

Когда Геракл прибыл на остров Саламин, то Теламон устроил торжественный пир в честь знаменитого гостя. В пиршественном зале в креслах удобных Теламон всех рассадил, и только для одного Геракла пурпурный расстелили пышный ковер, чтобы он единственный на нем возлежал, бессмертному богу подобный. Весь день до зашествия солнца герои все угощались, ведь очень приятно на пированье насыщаться еще дымящимся нежным жареным мясом, пить, сколько угодно душе, самые лучшие медосладкие вина, привезенные с Хиоса, Ниссы и Лесбоса. Сердца все услажда-

ли на пиршестве общем звуками форминги прекрасной, и пеньем певца, сопровождавшего ту формингу голосом сладостным.

Пел аэд о подвигах величайшего героя Эллады, справедливостью славной и хоть в песнях не звучало прямо имя героя, но Геракл был уверен, что песня о нем, и это наполняло его сердце несказанным блаженством, и он очень довольный говорил Теламону:

– Хорошо, что ты позвал этого дивного певца, который, видно, самими богами пенью обучен. Ведь только в песнях прекрасных постигает героя бессмертная слава, а в молчанье – даже великое быстро все исчезает.

После того как наелся и дух укрепил себе пищей, Геракл взял вздыбленную золотом чашу с искрометным вином, услужливо поданную Теламоном и предложил совершить первое возлияние в честь великого Зевса. Теламон тут спросил у Геракла:

– Величайший герой, всеми любимый Геракл! Нельзя ли моему сыну, который должен уже скоро родиться, как-то помочь в будущей жизни, например, попросив у Зевса ему счастливую долю.

– Ладно. Сегодня я добрый. Хоть не люблю я мольбы и молитвы, предпочитая всего сам добиваться, своей силой, руками собственными и ногами, но ради тебя, любезный друг Теламон, сейчас попытаюсь.

Совершив обряд, Тучегонителя отпрыск могучий простер

необорные руки к небесам, нетленному жилищу бессмертных и взглянул на беременную Перибею, ставшую женой Теламона сразу после того, как Гесиона бежала. По-прежнему прекрасная Перибея вот-вот должна была родить, и сын смертной Алкмены крылатые такие слова произнес:

– Отец мой великий, пространногремящий Зевес! Слух преклони, о бог, из всех наивысший! Внемли мне и будь доброжелателен ты к просьбе моей, ведь не часто я тебя о чем-нибудь умоляю. Заклинаю тебя сделать так, чтобы была как можно дольше счастлива славная доля сына моего гостеприимца, который уже скоро должен родиться! Да будет сын Перибей и Теламона телом тверд и крепок, как шкура каменная вокруг меня, добытая в первейшем немейском бою, и да будет дух его мужествен, как у меня!

И тут явился в небе над ним посланец великого бога могучий Орел, царь пернатый всех птиц. Орел, сделав круг, плавно опустился на толстый сук высокого дуба и, приподняв одно крыло, на миг спрятал под ним гордую голову, словно указывал на подмышку, а потом помотал головой.

И великая радость сладостно уколола в самое сердце Геракла потому, что доброжелателен был к нему его великий отец. И сын Зевса, славный крепостью тела и духа, торжественно промолвил, зазвучав, как безупречный провидец:

– Будет по мольбе моей, сын точно такой Теламону, как я просил! Суждено ему зваться Эантом (орел) по явленному сейчас в небе орлу. Будет он среди самых первых в тяжелых

трудах воинственного Эниалия. Крутой и опасной будет тропа его доблестных подвигов! Будет дух его свободным и гордым, а тело могучим и неуязвимым для любого оружия, все от макушки до пяток, кроме одной лишь подмышки, скрытой надежно для всех под его мощной рукой.

Еще не закончился шумный пир, услаженный веселой музыкой и ликующими песнями, как Перибея произвела на свет сына Аякса (Эант). Опьяневший Геракл тут же завернул малютку в свою львиную шкуру, сделав все тело его, неуязвимым для любого оружия, за исключением подмышки, поскольку под шкуру в этом месте случайно попал его колчан со стрелами.

Некоторые говорят, что Теламон погиб в походе Геракла на Элиду и был похоронен у берега реки Ароания в Аркадии.

Другие утверждают, что Теламон благополучно пережил многолетнюю войну под стенами священного Илиона. Эант, прозванный Большим, после гибели величайшего героя-воина Ахилла спорил за право владеть его божественными доспехами с самым хитроумным героем Троянской войны Одиссеем и, спор проиграв, безмерно страдал. Схватив меч, что получил от Гектора, неприятеля лихого и могучего, он воскликнул:

– Меч этот – мой! Иль хитрый, как собака, Улисс и на этот меч тоже посягает? Померкла после того спора гордая слава и честь моя среди длинноволосых ахейцев! И потому я сейчас поднимаю меч сам на себя; орошавшийся часто кровью

фригийской теперь оросится он кровью моей, – ведь большого Аянта никто не осилит, кроме Аянта!

Гордый Аякс не перенес позорного поражения в споре с хитроумнейшим итакийским царем и в помутнении разума, насланного мстительной Афиной, не прощавшей героям даже малой гордыни, воткнул меч в подмышку – единственное уязвимое место.

375. Гера с помощью Гипноса усыпляет Зевса

Белокурая Гера не однажды до крови себе губы кусала, взирая с мощных высот олимпийских, как Геракл все три года рабства наслаждался пылкой страстью Омфалы и ее таких же похотливых подруг и служанок. Царица богов попыталась как-то раз, явившись во сне, заставить Омфалу выполнять ее пожеланья, как это делал послушный ей Эврисфей. Однако блудливая Мэонийка, обнажив дерзко свои редкие зубы, только язвительно рассмеялась в ответ и тут же проснулась.

Однако вечные боги не так-то легко изменяют желанья свои и решенья! И волоокая Гера призвала на помощь Аластора, зловещего демона мести, и они вместе всучили Гераклу в первый же день обретенной свободы особую веревку всепожирающей мести, смертельной вражды и войны, всем ужасной, веревку прочную, крепкую, многим могучим героям свернувшую шеи и поломавшую ноги. Впрочем, сердце Геракла и без этой веревки давно было готово для отмщения всем, кто хоть как-то его в прошлой жизни обидел.

И вот лучший смертный сын Зевса от прекрасноволосой Алкмены с горсткой юных героев – первоцветом Эллады отправился в беспрецедентный поход на широкоуличный Илион с высочайшими стенами, и священную Троию покорил и разграбил, сравнив только казавшиеся неприступными ее тол-

стые с башнями стены с землею.

Тогда ревнивейшая Зевса супруга, чтобы унять свое саднящее женское сердце, решила еще раз попытаться погубить Геракла, ставшего вопреки (или благодаря!) ее стараниям, величайшим героем справедливостью гордой Эллады. Зная, что Зевс то открыто, то втайне от нее и от прочих богов помогает своему смертному сыну от порочной Алкмены, стала размышлять волоокая Гера, как сделать так, чтоб Зевс в решающий момент не помог Гераклу:

– Надо как-то мне усыпить бдительность мужа, всесильного как стихия, лишь, когда он бодр и телом, и духом.

После долгих раздумий Гера вдруг хлопнула себя белой рукой по прекрасному лбу и радостно закричала:

– Да, надо его именно усыпить – наслать на пронизательные очи великого моего супруга сон глубокий и сладкий.

Гера тут же посылает свою верную служанку и подругу быстроногую Ириду к Гипносу, чтобы тот к ней, немедля, явился. Старец благосклонный не только к могучим богам, но и ко всему роду людскому на зов царицы не замедлил явиться из далекой киммерийской земли, куда не попадают лучи яркого солнца, где сплошные белесые облака и туманы, в испареньях земля, вечно в сумерках смутных. Он, как всегда, безмолвно прилетел на своих мягких крыльях пушистых, сонное забвенье дающих. Богиня богинь, со значени-ем дотронувшись обеими руками до венчающей ее роскошные кудри золотой диадемы в форме бриллиантовой кукуш-

ки, многозначительно сказала ему:

– Радуйся, сон любезный, ночной повелитель бессмертных богов и людей земнородных! Ты единственный властен над всеми, кого по ночам посещаешь! Я же, царица высот олимпийских, желаю, чтобы просьбу мою ты быстро и точно исполнил, и за это я буду очень тебе благодарна. Бодрые Зевса глаза усыпи под его сросшимися бровями, и разум премудрый его сладостью смутной окутай, чтобы проспал беспробудно весь день он и ночь. За это в дар от меня ты получишь дивное кресло золотое, сделанное моим сыном искусным, с пристроенной внизу скамейкой резной, чтобы, восседая на нем, уставшие ноги на эту скамейку для наслаждения ты ставил.

Сон – усладитель ночей, подняв в знак приветствия свой усыпляющий жезл, немедля владычице Гере ответил:

– Радуйся, супруга великого Зевса, над бессмертными всеми царящего, богиня почтенная Гера! Что касается просьбы твоей, то извини, исполнять ее я не буду. Бога любого среди небожителей вечных я для тебя всегда усыплю, но только не Эгиоха – Кронида. Тучегонителя, пространногремящего я теперь усыпить ни за что не посмею, разве только он сам приказал бы. Очень ныне опасаясь я безудержного его гнева. Ведь однажды без разрешения я его уже усыпил и, проснувшись, Зевс разъяренный по чертогу, как кукол всех богов разбросал, и меня бесследно с Эфира светоносного в Тартар бы скинул, если бы Нюкта, моя милая мать, меня

не спасла: только ее, богиню почтенную, древнюю он оскорбить не решился. Так, что нынче меня не проси невозможное сделать.

На это волоокая Гера, глядя на Гипноса сбоку прищуренным взглядом прекрасных глаз волооких, лукаво улыбнувшись, изменившимся голосом ему так сказала:

– Как жаль, Гипнос, что ты такой боязливый, а ведь я одну из всем желанных Харит, юную красавицу Евфросину, надумала уже замуж отдать за тебя.

Тут радостно Сон встрепенулся, чуть не разлив из кубка смешанную с соком можжевельника чудесную настойку из алого мака, которую он всегда имел при себе. Говорят, этот мак вырос из слез Афродиты, которые безутешно она проливали, после того как не разбилась, бросившись с Левкадской скалы от невыносимого горя, причиненного смертью любимого Адониса.

Вечно прикрытые сонные очи Гипноса ликующими огоньками вдруг загорелись и, царице в ответ так он нетерпеливо промолвил:

– Ну, это же в корне меняет все дело! Готов я безумствовать и всем рисковать! Давай же и ты, царица, прямо сейчас поклянись мне водой нерушимую Стикса, что за меня без обмана юнейшую выдашь Хариту, – ту Евфросину, которую я так давно и страстно люблю и видеть супругой желаю.

И богу сна не была непослушна Гера богиня великая по рождению высочайшему и царственному положению. Как

Сон просил, поклялась водой нерушимого Стикса Зевса супруга и в конце страшной клятвы даже сказала:

– Если я нарушу священную клятву богов, то пусть слуга Зевса Оркус, порожденье грозной Эриды, который карает за нарушение клятв, в укромном месте Аида будет держать меня бездыханной в продолжении целого года на разостланном ложе, без эфира, аэра, амбросии и нектара.

А после того, как окончила Гера для всех богов страшную клятву, в облако темное завернувшись, прынула бурной стопой и помчались на Олимп многохолмный.

Гипнос же незаметно подмешал свою маковую настойку в золотую чашу с нектаром, и эту чашу поднес на ежевечернем пиру красавец Ганимед своему любимому богу. И скоро Сон нетленные очи Громовержцу плотно смыкает, ступая по его векам мягкой, неслышной стопой, и Зевс, погрузившись в сладкое успокоение, крепко и надолго заснул.

376. Гера с помощью ветров насылает бурю на корабли Геракла

Издали, с высокого бело-золотистого, как ее волосы, облака заприметила златотронная Гера, как Геракл, одержавший победу над Троей, под белоснежным парусом мчится по широкому хребту глубокопучинного моря. Сильно она гневалась праведным сердцем, видя, как все ее старания погубить незаконнорожденного зевсова сына пропадают напрасно. И вот, дернувшись красивой своей головой так, что царственная диадема на пол со стуком и звоном слетела, она обратилась с такой к себе речью:

– Многим из нас, на многохолмном Олимпе живущим, терпеть приходилось от земнородных людей из-за распрей взаимных друг с другом. Вот и мне приходится часто ругаться с любимым супругом и братом из-за его многих детей, рожденных вне нашего брака, освещенного самим Роком. Однако сейчас он в полном согласии с Мойрой неподвижно на ложе лежит, наслаждаясь Гипноса даром сладчайшим. Так неужели я – богов олимпийских царица, пока Кроноид целый день и всю долгую ночь поживает, не смогу навсегда избавить освещенную солнцем землю от сына грязной потаскухи фиванской?! И это будет больше, чем справедливо, ведь из-за нечестивца Геракла надо мной, ни в чем не повинной, уже насмеваются богини и боги, конечно, когда я

на них не смотрю. Они говорят: чем больше я строю козни Гераклу, тем ярче его блистательная слава сияет.

Гера тут же призвала бородатого бога северного ветра Борей, ледящего души даже мореходов бывалых и, подняв руку, властно ему повелела:

– Ветер могучий Борей, движущий толщи воздушные мира одним своим дуновеньем! Дал тебе и твоим братьям Анемам власть Зевс мой супруг, бури морские смирять и вновь по своему желанию их мощно вздывать над влажной пучиной. Ныне враждебный мне муж нечестивый из поверженного им Илиона плывет по хребту широкодорожного моря. Придай же, Борей, своему клокочущему дыханию самую великую мощь, всю свирепость свою покажи и вместе с милыми братьями обрушь ее на Эгейское море, чтобы поднялась страшная буря и потопила быстроходные корабли Геракла, отплывшие от Трои, лежащей в пожарищах и в руинах.

Не был непослушен царице богов сын звездного титана Астрея и Эос с розовыми перстами, брат Зефира, Эвра и Нота. Борей, бурно разметав заросшие инеем космы, со злобным пронзительным воем быстро раскинул мощные крылья свои, и их холодящие взмахи землю овеяли всю. Взыбушевалось пространное море, начало покрываться все более и более высокими, пенными волнами. Северный ветер помчался на остров Эолию и там разбудил спящие в глубокой пещере ветры такими словами:

– Братья Анемы! Хватит вам спать, а ну просыпайтесь!

Ну-ка, давайте живо небо с землею смешаем и невиданные поднимем на Эгейском море влаги громады, как желает того златотронная Гера, законная наша царица!

Яростно ветры воспряли и со страшным шумом помчались, темные гоня облака пред собою и дую неистово, скоро моря, названного в честь бросившегося с морской скалы Эгея, достигли. От бури, свистящей, визжащей, воющей и ревущей, как лютый зверь, быстро вздыбились пеной покрытые буруны. Море вокруг гераклова корабля крутобокого возмутилось несказанно, и скоро огромные, словно влажные горы, волны, оглушительно загремели, словно тысяча барабанов огромных. Все вокруг наполнилось нескончаемым шумом и гулом. И крошечная тьма ниспустилась на почерневшую воду. Метались суда, зарываясь носами в кипящие высокие волны, громады которых с небесами вставали, как будто бы вровень. Так о крутые бока кораблей ударяли жесткие волны; все же самым могучим был приступ Посейдонова Девятого вала! И трепещущий бурной мощью бородастый Борей поднял громаднейшую волну, страшную, с верхом нависшим, и в геракловы корабли с размаху ударила роковая волна – убийца кораблей крутобоких.

Видя, какой не передаваемый никакими словами ужас творится вокруг, совсем духом все пали пловцы – спутники мощного духом сына Алкмены. Этот расплакался, как малютка, тот совсем отупел, плюя повсюду слюнями и кровью, другой истошно кричит, называя истинным счастьем обряд

похоронный на суше. Кто-то богов почитает обетом, – руки напрасно воздевает к небесам равнодушным, молит о помощи тщетно. Один вспоминает отца и братьев с любимыми сестрами; другой – супругу, милых детей; третий – полный всякого имущества дом, каждый припоминает самое дорогое ему из того, что он на желанной суше оставил.

Только духом огромный Геракл, в любом деле несгибаемый и упорный, был свято уверен, что смертный час его еще не пробил и так сам себе твердил, как заклинание:

– Нет, не время еще мне думать о смерти! Нельзя мне здесь умирать, ведь не будет утонувшему в море бездонном ни костра погребального, ни холма надмогильного, ни тем более – славы посмертной.

Без всякого страха, стиснув со скрипом зубы и низкие брови до предела нахмутив, он крепкой рукой за обломок мачты держался. Прав был дерзновенный герой – по замыслам вещей Мойр, причудливо вытканых ими в седой пряже столетий, он должен был после жесточайших мучений покрыться багровым облаком смерти, взойдя на громадный погребальный костер на суше – на высокой горе. Поэтому потонули все отплывшие с Гераклом суда в волнах разъяренного моря, кроме того, на котором он находился.

Зевс в это время почивал на мягких, словно из пуха, Гипноса крыльях, сладкое забвенье дающих, но старая обликом Мойра Лахесис никогда не дремала – она не позволила бушующим ветрам потопить чернобокий корабль, на котором

Геракл за обломок мачты держался.

377. Обессиленный морем и голодом Геракл выбирается на сушу

Потрепанное бурей судно Геракла с носами высокими, согласно замыслам вещей Ткачихи, отнесло к острову Кос (краб) и выбросило на каменный мыс Лакетер так, что там оно в щепки разбилось о прибрежные камни. Все погибли, кроме Геракла и нескольких спутников, оказавшихся в бурлящей, словно крутой кипяток, воде, и каждый спасался в одиночку, как мог.

Геракла сначала понесла пенная бурлящая волна на далекий берег скалистый. Там он все кости себе раздробил бы, если бы паническому страху безвольно поддался. Но крепкодушный герой не собирался без упорного боя и грозной морской стихии сдаваться. Содрогнувшись всем телом от сильнейшего удара о выступающую из воды одинокую вершину утеса, руками обеими за нее он ухватился и на ней он с горестным стоном висел, пока волна дальше к прибрежным скалам с ревом помчалась. Когда же немного отдышавшись, Геракл собрался уж плыть на видневшийся берег скалистый, как вдруг, от берега отразившаяся обратно волна с утеса внезапно его подхватила и умчала на влажном горбе далеко в открытое море. Так повторялось не раз, волны бушующего прибоя словно издевались, сначала позволяя пловцу поневоле за что-нибудь у берега ухватиться, а потом, опять увлекая

в бурлящий поток, уносили в кипящее море обратно. Сильно мешала герою львиная шкура, но он не бросил ее, ведь столько раз от верной смерти она его вызволяла, как никакой панцирь не выручил бы.

Наконец, Геракл решил нырнуть и поплыть вбок из kloкочущей пенной волны, набегавшей на берег. Он сколько хватило воздуха плыл и плыл под водой, но не на берег скалистый, а вдоль линии берега. Вынырнув, он почувствовал спокойную воду и медленно поплыл вдоль берега и на землю часто поглядывал, не найдется ль где-нибудь тихая заводь или берег без камней и утесов, отлогий. Так, плывя, добрался он до устья какой-то спокойной реки с песчаными пологими берегами. Это место очень удобным показалось ему, чтобы безопасно выйти на берег.

У совсем обессиленного морем Геракла на мелкой воде подкосились колени, когда он стал на ногах выбираться на сушу, и тогда он, страшно скрипя зубами, пополз на сочащихся кровью локтях. Когда почти ослепший и оглохший он выполз на сухую землю золотистого песчаного пляжа, у него, как колени, в локтях подкосились и руки. Совсем его бурное море смирило. Все его камнями избитое тело кровоточило и распухло; соленая вода через ноздри и через рот вытекала. Герой, прежде по силе сравнимый только с богами, сейчас совсем бессильно, словно деревянный обрубок, лежал: даже пошевелить пальцем руки или ноги не было сил, даже говорить сам с собой он не мог – в усталости был он невероят-

ной.

После того, как лучшая отрасль Громовержца отдышался и отдохнул так, что смог шевелиться, мысли невеселые его гудящую голову посетили:

– Даже не знаю: радоваться ли мне спасению из бурного моря?! Лучше бы мне умереть и конец неизбежный встретить с чудовищем в схватке смертельной или в жестоком бою, и была бы в Элладе мне великая посмертная слава. Нынче же жалкою смертью приходится здесь мне погибнуть от безмерной усталости и от жуткого голода, мучающего страшно проклятый желудок.

Так, должно быть, страдал Эрисихтон (разгребающий землю) сын Триопа, по жилам его Деметра нестерпимого голода муку разлила за то, что он ее дуб священный срубил, под которым дриады хороводы в праздник водили. Множество разных блюд Эрисихтон принимал, но ярый желудок требовал новых: в нем пища любая к новой лишь пище влекла, и безжалостный голод не притуплялся в желудке. Истратив на питание все имущество и отцовские средства, нищий, он заставлял отдаваться за деньги мужчинам дочь, которую звали Мнестра. Когда же дочь, как голубка, навсегда от отца улетела, он стал разгребать землю и питаться отбросами, оправдывая свое имя. Отбросов не хватало и, члены свои раздирая, зубами грызть несчастный Эрисихтон себя начал и, похрав сам себя, покончил с собой...

– Не ужель и меня Судьба, как триопова сына, хочет за-

ставить от голода грызть свое тело? – Не дожدهшься, Старуха! Крепок я еще духом!

Так тихо сказал сам себе Геракл, никогда унывать не умевший. Он быстро с духом собрался и первым делом хотел отправиться товарищей милых искать, если кто остался живой. Он вскочил и тут же упал – камнями до крови избитые и усталые распухшие ноги измученное тело совсем не держали. Тогда Алкид изругал себя за необдуманную спешку и приказал себе, прежде всего, успокоиться и отоспаться. Оглядевшись вокруг, он увидел большой ветвистый куст, сросшихся крепко друг с другом олив – благородной и дикой. Было видно, что не должен продувать того куста пронизывающий холод вокруг бушевавших ветров, не должны проникать струи дождя под его листья на ветвях густых, но место под ним должно быть согрето лучами яркого солнца.

Геракл, все еще плюясь соленой водой и посылая проклятья всем богам и в первую очередь злокозненной Гере, с огромным трудом дополз до такого желанного куста и с головой весь в него погрузился. Немного отдохнув, он нагреб разбитыми в кровь пальцами мягкое ложе из сухих листьев опавших, и, наконец, заснул, как убитый. Сон, тяжело упавший Гераклу неслышной стопой на ослабевшие веки, был такой беспробудный, что больше всего на смерть был похожим.

Немногие спутники Геракла погибли в буре с трудом избежали, когда корабль чернобокий о подводные камни мыса

Лакетер бушующими разбит был волнами. Из-за не смолкавшего ветра и бурлящих волн, от берега уносивших пловцов, долго они, как и Геракл, не могли выйти на твердую землю, а когда вышли – продолжали, как и он, жестоко страдать от безмерной усталости, голода и пронизывающего холодного ветра.

378. Ссора Геракла с Антагором

Проснувшись, немного отдохнувший, но по-прежнему еще очень слабый Геракл долго кричал, созывая товарищей спасшихся. Когда все собрались, оказалось, что выжили только 10 человек из полусотни героев, бывших на его корабле чернобоком, когда он отплывал из в прах поверженной Трои, и все десять, как один, говорили:

– Ничего не бывает зловреднее беспощадного моря: самого крепкого мужа способно оно вконец обессилить, даже Геракла, могучего предводителя нашего.

Изнуренный борьбой с грохочущим морем Геракл, так же, как и его немногие спутники, терял последние силы еще и от лютого голода. И тут им повстречалось большое стадо овец легконогих и несколько пастухов.

Один из пастухов, увидев незнакомых людей, не скрывая своего интереса, стал их мирно расспрашивать:

– Радуйтесь, чужестранцы, усталые с виду! Кто вы такие, откуда явились? Как причалить смогли, ведь нет здесь ни пристани, ни поселенья. И где ваша родина? Какого вы роду и племени?

Спутники расступились, пропуская Геракла вперед, и обессиленный особенно голодом герой потребовал у пастуха хотя бы одного барана на всех голосом подчеркнуто грозным.

Пастуха, у которого отпрыск Кронида потребовал барана, звали Антагор, он отличался могучим телосложением и был в расцвете лет и сил. Копной косматых волос и повелительным взглядом был он схож с Громовержцем Зевесом, станом и грудью – с владыкой морей Посейдоном. Так же, как бык племенной выдается меж всех в многочисленном стаде, – мощный бугай, среди коров примечаемый с первого взгляда, – так отличался Антагор от других пастухов. На его широком загорелом лице выделялся орлиный нос и суровые язвительные глаза.

Одетый в шкуру барса, пастух неприязненно взглянул на Геракла светлыми карими глазами и, погладив двумя пальцами красиво подстриженные серебристые усы, так со злобной усмешкой к нему обратился:

– Неужели сам великий Геракл на наш забытый всеми остров явился? Тысячеустная шумная слава и до нас о тебе долетела. Прости, что не узнал тебя сразу по этой шкуре каменнокожего льва, слишком она запачкана водорослями и липкой грязью. Наслышаны мы о твоих подвигах самых разных. Знаю я, что ты пахарей и пастухов, словно чудищ, доблестно убиваешь, если голоден, и они быка или овцу тебе добровольно не уступают. Что ж убей и меня, если сможешь, ведь и я добровольно овцу тебе не отдам.

Геракл разозлился от речи такой, в его усталых глазах промелькнули и изумление, и гнев, и даже страх безотчетный. Он сжал кулаки, так, что хрустнули кости, но, не чув-

ствуя в членах прежней силы огромной, сумел взять себя в руки и со спокойной угрозой ответил:

– Больно уж яр ты, дерзкий пастух, нехорошо говоришь! Человек нечестивый ты, видно! Неблагодарных наглецов у нас много в народе. Иль ты не знаешь, как много я настрадался, тяжелейшие труды совершая в схватках и битвах, чтобы такие, как ты, не страшились чудовищ и жили спокойно, стада свои умножая. О, неблагодарный мир! Ты начисто забыл меня? От зла и чудищ ты ныне страдал бы, не будь меня. А сейчас ты, бесчестный пастух, не хочешь даже накормить меня и товарищей милых, в конец обессиленных голодом! Ты поступаешь не справедливо и к тому ж нарушаешь все законы гостеприимства, установленные самим Зевсом Кронидом.

– Сейчас скорее разбойнику и злодею почет у нас воздается. В наш гнусный век безрадостный – где сила, там и правда, закон и право – в клинках мечей и на остриях копий, а у тебя, Геракл – в твоей дубине. Можешь, как угодно, восхвалять себя и славить прошлые заслуги, но я не уступлю тебе ни одного барана без борьбы смертельной, и жители другие, автохтоны Коса, все, как один, это одобряют. Не всех чужеземцев любят у нас и многих принимают прохладно, особенно таких героев, как ты, что убивают мирных пахарей и пастухов!

Геракл, забыв о том, как он ослабел от бури и голода, сблизил грозно у переносицы брови и заговорил, все больше и

больше разъярясь:

– Неблагодарность людей меня давно приводит в справедливый гнев, а в гневе я неодолимый и потому напрасно ты со мною бороться хочешь. И кто ты такой, что сам дерзаешь мне навстречу выйти? Лишь дети самых несчастных родителей желают встретиться со мною в поединке.

Сказал Геракл тоном преувеличенно грозным, но его голова вначале назад отклоненная гордо, к концу речи сама бессильно набок склонилась. Было видно, что он не жаждет бороться и пытается напугать противника, чтобы тот сам отказался от схватки.

379. Антагор напоминает Гераклу про убитого им Феодаманта

Однако меропский пастух был настроен решительно, он отложил в сторону посох и стал снимать плотный плащ. Тогда Геракл, сморщив нос и болезненно скривив губы, попробовал заговорить по-другому:

– Впрочем, нынче ослаб я от разных бед и скорбей, а сильнее всего – от зловредного моря. Претерпел я немало в битвах жестоких с врагами, а сейчас еще от волн разъяренного моря. Очень я так же обессилел от голода, ибо нет подлей ничего, чем наш ненавистный желудок. Давай пастух ссору оставим и мирно договоримся. Я прошу накормить нас, проявить к гостям радушие и гостеприимность, как того требует родитель наш Зевс.

Антагор, окинув Геракла полным испепеляющей ненависти взглядом, в ответ промолвил угрюмо:

– Вспомни Феодаманта, убитого тобой за то, что он своего кормильца пахаря-быка тебе взять не позволил, когда ты, как сейчас, голоден был. Вспомни супругу его беззащитную Менодику, которую ты изнасиловал прямо на пашне за то, что она красива была, а тебя, наевшегося, похоть переполняла. Вспомни, растлитель мальчиков, и сына их отрока Гиласа, которого ты увел для разврата за то, что он был юн и прекрасен.

От этих слов на изможденном лице Геракла появился жалкий оскал, и он воскликнул:

– Как речь твоя дерзка и обидна! Видят боги, что я мира хотел! Если ты не отступишь, то за слова нечестивые, что у тебя из ограда зубов излетели, головой мне заплатишь! Будем тогда мы с тобою биться без правил и сойдемся в кулачном бою беспощадном. Договор предлагаю такой, слушайте все: если этот пастух проиграет, то я, сколько пожелаю, баранов возьму по справедливому договору, а ему в утешенье жизнь, быть может, оставлю.

Геракл, от всех пряча глаза, сам себе лихорадочно нашепывал такие слова:

– Очень сильным и мощным выглядит этот проклятый пастух, но я свято верю в высокое предназначенье свое. Знаю, что Мойра мне возвышенную участь сплела, и какой-то безродный пастух не сможет меня сейчас победить, тем более жизни лишить. Я смогу собрать в железный кулак оставшиеся силы и им поразить дерзкого пастуха. И все-таки я не понимаю за что этот Антагор меня так ненавидит, как будто я его раньше сильно обидел и сейчас он хочет мне отомстить.

Геракл был совсем не далек от истины. Жена Феодаманта Менодика была с острова Кос и приходилась родной сестрой Антагору.

Скинув львиную шкуру и, оставшись в одной набедренной повязке, Геракл выпятил грудь и распрямил все еще мо-

гучие плечи и, сжав огромные кулаки, приготовился к борьбе. Антагор зловеще улыбнулся и тихо промолвил:

– Самонадеян ты и нагл, как всегда. В договоре указал только то, что возьмешь! А что ты отдашь, кроме своей героической жизни, если вдруг сам проиграешь?

Геракл несколько раз сжал и разжал кулаки, хрустнув костяшками и хрипло процедил сквозь сжатые зубы:

– Все, что ты пожелаешь. Старая львиная шкура вряд ли тебе приглянется. Однако буря нам оставила 5 острых мечей – все с серебряной ручкой, в ножнах из недавно распиленной кости слоновой и 3 украшенных медными бляхами семикожных крепких щита, – всем этим ты овладеешь, если небо вдруг перевернется, поменявшись с землею местами, и ты меня победишь.

380. Побезденный Антагором Геракл спасается бегством

И вот два силача медленно сошлись врукопашную. Геракл скоро понял, что схватка ему предстоит тяжелейшая, труднее, чем даже с ливийским Антеем. Сначала, казалось, что силы равны, они стояли, обнявшись, как братья, встретившиеся после долгой разлуки, и ни тот, ни другой не мог победить.

Голубые глаза смертного Зевсова сына давно потухли, должно быть он со щемящей тоской вспоминал, как раньше со всеми боролся в полсилы; сейчас же он из последних сил напрягался и все равно не мог победить могучего пастуха Антагора. Силы не евшего несколько дней сына Алкмены таяли на глазах, как последний снег в жаркий полдень весеннего дня, а пастух, наоборот, казалось, делался все сильнее.

И вот Антагор, стоявший, как скала, нерушимо, схватил Геракла за шею крепкими, словно клещи, руками и принялся душить. Прежде необорный герой изо всех сил пытался вырвать голову из железного захвата пастуха, но все его усилия были тщетны, в голове все кружилось, в глазах поплыл розовый туман. Гераклу показалось, что Антагор сейчас с хрустом сломает ему шею и все будет кончено. Он слышал не раз этот страшный хруст, когда другим шеи сворачивал и позвоночники, как тонкие палки, ломал.

– Попросишь пощады – останешься жить!

Словно из далека донеслось до Геракла, и он в мыслях лихорадочно стал сам с собой говорить:

– Вот так же в восемь лет я с двадцатилетним Тимофеем боролся. Он тогда тоже был сильнее меня, но я победил, хоть и с нарушением правил. Я и сейчас бы Антагора загрыз, но он держит так, что зубы никакой не находят работы. Знаю, что Роком мне суждено побежденным быть не живым человеком, но чувствую, сейчас последние силы оставят меня, руки падут и совсем ослабнут колени... но никто никогда не заставит меня умолять о пощаде. Только о помощи, чтоб победить... О прекрасное дитя Зевсово, увенчай победой копье свое нетленное, нечестивому Антагору направь его прямо в грудь.

Но не желала Афина Гераклу внимать, и тогда он спасшихся вместе с ним эллинов, которые тут же, рядом стояли, хриплым голосом из последних сил призвал на подмогу:

– Други! Помогите... мне победить!

Последние слова Геракл произнес еле слышно, они поднимались из самых сердечных глубин, и внутренность вся у него трепетала.

Товарищи сразу дружно бросились на помощь Амфитриониду. Двое или трое мгновенно повисли на шее Антагора справа и слева, двое других разжимать стали руки его на шее Геракла, остальные за икры и бедра пастуха захватили. Так на скотном дворе облепляют полный подойник немолч-

но жужжащие в воздухе вездесущие мухи в то время, когда молоко наливают в амфоры и другие сосуды. Так и Геракла товарищи верные облепили могучего Антагора, и тот вынужден был уступить.

Муж, могучеством некогда всех превзошедший, сейчас в изнеможении повалился на землю – у него окончательно подкосились колени. В это время опомнились и стоявшие поодаль мерыпы, и к Антагору поспешили на помощь, говорят, драка вышла жестокая.

Некоторые, подобно Плутарху, говорят, что тут-то Геракл, совсем изнемогши, не стал дожидаться конца драки и бежал с поля боя, как заяц от борзой собаки, к какой-то фракийке и скрылся, переодевшись в женское платье.

Те же, кто любит прославленного героя, говорят, что ни один человек в здравом уме и памяти не назовет Геракла жалким трусом, ведь это и неслыханная дерзость, и полная бессмыслица. Якобы, товарищи уговаривали его бегом временно отступить от превосходящих сил противника, но он им твердил:

– Нет! Не говорите никто мне о бегстве, меня на него вы не склоните. Не в породе моей, чтоб от постыдного страха трястись при виде врага. Нет, не видать лучам Гемеры, чтоб сын Алкмены от врага убежал... Хоть и ослаб я от голода и бурного моря, но есть у меня еще дерзкая сила и дух мой, как всегда, крепок.

Однако и самые горячие почитатели отпрыска Зевса рас-

сказывают, что он все же покинул сражение бегом, но совсем не позорно. Как застоявшийся конь, с громким топотом по полю мчится, сорвавшись с привязи крепкой, к пастбищам сочным, гордый собой. Быстро, легко он летит, над землей расстилаясь. Высоко голова. По лоснящимся от пота плечам его грива косматая бьется неслышно. Полон сознания мощи своей и красоты он. Так же и рожденный Алкменой герой неся, как ветер, по полю от временно проигранной схватки.

Как бы там ни было, но вечером знаменитый герой живой и здоровый укрылся у какой-то красавицы фракиянки очень высокого роста и мощного телосложения.

381. Геракл просит убежища у красавицы фракиянки

Измученный бурей на море, голодом и поединком с могучим пастухом Антагором Геракл пал с мольбой перед фракийской девой, у которой не помнит, как оказался. Он быстро коснулся правой рукой полного ее подбородка и левой обнял пухлые ей колени, а потом страстно воскликнул:

– Дева, прекрасная ликом и ростом, я колени твои обнимаю! Смертная ль ты иль богиня, я не знаю! Если ты одно из божеств, обитающих на Олимпе высоком, то на Артемиду, стрелолюбивую дочь Зевеса, больше всего ты похожа и чудным ликом, и ростом огромным. Если же смертная ты и здесь, как мы все, на земле обитаешь, – трижды блаженны твои мать и отец, и братья твои трижды блаженны! Кто тебя в дом свой супругой введет, бесценными превзойдя всех дарами, тот будет мужем самым счастливым. Смертных дев, красотой подобных тебе, не видал до сих пор никогда я и, наверное, уж не увижу. Изумляюсь и люблюсь я, на тебя глядя!

Фракиянка, слушая пылкую речь Геракла, блаженно улыбалась и млела, и, заметивший это отпрыск Зевеса, быстро продолжил:

– Жалость яви, умоляю! Пусти меня в дом свой, накорми и дай мне на время одежду другую, видишь, что моя туника

и лвиная шкура вид имеют ужасный, они все еще в вонючей грязи береговой и морской затхлой тине засохшей.

Геракла навряд ли сейчас узнал бы самый догадливый эллин, до того с головы до пяток он был весь кровоподтеками усеян и синяками, запачкан и грязью, и тиной, и пылью.

Ситонка младая, никогда не видевшая Геракла, лукаво улыбнулась разразилась в ответ речью длинной такую:

– Странник! Хоть видно, что ты безмерно уставший и весь очень грязный, но на мужа безродного или злодея – разбойника ты не похож. Благоденствие и везение Зевс меж людей и благородного, и низкого рода распределяет как, пожелает, по собственной воле. Нынче же, раз по желанию Мойры ко мне сюда ты в таком виде явился, то ни в одежде моей нужды не увидишь, ни в пище, ни в чем-либо прочем, что корабельщикам, случайно на наш остров заплывшим, из жалости мы подаем... Стой, могучий красавец! Знаю на кого ты похож своим видом бесконечно усталым – на влюбленного в Геро Леандра, страдальца-пловца, который в надежде, на радость, свиданья с любимой, всю ночь носился по гребням кипящей пучины, бурно шумевшей. Волны, кругом громоздясь и бушуя, бросали и били тело Леандра, и сила в ногах у него иссякла, и ослабели его утомленья не знавшие руки. Волны бездушные сомкнулись над ним навсегда, а ты выплыл и явился ко мне потому, что ты не только, как Леандр, красивый, но и силы невероятной, никогда я не видела рук мощных таких, такой могучей груди и таких бедер прекрас-

ных... а я тут, так же как прекрасная дева Геро, не ведая брака, в доме предков старинном живу у самого моря. Скажи только честно, я ведь похожа на красотку Геро?

Сверкнув карими озорными глазами, фракиянка младая спросила и, не дождавшись ответа от замешкавшегося Геракла пригласила его в баню с хорошо утрамбованным полом и даже его за руку сама отвела. Там Геракл первым делом и голову, и спину, и грудь, и сильно похудевший живот, и руки, и ноги от грязи и тины отмыл горячей водой в прекрасноотесанной ванне и потом густо намазался благовонным маслом блестящим. И в том, и в другом деле приятном ему пышнокосяя помогала хозяйка с проказливыми карими глазами, и потому оба дела приятны ему были вдвойне.

Геракл попросил, чтобы гостеприимная дева чистый плащ и хитон перед ним положила, чтоб мог он одеться, ибо постиранная служанкой львиная шкура в длительной сушке нуждалась. Однако незамужняя фракиянка с улыбкой веселой предложила ему лишь свое женское длинное платье, пестрое, мягкое, с поясом прекрасным на бедра. Амфитрионовой ветви ничего не оставалось, как надеть это прекрасное платье из ткани тончайшей, хотя бы до того времени, когда высохнет выстиранная шкура клеонского зверя. Платье пришлось Гераклу почти в пору потому, что хозяйка была очень мощного телосложения и высокого роста. Она была несколько не хуже нимфы лесной или даже бессмертной богини станом могучим своим и крупным лицом, своими полезными

для гостя делами и нравом веселым.

Некоторые говорят, что в дом к фракиянки приходили меропы, разыскивающие сбежавшего из свалки дерущихся Геракла, но при плохом освещении они, его, не узнав в женской одежде, приняли за сестру фракиянки.

382. Геракл у фракиянки за столом и на ложе восстанавливает силы

После бани фракиянка приказала служанке перед гостем поставить большой кувшин из серебра с золотой чеканкой тонкой работы с ручной водой в глубоком тазе тоже серебряном. После сама расставила стол она огромный и гладкий, на который тут же много разного хлеба, сыра, орехов и фруктов положила почтенная ключница, взяв их щедро из хозяйских запасов. А потом много кушаний разных из печеной рыбы и жареного на углях мяса сама хозяйка обильно прибавила, как только они были готовы.

Изголодавшийся герой, похудевший живот досыта наполнял пищей прекрасной и дух укреплял себе лучшим красным вином, привезенном в огромных амфорах фракиянке на быстрых судах знакомыми купцами со знаменитого своими темными искрометными винами с ароматом розовых лепестков, острова Хиос. Хозяйка села за стол рядом с гостем и вместе с ним усердно пищу вкушала, хоть до этого и не голодала. Служанка к ним подходила то и дело, вина подливая обоим в двуручные кубки золотые.

Яркое солнце, между тем, уж давно опустилось в прекрасный залив, отделяющий остров Кос от полуострова Малая Азия. Покинул Гелиос тёмно-медное небо, чтоб свет свой до утра на тучную землю больше не лить ни для бессмертных

богов, ни для людей, порожденных для смерти. Златотронная Эос сонно потягивала над засыпающим миром свои последние в этот вечер розовые персты.

После того как желанье питья и еды радушная хозяйка и гость незванный вполне утолили, новым желаньем зажглись их радостные сердца, но захотелось им совсем не музыки, песен и плясок – услад восхитительных всякого пышного пира. Захотелось герою и красавице фракиянке на прекрасное ложе возлечь, но совсем не затем, чтобы дарами сладкими сна насладиться. Они вместе возлегли на огромную, как небольшая площадка для танцев, постель, желая насладиться любовью и лаской.

Ситонка, восхищенная мужской доблестью Геракла, во время кратких перерывов между пылкими объятьями и страстными поцелуями, всю ночь без устали разные вопросы ему задавала, лукаво сверкая карими озорными глазами:

– Теперь, когда телом ты чистый и в новое платье одет, дай мне, прошу я, ответы правдивые, чтобы доподлинно знать мне: что ты за странник, скажи, такой большой и красивый? Кто ты такой? Родители кто? Из какого ты города родом? Ко мне прибыл откуда? Зачем бурей морской ты на наш маленький остров занесен из чужедальних краев? Не будешь ли ты теперь мне милым супругом?

Как только красивый рот ее с ровными белыми зубами и блудливые красные губы освободились от пламенных поцелуев, довольная фракиянка опять задавать начинала вопро-

сы:

– Ты, хоть теперь, когда уже овладел мною дважды, мне скажи откровенно, ничего от меня, не скрывая: что за человек ты так странно одетый – в толстую львиную шкуру? На варвара ты не похож. Смертных, подобных тебе, не видала до сих пор никогда я. Или же ты бог, владелец блаженный нетленного жилья на холмистом Олимпе? Телом могучим и всем своим видомходишь ты не на смертнорожденных людей, – на бессмертного бога. В образе странников всяких нередко и вечные боги по городам и островам нашим гуляют, различнейший вид, принимая с целями самыми разными. Ты ж ко мне нарочно с праздничного неба спустился, чтоб обладать мною вечно?

Насытившемуся Гераклу было не до пустых разговоров – его интересовали только любовные ласки, и, конечно же – сладостный сон. Сон на берегу был тягостным и беспокойным, а людям, смерти подвластным, долго оставаться без здорового сна невозможно. Ночью беспокойной герой лишь урывками спал по известным причинам, но под утро сон могучий, разрешающий скорбь у людей, до конца расслабляющий члены, безраздельно им овладел. Про все отпрыск Зевса забыл – и про печаль, и про радость, и про безмерную свою усталость, лишь Морфей глаза ему мягко, но крепко покрыл, словно крепчайшей маковой настойкой друг к другу ресницы и веки приклеил. Однако не всякий сон разрешал скорбь у людей и расслаблял им напряженные члены, неко-

торые сны превращались в ужасные ночные кошмары. Под утро Гераклу приснился могучий пастух Антагор, который всюду его преследовал и в борьбе, словно мальчика, легко побеждал.

383. Геракл убивает Еврипила и сочетается с Халкиопой

На следующее утро, когда розоперстая Эос в платье шафранном широко распростерлась над морем, окрасив его в нежно розовый цвет, Геракл еще спал. Он проснулся, как обычно бодрый и сильный, только тогда, когда Эос уже уступила на небе место Титану. Лучистая краса небес, податель света благодный, без отдыха эфирное пространство объезжающий, уж приближался к середине неба – нетленного владения бессмертных.

Восстановив силы обильной едой и продолжительным сном на общем ложе с фракиянкой, Геракл почувствовал, что усталость, наконец-то, ушла, и тело ожило, прежняя непобедимая сила вернулась, опять хотелось жить, бороться и побеждать.

Герой, вновь почувствовав, что могучеством он всех людей превосходит, вступил в беспощадный бой с жителями острова Коса потому, что в его жизнь опять вмешалась Гера – она явилась к сонному царю острова Кос Еврипилу и сказала:

– Море широкое переплыв, к вам на остров пираты явились, а их главарь Гераклом себя называет. Много вреда они вам принесут, если ты не воздвигнешь на решительный бой всех меропов и не прогонишь разбойников, которые, рыская всюду по беспокойному морю неисчислимыя беды несут лю-

блящим мир и свободу жителям местным.

Меропов кровожадный Арес на сражение возбуждал, а также ничем ненасытная Распря-Эрида, его непременный спутник в жарком бою. В рваной кровавой одежде своей, ликуя, Распря всюду блуждала, следом за ней безумная Энио, исступленный рев издавая, с бичом кровавым носилась. Стала Эрида во весь рост на высокой скале, чтоб голос ее отовсюду на Косе был слышен и закричала так сильно и страшно, что у каждого меропа в груди возникло страстное желание доблестно, не зная усталости, биться с врагами. Потом Эрида, в толпы воинов замешавшись, неистовой злобой тех и других распалила, чтоб только воинов тяжкие стоны умножить.

Геракла же с горсткой товарищей милых, говорят, поддерживала богиня войны справедливой могучая и мудрая Паллада-Афина. Амфитрионид, став опять самым сильным из смертных, многих тяжело ранил дубиной, еще больших из лука убил, а остальных обратил в позорное бегство.

Сражаясь, Геракл, обуреваемый сначала демоном мести Аластором, а потом богиней безумной ярости Лиссой, буйно свирепствовал, ни во что не ставил ни мужей, ни богов. Обладая бешенством страшным, все время он дико кричал, вызывая Антагора на новый поединок:

– Где ты мерзкий пастух Антагор?! Подлый трус, заячья душа, лишь с ослабевшими от бури и голода ты можешь бороться, собака! Слушайте меропы меня! Снова я вызываю

вашего Антагора на поединок, ибо вчерашняя схватка не честной была. Я требую справедливости! Вчера мое тело было сильно измучено бурей на рокочущем море и многодневным голодом обессилено. Члены все ослабляют жажда и голод. Сегодня после того, как я силы свои укрепил сном, вином и едой, весь день напролет я готов с вами сражаться. И, хоть сегодня я еще не обрел прежнюю силу, все же гордое сердце и дух мой отважный к новому поединку с Антагором меня побуждают. Почему Антагор вчера жаждал со мною бороться, а сегодня я его нигде найти не могу?! Если не выдадите пастуха Антагора, меропы, то головами своими заплатите мне за его гнусность и трусость.

Так хотелось Гераклу смыть кровью противника свой вчерашний позор. Ведь низринуться великому герою в прах с большой высоты много больней и страшней, чем обыкновенному мужу упасть, на земле обитая. Однако ни среди меропов, оставшихся в живых, ни среди убитых в бою не было Антагора. Оказалось, что могучий пастух ушел ранним утром, к работе зовущем, со своими овцами и баранами на новое пастбище в горы.

Некоторые говорят, что Геракл захватил остров, убив при этом царя Эврипила, сына Посейдона и Астипалеи, дочери Феникса, основателя финикийского царства. При этом он тяжело был ранен копьем в левый бок сыном Эврипила и Клитии Халкодонтом. Геракл продолжал мужественно сражаться, в то время как из раны его горячая кровь вытекала. После

того же, как рана подсохла и кровь унялась, острая боль все тело Алкида пронзила. Как роженицу терзают жесточайшие боли при схватках, – столь же острая боль проникла в тело Геракла.

Зевс, справедливости главный охранник, взял подаренные Мойрой весы золотые, и на нетленные чашки бросил два жребия смерти, несущей страдания людям, – Халкодонта жребий один, а другой – своего смертного сына Геракла. Когда поднял он за середину весы, то увидел, что Халкодонтов жребий поникнул, – вниз устремился, к Аиду. Только после этого Зевс позволил милому сыну живым покинуть сражение. Вестник Зевса Гермес, по приказу родителя, окутав смертного брата непроницаемым облаком, вынес с поля сражения...

Говорят, осилив меропов и очистившись от убийств, отпрыск Зевеса, вновь непобедимо могучий, оставил приютившую его ночью безымянную красавицу – фракиянку и взял деву в косах прекрасно сплетенных – еврипилову дочь Халкиопу в жены. На свадебном обряде он был одет в пестрое женское платье с поясом пышным на бедрах, полученное от фракиянки с телом мощнопрекрасным. Потому-то, согласно преданию, с тех самых пор жрец совершает обряд на том месте, где пылало сражение, а женихи принимают своих невест, наряженные в пестрые женские платья.

Над Гераклом совершили обряд очищения от пролитой накануне крови, и через 9 месяцев после свадьбы Халкиопа

родила ему сына Фессала. О самом Фессале известно немного, в отличие от его сыновей. Антиф и Федипп, сыновья Фессала и внуки Геракла привели под Трою с Нисира 20 кораблей равнобоких. Антиф после падения Трои захватил землю пеласгов и назвал ее по имени отца Фессалией. Федипп же при возвращении из-под [Трои](#) попал в бурю, и его вместе с другими жителями Коса прибило к [Кипру](#), где он поселился и, состарившись, умер.

384. Проснувшийся Зевс ругает и пугает Геру

Между тем, Зевс-Промыслитель, над бессмертными всеми мощно царящий, проспав ночь и день, наконец, проснулся и сразу понял своим разумом мощным, что Гипнос его усыпил против воли и не без участия злокозненной Геры. То, что сделала супруга ужасно ревнивая показалось Крониду верхом несправедливости, а он был главным охранником Правды.

Бог всемогущий, как стихия, не властный лишь в себе самом, так рассердился, что в могучей груди его справедливое сердце ужаснейшей наполнилось злобой, и яростно очисти мстительными загорелись огнями. Бог чернотучий, живущий в горнем эфире, опять хотел Гипноса низвергнуть с высоких небес в подземное царство Эреба, но мать его Нюкта опять заступилась за милого сына, спрятав его, как всегда, под своими черными крылами-одеждами. Зевс древнюю Ахлиду – Тьму бездонную, беспроглядную, по-прежнему злить не решался, ведь жгучих молний черная Ночь не боится, и живет она постоянно и так в сумрачном Тартаре, не имеющем дна.

В бессильной злобе Зевс нетленными бровями долго вращал, скрежетал зубами и так тряс косматой головой, что все Олимпа заснеженные холмы и ложбины содрогались и кре-

нились, как кроны высоких деревьев под порывами ураганного ветра. Устрашенные повыскакивали из светлых своих жилищ олимпийских бессмертные боги. Очень опасались они, что Зевс свирепствовать будет и похватает многих из них без разбора, не заботясь о том, кто из них прав, кто виновен и схваченных всех низвергнет с Олимпа в Тартар бездонный.

Когда олимпийский Блистатель, наконец, успокоился, то решил примерно для всех наказать зачинщицу новых мучений Геракла – волоокую Геру, свою не в меру ревнивую сестру и супругу. Призвав к себе Геру и олимпийцев, он встал перед всеми во весь рост свой огромный, широко ноги расставил, руки сложил на груди и только потом хмуро взглянул на супругу исподлобья серыми, как камень, глазами и мрачно ей возвестил:

– Неисправима и коварна ты Гера! Молчи, знаю я все! Ведаю, как Гипноса ты упросила, посулив ему в жены Хариту, усыпить меня против воли надолго. Знаю и о том, как с помощью послушных тебе ветров ты наслала на сонно-спокойное море великую бурю. Злоумышляя, пыталась ты потопить моего лучшего смертного сына Геракла, и, не сумев, гнала ты его по крутым хребтам широкодородного моря, пока, наконец, не загнала к хорошо населенному острову Косу. Там обессиленного морем и голодом, его вчера чуть не убил злой пастух Антагор из кровной мести за сестру родную Менодику и за мужа ее Феодаманта, а сегодня Халкодонт его ранил.

Геракл, однако, жив и непоколебимо здоров, и с горсткой юношей победил в битве меропов, несмотря на все твои козни! Может ты себя мнишь настолько могучей, что происка-ми своими намереваешься Рок превзойти? Только не знаю, не первая ль ты от плодов своих козней вкусишь, если я тебя избичую ударами молний! Или ты надеешься, что тебе дру-гие боги помогут или, что меня удержат непреложные Мой-ры? – Зря уповаешь!

На это, с горечью в голосе и со скупыми слезами на пре-красных щеках, богу-супругу, чьи руки молнии мечут, воло-окая Гера так отвечала:

– Что за слова, жесточайший Кронид, ты сейчас ко мне об-ращаешь? Зачем ты меня перед всеми насельниками Олим-па угрозами унижаешь? И так мало мне чести меж всеми бо-гами из-за того, что постоянно ты мне изменяешь, а ведь как раньше мы любили друг друга!?! Теперь еще и молниями мне ты грозишь и пугаешь, словно я тебе кровный враг! А ведь бог я такой же, как ты, одного и того же мы рода, ты, верно, забыл, что я сестра твоя и супруга. Что же мне делать, как с тобой дальше жить? Больше на ложе к тебе не взойду. Буду я с этой поры, как не родная, находиться от тебя в отдаленье меж других божеств и богов.

Знал прекрасно премудрый Кронид, что открыто язви-тельной не всегда бывает супруга, порой очень изощренной она бывает в словах и на все готова ради могучести и расши-рения собственной власти.

– Гера, сестра и супруга любезная! В последние годы опять слишком часто ты забываешь, кто из нас главный! Иль совсем ты забыла, как в небе висела, когда затеяла бунт и с другими богами меня оковать попыталась? Я тебя тогда сам оковал. На ноги тебе я две тяжелые наковальни повесил, а руки связал неразрывной веревкой, и ты над облаками в прозрачном эфире висела. Сочувствие к тебе испытали многие милосердные боги на великом Олимпе, но освободить тебя не дерзнули. Знали все, что, если кто и попытался бы тебя отвязать, я, ухватив, с мощных высот олимпийских швырнул бы его вниз, и на твердую землю он, оглушенный, упал бы... Гера! Решенья мои не всегда ты надейся понять, а поступки мои не нуждаются в твоём одобренье! Тяжки, поверь мне, поступки мои тебе будут, хоть ты и жена мне. Если будешь противиться мне и козней коварных своих не закончишь, то тебе ж будет хуже. Запомни ты, и вы боги, запомните: если я так поступаю, то, значит, мне это угодно! Впредь Гера, лучше все молча сноси, и тому, что скажу, безропотно повинуйся. Все божества, сколько есть на Олимпе, и сами непреложные Мойры тебе не помогут, если я, встав, как сейчас, наложу на тебя необорные руки.

Так произнес Зевс Эгиох и в подкрепление своих слов поднял над головой супруги свои мощные руки. Чтобы руки казались более устрашающими Зевс растопырил все пальцы, хоть в его всегда властных глазах, когда он на миг отвернулся от Геры, мелькало что-то очень лукавое.

В несказанный ужас пришла волоокая Гера, страшно она побледнела и со словами крылатыми так обратилась к Зевесу:

– Пусть мне свидетели будут земля полногрудая и высокое небо, и грозные Стиксовы воды, глубоко под землею текущие, что буду отныне во всем тебе я покорна и всегда той дорогой идти, которую ты мне укажешь.

Отец мужей и богов в косматую бороду чуть усмехнулся довольный и, усмешку от супруги скрывая, кустистыми помавая бровями, примирительно молвил жене:

– Ну, волоокая Гера, владычица горних высей Олимпа! Посмотрим, насколько теперь тебя хватит. Сейчас ты, молча пойдешь в свою прекрасную спальню и будешь там сидеть неотлучно, пока выйти я не позволю.

Зевс не раз уже запирали царицу в своих звездных чертогах, запрещая без разрешения их покидать, и сам в это время спешил на землю, чтобы сочетаться любовью с какой-нибудь новой девой, для смерти рожденной. Однако на этот раз Кронид сошелся с нимфой, а не со смертной, ибо после рождения Геракла, он прекратил свои любовные связи со смертными женщинами. Зевс не надеялся уже произвести на свет кого-либо более достойного, чем сын от Алкмены, а присоединять к лучшим детям худших он не желал.

385. Геракл убивает сына Астидамии Лепрея

Когда Геракл много лет назад очистил скотный двор Авгия, нашелся некто Лепрей, юноша, с кожей, как у девушки нежной, но с грубой душой.

Одни говорят, что из зависти черной к славе Геракла, молвой разносившейся по всем уголкам гордящейся Правдой Эллады, или желая выслужиться перед царем, или просто по отроческой глупости, он посоветовал элидскому царю заковать героя в прочные кандалы, если тот, набравшись наглости, осмелится просить плату за чистку конюшен.

Другие рассказывают, что мать Лепрея Астидамия была любовницей молодого Геракла задолго до очистки конюшен Авгия и даже, согласно свидетельствам Аполлодора и Диодора, имела от него сына Ктесиппа. Юный Лепрей сильно ревновал мать к Гераклу и Ктесиппу и именно поэтому хотел, чтобы Авгий надел на него тяжкие цепи.

Женщин по имени «Астидамия» в жизни Алкида было две, и обе были его любовницами. О дочери Аминтора Астидамии речь пойдет впереди, когда Геракл после свершения всех предначертанных Судьбой подвигов и выполнения основных трудов будет уже женат на Деянире.

Вторая Астидамия известна, как жена Акаста, царя славного города Иолка, знаменитого тем, что оттуда отправились

за руном золотым аргонавты во главе с юным героем Ясоном. После того, как молодой Геракл сделал эту Астидамию женщиной и по своему обыкновению на следующий день оставил, она вспылала жгучей страстью к женатому чужеземцу Пелею. Однако тот любил супругу и потому отверг ее, и тогда она коварно оклеветала его. Астидамия утверждала, что Пелей пытался ее изнасиловать, и в доказательство этой лжи она показывала синяки на теле, которые сама же себе и нанесла. Жена Пелея Антигона поверила и повесилась. Пелей возненавидел Астидамию, и она без любви стала жить со слабовольным Кавконом, от которого родила сына Лепрея. Лепрей вырос в семье, где вместо любви правила бездушная ложь и стал дурным человеком.

Астидамия, с умом осторожным и хитрым, как у бездомной собаки, узнав, что могучий Геракл собирается в поход против Авгия настоятельно советовала милому сыну:

– Слушай сын мой, всегда безупречный, что тебе поведаю я! Ты вечно был таким бесхитростным у меня, что потом тебе страдать приходилось за свою простоту. Поступи же сейчас так, как просит тебя мать, которая больше всех тебя любит. Слышала я, что Геракл в поход против Авгия собрался, а ведь ты царю советовал его в кандалы заковать. Если явится к тебе Геракл, ты прими его, как великого героя и пышный пир устрой в его честь. Как бы ты плохо не думал о нем про себя, говори с ним как можно радушнее и проси его о прощении своих необдуманных слов, когда ты предлагал его

оковать. Скажи, что был тогда совсем юным и глупым и о великих подвигах его не слышал. Только не вздумай один на один биться с ним на поединке, ведь с этим мужем нельзя обычному человеку на бой выходить – никто не может сравниться с ним силой! С ним, подвизавшись, ты только верную гибель найдешь, преждевременно спустившись в ужасное жилище Аида, ибо много тебя он сильнее. Не пожалеет тебя убийца злокозненный этот, не постыдится лишить слабого жизни! О, если б, я сама, в печень Алкида, вцепившись зубами, могла ее разгрызть и съесть, ведь сын мой слишком юн и недостаточно послушен, чтобы неясное сердцем принять... Любимый мой Лепрей, мальчик ненаглядный, тебя я умоляю, меня ты пожалей, с Гераклом будь хитрей, чтоб милой жизни не лишиться.

Лепрей сначала делал все, как его милая мать научила. Геракл, услышав его сожаление о том, что он предлагал его заковать в кандалы, приподнял низкие брови и постарался придать лицу простодушное выражение. Так он сделал вид, что простил Лепрея. И тут же, как будто в знак своего расположения, вызвал его на дружеское соревнование в особенном троеборье: метание диска, питье воды двуручными кубками из ведер и поедание целой туши быка.

Прямодушный сын Астидамии, не видя для себя никакой опасности, согласился. Геракл победил в метании диска и питье воды, но нарочно поддался в поедании быка. Он, хоть и съел меньше Кавкона, сделал вид во время соревнования,

что есть больше не может потому, что у него уже совсем переполнен желудок. Геракл нарочно сильно выпятил живот и стал его гладить, при этом он так шепотом себе говорил, чтобы не слышал Лепрей:

– Скоро уже жестоко я тебе отомщу, мерзкий Лепрей. Но теперь я поумнел: я убью тебя так, что люди меня не назовут нечестивцем, убившем хозяина, давшего пищу и кров. И боги сурово меня не накажут болезнями тяжкими, ведь я постараюсь, чтобы ты вызвал на поединок меня и тогда ты сам будешь виноват в своей смерти.

Время не исправило злобного, но простодушного сына Кавкона и Астидамии. Лепрей все так же в душе ненавидел Геракла и горел жгучим желанием его погубить, чтобы, наконец, отомстить за себя и за милую мать. Он, с помутившимся от вина рассудком, крикнул:

– Я съел больше тебя, и потому я сильнее, ведь в животе у человека вся спрятана сила! Теперь же я вызываю тебя на поединок с оружием. Я буду биться длинным мечом, а ты – чем захочешь.

Геракл выбрал любимую отполированную его ладонями палицу, осененную бледной красой дикой оливы. Схватка была совсем недолгой, да и можно ли это убийство схваткой назвать: Алкид решил не нападать первым и сначала без труда уклонился от неумелого удара Лепрея тяжелым мечом и тут же поразил неугомонного врага насмерть своей дубиной, проломив ему грудь до самого позвоночника.

386. Геракл защищается от мести Астидамии

Когда Геракл убил ее отпрыска от Кавкона Лепрея, Астидамия люто возненавидела его. Она была очень красивая: черноволосяя, высокая, с грудью упругой и стройными в меру пышными бедрами. У нее были западающие в душу выразительные глаза, большие чувственные губы и ровные зубы цвета свежего молока. Она всегда нравилась мужчинам и, придя к судьям, Астидамия, сверкая своими красивыми темными глазами, стала требовать справедливого наказания для Геракла:

– Когда Геракл к моему сыну в гости пришел, то был им принят приветливо и радушно. Боги Геракла одели силой невероятной, чтобы он от чудовищ людей защищал, чтобы гражданам он благодетелем был. Он же гостеприимного хозяина, слабого телом, дубиной зверски убил. Я требую непредвзятого суда над нечестивым Гераклом, чтобы понес он справедливую кару!

Геракл правильно все рассчитал, и Астидамии, несмотря на ее редкостную красоту, восхищающую мужской глаз, все судьи отказали и единогласно слова такие сказали:

– Не обижайся Астидамия, но Геракла мы не будем судить, и не из-за его прежних заслуг пред людьми, они не дают ему никаких привилегий. Мы заранее считаем его не ви-

новным потому, что он поступил справедливо, ведь Лепрей сам его вызвал на поединок, и герой-истребитель чудовищ убил его простой палкой, от меча защищаясь.

Большой рот Астидамии, слушавшей судей, исказился в неопределенной улыбке, хотя темные усики на верхней губе гневно дрожали. Вслух она ничего не сказала, но любящему сердцу материнскому своему потом обещала:

– Они мне говорят, что Геракл справедливо моего сына палкой убил потому, что тот на него мечом замахнулся. Но ведь он и 12 таких, как Кавкон, голыми руками убьет. Я добьюсь, чтоб истинная справедливость восторжествовала, я на все пойду ради Правды. Все средства хороши, когда они помогают достичь справедливости. Если я не могу наказать Геракла, как убийцу моего милого сына, то я накажу его, как насильника нечестивого. Я скажу, что он зверски меня изнасиловал и приведу доказательства, которым нельзя не поверить. Это будет святая ложь во имя справедливости!

И вот этой же ночью она явилась к Гераклу, якобы затем, чтобы помириться с ним, простить его за убийство Лепрея и, совершив возлияние подземным богам, выпить вина медосладкого за то, чтоб душа ее бедного сына обрела в Аиде покой. Опьяневший Геракл не помнил, как с Астидамией оказался в постели, которая беззвучно шептала:

– Делаю я то, на что не решилась бы ни одна женщина: руки, обогранные кровью моего несчастного сына, я к губам прижимаю и тело свое отдаю ему для сладострастных утех!

Когда Геракл уснул, Астидамия нанесла себе ногтями и различной посудой, оставшейся на пиршественном столе, множество ушибов и ран. На следующее утро она страшно избитая вышла из спальни Геракла и громко стонала от боли, чтобы люди обратили на это внимание.

На новом суде дрожащим от притворных рыданий голосом она утверждала, что пьяный Алкид прошедшей ночью затащил ее на свое ложе и зверски изнасиловал. В подтверждение своих слов она показала всем огромные синяки на точеной своей шее, сильные кровоподтеки, глубокие царапины и ссадины на руках и ногах. Не поверить таким явным доказательствам было невозможно, и все же судьи сомневались.

Тогда Астидамия, якобы для того, чтобы показать синяки, распахнула свое платье и открыла судейским взорам волшебную красоту своих дивных грудей, розовые сосцы которых в обе стороны призывно торчали, как наконечники эротовых стрел, и чувство прекрасного заставило судей поверить обладательнице таких прелестей, и они одобрительно закивали головами. Когда же она на несколько мгновений открыла еще более прекрасные части своего тела, которые не принято показывать никому, то они живо заговорили, чуть ли не хором:

– В народе Геракла всегда считали великим героем, увенчанным немеркнувшей славой за то, что он многих чудовищ смел с лика земного и многим злодеям колени он сокрушил.

Может и был он раньше таким, но теперь совсем не таков он. Надменность и наглость Геракла давно не знает пределов, а похоть безмерная его силе ужасной не уступает. Он думает, раз он великий герой, то все ему дозволено! Нет, не может быть никаких льгот ни за какие заслуги! Поэтому, благопристойности ради, надо изгнанием его к смирению принудить и к обузданию безудержной похоти и непомерной гордыни, чтобы уменьшить могущество его невероятное. Сама Справедливость требует его на 10 лет из Тиринфа изгнать.

Геракл лишь посмеялся в ответ на обвинения Астидамии и сказал:

– Этой ночью она сама себя избила и расцарапала. Память подсказывает мне, что когда-то точно так же она ложно обвиняла в изнасиловании отвергнувшего ее чувство Пелея. Но ведь, не зря говорят, что тот, кто в своих показаньях с корыстным умыслом лжет, тот, справедливость попирая, прежде всего сам себя уязвляет жестоко, и это так просто с рук ей не сойдет.

Слово Геракла было против слова Астидамии, свидетелей самого изнасилования не было, и суд, несмотря на прекрасные груди Астидамии, решил соблюсти справедливость и не вынес никакого решения.

Геракл же, чтобы наказать за коварную клевету Астидамию, решил это сделать чужими руками. Он пообещал Пелею помощь в борьбе с Акастом за престол, шатающийся в славном городе Иолк. Пелей захватил Иолк, убил Акаста и,

разрубив пополам Астидамию, провел своих воинов между половинками ее тела.

Геракл, узнав о страшной смерти бывшей супруги Акаста, напомнил лепрейцам:

– Ведь я вам говорил, что намеренная ложь в показаньях Астидами, справедливость разя, ее же и погубит. Так все и случилось.

И все же Лепрейцы долго не могли ему простить подложного изнасилования Астидами.

387. Разгром Молионидами войска заболевшего Геракла

Расправившись с обманщиком Лаомедонтом и злобным Лепреем, Геракл сам для себя так решил:

– Сейчас самое время отомстить и элидскому царю, который некогда тоже подло меня обманул, как и царь Трои. Авгий не только не отдал обещанную плату после того, как я за один всего день очистил от скопившегося за 30 лет навоза его скотный двор, он позорно изгнал меня из Элиды, и этим меня обесславил. Мне пришлось, стиснув зубы, бесчестье стерпеть, но я обещал отомстить и свое слово сдержу. Настало подходящее время для сладостной мести.

Алкид собрал небольшое войско, в основном из тиринфцев и аркадцев и, поддержанный добровольцами из лучших пеласгийских семей, пошел в трудный поход против Авгия. Ведь Элидский властитель, как только узнал, что Геракл взял Троию и убил Лаомедонта, понял, что следующим будет он и стал основательно готовиться к кровопролитной войне. Он собрал большое войско, командовать которым назначил Эврита и Ктеата, сыновей своего брата Актора и Молионы, дочери Мола и внучки воинственного Ареса. Кроме того, Авгий заключил союз с Питием и его храбрым сыном Амаринкеем, которому пообещал власть над немалой частью Элиды. Приемных сыновей Актора звали Молионидами, по име-

ни их матери. Так необычно решили их называть, чтобы отличать их от сыновей других Акторов.

Некоторые говорят, что Молиониды были близнецами, родившимися из серебряного яйца, и имели божественного отца – могучего Колебателя земли Посейдона. Они превосходили большинство своих современников в силе и были от рождения сросшимися от пояса книзу. Молиониды женились на дочерях – близняшках кентавра Дексамена Феронике и Ферефоне, и поколение спустя их сыновья правили в Элиде совместно с внуком Авгия и сыном Амаринкея.

Когда могучие Молиониды вывели свою рать на битву с небольшим Геракловым войском, как назло, тот сильно занемог. У него вдруг нестерпимо начали болеть старые раны. Загноился укус Рака Каркина на левой ноге, а отсутствовавший большой палец правой руки, откушенный Немейском львом, вдруг, как имевшийся, начал дергаться и жутко болеть. Ребра, сдавленные телом Сангарийского змея, так сильно болели, что было трудно дышать.

С трудом сдерживавший стоны, ни на миг не сомкнувший ночью глаз, Геракл не пошел со своим войском на поле битвы и все время мучился думой, о которой так говорил Иолаю перед тем, как отправить его на сражение:

– Кажется, боги все же наказали меня за поединок с Лепреем и за то, что к смерти Астидамии я тоже причастен. Но я не жалею о том, что сделал, ведь сделал я все справедливо. Все же, Иолай, милый мой мальчик, если болезнь меня

не оставит, поищи кого-нибудь, кто бы мог очистить меня от скверны убийства Лепрея. И сам, сломя голову в отчаянный бой не бросайся, помни, что мне ты нужен живой, ведь знаешь ты, что я люблю тебя больше всех юношей и, тем более – женщин, ведь любовь к ним чисто телесная и нужна для продолжения рода.

Своих же воинов Геракл пламенной речью напутствовал в решающий бой, а закончил речь суровыми такими словами:

– Пусть вовек из Элиды домой не вернется, пусть снедью для здешних собак и хищных птиц окажется тот из вас, кто спину покажет врагу и самовольно посмеет сегодня покинуть сражение!

Пылко так говоря, возбудил он доблесть и мужество в каждом. Как злобных псов крепкозубых охотник какой-нибудь натравливает на мощного горного льва, спрятавшегося в пещере иль на свирепого вепря лесного, притаившегося в чащобе, так своих воинов на элидцев натравливал отпрыск Кронида, силою лишь немного отцу уступавший.

Сходились два войска с оглушительным криком. С меньшим плещутся шумом о берег волны седого прибоя, необоримым дыханьем Борея гонимые с моря, тише бушует ревущее пламя в горах, поднимаясь по склонам лесистым, не так и ветер шумит в кронах могучих дубов и ветвистых платанов; все они меньше шумят, чем звучали над полем сраженья крики неистовые «Алала» непримиримых противников, восставших друг против друга.

Один из тиринфцев, участник сражения об этом бое так рассказал:

– Когда тирренская труба призывно к бою зазвучала, так оба войска сразу диким буйством запылали. Со страшным скрипом луки гнулись, с зловещим свистом носились стрелы, копья, доспехи лязгали неистово и гулко, когда в них попадали дроты, отскакивали и ломались, и с грохотом медные сталкивались щиты. Отовсюду неслись военные крики дочки Полемоса Алалы. Исступленная Энио с окровавленными губами вместе с грозной Эридой свирепствовали, убивая всех, кто под руку попадался и круша вокруг себя все. Кровь непрерывно на землю лилась раненых и погибших. Керы, свирепые Адовы псы, всегда пожиравшие души, с окровавленными мордами и лязгающими челюстями рыскали в воздухе, где громыхало оружие медное. Среди схватки смертельной, в быстролетном полете Керы не только убитых, но и еще живых раненых за собой в непроглядный Эреб увлекали насильно. Много с той и с другой стороны в землю навечно воинов полегло, навсегда в прах повергшись буйными головами.

Напор элидских гоплитов в конце концов прорвал ряды в малочисленном войске Геракла, и это стало началом его краха. Молиониды и в поле, и в теснинах разбили наголову войско отсутствовавшего в битве лучшего смертного сына Зевеса.

Тут вмешались коринфцы и быстро провозгласили так на-

ываемый Истмийский мир.

388. Геракл клянется страшно отомстить Молионидам

Взбешенный постыдным поражением отпрыск незаконный Зевеса, еще не вполне оправившись от болезни, как безумный, вопил перед вернувшимися из сражения воинами:

– Жалкие презренные трусы, как могли вы ненавистному врагу, спины свои показав, поле боя самовольно оставить?! Где была ваша хваленая доблесть? Ужель вам не стыдно? Не знаете вы, что воинов, знающих стыд, всегда спасается больше, чем гибнет, а те, кто бежит с поля боя, не находят ни славы себе, ни спасенья! Вы меня обесчестили! Горе безмерное мне и позор!

Все, кто остался в живых, тяжело переживали поражение, и потому никто не спорил с Гераклом, и он, покачав кудрявой своей головой, смягчился:

– Что теперь растерялись и молча с опущенными головами стоите здесь, предо мной, как пугливые кролики или лани? Олени с рогами ветвистыми, когда утомятся, много пробежав по широкой равнине, устанут и стаей друг к другу теснятся, и нет никакой у них смелости в сердце. Так, растерявшись, и вы здесь стоите, войну позорно без меня проиграв!

Так сразу после проигранного сражения, когда погибли под яростной медью лучшие воины, говорила Геракла воз-

мушенная поражением сила тем мужам из его войска, что живыми остались.

Среди раненых мощными сыновьями Актора был брат Геракла Ификл, отец его возлюбленного Иолая. Его товарищи принесли, страдающего от полученной в бою тяжелой раны в живот, в аркадский город Феней, где, будучи отроком, вместе с братом Гераклом он провел одно лето у бабки Лаономы. Здесь сочувственно встретили его местный житель Буфаг вместе с женой Промной. Когда же он умер от раны, они скромно похоронили его, положив в рот обол, омыв и увенчав свежими еловыми ветками с только, что сорванным сельдереем. Ификла даже не облекли в белые одежды и не положили в гроб ни одной медовой лепешки, чтобы задобрить трехглавого айдова стража – привратника. Фенеаты с тех пор стали приносить жертвы Ификлу, как герою, проявившему в битве беспрецедентное мужество.

Иолай упросил своего дядю и возлюбленный друга умолять Зевса вернуть на землю отца своего Ификла еще не старого и к продолжению жизни способного. И не был Геракл глух к просьбе племянника милого:

– Отец мой, великий Кронид! Избавь нас с Иолаем от мук и страданий? Окажи милость, воскреси умершего еще не старым в бою моего единственного брата Ификла, отца любимца моего Иолая! Конечно, мы с Ификлом не такие возлюбленные братья, как твой сын от Леды Полидевк и Кастор, но все равно: кто родителей и братьев теряет, верных пособ-

ников в наших тяжелых трудах, тому очень трудно в этом мире живется.

Отец всех бессмертных и смертных знал, что Ткачиха Лахесис решительно против любых нарушений необратимости смерти, но не захотел показать сыну собственное бессилие и с высоких небес обратился к нему такое ответное слово:

– Ты – мой сын, но после меня возлег с матерью твоей и Амфитрион, ее муж, излив в нее свое смертное семя. День наступит и ты, чуждый смерти и старости мерзкой, будешь вечно обитать на Олимпе нетленном, но Ификла и на землю я не хочу возвращать, ведь много на земле чужих мне каждый день погибает героев. Если же ты хочешь побороться за своего кровного по матери брата, то попробуй сам договориться со старой Ткачихой.

С Мойрой Лахесис договориться было не возможно, ибо все три никогда недремлющие сестры, ткущие судьбоносную пряжу, были бесстрастно неумолимы, к ним бессмысленно обращаться с молитвами.

Иолай тоже был ранен, но легко и потому быстро поправился и через много лет так детям Геракла рассказывал:

– Дядя любимый мой, ваш великий отец, вскоре узнал, что павшие триста шестьдесят воинов из небольшого городка Клеоны, храбро, бесславную смерть презирая, сражались на его стороне. Самой Мойре Лахесис их смерть угодна была, ведь не случайно число погибших клеонцев было равно числу дней в году. Когда он понял, что в войске его не бы-

ло трусов, то передал клеонцам все почести, которыми наградили его немейцы за то, что он убил Немейского льва, а их было немало. Ваш славный родитель – герой самый справедливый из всех, кого я знаю. Он считал, что Молиониды подло выиграли битву, ведь из-за болезни он не мог принять участие в сражении, и потому братья должны были перенести сражение хотя бы на день или два, подождав, когда он поправится. Поэтому сам я слышал и видел, как он, необорные руки к небу воздев, голосом от горестной скорби дрожащим, поклялся:

– Пусть Зевс мне будет свидетель. Заявляю, чтоб слышали все: битву Молиониды выиграли нечестно! Поэтому за всех павших воинов, пришедших ко мне из Клеон и Тиринфа, я клянусь страшно отомстить братьям Молионидам, чего бы это мне не стоило. Плачем за Ификла насыщать свою душу не буду, но никакая еда и никакое питье в глотку мою с удовольствием не полезут, пока за милого брата не заставлю Молионидов перед смертью грызть землю зубами. И сам Посейдон Земледержец сыновьям не поможет!

Так за родителя моего отомстить Геракл поклялся, и это была вторая в его жизни настоящая клятва. А теперь я поведаю о смерти сыновей Авгия и расскажу о говорящем коне Арионе.

389. Геракл убивает сыновей Авгия

(Рассказ Иолая)

Дядя мой как-то попросил у аркадского царя Онка черногривого говорящего коня Ариона, рожденного Деметрой от Посейдона. О, это был особенный конь и о нем стоит сейчас рассказать.

Любвеобильный Колебатель земли всюду преследовал свою сестру Деметру Анфею, которая в то время разыскивала похищенную дочь Кору, она очень горевала и потому совсем не была расположена к любовным утехам. Благая богиня превратилась в кобылу и попыталась укрыться в табу-не, принадлежащем аркадскому владыке Онку. Однако прозорливый брат, одно из прозвищ которого Гиппий, догадавшись легко об обмане, уподобился жеребцу и покрыл ее. Так у двух великих олимпийских богов, принявших конские обличья во время соития, родился дивный говорящий конь масти вороненой стали.

Некоторые говорят, что Онк первым объездил славного сына Деметры и Посейдона, но я-то знаю, что это не так. Царь счастливой Аркадии так боялся говорящего человеческим голосом коня, что близко к нему не приближался и с радостью отдал его моему любимому дяде. Именно он-то и объездил Ариона и подружился с ним, находя многие его советы мудрыми.

Я не слышал, что конь говорящий Гераклу советовал, но он, выехав на битву на этом бессмертном коне с длинной гривой, с криком «Алала» мощно на врага устремился. Следом за ним дружно устремились рядовые бойцы. Так овцы с бляньем громким дружно бегут за бараном, с луга в жару спеша к водопою. Дух у Геракла в груди веселился и пел, когда он, оглянувшись, увидел сколько народу на бой за ним бросилось следом. Свирепствовал буйный Геракл, словно огонь-истребитель, яро бушующий в чаще сухого летнего леса. Пена у дяди была на губах, под бровями, нависшими грозно, ярко сверкали его голубые глаза. Геракл наголову разгромил армию Авгия и предал разграблению его элидские земли.

Дядя мой сам убил всех сыновей Авгия, кроме справедливого Филея, которого он не просто пощадил, а с почестями возвел на элидский престол. Дело было, конечно, не только в том, что тот некогда сказал правду на суде о договоре отца и Геракла на очистку конюшен за плату, но и в том, что Фелей этот был молод и довольно красив, и дядя в него влюбился, но я, конечно, не ревновал, ведь мой возлюбленный дядя муж совершенно необычный, не такой, как другие, он во всем величайший в Ойкумене герой.

Некоторые рассказывают, что, когда Геракл пожелал сделать Элиду вновь многолюдной, он распорядился, чтобы все вдовы павших элейцев разделили ложе с его доблестными не только на воинском поприще воинами. Тогда благочестивые

женщины стали все вместе молиться Афине, чтобы та помогла им зачать при любовных объятиях в первую же ночь. Их мольбу услышала мудрая дева Паллада. Могучая зевсова дочь хоть сама никогда не знала брачного ложа мужчины, но покровительствует не только девушкам, но и замужним женщинам. Молитва элейских вдов и других женщин была Палладой исполнена, и они воздвигли храм в честь Афины, дав ей наименование Матери. И мужчины, и женщины были так восхищены своими любовными связями, что место, где они чаще всего сходились, чтобы зачать, они назвали на своем наречии Бади (сладкое), и реку, которая там течет, и ее воду они назвали также Бади...

После блестящей победы над Авгием говорящего коня Ариона дядя отдал мне, заявив:

– О, Иолай, славный воитель, Зевса чудный питомец! Теперь Арионом, говорящим конем черногривым, правь ты, направляя его, куда тебе надо. Божественного коня уступаю тебе, мой любимец, а сам я буду сражаться, как мне больше привычно, в пешем строю.

И с радостью принял я дядин подарок и слово ему ответное молвил:

– Все, что, мой дядя любимый, говоришь ты и делаешь, все это прекрасно и мило, и вполне справедливо.

Некоторые говорят, что Геракл отдал дивного коня аргосскому владыке Адрасту, и тот, благодаря Ариону единственный из семи славных героев спасся от смерти во время зна-

менитого похода Семерых на обнесенные высокими стенами Фивы. Арион несся тогда наравне с дыханием ветра Зефира, Анема, быстрее которого нет.

Однако, Адраст получил божественного коня не от дяди, а от меня, и я этого коня не отдал, а продал – очень нужны были деньги, Мегара тратила много на всякие украшения и снадобья, чтобы поддерживать увядающую красоту.

390. Геракл за немалую мзду щадит Авгия

(Рассказ Иолая)

Опустошив Элиду, дядя мой собрал войско из аргивян, фиванцев и аркадян и хотел двинуться на Пису, но от похода на писейцев его удержало краткое вещание из Дельф, которое гласило:

– Пису отец возлюбил, а я – пещеры Пифона.

Это пророчество было спасением для писейцев. В Элиде же красавец Филей все устроил, как ему было надо и вновь вернулся на остров Дулихий, где он правил после отцовского изгнания. Авгий снова принял власть над элейцами, ведь Геракл убил только его сыновей, а сам он долго скрывался.

И вот, когда царь вероломный появился в своем великолепном дворце, красотой и размерами похожим на чертоги богов, мы с Гераклом к нему беспрепятственно заявили. В неописуемый ужас Авгий пришел, увидев меня и Геракла, и, как беспомощный путник, вдруг цепенеет подходя к быстро несущей свои воды неизвестной реке, видя бурлящую пену, и робко назад отступает, – так же и Авгий отшатнулся от нас и крикнул охране:

– Можно ль тому удивляться, что богоподобный Геракл так доблестен во всех сраженьях и поединках? Вечно при нем кто-нибудь из богов пребывает и его от всего защищает.

Вот и теперь с ним Арес иль Афина под обличием смертного юноши Иолая! Поэтому с ними в бой вступать никто не дерзайте!

Когда же дядя занес над головой Авгия свою знаменитую палицу, царь схватил его за колена, зажмурил свои маленькие хитрые глаза и, как мне показалось, притворно заплакал.

– Что это ты так заплакал, вероломный Авгий, подобно девочке виноватой, что за матерью следует с горестным плачем и за платье хватается цепко, смотрит в глаза, заливаясь слезами, чтоб простили ее и на руки взяли. Так совсем, как эта девочка, проливаешь и ты сейчас горькие слезы, а помнишь, как нагло ты меня обманул и изгнал прочь из Элиды, как нищего бродягу бездомного? Сейчас ты сполна за это своей жизнью заплатишь!

– Богоподобный Алкид! Я только и мечтаю о том, чтобы тебе заплатить, но только не жизнью. Умоляю выслушай меня благосклонно! Тебе за жизнь свою я предлагаю прямо сейчас такое богатство, какого у тебя в жизни не будет, если ты мне не внемлешь. Мзду далеко не ничтожную я тебе за свою жизнь предлагаю. В качестве выкупа возьмешь коней и быков, сколько захочешь, а также много меди и золота от меня ты получишь. Поверь, превыше блага для людей, чем деньги, нет ничего и не будет, ведь на них можно все на свете купить... Деньги в почете всеобщем. Злато для смертных – дар поистине наипрекраснейший! Говорят, бог любит бедных, но помогает-то он богатым!

Много об этом Авгие я до этого слышал. Он был не только самым большим скотовладельцем, но и одним из самых богатых людей во всей Элладе, ведь стада коров и табуны лошадей – это самое большое богатство, животных, всем нужных, можно всегда продать за золото и серебро. Дядя дубину сразу отставил и долго-долго тер то одним, то другим кулаком свою кудрявую бороду. Я видел, что он очень заинтересовался предложением Авгия, но колеблется, не зная, как поступить.

– Нет, не буду я чтить божество, что отдается с легкостью любому мерзавцу. Люди от богатства теряют разум и становятся сами слепыми, как Плутос. Деньги для нас, людей, – это потеря ума и стыда, которая всегда ведет к несправедливости и потому я презираю богатство... Кроме того, давний обычай я имею такой: не брать дары неприятеля, а у него захватывать силой добычу.

Ответил мой дядя, не глядя на Авгия. Должно быть, Авгий почувствовал неуверенность своего давнего врага и сказал с жаром, сверля моего дядю своими маленькими лукавыми глазками:

– Да, видно не зря говорят, что кратчайший путь к богатству – через презрение к богатству... Однако, я хочу еще сказать, что признаю ту давешнюю свою вину, когда в помутнении разума я тебя обманул, нарушив наш с тобой договор. И потому позволь мне, наконец, с тобою рассчитаться за ту огромную работу, ведь 30 лет навоз тот не убирался, а толь-

ко копился. Уж лучше поздно, чем никогда пусть справедливость святая восторжествует!

Дальше я расскажу всю правду, которую никто не знает. Дядя Авгию внял и, нисколько не колеблясь, решил ему жизнь оставить, чтоб он исполнил все как возвестил и справедливость, наконец, восторжествовала. Царь откупился, выплатив дяде, за свою жизнь и жизнь Агасфена мзду очень немалую. Дядя предусмотрительно потребовал, чтоб это сделка была тайная – чтобы не пострадали его лавры бескорыстного защитника святой справедливости. Я сейчас вам об этом говорю потому, что слава бога Геракла на земле столь велика, что никакая правда ее не может ни уменьшить, ни испортить.

Дядя мой триумфально вернулся в Тиринф, где купил большое стадо коров и табун лошадей и занялся ремонтом запущенного дворца, ведь впервые в жизни вечно голодной у него появились немалые деньги. Людям же он говорил:

– И великим героям постыдно заниматься много чужими делами и забрасывать свои собственные. А все покупки я делаю на деньги, полученные от продажи богатой добычи, захваченной на войне.

Царь Микен Эврисфей из непримиримой мести за убийство сыновей обвинил дядю в бешеном стремлении силой завладеть его тронном верховного царя, на котором его утвердил сам Зевс, и изгнал из Арголиты. Эврисфей люто ненавидел Геракла за убийство его сыновей, мечтал ему отомстить,

но боялся, ведь был он ничтожеством и трусом.

391. Геракл убивает неприкосновенных Молионидов из засады

(Рассказ Иолая)

Об убийстве Молионидов Гераклом Иолай рассказывал так:

– Несмотря на оглушительную победу над Авгием и его сыновьями, дядечка мой – великий герой и всеми честными людьми в Элладе любимый, особенно мной, совсем не был доволен потому, что его заклятые враги Молиониды, не принявшие участия в последней битве, все еще были живы. Уж я-то знаю, как его наболевшее сердце страдало и ныло – не понимал он, как поскорее выполнить свою клятву и убить бесчестных сыновей Актора и Молионы. У него осталось совсем мало людей, а у Молионидов по-прежнему имелось войско большое, и надо отдать им должное – сами они были смелы и могучи и потому дяде не приходилось рассчитывать их одолеть в открытом сражении.

И тут дядя узнал, что элейцы отправляют людей в священное посольство для воздания почестей Посейдону на третьих Истмиадах и среди них будут ненавистные ему Молиониды, которые должны были принести совместную жертву. Мне это не доставляет удовольствия говорить, но, справедливо-

сти ради, я должен сказать, что Геракл преднамеренно решил пренебречь священными законами почитающей Правду Эллады, гарантирующими и неприкосновенность феоров, и перемирие во время всегреческих игр. Да, он устроил Молионидам засаду в придорожных зарослях под Клеонами, и с ним был я. Да, из засады в Клеонах он застрелил из лука близнецов Эврита и Ктеата и их двоюродного брата, тоже по имени Эврит, который был сыном царя Авгия. Без сомнения сделал это он по требованию неизбежной необходимости, не зная, как иначе выполнить свою клятву и отомстить Молионидам.

Некоторые сейчас говорят, что Геракл убил Посейдонова сына Ктеата и его брата-близнеца Еврита, чтобы взять от Авгия давно заслуженную мзду. Но, как я уже рассказал, мзду с Авгия Геракл уже получил за то, что оставил ему жизнь. Сам дядя считал расправу с Молионидами достойной похвал военной хитростью и не только мне, но и другим своим верным ему спутникам не раз говорил:

– Нечестно, конечно, нарушать договоры, но деятельная жизнь сложнее всяких слов и любых соглашений и потому бывает, что обмануть и погубить заклятых врагов не только справедливо и достойно настоящего воина, но и вдобавок еще и приятно. Я знаю, что так говорил один прославленный спартанский царь, и он не только так говорил, но и делал и потому получил имя Агесилай Великий.

После убийства Молионидов, дядя принес в жертву раз-

рушителю земных городов кровавому Аресу огромного черного быка и, совершив возлияние, всем возвестил:

– Я не согласен с тем, что честно проиграть сражение прекраснее, чем победить бесчестно, со мною согласится каждый, кто бился честно, проиграл и стал рабом. Я следую древней лаконской традиции: если спартанцам удастся победить противника хитростью, они жертвуют богу Арею тучного быка криворогого, а если победа одержана в открытом честном бою, – то всего лишь петуха. Таким образом, они приучают своих военачальников быть не просто воинственными, но и осваивать полководческое искусство, включающее непременно и коварную хитрость. Средства все хороши для достижения желанной победы!

Некоторые говорят, что Геракл даже гордился тем, что убил сынов Молионы из тайной засады. Это так, ведь когда мы с ним были в засаде под единственным развесистым кустом на ровном поле перед Клеонами он мне говорил:

– Истинная доблесть мужей проявляется всего больше в засаде, в ней труслив или смел человек легко познается. Даже цвет лица меняется у боязливого мужа: белеет оно и становится, словно снег или, наоборот, краснеет, как багровое вечернее солнце. Он положение тела непрерывно меняет, то уляжется на живот, то поднимется на бок, то встанет на колени и вдруг на корточки вскочит. Сильно трепещет в груди его сердце, глаза бегают то влево, то вправо, и громко стучат во рту его зубы. Храброго ж воина цвет лица не меняется, вот

как у тебя, славный мой Иолай, племянник любимый. Вижу, что ты ничего не боишься, хотя впервые уселся в засаду. Ты жаждешь лишь поскорее вмешаться в жестокую битву, бросившись вперед для сраженья с противником. Но я сам их из лука убью, как только увижу, и они на расстояние верного выстрела подойдут.

Долгое время никто не знал, что скрытным убийцей Молионидов был Геракл. Когда же тайное стало явным, он, полагаясь на свою невероятную силу, не посчитал нужным даже оправдываться по поводу нарушения им священного перемирия и неприкосновенности феоров. Он, грозно насупив свои дивно выдававшиеся вперед брови, упрямо повторял:

– Я имел полное право убить Молионидов любым способом за то, что они, бесчестно воспользовавшись моей болезнью во время похода против Авгия, перебили почти все мое войско. И пусть все знают, что Геракл не щадит смертельных врагов, даже, если они, чтоб только от неминуемой смерти спастись, наденут наряды феоров.

392. Насилие над Эпикастой

Некоторые говорят, что от Эпикасты, дочери Авгия у Геракла был сын Фестал. Рассказывают так же, что он изнасиловал юную Эпикасту в ту же ночь, когда из засады убил из лука Эврита и Ктеата. Возлюбленный Геракла Иолай, племянник, возничий, щитоносец, а после земной смерти еще и его биограф, об этом почитателям дяди рассказывает так:

– Я никогда не говорил, как это случилось, но сейчас расскажу, хоть это мне не очень приятно. Никакому смертному в каждом деянии невозможно быть лучшим. Все знают, что мой любимый дядя был самым великим героем Эллады, но он живой человек и потому ничто человеческое ему было не чуждо. И в бурной жизни он совершал не только героические подвиги, и судить его слишком строго за то, что сплела ему бесстрастная Мойра, не надо, ведь не стыдно смертному делать то, что предначертано Роком.

Тогда на поле перед Клеонами с Молионидами находились еще их двоюродный брат по имени тоже Эврит и сестра Эпикаста, которые были младшими детьми Авгия. Когда дядя всадил стрелы в надменные сердца сыновей Молионы, он бросил лук и с дубиной кинулся к ним, чтобы добить, я – за ним. Когда мы подбежали, открытые глаза Ктеата и его брата Эврита уже заволокла пелена багрового облака смерти, тела были неподвижны, души их летели к Аиду, чтоб на-

всегда там остаться. Эврит, младший Авгия сын, еще совсем юный, с мечом оголенным дерзко бросился на Геракла, и тут же сам пал под ударом дубины его из оливы. Там было еще трое воинов неизвестных, одно я убил, двух – Геракл.

Живой осталась одна Эпикаста, она, ничего не видя вокруг, горько рыдала по убитому на ее глазах милому брату. Наверное, она была очень красива, не знаю. Мне было не до этого, кроме того, как я сказал, она убивалась по брату: начала громко стонать и бить ладонями себя в грудь и лицо все оцарапала. Гераклу все это не помешало, и он насильно сделал Эпикасту женщиной тут же на поле. Но сначала он ей так говорил, с треском срывая с нее одежды:

– Когда-то я поклялся, что за обман бесчестного Авгия рано или поздно сполна заплатят мне все элидцы, – женами, сестрами, жизнью детей, все, не только мужи, головами своими заплатят! А тебе, юница, я милую жизнь сохранию, и за это ты должна очень быть мне благодарна. Но зато другое в качестве мзды у тебя заберу, ведь несправедливо, что за подвиги тяжкие редко когда я достойную имею награду.

Дева, по-моему, не понимала, что происходит, она перестала безумно рыдать и лишь тихо всхлипывала под навалившимся на нее Гераклом, как малый ребенок. Она несколько не сопротивлялась, да это было бы бесполезно – кто же может противиться такому могучему мужу? Дядя сорвал с древа невинности Эпикасты безвременный плод, для него уж давно самый желанный и сладкий. Девственниц он лю-

бил больше всего и говорил, что великий герой велик должен быть во всем и не довольствоваться объедками от пира других. Пока он свое вожделенье на тихо плачущей Эпикасте несколько раз утолил, я успел с вражеских тел снять доспехи, ну и вообще все осмотрел...

Через несколько лет я случайно встретился с Филеем, и он мне рассказал, что после того, что с ней случилось, не только поле в Клеонах, но вся Элида опостылела Эпикасте. Когда же его несчастная сестра почувствовала себя беременной, то от неизбывного горя она пыталась повеситься, при этом она обвиняла только себя, а не Геракла в том, что с ней случилось, и горестно так причитала:

– Я сама виновата в том, что случилось – я не нашла в себе сил, чтобы сопротивляться ему. Кто все себе прощает, в своих беспутных несчастьях Рок обвиняя, тот сам и есть главный преступник! Для мук безнадежных моих единственное осталось пристанище – смерть. Самой себе я объявляю приговор смертельный, и светлый мир покину вместе с нерожденным его сыном!

Однако лишить себя молодой жизни Эпикасте не позволил брат Филей, которого Геракл не только пощадил без всякой мзды, но и передал ему всю полноту царской власти. Здравомыслящий Филей, отобрав у сестры веревочную петлю, благоразумно промолвил:

– Лишив себя жизни, сестра, ты поступишь чрезмерно и, значит, несправедливо по отношению и к ни в чем не повин-

ному ребенку, которого ты в утробе убьешь, не дав ему даже родиться, и к любимой родине, которой сейчас очень не хватает граждан и, особенно, мужчин и детей. Ты должна жить ради великой Дике, богини миролюбивой, всем милой, обожающей стыдливое веселье и склонной к устойчивой жизни, все чрезмерное ненавидящей, а равенство почитающей превыше всего.

И все равно Эпикаста жить не хотела, и тогда Филей, намеренно пойдя на обман, ей сказал голосом, как будто, правдивым:

– Если ты не одумаешься, то я воспользуюсь древним законом, согласно которому повесившихся девушек или женщин выносить на похороны через городскую площадь наги.

И это подействовало. Эпикаста, не колеблясь, готова была к самому страшному – смерти и страданию, но, страшась бесславия, отступила перед мыслью о стыде и позоре, который ожидал ее после смерти.

Как я уже говорил, стране очень не хватало мужчин и детей, и потому не только вдовы, но все молодые элейские женщины молились Афине, чтобы забеременеть им тотчас же, как только они сойдутся с мужчинами, и они сходились при всяком удобном случае. Эпикаста, пока груз, насильственно оставленный в ней Гераклом, был не заметным, так же часто сходилась с мужчинами, надеясь так забыться и не помнить о том, что случилось на поле широком в Клеонах. Почти од-

новременно с многими женщинами она родила сына названного Фесталом.

393. Отказ элейцев от участия в Истмиадах

Так как сначала было неизвестно, кто совершил убийство Эврита и Ктеата, то жена Актора Молиона прилагала огромные усилия к тому, чтобы найти убийц ее детей. Она была небольшого роста, светловолосая, и все удивлялись, как у нее могли родиться такие могучие сыновья, да еще и с черными волосами. С самого начала материнским сердцем она подозревала в подлом убийстве своих детей Геракла, но молчала о своих подозрениях, боясь не заслуженно опорочить все еще любимого многими в Элладе героя. Однако ни сил, ни времени, ни средств Молиона не жалела для установления истины и, подкупив одного из спутников Геракла, перед которыми тот однажды разоткровенничался, всю правду узнала.

Когда же несчастная мать, наконец, убедилась, что отнял жизнь у ее сыновей Геракл, и сделал это во время всеобщего перемирия, из засады, то она чуть не задохнулась от гнева:

– Не из Элиды нечестивца, облаченного в львиную шкуру, надо изгнать – из Эллады! Путь прочь со светлой земли навсегда убирается он в гиблую тьму Эреба. Ненавистен он всему свету. В честном бою он не мог победить моих сыновей и убил их из подлой засады. Не достоин он больше зваться героем!

Молиона с горящими от гнева глазами страстно призвала элейцев потребовать справедливого удовлетворения за вдвойне нечестивое убийство от аргивян, так как в то время Геракл жил в Тиринфе:

– Главный участник многих нечестивых насилий Геракл новое совершил злодеяние. Он убил из коварной засады моих сыновей Эврита и Ктеата, которых элейцы отправили в священное посольство для воздания почестей Посейдону на Истмиаде. Все знают нерушимый закон, что послы – неприкосновенны всегда. Всем так же известно, что на время Истмиад объявляется священное перемирие. Уповая на свою нечеловеческую силу, Геракл нагло нарушил два главных закона Эллады, ничуть наказанья богов не страшась, зная, как с воздаянием они всегда медлят. А как же справедливость, дорогие сограждане?! Ведь выше, святей, чем она, нет ничего ни на небе, ни на земле! Только те любезны богам, которым всякая ложь ненавистна. И потому мы должны потребовать от аргивян справедливого суда над нечестивым Гераклом и его самого сурового наказания, невзирая на все его прежние заслуги.

Элейцы во всем согласились с Молионией и потребовали от аргивян справедливого суда над Гераклом. Однако Аргивяне не согласились на это, объяснив свое несогласие так:

– Великий Геракл был с Молионидами в состоянии кровавой войны, а на войне, как известно, все средства хороши, и засада – это обычная военная хитрость. О том же, что Эврит

и Ктеат были эфорами, Геракл мог и не знать. Ведь невозможно знать кого какой город посылает эфорами на Истмиаду, не мало у нас городов.

Тогда возмущенные элейцы вторично обратились к коринфянам с просьбой наложить на весь аргосский народ отлучение от участия в Истмийских играх. И снова последовал отказ. Узнав о вторичном отказе, Молиона призвала сограждан самих отказаться от участия в Истмиадах. Не удовлетворившись этим призывом, мать Эврита и Ктеата наложила проклятие на всех своих сограждан, которые не захотят отказаться от участия в Истмийских играх. Элейцы и доныне свято помнят и чтут это проклятие Молионы, и тем из элейцев, которые являются атлетами, не дозволено участвовать в Истмийских состязаниях.

Павсаний же по поводу участия элейцев в Истмиадах приводит другой рассказ: говорят, когда Кипсел, коринфский тиран, посвятил Зевсу в Олимпии золотую статую, но умер раньше, чем успел сделать надпись со своим именем на посвящении, то коринфяне просили элейцев позволить им написать имя их родного города, как будто бы приношение было сделано от имени государства. Элейцы им в этом отказали, и тогда коринфяне в гневе на элейцев запретили им участие в Истмийских играх. Но если элейцы отстранены от Истмийских игр против своего желания, то, как же коринфяне в свою очередь могут участвовать в Олимпийских состязаниях, повторно учрежденных Гераклом?

394. Повторное основание Гераклом Олимпиад

Гермократ говорит, что Геракл учредил олимпийское состязание с обязательным прекращением военных действий на время общеэллинского празднества. Так он проявил свой справедливый характер и доказал, что никому из людей по доброй воле он не причинял никакой беды, если же с кем воевал и обижал кого, то не иначе, как по неизбежной необходимости и по велению свыше.

Согласно воспоминаниям Июлая, Геракл после завоевания Элиды собрал свое небольшое войско у Писы, а зачем никому не сказал. Лишь ему, своему любимому племяннику, когда после пышного пира они остались одни, о своем намерении использовать большой военный трофей он подробно так объявил:

– Скажу тебе откровенно, юноша мой любимый! Знаю, что ты лучше всех желание мое поймешь и оценишь. Хочу я в ознаменование моей славной победы над Авгием и Молионидами повторно после Пелопа основать Олимпийские игры. Ведь всего после Пелопа было только 7 игр, а потом по воле старой Ткачихи их полному предали забвению. Завтра же я объявлю, что повторно учреждаю Олимпийские празднества и игры в честь Зевса Отчего, и это будет надолго. Нет, навсегда! Основанные мной игры будут проводиться вечно,

пока люди будут жить на земле, и даже время не будет властно над ними. Все всегда будут помнить и знать, что Олимпийские Игры вновь учредил я, величайший герой всех времен, и даже невозвратно текущее время будут отсчитывать по основанным мной Олимпиадам! Да, навсегда останется в памяти людей не меркнущая слава того, кто был основателем и первым участником этих великих празднеств и Игр! Люди во все времена будут говорить, что деянья Геракла превзошли, даже то, что превзойти невозможно, всем человечеством он по заслугам ценим.

Первое, что я сделаю завтра, это отмечу место, где будет обитель Зевеса, затем обнесу высоким забором священную рощу. Я собственными шагами измерю стадион и назову его олимпийским и впервые введу в соревнования бег на 1 стадий, который будет равен 600 моим ступням. Будут, конечно, конные и гимнические состязания, и я установлю порядок их проведения. Специальные люди будут рассылать по городам и крупным селам послов, которые будут призывать людей прибыть в Олимпию, чтобы посмотреть на эти величайшие в Элладе и во всей Ойкумене состязания. Я, конечно, сам воздвигну пышных шесть алтарей олимпийским богам: по одному на каждую пару. Совершая жертвоприношения в честь моего великого родителя Зевса, я собираюсь поджарить бедра жертвенного белого быка на костре, сложенном из дров белого тополя, выращенного из ветки, принесенной мной из Аида с берега реки Ахеронт. Я прикажу, чтобы

и впредь для сожжения жертвенных частей животных употреблялись дрова только из белого тополя потому, что употребил их для сожжения первой жертвы в Олимпии я!.. Кстати, Иолай, как ты думаешь: стоит ли мне основать еще один жертвенный очаг в честь моего прадеда Пелопа, как первого основателя Олимпийских игр и выделить ему небольшое святилище или хватит с него увековечивания в названии полуострова?

Говорят, Гераклу в это время очень надоедали мухи, поэтому вторую жертву он принес не Пелопу, а в честь Зевса – Отвратителя мух, и довольный Громовержец отправил их жужжать за реку Алфей. Элейцы до сих пор приносят жертвы этому Зевсу, когда изгоняют мух из Олимпии.

Говорят, так же, что на нескольких играх подряд Геракл бесспорно был признан победителем во всех состязаниях. Никто не решался соперничать с ним в виду значительного превосходства его сил, хотя отдельные виды состязаний были весьма различны между собой: панкратисту или кулачному бойцу трудно состязаться с бегуном, а тем, кто первенствует в легких видах состязаний, трудно соперничать с теми, кто преуспевает в тяжелых.

Геракл пошел на землю гипербореев, где в ветреной молодости срезал дубину из дикой оливы и уговорил жрецов Аполлона дать ему одну оливу, чтобы посадить ее в обители Зевса. Вернувшись в Олимпию, он возвестил громогласно:

– Отныне гелладоник не будет возлагать на победителя

шерстяного плаща от овцы, а будет венчать победителя только ветвью дикой оливы, ведь из этого дерева я делал себе дубины. Венок должен стать единственной и очень почетной наградой, поскольку сам я, оказывая огромные благодеяния всему человеческому роду, не получал за это совсем никакой mzды или иного воздаяния. Победитель в венке будет особо любезен бессмертным богам, ибо сердцу их любо обилье цветов, от тех же, кто без венка, прочь взоры они отвращают.

Из этого дерева, оплетенного паутиной, называемого «оливой справедливого увенчания», было установлено делать венки для победителей на Олимпийских играх. Ветви для таких венков должен срезать с оливы золотым серпом отрок благородного происхождения, оба родителя которого должны быть живы и отменно здоровы.

Победитель Олимпийских игр получал вместе с оливковым венком и пурпурными лентами всеобщее признание. Он становился одним из самых уважаемых людей в своем городе, его часто освобождали от государственных повинностей, давали прочие привилегии. Олимпионику воздавались на родине и посмертные почести. Имена победителей Олимпиад ставились в Афинах рядом с именами архонтов, в Спарте – с именами царствующих эфоров, в Аргосе – с именами жриц Геры, в Дельфах – с именами Пифий. Самым знаменитым – и единственным за всю историю эллинских Олимпийских игр атлетом, побеждавшим на 6 Олимпиадах, – был «сильнейший среди сильных», борец Милон из Кротона, где

Геракл случайно убил на навязанном ему поединке Кротона – знаменитого борца и основателя города.

Основанные Гераклом Олимпийские Игры в честь Зевса уже точно можно датировать – они устраивались с 776 до н. э. каждый четвертый год, в первое или второе полнолуние после летнего солнцестояния.

С этого времени четвертый день месяца посвящался Гераклу потому, что ему, как основателю Олимпиад, принадлежал каждый четвертый год.

Благодаря огромной важности, какую имели Олимпийские игры в замечательной жизни эллинов, счет времени по Олимпиадам был господствующим в Греции, хотя хронологии по Олимпиадам стали вестись историками значительно позже их учреждения Гераклом.

395. Геракл на Олимпиаде не может в борьбе одолеть неизвестного соперника

На первых основанных Гераклом Олимпийских играх произошел необычный случай.

Одни говорят, что Геракл бросил всем вызов на борьбу с ним, и долго никто из людей не решался его принять. Наконец, против Геракла вышел состязаться в простой борьбе неизвестный соперник с виду не мощный, хотя и не слабый.

Другие говорят, что Геракл с неизвестным противником по установленным правилам состязался в панкратионе (все + сила и мощь), который был смесью простой борьбы с кулачным боем голыми руками.

По установившимся в то время правилам участники состязаний должны были за год вперед внести свои имена в списки, которые велись специальными лицами Элиды. Подготовка атлетов к Олимпиаде занимала десять месяцев. Гелладоники (элладоники, судьи, выбираемые по одному от каждой из фил элейцев) наблюдали за ними и поэтому хорошо знали каждого из них.

Геракл и его последний противник победили всех атлетов, выпавших им по жребию, и остались вдвоем. Почему-то никто – ни 40 тысяч зрителей, ни 12 судей – гелладоников не

обратили внимания, что соперник Геракла никому не известен. Геракл же, как всегда уверенный в своей победе, даже не посмотрел в сторону своего противника. В простой борьбе, в которой боролись голыми руками, победителем считался атлет, который три раза повалит своего противника так, чтобы тот коснулся земли лопатками. Атлеты в борьбе могли наносить удары руками, локтями, коленями, ногами и головой, кидать противника на землю и сжимать ему горло руками, но не имели права пускать в ход зубы, царапать ногтями и пальцами тыкать в глаза. Иногда, кидая соперника на землю, ему ломали руки, ноги или позвоночник, но чаще всего ломали и ломались пальцы.

И вот порожденье грозной Эриды бог состязаний Агон отложил на время свои любимые гантели и свел вместе на олимпийской арене Геракла с его никому неизвестным противником.

Могучий сын Зевса быстро и без видимого труда кинул неприятеля на лопатки и, спокойно дождавшись, когда тот встал, приготовился еще раз опрокинуть его на землю. Однако тут произошло то, чего никто, включая и самого Геракла не ожидал. Герой, сильнейший среди сильных, вдруг был противником невзрачным подброшен быстро в воздух и оказался сам лежащим на земле. Завертелось все пред глазами Геракла, но он нашел в себе силы подняться.

Пока Геракл поднимался, первоначальное изумление на его лице сменилось ревнивой досадой. Теперь он, в испыта-

ниях по-прежнему твердый, уже с большой осторожностью сходилась с противником. Они схватили друг друга за плечи и долго топтались на месте, каждый пытался опрокинуть соперника, однако, несмотря на все усилия, никто не мог победить. Крупными каплями пот соединялся в ручьи и непрерывно струился с напряженных до крайности тел достойных друг друга противников.

И тут кто-то из зрителей громко закричал:

– Слава тебе, могучий Геракл, основатель Игр самых великих и победитель во всех на них состязаниях! Ты – сама Справедливость, и ты, Благодетель – оплот людей величайший! Удачи и славы и в этом тебе поединке!

Певца поддержало множество голосов, и это придало отпрыску Олимпийца новые силы, глаза его пылающим засверкали огнем, было видно, что он скорее умрет, чем проиграет. О, слава земная! В твоих раскидистых крепких сетях разнообразен всегда лов и обилен. Нечеловеческим усилием Геракл поднимает и бросает противника, и тот касается лопатками земли. Казалось, желанная победа уже совсем близко. Но опять неизвестный атлет резво вскакивает с дающей силы земли, подобно Антею, и тут же сам кидает Геракла на землю, да так мощно, что у него затрещали все кости.

Неизвестный борец, хоть и имел право добивать лежащего противника, великодушно дождался, когда ошеломленный Геракл крепко встанет на ноги. Противники опять сошлись в железных объятьях и опять стали топтаться на месте, не в

силах одолеть друг друга. Наконец, Гераклу удалось схватить противника за шею, но в тот же миг он почувствовал напоминавшие клещи пальцы на своей шее. Теперь хрипевшие противники сжимали друг другу шеи, но ни тот, ни другой не сдавались. У Геракла в глазах появилась густая кровавая мгла, но он решил, что откусит себе большой палец на левой руке (на правой руке один палец давно был откушен львом из Немей), если тот вдруг сам поднимется вверх в знак признания поражения.

Силы были равны, и агонифет не останавливал единоборство, поскольку противники оба были здоровы и могли продолжать поединок. Вскоре гелладонику все же пришлось объявить ничью потому, что не столько обессиленные борьбой, сколько полузадушенные противники от недостатка воздуха одновременно без чувств оба упали на землю.

396. Геракл узнает в противнике Зевса

Когда Геракл, шатаясь, поднялся, он услышал, что единоборство закончено ничьей:

– Прекратите вашу борьбу и трудом больше не томитесь жестоким. Ваши конечные победы равны, и потому поединок закончен ничьей, и награды вы получите одинаковые. А теперь с поля сойдите: пускай и другие вступят в борьбу за венки из оливы.

Геракл и его неизвестный противник, гелладоника почти-тельно выслушав, оба молча ему покорились: с поля сошли и, от праха очистившись, чистые надели хитоны. И тут неизвестный соперник на миг открылся и только одному Гераклу. По тому, как бывший противник помавал своими вдруг сросшимися бровями, герою сразу стало ясно – перед ним был сам Зевс, принявший обличье смертного мужа. Бог лишь один, появившись пред смертными, может сделать себя молодым или старым, сильным очень или слабым совсем, сам как захочет.

– Сына вводил зачем, жестокосердный отец, обликом лживым ты в заблужденье? Почему не дал твой подлинный голос, хотя бы, услышать?

Так Геракл с укором громко спросил, но отец, из всех родителей величайший, ему языком ничего не ответил, а толь-

ко покачал вверх и вниз двумя кивками бессмертных бровей и палец к нетленным губам приложил. Правды благосклонная дочь богиня тишины Гесихия и бог молчания Гарпократ в детстве все время держали палец во рту, когда были маленькими. Греки узнали про это и стали указательный палец к губам прижимать, когда надо было молчать.

Нонн Панополитанский поет, как сам Зевес Величайший на берегах Алфея вступивший в борьбу, ниспровержен был сыном, уступив добровольно, склонил пред Гераклом колена!

Зевс не пошел в свой храм в альтисе (священная роща Зевса Олимпийского), и Геракл один отправился за наградой. Венки лежали на столе из слоновой кости, инкрустированном золотом и драгоценными камнями в храме Зевса перед алтарем бога, над которым возвышалось его знаменитое мраморное изображение. Здесь же находились шесть двойных алтарей двенадцати олимпийских богов, поставленные совсем недавно Гераклом. У ног Олимпийца, дарующего победу, полукругом стояли кресла элланодиков, распределявших и раздающих награды. Сюда входили победители, обычно окруженные многочисленными друзьями и родственниками, иногда с трудом втискиваясь в главный зал храма. Затем глашатай еще раз объявлял имя и родину победителя, один из элланодиков обвивал его чело шерстяной повязкой и возлагал на него победный венец из листьев оливы, которая срезалась со священного дерева, выращенного от ветки,

принесенной Гераклом от Аполлона Гиперборейского. Ветви для венков славы золотым ножом срезал прекрасный юноша, имевший прозвище «цветущий с обеих сторон».

Геракл вошел в зал славы, окруженный толпой малознакомых людей и под их восторженные крики был увенчан блеском зеленой оливковой ветви с пурпурными лентами. Затем он вместе с другими победителями и их родственниками и друзьями приступили к жертвоприношению. Вокруг победными напевами гремели сопровождавшие олимпийщиков хоры. Часто для каждого победителя новая песнь составлялась поэтом – его другом, для победоносного Геракла напев сочинили сразу несколько разных поэтов:

– Слава тебе, в победном венке, Геракл самый мощный из всех! Далек твоя слава летит с Олимпийских ристалищ, мощь и сила твоя не знают предела, и ты по праву вкушаешь блаженство выигранной борьбы! Великая и вечная слава тебе, увенчанному победным венком!

Затем был пышный пир, устроенный элейцами в честь победителей Олимпиады в огромном пиршественном зале. Всеми собравшимися овладевало шумное праздничное веселье и, как поет Пиндар, при сиянии милого света прекрасной Селены, вся Олимпия вторила победным песням праздничного пира.

397. Гера призывает сражаться в Пилосе с Гераклом Посейдона, Ареса и Аида

Основав повторно Олимпийские игры, и приняв в первой Олимпиаде победоносное участие, Геракл, как всегда, во главе небольшой горстки героев, дерзко напал на Пилос, чтобы отомстить Нелею за то, что тот отказался очистить его от скверны убийства Ифита, а также за то, что пилосцы пришли на помощь Элиде.

Неожиданно, на этот раз не таясь, на стороне Нелея выступила златотронная Гера, все еще не потерявшая надежды погубить Геракла.

Некоторые говорят, что ревнивая супруга Зевеса долго не строила козней Гераклу после того, как, испугавшись гнева супруга, поклялась во всем быть покорной ему и всегда той дорогой идти, которую он ей укажет.

Узнав о походе пасынка на Пилос, Гера призвала на стороне Нелея сражаться братьев Посейдона и Аида и нелюбимого сына Ареса, и с охотой все они согласились.

Говорят, Зевса супруга заранее отправила свою вестницу и подругу Ириду, чтобы пригласить ужасного подземного брата на битву с Гераклом и при том приказала ей сделать все как можно быстрее, ведь очень далеко расположено жи-

лице Аида.

Быстроногая вестница Геры по приказу своей царственной госпожи живо в покров цветной облеклась и бросилась между белых облаков с мощных Олимпа высот. Необъятное небо лазурное, обозначив округлой семицветной дугою, мерзких Гарпий родная сестра соскользнула по ней в скрытый глубоко под огромными скалами мрачный дом царя безмолвного мира. Богиня радуги бросилась в черный Понт отчаянно бурно, и гулко под ней застонала пучина.

Ирида так быстро с важной вестью мчалась в заполненное унылым мраком царство немых, что дерзкий ветер Зефир, резвясь и играя, сдул с нее разноцветные одежды и разбросал их по всему влажному небу в виде высокой арки – дуги. Обнаженной посланница Геры явилась к вечно угрюмому властителю подземного мира с двузубым скипетром черным и, слегка прикрыв одной рукой груди, а другой лоно, возвестила ему:

– Моя любимая госпожа с сыном Кандаоном и братом Посейдоном вместе будут на стороне пилосского Нелея биться с нечестивым Гераклом, горькие причинившим обиды и унижения многим бессмертным богам. Златотронная Гера любезно просит и тебя, как милого брата, принять участие посильное в битве, ведь и тебя он оскорбил, когда нагло вторгся в гостеприимный твой дом за твоим верным сторожем с тремя головами – твоей любимой собакой.

Только после того, как все точно исполнила, Ирида, бо-

лее не стесняясь своей наготы, взметнула вверх обе руки и ввысь быстро умчалась разбросанные по небу одежды свои собирать.

– О, как не хочется мне покидать мое такое тихое и уютное, всем сердцем любимое царство, но я должен отомстить, чтоб справедливость возликовала. Ведь бог, который не наказывает за преступления и тем более – прощает обиды, не только слабый, но и не справедливый бог. Не за себя, не за свое унижение олимпийского бога – я должен отомстить за истязание милого Кербера, ведь от пребывания на ярком солнце он чуть совсем не ослеп. Да, для давно задуманной мести лучшая настала пора, ведь обнаглевший от безнаказанности нечестивый отпрыск Зевеса очень силен, но вместе мы с Посейдоном, Аресом и Герой много сильнее.

Так сказал бог ужасный Аид и стал готовиться к выходу в свет, чтобы принять участие в битве наземной.

Чадолубивый царь влажных пучин очень хотел помочь своему сыну от пышноволосой красавицы Тиро Нелею, а вечно запятнанному алой человеческой кровью Аресу было все равно против кого вести войну, но Геракла этот бог ненавидел особенно сильно, не меньше своей матери.

Сама Гера решила без необходимости не ввязываться в схватку сразу, помня, как Геракл уже однажды уметил ее стрелой в правую грудь и пригрозил, что уметит опять, если она будет в его битвы вступать.

Неизвестно, как закончилась бы битва Геракла с могучи-

ми олимпийскими богами, если бы ему не помогла богиня справедливой войны Афина, силой подобная могучему богу. Одни говорят, что мудрая Афина-Паллада, тяжело огромным копьем потрясая, сама стала сражаться с Аресом, которого она ненавидела сильнее, чем остальные боги, другие утверждают, что она только отвлекала олимпийского Щитодробителя от Геракла.

Приглашение Геры услышав, могучий Земли Колебатель со своими трезубыми вилами вовремя прибыл в Пилос на битву и, не мешкая, двинулся быстро сквозь сечу, сквозь всюду нависшие копья и свистящие стрелы к Гераклу. Лес и окрестные горы заколыхались под тяжелой стопою бессмертного бога.

398. Дубина схватилась с трезубцем и победила

Геракл, увидев мощного бога с грубым лошадиным лицом, вокруг которого развевалась черная грива волос и с проседью борода, и с огромным трезубцем, сразу понял, что перед ним сам Посейдон, который заговорил важно, словно он восседал на совете богов:

– Зачем Геракл ты сюда, в Пилос явился? Не знаешь разве, что сын мне Нелей? Мне придется встать на защиту сына родного и многочисленных внуков и вступить с тобой в битву. Ведь позорно будет без боя мне допустить, чтобы ты чад моих милых жизни лишил. Ну же, давай, Геракл, если меня не боишься, то сражение начинай. Ведь не пристойно нам в стороне оставаться, раз уже бьются другие. Слышал я, что замечательных подвигов много ты совершил и противник для всякого ты могучий, хоть смертный. Мне же выступить первым в бой неприлично: бог я бессмертный и в битвах имею опыта больше. Впрочем, если все же боишься, назад отступи и сражение покинь, чтоб, судьбе вопреки, раньше срока не спуститься в жилище Аида.

– Знаю, Энносигей, ты себя считаешь богом великим и сильным, а смертных людей ничтожными и малыми называешь. Я твой смертный племянник, и не я тебя вызываю на бой. Теперь же Необходимость могучая властно меня застав-

ляет сразиться с тобой. Если уж бой роковой с тобой на роду мне написан, то давай биться! Ты, наверно, Земли Колебатель, сочтешь меня неразумным, если вступлю я с тобою в борьбу, но все ж давай начнем и посмотрим кто из нас будет сильнее: герой, смерти причастный или бог олимпийский!

И вот герой дерзновеннейший смело выступил против могучего Посейдона, потрясая дубиной, осененной красою дикой оливы. Тогда с оглушительным криком, колебля трезубец мощной ладонью, стремительно полем понесся Земледержец могучий против Геракла. Дубина схватилась с трезубцем – и грозному Сотрясателю земли пришлось уступить. Одним мощнейшим ударом Геракл выбил огромный трезубец Посейдона и тот, отлетев далеко, вонзился с грохотом страшным в скалу. Владыка морей, не имевший другого оружия, видя подступающего к нему Геракла с огромной дубиной, решил не спорить с всеильной Судьбой и сделал вид, что он лишь пошутил:

– Племянник мой милый, уймись, совсем не желал я понастоящему драться с тобой. Думал так пошутить, раз уж здесь собрались для битвенной свалки другие. А сейчас мне пора с поля сраженья сойти и на многоложбинный Олимп воротиться, в зевесов чертог. Нет лучше я отправлюсь в соленые глубы, в свой дворец меднозданный, что в заливе на морском дне искусный Гефест, мой милый племянник построил – весь золотой и сверкающий, вечно нетленный. А другие, что здесь появились, пусть о войне позаботятся сами.

Земледержец деланно засмеялся, словно заржал, обнажив крупные, как у коня желтые зубы, а Геракл ему миролюбиво ответил:

– Сам ты, Земли Колебатель и брат твой Зевес, почли бы меня совсем нечестивым, если б с тобою в ожесточенную борьбу я вступил бы против твоего желания явного. Что ж, давай разойдемся, по-настоящему в жестокий бой не вступая, и другим предоставим сражаться. Но ты не медли тогда, и, захватав трезубые вилы, скройся в пучине, чтоб тебя я здесь больше не видел.

Довольный Посейдон, не теряя божественного достоинства, вырвал из скалы свой трезубец и, воссев в пышноколенную колесницу, хлестнул бичом четверку белоснежных коней с золотистыми гривами и хвостами и быстро, как ветер умчался в свой блистательный подводный чертог знаменитый. Оглянуться и то не посмел, убегая!

Так бог, чей трезубец управляет морскими волнами, сражение бесславно покинул и в море седое ушел, к большому огорчению Геры, которая, досадливо прикусив губу, себе возмущенно сказала:

– Ну, вот. Не успев начать, уже прочь из схватки бежит, Земли Колебатель и этим приносит Гераклу еще большую славу, почти без боя, победу ему уступая! Для чего только Мойрой такой огромный трезубец дан ему при рождении? Если услышу еще, что он будет гордо хвалиться между богами силой своей и могуществом, то живо напомню о нынеш-

нем позоре ему.

399. Две схватки Геракла с Ареем

Геракл, между тем, подобрав на всякий случай брошенное кем-то копьё, поспешил на помощь Афине, которую на этот раз постылый брат, губитель мужей, яростно теснил вместе со своей грозной спутницей неистовой Энио, города с высокими стенами разносящей в прах, ведя сумасшедшие схватки.

Мудрая Афина-Паллада не хотела на виду у мачехи Геры по-настоящему биться с ее, хоть и нелюбимым, но все-таки сыном на стороне ненавистного ей Алкида.

Геракл подбежал к Аресу и с ходу ткнул найденным копьём в его щит, и медное жало копья пронзило щит бога кровавой войны, и его самого опрокинуло наземь. Копьё уперлось в незащищенное доспехом бедро Ареса, и Геракл с силой вогнал его в божественную плоть.

Страшно взревел Арес от боли, как будто бы тысячи сильных мужей на войне раненые закричали. Так он долго вопил, безмерно страдая от боли, потом, словно ураган, умчался на Олимп, где по просьбе отца олимпийский врачеватель Пеан кровавую рану в бедре смазал ему и исцелил.

Бешеный Арес в кровавом месиве сраженья ужасный, ликуя неистово, про рану быстро забыл и вновь ринулся в бой, который опять продолжался не долго, поскольку пернатая стрела Геракла, всегда жадная до намеченной жертвы, быст-

ро вонзилась ему в божественное плечо и там осталась.

На этот раз страшно орущего Арея подхватили его сыновья Фобос, обычно правящий конями Эриды и возникший бешеной Энио Деймос. Страх и Ужас, погрузив вопящего родителя в пышноколесную колесницу, запряженную иссини – черными, изрыгавшими дым и пламя божественными конями, умчали, вздымая густую пыль в облака, на высокий Олимп – нерушимый оплот и жилище бессмертных. Там бог-врачеватель медное жало стрелы осторожно из язвы плеча удалил, с божественного тела ихор вытер и все густо смазал живительной мазью.

Исцеленный Аид бросился к родителю, схватил его за колени и срывающимся на визг, как у женщины, голосом стал ему жаловаться:

– Все мы, боги Олимпа, на тебя негодуем, отец! Безумного смертного сына ты породил, страданья несущего всем, лишь одни злодейства против бессмертных у него на уме, а ты не смиришь его ни словом, ни делом, все позволяешь этому нечестивцу, рожденному тебе смертной Алкменой.

Зевс скривил в усмешке презрительной губы и, оттолкнув сына, сморщил нос, как от неприятного запаха и стал ему выговаривать:

– Хватит тебе тут меня за колени хватать и скулить! Лучше смолкни! Ты самый ненавистный мне из богов, на Олимпе живущих и самый нелюбимый из рожденных богинями мне детей! Милы тебе только неистовая вражда, да раздоры,

да кровавые битвы! Матери дух у тебя, – необузданный и строптивый, ее и сам я с трудом иногда укрощаю словами. Ты и теперь страдаешь больше не от Геракла, а от материнских советов. Вот к ней и ступай, пусть она тебя утешает и помогает, а с моих глаз лучше скройся!

Арес не понял родителя и помчался к Гере с вестью о том, что Зевс повелел ей помочь ему в битве с Гераклом.

400. Геракл опять ранит Геру, и ей в образе старушки помогает Ясон

Видя, как Геракл победил ее царящего в море могучего брата и запятнанного кровью нелюбимого сына, Гера стала задыхаться от накатившей, словно девятый вал, безудержной злости. Когда к ней явился Арес в рваной, кровавой одежде, она вся дрожащая сидела в кресле, судорожно сжимая виски аккуратно расчесанной белокурой головы.

Услышав от Арея, что Зевс повелел ей помочь в битве с сыном, она вскочила и на нисходящих воздушных потоках с высоких вершин олимпийских бурно ринулась в Пилос. Там, схватив большое темное облако, полное льдинок, она широко размахнулась в полнеба и метнула его в Геракла. Точно так во время знаменитой рукопашной битвы олимпийских богов друг с другом, царица расправилась с противостоявшей ей Артемидой, поразив грудь самой стройной богини глыбой замерзшей.

Однако пасынок ловкий, хоть и не был таким стройным и гибким, как Аполлон или Артемида, все же в последний момент сумел увернуться от посланного мачехой тяжкого ледяного снаряда, прижавшись всем телом плотно к земле.

Когда черное облако с глухим воем пронеслось над Гераклом, он вскочил и закричал громогласно:

– Предупреждал я тебя открыто и прямо не лезть в мои

схватки, неумемная в кознях супруга Зевеса! Говорил я тебе прочь от сражения, где я соучастник, как можно быстрее удаляться. Ты же опять в битву продолжаешь мешаться, чтоб только меня погубить. Сейчас ты первая бросила в меня льда огромную глыбу, тогда и сама получи то, на что давно напросилась!

И Геракл, словно издеваясь, опять стрелой ранил Геру в правую грудь, в то же самое место, куда он попал, когда она защищала трехтелого Гериона, накрывая его темною тучей.

Пернатая стрела старую рану разбередила, и лютая боль почти нестерпимая бессмертное тело Геры пронзила, и стала ее жестоко терзать. К этой ужасающей боли добавился жуткий страх – она вспомнила слова пасынка, что в следующий раз его стрела может быть отравлена той желчью Гидры из Лерна, которой и сами боги страшились.

Страшно завывала не своим голосом, грубым, как раненый горный медведь, царица Олимпа и, прыгнув в ближнее облако исступленной стопой, взмыла, как вихря круговорот, в сияющую на солнце безоблачную эфирную высь.

За ней и Афина, поняв, что сражение с участием пришедших на пилосскую битву бессмертных богов завершилось, мощно оттолкнулась непобедимым копьём, и как огромная серая птица к высоким холмам и глубоким ложбинам Олимпа устремилась так быстро, как может устремляться только мысль человека, который, мечтая, что-нибудь себе представляет.

Некоторые говорят, что в этот же день израненную грудь Геры излечил божественный врачеватель Пеан, тяжкая боль унялась, и прекрасная грудь исцелилась, ведь опять не отравленной стрела сына Алкмены была.

Другие же уверяют, что тяжело раненная Гера по воле непрекаемой Мойры Лахесис не смогла сразу вознестись на высокое небо – Судьбе-затейнице было необходимо, чтобы она из благодарности помогала русокудрому герою Ясону в полном затаенных опасностей плавании в далекую Колхиду за золотым руном. Приняв облик нищей старухи, царица богов некоторое время просидела на берегу поднявшей воды реки Эвен. Там она, в полном согласии с предначертаниями вещей Ткачихи, познакомилась с двадцатилетним русокудрым красавцем Ясоном с честными голубыми глазами. Юный герой спешил в прославленный хороводными плясками Иолк, чтобы помочь престарелому отцу Эсону вернуть царство, захваченное Пелием, братом Нелея. Ясон, увидев Геру в образе беспомощной старушки (сама она говорит, что проверяла честность людей), так бережно перенес ее на руках через мелкую в этом месте реку Эвен, что добропорядочная царица богов неизменно стала его почитать, как героя и даже почти влюбилась в него, но не как в мужчину, а, как в благодетельного героя.

Так некогда Гера чуть не влюбилась в царя Элиды красавца Эндимона, который, по мнению многих, был истинным олицетворением неотразимой юношеской красоты. Гера не

позволила первому робкому чувству развиваться до подлинной страсти и отослала влюбленного в нее Эндимона к Селене. Богиня луны усыпила на 30 лет юного элидского красавца, чтобы целовать в латмийском гроте спящего Эндимона, к которому она по воле ревнивой Киприды пылала нестерпимой страстью любовной.

Сама же Гера о своих навеянных Афродитой Уранией чувствах к Ясону так говорила Афине:

– Да, Ясон мне любезен, но не как мужчина, ведь я – добродетельнейшая из женщин. А почитаю я его неизменно за то, что он пожалел меня и на руках перенес через бурные воды, когда я приняла умышленно облик старушки, чтобы проверить благочестивость людей. За это я ему благодарна и буду всегда и во всем помогать.

401. Геракл, несмотря на изменчивость вида, убивает Периклемена

Гесиод поет, что Периклимена Посейдон-Земледержец вознес дарованьем вид принимать всевозможный: меж птиц он являлся пернатых хищным орлом, бывал и пчелой из жужжащего роя, змеем ужасным бывал беспощадным. Тому дарованью многообразья не счесть, но он ниспровергнут волей могучей Афины, когда поражал многочисленных мужей, битву ведя за твердыню богатого славой Нелея – многих тогда распростер он в ярости черной, насмерть сразив. Но, исполнившись гнева, Афина Паллада пыл ратоборный его укротила. Геракловой силе скорбь нестерпимая сердце объела, коль воинства гибли. Сама совоокая дева Афина Амфитриониду вручила прекрасноизогнутый лук, указуя ему боговидного Периклимена.

Когда Геракл, ранивший Геру, примчался к Периклимену, подобному изменчивым морским богам Нерею или Протею, тот сразу же обернулся свирепым львом, грозно рычащим, при виде врага беспощадного. Однако могучий герой лишь усмехнулся презрительно в свою курчавую русую бородку и с язвительной усмешкой сказал:

– Я сражался с неизменным успехом с разными львами.

Самым мощным был божественный лев из Немеи, но и он лишь до встречи со мной славился вот этой каменной шкурой.

Герой подбородком показал на прославленную шкуру, висевшую на левом плече, и широко замахнулся дубиной на внука Посейдона в образе льва, но тот не стал дожидаться верной гибели и обернулся в огромного змея с извилистым телом пятнистым. Стал змей извиваться в несметные кольца и страшно шипеть, высунув из пасти зубастой со свистом длинный язык, раздвоенный на конце.

– Приятно увидеть старых знакомцев. Еще в колыбели змей я душил, потом дрался с божественной Гидрой, что до встречи со мной счастливо обитала в Лернейском болоте. Не легкой была схватка с двухголовым драконом на реке Сангарий, но и того вот этими руками я задушил.

Отбросив дубину, без всякого гнева и страха Алкид деловито двинулся к змею, сжимая и разжимая на ходу крепкие свои кулаки, намереваясь задушить голыми руками шипящего страшно дракона. Тогда Периклимен, превратившись в пчелу, тихо уселся на мундштук лошади, на которой Геракл приехал.

Нонн Панополитанский поет, что Геракл пальцами мнимую пчелку тут же раздавил беспощадно! Однако другие, подобно Гигину и Овидию, рассказывают, что Периклимен в образе пчелки сумел избежать казавшейся неминуемой смерти.

Когда Амфитрионид по недовольному ржанью коня догадался о новой изворотливой хитрости Периклимена и уже хотел пальцами схватить пчелу, тот в последний момент успел превратиться в могучего орла. Царственная птица, любезная самому владыке бессмертных, поняв, что боя не избежать, сама, бурно хлопая крыльями, метнулась к Гераклу.

Овидий поет, как Периклимен, пользуясь средствами птицы, пытался вонзить крючья острых орлиных когтей в львиную шкуру Геракла и чуть не выклевал герою глаза своим крепким загнутым клювом. Однако Геракл мощной рукой сумел отшвырнуть от себя сильнейшую птицу и быстро лук натянул свой не знающий промаха. Орел мгновенно взмыл в хмурые облака, но был там настигнут у основанья крыла пернатой стрелой на большой высоте, и хоть рана оказалась ничтожной, разорванные мышцы некогда могучего крыла стали быстро слабеть. И вот уж нет у орла прежней мощи в полете, и вот уж падает камнем на землю он, крылом, искаленным воздухом не в состоянье забрать. Стрела, что впиалась неглубоко, вдавлена в мясо была всем грузом на землю упавшего тела, по верху боком пройдя, показалась слева из глотки.

Так по воле бесстрастно неумолимой Мойры Лахесис из жизни ушел Периклимен – предпоследний из отпрысков надменных Нелея.

Гесиод поет, что Геракл Пилос не мог сжечь, пока Периклимен богоравный в живых оставался, хоть ярился премно-

го. Когда же доля смертельная завладела Периклименом, сын могучий Зевеса Пилосскую твердь обезлюдил, духом могучего Нелея добрых сынов ниспровергнул насмерть одиннадцать.

402. Геракл сжигает Пилос, а Нестору оказывает милость

Некоторые говорят, что Геракл не мог биться с тремя могучими олимпийскими богами и тем более не мог их всех победить.

Другие же утверждают, что Геракл мог и биться, и победить трех олимпийских богов, ибо за него был четвертый бог – Зевс; поэтому даже в помощи Афины не было необходимости. Однако и Афина, подняв копье, выступала перед Гераклом и вместе с реющей Никой победу несла, побуждая лучшего смертного зевсова сына избивать и богов, и пилосцев.

После того, как бессмертные боги, постоянно живущие в своих атриях на Олимпе не подверженном гниению и тлену, поле боя бесславно покинули, настала очередь одержимого невыносимой гордыней Нелея и его 10 заносчивых сыновей, которые, после встречи с непобедимым Гераклом, один за другим оказались в гостеприимном доме Аида. Из молодежи отборной в живых оставались только сыновья Нелея Периклимен и Нестор. Но и Переклимен несмотря на то, что принимал вид и огромного свирепого льва, и пятнистого мощного змея, и жалящей больно пчелы, в образе могучего орла был убит пернатой стрелой Геракла. Из 12 сыновей, рожденных Нелею Хлоридой, остался один Нестор.

Нестор, самый младший сын Нерея, будущий [«конник ге-](#)

ренский» в бессмертной поэме Гомера, гостем тогда пребывал среди конеборных геренов, тем и смерти сумев избежать, и погибли черной.

После того, как Геракл разграбил и сжег дотла город Пилос и убил Нелея вместе со всеми сынами, кроме Нестора, он обратился к младшему Нелеиду с такими словами:

– Все знают в Элладе, что мне, как и бессмертным богам, на Олимпе живущим, больше всего мила справедливость. Оттого я убил сыновей не всех у Нелея. Ты, Нестор, очень любезен моему справедливому сердцу тем, что ты единственный советовал высокомерному отцу очистить меня от убийства Ифита и поэтому ты гибели избежал, а не потому, что вовремя сраженья был в гостях у конелюбивых геренов. Я не только тебя пощадил, но еще хочу отдать тебе в полное управление город Мессену, но с таким условием, чтобы потом ты передал его моим славным законным потомкам.

Рассудительный уже в юные годы Нелеид торжественно тут же поклялся, что исполнит это пожеланье Геракла, причем, голосом кротким поклялся его именем, как бога, и тогда растроганный вкрадчивой лестью отпрыск Кронида пылко воскликнул:

– Как хорошо ты поклялся! Сейчас я тебя возлюбил, милый Нестор, даже больше, чем любил всегда Иолая, ведь даже он не клялся до сих пор именем пока еще полубога Геракла.

Вещая Ткачиха соткала в пряже столетий Нестору славную долю. Он был под Илионом и, как говорят, прожил по благодаянию Аполлона три века, потому что те годы, которые грозный Улий отнял у семи сыновей обуреваемой непомерной гордыней Танталиды, он вернул Нестору – внуку Ниобы и племяннику ее убитых сыновей. Благодаря милости-вой справедливости Геракла и благодаянию Феба, Нестор прожил долгую и счастливую жизнь, полную доблести.

Однако сжег Пилос, славный белыми и мелкими, словно просеянная мука, редчайшими своими песками, и оказал милость Нестору Геракл позже – после убийства Периклемена и последовавшей за этим схватки с Аидом.

403. Аид спешит в Пилос на битву, но опаздывает

Некоторые рассказывают, что вскоре после того, как Геракл расправился с умеющим изменять облик Периклименом, в Пилос песчаный на опустевшее поле боя примчался на своих ужасных конях запоздавший Аид. Грозный властелин подземного мира затаил глухую злобу и леденящую ненависть к Гераклу за то, что он опозорил его, выведя трехглавого Кербера из Преисподней во время свершения своего последнего баснословного подвига на службе у Эврисфея. И вот, наконец, представилась прекрасная возможность для мести, и Гадес решил ею воспользоваться.

Путь предстоял долгий даже на его черной колеснице, запряженной ужасными вороными конями, и Незримый владыка немых торопился. Бессмертных своих лошадей быстрогоногих Гадес быстро сам в летейскую крепкосколоченную колесницу запряг. И, в мощные руки Хрисений (Правящий золотыми вожжами) вожжи и бич захватив, черных коней устремил из мрачных чертогов; охотно они пока еще знакомой дорогой в гулких пустотах под землей понеслись.

По имени каждого из храпящих коней называя, гонит их Гадес, торопясь, по шеям, по гривам сыплет золотых удары вожжей, не подвластных ржавчине темной. Не помнившие лучезарного Солнца аидовы кони копытами звучно резали

застоявшийся воздух, резво летя в гулкой полости подземелья. В жутком трепете полном полете выдыхали они из влажных черных ноздрей целые облака сизого дыма с сильным запахом серы. Дыханье этих страшных коней затемняло даже горячее беззвездное медное небо Аида; недаром их звали жестокий Орфней (темный), названный так за громкое жуткое ржание, быстрый Этой (жгучий), обгоняющий даже стрелы. Третьего коня звали Никтей (ночной), Стикса сурового слава, а четвертого – Аластор (мститель).

На пастбищах чахлах Коцита травы жуя, по лугам асфodelей мрачным блуждая, в длительном мраке черные кони Аида всегда привыкли пастись. Поэтому, внезапно выскочив на ярко освещенную поверхность земли, пораженные густым солнечным светом, кони мощно взвились на дыбы, потом, искривив колесничное дышло, в жуткий подземный проем возвратиться самовольно попытались обратно. Даже, почувствовав на своих потных спинах и шеях сильные удары бича, долго не слушались кони возницу. Лишь солнца сиянье привыкнув сносить, понеслись кони вперед стремительней бурного ветра Зефира.

Аид нетерпеливо морщил горбатый свой нос и досадливо кусал бескровные тонкие губы из-за непредвиденной задержки в пути. Быстро его колесница дальше неслась; ни ток широкий Тефиды бега бессмертных коней не мог задержать, ни влажные речные просторы, ни лесистых гор высота, ни многочисленных зеленых долин пологие углубленья.

И все же гордый своими конями Аид именно из-за коней опоздал: Геракл не только успел расправиться с Посейдоном, Аидом и Герой, но и схватка с Периклеменом уже завешалась.

В спешке царь подземного мира забыл взять свой шлем-невидимку. Поэтому Геракл только, что убивший Периклемена, ясно увидел на пилосском поле бурно мчавшегося в квадриге к нему на страшных черных конях огромного мужа с развивающимися на ветру длинными черными волосами, потрясающего черным двузубцем в мощной руке.

Пиндар поет, что в Пилосской битве с Гераклом не празден был посох Аида, которым гонимы тела смертных к полым перепутьям умирающих.

404. Геракл ранит Аида

Геракл сразу узнал Гадеса и по его решительному, перекошенному злобой лицу понял, что тот явился, чтобы его жизни лишить и бессмертную душу навсегда увлечь в свое жуткое беспросветное царство.

Осторожный герой решил не дать Аиду даже близко приблизиться к себе, поскольку даже легкое прикосновение его двузубого скипетра обрекало любого человека, в том числе полубога, на неминуемую смерть. Не было у отпрыска Зевса времени ни на раздумья, ни на разговоры – сама смерть, как пронизывающий холодом северный ветер, бурно неслась навстречу ему. Быстро он лук свой схватил и мгновенно упругую напруг тетиву. И тут же охотно лук отозвался, грозно он загудел, залиvisto тетива зазвенела, со угрожающим свистом стрела понеслась, алчно устремляясь наконечником медным к намеченной цели.

Геракл издали поразила своего подземного дядю стрелой пернатой из лука, и Гадес, меж богами самый ужасный, был повергнут в страдания горькие и завопил:

– Это последний твой бой, нечестивый мерзавец! Прямо сейчас, я вознесусь на Олимп и расскажу брату Крониду все, что с богами ты здесь вытворяешь, и тебя на куски жгучей молнией он рассечет, и ты бессильный окажешься в моем царстве!

Тяжко раненный царь подземелья в Эгиохов дом, на Олимп, темными облаками укрытый, быстро вознесся на своих черных конях, дыханием дымным испоганивших чистейший эфир. Тело самого властительного подземного бога злая рана, как зверь свирепый, дико терзала.

Гадес не только от боли телесной страдал, но и от Мома, бога жестокой насмешки, который в это время жил еще на Олимпе. Мом, увидев раненного Аида, сразу стал злобно вопить во все горло:

– Боги покиньте же свои атрии, выйдите на улицу и посмотрите, как сам Ужасный вознесся страдать к нам на Олимп! На совет или пир его не дожدهшься – слишком гордый Аид! А тут явился подобно побитой собаке. Кто же так тебя покалечил, властелин безмолвного царства, уж не бесстыжий ли смертный племянник, что ходит всегда голый под одной львиною шкурой?

И все олимпийские боги высыпали на главную улицу, ведущую к чертогу Зевеса, и, разинув бессмертные рты, смотрели во все глаза, как ужасный бог-домосед, подобно Гефесту с больными ногами, с трудом ковылял по вымощенной мраморной плиткой мостовой. Они неотрывно за Аидом любопытными следили глазами пока тот не свернул на огромную площадку для пенья и танцев, где находился дворец лучезарного Феба-Пеана и в нем не исчез.

Но самое главное – сердцем был Аид удручен и безмерно печален, что Гераклу не смог отомстить за терзание Кер-

бера и за позорное свое унижение. Как ни стремился он поскорее встретиться с Зевсом, чтоб рассказать ему о бесчинствах, творимых его одетым в огромную силу сыном от смертной Алкмены, но в этот день так и не смог. Стрела роковая с наконечником загнутым в мощном Аидовом теле, застряв, упорно на месте стояла и жестоко мучила бессмертную плоть. На помощь Аиду пришел олимпийский врачеватель Пеан, исцеливший уже в этот день дважды пролившего свой нетленный ихор Ареса и единожды – златотронную Геру. На этот раз искусный во врачеванье Пеан много потратил времени, чтобы извлечь из аидова тела стрелу, там застрявшую. Потом он чистейшей водой несколько раз промывал и божественным снадобьем, на время утоляющим всякие боли, долго смазывал растравленную загнувшимся наконечником рану, но все было тщетно – рана саднила и ныла. Лишь на следующий день Пеан излечил ужасного бога, рожденного Кроном и Реей не для жизни в олимпийских чертогах в пронизанном лучами солнца прозрачном эфире.

Согласно Гомеру, Аид потерпел, меж богами ужасный, от раны, острой стрелой, нанесенной все тем же Зевесовым сыном возле ворот средь умерших, и тяжкие муки изведаль. К зевсову дому отправился для исцеленья он на вершины Олимпа, сердцем милым сильно печалась, от боли безмерно страдая...

Павсаний рассказывает, что священный участок Аида и его храм – у элейцев есть посвященный ему и тот и другой –

открывается каждый год один раз, но даже и тогда не позволяется входить туда никому, кроме его священнослужителя. Говорят, что из людей почитают Аида одни только элейцы по следующей причине. Когда Геракл шел походом против Пилоса, что в Элиде, говорят, помощницей ему была Кронида чистейшая дочь; на помощь же пилосцам явился наполненный непримиримой местью Аидоней из-за ужасной ненависти к Гераклу. За это в Пилосе воздается Аиду поклонение.

405. Боги осуждают Геракла за нечестивость и дерзость

Боги в дивном чертоге со стенами из кипариса и дуба, с подогреваемым мозаичным полом и до блеска отполированным медным потолком в отсутствии Зевса, как всегда, веселились и пиروвали, но в этот раз их привычное беспечное веселье было омрачено, и они меж собой совещаенье держали.

Всегда юная Геба, озорно сверкая глазами, когда боги гладили ее и прижимали, вместе с красавцем вечным отроком Ганимедом нектар блаженным богам разливали. Насельники неподверженного тлену Олимпа золотыми друг другу кубками, как всегда, высокую честь воздавали.

Но в этот день всегда счастливые олимпийские жители были очень раздосадованы тем, что в сражении с пилосцами смертный отпрыск Кронида подрался с Посейдоном и ранил стрелами Геру, Ареса и Аида.

Многие из олимпийцев не хорошо о Геракле судили, а Посейдон, как резвый конь, бьющий копытом, так мощными топал ногами, яростно брызгал во все стороны похожей на морскую пену слюной и прямо так о племяннике говорил громгласно:

– Геракл – дерзкий, неистовый муж, хоть и смертный! Наглости и высокомерию его нет предела. Он, никакого не

страшась наказания, вчера совершал злодеянья: богов не только на словах оскорблял, воздымая дубину и лук свой против них напрягая. Стрелами боль причинял вечно живущим богам, владельцам жилищ олимпийских! Со мной он биться, конечно, боялся, но хотел, как бы в шутку меня трехзубца лишить, как будто в его это силах. Вот он мой скипетр с тремя зубцами. Он не безумец, не муж легкомысленный, он – нечестивец и дерзкий наглец! Давно уж заслуживает справедливого он воздаянья, ибо кто на великих богов ополчается, тот не живет долголетен.

– И даже со мной, с бессмертным богом Олимпа, этот песшелудивый, дерзостью буйной пылая, осмелился не только сражаться, он меня дважды ранил и тяжко. Сначала наконецник копья вонзил мне в божественное бедро, а потом, когда я только-только излечился от раны, у всех на глазах опять меня поразил стрелою в плечо. Я бы мог сам жестоко ему отомстить, но меня все не любят и называют богом кровавым, говорят, что мне только битвы милы, и потому я, поле битвы оставив, на Олимп приехал пожаловаться отцу, но он меня к матери Гере отправил. Но я ему еще отомщу, я разорву его на мелкие части и разбросаю их по всей необъятной земле! И никто ему не поможет, ведь не зря меня называют Щитодробителем и Разрушителем городов!

Пострадавшего в битве с Гераклом Аида не было, он, как только излечился сразу отбыл в свое любимое подземелье, но и без него было видно, что все олимпийцы решительно

настроены против Геракла. Даже прекрасное лицо Феба, поклявшегося в вечной дружбе Гераклу, презрительно искривилось, когда о герое говорили Арес с Посейдоном, не говоря уже о его милой сестре. Глаза Артемиды излучали пламя, уголки губ презрительно опустились, руки, сжимавшие стрелы и лук, дрожали от гнева.

Многострадальное сердце Геры светло смеялось и пело, лицо, как всегда, ослепительной красоты сейчас сияющим счастьем светилось, и ее измучившемуся сердцу казалось:

– Чувствую, что уже скоро, вот-вот мерзкое отродье Алкмены постигнет ужасная доля Тантала или Сисифа или других нечестивых героев, ведь их преступления были совсем не такими страшными, как злодеянья Зевсова сына от порочной Алкмены. Сына Тантала Зевс обрек в Аиде на вечные муки от жажды и голода и проклял весь его род за то, что тот всего лишь украл каплю амброзии с нашего стола и угостил нас блюдом из своего сына младенца Пелопса... Что же теперь должен сделать Кронид со своим нечестивым сыном, дравшегося с его братом Посейдоном и тяжело ранившим меня – его супругу, законного сына Арея и другого родного брата Аида?!

Тут Зевс, подслушивавший в своей гулкой спальне через известное только ему тайное отверстие, разговоры членов своей олимпийской семьи в зале для ежедневных пиров, не выдержал и сам к ним явился, сильно грохнув дверью входной так, что в чертоге возникло сильнейшее эхо.

406. Зевс защищает Геракла от обвинений богов

Все боги и богини немедля со своих седалищ вскочили навстречу Крониду, из властителей всех наивысшему; не посмел ни один из бессмертных сидя входящего встретить. Там царь на трон свой высокий уселся, помавая сросшимися бровями и косматой потрясая головой так, что нетленный чертог угрожающе зашатался. Тут же прекратились все разговоры, а Зевс, эгидой страшной своей собирающий тучи, брату Посейдону с нескрываемым недовольством изрек:

– Брат мой Посейдон, ты ведь всех вод повелитель, первое после небес имеющий в мире державство! Бог многомогущный, земли Сотрясатель, ну, что говоришь ты? Пусть бы Геракла ругал кто-то другой из богов, кто пред тобою намного слабей и руками, и духом.

Лазурный брат промолчал, поджав толстые, как у коня, губы, он явно не знал, что отвечать, и тут Гера, праведного гнева в груди не вместив, с язвительной обидой сказала Крониду:

– Очень ты любишь своего смертного сына Геракла. Никогда никто не дерзал с божествами Олимпа сражаться, а Геракл в один день тяжело ранил даже Аида, меж богами ужасного, Ареса дважды ранил в бедро и в плечо и меня стрелой поразил в правую грудь. С Танатом, Посейдоном и Аполло-

ном он прежде не в шутку боролся. Никто до сих пор долго не жил на небожителей руку поднявший. Ты же Геракла даже ругать нам запрещаешь, словно он дороже тебе, чем все мы – родные твои братья, сестры и дети! Так дальше продолжаться не может! И это не только я говорю! Прочие боги твое отношение к нечестивому сыну Алкмены тоже не одобряют!

Было видно, что в соглашении с Герой молчали другие небесные боги. Тогда Зевс, могуществом самый великий, сурово богам указал:

– Я вижу вашу болезненную обиду и ее понимаю. Но во всем виноваты только вы сами, небожители вечные! Знаете вы превосходно, что непреложные Мойры предназначили Гераклу быть сильнее вас всех, уступая лишь мне одному! Странные вы! Могучей Судьбе вопреки, вы сами тщитесь с ним биться, а потом обижаетесь, что и он, по неизбежной необходимости отвечая, дерзает с вами сражаться! Но ведь Геракл не простой человек из бессильного, слабого и немощного рода людей, он мой родной сын!.. И потом – вы забыли, кто помог погубить нам землеродных Гигантов?!

Так Зевс грозно вещал, бровями густыми вращая, а бессмертные ему безмолвно внимали. Было видно, что не все с ним согласны, иные даже попытались чуть слышно роптать. Лишь голосом он и рукою ропот вокруг подавил, все снова безмолвными стали. Тогда олимпийский искусник Гефест с такой обратился к небожителям речью, всех успокоить и примирить очень хотелось ему:

– Горестны будут такие дела и совсем нетерпимы, дорогие мои олимпийцы, если вы и родитель наш Зевс начнете затаенную вражду меж собой из-за его смертного сына. Не нужна нам шумная ссора между богами. Какое же будет удовольствие от светлого пира, когда восторжествует на нем Распря – Эрида! Боги, будьте мудрее, я вас призываю – уступайте Зевсу во всем, чтобы он сильно не раздражался и нам бы не портил прекрасного пира. Ведь стоит ему захотеть, – и легко Кронид Громовержец выбьет всех из седалищ: намного ведь нас он сильнее. Так, постараемся же нашего отца и царя послушными успокоить словами, и милостив станет тотчас после этого к нам Олимпиец.

Так лемносец сказал и, поднявшись с сидения, кубок двуручный наполнил и сам стал богам нектар наливать. И боги вняли Гефесту. Через силу улыбнулась колченогому богу белорукая Гера и приняла наполненный кубок от сына с такими словами:

– Спасибо тебе, Кривоногий, дитя мое мирное. Все ты правильно сейчас говоришь.

Довольный непривычной похвалой матери, знаменитый олимпийский художник начал потом наполнять и чаши у прочих бессмертных, из кратера им сладостный черпая нектар. Неумолкающий подняли смех блаженные боги, глядя, как по гулкому залу пиров с кубком двуручным хромоногий Лемносец, на обе ноги спотыкаясь, метался.

407. Сыновья Гиппокоонта убивают Ойона

После того, как Геракл отомстил Нелею и одиннадцати его сыновьям, он отправился в поход на Спарту, славящуюся воинской доблестью всех своих жителей. Поэтому этот поход обещал быть очень трудным, но отпрыск Зевеса горел страстным желанием отомстить Гиппокоонту и не только за то, что тот отказал ему в очищении от скверны убийства Ифита.

Еще Геракл хотел рассчитаться за то, что Гиппокоонтиды подло, ибо их было двенадцать на одного, убили его возлюбленного юношу Ойона, а потом, когда он без львиной шкуры, лапы которой били его сзади о пятки, прибежал к другу на помощь, и его самого они мечом ранили тяжело в бедро.

Это случилось вскоре после того, как сын [Ликимния](#) Ойон на Олимпийских играх, повторно устроенных Гераклом, победил в беге. Геракл, награждая Ойона почетным венком из оливы, увидел высокого стройного атлета, красивого бросающейся в глаза яркой юностью. Взглянув в томные блестящие глаза Ойона, Геракл почувствовал, что влюбился с первого взгляда – так ему захотелось поцеловать полные чувственные губы юноши под небольшими только пробившимися темными усиками.

Ойон, став возлюбленным другом Геракла пришел с ним

в славную доблестью воинов Спарту так же, как его отец Ликимний, брат Алкмены, когда-то вместе с Гераклом покинул опоясанные башнями Фивы и прибыл в славный крепкой стеною Тиринф.

Геракл уже был совершенно здоров и старался не вспоминать свое последнее посещение Спарты с племянником Иолаем, тогда он приходил за очищением от скверны убийства и очищения от Гиппокоонта и его сыновей не получил.

Осматривая вместе с Гераклом город, юноша увлекся и ушел далеко от могучего друга. Когда он оказался около дома Гиппокоонта, на него напала сторожевая собака – огромный пес молосской породы. Ойон не растерялся и бросил в собаку попавшийся под руку камень и ранил ее.

Услышавшие громкий визг собаки, сыновья Гиппокоонта выбежали из дому быстрой и дружной гурьбой. Многие знают, как придорожные осы, если какой-нибудь путник нечаянно их потревожит, мимо идя по дороге, с мерзким гудением и злостью все неистово на него налетают. Так и сыновья Гиппокоонта, как придорожные осы, дружно на Ойона напали и камнями, и палками быстро забили его до смерти.

Зверскую расправу над Ойоном с другого конца длинной улицы увидел Геракл и с угрожающими криками бросился на помощь возлюбленному другу. Быстро бежать Амфитриониду мешала тяжелая львиная шкура, и он, нисколько не раздумывая, на ходу ее сбросил. Гиппокоонтиды успели заметить знаменитую желтую шкуру и, увидев бежащего к ним

могучего телом героя, кинулись в дом за оружием.

Когда духом отважный Геракл прибежал к месту схватки кровавой, Ойона уж безвременная смерть осенила, и холод вечной мглы начал сковывать его юное тело. Из прекрасного тела Ойона с жалостным писком выпорхнула лишенная жизненной силы душа и отлетела к Аиду, печалась и обливаясь слезами о горькой доле своей, покидая и пылкую юность, и счастливую жизнь.

408. Гиппокоонтиды ранят в бедро Геракла

Это нечестивое убийство зажгло бешеную злобу в сердце Геракла против Гиппокоонта и его сыновей, и он тотчас же, пылая неистовым гневом, двинулся на них, один против всех и вступил с ними в неравную схватку.

Сын Алкмены был совершенно один, а у Гиппокоонта было 12 сыновей: Дориклей, Скей, Энарофор, Эвтих, Букол, Ликет, Тебр, Гиппотой, Эврит, Гиппокорист, Алкиной и Алкон. Все 12 спартанских царевичей были в полном расцвете силы и лет. Это были уже закаленные в битвах опытные и сильные воины, с раннего детства, обучавшиеся искусству владения всяким оружием и ведения любого боя.

У Геракла была лишь его дубина из дикой оливы, а у сынов Гиппокоонта, как у всех спартанцев – мечи, самые короткие в Греции, которыми владели они превосходно.

Герой, могучеством всех превзошедший, был, словно лев, загнанный в угол большой стаей злобных и сильных собак, специально обученных охоте на львов. Как только Геракл бросался на ближайшего из противников, тот, ловко увернувшись, быстро отбегал, а в это время его братья и слева, и справа, и сзади, героя пытались зарубить своими короткими мечами, самыми удобными в ближнем бою.

Несмотря на могучество Геракла, сила была на стороне его

12 молодых, с детства обученных ведению боя, хорошо вооруженных противников. В этом не равном бою Геракл, сражавшийся без своей непробиваемой львиной кожи, был тяжело ранен в бедро одним из сыновей Гиппокоонта. Сын Зевса, скрежещущий зубами от боли и яростно рычащий от бессильной злости, был принужден Необходимостью непреклонной, хромя, бежать с поля боя и спрятаться в храме Деметры, именуемой Элевсинской.

Лакедемоняне рассказывают и показывают, где скрывался раненный в ногу Геракл, когда появившийся по воле Мойры Лахесис искуснейший врачеватель Асклепий лечил его кровоточащую рану. На реке Эврот, совсем недалеко от берега стоит храм Зевса Плюсия (Богатого), а на другом берегу – храм Асклепия Котилея. Этот храм построил сам Геракл и назвал Асклепия Котилеем (Бедряником) после того, как он излечил рану, полученную им в бедро в первой битве против Гиппокоонта и его сыновей. Именно первенец прекрасноволосой Алкмены первым принес в жертву богу здоровья петуха, мясо и бульон, из которого особенно хорошо исцеляют ослабленных больных или раненых.

Погребальный памятник Ойону в Спарте находился около святилища [Геракла](#). Амфитрионид воздвиг Ойону в Спарте холмистой величественный погребальный монумент, который и сейчас, говорят, можно видеть около святилища Геракла. После этого, по рассказу Павсания, смертный сын Зевса построил храм своей покровительнице Афине, кото-

рой дал название Аксиопена (Воздающая по заслугам). Когда Геракл, выступив против Гиппокоонта и его сыновей, он, чтобы быть справедливым, по заслугам отомстил им за то нападение, которое они своевольно позволили себе, а древнейшие люди называли такое наказание «воздаянием».

После взятия песками белыми славного Пилоса бодрый духом Геракл опять впустил в свое сердце ненасытного и алчного демона мести Аластора и отправился походом против гористого Лакедемона, чтобы жестоко покарать Гиппокоонта и его сыновей за то, что они сражались на стороне Нелея. Он гневался на них, конечно, и за то, что они отказали ему в очищении от скверны убийства Ифита, но более всего его бесило подлое убийство милого друга Ойона. То, что они и его в бедро тяжело ранили, Геракл не вспоминал – к таким ранам он привык уж давно и не обращал на них большого внимания.

Решив вволю насытиться сладостной мезью, Геракл стал собирать войско против богатого горами и пропастями Лакедемона, гордого непревзойденной во всей Элладе воинской доблестью его жителей. Спартанцы славились тем, что их невозможно было заставить позорно бежать с поля боя, а тяжело раненные, согласно древнему обычаю, они с улыбкой презрения к смерти просили товарищей их добить, и те не дрогнувшей рукой добивали.

409. Геракл убивает Гиппокоонта и его сыновей и сжигает Спарту

Аполлодор говорит, что, придя в Аркадию, Геракл стал просить Кефея, сына тегейского царя Алея принять участие в походе вместе с сыновьями, которых у того было целых двадцать. Но осторожный Кефей опасался, как бы аргивяне не напали на его страну, когда он оставит Тегею, и поэтому поначалу отказался.

Тогда Геракл, взяв у Афины локон Медусы – Горгоны в медном с крышкой кувшине, дал его Аэропе, дочери Кефея, так ей сказав:

– Если вражеское войско вторгнется в ваши пределы и возьмет город в осаду, ты поднимись на самую высокую башню и трижды подними этот локон над стенами города, но вперед не гляди, и тогда противник повернет вспять, и Тегея не будет взята никаким врагом.

У тегейцев в качестве оберега на городских воротах с тех пор изображена голова Медусы – Горгоны. Напасть на такой город означало обесчестить богиню-девственницу Афины-Палладу, которая, как все знали, тяжко карала нечестивцев. После этого Кефей и его сыновья согласились принять участие в боевом походе.

Хотя Спарта и не имела крепких и высоких стен, ее штурм, как и ожидал Геракл, оказался чрезвычайно тяже-

лым, поскольку лаконцы были лучшими воинами в Элладе, и даже раненые они сражались, как настоящие львы. Во время кровавого боя Кефей и все его сыновья погибли, как доблестные герои.

Однако ничто не могло противостоять необорной Геракловой силе, и могучий герой убил Гиппокоонта и его сыновей, о чем он сам своим спутникам через несколько лет рассказывал так:

– Гиппокоонт и 12 его сыновей окружили и пытались зарубить меня своими короткими мечами, как они забили палками юного Ойона, и самого меня мечом в бедро ранили. Однако на этот раз на мне была золотая шкура божественного Немейского зверя. Отовсюду грозно 12 щитоносных Гиппокоонтидов вместе с родителем на меня наступали, думая, что замыкают мне круг роковой, а на деле себе же постыдную западню и погибель они приготовили. Так окружают неопытные охотники с еще не натасканными молодыми собаками могучего клыкастого вепря, заросшего длинной и жесткой щетиной. Он же, внезапно явившись из чащи непроходимого леса, огромный убийственный клык готовит для страшной смерти людей и собак в громадных своих челюстях искривленных. Так, когда на меня отовсюду набрасывались сыновья Гиппокоонта с копьями и мечами, плотным кольцом окружая, я, отбиваясь, дубиной из дикой оливы разил их на смерть нещадно. Я, противопоставив их 13 острым мечам и такому же количеству копий, львиную шкуру и нестрога-

ную дубину, убил их всех, размозжив одним голову, другим грудь проломив иль позвоночник. Кто видел тот мой бой с Гиппокоонтом и его сыновьями, все, как один говорили, что покончил я с ними исключительно справедливо. Сама великая Дике требовала покарать всех 12 нечестивых убийц Ойона, ведь они, огромной толпой с камнями и палками набросились на его одного. Теперь смогу вздохнуть я свободно – никто не посмеет сказать, что безнаказанно Геракла можно оскорбить убийством любимого друга или самого его ранить в бедро.

Говорят, что Геракл, как беотарх Эпаминонд одержал оглушительную победу над спартанцами, которые тогда считались непобедимыми в сухопутном бою и выжег гордую воинской доблестью граждан Спарту, больше 500 лет никем не жженную и отдал ее во власть буйному богу Олефру, олицетворявшему беспощадное разорение и разрушение. Бурный огонь, устремленный на город безстенный; вспыхнув ярко, как факел, пожирал все подряд; здания превращались в золу в страшном пожаре, который рычал и ревел, а, словно волк, завывающий ветер серый пепел и черный дым везде разносил.

Сначала же мстительный муж все сокрушающей силы сравнял с землей стены палестры, в которой его восьмилетнего целый день нещадно пороли за то, что он не по правилам победил чуть не задушившего его двадцатилетнего ирэна по имени Тимофей. Не простил спартанцам, которые

требовали от своих граждан беспрекословного умения подчиняться начальникам и законам, отпрыск Зевеса надругательства над своим детским телом.

Покорив Спарту, Геракл возвратил на престол изгнанного Гиппокоонтом Тиндарея, доверив ему царскую власть в изменном Лакедемоне, окруженном со всех сторон высокими горами и холмами, с такими словами:

– Я плохо с тобой знаком, Тиндарей, хоть мы не чужие, ведь первый знаменитый истребитель чудовищ Персей доводился мне прадедом, а тебе дедом. Я отдаю тебе высшую власть над великой державой лишь по настоянию посетившей меня сонного Мойры Лахесис, никогда не дремлющей дщери жутколикой богини Ананке. Лаконикой ты будешь править полноправно, пока права на Спарту не предъявит кто-либо из моих потомков, в которых буду я и после смерти жить.

Перед тем, как сожженную Спарту покинуть, Геракл построил из гранитных камней святилище Гере, и принес ей в жертву 12 диких коз с такими словами:

– Дочь Эгиоха-Кронида, Олимпа богиня великая! Богов жертвами ублажать и дарами – это дело достойное настоящих героев. Я жертву приношу тебе сейчас впервые, поскольку ты не препятствовала мне в этом трудном походе, тогда как во всех остальных моих трудах, как я уверен, была ты мне откровенно враждебной. Я козьей кровью сейчас окроплю твой алтарь и в жертву тебе принесу тучные бед-

ра рогатых двенадцати коз, поскольку других животных для жертвы нет сейчас у меня.

По этой причине спартанцы, единственные из эллинов, называют Геру Эгофагой (Поедающая коз) и до сих пор приносят ей в жертву только коз.

Труды Геракла на поприще Афродиты

410. Геракл на пиру у Стимфала

Покорив воинственную Спарту, Геракл отправился на север Пелопоннеса по тегейской дороге в Стимфал. Здесь он лет двадцать назад воевал с ужасными Стимфалийскими птицами, которые с большой высоты перьями, как стрелами, убивали всяких животных и людей.

Аркадский царь Стимфал вел род от Аркада, своего деда, рожденного несчастной спутницей Артемиды Каллисто от Зевса. После того, как Геракл одних птиц Арея из лука убил, а других шумом трещоток навсегда изгнал на дальние острова, Стимфал боготворил его, как избавителя родного города от страшной напасти.

Увидев на пороге своего дома спасителя города, царь с распростертыми объятьями принял его более, чем радушно. Прославленный герой весь день пировал с царем счастливой Аркадии, сыном Элата и Лаодики. Все весело угощались, и не было на этом справедливом пиру обделенных.

После того, как в питье и еде все утолили желанье, юноши, из полных кратеров всем вино по кубкам разлили, свер-

шив перед тем на алтарях возлиянье богам. Пеньем приятным певец, ведущий свой род от славных голосом звонким Муз, что на Геликоне обитают высокою, весь день ублажал слух героя Геракла, восхваляя его почти как бессмертного бога. В честь сына Зевса от прекраснородной Алкмены чудесные песни под звуки сладкоголосой форминги зычно он распевал. И Эллады величайший герой всей душой веселился, внимая прекрасной музыке, этому божественному источнику вселенской гармонии и соразмерности в такой запутанной земной жизни. Не зря ведь говорят, что песни – дивные дочери Муз и вообще всякая музыка дарована людям богами не только ради услаждения слуха, но для того, чтобы распущенные дерзкие души, лишённые тонкости и изящества, с ее помощью восстанавливались и приходили в надлежащий порядок.

Геракл любил увеселяться во время пира музыкой, особенно он обожал хвалебные песни в свою честь и, таким образом, имел некоторое отношение к Музам, хотя, как певец или музыкант, он так и остался навсегда чуждым Геликонским богиням, поэтому и они справедливо им пренебрегали. Никто не видел сладкоголосых дочерей Зевса вооружёнными. Это свидетельствует о том, что посвященная Музам жизнь должна быть мирной и кроткой, жизнь же Геракла была сплошной борьбой и наполнена убийствами и страшными насилиями.

Намного больше, чем музыку, песни и танцы, знаменитый

герой во время отдыха от изнуряющих подвигов любил дела фиалковенчанной Афродиты, которые, как известно, мужу можно делать с покладистой девой на ложе только вдвоем, ведь после первой ночи с Иантой он больше никогда не сражался с Кипридой своею рукой.

Гостеприимный Стифмал на разгульный пир для Геракла пригласил 12 веселых флейтисток в тонкотканых косских одеждах из шелков, ничего не скрывавших и двух совсем обнаженных арфисток, но не тех, что еле созрели, а тех, которые за хорошую мзду в порту вконец обессилить готовы даже изголодавшихся по любви моряков. Танцоров царь пригласил так же преимущественно женского пола и, конечно же, пригласил он самых известных в Стимфале жеребят Афродиты (гетеры) тоже в косских пеплосах влажных, создававших только видимость какой-то одежды.

Геракл же тайком все поглядывал на Парфенопу, милостивую дочку Стимфала, девушку в первом цвету, светившуюся красотой несравненной, которая лишь у юных бывает. Это была тихая, темноволосая хорошенькая девушка, слегка рыжеватая, серых глаз ее почти никогда нельзя было разглядеть, они все время были скромно спрятаны под длинными опущенными ресницами. Скромной и стыдливой Парфенопа была, но на Геракла сквозь пушистые ресницы с восхищеньем глядела, как на героя великого, и он блеск ее глаз в темной гуще ресниц заметил.

411. Геракл похищает девичество Парфенопы

Прославленный герой с отвердевшим в бедствиях сердцем, наблюдая на пиру чистосердечные взгляды юной Стимфалиды, излучавшие восхищение, тихо шептал сам себе так, чтобы больше не слышал никто, такие слова:

– Мне возлежать с теми, кому уж за 20 охоты нет никакой! Я ни за что на это не соглашусь, и жеребят Афродиты мне тоже не надо! А вот Парфенопа..., боги, как же хороша и свежа дочка Стимфала. Кожа нежнейшая, ни единого пятнышка, цвет лица напоминает лепестки только, что распустившейся красной розы, этого факела дивного страстной любви. Стройная, юная... Видно, по все время опущенным глазам, большая скромница, но как на меня она сейчас опять вдруг посмотрела! Конечно, я ей очень понравился. Я должен этой же ночью отведать дивный плод с дерева ее умопомрачительной юности, еще не вполне созревший, немного зеленый и терпкий, но для меня самый желанный. Да, после трехлетнего рабства у перезревшей Омфалы даже двадцатилетние мне кажутся старыми. Нет ничего в человеческой жизни прекраснее юности!

Геракл не выбрал ни одной из красивейших женщин, предложенных ему Стимфалом, брезгливо сказав, сморщив в сторону нос, сломанный Термером:

– Я очень устал и хочу отдохнуть и отоспаться после дальней дороги. Ведь и самым великим героям случается устать и хоть немного потом отдышаться.

Царь быстро тогда приказал:

– Эй, люди внимлите мне! Пора уж всем нам подумать о сладостном сне и отправляться в постели. Только во сне даруют нам боги настоящий покой и полное забвение бедствий. Смотрите – солнце уж опустилось давно в Океан. Не подобает так долго нам пировать, и самое время нам всем для сна расходиться.

Тотчас на руки всем глашатаи полили воду, юноши, влив в кратеры винный напиток до самого верху, чашами всех обнесли, чтобы сделать последний глоток и возлиянье богам свершить из каждой. Бросив жертвенные в огонь языки, все, кто был на пиру, поднялись, для лучшего засыпания отпили вина и, возлияние совершив, по спальням своим разошлись.

Как только все возлегли и под влиянием Гипноса стали сладостными дарами его наслаждаться, смертный сын любвеобильного Зевса, еще больше любвеобильный, решил насладиться совсем другими дарами. Он еще днем, при знакомстве с домом Стимфала, запомнил дорогу к постели его плавноступающей дочери, овейанной милой скромной красою.

Поэтому отпрыск Зевеса, миновав крепко спящих слуганок, без труда оказался у ложа девичьего Парфенопы и, зажав ей рот левой рукой, стал правой ласкать для сна совсем

обнаженное тело. Проснувшаяся дева попыталась закричать и вырваться из крепких объятий Геракла. Сопротивлялась она, насколько противиться женщина в силах, но все было тщетно – как деве сопротивляться герою могучеством всех превзошедшему, если даже бессмертные боги в поединке ему уступали.

Герой же, перед тем как похитить девичество Парфенопы, увидев слезную мольбу и застенчивый стыд в ее почти детских глазах, жарко на ухо ей прошептал:

– Не порти юных очей проливными слезами. Я не сделаю тебе ничего плохого. Чем для отца была твоя мать, будешь сейчас и ты для меня. Девичий стыд мучает тебя только теперь, потом же ты будешь гордиться, что с самим Гераклом по воле Мойры спозналась. Великими подвигами в Элладе я больше всех знаменит, до самых небес моя сияющая слава доходит!

Взор Парфенопы затуманился, и слезы застыли в прекрасных очах, больше сопротивляться у нее не было ни сил, ни желания. Она до конца испила сладкую горечь первой неизгладимой в памяти ночи с мужчиной и впитала в себя семя Геракла. Через 9 месяцев она родила от крепкодушного Кронидова отпрыска сына Эвера, о котором, кроме имени, ничего не известно, ведь, как сотня с лишним детей Геракла, незаконнорожденный он.

На следующий день привыкший рано вставать Геракл, ни с кем не прощаясь, покинул Стимфал, пока все еще спали,

лишь кроткая Парфенопа тихо продолжала лить горькие слезы в подушку.

412. Геракл сочетается с Авгой

Направляясь из Стимфала в Тиринф, громовержца отпрыск могучий вспомнил о Кефее и его сыновьях, погибших в войне против Гиппокоонт. Он решил посетить аркадского царя Алея, чтобы рассказать ему о героической гибели его сына и 17 внуков. У царя аркадской Тегеи Алея кроме Кефея были еще сыновья Ликург и Афейдан и дочь Авга (солнечный свет).

Согласно оракулу, полученному в Дельфах Алеем, братья его жены Неэры падут от руки сына его дочери, и потому царь Аркадии определил свою дочь отроковицу Авгу жрицей Афины, приказав ей под страхом неминуемой смерти всегда блюсти целомудрие.

Алей радушно принял знаменитого героя, и устроил в честь него пышный пир. Но, как поет Овидий, не единой пищей и вином пир привлекает мужчин. Часто здесь, за бычьи рога ухватив, охмеленного Вакха нежной рукой клонит могучий Эрот. Брызги вина увлажняют прозрачные, как у стрекозы, тонкие крылья Эрота – и остается летун, отяжелев, на разгульном пиру влажными крыльями бьет, росу отрясая хмельную, но и от этой росы страждут замирающие людские сердца. В винном пылу быстрее созревает неподатливая душа до любовного пыла, ибо Афродита золотая, мать страстных желаний, в вине еще более жарким пламенем жжет и

факел ее сына Эрота много ярче пылает.

Геракл, которому уже перевалило за 50, любил похвастаться перед молодыми спутниками знанием женщин и своими многочисленными победами над юницами и так о встрече с Авгой через несколько лет говорил:

– По приказу отца она сама меня чисто вымыла в бане. Как задрожала ее рука, когда я ее силой на свой скипетр положил и попросил его чисто помыть! Вокруг было много рабынь и служанок, и я в бане не стал с ней заниматься любовью. Затем маслом, блестящим с запахом чудным, она мое мощное тело натерла, плечи могучие мои потом одела льняным новым хитоном белого цвета и прекрасным плащом из шерсти тончайшей. Все это время перед моими глазами нежная смуглая кожа ее шеи и щек то бледнела, то густым покрывались румянцем, против воли ее и против рассудка. Видел я, как тайная радость очи светом особым ей зажигала, хоть она их все время от скромности или от страха в пол устремляла. Глаза ее то тухли, то вдруг зажигались, губы то дрожали и улыбались, то крепко сжимались. Я видел, что боязливая дева влюбилась в меня. Сколько же сил мне понадобилось, чтобы сдержаться и прямо в бане не смешаться с ней любовными ласками, лишь присутствие рабынь и служанок меня с трудом удержало.

После роскошного пира я, встретив у священного источника возле храма Афины прекрасную дочку Алея, не смог, да и не захотел сдержать охватившего меня любовного пыла.

Я схватил в охапку юную жрицу Афины и сказал ей:

– Радуйся, дева, нас тобой сейчас ложе любви ожидает! Еще в бане я заметил, как ты на меня смотрела и понял, что ты влюбилась в меня, ты тоже нравишься мне. И сейчас мы с тобой насладимся беспредельной любовью на ложе, как ты не наслаждалась еще никогда.

Мои умелые руки стали ласкать нежное тело Авги, такое юное, упругое, гладкое, сладкое. Мои умелые пальцы быстро под повязками отыскивали пути к юницы самым сокровенным местам.

– Нет, пощади меня, могучий сын Зевса! Умоляю, не надо! Отец меня убьет, если узнает, что я перестала быть целомудренной девушкой!

Со слезами на глазах молила меня, словно бога, Авга, безуспешно то груди с бутонами нежными, то темнеющий треугольник между ног, закрывая слабой девичьей ладонью. Этим она меня только больше разжигала и, не обращая внимания на ее упрашивания, я развязал ей девственный пояс и в нее мощно вошел.

– Грудь твою я жажду сжимать и гладить обеими руками и бедра тугие твои разжимать своим мощным бедром, а, если ты не хочешь, то это и неважно – насилия немного все красотки любят. Тебе же, дева, потерпеть пришлось совсем чуть – чуть, пока ты стала женщиной.

Помню так пошутил я перед тем, как не крепко заснуть. Авга же стала нежно ласкать и целовать меня спящего, голо-

сом дрожащим, приговаривая: «Ты самый лучший! Мне не надо другого!» Я еще не спал, был в полудреме и, хоть лежал с глазами прикрытыми, все слышал.

Потом, некоторые говорили, что, якобы, сама Авга не раз рассказывала, что тогда у святого источника она всех бессмертных богов умоляла, чтоб сказали Гераклу ее отпустить, и людей она на помощь звала, но блаженные небожители не вмешались, а из смертных, видно, не слышал ее сдавленных криков никто. Так вот я скажу откровенно: никого на помощь она не звала – ни бессмертных, ни смертных. Да, про отца говорила, что убьет, если девственность она потеряет. Но все они любят так говорить. Женщин я не только познал без числа, но и знаю их сердце! Ведайте, мои юные друзья, что насилье всем красавицам мило – То, что в глубине души желают они дать сами мужчине, как бы против желанья и воли, намного лучше дают. Силой женщину взяв, сами увидите, что она потом в душе рада и вынужденное бесчестье воспринимает как особый дар свыше. Если же дева с ложа насильника нетронутой выйти сумеет, то потом в душе она сожалеет, что слишком сильно сопротивлялась и большую чувствует грусть, а некоторые долго потом в глубокой тоске пребывают, сомневаясь в том, что все с ними в порядке...

413. Злоключения Авги

Брак Авги и Геракла быстро свершился, и хоть был он без песен и плясок, и брачное ложе было без гимнов, он остался у девы в душе навсегда, как воспоминание самое лучшее о том, что было во всей ее мало радостной жизни.

Авга до последнего дня туго пеленала живот и, скрыв от отца беременность, родила мальчика прямо за алтарем в храме Афины Алеи и подкинула его в укромный уголок на священном участке могучеотцовской богини.

Богиня безбрачная от такого неслыханного осквернения святыни так разъярилась, что решила весь город наказать и гордо самой себе возвестила:

– Если за нечестивость я не покараю жестоко, то я буду несправедливой богиней Адикией, а не великой Афиной-Палладой! За нечестье дочери царской страдать будет целый народ!

Уже на следующий день в Тегее начался массовый голод потому, что все запасы продовольствия вдруг оказались испорченными. Быстро пришел и ужасный мор, и Танатос, отрезал своим черным мечом пряди волос тегейцев всех без разбора.

Обеспокоенный Алеи спешно отправился в священные Дельфы и там от аполлоновой девы получил оракул такой:

– Ты не заметил скрытого груза, который дочерь 9 меся-

цев в чреве носила и за алтарем в храме великой богини избавилась от него. За святотатство весь твой город Тегея мором будет повергнут во прах, если ты не умолишь девицу-богиню гнев прекратить. Обман тебе послужит на пользу, и ты дальше делай, что суждено, а беды будут идти своим чередом одни за другими. Дочке следом отмщение придет, ведь тем, кто храм осквернил, долго жалеть и горько придется.

Вернувшись со склона Парнаса, Алей пошел в святилище Афины и, там найдя грудного ребенка, приказал его отнести на гору Парфений (девичья) и там оставить. Говорят, только, что родившая лань выкормила своим молоком ребенка, потом его нашли пастухи и нарекли Телефом (светящий далеко).

Дочь же, отец, сурово напомнив ей о своем приказе оставаться целомудренной девой, подвергнул жесточайшему допросу, хотя она беззвучно рыдала и жалобно причитала:

– Алей, мой отец! Ты напрасно на меня негодуешь. Гость твой Геракл против воли стыд мой девичий похитил и лишил меня девства, ведь даже пьяный, все равно, он настолько сильнее меня, насколько могучий орел сильнее нежной голубки.

Алей, ей не поверив, со злостью сказал:

– Не знал я, что ты, нечестивица, еще и мерзкая лгунья! Геракл не просто как случайный гость пировал у меня, он был моим добрым товарищем. Не мог знаменитый герой так поступить с дочерью близкого друга. После такой бесстыд-

ной лжи никакой пощады тебе не будет!

Царь притащил дочь за волосы на окруженную колоннами и статуями бессмертных рыночную площадь Тегеи, и она там без сил упала перед ним на колени. Алей не решился убить дочь под изваяньями богов, на глазах у многих людей и, случайно встретив давнего друга царя Евбеи Навплия, сына Клитония, попросил, чтобы тот тайно ее утопил.

Однако Авга была по-прежнему очень красива и юна, а после родов расцвела особою женской красой, от которой ни юноше, ни мужчине не возможно было глаз отвести. Поэтому у Навплия рука не поднялась ее утопить, но и себе он не мог оставить Авгу, и он решил продать ее на невольничьем рынке. Он выгодно сторговал юную женщину только, что прибывшим карийским купцам, которые, в свою очередь по воле Мойры Лахесис, перепродали ее Тевфранту, царю мисийской Тевфрании. Благочестивый царь Тевфрании, будучи уже в преклонных годах и не имея своих детей, не женился, а удочерил Авгу.

414. Авга и сын от Геракла Телеф находят друг друга

Возмужавший Телеф, выращенный пастухами, захотел узнать, кто его родители и, придя в священную обитель Феба, получил от Пифии вдохновенный оракул такой:

– Тебе давно следует плыть в мисийскую землю – в этом Зевсова воля. Там, если один матерью не будет убит и сам матереубийцей не станет, то двое несчастья избегут и сокровенную тайну вместе познают.

Когда Телеф прибыл в Миссию, то узнал, что Тевфранта пытается лишить престола знаменитый герой Идас, дерзкий сын Посейдона, усыновленный царем Мессении Афаре-ем. Афаретид никого не боялся, влюбленный в Марпессу, он не уступил ее даже Аполлону и вступил с ним в бой, в котором не было победителя потому, что Зевс прекратил поединок.

Телеф, унаследовавший от Геракла не малую телесную силу, сумел победить Идаса, и Тевфрант в награду решил отдать ему приемную дочь Авгу в жены. Авга до навязанной ей брачной ночи так и не видела ни разу Телефа, и, храня верность Гераклу, которому она поневоле досталась, женщина так объявила своему милому сердцу:

– О, жить еще могла бы я и мужа в Тевфрании избрать себе достойного, с ним Тевфранта царский дом и радости делить,

но мне не надо жизни без Геракла. Благородная женщина, которую сладкоистомный Эрот сочетал с героем таким великим, как Геракл, скорее стерпит объятия мерзкого змея, чем прикосновение на ложе другого мужчины. Не допущу, чтоб кто-нибудь из мужей, для смерти рожденных, дотрагивался до моего тела и колебал мое ложе. Если ж до этого дело дойдет, я убью новобрачного жениха, кто бы он ни был. Как брачное ложе могучего, храброго мужа может надменно желать занять трусливый какой-то и слабый жених? Это, как если бы долгоживущий олень с рогами ветвистыми выбрал в пещере пустующее логово львицы и там поселился, быстро она, домой возвратившись, позорную смерть ему обеспечила. Так же и я позорную смерть приготовлю мечом неизвестному жениху.

Говорят, что, когда Телеф вошел в темную спальню Авги и прилег на край широкого ложа, она крикнула, что он гнусный насильник и поразила заготовленным мечом тело, лежащее рядом. Однако лежащее рядом с Авгой тело было не Телефа, а огромного пятнистого змея, которого Зевс Механей (Изобретатель) в последний момент поместил между Авгой и Телефом, чтобы исключить кровосмешение.

Когда прибежавшие на крики слуги зажгли факелы, Авга узнала своего сына потому, что, ликом он был очень похож на Геракла, хотя силой был послабее. У сына была тоже небольшая голова по сравнению с крепким телом, точно такие же честные голубые глаза, и лоб с низкими надбровными

дугами так же сильно вперед выступал.

Телеф, чудом спасшийся от смерти, никогда не видел своей матери и потому, избегнув смерти от руки Авги, схватил меч, отброшенный ею, и теперь уже сам хотел ее лишить жизни, как подлую убийцу, покушавшуюся на его жизнь. Увидев занесенный над нею меч, мать стала взывать к Гераклу, а Телефа назвала уже не насильником, а милым сыном.

Сын, чуть не ставший матереубийцей, внезапно, вспомнив дельфийский оракул, со счастливой улыбкой вскричал:

– Мне аполлонова дева вещала: если один матерью не будет убит и сам матереубийцей не станет, то двое несчастья избегут и сокровенную тайну вместе познают. Я теперь знаю, что ты моя мать!.. О мать дорогая, как давно я разыскиваю тебя! Как мне отрадно прекрасное лицо твое целовать, милая мама...

– Дитя мое любимое! Ярче лучей солнца струится свет из глаз твоих милых, таких же, как у отца голубых.

Счастливо плача и смеясь, они бросились в распростертые друг для друга объятия, а на следующий день, Тевфрант усыновил Телефа и объявил его своим наследником. После ухода Тевфранта на вечный покой Телеф унаследовал от него царскую власть. Женился на его дочери Аргиопе, а позже на Астиохе, сестре властителя широкоуличной Трои Приама, сына вероломного царя Илиона Лаомедонта.

Когда началась Троянская война ахейцы, отправившись к далеко расположенной Трое, сбились с пути и высадились в

царстве Телефа, которое находилось на северо-западе Трои-ады. Телеф, видя свою страну опустошаемой, вооружил мисийцев и преследовал эллинов до самой стоянки многове-сельных их кораблей. Но там самый могучий воин длинно-волосых ахейцев Ахиллес выступил против Телефа, и тот, не устояв, побежал. Убегая, он был ранен в бедро нетлен-ным копьем Хирона из ясеня, подаренным мудрым кентав-ром отцу Ахилла Пелею, наконечник для копья сделал из се-дого железа Гефест, а отполировала древко из ясеня сама Афина-Паллада. Рана оказалась неизлечимой, она с каждым днем мучила Телефа все больше. Тогда он поспешил в Дель-фы, чтобы спросить аполлонову жрицу, как исцелиться и получил очень короткий ответ:

– Никто не сможет исцелить эту рану, кроме, нанесшего ее.

Многоумный царь Итаки Одиссей объявил:

– Не Ахилла назвал Аполлон, а нетленное копье, нанес-шее рану наконечником.

Когда ахейцы соскоблили с железного наконечника копья ржавчину и приложили ее к незаживающей ране, Телеф сразу же был исцелен. За исцеление Телеф показал грекам доро-ги, ведущие к Трое, а сам отправился в Мисию, где у него ро-дился сын Кипарис, знаменитый тем, что умер от горя, слу-чайно убив любимого оленя.

415. Женихи Деяниры

Услышав однажды о красивой дочери калидонского царя Ойнея Деянире, Геракл припомнил о своем обещании бесплотной тени Мелеагра жениться на его самой любимой сестре. Героиня Деянира была приемной дочерью калидонского владыки Ойнея, а родным отцом ее был Дионис. Ойней первым в Элладе получил от гроздолюбивого Вакха в дар виноградную лозу за то, что он провел незабываемую ночь с его женой Алфеей, когда он нарочно ушел из дома.

Юная Ойнеида была высокого роста, с крепким развитым смуглым телом, красивая, благочестивая и справедливая. Она славилась не только ростом высоким и женской прелестью свежей – с ранних лет Деянира научилась владеть различным оружием и править колесницей, запряженной парой или квадригой резвых коней и потому ее многие называли девой – воительницей.

Женихи гурьбой приходили в царский дворец в этолийском Плевроне и просили у владыки Ойнея руки его прекрасной дочери Деяниры. Среди женихов Деяниры были и косматые сатиры, хохочущие во весь рот, один из которых, согласно Софоклу, так ее отцу говорил:

– Все мы сатиры, хоть не красавцы, но очень завидные женихи! Мы – нимф с телами прелестными сыновья и слуги гроздолюбивого Вакха, даровавшего людям вино, как при-

ятное средство от угрюмой старости, с ним, хоть на время, мы молодеем и забываем печаль. К богам, царящим в небе высоком, мы вхожи и во всех искусствах испытаны; и с копьем боевым мы в ладу, и в конном беге, и в борьбе, и в ристанье на кулаках, можем кусаться, между ног врага ухватить иль лягнуть – все мы умеем. На флейте мы играем и на свирели, даром песни владеем, можем таинственную судьбу предсказать и лечить болезни. Пределы нам просторного неба известны и удивительные вести из Преисподней – все мы выпляшем и споем. С руками не пустыми к тебе пришел я, Ойней. Что хочешь возьмешь, коль за меня выдашь прекрасную Деяниру.

Царь Калидона до поры до времени предпочитал не отвечать на подобные предложения. Сама же Ойнеида, красавица в косах тугоплетенных, о сватовстве другого жениха – речного бога Ахелоя так потом говорила:

– Еще в Плевроне у отца Ойнея я испытала весь дикий ужас сватовства, как ни одна другая этолянка. Меня стал вдруг сватать сам Ахелой, бог могучий, владевший нашей рекой. Явился он сначала смирным тельцом, копытами ступая звонко, потом приполз змеем пятнистым и, наконец, представился мужем быкоголовым. Я, не желая жуткой свадьбы с таким женихом необычным, о скорой смерти всех богов умоляла, лишь бы брачного ложа мне с ним не делить... Даже сейчас без содрогания брезгливого и смертельного страха мне не вспомнить то сватовство.

Ойнею ж Ахелой так возвестил о своем желании с ним породниться:

– Радуйся, Ойней! Ведь я владыка всех здешних вод, что по твоим владеньям протекают. Совсем не чужеземец тебе Судьбою Могучей прислан, – буду я тебе и милым зятем, и важной частью достоянья. И потом, заметь, ведь это важно: в отличие от некоторых других, кто хочет Деяниру сватать – царицей Олимпийских высей я не гоним и никогда не нес работы подневольной!

Ахелой намекал так на Геракла, который незадолго до него к Ойнею пришел с громкими такими словами:

– Зятем по справедливости меня назови, благочестивый царь Калидона! Последнюю просьбу сына твоего Мелеагра жениться на Деянире я выполнить должен, иначе не будет его возвышенная душа в Аиде спокойна и будет там маяться, а здесь на земле являться и мне, и тебе.

Праведный Ойней, не желая никого обидеть, а тем более могучего бога Ахелоя и прославленного героя Геракла, стремясь соблюсти справедливость, во всеуслышание такое свое решение огласил:

– Слушайте все, к чему меня, как отца Деяниры, созревшей для брака, вынуждает заявить горячее стремление к правде. Я принял решение устроить состязание, в котором все женихи будут равны, и, значит, будет соблюдена справедливость. Дочь мою милую в завидную награду получит тот жених, кто выйдет победителем в поединках за званье ее му-

жа.

У многих женихов поясница сладко заныла, и приятно ослабли колени, так любовная сильно страсть в них разгорелась. Очень им всем захотелось на брачное ложе возлечь с Деянирой, ибо среди женского рода она красотой несравненной ярко блистала, выделяясь среди других пышными волосами, в косы тугие сплетенными и ростом очень высоким. Однако, узнав, что среди претендентов на руку и сердце Деяниры были могучий речной бог и необорный сын Зевса и прекраснокудрой Алкмены, благоразумно все остальные женихи от предсвадебной борьбы отказались.

416. В схватке за Деяниру Геракл побеждает Ахелоя

Задумав жениться на Деянире, Геракл так при всех похвалялся:

– Если прекрасная Деянира выйдет за меня замуж, то станет не только супругой самого великого и знаменитого героя. Она получит самого чернотучного Зевса в свекры, а громкая слава моих подвигов доблестных, которой рукоплещет вся ценящая доблесть Эллада, будет в придачу.

Ахелой, считая позором, если бог человеку уступит, так прославленному герою надменно промолвил:

– Пред собою, герой – полубог, ты зришь могучего бога, хозяина всех здешних вод. Ты хвалишься тем, что смертной Алкменой от самого Зевса рожден. Если Зевс тебе и в правду родитель – значит, незаконный, преступный, ибо блудливая мать блудом позорным тебе отца отыскала.

Геракл, грозно сверкнув синими брызгами глаз из-под нахмуренных низко бровей, сурово на Ахелоя взглянул исподлобья и так сквозь зубы ему прорычал:

– Ах, ты, болтун, ах, самохвал! Как смеешь говоришь ты такое! Как бесспорно, что сын я эгидодержавного Зевса и Алкмены прекрасноволосой, так несомненно и то, что сегодняшней день будет для тебя несчастливим. А мать мою милую лучше не трогай! У тебя витиеватый язык без костей, а

у меня мощная сила. Я в борьбе тебя одолею, как бы ты не силился в пустых разговорах! Давай, рази меня словами, а я тебя дождму руками!

После столь вызывающей речи Ахелой уже не мог пойти на попятный и, влажную сбросив одежду, все свои нетленные члены к упорной борьбе приготовил. Геракл дважды не надо было к борьбе приглашать, и он тут же попытался повалить Ахелоя, но тщетно, ибо божественная тяжесть его защищала, и непоколебимо стоял он, словно скала.

Наконец, необорный отпрыск Зевеса, поднатужившись, сумел перевернуть Ахелоя и налечь на него всей тяжестью сзади, его за шею схватил и стал сильно душить. Ахелой тогда прибегнул к превращениям, на которые горазды все боги пучины. Бог речной вдруг превратился в пятнистого змея и стал страшно то шипеть, то свистеть концом раздвоенного языка, видно надеялся, своим свистом, Геракла в трепет вогнать, но захохотал лишь презрительно тиринфский герой на все его ухищренья и надменно промолвил:

– Хоть шипи, хоть свисти, мне мало до этого дела, ведь змей таких укрощать я могу с колыбели! Потом были драконы и пострашнее! Ты, Ахелой, сейчас превратился в ничтожную часть могучей Гидры Лернейской, которая размножалась от полученных ран; из 9 голов ни единой было нельзя у нее безнаказанно отрубить, чтоб тотчас, две новых не вырастали. Ты не ровня и Сангарийскому змею, много сильнее Двуглавый тебя, хоть и не бог.

Так сын Зевеса со злобной насмешкой сказал и потом схватил Ахелоя за горло своими как клещи крепкими пальцами, и дух у речного бога занялся. Победенный почти Ахелой тогда обратился в быка и, потрясая крутыми рогами, ринулся в битву с оглушительным мычаньем и ревом. Геракл тут же хватает быка обеими руками за рога и потом правой рукой один рог ему ломает, беспощадно божеское чело искажая. Это положило конец поединку, и Ахелой, от бесчестья спасаясь, свой обезображенный лоб в глубокую спрятал пучину.

Некоторые говорят, что божественная коза Амалфея вскормила своим молоком младенца Зевса на Крите в золотой колыбельке, подвешенной на высокую ветку дуба под густой кроной так, чтобы ее нельзя было обнаружить ни с земли, ни с воздуха, ни с моря. Эта Коза имела не только божественное молоко, но и чудесный рог, из которого можно было получать любую пищу, и впоследствии Зевс сделал его Рогом изобилия. Когда Зевс вырос, Амалфея подарила его речному богу Ахелюю, и тот отдал его Гераклу в обмен на свой собственный рог. Геракл же подарил Рог изобилия Амалфеи влажнородожным наядам, ткущим одеянья прекрасные цвета морского пурпура. Те же, наполнив рог цветами душистыми и плодами, посвятили богине изобилия, ведь он был символом плодородия, и по праву должен принадлежать русоволосой Деметре в венке из спелых колосьев, а не Плутосу, Тюхе или Фемиде, у которых он порой находился, ибо сим-

волизировал всякое изобилие, в том числе и богатство.

Диодор Сицилийский говорит, что этот рог стали называть «рогом Амалфеи». Рассказывают, что он вмещает в себя изобилие всего, что созревает в осеннюю пору, – виноград, яблоки и прочие фрукты, и плоды. В иносказательном поэтическом языке «рог Ахелоя» – это текущая по оросительному каналу вода, яблоки, гранаты и виноград означают орошаемую рекой плодородную землю и изобилие плодовых деревьев, а «рогом Амалфеи» он назван будто бы по причине «неослабеваемости» силы его создателя.

Софокл поет, как пришел Ахелой, эниадский поток грознорогий, с безмерною силой в рогах и копытах, быка дикий образ. Пришел и от Вакховой Фивы со своей знаменитой дубиной и стрелами сын Кронида необорно могучий. Такие противники, страстью пылая, спустились на поляну для брака с Деянирой. Но ведала бой, им управляя незримо, одна лишь владычица неги любовной – фиалковенчанная Афродита.

Согласно Павсанию, во время этой битвы Ахелою стал помогать вечно запятнанный кровью буйный Арес, и только тогда, соблюдая справедливость, Гераклу помогла могучая дева Афина.

417. Начало свадьбы Геракла и Деяниры

Нонн Панополитанский распевает о Деянире отроковице, что древле, увидев мужей поединок, вдруг предпочла Геракла и испугалась союза с непостоянным богом бурным реки быкорогим!.. Как будто сын Зевса был постоянным?!

Софокл же о свадьбе Деяниры так поет: ах, как зритель равнодушный, я пою о славной брани; но был жалостен невесты, ожидающейся лик, когда ей расстаться навсегда с землей родимую велели и как сирую телицу на чужбину увели.

В начале в родительском доме радостный Ойней, в окружении всего своего семейства и в присутствии казавшегося счастливым жениха, совершил торжественное жертвоприношение охранителям брака эгидодержавному Эгиоху-Крониду и его сестре, и супруге покровительнице брака Гере. По окончании обряда он празднично объявил:

– Я выдаю свою непорочную дочь Деяниру за прославленного героя Геракла и отлучаю ее от родительского очага, чтобы она могла принять участие в поклонении очагу мужа, хотя... ну, да ладно.

Благочестивый Ойней забыл о том, что дом жениха далеко, но это сильно не омрачило светлого праздника. Искупавшуюся Деяниру одели в ослепительно белое платье и посадили на украшенную цветами и лентами колесницу. На ли-

цо невесте набросили бело-желтое полупрозрачное покрывало, а на голову с пышными волосами, с косами, уложенными спереди и свободно распущенными сзади, возложили свадебный венок. Горсти яблок кидонских в колесницу невесты приглашенные гости, свидетели заключения брака, бросали, ворохи миртовых листьев, роз и фиалок венки, пучки зрелых ячменных колосьев. Перед невестой несли пылающий брачный факел и звонко пели: о Гимен, о Гименей!

Дворец Ойнея изнутри убрали с роскошью поистине царской. Все в гулких покоях чертога ярко начищенной медью и бронзой сверкало, не мало было золота и серебра, камней драгоценных и полированной кости слоновой! Пышный пир служанки и слуги старательно приготовили, ведь он был свидетельством того, что Деянира становится женой законной. Мягкие ковры везде разостлали, ткани были искусно они и окрашены царственным пурпуром. Длинные полированные столы были отягчены затейливым серебром пиршественных чаш и чеканным золотом кубков.

Многие после рассказывали, как в разгар свадебного пира, вино лилось полноводной рекой, и все буйному предавались веселью. Огни благовоньем были насыщены щедро, с кровель всюду цветов плетеницы свисали, и чарующие звуки лиры о семи языках, флейт мелодичные переливы и торжественные песни повсюду звучали, – счастливые знаки праздничного свадебного веселья.

Прекрасный юноша в шафрановом плаще со счастливой

улыбкой потрясал светочи свадьбы. Гименей расцветал особой женственной красотой ликом своим, и душа его была тоже нежной, как у девушки. Видя, как кто-то женится, он как бы умирал в день брака, испытывая щемящую тоску о скоротечности жизни, о мимолетности свежей юности и о увядающей красоте. Погребаемый его матерью Музою, он символизировал потерю не только телесной, но и душевной невинности и чистоты после брака. Непонятная тоска в сочетании с божественной брачной песней вызывали у людей чувство эйфории и не редко даже экстаза. Среди всемирного молчания он с беспредельным жаждал слиться.

Так и на свадьбе Геракла и Деяниры Гименей спел божественную брачную песню и, вызвав у всех слезы умиления, он сам заплакал и тихо заснул, как будто умер.

418. Эвтерпа пытается всех веселить, но извлекает из флейты невеселые звуки

(Рассказ Иолая)

Иолай, единственный из родственников Геракла, бывший на его свадьбе с Деянирой, о брачной церемонии рассказывает невесело так:

– Да, в шафранном плаще, одетым на голое тело, на свадьбу сын Терпсихоры и прекрасного Музагета Гименей с сердцем нежным и тонким, не выносящим несовершенства мира, вовремя прилетел; но с собой ни торжественных гимнов он не принес, ни ликующих лиц, ни счастливых предвестий. Геру, помощницу браков, божественный певец своей чарующей песней не славил, факелов яркий огонь не сверкал вокруг приготовленного брачного ложа. Даже и светоч в руке Гименей не пылал, а трещал лишь, подобно сверчку и дымом едким чадил и, слабо колеблясь, никак по-настоящему разгореться не мог, чтобы ярко осветить новобрачным предстоящую общую жизни дорогу.

На свадьбу вместе с Гименеем явилась Эвтерпа и, как всегда, пыталась увеселять всех как могла, стремясь извлекать из своей двойной флейты, с которой она была неразлучной, самые сладкие и веселые звуки, но они получались не ра-

достными, а тоскующими, а порой и вовсе напоминали стоны чудовищной женщины.

Слушая Эвтерпу, мне все время виделась сраженная мечом Персея Медуса-Горгона, которая, умирая, говорят, ужасно стонала. Чтобы навсегда запечатлеть эти предсмертные стоны, изобретательная Афина сделала флейту из оленьей кости двойной, пробуравив несколько дырочек, чтобы она лучше звучала. Звук был так хорош, что Афина, сама вдоволь наигравшись, решила продемонстрировать свое изобретение блаженным богам на их ежедневном пиру. Вначале ей показалось, что все ее слушали с большим удовольствием, однако вскоре она заметила, что они, незаметно переглядываясь и подмигивая друг другу, почему-то надували щеки и ехидно подсмеивались над ней. Главкопида (совоокая) ничего не поняла, но тут же прекратила игру и, как сокол стремительно ринулась с высей Олимпа на землю. Там она пошла во фригийский лес и на берегу ручья стала тихо играть на флейте, задумчиво глядя на свое отражение в воде. Звук по-прежнему был хорош, но дутье сильно искажало ее девичьи щеки, и мудрая Афина поняла, что была осмеяна по заслугам.

– Эта игра не по мне, – сказала Афина сама себе, – прощай, моя дудка!

И богиня выкинула флейту в ручей, пророчески пожелав, чтобы тот, кто поднимет ее, был тяжело наказан. Флейту подобрал самоуверенный, как все сатиры Марсий и, немного по-

упражнявшись, вскоре прослыл среди нимф как несравненный игрец. Он вызвал на музыкальный бой Феба. По предложению бога сговорились, что победитель может наказать побежденного по своему усмотрению. Сатир играл на флейте, а Аполлон на кифаре. Когда каждый из соперников исполнил на своем инструменте по одной мелодии, мнения разделились: некоторые Музы признали победителем Марсия, другие – отдали предпочтение своему покровителю. Раздраженный неуместной справедливостью своего хора, его покровитель и вождь воскликнул нетерпеливо:

– Теперь оба будем играть на перевернутых инструментах!

И бог изящных искусств, перевернув кифару, заиграл прекрасный гимн, прославляющий богов, а Марсий, перевернув флейту, попытался дуть с другого конца и не смог извлечь музыкальных звуков. Музы честно и, наконец, единогласно присудили победу виртуозному Аполлону. Только нимфы, помогавшие Марсию, недоуменно переглядывались и пожимали плечами, но они не были судьями. Гермес – истинный изобретатель лиры, после состязания Аполлона с Марсием, в котором Феб одержал не вполне честную победу (заставив сатира играть на перевернутом инструменте) и покарал побежденного чрезмерно сурово, раскаялся в своем изобретении и разорвал на кифаре струны. Лучший в мире кифарист и певец сначала высек сатира за неслыханную наглость, а потом, повесив на высокой сосне, тело ему обнажил,

с него живого кожу содрал.

– За что с меня ты меня же сдираешь?! Эх, правда, не стоило с флейтою знаться!

Так перед смертью вопил дерзкий Марсий, проклиная тот день, когда поднял брошенную Афиной флейту.

419. Нюкта не обещает Гераклу и Деянире долгую и счастливую жизнь

(Рассказ Иолая)

Эвтерпа нежно-тоскующую флейту не бросила, но, как Афина, свадебный пир покинула вскоре, тоже, как она, никому ничего не сказав.

Гименей так же недолго пробыл с молодоженами и вскоре тихо умер то ли в безутешной тоске о скоротечности нежной юности и увядании красоты любой невесты, которая теряет девичью чистоту вследствие брака, то ли потому, что предвидел ужасный конец именно этого брака. Белые с нежно розовыми крапинками цветы боярышника на венке Гименя только, что бывшие свежими, вдруг завяли.

Все это было зловещим предвестником того, что совместный жизненный путь Геракла и Деяниры не будет ни счастливым, ни долгим. Жизнь показала, что будет кратким семейное счастье Геракла и Ойнеиды, и их самих страшный конец ожидал.

Я видел, что многое на этой свадьбе было не так, как хотелось моему дяде, Ойнею и его многочисленным родичам. Во время бракосочетания никто из бессмертных богов, владеющих небом высоким, на церемонии так и не появился.

— Где же обещанный Деянире свекр, а мне сват чернотучный?!

Не раз спрашивал озабоченно Ойней у Геракла, и было видно, что дядечка мой – великий герой и всеми в Элладе любимый, особенно мной, не знал, что ему отвечать. Совсем не веселый жених, насупив свои пушистые брови, наконец, сказал, вздохнув тяжело:

– Сам я не знаю, что думать. Чести не должен ли был оказать мне отец мой, Зевс Олимпиец, ну, пусть не как чадолюбивый родитель, так, хотя бы за помощь бессмертным в битве с Гигантами на выжженной земле Флегр кровавых? Вездесущего мог бы Гермеса на мою свадьбу послать иль Афины, ведь не раз ко мне являлась она...

Помню расстроенный дядя меня в сторону отозвал и тихо, чтобы больше не слышал никто, сказал, что слышит внутри себя голос – это был его гений или какой-то бог, не пожелавший назвать свое имя. Богу нетрудно нам изрекать и издали, если захочет, ведь для богов ничего невозможного нет, и бог этот Гераклу изрек:

– Вечно живущие боги, блаженные владельцы нетленных жилищ олимпийских между собой давно осудили тебя за то, что ты с ними заносчиво не только пытаешь равняться, но и превзойти их, подобно титанам. Мало того, ты дерзал с божеествами Олимпа даже сражаться и многим тяжкими ранами несказанную боль причинил! Когда Зевс за осуждение тебя их ругает, они лишь для вида с ним соглашаются, а потом, тревожно вздыхая, опять за свое принимают. Не любят бессмертные боги тебя за нечестивость, наглость и дерзость,

и потому никто из них на свадьбу к тебе не явился. Премудрый Кронид в этот раз принял решение богов не неволить, и сам надумал тоже дома остаться.

Я не знал, что дяде ответить. На душе было вовсе не радостно, а как-то тревожно. А свадьба меж тем шла своим чередом. Жених и невеста принесли обеты друг другу, с мужем Гераклом Деянира скрепилась браком блестящим. После молитв и обрядов новоявленные супруги поделили между собой ячменный пирог, хлеб, обмоченный в чистом прамнийском вине и грудку яблок зеленых, но веяло холодом от всех этих брачных празднеств, больше похожих на похороны.

Вскоре Эосфор (зареносец) над затихающим царством земным уступил пурпурное свое место прелестной юной девушке с факелом серебристым в руке, ведущей за собой роящиеся звезды, и Деяниру Геракл повел в брачный покой. Постлано было для новобрачных ложе в безмолвии звездной ночи, и только одинокое сверкающее Око равнодушной Луны, вместо замужней женщины, проводило к постели, покрытую свадебной тогой, невесту. На дворе несколько не слаженных голосов распевали в это время не брачные гимны, а грубые шуточные песни.

Я вышел один на улицу и увидел, как в одеянии звездном по широкогрудой земле стелилась таинственно тревожная ночь и, неслышно касаясь мягким черным крылом пурпурного ложа новобрачных супругов, как будто, против желания благословляла их новый союз. Мне почему-то каза-

лось, что древняя Нюкта обещает Гераклу и Деянире лишь потомство и только. Будущее показало, что предчувствие не обмануло меня – им не суждена была долгая и счастливая жизнь.

420. Геракл в гневе убивает мальчика Эвнома

Через три года после свадьбы с Деянирой Геракл как-то шумно пировал у Ойнея, и к концу пира оба были очень пьяными. Когда он с супругой собрался уйти ночевать к подруге жены, тесть не захотел его отпускать и удержал такими словами:

– Да не допустят ни Зевс, ни другие бессмертные боги, чтоб от меня вы ушли на ночь глядя. Слово я – полнейший бедняк, оборванец безродный, словно мало во дворце у меня одеял и подушек, чтобы родственникам моим и гостям дорогим спать было приятно. Милый мой зять и любимая дочь спать будете здесь, покуда я жив и царем остаюсь в Калидоне.

Геракл не хотел ночевать эту ночь в доме у тестя, у него были другие желанья, ему очень понравилась совсем юная подруга жены, но заметившая это Деянира, присоединилась к просьбе отца и уговорила его остаться.

Перед сном прислуживавший Гераклу сын Архитела Эвном (или Эврином), еще совсем мальчик, совершил оплошность в услужении – он поднес ему для омовения рук воду, которая была предназначена для мытья ног и, кажется, с легким звоном что-то из рук уронил.

Как это не однажды с ним бывало, раздраженный Геракл (на этот раз не желательной ночевкой у тестя) не сумел сдер-

жать свой бешеный нрав и, потрясая огромными кулаками, заорал:

– Ах, ты подлец, собака бесстыжая! Если уж я здесь остался, то я тебя сейчас научу различать какой водой руки мыть, а какой – ноги!

На щеках отрока горел румянец стыдливого смущения, но только услышал он ругань Геракла, как милое сердце в груди у него зашлось от бледного страха. Как человек, увидавший змею, быстро отскакивает и устремляется прочь с побледневшим страшно лицом; так испугался Эвном, в несказанный ужас придя перед сыном Алкмены. Быстро хотел от Геракла он отбежать, но не успел.

В гневе безумном герой, увенчанный немеркнувшей славой, кулаком ударил Эвнома в висок. От ударов таких у Геракла и жертвенные быки-пяtilетки падали замертво, что уж говорить об отроке хилом. Так смерть многопечальная избавила Эвнома от горестей многих и скорбей, мгновенно лишив его на земле всякого будущего.

Один из слуг потом говорил, что, видно, Эвном что-то не то сказал или не так знаменитому гостю ответил. Потому, что, когда он поливал воду на руки Гераклу, они слышали перед тем, как начать ругаться, тот Эвному нежно говорил с придыханьем:

– Мальчик девичьего вида, просьбы моей ты не слушаешь, словно не знаешь, что я хочу. Будто не понимаешь, что душу мою, как резвую лошадь, ты на вожжах крепко держишь. В

твои юные годы не следует ни в чем отказывать таким героям, как я. Скажи откровенно: может ты хочешь несколько драхм за одну только ночь?

Другой слуга говорит, что видел, как гость знаменитый пожал пальчик Эвному и в это время попытался всунуть монету ему. Мальчик на пожатие пальца ответил робкой улыбкой, но не заметил денег, и не подхваченная им монета со звоном покатила по полу, – и оба они сильно покраснели. Кажется, это заметила только супруга знаменитого гостя, и он весь пунцовый начал сильно кричать. Эвном хотел убежать, но не успел и упал сраженный ударом.

Эвном был родственником Ойнея. Отец мальчика признал, что это было нечаянное убийство и простил Геракла. Однако тот, то ли следуя древнему закону, то ли опасаясь раздувания в Калидоне дурной славы, особенно сплетен что-то слышавших слуг, сам решил удалиться в изгнание и направился к своему давнему другу Кеику в каменистый Трахин, взяв с собой жену Деяниру.

421. Геракл убивает кентавра Несса

Когда Геракл с Деянирой прибыли к бурной реке Эвену, то увидели, что больше обычного во время половодья вздута была река непогодой, и потому переправа вброд была невозможна. На пустынном берегу они повстречали кентавра по имени Несс, перевозившего путников за небольшую плату на другой берег на спине своей конской. Геракл плывал, как рыба, но за молодую супругу он опасался, ибо плохо плавала Ойнеида, ведь смертной во всем невозможно быть лучшей. У кентавра с рыжею гривой было широкое скуластое лицо с носом, похожим на передок башмака и большие толстые губы. Карие глаза Несса посмотрели на Геракла смиренно, но при взгляде на Деяниру сквозь эту кажущуюся скромность сверкнули похоть и наглость, которые никто не заметил.

Кентавр, уцелевший после битвы с лапифами, голосом правдивым сказал:

– Боги поставили меня в этом месте паромщиком за мою необыкновенную справедливость и благочестие. Если доверишь мне супругу свою, то на берег противный ступит она с сухими ногами. Ты же, Алкид – сам сильный и в плывь в любом месте легко переправиться сможешь.

Побледневшую взял молодую супругу тиринфский герой и бережно Нессу, как драгоценность большую, из рук в руки вручил. Сам же, широко размахнувшись, дубину, лук, кол-

чан и свернутую львиную шкуру поочередно на берег другой легко перекинул.

– Если я вплавь отправлюсь пустым, то никакой водоворот мне не страшен!

Так молвил Геракл и смело поплыл, не желая даже забирать по течению потока. Только сын от Зевса Алкменой рожденный противоположного берега достигнул и шкуру переброшенную по воздуху поднял, как услышал вдруг жены звонкий испуганный крик.

Ойнеида кричала милому мужу, чтоб он отвратил от нее женский позор. Герой, приглядевшись, увидел, как с ношей прекрасной хочет кентавр в противоположную сторону от него ускакать на крепких копытах.

Возбужденный сладостной ношей на своей конской спине, Несс в это время говорил Деянире похотливо и тяжело дыша дрожащим от нетерпения голосом:

– Не надо противиться своей чудной Судьбе, прекрасная калидонка, ведь не зря ты здесь мне досталась. Такова твоя женская доля! Все равно будешь женой мне сейчас! Ты видишь, как Геракл от нас далеко, и река его, если поплывет, надолго задержит! А вон за теми кустами ветвистыми он вообще ничего не заметит.

С испуганным криком молодая супруга Геракла спрыгнула с потной конской спины. Тогда Несс схватил ее мощными руками и, прижимая к мускулистой человеческой груди, дико заржал и бешеным понесся галопом в сторону противопо-

ложную от реки к ветвистым кустам.

– Напрасно ты, дерзкий, уповаешь на конских ног быстроту, ты мчишься своей смерти позорной навстречу!

Так воскликнул грозно Геракл, сверкая недобро сощуренными под низким лбом потемневшими от гнева синими глазами. Хоть пожар бушевал под сросшимися бровями Геракла, он был грозно спокоен.

Несс же, оказавшийся во власти ярого вожделения, остановиться уже не мог, он, казалось, не слышал героя. Кентавр бросил Деяниру на мягкую землю и стал срывать с нее одежду, пытаясь грубо овладеть ею. Верная жена Геракла истошно вопила, призывая милого мужа на помощь. Она, будучи воительницей, как могла, сопротивлялась и вырывалась, но силы были слишком не равными.

– Остановись, дикий кентавр! Последний раз тебе велю, – себе не присваивай наше! Или заплатишь большую мзду за вожделенье алчное. Стрелой, несущей смерть неотвратимо, я тебя настигну, не ногами!

Последнее слово стремительным действием Геракл подтвердил, пустив вдогонку Нессу стрелу. Как хищная птица пернатая стремительно с тетивы сорвалась и полетела стрела и пронзила острым своим медным клювом спину человечесю скакавшего прочь человеко-коня. Отравленная желчью Гидры Лернейской стрела с жутким свистом в низ спины жадно впилась, и заостренный наконечник вылез из человеческого живота кентавра там, где пупок.

422. Несс почтил Деяниру коварным подарком

Несс с хриплым сдавленным криком сумел вырвать стрелу, и хлынула темно-вишневая кровь из обоих отверстий живота и спины и, смешавшись с зеленым ядом желчи Лернейской, вспенилась и стала коричневой. Глаза кентавра от ужаса округлились, он понял, что жить ему совсем недолго осталось, и по таинственному велению Рока он струящуюся кровь подобрал, еще сам не зная зачем.

– Пусть уже скоро железная смерти рука мне очи сомкнет навсегда, но я не долго пробуду в Аидовом царстве неотомщенным!

Так умирающий Кентавр тихо прошептал сам себе, Деянире же громко сказал:

– Старца Ойнея дивная дочь! Непорочная супруга Геракла! Видишь: я умираю. Если обидел тебя – молю о прощении, позабудь о невольной обиде. Ах, как страшно боюсь твои я тронуть колени. Позволь на память о нашей незабываемой встрече, закончившейся для меня так печально, чудесным почтить подарком тебя – за то, что я в этой жизни несчастной полюбил одну лишь тебя. Да, я никогда не знал в родимом табуне ни страсти великой, ни настоящей любви – ведь нет среди Кентавров Кентавресс... И вот из-за великой любви по воле Рока я умираю! ... Возьми скорей комоч моей ко-

ричной крови, что запеклась вокруг отверстия от роковой стрелы, смешавшись с семенем моим и сохрани. Но зелье это берегай ты в полной тьме; лишь в отдалении от всякого тепла и света оно надолго силу сохранит. Могучий приворот ты в этом зелье обретишь для сохранения любви Геракла к одной тебе – лишь только он оденется в одежду, пропитанную этим средством. Какую б женщину иль деву в жизни он ни встретил – сильнее, чем тебя, он полюбить уже не сможет. Верь мне, прекрасная Деянира, ведь пред самой смертью, которая уж скоро осенит меня, солгать нельзя.

Наблюдавшая с высокого белого облака за смертью кентавра, Гера послала туда богиню обмана, чтобы та не позволила Ойнеиде даже усомниться в предсмертных намерениях похотливого Несса.

Апата сначала с помощью своей знаменитой опояски обманной, научила кентавра искусно замаскировать свою грозную месть, заменить заведомую ложь тонкими неверными замечаниями, которые надолго задержат обнаружение истины. Потом тощая богиня обмана опять, надев на узкие, как у юноши, бедра, свою опояску обманную, попыталась убедить супругу Геракла, что кентавр только правду ей говорит.

Говорят, Апата в силах всех ослепить. У всеми нелюбимой богини и Опояска, и нежнейшие ноги. Не ходит ими она по земле, – неслышно и плавно по людским головам выступает, ум помутняя людей. Сам даже Зевс поддался ослеплению, хоть и мудрейший он среди мужей и богов; но и Эгиоха-Кро-

нида Гера, его злокозненная супруга ревнивая, все же коварством своим обманула, в день тот, когда предстояло прекраснолодыжной Алкмене Геракла родить в семью вратами увенчанных Фивах.

Поэтому Деянира, еще ощущавшая на своем теле страстные прикосновения рук Несса, не могла заподозрить его во лжи, тем более что он, как научила Апата, поклялся перед самой смертью, жгучего таинства полной.

Ойнеида быстро собрала семя и кровь Несса в небольшой кратер, в котором обычно носила немного вина, запечатала его плотной пробкой и спрятала на себе. Когда продиравшийся сквозь густые кусты Геракл прибежал к ней, Деянира, как ни в чем ни, бывало, поправляла растрепанные косы и ничего о подарке Кентавра не сказала супругу.

Диодор Сицилийский рассказывает, что, взявшись переправить первой Деяниру, Несс воспылал к ней страстью из-за ее божественной красоты и попытался овладеть ею. Та стала звать на помощь мужа, и Геракл поразил кентавра своей губительной стрелой. Умирая во время соития скорой смертью от тяжелой раны, Несс пообещал Деянире дать любовное зелье, благодаря которому Геракл не испытает желания сблизиться ни с какой другой женщиной. Несс попросил Деяниру собрать излитую им родильную влагу, смешать ее с оливковым маслом и стекающей со стрелы кровью и когда потребуется смазать этой смесью хитон Геракла. Дав такое наставление Деянире, Несс тотчас испустил дух, а та, следуя

полученным указаниям, собрала в сосуд родильную влагу, смешала ее с маслом и коричневой кровью и стала хранить это зелье втайне от Геракла.

Некоторые, как Плутарх и Павсаний, говорят, что после того, как Геракл с Деянирой ушли, у Несса еще хватило сил добраться до земли локров, и только там он умер. Локры рассказывали, что быстро разлагающийся труп отравленного кентавра стал распространять ужасную вонь, отчего самих локров назвали озолийцами (зловонными). Его конское тело осталось непогребенным у подножия холма Тафиасс, наполняя всю округу ужасным зловонием. Говорят, источник, близ которого умер Несс, до сих пор несет зловонную воду со сгустками крови.

423. Гермес рассказывает Зевсу об опасном для Геракла подарке Несса

Вездесущий вестник Зевеса Гермес златожезлый, пролетая над бурными водами Эвена увидел, как простодушная Деянира собирала в мелкий кратер умирающего кентавра кровь, смешанную с желчью Гидры Лернейской и услышал, что перед смертью коварный Несс ей сказал. Он сразу догадался, к каким ужасным последствиям приведет в будущем коварный замысел мстительного Кентавра.

Прибыв на Олимп, Аргоубийца поделился с великим отцом своими размышлениями о том, почему Деянира так безоговорочно поверила своему насильнику и спросил следует ли ему что-нибудь предпринять:

– Зевс, мой великий родитель! Хочу тебе рассказать, чем дух мой нынче обеспокоен. Кентавр Несс, Иксионом и Тучкой рожденный, дал невестке твоей Деянире зелье, якобы за тем, чтобы Геракла супружескую любовь сохранить. На самом же деле, в том зелье желчь ужасная Гидры Лернейской и, если доверчивая Ойнеида пропитает таким приворотом одежду супругу, тот в страшных мученьях с круга земного сойдет в царство Аида. Видно, Мойра еще при рождении Гераклу недобрую долю соткала в жизни земной, а сейчас решила, что он уже совершил на земле все, что ему предназначено было. Следует ли нам вмешаться и воспрепятствовать

калидонке невольно погубить твоего лучшего смертного сына?

– Все правильно, милый, ты понимаешь и говоришь! Геракл уже истребил всех самых страшных чудовищ, включая и родичей наших ужасных – землеродных Гигантов, и теперь, видно, не должен долго задерживаться на земле, ведь жизнь обычных людей не для него, ведь не такой он как все. Однако лишить доблестной жизни моего сына – величайшего из героев не просто даже для Мойры Лахесис, ибо не может он умереть не достойно, а в честном единоборстве ему по-прежнему на земле равных нет. Мудрое сердце мое сейчас разрывается меж двух разных решений: Помешать Деянире Геракла непреднамеренно погубить или предоставить всему идти своим чередом?

– Над Судьбой мы не властны, отец, и всевершающая Мойра неумолима, ужасней ее я силы не знаю.

Зевс премудрый в знак согласия с сыном косматой кивнул головой и тяжелые веки прикрыл, но все равно разум свой продолжал изощрять в размышленьях трудных. Долго Олимпиец размышления ткал, беззвучно сросшимися бровями крутил и нетленной качал головой, распространяя в светоносном прозрачном Эфире благовонный амбросии запах, а потом стал милому сыну, рожденному Майей, вещать:

– Очень хочется мне лучшего из своих сыновей, издревле уже обреченного непреложному Року, освободить хотя бы от мучительной смерти так, чтобы он умер мгновенно от удара

по шее меча иль от стрелы, вонзившейся в самое сердце, а не от ужасной желчи Гидры из Лерна. Однако я знаю, что не только Гера, сестра моя милая и супруга ревнивая, но и многие другие олимпийцы такое решение мое совсем не одобряют. Но самое главное, любезный моему сердцу Гермес, я боюсь, что богини Судьбы, эти три дочери жутколикой Ананке, не потерпят, если я попытаюсь вмешаться в их вытканые в пряже многих столетий вещице замыслы. Ты, Киллений, не знаешь, ведь ты тогда еще не родился, как я однажды попытался в схватку вступить с Могучей Судьбой. Это случилось в то благословенное время, когда я был юным совсем и мнил себя всемогущим и, не желая повиноваться вещице Ткачихе, метнул в нее молнию жгучую. Страшнейшее оружие эфира прошло сквозь Мойру, не причинив ей совсем никакого вреда, и Лаксис, как всегда, с плотно сомкнутыми губами, бесстрастно лишь мне изрекла:

– Это была первая и последняя молния, которую тебе позволительно было в Мойру метнуть. Закон Ананки – владыка бессмертных и смертных, и нам, наместницам Необходимости на земле и на небе не страшно никакое оружие, ведь мы всемогущие и бестелесные, а наш облик – это лишь видимость, зренья обман. С этого момента ты должен навсегда покориться непреложной Судьбе и, следуя моим указаньям, заботиться о благе Вселенной или сам бесследно исчезнешь из этого мира, как твои старшие дочери Ангела и Арга, ведь мы можем все. Смотри!

И тут три Мойры суровые так одновременно повернули свои нетленные челноки, что сдвинулась Небесная ось мировая. И страшно задрожала и огромными трещинами покрылась вся земля от края до края, содрогнулся и раскололся на части хрупкий купол высокого неба, и невиданными волнами, подобными самым высоким горам, вздыбилось широкое море, и рухнули медные ворота бездонного Тартара, в мрачное царство брата Аида через провалы и трещины устремился яркий солнечный свет... И покорился я навсегда всемогущей Судьбе... Да, видно, вешие дщери Ананке не довольны трудами Геракла после того, как все 12 подвигов он совершил. Тяжко карают всемогущие Мойры и мужей, и даже богов (!) за проступки, и не бывает, чтоб их наказание прекратилось раньше, чем полностью виновного справедливая кара постигнет. Видно, недолго моему лучшему смертному сыну осталось жить на земле, и сбудется скоро древний Додонский оракул, который сам я по воле старой обликом Мойры Лахесис шелестом листьев дуба давал и журчаньем ручья. Придется ему полностью вытерпеть все, что ко всему безучастная Мойра Лахесис выткала с нитью ему, когда родила его мать Алкмена. Однако, согласно предначертанью непреложной Старухи, Геракла великие подвиги после смерти ужасной, мучительной позволят справедливо стать ему богом и жить вместе с нами на мощных высотах не подверженного тлену Олимпа!

Так вещую речь закончил Кронид-Эгиох, а его вестник и

сын златожезлый Гермес, ему безмолвно внимал, с ним во всем соглашаясь.

424. Зевс и Гермес рассуждают об участии героев

Потом великий отец с милым сыном от Майи, старшей Плеяды, говорили о судьбах других овеянных славой героев, о том, что Участь, подобная той, что была предначертана сыну Зевса от смертной Алкмены, постигла всех знаменитых героев, а не только Геракла. Ни один из героев, избавлявших мир от чудовищ, не умер естественной смертью потому, что они не умели жить в обыденной жизни – их необыкновенная нечеловеческая сила требовала выхода, и часто она направлялась против обычных людей, а некоторые выступали даже против богов, не для смерти рожденных! Поэтому прославленные герои, сметавшие подобно Гераклу с земного лика чудовищ, сделав свое не легкое дело, должны были уйти с земной сцены по возможности с честью и славой, но не у всех это получалось, и об этом любил поболтать знаменитый бог красноречия:

– ...Не хочется мне сейчас вспоминать о богоборцах, нечестивых героях, таких, как Тантал, Сисиф, Салмоней, Иксион, Пандарей, Титий, Алоады... сколько точно их было помнит лишь Мнемосина. Охотно я сейчас вспоминаю судьбу знаменитых героев, по воле вещей Ткачихи, как Геракл, истреблявших чудовищ. Помнишь, отец, как твой сын Персей от Данаи, которой лоно оросил ты животворным дождем

золотым, потрясая головой убитой Медусы – Горгоны, сражался за Аргос с самим Дионисом, возомнив себя равным великому Вакху. После нечаянного убийства Акрисия, основал он обильные златом Микены, но они были до основания разрушены аргивянами. Беллерофонт, твой племянник, победивший Химеру, дерзко захотел вознестись на крылатом брате Пегасе к нам, сюда, на блистательные выси Олимпа и совсем уже к цели был близок, но ты его сбросил на землю вместе с Быстрокрыльцем Медусы. Ты знаешь, конечно, что ставший после падения хромым и слепым Беллерофонт долго скитался, бродя кругом по Алейскому полю, на котором он Химеру убил, несчастный и одинокий он вскоре бесследно пропал. А вот совсем свежая новость: недавно другой твой племянник Тесея, в кносском лабиринте Минотавра убивший, подвергнутый гражданами им же учрежденному ostracismu, из отечества был изгнан с позором после бесславного возвращения из Аида. Афиняне не простили Тесею дерзкого похищения дочери твоей Елены Прекрасной и последующую войну за нее с Диоскурами, в которой напрасно погибли многие граждане, а чудесный городок Афидны, где он прятал Елену, был полностью стерт с лица земли, Он отправился на остров Скирос, где позорно погиб, то ли сброшенный со скалы местным царем Ликомедом, то ли разбившийся сам, будучи сильно пьяным. Внук твой Мелеагр, победитель Калидонского вепря, не поделив с братьями матери охотничий трофей, на пиру обоих убил и постыдно погиб,

проклятый матерью. Погубили его мстящие за убийства родственников Эринии, внявшие проклятиям Алфеи...

Долго так беседовал отец всех бессмертных и смертных с милым сыном Гермесом, вестником своим и глашатаем, который с детства не лгал, но и никогда не говорил всю правду.

Перед тем, как расстаться с со златожезлым Аргоубийцей, Зевс премудрый решил, о героях заботясь:

– Дабы не сгубили души свои герои среди люда, подвластного смерти, – полубоги, чьи очи среди смертных взирали на яркое солнце, преднамеренно я о них позабочусь. После смерти, блаженными став, будут они пребывать, жизнь и обитель имея в Элисиуме, на Элисейских полях, поодаль от всякого другого умершего люда. В этих счастливых местах умершего героя легчайшая жизнь ожидает. Не будет там никогда ни проливного дождя, ни холодного снега, ни бурь не будет жестоких. Там над цветами и высокими травами свой будет прозрачный эфир, и мягким светом багряным солнце свое будет сиять, и свои загорятся звезды на безмолвном ночном небосклоне. Там, среди лугов, покрытых пурпурными розами, среди плодоносных, пышных, тенистых деревьев бесшумно потекут полноводные реки рыбой обильные, а сами блаженные, прохаживаясь вместе и мирно беседуя, проводить будут время в радостных воспоминаниях. Ни изнуряющих дум, ни заботы тяжелой не зная, будут жить здесь безмятежно все прославленные герои. Но только не Геракл! Своего милого сына, прямо с костра погребального я возне-

су к нам сюда, на Олимп, как бессмертного бога!

425. Геракл на пиру у Алкимедонта

Деяниру после первой же ночи, проведенной с Гераклом, постигла та же судьба незавидная, что и всех других его женщин и дев. Любвеобильный герой потерял мужской интерес к законной супруге сразу после того, как исчезли все тайны первой ночи. Иногда он восходил на ложе жены в темноте и представлял, что там лежит неизвестная, но делал это скорее не по любви, а по необходимости так же, как в рабстве занимался любовью с назойливой Омфалой. Незнакомые юные девы, особенно царского рода, после женитьбы на Деянире стали еще больше волновать любвеобильное сердце Геракла, ведь у него стало много свободного времени, которое он часто не знал куда деть...

Как-то в Аркадии, Геракл был поражен кипарисовыми стрелками сладкоистомного Эрота одновременно в сердце и в печень. У царя небольшого города в счастливой Аркадии Алкимедонта была юная дочь Фиало, которую он очень любил и лелеял. Он мечтал, выдав дочь замуж за достойного мужа, успеть воспитать еще внуков. По словам аркадцев, Фиало все женское племя на земле многодарной девичьей красотой затмевала.

Алкимедонт в честь Геракла устроил пышный пир, на котором все весело пили и ели, и не было на этом пиршестве обделенных. После того, как питьем и едой пирующие уто-

лили желанье, юноши, влив в кратеры винный напиток до самого верху, всем по кубкам разлили, свершив перед тем богам возлиянье.

Пенем весь день ублажали певцы и аркадские юноши прославленного героя Геракла, оказывая ему почитанье, как богу. Ему одному, как божеству, на пире предложили возлежать, цари обычно вели так себя, словно боги, герои же чаще в креслах с высокими спинками восседали или на скамьях просто сидели, как обычные люди.

Отпрыск Зевеса умилялся от песен и от одинокого возлежания и многочисленные совершал возлиянья чистым вином, не забывая каждый раз сам осушить чашу иль кубок, говоря, что вода только портит вкус чудесного напитка.

Но больше всего восторгался Геракл видом краснощекой Фиалы с выразительными живыми глазами цвета спелой маслины, с темным пушком на верхней припухлой губе и молочно-белыми ровными зубами. Она сидела рядом с отцом и все время смеялась, было видно, что была она очень смешлива. На протяжении всего пира Алкид не мог от нее глаз отвести.

Когда же все отправились спать, у пьяного Геракла, как обычно, проснулось иное желанье, и он, как слышали рабыни и слуги, сам себе под нос так бормотал:

– Вино для всех есть наилучший напиток, душе и телу новые силы дающий. Телу питье чистого хорошего вина приятно и только на пользу идет. Однако вино и для дел Афродиты очень даже пригодно. Поэтому надо мне после такого

пышного пира не забывать в эту дивную ночь и о других наслаждениях.

Алкимедонт велел в сени для важного гостя самую крепкую резную кровать принести, из больших подушек пурпурных пышное ложе устроить, покрыть это ложе коврами, сверху пушистым застлать одеялом, чтоб от ночной свежести им закрываться. С факелами в руках поспешили из пиршественной залы рабыни, быстро на прочной кровати постель постелили для могучего сына Кронида и приветливо так ему возвестили:

– Гость дорогой, иди почивать! Для тебя уж готова постель, на которой ты сладким сном насладишься.

426. Геракл насильно овладевает Фиало

Однако о сне, пусть и самом сладком, Геракл даже не помышлял. Он немного подождал пока другие заснут, а потом на собственных бесшумных подошвах (босиком) прокрался на второй этаж, в гинекейон (женская половина в задней или верхней части дома) и осторожно вынес на вытянутых руках улыбающуюся во сне Фиало в сад, располагавшийся как раз сзади женской половины дома.

Оказавшись на сложенной в кучу скошенной холодной траве и почувствовав на своем девичьем теле чужие руки, девушка проснулась и сначала стала звонко смеяться, как от щекотки. Когда дева поняла, что с ней происходит, то в испуге стала пытаться кричать, но отпрыск Зевеса рот ей заткнул ее же повязкой и сказал:

– Радуйся дева! Сладкую негу любви и пьянящее упоение объятий тебе подарить сейчас я желаю. Не простой смертный ласкает тебя, а знаменитый герой! Тебе завидовать будут подруги, ведь ты прекрасного сына родишь от Геракла. Может быть, то, что будет сейчас, будет самым лучшим во всей твоей жизни.

Дева, утопая в слезах, смогла под повязкой лишь что-то в ответ промычать. Герой в течение буйной ночи несколько раз принимался колебать мощно травянистое ложе Фиало

даже не потому, что красую всех нежноласковых жен оказалась она превосходней, а потому, что больше было не с кем ненасытную страсть утолить – рабыни и служанки Геракла уже не прельщали, особенно, если им было за 20.

По своему обыкновению наутро Амфитрионид оставил Фиало, так же как, Парфенопу, Авгу и других юных дев. Семя великого героя никогда не бывало бесплодным, и превратившаяся в женщину дева, стала носительницей поневоле тайного груза.

Зная жестокий нрав отца, всегда смешливая Фиало совсем перестала смеяться, она до последнего дня туго пеленала округлявшийся живот и вскоре незаметно от всех родила, однако тайно вскормить новорожденного ребенка не сумела. Когда суровый родитель заметил, что ставшая неулыбчивой дочь в течение нескольких месяцев все поправлялась, а потом похудела внезапно, он сразу догадался, что она была беременной и тайно родила. Алкимедонт незаметно проследил за дочерью и вскоре обнаружил маленького ребенка, когда Фиало грудью пришла его покормить. Отец приказал крепко связать нечестивую дочь и бросить вместе с новорожденным ребенком в горах, чтобы они там погибли от холода и голода или от зубов свирепых зверей.

Согласно Павсанию, аркадяне называли новорожденного ребенка Фиало Эхмагором. Так как брошенный ребенок много плакал, то птица кисса (сорока), прислушавшись к его жалкому плачу, сама стала подражать его крику. Сорока,

усевшись на ветке высокой, как ребенок кричала и далеко по лесу ее пронзительный крик разносился. По воле зеленоглазой Тюхе, Геракл проходил этой дорогой. Он услышал крик сороки и счел, что это кричит малый ребенок, свернул с дороги и поспешил на плачущий голос грудного ребенка. Увидев юную женщину, он узнал Фиало, развязал ее узы и спас малютку. С того времени протекающий вблизи источник от имени птицы называется Кисса.

Однако ко всему и ко всем безучастная Милихиос, направив, от скуки, Геракла к бывшей возлюбленной (как всегда, только на одну ночь) и сыну Эхмагору, тут же потеряла к ним всякий интерес. Поэтому, что случилось с Фиало и ее сыном от Геракла, не известно, ибо они умерли в неизвестности, как и большинство остальных многочисленных детей Геракла от малоизвестных возлюбленных на одну ночь.

427. Геракл убивает Ормения, чтобы овладеть его дочерью Астидамией

Согласно Диодору Сицилийскому, проходя через Пеласгиотиду, Геракл прибыл к царю Ормению (по Пиндару – Аминтору) и увидел его дочь Астидамию, звонкая слава о красоте которой в то время разносилась тысячеустой молвой по всей просторной Элладе, знаменитой прелестью девушек с кожей нежной.

Говорят, что Геракл, увидев Астидамию в обширном дворе отцовского дома, весь так и застыл, как мраморное изваяние, от беспредельного восторга, похотливым взором приемля, как деве ласковое дыханье Зефира одежды у нежных грудей при движении плавно вздымало. У Астидамии были мягкие льняные волосы, заплетенные на затылке в косы, светло синие глаза и синие прожилки на висках, покрытых редкими льняными завитушками; голубые глаза на невинном, как у ребенка лице, смотрели ласково и доверчиво. Не отрываясь, на нежные груди смотрел Геракл, на округлые ягодицы под пеплосом тонким, смотрел на юную красоту, что на краткое время дала деве Природа. Но скоро уж ему недовольно взглядов одних, ему показалось, что он влюбился в юную Ормения дочь и, забыв о законной жене, он, явившись к отцу, стал свататься настойчиво к ней.

Поскольку знаменитый герой был уже женат на Деянире,

то, несмотря на всю свою громкую славу, получил от родителя девы вежливый, но решительный отказ:

– Богоподобный Амфитрионид! Слава и гордость Эллады, герой знаменитейший! Я всегда рад тебя видеть, и всегда приму как самого желанного гостя, но дочь свою, уж прости, тебе не отдам. Разве у тебя нет сейчас законной жены? Как о мужчине, о тебе ходит разная недобрая слава... Говорят, что ты обманул уже многих царевен, и я не могу доверить тебе еще одну, мне самую дорогую на свете.

Услышав такой решительный отказ, Геракл аж в лице изменился и, грозно сдвинув к переносице брови, надменно сказал:

– Ты сам принуждаешь меня к тому, чтоб я не просил, а брал то, что хочу в виде военной добычи!

Не тратя времени на пустые разговоры, Геракл пошел на Ормения войной. Сражение длилось не долго. Как низкие темные тучи на небе Зефир разгоняет, ударяя по ним шквалами ураганного ветра, так под ударами дубины Геракла головы вражки летели. Бывший прославленный смиритель чудовищ, а теперь не знающий куда себя деть могучий герой быстро захватил неподготовленный к войне город и убил отказавшего ему царя прямо на глазах у его дочери. Благочестивая Астидамия безутешно рыдала вместе со слугами и рабами, раздирая на нежном теле одежды. Всюду стонали служанки, били ладонями в груди от скорби, раздирали ногтями тела, волосы, на себе обрывая, и царапая лица до крови.

Через 9 месяцев Астидамия родила сына Ктесиппа, о судьбе которого даже царице высот Элевфера Мнемосине, Муз породившей прекрасноголосых, ничего не известно. О том, как она стала женщиной Астидамия рассказала своей старшей сестре Меропиде:

– Геракл поступил так, как ведут себя победители в поверженном городе, отданном на разграбление и насилие. Не мне дав даже похоронить родителя, он изнасиловал меня на следующую ночь после убийства отца. Он не ласками нежными со мной сочетался, а надругался надо мной, как будто его сердцем завладела Анадейя, богиня бесстыдства. Мне стыдно об этом не только рассказывать, но даже вспоминать я не могу без содрогания.

428. Дике безрезультатно жалуется на Геракла Зевсу

Орфики в гимне поют, что с блистательных высей Олимпа наблюдает Дике людей многовидное племя, должным карает судом нечестивцев, закон преступивших, все незаконное к правде ведет, блюдя во всем справедливость. Богине справедливости зримо все, что тайно питается мыслями злыми, ведомо все, что желают свершить нечестивые люди. Дика, единственная из богов и богинь, однажды напав на преступника, обязательно воздает по заслугам, она непримиримый противник всем попирателям прав и верный друг для всех справедливых. Она непорочную совесть всегда направляет, как должно, чистыми мыслями. Она же, при этом, разит беспощадно всех, кто к ней под ярмо не идет, кто умом переметен, всех, кто с прямого пути уклонился, она хлещет бичом преогромным. Дочь Зевса от второй супруги богини правосудия древней титаниды Фемиды Дике обычно находится близ его олимпийского трона.

Богиня справедливости в последние годы не однажды собиралась Гераклу воздать по заслугам, но зная, что сам Зевс его опекает, отцу – главному на земле защитнику и охраннику справедливости не раз говорила:

– Геракл все чаще использует свою огромную силу не для блага людей, а для удовлетворения своих прихотей изменен-

ных, особенно – злобной мстительности, непомерной гордыни и похоти лютой. Если б не был он твоим сыном и сам не был бы силой и духом могуч так безмерно, я бы уже давно сразила его беспощадно, отхлестав бичом преогромным, хоть бы за то, что он вчера над Астидамией, несправедливо убитого им Ормения юной дочерью, надругался бесстыдно.

Отец всех бессмертных и смертных, как самый главный охранник справедливости, обычно делал все, что Дике просила, хотя часто и медлил с воздаянием неотвратимым. Однако в этот раз, ласково помавав кустистыми своими бровями, он дочь на колени к себе усадил и так ей ответил:

– Сын мой Геракл – герой, полубог, без сомнения, лучший из лучших, но он живой человек, значит и у него есть пороки и серьезные недостатки, доставшиеся ему от матери, но не потому, что Алкмена плохая, а потому, что она смерти причастна. Все же и он когда настанет предначертанный непреложными Мойрами срок, за все прегрешения будет смертью самой мучительной и ужасной наказан. А за великие подвиги он заслуженно будет обожествлен и, вознесясь к нам на Олимп, избавится от всех смертных своих недостатков, оставив лишь то, что от меня – прекрасное, вековечное, неподвластное смерти. Это ли не высшая справедливость, моя любезная Дике?!

429. Геракл захватывает Эфиру и овладевает Астиохой. Тлеполом

После женитьбы на Деянире, Геракл часто воевал с соседями, но это были небольшие, всегда победоносные войны. Так, однажды Геракл отправился в поход против племени феспротов, населявших Эпир. Захватив древний город Эфиру, где царствовал царь Филант, Геракл сошелся с его совсем еще юной дочерью Астиохой.

Поэтесса Фероника, обучавшая Астиоху дивному крику Каллиопы, так рассказывает о том, что сделал Геракл с малолетней ее ученицей:

– Я сама лицезрела, как Геракл, пораженный эротовыми стрелками огненной страсти, жадно смотрел на юное тело Астиохи, лучшей моей ученицы, редкую красу от богов, получившую вечных. Юной, сияла Астиоха красою так невинно и скромно, как при восходе луна бледно-нежная светит безмятежно в наступившем мягком мраке вечернем. Похоти лютой во благо стыдливую деву знаменитый герой погубил, словно с только, что расцветшей белой розы нежные лепестки грубыми пальцами все оборвал. Он поймал Астиоху в охапку в столовой и при мне и служанках стал, как лоза обвиваться вокруг девы невинной. Крепко держал он ее юное стройное тело, ласкал только, что появившиеся груди юницы, срывая пеплоса складки и сбрасывая последние повязки,

что вились вокруг ее гибкого девичьего стана. Астиоха была невинной настолько, что сначала даже мечтательно улыбалась. Я знаю, что она думала, будто все это ей только видится, словно снится, и она лишь приятно изумлялась сладкой яви такого дивного сна. Тут Геракл сладострастно стал целовать ее по-девичьи неподатливые губы и грубо сорвал с ее нежных бедер никем нетронутый пояс. Голосом от нетерпенья дрожащим он ей сказал: «Сейчас мы с тобой прямо здесь, на этом столе жаркой любви предадимся! Страстью такой обжигающей у меня давно уж ум не мутился, с того самого дня, когда я впервые мужчиною стал». И Астиоха, наконец, поняла, что это не сон. Она изо всех сил стала вырываться, я тоже бросилась ей на помощь, но Геракл отмахнулся от меня, как от назойливой мухи, я упала и разбила голову так, что долго встать не могла. Не может противиться слабая дева герою могучеству превзошедшему всех, даже самых сильных мужей. Я раненая рядом валялась и слышала, как Зевсов отпрыск, насилуя деву, так со злобной усмешкой ей говорил: «Зачем, дева, противишься мне безуспешно? Глупая ты. Ведь я самый могучий в Элладе герой, я лучший из лучших и всеми любимый, особенно девами юными. Все завидовать будут тебе, когда узнают от чьей силы ты сына зачала». Так Астиоха иго насильной любви претерпела и без брачного вено милое девичество потеряла.

После того, как девять раз серповидные сочетавши рога, круг пополнился лунный, вчерашняя девочка Астиоха роди-

ла Тлеполема, которого часто путают со знаменитым сыном элевсинского царя Келея и Метаниры Триптолемом.

Несравненный Гомер поет, что Тлеполем Гераклид, как отец, и огромный, и мощный, гордых родосцев, извел в девяти многоскамейный кораблях, полностью снаряженных из Родоса. Тлеполем, копьеборец, гибельный в битвах, силы Геракловой сын, рожденный с младой Астиохой, взятой героем в Эфире, у вод Селлеиса, когда он многие грады рассыпал питомцев Зевсовых юных. Сей Тлеполем лишь возрос в благосозданном доме Геракла, скоро убил, безрассудный, почтенного дядю отцова, старца уже седого, Ликимния, отрасль Арея. Быстро сплотил он суда и с великою собранной ратью скрылся, бежав по морям, устрашаясь мести грозивших всех остальных, – и сынов, и потомков Геракловой силы. Прибыл в Родос, наконец он, скиталец, много бед претерпевший. Там поселились пришельцы тремя племенами и были Зевсом обласканы и любимы, владыкой богов и отцом человеков: Он им богатства несметные свыше пролил, Олимпиец.

Другие говорят, что, возмужав, Тлеполем нечаянно убил в славном гремящими от лошадиного бега долинами Аргосе друга Геракла Ликимния, отца юного Ойона, подло убитого сыновьями Гиппокоонта в Лакедемонне. Тлеполем был изгнан из конелюбивого Аргоса или сам бежал на остров Родос и поселился там. Находясь там, он послал гонца к Феспиию, который радушно принимал его отца 50 дней и каждую ночь

посылал к нему одну из дочерей, когда тот охотился на Киферонского льва. Гонец должен был передать Феспию, чтобы он семерых сыновей, рожденных его дочерьми от Геракла оставил у себя, трех отослал в Фивы, а сорок остальных отправил для основания колонии на остров Сардинию.

Великий Поэт поет, как Тлеподем Гераклид злою судьбой был сведен с героем Сарпедоном божественным в битву. У обоих противников длинные копья навстречу вдруг полетели из рук: угодил Сарпедон Гераклиду в самую шею, и жало насквозь несмиримое вышло: быстро темная хмурая ночь навсегда Тлеполемовы очи непроницаемой мглою покрыла.

Аполлодор говорит, что Тлеподем не погиб от руки Сарпедона. После разрушения Трои люди Тлеподема причалили к берегам Крита, но затем ветры отнесли их, и они заселили Иберийские и Гимнесийские острова...

430. Геракл второй раз встречается с Иолой

(Рассказ Иолая)

Иолай лучше других знал своего дядю, героя Геракла и больше всех любил о нем рассказывать и вспоминать. О причине войны в Эхалии он так говорил:

– Дядю любимого моего больше всего бесило то, что Эврит не только лишил его законной награды – своей дочери Иолы, но и опозорил на всю Элладу, назвав сначала мошенником, а потом вором, унизил его, лишив большей части славы заслуженной большой кровью и потом. Насупив низкие брови, дядя мой часто после пира, сопровождавшегося обильной выпивкой, мне так говорил: «Узнав, как Эврит безнаказанно обидел меня, кто из моих недругов теперь затрепещет? Многие вопрос такой сейчас задают – того ли Эврит оскорбил и унизил Геракла, который могучеством всех превзошел, с которым никто не может сравниться мощью и силой? И они отвечают – именно того, а потом так язвительно себе добавляют: вот так могучество, вот так сила Геракла! До сих пор Эврит, как ни в чем ни, бывало, счастливо живет в доме своем и презрительно насмехается над лучшим зевсовым сыном! Как же этот герой с чудовищами расправлялся, если не может покарать простого смертного нечестивца?!»

Дядя мой давно собирался покарать Эврита за то, что тот

не отдал ему дочь простоволосую Иолу, показав себя плохим другом и так же за то, что потом несправедливо обвинил его в воровстве своего звонкокопытного табуна. Однако по непонятной мне причине он все время откладывал праведную месть.

И вот как-то раз дядя увидел юную Иолу. До этого он ее видел лишь однажды на том злополучном состязании в стрельбе из лука, о котором я не однажды рассказывал. Тогда, как я помню, она ему не слишком понравилась, она была еще совсем девочкой, похожей на мальчика с чудесными светлыми или светло – каштановыми волосами.

Когда же мой дядя увидел Иолу второй раз с ним произошло что-то невероятное, такого с ним никогда не случалось. Я тогда был с ним рядом и видел, что он ни на миг не смог отвести от нее горящих глаз. Он неотрывно смотрел в ее глаза, которые мне казались то дерзкими, то скромными, в которых обитала то природная стыдливость, то какая-то особенная дерзкая небрежность. Она выглядела уже не как отрок, а как девушка в самом первом цвету.

– Твое лицо прекрасно Иола... Мне все равно, что твой отец решил... Души твоей таинственной, прекрасной, сияющей в твоих глазах, нельзя не чувствовать, не видеть... Но, что же дальше будет с нами?.. Что делать мне с твоим отцом, с тобой, с собою?!

Так, заикаясь, дядя Иоле говорил при этой второй встрече, а она не захотела даже с ним говорить и на него даже не

посмотрела. Уж я-то знаю, что говорю, но, найду ли я слова, чтобы описать, что с ним случилось? Без счета у него было девушек и женщин, но все они были только на одну ночь; вечером он, как будто влюблялся, но ночью, сорвав с тайн все покровы, он без всякого сожаления всегда уходил.

Дядя мой – прославленный герой, величайший во всей Элладе и любимейший. Он недавно перешагнул пятидесятилетний рубеж, и тут вдруг как безусый мальчишка, впервые в своей буйной жизни по-настоящему влюбился в юную Иолу. Мне кажется, что он сам тогда сразу не понял, что влюбился неистово с самого первого взгляда, если забыть, что он мельком видел ее на состязании из лука.

В таких случаях часто говорят: Видом она была просто чудо, и на распускающийся нежный бутон ее благоухающей свежести польстился бы каждый садовник. А дядя мой был суровый мужчина уже в годах, проживший полвека в безмерных страданиях и непрерывных тяжелых трудах; как я уж сказал, женщин и девушек у него всегда было много, но все они были только на одну ночь.

С Иолой все было совершенно иначе. И много было очень плохого, особенно то, что дядя был в страшной ссоре с ее отцом Эвритом после состязания в стрельбе из лука. Эта ссора превратилась в смертельную вражду после приписываемой Гераклу кражи у Эврита табуна лошадей Автоликом и случайного убийства дядей брата Иолы Ифита. Однако преграды и запреты часто только распаляют страсть, когда мы

любим не доступное, разыскивая когда-то потерянную свою половинку.

431. Поиск людьми своих половинок [58]

(Рассказ Июлая)

Я слышал, что в глубокой древности, когда живые существа обживали землю, она рождала самых разных существ, в том числе многоруких, многоногих, многотелых, многоголовых... Не стали исключениями и самые первые люди, они имели по 2 головы, 4 руки, 4 ноги и по 2 детородных органа. Эти люди были трех полов, их называли мужчинами, женщинами и андрогинами. У первобытных двойных мужчин было по 2 детородных члена, у двойных женщин по 2 лона, а у двуполых андрогинов – 1 член и 1 лоно. В малоподвижном состоянии первобытные люди были похожи на двух обычных людей, сросшихся спинами и, казалось, что два одинаковых человека прислонились к друг другу лопатками. Когда же им надо было двигаться, их гибкие спины растягивались, и они становились похожими на двух привычных нам людей, сросшихся плечами, растянутыми спинами и верхними частями бедер, и, казалось, что идут два человека, тесно соприкасаясь плечами и бедрами. Для размножения двойные мужчины должны были обязательно сопрягаться с двойными женщинами, а андрогины могли сопрягаться и с двойными женщинами, и с двойными мужчинами, и с самими собой, и этот

последний способ был у них наиболее любимым и продуктивным. Двойные однополые женщины рожали по воле богини случая Тюхе и таких же двойных женщин, и двойных мужчин, и андрогинов, а андрогинины рожали только андрогинов; поэтому со временем в племени первобытных людей больше всего было андрогинов двуполых.

Люди изначального поколения были чрезвычайно сильными телесно и крепкими духом, их даже олимпийские боги боялись. Олимпийцы считали, что первобытные люди, подобно титанам и гигантам вынашивают дерзкие замыслы и хотят посягнуть на их господство в мире и захватить верховную власть. И вот Зевс и прочие боги стали думать, как поступить с двухтелыми людьми. Их можно было истребить с помощью молний, потопа или мора, но тогда боги лишатся почестей и приношений от людей; но и мириться со все возрастающей опасностью, исходившей от них, тоже было нельзя. Зевс премудрый могучий разум свой долго изощрял в размышленьях тяжких и, наконец, покрутив страшно бровями, скрипнул зубами и решительно объявил:

– Слушайте слово мое, все богини и боги, я вам поведаю, что в груди меня дух мой сказать побуждает. Я единственный выход нашел, чтоб и людей сохранить, и положить конец их нечестивому буйству. Все великое – просто. Надо уменьшить их страшную силу. Для этого я разрежу каждого из них пополам, и тогда они, во-первых, станут не вдвое, а намного слабее, во-вторых, полезней для нас, потому что число их

увеличится вдвое и в-третьих они будут видом подобны вам – богам на Олимпе живущим, и потому смотреть на них нам будет приятней. А, если они и после этого не угомонятся и продолжат с нами равняться, я опять рассеку их пополам, и они запрыгают у меня на одной ножке.

Сказано – сделано, и все тела первобытных двухтелых людей, несмотря на их бурные протесты, порой выливавшиеся в ожесточенные битвы и схватки, были рассечены пополам, благо их было всего несколько тысяч. Для этого олимпийцы призвали на помощь трех сторуких и трех одноглазых великанов. Гекатонхейры и Киклопы хватали по одиночке двухтелых людей и крепко держали, а Зевс, Гермес и Аполлон разрезали их адамантовыми мечами, специально выкованными из седого железа искусным Гефестом. Потом Афина, тщательно перемешав большинство разрезанных людей, разбросала их по всей обжитой земле, а Посейдон на китах и дельфинах переправил остальных на многочисленные острова.

Теперь, каждый став половинкой прежнего первобытного человека, испытывал ужасную тоску по своей половинке, многие просто не знали, как жить с одной головой и одной парой рук и как передвигаться при помощи всего двух ног. Сила их уменьшилась не вдвое, а во много раз потому, что каждый ощущал себя больным инвалидом – таким, каким ощущает себя привычный нам человек, потерявший на войне руку или ногу. Как только новые люди научившись ходить

на двух ногах, так сразу бросились искать свои половинки, но это было очень не просто, ибо они могли быть где угодно на широкодорожной земле, а передвигаться им можно было лишь на своих двух ногах, ведь в то время Посейдон еще не объездил коней и не изобрел вместе с Афиной крепкопалубных кораблей, ходивших по морю под высокими парусами.

Новые привычного нам вида люди по воле непререкаемых Мойр навсегда сохранили неодолимое стремление найти свою половинку. При этом двуногие женщины, получившиеся из четырехногих женщин, ищут свою половинку, которая была тоже женщиной и, не находя, стремятся к другим женщинам, и лесбиянки принадлежат именно к этой породе. Мужчин, представляющих собой половинку прежнего двойного мужчины, если они не находят свою мужскую половинку, влечет ко всему мужскому, они любят разных мужчин, и им нравится возлежать с мужчинами. Таков я потому, что, не найдя свою половинку, люблю только Геракла. Мужчины и женщины, получившиеся из двуполых андрогинов, а таких было абсолютное большинство, ищут свою противоположную по полу половинку, и, не находя, мужчины становятся охочими до всяких женщин, и потому они похотливые, а женщины, не найдя своего мужчины, падки до «чужих» мужчин и потому распутны. Эти-то люди и стали людьми первого поколения, названного золотым.

Когда кому-либо, посчастливится в жизни встретить как раз свою половину, обоих охватывает такое удивительное, ни

с чем не сравнимое чувство привязанности, телесной и сердечной близости, что они испытывают беспредельный восторг и поистине не хотят разлучаться даже на короткое время. Эту неистребимую жажду телесной и духовной целостности и самозабвенное стремление к ней, как к высшей гармонии, многие называют любовью.

432. Геракл влюбляется в Иолу

(Рассказ Иолая)

О всех предках Геракла даже мне трудно судить, хоть я много раз изучал его древо. Там у истоков разных колен почти все боги, Зевс (трижды), Посейдон, Гермес, Арес, Океан, однако можно найти и людей, например, у прадеда Геракла знаменитого героя Персея прабабка Аглая, жена Абанта была смертной. Поэтому среди его дальних предков были и андрогены. Мне кажется, мой дядя любимый все жизнь неистово искал свою женскую половинку и, наконец, впервые влюбился.

На мой взгляд, светловолосая Иола не была особой красавицей, она была не высокой. У нее были серые глаза, смотревшие дерзко, маленький нос, едва обозначенная под одеждой маленькая грудь, бедра, как у мальчишки. Но что-то в ней было такое, словами невыразимое, что делало ее иногда необыкновенно прекрасной. Может глаза или волосы? Тогда она была не расчесана даже, но иных, особенно юных, очень украшает такая небрежность. Да, так безыскусно бывает юных искусство.

По тому, как изменился дядя после встречи с Иолой, он только о ней и мог говорить, я понял, что, увидев Иолу восхитительно небрежной такой, он был насмерть поражен темным Эротом. А однажды дядя, выпив чистого не мало вина,

сам так мне обо всем рассказал:

– Иолай, мой любимец! Чудный взор твоих прекрасных глаз мне душу согревает и воспламеняет кровь. Только ты можешь дух мой постигнуть, ведь ты один меня так любишь и понимаешь! Доселе никогда так не вздыхал я и так не мучился. Меня поразило сразу и в сердце, и в печень не тот красивый кудрявый мальчишка с прозрачными как у стрекозы крылышками, с маленьким золотым луком и колчаном со стрелками за плечами. Этого сладкоистомного крошку-бога я знаю отлично. Нет меня сразил грозный Эрот, темный, бездонный, как Тартар. Не легковесен он, и пораженному не скинуть бремя этого бога, – тяжесть невероятная. Своим влажно мерцающим взглядом из-под темных гнутых ресниц этот Эрот ввергает человека в неодолимые сети Киприды и в него беспредельный ужас вселяет. Словно сверкающая молния в черной безлунной ночи, душу мою он мощно потряс безумием жгучим. Страшным ударом меня поразило, Эрот беспощадный! Словно кузнец своим молотом, неистовый Эрот меня мощно ударил, и дикое пламя любви молниеносно всего меня охватило. Это жгучее пламя ни на миг не отпускает и не знает пощады. До мозга костей прокрался ярый огонь, иссушая все жилы... Уж давно я не мальчик в любви, но такого со мной никогда не бывало! И ликую я и страшусь! Неужели я невозможного счастья дождался?! Наконец-то свершилось и я свою половину нашел! К ней я стремился всю свою жизнь! Я люблю ее больше силы своей,

больше счастья! Мне стыдно признаться, но я чего-то даже боюсь!

Да, после женитьбы на Мегаре и я знаю, как сладко смертному мужу урвать Кипридину милость. Могу себе представить влюбленного, когда тот уж не молод совсем. Несмотря на огромное множество жен полногрудых и дев с кожей упругой и нежной, начиная с самой первой Ианты, которые побывали на дядином ложе до его встречи с Иолой, ни одна не могла больше, чем на одну ночь удовлетворить его неистребимую жажду Красоты и заглушить неизбывную тоску по Любви. Я знаю, люди есть и такие, что не любят Геракла, они говорят, что он был презренным рабом лютой похоти. Но я уверен, что он был неутомимым искателем Красоты и Любви, пред которыми не устоит из смертных никто. Он был, как ненасытный овод, который на всех кидается, всех жалит, но даже когда ночью он достигает желанной цели, уже утром он не чувствует удовлетворения и опять начинает искать кого ужалить, вновь стремясь к первой ночи, полной сладостных тайн.

Любовь к юной Иоле была для моего дяди, как золотая чаша милоулыбчивой Афродиты с ее чудесным напитком, испив которого, человек получал несравненно больше, чем бессмертие, он получал самое главное – лучезарную молодость и привлекательность для страстной любви до самой смерти, сколько бы он не прожил. Золотая чаша с пенящимся любовным напитком была лучшим атрибутом фиалковен-

чанной Афродиты Амблогеры (Отвращающая старость). Не зря говорят, что Страсть и Любовь превращают и дряхлую старость в цветущую буйную молодость, ведь Афродита может старость надолго отсрочить. Любовь – самая сильная из всех страстей, потому что она одновременно завладевает головою, сердцем и телом. Я знаю это по себе, хоть и продолжаю жить с навязанной мне Мегарой и никогда с ней не разведусь, ведь ее мне некогда мой дядя любимый сосватал. Сейчас же Геракл, страстно влюбившись в Иолу, решает ее добыть силой и жестоко наказать за все обиды Эврита, именно это и было истинной причиной кровавой войны в Эхалии.

433. Геракл решает бороться за Иолу с Судьбой

(Рассказ Иолая)

Иолай же рассказывал и о том, как бессмертные боги и Могучая Судьба пытались помешать Гераклу развязать кровопролитную войну с Эхалией:

– Придя в древний фессалийский город Трахин, расположившийся на лесистом склоне горы Эта, дядя мой стал набирать войско, чтобы выступить оттуда в поход. Как я уже сказал, он собрался, наконец, исполнить свое давнее желание – отомстить бывшему другу Эвриту за все не прощаемые обиды и самое главное – завладеть его дочерью Иолой, в которую он влюбился неистово, а она на него внимания не обращала. Незадолго до похода в Эхалию он рассказал мне о том, что во сне его после долгого перерыва посетила Афина и так с укором ему провещала:

– Нет уж в тебе, Геракл, той дерзновенной отваги и все-сокрушающей силы, с которой целых 12 лет ты Эврисфею служил! Много чудовищ ты истребил в подвигах опасных и трудных, много мужей нечестивых умертвил ты в ужаснейших сечах кровавых и в поединках опасных. Ты, как и твой великий отец боролся и сражался за справедливость! Но теперь все это в прошлом осталось. Раньше я тебе помогала, ведь я богиня, справедливой войны и не упиваюсь кровью,

как Арес. Теперь же ты не борешься с несправедливостью, часто унижаешь великую Дике и считаешь свою силу превыше ее!

– Зевса мудрая дочь! Не знаешь ты разве сама, что превыше Справедливости неизбежная Необходимость? Зачем же пустые слова на ветер бросаешь?

Так могучеотцовной богине непочтительно мой дядя ответил. Вспыхнули яростным пламенем светло серые очи богини, и она, высоко задрав подбородок, ему провещала надменно:

– Не забывайся, полубог для смерти рожденный! Пред тобой Афина-Паллада! Сколько раз ты вопил к небесам и на помощь меня призывал, и я тебе всегда помогала. Так, что непочтительную дерзость свою сейчас укроти, не надейся на свою необорную силу, ибо она и погубить тебя может, сделав несчастным! Бессмертный Тифон был много сильнее тебя, но и он беспомощный лежит под горой Этна и в бессильном буйстве горящие камни кусает и из кратера их извергает. Если хочешь еще пожить на земле и, дождавшись завершающего дня, через ворота, открытые Дике, блаженно вознестись к бессмертным богам, не забывай о справедливости и стыде и отмени сейчас кровавый поход в Эхалию ради не предназначенной тебе Иолы. Поверь: не твоя это дева!

– Лучше не предлагай мне отказаться от Иолы! Этого я ни от кого не стерплю, да и сделать я это не в силах! Никто не погасит в моей груди Иолой зажженные факелы!.. Впрочем,

тебе меня не понять, ведь ты никогда не знала брачного ложа с женщиной, чиста ты слишком и непорочна, непричастна к делам Афродиты!

Дядя так пылко ответил Афине, и взбешенная Паллада, сверкнув выпученными серыми своими глазами, мощно оттолкнулась копьем от земли, словно хищная птица с двумя гребнями на голове и взмыла в мощные выси Олимпа.

Перед самым захватом Эхалии, я сопровождал дядю в священные Дельфы и там он получил от Пифии оракул такой:

– Пора тебе одуматься Геракл! Какие новые подвиги ты совершил, как стал гражданином свободным? Иль больше на земле нет чудовищ?! С душою крепкой, ты поступью твердой шагаешь по освещенной солнцем земле, пока тебя не одолеет всемогущая Мойра. Наперекор Судьбе ты не желай женою сделать юную дочь Эврита. От Рока невозможно скрыться даже тебе! Знай: недолговечен ты будешь, если Эхалию повергнешь во прах, как поступил с Эфирой и Арменией. Эврита дом не разрушай, забудь о Иоле, или изведает горесть настолько страшную, что, страдая нестерпимо, сам не захочешь жить и умалять будешь богов о скорой смерти.

Услышав от дяди, этот оракул, я, как мог, попытался отговорить его от войны в Эхалии, но он, упрямо сдвинув свои знаменитые брови, со злой усмешкой заявил, что жалеет и о времени, потерянном напрасно на посещение храма Феба, и о том, что мне рассказал об оракуле. Когда мы возвращались

с ним из знаменитейшего храма он много раз, как заклина-
нье, мне яростно твердил:

– Ни бессмертные боги, ни всемогущая Мойра не сумеют заставить меня отказаться от Иолы. Уже давно новых чудовищ для моих славных побед Земля боится зачать. Уж не один победный жезл на поле боя захватил я. И вот, вознесшись к звездам славой, которую обрел своею силой, законов ни людских, ни божьих больше не страшусь! И пусть я доблесть запятнаю и безвозвратно оскверню свою немеркнущую славу, пусть беспощадный Рок меня настигнет, и я погибну, но эта дева станет подвигом моим самым последним, ведь без наслажденья ее видеть я не желаю жить ни дня! Обуза жизнь, когда в ней нет прекрасной Иолы!

Так не разумно говорил мой дядя любимый. Увы, не предвидел великий герой, что сам для себя он выпрашивает у Мойры самую страшную смерть в самых ужасных мученьях, какая только людей поражала!

И я не понял тогда, чем обернется для моего ненаглядного дяди его любовь к Иоле. Наоборот, мне, казалось, что она для него подарок Судьбы, ведь ее имя Иола, а мое – Иола-й и мне казалось, что совпадение наших имен не случайно, и она среди дев будет для него тем, чем я был для него среди юношей.

434. Геракл покоряет Эхалию и убивает родных Иолы

(Рассказ Иолая)

И вот Амфитрионид Эхалию, град крепкостенный, до основания разрушил. Сам же Геракл о покорении Эхалии так мне много раз рассказывал:

– Иолай, юноша мой любимый, знаешь ты сам хорошо, какое горе ужасное в последнее время мне рассудок мутит и туманит. Совсем заблудился занемогший мой разум: сколько уж выстрадал я – только ты и боги бессмертные знают! Девушку юную, ту, что, как приз при тебе выиграл я в состязанье из лука, родитель мне не отдал, договор, подло нарушив. Боги свидетели! Вполне справедливо я город бесстыдного разрушил Эврита, и его самого заслуженной смерти предал. Нельзя принести Кронида жертвы угодней, чем смертью несправедливого царя покарав... Будет теперь мне дивная Иола желанной супругой, ибо я так желаю! И Афродита ко мне благосклонна, значит и переменчивой Судьбе так угодно!

О, как дядя мой ошибался жестоко – не была Пафийка к нему благосклонна. Любовь бежит от тех, кто гонится за ней, а тем, кто прочь бежит, кидается на шею. В колчане своем две изоострых стрелы с загнутыми крючками бог златокудрый хранит – ту, что блаженным навек человека творит и ту,

что и сердце, и жизнь навсегда нам отравит.

Некоторые говорят, что, взяв приступом город, Геракл убил только Эврита и его старшего сына Токсея, разграбил всю Эхалию, отдав ее надолго Олефру, а Иолу, в числе многих других дев и женщин, взял в плен. Но гордая Иола не простила ему убийство отца и брата и даже под страхом мучительной смерти оставшихся в живых остальных членов ее семьи отказалась покориться ему, бросив в лицо оскорбительные такие слова, которые не смог вынести никакой мужчина:

– Когда мир был подло нарушен тобой и у стен родного города гремел не молкнувший грохот осады, страх мучительный был мне неведом, но замуж за тебя Алкид... Это хуже самого страшного рабства! Это ужасно – ты для меня как мерзкий змей! Пусть лучше меня как рабыню безродную в цепи закуют и голодом заморят постепенно – но сама я ни за что к тебе на ложе не взойду – я выбираю смерть!

– Такого мне еще никто не говорил! Но, ничего! Все в моей власти, и ты скоро моею будешь!

Препятствия в любви лишь разжигают пламя страсти. Из всех безумий острее страсть о недоступном. Спокойно относясь к Эроту, мы облегчаем свое бремя. Мучит сильнее бог мятежных и свирепее терзает, а не тех, кто безответную любовь готов принять спокойно. Дядя мой во всем был неистовым. Только таким и мог быть истребитель самых страшных чудовищ. Но особенно яростным он был в любви. По

приказу дяди, впавшего в неистовое бешенство после такого оскорбительного отказа Иолы, всех ее родных перебили прямо у нее на глазах, а братьев Молиона и Клития убил сам Геракл, разmozжив им головы своей ужасной дубиной, осененной бледной красою дикой оливы.

Несчастливая Иола, которой пришлось увидеть, как милый родитель погиб под безжалостным ударом жуткой дубины, кровавые куски его тела по дворцу разметавшим, после страшной смерти братьев совсем обезумела от нестерпимого горя. С растрепанными волосами и расцарапанным до крови лицом она бросилась с высокой городской стены вниз головой, но по прихоти Могучей Судьбы не разбилась. Несчастливая дева осталась жива и здорова, благодаря своим распространенным в Микенах колоколообразным юбкам, которые раздулись от встречного ветра и смягчили при паденье удар.

Старые эхалийцы говорят, что неукротимая ненависть к Гераклу поселилась в истерзанном сердце Иолы после того, как в него вонзился тяжелый свинцовый наконечник стрелы, пущенной братом сладкоистомного крошки Эрота – богом безответной любви Антэротом. У неистового старца был большой черный лук, полированный с дубовыми стрелами с тупыми свинцовыми наконечниками. Эти тяжкие стрелы Антэроту предназначили Мойры, чтобы он возбуждал особое отвращение в любви неистовое, яростное. Чаще всего старец Антэрот с вечно горящими глазами порождал страстное, всепоглощающее желание погубить того, кто тебя лю-

бит. Нет вражды более злобной и страшной, чем та, которую порождает ненависть в любви!

435. Геракл пленяет задумавшую его убить Иолу

Когда к Гераклу привели еле живую после падения со стены Иолу, в ее пышных волосах был спрятан небольшой обоюдоострый нож, замаскированный под заколку из светлой, как ее волосы, кости слоновой. Дева собиралась отомстить за отца и братьев, безвинно погубленных сыном Алкмены. Однако вездесущие Мойры не допустили такой смерти постыдной для величайшего героя Эллады.

– Тебя, только тебя, Иола, люблю и буду любить всегда! Прими ж мою любовь в залог грядущей верности и будь царицей. Я – победитель мира, слава Греции, я сделаю тебя супругой и буду всегда любить и чтить так преданно, как никакую женщину во всей Элладе не почитали...

Так было начал говорить Геракл голосом, срывающимся от нестерпимой страсти, но Иола его злобно перебила:

– Ты предлагаешь мне принять убийством братьев, кровью отчею запятнанную руку с палицей проклятою? Нет, никогда! Скорее навсегда погаснет солнце! Ты залил кровью царство, отнял братьев, отчий дом, отца! Одно лишь ты оставил мне: отчаянную ненависть к тебе! Уже давно не слава ты Эллады, а бесславие! Уйди бесчестье века, исчезни, пропади! Тебя я ненавижу, как жадного до крови зверя и презираю как мужа мерзкого так, как ни одна женщина в мире...

– Усмирены и суша мною, и пучина вод, узнала мою силу преисподняя: достойного труда мне в мире не осталось, только ты. Желаете ты, чтоб я взял тебя силой?! Знаю я, что насилье всем красавицам мило – то, что сами хотят они дать, под принуждением охотней дадут. Пусть будет так, как ты хочешь...

Начавший бодро Геракл, вдруг словно споткнулся, как будто не знал, что дальше делать, хоть и делал это не однажды и, пряча от Иолы глаза, как будто нехотя молвил:

– Тело есть у всех, но у девушек оно гораздо лучше, чем у других людей, а твое тело самое прекрасное в мире. Ты мне желанна в любой одежде, но желанней всего совсем без одежды. Любви присуща нагота, ибо она творит красоту, красота в видимом не сокрыта.

Так похотливо начал и так высокопарно закончил Геракл говорить, глядя, уже не отрываясь на Иолу, которая после падения со стены вынуждена была стоять перед ним со связанными сзади руками. Наверное, он воображал девушку совсем обнаженной. Она стояла, выгнув поневоле небольшую грудь, высоко подняв гордую голову и молчала, как бы не слыша, что говорит Геракл. Дева презрительно оглядывала все вокруг себя, не задерживая взгляда на Геракле, как будто его не было в комнате.

Глаза Геракла то зажигались, то тухли, он прикусил губу и у него начал сильно подергиваться искривленный в поединке с Термером нос. Казалось, что в нем в нем борются и любовь,

и похоть, и страх, и гнев, и побеждает то одно, то другое. Он мощным рывком, не развязывая узлов, разорвал на руках девушки веревку так, что она вскрикнула от резкой боли и, отбросив ее, злобно крикнул:

– Я прошу..., ах, ты не хочешь, тогда я, как твой господин, приказываю тебе снять всю одежду...

Тут Геракл вдруг зажмурил глаза и, схватившись за голову, тихо прошептал:

– Ну, подари мне хоть самую скромную ласку...

Иола же по-прежнему пустыми глазами смотрела мимо него, и он опять озлобился и закричал, а потом язвительно засмеялся:

– Ты не хочешь меня, даже не замечаешь? – Меня – величайшего героя Эллады?! Что ж, сейчас заметишь, когда в теле упрямом своем ощутишь! Когда девы сами не желают раздеться, я им с огромным удовольствием всегда помогаю. Запомни: лед твоего нежелания, твое презрение брезгливо – молчаливое только еще больше разжигают бушующее пламя моей страсти!

И Геракл начал грубо срывать с девушки одежду, включая спасшие ее колоколообразные юбки. Дева лишь содрогалась от его прикосновений, как от мощных порывов ураганного ветра. Когда он сорвал с дрожавшей от ужаса девы последнюю повязку, она одной рукой прикрыла грудь, другой – лоб и, вздохнув полной грудью, собралась с последними силами, чтобы выхватить из волос заколку-кинжал и вонзить в

ненавистное сердце врага.

436. Овладев Иолой, Геракл рыдает

И тут непреложная Мойра Лахесис возбудила в Геракле настойчивое желание распустить светлые волосы девы, забранные в узел и висевшие небрежными космами сзади. Он оборвал тонкий шнур на затылке, державший длинный хвост светлых волос и, заметив в волосах необычную заколку, протянул руку, чтобы ее рассмотреть.

Девушка, дрожащая от ненависти и изнуренная страхом, горестно вскрикнула, поняв, что основанный на внезапности план ее провалился. Она отскочила в сторону и на виду у Геракла выхватила нож и отчаянно замахнулась на насильника, но было поздно – ожидавший этого Амфитрионид двумя пальцами легко вывернул ей руку с издевательским хохотом, и нож-заколка выпал из слабой девичьей руки.

– Глупая, таким ножом меня можно лишь оцарапать. Сейчас гордячка, я сделаю тебя женщиной. Хоть против воли, но я буду первым твоим мужчиной. И пусть потом хоть рухнет мир!

Увы, великая Эллада! Плачь и стенай! Благочестье пало, поверженное в прах и растоптанное грубой стопой героя, могучеством всех превзошедшего! Твой самый яркий цвет давно цветет лишь для себя.

Эврита юная дочь сражалась с могучим отпрыском Зевса как дикая кошка – она бешено извивалась всем своим те-

лом девически гибким, била коленями и локтями, пыталась ногтями вырвать ему глаза и впиться ему в горло зубами, но все было тщетно. Геракл сначала с ней боролся со смехом довольным, однако, когда она сорвала с него парик и увидела его лысую голову, покрытую редкими короткими седыми волосками, он, не раздумывая что делает, ударил ее ладонью так сильно, что она далеко отлетела и, упав на пол, как бездыханный сноп, надолго духа лишилась.

Мрак безжизненный, густой и тягучий, подавивший надолго рассудок, покрыл глаза юной Иолы. Выдохнув до дна потрясенную душу, безмолвно навзничь от удара она повалилась. Когда ночью Иола очнулась, и несгибаемый дух в ее сердце вернулся, она с сухими глазами попыталась вскочить с ненавистного ложа, но голова закружилась, и она бессильно упала. Тогда она сколько могла приподнялась на локте, плюнула спящему рядом Гераклу в лицо и срывающимся голосом громким сказала:

– Презираю тебя, омерзительное чудовище. Не мужчина ты, зверь змеиной породы, ведь истинный стыд не ведом тебе, и правде ты не причастен, ибо все в разнузданной жизни бесстыдной ты привык брать своей силой звериной. Я в рабстве невыносимом жить еще остаюсь только за тем, чтоб твою смерть мучительную с радостью жестокой увидеть, ведь не может земля такое чудовище долго сносить... А если у меня от тебя ребенок родится, то я колхидской Медее не уступлю и мерзкое твое отродье своими руками зарежу иль задую.

шу!

Чудовищ бывший смиритель, вмиг проснувшись, с ложа вскочил с диким воплем и на улицу выбежал не одетым. Некоторые говорят, что до самого рассвета слышали в этой безумной ночи душераздирающие рыдания Геракла:

– Боги, что этой ночью в грудь вы мне вложили?! Старуха Лахесис, что ты с мерзкими сестрами выпряла мне и наткала! Что сам я наделал! Сам я чудовище, и это чудовище меня победило!.. Как убийственно я влюбился! Сердце мое на клочки разрывается!

Утром он не мог на Иолу даже смотреть и приказал отправить ее как можно быстрее вместе с другими рабынями – эхалийками к Деянире в Трахин, сам же пошел на эвбейский мыс Кеней. Там Геракл, как безумный, хватал огромные валуны и перетаскивал их в кучу. Так, обливаясь соленым потом, он воздвиг из мрамора и камня новый пышный алтарь Зевсу Кенейскому и успокоился.

Собираясь совершить жертвоприношение, Геракл послал в Трахин своего верного посла – глашатая Лихаса, чтобы тот привез ему для обряда праздничный хитон и гиматий и препроводил многочисленных пленных, среди которых была и Иола. Она шла в толпе с гордо поднятой головой и с презрительно сверкающими глазами, но нежные губы, искривленные в небрежной улыбке, горестно шепотом причитали:

– О, проклятая моя красота, как же я тебя ненавижу, только от тебя сгинул наш род. Из-за тебя довелось мне увидеть,

как отец мой любимый погиб и милые братья, как смертельные удары дикой дубины их тела по дворцу разметали. А теперь ты в рабстве позорную смерть уготовила мне, за то, что Алкиду отец меня не отдал, побоявшись взять в зятя негодяя.

437. Деянира отправляет Гилла на поиски Геракла ^[67]

Никогда раньше Геракл не покидал Деяниру, уходя трудиться или совершать подвиги, в такой тревоге, как в последний раз. Всегда уверен был в себе духом отважный герой, по силе сравнимый только с богами, верил все время, что он в походы идет только лишь побеждать. Теперь же, он словно попрощался с супругой. Он даже оставил жене при их невеселом прощании воцеленную дощечку со старинными письменами, данную ему жрецами в древнейшем оракуле Зевса в Додоне. На этой дощечке определил он вдовый и детский надел – сколько каждому в наследование земли он оставляет. Так же Геракл и срок супруге указал такими словами:

– Внемли мне Деянира и хорошенько запомни: если, перешагнув пол столетний порог, я на чужбине сверх года еще пробуду три месяца, то это значит, что я погиб, или же, наоборот, смерти нежданной сумел избежать и скоро буду дома, чтоб многострадальный жизненный путь в заслуженном покое не спеша завершить. Это божье слово мне в Додоне давным-давно священный дуб открыл старинный устами двух черных пророчиц-голубиц. И ныне срок тот наступил, и слово бога исполненья ждет.

Не проходило ночи, чтобы тревожащаяся Деянира не

вскакивала с постели в испуге, при одной лишь мысли, что может вдруг лишиться она храбрейшего мужа на свете и, не замечая, что делает по несколько раз заплетала и расплетала свои толстые косы и так разговаривала сама с собою:

– Больше всего израненную вечным ожиданием душу мою проклятая неизвестность томит, глухой изнуряет тоской и мучает нескончаемой болью. Перед взором моим все время муж любимый встает. И сейчас его смятение вижу, словно прощается он со мной навсегда. О боги! Другого такого мужа – героя мне никогда не найти, и я без него остаться страшусь!

Не в силах больше томиться, Ойнеида рассказала о своих беспокойных страхах и гнетущих предчувствиях своему старшему сыну Гиллу. Добрые чистосердечные глаза на ее всегда открытом простодушном лице, как будто, просили милого сына отправиться на розыски пропавшего отца, а простодушные губы откровенно шептали:

– Сын мой любимый! С тобой хочу поговорить я об отце. С тех пор, как он меня избрал в супруги, страх за него – мой вечный спутник, и так за годом год тревогой я томилась. Детей своих – и тех он редко видел; так пахарь свой надел к посеву лишь и к жатве посещает. Лишь в дом вернется – глянь: опять куда-нибудь стремится. Ныне ж, как никогда, боюсь я за него. Ты сам прекрасно знаешь, что уж давно отец твой пропадает на чужбине, и оба мы не ведаем, где он сейчас и что с ним случилось? Но ты еще не знаешь, какое пророчество он мне поведал перед тем, как дом покинуть!

Знай же, что в этот раз он либо жизни доблестной лишится, либо смерти безрадостной опять сумеет избежать, и тогда все остальное время, что своевольная судьба ему определила, он в счастье продолжительном пробудет вместе с нами. Срок ныне тот пробил, день наступил решающий. Без вести все мы уж пятнадцать лун, и теперь отца надо искать, и кто же это сумеет лучше сделать, как не ты – сын его родной? Ужели ты на поиски не поспешишь, а вдруг ему нужна поддержка, ведь столько зла повсюду людей подстерегает, а он герой особый, всю жизнь чудовищ истреблявший и злодеев.

Гилл ласково посмотрел на Деяниру такими же синими, как у отца и матери глазами. Подойдя к ней и нежно обняв, он погладил ее чуть выющиеся каштановые волосы, как всегда, аккуратно расчесанные и в косы тугие сплетенные, поцеловал родинку между ее бровями и решительно так сказал:

– Конечно, мать, я готов отправиться на поиски родителя прямо сейчас; я бы пошел и раньше, если б знал, то предсказанье. Ведь до этих пор отцу, герою величайшему Эллады, всегда сопутствовал успех, и нам бояться за него не приходилось. Теперь же, зная, что ему грозит особая опасность, без промедления я поиски начну, и не оставлю их, сколько бы они не длились, пока всей правды я о нем не разузнаю.

Сама благочестивая и в мыслях, и в делах Деянира и не ожидала ответа другого от милого сына. Она, обеими руками взяла его за плечи и, глядя в любимые сыновьи глаза, с довольной улыбкой ему провещала:

– Иди же, сын мой, прямо сейчас, не медли. Сам ты будешь рад счастливой вести, когда отца найдешь здоровым.

И Гилл, покорный воле матери и своему тревожному желанию, отправился в далекий путь в Эхалию, искать давно не подающего вестей отца.

438. Деянира узнает, что Геракл жив и здоров ^[67]

После ухода сына на Деяниру опять нахлынуло смятение и тревога, и слезы заструились из ее потухших глаз, опять она была в тоске беспросветной, изнуряющей душу, как птичка одинокая в опустевшем зимнем лесу. Все думы ее занимал последний день, когда она видела своего супруга – героя великого, непобедимого смирителя чудовищ и благодетеля всех людей, не покидает ум тревога и печаль; истомленное бесконечным мучительным ожиданием сердце чует беду.

Когда однажды утром к Деянире во дворец прибежал вестник громкоголосый и сообщил ей, что от Геракла прибыл посол Лихас и скоро придет к ней, сердце ее, как птичка в тенетах беспокойно и гулко забилося. Но глашатай, увидев, как загорелое лицо Деяниры вдруг сильно побледнело, поднял в радостном приветствии руку и поспешил ее успокоить, выговорив оживленно долгожданную весть:

– Моя царица! Я рад избавить тебя от беспрестанного страха и тревоги за любимого супруга. Знай, что Лихас объявил во всеуслышанье, что Геракл жив и здоров и, как всегда, силен и бодр. Он победил своего давнего врага Эврита и славную добычу шлет родным Трахина божествам. Уже недолго ждать осталось, и твой супруг желанный домой ско-

ро вернется с победоносной ратью. Глашатай Лихас всем нам эту счастливую весть поведал, и я к тебе бежать пустился, чтоб первым порадовать тебя добрым известием о муже и этим твою милость заслужить.

– О Зевс, властитель Эты заповедной! Ты поздний мне, но светлый дар прислал. Певцы запойте же скорее радостную песню! Нежданным солнечным лучом весть долгожданная явилась во дворец и жизнь в меня вдохнула.

Деянира заспешила из дворца во двор, чтобы быстрее встретиться с послем от мужа, и ей его не долго ждать пришлось. И вот уж к ней подходит глашатай Лихас, которого она прекрасно знала, как друга старшего и опытного воспитателя Гилла. И вот уж с нею рядом высокий и нескладный, жилистый, худой, узкий в плечах и длинноногий вестник мужа. Лицом посол был очень смугл, длиннонос и чуть-чуть ряб. Явился он в сопровождении целой толпы пленниц, и Деянира приветливо к нему с улыбкой светлой обратилась:

– Радуйся, Лихас! Тебе, глашатай, мой привет сердечный! Давно я жду, когда ты радость мне доставишь известием бесценным о горячо любимом муже.

– Радуйся царица! Да, госпожа моя, приветствую тебя всем сердцем и сообщаю, что жив – здоров Геракл. Цветущим, сильным, без следа болезни его в Евбее я оставил. В честь Зевса там он новый жертвенник воздвиг своей рукой и сейчас рощу освящает. Мне приказал ему доставить для обряда праздничный хитон или гиматий.

Деянира, жалостливо оглядывая толпу пленных женщин и детей, бредущую, словно овечье стадо, участливо спросила Лихаса:

– А кто эти несчастные, скажи мне, и откуда? Мне очень жаль их – если жалость тут вообще уместна.

– Те, что ты видишь пред собою, простившись со светлым счастьем, в незавидной доле сюда пришли. Их муж твой, взяв Еврита град, богам бессмертным воздаянием избрал и заслуженной себе добычей. Геракл сюда направил их, и его приказ сейчас я честно исполняю.

Потупив взор, нехотя ответил Лихас, но ликующая Деянира, не заметив непонятого смущения глашатая, живо воскликнула:

– Ах, жалко мне, так жалко на них мне смотреть, на сирот этих горемычных, теперь бездомных, уведенных силой в страну чужую. Давно ль еще они цвели в свободной доле среди своих? Теперь их ждет лишь рабство беспросветное! О Зевс-вершитель судеб! Не приведи увидеть мне такого ж гнева твоего на тех, кто мной рожден! Такой боязнь и трепетом всех членов меня наполнил вид печальный этих несчастных, сбившихся в толпу.

Тут царица заметила среди пленниц очень красивую юную девушку царственного вида в богатых, хоть не чистых и рваных одеждах, совсем не похожую на остальных женщин, ставших рабынями.

– Ах, кто это, красавица совсем молодая? Даже рабство не

омрачило ее красы сияния небрежно благородной. Она девица иль матерью стать уже успела? Не говорит о материнстве ее стройный гибкий стан... и столько благородства в ней врожденного, хоть волосы давно не чесаны и на плечах раскиданы небрежно... Кто, Лихас, эта пленница в богатой, но изорванной одежде? Скажи мне! Кто мать ее? Как звать ее отца? Скажи! Всех боле тронута я ею: она одна достоинство хранит, сверкая гордыми очами и на лицо не опускает покрывала.

Голос посла вдруг изменился, стал не довольным и сердитым:

– Почем мне знать про всех рабынь? К чему выпрашиваешь ты, царица, словно подозреваешь меня в постыдной лжи? Наверное, это евбеянка – и по одежде, видно, не простая. Она ни с кем совсем не говорит, словно немая иль в рот воды набрала. Ни слова одного она не проронила на всем пути. Она лишь слезы льет безмолвно с той поры, когда добычей всем ветрам свой отчий дом оставила.

Посол старался не смотреть на Деяниру и все время морщил свой рослый нос и касался длинным тонким пальцем уха.

– Несчастливая! Как мне ее жаль! Пусть входит с миром в дом мой эта чужестранка. Я не хочу добавить новых ей страданий: довольно, видно, она уж натерпелась. А мы с тобой давай расстанемся на небольшое время: тебе собраться, Лихас, надо в обратный путь, мне – к встрече мужа дом готовить

и послать ему подарок, за которым ты приехал.

439. Деянира узнает, что Геракл влюбился в Иолу^[67]

С грустным состраданием воскликнула Деянира под влиянием Симпата и медленно направляясь в свои покои. Лихас ушел с пленными во дворец знаменитый хозяином, а Деяниру неожиданно задержал ее второй вестник всегда звонкоголосый, а теперь обратившийся к ней голосом глухим, печалью наполненным и нескрываемой скорбью:

– Не торопись, царица во дворец. Дай пленницам уйти, и ты узнаешь, кому ты в дом сейчас войти позволила. Ты от меня узнаешь все, что от тебя намеренно скрывают. Я слышал, что тебе сказал глашатай Лихас. Он весь рассказ свой вел по колее кривой неправды, а правды путь всегда прямой и неизменный. Он или ныне стал гонцом коварным, иль лживым вестником является давно. Меня открыть тебе всю правду святая справедливость принуждает! Узнай же, почему престол Эврита твой муж великий ниспроверг и стены срыл Эхалии, сравнив ровень с землею. – Эрот из всех богов самый могучий его на этот подвиг бранный вдохновил. Вначале, словом, он склонить пытался Эврита, чтоб дочь свою родную ему для тайных наслаждений дал, но получил решительный отказ. Тогда, предлог пустой придумав, он двинул рать на родину ее. Царя-отца и братьев он лютой смерти пре-

дал, разрушил город, а дочь красавицу с глазами гордыми и гибким стройным станом, наверное, ты видела в толпе рабынь. Ее он в дом к тебе прислал, и не рабой смиренной! Прости царица, что я решился все тебе открыть. Тебя рассказ мой очень огорчил, я вижу: что же делать! Сама желала ты услышать правду, и я ее тебе сказал.

Сердце в груди Деяниры обомлело от бледного страха, словно из груди на землю выпало, внутри оставив зияющую пустоту. Сильный трепет ее всю охватил, она была, как лань, которая в чаще леса густого до дрожи напугана многоголовым собачьим лаем.

Тут Лихас, собираясь в обратный путь, к царице подошел, чтобы узнать, что передать Гераклу на словах и напомнить о праздничном хитоне. Деянира дрожащим грудным голосом опять спросила у него про пленницу с заносчивой осанкой, и тот опять ответил со скрытой досадой, что ничего о ней не знает.

Тогда стоящий рядом царский вестник, не удержавшись, громко крикнул:

– Как можно так бесстыдно лгать своей царице?! Не вестник ты – обманщик наглый и заслужил за это наказание.

Тут и Деянира стала требовать, чтобы Лихас рассказал ей всю правду, но посол Геракла, нахмутив брови и стиснув зубы, молчал, словно полный рот воды набрал. Тогда царица призвала на помощь самого Кронида:

– Такой для людей установлен закон Громовержцем: Зве-

ри и птицы, и рыбы, пощады не зная, пусть поедают друг друга: сердца их бездушные не ведают правды. Людям же правду Зевс даровал – высочайшее благо. Если кто, истину зная, правдиво все говорит – светлое счастье тому посылает Кронид. Кто же в речах с намереньем лжет, попирая тем справедливость, того Зевс покарает жестоко.

Поскольку даже после этого Лихас не желал правды открытой и молчал упорно, супруга Геракла решила подступиться с другой к нему стороны, проявив несвойственное ей лукавство:

– Лихас, ради Зевса, чей перун сверкает с вершины Эты: открой мне все!.. Глашатай, милый, послушай меня и к тому, что скажу, отнесись со вниманьем! Всем будет лучше, если сейчас ты мне всю истину откроешь! Ведь не пустой ты женщине сейчас внимаешь. Я знаю сердце человека; знаю, что самой природой не дано ему всегда одним и тем же увлекаться. А тут еще – Эрот сладкоистомный со стрелками своими. Кто с ним дерзает тягаться силой, как борец в палестре, тот уж точно безрассуден. И богами он державно правит прихотью своею, и смертными людьми, и я сама его извела законы. Мне ль мужа своего корить, великого героя, что и он болезни сладостной безропотно отдался? Иль ту бранить, что угасшую страсть в нем пробудила, в которой для меня позора нет... Ну, же Лихас, говори, что знаешь, ведь истины ты все равно не скроешь. Подумай сам. Свидетелей не мало – их спрошу иль обращусь к той самой евбеянке с глазами

гордыми и гибким станом. Ты можешь лгать кому угодно, но мне всегда одну лишь правду говори.

Лихас, страдальчески сморщив длиннющий нос и сцепив в замок ладони, молча слушал, а потом махнул рукой и быстро заговорил:

– Царица дорогая! Так слова твои разумны, так далеки от спеси, что больше я молчать не в силах. Да, твой вестник прав. Множество женщин муж твой забрал из Эхалии, сладкой свободы лишив, в рабство за собою увлек. А пленница та с гордой осанкой – дочь Эврита юная Иола. К этой девице надменной Геракл давно уж страстью пылает; из-за нее он утопил Эхалию в бурных потоках крови... Все ж должен за него я заступиться. Не отрекался он от нее нигде, и страсть свою кипучую скрывать мне не велел. Я сам, царица, не решился правдивой вестью не ведающее порока сердце огорчить твое, и тут я провинился – коль вина моя здесь есть.

440. Страдания Деяниры ^[67]

Колени Деяниры совсем ослабели, и она, чтоб не упасть, ухватилась за руку Лихаса. Сердце ее бешено колотилось в предчувствии беды непоправимой, но она сумела, всю волю сжав в кулак, со спокойствием притворным объявить:

– Кричать от ревности бессильной и мужа проклинать не буду я, ведь мой супруг – герой во всем непобедимый и к тому ж любимый и не только мной. Теперь я знаю все и с легким сердцем тебя я отпускаю, но задержись еще немного. Тебе я передам слова приветствия для мужа и праздничный хитон, как дар ответный на дары его. Пришел ко мне ты с полными руками – не следует тебе с пустыми уходить.

Деянира бессильно попыталась пожать локоть Лихаса и нетвердой поступью направилась в свои покои, сама с собою отрешенно говоря:

– Давно уж знаю я, что не владею безраздельно его любовью, но, стиснув зубы, я всегда терпела и скоро мне казаться стало, что терпение вошло в привычку. Теперь же, когда я воочию увидела свою соперницу очередную – такую юную, цветущую..., хоть пленницу, но гордую и царственного вида... Она и в рабстве не теряет красоты, хоть и не прибрана, с небрежностью одета, вся в грязи, но красота сияет и сквозь несчастья..., и я не знаю, что теперь мне делать. Я всегда старалась лучшею из женщин быть, но, кажется, пре-

красная Каллона меня покинула уж навсегда, я блекнуть начала и увядать, а красота Иолы только расцветает и набирает силу.

В своей спальне царица долго глядела на свое отражение в полированной меди и морщилась, словно от телесной боли. Потом, глядя вокруг остановившимися глазами, она расплела косы и с распущенными волосами безостановочно бродила по дому, то скорбно рыдая, то мучительно улыбаясь, то сквозь неудержимые слезы горестно восклицая:

– О жизнь моя пропащая! Я безвозвратно увядаю, таков закон Ананки и что мне делать? Как терпеть такую жизнь? Вот она – рука богов и вещей Мойры пряжа!.. О, род несчастнейший людей, нет его бедам и несчастьям меры... Ведь было время, когда желанной я была наградой для борцов могучих, из-за меня сражался он, и бог речной тогда лишился рога, окрасив кровью эниадский свой поток. И как же я его всегда любила, как свято верила, что вместе мы состаримся и в час единый достигнем самого последнего порога. И вот теперь он все сломал, разбил, разрушил, все погубил. Его вечно алчущий новой любви взор похотливый теперь лишь пленительная юность манит, я ж для него безвозвратно увяла, как облетающий цветок на ветру, осененный блеклой красою. Давно я чувствовала, я женским сердцем ощущала, что он мне тайно изменяет, но в этот раз, как сказал Лихас, он страсть свою могучую скрывать не хочет. И что же теперь будет?! Что будет?!

И вот, когда она опять зарыдала и залилась вся обильной слезой; ее как будто кто-то надоумил из самых высших, подтолкнув под самую руку, и она вдруг, еще не зная почему, воспряла духом и, прекратив пронзительно выть, сама у себя с надеждой спросила:

– Зачем израненную душу я плачем бесполезным насыщаю? Слезы мои сопернице счастливой позволят еще больше наслаждаться своей победой. Вот что-то промелькнуло в голове, какое-то неясное спасенье... но кто поможет мне? ... Мне надо бы придумать что-нибудь самой такое, чтоб моим законным ложем ей было бы не завладеть. Но что?! Кричать ли мне навзрыд о нестерпимом горе или, наоборот, до боли стиснуть зубы и молчать? Все тут бросить и вернуться в отчий Калидон к родителю Ойнею, иль здесь остаться? Уйти самой из дома, ставшего родным иль быть по-прежнему хозяйкою в своих покоях? Со всем смириться или, что есть сил противиться доле своей?

В саднящее сердце Ойнеиды тихо проникла Надежда и, как всегда, за что-то зацепившись, Элпида заставила ее поверить, что еще не все потеряно, и может все наладиться, надо лишь вернуть безраздельную любовь Геракла. Она как будто успокоилась, словно кто-то из бессмертных богов над ней простер свою нетленную руку.

Говорят, что малоумных Надежда делает еще глупее, и вот под влиянием светлой Элпиды Деянира себе сказала:

– А что, если я, уповая на то, что воительницей с детства

росла, изо всех сил буду бороться, и всем покажу, какова оскорбленной женщины сила! Да, я не позволю Иоле братьев родить моим сыновьям, не дам ей стать Громовержца невесткой! Эта Иола кажется мне сейчас уже совсем не такой, какой она мне показалась сначала – не жалости достойной несчастной рабыней. Наоборот, она шла не смиренной походкой, какая бывает у пленных, она выступала с видом надменно – небрежным таким, словно ей страшного горя судьба не послала, шла она поступью гордой. На встречаемых людей высокомерно она глядела, как будто целы высокие стены Эхалии, и братья с отцом ее живы, и это она победила Геракла.

Горестные губы Деяниры опять задрожали, и она с трудом продолжила говорить со своим израненным сердцем:

– Ну, что же что мне все-таки делать?! Теперь мы с Иолой две супруги у одного мужа, и под одним мы одеялом будем ждать любви и ласки одного супруга. Вот такой подарок всеми почитаемый Геракл, мой завидный муж, мне преподнес – за то, что я так долго и так безукоризненно честно, сберегала его дом скитальца! В верности моей никто и никогда не мог и усомниться! Давно уж я привыкла к болезненному непостоянству мужа в любви и потому теперь мне не до гнева... У многих женщин доля смиренная такова... Но как же мне, все зная, с этой девой вместе под единой крышей жить?! А если Иола родит братьев сыновьям моим?! – Нет, это выше женских сил.

441. Деянира решает приворожить супруга^[67]

И тут вдруг Деянира отшатнулась! Как будто божество ее под руку опять толкнуло, но только в этот раз сильнее и этим подсказало как ей поступить, и она громко вскричала:

– О боги! Есть спасение! Как я могла забыть о приворотном зелье, которым одарил меня пред самой смертью в меня влюбленный несчастный Несс. Это зелье все еще хранится в углу самом укромном не царского жилища, а в глубине подвала мрачном, куда луч солнца никогда не проникает. Да! Чтобы вернуть вновь силу супружеской любви, надо мужу послать хитон, напоенный той кровью Несса и семенем его, потраченным впустую.

Царица тут же бросается в подвал, что укрылся в укромном углу жилища царского, кровь Несса достает, которую так долго хранила в маленьком кратере и дрожащей рукой пропитывает клочок белой шерсти зельем и натирает им хитон мужа старательно. Потом она прячет хитон в не пропускающий света ларец и, позвав глашатая Лихаса, обращается к нему с такими бодрими словами:

– Должно быть, ты меня заждался, Лихас, посол наш верный? Прошу тебя ларец вот этот с хитоном нарядным, который я сама соткала из тонкорунной шерсти, вместе с при-

ветом на словах любимому супругу передать. Но обязательно запомни: никто не должен кроме владельца надевать его и видеть. Не должен ни Гелий светоносный наряд увидеть в ларце, ни факела огонь, ни пламя очага, пока он явно, в этом одеянье, его богам в день жертвы не представит. Все это точно передай Гераклу и скажи таков был мой обет: живым его увидев, иль добрую услышав весть о нем – в хитон прекрасный этот его одеть и показать богам слугой благочестивым в великолепном новом облаченье.

– Клянусь Гермесом златожезлым, чью службу я несу, ты мной довольна будешь: Твой ларец я передам нетронутым Гераклу, и передам привета слово, какое мне ты поручила.

– Ну что ж, тогда ступай, больше не медля.

Лихас на своих длинных ногах уходит очень широким, но бодрым шагом, а Деянира довольная, с чуть приоткрытым ртом и круглыми глазами удаляется в свой дом, однако там ее охватывает неясная тревога. Она не может найти себе места и, не зная спокойствия, все бродит и бродит по гулким покоям дворца, таким пустынным и безотрадным без любимого мужа и милого сына. Наконец она остановилась у небольшого окна, в которое все еще заглядывало вечернее солнце.

Тут Деянира увидела клочок шерсти, которым плащ она старательно так натирала, брошенный ею случайно на место, освещенное солнцем, и дико закричала:

– Что стало с прежде белой шерстью?! – Она совсем разру-

шена. Не посторонней силой, – нет! Сама себя, шипя, словно змея, шерсть пожирает, по мраморному растекаясь полу, вскипают клочья красно-бурой пены... О боги! Чует мое сердце, что я не то свершила дело...

И вот к ней в голову пришли те мысли, которые давно прийти могли бы:

– Ведь это зелье пожирает клоч белой шерсти! О боги! Ради чего и за какую милость стал бы тот четвероногий зверь в минуту роковую своей страшной смерти ко мне, виновнице его гибели, так благоволить? Из-за любви последней в жизни, как он сказал? – Нет! Какая там любовь – одно лишь вожделение и похоть зверя. Он своему убийце коварно отомстить хотел и для того так хитро вкрался в мою душу. Все ясно стало мне теперь, но, боюсь, что очень поздно! Да, чует мое стонущее сердце, что мужа своего, никем неодолимого, одна из смертных в целом мире, я сведу в могилу! Хирон был мудрым древним богом, но и его замучила стрелы смертельная отравка. Всем губельно прикосновенье желчи Гидры. Через Кентавра кровь тот черный яд змеи Лернейской прошел; ужель Геракла он пощадит? Как хочется мне в это верить!.. Может быть еще не поздно от злой беды спасти себя и мужа?!

И тогда решила твердо Деянира:

– Сейчас же я глашатая другого, в вдогонку к первому, пошлю к супругу с новой вестью и прикажу ему скакать без остановок. И дальше пусть будет то, что будет! Но, если уже

поздно, и муж мой солнца яркий свет оставит навсегда, я тоже на земле не задержусь даже на день – невыносимо жить в бесславье той, которой честь всех жизни благ дороже.

А в это время посол Лихас, с даром ужасным, к Гераклу, чтобы подарок жены ему как можно быстрее вручить, мчался на своих длинных ногах, словно вызывающий бури стремительный ветер Зефир.

442. Геракл приносит жертвы за взятие Эхалии

(Рассказ Иолая)

О последнем жертвоприношении Геракла его милый племянник и возлюбленный друг Иолай так часто рассказывал детям его – Гераклидам:

– Покуда с нами на земле Геракл жил, его труды делил я, как никто другой и знаю все и помню, как будто это было только, что вчера. Теперь он в горних – я же охраняю вас, его законных сыновей. Пожалуй, как бессильный старец, сам нуждаюсь я в охране, но вам, что помню, поведаю все откровенно, без утайки. Мне очень трудно это говорить, но я скажу все, что запомнил о том, как в своей жизни приносил он жертву самую последнюю.

Посвятив алтарь гранитный и рощу освященную на Кенейском мысе родителю великому Зевсу, дядя мой вместе с самыми верными спутниками и, конечно, со мной, благоговейно готовился к благодарственной жертве за взятие Эхалии. Незадолго до жертвоприношения он мне рассказал, что ночью случилось с ним и с Иолой, и я как мог его успокаивал, помню я несколько раз ему повторил:

– Все образуется, ведь и сам Эрот-Любовь жестоко мучил свою возлюбленную Душу – Психею, золотые крылья ей обрывал, потом за обрывки крыльев держал над жгучим огнем

своего ярко пылающего факела.

Он больше всего хотел очиститься от этой ночи, как от скверны самой ужасной во всей его жизни. Я сам чисто омыл и благовонным маслом, блестящим с ног до головы натер прекрасное дядино тело, когда он кинул слугам для стирки свою знаменитую каменную шкуру Немейского льва, столько раз спасавшую ему жизнь, что он называл ее не желтой, а золотой. Чистый и благоухающий мой дядя любимый с каким-то особенным удовольствием надел переданный Лихасом от супруги праздничный хитон на свою прекрасные могучие плечи.

Увенчав венком голову, дядя, чисто омытый, в изумительном новом хитоне явился вместе со мной на жертвенный мыс, не спеша совершил возлиянье на новый алтарь, опять омыл свои необорные руки и, воздев их к небу, торжественно начал молитву:

– Зевс, мой великий родитель, из бессмертных богов самый могучий! Ты, чернотучий, живущий в прозрачном горнем Эфире, на нетленном Олимпе мощно царящий! Внемли мне, не отвергни этой молитвы. Вчера ты возвеличил меня, поразив эхалийцев за бесчестье Эврита грозной бедою. Даруй же своему смертному сыну Гераклу еще много таких же блестящих побед, укрась его еще более громкою славой! Пусть кровь моих всех врагов, вот как это вино, всегда широко по земле разливается, пусть их жен полногрудых и юных дочерей чужие мужи на свои постели возводят!

Окончив молитву, мой дядя любимый еще раз, руки омыв, сам ячменем и солью приготовленных для жертвы быков щедро осыпал. Срезав клоки шерсти с головы у быков маленьким острым ножом, бросил все в ярко пылавший огонь. Помогавшие ему юноши тоже помолились и осыпали зернами первую жертву. Приблизившись быстро к первому быку-пятилетку, могучий мой дядя шею ему не стал задирать а, возлив вино меж серповидных рогов, нанес сзади рогов по затылку ему сильнейший удар лабриса огромного лезвием изоострым. После того, как оглушенный бык пал на колени, он, разрубив двойным топором толстой шеи все сухожилия и позвонки, мощную силу быка мгновенно расслабил. Тут все радостный крик испустили, а мой дядя, оставив лабрис, нож огромный и острый быку в горло вонзил и мигом губительной медью его перерезал.

Когда же темная вытекла кровь и дух быка его мясо и кости оставил, тотчас двое спутников наших начали здесь суетиться – с туши они кожу содрали и на части ее разделили. Тушу разделав и, вырезав бедра так, как древний обычай велит, обрезанным жиром в два слоя их обернули и мясо сложили на них остальное. Окропляя багряным вином искрометным, начали бедра сжигать для богов и потрохи для себя жарить на костре из сухих и безлиственных толстых веток и сучьев. Потрохи жертвы проткнули и стали держать над разгорающимся Гефестом, и заструились в эфир благовонья и дым жертвы, блаженным бессмертным угодный.

Дядя же, разрезав шею быку одному, не принял участия в освеживании его туши и сразу перешел ко второму. Он опять помолился, на этот раз совоокой Афине-Палладе:

– Неодолимая дочь Эгиоха-Зевеса, внемли мне! Радуйся пышной жертве, Афина! Тебе я всегда приношу лучших животных сразу после жертвы отцу! И сейчас широколобого в жертву тебе трехлетку быка я принесу, под ярмом не бывавшего в жизни ни разу. Позолотив ему крутые рога, радостно я тебе принесу его в жертву. Не однажды ты мне благожелательно уже помогала и мудрым советом перед подвигом трудным и доблестным делом в битве пылающей! Будь же и дальше ко мне благосклонна, Афина! Молю тебя, в моих трудах помощница надежная, Воительница-дева, на чьей груди Эгида с ликом Горгоны, в камень всех превращающим. Дай мне и дальше убивать всех врагов, как убил я Эврита, подводи их под мои стрелы и под дубину из дикой оливы. Даруй мне еще больше чести и славы ярко сияющей!

Так, в присланном супругой хитоне двенадцать отборных быков, белых, не знавших ярма, мой дядя заклал, почин богатой добычи. Всего же гекатомбу из блеющих коз и круторогих быков без порока привел он на мыс...

Я и сейчас закрываю глаза и вижу, будто это было только вчера, как с просветленной улыбкой, он молитву возносит к бессмертным богам и при этом гладит новый хитон, видно было, что в душе, одежде праздничной, новой, он радуется, словно малый ребенок. Никогда никому я не рассказывал,

что тогда, в самом начале, обернувшись ко мне, он усмехнулся в бородку и мне сказал тихо, чтобы другие не слышали:

– Иолай, любимец мой, запомни: нам бессмертная слава вознесется до небес не в молитвах наших, а только лишь в силе наших рук и в мощи нашего духа.

Потом дядя уже громко добавил, чтоб слышали все:

– Иолай, мой верный соратник, больше не медли, мой триумф возвести и быков по одному ко мне подводи!

После того, как забил и зарезал 12 быков, мой дядя любимый к костру подошел, где жарились бедра быка самого первого, чтобы отведать его потрохов. В это время солнце взошло высоко, и стало жарко. Огонь жертвы священной тоже пламенно разгорелся, и пот всюду начал выступать на дядином теле, и новый хитон, запятнанный жертвенной кровью, к его коже везде плотно прильнул... Все, что дальше случилось, я никогда не рассказываю до конца – сердце стенает...

443. Смертельный удар Могучей Судьбы

Яд из желчи Гидры, обитавшей в Лернейском болоте, постепенно разогрелся и вот, растворившись от жара, широко устремился сквозь кожу внутрь тела Геракла и по всем его членам разлился. Нежданная боль, словно сотня кинжалов, страшно пронзила все могучее тело героя, проникнув даже в мозг головы и всех больших и малых костей, и стала все разгрызать вокруг себя смертельная отравка, словно изголодавшийся лютый зверь. Такая боль ворвалась в него, какой от меча или стрелы он никогда не испытывал.

От боли этой Геракл сначала не мог ни слова сказать. Он сколько мог, привычным мужеством все стоны, невольно порывавшиеся тут же, подавлял, но боль, этот посол ужасный ада, все же сломил всегда негиббаемый его дух. И вот алтарь отбросил от себя герой несчастный и неразборчивыми восклицаньями сначала начал гору Эту оглашать, которые потом уж превратились в душу раздирающие вопли. Терпеть уже было больше невозможно.

Впервые люди увидели, чтобы Геракл не смог чего-то. Он с тела попытался силой сорвать хитон, но ткань отдиралась лишь с кусками кожи, жил и мяса. Все тело: грудь, спина, и руки, ноги, все пожиралось и горело неистово пылавшим огнем. Кожа и жилы, в яде сгорая, потрескивали, словно су-

чься сухие в пламени ярком костра. Геракл простер к небесам могучие руки и так надрывно завопил, что воздух сначала, а потом и горы высокие содрогнулись от мощного гулкового эха:

– Возрадуйся Гера! Наконец, ты дождалась, к чему все время безудержно так стремилась! Мучительной болью моей теперь усладись, богиня свирепая! С высоких небес, о царица жестокая, нестерпимую мукой моею злорадно любуйся! Зверское сердце свое мщением долгожданным вдоволь насыть! Танец победный, царица, исполни так, чтоб под твоей тяжелой стопой весь Олимп задрожал от самых вершин до подножья. Неутолимое желанье твое все же свершилось. Гера, так заверши то, к чему ты полвека стремилась: бессмертную душу мою вырви сейчас же из брэнного тела и низвергни в Аид!

Но никакого ответа на свои протяжные вопли сын Алкмены не получил. Пасмурное небо, как необитаемое, упорно молчало.

Тут Геракл увидел рядом с собой трепетавшего от смертельного страха, словно высохший лист на осеннем ветру, посла Лихаса. Безумные мученья в этот миг быстролетный все неистовство пробудили в герое, и он яростно завопил:

– Ты виноват, проклятый негодяй, ты этот хитон мне принес. Отвечай: зачем ты это со мной сотворил?

Смертельно испуганный глашатай, весь побледнел, его кожа на костлявом лице стала, как только, что выпавший снег, он сквозь крупную дрожь на вопрос своего господина неяс-

ным шепотом пытался отвечать, то вместо этого, лишь бессвязные слова извинения под нос себе бормотал. Округлив глаза, в испуганном недоумении бедный Лихас, кое-как ворочая языком, с огромным трудом, наконец, выговорить сумел несколько внятных, разборчивых слов:

– Мой господин! Прости меня, но я, приказ царицы исполняя, этот хитон тебе вручил, как ее дар супругу.

Геракл, услышав эти слова, заорал, как безумный. Посол несчастный, не зная, что и предпринять, уже хотел ему обнять колена и о пощаде умолять, но гневный отпрыск Зевса схватил его за ногу в том месте, где голени вращается сустав, и бросил со всего размаха о высокую скалу, что одна возвышалась среди разъяренного моря. Расколелась, как орех, несчастного глашатая глава на несколько осколков, и вытек облитый кровью порозовевший мозг.

С громом ужасным нагнанные бурным ветром огромные волны с валунами сшибались на берегу, на мелкие осколки дробились, и выше утесов брызг фонтаны скакали и пеной соленой плевались. Говорят, что между охваченными бурей небесами и морем вечно шумным стал твердым Лихас, и превратился в гранитный утес, при этом тощего человека очертания сохранив.

Заголосили громко люди: двойное горе! Всюду ужас: смерть Лихаса, Геракла безрассудство! Никто приблизиться не смел к безумному, но все еще могучему герою. Метался он неистово как страшный ураган, то вскакивал и прыгал, то

падал в прах, со стоном, с ревом, и вторили ему вокруг все склоны горные и скалы. И долго так метался он, то страшно плакал и стонал, как отрок, то, как зверь ревел. Сквозь вопли можно было разобрать, как свое ложе он проклинаяет, и свадьбу у Ойнея, которая его и погубила.

Наконец, среди жертвенного дыма, подняв свой взор блуждающий, Геракл на Иолае остановил его мучительно и принялся махать обеими руками, и тот, как будто что-то поняв, сжал сурово губы и в знак несогласия стал головой мотать. Тогда Геракл крикнул:

– Уйди! Я не хочу, чтобы ты это видел!

Потом Геракл приметил рядом Гилла, сын стоял в толпе и тихо слезы лил. Позвав его, Геракл сказал, стараясь говорить спокойно:

– Приблизься, сын мой, не бросай страдальца. Не бойся, хоть я очень болен, но не безумен и вреда тебе не причиню. Ты же безвременную гибель попробуй облегчить мою, и, если сможешь, увези меня туда, где б не увидел смертный глаз мучения великого героя.

Сын в ответ молчал безвольно и все так же исходил слезами. Тогда Геракл воскликнул жарко:

– Ты, что меня не слышишь, Гилл?! Если жалость ты ко мне питаешь, то хоть отсюда унеси меня куда угодно, лишь бы подальше от этих алтарей. Ну же, сын, не дай мне здесь позорно умереть!

Приказ такой услышав, люди осмелели и Геракла на руках

быстро понесли на берег, там на дно огромной лодки осторожно уложили и, поставив парус, под свежим дыханием ветра Зефира переправили домой с безмерным состраданием: в нестерпимых корчах он все время кричал и бился.

444. Гилл обвиняет мать в том, что она коварно погубила супруга ^[67]

Несчастливого Геракла привезли в Трахин на крепкой большой лодке чернобокой, построенной искусно. Мертвенно бледен был Гилл, нашедший отца, наконец, в глазах его обильные застыли слезы. В женские покои прибежав, он увидел мать, с растрепанными волосами, с застывшим взором и с ртом разинутым безвольно.

С неприкрытой ненавистью враждебно сын на мать долго смотрел и потом горестно крикнул:

– О, мать моя злоторная! Уж лучше б я не встретил здесь тебя живой; иль матерью другого ты стала бы пока меня здесь не было; иль сердце свое безжалостное на лучшее ты променяла бы! Скажи мне правду: ты из безрассудной ревности так коварно погубила своего супруга и моего отца?!

– О, горе мне неутешное! О, боги, смилуйтесь, я вас о помощи молю! Какие ужасные слова ты мне в лицо бросаешь, сын мой любимый? Как можешь мать ты обвинять в таком неслыханном злодействе, что я коварно мужа погубила! Я не знаю даже, что случилось с моим супругом и твоим отцом, скажи немедля мне всю правду!

Заламывая руки, в ужасе воскликнула Деянира. По искреннему взору глаз правдивых было видно, что она совсем

забыла о том, что думала сама недавно о коварном даре мстительного кентавра Несса.

Гилл дрожащим голосом, давясь слезами, стал матери рассказывать, что выпало на долю ее мужу и его отцу:

– Перед самым принесеньем жертвы примчался глашатай и посол наш на взмыленном коне. Друг мой и наставник Лихас привез праздничный хитон, посланный тобою в закрытом ларце. Отец снял шкуру львиную и, омывшись, надел этот хитон и в нем после молитвы ранним утром при низком солнце заклал быков 12 круторогих. Когда же солнце поднялось высоко он подошел к пылавшему костру отведать жертвы потрохов и тут почувствовал, что тело жжет хитон, который ты в закрытом ларце послала с Лихасом. Отец пытался силой сбросить этот хитон ужасный, но и его безмерной силы не хватило – он к коже намертво прилип – сорвать нельзя было никак – его куски лишь вместе с кожей отрывались и с кусками мяса, обнажая кости. В страдании безмерном, отец спросил у Лихаса, откуда взял он эту ужасную одежду. Посол смог только высказать, что этот праздничный хитон ему вручила ты. Отец уже, не сознавая ничего от страшной боли, схватил глашатая за ногу и, ударив о скалу, убил. После твой муж – герой великий упал на землю и начал биться в невыразимых муках, все время проклиная брак с тобой. Придя на миг в себя, он с тяжким стоном попросил перевезти его в Трахин, и вот он перед нашим домом, а я здесь пред тобой в твоём покое.

Мать, пораженная словами сына, словно громом, молчала, и Гилл рассказ дополнил такими новыми суровыми словами:

– Сама его увидеть можешь – живым ли, или уже мертвым, я не знаю. Ты ж, мать моя, и в замысле преступном уличена и в совершенном деле. О, пусть за все тебе отмстит карающая Немесида и грозная Эриния, – коль вправе тебя я проклинать. Но нет! Я вправе: ты это право мне сама дала, храбрейшего и лучшего из всех мужей Эллады погубив – равного ему уж никогда не будет на земле.

Деянире показалось, что измученное сердце ее разорвалось на части, и в пустой груди остался только острый, словно иглы, леденящий холод. Кружилась сильно голова, в ней все перемещалось и все вертелось вокруг нее, предметы, люди, потолок и пол местами поменялись. Сил больше не было стоять и говорить. Чтобы не упасть, рукой о стену опираясь, неверным шагом поплелась она в свои покои, ни на кого не глядя, никого не видя, не проронив ни слова.

– Да, иди же с богом поскорей отсюда! А радостью, которою ты мужа одарила, тебе самой я радоваться напоследок пожелаю!

Злобно крикнул сын злосчастной матери вослед и сам, не в силах больше сдерживаться, опять надсадно зарыдал.

445. Самоубийство Деяниры ^[67]

Деянира с окаменевшим лицом, шатаясь, как деревце от ветра, одна вошла под сень некогда любимого чертога, от глаз людских таясь – ей казалось, что все слышали ужасные обвиненья сына, и все ее коварною злодейкою считают. Там она припала к алтарю и, ощущая единенье с богом, дала волю слезам, печалась, что уж никто не будет больше здесь молиться. И долго так она громко рыдала, притрагиваясь холодными руками к разным предметам, что ей досель служили верно. Потом стенанья прекратились, и из очей ее прекрасных беззвучно струились слезы; она скорбела молча о своей женской доле горькой, о муже и о сыне, и о милом доме, отныне прихоти чужой подвластном... Тут слезы вовсе пересохли, и Ойнеида, словно что-то вспомнив, вдруг в порыве быстром в спальню мчится. Там, старательно устлав ложе Геракла, она сама поверх садится и, волю дав опять потокам слез горячих, прошептала:

– Прости, мой дом, из всех ты самый верный, ты один меня не осуждаешь. Прощай навеки; уж никогда не примешь боле ты под сень свою блаженную меня! Прости меня и ложе, ты, что брачный пояс мой распущенным узрело, – прости! Я не сержусь, хоть только ты меня стубило: тебе и мужу изменять я не хотела, но он нас предал и не раз. Теперь ты видишь – я умираю. Наверно, Иоле будешь ты служить – она

верней меня не будет, но она моложе...

И, на постель упав, ее царица горько целовала, и слез ручьи сбегали на постель. Когда же тоскливый плач ее насытил сердце, руки движением быстрым расстегивает плащ она в том самом месте, где на груди блестит застежка золотая, и разом обнажает бок свой левый и левое плечо с прекрасной грудью...

– Я умереть должна! Жить невозможно после того, что я свершила!

Тут в спальню служанка заглянула и обомлела, вмиг догадавшись обо всем, и с криками она помчалась, сколько сил хватало, чтоб об ужасных действиях хозяйки скорей повестить Гиллу. Сын побежал, как только мог, но все ж непоправимое несчастье уже совершилось, и он застал мать мечом двуострым уж пораженной в давно разорванное нестерпимой болью сердце.

Служанка старая, давясь слезами, сказала Гиллу, хоть и слишком поздно:

– Прости ее богоподобный Гилл. Ведь нет прямой вины на ней, – она с душой бесхитростной своей, узнав о Иоле, воспользовалась зельем какого-то кентавра Несса, чтобы Геракла приворожить. Она его еще любила, и сама любимой хотела быть.

И по лицу себя ударив кулаками, Гилл завопил надрывно:
– О, горе мне неутешное! Я виновен в напрасной смерти безвинной матери моей! Ведь это сам я в несправедливом

гневе ее толкнул на злое дело.

Юноша несчастный уж не мог утешиться: он с плачем горестным уста лобзал холодные и родинку любимую на лбу, упав на тело матери, лишенное дыханья, с протяжным стоном:

– Будьте вы прокляты, мои упреки прежние! По собственной вине я сиротою круглым скоро стану, родитель при смерти, а матери уж нет.

Некоторые, как Аполлодор, говорит, что Деянира повесилась, ибо на меч в Элладе бросались лишь мужчины, а женщины петлю предпочитали. Однако Деяниру не зря воительницей люди называли, и мечом она уже в девичестве владеть умела.

Несчастную Деяниру похоронили под горой Эта, близ Гераклеи.

Смерть и обожествление Геракла

446. Страдающий Геракл жаждет мести Деянире ^[67]

Когда воины с суровыми лицами вносили в дом находящегося в тяжком забытьи Геракла, которого сопровождал его племянник Иолай, им навстречу из гинекея бросился весь заплаканный Гилл с перекошенным от горя лицом.

Очнувшийся Геракл, опять оказавшись во власти неимоверных страданий, стал от жуткой боли громогласно так вопить:

– А! о! Иолай, это ты, любимый мой? Уйди, ведь я просил. Ты не должен мои постыдные мученья видеть! Нельзя, чтоб ты меня запомнил таким униженным и слабым! А! о! Как нестерпимо боль свирепая грызет все мое тело, мясо, жилы, даже мозг и кости! Не выдержать такое смертным! О, боги, дайте же мне умереть скорее! Умоляю, выкажите такую милость. Даруйте мне сладкое забвенье вечным сном, в котором этой боли нет! Молю, явите снисхождение – подарите смерть тому, кто для нее рожден! Вцепилась в тело боль невыносимая опять, и с хрустом там шевелится, как острый нож; нутро, как зверь изголодавшийся грызет..., будьте ми-

лосердны, люди, дайте скорее острый нож, возьмите сами в руки меч и помогите мне избавиться от боли! Сыны Эллады недостойные, вам посвятил я жизнь, что прожил без отрады, для вас бескрайние моря и земли от чудовищ очищая. Теперь я сломлен болью несусветною и больше не могу ее терпеть. Ну почему никто из вас не хочет протянуть мне острый нож, чтобы от страшных мук меня избавить! Ну, кто-нибудь, ударьте мне мечом по шее, исторгните одним ударом жизнь постылую из тела!

Заметив сына, Геракл нечеловеческим усилием сумел взять себя в руки и, стараясь говорить спокойно, тихо молвил:

– Сын мой милый, ты хоть один измученного болью пожалей: в порыве благочестия и послушания меч, исцеляющий свой обнажи, и вонзи его мне под ключицу, так ты меня избавишь от страданий жгучих... О брат родителя, Аид, ведь ты из всех богов самый радушный, прими ж меня скорей в своей обители гостеприимной и упокой меня мгновенной смертью.

Гилл только молча слезы лил, невидящими глядя на отца глазами. Геракл же, словно в горячечном бреде или в лихорадке, стал вспоминать:

– О, сколько зол и на руках, и на плечах я вынес! Но никогда ни мстительная Зевсова супруга, ни ненавистный Эврисфей таким страданиям меня не обрекали, как ныне дочь Ойнеева – законная моя супруга с ее притворной кротостью

в стыдливом взоре и смиренной речью! Будь проклята она! О, сын мой милый! Будь же мне достойным сыном во имя справедливости святой! Сделай ради правды то, о чем я попрошу. Пред материнским именем не преклоняйся больше; схвати за волосы и вытащи ее из дома, как мерзкую собаку и приведи сюда, толкни мне прямо в руки. Решись, мой сын и помоги мне совершить самый последний подвиг! О сколько выдающихся деяний я свершил, и нет того, кто б надо мной гордиться победными трофеями дерзнул. А чем я ныне стал? Смотрите люди! Уж я ль сейчас не жалок! Ничтожный – точно ребенок малый иль дева малосильная я с криком слезы лью. А ведь никто не скажет, что слышал раньше плач столь жалобный из уст моих; я всякую беду встречал без стона, грудью, таким я был всегда – сейчас во что я превратился?! И все ж не зря гордилась мной Эллада! Пусть, нечеловеческим страданием вконец истерзанный, я пригвожден к одру, – последних сил мне все же хватит, чтоб отомстить преступнице проклятой! Пусть только она окажется в моих израненных руках, и все кругом узнают, как страшно мстить умел врагам своим Геракл и в светлой жизни дни, и в час кончины страшный.

447. Исполнение древнего оракула

Гил со слезами на глазах о матери своей несчастной, ее судьбе печальной и о вине ее невольной пролепетал, все время скорбным плачем прерываясь:

– Отец, поверь мне... я точно знаю... она лишь приворожить... тебя к себе хотела. Увидев в доме новую невесту Иолу..., она была потрясена... и очень испугалась... И чтоб вернуть вновь силу супружеской любви..., она тебе хитон послала..., намазав его зельем.

– И кто ж в Трахине столь искусный лекарь, который дал ей приворот, от которого я в страшных муках умираю?

Сквозь зубы простонал Геракл с издевкой мрачной, не веря в то, что Деянира его почти уже убила, не желая ему зла.

– Кентавр когда-то Несс ей перед смертью посулил твою любовь вернуть чудесным зельем из семени его и крови.

– Что ты сказал? А, ну, сейчас же повтори! Не может быть! О, ужас! Я погиб, погиб, погиб!!! Вершится Рок неотвратимый! Теперь уже наверняка сияющее солнце для меня закатится за край земли навеки. Теперь никто меня спасти не сможет! Я всегда знал, что в мрачную обитель безмолвного Аида я спущусь не раньше, чем день наступит роковой, и этот страшный день настал. Я понял тайный смысл моих те-перешних страданий!

Тело Геракла содрогалось в рыданиях безумных, и он во-

пил, словно умалишенный:

– Уже давно я обречен самой Судьбой непостижимой на эту смерть! Так страшно мучаясь от боли, я все же ее терпел затем, что в глубине души надеялся, что, вдоволь натерпевшись такой лютой боли, я все же буду дальше жить. И вот Элпида светлая, витавшая незримо надо мной и до сих пор дававшая мне силы не только жить, но и боль, как зверь грызущую, терпеть, теперь совсем меня покинула. Надежда стала безнадежной. Я понимаю ясно, что пришел конец всему, и силы больше не осталось, и боль ослабла неумная потому, что самое плохое уже случилось. Я знаю, что как бы я сейчас не жаждал жить, и чтоб ни делал, смерть неизбежная меня настигнет все равно и уже скоро.

Геракл вдруг успокоился внезапно. Синие глаза, только, что горевшие от боли из – под густых бровей на выступавшем низком лбе, вдруг стали смотреть спокойно, и безмятежно он заговорил, как сам с собою, очень тихо:

– Давным-давно журчанье вешего ручья в Додоне древнем и шелест листьев отцова дуба мне его оракул провещали, что от живых мне пасть Судьбой не суждено. А от того лишь я погибну, кто, сам, изведав смерть, стал вечным жителем Аидовой юдоли. И вот кентавр, убитый мною, во исполнение пророчества, меня живого мертвый погубил... Многоязычный дуб отцов, что пророчески шумит листвой в Додоне, пообещал мне самый полный отдых от всех трудов в этот день, что ныне еще жизнью дышит. На счастье, позднее напрасно

лелеял я надежду, ведь полный отдых означает смерть, – и это очень верно: от всех трудов и бед лишь мертвые вполне свободны. Все предсказания Мойры непреложной так или иначе сбываются всегда, как должно в этом мире, где жутко-ликая Ананке всеми правит.

Умиравший Геракл окинул сына просветленным взором, в котором вся душа до дна светилась, и умиротворенно молвил, протягивая ему руку:

– Гил, милый, будь же ты отцу, стоящему у грозной смерти на пороге, помощником послушным, не допусти, чтоб гнев невольный в устах моих разбушевался: ты должен умирающему уступать во всем, являя тем прекраснейший на свете сыновнего почтения пример. Дай руку мне и поклянись исполнить все, что я тебе желаю перед смертью поручить!

– Меня пугает речь твоя, отец; однако твою волю я, клянусь, исполню свято.

– На самую вершину Эты ты должен на руках своих и избранных друзей, перенести мое больное тело. Затем, срубив с дубов высокоствольных много самых толстых сучьев и много диких вырубив маслин, последнее воздвигнуть ложе страждущему телу и, в руки взяв сосны смолистой факел, ты должен зажечь костер. Заупокойных причитаний я не желаю; без слез, без стонов, коль ты мне сын, надо обряд весь совершить... Не вздумай уклониться – иль из безмолвной тьмы Аида тебе я грозен буду навсегда.

Сказал Геракл дрожащим голосом и на измученном лице

его тряслись все мускулы. Гил же, закрыв крепко глаза, со стуком обхватил обеими руками голову и начал слезно прочитать:

– Что ты сказал, отец такое? Что повелел мне? О, горе, горе, горе мне! Ведь ты велишь, отец мой, твоим убийцей нечестивым стать! Мне это сделать невозможно, я лучше сам умру!

Геракл спокойно выслушал и понял сына. Он не стал ругаться и грозить, а тихо приказал ему:

– Свершить сумеи хоть остальное: сруб воздвигни для ко-стра и перенеси меня, огня не зажигая.

– Лишь бы своей рукой к огню не прикоснуться; во всем другом служить я не устану.

Поспешно согласился Гил и руку, бывшую в залоге у отца, попытался робко вырвать.

448. Геракл просит сына жениться на Иоле

Геракл, сына руку с силой удержав, впился в него глазами и твердо стал слова чеканить:

– Среди эхалийских длинноодежных пленниц дева есть одна, чей род, чью царственность ты по достоинству лица заметишь и по осанке гордой: то дочь Еврита Иола. Когда меня уже не будет, ты эту Иолу, о долге благочестия радея, возьми своей женой. Не дай чужому разделить с той ложе, что у моей груди вкусила сон впервые, хоть против воли, но стала женщиной она. Я перед нею страшно виноват. Послушайся отца и этот брак ты для себя устрой, и мой наказ самый последний не вздумай не исполнить.

Гил, подняв обе руки, как для защиты, попытался слабо спорить:

– Отец, к чему меня ты принуждаешь?! Как мне возможно взять в супруги ту, что мученической смерти матери моей причиной стала и твоих страданий страшных?! Лучше уж и мне, отец мой, умереть сейчас, чем жизни бремя тяжелое нести с такою ненавистною женой!

Геракл в бессильной ярости оскалил зубы, ударил кулаком себя в лицо и грозно завопил:

– Не хочет, вижу, этот человек последнюю исполнить умирающего волю. Не забывай же, что богов ужасное проклятье

за твой отказ родителя предсмертную исполнить волю, нависнет над тобой и будет вечно тяготеть и страшно мучить!

И Гил по воле непреложной Мойры, ему давно соткавшей в полотне Судеб счастливый брак с прекрасной Иолой, смирился:

– Ну, что ж, изволь. Но боги пусть запомнят, что это – твой приказ. Дурным не стану сыном я тебе, отец, последнее твое желание исполню.

– Спасибо за такой конец. Благодарю за то, что перед костром меня ты упокоил. Теперь прощай, сын мой.

По Фотию, Птолемей Гефестион говорит, что Геракл добровольно пал жертвой огня, так как, достигнув пятидесятилетия, не смог согнуть свой лук.

Согласен с Фотием и Лактанций, который говорит, что Геркулес, увидевший, что мускулы его становятся дряблыми и бессильными от старости и кожа в язвах, не захотел лечить себя, ибо в выздоровление от старости не верил. Он не захотел дожить до полной дряхлости, чтобы не увидеть себя совсем слабым и безобразным. Полагают, что поэтому он сжег себя заживо и потом по воле богов вознесся на звездное небо из очищающего огня костра.

Многие, как Дион Христомосом говорят, когда Геракл стал уже не таким быстроногим, стал терять силы, он испугался, что больше не сможет жить, как прежде, возможно, у него была и какая-то неизлечимая болезнь. Неизлечимой болезнью греки часто называли старость. Не желая, чтоб нестер-

пимой обузой стало его дряхлеющее тело, великий герой позаботился о себе лучше, чем кто-либо из людей: он сложил у себя на дворе костер из сухих дров и показал, что даже самое жгучее пламя он не ставит ни во что.

Иолай же говорит, что сам слышал, нагнувшись к губам Геракла, когда тот, уже лежа на срубе для костра, тихо беседовал сам с собой:

– Лишние годы никому ничего не дают. Всякий уходит из жизни, как будто он только родился. Зачем мне в старости жить долгие годы?! – Они больше ко мне приведут тяжких мучений дряхлого тела и скорби духа, чем радостей малых и редких. Убога и бессильна гнусная старость, и мне противны старики, что жадно берегут и тело свое мерзкое лелеют. Только глупцы и трусы, боясь смерти, желают себе долгой старости. В старости тяжелой даже самый могучий герой гадок становится людям, юношам он не мил и девам внушает омерзительное отвращенье. Я жизни такой не хочу и жить так не буду, ибо дряхлая старость страшней самой смерти!

449. Геракл молит богов о быстрой смерти, но тщетно ^[66]

На поднебесную гору Эту, что возвышается над скалистыми Фермопилами, на заповедный луг Зевса принесли торжественно почти совсем успокоившегося Геракла с застывшим под низкими бровями безмятежным взором. В этом спокойном, умиротворенном взгляде лишь изредка проскальзывала боль. Кто б мог подумать, что к костру несут его сжигать? С таким лицом возвышенно спокойным не в пламя – к небесам идут, с каким сруб для костра на Эте озирали Алкид.

Когда дров нарубив из корабельных сосен и дубов священных, что на лесистой Эте возрастали, добавив толстых сучьев оливы дикой, сруб для костра воздвигли погребальный и на него героя возложили, вдруг оказалось, что некому костер зажечь. Не только те, кто до сих пор любил Геракла, никто не захотел костер поджечь, боясь к нему даже приблизиться.

Тогда сын доблестной Алкмены, опять начав мучительно страдать, простер вверх руки и закричал так, что от эха скалы задрожали:

– На муки мои беспредельные взгляд обрати, милый родитель, если и вправду ты мне отец! Я только молнии одной прошу, молю – зажги костер! Сочти меня хоть сыном,

хоть Гигантом! Хоть милосердным, хоть жестоким будь, родитель, но помоги мне, и смерть мою ускорь своею молнией летучей.

Зевс слушал сына в окружении заранее собравшихся 12 бессмертных в своем чертоге дивном и олимпийское спокойствие хранил. Царь богов многозначительно молчал, на все слова Геракла лишь сросшимися он вращал бровями и в стороны мотал косматой головой – чертог его нетленный весь колебался, и дрожал Олимп великий. Бессмертные же меж собой шептались и вопрошали один другого:

– Вы видели, как супруга Олимпийца и царица наша, танец свой победный сплясала там, на горной выси и под ее бурной стопой вся гора дрожала! Свершилась воля Геры наконец: Эллады первый муж низвергнут.

Вконец измученный болью Геракл, не дождавшись желанной отцовской молнии, стал беспорядочно вопить и призывать других богов лишить его невыносимой жизни:

– Мечом проткни меня Арес свирепый!.. Зверей богиня, всегда безжалостная к людям, пронзи меня губительной стелой... Энносигей могучий, воткни в меня трезубец изоострый свой!.. Аид ко всем гостеприимный, хоть ты прими меня в своем чертоге и поскорей дотронься двузубцем черным, спасенье несущим от любых страданий!.. Сестра Паллада! Ты помогала не однажды мне, приди на выручку в последний раз и в брата брось свое огромное копьё!.. О Аполлон, друг милый, помоги – пошли мне безболезненную смерть своей

стрелю нежной.

Все вопли великого героя в безоблачной обители богов без всякого ответа оставались, там олимпийское спокойствие царило безраздельно, по примеру Зевса боги все молчали.

В нестерпимо сияющем Мойр непреложных нетленном чертоге Атропос, облик имевшая девушки юной в одежде ослепительно белой и с веткой кипариса на голове, отложив в сторону и весы, и часы, засучив рукава, нерешительно взяла ножницы в руку, но потом отбросила их дрожащей ладонью вместе с пряжей столетий, обрезать страхась нить жизни Геракла крученную, крепкую.

450. Геракл требует слезами не делать его кончину безобразной

На земле же горе безмерное и страшные страдания великого героя не оставили ничьи глаза сухими. Стонали все – не только жены.

Алкмена, мать Геракла в неистовстве одежды рвала, до бедер себя обнажив, лупила с воплем в алчущую грудь ладонями и в кровь ногтями раздирала, богов язвила ругательными словами и даже Зевса, и женским воем горы оглашала:

– Сын мой любимый, зачем мне, несчастной, теперь в страданиях жить, раз я тебя навсегда потеряла? Славой не только моею ты был; вся Эллада тобой, восхищаясь, гордилась. Защитником был ты могучим всех людей в Ойкумене; тебя, словно бога, все чтили, ибо был ты для всех и надеждой и великою славой в дни своей героической жизни. Но страшная смерть и неумолимая судьба тебя безвременно все же настигли, и Зевс, твой бездушный родитель тебе ничем не помог, не захотел облегчить даже невыносимых страданий...

И тут вдруг, перекрывая несмолкающий гул, чудесный голос раздался. Сам Геракл, изрек негромко, но удивительно твердо, и все, хоть шум стоял вокруг невыносимый, его услышали:

– Уймите слезы все сейчас же! Не смейте безобразной делать мою кончину! Пускай трусливых провожает плач и сла-

бых, меня же, хороните без слез и стонов... Спрячь скорбь неутоленную как можно дальше вглубь души, о мать моя несчастная! Не надо зверской Гере дарить ликующую радость, ведь жалкие рыдания соперницы отрадны будут ей.

И с презрительным криком, в земной жизни последним, он – дерзкий такой, каким по залитой солнцем земле некогда вел ужасного адского пса, победив жуткий Эреб, саму Судьбу заставив дрожать, – он сам с непонятной улыбкой спокойно возлег на костер. Благостный светился покой в умиротворенных его очах голубых!

Герой великий никого уже не видел и не слышал, пред ним лишь высокое небо, в бесконечную даль простираясь, сияло, непостижимое, вечное!

Костер, однако, по-прежнему зажечь никто не мог.

451. Геракл дарит лук и стрелы Филоктету за то, что он костер поджег [66]

Некоторые, как Аполлодор, говорят, что Пеант, проходивший мимо в поисках своего скота, зажег костер. В благодарность Геракл отдал Пеанту свой лук и стрелы в уемистом туле, которым Илион крепкостенный предстояло увидеть по предначертанью всемогущей Мойры Лахесис.

Другие же, как Сенека, утверждают, что Геракл отдал лук с отравленными стрелами сыну Пеанта, своему другу и оруженосцу Филоклету, который впоследствии вспоминал, как герой великий тогда ему сказал:

– Вот, возьми себе Пеанта сын, от Геркулеса в дар этот лук. И Стимфалид, и Гериона этот лук сразил, и всех, с кем бился я не врукопашную. Из этих ни одной стрелы в противника ты не пошлешь напрасно, а захочешь птиц бить в облаках – вонзятся стрелы верные в пернатых, и те с небес падут, как камни. Лук не обманет никогда руки твоей: привык он стрелы верною дорогою посылать всегда, и сами к цели путь найдут они, слетевши с тетивы упругой. А ты зажги за это пламя моего костра, молю. Лишь эта, неподъемная ничьим рукам, пускай в огне сгорит со мною палица и жарче сделает костер хозяина. Ее ты тоже получил бы, если б мог носить.

Геракл попросил, чтоб шкура льва Немейского сторела так же вместе с ним, и юный сын Пеанта оказал услугу скорбную, чтоб светлый день пылал огнем Алкидовым.

Филоктет так же восторженно потом рассказывал:

– Всем доказал Геракл: и огонь ему – ничто. Осталось ли хоть что-нибудь непобежденным в этом мире им? Все превозмог он, и побежденный, как чудовище, огонь причтется к подвигам Алкидовым. И вот костер ярко пылает, но ни звука великий истребитель чудищ не проронил сквозь вой и грохот пламени. О, твердость несравненная несломленного духа! Толпа, оцепенев, не верит жару пламени: так величав он, так спокоен лик его... И тут во всех умолкло горе побежденное, иссякли слезы: плач даже беззвучный по герою, смерть гордо презревшему, казался стыдным. Даже мать несчастная, хоть женская велит природа ей рыдать, уж более не выла, как безумная волчица, нашедшая своих волчат умершими: родительница была безмятежно спокойна, уподобясь великому сыну... Но Гера мне жестоко отомстила, хоть и не сразу, за то, что я костер возжег.

452. Местъ Геры Филоктету [68]

Гера с уединенного места одного из самых высоких Олимпийских холмов наблюдала, как бьется в муках пасынок немилый, и ее раздирало желанье двойное. Сначала сердце ее смеялось и пело, от того, что, наконец-то роковая смерть явилась и за Гераклом, однако вдруг откуда-то возникла мысль, веселье отравившая:

– В конце концов, Могучая Судьба настигла мерзкого Алкида, и я теперь смогу заснуть спокойно!.. Однако ж, к его смерти я не причастна. И кто теперь не пожелает меня обидеть? – Только ленивый? Оскорбив и унизив, кто затрепещет? Все знают, что полвека я тяжко трудилась, чтоб только землю избавить от нечестивого отродья порочной Алкмены. И не смогла! И не сумела! Не только боги скажут, но и люди: вот как обширно могущество ее, вот какова и ее сила! Кентавр какой-то дикий, умирая, перед смертью, сделал то, что за полвека она сделать не сумела! С усмешкой тайной многие теперь будут меня склонять: так-то царица наша может карать виновных, так-то велика и могуча сестра и жена Громовержца!

Тут Гера увидела, как Филоктет, чтобы прекратить невыносимые мученья Геракла поджег его погребальный костер. Царица Олимпа чуть не задохнулась от гнева, которому места было мало в груди, и она истошно завопила:

– Ах! Сын Пеанта даже не знает, как тяжело меня оскорбил... Ах! Это благодеянье даром ему не пройдет! Коль не напрасно я Герой величаюсь великой и главный скипетр держать достойна – я Пеантида погублю, да так, чтоб об этом все знали. Впрочем, Филоктет не Геракл, силы пеантова сына так малы и ничтожны, что я всегда сумею ему отомстить.

О растянувшейся на многие годы тайной мести Геры Филоктет так своим внукам рассказывал:

– Когда я был на острове Лемнос, меня укусил в ногу змей, которого послала Гера, разгневанная на меня за то, что я единственный из всех осмелился поджечь костер Геркулесу, за что он подарил мне свой лук и чудесные стрелы. От гноя этой раны исходил зловонный запах, который ахейцы не смогли переносить, и они бросили меня по приказу пастыря всего ахейского войска Агамемнона на Лемносе. Потом, много позже я узнал, что царица богов явилась во сне к послушному ей Агамемнону и внушила ему бросить меня одного на Лемносе. Гера надеялась злорадно, что на пустынном острове больной Филоктет будет долго и мучительно умирать от холода и голода. Однако назло ей и братьям Агамемнону и Менелаю я выжил, меня там кормил пастух Ифимах, а также лук и стрелы Геракла. Потом ахейцы узнали предсказание, что без стрел Геракла они не смогут Трою взять. Тогда Агамемнон послал Одиссея и Диомеда привезти меня или хотя бы мои стрелы под Трою. Они не могли уговорить меня примириться с ними и помочь в войне с Илионом,

но это смог Геракл, явившийся ко мне на остров, как бог. Повинуясь богу Гераклу, я поплыл к стенам Трои, где меня стал лечить сын Асклепия. Видно, Гера на время заставила себя забыть о своей безжалостной мести, ибо страстно желала скорейшей гибели Трои, для чего, согласно предсказанию, нужен был, и я со стрелами Геракла, живой и здоровый. После победоносного окончания Троянской войны, достигнув самых высших вершин воинской славы, я, один из немногих знаменитых героев, смог вернуться на родину. Мстительная Гера сумела организовать восстание жителей Мелибеи, обвинив меня в стремлении к тирании, и они изгнали меня из города. Я спешно бежал в Италию, где основал несколько городов, среди которых была и Кримисса, а легендарный лук Геракла я подарил местному храму Аполлона Архегета (основатель), покровителю странников и основателей новых городов.

Согласно Софоклу, больного Филоктета уговаривали плыть в Трою Одиссей и Неоптолем, но в этом не преуспели. Тогда является сам Геракл, сошедший из небесной обители, чтобы возвестить Зевса вышнего волю, согласно которой Филоктет должен ехать в Трою, где излечится от болезни, убьет Париса и поможет длинноволосым ахейцам взять Илион. Геракл корыстно предрек, что Филоктет, разрушив Трою, возьмет богатую добычу и часть ее отправить может отцу Пеанту, к луговинам Эты, а другую часть должен обязательно снести туда, где некогда его пылал костер, – во сла-

ву стрел его.

Некоторые, как Сервий говорят, что рана Филоктета была нанесена не змеем, а стрелой Геракла. Геракл, якобы, взял с милого друга Филоктета клятву никому не разглашать местоположения его могилы, где был захоронен его пепел. Когда греки узнали древний оракул, согласно которому взять Трою можно только с помощью стрел Геракла, они разыскали Филоктета и стали очень настойчиво выспрашивать у него, где покоится прах обожествленного сына Алкмены и Зевса. Пеантид, помня о клятве, отвечать отказался, но молча стал на священное место и таким образом клятву все же нарушил. По пути в Трою, вновь проходя мимо этого места, из колчана Геракла выпала отравленная стрела и вонзилась в ногу Филоктета, ибо тайны богов нельзя раскрывать даже молча.

453. Зевс созывает большое собрание богов^[47]

Некоторые говорят, что много жирных овец, белозубых свиней и тяжелых быков кривоногих, пред костром заколов, ободрали. И, срезав с них жир, тело Геракла кругом обложили от головы до ступней. Потом на костер бросили туши, и там же расставили сосуды двуручные с маслом и медом. Когда же Филоктет поджег Гераклу костер, долго он не мог разгореться.

Тогда Иолай, встав в стороне от костра, двум Анемам молитву принес, – ветру Борею и ветру Зефиру и прекрасные жертвы им обещал. Он молил, возлиянья творя, скорей прилететь, чтобы ярко дрова запылали. Молитву Иолая услышав, ветры из пещеры своей поднялись и с шумом страшным помчались, темные гоня облака пред собою. Дуя неистово, они моря достигли, и от бури свистящей, вздыбились волны. Они прилетели к еле тлевшему сруб Геракла, и тут же в небо взвилось бурное пламя.

Только, когда по всем сторонам костра Геракла зашумело яркое пламя, и уже огненные языки стали подбираться к его спокойному телу, Зевс быстрокрыльцу Гермесу и ветреной Ириде объявляет приказ, чтобы они отовсюду быстро созвали всех богов на большое собрание.

Словно снег из тучи или град ледяной, с высокого неба обрушившись, быстро Ирида летела к морю и рекам, уносясь проясняющим воздух могучим северным ветром бородастым Бореем. Мигом из необъятного моря и рек полноводных созывает влаждодорожных богов быстроногая вестница Геры Ирида. Быстрокрылец Гермес же на своих талариях облетает божеств воздушной стихии, а также богов и богинь лесов и долин, гор и пещер и всех на большой совет богов настоятельно приглашает.

В большом трепете, услышав Зевса приказ, боги все пребывали – какая причина их нарушает обычный покой и чем вызвана спешка? Медлить не стали званые боги и поспешили по той дороге в выси небесной, прекрасно зримой с земли, что называется Млечным Путем. Это для всевышних богов – дорога под кров Громовержца, в чертоги его, дивные смертному взору. Красуются справа и слева от чертога Зевса атриии олимпийских богов, с дверями, всегда открытыми настежь, чернь же божественная, где придется живет.

И вот в лучезарном эфире на самом краю многоснежной горы, там, где кудрявые облака начинались, собрались по приказу Зевеса блаженные бессмертные, которые обычно все дни в сладостных наслажденьях проводят, а также другие богини и боги – из многочисленной божественной черни. Места здесь всем даются по чести: олимпийские боги – на первых, самых удобных местах; старшим божествам из разных природных стихий предоставлены вторые места: по

краям и подальше стоят божества остальные, как плебеи в народном собрание.

Олимпа насельники вечные, удобно усевшись на нетленных каменных креслах, сначала с большим любопытством смотрели, как смертный сын Зевса возлег на погребальный костер и приказал его запалить, хоть был сам еще жив. Однако потом уstraшились всемогущие боги Олимпа, что гибнет освободитель земли от чудовищ и зароптали. Тогда Зевс, отец всех бессмертных и смертных, с сияющим ликом черными ласково помавал бровями, распространив повсюду благоухание.

454. Апофеоз Геракла

Окинув величественным взором все большое собрание, Зевс обратился к сидящим обособленно милым братьям, сестрам и детям своим, владеющим небом широким:

– Весь этот трепет ваш неизъяснимый, который воочию я наблюдаю, – хорошее мне утешенье, о, небожители блаженные! Восхвалять себя я не устану, что я отец достойного сына, что обеспечен мой сын благосклонностью также и вашей. Вот вы сейчас справедливо ему воздаете по его непомерным деяньям, сам я, однако, до сих пор в неоплатном долгу перед ним. Но пусть перестанут опасаться верные ваши сердца: презрите бушующее внизу этейское пламя костра, ибо все победив, преодолееет мой отпрыск и этот огонь, сейчас созерцаемый вами. Частью одной, что от смертной матери в нем, он вполне ощутит всю пламени силу. Что ж от меня – вековечно, то неподвластно неизбежности смерти, и ей совсем непричастно, и огнем никаким не смиримо. Ныне его, лишь умрет он для всех на земле, восприму я в наших пределах небесных и уповаю: богам всем придется подобный поступок по сердцу. Если же кто огорчится, что богом бессмертным станет Геракл, то и те, хоть его награждать не желали б, зная заслуги его, поневоле вынуждены будут со мной согласиться.

Речь такую Тучегонитель прорек, все время кустистыми помавая бровями, а в конце речи он выразительно очень по-

смотрел на волоокую Геру.

Боги все дружно одобрили речь Громовержца бурными хлопками в ладоши, а богини, имевшие длинные ногти, жалели ладони и лишь делали вид, что хлопают ими. Такое выражение одобрения лишь в последние годы появилось на блистательных высях Олимпа, и еще не успело оно войти у бессмертных в привычку.

Некоторые, как Эратосфен говорят, что обычай хлопать в ладоши произошел от Кротоса (шум, рукоплескания) – сына кормилицы Муз Евфемы от деревенского Пана. Ему достались от родителя козлиные ноги, уши и хвост, а также задорное кривлянье сатира. Музы приучили его добывать в пищу диких зверей и готовить их на огне. Он изобрел хлопки ладонями в знак похвалы Парнассидам – ведь голос одного человека был для них непонятен. Музы в благодарность за славу, которую они снискали из-за него, попросили Зевса, чтобы он прославил Кротоса за его благочестие, и он вознес его на небо. Там-то Кротос и показал впервые блаженным богам, как можно без слов, одними ладонями выражать похвалу, и тем это очень понравилось, и они при каждом подходящем случае стали делать так же.

И Гера державная на сей раз, услышав от мужа похвалу Гераклу, не омрачилась своим всегда прекрасным лицом, вместе со всеми она хлопала белыми своими руками и делала это не как богини, а как боги – мощно и громко. Омрачилась она, лишь услышав самый конец слов супруга, и, увидев его

выразительный взгляд, а на прозрачный мужнин намек лишь слегка рассердилась:

– Опять ты, Кронид, обидные намеки ко мне обращаешь. Разве я когда-нибудь принижала заслуги Геракла, особенно когда он нам помогал с Гигантами биться? До сих пор вспоминаю, кто Порфириона убил, когда тот на землю меня повалил, чтобы совершить насилие надо мной прямо на поле боя... Какое уж тут огорчение! Можешь себе преспокойно решать, где после смерти быть твоему лучшему смертному сыну после того, как он станет бессмертным. А я никакому решению не буду противиться, да и мало чего тем я бы достигла: меня ты намного сильнее.

Между тем, костер разгорелся и, что было тленно в Геракле, обратилось под ярким пламенем в пепел, и обличье его неузнаваемо стало. В нем ничего материнского более не оставалось, но черты нетленные родителя Зевса в нем все сохранились. Змея, обновляясь, вместе с кожей сбросив и старость, в полной являясь красе, чешуей молодою на солнце ярко сверкает. Так и тиринфский герой отрешился от смертного тела, лучшей частью своей пышно расцвел, стал ростом казаться выше и лицом красивее: лоб его стал высоким и надбровные дуги перестали вперед выпирать.

А Июлай всю ночь напролет из двуручного кратера черпая чашей, обильно теплую землю у костра вином поливал, и земля от вина увлажнялась. Обливаясь слезами, звал он при этом бессмертную душу Геракла. Как горюет о единствен-

ном сыне отец, его кости сжигая, – тяжкое горе принесшим родителям безвременной смертью до брака, так над возлюбленным другом он сокрушался, его кости сжигая. Спотыкаясь, с остановившимся взглядом, печально вздыхая, всю ночь костер обходил он вокруг и даже не заметил огненных молний и не слышал раскатов грома. Полный безысходной тоски, вспоминал он доблесть лучшего друга, силу его, дух отважный и нежный и мужественную красоту, и не представлял, как будет дальше жить без него. Утром, когда костер загасили всюду, где пламя пылало вином искрометным, обрушился пепел глубокий. Иолай долго, перебрав весь пепел руками, искал белые кости своего лучшего друга, чтоб с плачем сложить их в сосуд золотой, окутав жертвенным жиром в два слоя, но человеческих костей не нашел.

455. Дальнейшее обожествление Геракла

Зевс Астрапей взмахнул выкованными древними Киклопами перунами и раскатисто грянул гром, с озаренного неба ломаными огненными зигзагами простерлись жгучие молнии, и весь погребальный костер до этого лишь ярко горевший, объяло неистово бушующее пламя. Темное облако скрыло изменившегося Геракла от глаз его смертных спутников, и над костром начала реять крылатая богиня победы Ника, которая накрыла Геракла щитом.

И тут среди мощных раскатов грома явилась грозная дева Афина, праха ее прекрасные касались стопы, глава же среди белых облаков гордо виднелась. Богиня могучеотцовная была в полном боевом вооружении, с ужасной головой Горгоны на эгиде, покрывающей не по девичьи мощную грудь, с огромным копьем и в шлеме коринфском с развевающимся раздвоенным пышным султаном. По поручению отца всех бессмертных и смертных богиня, прикрывшись темным облаком, чтоб оставаться невидимой всем, доставила Геракла на сияющие небеса в своей блистательной колеснице, запряженной четверкой божественных белоснежных коней.

Там светлоокая Афина-Паллада взяла Геракла за руку и торжественно представила бессмертным небожителям, владеющим многоснежным Олимпом:

– Наш родитель Кронид, из властителей всех наивысший, поручил мне сегодня доставить к вам нового бога Геракла! И вот я вам его представляю. Думаю, будет он среди нас достойным бессмертным, кому – сыном, кому – племянником, а остальным, как и мне – милым братом!

Дружно хлопая ладонями, боги приветствовали появление нового бога, и даже сам Зевс, до сих пор никогда так не делавший, один раз хлопнул могучими своими руками да так, что всколебался великий Олимп, и многие второстепенные боги из черни, не сумев удержаться, попадали кверху ногами.

Скоро устроили пышный пир, на котором не только виночерпица Геба и виночерпий Ганимед, но все боги и по одиночке, и малыми группами кубками Гераклу честь воздавая, старались его угостить нектаром, и все наперебой говорили ему:

– Прими пищу и напиток богов, Геракл, и, как мы, стань бессмертным. Ведь амбросия, которая в 9 раз слаще меда и не менее сладостный нектар даруют кроме бессмертия нам, олимпийским богам, еще и могучую силу, и вечную беспечальную молодость, и непреходящую красоту.

Некоторые, подобно Диодору Сицилийскому, рассказывают, будто Зевс сразу захотел, чтобы Геракл вошел в сонм 12 великих олимпийских богов. Однако новоявленный бог, сияя синими гордо очами из-под по-прежнему пушистых бровей, но после земной смерти гармонично приподнявши-

мися кверху, решительно отказался:

– Сегодня смертный род навсегда я покинул и вознесся к сверкающим вечно светилам. Кто же горнее небо и сияние немеркнущих звезд изобильное мне здесь уготовил? Отца я великого вижу, вижу его красавицу сестру и супругу и других блаженных небожителей вижу, как зрю и второстепенных богов, собравшихся на большое собрание. Чертог нетленный в светоносном Эфире я наблюдаю, зрю Млечный Путь, что огненной колесницей Гелия проложен по небосводу. Внизу еще от моего костра Эта дымится, подо мной простерт весь бренный мир, видимый как на ладони. Я на святом Олимпе, бессмертных обители, вовек нерушимой. Мой великий жребий, предначертанный Мойрой, свершился! Но в сонм 12 великих олимпийских богов я не войду и не просите, ведь невозможно принять меня в это число, не исключив оттуда кого-нибудь другого. Принимать почесть, несущую бесчестие богу другому, мне не пристало.

Другие говорят, что премудрый Зевс не предлагал богу Гераклу место в олимпийском пантеоне, поскольку его делом было истребление чудовищ, и он их истребил. А больше ничего он делать пока не умел...

Диодор Сицилийский говорит, что те, кто пришли с Иолаем собирать останки после сожжения, не смогли найти ни одной кости и поняли, что Геракл, согласно древним пророчествам, ушел от людей к вечноживущим богам, блаженным владельцам жилищ олимпийских. Воздав поэтому Ге-

раклу священные почести, как великому герою и насыпав высокий земляной курган, все возвратились в каменистый Трахин. Следуя этому примеру, друг Геракла Менетий, сын Актора, принес ему в жертву огромного клыкастого кабана, тучного быка тихоходного и жирного барана круторогого и велел ежегодно приносить в Опунте жертвы и почитать Геракла как великого героя. Нечто подобное учредили и фиванцы, ведь их семивратный город – родина нового бога.

В Афинах же сначала говорили, будто Геракл не сжег себя, а нашел последний приют от всеокрушающей злобы Геры в Афинах, у своего молодого друга, афинского царя героя Тесея. Тем не менее, впоследствии афиняне первыми почтили Геракла жертвоприношениями, как бога, подав пример его почитания, научив этому всех прочих эллинов. Только после этого Геракла стали почитать как бога во всей туманной Ойкумене.

По вполне понятным причинам жители многих городов и не только Эллады говорят, что именно у них впервые Геракл стал почитаться богом.

456. Гера усыновляет Геракла

Гесиод, держа в руках жезл лавра, поет, как ныне на снегообильном Олимпе в сонме блаженных Геракл обитает вседневно вдали от мирских забот и печалей, теперь совершенно чуждый старению и смерти с вечно юной премногожеланною Гебой, Зевсом великим рожденной и Герою златообутой. Гере лилейнораменной ранее Геракл был ненавистен среди смертных людей и блаженных богов больше всего, ныне ж царица его возлюбила, меж прочих бессмертных возвысив честью особою после великого мощью Кронида.

Диодор Сицилийский говорит, что после обожествления Геракла Зевс убедил Геру усыновить его и впредь во все времена выказывать ему материнскую доброжелательность. Усыновление же происходило следующим образом: Гера взошла на высокое ложе и, приняв обнаженного Геракла на свое тело, пропустила его под одеждami, пока тот не оказался на полу в подражание настоящим родам. Точно так поступают вплоть до нынешнего дня варвары, когда желают усыновить кого-либо.

Когда Гера пропускала Геракла под нетленными своими одеждami, у нее вдруг нестерпимо набухли обе груди, и из них стало сочиться божественное молоко, и тогда она уста свои разрешила:

– Боги! Блаженные Олимпа насельники! Я сейчас отчет-

ливо вспоминаю, как больше полвека назад на поле, сейчас носящим название «Герakлова поля», я грудью кормила одного крепкого младенца, который пребольно меня за сосок правой груди укусил. Только сейчас я поняла, что тем голодным младенцем был Алкид, и сердце мое добродетельное переполняет материнская нежность к Гераклу, которого я сейчас пропускаю под своими одеждами.

Одновременно в царице Олимпа неистово вспыхнула злость ко всем трем никогда не дремлющим дочерям жутко-ликой богини Ананке и особенно к Старухе Лакесис, и она обратилась к уже оказавшемуся на полу Гераклу:

– Ведь это сующиеся всюду Девы Судьбы соткали свою седую пряжу столетий так, что я целую жизнь преследовала кознями злыми тебя, сын мой милый, хоть вся вина твоя перед мной была только в том, что ты из бедер Алкмены на свет появился. Надо было давно мне твоей приемной матерью стать. Ведь у всех знаменитых героев по два отца, а у тебя было бы и еще две матери – смертная и богиня. Не пришлось бы тогда мне так долго томиться в тщетных трудах, чтоб погубить могучее чадо Алкмены. Честь мне была бы двойная: за то, что всеильного Зевса сестрой и супругой я называюсь и за то, что матерью великого Геракла являюсь и никто бы «царицей зол» меня не назвал.

Многие не верят, что Гера, возненавидевшая Геракла еще до рождения и все время пытавшаяся его погубить вплоть до самой его смерти, вдруг после традиционного обряда усы-

новления смогла искренно полюбить его, как родного сына. Ведь и в ненависти, и в любви вечные богини и боги завидное хранят постоянство.

Другие же, наоборот, верят и говорят, что Гера по воле все той же старой лишь обликом Мойры Лахесис начисто забыла то время, когда люто ненавидела Геракла, но живо помнила, как во время бунта гигантов именно он, а не Зевс, убил пытавшегося ее изнасиловать гиганта Порфириона... Как женщина, белокурая Гера славится супружеской добродетельностью, но она никогда не была хорошей матерью и осознавала это не только умом, но и сердцем. Она, как и все боги, почитая более всего справедливость, очень страдала, видя почти ежедневно, как из-за нее сильно на обе ноги хромает Гефест и за эти страдания злясь на него, называла его Кривоногим. Она корила себя за то, что родила Ареса без участия Зевса, от прикосновения к чудодейственному цветку, полученному Хлоридой с призрачных Оленских полей, и сын стал ненавистным всем богом кровавой и несправедливой войны. Даже в том, что Геба и Илифия, хоть и не были чужды дел Афродиты, все еще оставались безбрачными, царица Олимпа в милом сердце своем, стремящемся к справедливости, обвиняла в тайне себя. Возможно, поэтому она захотела стать хорошей матерью Гераклу и отдала ему в жены свою вечно юную дочь Гебу.

457. Женидьба на Гебе

Не все на блистательных высях Олимпа понравилось вновь испеченному богу Гераклу, но женидьбы на прекрасной богине юности Гебе, милой дочери Зевса и Геры, он ждал с радостным нетерпеньем, может быть, потому что она очень была похожа на юную Иолу.

Вспоминая о Иоле, Геракл чаще всего довольно смеялся потому, что она была не только жива и здорова, но и счастлива в браке с Гиллом, его сыном добросердечным. Однако иногда он морщился словно от чудовищной боли и так говорил Дионису за двуручным кубком вина, сладостным разведенным нектаром:

– Вакх! Ты один меня здесь понимаешь, ведь и твоя мать Семела смертной была, как Алкмена. Тебе сейчас, осушив этот кубок до дна, скажу вполне откровенно, что дочь Эврита, единственную из сотен женщин и дев, с которыми я на земле сочетался сладкой любовью, часто вижу тут перед своими глазами. Вот и сейчас смотрю на дышащую юностью Гебу, а вижу Иолу, такую же юную и прекрасную. Я всю жизнь ждал настоящей любви, такой, ради которой жизнь не жалко отдать, а дождавшись, повел себя гнусно и мерзко, и за это был Мойрой жестоко наказан.

Геракл с трудом дождался первой брачной ночи (ночи тайн!) и после свадьбы страстно Гебе сказал:

– Милая, наконец-то свершилось! Ну давай же, ляжем поскорее в постель, и насладимся с тобою долгожданной любовью!

И тут нового бога постигло жестокое разочарование. Молодая супруга, украсив все брачное ложе белоснежными лилиями, символизирующим телесную чистоту и непорочность, вдруг, умело выскользнула из его жадных объятий и, сверкая сквозь густые ресницы озорными глазами, ему заявила:

– Милый, я дала священный обет оставаться девственницей 40 дней и ночей после дня свадьбы. Потому нам с тобою беспредельной любовью смешаться сейчас никак не возможно.

Сначала обожествленный отпрыск Зевеса, не в силах сдержать разгоряченную видом обнаженной жены ярую похоть, дико заорал на Гебу, а потом вдруг вспомнил Иолу и только поэтому сумел взять себя в руки. Успокоившись, он, сверкая синими глазами из-под не выпиравших, как раньше, низких надбровных дуг, а теперь чуть приподнятых бровей, придавших всему лицу гармоничность, спросил у вечно юной супруги:

– Милая, я ничего не понимаю. Ты шутишь? Разве боги и богини обеты дают?! Зачем богине Гебе, как какой – то несчастной смертной, какие-то давать обеты? Такие обещанья дают люди, рожденные для несчастий и бед, чтобы избавиться от мора и болезней, неурожая, стихийных бедствий

и от прочих земных горестей и несчастий. Но ты же богиня бессмертная, ты дочь двух самых главных богов – Зевса и Геры! Какой же тут обет, кому, зачем?! Расскажи мне всю правду, ничего не скрывая, ведь теперь мы супруги.

На что супруга, обратив к мужу красивое прелестью юной лицо, безмятежно ответила:

– Я дала обет вечно недремлющей Мойре, чтобы выйти, наконец, замуж. Однажды, после сражения за Олимп, мать уже хотела меня Кадму Агенориду в супруги отдать, но воспротивились Мойры... Может быть, я поспешила с обетом, но теперь ничего не изменишь, надо ждать 40 дней. Это случилось после одного пира. Вообще-то я свою работу виночерпицей на пирах обожаю, но после того, как у нас вместо Гестии появился Дионис и в нектар стали отменного вкуса вино добавлять, боги, опьянев, порой слишком грубо ко мне приставали, словно я какая-нибудь гетера или проститутка, а не богиня, рожденная Герой от Зевса. Мне нравятся нежные братские ласки и Гермеса, и Ареса, и Аполлона, но после хватаний и поцелуев дяди моего Посейдона все мое юное тело часто было в сплошных синяках. Вот однажды после таких дядиных ласк я не сдержалась и дала Мойре обет...

Геракл не выдержал такой правды и так завопил на брачном ложе, что перепуганные боги, кто во что одетый, из чертогов и атрий своих повыскакивали. Покинув в беспорядке жилища свои, бессмертные решили, будто на Олимп явилась богиня безумного бешенства Лисса и душит в объятьях но-

вого бога Геракла.

Геракл же, обо всем на свете забыл и действительно орал, как безумный:

– Геба! К прошлому я тебя не ревную, но, ты сама говоришь, что на пирах любовные ласки братьев своих ты обожала, а на законном ложе супругу отказываешь! Опомнись! Что ты с мужем творишь?! Давай нарушим обет! Большой грех дать обет, чем нарушить его, да и кто за нарушение такого обета сможет тебя наказать? Я прошу тебя по-хорошему обет отменить или хотя бы сократить срок неслыханных мучений моих. Мало страдал на земле я в многотрудных схватках и битвах?! Теперь еще и на Олимпе, лежа в постели с голой женой, я от воздержания мучиться должен, словно в Аиде Тантал, который страдает от жажды, стоя по горло в прозрачной воде?!

Но все было напрасно – красивое юное лицо Ганимеды стало серьезно и спокойно, и мужу неожиданно твердо она сказала:

– Давая обет, я очень боялась, что, будучи вечно юной богиней, в то же время останусь старой девой безбрачной, вечной прислужницей – виночерпницей. Теперь же, выйдя, наконец, замуж, я страшно боюсь, что Мойра накажет меня за нарушение обета и обречет быть вечно несчастной женой. Поэтому я ни за что не нарушу данный Мойре обет.

458. Ласки Гебы

Зевс когда-то схватил Лиссу за пышноблестящие кудри и мощным махом руки от звездного неба отринул ее, чтоб на холмистый Олимп богиня бешенства никогда б не ступала. Именно с той поры, как говорят, в сияющем небе воцарилось олимпийское спокойствие и тишина, и нарушившему его ночью сыну утром с большим возмущением сказал царственный облаков собиратель:

– Дело плохое, Геракл, этой ночью ты у нас учинил! Ты здесь живущих бессмертных богов олимпийского покоя лишаешь, а по ночам – сладкого сна, ведь спать надо не только в темноте, но и в полном безмолвии. Так громко в ночное время кричать не дозволено тут никому, кроме меня одного, ибо я всех превыше богов и потому мне все можно. Надеюсь, сын мой любезный, что мне никогда не придется это тебе повторять.

Так понял Геракл, что безоблачная жизнь у блаженных богов не такая уж и счастливая.

На следующую ночь отпрыск Зевеса, забыв о своем ужасном свидании с Иолой, решил молча изнасиловать молодую жену, если она не согласится отменить обет и добровольно исполнить супружеский долг, ибо такое воздержание его сводило с ума. Он дождался, когда Геба разделась и возлегла и тут же навалился на супругу всем телом. Однако богиня

юности не растерялась, как стыдливая Астиоха или благочестивая Авга и, легко вывернувшись из-под него, злобно сказала:

– Лучше уймись! Если не оставишь попыток силой лишить меня даров девства, то я своим криком разбуду всех обитателей олимпийских чертогов, включая отца нашего Зевса-Кронида, и он сбросит тебя обратно на землю, и при падении ты и ноги сломаешь, и позвоночник.

Никому не известно, как бы окончилась вторая брачная ночь Геркулеса, если бы неподатливая супруга вдруг, сменив гнев на милость, не предложила ему:

– Милый! Если пообещаешь не стремиться упорно до истечения срока обета лишить меня целомудрия я с помощью особенных ласк, в которых считаю себя большой мастерицей, прямо сейчас сумею доставить тебе неопишное наслаждение, какого ты не испытывал никогда. Ведь не зря много лет я была виночерпицей на пышных пирах олимпийских богов, и много сладострастия тайных уроков мне преподали искушенные в делах Афродиты милые братья.

Геба, скромно потупив свои совсем не скромные глазки, предложила мужу оральные ласки, о которых в то время знал лишь скрытный бог плотских утех Гимерот. Бывшему герою, оставившему на земле больше сотни детей, а сейчас новому богу-молодожену, очень понравились необычные Ласки Гебы, и он все 40 дней носил жену на своих могучих руках и ласкал, чтобы сладостной ночью на ложе уже ласкала она...

Некоторые говорят, что Ласки Гебы были предначертаны непреложными Мойрами еще до рождения богини юности, ибо имя Гебы имело известный обценный смысл (лобок).

Геракл однажды рассказал отцу о необычных, но таких приятных Ласках Гебы, и Зевс, выведав все подробности, рассказал об изобретении вечно юной дочери своей сестре и супруге Гере. Добродетельная Гера, горячо полюбившая Геракла, как сына, к супругу по-прежнему всех ревновала и потому сначала по привычке насторожилась. Однако после того, как с Зевсом она испытала изобретение милой дочери на супружеском ложе, царица решила, что подобные ласки не нужны любовникам, которых всем сердцем она ненавидела, но могут быть необходимы супругам, например, когда беременная жена не может по-другому любить на ложе законного мужа. И Гера златообутая решила, что «ласки Гебы» укрепляют семью и потому пошла в этом даже дальше дочери. Она решила, что подобные ласки могут быть взаимными, и Зевс с удовольствием сам дарил их супруге.

Говорят, что с той поры характер волоокой Геры сильно изменился в лучшую сторону – она стала более мягкой и терпимой и не такой ревнивой женой. Говорят, так же, что и любвеобильный Зевс стал реже увлекаться другими богинями, проявляя больше любви к жене, даже когда на ней не было Пестроузорного Пояса Киприды.

Вскоре о Ласках Гебы узнали все боги, а потом и эллины. Грекам очень понравились Ласки Гебы, и они говорили: «Ко-

гда в постель приходит стыд, из нее уходит Любовь», а фелляцию романтично называли «виртуозной игрой на флейте».

Сорок дней не такой уж и большой срок, быстро он промелькнул, затем пролетели и девять круговратных месяцев, и по-прежнему юная Геба подарила Гераклу двух прекрасных мальчиков – Алексиариса (Александр, непобедимый) и Аникета (отвратитель бед). Некоторые говорят, что сыновья Геракла от Гебы стали такими же стражами – привратниками Олимпа, как и сам сын Алкмены.

459. Новый привратник Олимпа

Долго Зевс мудрейший из всех бессмертных, мыслей узду начисто отрешив, разум свой мощный изощрял в размышлениях тяжких, какое дело Гераклу на Олимпе доверить. Громовержец очень боялся лишиться только, что вознесенного на нетленный Олимп милого сына и однажды сестре своей и супруге такую речь возвестил:

– Странные дела порой Мойра Лахесис в этом мире творит, даже мне понять ее замыслы и деянья трудно бывает. Помнишь ли ты дочерей наших старших? Сотни многие лет пролетели, как их уж нет, а я все помню, как будто, только, что видел их сегодняшним утром. Помнишь, как Ангела похитила у тебя умачения и спряталась от твоего гнева на моей половине? Я тогда не прогнал ее и заступился перед тобой за любимую дочь. А любившую быстро бегать Аргу не забыла? Помнишь, как с самим Солнцем она бегала наперегонки, и златояркий Гелий, не зная тогда чья она дочь, превратил ее на короткое время в собаку. Беда обеих наших девочек была в том, что они не нашли себе дела нигде: ни на небе, ни на земле, ни под землей, ни под водой. И только за это, по воле старой Ткачихи их наказали великие демоны-боги Кабиры, имевшие в то древнее время силу, как избавлять от бед и опасностей, так и карать за нечестивые проступки всех, включая бессмертных богов, и наши дочери обе бесследно

растворились в чистейшем горне Эфире. Мойра тогда меня даже не предупредила, что такое в нашем мире возможно, но позже запретила Кабирам трогать богов, но смертных они еще долго карали....

От этих стародавних воспоминаний Зевс от гнева косматой затряс головой и от бессилия страшно зубами крепкими закричал. Успокоившись, Громовержец продолжил:

– Опасаюсь я, что без дела и Геракл, сойдя уже с тверди земной, может сгинуть и с Олимпа нетленного, не оставив здесь никакого следа, и в Элисиуме не появиться. Надо обязательно найти ему подходящее дело, но ведь он у меня своевольный такой, справедливый до бешеной дерзости. Если ему все рассказать, боюсь, он захочет с самой Мойрой сразиться!

Наконец, Зевс Промыслитель по настоятельному совету посетившей его во сне все той же никогда не дремлющей Мойры Лахесис, которая некогда действительно оставила его с Герой без двух старших дочерей, решил сделать сына Алкмены небесным привратником, надежным сотоварищем Ор, своих дочерей от второй законной супруги Фемиды.

Гераклу вначале не пришлось по сердцу приказанье отца, и он, бесцельно слоняясь по закоулкам Олимпа, насупив вниз приподнявшиеся после вознесения на небо, надбровные дуги, невесело так сам себе говорил:

– Не было на земле меж несчастных людей, никого, кто превзошел бы меня в страданиях жестоких и бесконечных

муках. Сколько я претерпел за 12 лет унижительной службы у ничтожного Эврисфея с ушами ослиными и сердцем щенячьим, а потом еще 3 долгих года в новом рабстве у похотливой, как зайчиха, Омфалы. Теперь и на небе отец предлагает мне стать вечным слугой всех блаженных, ворота угодливо пред ними распахивать и закрывать раболепно... Чести большей, чем прислуживать родственникам, не должен ли был даровать мне высокогремящий отец, за великие труды по избавлению земли от чудовищ, а также за победу над Гигантами землеродными?

Но невозможно веленье эгидодержавного Зевса богу другому своевольно нарушить, или им пренебречь дерзновенно. И новому богу Гераклу хватило ума с отцом – Громовержцем не спорить и против воли его не поступать своевольно, ведь это веление Зевсу было внушено самой Мойрой Лахесис.

Так на Олимпе появился еще один – пятый небесный привратник – мощный телом мужчина в дополнение к четырем древним привратницам – Орам небесным, у которых, кроме охраны небесных ворот были и другие дела.

Чаще всего быстрых Ор звал на помощь златояркий Титан. Гелий доверял им огненных коней своих запрягать каждое утро, – и богини резво бросались его поручение исполнять; изрыгающих пламя коней из высоких небесных конюшен они выводили, надев на головы им звонкие удила... Так же каждую осень Оры, украсившись яркими свежими цветами и сочными плодами, сопровождают Персефону к супругу

вечно угрюмому в подземное царство, а весной они – опять среди спутниц царицы царства безмолвных теней радостно пляску ведут круговую, когда та возвращается обратно на землю, ярким залитую солнцем. Кроме того, Оры в повязках золотых и диадемах в виде цветов украшают себя и отправляются на хороводы прелестные блаженных бессмертных или во дворец отцовский на разные божественные празднества или пиры.

Раньше в отсутствие Ор, всегда благоухавших ароматом цветочным, ворота в светоносный эфир – опора для астр и созвездий оставались совсем без охраны, но были закрыты сомкнутой плотно темной завесой из туч, дождем отягченных.

Теперь же ворота на Олимп охранял новый бог – привратник Геракл. Эфир вокруг был так чист и так животворен, что вместе с амбросией и нектаром обеспечивал богам, владеющим небом широким, цветущую юность и зрелость в течение тысячелетий их жизни блаженной.

Как новый эфира бдительный страж, Геракл по совету родителя на воротах установил тяжелую задвижку и на ночь накрепко ее запирает, дабы при сне олимпийских богов в горние выси гости непрошенные не прорвались. Эту задвижку изготовил в кузнечном деле необычайно искусный Хромец обоногий по приказу Зевеса после того, как Геракл устроил несколько жарких схваток с второстепенными богами из черни, которые без приглашения на Олимп самовольно пы-

тались прорваться. Мудрый Отец, косматой тихо повертев головой в разные стороны, знаком таким запретил Гераклу драться с божествами, населявшими землю, а также воздушную и морскую стихию и возвестил назидательно, но добродушно, слегка кустистыми помавая бровями:

– С уважением надо, мой милый, относиться к разной божественной черни, ведь это не трудно, а среди них немало заслуженных и древнейших богов. Есть и полубоги у нас, божества наши сельские; нимфы различные, океановы дети и гор разумные обитатели диких, а также сатиры в лесах и долинах. Да, мы их не почтили жилищем на небе, зато в бессрочное пользование плодоносную землю им дали и на ней разрешили остаться. Сатиры, будучи ленивыми и не имея ни охоты, ни способностей к труду, развлекаются в лесах и дубравах танцами и разными играми; музыка, любовь и вино – их друзья самые лучшие. К нам на Олимп обычно они не стремятся, но, если у кого желанье возникнет без приглашения здесь оказаться и наш покой олимпийский нарушить, учредим на воротах задвижку такую тяжелую, что даже Орам придется всем вместе к ней подходить, и только ты в одиночку ее сможешь открыть. Задвижка эта мощная надежно удержит ропот черни, уменье править – в том, чтобы мириться с ним, а не сражаться, как ты привык в подлунной жизни.

460. Олимпийские будни Геракла

На ежедневных пирах богов Геракл часто чувствовал себя посторонним в их оказавшимся таким тесным олимпийском кругу: то гордое сердце уколется Ареса неистового наглый взгляд, то, словно ледяной водой, окатят высокомерные взгляды Летоидов, то подденет язвительная насмешка Афины, славившейся между богами не только могучеством и воинской хитростью, но и надменным острым умом. Даже благая Деметра и Гестия, вечная девственница, глядя на нового бога все время о чем-то шушукались. Впрочем, Феб лучезарный скоро вспомнил о нерушимой дружбе, заключенной с Гераклом после борьбы за треножник, а с его стрелолюбивой сестрой у бывшего полубога, а теперь бога установились особые отношения.

Геракл и с освобожденным им от оков Прометеем, таким же новым богом, как он, не подружился. Печально, но прикованный к скале Прометей был прославленным богоборцем, заступником рода людского в несчастьях, а после вознесения на Олимп он стал никем, и мудрый Хирон напрасно подарил ему свое бессмертие, которое титан утратил после возвращения на землю из Тартара, куда его вместе с кавказской скалой низвергнул разгневанный Зевс. На земле о Прометее мало, кто помнил, а помнившие не все им восхищались. Великий Рим считал, что, создавая человека, Прометей вложил

в него злобу и безумие льва, ибо заботился только о его теле, и отсюда все беды человеческой жизни и вечная вражда, и нескончаемые войны среди людей. Возможно, поэтому Прометей очень близко сошелся с Дионисом. Титан по просьбе Вакха украдкой не раз доставлял с земли на Олимп полные мехи с вином, способствуя этим постепенному вытеснению вином божественного нектара с пиршественного стола богов и укреплению влияния бога виноделия. И кто может сказать – это изощренная месть Прометея олимпийским богам за тысячелетние пытки, или просто пьяное прозябание титана, или же это новое изощренное наказание Прометея за своеволие и гордыню непреложными Мойрами, которых людям понять никогда невозможно?

Говорят, ближе всех из олимпийских богов сошелся Геракл с Медвежьей богиней, с которой враждовал на земле, будучи смертным героем. Прежде добычу сестры Феб принимал, но так было, пока на Олимп не явился многомогущий Геракл. Когда ж он пришел, лучший в мире кифаред навсегда распростился с этой заботой. Тиринфянин сам теперь неустанно подле небесных ворот сторожит, смотря еще издали, не везет ли богиня охоты тучной еды для него и богов. Несказанный смех воздвигают блаженные боги, видя, как он из златоколесной колесницы богини дикой природы огромного тура или клыкастого вепря влачит, ухватив своей по-прежнему мощной рукой за щетинистое копыто. Новый прихватник обращает к девственной Деве диких зверей небес-

корыстные речи, облизываясь и глотая слюну, двумя ручейками стекавшую по его кудрявой русой бородке:

– Не ленись Агротера каждый день доказывать делом, что не зря тебе подарили Киклопы множество стрел и гибкий серебряный лук с витой тетивой упругой. Не стыдись хитон одевать, до колена не достигающий, дабы удобней было загонять быстроногого зверя лесного. Докажи дева, никогда не знавшая ложа мужчины, что не зря Пан бородатый тебе подарил двух псов черно-белой масти, а трех – огневой, одного же пятнистого. Хваткой крепкой впившись в загривок, и льва они в силах приволочь живого на двор. А ведь к ним бог козлоногий добавил еще семь собак киносурских, что вихря быстрее и могут лучше всех затравить и быстрюю лань, и резвого зайца, без промедленья сыскать живущего долго оленя с большими рогами и, не сбиваясь, вести по следу косули. С такой сворой собак никак невозможно без трофея остаться даже охотнику, смерти причастному, а ты богиня великая.

Часто бывший великий герой – цвет самый лучший справедливостью гордой Эллады, а теперь бог блаженный – небесный привратник, нетерпеливо поджидал вечно юную Артемиду вместе с Орами у небесных ворот, чтобы помочь выгрузить из узорчато – золотой колесницы добычу богатую. При этом Геракл обычно шутивно хмурил брови и грозил вечно юной, как его жена Геба, богине дикой природы откушенным Немейским львом пальцем, а теперь вновь отросшим и ворчал:

– Стрелять-то стреляй, девица – охотница, но не только безобидных зайцев и ланей пугливых. Ну, что тебе плохого сделали лани и зайцы? Ты им спокойно пастись на прелестных полях и лугах предоставь, а поражай диких вепрей, медведей и львов, которые часто убивают людей. А лучше всего бей оленей и туров – в них вкусного мяса больше всего.

После этих слов, если не был очень голоден, Геракл, не спеша распрягал четырех сестер Керинейской лани, таких же золоторогих оленей огромных, которые ростом были, каждая больше быка. Он их к амвросическим яслям привязывал золотыми поводьями, а к блистающим стенам яслей прислонял дивную колесницу богини. По бокам колесницы золотозорной установлены Гефестом были изящные позолоченные колеса двенадцатиспичные, вращающиеся на железной оси. По поверхности ободов тех колес плотные медные шины художником Олимпийским наложены были, тоже диво для взора! Окаймлены затейливым серебром по обоим бокам их ступицы. Кузов на крепких ремнях сыромятных, затейливо отделанных золотом и серебром лишь слегка упруго качался, и округлыми дугами два гладких поручня сверху тянулись. Отрешив от нетленной узды, Геракл на быстрые ноги оленям путы медные надевал, несокрушимые, чтобы на месте они оставались. Затем в чистой воде божественных ланей омывал старательный новый привратник, грязь удалял жесткой щеткой и пот, и ярую пену от пастей их отирал. Потом он скребницей старательно чесал оленей и корм задавал

им, с изумрудного луга Геры собрав траву высоченную, растущую быстро на диво, – клевер трилистный, которым и могучие Зевсовы кони кормились. Вслед за тем засыпал в ясли общие полбу и к ней ячмень, не жалея, подмешивал. Доверху 4 чана золотых спешил Геракл после наполнить чистойшею влагой, дабы водопой был дивным ланям приятен.

Если же сильно располневшее чрево Алкида в пище остро нуждалось, то ланей распрягали амнисиады – постоянные спутницы богини Охотницы. А Геракл тут же сдирал с добычи шкуру всегда при нем бывшим острейшим ножом из зуба Немейского льва и, быстро за жарив ее на постоянно горевшем небесном огне, жадно набрасывался и съедал самые лучшие куски. Та же прожорливость в нем, и тот же остался проклятый желудок, с коим он встарь повстречался на беду пахарю Феодаманту и не ему одному.

461. Жизнь бессмертного бога Геракла, лишённого души

Говорят, что в отличие от других олимпийских богов обожествленный Геракл имел и прежнюю бессмертную душу. В то время, когда смерти чуждый Геракл пировал на Олимпе за столом богов, его бесплотная тень, согласно рассказу Одиссея, неприкаянно бродила по Аиду, с дубиной на плече и натянутым луком в руке.

Некоторые считают, что такое противоречивое изложение посмертной судьбы Геракла Гомером объясняется тем, что стихи о том, что сам он с богами бессмертными вместе в постоянной радости живет и имеет Гебу супругой, являются поздней вставкой, принадлежащей составителю сборников предсказаний оракулов Ономакриту, жившему при дворе тирана Писистрата в Афинах.

Став второстепенным богом, Геракл потерял свое былое значение величайшего героя Эллады и стал никому ненужным, подобно вознесенному на Олимп титану богоборцу Прометею, который в бесконечных муках и беспредельных страданиях превзошел даже лучшего смертного сына Зевса-Кронида.

Многие считают бессмертие, дарованное Зевсом Гераклу великой наградой за его поистине героические деяния и благодеяния людям.

Другие же говорят, что с вознесения на Олимп смысл жизни Геракла и Прометея, как борцов за лучшее будущее человечества, закончился, и их бессмертие обернулось вечно длящейся смертью. Все чаще Геракл на веселых пышных пирах пребывал в беспросветной тоске и безнадежном унынии и под нескончаемый смех бессмертных богов со светлой грустью вспоминал кипучую жизнь на земле:

– Да, река моей доблестной жизни тогда была наполнена до самых краев трудами великими и опасными, преисполнена нескончаемыми муками и ужасными страданиями, но бывали в ней и краткие моменты пронзительного счастья. Тогда я был полубогом, величайшим и любимейшим героем, гордостью великой Эллады, которая подобно маяку свет моей героической славы разливала по всей Ойкумене. Теперь же я не полубог, а бог из многочисленной божественной черни и на Олимпе здесь прозябаю... Кажется все сейчас бы отдал, лишь бы опять оказаться у Феспия на незабываемом том пиру или даже за то, чтоб опять со львом в Немее или с Гидрой в Лерне сразиться... Мне не хватает даже жгучего страданья, а за ночь с дивной Иантой я отдал бы все эти годы, что провожу сейчас в постели с искусной в ласках юной Гебой. А Иола?! – За то, чтобы все с ней изменить, начиная с того злосчастного состязания, я отдал бы все и это бессмертие!

В другой раз Геракл так говорил о бессмертии:

– Когда я вспоминаю о своем бессмертии, то нет никакого желания что-нибудь делать. Куда и зачем спешить, ведь

впереди вечность...

Тертуллиан говорит, что у Геркулеса, притом уже умершего, то есть уже бога, была постоянная любовница Ларентина, которую служитель храма приводил из публичного дома, как изысканное дополнение к ежедневному обеду бога. Впоследствии, незадолго до смерти Ларентина завещала римскому народу то довольно обширное поле, которое приобрела при помощи Геркулеса.

– Эту проделку Ганимеда не узнает, наверно. Если ж и узнает, то пусть! Побранится и перестанет. Это ль ругани женской не стоит?

Так бог Геракл сам себе говорил, когда изменял с проституткой своей последней вечно юной супруге на небе, которую он любил называть Ганимедой за то, что она и после свадьбы вместе с красивым сыном Лаомедонта часто бралась разносить богам нектар и вино на пирах. Геба по-прежнему была прелестна лицом и гибкая стройным телом, но по-настоящему она никогда не любила Геракла, и он ее всегда не любил. Поэтому и знаменитые ласки Гебы быстро надоели обожественному отпрыску Зевса потому, что не было с ними Психеи, и не раз он сам себе говорил:

– Нет у бессмертных души, нет у них ни стыда, ни печали, красота их надменная и холодная, а чувства все ненастоящие. И смысла в этой жизни нет. Не желанна бездушная мне жизнь на Олимпе, и божественный мой удел незавиден.

462. Почитание бога Геракла

На земле люди почитали Геракла, хотя, конечно, не так, как олимпийских богов.

Согласно Овидию, день рождения Геракла праздновался в день зимнего солнцеворота, как и дни рождения Зевса, Аполлона и других календарных богов.

Четвертый день месяца посвящался Гераклу потому, что ему как основателю Олимпийских игр принадлежал каждый четвертый год.

Гераклу слагались гимны и его чествовали состязаниями. Празднества в честь его назывались Гераклеи; таковые существовали в Сикионе, в Фивах, на островах Линдосе и Косе и в других местах. Учрежденные в поминовение его смерти, Гераклеи устраивались во второй день месяца метагейтниюна.

В Линде справлялся праздник Геракла с оригинальным обычаем приносить в жертву рабочих быков при брани и проклятиях, присутствовавших при жертвоприношении. Обычно же в жертву Гераклу приносили петухов и перепелок.

Согласно Павсанию, в Олимпии на стенах храма изображена большая часть подвигов Геракла. В Аттике в гимнасии, находящемся недалеко от площади, воздвигнута мраморная статуя Геракла, творение Скопаса, есть там и храм Геракла. В

Спарте на рельефах трона Аполлона Амиклейского изображено единоборство Геракла с Кикном, битва Геракла с кентаврами у Фола и сражение Геракла с одним из гигантов. Можно прийти в восхищение и от храма Геракла в Эрифрах. Есть храм Гераклу в Фивах, а в нем статуя из белого мрамора, называемая Промахос (Воитель); на фронтонах этого храма Пракситель изобразил фиванцам большинство подвигов Геракла.

Геродот говорит, что на берегу Нила стоял храм Геракла – убежище для всех рабов, которые бежали от своих господ. Если раб, чей бы то ни было, прибежит сюда и посвятит себя богу наложением священных знаков, то становится неприкосновенным. Обычай этот существует издревле до нашего времени.

463. Спор Летоидов с Гераклом за Амбракию ^[2]

(Рассказ Крагалея)

О пребывании Геракла – бога на земле существует немного сказаний, из подробных известно только то, что изложил Антонин Либерал в «Метаморфозах», основываясь на таком рассказе справедливого Крагалея, сына Дриопа, жившего в земле Дриопиде у «Геракловых вод»:

– Однажды, когда я пас коров, ко мне явились дети великого Зевса и Лето, многославной дочери древнего Кея, Аполлон в лавровом венке с милой сестрой Артемидой, давно живущие на Олимпе и любимейший герой всей Эллады, а теперь бог – Геракл, чтобы я рассудил их в споре за Амбракию, находящуюся в Эпире. Прелестью несказанной дивные очи Феба блистали, и от лучистого взора его исходило далеко, миг разящее сердце золотое сиянье!

Аполлон лучезарный, сияя своей красотой несравненной, так уверенно говорил:

– Этот город, по справедливости, выше которой нет ничего, принадлежит именно мне. Ведь мой сын Меланей, царь дриопов взял войною Эпир и родил там прекрасных детей Еврита и Амбракию. По имени Амбракии, милой внучки моей и был назван город, за который мы сейчас спорим. Надо

ли еще что-нибудь говорить?!

Все промолчали, и тогда Локсий продолжил:

– И сам я городу этому оказал услуги немалые. По моему пламенному призыву в вещем пророчестве, амбракиоты восстали против нечестивого тирана Фалека, погубившего многих своих граждан и свергли его. Только благодаря мне, прекратилась в городе бесконечная вражда и нескончаемые мятежи, а вместо них установилось благозаконие, порядок и справедливость. Поэтому и сейчас у амбракиотов во время праздников и на пирах прославляют именно меня, как Пифийца – Спасителя.

Феб, высоко подняв прекрасную златовласую голову, сверху вниз посмотрел на меня, как будто уже выиграл спор. Я, конечно, молчал – ведь не слышал еще я ни его милой сестры Агротеры, ни нового бога Геракла. Вечно юная и самая стройная из богинь Артемида была готова отказаться от вражды с братом любимым, хотя, по всему было видно, что считала справедливым именно ее владение Амбракией. Она совсем не слушала, что брат говорил, и потому выставила следующую причину, чтобы владеть этим городом:

– Не хочу я, чтобы любимый брат спорил со мною, да и городов у меня и без Амбракии, с самого рождения есть не мало. Я еще девочкой малой, сидя на отчих коленях, попросила отца уделить мне дар векового девства, много имен, стрелы и лук, 60 дочерей Океановых, резвых плясуний, 20 нимф амнисийских в прислужницы, горы все, а вот город – один,

какой он сам пожелает, не часто я его посещать собиралась. Отец же кивнул мне приветно и, улыбаясь, сказал, что все дарит мне в обладанье все, что я пожелала и много прибавил. Тридцать дал городов, а к ним – укреплений немало, и во всех городах бога иного чем я не хвалят и не хвалили. . . Однако раз участвует в споре еще и Геракл, я свое справедливое мнение так обосную: Когда Фалек был тираном, и никто не смел от вечного страха даже перечить ему, я на охоте, для всех оставаясь незримой, подманила к Фалеку хорошенького львенка. Когда тот взял его в руки, из леса я выпустила к нему разъяренную львицу, которая мгновенно растерзала ему голову и грудь. Амбракиоты же, избавившись от рабства тирании, стали почитать меня, как свою Предводительницу. Они, воздвигнув мне статую в виде Девы – Охотницы, поставили рядом с ней медную фигуру могучего желтокожего зверя, подвластного мне. Поэтому Амбракией должна владеть именно я, ибо это лишь будет пристойно и справедливо.

Со своей стороны, Геракл с очень серьезным выражением лица, насупив брови, как часто делал в прежней земной жизни, торжественно заявил:

– Амбракия, да и весь Эпир – по справедливости это моя и только моя собственность.

Геракл оглядел всех нерешительным взглядом, как бы колеблясь, стоит ли продолжать, потом махнул рукой и быстро заговорил:

– В людях никогда не было благодарности к моим вели-

ким заслугам, и это можно понять, ведь из всех существ, что дышат и ходят по широкогрудой земле они самые несправедливые. Поэтому на земле я был беднейшим из знаменитых героев. Бедность проклятая! Как тяжело ты ложилась на мои плечи, развращала ты и мое мощное тело, и крепкую душу! Я любил справедливость и красоту, а бедность насильно учила меня лишь свою силу любить... Но и здесь, на Олимпе многоложбинном, ничего не даровал мне пространногремящий отец наш с вами, Зевс Эгиох, хотя бы за одну только помощь бессмертным в битве с Гигантами. И на Олимпе я попрежнему нищий. Бессмертные боги давно решили поделить и поделили между собой города, чтобы в своем уделе каждый пользовался только ему принадлежащими почестями. Очень несправедливо, что я до сих пор нахожусь в полной власти богини Бедности Пеннии, и у меня нет ни одного собственного города. Я даже испытываю стыд нехороший, который повсюду сопутствует бедному мужу, ведь стыд – удел бедняка, а богатые наглы и смелы. Поэтому я сам себя давно желаю справедливо отблагодарить по заслугам и сейчас хочу вступить во владение славной Амбракией.

Оглядев всех из – под низкого лба честными голубыми глазами и не встретив явного осуждения, Геракл, видимо, остался доволен и, поглаживая округлившийся после вознесения на небо живот, важно продолжил:

– Еще когда я жил на земле, именно мной, ценой огромного напряжения сил и безмерных страданий были побеждены

хаоны и феспроты и вообще все эпироты, которые, собравшись все вместе, пошли на меня войной, замыслив отобрать у меня дивных коров Гериона. А ведь за этих ленивых рогатых скотов мне пришлось биться с чудовищной двуглавой собакой, с пастухом – великаном Эвритионом и с огромным трехтелым Герионом, хозяином худшим этих дивных коров... Каждый из них мог убить меня, тогда еще смерти причастного...

Геракл остановился, подумал о чем-то и добавил:

– И потом, из Коринфа, омываемого с двух сторон вечно волнуемым морем, пришли в качестве переселенцев по моему указанию многие люди, и, вытеснив ранее прибывших, именно они основали Амбракию. И вообще я прародитель всех коринфян.

Геракл замолчал. Все высказались и ждали решения. Я долго думал, вспоминая подобные случаи в прошлом. После того, как Зевс и бессмертные боги всю землю и города по жребию меж собой поделили, споры за собственность под луною у них часто случались. Особенно в них Посейдон отличался, говорят, что он присматривался даже к подземному миру и изготовил сам медную дверь для Тартара. Он вызвал на поединок Афину в споре за Аттику, и рассудил их первый царь Аттики Кекропс, сын Геи, он без колебаний отдал предпочтение Афине, поскольку ее дар в виде сребристой оливы более ценный. Энносигей не согласился с решением смертного и стал бушевать. Тогда владыка Олимпа дал им в ка-

честве судей двенадцать олимпийских богов. Кекропс засвидетельствовал суду, что Афина Паллада, защитница градов, первой вырастила оливу, которая полезнее, чем соленая морская вода Посейдона. Решение было окончательное и город, по-гречески называемый Аттидой, по имени богини Афины был назван Афинами. Афина и Посейдон спорили не только за Афины, но и за Трезен в царствование сына Посейдона Алфепа, и сам Зевс, став судьей в этом споре, приказал им владеть городом сообща. Когда Посейдон попытался отнять Арголиду у Геры, Зевс решил передать дело речным богам Инаху, Кефиссу и Астериону, которые вынесли решение в пользу его белокурой супруги.

Потом я стал вспоминать, как владыка морей судился с Гелиосом за Родос, с Дионисом за Наксос, с Аполлоном за Дельфы, с Атлантом за Атлантиду и с самим Зевсом – за остров Эгину. Особенно мне спор с Атлантом запомнился. От него произошел народ многочисленный, из поколения в поколение копивший богатства. Много ввозилось к ним из подвластных стран, но большую часть потребного для жизни счастливой давал сам остров. Они не пьянели от роскоши, не теряли власти над собой и здравого рассудка под воздействием богатства. Атлантида особенно понравилась Посейдону, и Зевс не стал возражать, чтобы брат взял этот остров себе. По заданию Громовержца могучая дева Афина с хитро искусным умом, светлоокая, организовала войну, и афиняне под мудрым ее руководством нанесли блаженным, как боги,

жителям Атлантиды тяжелое поражение, и остров стал собственностью Эносихтона...

Должно быть, я слишком надолго задумался потому, что Артемида меня сильно луком толкнула. Тогда, быстро взвесив на весах справедливости, которые есть у каждого в сердце или уме, все «за» и «против» я, наконец, вынес решение:

– Милость свою ниспошлите на нас, великие боги Аполлон с Артемидой! Не держите на меня обиды напрасной, на руки быстрой, но город наш, хорошо населенный, должен принадлежать Гераклу.

И кликами венчала те слова толпа амбракиотов, что вокруг судьи собралась, а новый насельник Олимпа довольно воскликнул:

– Старец, разумностью речи и высочайшей справедливостью решения ты всех превосходишь. Я этого никогда не забуду, и позабочусь, чтобы тебе, как справедливейшему герою, приносили здесь погребальные жертвы.

Так закончился рассказ Крагалея, известного своей рассудительностью и справедливостью.

Вечноживущие боги, владельцы жилищ олимпийских прощать не любят обид. Разбушевавшись после поражения в споре за город Афины, Посейдон неистовый и яростный, как своя стихия, затопил всю Триасийскую равнину. Разгневавшись на трезенцев, Колебатель земли сделал всю страну их бесплодной, так как соленая морская вода проникла во все семена и корни растений. Поскольку премудрый Зевс за-

ранее запретил Посейдону мстить после проигрыша в Арголиде, как прежде, наводнением, морской бог сделал как раз противоположное: он так высушил потоки своих судей-рек, что те совсем пересохли, и Аргос постигла ужасная засуха. Когда Атлант не смирился с потерей Атлантиды, земли Колебатель ударом своего огромного трезубца вызвал сильнейшее землетрясение на этом огромном острове, и огромные волны нахлынули на него. Землетрясение и вызванные им океанские волны за одни сутки поглотили опустившуюся в глубокие зыби щедро одаренную природой Атлантиду вместе с блаженными ее жителями.

Не стал исключением и Феб лучезарный, хоть про него и говорили, что он, укротив свой дух и познав себя, во всем знал меру и соблюдал границы.

Антонин Либерал о завершении спора за Амбракию так в «Метаморфозах» своих сообщает:

– Выслушав решение Крагалея, Аполлон в гневе прикоснулся к нему рукой и превратил его в камень там, где он стоял. Что касается амбракиотов, то они приносят жертвы Аполлону-Спасителю, но город считают собственностью Геракла и его детей, а Крагалею после праздника Геракла до сих пор приносят погребальные жертвы.

гда родоначальником такие земли, как Аргос, Лакедемон и мессенский Пилос.

Некоторые говорят, что, когда Гилл и некоторые из его младших братьев возмужали, Эврисфей, боясь утратить царскую власть над Микенами по достижении зрелого возраста прочими сыновьями Геракла, решил изгнать Гераклидов не только из Трахина, где они жили, но из Эллады вообще. Поэтому он объявил царю Кеику, что начнет с ним войну, если тот оставит у себя Гераклидов и детей Ликимния, а также Иолая и отряд по-прежнему верных Гераклу аркадян, участвовавших в его походах.

Другие говорят, что Эврисфей преследовал Гераклидов потому, что поклялся отомстить Гераклу и всем его детям за убийство на пиру трех его сыновей.

Гераклиды и те, кто были с ними, считая себя недостаточно сильными, чтобы воевать с Эврисфеем, решили добровольно покинуть Трахин. Обходя наиболее значительные из городов Эллады, они просили, как о милости, принять их на поселение, но ни один город не дерзнул дать им пристанище. Так они очутились в аттическом городе Марафоне, где их обнаружил глашатай Эврисфея пучеглазый Копрей, преследовавший Гераклидов по его приказу, чтобы схватить и предать смерти.

Престарелый Иолай в «Гераклидах» Еврипида рассказывает:

– Сразу после смерти великого Геракла подлый Эврисфей

потребовал казни его детей законных, но безуспешно: изгнание спасло им жизни. С той поры я с ними города меняю, бесприютные... И Еврисфей придумал горестные муки им украсить униженьем. Где бы угол я с ними не нашел, – уже послы его их требуют, и гонят их; то грозят они хозяину ожесточенной враждой, то дружбою его великой манят, ссылаясь на то, что Еврисфей – могучий Арголиды царь. Хозяин зрит меня – старца бессильного, детей-сирот – и их властителю в угоду изгоняет. Отвергнуты Элладой целой, здесь, у марафонских алтарей, сидим мы с гераклидами, богов моля о помощи.

Когда обрадованный успехом в погоне Копрей поспешил к Гераклидам, и ему преградил дорогу Иолай, глашатай грубо толкнул старика, и тот упал. В этот момент появился сын Тесея афинский царь Демофонт. Копрей сказал, что преследует преступников, осужденных в Аргосе, славном конями и многочисленным войском, и просит Демофонта не мешать ему в исполнении долга, если не хочет бесславной войны с могучим царем Эврисфеем. Иолай же просил царя Афин о милости и защите, сказав, что Демофонт находится в долгу у Гераклидов. Он напомнил, как Геракл, добывая пояс Ипполиты, победил амазонок и отдал их царицу Тесею, а, потом, спустившись в Аид за ужасным Кербером, освободил Тесея из недр Преисподней, где тот вместе с Пирифоем, приросший к каменному трону богини забвения Леты, томился за попытку похищенья Персефоны. Демофонт, не испугавшись

угрозы войны, решил не выдавать геракловых «птенцов», но не потому, что был должником Гераклидов, а потому, что дорожил знаменитой Афинской свободой.

– Уйди отсюда, сгинь, чтоб больше я тебя не видел, Аргос твой не страшен мне. Тому не бывать, чтобы я дал себя обесчестить, дозволив позорно гостей своих увести. Не подчиняется Аргосу город мой справедливый, нет: будет всегда он свободен!

Так сказал Демофонт, оттолкнув Копрея, попытавшегося схватить одного из малолетних детей Геракла. Афиняне в силу своей врожденной порядочности приняли Гераклидов, поселив их вместе с сопутствовавшими им беглецами в городе Трикорифе, входящим в состав Четырехградья (Марафон, Эноя, Трикориф и Пробалинф).

По истечении некоторого времени, обеспокоенный возрастанием силы Гераклидов Эврисфей выступил против них с большим войском. Гераклиды при поддержке афинян и под предводительством племянника Геракла Иолая, которому и Демофонт, и Гилл уступили право возглавить афинян, при Скиронских скалах разбили войско Эврисфея.

Говорят, что Гилл срубил голову Эврисфея и принес ее своей престарелой бабке Алкмене, и та выколола у нее глаза ткацким челноком, оправдав свое имя.

Так закончилась знаменитая служба Геракла у Эврисфея, переросшая после его смерти во взаимную вражду аргонидского царя и малолетних гераклидов, опекаемых старцем Ио-

лаем. Согласно Павсанию, у фиванцев, перед Претидскими воротами, есть гимнасий Иолая и стадион в виде земляной насыпи, подобно тому, как в Олимпии и в Эпидавре. Там же показывают и героон Иолая (с его кедровым гробом), хотя и фиванцы соглашались, что Иолай погиб в Сардинии вместе с афинянами и феспийцами, последовавшими с ним за море.

Овидий поет, что с аргонидской Алкменой, печальной вечно, Иола была, и лишь ей поверяла старуха жалобы или рассказ о знаменитых деяниях сына и беды свои. А с Иолой, вельем Геракла, юноша Гилл разделял и любовное ложе, и душу; ей благородными плодами не раз наполнял он утробу, однако выжили и выросли только Эвехма и Клеодай. Клеодай и его сын Аристомах продолжили династию Гераклидов.

Гераклиды дали начало многим царским династиям. Македонские цари производили свой род от Темена. Лидийская династия Гераклидов, производившая свой род от Геракла и рабыни Иардана, в продолжение 505 лет до Мермнадов царствовала в Лидии. Многие знатнейшие римские семьи считали себя потомками Геркулеса. В Лаконии Гераклиды царствовали дольше всего – до 221 г. до н. э.

Литература

(В скобках к названиям некоторых мифов указан номер использованного античного первоисточника)

Античная литература:

1. *Авл Геллий*. Аттические ночи
2. *Антонин Либерал*. Метафорфозы
3. *Аполлодор*. Мифологическая библиотека
4. *Аполлоний Родосский*. Аргонавтика
5. *Арриан* Индия
6. *Афиней*. Пир мудрецов (софистов)
7. *Валерий Максим*. Достопамятные деяния и изречения
8. *Вергилий*. Энеида
9. *Гекатей Милетский*. Генеалогии
10. *Геродот*. История
11. *Гесиод*. Перечень (каталог) женщин
12. *Гесиод*. Работы и дни
13. *Гесиод*. Теогония
14. *Гесиод*. Фрагменты (Сошествие Пирифоя, Меламподия и др.)
15. *Гесиод*. Щит Геракла
16. *Гигин*. Астрономия

17. *Гигин*. Мифы
18. *Гомер*. Илиада
19. Гомеровские гимны
20. *Диодор Сицилийский*. Историческая библиотека
21. *Дион Христом* Диоген или О доблести
22. *Дионисий Галикарнасский*. Римские древности (истории)
23. *Драконций* Геркулес и Гидра
24. *Драконций* Гил
25. *Драконций* Эрот и Афродита
26. *Еврипид*. Алкестида
27. *Еврипид*. Геракл
28. *Еврипид*. Гераклиды
29. *Исократ*. Речи. Письма
30. *Каллимах* Гимны
31. *Клавдий Клавдиан* Похищение Прозерпины
32. *Клавдий Элиан* Разные истории (Пестрые рассказы)
33. *Климент Александрийский*. Протрептик (Увещевание к язычникам)
34. *Климент Александрийский*. Строматы
35. *Корнут*. Греческое богословие
36. *Ксенофонт Афинский*. Воспоминания о Сократе
37. *Лактанций*. Божественные установления
38. *Ликофрон*. Александра
39. [Лука́н Марк Анней](#). Фарсалия
40. *Лукиан*. О пляске

41. *Лукиан*. Разговоры богов
42. *Николай Дамасский* История
43. *Нонн Понополитанский*. Деяния Диониса
44. *Овидий*. Героиды
45. *Овидий*. Ибис
46. *Овидий*. Лекарство от любви
47. *Овидий*. Метаморфозы.
48. *Овидий*. Парные послания
49. *Овидий*. Фасты
50. *Орфические гимны*
51. *Павсаний*. Описание Эллады
52. *Палефат*. О невероятном
53. *Парфений*. О любовных страстях
54. *Пиндар*. [Истмийские песни](#) (оды)
55. *Пиндар*. Немейские песни (оды)
56. *Пиндар*. Олимпийские песни (оды)
57. *Пиндар*. Пифийские песни (оды)
58. *Платон*. Диалоги
59. *Плиний Старший*. Естественная история
60. *Плутарх*. Застольные беседы
61. *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания
62. *Плутарх*. Тесей.
63. *Прокл*. Гимны
64. *Прокл*. О способе создания божественных мифов бо-
гословами
65. *Сенека* Геркулес в безумье

66. *Сенека*. Геркулес на Эте
67. *Софокл*. Трахинянки
68. *Софокл*. Филоктет
69. *Стесихор Гимерский*. Герионида
70. *Страбон*. География
71. *Тертуллиан*. К язычникам
72. *Феокрит*. Идиллии и эпиграммы
73. *Филострат Младший*. Картины
74. *Филострат Старший*. Картины
75. *Фотий*. Птолемей Хенн (Гефестион)
76. *Фульгенций*. Три книги мифологий
77. *Цицерон*. О природе богов
78. *Эратосфен*. Превращения в звезды. (Катастеризмы)
79. *Эвгемер*. Священный список
80. *Эсхил*. Прометей прикованный
81. *Эсхил*. Фрагменты несохранившихся трагедий

Современная литература:

1. *Бухарин М. Д.* Индийские походы Диониса и Геракла в античной литературной традиции
2. *Ганс Лихт*. Сексуальная жизнь в Древней Греции
3. *Гиро*. Частная и общественная жизнь
4. *Грейвс Роберт*. Мифы древней Греции
5. *Колобов А. В., Гуцин В. Р., Братухин А. Ю.* Античная мифология в историческом контексте

6. *Кулишова О. В.* Дельфийский оракул в системе античных межгосударственных отношений (VII–V вв. до н. э.)
7. *Латышев В. В.* Очерк греческих древностей
8. *Лосев А. Ф.* Мифология греков и римлян
9. *Лосев А. Ф.* Античная литература.
10. *Любкер.* Реальный словарь классической древности.
11. *М. С. Евзлин.* Смерть Геракла
12. *Селиванова Л. Л.* Лебедь в культе Аполлона
13. *Селиванова Л. Л.* О дельфийской мантике
14. *Тахо-Годи А. А.* Греческая мифология.